

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXV-й. ОКТЯБРЬ. 1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1894.

X-я книга „Русской Старины" вышла 1-го октября 1894 г.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова.

VII.

А. В. Кольцовъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ В. В. Огаркова. Съ портретомъ Кольцова и алфавитнымъ указателемъ его стихотвореній, положенныхъ на музыку.

Въ предисловіи къ своему очерку В. В. Огарковъ, между прочимъ, говоритъ: „Прошло уже полвѣка со дня смерти Кольцова, между тѣмъ до сихъ поръ еще многіе факты его біографіи остаются неясными, а многіе разсказы о его жизни и отношеніяхъ къ нему окружающихъ, считавшіеся прежде достовѣрными, оказываются не совсѣмъ согласными съ дѣйствительностью."

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ 1808 г., 2-го октября, въ Воронежѣ. Отецъ его, Василій Петровичъ, былъ мѣщанинъ-прасолъ. Мать поэта, урожденная Чеботарева, была не грамотна, но красива, — съ добрымъ, мягкимъ сердцемъ и недюжиннымъ умомъ. Василій Петровичъ, во время рожденія сына, выдѣлившись не задолго передъ тѣмъ изъ семьи своего отца, былъ уже человѣкомъ достаточнымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ покупка имъ дома на Дворянской улицѣ, въ лучшей части города, гдѣ и увидѣлъ свѣтъ божій будущій авторъ „пѣсенъ". У маленькаго Алеши была „крѣпостная" няня, ходившая, впрочемъ, и за другими дѣтьми. („Это была пора, когда „крѣпостными" торговали, какъ товаромъ: ихъ продавали оптомъ, въ розницу и отдавали „на прокатъ". Духовные, купцы, чиновники и мѣщане—всѣ могли владѣть крѣпостными").

Жизнь ребенка-Кольцова ничѣмъ не выдѣлялась изъ жизни дѣтей мѣщанскаго круга; на воспитаніе его обращалось мало вниманія, скорѣе никакого; присмотръ былъ не особенно тщательный; ребенокъ пользовался свободою, бѣгалъ по улицамъ и,—какъ это обыкновенно бываетъ,—простуживался, ушибался и пр. Когда мальчику исполнилось девять лѣтъ, къ нему, для обученія грамотѣ, пригласили семинариста. Онъ скоро и недурно приготовился и поступилъ въ уѣздное училище, но былъ оттуда взятъ отцомъ изъ втораго класса. На этомъ ученье Кольцова и окончилось: его знанія были совершенно достаточны, по мнѣнію отца, для той роли, къ которой сынъ предназначался. Едва научившись читать, мальчикъ страстно отдается книгамъ: его живое воображеніе увлекается фантастическими образами сказокъ, и онъ надъ произведеніями вродѣ „Бовы Королевича" и „Еруслана Лазаревича" просиживаетъ цѣлые вечера. Въ школѣ любознательность Кольцова получила новый толчокъ: онъ познакомился съ симпатичнымъ мальчикомъ, сыномъ купца Варгина, у котораго была библіотека. Теперь онъ уже зачитывается романами Лафонтена, Дюкре-дю-Мениля и др., а отъ попавшихся ему сказокъ „Тысяча и одна ночь" не можетъ оторваться. Подъ вліяніемъ этой послѣдней книги онъ старался самъ написать что-нибудь похожее на прочитанное. Но отецъ не за тѣмъ взялъ сына изъ школы, чтобъ онъ „билъ баклуши" надъ книгами: онъ былъ нуженъ ему, какъ помощникъ въ торговыхъ занятіяхъ. И вотъ уже съ ранней молодости вплетается въ міръ грёзъ и думъ Кольцова практическая дѣйствительность,—та „проза жизни", которою по преимуществу можетъ быть названа дѣятельность его отца. Кольцовъ поступаетъ въ „науку": его посылаютъ съ дѣловыми записками къ купцамъ, съ небольшими суммами денегъ, за покупками и, наконецъ, отецъ беретъ сына въ степь, къ гуртамъ скота. Случайная покупка на толкучкѣ стихотвореній Дмитріева рѣшила участь Кольцова: въ немъ пробудилось страстное желаніе писать стихи. „Три видѣнія"—первая его стихотворная пьеса. Пріобрѣтя сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича и др., онъ много писалъ, подражая этимъ поэтамъ. Стиховъ у него накопилось много, но не было судьи, на приговоръ котораго онъ могъ бы положиться. И вотъ онъ обращается къ Дм. Ант. Кашкину, книгопродавцу, обладавшему чуткою и симпатичною душою, который подарилъ ему „Русскую Просодію," и хотя призналъ первые опыты поэта неудачными, но ободрилъ юношу и поощрялъ на дальнѣйшее писательство. Знакомство съ Кашкинымъ было очень важно для будущаго поэта: оно служило для него образовательною школою; а то обстоятельство, что Кашкинъ поощрялъ опыты юноши и исправлялъ ихъ, давало начинающему стихотворцу силу не отчаиваться въ своемъ призваніи. Помимо личнаго благотворнаго вліянія на Кольцова, Кашкинъ сослужилъ еще службу для него тѣмъ, что былъ, такъ сказать, дверью для входа въ литературные кружки, которыхъ считалось тогда нѣсколько въ Воронежѣ.

Флегматичный и сдержанный по виду Кольцовъ былъ однако способенъ на проявленіе горячей страсти. У Кольцовыхъ жила прислуга, у которой была дочь Дуняша, замѣчательная красавица. Онъ полюбилъ эту дѣвушку со всѣмъ пыломъ юности, со всей энергіею чувства, на какую только способенъ 18—19 лѣтній возрастъ. Дуняша отвѣчала взаимностію, хотя и скрывала это отъ сестеръ поэта. Возвратившись изъ поѣздки по дѣламъ, Алексѣй Васильевичъ не нашелъ Дуняши: она вмѣстѣ съ матерью была продана какому-то донскому помѣщику. Это такъ потрясло поэта, что онъ заболѣлъ и, едва оправившись, устремился на поиски.

Дозволено цензурою. СПБ., 24 января 1894 г. Тип. Высочайше утв. Товар. „Общ. Польза“, Б. Подъяч., 39.

ПРИНЦЪ ЕВГЕНІЙ ВИРТЕМБЕРГСКІЙ.

1788 † 1857.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1894 г.

ОКТЯБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1894.

Воспоминанія Н. А. Тучковой-Огаревой.

IX [1]).

1856—1860 г.

Жизнь въ Лондонѣ.—Ворцель.—Саффи и его бракосочетаніе.—Юноша А. А. Герценъ —Дворовые князя Ю. Н. Голицына въ Лондонѣ.—„Записки императрицы Екатерины II“.—Домашній обиходъ.—Прислуга.—Б. Н. Чичеринъ.—Переѣздъ въ Park-house, за Путнейскій мостъ.—Дома въ Лондонѣ и ихъ внутреннее устройство.—Домашнія приключенія.—Князь Юрій Николаевичъ Голицынъ и его концерты.—И. С. Тургеневъ и его „Фаустъ“.—Пріемъ посѣтителей.—Докторъ Девиль.—Фурьеристы.—Европеусъ съ женой.—Г. Е. Благосвѣтловъ.—„Записки княгини Екатерины Романовны Дашковой“, въ русскомъ переводѣ.—Сергѣй Петровичъ Боткинъ.—Александръ Серно-Соловьевичъ.

Я мало разсказывала еще о замѣчательныхъ личностяхъ разныхъ эмиграцій, съ которыми познакомилась въ Лондонѣ.

Между прочими, вспоминаю всѣми глубоко уважаемаго и любимаго польскаго эмигранта Ворцеля. Вѣроятно послѣ революціи 30-го года, онъ покинулъ Польшу, тамъ онъ оставилъ громадныя помѣстья, за его отсутствіемъ доставшіяся его малолѣтнимъ сыну и дочери. Впослѣдствіи сынъ поступилъ въ русскую службу, почему Ворцель никогда не поминалъ о немъ. Небольшаго роста, худощавый, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, онъ казался весь поглощенъ заботами о своемъ отечествѣ, о нуждахъ соотечественниковъ-эмигрантовъ. Онъ былъ главой польской демократической партіи въ Лондонѣ. Рѣдко образованный, начитанный, очень симпатичный, съ изящными привлекательными манерами, Ворцель казался старѣе, чѣмъ былъ, такъ эта жизнь полная всякихъ лишеній и жертвъ кладетъ свою печать на эмигрантовъ.

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ сентябрь, 1894 г.

Ворцель ничего не требовалъ и не получалъ отъ своихъ дѣтей, онъ жилъ уроками математики, которую зналъ въ совершенствѣ. Года черезъ полтора послѣ нашего пріѣзда въ Лондонъ, по разстроенному здоровью, по упадку силъ, Ворцель былъ вынужденъ прекратить свои занятія. Онъ былъ очень друженъ съ Мадзини, вождемъ итальянской демократической партіи, и пользовался большимъ уваженіемъ со стороны англійскихъ революціонеровъ; имѣлъ даже друзей между ними. Нѣкоторые изъ нихъ поддерживали Ворцеля, когда уроки математики прекратились. Они помѣстили Ворцеля на квартиру къ г-ну Тейлеру, весьма симпатизирующему уже сильно больному вождю польской демократіи. Тейлеръ окружилъ Ворцеля возможнымъ комфортомъ и доставилъ ему медицинскую помощь. Получая на всѣ нужныя для больнаго издержки деньги отъ его англійскихъ друзей, а иногда и отъ Герцена, онъ старался скрыть отъ Ворцеля, что послѣдній живетъ на чужой счетъ. Быть можетъ, Ворцель и догадывался, но ему нечего было дѣлать, болѣзнь не позволяла ему зарабатывать, какъ прежде; тогда онъ дѣлился каждой копѣйкой со своими соотечественниками. Впрочемъ, пламенный польскій патріотъ и страдалецъ недолго пролежалъ. Его болѣзнь заключалась преимущественно въ глубокомъ отчаяніи относительно родины. Эмиграція тоже не могла его радовать: онъ видѣлъ въ ней (какъ и во всѣхъ эмиграціяхъ) бездѣйствіе, зависть, клеветы; утѣшительнаго ничего не было.

Герценъ любилъ бесѣдовать съ Ворцелемъ; онъ сталъ часто навѣщать его. Чувствуя близкую разлуку, Герценъ желалъ показать умирающему все уваженіе и симпатію, которыя всегда питалъ къ нему.

Ворцель былъ глубоко признателенъ за эти почти ежедневныя посѣщенія. Когда мы узнали, что Ворцель скончался, Герценъ, Огаревъ и я пошли съ нимъ проститься. Онъ лежалъ въ гробу на высокой скамьѣ въ своей крошечной комнаткѣ, изъ которой мебель была вынесена. Видъ этой пустой комнаты, печальный, кроткій обликъ покойника,—все производило удручающее впечатлѣніе, невольно думалось: «вотъ, гдѣ этотъ пылкій умъ успокоился, отказался отъ невольныхъ надеждъ, которыми жилъ и которыя въ немъ боролись съ глубокимъ отчаяніемъ!» По нашему славянскому обычаю, я поцѣловала въ лобъ Ворцеля, и мы поспѣшили выйдти на свѣжій

воздухъ: намъ было всѣмъ тяжело, и всего тяжелѣе было сознаніе, что онъ умеръ далеко отъ родины—послѣднія минуты изгнанниковъ должны быть ужаснѣе многихъ десятковъ лѣтъ, проведенныхъ въ изгнаніи. На другой день были похороны Ворцеля. Герценъ и Огаревъ проводили, въ рядахъ польской демократіи, послѣдняго ея вождя. Съ тѣхъ поръ она не имѣла ни главы, ни единства, по крайней мѣрѣ въ Лондонѣ.

Саффи продолжалъ посѣщать насъ, пріѣзжая изъ Оксфорда по субботамъ и оставаясь до воскресенья вечера. Разсказывая намъ о жизни Саффи, Герценъ передавалъ намъ, что онъ много лѣтъ назадъ былъ очень влюбленъ въ одну молодую дѣвушку изъ англійскаго аристократическаго дома и хотѣлъ на ней жениться. Крауфордъ, отецъ молодой особы, называемой «Жеоржиной», былъ англійскимъ посланникомъ въ Италіи въ продолженіе двадцати лѣтъ; Жеоржина родилась во Флоренціи, провела тамъ дѣтство и первые годы молодости, и хотя говорила отлично по-англійски, но душой была итальянка. Въ 1848 году она познакомилась съ Мадзини и увѣровала въ его взгляды на всю жизнь, сдѣлалась страстной итальянской патріоткой и не менѣе страстной деисткой [1]). Видясь у знакомыхъ съ Мадзини, Жеоржина обратила вниманіе на его молодаго друга и сподвижника, Ореліо Саффи, который часто сопровождалъ его. Молодые люди понравились другъ другу и даже позже почувствовали взаимную симпатію, но Жеоржина предвидѣла большія препятствія къ ихъ счастію со стороны отца. Дѣйствительно, Крауфордъ оказался непреклоненъ: онъ находилъ невозможнымъ бракъ съ иностранцемъ, вдобавокъ съ революціонеромъ; что касается до аристократическаго происхожденія, то Саффи тоже принадлежалъ къ аристократіи своей страны и носилъ титулъ графа, но, относясь съ отвращеніемъ ко всѣмъ аристократическимъ отличіямъ, онъ подписывалъ: «графъ Саффи» только на дѣловыхъ бумагахъ и вообще никогда не поминалъ о своемъ аристократическомъ происхожденіи. Годы проходили, а Крауфордъ не смягчался. Саффи терялъ терпѣніе, ссорился съ своей невѣстой, иногда не бывалъ въ домѣ Крауфордовъ въ продолженіе цѣлаго года. Жеоржина называла это мало-

---

[1]) Мадзини проповѣдывалъ „деизмъ“. Его девизъ былъ: „Dio e il popolo“.

пажу; гости, стоя въ дверяхъ, обмѣнивались съ ними поклонами, поздравляли ихъ, болѣе близкіе къ нимъ жали имъ руки.

Я забыла сказать, что, незадолго до этой свадьбы, Герценъ рѣшился отправить сына въ Женеву; ему хотѣлось, чтобъ молодой человѣкъ, живя отдѣльно отъ семьи, пріобрѣлъ немного независимости въ чистомъ почти горномъ воздухѣ швейцарскихъ городовъ и продолжалъ уже самостоятельно болѣе серьезныя занятія. Во время посѣщенія въ Лондонѣ разныхъ, вольныхъ курсовъ, А. А. Герценъ былъ всегда первымъ на экзаменахъ, получилъ серебряную медаль и золотую, и разные лестные отзывы отъ читающихъ лекціи. Не помню всѣхъ предметовъ, изученныхъ имъ, но знаю, что онъ особенно занимался естественными науками, физикой, химіей и къ рожденію Герцена дѣлалъ вмѣсто сюрприза наглядные опыты, читалъ намъ лекціи съ очень ясными толкованіями, которыми его отецъ оставался очень доволенъ. Когда Герценъ отправилъ сына въ Женеву, онъ послалъ его къ извѣстному натуралисту Карлу Фогту, съ которымъ былъ коротко знакомъ еще въ Ниццѣ. Пробывъ съ полгода въ Женевѣ, А. А. переѣхалъ въ Бернъ, въ домъ старика Фогта, отца знаменитаго натуралиста. Тамъ А. А. поступилъ въ университетъ, и, мнѣ кажется, пробылъ въ немъ года четыре, постоянно переписываясь съ отцомъ, который въ письмахъ постоянно напоминалъ о занятіяхъ, о чтеніи.

Пріятель Герцена, докторъ Девиль, всегда говорилъ, что это необыкновенное счастіе для А. А. имѣть такого требовательнаго отца. Раза два А. А. пріѣзжалъ повидаться съ семьей, это была большая радость, особенно для его старшей сестры, которая очень тосковала послѣ его отъѣзда; вообще, отсутствіе его придавало какую-то тишину всему дому.

Однажды Герценъ получилъ по городской почтѣ письмо на русскомъ языкѣ, очень оригинальное, очень безграмотное — отъ дворовыхъ людей князя Юрія Николаевича Голицына. Послѣдній отправилъ служащихъ прямо въ Англію, а самъ, по ихъ словамъ, ѣхалъ въ Лондонъ черезъ Константинополь; на это, говорили они, у него были причины. Его прислуга, состоящая изъ пяти человѣкъ, пришла въ отчаяніе: князя еще нѣтъ, денегъ нѣтъ, кредита нѣтъ, и всѣ они ни слова не знаютъ по-англійски. Но міръ не

безъ добрыхъ людей: какъ-то они узнали про Герцена, что онъ живетъ въ Лондонѣ, богатъ, добръ, жалѣетъ людей и пр. Все это было выражено въ письмѣ; читая это посланіе, Герценъ много смѣялся, но тотчасъ отправился въ Лондонъ, розыскалъ писавшихъ, помѣстилъ ихъ въ дешевый пансіонъ, далъ имъ денегъ на необходимыя издержки и поручилъ ихъ Тхоржевскому, къ которому они могли обращаться въ случаѣ недоразумѣній. Эти простые люди, успокоенные Герценомъ, ободрились, сердечно его благодарили и спокойно дождались князя Юрія Николаевича Голицына, который прибылъ только два мѣсяца позже.

Въ это время пріѣхалъ къ Александру Ивановичу одинъ русскій, NN. Онъ былъ небольшаго роста и слегка прихрамывалъ. Герценъ много съ нимъ бесѣдовалъ. Кажется, онъ былъ уже извѣстенъ своими литературными трудами. Теперь, когда его уже нѣтъ на свѣтѣ, я могу открыть тайну, которую знаю одна, могу разсказать о причинѣ, которая его привела въ Лондонъ. Послѣ его перваго посѣщенія, Герценъ сказалъ Огареву и мнѣ: «Я очень радъ пріѣзду NN, онъ намъ привезъ кладъ, только про это ни слова, пока онъ живъ. Смотри, Огаревъ, продолжалъ Герценъ, подавая ему тетрадь, это записки императрицы Екатерины II, писанныя ею по-французски; вотъ и тогдашняя орѳографія—это вѣрная копія». Когда записки императрицы были напечатаны, NN былъ уже въ Германіи, и никто не узналъ о его поѣздкѣ въ Лондонъ. Изъ Германіи онъ писалъ Герцену, что желалъ бы перевести записки эти на русскій языкъ. Герценъ съ радостію выслалъ ему одинъ экземпляръ, а черезъ мѣсяцъ переводъ былъ напечатанъ Чернецкимъ; не помню кто перевелъ упомянутыя записки на нѣмецкій языкъ и на англійскій, только знаю, что записки Екатерины II явились сразу на четырехъ языкахъ и произвели своимъ неожиданнымъ появленіемъ неслыханное впечатлѣніе во всей Европѣ. Изданія быстро разошлись. Многіе утверждали, что Герценъ самъ написалъ эти записки, другіе недоумѣвали, какъ онѣ попали въ руки Герцена. Русскіе стремились только узнать, кто привезъ ихъ изъ Россіи, но эта тайна, которую, кромѣ самого NN, знали только три человѣка, обучившіеся молчанію при Николаѣ I.

Я забыла сказать относительно характера Герцена, что онъ

былъ очень впечатлителенъ: вообще свѣтлаго, даже иногда веселаго и насмѣшливаго расположенія, онъ могъ, подъ какимъ-нибудь непріятнымъ впечатлѣніемъ, сдѣлаться внезапно мрачнымъ; такое настроеніе вызывалось особенно часто его разсѣянностью, которая въ ежедневныхъ мелочахъ жизни все возрастала; что касается до дѣлъ по типографіи, даже по денежной части, по всѣмъ вопросамъ, относящимся до разныхъ личностей, онъ никогда ничего не забывалъ и былъ очень аккуратенъ. Когда онъ отправлялся послѣ завтрака въ Лондонъ, казалось, онъ думалъ обо всемъ: готовыя письма и корректура, —все было подъ рукой, онъ прощался съ веселымъ видомъ, но, минутъ пять спустя, раздавался ужасный звонъ: это былъ Герценъ, но уже съ мрачнымъ взглядомъ и раздражительнымъ голосомъ. «Я все забылъ,—говорилъ онъ съ отчаяніемъ, —а теперь поѣздъ уйдетъ, пока я пойду опять на желѣзную дорогу».

— Да поѣзжай въ омнибусѣ, говорилъ ему сынъ, невольно улыбаясь надъ его отчаяніемъ.

Всѣ бросались искать, бѣгали въ салонъ, гдѣ онъ писалъ, въ его комнату и возвращались иногда безъ успѣха, нѣтъ ни писемъ, ни корректуры! оказывалось иногда, что они въ его карманѣ: къ несчастію, каргановъ было много въ его сюртукѣ и въ плащѣ, надѣтомъ сверху отъ лондонской пыли,—тогда Герценъ еще болѣе сердился и принужденъ былъ идти чрезъ Фулямскій мостъ въ контору омнибусовъ; когда Герценъ, подходя къ ней, видѣлъ удаляющійся омнибусъ, приходилось тамъ ждать десять минутъ до отхода другаго омнибуса.

Разъ мнѣ случилось быть въ Лондонѣ съ Герценомъ для какихъ-то покупокъ. Онъ обратилъ мое вниманіе на молодаго негра, который, въ одной изорванной блузѣ и нижнемъ платьѣ, отметалъ грязь передъ нами, подъ проливнымъ зимнимъ дождемъ. Негръ поклонился Герцену и попросилъ у него милостыню. Александръ Ивановичъ далъ ему мѣдныхъ денегъ и сказалъ мнѣ: «Намъ нуженъ служащій, не взять ли намъ этого негра, Жоржа?» — «Что же, отвѣчала я, это доброе дѣло». Герценъ не забылъ этого намѣренія. Черезъ нѣсколько дней, встрѣтивъ опять Жоржа, Александръ Ивановичъ спросилъ у него, не желаетъ ли онъ поступить къ намъ

въ домъ? Жоржъ ужасно обрадовался этому предложенію, тогда Герценъ написалъ карандашемъ нѣсколько словъ къ Тхоржевскому и далъ эту записку Жоржу. Побывавъ нѣсколько разъ въ банѣ по распоряженію Тхоржевскаго и надѣвъ платье, присланное Герценомъ, Жоржъ явился къ намъ настоящимъ джентльменомъ. Ему объяснили, въ чемъ состояла его должность: убирать салонъ и столовую, и отворять входную дверь, когда слышался звонокъ; эта послѣдняя обязанность была самая затруднительная — надо было узнать людей, инымъ никогда не отказывать, другимъ назначать часы, когда Герценъ былъ свободенъ, послѣ lunch'а всѣхъ принимать и пр. Понемногу Жоржъ привыкъ ко всему и очень изрядно исполнялъ возложенныя на него обязанности. Въ нашемъ домѣ было постоянно три человѣка служащихъ: поваръ François, дѣвушка, убирающая комнаты и прислуживающая за столомъ, потомъ горничная постарѣе, которая водила дѣтей гулять и на уроки, и чинила бѣлье всѣхъ домашнихъ.

François (итальянецъ) былъ помощникомъ повара, когда Герценъ жилъ въ Ниццѣ. Онъ имѣлъ довольно непріятныя свойства, напримѣръ онъ не умѣлъ говорить ни на какомъ языкѣ, даже по-итальянски говорилъ плохо, такъ что надо было много труда или привычки, чтобъ понимать его рѣчь, составленную изъ смѣшенія англійскаго языка съ патуа [1]) итальянскаго, вдобавокъ François не умѣлъ ничего купить и платилъ за все вдвое, но для Герцена онъ былъ живымъ воспоминаніемъ былаго, потому-то онъ и взялъ его съ собой изъ Ниццы, когда переселился въ Англію съ сыномъ.

Сколько разъ Герценъ мнѣ разсказывалъ, что François ѣздилъ на пристань встрѣчать Луизу Ивановну [2]), когда случилось на пароходѣ то страшное несчастіе, въ которомъ погибли мать и сынъ Герцена.

Александръ Ивановичъ стоялъ съ женой у воротъ своего дома, ожидая появленія коляски, которая должна была привезти дорогихъ путешественниковъ. Завидя пустую коляску, они вскричали въ одинъ голосъ: «А гдѣ же они? Гдѣ наши?» François быстро

---

[1]) Мѣстное народное нарѣчіе.
[2]) Мать Герцена.

сошелъ и приблизился къ Герцену. «Ихъ нѣтъ!» сказалъ онъ, отвернувшись отъ Герцена, чтобъ скрыть свое смущеніе, но послѣдній слышалъ дрожаніе, слезы въ его голосѣ. Натали поблѣднѣла и тихо сказала, прижимаясь къ плечу мужа: «Александръ, я чувствую, что никогда ихъ не увижу болѣе!»

Въ отвѣтъ на это, Герценъ, стараясь успокоить ее, сказалъ, что это какое-то недоразумѣніе и что онъ самъ сейчасъ же поѣдетъ на пристань, но внутри ему было очень тяжело, онъ чувствовалъ какой-то щемящій страхъ, потомъ онъ шепнулъ François: «тушите огни въ саду и уберите игрушки съ прибора Коли» —сѣлъ въ ту же коляску и уѣхалъ. Для бѣднаго Коли были приготовлены разные сюрпризы, а его не было уже въ живыхъ!

Мнѣ кажется, что я уже описывала наружность François: маленькаго роста, съ крупными чертами лица и добродушными глазами, на видъ ему было за сорокъ лѣтъ. До поступленія къ намъ Жоржа, у насъ была housemäd [1]) Maraia, очень свѣжая и красивая издали, но вблизи немного рябоватая. Она ходила всегда въ свѣтломъ, чистомъ, ситцевомъ платьѣ, а на маковкѣ носила очень кокетливо маленькій кружокъ изъ кружевъ, знакъ ея служебныхъ обязанностей. Всѣ англійскія хозяйки заставляютъ своихъ служанокъ носить на головѣ это кружево, для избѣжанія недоразумѣній. Мараіа была кроткая и сдержанная, какъ всѣ англійскія горничныя, которыя держатъ себя съ достоинствомъ и очень далеко отъ господъ, поэтому я очень мало знала и не имѣла бы ничего о ней сказать, но тутъ предъ нашими глазами разыгрался романъ, котораго мы вовсе не замѣтили; старый François влюбился въ молоденькую Мараію и рѣшился на ней жениться, хотя онъ почти не говорилъ по-англійски, а она вовсе не понимала по-итальянски. Для этого François отпросился у Герцена съѣздить въ Италію будто бы повидаться съ родными, но, на самомъ дѣлѣ, чтобъ испросить позволенія у отца жениться на англичанкѣ. Вернувшись, онъ объявилъ Герцену о своемъ намѣреніи, женился и уѣхалъ съ женой на родину. Вотъ почему у насъ произошла перемѣна: Жоржъ поступилъ на мѣсто Мараіи, а Jules поваромъ, вмѣсто François. Жоржу все

---

[1]) Горничная.

нравилось въ нашемъ домѣ, только онъ не ладилъ съ маленькой Ольгой, которая была большая проказница: когда столъ былъ накрытъ, свѣчи зажжены и Жоржъ несъ какое-нибудь горячее блюдо, Ольга подкрадывалась и тушила свѣчи, и Жоржъ оставался съ миской или съ блюдомъ въ рукахъ въ совершенной темнотѣ. Жоржъ, который былъ дитя не менѣе Ольги, въ подобныхъ случаяхъ приходилъ въ неописанный гнѣвъ и грозилъ изломать всѣ игрушки маленькой шалуньи. Такъ онъ провелъ у насъ мѣсяцевъ восемь или девять, въ концѣ этого срока, онъ вошелъ однажды къ Герцену по утру и сталъ просить разсчета. Александръ Ивановичъ, очень удивленный этой выходкой, спросилъ, чѣмъ онъ недоволенъ, что хочетъ уйдти? «О нѣтъ, мастеръ [1]),—отвѣчалъ Жоржъ,—я всѣмъ доволенъ, но я соскучился по морю, я уже годъ на землѣ, будетъ, теперь надо опять на море—я скучаю, отпустите меня, а то я сдѣлаю какое-нибудь несчастіе!» Герценъ былъ вынужденъ согласиться на его просьбу. Уходя, Жоржъ говорилъ ему: «Я вами доволенъ, я опять приду когда-нибудь».

Въ Laurel-hous'ѣ мы вздумали разъ съ Огаревымъ сдѣлать представленіе для дѣтей, это было до отъѣзда А. А. въ Женеву. Я сшила двѣ красныя рубашки для Герцена и для Огарева. А. А. надѣлъ какую-то шубу на изнанку, представляя медвѣдя, а Огаревъ, въ красной рубашкѣ, изображалъ водильщика. Красная рубашка очень шла къ Николаю Платоновичу: съ его большой русой бородой и кудрявой головой, онъ былъ настоящій русскій крестьянинъ. Герцену, напротивъ, русская рубашка вовсе не пристала, онъ казался въ ней какимъ-то иностранцемъ. Не думая, чтобъ это могло быть ему очень непріятно, я высказалась ему очень рѣзко на этотъ счетъ, и Герценъ никогда не надѣвалъ болѣе красной рубашки.

Въ этомъ же домѣ навѣстилъ насъ одинъ молодой русскій, Б. Н. Чичеринъ, но прежде надо сказать нѣсколько словъ объ его отцѣ. Николай Чичеринъ принадлежалъ отчасти къ московскому кружку, хотя жилъ болѣе въ Тамбовской губерніи; онъ былъ знакомъ съ Грановскимъ, Герценомъ и особенно съ Кетчеромъ. Я слышала объ немъ, какъ объ очень достойномъ человѣкѣ, отъ дяди

[1]) Хозяинъ.

моего Антона Антоновича Жемчужникова. Дядя былъ сосѣдъ и другъ Чичерина, котораго очень цѣнилъ. Осенью 1857 года старшій сынъ Чичерина—юноша, на котораго многіе возлагали такія горячія надежды, окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ блестящимъ образомъ, вздумалъ навѣстить въ Лондонѣ пріятеля своего отца. Я была нездорова, не выходила изъ комнаты и потому ни разу не видала его, но слышала о немъ отзывы Герцена и Огарева. Сначала Чичеринъ имъ очень понравился большимъ развитіемъ, познаніями, блестящимъ умомъ, но вскорѣ они разочаровались въ немъ и поняли, что очень расходятся съ нимъ во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ: онъ былъ бюрократъ и доктринеръ. Чичеринъ провелъ болѣе недѣли въ постоянныхъ спорахъ съ Огаревымъ и Герценомъ. Герценъ и Огаревъ, хотя очень далекіе отъ славянофильства, находили, что Россія должна идти новыми, своими путями; они смотрѣли на свое отечество съ любовью и упованіемъ— а онъ не хотѣлъ или не могъ понять ихъ взглядовъ. Отношенія ихъ обострились въ послѣдніе дни.

— Нѣтъ, говорилъ Герценъ, мы въ немъ ошиблись, его умъ вредный...

Когда онъ уѣзжалъ изъ Лондона, Герценъ и Огаревъ старались разстаться съ нимъ беззлобно, Чичеринъ тоже какъ будто желалъ оставить ихъ подъ хорошимъ впечатлѣніемъ, но едва онъ достигъ Парижа, какъ прислалъ Герцену полемическое письмо съ рѣзкимъ требованіемъ, чтобъ оно было напечатано въ ближайшемъ номерѣ «Колокола». Тонъ этого письма дерзкій, вызывающій очень разсердилъ Герцена; онъ былъ оскорбленъ, возмущенъ, что почти близкій, юноша, пріѣхавшій къ нему по преданію семьи отца, могъ говорить съ нимъ, какъ съ врагомъ.

Герценъ отписалъ горячій отвѣтъ и разъяснилъ, подтвердилъ свои взгляды и недоразумѣнія Чичерина. Я очень жалѣла, что не могла присутствовать при этихъ весьма интересныхъ спорахъ между Чичеринымъ и нашими, но въ это время совершилось самое важное событіе всей моей личной жизни: рожденіе моей старшей дочери. Желая въ этой части моихъ воспоминаній по возможности не касаться до моей внутренней жизни, я бы прошла и это происшествіе молчаніемъ, но я вспоминаю одну странную случайность:

дня за два до упомянутаго событія, докторъ Девиль находился почти постоянно въ нашемъ домѣ; во второй день около одиннадцати часовъ вечера, раздался звонокъ, который меня страшно поразилъ, по какому-то предчувствію. «Какой странный звонокъ, воскликнула я, monsieur Deville, кто бы это могъ быть? Если это моя мать изъ Россіи, вы ей позволите войти ко мнѣ?» Девиль никого не пускалъ ко мнѣ, кромѣ г-жи Шане (акушерки). «Да развѣ вы ожидаете вашу матушку?» спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, но мнѣ кажется, это должна быть она, отвѣчала я.

— Это навѣрно ваша housmăd, которую посылали за пивомъ, возразилъ Девиль, такъ какъ поздно, она не оставила калитку открытой, вотъ ей и пришлось звонить, но я все-таки пойду внизъ и удовлетворю ваше любопытство.

Чрезъ четверть часа, Девиль возвратился въ сопровожденіи моей матери.

— Такъ какъ вы удивительно умѣете отгадывать, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи привести вамъ вашу мать,—сказалъ мнѣ весело докторъ.

Герценъ находилъ, что нашъ домъ тѣсенъ, и потому нанялъ вскорѣ неподалеку (въ Фулямѣ) за Путнейскимъ мостомъ домъ, называемый Park-house, съ большимъ садомъ, за которымъ простирался довольно большой огородъ. Моя мать переѣхала съ нами въ этотъ домъ и провела у насъ недѣль шесть. Хотя Park-house имѣлъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, много преимуществъ надъ Laurel-hous'омъ, я все-таки жалѣла оставленный нами садъ, въ которомъ было гораздо болѣе цвѣтовъ, чѣмъ въ саду Park-hous'а. Въ нашемъ новомъ помѣщеніи на той сторонѣ дома, которая была обращена къ саду, была крытая галлерея во всю длину дома, размѣры котораго были очень велики; тамъ мы проводили большую часть дня. Внизу помѣщалась кухня, комнатка для мытья посуды и другая крошечная съ полками, куда вымытыя тарелки ставились на ребро и никогда не вытирались, а быстро сохли отъ теплаго воздуха. Эти прибавочныя отдѣленія къ кухнѣ находятся во всѣхъ англійскихъ домахъ; вообще Герценъ говорилъ всегда, что существуетъ такое однообразіе въ расположеніи комнатъ и даже въ разстановкѣ мебели въ англійскихъ домахъ, что онъ могъ бы съ завя-

занными глазами найти любой предметъ, любую комнату. Кромѣ кухни, внизу было еще помѣщеніе для мужской или для семейной прислуги. Въ первомъ этажѣ находились очень большая столовая, гостиная, раздѣленная на двѣ половины; въ одной Герценъ писалъ, въ другой заперевъ дверь въ упомянутую половину, можно было въ необходимомъ случаѣ, принять кого-нибудь посторонняго, дальше, черезъ корридоръ, была небольшая комнатка, пониже остальныхъ, гдѣ Наташа Герценъ (старшая дочь его) брала уроки. Во второмъ этажѣ были моя комната, дѣтская и большая комната, гдѣ помѣщались обѣ дочери Герцена; въ третьемъ этажѣ находились спальни Герцена и Огарева, комнаты ихъ были очень плохо меблированы, надъ ними въ послѣднемъ этажѣ жили горничныя.

Прислуги въ Park-hous'ѣ было четыре человѣка, потому что взяли еще горничную для черной работы; а по субботамъ, какъ и во всѣхъ англійскихъ домахъ, брали поденщицу (cheer-woman), которая мыла и скоблила все въ домѣ, даже наружное крыльцо. Мадзини рекомендовалъ Герцену хорошаго повара-итальянца, Тассинари, революціонера и горячаго итальянскаго патріота, съ семействомъ. Г-жа Тассинари, француженка, жила съ дѣтьми внизу и сначала не занимала никакой должности. Jules замѣнилъ негра Жоржа. Тассинари былъ лѣтъ пятидесяти, полный, свѣжій на видъ, несмотря на сѣдые волосы и длинную бѣлую бороду; у него было умное выразительное лицо и черные большіе блестящіе глаза. Дѣйствительно, онъ очень хорошо готовилъ, и Герценъ былъ доволенъ имъ, но такъ какъ и на солнцѣ есть пятна, то и въ Тассинари былъ большой недостатокъ: ревность или зависть, хотя и грустно сознавать это, но эти два чувства какъ-то очень близки. Зависть его была особенно возбуждена горничной, которая, въ качествѣ няньки моей маленькой дочери, находилась очень много съ нами. Онъ постоянно придирался къ ней, не давая ей завтрака по утру, когда она опаздывала къ звонку и пр. Еще въ Laurel'-hous'ѣ у насъ была среднихъ лѣтъ нѣмка, Трина, которая читала съ дѣтьми по-нѣмецки и водила ихъ гулять. Она была у насъ болѣе полгода и, казалось, привыкла ко всѣмъ намъ. Jules сказалъ мнѣ разъ: „какъ жаль нашу бѣдную Трину, madame, прошедшее воскресенье

она взяла у васъ денегъ въ жалованье и ѣздила къ сестрѣ въ омнибусѣ, тамъ въ тѣснотѣ у нея вынули эти деньги".

— Что же она мнѣ ничего не сказала объ этомъ? спросила я.

— Да она стѣсняется, должно быть, отвѣчалъ Жюль.

Я пошла къ Огареву, къ Герцену и набрала такую же сумму, которую и вручила Тринѣ. Послѣдняя благодарила, но казалась сконфужена и не поднимала глазъ. Я думаю, что это была ловкая выдумка съ ея стороны. Вскорѣ послѣ этого случая, Трина вдругъ занемогла острымъ ревматизмомъ, ни одинъ членъ не двигался; когда до нея дотрогивались, она вскрикивала; сначала ей наняли сидѣлку и пригласили доктора, но вскорѣ она сама стала просить, чтобъ ее помѣстили въ больницу. Герценъ нанялъ для нея омнибусъ, ее снесли съ большимъ трудомъ на матрасѣ и отвезли шагомъ въ больницу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она выздоровѣла и снова поступила къ намъ. Въ это время мы собрались переѣзжать изъ Laurel-hous'a; тогда у Жюля пропали серебряные часы, и онъ недоумѣвалъ, кто могъ ихъ взять, и болѣе всего подозрѣвалъ садовника и его жену. Мнѣ были очень непріятны эти подозрѣнія, но у меня не было никакихъ положительныхъ данныхъ, которыми бы я могла убѣдить Жюля, что онъ ошибается. Мы жили въ Laurel hous'ѣ около двухъ лѣтъ, садовникъ былъ все тотъ же и никогда ничего не пропадало. Въ Park-hous'ѣ Трина продолжала навѣщать сестру свою, которая имѣла, кажется, булочную; она даже стала проситься ночевать у сестры; такъ какъ мы жили далеко, это было крайне неудобно для меня, но я выносила это потому, что была очень довольна ею.

Разъ, въ то время, какъ Трина была у сестры, Тассинари вошелъ въ столовую съ очень озабоченнымъ видомъ.

— Madame, сказалъ онъ, вчера приходили изъ москательной лавки, гдѣ мы дѣлаемъ заборъ для дома, они вѣдь содержатъ тоже тяжелую почту, т. е. разсылаютъ по городу посылки.

— Да, такъ что же? спросила я.

— Сейчасъ увидите, отвѣчалъ нашъ поваръ,—знаете ли вы этотъ адресъ, madame? спросилъ онъ, подавая лоскутокъ бумаги съ какимъ-то адресомъ.

— Это имя Трининой сестры, сказала я, бросивъ бѣглый взглядъ на записку, поданную мнѣ поваромъ.

— Намъ даютъ знать, продолжалъ Тассинари, что на этотъ адресъ бываютъ очень частыя отправки изъ Park-hous'a и часто что-то звенитъ въ посылкахъ. Ящикъ все тотъ же, оттуда идетъ пустой, отсюда съ вещами... Я велѣлъ задержать послѣдній ящикъ, отправленный вчера на этотъ адресъ; не желаете ли поглядѣть, что въ немъ, madame?

— Конечно, нѣтъ, отвѣчала я съ живостью, — развѣ можно открывать чужіе ящики, это Трина что-нибудь посылаетъ сестрѣ, сказала я, дѣйствительно очень наивно для моихъ лѣтъ; но мысль, что она могла украсть, не приходила мнѣ даже въ голову, вдобавокъ я полагала, что это опять какая-нибудь придирка Тассинари. Тассинари улыбнулся. «Такъ я спрошу m-r Herzen?» и постучался въ комнату, гдѣ занимался Герценъ. Послѣдній выслушалъ и далъ ему позволеніе принести ящикъ. Тассинари торжествовалъ: онъ живо явился съ ящикомъ, ловко вскрылъ крышку и сталъ выбирать вещи съ сіяющимъ лицомъ: тутъ были гардины, ленточки, дѣтскія рубашечки, чайныя ложки и не помню, что еще — я стояла ошеломленная.

— Герценъ, сказала я, — неужели Трина могла... и не договорила.

Герценъ посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то состраданіемъ, ему жаль было мое разочарованіе.

— Могла, сказалъ онъ.

Онъ приказалъ Тассинари уложить всѣ вещи опять въ ящикъ и поставить его въ другую половину гостиной, потомъ отпустилъ Тассинари.

— Когда Трина вернется домой, сказалъ А. И. — покажи ей этотъ ящикъ, увидимъ, какое она дастъ объясненіе. Конечно, дѣло очень просто и ясно, но вотъ что имѣетъ особенную важность: по англійскимъ законамъ мы обязаны преслѣдовать вора законнымъ порядкомъ, иначе подлежимъ сами большому штрафу, а я ни за что не предамъ суду никакого вора! Пусть ѣдетъ въ Германію, тѣмъ болѣе, что мы не можемъ дать ей аттестата, а не предавъ ее суду, не имѣемъ права отказать ей въ аттестатѣ.

Долго не возвращалась Трина, вѣроятно поджидая посланный ею ящикъ, наконецъ она явилась ко мнѣ въ гостиную съ извиненіями о своемъ продолжительномъ отсутствіи, но, увидавъ на столѣ ящикъ, ужасно поблѣднѣла и замолчала. Выслушавъ ея признаніе, что она поступила дурно только одинъ разъ, именно вчера, я передала ей совѣтъ Герцена возвратиться въ Германію, на что она тотчасъ же согласилась и дня черезъ три оставила нашъ домъ, также какъ и ирландка (housemäd), которая была съ ней за-одно и относила ящикъ въ москательную лавку.

Этотъ инцидентъ былъ для насъ всѣхъ очень непріятенъ—мы грустно толковали о немъ, когда раздался звонокъ: изъ окна видно было, какъ отъѣзжала отъ крыльца открытая щегольская коляска, запряженная двумя сѣрыми въ яблокахъ лошадьми. Вошелъ высокій, широкоплечій, полный мужчина, о которомъ Жюль доложилъ съ почтеніемъ: «Prince Golitzin». Князь Юрій Николаевичъ, который поражалъ красивыми чертами лица, ловко представился Герцену и очень любезно благодарилъ его за оказанную помощь его служащимъ. Онъ выразилъ надежду, что ихъ знакомство не ограничится этимъ визитомъ, что Александръ Ивановичъ тоже посѣтитъ его и что они будутъ часто видѣться. Все внѣшнее было безукоризненно хорошо въ Юріи Николаевичѣ, исключая того, что онъ немного заикался; но между княземъ Голицынымъ и издателями «Колокола» было мало общаго, поэтому хотя Юрій Николаевичъ и бывалъ у насъ довольно часто, вѣроятно отъ скуки, Герценъ и Огаревъ рѣдко уступали его просьбамъ быть у него. Однажды онъ пригласилъ ихъ обѣдать въ назначенный день, тамъ они увидѣли барышню, увезенную княземъ изъ Россіи. Она была высокая, стройная, съ красивымъ симпатичнымъ лицомъ. Князь, знакомя ихъ, представилъ ее, какъ свою невѣсту; въ самомъ дѣлѣ, онъ намѣревался жениться на ней. Герценъ удивлялся, какъ въ Лондонѣ князь съумѣлъ устроиться по-русски, даже нашелъ домъ (какъ будто въ Москвѣ) съ воротами, которыя гостепріимно были настежь открыты день и ночь, съ утра стояла у крыльца пара сѣрыхъ коней, запряженная въ коляску. Но черезъ годъ или полтора весь этотъ блескъ исчезъ. Юрій Николаевичъ скоро прожилъ все, что привезъ изъ Россіи, и вошелъ въ неоплатные долги. Истощивъ свои средства, князь Голицынъ рѣшился

дать нѣсколько концертовъ. Онъ былъ страстный любитель и большой знатокъ музыки: его титулъ, необыкновенная красота, грація, искусство, съ которымъ онъ дирижировалъ оркестромъ—все это привлекало многочисленную публику на его концерты, которые были оригинальны великолѣпнымъ выборомъ пьесъ и прелестнымъ исполненіемъ и производили фуроръ въ Лондонѣ; англичане и особенно англичанки были отъ нихъ въ небываломъ восторгѣ; другаго эти концерты обогатили бы, а князя скорѣе вводили въ издержки. Помню, что Юрій Николаевичъ былъ такъ внимателенъ, что настоялъ, чтобы я была хоть разъ на одномъ изъ его концертовъ. Съ трудомъ я рѣшилась оставить свою маленькую дочь, спящую, на попеченіе Наташи Герценъ и поѣхала въ Ковенъ-Гарденъ, гдѣ происходили концерты. Вспоминаю съ восторгомъ до сихъ поръ слышанныя мною варіаціи на тему «Камаринской» Глинки и девятую симфонію Бетховена съ женскимъ хоромъ въ 400 голосовъ—это было великолѣпно; князь дирижировалъ необыкновенно хорошо, со всѣми малѣйшими оттѣнками страстнаго и понимающаго музыканта. Зала была полна, изумленіе, восхищеніе читались на всѣхъ лицахъ.

Говорятъ, что, по выходѣ изъ Ковенъ-Гарден'а, Юрій Николаевичъ заказалъ ужинъ для всѣхъ музыкантовъ, а дамамъ-пѣвицамъ поднесъ по букету, такъ что, кромѣ убытковъ, князь ничего не получилъ отъ своихъ успѣховъ.

Скоро пришлось князю Юрію Николаевичу разставаться съ его избалованными слугами, которые разсчитывали лучше жить въ Лондонѣ, чѣмъ жили въ Россіи, и предъявляли князю невѣроятныя требованія. Тогда Юрій Николаевичъ пригласилъ Герцена для разбирательства его съ ними. Александръ Ивановичъ разсказалъ объ этомъ подробно въ запискахъ, напечатанныхъ въ посмертномъ изданіи. Уже давно князь отпустилъ своихъ сѣрыхъ неугомонныхъ коней, онъ сталъ ѣздить въ омнибусѣ, а потомъ сталъ просто ходить пѣшкомъ, даже онъ нѣсколько похудѣлъ. Наконецъ, его посадили въ тюрьму за долги: такъ какъ онъ обязался по контракту дирижировать оркестромъ въ Креморнъ-Гарден'ѣ, то изъ тюрьмы его возили туда съ полицейскимъ и тѣмъ же порядкомъ обратно въ тюрьму. Русскіе, навѣщавшіе князя, разсказывали, что къ нему

пріѣзжалъ зять Б.... и предлагалъ уплатить всѣ его долги, кажется, 200 т. франковъ, съ однимъ условіемъ: возвратиться тотчасъ въ свою семью въ Россію. «Н..н..н..ни..когда», отвѣчалъ Юрій Николаевичъ, хотя онъ нѣжно любилъ своихъ дѣтей и скучалъ о нихъ. Герценъ немало предостерегалъ Юрія Николаевича, что жизнь очень дорога въ Лондонѣ: не держа экипажа, не бросая зря денегъ, только съ типографіей, Александръ Ивановичъ проживалъ 50 т. франковъ, составляющіе его ежегодный доходъ; въ число тратъ входила единовременная помощь какимъ бы то ни было эмигрантамъ, или знакомымъ нуждающимся: можно смѣло сказать, что онъ никогда не отказывалъ, никогда не вспоминалъ о томъ, чтó давалъ, а считалъ это обязанностью. По этому поводу онъ намъ разсказывалъ случай, который былъ съ нимъ до нашего пріѣзда въ Лондонъ. Между нѣмецкими эмигрантами онъ встрѣчалъ, хотя и очень рѣдко, одного выходца, по фамиліи Нидергуберъ. Впослѣдствіи Герценъ слышалъ, что Нидергуберъ—шпіонъ австрійскаго правительства. Александръ Ивановичъ обратилъ мало вниманія на этотъ слухъ, потому что Нидергуберъ къ нему не ходилъ, а только на улицѣ раскланивался съ нимъ. Разъ поздно вечеромъ въ квартирѣ Герцена раздался звонокъ, вошелъ Нидергуберъ. Александръ Ивановичъ немало удивился этому безвременному посѣщенію и холодно спросилъ, что ему угодно?—«Спасите мою жену, сказалъ вошедшій съ волненіемъ, она должна родить, а въ домѣ нѣтъ ни дровъ, ни пищи, ни денегъ, ничего! нечѣмъ будетъ заплатить доктору, я самъ два дня уже ничего не ѣлъ». Герценъ молча подалъ ему пятьдесятъ франковъ. Нидергуберъ ужасно извинялся и благодарилъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, нѣмецкіе эмигранты рѣшили не допускать Нидергубера присутствовать при собраніяхъ эмиграціи, такъ какъ нашли доказательства его виновности. Тогда Нидергуберъ, зеленый отъ гнѣва, воскликнулъ: «положимъ, что я шпіонъ, но хорошъ же вашъ хваленый русскій революціонеръ Герценъ, онъ зналъ, что я шпіонъ, а далъ пятьдесятъ франковъ, когда моя жена родила! что вы скажете на это?» Послѣ нѣмцы спрашивали у Александра Ивановича, правда ли, что онъ давалъ денегъ Нидергуберу? Герценъ отвѣчалъ, что какъ ни гадокъ былъ ему Нидергуберъ, однако онъ находилъ, что

не имѣетъ права отказать въ помощи женщинѣ въ такую роковую для нея минуту. Главная черта въ характерѣ Герцена была доброта, жалость къ людямъ, на которыхъ онъ большею частью смотрѣлъ, какъ на несовершеннолѣтнихъ.

Въ то время пріѣзжалъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ; каждый годъ онъ пріѣзжалъ въ Лондонъ на нѣсколько дней; тогда онъ привезъ своего «Фауста», только-что написаннаго. Я разсказывала въ отрывкѣ «Воспоминаніе о И. С. Тургеневѣ», какъ онъ читалъ у насъ это произведеніе и не могъ простить Огареву слишкомъ рѣзкій тонъ замѣчаній по этому поводу.

Когда онъ навѣстилъ Герцена въ Park-house'ѣ, то чистосердечно сознался, что ошибся, отсовѣтывая издавать «Колоколъ», и самъ передавалъ множество анекдотовъ, подтверждающихъ вліяніе и силу «Колокола».

Въ эту эпоху пріѣзжало столько русскихъ, что прислуга дѣлала постоянно ошибки, наконецъ, Герценъ распорядился, чтобъ всѣхъ русскихъ пріѣзжихъ впускали въ отдѣльную половину гостиной, куда я приходила узнавать, кто именно пріѣхалъ, надолго ли въ Лондонѣ и пр. Тѣ, которые пріѣзжали только на день или два, нарочно, чтобъ передать рукописи, должны были видѣть его немедленно, желая сообщить ему многое на словахъ; тогда Александру Ивановичу приходилось оставлять свои занятія. Когда бывали изъ Россіи люди, уже извѣстные Герцену лично или по ихъ трудамъ, онъ безконечно радовался имъ и бросалъ для нихъ свои обычные труды; въ такихъ случаяхъ я звала его тотчасъ къ пріѣзжимъ, но большею частью говорила ему имена и проч., инымъ сама назначала свободный часъ Герцена, въ два или три часа по-полудни. Тогда, посидѣвъ съ посѣтителемъ, Герценъ предлагалъ ему отправиться вмѣстѣ въ Лондонъ, потому что воздухъ и движеніе были необходимы для Александра Ивановича послѣ усидчивой работы. Герценъ старался, чтобъ русскіе не бывали у насъ по воскресеньямъ, потому что собиралось иногда такъ много гостей, что трудно было ручаться, чтобъ не проникъ шпіонъ къ намъ въ этотъ день, но не легко было уговорить русскихъ быть осмотрительнѣе; они все-таки часто бывали и въ воскресенья, и часто безъ нужды были очень откровенны со всѣми и называли свои фамиліи, тогда

какъ всѣ наши говорили постоянно русскимъ или полякамъ, знакомя ихъ съ пріѣзжими русскими: «нашъ соотечественникъ, имя не помню или не слыхала»; знакомя ихъ съ иностранцами, мы говорили: un compatriote, le nom de famille est trop difficile à prononcer, trop barbare pour des oreilles occidentales, appelez le par son nom de bapthême: M-r Alexandre ou quelque autre nom.

Мнѣ кажется, ни одинъ человѣкъ не пострадалъ отъ неосторожности Герцена или его семейныхъ. Онъ никогда не соглашался дать записку своей руки къ кому-нибудь въ Россію, не любилъ тоже давать свои портреты, увѣряя, что это ненужная неосторожность. Къ несчастію, не могу сказать того же о Михаилѣ Александровичѣ Бакунинѣ; позже, когда онъ явился въ Лондонъ, имъ совершались очень необдуманные поступки, послѣдствія которыхъ были весьма печальны: онъ напоминалъ ребенка, играющаго огнемъ. Въ то время, какъ мы переѣзжали въ Park-hous, нашъ докторъ Девиль тоже мѣнялъ свою квартиру, гдѣ случилась очень непріятная исторія: ему было необходимо, чтобъ кто-нибудь изъ служащихъ былъ постоянно дома, такъ какъ, кромѣ ежедневнаго пріемнаго часа больныхъ, многіе пріѣзжали въ продолженіе дня, оставляли свой адресъ и звали къ себѣ доктора. Когда Девиль возвращался домой, ему подавали записки посѣтителей. Прежде, когда онъ имѣлъ только обыкновенную hausemäd, случилось странное происшествіе: одинъ посѣтитель явился послѣ пріемнаго часа; housemäd сказала ему, что докторъ долго не пріѣдетъ домой, но пріѣзжій выразилъ желаніе подождать его, тогда housemäd впустила его въ пріемную и указала на книги и журналы, которыхъ было пропасть на столѣ, затѣмъ она оставила его одного; часа черезъ два, господинъ этотъ позвонилъ и сказалъ служанкѣ: «нѣтъ, мнѣ дольше нельзя ждать, проводите меня».—Оставьте доктору записку, сказала она.—«Я написалъ ему», отвѣчалъ тотъ.

Возвратясь домой, Девиль нашелъ въ маленькой комнаткѣ (гдѣ принималъ по одиночкѣ больныхъ), смежной съ пріемной, замокъ ящика, въ который клалъ получаемыя деньги, сломаннымъ, денегъ ни гроша, но записку, разумѣется, безъ подписи: «Je vous remercie, cher citoyen, pour ce prêt involontaire, et ne manquerai pas de m'en

acquitter dans l'autre monde».—Къ счастію доктора, въ ящикѣ оставалось мало денегъ. Девиль очень потѣшался надъ этимъ случаемъ и тогда нанялъ женщину съ мужемъ, чтобъ квартира никогда не оставалась пуста и чтобъ привратница могла слѣдить за посѣтителями, но Девиль не зналъ, что она подвержена эпилепсіи: однажды мужъ ея куда-то отлучился, въ то время въ припадкѣ она упала на горячую плиту и загорѣлась; придя въ себя, она стала бѣгать по квартирѣ и тѣмъ только усиливала горѣніе и кое-гдѣ зажгла гардины, а дверь квартиры была заперта изнутри; наконецъ снаружи замѣтили уже дымъ, полиція открыла дверь и нашла умирающую женщину; пожаръ потушили, а несчастная жертва прожила нѣсколько дней въ страшныхъ мученіяхъ, тогда Девиль рѣшилъ перемѣнить квартиру. Нужно сказать о немъ нѣсколько словъ.

Послѣ coup d'Etât 1852 года и возвращенія Наполеона III, за участіе въ сопротивленіи новому властелину Франціи, Девиль былъ схваченъ и посаженъ съ многими другими на корабль, который долженъ былъ отвезти ихъ въ ссылку (кажется, въ Каену). Корабль находился еще у англійскихъ береговъ, и такъ какъ Девиль былъ тогда уже профессоромъ медицины и былъ очень любимъ студентами, то они подали прошеніе Наполеону о томъ, чтобы его, вмѣсто ссылки въ Каену, высадили на англійскій берегъ; лондонскій ученый міръ тоже взволновался по этому поводу и тоже просилъ за него Наполеона, который согласился на ихъ общее желаніе.

Странно, что при всемъ вниманіи, обращенномъ въ Англіи на Девиля, никто не облегчилъ ему затрудненія, окружающія его со всѣхъ сторонъ въ этой незнакомой для него странѣ. Онъ вынужденъ былъ опять держать экзаменъ, чтобъ получить право лѣчить въ Англіи. Кромѣ того, онъ отправлялся ежедневно въ больницу, тамъ доказалъ свое знаніе, умѣніе и заслужилъ всеобщее уваженіе, но, несмотря на то, на каждомъ шагу, англичане старались вытѣснить иноземца, и сначала Девилю было въ Лондонѣ и голодно, и холодно, и безпріютно. Наконецъ, онъ завоевалъ себѣ сносное положеніе, трудился и никому ни въ чемъ не былъ обязанъ, но за то у него осталось навсегда непріязненное чувство къ англичанамъ. Когда я съ нимъ познакомилась, онъ былъ уже извѣстенъ

въ Лондонѣ, получалъ до 30 т. франковъ въ годъ, жилъ хорошо и держалъ карету въ одну лошадь. У насъ онъ былъ годовымъ докторомъ, самъ велъ счетъ своимъ визитамъ, и когда Герценъ, въ концѣ года, спрашивалъ, сколько онъ ему долженъ, Девиль глядѣлъ бѣгло въ записную книжку и назначалъ очень умѣренную сумму, которую нужно было уплатить, не говоря, что его счетъ очень скроменъ, ибо тогда онъ вовсе бы разсердился и, пожалуй, пересталъ бы къ намъ ѣздить. Иногда онъ обѣдалъ у насъ съ прочими эмигрантами въ воскресенье. Однажды, улучивъ удобную минуту, я спросила доктора, нашелъ ли онъ себѣ новую квартиру для своей маленькой дочери; меня очень безпокоила неизвѣстность адреса доктора. Къ моему удивленію, Девиль мнѣ странно отвѣчалъ.—«Вы знаете, что я изгнанникъ, сказалъ онъ, за мной слѣдятъ, поэтому я ѣзжу въ своей каретѣ въ отдаленный конецъ города, а тамъ беру извозчика и ѣду въ противоположную сторону, такъ дѣло не дѣлается скоро. Я видѣлъ много домовъ, но ничего не кончилъ, тайная полиція мнѣ ужасно мѣшаетъ. Когда выберу домъ и остается только подписать контрактъ, являются вдругъ небывалыя препятствія. Подпишу контрактъ, тогда и сообщу вамъ мой новый адресъ», сказалъ онъ въ заключеніе. Такое тщательное наблюденіе тайной полиціи за человѣкомъ, который былъ исключительно занятъ медицинской практикой, было немыслимо и составляло чистую фантазію доктора. Я разсказала Герцену о своемъ разговорѣ съ нимъ и спрашивала, смѣясь, не принимаетъ ли Девиль и меня за агента полиціи? Сначала Герценъ много смѣялся надъ этимъ, а потомъ сказалъ серьезно:

— Девиль и мнѣ не говоритъ, на какой домъ рѣшился, хотя, очевидно, квартира уже избрана, вѣроятно, въ центрѣ города для его практики, но, право, я думаю, онъ съ ума сходитъ, онъ и всегда былъ странный, вдобавокъ онъ фурьеристъ: у этихъ фурьеристовъ умъ за разумъ заходитъ, голова набита параграфами и готовыми выводами, въ которые они вѣруютъ безусловнѣе, чѣмъ христіане въ Евангеліе,—хочешь послѣ обѣда я заведу его на эту тему?

Дѣйствительно, Герценъ завелъ споръ, о которомъ говорилъ

впередъ, и Девиль закидалъ его цитатами, параграфами, нумерацію которыхъ онъ не позабылъ; оказалось, что Девиль зналъ книги Конта и Фурье наизусть. Вспоминаю, что около этого времени изъ Россіи пріѣзжалъ Европеусъ съ женой. Онъ былъ тоже страстный фурьеристъ. Въ какое-то воскресенье Герценъ познакомилъ его съ Девилемъ, тогда было очень интересно слушать ихъ разговоры, наполненные цитатами, параграфами; споры, опроверженія, подтвержденія,—все было выхвачено цѣликомъ изъ книги Фурье и лилось рѣкой. Герценъ мало вступалъ въ этотъ споръ, а скорѣй наслаждался имъ. Когда бойцы утомлялись, Герценъ подогрѣвалъ ихъ разговоръ, пускалъ брандеръ,—какъ онъ говорилъ,—и они опять принимались разсуждать и спорить. Европеусъ былъ очень умный человѣкъ, но до того занятъ Контомъ и Фурье, что онъ забывалъ о настоящемъ Россіи; разсѣянный во всѣхъ вопросахъ, онъ казался сосредоточеннымъ только на важныхъ и отвлеченныхъ матеріяхъ. Жена его была англичанка; конечно, мы не успѣли узнать ее хорошо, но она была симпатична, казалась умна, даже остроумна. Позже, когда мы находились разъ въ Торкеѣ лѣтомъ, она пріѣзжала и туда, чтобъ повидаться съ Герценомъ; мнѣ нравились въ ней сдержанный англійскій характеръ и теплое чувство къ родинѣ ея мужа, что̀ очень рѣдко встрѣчается въ иностранкахъ. Именно по этому чувству къ Россіи, она относилась съ большой симпатіей и благоговѣніемъ къ Герцену. Если ея нѣтъ уже на свѣтѣ, я могу передать ея разсказъ. Возвращаясь однажды въ Россію, послѣ краткаго пребыванія въ Англіи, она была арестована и отправлена въ Петербургъ, въ III Отдѣленіе. Тамъ ее допрашивали:

— Была ли она въ Англіи?

— Была, отвѣчала она.

— Не была ли у Герцена?

— Конечно, была, отвѣчала г-жа Европеусъ.

— Почему была у Герцена?

— Потому что онъ извѣстный, даровитый писатель. Какъ же быть въ Лондонѣ и не видать Герцена? прибавила она наивно.

— Развѣ она не знаетъ, что онъ государственный преступникъ?

— Никогда не слыхала, былъ отвѣтъ, а слышала, что онъ умный·

ученый, даже обѣдала у него и считала это за большую честь, за большое счастіе...

Такъ ее и выпустили, наконецъ.

Тогда пріѣзжало много русскихъ, особенно весной и лѣтомъ: помню Григорія Евлампoвича Благосвѣтлова, онъ былъ среднихъ лѣтъ, повидимому, добрый, честный человѣкъ, но такой молчаливый, то я не слыхала, для какой цѣли онъ пробылъ довольно долго въ Лондонѣ, помнится года два: онъ занимался переводами, за которые Герценъ платилъ ему; кромѣ того давалъ уроки русскаго языка старшей дочери Герцена, за что̀ тоже получалъ вознагражденіе. Вспоминаю теперь, что онъ изучилъ въ это время англійскій языкъ и перевелъ съ англійскаго «Записки Екатерины Романовны Дашковой», которыя состояли изъ двухъ большихъ томовъ и представляли необыкновенный интересъ; я читала ихъ съ увлеченіемъ по-англійски. Около этого времени пріѣзжалъ Сергѣй Петровичъ Боткинъ съ его первой женой; это было вскорѣ послѣ ихъ свадьбы. Сергѣй Петровичъ желалъ видѣть Герцена по преданію московскаго кружка и хотя былъ въ то время весьма застѣнчивъ, однако былъ и тогда очень симпатиченъ. Онъ много разсказывалъ Герцену о Пироговѣ, о крымской войнѣ, о баснословныхъ злоупотребленіяхъ, о кражѣ, простирающейся до корпіи, которую продавали тайно французамъ и англичанамъ. Сергѣй Петровичъ произвелъ на Герцена славное впечатлѣніе; впослѣдствіи Александръ Ивановичъ слѣдилъ съ гордостью и любовью за его успѣхами и не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Несмотря на то, что Герценъ и Боткинъ подолгу не видались, отношенія ихъ не охладились. Сопровождая больную императрицу, Боткинъ давалъ знать Герцену о своемъ прибытіи на западъ, даже сообщилъ ему, какъ распредѣлено его пребываніе заграницей.

Въ послѣдній разъ они видѣлись въ Парижѣ въ концѣ 69 года, передъ роковымъ извѣстіемъ о болѣзни старшей дочери Герцена, извѣстіемъ, которое имѣло такое рѣшающее дѣйствіе на болѣзнь Герцена.

Мы остановились тогда въ четвертомъ этажѣ Grand Hôtel du Louvre. Какъ-то вечеромъ разъ Боткины насъ навѣстили; она была уже очень больна, ее поднимали на время въ нашъ этажъ. Мнѣ

помнится одинъ интересный разговоръ того вечера Герцена съ Боткинымъ — о петербургскихъ нѣмцахъ. Боткинъ жаловался, что, несмотря на свое твердое, упроченное положеніе, ему ужасно трудно доставлять мѣста или опредѣлять молодыхъ русскихъ медиковъ, хотя бы они были вполнѣ достойны, потому что вездѣ, какъ муравьи, проникаютъ нѣмцы, поддерживаютъ другъ друга и вытѣсняютъ русскихъ. Ненавидя Россію, они питаются ею, какъ піявки человѣческою кровью.

Между многими русскими, посѣтившими Герцена въ Park-house'ѣ, нельзя пройдти молчаніемъ одного, тогда еще очень молодаго человѣка, Александра Серно-Соловьевича. Онъ очень понравился Герцену, видно было, что, несмотря на свою молодость, онъ уже много читалъ и думалъ: онъ былъ уменъ и интересовался всѣми серьезными вопросами того времени. Не могу вспомнить, куда наши уѣзжали тогда на весь день, помню только, что имъ никакъ нельзя было остаться дома, а Серно-Соловьевичъ желалъ воспользоваться этимъ днемъ, чтобъ видѣть зоологическій садъ. Я поѣхала туда съ дѣтьми Герцена и съ своей малюткой. Серно-Соловьевичъ сопровождалъ насъ и осмотрѣлъ очень тщательно весь садъ. Онъ былъ очень милъ и внимателенъ съ дѣтьми. Серно-Соловьевичъ пробылъ въ Лондонѣ еще нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ видался постоянно съ Герценомъ и съ Огаревымъ, къ которымъ относился съ большой теплотой и уваженіемъ. Въ то время дурныя качества его дремали, или не было еще тѣхъ обстоятельствъ, которыя вызвали ихъ наружу. Позже мнѣ придется еще говорить о немъ, во время нашего пребыванія въ Château de la Boissière, близъ Женевы. Больно вспоминать, какъ такой умный, развитой человѣкъ погибъ вдали отъ родины, изъ самолюбія, зависти и тоски, не принеся никакой пользы своему отечеству; но я не столько должна говорить о немъ, чтобы уяснить себѣ его личность, сколько потому, что въ отношеніи къ нему проявились такъ рѣзко въ Герценѣ присущія ему чувства великодушія, доброты и жалости, доходившія до невѣроятной степени.

X.

Николай Серно-Соловьевичъ.—Железно-дорожники.—В. И. Кельсіевъ.—Марко-Вовчекъ.—Случай у Трюбнера.—А. А. Краевскій. — Н. Г. Чернышевскій. — Князь В. В. Долгоруковъ. — М. М. М—въ.—Русскія дамы. — Дрезденъ.—Сатины.—Т. П. Пассекъ. — Марко-Вовчекъ. — Грековы.—Въ Швейцаріи.—Профессоръ Фогтъ и его семья.

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Александра Серно-Соловьевича изъ Лондона, явился къ Герцену его старшій братъ, Николай Серно-Соловьевичъ. То былъ человѣкъ совершенно иной: занятый исключительно общими интересами, быть можетъ, онъ былъ нѣсколько менѣе даровитъ, менѣе интеллигентенъ, чѣмъ его младшій братъ, но онъ имѣлъ большой перевѣсъ надъ нимъ въ другихъ качествахъ: онъ былъ необыкновенно прямаго характера; въ немъ были: рѣдкое благородство, настойчивость, самоотверженіе, что-то рыцарское, почему Герценъ съ перваго свиданья прозвалъ его: «Маркизъ Поза». На открытомъ, благородномъ лицѣ его читалось роковое предназначеніе: можно ли было уцѣлѣть такому прямому существу, упрямо, беззавѣтно преданному своимъ убѣжденіямъ, въ то трудное время, которое наступило послѣ освобожденія крестьянъ, послѣ попытки польскаго возстанія? Тогда появился «Великороссъ»; намъ передавали, что его нашли у Николая Серно-Соловьевича, послѣ допросовъ онъ былъ сосланъ въ Сибирь; вѣсть о его дальнѣйшей участи не дошла до Герцена; младшій братъ его, Александръ, успѣлъ уѣхать или бѣжать въ Швейцарію.

Въ то время, какъ мы жили еще Park-houѕ'ѣ, пріѣзжали къ Герцену два русскія семейства, т. е. два товарища по занятіямъ въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, каждый съ женой; у одного изъ нихъ была премиленькая дочка «Лёля» лѣтъ четырехъ. Эти соотечественники насъ очень радовали, напоминая намъ живо Россію, пѣніемъ подъ фортепьяно русскихъ пѣсенъ; маленькая, черноглазая Леля, въ русскомъ костюмѣ, плясала подъ звукъ пѣсенъ. Герценъ и Огаревъ стояли взволнованные, грустные и обрадованные въ то же время, они мысленно переносились на родину, и прошедшее воскресало для нихъ... Эти нѣсколько свѣтлыхъ дней, проведенныхъ въ Лондонѣ этими двумя семействами, долго вспоминались нами, мы какъ-будто въ тѣ дни побывали въ Россіи.

Въ это же время пріѣхалъ изъ Россіи Василій Ивановичъ Кельсіевъ съ женой, Варварой Тимоѳеевной. Послѣдняя была прямая, простодушная женщина, вполнѣ преданная мужу. Онъ былъ умный, самолюбивый и нерѣшительный. Кажется, онъ получилъ мѣсто въ Ситху, чтобъ прослужить тамъ шесть лѣтъ и ѣхалъ туда на кораблѣ, который бросилъ якорь для стоянки близъ англійскаго берега. Кельсіева взяло раздумье, и онъ рѣшился не ѣхать въ Ситху, а отправиться въ Лондонъ; пріѣхавъ въ столицу Англіи, онъ узналъ о Герценѣ и написалъ къ нему, прося у него работы; тогда Александръ Ивановичъ пригласилъ его къ себѣ на свиданье. Прежде чѣмъ придумать найдти ему работу, Герценъ желалъ узнать его лично, чтобъ сообразить, чѣмъ онъ могъ заняться. Кельсіевъ явился въ назначенный день; разговорился съ Герценомъ о многомъ и, между прочимъ, разсказалъ Александру Ивановичу, какъ онъ ѣхалъ въ Ситху, а остался въ Англіи. Александръ Ивановичъ не одобрялъ мысль эмиграціи.

— Соскучитесь безъ дѣла, — говорилъ онъ Кельсіеву, — русскій здѣсь все, какъ отрѣзанный ломоть. Но Кельсіевъ объявилъ, что это дѣло рѣшенное и что онъ ни за что не поѣдетъ въ Ситху. Кельсіевъ былъ филологъ, мнѣ кажется; онъ взялся перевезти библію на русскій языкъ. Когда переводъ этотъ явился въ печати, и въ Россіи было дозволено переводить библію, Кельсіевъ съ жаромъ, со страстью, занялся этимъ дѣломъ. Кромѣ того, онъ давалъ уроки русскаго языка Наташѣ Герценъ, такъ какъ Благосвѣтлова уже не было въ Лондонѣ; такимъ образомъ Кельсіевъ сталъ жить въ Лондонѣ своимъ трудомъ, хотя и очень бѣдно.

Переписываясь довольно часто съ Александромъ Ивановичемъ, Тургеневъ прислалъ ему однажды малороссійскія повѣсти Марка-Вовчка, которыя привели Герцена въ неописанный восторгъ. Иванъ Сергѣевичъ писалъ, что авторъ этихъ разсказовъ г-жа Маркевичъ очень милая, простая, некрасивая особа и что она намѣрена скоро быть въ Лондонѣ.

Дѣйствительно, г-жа Маркевичъ не замедлила явиться въ Лондонъ съ мужемъ и маленькимъ сыномъ. Г-нъ Маркевичъ казался нѣжнымъ, даже сентиментальнымъ, чувствительнымъ малороссомъ; она, напротивъ, была умная, бойкая, рѣзкая, на видъ холодная.

Посидѣвъ въ салонѣ, мы вышли въ садъ, ихъ маленькій сынъ обрадовался саду, бросился на лужайку и сталъ валяться по ней, мать останавливала его, отецъ защищалъ:

— Маша,—говорилъ онъ нѣжно женѣ,—онъ восторгается природой, воздухомъ, оставь его.

— Но онъ можетъ восторгаться природой, — отвѣчала она рѣзко,—и не пачкая рубашку.

Она разсказывала Герцену, что вышла замужъ шестнадцати лѣтъ, безъ любви, только по желанію независимости. Дѣйствительно, Тургеневъ былъ правъ, она была некрасива, но ея сѣрые, большіе глаза были не дурны, въ нихъ свѣтились умъ и малороссійскій юморъ, вдобавокъ она была стройна и умѣла одѣваться со вкусомъ. Маркевичи провели только нѣсколько дней въ Лондонѣ и отправились на континентъ, гдѣ я ихъ впослѣдствіи встрѣтила, кажется, въ Гейдельбергѣ.

Едва Маркевичи оставили насъ, какъ Герценъ получилъ изъ Петербурга письмо, которое ужасно поразило насъ всѣхъ: ему сообщали, что у книгопродавца Трюбнера находится шпіонъ между приказчиками, а именно полякъ Михайловскій. Являясь за книгами къ Трюбнеру, русскіе обращались предпочтительно къ Михайловскому, потому что онъ немного говорилъ по-русски; они просили сообщить имъ адресъ Герцена. Михайловскій съ готовностью спѣшилъ вручить имъ написанный для нихъ желаемый адресъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, старался въ разговорѣ вывѣдать имя посѣтителя, что̀ вовсе не представляло затрудненій, такъ какъ русскіе ужасно довѣрчивы и необдуманны. Въ концѣ письма было сказано, что Михайловскій, набравъ порядочное количество именъ, подалъ доносъ, приложивъ списокъ, русскому посланнику въ Лондонѣ: послѣдній отправилъ все прямо къ государю. Къ счастію, государь, не прочитавъ, бросилъ списокъ въ каминъ. Это происходило до возмущенія въ Польшѣ; тѣмъ не менѣе Герценъ рѣшилъ удалить Михайловскаго изъ лавки Трюбнера; для этой цѣли Герценъ, Огаревъ, Тхоржевскій и Чернецкій собрались и отправились всѣ вмѣстѣ къ Трюбнеру. Герценъ сообщилъ послѣднему причину ихъ появленія; тогда Трюбнеръ попросилъ Герцена и его друзей въ сосѣднюю комнату, гдѣ всѣ сѣли и куда былъ вызванъ Михайловскій. Послѣднему были предложены

разные вопросы по поводу его поведенія относительно русскихъ и доноса, сдѣланнаго имъ русскому посланнику; Михайловскій растерялся, ужасно поблѣднѣлъ, сталъ говорить несвязныя рѣчи, но оправдаться никакъ не могъ.

Отозвавъ Трюбнера въ сторону, Герценъ разсказалъ ему, какъ онъ узналъ о продѣлкахъ Михайловскаго, и просилъ Трюбнера не держать его долѣе, если онъ хочетъ продолжать имѣть книжныя дѣла съ нимъ (Герценомъ). Тогда изданія Александра Ивановича расходились очень хорошо, поэтому Трюбнеръ пожертвовалъ Михайловскимъ для Герцена. Наконецъ Михайловскій всталъ и сконфуженно удалился, говоря: «У насъ всегда называютъ шпіономъ всякаго, кто имѣетъ новое пальто».

— Да обидьтесь, кричалъ ему вслѣдъ Чернецкій. Но тотъ не повернулъ къ нему головы и вышелъ изъ лавки. Трюбнеръ казался удивленъ, что подъ глазами происходили вещи, о которыхъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и которыя извѣстны и Герцену, и въ Петербургѣ. Въ то время онъ боготворилъ Герцена до такой степени, что заказалъ Грасу (нѣмцу-скульптору) сдѣлать бюстъ Герцена. Грасъ лѣпилъ его, когда мы жили въ Laurel-house'ѣ, бюстъ очень похожъ, и Трюбнеръ украсилъ имъ свою лавку.

Около этого времени у Герцена былъ Андрей Александровичъ Краевскій: едва-ли можно думать, чтобъ Краевскій пріѣзжалъ въ Лондонъ по сочувствію къ дѣятельности Герцена, а скорѣй по тому неотразимому влеченію, которое въ то время несло всѣхъ русскихъ къ британскимъ берегамъ: труднѣе плыть противъ теченія, чѣмъ по теченію. Объ этомъ свиданіи нечего разсказывать, кромѣ того' что Герцену было пріятно вспоминать съ Краевскимъ о многомъ изъ былаго.

Нѣкоторое время спустя, явился въ Лондонъ человѣкъ, о которомъ говорила чуть не вся Россія, о которомъ мы постоянно слышали, который много писалъ, о которомъ постоянно упоминали въ печати, котораго не только хотѣлось видѣть, но хотѣлось узнать... Это былъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій. До его посѣщенія кто-то (не помню именно, кто) пріѣзжалъ отъ него изъ Россіи съ запросомъ къ Герцену; вотъ въ чемъ состоялъ этотъ запросъ: если изданіе «Современника» будетъ запрещено въ Россіи, чего ожидали

тогда, согласенъ ли будетъ Герценъ печатать «Современникъ» въ вольной русской типографіи въ Лондонѣ? На это предложеніе Герценъ былъ безусловно согласенъ. Тогда Чернышевскій рѣшился ѣхать самъ въ Лондонъ для личныхъ переговоровъ съ Александромъ Ивановичемъ.

Какъ теперь вижу этого человѣка: я шла въ садъ черезъ зало, неся на рукахъ свою маленькую дочь, которой было немного болѣе года, Чернышевскій ходилъ по залѣ съ Александромъ Ивановичемъ; послѣдній остановилъ меня и познакомилъ съ своимъ собесѣдникомъ. Чернышевскій былъ средняго роста, лицо его было не красиво, черты неправильны, но выраженіе лица, эта особенная красота некрасивыхъ, было замѣчательно, исполнено кроткой задумчивости, сосредоточенности, въ которой свѣтились самоотверженіе и покорность судьбѣ. Онъ погладилъ ребенка по головѣ и проговорилъ тихо: «У меня тоже есть такіе, но я почти никогда ихъ не вижу».

Кажется, Герценъ и Чернышевскій видѣлись не болѣе двухъ разъ. Герцену думалось, что въ Чернышевскомъ недостаетъ откровенности, что онъ не высказывается вполнѣ; эта мысль помѣшала ихъ сближенію, хотя они понимали обоюдную силу, обоюдное вліяніе на русское общество... Вѣсти, привезенныя Чернышевскимъ, были не утѣшительны, исполнены печальныхъ ожиданій. На счетъ изданія «Современника» они столковались въ нѣсколько словъ: Чернышевскій обѣщалъ, если нужно будетъ, высылать рукописи, и деньги, нужныя на бумагу и печать, корректуру должны были держать Герценъ и Огаревъ, потому что Чернецкій не могъ взяться за поправки типографскія, по совершенному незнанію русскаго языка. Когда печатали второе изданіе номеровъ «Колокола» я держала корректуру, потому что это было очень легко: набирая съ печатаннаго, Чернецкій дѣлалъ весьма мало ошибокъ.

Однажды Герценъ получилъ изъ Парижа письмо по-русски: почеркъ былъ незнакомый, рука твердая: это было посланіе отъ князя Петра Владиміровича Долгорукова. Онъ писалъ, что оставилъ Россію навсегда и скоро будетъ въ Лондонѣ, гдѣ намѣренъ поселиться, слышалъ много о Герценѣ и надѣялся сойдись съ нимъ при личномъ знакомствѣ. Молва гласила, что князь Петръ Влади-

міровичъ Долгоруковъ оставилъ Россію, потому что правительство не назначило его министромъ внутреннихъ дѣлъ, и вознамѣревался отомстить тѣмъ, которые навлекли на себя его гнѣвъ.

Наконецъ князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ прибылъ въ Лондонъ и былъ у Герцена, наружность его была непривлекательна, несимпатична; въ большихъ карихъ глазахъ виднѣлись самолюбіе и привычка повелѣвать; черты лица его были неправильны, князь былъ небольшаго роста, дурно сложенъ и слегка прихрамывалъ, почему его прозвали: le bancal. Не помню, на комъ онъ былъ женатъ, только жилъ постоянно врозь съ женой и никогда о ней не говорилъ. Герценъ не чувствовалъ къ нему ни малѣйшаго влеченія, но принималъ его очень учтиво и бывалъ у него изрѣдка съ Огаревымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, князь Долгоруковъ началъ печатать свои записки и въ нихъ сводилъ свои личные счеты, по совѣсти или нѣтъ, ему одному извѣстно. Онъ былъ ужасно горячъ и невоздерженъ на языкъ въ минуты гнѣва, что̀ впослѣдствіи обходилось дорого его самолюбію: когда ему давали отпоръ на его выходки и удалялись отъ него; скучая одинъ, онъ кончилъ тѣмъ, что извинялся и желалъ только, чтобъ его простили. Помню, что онъ постоянно ѣздилъ къ намъ, когда мы позже жили близъ Лондона, въ Тендигтонѣ. Разъ въ воскресенье у насъ обѣдало нѣсколько человѣкъ, между которыми были князь Долгоруковъ, Чернецкій и Тхоржевскій; это было послѣ варшавскихъ происшествій; разговорились, толковали о происшествіяхъ того времени... Вдругъ князь Долгоруковъ сталъ дерзко говорить о сумасбродствѣ поляковъ и грубо кричать, по своему обыкновенію, когда онъ выходилъ изъ себя. У Герцена голосъ былъ громкій и звучный, но онъ имѣлъ привычку говорить не возвышая голоса, исключая очень хорошаго расположенія духа, тутъ онъ не выдержалъ и гнѣвно закричалъ:

— Я не позволю въ моемъ домѣ нападать на Польшу, это тѣмъ неделикатнѣе, что эта страна побѣждена и что за этимъ столомъ сидятъ поляки. Это происходило послѣ обѣда, мущины сидѣли еще за столомъ, а я съ другими дамами перешла въ гостиную, гдѣ стояло фортепьяно, сама я лично ничего не слыхала, а разсказываю со словъ Герцена. Черезъ нѣсколько секундъ въ гостиную вошелъ князь Долгоруковъ, онъ взялъ шляпу и трость, въ которой

скрывался кинжалъ и которая всегда была при немъ, потомъ вѣжливо раскланялся и ушелъ, не подавъ мнѣ руки, что́ меня нѣсколько удивило; но вскорѣ пришелъ Герценъ и подробно разсказалъ ссору съ княземъ Долгоруковымъ.

Послѣдній долго не ѣздилъ къ намъ, потомъ извинился передъ Тхоржевскимъ и Чернецкимъ, и написалъ Герцену письмо, въ которомъ просилъ извинить его глупую выходку противъ поляковъ, и опять сталъ ѣздить къ намъ.

Тхоржевскій сопутствовалъ иногда князю Долгорукову въ его маленькихъ экскурсіяхъ въ морѣ или въ окрестностяхъ Лондона и увѣрялъ, что съ характеромъ князя Долгорукова трудно было найдти какое-нибудь удовольствіе или отдохновеніе въ этихъ прогулкахъ: каждое ничтожное происшествіе, каждое неточное исполненіе его желаній приводило князя въ неописанную ярость. Разъ они были гдѣ-то у моря, взяли въ гостиницѣ комнату, встали по утру въ самомъ хорошемъ расположеніи духа; къ завтраку, къ несчастію, имъ подали черстваго хлѣба (надо замѣтить, что англичане считаютъ черствый хлѣбъ здоровѣе и предпочитаютъ его свѣжему, потому что изъ черстваго легче рѣзать тонкіе ломти, которые они намазываютъ масломъ и ѣдятъ въ большомъ количествѣ за вечернимъ чаемъ). Князь Долгоруковъ страшно разсердился, замѣтя черствый хлѣбъ на столѣ, вскочилъ, взялъ хлѣбъ и, выбѣжавъ въ корридоръ, бросилъ его со втораго этажа внизъ: прибѣжалъ швейцаръ, сбѣжались ветерье (половой или гарсонъ, кельнеръ); для выдержаннаго англійскаго характера поступокъ русскаго князя былъ необъяснимъ. Они обратились съ соболѣзнованіемъ къ Тхоржевскому, спрашивая серьезно, не бываетъ ли еще другихъ припадковъ съ его спутникомъ? Разсерженный выходкой князя и разспросами слугъ, Тхоржевскій объяснилъ категорично на ломаномъ англійско-польскомъ языкѣ: «Prince very cross gentelman».

Возвращаясь къ нашей жизни въ Park-hous'ѣ, вспоминаю, какъ разъ вечеромъ Жюль доложилъ Герцену: «Trois russes, deux messieurs et une dame». Это были Ш—вы и М. Л. М—овъ. Кажется, они были у насъ только два раза, потому что очень спѣшили оставить Англію. Ш—въ и особенно М—овъ очень понравились Герцену, эти люди казались понимающіе и вполнѣ преданные благу

Россіи, но Ш—ва не произвела у насъ хорошаго впечатлѣнія и никому не была симпатична; въ ней было что-то эгоистическое, грубое; отъ нея вѣяло матеріализмомъ въ самой неприглядной формѣ. Пріѣзжали иногда и дамы однѣ. Я ѣздила къ морю въ Каусъ съ моей маленькой дочерью и ея няней. По возвращеніи въ Лондонъ, Герценъ мнѣ разсказывалъ объ одномъ посѣщеніи во время моего отсутствія: пріѣхала одна русская аристократка, на видъ лѣтъ пятидесяти, и представилась Герцену, говоря скоро: «Дочь адмирала, вдова генерала, мать генерала, такая-то, кажется, Бибикова». Герценъ съ трудомъ удержался отъ смѣха.

Мальвида фонъ-Мейзенбугъ жила все это время то на квартирѣ, то у разныхъ пріятельницъ, но она мечтала о независимой жизни, о поѣздкѣ въ Парижъ, въ Италію, гдѣ она никогда не была. Она предложила Герцену взять съ собой его меньшую дочь, Ольгу, и погостить съ ней у г-жи Швабе, которая имѣла великолѣпное помѣстье въ Англіи. Она была вдова богатаго банкира и имѣла многочисленное семейство. Герценъ согласился па предложеніе Мальвиды; а такъ какъ г-жа Швабе поѣхала на зиму въ Парижъ, то Мальвида попросила Герцена отпустить Ольгу съ ней въ Парижъ, гдѣ ихъ пребываніе не могло стоить очень дорого, потому что они должны были жить у г-жи Швабе; въ сущности это былъ отводъ. Мальвида вскорѣ переѣхала на отдѣльную квартиру съ маленькой Ольгой.

Въ то время я получила изъ Россіи письмо, въ которомъ меня извѣщали, что моя сестра ѣдетъ со всѣми дѣтьми въ Германію, для свиданія со мной; тогда я поспѣшила собраться съ путь съ своей маленькой дочкой, съ Наташей Герценъ, которую я должна была отвезти въ Дрезденъ къ Маріи Каспаровнѣ Рейхель, урожденной Ернъ. Кромѣ того, съ нами ѣхала m-iss Iohanna Furner, которая поступала къ моей сестрѣ; послѣдняя желала увезти ее съ собой въ Россію, для того чтобы пріучить дѣтей къ англійскому языку.

Мы доѣхали до Дрездена безъ особенныхъ происшествій, за исключеніемъ того, что на какой-то таможнѣ съ насъ взяли восемь франковъ штрафа за шелковую матерію, которую Наташа Герценъ везла въ подарокъ какой-то родственницѣ своей бабушки, Луизѣ Ивановнѣ; тогда я переложила иначе всѣ вещи въ Наташиномъ че-

моданѣ, и послѣ того мы благополучно достигли Дрездена, чему Наташа не мало удивлялась, но, какъ болѣе опытная путешественница, чѣмъ она, я не клала ничего подозрительнаго по краямъ чемодана, но въ средину, а таможенные чиновники слишкомъ лѣнивы, чтобы выбирать все до дна изъ чемодановъ.

Пріѣхавъ въ Дрезденъ, мы тотчасъ отправились къ Маріи Каспаровнѣ Рейхель, но я ничего не помню изъ этого перваго посѣщенія, потому что едва мы успѣли обмѣняться съ ней нѣсколькими словами, какъ она сказала, что сестра моя, Елена Алексѣевна Сатина, уже въ Дрезденѣ; тогда, взявъ мою маленькую дочь за руку, я поспѣшила къ двери, забывъ о всѣхъ присутствующихъ, потомъ воротилась, чтобъ спросить, въ какой гостиницѣ она остановилась. Тогда послали за извозчикомъ; m-iss J. Furner, я и моя малютка сѣли въ коляску и поѣхали въ указанную гостиницу: никогда путь не казался мнѣ такъ дологъ, какъ въ этотъ разъ! Наконецъ мы доѣхали, вошли въ гостиницу и свидѣлись послѣ многихъ лѣтъ разлуки, послѣ многихъ перемѣнъ, особенно въ моей жизни! Мы обнимали другъ друга со слезами на глазахъ; дѣти сестры окружили меня и мою малютку: хотя она въ то время говорила только по-англійски, однако понимала русскую рѣчь, потому что я постоянно говорила съ ней на родномъ языкѣ. Зять мой, Николай Михайловичъ Сатинъ, былъ тоже очень взволнованъ и обрадованъ нашей встрѣчей. Зная, что я должна была ѣхать съ Наташей Герценъ, онъ принялъ m-iss Furner за нее и горячо обнялъ и расцѣловалъ ее, такъ какъ онъ былъ въ юности друженъ съ ея отцомъ; на лицѣ m-iss Furner выразилось недоумѣніе, смущеніе... Я догадалась, въ чемъ дѣло, и поспѣшила объяснить ей, что зять мой навѣрное принялъ ее за Наташу Герценъ. Николай Михайловичъ не замедлилъ извиниться въ своей ошибкѣ предъ смущенною m-iss Furner. Вскорѣ къ намъ присоединилась и виновница этого недоразумѣнья, Наташа Герценъ, съ г-жей Рейхель, тогда имъ разсказали про этотъ странный quiproquo, и всѣ мы не могли удержаться отъ смѣха и много смѣялись надъ этимъ страннымъ случаемъ.

Оставя Наташу Герценъ на попеченіи Маріи Каспаровны Рейхель, мы вскорѣ отправились съ сестрой Еленой Алексѣевной Сатиной и со всѣми нашими дѣтьми въ Гейдельбергъ, гдѣ я слыхала,

что мѣстоположеніе очень красиво, а жизнь недорога; вдобавокъ, Гейдельбергъ въ то время не представлялъ многолюднаго стеченія туристовъ, и мы могли вести жизнь самую уединенную. Николай Михайловичъ Сатинъ воспользовался этимъ временемъ, чтобъ съѣздить въ Лондонъ, навѣстить старыхъ друзей: Герцена и Огарева, которыхъ онъ горячо любилъ и которыми онъ былъ тоже любимъ. Съ поступленія въ Московскій университетъ, они почти не разставались, а когда ссылка ихъ раскидала по Россіи, они часто переписывались; впослѣдствіи собрались въ Москвѣ, примкнули къ кружку Станкевича, когда послѣдняго уже не было въ живыхъ, и сплотились въ тѣсную кучку профессоровъ и литераторовъ, извѣстныхъ подъ именемъ московскаго кружка западниковъ, въ противуположность кружку московскихъ славянофиловъ.

Въ Гейдельбергѣ я впервые увидѣла Татьяну Петровну Пассекъ, которая, слыша, что я нахожусь съ сестрой тоже въ Гейдельбергѣ, пришла сама къ намъ и была со мной, съ перваго раза, какъ съ близкой. Она мнѣ разсказала о своемъ родствѣ съ Герценомъ, о своей дружбѣ съ нимъ и съ Огаревымъ, впрочемъ, все это было мнѣ давно извѣстно. Она звала меня къ себѣ, и я каждый день бывала, какъ у родственницы, съ своей маленькой дочерью. Тогда Татьяна Петровна переживала трудное время. Она пріѣхала въ Гейдельбергъ со всѣми дѣтьми, которыя были уже юношами, я ихъ видала, но мнѣ мало приходилось разговаривать съ ними: старшій Александръ, красивый, привлекательной наружности, напоминалъ отца, по словамъ Татьяны Петровны. Онъ былъ кандидатъ Московскаго университета; Татьяна Петровна, вообще, рѣдкая мать, любила его до безумія, гордилась имъ, мечтала везти его въ Лондонъ показать Герцену... мало ли плановъ, надеждъ было въ ея горячемъ сердцѣ относительно ея первенца! Судьба готовила ей иное: ея Александръ, страстно увлеченный одной особой, М—чъ, вдругъ отдалился отъ матери, которая передавала мнѣ ежедневно свои страданія и опасенія за любимаго сына, за ея дорогаго Сашу. Послѣдній оставилъ навсегда прежде горячо любимую мать и уѣхалъ въ Парижъ съ предметомъ своей страсти, тамъ года черезъ два тревожной жизни, онъ угасъ отъ грудной болѣзни, какъ его отецъ; предчувствіе не обмануло сердце матери! Вотъ почему Татьяна

Петровна мало говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: сердце изстрадалось за него! Между соотечественниками, навѣстившими въ Гейдельбергѣ сестру Елену Алексѣевну, припоминаю Грекова съ женой, Ириной Аѳанасьевой: она была родственница Станкевичу и давно, еще въ Москвѣ, коротко знакома съ моей сестрой, въ домѣ которой я имѣла удовольствіе видѣть ее лѣтъ десять тому назадъ. Ея наружность была необыкновенно симпатична, хотя нельзя было назвать ее красивой: выраженіе ея лица было исполнено доброты, привѣтливости. Кромѣ того, къ ней влекло меня и всѣхъ знающихъ ее, потому что у нея былъ замѣчательный музыкальный талантъ: рѣдко чистый, мелодичный, сильный голосъ, контръ-альто, чтó для меня и для всѣхъ понимающихъ музыку—выше лучшаго исполненія на любомъ инструментѣ. Я любила слушать ее, особенно когда она пѣла страстныя и грустныя малороссійскія пѣсни; изъ всѣхъ этихъ мотивовъ меня поразила одна заунывная пѣсня, начинающаяся словами: «Вы простите, мои дѣтки». Это была любимая пѣсня Тимоѳея Николаевича Грановскаго; въ грустномъ, тяжеломъ настроеніи духа, нельзя было дослушать ее до конца, такъ какъ она потрясала всѣ фибры человѣческаго существа.

Какъ рѣдкосвѣтлое явленіе между людьми, Ирина Аѳанасьевна недолго радовала окружающихъ своей симпатичной натурой, своимъ задушевнымъ, глубоко потрясающимъ пѣніемъ. Вскорѣ послѣ ея замужества доктора запретили ей пѣть, или, лучше сказать, много пѣть,—вовсе не пѣть было для нея все равно, что не жить; доктора нашли въ ней какое-то расположеніе къ аневризму. Когда ее, по обыкновенію, обступали всѣ, прося спѣть еще что-нибудь, она отвѣчала намъ: «нѣтъ, будетъ, будетъ, мнѣ не велятъ много пѣть, сердце что-то не въ порядкѣ». Года два послѣ нашего свиданія въ Гейдельбергѣ, въ Москвѣ состоялся какой-то концертъ, устроенный любителями музыки; Ирина Аѳанасьевна принимала тоже въ немъ участіе. Она запѣла своимъ звучнымъ, симпатичнымъ голосомъ, вдругъ голосъ ея оборвался, и она склонилась; всѣ бросились къ ней, но она уже не дышала... Между присутствующими находился медикъ, который сказалъ: «все кончено, это разрывъ сердца».

Грековъ былъ неутѣшенъ; всѣмъ тяжело было сознаніе, что ея

голосъ смолкъ навсегда: онъ какъ птичка вырвался изъ клѣтки, взвился, залился послѣдней пѣсней и исчезъ безслѣдно...

Г-жа Маркевичъ (Марко Вовчекъ) была тоже въ то время въ Гейдельбергѣ; она приходила ко мнѣ нѣсколько разъ съ какой-то соотечественницей, фамилію которой я не могу припомнить, потомъ я встрѣтила г-жу Маркевичъ еще одинъ разъ съ мужемъ и съ маленькимъ сыномъ. Господинъ Маркевичъ казался очень озабоченъ и печаленъ; на добродушномъ лицѣ его читалось глубокое уныніе: онъ собирался обратно въ Россію съ нѣжно любимымъ ребенкомъ и старался склонить жену къ возвращенію на родину, но она была непоколебима: рѣшила остаться одна заграницей и привела въ исполненіе свое намѣреніе.

Еще до моего отъѣзда изъ Лондона, Герценъ получилъ отъ сына письмо, которымъ былъ очень огорченъ и встревоженъ: Александръ Александровичъ находился въ Бернѣ, имѣлъ комнату и столъ въ домѣ старшаго профессора и влюбился въ его внучку Е. У., которая жила тогда у бабушки. Александръ Александровичъ просилъ у отца позволенія жениться на этой дѣвушкѣ, которой было только шестнадцать лѣтъ. Герценъ находилъ, что сынъ его тоже слишкомъ молодъ, чтобы рѣшиться на такой важный шагъ, вдобавокъ, на днѣ души его таилась задушевная мысль, что сынъ его если женится, то непремѣнно на русской: ту же мечту онъ питалъ и относительно дочерей, но ему не дано было увидѣть осуществленіе своихъ желаній относительно дѣтей. Долго переписываясь съ сыномъ по этому поводу, наконецъ онъ уступилъ просьбамъ А. А. и согласился на бракъ съ Е. У.

Ея семейство жило въ Америкѣ, но вскорѣ оно пріѣхало для свиданія съ родными въ Швейцарію. Мать и отецъ Е. согласились охотно на выборъ ихъ дочери, потому что знали Герцена и имѣли къ нему безпредѣльное уваженіе. Провожая изъ Берна семейство невѣсты, которое пробыло въ Европѣ болѣе полгода, А. А. заѣхалъ къ намъ въ Гейдельбергъ и познакомилъ меня съ своей невѣстой.

Вернувшись изъ Лондона, зять мой, Николай Михайловичъ Сатинъ сталъ собираться обратно въ Россію и вскорѣ простился съ нами. Мы поѣхали его провожать на дебаркадеръ желѣзной дороги со всѣми дѣтьми, которыя, разставаясь не на долго съ отцомъ,

весело кричали ему въ пять голосовъ: «прощай, папа, прощай». Воодушевленная всеобщимъ волненіемъ, моя дочь повторяла тоже: «прощай, папа, прощай, папа». Какая-то русская нянюшка подошла къ ней и сказала: «позвольте мнѣ поцѣловать вашу ручку за то, что вы такъ мило прощаетесь съ своимъ папой».

Вскорѣ мы покинули Гейдельбергъ, для морскихъ купаній намъ посовѣтовали ѣхать въ Блакенбергъ, тихое мѣсто, безъ малѣйшихъ удобствъ, потому мало посѣщаемое туристами; въ Блакенбергѣ была одна только гостиница, цѣны на пищу и комнаты были очень высокія, такъ какъ конкурренціи вовсе не было; поэтому мы рѣшились взять маленькую квартиру, въ которой и размѣстились, хотя и не безъ тѣсноты. Купанье мнѣ не нравилось; надо было пройти по камнямъ большое пространство до моря, можетъ, съ четверть версты. На англійскихъ берегахъ купанье гораздо привлекательнѣе, ближе и лучше обставлено: пріѣзжіе пользуются хотя деревенскимъ комфортомъ, а въ Блакенбергѣ было слишкомъ много всякихъ лишеній и неудобствъ, однако мы и не думали перемѣнить мѣсто съ такой большой семьей: дѣти то ловили въ морѣ медузъ и приносили показывать ихъ намъ, то, вооруженные лопаточками, забавлялись, роясь въ камняхъ и пескѣ. Сестра Николая Михайловича Сатина, Настасья Михайловна Стравинская, пріѣхала въ Блакенбергъ для свиданья съ нами. Она была съ мужемъ и съ трехлѣтнимъ ребенкомъ—сыномъ ея любимой племянницы. Такъ какъ Стравинскіе пріѣхали не на долго, то остановились въ гостиницѣ, куда мы заходили каждый день за ними, чтобъ идти вмѣстѣ къ морю на каменистый берегъ.

Помню, что въ Блакенбергѣ моей дочери минуло два года; въ этотъ день мы были удивлены и обрадованы пріѣздомъ нашего стараго знакомаго, Павла Васильевича Анненкова, который былъ въ Лондонѣ и взялся свезти мнѣ письма и игрушки отъ нашихъ для моей маленькой дочери.

Мы вспоминали съ Анненковымъ 1848-й годъ, наше пребываніе въ Парижѣ во время іюньскихъ дней; вспоминали и о тогдашнихъ близкихъ знакомыхъ, о Натальѣ Александровнѣ Герценъ, которую онъ тоже очень любилъ и цѣнилъ, какъ я.

Скоро, незамѣтно пролетѣло время нашего свиданія съ сестрой,

и пришлось разстаться и съ ней; сестрѣ нужно было до холода возвратиться домой: тяжело, полно печальныхъ предчувствій было это послѣднее прощаніе... болѣе мы не видались... По отъѣздѣ сестры, я почувствовала страшное одиночество, оставшись съ моей малюткой, и рѣшилась съѣздить посмотрѣть Швейцарію, такъ какъ я никогда тамъ не была, вдобавокъ тамъ учился А. А. Герценъ. Пробывъ нѣкоторое время въ живописной Лозаннѣ, гдѣ я много гуляла по роскошнымъ садамъ и восхищалась совершенно новой для меня природой, которая имѣла на меня умиротворяющее, успокоивающее вліяніе... стада рогатаго скота, мирно пасясь по лугамъ и звеня колокольчиками различныхъ тоновъ, гармонировали съ остальнымъ, — пастухъ собиралъ скотъ своимъ особеннымъ пѣніемъ и игрой на флейтѣ, кажется, или на какомъ-то другомъ инструментѣ. Позже, я отправилась въ Женеву, гдѣ встрѣтилась съ А. А. Герценомъ и семействомъ его невѣсты. Они всѣ были со мной, какъ съ будущей родственницей, и требовали, чтобъ я принимала участіе въ ихъ экскурсіяхъ съ моей малюткой. А. А. уговорилъ меня ѣхать въ Бернъ, куда онъ скоро возвратился для своихъ занятій. Онъ нашелъ мнѣ большую комнату, кажется, со столомъ и написалъ, чтобъ я пріѣзжала, что все готово. Тогда я отправилась въ Бернъ и поселилась тамъ на нѣкоторое время. А. А. познакомилъ меня со всѣми членами семьи Фогтовъ: во-первыхъ, со стариками у которыхъ онъ жилъ. Старый профессоръ Фогтъ былъ въ то время лѣтъ семидесяти, высокаго роста, худощавый и довольно молчаливый, но съ весьма умнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Н смотря на свои преклонные годы, онъ имѣлъ больницу подъ своимъ вѣдомствомъ и ежедневно посѣщалъ ее, занимаясь ею очень серьезно. Жена его была довольно высокая, твердая, полная женщина, по чертамъ ея лица видно было, что въ молодости она была хороша собой; у нея былъ природный умъ, но она не получила никакого образованія. Она была энергичнаго и прямаго характера и потому инымъ не нравилась. Менѣе всѣхъ ладилъ съ ней ея первенецъ, нынѣ извѣстный натуралистъ, Карлъ Фогтъ. Онъ обвинялъ мать въ деспотизмѣ во времена его юности и потомъ остался на всю жизнь убѣжденъ, что она самое неуживчивое существо; подъ этимъ впечатлѣніемъ я съ ней познакомилась, но скоро оно

смѣнилось чувствомъ симпатіи и благодарности, потому что съ перваго моего посѣщенія, г-жа Фогтъ сердечно полюбила мою малютку и, къ удивленію всѣхъ ея родственниковъ, давала ей забавляться разными бездѣлицами и позволяла ей даже дѣлать безпорядокъ, а сама разговаривала со мной, но бывало, что она прерывала наши бесѣды, чтобъ поиграть съ ребенкомъ: иногда онѣ накидывали платки на палки въ видѣ знамени и обѣ танцовали съ ними, дѣлая въ то же время разные энергичные возгласы. У г-жи Фогтъ было въ Бернѣ очень много внуковъ и внучекъ, но она къ нимъ не чувствовала никакой симпатіи, и когда они заходили къ ней, она не знала, что съ ними дѣлать, и въ видѣ любезности предлагала имъ каждый разъ умыться, потомъ отсылала ихъ домой. Г-жа Фогтъ любила исключительно ту внучку, которая была обручена съ А. А. Герценомъ и которой въ то время не было въ Бернѣ.

Мнѣ иногда приходило въ голову, что ей должны наскучить мои частыя посѣщенія; тогда я пропускала день, но г-жа Фогтъ тотчасъ присылала ко мнѣ А. А. узнать, здоровы ли мы и почему не были у нея; я откровенно объяснила причину, и потомъ, по ея желанію, ходила къ ней ежедневно.

Мнѣ случалось засидѣться у Фогтовъ и обѣдать или ужинать у нихъ; ихъ образъ жизни былъ самый простой, пища самая незатѣйливая: тогда всѣ собирались въ столовую, гдѣ стоялъ огромный, круглый столъ—«историческій столъ», какъ говорили Фогты; всѣ блюда ставились прямо на столъ, средина котораго вертѣлась при малѣйшемъ прикосновеніи, каждому можно было брать, что ему нужно, безъ посторонней помощи; этотъ столъ былъ сдѣланъ по соображенію профессора Фогта, когда дѣти его были небольшія и всѣ находились еще дома, а обстоятельства профессора не позволяли имѣть прислугу. Когда онъ женился, онъ ничего не имѣлъ, кромѣ ничтожнаго жалованья, жена его тоже. Она любила разсказывать, какъ привязывала своего Карла шалью крѣпко себѣ на спину и готовила кушанье, мыла бѣлье, словомъ, исполняла всѣ домашнія работы, съ ребенкомъ на спинѣ. Впослѣдствіи, когда у нея было уже нѣсколько дѣтей, она была вынуждена брать помощницу на нѣсколько часовъ въ день. У нея было всего восемь человѣкъ дѣтей: четыре сына и четыре дочери. Я видѣла Карла Фогта, адво-

ката Емиля Фогта, и замѣчательно хорошаго доктора, Адольфа Фогта; Густава Фогта, меньшаго, я видѣла только разъ на семейномъ праздникѣ Фогтовъ, но я не желала съ нимъ познакомиться, потому что слышала изъ вѣрнаго источника, что онъ ненавидитъ русскихъ. Трехъ дочерей старушки Фогтъ я тоже знала, четвертая не пріѣзжала изъ Америки, но сказать о нихъ ничего не могу; онѣ, какъ и снохи г-жи Фогтъ, были нѣмки, дѣятельныя въ узкой сферѣ обыденной жизни, и только. Помню, какъ разъ А. А. зашелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ посланъ г-жею Фогтъ, чтобъ просить меня принять участіе въ ихъ семейномъ праздникѣ, на который собиралась исключительно вся родня Фогтовъ. Разъ въ годъ Фогты нанимали въ гостиницѣ просторную залу, музыкантовъ, заказывали ужинъ. Въ этотъ день собраніе было торжественно, потому что праздновали золотую свадьбу профессора Фогта. А. А. говорилъ мнѣ, что старушка Фогтъ будетъ очень недовольна, если я откажусь, какъ будто показывая отчужденіе отъ ихъ семьи; убѣдилъ меня согласиться и, уходя, сказалъ, что зайдетъ самъ за нами. И такъ мнѣ пришлось присутствовать при нѣмецкомъ праздникѣ. Всѣ меня радушно приняли, особенно г-жа Фогтъ; когда музыканты заиграли вальсъ, старый профессоръ обвилъ станъ своей подруги, и они кружились въ тактъ, ловко, не уступая ни въ чемъ молодымъ; потомъ молодежь занялась танцами, а взрослые и старые—разговоромъ; изъ молодыхъ одинъ А. А. не танцовалъ, потому что въ отрочествѣ ему не пришлось практиковаться въ этомъ искусствѣ, а позже ужь не хочется учиться такимъ пустякамъ. Этотъ праздникъ изображалъ для меня какую-то человѣческую пирамиду, внизу которой стоялъ старый профессоръ съ милой и симпатичной старушкой, а выше ихъ—дѣти съ женами, племянники, внуки, внучки... Я глядѣла на эти довольныя, простодушныя лица, всѣ они близкіе другъ другу... а я, какъ я почувствовала себя одинокой на этомъ праздникѣ, еслибъ можно было, кажется, я убѣжала бы, чтобъ избавиться отъ непріятнаго чувства, которое онъ возбуждалъ во мнѣ, а старушка Фогтъ приглашала меня такъ настойчиво, чтобъ сдѣлать мнѣ удовольствіе. Намѣренія и послѣдствія! Какъ это противуположно иногда, подумала я, но въ это время глаза мои опустились на мою маленькую дочь...

и я поняла, что все это вздоръ, что я не одна, что я счастливая мать.

Послѣ ужина, поблагодаривъ амфитріоновъ этого импровизованнаго праздника, я удалилась наконецъ съ своей маленькой дочерью, которая удивляла всѣхъ умѣньемъ держаться непринужденно и не слишкомъ смѣло въ чуждой для нея средѣ; она спокойно наблюдала за всѣмъ, что происходило кругомъ, и не просилась домой, какъ дѣлаютъ иногда черезъ-чуръ избалованныя дѣти. А. А. вызвался насъ проводить домой по пустыннымъ улицамъ Берна, объятаго сномъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого праздника, кто-то постучалъ въ мою комнату: «Herein!»—сказала я, думая, что это кто-нибудь отъ старушки Фогтъ или изъ какой-нибудь лавки, но, къ моему удивленію, я увидѣла передъ собой Николая Серно-Соловьевича. Онъ разсказалъ, что, узнавъ, что я нахожусь въ Бернѣ, нарочно пріѣхалъ изъ Женевы, чтобъ спросить, нѣтъ ли у меня писемъ или порученій въ Лондонъ, такъ какъ онъ собирался туда черезъ нѣсколько дней. «Пойдемте посидѣть на террасу, предложила я, тамъ лучше, чѣмъ въ этой пасмурной комнатѣ». Мы вышли и сѣли на скамью, дочь моя забавлялась, собирая цвѣты и травы; была поздняя осень, я слегка дрожала: «Зачѣмъ вы такъ легко одѣваетесь, сказалъ Серно-Соловьевичъ, вѣдь, право, холодно».—«Я забыла въ Лондонѣ зимній манто, а покупать не стоитъ», отвѣчала я. Мы разговорились о Россіи; радовала только надежда на освобожденіе крестьянъ, а въ остальномъ мало было утѣшительнаго. Серно-Соловьевичъ ѣхалъ въ Лондонъ, а оттуда . . . . домой. . . . .

— Вы ошибаетесь, слишкомъ мало перемѣнъ, возразилъ онъ. На его вопросъ, буду ли писать въ Лондонъ, я отвѣчала: «я недавно писала, скажите, что вы меня видѣли, разскажите о нашемъ разговорѣ». Такъ мы разстались. Въ то время я видѣла Серно-Соловьевича въ послѣдній разъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ герцога Евгенія Виртембергскаго.

Герцогъ Евгеній Виртембергскій, генералъ-отъ-инфантеріи русской службы — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сподвижниковъ императора Александра I въ борьбѣ съ Наполеономъ. Рожденный въ 1783 году и вызванный въ 1796 году императоромъ Павломъ I къ русскому двору, онъ былъ произведенъ въ полковники, а въ 1798 году, на 16-мъ году отъ роду, — въ генералъ-маіоры. Получивъ отличное военное образованіе, онъ на 19-мъ году уже вступилъ на боевое поприще въ Пултусскомъ сраженіи. Затѣмъ, участвуя въ дальнѣйшихъ дѣлахъ кампаніи 1806—1807 годовъ, онъ получилъ Георгія 4-й степени.

Посвятивъ себя теоретическому военному образованію, онъ составилъ весьма обстоятельную записку «О Наполеонѣ и образѣ веденія войны противъ него». Въ 1811 году онъ состоялъ при арміи Кутузова въ Турціи, а въ 1812 году командовалъ 4-ю пѣхотною дивизіею. Подъ Смоленскомъ онъ во главѣ 4-го Егерскаго полка сдѣлалъ вылазку изъ города и заставилъ непріятеля, тѣснившаго Дохтурова, остановиться. Во время отступленія нашей арміи, онъ много содѣйствовалъ успѣху этого отступленія и за Бородинское сраженіе получилъ Георгія 3-й степени. Затѣмъ онъ участвовалъ въ разныхъ дѣлахъ и сраженіяхъ кампаній 1813 и 1814 годовъ. Подъ Лейпцигомъ онъ находился въ сильнѣйшемъ огнѣ. За

эти кампаніи онъ получилъ алмазные знаки Александра Невскаго, Владиміра 1-й степени, Георгія 2-й степени и прусскій Краснаго Орла. Съ 1812 года онъ уже командовалъ 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ; при восшествіи на престолъ Николая Павловича, былъ назначенъ состоять при особѣ Его Величества. Съ 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ онъ участвовалъ въ Турецкой кампаніи 1828—29 гг., гдѣ въ дѣлѣ при Куртепе былъ раненъ, но оставался на полѣ сраженія до конца.

Послѣ паденія Варны, онъ уѣхалъ изъ арміи и изъ Россіи, и почти безвыѣздно жилъ заграницею, гдѣ и умеръ въ 1857 году.

I.

Пріѣздъ русскаго фельдъегеря въ Штутгардтъ. — Пожалованіе меня на тринадцати-лѣтнемъ возрастѣ въ полковники русской службы.—Мое неудовольствіе по этому поводу и отчаяніе. — Пріѣздъ Дибича. — Мое снаряженіе въ путь.—Попытка къ самоубійству.—Столкновеніе между Дибичемъ и Требра. — Встрѣча въ Гроднѣ. — Прибытіе въ Петербургъ. — Представленіе императору. — Бесѣда съ нимъ. — Представленіе императрицѣ. — Характеристика императора.

Конецъ 1796 года былъ для меня печальный. Припоминая теперь мечты, волновавшія меня въ то время, и причины, ихъ вызвавшія, я краснѣю и готовъ надъ ними смѣяться, но онѣ такъ удивительно совпали съ прибытіемъ къ намъ русскаго фельдъегеря, что его пріѣздъ произвелъ на меня чрезвычайно сильное впечатлѣніе, хотя я былъ, разумѣется, далекъ отъ мысли, что онъ будетъ имѣть какую-нибудь связь съ моей собственной судьбою. Надобно сознаться, что дѣтская фантазія рисовала мнѣ, въ ту пору, совершенно иное поприще, нежели поступленіе на русскую службу, которая меня нисколько не интересовала, и мои тогдашнія мечты связались съ нею до нѣкоторой степени только впослѣдствіи.

Пріѣздъ фельдъегеря встревожилъ не только меня, но и всѣхъ жителей Карлсруэ. Его прибытіе было вызвано вступленіемъ на престолъ императора Павла, который свидѣтельствовалъ свое постоянное благоволеніе къ отцу моему пожалованіемъ меня въ полковники русской службы. Фельдъегерь привезъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, матери моей алмазные знаки ордена св. Екатерины.

Родители ожидали, что перемѣна судьбы, предстоявшая мнѣ такъ

неожиданно, произведетъ сильнѣйшее впечатлѣніе на мою дѣтскую душу, но они ошиблись въ родѣ этого впечатлѣнія.

Было положено объявить мнѣ о пожалованіи новаго чина торжественнымъ образомъ и, чтобы скрыть отъ меня приготовленія къ празднеству, я былъ отправленъ съ господиномъ Б. въ Бреславль, къ его брату, золотыхъ дѣлъ мастеру. Поэтому, возвращаясь изъ его мастерской, я не подозрѣвалъ моего неожиданнаго повышенія.

У подъѣзда карлсруэскаго замка меня встрѣтилъ хоръ мальчиковъ, пѣвшихъ гимнъ: дѣвочки, въ бѣлыхъ платьяхъ, усыпали мой путь цвѣтами, и одна изъ лучшихъ актрисъ нашего театра привѣтствовала меня торжественною рѣчью. Когда я узналъ причину всей этой праздничной обстановки, я залился слезами, и вновь испеченнаго полковника едва не посѣкли.

Меня бранили, называя неблагодарнымъ, но я объявилъ, что хочу быть прусскимъ гусарскимъ корнетомъ, а вовсе не русскимъ полковникомъ, и что до такого высокаго чина я еще не доросъ.

Въ тотъ же вечеръ, на нашемъ театрѣ, былъ представленъ, въ честь мою, прологъ, при семъ меня изображала дѣвочка, въ моей собственной одеждѣ. Режиссеръ театра, г. Гагеманъ, авторъ нѣсколькихъ піесъ и талантливый артистъ, не безъ хитраго умысла назвалъ меня въ своемъ стихотвореніи Петромъ, чтобы закончить его эффектнымъ предсказаніемъ: «Изъ Петруши выйдетъ, конечно, со временемъ Петръ».

Но весь трескучій эффектъ этой фразы и тутъ пропалъ, относительно меня, даромъ. Я былъ, въ эту минуту, какъ нельзя болѣе далекъ отъ великихъ мыслей и вовсе не думалъ о подражаніи образцамъ великихъ царей. Праздникъ закончился новыми слезами и новыми упреками. Я плакалъ на-взрыдъ и кричалъ: «Этотъ оселъ назвалъ меня Петрушей—дурачкомъ» [1]). По истинѣ, г. Гагеманъ никогда не былъ такъ плохо вознагражденъ за свой трудъ.

Съ этого времени начались усиленныя заботы обо мнѣ господина Б., всѣ прочіе въ домѣ также подчинили меня строгой дисциплинѣ; мои пышныя и длинныя кудри были превращены въ туго-заплетенную косу. Едва-ли я чувствовалъ себя когда-либо несчастнѣе, какъ въ эту эпоху моей жизни, и, къ стыду моему, долженъ сознаться, что я серьезно замышлялъ лишить себя жизни при помощи ножницъ.

Производство меня въ генералъ-маіоры, послѣдовавшее уже въ 1798 г., и назначеніе шефомъ драгунскаго полка, окончательно сдѣлали изъ меня мученика. Казалось бы, подобная мысль вовсе не должна была придти въ голову, относительно десятилѣтняго мальчугана, но

---

[1]) Въ нѣмецкихъ народныхъ сказаніяхъ Петруша то же, что̀ у насъ Иванушка-дурачокъ.

исторія свидѣтельствуетъ о многихъ оригинальностяхъ, въ этомъ родѣ, со стороны императора Павла. Будучи всегда ярымъ поклонникомъ Фридриха II, онъ преобразовалъ и обмундировалъ, въ это время, всѣ свои войска по старо-прусскому образцу; вмѣстѣ съ тѣмъ были переименованы всѣ русскіе полки, называвшіеся прежде по городамъ и губерніямъ; съ тѣхъ поръ стали называться по имени ихъ шефовъ. Вспомнивъ, по всей вѣроятности, случайно, о существованіи въ Пруссіи Виртембергскаго драгунскаго полка, которымъ командовалъ во время Семилѣтней войны мой дѣдъ, императоръ вздумалъ назвать этимъ именемъ бывшій Псковскій драгунскій полкъ. Должно быть, государю помогло при этомъ имя моей маленькой персоны, попавшееся ему на глаза въ спискахъ арміи такъ же случайно, какъ взглядъ, брошенный однажды на чашку кофе рѣшилъ обсуждавшійся давно вопросъ о цвѣтѣ сукна для отворотовъ какого-то пѣхотнаго полка. Это производство, мною такимъ образомъ заслуженное, налетѣло на меня, какъ порывъ вѣтра во время грозы.

Неожиданная милость императора всей Россіи положила предѣлъ всѣмъ дальнѣйшимъ мечтамъ намѣченной имъ жертвы — какъ я называлъ себя въ то время. Дѣло не ограничилось теперь одной косою; на моей головѣ появились взбитыя пукли и напудренный вержетъ, меня одѣли въ зеленый мундиръ, въ узкій желтый камзолъ и такія же обтянутыя брюки и обули въ высокіе ботфорты съ золотыми шпорами. Я уже не могъ беззаботно бѣгать по полямъ, по лугамъ и по лѣсамъ; приличнымъ, мѣрнымъ шагомъ проходилъ я теперь чрезъ замковую площадь изъ своего помѣщенія къ обѣду. Это стало главной цѣлью возможной для меня прогулки при тѣхъ оковахъ, которыми были стѣснены мои движенія: при этомъ я нерѣдко зацѣплялся за палашъ, который сталъ моимъ неизмѣннымъ спутникомъ и причинилъ мнѣ въ дѣтствѣ, такимъ образомъ, гораздо болѣе ранъ, нежели я нанесъ имъ во всю жизнь врагамъ Россійской имперіи. Послѣдствіемъ столь недостаточнаго движенія было то, что случается съ растеніями, когда ростъ ихъ бываетъ задержанъ. Я сталъ непомѣрно толстѣть, и мысль, что я превращусь, во всѣхъ отношеніяхъ, въ каррикатуру, преслѣдовала меня неотступно. Еслибы у меня могло существовать по этому поводу малѣйшее сомнѣніе, то я долженъ былъ убѣдиться въ этой печальной истинѣ при инспекторскихъ смотрахъ, на которые отецъ возилъ меня съ собою на показъ, какъ рѣдкаго звѣря. Когда эскадронные командиры, желая угодить своему начальнику, присылали маленькому генералу ординарцевъ, то они, рапортуя мнѣ, не могли удержаться отъ смѣха, а въ окрестностяхъ Бреславля, гдѣ были расквартированы войска, деревенскіе мальчишки забросали меня однажды грязью, крича: «Постой, мы поподчуемъ русскаго генерала прусскимъ...!» Тутъ уже терпѣніе мое лопнуло, я

вышелъ изъ себя, первый разъ въ жизни обнажилъ свой палашъ и ударилъ имъ одного изъ неучей по уху. Этотъ поступокъ заслужилъ неодобреніе моего наставника, и меня присудили къ наказанію, которое считалось весьма строгимъ, но оживило меня, подобно лучу весенняго солнца: я былъ лишенъ, на нѣсколько дней, права носить косу и всѣ военные доспѣхи. Какимъ счастьемъ была для меня эта исправительная мѣра!

Не разъ думалъ я въ это время о тѣхъ горемыкахъ, которымъ свѣтъ даритъ иногда вѣчную свободу за нарушеніе какихъ-нибудь его глупыхъ предразсудковъ и этимъ оказываетъ имъ истинное благодѣяніе, и былъ вполнѣ убѣжденъ въ справедливости слѣдующихъ словъ французскаго поэта:

De Paris au Bengal,
Du Pérou jusqu'à Rome,
Les plus sot animal
A mon avis, c'est l'homme!

Съ тому подобными воспоминаніями связано время, прожитое мною съ 1798 по 1800 г.; оно разнообразилось только нѣкоторыми занятіями, въ особенности моими любимыми музыкальными упражненіями и живымъ участіемъ, которое я принималъ во всѣхъ событіяхъ политической жизни. Я не могу умолчать о безпредѣльномъ благоговѣніи, съ какимъ я относился въ то время къ Бонапарту, и долженъ сознаться, что къ русскимъ я питалъ непреодолимый страхъ, проистекавшій весьма естественно изъ той строгой дисциплины, которой меня подчинили; мою антипатію къ нимъ не могли побороть даже восторженныя похвалы, расточаемыя моимъ отцомъ Суворову за его побѣды въ Италіи. Впрочемъ, я не раздѣлялъ и восторга нашихъ друзей-французовъ при извѣстіи о битвѣ подъ Маренго; я досадовалъ, что нѣмцы были побиты. Пруссаки не признавали въ то время австрійцевъ своими соотечественниками, а я былъ инаго мнѣнія и вполнѣ понималъ чувство національной солидарности; съ теченіемъ времени изъ него выработался болѣе космополитическій взглядъ и болѣе широкая любовь ко всему человѣчеству.

Съ величайшимъ интересомъ прочелъ я, осенью 1800 г., исторію 30-лѣтней войны Шиллера. Густавъ Адольфъ былъ моимъ идоломъ, но мнѣ понравилось также описаніе Семилѣтней войны Архенгольца; когда я читалъ о сраженіи подъ Прагою, то меня преслѣдовалъ образъ моего любимца Вильгельма, убитаго жениха Елеоноры, и я дѣлалъ усилія, чтобы представить его себѣ безъ косы и пуклей. Можетъ быть подъ вліяніемъ этого чтенія я рѣшилъ тогда же, что ежели моимъ мечтамъ относительно писательской дѣятельности суждено сбыться, то я заимствую сюжетъ моего перваго произведенія изъ исторіи 17-го вѣка.

Пріѣздъ престарѣлаго русскаго генерала, барона Дибича, разрушилъ всѣ эти мечты и окончательно выяснилъ мою будущую карьеру.

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное на меня безобразной фигурою этого необыкновенно маленькаго человѣка. Онъ походилъ на болванчика или на тѣхъ искривленныхъ фарфоровыхъ куколокъ, которыми украшаютъ столы, но и это сравненіе далеко отъ истины.

Уже одно извѣстіе о пріѣздѣ русскаго генерала потрясло мои нервы, а тутъ еще эта каррикатура—истинное воплощеніе всѣхъ причудливыхъ нововведеній, которыми императоръ Павелъ исказилъ свое войско.

Дибичъ служилъ когда-то юнкеромъ въ одномъ прусскомъ полку, стоявшемъ въ Варшавѣ. Во время Семилѣтней войны уже въ офицерскихъ чинахъ, этотъ рыжеволосый забіяка былъ раненъ при Цорндорфѣ, прослылъ храбрымъ и способнымъ офицеромъ, и обратилъ на себя вниманіе самого Фридриха II, который приблизилъ его къ себѣ въ качествѣ поручика по квартирмейстерской части. Въ царствованіе Фридриха-Вильгельма II, Дибичъ командовалъ, въ чинѣ маіора, фузелернымъ баталіономъ, заявилъ себя нѣкоторыми изобрѣтеніями и получилъ, не знаю за какое сраженіе, орденъ pour le mérite; но въ прусской арміи его не любили, какъ интригана и забіяку.

Однажды имъ было получено отъ имени короля письмо, въ которомъ онъ былъ ошибочно названъ подполковникомъ. На принесенную имъ, поспѣшно, благодарность, ему объяснили, что произошла ошибка, но онъ уже успѣлъ разгласить о монаршей милости своимъ сослуживцамъ и ознаменовать это событіе амнистіей, какъ это дѣлаютъ коронованныя особы, освободивъ отъ наказанія одного солдата, приговореннаго къ шпицрутенамъ.

Когда вся эта исторія обнаружилась, то онъ былъ осмѣянъ товарищами, съ досады вышелъ въ отставку и отправился въ Россію со своимъ старшимъ сыномъ, только-что отсидѣвшимъ за какой-то проступокъ въ Глацкой крѣпости.

На Рейнѣ, Дибичъ потерялъ втораго сына, подававшаго большія надежды, въ уваженіе чего былъ помилованъ старшій.

Старикъ и тогда относился съ особенною любовью къ своему младшему сыну Ивану (впослѣдствіи фельдмаршалъ), который воспитывался въ Берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ и считался мальчикомъ прилежнымъ и многообѣщающимъ, и отецъ неоднократно, но безъуспѣшно, обращался въ это заведеніе съ просьбою уволить его въ русскую службу.

Своимъ быстрымъ повышеніемъ въ Россіи Дибичъ обязанъ одному сочиненію, въ которомъ онъ описалъ всю домашнюю жизнь Фридриха II

прикрасивъ этотъ разсказъ массою ходившихъ о немъ анекдотовъ[1]). Павелъ былъ въ восторгѣ отъ этого труда, и пріѣзжій иностранецъ сталъ предметомъ особаго вниманія съ его стороны; къ тому же, онъ съумѣлъ весьма ловко приноровиться къ капризамъ государя и къ его измѣнчивому нраву, и съ истинно стоическимъ терпѣніемъ переносилъ его шутки и поддразниванія. Весьма вѣроятно, что Дибичъ передъ своею поѣздкою въ Силезію не давалъ себѣ даже отчета въ томъ, считаютъ ли его при дворѣ императора любимцемъ или шутомъ. Быть можетъ, онъ былъ и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и можетъ быть, званіе шута въ глазахъ государя было одною изъ почетнѣйшихъ должностей добраго стараго времени, когда, по извѣстной пословицѣ, подъ дурацкимъ колпакомъ скрывался нерѣдко болѣе проницательный умъ.

Дибичъ, со своей стороны, былъ также большой оригиналъ; его природныя качества были подавлены массою всевозможныхъ странностей. На мой взглядъ, онъ былъ скорѣе добродушенъ, нежели золъ, но при этомъ до крайности хвастливъ, хитеръ и остроуменъ, обладалъ массою знаній, былъ типомъ царедворца и льстеца; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ гордъ, честолюбивъ и не прочь подставить ногу тому, кто становился ему поперекъ дороги. Императоръ принялъ его въ свою свиту подполковникомъ; вскорѣ онъ былъ произведенъ въ полковники, а затѣмъ, сосланный въ Сибирь, успѣлъ добраться только до Твери, гдѣ былъ обрадованъ производствомъ въ генералы и назначеніемъ въ командиры тамошняго гарнизоннаго полка. Въ Твери онъ оставался не долго, снова былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ вмѣсто ожидаемой кары получилъ командорскіе знаки Мальтійскаго ордена и былъ назначенъ третьимъ директоромъ перваго кадетскаго корпуса. Эта, сама по себѣ незначительная, должность была для него повышеніемъ, такъ какъ она приблизила его къ особѣ монарха, съ которымъ ему приходилось имѣть постоянныя сношенія.

Такъ разсказывалъ мнѣ неоднократно самъ Дибичъ о превратностяхъ своей судьбы;—правда ли все это, или нѣтъ, судить не берусь, но всѣ его разсказы оканчивались обыкновенно припѣвомъ: «императоръ мой другъ!»

Для меня остается также неразъясненнымъ вопросъ, былъ ли Дибичъ, дѣйствительно, посланъ Павломъ I за мною съ порученіемъ доставить меня въ Россію, или его появленіе въ Германіи, въ отпуску, только случайно совпало съ повелѣніемъ императора привезти меня въ

---

[1]) Baron v. Diebitsch: „Specielle Zeit und Geschäfts Eintheilung König Friedrich des II-ten, auf Befehl Kaiser Paul des 1-ten entworfen—1800 zum alleinigen aller höchsten Gebrauch im Jahre 1800 abgedrucht. St.-Petersburg. 1802.

Петербургъ и съ желаніемъ моихъ родителей. Самъ Дибичъ всегда торжественно увѣрялъ, что я долженъ смотрѣть на него, какъ на представителя Его Величества, которому поручено возвѣстить мнѣ его волю и милости, и что онъ посланъ съ цѣлью доставить мою персону въ сѣверную имперію.

Со времени появленія Дибича въ Карлсруэ, только и было рѣчи о предстоявшемъ путешествіи моемъ въ Петербургъ; снаряженіе меня въ путь подняло на ноги весь домъ, а приготовленіе къ конфирмаціи измучило стараго инспектора нашей школы, Регеля; мнѣ же пришлось выучить болѣе пятидесяти страницъ катехизиса. Русскій канцеляристъ, бѣжавшій изъ французскаго плѣна, былъ приставленъ ко мнѣ въ качествѣ учителя русскаго языка и, чтобы не лишиться обѣда, я долженъ былъ ежедневно заучивать по десяти русскихъ словъ и по двѣ русскія фразы. Одинъ офицеръ началъ преподавать мнѣ тактику и фортификацію; предъ отходомъ ко сну, я отвѣчалъ ему по биркѣ военную терминологію и за недостающія слова получалъ, по разсчету, щелчки. Словомъ сказать, были употреблены всѣ старанія къ тому, чтобы выучить меня, какъ попугая, который съ самаго начала долженъ понравиться своему новому господину. Изо всѣхъ моихъ мучителей, самая тяжкая обязанность выпала, безспорно, на долю моего парикмахера: ему предстояла, ежедневно, почти неразрѣшимая задача—убирать мою голову по точному образцу парика генерала Дибича. Я былъ въ положеніи барана, котораго ведутъ на закланіе, предварительно промучивъ его въ телѣгѣ, по тряской мостовой, и былъ увѣренъ, что хуже этого со мною уже ничего не можетъ случиться.

За мою неудавшуюся попытку лишить себя жизни при помощи канцелярскихъ ножницъ, я былъ такъ строго наказанъ по старо-прусскому обычаю, ибо самоубійца судится въ Пруссіи наравнѣ съ дезертиромъ, лишающимъ короля слуги, что не дерзалъ болѣе помышлять о переселеніи въ вѣчность и предавался только размышленіямъ о суетѣ всего земнаго; но съ этого времени въ меня вселился какой-то демонъ, во мнѣ проснулась склонность къ сатирѣ, которой я до того времени въ себѣ не подозрѣвалъ. За зло, мнѣ сдѣланное, я сталъ мстить, объявивъ въ тайнѣ войну всѣмъ человѣческимъ предразсудкамъ.

Мнѣ была легка разлука со всей надоѣвшей домашней обстановкою, но не съ моими родителями, братьями и сестрами, и не съ Карлсруэ. Я смотрѣлъ на мое поприще, какъ на жертву, которую я долженъ былъ принести для пользы моихъ родителей; эта мысль поддерживала во мнѣ христіанскую покорность. Родители сами считали это убѣжденіе, ими мнѣ внушенное, лучшимъ средствомъ для того, чтобы я помирился со своею судьбою; они чрезвычайно любили меня и были, со своей стороны, увѣрены въ моей безграничной къ нимъ преданности, хотя я

говорилъ о своей будущности съ ироническою улыбкою и скрывалъ свои слезы.

14-го января, напутствуемый пожеланіями всѣхъ жителей Карлсруэ, я отправился въ путь. Сначала я твердо рѣшилъ быть совершенно равнодушнымъ и холоднымъ, какъ льдина, но разныя мысли, приходившія мнѣ на умъ, измѣнили мало-по-малу мое настроеніе и я сталъ напѣвать: «Malborough s'en wa t'en guerre; Dieu sait quand reviendra!»

Съ генераломъ Дибичемъ, выѣхавшимъ ранѣе, и съ его дочерьми, которыхъ онъ везъ въ Россію, я долженъ былъ встрѣтиться только въ Варшавѣ, а пока я былъ ввѣренъ надзору прусскаго ротмистра ф. Требра, и при мнѣ состояли, кромѣ того, отставной военный хирургъ, слуга и старый гусаръ.

Въ странное положеніе были поставлены Дибичъ и Требра,—руководители моей юности; я считаю, что столкновенія между этими завистливыми людьми были неизбѣжны, а такъ какъ ротмистръ оспаривалъ авторитетъ генерала, то это могло подать поводъ только къ спорамъ и враждѣ.

Я не любилъ г. фонъ-Требра по слѣдующей причинѣ. Будучи моимъ первымъ преподавателемъ военныхъ наукъ, которыя я началъ изучать передъ моимъ отъѣздомъ въ Россію, какъ я уже говорилъ, онъ старался снискать мое расположеніе тѣмъ, что заплеталъ мнѣ косу очень низко, тогда какъ отецъ мой, съ рвеніемъ достойнымъ лучшей доли, начиналъ плести ее у самой макушки, чтò, по его мнѣнію, было необходимымъ признакомъ исправнаго солдата. Я плакалъ и кричалъ, но все же сострадательная услужливость моего учителя казалась мнѣ незаконной. Съ тѣхъ поръ я относился къ нему недовѣрчиво, и чувства не обманули меня, такъ какъ, выѣхавъ изъ Карлсруэ и оставшись со мною одинъ, онъ не замедлилъ сбросить съ себя маску, выказалъ себя человѣкомъ холоднымъ и безучастнымъ и позволялъ себѣ отзываться враждебно о людяхъ мнѣ дорогихъ, но все-таки мнѣ нравилось, что онъ не льстилъ мнѣ, подобно Дибичу; поэтому его обращеніе со мною, можетъ быть, было результатомъ извѣстнаго педагогическаго плана, а не его личнаго характера.

Г-нъ фонъ-Требра служилъ сначала въ рядахъ саксонскаго, затѣмъ голландскаго и наконецъ прусскаго войска, и, вслѣдствіе непріятности съ товарищами, долженъ былъ выйти изъ полка, которымъ командовалъ мой отецъ; затѣмъ онъ вступилъ въ бракъ съ придворной дамой моей матери, и ему былъ открытъ, такимъ образомъ, доступъ въ нашъ домъ. Тридцати шести лѣтъ отъ роду, стройный, съ серьезнымъ и въ то же время хитрымъ выраженіемъ лица, онъ могъ очаровать своимъ обхожденіемъ всякаго, но, повидимому, былъ властолюбивъ; въ разговорѣ

онъ умѣлъ обратить на себя вниманіе и выказать свои обширныя познанія. Любимымъ его конькомъ была философія Канта.

Первый нашъ ночлегъ былъ въ Виндавѣ; названіе это напоминаетъ мнѣ старика Іорка, бывшаго впослѣдствіи начальникомъ этого мѣстечка. Въ то время онъ командовалъ фузелернымъ баталіономъ и отдалъ мнѣ визитъ.

Вторая остановка была въ Петроковѣ; ночью мы были встревожены пожаромъ; загорѣлось такъ близко отъ насъ, что я чуть не выпрыгнулъ изъ окна въ одной рубашкѣ и меня съ трудомъ отъ этого удержали. Къ спасенію погибавшихъ были приняты всѣ мѣры, и я былъ свидѣтелемъ энергичныхъ дѣйствій фузелернаго полковника Освальда и его команды; тутъ мнѣ пришлось впервые видѣть безтолковую суетню польскихъ евреевъ. Несмотря на отчаянные вопли и крики, ими издаваемые, они ничего не предпринимали, чтобы отвратить грозившее имъ разореніе; это было весьма характеристично.

Дальнѣйшее путешествіе до Варшавы не ознаменовалось ничѣмъ достопримѣчательнымъ, но. въ общемъ, я нашелъ, что эта часть Польши, носившая въ то время названіе Южной Пруссіи, походила на страну, заброшенную Богомъ и отставшую, относительно цивилизаціи, на нѣсколько столѣтій отъ прочихъ государствъ Европы, которыхъ ей не удастся догнать до тѣхъ поръ, пока въ ней будетъ хозяйничать грязный еврейскій народъ, высасывающій всѣ лучшіе соки мѣстнаго кореннаго населенія. Всѣ лавки, всѣ шинки какъ бы по праву находятся въ рукахъ евреевъ; желая переночевать въ подобномъ шинкѣ, обыкновенно напоминающемъ собою Ноевъ ковчегъ, приходится зачастую раздѣлить соломенную подстилку, замѣняющую постель, съ самыми непривлекательными домашними животными, подвергаясь нападенію всевозможныхъ насѣкомыхъ.

Городъ Варшава, представшій нашимъ взорамъ, окруженный пустырями, показался мнѣ довольно величественнымъ; въ немъ было много красивыхъ зданій. Этотъ остатокъ прежняго величія, этотъ чисто-славянскій городъ, ставшій какъ бы временнымъ пристанищемъ иноземцевъ, по характеру совершенно чуждыхъ его населенію, навелъ меня на многія размышленія. Можно разсуждать сколько угодно о несогласіяхъ, царившихъ здѣсь и бывшихъ причиною паденія Польши, все же противно было видѣть иноземный элементъ, насильственно привитый къ этому старому политическому организму. Я охотно вымелъ бы изъ Польши помеломъ, вмѣстѣ съ еврейской грязью, и тѣхъ многочисленныхъ чиновниковъ, которые, получая скудное содержаніе, какъ трутни насѣли на чужое добро, стараясь выжать изъ него послѣднія капли крови, оставленныя евреями, я хотѣлъ бы уничтожить военную выправку чисто Салдернской школы, при которой процвѣтали, во всей

красѣ, коса и штиблеты, вмѣстѣ съ нѣмецкой командою и всѣ тѣ мелкія нововведенія, которыя пруссаки насильственно ввели во вновь доставшуюся имъ провинцію.

Въ Варшавѣ я удостоился впервые быть приглашеннымъ въ высшее общество и попалъ въ кружокъ антинаціональный, собиравшійся у тамошняго губернатора, генерала Кёлера. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ гуманный и пользовался любовью населенія.

Въ гостиницѣ, гдѣ мы остановились и гдѣ я встрѣтился съ генераломъ Дибичемъ, разразилась первая гроза между моими руководителями; впослѣдствіи между ними также нерѣдко происходили столкновенія, какъ будто у нихъ было, что дѣлить.

Дочери генерала, по сравненію со мною, были дѣвушки уже вполнѣ зрѣлыя, но я вспоминаю съ благодарностью о ихъ дружескомъ ко мнѣ расположеніи. Дальнѣйшее путешествіе въ ихъ обществѣ было для меня пріятнѣе предъидущей поѣздки, но оно не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ вплоть до русской границы.

Достигнувъ наконецъ этой границы, я увидѣлъ раскинувшійся на высотахъ противоположнаго берега Нѣмана городъ Гродно; у меня сильно забилось сердце, и всѣ чувства, волновавшія меня при мысли о неволѣ, которая ожидала меня въ Россіи, превратились въ одно нестерпимо жгучее чувство, отъ котораго у меня едва не захватило дыханіе «Еще одинъ шагъ, прощай моя свобода на вѣки», думалъ я. Только-что я готовился сойти съ парома и вступить на русскую землю, гдѣ меня ожидали, какъ я полагалъ, всяческія мученія и невзгоды и откуда былъ немыслимъ возвратъ на родину, насъ остановилъ казацкій офицеръ, воспретивъ намъ сходить на берегъ. Генералъ Дибичъ кричалъ и бѣсился, ссылаясь на именное Высочайшее повелѣніе; офицеръ, въ свою очередь, указывалъ на неполноту нашихъ паспортовъ и на свои инструкціи. Наконецъ прибѣжалъ управляющій таможнею, баронъ Гирсъ, вѣроятно уже извѣщенный о моемъ пріѣздѣ; весь запыхавшись, онъ разсыпался въ извиненіяхъ и пригласилъ насъ въ свою квартиру, чтобы выждать у него, какъ онъ заявилъ,—пока онъ увѣдомитъ мѣстныхъ властей о моемъ прибытіи и пока онѣ приготовятся къ нашему торжественному пріему, такъ какъ, по увѣренію Дибича и его дочерей, съ которыми не соглашался г. фонъ-Требра, Его Величествомъ было приказано оказать мнѣ, при въѣздѣ въ Россію, почести, подобающія члену императорской фамиліи.

Дѣйствительно, на улицахъ Гродно поднялась вскорѣ суматоха. Едва я окончилъ свой туалетъ, какъ второй директоръ Гродненскаго кадетскаго корпуса, полковникъ, баронъ Эльснеръ явился ко мнѣ отъ имени всѣхъ властей съ извиненіемъ, что насъ заставили ожидать, и успокоился, повидимому, только тогда, когда генералъ Дибичъ объявилъ

ему свое удовольствіе за оказанное усердіе и обѣщалъ не взыскивать за то, что жители Гродно упустили изъ вида ожидать насъ цѣлую недѣлю, стоя по колѣна въ снѣгу.

Наконецъ, приблизилась длинная процессія военныхъ и гражданскихъ чиновъ въ парадныхъ мундирахъ, имѣя во главѣ шефа расположеннаго въ Гродно мушкетерскаго полка; этотъ генералъ, говорившій только по-русски, подалъ мнѣ письменный рапортъ. Затѣмъ я отправился, въ сопровожденіи всѣхъ сановныхъ лицъ, въ приготовленную для меня въ городѣ квартиру, гдѣ меня встрѣтила красивая молодая дама-полька; ея любезное привѣтствіе было прервано рапортами всевозможныхъ ординарцевъ и дежурныхъ офицеровъ. На бывшемъ, вслѣдъ за тѣмъ, парадномъ обѣдѣ, на которомъ присутствовала масса мнѣ неизвѣстныхъ знатныхъ особъ, я занялъ мѣсто, за роскошно сервированнымъ столомъ, возлѣ моей прелестной хозяйки; ея очаровательный образъ носился эту ночь передо мною въ моихъ грезахъ. На слѣдующее утро мнѣ были представлены офицеры мѣстнаго гарнизона.

Между ними я встрѣтилъ много образованныхъ молодыхъ людей, которые почти всѣ говорили по-французски, и нѣсколькихъ лифляндцевъ, хорошо говорившихъ по-нѣмецки. Несмотря на пристрастіе императора Павла къ старо-прусскому военному костюму, который я встрѣчалъ здѣсь на каждомъ шагу, я долженъ сознаться, что русскіе офицеры и въ немъ сохранили свойственную имъ молодцоватость. Посѣтивъ гражданскихъ чиновниковъ и дворянъ, служившихъ по выборамъ, я пришелъ къ убѣжденію, что въ Россіи поляки переносили въ то время свою участь съ большею покорностью, нежели въ южной Пруссіи, и были преданы императору Павлу; русскіе же, напротивъ того, называли его государемъ строгимъ. Мое дѣтское воображеніе было вполнѣ удовлетворено парадомъ мушкетерскаго полка, при чемъ его шефъ отдавалъ мнѣ честь. Правда, каждый солдатъ, отдѣльно взятый, въ своемъ зеленомъ кафтанѣ, съ синими отворотами и обшлагами, въ узкихъ бѣлыхъ штанахъ, запрятанныхъ въ высокія черныя штиблеты, и въ маленькой, обшитой галуномъ шляпѣ, надвинутой на густо-напудренную голову, съ длинною косою, казался просто разряженною каррикатурою, но, въ общемъ, полкъ имѣлъ довольно величественный и почти воинственный видъ. По замѣчательному совпаденію, этому самому мушкетерскому полку, впослѣдствіи называвшемуся Муромскимъ пѣхотнымъ полкомъ, суждено было выдержать подъ моимъ начальствомъ нѣсколько тяжелыхъ и жаркихъ сраженій. Я не подозрѣвалъ, въ то время, что многіе юноши, маршировавшіе передо мною во цвѣтѣ силъ, испустятъ послѣдній вздохъ на моихъ глазахъ.

Мои военныя занятія въ Гродно чередовались съ осмотромъ различныхъ заведеній, въ томъ числѣ и кадетскаго корпуса, гдѣ въ моемъ

присутствіи былъ произведенъ экзаменъ изъ нѣмецкаго языка. Я посѣщалъ также большія собранія и балы, на которыхъ моя прелестная хозяйка считала своею обязанностью познакомить меня со всѣми представительницами прекраснаго пола, жившими въ окрестностяхъ. Надобно сознаться, что пребываніе въ этомъ первомъ русскомъ городѣ дало мнѣ болѣе свѣтлый взглядъ на предстоявшую мнѣ жизнь въ Россіи, о которой я думалъ прежде съ такимъ опасеніемъ, но ненавистный этикетъ, неразлучный съ этими общественными собраніями, къ которымъ я вовсе не привыкъ, казался мнѣ, по-прежнему, скучнымъ и утомительнымъ; впрочемъ, меня вознаграждало за все это особое ко мнѣ благоволеніе моей прелестной хозяйки, которая, оставаясь со мною наединѣ, забывала всякій этикетъ, усаживала маленькаго генерала къ себѣ на колѣни, оказывала ему самыя милыя ласки и давала понять, что величайшія наслажденія въ жизни сопряжены съ страданіемъ, но что отъ этого отъ нихъ не слѣдуетъ отказываться. Я танцовалъ въ Гродно отъ всей души и былъ какъ нельзя болѣе веселъ.

Такъ проходило время, когда въ одинъ прекрасный день было рѣшено двинуться наконецъ въ дальнѣйшій путь. Тяжело было прощанье съ Гродно, тѣмъ болѣе, что предстоявшая поѣздка, въ зимнее время, на курьерскихъ, представляла огромную разницу съ гродненскими празднествами. До Риги мы не видѣли ничего инаго, кромѣ страшной военной дисциплины, при чемъ всевозможныя картины, во вкусѣ Гогарта, наскучили мнѣ до-нельзя. Уже въ день отъѣзда я испыталъ цѣлый рядъ мученій, начиная съ завтрака у коменданта до въѣзда, при свѣтѣ факеловъ и подъ конвоемъ казаковъ, въ Мережъ, гдѣ мы должны были ночевать. Этотъ день былъ для меня настоящей пыткою. На завтракѣ у коменданта подвергся немалому испытанію и мой музыкальный слухъ, которой немилосердно терзали полковые пѣсенники; выведенный изъ себя этимъ гамомъ, я воскликнулъ: «это хуже собачьяго воя!», но комендантъ преспокойно замѣтилъ, что это «чисто національная русская музыка».

Мѣстность, отъ береговъ Нѣмана до Ковно, куда мы направились, казалась мнѣ болѣе привлекательною, нежели прусская Польша, и была даже живописнѣе. Въ Ригѣ я видѣлся съ моими двумя дядями, Людвигомъ и Александромъ, и съ теткою, и въ ихъ объятіяхъ отдохнулъ отъ крайне утомительныхъ церемоній, такъ какъ въ домѣ этихъ почетныхъ особъ я не пользовался никакими почестями, подобно тому, какъ маленькое свѣтило теряетъ свой блескъ въ присутствіи большихъ. Такимъ образомъ въ Ригѣ я отдѣлался очень дешево, если не считать нѣсколькихъ парадовъ, въ томъ числѣ и смотра того полка, который назывался впослѣдствіи Таврическимъ и коего я былъ шефомъ, когда императоръ Александръ назначилъ меня состоять по пѣхотѣ. Дядя мой,

герцогъ Людвигъ Виртембергскій, увѣрялъ меня, что императоръ Павелъ весьма благоволитъ къ моему отцу и что меня ожидаютъ, поэтому, вѣроятно, большія милости. Собственноручное письмо императора, полученное мною по пути, на эстляндской почтовой станціи Торма, заключавшее въ себѣ выраженіе его удовольствія по случаю ожидаемаго пріѣзда моего, подтверждало, повидимому, слова дяди.

Вечеромъ, 6-го февраля, новаго стиля, я прибылъ въ Петербургъ и былъ отвезенъ, по приказанію государя, прямо въ зданіе перваго кадетскаго корпуса, на Васильевскомъ островѣ. Тутъ меня встрѣтили множество офицеровъ, въ богато вышитыхъ серебромъ мундирахъ. и масса прислуги со свѣчами въ рукахъ; они ввели меня въ прекрасно убранные покои. Въ первой комнатѣ былъ накрытъ столъ на три прибора, съ прекрасной сервировкой. Тотчасъ явился въ мундирѣ кадетскаго корпуса генералъ съ нѣсколькими звѣздами и назвалъ себя первымъ директоромъ заведенія, княземъ Платономъ Зубовымъ.

Этотъ знатный вельможа, столь могущественный и вліятельный въ царствованіе Екатерины, съ самаго начала засвидѣтельствовалъ мнѣ свое нижайшее почтеніе и готовность исполнять всѣ мои приказанія.

— Ваше высочество! князь Платонъ Зубовъ, первый директоръ перваго кадетскаго корпуса, долгомъ считаетъ увѣрить ваше высочество въ своей покорности и имѣетъ честь испрашивать вашихъ приказаній, сказалъ онъ, представляясь [1]).

Такъ какъ г. Требра увѣрилъ меня, что я буду воспитываться, какъ простой кадетъ, слѣдовательно въ князѣ я долженъ былъ видѣть своего начальника, то я едва не поцѣловалъ у него руку, но генералъ Дибичъ не только удержалъ меня отъ этого, но шепнулъ мнѣ, послѣ перваго моего привѣтствія, на ухо: «онъ совсѣмъ не свѣтлость!» Въ этомъ онъ ошибался, такъ какъ Екатерина дѣйствительно пожаловала Зубову княжеское достоинство.

Я пріободрился, старался, сколько могъ, быть разговорчивѣе съ привѣтливымъ царедворцемъ и, кажется, при прощаньи, князь остался мною гораздо довольнѣе, чѣмъ генералъ Дибичъ, который тотчасъ по уходѣ его схватилъ меня за руку и воскликнулъ:

— Знаете ли вы, что это за человѣкъ? это одинъ изъ самыхъ порочныхъ царедворцевъ императрицы Екатерины, которые теперь при дворѣ всѣ въ немилости. Передъ нимъ вамъ нечего слишкомъ кланяться!

Я отвѣчалъ Дибичу, что въ придворныхъ интригахъ я еще ничего не смыслю.

---

[1]) „Monseigneur! le prince Plato Soubow, premier directeur du premier corps des cadets, vient assurer Votre Altesse de sa soumission, et a l'honneur de Lui demander ses ordres“.

Г-нъ фонъ-Требра, который по правиламъ этикета ожидалъ все время въ передней, занялъ за столомъ мѣсто возлѣ своего заклятаго врага, котораго онъ еще болѣе ненавидѣлъ за тѣ преимущества, коими пользовался генералъ. Вскорѣ послѣ ужина благотворный сонъ сомкнулъ мои очи и заставилъ меня позабыть всѣ событія этого дня.

На слѣдующій день, рано утромъ, меня разбудилъ парикмахеръ и нагромоздилъ на моей головѣ цѣлое сооруженіе съ помощью пудры и помады. Затѣмъ на меня напялили новый, свѣтло-зеленый драгунскій мундиръ, съ красными отворотами и воротникомъ, и съ золотымъ аксельбантомъ, это былъ все тотъ же костюмъ, который привлекъ однажды насмѣшливое вниманіе уличныхъ мальчишекъ; но, надобно замѣтить, что при поспѣшности, съ какою была изготовлена моя обмундировка, почти всѣ предметы моего костюма не согласовались съ естественными размѣрами моего тѣла.

Лишь только туалетъ мой былъ оконченъ, какъ доложили о пріѣздѣ графа Кутайсова. Этотъ господинъ, въ красномъ мальтійскомъ одѣяніи, съ бѣлоснѣжнымъ тупеемъ, первый любимецъ государя, былъ родомъ турокъ, взятый въ плѣнъ ребенкомъ; онъ выросъ на глазахъ императора, занимая должность простаго слуги, затѣмъ былъ камердинеромъ Павла и наконецъ получилъ званіе оберъ-гофмейстера. Кутайсова ненавидѣли въ Россіи, но едва-ли справедливо, такъ какъ нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы онъ дѣлалъ кому-нибудь зло. Мнѣ онъ показался человѣкомъ добродушнымъ и пріѣхалъ, отъ имени императора, освѣдомиться о моемъ здоровьи и пригласить меня на аудіенцію.

Я тотчасъ отправился съ генераломъ Дибичемъ въ Михайловскій замокъ, новый дворецъ, не задолго передъ тѣмъ построенный императоромъ Павломъ по близости Марсова поля. Эта новая царская резиденція,—огромное каменное зданіе, выкрашенное красною краскою и окруженное экзерцпргаузами, представляла рѣзкую противоположность съ колоссальнымъ Зимнимъ дворцомъ, мимо котораго я проѣхалъ, точно такъ же, какъ небольшая статуя Петра I, стоявшая передъ въѣздомъ въ Михайловскій дворецъ, мало походила на величественный памятникъ, которымъ я только-что любовался, сооруженный Екатериною на Сенатской площади, виновнику могущества Россіи.

Однако, всѣ мои сравненія и размышленія были прерваны, когда колеса нашего экипажа застучали подъ обширнымъ порталомъ замка; поблѣднѣвшее лицо моего спутника дало мнѣ понять всю важность наступавшаго, рѣшительнаго, момента. Судорожная дрожь, охватившая старика Дибича, угрожала окончиться апоплексическимъ ударомъ. Прикосновеніе его похолодѣвшей руки напомнило пожатіе командора въ Донъ-Жуанѣ, и я пришелъ, весьма естественно, къ заключенію, что не съ такими чувствами ѣдутъ къ «другу», какъ величалъ обыкновенно

Дибичъ императора Павла. Мнѣ казалось, что теперь онъ ѣхалъ съ совершенно иными мыслями, болѣе близкими къ страху, который испытываетъ слабое существо, при приближеніи къ всемогущему вершителю его судьбы.

Я былъ занятъ этими думами, когда меня вынули изъ кареты, въ которой высокіе сапоги мѣшали мнѣ сидѣть, такъ что я полулежалъ на колѣняхъ моего терпѣливаго спутника.

Медленно, какъ улитки, стали мы взбираться по лѣстницѣ, и дрожавшій отъ страха генералъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы повторить мнѣ разные совѣты и увѣщанія. Пройдя нѣсколько залъ и парадныхъ комнатъ, мы очутились, наконецъ, передъ роковыми створчатыми дверьми. Едва успѣлъ Дибичъ робко произнести: «Господи, помилуй насъ!», какъ двери отворились, и мы увидѣли императора.

Худощавый, средняго роста, съ рѣзкими чертами и желтовато-землистымъ цвѣтомъ лица, онъ былъ, какъ бы двѣ капли воды, похожъ на тѣ его портреты, которые мнѣ довелось видѣть ранѣе. На немъ былъ синевато-зеленый кафтанъ старомоднаго покроя, съ краснымъ воротникомъ и такими же обшлагами, но безъ отворотовъ, съ золотыми пуговицами и аксельбантомъ, бѣлые суконные штаны и ботфорты со шпорами; голова его была напудрена и завита, но коса довольно короткая. Въ мундирѣ, безъ шитья, была продѣта шпага, а на лѣвой сторонѣ груди блестѣли двѣ звѣзды. Взглядъ Павла не внушалъ страха и показался мнѣ даже благосклоннымъ.

По данной мнѣ инструкціи, я долженъ былъ преклонить предъ нимъ одно колѣно, но это мнѣ никакъ не удалось и кончилось тѣмъ, что, усиливаясь согнуть высокіе кожаные сапоги, я упалъ, наконецъ, на оба колѣна. Государь, вѣроятно, замѣтилъ мои стоическія усилія, улыбнулся, приподнялъ меня обѣими руками на воздухъ, посадилъ на стулъ и сказалъ своимъ хриплымъ голосомъ:

— Садитесь, государь мой! какъ вы провели у насъ ночь и что видѣли во снѣ? Генералъ Дибичъ, видимо, былъ крайне смущенъ, когда я отвѣтилъ:

— Ничего, Ваше Величество.

— Да, да, прибавилъ я, кивнувъ ему, я былъ слишкомъ утомленъ, чтобы видѣть сны. Дибичъ поблѣднѣлъ, но когда императоръ милостиво принялъ мой отвѣтъ, лицо его просіяло.

— Вамъ у насъ понравится, сказалъ затѣмъ государь, осматривая меня съ головы до ногъ. Сколько вамъ лѣтъ?

— Тринадцать, Ваше Величество.

— Когда вы вступили въ свѣтъ?

— Тринадцать лѣтъ назадъ, какъ я уже имѣлъ честь сказать.

— Я говорю не о томъ, замѣтилъ императоръ, улыбаясь, я спрашиваю, путешествовали ли вы, бывали ли въ обществѣ и...

Тутъ я прервалъ его рѣчь, при чемъ Дибичъ снова вздрогнулъ, а я, не смущаясь, заявилъ, что я еще мало видѣлъ людей и почти не выѣзжалъ изъ Карлсруэ; а впрочемъ, прибавилъ я, люди вездѣ одинаковы, и здѣсь они выглядятъ почти такъ же, какъ и у насъ!

— Меня радуетъ, возразилъ императоръ, смѣясь отъ души, при чемъ Дибичъ просіялъ, какъ утренняя заря, — меня радуетъ, что вы такъ скоро освоились у насъ, а чего вы еще не знаете, тому скоро научитесь.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ я, жизнь слишкомъ коротка, чтобы научиться всему, что должно и что хотѣлось бы знать!

— Браво! вскричалъ государь, многозначительно и милостиво взглянувъ на Дибича.

Затѣмъ онъ всталъ со стула и, пославъ мнѣ воздушный поцѣлуй, сказалъ, уходя:

— Государь мой, я радъ, что познакомился съ вами, подождите! я представлю васъ императрицѣ!

Старикъ Дибичъ былъ тронутъ до слезъ и, воспользовавшись уходомъ императора, крѣпко прижалъ меня къ сердцу и облегчилъ волновавшія его чувства словами: «благодареніе Богу, государь милостивъ!»

Дѣйствительно, онъ былъ весьма милостивъ и въ наилучшемъ настроеніи духа; ничто не обнаруживало въ немъ того состоянія, которому онъ иногда подвергался, о чемъ я слышалъ въ Ригѣ, въ домѣ моего дяди, по неосторожности нѣкоторыхъ лицъ, говорившихъ объ этомъ при мнѣ. Государь бесѣдовалъ со мною по-нѣмецки безъ малѣйшаго акцента; онъ отнесся ко мнѣ весьма любезно и держалъ себя съ полнымъ достоинствомъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна также встрѣтила меня весьма ласково. При величественной осанкѣ, она казалась издали, съ перваго взгляда, болѣе серьезной, нежели ласковой, тѣмъ болѣе, что, прищуривая глаза, она дѣлала гримасу,—но вблизи, прекрасныя черты ея правильнаго, открытаго лица дышали величайшею кротостью. Она была высока ростомъ, довольно полная, но при этомъ чрезвычайно стройна, а, благодаря изящному наряду и тонкой таліи, казалась моложе своихъ лѣтъ.

Остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и глядя на меня пристально, она замѣтила:

— Онъ откормленъ [1]).

— Онъ красивый мальчикъ [2]), отвѣчалъ императоръ.

---

[1]) Il a l'air bien nourri.

[2]) C'est un joli garçon.

Услыхавъ, что разговоръ идетъ на французскомъ языкѣ, я поспѣшилъ сказать привѣтствіе на этомъ языкѣ, которому выучили меня г. Рикордо и г-жа Белонде. Императоръ, не давъ мнѣ докончить, спросилъ торопливо:

— Вы дома выучились такъ хорошо говорить по-французски?

— У француза, Ваше Величество.

— Ну такъ и по-русски выучитесь скоро.

— Трудно.

— А почему вы знаете?

— Отъ моего русскаго учителя.

— Такъ у васъ, въ Карлсруэ, былъ и русскій учитель?

— Былъ, Ваше Величество.

— Вотъ это превосходно, воскликнулъ императоръ, хлопая въ ладоши и, обратившись къ моей тетушкѣ, замѣтилъ:

— Право, иной нашъ молокососъ обрыскаетъ весь свѣтъ и не привезетъ съ собою столько, сколько этотъ ребенокъ пріобрѣлъ въ родительскомъ домѣ!

Не умѣя сдерживаться, я вмѣшался весьма некстати въ разговоръ, сказавъ:

— Ваше Величество ошибаетесь, я не могъ бы выдержать экзаменъ, но я буду учиться прилежно и, можетъ быть, пополню то, чего не знаю.

— Браво! браво! повторилъ государь нѣсколько разъ, не переводя духъ, и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о путешествіяхъ.

Тутъ я невольно захотѣлъ блеснуть познаніями, пріобрѣтенными мною въ бесѣдахъ съ г. фонъ-Требра, и едва не разрушилъ моимъ неосторожнымъ заявленіемъ счастья, мнѣ улыбнувшагося, подобно тому, какъ ребенокъ опрокидываетъ нечаянно недостроенный имъ карточный домикъ.

— Вашему Величеству извѣстно, сказалъ я, самодовольно, что отъ путешествія не поумнѣешь.

— Откуда вы это знаете? спросилъ Павелъ съ улыбкою.

— Какъ же, возразилъ я, удивляясь, что императоръ могъ въ этомъ сомнѣваться, какъ же, вѣдь Кантъ никогда не выѣзжалъ изъ Кенигсберга, а мыслями своими обнималъ весь свѣтъ!

При этихъ словахъ, лицо государя омрачилось, его измѣнившееся настроеніе выразилось обычнымъ, въ такія минуты, прерывистымъ дыханіемъ. Топнувъ ногою, онъ спросилъ меня строго:

— Развѣ вы, молодой человѣкъ, знаете что-нибудь о Кантѣ?

Къ счастью, я вспомнилъ, въ эту минуту, что Павелъ не любилъ философовъ, и, спохватившись, я снискалъ окончательно его милостивое благоволеніе, отвѣтивъ:

— Сочиненій Канта, Ваше Величество, я не знаю; они были бы

для меня іероглифами; но самъ онъ сталъ такимъ историческимъ лицомъ, что объ немъ упоминаютъ при урокахъ исторіи.

Я попалъ въ цѣль вѣрно. Императоръ расхохотался и много разъ повторилъ: «c'est excellent [1])». Затѣмъ онъ взялъ меня за обѣ руки, сильно потрясъ ихъ, со странной гримасою обратился къ государынѣ, снова расхохотался и, какъ бы довольный собою, ударилъ себя нѣсколько разъ въ грудь, воскликнувъ: «Savez-vous, que ce petit drôle a fait ma conquête» [2]), затѣмъ, пославъ мнѣ рукою поцѣлуй, онъ удалился посвистывая.

Императрица, озадаченная этой неожиданной веселостью и видимо стараясь угадать причину ея, могла произнести въ отвѣтъ только: «j'en suis charmée» [3]). Слова замерли на ея устахъ, и она тревожно смотрѣла вслѣдъ удалявшемуся супругу. Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, государыня сказала полушутя, полусерьезно и слегка грозя мнѣ пальцемъ:

— Какой ты дерзкій мальчикъ! Здѣсь, дружокъ, надобно обдумывать слова больше, нежели въ Карлсруэ, да и вообще молчаніе приличнѣе ребенку, нежели говорливость. Подумай объ этомъ, если хочешь составить свое счастіе.

Надобно сознаться, что въ послѣднюю минуту обращеніе государя меня испугало, я боялся вспышки его гнѣва, а тетушка сразу пріобрѣла мое полное довѣріе.

— Ахъ, внѣ родины для меня нѣтъ счастія! воскликнулъ я, но воля родителей для меня священна.

— Такія чувства дѣлаютъ тебѣ честь, поэтому молчи изъ любви къ нимъ!

— Буду нѣмъ, какъ рыба; но позвольте мнѣ сказать одно слово въ свое оправданіе.

— Говори!

— Притворно наивный тонъ разговора мнѣ не нравится.

— Кто же заставляетъ тебя такъ говорить?

— Генералъ Дибичъ; онъ говоритъ, что такъ какъ Фридрихъ II любилъ его, то...

Императрица вздрогнула при этихъ словахъ и, приложивъ руку къ моимъ губамъ, вскричала, не давъ мнѣ договорить:

— Ради Бога, не дѣлай такихъ сравненій! Ты добрый, невинный ребенокъ, но за тобою надобно смотрѣть, чтобы ты не ожегся. Говоря это, тетушка съ любовью прижала меня къ своему сердцу и горячо

---

[1]) Превосходно.

[2]) Знаете ли, этотъ плутишка завоевалъ мое расположеніе.

[3]) Я очень рада.

поцѣловала меня; я почувствовалъ, что слова ея исходили изъ сердца и что она хотѣла въ своихъ объятіяхъ предохранить меня отъ опасностей, о существованіи которыхъ я, конечно, еще не могъ догадываться.

Какъ бы то ни было, я пріобрѣлъ въ этотъ день, совершенно незаслуженно, расположеніе обоихъ царственныхъ супруговъ; въ этомъ не было сомнѣнія.

Говоря о событіяхъ того времени и о личности императора Павла, мнѣ представляется альтернатива между неблагодарностью за оказанное мнѣ благоволеніе и исторической правдою, но исторія произнесла уже свой приговоръ, а мнѣ остается только сказать, что, по моему мнѣнію, всѣ поступки этого государя, отъ природы склоннаго ко всему доброму и хорошему, заставлявшіе его нарушить подъ часъ самыя законныя права людей, проистекали изъ его болѣзненнаго состоянія.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что быстрыя перемѣны, происходившія въ его настроеніи, представляли собою картину болѣзненнаго процесса.

Екатерина какъ нельзя болѣе заботилась о его воспитаніи и въ этомъ отношеніи ни въ чемъ не могла упрекнуть себя, но все то, что дѣлалось по обязанности и въ интересахъ политики, не въ состояніи было замѣнить ребенку сердца матери.

Уже съ дѣтства въ немъ обнаруживались нѣкоторые болѣзненные признаки, но при этомъ онъ былъ весьма развитъ и обладалъ многими основательными познаніями. Когда онъ бывалъ въ спокойномъ настроеніи духа, то своею любезностью легко могъ снискать расположеніе тѣхъ лицъ, которымъ были неизвѣстны обратныя стороны его характера, изъ коихъ выдающимися были недовѣрчивость, боязнь, гнѣвъ, моменты мрачнаго настроенія и сладострастіе. Самой смѣшной изъ его причудъ было пристрастіе къ игрѣ въ солдаты, а однимъ изъ хорошихъ качествъ, по свидѣтельству окружающихъ, была его всегдашняя готовность сознаться въ своихъ ошибкахъ и стараніе ихъ исправить. Онъ жаждалъ рыцарскихъ подвиговъ, но и эта черта была сопряжена съ нѣкоторыми странностями.

Павелъ былъ уже въ немилости при дворѣ Екатерины II, которая назначила для его жительства Гатчинскій замокъ, гдѣ ему была предоставлена, впрочемъ, полная свобода дѣйствій. Здѣсь онъ окружилъ себя той толпою каррикатурныхъ личностей, которыя стали извѣстны подъ названіемъ его гатчинскаго войска, созданнаго по образцу Голштинскаго отряда Петра III и наводнившаго впослѣдствіи Россію иноземными выскочками.

На двадцатомъ году жизни Павелъ былъ обвѣнчанъ съ принцессою Дармштадтской, которая вскорѣ скончалась.

Болѣе значительное вліяніе имѣла на него вторая супруга, моя тетушка. Этой прелестной женщинѣ, идеалу красоты и добродѣтели, пришлось нести тяжкія оковы этого брака, благодаря тому странному взгляду, на основаніи котораго заключаются брачные союзы дочерей владѣтельныхъ лицъ. Сознаніе своего долга и покорность судьбѣ ободряли благородную страдалицу; но ея высокія качества, подобно волшебной силѣ, дѣйствовали на впечатлительное сердце великаго князя, и ему удалось своею искренней любовью вызвать въ супругѣ взаимность, которой трудно было бы повѣрить, ежели бы она не была подтверждена самымъ цвѣтущимъ потомствомъ.

Во время своего путешествія, великій князь Павелъ Петровичъ высказалъ себя съ благопріятной стороны, а любезное обхожденіе его супруги также отразилось на немъ весьма выгоднымъ образомъ. Къ сожалѣнію, его характеръ былъ слишкомъ измѣнчивъ и не допускалъ постоянства.

Самые благодѣтельные планы и намѣренія, которыя Павелъ имѣлъ вначалѣ, носятъ характеръ чего-то страннаго. Стремясь уничтожить все созданное его предшественницею, онъ изумлялъ свѣтъ своими нововведеніями, а стараясь исправить свои ошибки, достигалъ еще болѣе печальныхъ результатовъ и дѣлалъ самыя противорѣчивыя распоряженія, которыя, разумѣется, могли бы породить безчисленныя затрудненія, ежели бы они не рушились обыкновенно сами собою нѣсколько дней спустя.

Безчисленныя ссылки въ Сибирь, которыя оканчивались зачастую поспѣшнымъ возвращеніемъ сосланнаго, превращались такимъ образомъ въ утомительныя прогулки; исключеніе изъ службы безъ уважительной причины смѣнялось не рѣдко повышеніемъ безъ всякой мѣры и повода; всевозможныя взысканія и награжденія, похвала безъ причины и порицаніе безъ проступка, отличія, оказанныя по произволу, и обидное униженіе только-что повышеннаго быстро слѣдовали одно за другимъ. Павелъ, собственно говоря, не былъ жестокъ; говорятъ даже, будто наказаніе кнутомъ лютеранскаго пастора Зейдера, за найденныя у него запрещенныя книги, было примѣнено только для вида. Но несомнѣнно, что, ненавидя якобинцевъ, Павелъ подозрѣвалъ и преслѣдовалъ въ каждомъ частномъ человѣкѣ революціонера.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗА МНОГО ЛѢТЪ.

Воспоминанія Неизвѣстнаго [1]).

(1854—1857 г.).

Съ отступленіемъ нашихъ войскъ изъ Севастополя, окончилась великая восточная война, ибо если послѣ того кое-гдѣ на театрѣ войны и происходили стычки (взятіе Кинбурна, дѣйствія союзниковъ въ окрестностяхъ Евпаторіи и Керчи), то это были такъ сказать послѣднія вспышки догоравшаго пожара. Гроза прошла, атмосфера очистилась, и все говорило о мирѣ.

Вести противъ насъ континентальную войну союзники не были подготовлены, для этого имъ пришлось бы увеличить свои силы, да кромѣ того создать громадныя, сухопутныя, перевозочныя средства. Для этого нужно было довольно продолжительное время и деньги—деньги большія. А между тѣмъ восточная война и безъ того поглотила у Англіи и Франціи громадные капиталы. Многія сотни милліоновъ рублей употребила и Россія на эту войну помимо потерь, понесенныхъ нами разореніемъ Севастополя и гибелью всего черноморскаго флота.

Два съ половиной мѣсяца послѣ отступленія изъ Севастополя полкъ нашъ оставался въ его окрестностяхъ, расположившись лагеремъ на полный отдыхъ. Послѣ трехъ-мѣсячной тяжкой службы въ оборонѣ Севастополя такой отдыхъ явился вполнѣ заслуженнымъ. Пользуясь продолжительнымъ досугомъ, я имѣлъ возможность быть на рѣкѣ Альмѣ и осмотрѣть поле битвы, происходившей 8-го сентября 1854 года. Я пріѣхалъ туда въ качествѣ фуражира, и пока мои солдаты укладывали на возы сѣно, купленное у мѣстнаго муллы, я успѣлъ сдѣлать бѣглый осмотръ поля битвы. Хотя со времени Альминскаго сраженія прошло тогда болѣе года (я былъ на Альмѣ въ концѣ сентября 1855), одна-

---

[1]) См. «Русскую Старину», 1894 г. сентябрь.

*

ко въ разныхъ мѣстахъ я видѣлъ валявшіеся на землѣ полусгнившіе ранцы, осколки гранатъ, обрывки одежды и аммуниціи, и кое-гдѣ кости людей и животныхъ. Я не нашелъ могилъ, гдѣ были похоронены союзниками трупы нашихъ убитыхъ, но полагаю, что въ настоящее время эти могилы удостоились уже хотя бы простаго деревяннаго креста... Позиція наша на рѣкѣ Альмѣ показалась мнѣ довольно сильною и, еслибъ она была укрѣплена цѣлымъ рядомъ окоповъ, то по всей вѣроятности союзникамъ пришлось бы уклониться отъ битвы на Альмѣ. Укрѣпить нашу позицію было не трудно, если вспомнить, что войска наши простояли здѣсь цѣлыхъ 7 дней, ожидая встрѣчи съ непріятелемъ и оставаясь въ совершенномъ бездѣйствіи. Между тѣмъ по превосходству силъ непріятеля и дальнобойности его ружей мы должны были вести съ ними войну окопную. Это отчасти уравновѣшивало бы шансы обоихъ противниковъ, какъ это показала оборона Севастополя.

Полкъ нашъ выступилъ во второй половинѣ ноября 1855 года, направляясь къ окрестностямъ Одессы. Уже на второмъ переходѣ къ сѣверу отъ Симферополя насъ застигла снѣжная буря, а когда мы въ началѣ декабря прибыли въ Николаевъ, то здѣсь лежалъ уже глубокій снѣгъ и морозы достигали 10 градусовъ. На переходѣ нашемъ между рѣкою Бугомъ и Тилигульскимъ лиманомъ, наканунѣ 6-го декабря, морозъ усилился и достигъ 30 градусовъ, при чемъ у многихъ солдатъ и даже офицеровъ оказались отмороженными пальцы рукъ и ногъ. Слышно было, что въ другихъ полкахъ, бывшихъ въ это время въ походѣ, были довольно многочисленные случаи замерзанія людей.

Во время стоянки нашей въ окрестностяхъ Одессы весною 1856 года къ намъ нагрянулъ одинъ изъ страшныхъ спутниковъ тяжелой и продолжительной войны, такъ называемый военный тифъ. Отъ этой страшной эпидеміи умерло у насъ до трехъ сотъ человѣкъ. Повальный тифъ, похищающій жертвы не хуже вражьихъ пуль и бомбъ Севастополя. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случахъ, медицинскій персоналъ оказался слишкомъ малъ, да впрочемъ, что могъ онъ подѣлать съ военнымъ тифомъ? Тутъ прежде всего нужна иная обстановка для больныхъ, иныя санитарныя и гигіеническія условія, а между тѣмъ тифозныхъ приходилось помѣщать въ тѣсныхъ, душныхъ и плохо вентилируемыхъ деревенскихъ хатахъ. Въ мартѣ 1856 года былъ заключенъ миръ, а лѣтомъ того же года нашъ полкъ былъ посланъ въ Измаилъ исполнить одну изъ статей мирнаго договора—разрушить Измаильскую крѣпость, а затѣмъ передать эту часть Бессарабіи во владѣніе румынамъ. Измаилъ въ это время считался въ числѣ лучшихъ городовъ въ Новороссійскомъ краѣ. Это былъ главный административный и торговый пунктъ южной половины Бессарабіи. Въ Измаилѣ существовала тогда обширная и сильная пограничная крѣ-

пость, таможня, карантинъ, въ томъ же городѣ былъ главный портъ нашей дунайской флотиліи, состоявшей изъ канонерскихъ лодокъ и пароходовъ. Торговля Измаила была довольно значительна хлѣбомъ, шерстью, саломъ, рыбою и лѣсомъ. Населеніе Измаила достигало 40 тысячъ душъ обоего пола, считая тутъ и гарнизонъ крѣпости, и служащихъ во всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ, а такихъ служащихъ было не мало. Послѣ разрушенія крѣпости, вывода флотиліи и передачи города молдавскимъ властямъ, Измаилъ сталъ быстро приходить въ упадокъ, отъ котораго не оправился еще и теперь, поступивъ обратно въ наши владѣнія. Въ Измаилѣ мы застали нѣсколько полковъ, присланныхъ сюда съ тою же цѣлью, какъ и мы—разрушить крѣпость Измаила и Киліи. Оборонительныя казармы взрывали порохъ, а на валахъ работали тысячи солдатъ и разоряли земляныя укрѣпленія, засыпая ими рвы. Вскорѣ вся крѣпость, еще такъ недавно довольно сильная, представляла однѣ развалины. Работы окончились, и къ осени войска выступили изъ Измаила, — остался только одинъ нашъ полкъ и пробылъ здѣсь осень и зиму 1856 — 57 годовъ. Постепенно выбывали изъ Измаила присутственныя мѣста, служащія лица, упразднился карантинъ, таможня, дунайская флотилія перешла въ Николаевъ — городъ замѣтно опустѣлъ... Наконецъ прибыли въ Измаилъ молдавскія власти и баталіонъ молдавскихъ войскъ. На другой день Измаилъ и вся уступленная по договору часть Бессарабіи считались уже во владѣніи румынъ, при чемъ по этому случаю было отслужено ими въ мѣстномъ соборѣ молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія турецкому султану.

Съ прибытіемъ румынскихъ или, какъ тогда ихъ называли, молдавскихъ войскъ, полкъ нашъ оставилъ Измаилъ и вступилъ въ предѣлы Россіи.

Какъ только затихли громы восточной войны, мы не замедлили открыть походъ противъ интендантовъ и всякаго рода хищеній, проявившихся съ такою силою и нахальствомъ въ эту войну. Этотъ своеобразный п о х о д ъ вполнѣ отвѣчалъ настроенію тогдашняго общественнаго мнѣнія, безпощадно осуждавшаго наши старые порядки, способствующіе этому хищенію. Усердная травля всякихъ интендантовъ, начальниковъ обозовъ, смотрителей госпиталей и прочихъ хозяевъ, пріобрѣтателей на счетъ казны, окончилась, какъ извѣстно, судебнымъ процессомъ и осужденіемъ главнаго интенданта арміи, генерала Затлера, и нѣкоторыхъ лицъ, а многіе другіе хищники, быть можетъ болѣе виновные, но не такъ высоко поставленные, вышли сухими изъ воды. Весь этотъ людъ, имѣвшій случай выгодно пристроиться къ казеннымъ деньгамъ, не представлялъ въ сущности ничего новаго и необыкновеннаго, что могло быть объясняемо особыми обстоятельствами, вызванными вой-

ною. Взяточничество и всякія хищенія были явленіями заурядными не въ одномъ только интендантскомъ вѣдомствѣ, а чуть ли не всюду, гдѣ можно было пріобрѣтать и устраивать безгрѣшные доходы на счетъ казны или на счетъ обывателя. Интенданты съ ихъ подвигами въ военное время стали бы невозможнымъ явленіемъ, если бы они не получили надлежащей подготовки во время мира и не черпали силъ и увѣренности въ возможности этихъ подвиговъ, благодаря всему тогдашнему нашему строю и обстановкѣ.

Въ доказательство основательности такого мнѣнія я разскажу здѣсь одинъ изъ интендантскихъ подвиговъ въ Крымскую войну. Подвигъ былъ далеко не изъ крупныхъ, и окончился онъ вполнѣ благополучно для главнаго дѣйствующаго лица.

Главнымъ интендантствомъ было поручено одному изъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ заготовить партію скота для продовольствія войскъ, причемъ закупка должна быть произведена въ ближайшій срокъ, въ ближайшихъ къ Крыму мѣстностяхъ. Чиновникъ получилъ авансомъ извѣстную сумму и выѣхалъ по назначенію. По прошествіи нѣкотораго времени, онъ донесъ своему начальству, что скотъ купленъ по такой-то цѣнѣ (ниже справочныхъ цѣнъ), причемъ въ доказательство приложено удостовѣреніе мѣстныхъ властей. По свидѣтельству тѣхъ же властей, купленный чиновникомъ скотъ, хотя и очень хорошаго качества, но тощій и что въ такомъ видѣ было бы не удобно употребить его на довольствіе войска мясною пищею, и что для этого скота нужно тучное пастбище, и тогда недѣль чрезъ шесть онъ вполнѣ поправится и будетъ имѣть большой вѣсъ и стоимость...

Умныя рѣчи пріятно слушать, и начальство предписало чиновнику пріискать тучныя пастбища и, нанявъ, пустить скотъ на выпасъ, для чего одновременно и высланы деньги. Спустя нѣсколько времени командированъ былъ нарочный чиновникъ для освидѣтельствованія годности скота. Онъ возвратился и донесъ, что смотрѣлъ скотъ и нашелъ его уже много поправившимся, но еще требующимъ мѣсяцъ времени для пребыванія на корму.

Недѣли черезъ двѣ отъ чиновника, купившаго скотъ и пустившаго его на пастбище — получается печальное увѣдомленіе, что скотъ болѣетъ и падаетъ. Къ донесенію приложено свидѣтельство подлежащихъ властей о числѣ павшихъ животныхъ и актъ о болѣзни ихъ, которая признается очень заразительной. Приложивъ къ своему донесенію эти доказательные документы, чиновникъ просилъ распоряженія начальства, какъ поступить въ данномъ случаѣ?

Почта ходила медленно, время шло и шло. Чиновникъ каждый день сообщалъ, что падежъ продолжается и неукоснительно представлялъ вѣдомость объ убыли скота и всякіе оправдательные документы. Нако-

нецъ чиновникъ получилъ предписаніе начальства, чтобы остающійся здоровый скотъ убить—кожи продать, изъ мяса заготовить солонину, объ исполненіи сего немедленно донести и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Чиновникъ въ точности исполнилъ распоряженіе своего начальства и затѣмъ донесъ, что солонина заготовлена съ показаніемъ на то расходовъ и также о деньгахъ, вырученныхъ за продажу кожъ, стоимость боченковъ для солонины и вообще расходы по ѐя заготовленію были потверждены надлежащими оправдательными документами. Распорядившись такимъ образомъ, чиновникъ терпѣливо ждалъ дальнѣйшихъ приказаній начальства. Прошло болѣе мѣсяца, а начальство и забыло о солонинѣ и командированномъ чиновникѣ. Лѣто было очень жаркое, и чиновникъ напоминалъ своему начальству о солонинѣ, которая, молъ, быстро приходила въ негодность вслѣдствіе лѣтняго зноя, такъ какъ помѣщенія вполнѣ удобнаго для ея содержанія не имѣется и нанять негдѣ. Вслѣдствіе этого донесенія, чиновнику было предписано: негодную солонину уничтожить во избѣжаніе вредныхъ послѣдствій для обывателей, а оставшуюся годную въ пищу продать и вырученныя за нее деньги передать въ казну. Это и было исполнено въ точности, причемъ въ доходъ казны поступило нѣсколько десятковъ рублей, взамѣнъ 18 или 20 тысячъ рублей, израсходованныхъ на заготовленіе партіи скота. Вы скажете, что это ошибка, всегда возможная, благодаря излишнему формализму и канцелярщинѣ.

Дѣйствительно, и въ приведенномъ мною случаѣ сказались во всей силѣ канцелярская формалистика и умышленное откладываніе дѣла въ долгій ящикъ. Но они въ приведенномъ примѣрѣ играли лишь второстепенную роль, а вся суть интендантскаго подвига заключалась въ томъ, что вся эта операція съ покупкою скота была произведена только на бумагѣ. Чиновникъ ограничился только тѣмъ, что про всякій случай приторговалъ у гуртовщика партію скота, а затѣмъ всѣ остальныя дѣйствія, какъ-то покупка скота (ниже справочныхъ цѣнъ), наемъ пастбищъ, падежъ и проч. и проч.—оказывались только фикціей... А вѣдь на все были представлены надлежащіе оправдательные документы, неподложные, а настоящіе, засвидѣтельствованные мѣстными властями. Понятно, что интендантскій чиновникъ пользовался обстановкой, въ которой онъ вращался, твердо помнилъ при этомъ правило дѣленія, и все окончилось благополучно по пословицѣ «рука руку моетъ и обѣ чисты бываютъ». Вѣдь вся махинація съ покупкой скота была бы немыслима, еслибъ окружающая среда или вѣрнѣе тогдашній административный строй не способствовалъ бы этому. На эту тему можно было бы привести множество примѣровъ изъ того времени, но я ограничусь только тѣмъ, что окончу эту главу моихъ воспоминаній краткою біографіею полковника Д..., выдающагося дѣятеля со-

роковыхъ годовъ, подвизавшагося на коммиссаріатской службѣ еще до восточной войны.

Д..., какъ подобаетъ сыну бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, въ концѣ двадцатыхъ годовъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и выпущенъ въ гвардію офицеромъ. Здѣсь онъ съумѣлъ обратить на себя вниманіе высшаго начальства, цѣнившаго его исполнительность и аккуратность. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ строю, Д... пристроился адъютантомъ къ очень высокопоставленному лицу. На новомъ мѣстѣ служенія онъ вскорѣ заявилъ себя не паркетнымъ шаркуномъ, а вполнѣ дѣловымъ человѣкомъ, вошелъ въ довѣріе къ своему могущественному патрону, который давалъ ему исполнять серьезныя порученія и письменныя занятія. И въ кабинетѣ своего начальника онъ умѣлъ вполнѣ оріентироваться и приспособиться ко всѣмъ требованіямъ, привычкамъ и даже капризамъ своего патрона. Предъ очи своего главнаго начальника Д... всегда умѣлъ являться во-время, одѣтый съ соблюденіемъ мельчайшихъ требованій тогдашней военной формы и этикета. При этомъ не допускалъ въ своей одеждѣ и военныхъ ея аксессуарахъ ничего напоминающаго роскоши, чѣмъ любили въ то время щеголять иные свитскіе офицеры. Вообще Д... казался во всѣхъ отношеніяхъ дѣловымъ, но не лакированнымъ адъютантомъ.

Такихъ лакированныхъ офицеровъ было тогда не мало въ гвардіи, а особенно въ гвардейской кавалеріи, гдѣ на внѣшній лоскъ и щегольство тратились большія деньги. Д... состоянія никакого не имѣлъ, зналъ хорошо значеніе и силу денегъ, жилъ очень разсчетливо, не дозволяя себѣ никакихъ дорого стоющихъ развлеченій, и соблюдалъ скромность и экономію даже въ одеждѣ.

Все это дѣлалось съ извѣстнымъ разсчетомъ и не могло не обратить вниманія начальника, который часто и охотно помогалъ нуждающимся офицерамъ, расходуя на это немалыя суммы изъ своихъ средствъ. При первомъ представившемся случаѣ, начальникъ деликатно освѣдомился у Д..., не нуждается ли онъ въ средствахъ?

Д... отвѣчалъ, что въ средствахъ онъ не нуждается, что онъ вполнѣ обезпеченъ для скромной жизни содержаніемъ, получаемымъ отъ казны, но, что, удѣляя часть этихъ средствъ на содержаніе матери, живущей въ провинціи, онъ долженъ жить съ большимъ разсчетомъ...

Такой отвѣтъ понравился начальнику, человѣку требовательному и вспыльчивому, но очень доброму, и онъ сказалъ:

— Это дѣлаетъ тебѣ большую честь! Служи, какъ служилъ, а я тебя не забуду.

Высокопоставленный начальникъ не забылъ своего обѣщанія, и по прошествіи нѣкотораго времени Д... былъ произведенъ въ полковники

по армейской пѣхотѣ и назначенъ управляющимъ коммиссаріатской коммиссіей въ городѣ Кременчугѣ.

Въ тѣ отдаленныя времена должность управляющаго коммиссаріатской коммиссіей считалась очень выгодною, но крайне шаткою.

Здѣсь нужны были извѣстный тактъ, умѣнье приспособляться къ извѣстнымъ обстоятельствамъ, умѣніе балансировать, а затѣмъ нужна была выдержка, та самая выдержка, которой не хватило даже извѣстному герою гоголевской поэмы Павлу Ивановичу Чичикову, когда ему удалось наконецъ присосаться къ таможнѣ.

Но у Д... всѣ эти качества оказались въ изобиліи. На новой должности онъ проявилъ обычную энергію, и оказался не только хорошимъ администраторомъ, но и финансистомъ. Кромѣ того Д... и тутъ съумѣлъ заслужить довѣріе начальствующихъ лицъ и зналъ, какъ ладить съ подчиненными, которыхъ держалъ однако въ строгой дисциплинѣ и решпектѣ. Съ вступленіемъ Д... на постъ управляющаго коммиссаріатской коммиссіи, въ ней исчезла всякая халатность и манкированіе службой; введенъ былъ строгій режимъ и за всякое нарушеніе разъ установленнаго порядка чиновники зачастую попадали подъ арестъ на гауптвахту. Но все это дѣлалось съ умѣніемъ, тактомъ, безъ вреда для будущности служащихъ, а потому не вызывало съ ихъ стороны жалобъ, тѣмъ болѣе тайныхъ доносовъ, куда слѣдуетъ, хотя для этого недостатка въ матеріалѣ не было, по пословицѣ старыхъ приказныхъ: «кто Богу не грѣшенъ—царю не виноватъ».

Разнесетъ бывало Д... какого-нибудь столоначальника, нашумитъ, накричитъ и въ заключеніе упрячетъ на гауптвахту на цѣлый день. И удивляются коммиссаріатскіе люди, какъ это ихъ начальникъ такъ рискуетъ. Вѣдь этотъ чиновникъ, такъ сказать, правая рука Д..., всю подноготную знаетъ, не ровенъ часъ въ гнѣвѣ можетъ и каверзу учинить Но Д... во всемъ сохранилъ равновѣсіе и при первомъ удобномъ случаѣ умѣлъ задобрить и поощрить чиновника, потерпѣвшаго отъ его строгаго режима.

Бывало, возвращается съ гауптвахты потерпѣвшій чиновникъ и идетъ онъ къ себѣ домой сердитый, недовольный за причиненный ему конфузъ. Въ мысляхъ онъ проклинаетъ строгость своего начальника и готовъ при случаѣ подставить ему ножку. Вотъ ужь и домъ близко: чиновникъ останавливается въ изумленіи, увидѣвъ, что гостиная и зала ярко освѣщены.

«Ну, такъ и есть, гости», думаетъ чиновникъ. «Даромъ, что моя благовѣрная хорошая хозяйка и женщина добрая, но такта у ней ни на грошъ... одно слово дура, какъ есть дура! Мужъ на гауптвахтѣ томится, а она гостей принимаетъ, соарэ устраивать вздумала. Дура, какъ есть дура, да и только».

Съ такими невеселыми мыслями входитъ чиновникъ въ домъ, гдѣ встрѣчаетъ гостей, а во главѣ ихъ и самого управляющаго. Честь не малая, чиновникъ озадаченъ и обезоруженъ.

— А мы тутъ собрались у тебя, чтобы жену твою утѣшить, да кстати время пріятно провести, да отвѣдать превосходныхъ наливокъ, которыя жена твоя такъ мастерски приготовляетъ.

Чиновникъ благодаритъ за честь, низко кланяется, хозяйка сіяетъ отъ удовольствія, вечеръ проходитъ весело и скоро съ неизбѣжнымъ преферансомъ, закуской и наливками.

На прощаньи Д... крѣпко жметъ руку хозяину и говоритъ: — Ты въ претензіи не будь, знаешь сказано: служба службой, а дружба — дружбой! Нельзя иначе, порядокъ надобно соблюдать — понимаешь...

— Отлично понимаю и высоко цѣню, говоритъ восхищенный чиновникъ, готовый присягнуть въ эту минуту, что умнѣе и находчивѣе Д... трудно найти. Этотъ и самъ не поскользнется и подчиненнаго не подведетъ. И припоминаетъ тутъ чиновикъ, что еще недавно его сослуживецъ попалъ подъ арестъ, а это обстоятельство не помѣшало ему получить чуть ли не другой день выгодную командировку. Такимъ образомъ, подчиненные Д..., меньшій коммиссаріатскій людъ оставался вполнѣ доволенъ своимъ начальникомъ, тѣмъ болѣе, что онъ благоразумно допускалъ ихъ къ участію въ дѣлежѣ добычи, или такъ называемыхъ безгрѣшныхъ доходовъ. Умѣя ладить со всѣми и приспособляться ко всѣмъ обстоятельствамъ, онъ ни разу не поскользнулся на скользкомъ коммиссаріатскомъ пути и даже въ борьбѣ со стихіями выходилъ побѣдителемъ, съ честью и пользой для себя.

Кременчугъ стоитъ при большой рѣкѣ, которая весною во время половодья причиняетъ нерѣдко много бѣдъ жителямъ, особенно когда наводненіе достигнетъ максимальныхъ размѣровъ. Такое необычайное наводненіе случилось въ то время, когда Д... управлялъ коммиссаріатской коммиссіей. Вода все прибывала и стала угрожать коммиссаріатскимъ складамъ. Тутъ-то и представился Д... прекрасный случай проявить свою дѣятельность и распорядительность. Подъ его личнымъ руководствомъ служителя, состоящіе при коммиссіи, и призванные на помощь нижніе чины квартирующихъ въ Кременчугѣ войскъ энергически отстаивали каждую пядь земли, прилегающей къ складамъ.

Въ то время въ Кременчугѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе главный военно-начальникъ генералъ адъютантъ графъ Никитинъ, облеченный большою властью и пользовавшійся большимъ авторитетомъ у высшаго правительства. Д... умѣлъ заслужить милостивое расположеніе къ себѣ этого престарѣлаго генерала. Графъ Никитинъ принималъ близко къ сердцу дѣло спасенія коммиссаріатскихъ складовъ и былъ очевидцемъ распорядительности и энергіи, проявленной Д... въ борьбѣ со сти-

ціей. Но давно извѣстно, что борьба съ нею нерѣдко не по силамъ человѣку. Вода все прибывала и прибывала и наконецъ ворвалась въ главный дворъ коммиссаріатской коммиссіи какъ разъ въ то время, когда тамъ находился графъ Никитинъ, а люди были заняты переноскою вещей изъ нижняго этажа въ верхніе. Все бросилось спасаться по лѣстницамъ на верхъ, а графъ выѣхалъ изъ затопленнаго двора на лодкѣ въ сопровожденіи управляющаго. Такимъ образомъ графъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ вода затопила нижніе этажи и находившееся тамъ казенное имущество, которое не успѣли перенесли на верхъ. Въ своемъ донесеніи высшему правительству графъ отдалъ должную справедливость необыкновенной дѣятельности и распорядительности Д..., оказанныхъ имъ въ дѣлѣ спасенія казеннаго добра, часть котораго если и была затоплена, то ужь никакъ не по винѣ управляющаго коммиссіей. Вслѣдствіе этого донесенія, полковникъ Д... былъ награжденъ орденомъ, а убытки, причиненные наводненіемъ вещевымъ складамъ, приняты насчетъ казны, причемъ въ общемъ эти убытки были все же довольно значительны.

Бывшій сослуживецъ Д... по коммиссаріату и приближенный къ нему чиновникъ, разсказывая мнѣ этотъ эпизодъ, замѣтилъ въ видѣ комментарія, что въ тотъ моментъ, когда вода ворвалась во дворъ коммиссіи и залила склады,—тамъ въ дѣйствительности остались только старыя рогожи да всякій ненужный хламъ...

Однажды вышло большое недоразумѣніе по поводу сдачи въ войско холста. Оказалось, что всѣ полки резервнаго кавалерійскаго корпуса генерала Сакена признали холстъ неотвѣчающимъ своему назначенію и отказались принять его. Предстоялъ для коммиссаріатской коммиссіи крупный скандалъ, который нужно было какъ-нибудь устранить. Достигнуть этого безъ доплаты, и притомъ довольно крупной, казалось невозможнымъ. Вся коммиссія пріуныла, но Д... не унывалъ, и въ умѣ его созрѣлъ планъ дѣйствій. Поэтому, когда собралось присутствіе для обсужденія роковаго вопроса, какъ быть съ холстомъ, управляющій уклонился отъ какихъ-либо рѣшеній и объявилъ членамъ присутствія, что онъ немедленно выѣдетъ для ревизіи военныхъ госпиталей, которые въ то время состояли въ вѣдѣніи коммиссаріатскихъ коммиссій.

Сказано—сдѣлано, и Д... въ тотъ же день выѣхалъ на ревизію. Вся коммиссія недоумѣвала, а иные коммиссаріатскіе чины высказывали опасеніе, ужь не рехнулся ли ихъ начальникъ? Тутъ до-зарѣзу нужно скорѣе покончить съ проклятымъ холстомъ, а управляющій вздумалъ ревизовать госпитали! Выбралъ удобное время—нечего сказать, какъ будто эта ревизія можетъ распутать дѣло?.. Оказалось однако, что эта ревизія и помогла бѣдѣ.

Пока коммиссаріатскій людъ ломалъ себѣ голову, теряясь въ догад-

кахъ о причинѣ внезапнаго отъѣзда ихъ начальника на ревизію госпиталей, Д..., въ сопровожденіи чиновника, быстро катилъ на четверкѣ почтовыхъ, направляясь въ городъ Елизаветградъ, въ которомъ тогда находился одинъ изъ подвѣдомственныхъ коммиссаріатской коммиссіи военныхъ госпиталей. Въ томъ же городѣ было мѣстопребываніе командира корпуса войскъ, забраковавшихъ холстъ. Прибывъ въ Елизаветградъ и не останавливаясь уже на почтовой станціи, управляющій приказалъ везти себя въ госпиталь, куда явился совершенно неожиданно. Началась ревизія, причемъ Д... находилъ все въ порядкѣ, восхищался всѣмъ видѣннымъ и въ концѣ концовъ высказалъ мнѣніе, что госпиталь содержится въ образцовомъ порядкѣ во всѣхъ отношеніяхъ, и что онъ сдѣлаетъ распоряженіе, чтобъ смотрители сосѣднихъ госпиталей побывали здѣсь и научились уму-разуму. Въ заключеніе ревизіи управляющій обнялъ и поцѣловалъ смотрителя госпиталя, нѣкоего Тарасова, благодарилъ его за отличную службу и обѣщалъ представить къ наградѣ.

Между тѣмъ экапажъ, запряженный свѣжими лошадьми, уже ожидалъ Д... у госпитальнаго подъѣзда. На прощаніе управляющій подозвалъ къ себѣ смотрителя и еще разъ благодарилъ его.

— Спасибо, братъ Тарасовъ, отъ всей души спасибо! Ревизія твоего госпиталя доставила мнѣ истинное удовольствіе, и я сожалѣю, что объ этомъ не могу лично доложить корпусному командиру. Его вѣдь нѣтъ въ городѣ, а ждать я не могу, служба требуетъ немедленнаго отъѣзда по дѣлу и при томъ крайне непріятному. Ты знаешь, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, что весь *вашъ* корпусъ забраковалъ у меня холстъ; придирка одна, а сколько хлопотъ. Ну, прощай братъ, да не забудь доложить корпусному командиру, что я глубоко сожалѣю, что лишенъ былъ счастья лично представиться его высокопревосходительству, чтобъ засвидѣтельствовать о результатахъ ревизіи госпиталя, процвѣтающаго благодаря его просвѣщеннымъ попеченіямъ и покровительству.

Спустя четверть часа, Д... уже мчался по почтовой дорогѣ, направляясь обратно въ Кременчугъ, куда и прибылъ на слѣдующій день. Затѣмъ въ первомъ засѣданіи присутствія онъ заявилъ, что онъ надѣется самолично уладить дѣло съ вопросомъ о холстѣ.

Чтобы я могъ лучше уразумѣть суть этого дѣла, чиновникъ, разсказывавшій біографію своего бывшаго начальника, пояснилъ, что госпиталь дѣйствительно содержался въ порядкѣ, но что образцоваго, чудеснаго тамъ ничего не было. Но суть въ томъ, что смотрителемъ госпиталя былъ Тарасовъ, пользовавшійся особою милостью и расположеніемъ корпуснаго командира, генерала Сакена, который всячески благодѣтельствовалъ и протежировалъ Тарасову, въ признательность за то, что онъ, бывшій когда-то фельдшеръ, пустилъ во-время кровь женѣ Сакена и тѣмъ яко-бы спасъ ее чуть не отъ смерти.

На другой день послѣ отъѣзда управляющаго коммиссіей, возвратился корпусный командиръ, и къ нему поспѣшилъ явиться смотритель госпиталя съ подробнымъ докладомъ о результатахъ внезапной ревизіи.

— Радуюсь за тебя, другъ мой, и въ свою очередь сожалѣю, что не могъ видѣться съ твоимъ достойнымъ начальникомъ. Вѣдь я его помню, когда онъ еще адъютантомъ въ Петербургѣ служилъ. Прекрасный служака и офицеръ, да кромѣ того человѣкъ очень религіозный.

— Спѣшилъ онъ очень обратно въ Кременчугъ, у него большая непріятность вышла.

— Жаль бѣднаго, вѣрно изъ Петербурга какая-нибудь бумага непріятная получена.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство, въ Петербургѣ нашъ начальникъ на лучшемъ счету, имъ тамъ вполнѣ довольны, а вотъ это наши у него весь холстъ забраковали.

— Какъ! забраковали? Мнѣ ничего пока неизвѣстно, я разслѣдую это дѣло, будь увѣренъ.

Разслѣдованіе вскорѣ было произведено и окончилось тѣмъ, что были потребованы къ корпусному командиру образцы забракованнаго холста, которое и было признано годнымъ, а стало быть пріемка ихъ войсками корпуса сдѣлана для нихъ обязательною безъ всякихъ приплатъ со стороны коммиссаріатской коммиссіи. Такія приплаты практиковались въ тѣ времена и поступали въ пользу командировъ въ видѣ ресурсовъ на расходы полковаго хозяйства, но въ сущности для усиленія личныхъ средствъ командировъ и отчасти казначеевъ. Короче сказать, эти приплаты являлись тѣми же безгрѣшными доходами, о которыхъ знало и высшее начальство, но смотрѣло на это зло сквозь пальцы. Въ приведенномъ мною случаѣ такая приплата составляла бы въ общемъ круглую сумму, такъ какъ пріемщики отъ войскъ находили обыкновенную, такъ сказать, «нормальную приплату» недостаточною и требовали большаго, а въ концѣ концовъ обязаны были принять холстъ безъ всякой придачи.

Такимъ образомъ дипломатическая поѣздка Д... на ревизію госпиталя дала ему возможность заработать ему изрядный кушъ...

Проходили годы, и Д..., умѣло и ловко пользуясь обстоятельствами, умѣлъ въ бытность свою управляющимъ составить себѣ значительное состояніе, и, какъ человѣкъ практичный, самъ рѣшилъ, что пора и честь знать. Онъ умѣлъ во-время сказать себѣ: довольно! и призналъ благовременнымъ выходъ въ отставку. Но для исполненія этого рѣшенія ему предстояла трудная задача—сдать коммиссію. Извѣстно, что въ то время такая сдача не обходилась безъ приплаты со стороны сдатчика, причемъ сдача эта обходилась нерѣдко очень дорого. Чтобы

избѣжать такой «непріятности» или по возможности понизить ее до минимума, Д... придумалъ слѣдующую комбинацію.

Сохраняя въ тайнѣ свое рѣшеніе выйти въ отставку, онъ испросилъ себѣ кратковременный отпускъ въ Петербургъ, а такъ какъ при отъѣздѣ въ отпускъ нужно было сдать временно управленіе коммиссіей старшему по себѣ чиновнику, то Д... и получилъ отъ него квитанцію о благополучномъ пріемѣ отъ него коммиссаріатской коммиссіи. Сдача, конечно, была фиктивная и квитанціи въ коммиссіи объ этомъ пріемѣ не придавали никакого значенія. Но каковъ былъ ужасъ и удивленіе временнаго замѣстителя управляющаго коммиссіей, когда онъ узналъ, что Д... представилъ эту квитанцію высшему начальству въ Петербургѣ и подалъ въ отставку. По этому поводу въ коммиссіи, поднялся страшный переполохъ, но вскорѣ все успокоилось. Старшій членъ коммиссіи, замѣститель Д..., получилъ отъ него письмо, въ которомъ сообщалось, что если сдача будетъ признана дѣйствительнымъ фактомъ и отъ него, Д..., не потребуется никакой приплаты, то временно занимающій должность управляющаго коммиссіей будетъ утвержденъ въ этой должности. Подумайте,—совѣтовалъ Д... въ своемъ письмѣ,—вы не имѣете никакихъ связей и протекцій и не могли бы разсчитывать занять эту должность, но если вы согласитесь принять мое предложеніе, то я берусь устроить это дѣло. Временный замѣститель Д... счелъ для себя такую комбинацію выгодной и согласился признать сдачу коммиссіи дѣйствительнымъ фактомъ и за это былъ назначенъ въ должность управляющаго коммиссаріатской коммиссіей.

Впослѣдствіи Д... разсказывалъ, что эта сдѣлка стоила ему много дешевле, противъ того, во что обошлась бы дѣйствительная сдача коммиссіи, практикуемая обыкновеннымъ порядкомъ.

Д... вышелъ въ отставку генераломъ, купилъ довольно крупное помѣстье на имя жены, зажилъ мирнымъ обывателемъ и впослѣдствіи принималъ нѣкоторое участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Въ имѣніи своемъ онъ воздвигъ для себя громадный домъ-палаццо, чуть ли не о 70 комнатахъ.

Заканчивая свой разсказъ, бывшій коммиссаріатскій чиновникъ, приближенный Д..., добавилъ: Я посѣтилъ моего бывшаго начальника въ имѣніи и былъ принятъ имъ очень радушно. Мы долго вспоминали старину и въ заключеніе нашей бесѣды Д... сказалъ:

— Ты, любезный другъ, хорошо знаешь мое прошлое: служилъ я съ разсчетомъ, жилъ съ разсчетомъ, женился по разсчету, умѣлъ удержаться съ честью на шаткомъ посту управляющаго, умѣлъ вовремя забастовать. Кажется, что я послѣ этого могъ разсчитывать прожить свой остальной вѣкъ безъ глупостей. Но видно никто не гарантированъ отъ ошибокъ. Взгляни на это махинище! сказалъ

Д..., указывая на свой палаццо. Скажи, ради Бога, зачѣмъ мнѣ понадобилась такая громадина въ деревнѣ? Глупое тщеславіе, больше ничего! Я самъ чуть ли не ежедневно задаю себѣ вопросъ, зачѣмъ дернула меня нелегкая выстроить этакую громадину. А вотъ развѣ для того, чтобы прохожій или проѣзжій, глядя на такую диковинную постройку, посмѣялся да подумалъ: Вотъ дуракъ-то, не зналъ, куда деньги тратить — вздумалъ въ деревнѣ строить домище о 70 комнатахъ себѣ на разоренье, людямъ на смѣхъ и удивленье! Такъ-то, братъ, и твой бывшій начальникъ учинилъ подъ старость глупость превеликую. Выстрой я этотъ домъ въ большомъ городѣ, какой доходъ давалъ бы онъ, а теперь ничего не получаю отъ него кромѣ убытка и мученій совѣсти за глупо ухлопанныя деньги.

И въ качествѣ землевладѣльца Д... остался вѣренъ своимъ старымъ привычкамъ. У него въ имѣніи соблюдался образцовый порядокъ и даже дисциплина, всѣ и вся должны были существовать и работать для пользы владѣльца.

Нашему полку случилось квартировать одно время въ окрестностяхъ помѣстья Д..., и на землѣ его было отведено пастбище для подъемныхъ лошадей нашего полковаго обоза. Для присмотра за лошадьми была назначена команда нижнихъ чиновъ при офицерѣ; это былъ мой близкій товарищъ и разсказывалъ, что онъ былъ принятъ владѣльцемъ имѣнья радушно, причемъ Д... отвелъ офицеру помѣщеніе въ своемъ обширномъ палаццо, хотя и въ самой экономіи имѣлись квартиры вполнѣ удобныя для холостаго офицера. Мой товарищъ былъ пріятно польщенъ такимъ вниманіемъ со стороны бывшаго коммиссаріатскаго генерала, который однако не замедлилъ разсѣять иллюзіи офицера.

Д.. самъ отвелъ квартиранта въ назначенную ему комнату и, водворивъ въ ней офицера, сказалъ:

— Отводя вамъ помѣщеніе въ моемъ домѣ, я имѣлъ въ виду доставить вамъ удобства и соблюсти въ то же время и свои интересы... Вотъ извольте взглянуть, — продолжалъ онъ, подводя офицера къ окну. — Отсюда прекрасный и далекій видъ на окрестности, и что̀ самое главное—отсюда, какъ на ладони, видно ваше пастбище. Отсюда вамъ весьма удобно можно наблюдать, присматриваютъ ли ваши люди за лошадьми, чтобъ не допускать ихъ дѣлать потравы. Фурштаты ваши уже предупреждены мною, что съ оконъ вашей квартиры видно все.

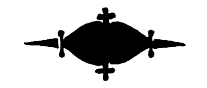
Во время квартированія фурштатской команды въ имѣніи Д... нижнимъ чинамъ удалось изловить и убить нѣсколько штукъ молодыхъ волковъ. Солдаты притащили ихъ въ экономію, и здѣсь Д... немедленно отобралъ у нихъ убитыхъ животныхъ, выдавъ фуршторамъ одинъ рубль на водку. Затѣмъ Д... распорядился представить шкуры волковъ въ свой уѣздный городъ, въ подлежащее присутственное мѣсто, и

получилъ установленное вознагражденіе за каждаго волка по три рубля. Узнавъ объ этомъ, полковое начальство вступилось за интересы нижнихъ чиновъ и письменно обратилось къ Д... съ просьбою выдать означенныя деньги нижнимъ чинамъ. Но онъ наотрѣзъ отказалъ, доказывая, что волки пойманы на его землѣ, что и деньги за нихъ, по праву, принадлежатъ только ему.

Таковъ былъ видный коммиссаріатскій дѣятель давно минувшихъ временъ, никогда не упускавшій случая къ пріобрѣтенію и неустанно заботившійся о своей пользѣ.

Теперь Д... лѣтъ уже двадцать покоится въ могилѣ, но, живи онъ въ наше время банковыхъ и желѣзнодорожныхъ дѣлъ, онъ имѣлъ бы случай широко примѣнить свои способности и таланты на болѣе обширной и благодатной почвѣ.

Неизвѣстный.

ЗА ПОЛСТОЛѢТІЯ.

1841—1892.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

Доктора А. И. Ильинскаго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(1864—1892).

ГЛАВА XII[1]).

Посѣщеніе госпиталя графомъ Коцебу.—Неудовольствіе его на меня. Требованіе его, чтобы я былъ переведенъ.—Мои объясненія съ Козловымъ.—Вильде—домашній врачъ супруговъ Коцебу.—Докторъ Халубинскій.—Замѣчательныя посѣщенія Уяздовскаго госпиталя.—Военно-медицинскій инспекторъ Козловъ. Необходимость особой высшей школы для военныхъ врачей.

Вскорѣ посѣтилъ госпиталь самъ графъ Коцебу и осматривалъ эвакуированныхъ изъ дѣйствующей арміи раненыхъ. При этомъ онъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что „въ госпиталѣ большая смертность послѣ операцій“ и приказалъ показать трудныхъ больныхъ, которыхъ предполагается оперировать.

Подойдя къ одному изъ нихъ, онъ спросилъ меня:

— Какая предполагается операція этому больному?

— Ему необходимо ампутировать голень выше колѣна, потому что у него гнойные затёки, угрожающіе піэміей, сказалъ я.

— Что такое піэмія? я что-то забылъ это слово... опять сказалъ онъ.

— Піэмія, ваше сіятельство, значитъ—гнойное зараженіе.

— Однако ему только угрожаетъ гнойное зараженіе... Къ чему же оперировать? замѣтилъ Коцебу.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь, 1894 г.

Обратясь къ больному прежде, нежели я успѣлъ отвѣтить ему, онъ сказалъ:

— Не соглашайся на операцію' Будешь здоровъ и безъ операціи!..

Я молчалъ, зная, что упрямство графа побѣдить нельзя и что неудобно въ присутствіи больнаго доказывать ему, что подобное вмѣшательство въ медицину неосновательно.

— Доносите мнѣ ежедневно объ этомъ больномъ... Нельзя такъ рѣзать руки и ноги, направо и налѣво... заключилъ онъ.

— Мы предпринимаемъ операціи въ крайности, и въ этомъ случаѣ необходимо предупредить гнойное зараженіе, рѣшился я сказать.

— Ну, а можете вы предупредить раненіе... Т. е. сдѣлать такъ, чтобы солдатъ не былъ раненъ въ сраженіи? замѣтилъ онъ.

— Это, ваше сіятельство, не входитъ въ область медицины, отвѣтилъ я.

— А какъ вы можете предупредить гнойное зараженіе?

— Наблюдая теченіе раненія и симптомы болѣзненнаго процесса... Есть же, ваше сіятельство, данныя, по которымъ можно судить объ угрожающемъ гнойномъ зараженіи.

— Я не вѣрю этому! Знаю только одно, что у васъ громадная смертность послѣ операцій...

— Смертность, ваше сіятельство, не больше той, которая всегда бываетъ послѣ большихъ операцій... Существуетъ точная статистика благополучныхъ и смертныхъ исходовъ послѣ операцій... и можно справиться—сколько обыкновенно умираетъ послѣ большихъ операцій... Напримѣръ, все это можно найти въ Военно-Полевой хирургіи Пирогова...

— Я хотѣлъ бы видѣть эту статистику. Пришлите мнѣ сочиненіе Пирогова, замѣтилъ графъ Коцебу и, сухо распростившись со мною, направился къ выходу.

Я не послалъ ему Военно-Полевой хирургіи, потому что не считалъ его юридически призваннымъ повѣрять чисто-медицинскіе спеціальные взгляды и мнѣнія врачей.

Графиня Коцебу имѣла громадное вліяніе на своего супруга. Домашнимъ врачемъ ихъ былъ, какъ уже выше замѣчено, ордина-

торъ Вильде. Онъ ежедневно посѣщалъ графа и графиню, въ утренніе часы, и былъ свидѣтелемъ величайшей безхарактерности графа Коцебу. Нерѣдко случалось, что, справившись о погодѣ и узнавъ, что она не хороша, графиня, въ присутствіи Вильде, заявляла своему супругу: «Heute Paulhin wirds du nicht ausgehen». И супругъ ея, командующій войсками округа и генералъ-губернаторъ, подчинялся своей супругѣ и оставался дома. Графиня Коцебу вмѣшивалась во всѣ дѣла своего мужа. Ссора съ начальникомъ штаба, княземъ И., и его супругой—была дѣломъ графини. Еслибъ она не была столь настойчива, а супругъ ея столь безхарактеренъ, то вѣроятно не произошло бы съ княземъ И. того, чтò сказано выше, и тѣмъ болѣе, что князь И., какъ начальникъ штаба, стоялъ на высотѣ своего призванія и вмѣстѣ съ своей супругой принадлежалъ къ солиднымъ и въ высшей степени почтеннымъ личностямъ. Равно и гоненія на меня были воздвигнуты графиней, которая, какъ сообщалъ мнѣ Вильде, имѣла въ виду замѣстить мѣсто главнаго врача въ Уяздовѣ своимъ домашнимъ врачемъ въ Одессѣ, который служилъ въ тамошнемъ карантинномъ вѣдомствѣ. Какъ бы то ни было, но послѣ изъявленія мнѣ своего расположенія въ двухъ упомянутыхъ выше приказахъ по округу, Коцебу написалъ письмо къ главному военно-медицинскому инспектору, Н. И. Козлову, о томъ, чтобы мнѣ было дано другое, соотвѣтственное моему мѣсту, назначеніе. Козловъ обѣщалъ исполнить это желаніе, но медлилъ, а я ничего не зналъ о письмѣ Коцебу. Только А. А. Боголюбовъ однажды намекнулъ мнѣ, что графъ Коцебу желалъ бы, чтобы я получилъ другое назначеніе. Съ того времени прошло болѣе года, а новаго назначенія я не получилъ. Козловъ не торопился съ моимъ перемѣщеніемъ, нерасположеніе Коцебу ко мнѣ возрастало съ каждымъ днемъ, и раздраженный медленностію Козлова онъ вышелъ изъ терпѣнія. Однажды, въ октябрѣ 1879 г., прискакалъ въ госпиталь верховой казакъ и привезъ мнѣ пакетъ. Распечатавъ пакетъ, я прочелъ слѣдующее:

«Его сіятельство, командующій войсками округа, проситъ главнаго врача Уяздовскаго госпиталя пожаловать къ нему сегодня въ 12 часовъ дня, въ Бельведерскій дворецъ, по дѣламъ службы».

Надѣвъ полную форму, я отправился въ Бельведерскій дворецъ

и былъ немедленно принятъ графомъ Коцебу. Онъ сидѣлъ въ креслѣ у своего письменнаго стола, имѣя георгіевскій крестъ на шеѣ. Движеніемъ руки онъ пригласилъ меня сѣсть на противуположной сторонѣ, какъ разъ противъ него, и между нами состоялся слѣдующій разговоръ:

— Вашему превосходительству извѣстно, что я не могу служить съ вами?

— Точно такъ, ваше сіятельство, мнѣ извѣстно это!

— Такъ что же вы думаете? Неужели вы полагаете возможнымъ оставаться на службѣ въ моемъ округѣ?

— Было бы странно, ваше сіятельство, желать этого, зная, что вы требуете моего перемѣщенія...

— Я полагаю! Уже болѣе года я настаиваю, чтобы вамъ дали другое назначеніе, а главное военно-медицинское управленіе не думаетъ объ этомъ... Такъ я найду средство и безъ него: я просто напишу письмо государю императору и полагаю, что мое желаніе будетъ удовлетворено.

— Но я желалъ бы знать причины недовольства вашего сіятельства мною...

— Причинъ много! Я не хочу рыться въ бумагахъ и объяснять вамъ эти причины. Достаточно вамъ знать, что причины эти извѣстны мнѣ.

— Я удивляюсь, ваше сіятельство, что послѣ двухъ приказовъ по округу, въ которыхъ изъявлена мнѣ признательность вашего сіятельства, я имѣлъ несчастіе подвергнуться нерасположенію вашему... Я не знаю—чѣмъ я могъ заслужить это?

— Все это извѣстно мнѣ!... Я не желаю вамъ зла!...

— Я вышелъ бы въ отставку, но мнѣ недостаетъ 3-хъ лѣтъ до полной пенсіи, а я человѣкъ бѣдный...

— Но я слышалъ, что вы выдаете двухъ дочерей замужъ и даете имъ около 100 тысячъ приданаго?

— Это совершенная неправда, ваше сіятельство! Тотъ, кто довелъ эту небылицу до свѣдѣнія вашего—лжецъ и вѣроятно мой врагъ.. У меня денегъ нѣтъ, но напротивъ есть долги...

— Какъ бы тамъ ни было, повторяю, что я вамъ зла не желаю... оставаться здѣсь вамъ нельзя... не будете ли согласны при-

командироваться къ главному военно-медицинскому управленію, впредь до открытія соотвѣтственной вакансіи, съ получаемымъ содержаніемъ?

— Я согласенъ, ваше сіятельство!

Графъ Коцебу позвонилъ и приказалъ пригласить начальника штаба. Вошелъ князь Шаховской.

— Телеграфируйте Козлову, что я прошу прикомандировать доктора Ильинскаго къ главному военно-медицинскому управленію, впредь до открытія вакансіи, съ получаемымъ содержаніемъ, и чтобы Козловъ отвѣтилъ мнѣ телеграммой.

Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, Коцебу сказалъ:

— Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать. Я увѣдомлю васъ о результатѣ.. Повторяю еще разъ, что зла вамъ не желаю, но и остаться здѣсь вы не можете... Я уже представилъ на ваше мѣсто другаго кандидата... Вы уже около 12 лѣтъ состоите главнымъ врачемъ госпиталя, а такое долгое пребываніе на одномъ мѣстѣ я нахожу неудобнымъ для службы, и этимъ я мотивировалъ замѣну васъ другимъ лицомъ.

Затѣмъ, я откланялся графу Коцебу и, сообразивъ все сказанное имъ, направился къ А. А. Боголюбову, какъ непосредственному начальнику моему. Ему я передалъ все, что сказалъ мнѣ Коцебу. Тутъ только Боголюбовъ открылъ мнѣ всю правду, и я узналъ, что письмо Коцебу къ Козлову прислано послѣднимъ къ Боголюбову изъ главнаго управленія, съ предложеніемъ дать по нему объясненіе. Я прочелъ это письмо. Въ немъ было сказано, что „въ Уяздовскомъ госпиталѣ очень часто и много свидѣтельствуется новобранцевъ и что часто случаются нареканія, а потому графъ Коцебу проситъ главное управленіе дать главному врачу госпиталя (т. е. мнѣ) другое соотвѣтственное назначеніе". Какая логика для командующаго войсками! Не лучше ли разслѣдовать, въ чемъ дѣло, и если причина нареканій главный врачъ, то какое право имѣетъ графъ Коцебу просить о другомъ соотвѣтственномъ назначеніи, вмѣсто того чтобы поступить по закону?

Нареканія на Уяздовскій госпиталь дѣйствительно были, но безъ нихъ никогда не обходилось въ странѣ, гдѣ употребляютъ всѣ усилія къ освобожденію отъ военной службы, въ странѣ, гдѣ много

лицъ живутъ и существуютъ тѣмъ, что прослыли всемогущими по увольненію заинтересованныхъ лицъ отъ военной службы. Эти господа берутъ деньги за увольненіе отъ службы на имя извѣстныхъ лицъ и обыкновенно выжидаютъ—не будетъ ли уволено то лицо, съ котораго взяты деньги по болѣзни, или другой причинѣ, отъ службы. Если состоится увольненіе, то взятыя деньги остаются цѣликомъ у помянутыхъ гешефмахеровъ, а если не состоится увольненіе, то взятыя деньги въ полномъ или въ половинномъ количествѣ возвращаются. Такимъ образомъ, ни въ чемъ неповинные люди подозрѣваются въ соучастіи съ такими ловкими обманщиками, а эти обманщики, между тѣмъ, занимаютъ хорошія квартиры, ѣздятъ въ собственныхъ экипажахъ и обѣдаютъ въ первоклассныхъ ресторанахъ... Молва же о томъ, что за деньги все можно сдѣлать, распространяется, и врачи подвергаются незаслуженнымъ нареканіемъ. Вотъ на это обстоятельство не обращалось должнаго вниманія, а слѣдовало бы обратить вниманіе тому же графу Коцебу.

Въ Уяздовскомъ госпиталѣ ежегодно свидѣтельствовалось въ мое время нѣсколько сотъ новобранцевъ, и еще при графѣ Бергѣ была учреждена для этого о с о б а я к о м м и с с і я, въ составъ которой входили посторонніе врачи (дивизіонные, полковые и пр.). Дѣло по освидѣтельствованію рѣшалось большинствомъ голосовъ. Главный врачъ былъ только членомъ этой коммиссіи и имѣлъ одинъ голосъ. Состояніе здоровья находящихся на испытаніи удостовѣряли ординаторы и консультанты, наблюдавшіе ходъ болѣзней и избиравшіе методы для лѣченія испытуемыхъ; предсѣдателемъ же коммиссіи былъ начальникъ госпиталя.

Если бы не учреждали этой особой коммиссіи, то дѣло другое: главный врачъ былъ бы отвѣтственнымъ лицомъ, но учрежденіемъ коммиссіи, въ противность существовавшимъ узаконеніямъ, по которымъ главный врачъ отвѣчаетъ за правильное заключеніе коммиссіи о неспособности свидѣтельствуемыхъ къ военной службѣ, съ него сняли отвѣтственность, по этому предмету, такъ какъ единичный голосъ не былъ рѣшающимъ. Ясно было, что графъ Коцебу искалъ только причины и, конечно, въ виду существующихъ доносовъ, набросилъ на меня тѣнь, полагая, что главное управленіе уважитъ его домогательство, но оказалось противное: А. А. Боголюбовъ,

получивъ копію съ письма Коцебу къ Козлову, далъ заключеніе, изъ котораго явствовало, что,въ виду учрежденной еще при графѣ Бергѣ особой коммиссіи для освидѣтельствованія новобранцевъ, я не могъ быть причиною нареканій и отвѣтственнымъ лицомъ. Вслѣдствіе этого,главное управленіе не спѣшило съ моимъ перемѣщеніемъ, находя, само собою разумѣется, извѣтъ Коцебу на меня не заслуживающимъ уваженія, а иначе нельзя объяснить медленность главнаго управленія въ смѣщеніи меня съ должности главнаго врача. Все это ожесточало Коцебу, поставившаго себѣ задачею—удалить меня изъ Уяздова, и, ожесточая его, вредило мнѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, слѣдовательно, что воздвигнутое на меня гоненіе исходило отъ графини Коцебу, возненавидѣвшей меня. Не считая себя подчиненнымъ ей, несмотря на то, что она была предсѣдательницей дамскаго комитета общества Краснаго Креста и по этой причинѣ должна навѣщать раненыхъ, я не унижался передъ нею и не заискивалъ, какъ дѣлали многіе, знавшіе о вліяніи ея на своего супруга и всѣми силами старавшіеся угодить ей. Многіе изъ нихъ начали учиться нѣмецкому языку,и даже нашелся одинъ (нѣкто В.), который нарочно, какъ говорили,ѣздилъ въ Ригу для изученія нѣмецкаго языка и чрезъ то, возвратившись въ Варшаву, сталъ говорить съ графиней Коцебу по-нѣмецки и шелъ въ гору.

Графиня Коцебу не любила и презирала все русское, а потому все тѣ, кто не говорилъ по-нѣмецки, не пользовались ея расположеніемъ и презирались. Такое грустное настроеніе высшей сферы, управлявшей краемъ, чувствовалось очень сильно. И что же могли сдѣлать русскіе противъ такого теченія? При Бергѣ тоже все нѣмецкое шло въ гору, и маіораты, за заслуги во время польскаго мятежа, почти исключительно были розданы нѣмцамъ, несмотря на то, что цѣль правительства при раздачѣ маіоратовъ (какъ и послѣ мятежа 1831 года) была—усиленіе въ краѣ русскаго элемента. Но эта благая цѣль не была достигнута, и во времена нѣмецкаго господства въ Царствѣ Польскомъ, при Бергѣ и Коцебу, нѣмецкій элементъ очень въ краѣ усилился, не столько чрезъ раздачу маіоратовъ нѣмцамъ, сколько переселеніемъ изъ-за границы и покупкою бывшихъ имѣній поляковъ нѣмцами, заѣзжими изъ Гер-

маніи и другихъ сосѣднихъ мѣстностей, такъ что началась германизація Царства Польскаго, побудившая правительство въ послѣднее время, какъ извѣстно, положить конецъ упомянутой германизаціи края запрещеніемъ нѣмцамъ пріобрѣтать имѣнія въ Привислянскомъ краѣ. Эта благодѣтельная мѣра, надо полагать, значительно опечалила сыновъ нѣмецкаго фатерлянда, исправивъ вмѣстѣ и ошибку бывшихъ покровителей ихъ.

О графѣ Бергѣ, впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что, покровительствуя всему нѣмецкому, онъ, по крайней мѣрѣ, не гналъ русское и не преслѣдовалъ такъ явно, какъ Коцебу и его супруга. Уже то, что супруга Берга не мѣшалась въ дѣла, имѣло громадное значеніе.

Какъ командующій войсками, Коцебу не пользовался любовію подчиненныхъ.

Узнавъ отъ А. А. Боголюбова содержаніе письма Коцебу къ Козлову, я отправился немедленно въ Петербургъ и представился послѣднему.

Отправившись на квартиру къ нему, я нашелъ его сидящимъ въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Онъ, сухо поклонившись мнѣ, перебиралъ какія-то бумаги и смотрѣлъ внизъ, не подымая на меня глазъ (это было знакомъ его дурнаго расположенія).

Наконецъ, видя, что я молчу, онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Что скажете?

— Вашему превосходительству все извѣстно, и вѣроятно вы знаете причину, приведшую меня къ вамъ: меня гонитъ графъ Коцебу.

— Что же я могу сдѣлать? Онъ не желаетъ имѣть васъ въ своемъ округѣ...

— Но что же мнѣ дѣлать?

— Я не знаю.

— Позвольте просить о другомъ назначеніи...

— Соотвѣтственныхъ вакансій нѣтъ! Прикомандировать васъ къ главному управленію, какъ онъ желаетъ, невозможно... Гдѣ же взять вамъ жалованье? Ваше, вѣдь, пойдетъ тому лицу, которое займетъ ваше мѣсто... А сверхсмѣтнаго кредита не дадутъ. Нужно изложить причины, а причина одна—нежеланіе Коцебу... Это не-

уважительная причина... Военный министръ откажетъ повергать на Высочайшее усмотрѣніе это дѣло.

— Я вышелъ бы въ отставку, но до полной пенсіи мнѣ остается еще три года.

— Если вы не боитесь слѣдствія по госпиталю, то я могу вамъ помочь... Если же боитесь, то я ничего не могу сдѣлать.

— Я прошу о слѣдствіи.

— Въ такомъ случаѣ я предложу графу Коцебу назначить слѣдствіе по госпиталю, чтобы выяснить вашу вину, или согласиться на перемѣщеніе ваше въ Казанскій военный госпиталь, главнымъ же врачемъ, а главный врачъ Казанскаго госпиталя займетъ ваше мѣсто.

Я согласился на эти условія.

Какъ все происходило дальше, не знаю; но только графъ Коцебу на запросъ Козлова отвѣтилъ, что онъ согласенъ на перемѣщеніе меня въ Казань, а на мое мѣсто согласенъ на назначеніе главнаго врача Казанскаго военнаго госпиталя.

Такъ все это и совершилось.

Для характеристики Коцебу, не могу здѣсь не упомянуть объ одномъ событіи, которое сообщено мнѣ домашнимъ врачемъ супруговъ Коцебу, Вильде (ординаторомъ ввѣреннаго мнѣ госпиталя, теперь уже покойнымъ).

Это событіе слѣдующее:

Въ Варшавѣ былъ извѣстный практикъ, бывшій профессоръ главной школы и впослѣдствіи университета Халубинскій. Онъ былъ женатъ на сестрѣ упомянутаго врача Вильде. Халубинскій замѣчателенъ тѣмъ, что когда профессорамъ Варшавскаго университета предложили читать лекціи, вмѣсто польскаго, на русскомъ языкѣ, то, будучи большимъ польскимъ патріотомъ, онъ отказался отъ этого и вышелъ въ отставку. Живя въ отставкѣ въ Варшавѣ, Халубинскій занимался частной практикой и весьма часто былъ приглашаемъ на консультаціи. Вслѣдствіе своего патріотизма, онъ разъ навсегда отказался ѣздить къ больнымъ, или на консультаціи, въ Варшавскую Александровскую цитадель, а потому, если встрѣчалась надобность, то больной, жившій въ цитадели, бралъ номеръ въ какой-нибудь гостиницѣ, и туда пріѣзжалъ Халубинскій.

Случилось такъ, что въ цитадели заболѣлъ одинъ полковникъ и послалъ своего денщика за Халубинскимъ. Послѣдній объявилъ денщику, что если его баринъ желаетъ видѣть у себя доктора (т. е. его, Халубинскаго), то пусть займетъ номеръ въ гостиницѣ, и тогда только онъ пріѣдетъ къ нему. На возраженіе же денщика, что баринъ опасно боленъ и не можетъ выѣзжать, Халубинскій отвѣчалъ:

— Скажи твоему барину, что въ цитадель я не поѣду... не поѣду даже и въ томъ случаѣ, еслибы больной былъ не полковникъ, а даже твой и.......ъ.

Денщикъ передалъ слова Халубинскаго. Полковникъ очень разсердился и подалъ рапортъ по начальству, гдѣ изложилъ свою жалобу и все дѣло, какъ оно было. Рапортъ этотъ дошелъ до графа Коцебу. Когда Вильде, по обязанности врача, пришелъ къ Коцебу, то послѣдній, зная, что онъ родственникъ Халубинскаго, сказалъ ему:

— Передайте Халубинскому, чтобы онъ впредь былъ осторожнѣе на словахъ, потому что если онъ еще разъ позволитъ себѣ отвѣчать на приглашеніе къ больному такъ, какъ онъ отвѣтилъ денщику полковника N., то ему придется посидѣть въ цитадели.

На все это можно сказать только одно, а именно очень жаль, что Халубинскому съ перваго разу не удалось посидѣть въ цитадели за выкинутый имъ фарсъ.

Изъ всего, что сказано выше о пребываніи моемъ въ должности главнаго доктора Уяздовскаго госпиталя, явствуетъ, что слова моихъ предмѣстниковъ, сравнивавшихъ тотъ госпиталь съ маленькимъ адомъ и съ чистилищемъ за грѣхи, оправдались на мнѣ самомъ. Я прожилъ 12 лѣтъ въ должности главнаго доктора Уяздовскаго госпиталя и кромѣ вѣчныхъ хлопотъ, заботъ, безпокойствъ, огорченій и подкоповъ ничего не зналъ. Безконечное множество начальниковъ: командующій войсками, его помощникъ, начальникъ штаба, инспекторъ госпиталей, начальникъ госпиталя, военно-медицинскій инспекторъ, его помощникъ, каждый генералъ, — вотъ тотъ синклитъ, съ которымъ имѣетъ дѣло главный врачъ большаго госпиталя. Если къ этому прибавить еще то, что каждый командиръ полка, корпусный, дивизіонный и полковой врачъ имѣетъ право во

всякое время придти въ госпиталь и навѣстить больныхъ своей части, и, при случаѣ, такъ или иначе повліять на репутацію главнаго врача, а равно, если прибавить еще и тѣхъ 12 генераловъ, которые были назначены при графѣ Бергѣ для еженедѣльныхъ осмотровъ госпиталя, то сдѣлается понятною трудность положенія главнаго врача, долженствующаго угодить такому множеству разнохарактерныхъ элементовъ. Одни только эти осмотры, повторяемые чуть ли не ежедневно, дѣлаютъ невыносимымъ бремя ближайшаго госпитальнаго начальства и производятъ какую-то сумятицу, вслѣдствіе которой весьма часто оправдывается русская пословица: «у семи нянекъ дитя безъ глазу». Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ мое время: безпрестанные звонки, оповѣщающіе о прибытіи того или другаго лица, сопровожденіе его по госпиталю дежурнымъ ординаторомъ, у котораго отнимается дорогое время, а прибывшіе больные въ пріемномъ покоѣ ждутъ, пока онъ проводитъ начальство и придетъ подать имъ нужное пособіе и размѣстить ихъ по палатамъ; отвлеченіе отъ дѣла палатныхъ ординаторовъ, смотрителя отъ многосложныхъ обязанностей не только не приносятъ никакой пользы, но явный вредъ дѣлу. Каждый ревизоръ думаетъ, разумѣется, что кромѣ его нѣтъ другихъ ревизоровъ, и, забывая, что въ госпиталѣ лежитъ 1.500 взрослыхъ дѣтей (иначе нельзя назвать больныхъ нижнихъ чиновъ, не сдерживаемыхъ въ госпиталѣ каждую минуту военной дисциплиной), требуетъ невозможнаго, чтобы госпитальныя палаты уподоблялись едва ли не салону, и требуетъ этого, вполнѣ сознавая, что все это рѣшительно немыслимо.

Если прибавить къ этому разнохарактерность національности множества госпитальныхъ врачей, необученность и неуклюжесть госпитальной команды, сложность госпитальнаго механизма, канцелярскую работу по отчетности и текущей перепискѣ, по мѣсячной и годовой ревизіи аптеки, по медицинскому совѣщанію, по дѣламъ госпитальнаго комитета, по ремонту госпитальныхъ зданій, по освидѣтельствованію пришедшихъ въ негодность вещей и по пріему новыхъ, а равно по пріему дровъ и продовольственныхъ матеріаловъ и продуктовъ, по надзору за кухней и продовольствіемъ больныхъ, наконецъ, по лѣченію больныхъ и по производству хирургическихъ

операцій, то выходитъ, что главный врачъ госпиталя, ординаторы и другіе чины являются тружениками въ полномъ смыслѣ слова, а между тѣмъ права по содержанію и по представленію къ наградамъ ниже, нежели въ полевыхъ войскахъ, въ которыхъ служба врачей, въ мирное время, несравненно легче врачей госпитальныхъ, такъ что изъ всего видно, что положеніе о военныхъ госпиталяхъ составлено лицами, не имѣвшими должнаго понятія о томъ, что такое военный госпиталь. И это дѣйствительно такъ и есть: новый госпитальный уставъ 1870 года составленъ при Козловѣ, который никогда не былъ военнымъ врачемъ и быта военно-медицинской части и военныхъ госпиталей не зналъ. И это весьма естественно, потому что онъ до назначенія его на отвѣтственный постъ главнаго военно-медицинскаго инспектора, былъ профессоромъ Кіевскаго университета—званіе почтенное, но не дающее опытности, необходимой для военнаго врача. Бытность Козлова начальникомъ академіи также не въ состояніи была сдѣлать изъ него практически опытнаго военнаго врача; притомъ спеціальность Козлова – внутреннія болѣзни, а не та часть медицины, на которой, какъ на незыблемомъ камнѣ, зиждется преуспѣяніе военной медицины въ мирное и военное время. Я разумѣю военную гигіену и хирургію, со всѣми отраслями послѣдней (исключая акушерства). Но къ дѣятельности Козлова я возвращусь еще нѣсколько ниже.

Скажу теперь нѣсколько словъ о замѣчательныхъ посѣщеніяхъ Уяздовскаго госпиталя и притомъ выдающимися лицами.

Такихъ посѣщеній въ мое время было нѣсколько.

Во время Высочайшихъ пріѣздовъ, госпиталь посѣщали состоявшіе при государѣ императорѣ лейбъ-медики.

Изъ такихъ посѣщеній особенно памятны мнѣ посѣщенія лейбъ-медика Карелля. По прибытіи въ Варшаву, къ нему обыкновенно должны были являться всѣ врачи, состоявшіе во главѣ тѣхъ или другихъ медицинскихъ управленій или учрежденій, причемъ ему подавался рапортъ о состояніи ввѣренной каждому части. Онъ назначалъ время осмотровъ. Являясь въ госпиталь въ назначенный день и часъ, Карелль обходилъ всѣ палаты, осматривалъ трудныхъ больныхъ, затѣмъ шелъ на кухню и пробовалъ пищу. Особенное вниманіе онъ обращалъ на больныхъ нижнихъ чиновъ—эстонцевъ.

Всегда приказывалъ мнѣ показать ему всѣхъ больныхъ этой народности, и, составивъ списки ихъ, отослать къ нему. Весьма часто, при этихъ осмотрахъ, онъ приказывалъ представить въ неспособные того или другаго эстонца, съ которымъ разговаривалъ нерѣдко на родномъ языкѣ. Иногда, по ходатайству Карелля, больнымъ эстонцамъ выдавались деньги, которыя привозилъ изъ придворной канцеляріи какой-нибудь чиновникъ или флигель-адъютантъ. Русскіе солдаты завидовали эстонцамъ, награжденнымъ такимъ образомъ, и въ госпиталѣ нерѣдко былъ слышенъ ропотъ между больными. Смотры Карелля имѣли большое значеніе, потому что о результатѣ ихъ докладывалось государю императору Александру Николаевичу. Карелль принадлежалъ къ весьма дѣльнымъ и образованнымъ врачамъ и при осмотрахъ госпиталя вникалъ во всѣ подробности госпитальнаго быта, и, въ виду всего этого, слабость его къ своимъ родичамъ-эстонцамъ была нѣсколько страннымъ явленіемъ. Всѣхъ посѣщеній Карелля въ мое время было три. Первое посѣщеніе было подробнѣе другихъ, и, уѣзжая изъ госпиталя, Карелль сказалъ мнѣ:

— Я нашелъ госпиталь въ блистательномъ состояніи, о чемъ буду имѣть счастіе доложить Его Величеству. Во второе посѣщеніе, пробуя пищу, онъ замѣтилъ, что ему попался нѣсколько жесткій кусокъ мяса; но вообще онъ былъ доволенъ осмотромъ госпиталя. Въ послѣдній разъ, при обходѣ отдѣленія умалишенныхъ нижнихъ чиновъ, къ Кареллю подошелъ одинъ отставной солдатъ и палъ на колѣни.

— Ваше сіятельство! сказалъ умалишенный, я прослужилъ двадцать шесть лѣтъ и ни разу не видѣлъ моего императора... Сдѣлайте божескую милость: покажите мнѣ императора.

— Когда ты поправишься, я покажу тебѣ государя императора, отвѣчалъ Карелль.

Видимо, Карелль былъ очень взволнованъ неожиданностью, съ которою больной палъ предъ нимъ на колѣна. Онъ поспѣшилъ затѣмъ выйти изъ отдѣленія умалишенныхъ и сказалъ мнѣ:

— На будущее время мы не будемъ ходить по этимъ отдѣленіямъ. Это не безопасно!

Изъ другихъ посѣщеній памятны мнѣ два посѣщенія госпиталя главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ Козловымъ. Эти

посѣщенія ничѣмъ особеннымъ не отличались. Въ оба раза Козловъ прошелъ тихимъ, мѣрнымъ шагомъ по госпиталю, причемъ я представлялъ ему всѣхъ ординаторовъ, бывшихъ на своихъ мѣстахъ, въ отдѣленіяхъ. На больныхъ Козловъ не обращалъ никакого вниманія.

Въ 1879 году госпиталь посѣтилъ командированный по Высочайшему повелѣнію генералъ-адъютантъ князь Голицынъ. Онъ осматривалъ только раненыхъ и раздавалъ имъ деньги: кому 1 р., кому 2, или 3 рубля; пробовалъ ихъ пищу, осматривалъ койки, бѣлье и платье и остался весьма доволенъ содержаніемъ и призрѣніемъ раненыхъ.

Однажды посѣтилъ госпиталь его императорское высочество великій князь Николай Николаевичъ Старшій. Въ сопровожденіи громадной свиты, его высочество обошелъ весь госпиталь и, когда мы дошли до оспеннаго отдѣленія, то я доложилъ, что въ отдѣленіи помѣщаются оспенные больные и что посѣщеніе ихъ для его высочества не безопасно.

Великій князь остановился и, обратясь къ сопровождавшимъ его лицамъ, сказалъ:

— Какъ вы полагаете, господа, идти мнѣ въ оспенное отдѣленіе, или не идти?

Послышались голоса: Опасно! ваше высочество! не ходите!

— А вы какъ думаете? спросилъ меня великій князь.

— Я уже докладывалъ вашему императорскому высочеству, что это не безопасно... сказалъ я.

Великій князь подумалъ немного и сказалъ:

— Пойду! Суждено мнѣ получить оспу — заболѣю; не суждено—не заболѣю!

И мы пошли въ оспенное отдѣленіе, а вся свита ожидала въ корридорѣ.

Его высочество быстро прошелъ по тремъ палатамъ отдѣленія, не останавливаясь у больныхъ. Когда мы вышли изъ оспеннаго отдѣленія, то великій князь, обратясь къ свитѣ, сказалъ:

— Вотъ я и былъ въ оспенномъ отдѣленіи... Вовсе не страшно! а вы всѣ струсили!

Затѣмъ великій князь предъ отъѣздомъ благодарилъ меня за найденный порядокъ, замѣтивъ:

— Вашъ госпиталёкъ недуренъ!

Сдѣлаю теперь краткій очеркъ дѣятельности Козлова, какъ главнаго военно-медицинскаго инспектора. Карьеру свою по военно-медицинской части Козловъ началъ при Енохинѣ, когда онъ былъ вице-директоромъ бывшаго военно-медицинскаго департамента. Дѣятельность его до этого времени мнѣ мало извѣстна, а потому я не упоминаю о ней. При Енохинѣ Козловъ всѣми силами старался занять мѣсто его. Дѣло, говорятъ, доходило до того, что военный министръ, Сухозанетъ, который покровительствовалъ Козлову, однажды даже доложилъ государю императору Александру Николаевичу, что Енохинъ отказывается отъ должности директора военно-медицинскаго департамента въ то время, когда Енохинъ и не думалъ отказываться отъ этой должности. Тогда интрига была разрушена прямымъ заявленіемъ Енохина, что на него взведена напраслина. По смерти Енохина, когда на его мѣсто былъ назначенъ Ѳ. С. Цыцуринъ, Козловъ, недовольный этимъ назначеніемъ, оставилъ должность вице-директора и сдѣлался только членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Потомъ онъ былъ начальникомъ академіи и наконецъ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ. Неурядицы въ академіи заставили его оставить мѣсто начальника. Какъ главному военно-медицинскому инспектору, ему также не посчастливилось, и опять онъ сдѣлался только членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

Нерасположеніе Козлова ко мнѣ было уже очевидно въ то время, когда онъ былъ вице-директоромъ во времена Енохина, и именно по поводу моей командировки заграницу, которой онъ не желалъ потому, что у него были другіе кандидаты—нѣмцы. Сдѣлавшись военно-медицинскимъ инспекторомъ, онъ, возвращаясь изъ-за границы, чрезъ Варшаву, въ 1875 году посѣтилъ Уяздовскій госпиталь. Врачи госпиталя и военные врачи города Варшавы дали ему обѣдъ, и, благодаря вліянію А. А. Боголюбова, старавшагося сгладить старинное нерасположеніе ко мнѣ Козлова, натянутость отношеній стала стушевываться, и, въ короткое время, Козловъ, казалось, забылъ былое, такъ что на обѣдѣ онъ, между прочимъ, под-

нялъ бокалъ и провозгласилъ тостъ «за здоровье мое, какъ представителя медицинской науки въ Варшавскомъ округѣ». Этотъ тостъ меня сконфузилъ, потому что представителемъ науки въ Варшавскомъ военномъ округѣ я считалъ всегда А. А. Боголюбова, какъ старшаго въ сравненіи со мною дѣятеля, опытнаго врача и отличнаго хирурга, не перестававшаго никогда слѣдить за современнымъ состояніемъ медицинской науки. Какъ бы то ни было, но все это сгладило отношенія Козлова ко мнѣ до той степени, что предъ отъѣздомъ изъ Варшавы онъ обѣщалъ мнѣ, безъ моей просьбы, мѣсто помощника военно-медицинскаго инспектора въ Варшавѣ, а потомъ и мѣсто А. А. Боголюбова, «который, сказалъ онъ, въ его присутствіи, вѣроятно, скоро попросится въ военно-медицинскій ученый комитетъ». Это было со стороны Козлова чисто медвѣжьей услугой для меня, потому что Боголюбовъ вовсе не думалъ уходить въ военно-медицинскій ученый комитетъ. Онъ ждалъ прибавки столовыхъ денегъ, о чемъ тогда только затѣвался вопросъ. Получая 846 руб. столовыхъ и разсчитывая со временемъ на увеличеніе ихъ до 2.000 руб., само собою Боголюбову не выгодно было перечисляться въ военно-медицинскій ученый комитетъ, гдѣ бы онъ могъ оставаться съ 846 руб. столовыхъ, несмотря на прибавку столовыхъ военно-медицинскимъ инспекторамъ. Боголюбовъ дѣйствительно выждалъ этой прибавки и тогда только оставилъ должность военно-медицинскаго инспектора. Такимъ образомъ, несообразительное предложеніе Козлова, что онъ, современемъ, имѣетъ въ виду назначеніе меня на мѣсто Боголюбова, могло бы мнѣ повредить только, и мнѣ оставалось увѣрить послѣдняго, что я не только не ищу его мѣста, но мнѣ, напротивъ, весьма пріятно какъ можно дольше оставаться на службѣ подъ его начальствомъ. Однако, Боголюбовъ, несмотря на многія свои хорошія качества, не забылъ упомянутаго обѣщанія Козлова — назначить меня современемъ на его мѣсто — и когда въ Варшавскомъ округѣ открылось мѣсто помощника военно-медицинскаго инспектора, представилъ въ свои помощники другаго врача, мотивировавъ это тѣмъ, что я, по должности главнаго врача, получаю больше столовыхъ и что мнѣ не выгодно ихъ потерять. Но, замѣтивъ о моихъ столовыхъ, онъ упустилъ изъ виду, что еслибы я получилъ упомянутое мѣсто его помощника,

то избѣгнулъ бы непріятныхъ столкновеній съ Коцебу; да и Козловъ, обѣщавъ мнѣ сначала мѣсто помощника, а потомъ медицинскаго инспектора, не исполнилъ ни того, ни другаго. Но вскорѣ уже трудно было сдѣлать что-нибудь, въ виду нерасположенія ко мнѣ Коцебу. Когда Козловъ посѣтилъ Уяздовскій госпиталь въ 1879 году весною, то былъ у Коцебу, и, на домогательство послѣдняго о моемъ переводѣ, обѣщалъ дать мнѣ другое назначеніе и опять не исполнилъ; а на обѣдѣ, который ему опять дали врачи госпиталя и военные врачи города Варшавы, онъ, послѣ сказаннаго мною спича, который я произнесъ по настоянію А. А. Боголюбова, уже не предложилъ за меня тоста, извинившись послѣ обѣда предо мною, что, въ виду нерасположенія ко мнѣ Коцебу, онъ не могъ на этотъ разъ предлагать тостъ за мое здоровье. Я отвѣчалъ ему, что не придаю тостамъ особаго значенія и очень радъ, что онъ не предложилъ тоста. На этотъ разъ мы разстались съ нимъ довольно сухо.

Величайшая слабость Козлова состояла въ томъ, что онъ очень любилъ нѣмцевъ и двигалъ ихъ въ гору, а къ русскимъ врачамъ не имѣлъ довѣрія. Это объясняется тѣмъ, что и самъ онъ былъ не русскаго происхожденія, и послѣ университета слушалъ еще курсы медицины въ Дерптѣ, гдѣ и онѣмечился.

Прискорбно упоминать объ этомъ, но промолчать нельзя, потому что—гдѣ же будетъ тогда правда? Все это не только парализовало качества, которыя должны быть присущи главному начальнику всего военно-медицинскаго сословія, но и окончательно низводило Козлова съ подобающаго пьедестала. Всѣмъ извѣстна газетная полемика въ то время, когда онъ былъ начальникомъ военно-медицинской академіи и позднѣе, когда уже сдѣлался главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ. Дѣло доходило до гигантскихъ размѣровъ, такъ какъ газетныя статьи очерчивали его дѣятельность весьма неприглядными красками, и удивительно только то, что изъ всего этого не вспыхнулъ очень грандіозный скандальезный процессъ! Пострадало нѣсколько лицъ, изъ коихъ одни были уволены отъ службы, а другіе, немногіе, преданы суду. Вообще, не ошибусь, если скажу, что управленіе Козлова отличалось большою халатностію, неурядицами и было весьма пристрастное; а потому ро-

потъ въ военно-медицинскомъ сословіи, во времена Козлова, былъ очень большой.

Козловъ, какъ извѣстно, былъ редакторомъ военно-медицинскаго журнала. И на этомъ поприщѣ нельзя помянуть его дѣятельности особою благодарностію. Военно-медицинскій журналъ пополнялся часто статьями, вовсе не нужными для военныхъ врачей; да при томъ и протекція относительно помѣщенія статей въ журналѣ играла при Козловѣ величайшую роль, а потому литературныя произведенія и труды военныхъ врачей весьма рѣдко попадали на страницы военно-медицинскаго журнала. Въ мое время военные врачи вовсе не были довольны журналомъ, посвященнымъ исключительно пользамъ военно-медицинскаго сословія, которое, при обязательной подпискѣ въ 5 руб. съ каждаго врача, ежегодно давало на изданіе журнала очень крупную сумму, да еще платило извѣстный процентъ съ содержанія, за приложенія къ журналу, изъ которыхъ многія вовсе были не нужны и не практичны для военныхъ врачей.

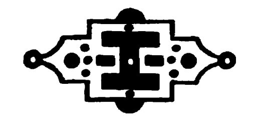
Въ Россіи давно ощущается потребность въ учрежденіи особой высшей школы для военныхъ врачей, въ родѣ парижскаго Val de Grâce, именно по той простой причинѣ, что кончившіе курсъ въ академіи и въ университетахъ врачи назначаются въ войска безъ практической подготовки къ той дѣятельности, которая ожидаетъ ихъ на службѣ.

Всѣмъ извѣстно, что не всѣ кончившіе курсъ въ военно-медицинской академіи врачи поступаютъ въ войска, да и самая академія не даетъ тѣхъ практическихъ познаній для военно-медицинской службы, которыя желательны. При всемъ желаніи, академія, какъ по короткости пребыванія въ ней (необходимо считать только 2 послѣдніе года, потому что первые 3 года пребыванія въ академіи посвящаются теоретическимъ наукамъ), такъ и по многимъ другимъ причинамъ, не можетъ выпускать вполнѣ практически подготовленныхъ къ военно-медицинской службѣ врачей, а принявъ во вниманіе и то, что въ военно-медицинскую службу поступаютъ и врачи, кончившіе курсъ въ университетахъ, на медицинскихъ факультетахъ, гдѣ они не получаютъ никакой практической подготовки къ военно-медицинской службѣ, учрежденіе спеціаль-

наго для практической подготовки военныхъ врачей заведенія является насущною потребностію, подобно тому, какъ это существуетъ во Франціи, гдѣ нельзя попасть въ военные врачи, не пробывъ по окончаніи курса 2 лѣтъ въ Val de Grâce, — какъ въ спеціальной практической школѣ для будущихъ военныхъ врачей. Прикомандированіе къ академіи нѣкоторыхъ военныхъ врачей, гдѣ они спеціально занимаются хирургіей, и, по истеченіи одного года, получаютъ званіе полеваго хирурга, не можетъ служить доказательствомъ того, что спеціальная школа для подготовки военныхъ врачей не нужна, потому что выдерживаютъ на званіе полеваго хирурга не болѣе, какъ одинъ изъ 10 военныхъ врачей, даже и того меньше, между тѣмъ какъ каждый военный врачъ долженъ практически изучить хирургію, да и еще нѣкоторыя важныя для военнаго врача науки, таковы: хирургическая анатомія, офталмологія, военная гигіена, военно-медицинская администрація etc. Слѣдовательно, не полезнѣе ли бы было для дѣла и для военныхъ врачей, а равно и для государства, вмѣсто учрежденія женскихъ медицинскихъ курсовъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, учредить военно-медицинскую школу для практическаго приготовленія военныхъ врачей, на подобіе парижскаго Val de Grâce? Смѣло можно сказать, что только въ такомъ случаѣ будетъ изглаженъ величайшій пробѣлъ, существующій въ приготовленіи нашихъ военныхъ врачей къ ихъ практической дѣятельности, а средства къ приведенію въ исполненіе всего этого всегда найдутся. Стоитъ только вспомнить, что у насъ на Руси существуетъ множество большихъ военныхъ госпиталей, гдѣ и возможно учредить военно-медицинскія школы, предназначенныя для практическаго образованія врачей, избравшихъ военно-медицинскую службу. Такимъ образомъ, къ услугамъ, безъ особыхъ для казны издержекъ, могутъ быть предоставлены военные госпитали въ Кіевѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ и Варшавѣ (Варшавскій Уяздовскій). Всѣ эти госпитали учреждены на 1.500 мѣстъ, считая запасныя мѣста, больныхъ вездѣ бываетъ много, и слѣдовательно имѣется громадный практическій матеріалъ, который до сихъ поръ пропадаетъ даромъ, т. е. вовсе не служитъ для усовершенствованія практическихъ познаній полковыхъ врачей.

На основаніи всего вышеизложеннаго необходимо согласиться, что Н. И. Козловъ, какъ военно-медицинскій инспекторъ, не стоялъ на высотѣ своего призванія и не обладалъ тѣми качествами, которыя желательны въ столь высокопоставленномъ начальникѣ всего военно-медицинскаго сословія!

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Александръ Θедоровичъ Лабзинъ и его журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“.

III[1]).

Краткая характеристика духовенства.—Его воспитаніе, положеніе въ обществѣ и отношеніе къ церкви.

Рѣзкая грань, издавна положенная между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ, дѣлила его на двѣ части, совершенно непохожія другъ на друга въ имущественномъ, правовомъ и общественномъ отношеніяхъ. Бѣлое духовенство было бѣдно, черное же пользовалось относительнымъ благосостояніемъ: священники едва не просили милостыни, архіереи жили богато и славились роскошнымъ угощеніемъ. «Архіерею на Волгѣ жить хорошо, записалъ князь И. М. Долгоруковъ [2]),—рыба всегда живая и добрая».

Отдѣленное отъ другихъ сословій и замкнутое въ самомъ себѣ, бѣлое духовенство составляло какъ бы отдѣльное племя, не имѣвшее никакого значенія въ народѣ. Познаніями духовныхъ лицъ никто не пользовался, голосъ священника былъ слышенъ только въ церкви, и по своему положенію духовенство не было принято ни въ какомъ обществѣ.

Вся администрація находилась въ рукахъ чернаго духовенства, а бѣлое не имѣло никакихъ правъ и до 1802 года не было даже избавлено отъ тѣлеснаго наказанія. Поповъ и дьяконовъ сѣкли кнутомъ на площади, не только за уголовныя преступленія, но ихъ подвергали тѣлесному наказанію и съ цѣлью исправительною. Въ первой половинѣ 1800 года были наказаны кнутомъ два

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ сентябрь 1894 года.

[2]) Журналъ путешествія изъ Москвы въ Нижній. „Чтенія“ 1870 г. Кн. I стр. 42.

священника: Даниловъ, Костромской губерніи Юрьевецкаго уѣзда[1]) и Ивановъ—Нижегородской губерніи села Окинина [2]). Оба они были наказаны по приговору суда, но за маловажныя преступленія провинившагося священника архіереи безъ суда сажали на цѣпь, заковывали въ кандалы или ножныя колодки, бросали въ подвальныя тюрьмы и сѣкли плетьми. «Наказываемый укладывался такъ, пишетъ Д. И. Ростиславовъ [3]), чтобы владыка не вставая съ дивана могъ своими глазами видѣть, плотно ли плети прилегаютъ къ тѣлу. Больше всего сѣкли причетниковъ, затѣмъ дьяконовъ, но не давали спуску и священникамъ, особенно молодымъ. Наказаніе было жестокое; дѣдушка, которому не одного человѣка приходилось держать за руку или ногу, говаривалъ: У! жарко, бывало, дрожь пробѣгала по тѣлу. Такимъ образомъ очень нерѣдко священникъ, за нѣсколько дней приносившій безкровную жертву, бывалъ высѣченъ самъ до крови».

Дѣло это было самое обыкновенное, никто не удивлялся и не возмущался. Въ нѣкоторыхъ архіерейскихъ домахъ былъ устроенъ каменный не толстый столбъ, покрытый овальною чугунною крышкою, на которую и сажали провинившагося, руки привязывали къ веревкамъ, другіе концы которыхъ прикрѣплялись къ кольцамъ, вдѣланнымъ въ стѣны. Оставленный на такомъ неудобномъ сидѣньи въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ, наказанный долженъ былъ стараться сохранить равновѣсіе, не могъ спать, переносилъ страшныя мученія, и бывали случаи, что подвергнутые такому истязанію сходили съ ума и даже умирали. Впрочемъ, не одни архіереи расправлялись такъ съ подчиненнымъ имъ духовенствомъ, но настоятели монастырей и даже благочинные употребляли такія же средства [4]).

Въ октябрѣ 1802 года черниговскій губернскій прокуроръ донесъ министру юстиціи, что по распоряженію первоприсутствующаго въ Конотопскомъ духовномъ правленіи протопопа Щербатскаго, священникъ Николай Андреевскій былъ посаженъ за пьян-

[1]) Отношеніе генералъ-прокурора Обольянинова оберъ-прокурору Сѵнода Д. И Хвостову 2 іюня 1800 г.

[2]) Тоже, 17 мая 1800 г.

[3]) Въ своихъ запискахъ. „Русская Старина“ 1880 г. Т. 27, № 1, стр. 9.

[4]) „Изъ прошлаго“ П. М. „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г. № 4, стр. 451.

ство на цѣпь, оставленъ въ теченіе долгаго времени безъ всякаго присмотра и скоропостижно скончался отъ пострѣла. «Изъ сихъ обстоятельствъ усматривается,—доносилъ прокуроръ [1],—что по духовной власти, вмѣсто долженствующей быть къ удержанію преступленій умѣренной строгости, употребляется жестокость безъ всякаго изслѣдованія о преступленіи и приговора для духовнаго правительства существующихъ».

Нерѣдко исправительнымъ и даже тѣлеснымъ наказаніемъ духовныя лица подвергались и отъ свѣтскаго начальства, хотя это было совершенно незаконно [2]). Прокуроры и вообще свѣтская власть не имѣла права вмѣшиваться въ дѣла духовенства, и оно управлялось само собою, преимущественно единоличнымъ произволомъ архіерея.

Въ 1805 году анонимный бѣлгородскій житель, въ письмѣ къ князю А. Н. Голицыну, такъ характеризовалъ духовную власть, состоявшую изъ архіереевъ, консисторіи, духовнаго правленія и благочинныхъ. Онъ говорилъ, что архіерей—это губернаторъ, консисторія—губернское правленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, палаты гражданская и духовная; духовное правленіе—уѣздный судъ и полиція, и наконецъ, благочинные—городскіе и земскіе коммиссары.

По свѣтской части стряпчій слѣдилъ за исполненіемъ обязан-

---

[1]) Отъ 31 октября 1802 г. Препровождая этотъ рапортъ митрополиту Амвросію, министръ юстиціи Г. Р. Державинъ сообщилъ ему высочайшую волю, „относительно умѣреннаго обхожденія съ духовными чинами".

[2]) Своеволіе свѣтскихъ властей относительно наказаній духовныхъ лицъ не всегда проходило даромъ. „Александръ, протопопъ въ Володимирѣ Дмитріевскаго собора,—записалъ кн. И. М. Долгоруковъ,—человѣкъ, отъ котораго я сильно пострадалъ въ моей жизни. Это тотъ самый попъ, который зашелъ однажды ко мнѣ на балъ мертвецки пьянъ и котораго я велѣлъ посадить на съѣзжу, пока вытрезвится, потому что архіерея въ то время въ городѣ не было. Сіе пустое обстоятельство, не заслуживающее ничьего вниманія, такъ горячо было принято у двора, потому что попъ Александръ былъ въ родствѣ съ сильнымъ и знаменитымъ Сперанскимъ, что наряжено слѣдствіе, которое разсматриваемо было въ Сенатѣ Московскомъ. Въономъ приговорили отдать меня подъ судъ за оскорбленіе святыни; но при докладѣ о семъ государю, ему угодно было безъ суда написать въ конфирмаціи, чтобы меня отставить. И такъ исторія негоднаго этого попа, котораго, ни мало не оскорбляя религію, всегда назову такимъ по его худому поведенію, будетъ мнѣ такъ же, какъ и онъ самъ, во всю жизнь памятна". (Капище моего сердца. „Русскій Архивъ" 1890 г. № 1. Приложеніе, стр. 10 и 11).

ностей уѣзднаго суда, полиціи и магистрата; онъ наблюдалъ за соблюденіемъ законовъ во всей ихъ точности, заступался за утѣсненныхъ, обязанъ былъ отвращать взятки и поборы; о преступникахъ стряпчій доносилъ высшему начальству и извѣщалъ губернскаго прокурора. Послѣдній самъ и черезъ губернскихъ стряпчихъ наблюдалъ, чтобы законы были исполняемы вездѣ въ точности, и давалъ заключенія по предложеніямъ губернаторскимъ. По духовной же части должности стряпчаго и прокурора соединялись въ лицѣ секретаря консисторіи, находившагося въ полной власти архіерея и консисторскихъ членовъ. Эта зависимость дѣлала секретаря безгласнымъ исполнителемъ всѣхъ приказаній начальства, хотя бы приказанія явно противорѣчили законамъ [1]). Онъ не смѣлъ даже возражать благочиннымъ потому, что нѣкоторые, по особенной связи съ архіереемъ, а другіе съ его келейникомъ, могли оговорить секретаря и лишить его мѣста.

Вторымъ лицомъ при архіереѣ, часто еще большимъ по значенію, чѣмъ секретарь, былъ келейникъ. Нѣкоторые изъ нихъ пользовались такимъ вліяніемъ, что имъ давали названіе приказно-служителей и даже вице-архіереевъ. Взятки, неслыханные поборы, притѣсненія—вотъ дѣйствія келейника. При участіи его провинившіеся наказывались не по мѣрѣ вины, а по количеству взноса; въ духовный чинъ производились не по достоинству, а потому, сколько заплачено. «Бездѣльники—въ чести, говоритъ бѣлгородскій житель, честные люди—въ гоненіи, все по прихотямъ и кого же?—келейника. Архіерей иногда одумается, но келейникъ, зная его слабости, пристрастіе, недостатки, зная его сквозь, умѣетъ оставить его спокойнымъ. Притомъ же архіерей сидитъ всегда въ четырехъ стѣнахъ и не можетъ ничего самъ собою видѣть и слышать, а видитъ и слышитъ келейникомъ,—словомъ, всѣ чувства архіерея за-

---

[1]) Если секретарь былъ съ характеромъ и ему удавалось пріобрѣсти довѣренность архіерея, то онъ пользовался всѣми благами міра. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ секретарь Черниговской консисторіи, Васиневскій, нажилъ себѣ прекрасное состояніе, пріобрѣлъ земли и крестьянъ. Говорили, что онъ имѣлъ секретную лавку, въ которой продавались подарки искателей его милости. (Воспоминанія Іосифа Самчевскаго. „Кіевская Старина“ 1894 г., № 1, стр. 24 и 25).

ключаются въ келейникѣ: если скажетъ, что солнце черное, онъ и тому повѣритъ».

По словамъ Іосифа Самчевскаго [1]), келейнику, стоявшему всегда на запяткахъ архіерея и исполнявшему обязанности лакея, предоставлялись лучшія священническія мѣста, которыя онъ продавалъ желающимъ. Отсюда происходило то, что богатые, но безграмотные дьячки получали лучшіе приходы, а окончившіе успѣшно курсъ семинаріи ожидали ихъ и получали худшіе.

Келейники наживали огромные капиталы, были горды своимъ положеніемъ, хитры и до крайности мстительны, люди безъ раскаянія, если можно назвать ихъ людьми. «Отъ такихъ неустройствъ, говоритъ бѣлгородскій житель въ концѣ своей записки [2]), не только низшей степени духовные здѣсь въ презрѣніи у насъ, но и о самыхъ владыкахъ говорятъ съ малымъ уваженіемъ... Безпорядки духовныхъ дѣйствуютъ и на самую вѣру. О Святѣйшемъ Сvнодѣ не такъ думаютъ, по попущенію такихъ злоупотребленій, какъ надобно чтить сіе важное и знатное мѣсто».

Бѣлое духовенство было въ полномъ загонѣ, грубо и не образовано. Причиною тому было отсутствіе духовныхъ училищъ, изъ коихъ многія получили существованіе только въ началѣ XIX вѣка. Такъ семинаріи Пензенская, Оренбургская, Пермская и другія учреждены только въ 1800 году. «Если по тогдашнему воспитанію,—говоритъ московскій митрополитъ Филаретъ [3]),—положить десять лѣтъ на совершеніе полнаго учебнаго курса и принять въ разсужденіе, что надобно было время пріучить родителей отдавать дѣтей въ семинаріи, то должно заключить, что только 15 или 16 лѣтъ тому назадъ (т. е. въ началѣ десятыхъ годовъ), какъ въ сихъ епархіяхъ начало родиться по небольшому числу ученыхъ священниковъ; слѣдственно, продолжаетъ служить еще великое число священниковъ, получившихъ только домашнее причетническое образованіе».

---

[1]) Воспоминанія І. Самчевскаго. „Кіевская Старина“ 1894 г., № 1, стр. 24 и 25.

[2]) Архивъ Сvнода.

[3]) Въ запискѣ, представленной при всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 23 ноября 1826 года.

Къ этому надо прибавить, что нѣкоторые епархіальные архіереи ставили священниками исключенныхъ изъ семинарій рослыхъ учениковъ философскаго и риторическаго классовъ, по-просту гайдуковъ, предпочитая ихъ причетникамъ совсѣмъ неучившимся въ семинаріяхъ, и забывая, что они исключены изъ этихъ заведеній какъ неспособные или порочные и слѣдовательно люди не благонадежные для священства. Такое ставленіе священниковъ было воспрещено указомъ Сѵнода только 8-го октября 1815 года и разрѣшено доводить исключенныхъ изъ семинарій не выше діаконскаго чина.

Самое воспитаніе въ семинаріяхъ и даже духовныхъ академіяхъ не было примѣнено къ потребностямъ духовнаго служенія. Въ началѣ XIX столѣтія въ Россіи было четыре духовныя академіи (Петербургская, Московская, Кіевская и Казанская), 36 семинарій, 115 низшихъ духовныхъ училищъ, въ которыхъ обучалось 29 т. человѣкъ, а на содержаніе ихъ отпускалось всего 185 тысячъ рублей или по 6 руб. 40 коп. въ годъ на человѣка[1]). Сумма эта была, конечно, недостаточна, и своекоштные семинаристы содержались на счетъ родителей, смотря по достатку ихъ. Поэтому ни въ одеждѣ, ни въ постеляхъ формы не было: одѣвались кто во что могъ. «Иные не имѣли лучшей одежды, какъ затрапезный сюртукъ, иногда не нашивали брюкъ; постели бывали разныя, отъ тюфяка до войлока, съ подушками, набитыми сѣномъ». Казенно-коштнымъ семинаристамъ выдавали набитые шерстью тюфяки, шерстяныя одѣяла и подушки, набитыя перьями. Суконный сюртукъ выдавался на три года, старый отбирался и, перешитый, шелъ на одежду младшихъ учениковъ. Кормили очень плохо, и семинаристы были почти всегда голодны; пища приготовлялась небрежно и до отвратительности грязно; печеный картофель считался лакомствомъ, да и тотъ покупался на свои деньги. Семинаристы сами мыли комнаты, чистили подсвѣчники, топили печи. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ классы не топились совсѣмъ, и зимою было такъ холодно, что рта открыть было невозможно. Полы мылись раза два въ годъ, бѣлье мѣнялось черезъ двѣ недѣли, и рѣдкій изъ учениковъ былъ свободенъ отъ на-

---

[1]) По этой расцѣнкѣ родители платили и за своекоштныхъ. Отецъ Фотія платилъ за него въ Новгородскую семинарію шесть рублей за помѣщеніе, пищу и ученіе. (Автобіографія. „Русская Старина" 1894 г. № 4, стр. 100).

сѣкомыхъ, развивавшихся въ головѣ и бѣльѣ. «Былъ одинъ товарищъ у меня, говоритъ П. С. Казанскій[1]),—который имѣлъ одну только рубашку и ту въ лохмотьяхъ. Поэтому не ходилъ и въ баню, не имѣя чѣмъ перемѣнить бѣлья. Другой товарищъ, сынъ сельскаго дьячка, обременнаго семействомъ, чтобы имѣть возможность внести деньги за свое содержаніе въ семинаріи, въ вакацію нанимался возить камень на шоссе». Нѣкоторые заработывали себѣ деньги пѣніемъ и чтеніемъ въ приходскихъ церквахъ, уроками чистописанія, произношеніемъ по домамъ праздничныхъ стиховъ, рѣчей и діалоговъ. Были и такіе, которые нанимались у хозяевъ носить воду, рубить дрова и служили вмѣсто чернорабочихъ поденщиковъ[2]). «Часто отъ глада томимый, Фотій запасалъ на случай недостатка дубовые орѣхи, или жолуди, ѣлъ сырые, и печеные»[3]).

Въ общемъ семинаріи и прочія духовныя училища не имѣли ни систематической организаціи, ни правильной постановки учебныхъ курсовъ. Каждая семинарія управлялась по-своему, и преподаваніе въ ней шло по желанію и указанію мѣстнаго архіерея. Заботился онъ объ училищахъ,—дѣло шло удовлетворительно, не заботился,—и учителя и ученики, ничего не дѣлая, вмѣстѣ пьянствовали. Старые риторы, т. е. ученики—оставшіеся на 2-й годъ, всѣмъ обществомъ, человѣкъ по 40 и по 50, отправлялись въ кабакъ, выносили на лужайку четверку и распивали ее съ самодовольствіемъ.

Въ 1805 году псковскій губернаторъ Ламздорфъ жаловался архіерею Иринею, что по обнаружившимся покражамъ въ Псковѣ и по другимъ развратнымъ дѣйствіямъ «участіе въ нихъ семинаристовъ было несомнѣнно»[4]). Бѣгство изъ семинарій, воровство и кулачные бои случались нерѣдко. Бѣжавшихъ учениковъ отыскивали черезъ полицію, заковывали въ ножныя желѣза и присылали въ консисторію подъ карауломъ. Изъ «Исторіи Рязанской епархіи» можно видѣть, что бѣглецы считались десятками, а иногда въ семинаріи оставалась только половина, а другая находилась въ бѣгахъ.

---

[1]) Воспоминанія семинариста.—„Православное Обозрѣніе" 1879 года № 9, стр. 118 и 119.

[2]) Изъ прошлаго. „Русскій Вѣстникъ" 1868 г. № 4, стр. 447.

[3]) Автобіографія Фотія. „Русская Старина" 1894 г. № 4, стр. 104.

[4]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей 1866 г. кн, I. „Смѣсь", стр. 71 и 72.

Сами родители утаивали у себя бѣжавшихъ изъ семинаріи дѣтей, конечно, не отъ хорошей жизни, а отъ дурнаго содержанія и суроваго обращенія. Семинаристовъ били по щекамъ и подвергали жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. «Розги изъ березовыхъ или ивовыхъ прутьевъ,—говоритъ Д. И. Ростиславовъ[1]),—считались недостаточными; въ каждомъ изъ правленій семинарскихъ всегда висѣло нѣсколько ременныхъ плетей съ двумя и тремя хвостами; эти плети въ случаѣ надобности были приносимы въ классы и при помощи опытной и крѣпкой руки покрывали обнаженныя части тѣла рубцами, которые оставались видными иногда спустя даже нѣсколько недѣль послѣ операціи. При томъ, одну плеть, одну лозу находили недостаточными; часто и даже очень часто на наказываемаго сыпались удары съ двухъ сторонъ; а чтобы онъ своими движеніями не мѣшалъ плети или лозѣ падать на тѣ именно мѣста, на которыя мѣтилъ экзекуторъ, или, какъ обыкновенно ихъ называли, сѣкуторъ, наказываемаго держали не только двое, а даже четверо и пятеро сторожей или товарищей».

Собственно говоря въ наказаніяхъ была своего рода постепенность; за первыя двѣ вины ограничивались выговорами, за третью наказывали «шелепами», то-есть палками, за четвертую плетьми, за пятую —тюремнымъ заключеніемъ на недѣлю и т. д.; за воровство заковывали въ кандалы, сажали въ семинарскую тюрьму и наказывали плетьми. Самыми легкими наказаніями, по словамъ преосвященнаго Макарія, считалось стояніе на колѣнахъ съ истязаніемъ для рукъ и ногъ, голодный столъ, карцеръ, пали[2]) и розги. Суровое обращеніе съ семинаристами было причиною того, что родители не охотно отдавали въ «науку» своихъ дѣтей и провожали ихъ въ бурсу съ горькими слезами. Въ семинаріи забирали тогда силою, и многіе отцы считали счастіемъ для своего сына, если онъ, избѣгая школы, успѣвалъ остаться въ числѣ церковниковъ или приписаться къ крестьянскому сословію. «На школьное ученіе,—говоритъ преосвященный Макарій[3]),—смотрѣли какъ

---

[1]) Въ своихъ запискахъ. „Русская Старина" 1880 г. т. XXVII, № 1, стр. 15.

[2]) Пали—это ударъ изъ всей силы линейкой по концамъ всѣхъ пяти пальцевъ руки, сложенныхъ вмѣстѣ.

[3]) „Нижегородскія губернскія вѣдомости" 1849 г. Изъ прошлаго. „Русскій Вѣстникъ" 1868 г. № 4, стр. 450.

на повинность, какъ на военную службу, какъ на мѣсто истязаній. Только невольное и усиленное принужденіе могло собрать въ семинарію дѣтей. Потому весьма рѣдкіе съ любовію къ наукамъ проходили всѣ классы; большая часть учащихся съ перваго же года смотрѣла вонъ изъ семинаріи».

Семинаристы весьма часто были такихъ солидныхъ лѣтъ, что наука не шла имъ въ голову. Чтобы расположить ихъ окончить курсъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить поступить въ духовное званіе. начальство разрѣшало имъ жениться и даже посвящало въ священники съ тѣмъ, чтобы они въ этомъ званіи докончили свое семинарское образованіе. Нѣкоторые женились безъ позволенія начальства, за долго до окончанія курса, и бывали случаи, что засидѣвшійся отецъ выходилъ изъ семинаріи, а старшій сынъ его поступалъ въ нее.

Во главѣ духовнаго воспитанія должна стоять прежде всего нравственность потому, что и глубокое изученіе догматовъ не принесетъ пользы, если человѣкъ останется безнравственнымъ. Догматы должны служить только опорою для нравственныхъ потребностей совѣсти и сердца каждаго, обряды же только въ томъ случаѣ имѣютъ значеніе, когда ими развивается и поддерживается религіозное настроеніе. Этого-то и не было въ семинаріяхъ. «Если сохранились въ комъ-нибудь изъ насъ залоги добра,—говоритъ П. С. Казанскій [1]),—если вышелъ изъ воспитанниковъ нашей семинаріи какой-нибудь добрый священникъ, то единственно обязанъ онъ первоначальному воспитанію, молитвамъ родителей, дѣйствію благодати и урокамъ жизни, а не попеченію начальства. Оно ничѣмъ не возбуждало религіознаго чувства».

До преобразованія духовныхъ училищъ въ 1808 году, всѣ предметы, не исключая и русской словесности, преподавались на латинскомъ языкѣ. Отъ этого многіе ученики отличались только знаніемъ этого языка и искусствовъ писать латинскіе стихи. «Для достиженія и поддержанія сей славы,—говоритъ митрополитъ Филаретъ [2]),—ученики особенныя усилія и большую часть времени употребляли на изученіе латинскихъ ораторовъ и стихотворцевъ. Отъ

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Православное Обозрѣніе" 1879 г. № 9.

[2]) Въ запискѣ, представленной при всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 23-го ноября 1826 года.

сего происходили священники, которые довольно знали латинскихъ и языческихъ писателей, но мало знали писателей священныхъ и церковныхъ; лучше могли говорить и писать на латинскомъ языкѣ, нежели на русскомъ; имѣли память обремененную множествомъ словъ, но умъ не оплодотворенный живымъ познаніемъ истины».

Богословіе преподавалось исключительно на латинскомъ языкѣ, и руководствомъ служила книга преосвященнаго Ѳеофилакта, составлявшая не болѣе какъ выдержки изъ лютеранскаго богословія Буддея. Пристрастіе къ латинизму имѣло дурное вліяніе уже потому, говоритъ Филаретъ, что латинскій языкъ по первоначальному своему образованію есть языкъ народа языческаго, по теперешнему употребленію—языкъ церкви западной, а языкомъ церкви восточной никогда не былъ и быть причины не имѣетъ. Логику преподавали по Бакмейстеру, риторику—по Бургію, а математику, исторію и географію считали предметами неважными и для преподаванія ихъ не находили достаточно знающихъ учителей. Въ послѣднихъ былъ огромный недостатокъ. Въ Коломенской семинаріи, гдѣ учился митрополитъ Филаретъ, было три учителя: одинъ доморощенный, другой окончившій курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи и третій—въ Троицкой семинаріи, и изъ всѣхъ трехъ доморощенный оказался лучшимъ. Въ 1800 году въ Лаврской Московской семинаріи, куда перешелъ Филаретъ, философію училъ молодой іеромонахъ Мельхиседекъ Минервинъ, который самъ былъ не твердъ въ этой наукѣ. Вообще философія понималась очень трудно, но идеи западныхъ философовъ и энциклопедистовъ проникли и въ духовныя училища. Основаніемъ философіи было ученіе объ идеѣ безконечнаго, какъ основномъ пунктѣ нашей духовно-нравственной дѣятельности. Это ученіе излагалось словами Поарета, въ системѣ котораго вѣялъ мистическій духъ. Симинаристы увлекались системою «дружною съ откровеніемъ и говорящею сердцу и воображенію» [1]). Въ богословіи говорилось только о книгахъ священнаго писанія, да и то Ветхаго Завѣта. Общіе наши съ протестантами трактаты, напримѣръ о св. Троицѣ, объ искупленіи и т. п., прохо-

---

[1]) Воспоминанія П. С. Казанскаго „Православное Обозрѣніе“ 1879 г. № 9, стр. 104 и 105.

дились порядочно, а другіе, напримѣръ о церкви, совсѣмъ не были читаны [1]). Богословскія понятія, излагаемыя на латинскомъ языкѣ, скованныя слишкомъ тяжелою школьною терминологіею, трудно понимались учениками, а по выходѣ изъ семинаріи съ трудомъ перелагались на русскій языкъ, для сообщенія ихъ народу. Вся семинарская ученсcть заключалась преимущественно въ ораторствѣ. Студентовъ учили писать стихи, и если являлись поэтическія дарованія, то они заглушались прозою семинарской жизни, нуждами и лишеніями всякаго рода и, наконецъ, долбленіемъ, не дающимъ пищи ни чувству, ни воображенію. Полное же незнакомство съ первоклассными нашими поэтами, читать которыхъ запрещалось, какъ нѣчто вредное и безнравственное, было причиною, что изъ воспитанниковъ семинарій не являлось поэтовъ, и стихи писались только по заказу.

Вмѣсто испытаній и повѣрки знаній въ наукахъ устраивались такъ называемые диспуты, при которыхъ ученики раздѣлялись на двѣ стороны: съ какою твердостію одинъ защищалъ истину, съ такою же дерзостью другой усиливался доказать ложь; ловкое возраженіе было одобряемо не меньше, если не больше основательнаго опроверженія. «Отсюда—склонность къ спорамъ часто соблазнительнымъ и никогда не полезнымъ для наставленія народа, потому что и возраженіе и рѣшеніе ихъ большею частію въ школѣ выдуманы, въ школьномъ видѣ представлены и не входятъ въ кругъ понятій, обращающихся въ народѣ».

Вообще положительныхъ знаній выносилось очень немного. «Конечно, догматы вѣры я зналъ,—говоритъ П. С. Казанскій [2]),—могъ разсуждать о нихъ, но исторію церкви христіанской зналъ мало. Философія почти вся улетѣла изъ головы. По-латыни могъ писать и читать безъ затрудненія. По-гречески познакомился съ грамматиками Бюрнуфа и Попова. По-нѣмецки могъ читать книги, но

[1]) Дневникъ А. В. Горскаго съ примѣчаніемъ С. Смирнова, изд. 1885 г., стр. 88. Часть этого дневника была напечатана въ „Православномъ Обозрѣніи“ 1868 г., подъ заглавіемъ: „Изъ воспоминаній покойнаго Филарета, митрополита московскаго, записанныхъ А. Г.“.—То же самое было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 г. № 12, подъ заглавіемъ: „Разсказы митрополита Филарета, записанные А. В. Горскимъ“.

[2]) „Православное Обозрѣніе“ 1879 г. № 9, стр. 107 и 108.

только при помощи лексикона. Мысль моя была довольно развита. Чтеніе аскетическихъ сочиненій и духовныхъ книгъ, изданныхъ въ Россіи во второмъ и третьемъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка, дало отчасти мистическое направленіе моимъ мыслямъ. Но знанія людей, знанія жизни я не имѣлъ никакого. Что было бы со мною, еслибъ я поступилъ въ священники въ село? Не могу и представить, что бы было при встрѣчѣ съ дѣйствительностью. Въ продолженіе всего ученія о пастырскихъ обязанностяхъ у насъ не было и рѣчи».

Воспитанный въ латинской схоластикѣ, съ знаніями сухими и холодными, съ недостатками одушевленія и совершенно незнакомый съ жизнью, семинаристъ дѣлался священникомъ и попадалъ въ обстановку, далеко не привлекательную. Сынъ бѣдныхъ родителей, а иногда и сирота, ничего не имѣющій, сдѣлавшись священникомъ, обязанъ былъ купить домъ своего предшественника и слѣдовательно съ перваго шага войти въ долги. Въ большинствѣ случаевъ онъ самъ долженъ былъ обработывать землю, самъ хлопотать около дома, самъ припасать все необходимое для жизни; брать же въ руки священныя книги ему не было времени, да и купить ихъ было не на что, денегъ не хватало на самыя насущныя потребности. Многіе священники вмѣсто сапоговъ носили лапти и въ нихъ служили въ церкви. Отправляя своего сына въ Петербургъ, отецъ Г. П. Павскаго сшилъ ему сюртукъ изъ единственной своей рясы, а самъ остался ходить въ одномъ подрясникѣ [1]). Отецъ Фотія заработывалъ деньги тѣмъ, что рубилъ и возилъ лѣсъ на крестьянъ. Но заработокъ этотъ былъ ничтоженъ, и въ іюлѣ, передъ жатвою, въ домѣ вовсе не было хлѣба. Фотій собиралъ огородную траву, посыпалъ ее солью и тѣмъ насыщалъ себя.

Такая бѣдность заставляла духовенство входить въ дѣла непристойныя и пользоваться руками прихожанъ въ пособіе къ воздѣлыванію земли. Это пользованіе, по тогдашнимъ понятіямъ, было сопряжено съ грѣхомъ и нарушеніемъ правилъ религіи, ибо крестьяне соглашались помогать священнику не иначе, какъ въ праздничные дни. Завися вполнѣ отъ прихожанъ и ихъ ничтожной платы за

---

[1]) Протоіерей Г. П. Павскій. „Русская Старина“ 1888 г., т. 27, № 1 стр. 115.

исполненіе требъ [1]), сельскій священникъ по необходимости долженъ былъ пріобрѣтать ихъ расположеніе, примѣняться къ ихъ обычаямъ, вкусамъ и даже пьянствовать вмѣстѣ съ ними. «Крестьяне, говоритъ современникъ [2]), идутъ прямо съ паперти въ кабакъ, противъ храма Божьяго, отъ котораго отдѣлялся только проѣзжею дорогой. Туда же, управившись въ церкви, спѣшатъ священно-служители. Послѣдніе, говоря правду, держали себя несообразно съ достоинствомъ духовнаго сана... Сколько разъ, возвращаясь съ полевой прогулки, мы находили отца Селивана лежащимъ на церковномъ погостѣ въ безпамятствѣ, съ раскинутыми врозь руками!»

Пьянство было господствующимъ порокомъ духовенства, доходившаго въ этомъ отношеніи до полной неблагопристойности [3]). Фотій старался удержать своего отца отъ этого порока, но за это былъ битъ по щекамъ мѣстнымъ священникомъ. Послѣдній былъ собутыльникомъ отца Фотія и вмѣстѣ съ нимъ пьянствовалъ; понятно, что вмѣшательство Фотія было непріятно попу.

«Дня черезъ три, либо менѣе,—писалъ Филаретъ дѣду [4]),—сойду я на другую квартиру, именно къ дворнику Рождественскаго попа, къ такому же пьяницѣ, какъ и самъ попъ... Выданъ указъ (Сvнода) [5]), чтобы кутейники не хватались за вино, а знали бы кутью».

Но указъ не помогалъ, и священники продолжали пьянствовать, драться съ прихожанами у кабаковъ и на базарѣ, и тиранствовать въ семьѣ. Достаточно прочитать записки Д. И. Ростиславова, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго [6]).

Съ каждымъ днемъ по выходѣ изъ семинаріи, священникъ все

---

[1]) За молебенъ съ акаѳистомъ платилось 10 коп., безъ акаѳиста 5 коп. По сдѣланному въ 1824 г. въ канцеляріи Сѵнода расчисленію доходовъ, приходилось среднимъ числомъ въ годъ на цѣлый причтъ 10 руб. 84 к. („Русскій Вѣстникъ“ 1876 г. № 5, стр. 110. „Правосл. Собесѣдникъ“ 1894 г. № 1, стр. 30)

[2]) Первые годы жизни до поступленія въ школу. „Русскій Вѣстникъ“ 1876 г. № 5, стр. 110.

[3]) См. Чтенія въ Московскомъ обществѣ любителей духов. просвѣщенія 1870 г. кн. XII, 320.

[4]) Въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1800 г. Письма къ роднымъ, стр. 4.

[5]) Предписавшій архіереямъ принять мѣры къ искорененію пьянства въ духовенствѣ.

[6]) См. „Русскую Старину“, т. 28, стр. 37—41.

болѣе и болѣе дичалъ, грубѣлъ, забывалъ о своихъ обязанностяхъ, терялъ уваженіе къ церкви и религіи, и смотрѣлъ на свой санъ, какъ на ремесло извѣстной касты или цеха. Въ Уфѣ былъ священникъ Ласточкинъ, который во время причастія громко сказалъ одной дамѣ: «Что ты боишься что-ли ротъ-то открыть? Ну, куда я тебѣ лжицу просуну?»

Сконфуженная молодая дама открыла ротъ со всѣмъ усердіемъ.

— Смотри пожалуй, проговорилъ тогда священникъ: она никакъ ужь и меня съ сосудомъ проглотить хочетъ [1]).

Сохранилось много свидѣтельствъ объ униженіи церкви самимъ духовенствомъ, и мы приведемъ одно изъ нихъ. Въ селѣ Бѣлоомутѣ, отстоявшемъ не болѣе, какъ въ 150 верстахъ отъ Москвы, въ десятыхъ годахъ настоящаго столѣтія дьяконъ Евѳимій Денисовъ въ стихарѣ шумѣлъ, прыгалъ и дѣлалъ такія «наглости», которыя свойственны только сумасшедшимъ. Неоднократно выбѣгалъ онъ изъ алтаря и въ присутствіи прихожанъ, оставшихся служить панихиду, произносилъ ругательныя слова. Случалось, что во время службы, дѣти запирались въ алтарѣ, бѣгали вокругъ престола, шумѣли и кричали. Причетники на горнемъ мѣстѣ, сидя на стулѣ, часто стригли волосы, вытирали руки ризами, вызывали другъ друга на кулачный бой, облокачивались на жертвенникъ и проч. «И посему, сказано въ концѣ донесенія [2]), церковь наша толико уничижена, толико поругана, толико обезславлена студными ихъ дѣлами, что весьма прилично сказать о ней словеса Господни: «домъ мой— домъ молитвы наречется, вы же сотвористе его вертепъ разбойникамъ». И святый алтарь у нихъ не что иное, какъ торжище, гдѣ происходятъ безпрестанные счеты, повѣрки, крики и ругательства, что̀ весьма обезображиваетъ сіе святое мѣсто и дѣлаетъ презрѣннымъ для самихъ прихожанъ».

Прихожане не уважали духовенство, а дворяне и помѣщики смотрѣли на него съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ и держали въ загонѣ. Священники же напротивъ относились къ помѣщикамъ съ

---

[1]) Разсказы изъ недавней старины И. Е. Листовскаго. „Русскій Архивъ" 1884 г. № 2, стр. 290.

[2]) Донесеніе о неблагочиніи. „Русская Старина" 1878 г., т. 22, № 7, стр. 476—479.

подобострастіемъ. Встрѣчаясь, напримѣръ, съ дѣтьми помѣщика, священникъ, вмѣсто того, чтобы благословить ихъ, говорилъ: «А здравствуйте, молодые господа; пожалуйте ручку» и цѣловалъ ее.

Подобные пастыри не могли имѣть никакого вліянія на паству. «Могли ли они указывать на сучки своихъ прихожанъ, когда изъ ихъ собственныхъ очей торчали цѣлыя бревна» [1])? Если они и поучали въ извѣстные праздники, то эти поученія не внушались имъ сознаніемъ священническаго долга, не вытекали изъ убѣжденія въ истинѣ и важности проповѣдуемаго, а были исполненіемъ предписаннаго, часто внѣшнимъ очищеніемъ совѣсти.

Проповѣди поучительны и полезны только тогда, когда, примѣняясь къ потребностямъ времени, служатъ выраженіемъ господствующаго душевнаго настроенія или живымъ укоромъ порока, укоромъ, подкрѣпляемымъ всѣмъ доступными христіанскими истинами. Церковь призвана къ воздѣйствію на общество живымъ словомъ проповѣди, приноровленной къ его потребностямъ и интересамъ. Но слово человѣка, не знающаго и не желающаго знать дѣйствительной жизни, не можетъ быть затрогивающимъ, мѣткимъ, интереснымъ и поучительнымъ. Большинство же проповѣдей того времени составлялось и говорилось по «Руководству къ церковному краснорѣчію, съ примѣрами изъ св. Писанія, Святыхъ отецъ и славнѣйшихъ ораторовъ христіанскихъ». Книга эта, какъ переведенная съ иностраннаго языка, мало была пригодна для православнаго проповѣдника; но и ею могли пользоваться лишь немногіе священники. Большинство не въ состояніи было написать проповѣдь и передать со смысломъ катехизическія понятія. Семинаристы готовились во священники,—пишетъ П. С. Казанскій,—«чтобы проходить эту должность такъ, какъ проходятъ ихъ отцы: служить обѣдни, совершать требы и разъ въ годъ сказать гдѣ-нибудь въ уѣздномъ соборѣ проповѣдь. Они готовились къ этому, списывая лучшія проповѣди учениковъ семинаріи и, если случится — профессоровъ. У инаго до 200 проповѣдей наготовлено. А подумать о томъ, приложимы ли эти проповѣди къ тѣмъ слушате-

---

[1]) Первые годы жизни до поступленія въ школу. „Русскій Вѣстникъ" 1876 г. № 5, стр. 110.

лямъ, которые будутъ у нихъ, имъ и въ голову не приходило. И знаю изъ многихъ примѣровъ, что написать проповѣдь священнику самое величайшее мученіе. Даже не то, что написать, но и переписать готовую не въ состояніи иные благочинные Московской епархіи. Тѣмъ менѣе можно ждать отъ нихъ бесѣды со своими прихожанами въ храмѣ Божіемъ» [1]).

Еслибы такіе пастыри стали поучать народъ, то при ихъ положеніи и низкомъ уровнѣ нравственности, они были бы похожи на того пастора, которому духовный сынъ его намекнулъ, что человѣкъ, преслѣдующій пьянство съ каѳедры, долженъ бы былъ прежде всего самъ вылѣчиться отъ этой болѣзни.

— Любезный другъ,—отвѣчалъ пасторъ,—мнѣ платятъ триста талеровъ въ годъ за то, чтобъ я отучалъ васъ отъ крѣпкихъ напитковъ, но чтобы мнѣ самому не пить ихъ... да я за это не возьму съ тебя и трехъ тысячъ [2]).

При такихъ условіяхъ сельское духовенство не могло оказать пользы ни нравственности, ни религіи. Черное духовенство того времени было въ общемъ не лучше бѣлаго. «Духовные сдѣлались совершенными торгашами,—писалъ М. Невзоровъ князю А. Н. Голицыну [3]),—стараются только умножить свои доходы отдачею въ наймы домовъ, подваловъ, огородовъ и подобнаго. Свидѣтельствомъ тому служатъ всѣ подворья архіерейскія и монастырскія въ Москвѣ, составляющія гнѣзда трактировъ, харчевенъ, постоялыхъ дворовъ и лавокъ къ единой роскоши служащихъ. Религію же Христову и богопочитаніе они (духовные) заключаютъ только въ умноженіи золота, парчей и жемчуговъ церковныхъ, почему явные грабители, дѣлающіе въ монастыри и церкви вклады, становятся у нихъ лучшими христіанами; истинные же поклонники Іисуса Христа, старающіеся о распространеніи истиннаго духа евангельскаго, почитаются отъ нихъ безумными, фанатиками и подвергаются гоненію... Всего же чуднѣе, что начальствующіе монахи нынѣ начали явно

---

[1]) Воспоминанія семинариста П. С. Казанскаго. „Православное Обозрѣніе" 1879 г., № 9, стр. 109.

[2]) Первые годы жизни до вступленія въ школу. „Русскій Вѣстникъ" 1876 г., № 5, стр. 111.

[3]) Въ письмѣ отъ 27 января 1819 г. Рукопись Императорской публичной библіотеки. О. III, № 73.

говорить, что они не монахи, а начальники и правители церкви, а постригаются въ монахи только для поддержанія религіи».

— Для чего же они постригаются, — спрашивалъ Невзоровъ, — для чего даютъ страшные обѣты и клятвы? Неужели такимъ явнымъ клятвопреступленіемъ поддерживается вѣра Христова, и не служитъ ли это явнымъ соблазномъ и развратомъ?

Конечно, между темными пятнами были и свѣтлыя точки, даже звѣзды, рѣзко выдѣлявшіяся изъ всего сословія, но и они отдали дань своему вѣку.

Когда, въ началѣ настоящаго столѣтія, по преобразованіи духовныхъ училищъ, учреждали на новыхъ началахъ Петербургскую духовную академію, то, за неимѣніемъ отечественныхъ ученыхъ, рѣшено было на нѣкоторыя каѳедры пригласить ученыхъ изъ-за границы. Въ числѣ приглашенныхъ на каѳедру еврейскаго языка былъ извѣстный оріенталистъ, докторъ философіи Игнатій Фесслеръ, находившійся тогда въ Берлинѣ. Прежде католическій монахъ, потомъ принявшій лютеранство и женившійся, Фесслеръ былъ масонъ и по пріѣздѣ въ Петербургъ завелъ у себя домашнюю масонскую ложу. Около этого же времени появился въ нѣмецкихъ журналахъ разборъ его сочиненія «Терезія», въ которомъ сказано было, что Фесслеръ прошелъ всѣ степени вѣры, сомнѣній и знаній, потерялъ первую, отринулъ послѣднія и сдѣлался идеалистомъ. Вліяніе Фесслера на своихъ учениковъ было обширно. «Я помню, — говорилъ Филаретъ [1]), — что одинъ студентъ вышелъ изъ академіи безъ вѣры въ Искупителя, какъ Бога». Фесслеръ признавалъ Іисуса Христа не болѣе, какъ величайшимъ философомъ. Онъ былъ удаленъ изъ академіи послѣ того, какъ подалъ конспектъ по древностямъ восточной церкви, гдѣ между прочимъ высказалъ мысль, что богослуженіе слагается изъ двухъ элементовъ: лирическаго и драматическаго.

Не одинъ, впрочемъ, Фесслеръ вселялъ въ своихъ ученикахъ такого рода идеи, но еще до преобразованія духовныхъ училищъ въ Петербургской академіи было много невѣрующихъ студентовъ [2]).

---

[1]) Изъ воспоминаній Филарета. „Православное Обозрѣніе“ 1868 г., № 8, стр. 517.

[2]) То же, стр. 518.

Графъ М. М. Сперанскій свидѣтельствуетъ, что во время пребыванія его въ Александро-Невской семинаріи былъ учитель, который или былъ пьянъ, или трезвый проповѣдовалъ ученія Вольтера и Дидеро [1]). Съ такою подкладкою ученики переходили и въ Петербургскую духовную академію. Въ Кіевской, — по словамъ И. Ѳ. Тимковскаго, — студентамъ не воспрещалось читать всякаго рода книги, и онъ два раза сряду прочиталъ какъ благовѣстіе — не какъ поэму — «Юнговы ночи», въ переводѣ Гамалея. За «Юнговыми ночами» послѣдовало чтеніе «Oeuvres spirituelles par Fenelon» и проч. [2]). Мистическія сочиненія читались съ большимъ увлеченіемъ и въ С.-Петербургской духовной академіи, въ особенности сочиненія Ю. Штиллинга и Эккартгаузена. «Св. отцовъ, — говоритъ Фотій [3]) — не давали читать изъ академической библіотеки, ибо никто совѣта не подавалъ и примѣра. Толковники на св. писаніе были рекомендованы и выдаваемы нѣмецкіе и прочіе иновѣрные, болѣе ко вреду, нежели на все полезные».

Наиболѣе образованное духовенство какъ бѣлое, такъ и черное, само увлекалось тогдашнимъ общественнымъ движеніемъ: переводило творенія Жанъ-Жака Руссо [4]) или съ увлеченіемъ читало мистическія сочиненія. Въ числѣ послѣдователей мистицизма или по крайней мѣрѣ сочувствовавшихъ ему были: митрополиты Платонъ, Амвросій [5]) и Михаилъ; архіереи: Ѳеофилактъ (Русановъ), Іона

---

[1]) „Духовный Вѣстникъ“ 1862 г., т. II, стр. 374.

[2]) Мое опредѣленіе въ службу И. Ѳ. Тимковскаго. „Москвитянинъ“ 1852 г., № 18, стр. 6. Статья эта перепечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 г., тетр. 6, стр. 1378.

[3]) „Вѣстникъ Европы“ 1878 г., т. VI, стр. 35.

[4]) Протопопъ В. М. Протопоповъ переводилъ его для типографщика Селивановскаго. „Я люблю, — писалъ при этомъ Протопоповъ, — Жанъ-Жака (Руссо) не такъ, какъ антагониста религіи, а какъ умѣющаго трогать душу и разговаривать съ сердцемъ чувствительнаго писателя“. („Духовный Вѣстникъ“ 1862 г., т. III, стр. 373).

[5]) Еще въ 1787 году митрополитъ Платонъ произнесъ въ Успенскомъ соборѣ слово на день Благовѣщенія. Онъ имѣлъ цѣлью установить истинное понятіе о различіи между царствіемъ Божіимъ и царствіемъ земнымъ. Слово же его, произнесенное въ Чудовомъ монастырѣ, говоритъ о рожденіи духовномъ. Здѣсь Платонъ старался поставить внутреннее возрожденіе христіанина необходимымъ условіемъ явленія въ насъ и среди насъ царствія Божія и царствія Христова. Митрополитъ Амвросій проповѣдывалъ объ истинномъ блаженствѣ, проистекающемъ отъ соединенія съ Богомъ.

тверской, Даніилъ могилевскій и витебскій, Симеонъ Крыловъ тульскій, Онисофоръ вологодскій, одесскій архимандритъ Ѳеофанъ и въ молодости Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій. Изъ бѣлаго духовенства мы можемъ назвать: священника въ Балтѣ Ѳеодосія Левицкаго, подольскаго—Ѳедора Лисѣевича и наконецъ дошедшаго въ этомъ отношеніи до фанатизма іеромонаха Іону, законоучителя Морскаго кадетскаго корпуса.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ наиболѣе выдающимся дѣятелемъ въ религіозномъ движеніи начала столѣтія былъ епископъ калужскій Ѳеофилактъ, стоявшій во главѣ партіи нецерковнаго направленія[1]), занимавшійся преподаваніемъ въ С.-Петербургской духовной академіи анти-христіанской эстетики[2]), переводившій Боэція, Ансильона и составившій руководство Богословія, заимствованное изъ лютеранской книги Буддея.

Землякъ Ломоносова, школьный товарищъ Сперанскаго, Ѳеофилактъ Русановъ окончилъ курсъ въ Невской семинаріи и, по выходѣ изъ нея, довершилъ свое образованіе изученіемъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Знакомый съ богатою французскою литературою и съ философіею Канта, Ѳеофилактъ любилъ говорить по-французски и оттого получилъ въ обществѣ названіе «французскаго архіерея», а среди духовенства—Бріена[3]). Это былъ скорѣе свѣтскій человѣкъ, чѣмъ архипастырь, увлекавшійся западнымъ движеніемъ и большой поклонникъ Фенелона.

«О Фенелонъ!—писалъ Ѳеофилактъ[4]),—какой блистательный умъ за честь бы себѣ не поставилъ быть творцомъ твоихъ произведеній! Какое доброе сердце не поревнуетъ тебѣ въ дѣлахъ живыя вѣры! Признаюсь вамъ, почтенный и любезный мой другъ, что до сего времени слегка только зналъ я о семъ тайникѣ благодати, и вы ничѣмъ лестнѣе одолжить меня не могли, какъ заманчивымъ вызовомъ короче съ нимъ мнѣ познакомиться. О, когда бы могъ я сблизиться съ вами по таинствамъ выхваляемой имъ духовности,

---

[1]) Изъ воспоминаній Филарета, записанныхъ А. В. Горскимъ. „Православное Обозрѣніе“ 1868 г., № 8, стр. 518.

[2]) „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., декабрь, кн. II, стр. 762.

[3]) Имя французскаго епископа, участвовавшаго въ революціи.

[4]) Сперанскому 16 ноября 1804 г. „Въ память М. М. Сперанскаго“. Изд. Императорской публичной библіотеки, стр. 381.

сколько лобызаю нѣжную и горячую его любовь ко Христу! Но ощущаю въ душѣ моей нѣчто насъ раздѣляющее, и это меня тревожитъ. Мнѣ кажется, что никогда не должно ходить по крайностямъ; и духовныя сочиненія Фенелона всемѣстно почти отзываются чрезвычайностію».

Эту чрезвычайность Ѳеофилактъ находилъ въ стремленіи Фенелона уничтожить всѣ дѣйствія природы на человѣка, заставить умертвить самолюбіе, отказаться отъ земнаго благополучія и возстановить сообщеніе съ божествомъ, то сообщеніе, которое имѣлъ первый человѣкъ до грѣхопаденія — словомъ, свести рай на землю.

Бывая часто у своихъ родственниковъ въ Тульской и Калужской губерніяхъ, князь А. Н. Голицынъ, еще до назначенія оберъ-прокуроромъ Сѵнода, имѣлъ случай узнать полезную административную дѣятельность Ѳеофилакта. Съ поднятіемъ вопроса о преобразованіи духовныхъ училищъ, кн. Голицынъ вызвалъ Ѳеофилакта въ Петербургъ, и ему повелѣно было присутствовать въ Св. Сѵнодѣ. Поддержанный двумя близкими ему лицами — кн. А. Н. Голицынымъ и М. М. Сперанскимъ—Ѳеофилактъ съ самаго вступленія своего въ Сѵнодъ занялъ тамъ первенствующее положеніе. Изящныя манеры, бойкость рѣчи и обширное образованіе привлекли на него всеобщее вниманіе. Онъ очень понравился императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и очаровалъ ее правильною и бойкою французскою рѣчью. Познакомившись съ религіозно-мистическимъ настроеніемъ кн. Голицына и Сперанскаго, архіепископъ Ѳеофилактъ часто бесѣдовалъ съ ними объ извѣстномъ шведскомъ мистикѣ и духовидцѣ Сведенборгѣ, которому самъ сочувствовалъ и совѣтовалъ прочитать его Филарету, тогда еще молодому іеромонаху. Склонный къ увлеченію всѣмъ таинственнымъ, Филаретъ послѣдовалъ совѣту, ознакомился съ мистическими сочиненіями, и первыя его проповѣди наполнены были мыслями главнѣйшихъ представителей мистицизма.

Митрополитъ Михаилъ по воспитанію своему принадлежалъ къ Новиковскому «Дружескому обществу», учился тамъ вмѣстѣ съ А. Ѳ. Лабзинымъ, и черезъ священника Малова находился въ сношеніяхъ съ сектою Татариновой. Проповѣди Михаила

имѣли вполнѣ мистическій характеръ. Хожденіе въ церковь, поклоны, чтеніе наизусть молитвъ, совершеніе обрядовъ онъ называлъ наружнымъ богослуженіемъ, знаменіемъ истиннаго богослуженія, не составляющимъ его самого.—Наружное богослуженіе, по его словамъ, только тогда пріятно Богу, когда соединено съ внутреннимъ, а безъ такого соединенія оно ничто, пользы не приноситъ и угодно Богу быть не можетъ [1]).

— Мы, говорилъ Михаилъ въ одной изъ своихъ проповѣдей,—съ духомъ сокрушеннымъ и съ сердцемъ смиреннымъ должны служить Богу не только тогда, когда во храмѣ находимся, когда молитвы дѣемъ, но должны тако служить всегда, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ.—Внутренность наша должна быть походною церковью, а внутренній человѣкъ священникомъ, всегда въ ней передъ Богомъ служащимъ, всегда себя Ему въ жертву, въ чистотѣ и святынѣ приносящимъ.—Такое расположеніе сердца, таковое положеніе духа, таковое служеніе внутренняго человѣка имѣетъ важныя послѣдствія; оно дѣйствительно можетъ участвовать въ соединеніи съ Богомъ и слѣдовательно въ наслажденіи вѣчнымъ блаженствомъ.

Возвышая внутреннее богослуженіе на счетъ внѣшняго, митрополитъ Михаилъ, конечно, признавалъ равенство всѣхъ исповѣданій, не давалъ предпочтенія ни одному изъ нихъ и вмѣстѣ съ мистиками подрывалъ значеніе внѣшней церкви.

Таково было направленіе блестящихъ духовныхъ единицъ того времени. Все же остальное черное духовенство коснѣло въ невѣжествѣ, ограничивая свою дѣятельность духовнымъ регламентомъ и грозными преданіями Петровскаго времени.

Англійскихъ миссіонеровъ удивляла терпимость нашего духовенства и его безучастіе въ вопросахъ религіи.—«Если только,—писалъ Пинкертонъ [2]),—вы удержитесь отъ спора относительно исхожденія Св. Духа, числа таинствъ, призыванія святыхъ, молитвы за умершихъ и проч.—вы можете выставлять всѣ жизненныя уче-

---

[1]) Бесѣды митрополита Михаила, т. IV, 427.

[2]) А. Н. Пыпинъ.—Россійское библейское общество.—«Вѣстникъ Европы» 1868 г. № 11, стр. 235.

нія Евангелія, безъ опасенія, чтобы трудъ былъ отвергнутъ духовными властями».

«Въ нашей обрядной церкви, говоритъ Н. И. Пироговъ [1]), по крайней мѣрѣ во время моего дѣтства, а въ деревняхъ, какъ вижу, и теперь еще Евангеліе считается попами и прихожанами священнымъ не по содержанію, не по мыслямъ и изложенному въ немъ ученію, а священнымъ, какъ предметъ формально; такъ и слова молитвъ считаются священными, какъ слова,—слышанныя, прочитанныя они должны оказать благодатное и спасительное дѣйствіе на слушателя и читателя».

Растолковать слова Евангелія, внушить народу истины религіи и бороться противъ безвѣрія духовенство было не въ состояніи. Правда, что въ началѣ настоящаго столѣтія появилось нѣсколько духовныхъ сочиненій, направленныхъ противъ невѣрія, но они, не разъясняя истинъ религіи, имѣли часто полемическій и даже юмористическій характеръ.

Первымъ по времени сочиненіемъ, направленнымъ противъ ученія философовъ и мистиковъ, было появившееся въ 1803 году сочиненіе священника Московской единовѣрческой церкви Ивана Полубенскаго подъ заглавіемъ: «О внѣшнемъ богослуженіи и наружныхъ дѣйствіяхъ человѣка христіанина». Авторъ задался обширною программою: дать ясное и точное понятіе объ истинномъ смыслѣ и разумѣ Евангелія тѣмъ, которымъ оно не ясно; указать на слабыя мѣста философскихъ системъ; опровергнуть мнѣнія иностранныхъ писателей по церковнымъ и богословскимъ вопросамъ; писателямъ книгъ религіозныхъ дать необходимыя наставленія; открыть секретъ, узнать антихристовыхъ служителей; научить узнавать, кто уклоняетъ въ сторону истинный смыслъ Христова ученія; представить въ ясномъ видѣ внутреннее теченіе христіанства; сокрушить ложночтимые истуканы; іерихонскія стѣны грѣха гласомъ трубнымъ поколебать и проч. проч. Авторъ изложилъ свои мысли въ трехъ томахъ, но, къ сожалѣнію, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, сочиненіе это написано въ ироническомъ,

[1]) Въ своихъ посмертныхъ запискахъ. «Русская Старина» 1884 г. № 12, стр. 472 и 473.

сатирическомъ и комическомъ тонѣ [1]). Самая книга посвящена театраламъ, потому что церковь всегда будетъ недовѣрять театральной нравственности, медикамъ — потому что христіане по тѣлу имѣютъ большую связь (сношеніе) съ ними; слѣдовательно, чтобы всякій зналъ, что церковныя учрежденія соображены съ натурою человѣка и съ правилами самой медицины и что благонамѣренная медицина не можетъ противорѣчить церковнымъ учрежденіямъ. Наконецъ книга посвящалась еще и всѣмъ отъѣзжающимъ заграницу. «Многіе, — говоритъ авторъ, — отъѣзжаютъ надолгое время и съ перемѣною мѣста перемѣняютъ отечественныя мысли въ разсужденіи самаго закона (христіанскаго). Для многихъ путешественниковъ медики и театральные служатъ вмѣсто духовниковъ: по совѣту однихъ управляютъ они свою наружность, а по наставленію другихъ свою внутренность. Для того предложены по возможности всѣ нужныя свѣдѣнія, чему тамъ (особенно въ Парижѣ) полезному въ разсужденіи религіи научиться можно и отъ чего вреднаго предохраниться. По многимъ причинамъ мы совѣтуемъ путешествующимъ — на границѣ французской прочитать про себя символъ вѣры и въ мысленныхъ вмѣстительныхъ (скобкахъ) включить слѣдующее: «Распятаго же за ны при (французѣ) Понтійстѣмъ Пилатѣ», прибавивъ къ тому въ мысли Руфиново замѣчаніе: «Iulianus in Gallia Christum abnegavit, т. е. Юліанъ въ Галліи Христа отвергся». Сіе сказано по великому множеству французскихъ книгъ, предосудительныхъ для христіанства».

Въ такихъ вопросахъ, какъ религія, иронія и юморъ неумѣстны; только спокойное и безпристрастное изложеніе можетъ при-

[1]) Вотъ образчикъ юмора: «Неудивительно, что у Бога не всякій безъ разбора будетъ въ раю и что для тѣхъ, которые не хотѣли быть Ему у себя царемъ, есть особливый смирительный Мальмезонъ (т. I, 50).

Приглашая грѣшника къ покаянію, авторъ даетъ ему такіе совѣты: «Не теряй времени, сдѣлай послѣднее усиліе, подвигни твое произволеніе хотя малѣйше на страну спасенія и мудрости, чтобъ потому можно было Христу Спасителю приняться излѣчить застарѣлую «неизлѣчимую» твою болѣзнь. — Ты сдѣлай сіе, буде хочешь, по-философски, только въ другомъ видѣ. Подвигнись, хотя черезъ силу, обернуться ко Христу такъ, какъ умирающій Вольтеръ употребилъ послѣднее усиліе отворотиться отъ священника и такъ умеръ. Мы тебя не обязываемъ слишкомъ къ строгому покаянію русскому во всей строгости слова. Пусть на первый разъ покается по-нѣмецки, кто грѣшилъ по-русски. Пока до времени ligneus esto (т. I, 54).

нести пользу, и книга Полубенскаго не достигла той цѣли, съ которою писалась. Напротивъ, многіе осуждали такой пріемъ, какъ не соотвѣтствующій цѣли. Въ подобной полемикѣ нѣкоторые, въ томъ числѣ и М. М. Сперанскій, видѣли тотъ главный недостатокъ, что авторы говорили въ своихъ сочиненіяхъ не съ истинными христіанами, а съ безбожниками и деистами.

«Я считаю,—писалъ М. М. Сперанскій преосвященному Θеофилакту [1]),—что первое нужнѣе бы было, нежели послѣдніе; мнѣ кажется, что всякій пастырь долженъ стараться сохранить и усовершить стадо, ему ввѣренное; должно стараться, чтобы тѣ, кои называются вѣрными, были таковыми не именемъ только, но и самымъ дѣломъ; а чтобы невѣрные или овцы иже не суть отъ двора его приведены къ нему были... Я не думаю, чтобъ споръ и препинаніе съ противниками были лучшимъ къ тому средствомъ. Споры возбуждаютъ только пытливость духа и рѣдко производятъ убѣжденія».

Θеофилактъ не раздѣлялъ этого убѣжденія и говорилъ, что ревностный пастырь долженъ дѣйствовать противъ деистовъ, «которые своими издѣвками все испровергаютъ» [2]). Онъ забывалъ, что въ общей сложности деистовъ было меньше, чѣмъ лицъ, приверженныхъ къ религіи, исполнявшихъ всю обрядовую ея сторону, но незнакомыхъ съ внутреннимъ ея содержаніемъ, по недостатку толкованій и наставниковъ.

— Приставленные ко мнѣ дядьки,—говорилъ императоръ Александръ квакеру Греллэ-де-Мобилье [3]),—имѣли нѣкоторыя добрыя качества, но не были вѣрующими христіанами, и потому первоначальное воспитаніе мое не было соединено съ какими-либо глубокими нравственными впечатлѣніями. Сообразно съ обычаями нашей греческой церкви, меня пріучили формально повторять утромъ и вечеромъ извѣстныя заученныя молитвы; но этотъ обычай, нисколько не удовлетворявшій внутреннимъ потребностямъ мо-

---

[1]) Отъ 5 сентября 1804 года «Въ память графа Сперанскаго». Изданіе Императ. публич. библіотеки, стр. 371 и 372.

[2]) Письмо Θеофилакта Сперанскому отъ 20 сентября 1804 г. Тамъ же, стр. 370.

[3]) Записки квакера «Русская Старина» 1874 г. № 1, стр. 18.

его религіознаго чувства, скоро надоѣлъ мнѣ. Случалось между тѣмъ не разъ, что я, ложась спать, живо чувствовалъ въ душѣ свои грѣхи и разные нравственные недостатки своего образа жизни; возникавшее при этомъ сердечное разскаяніе пробуждало во мнѣ потребность встать съ постели и среди ночной тишины броситься на колѣни, чтобы со слезами просить у Бога прощенія и силы для большей бдительности надъ собою на будущее время. Это сердечное сокрушеніе продолжалось нѣсколько времени; но мало по малу, при отсутствіи нравственной поддержки со стороны окружающихъ лицъ, я сталъ рѣже и слабѣе чувствовать въ себѣ эти спасительныя движенія благодати; вмѣстѣ съ мірскою разсѣянностью, грѣхъ сталъ болѣе и болѣе владычествовать въ моей душѣ.

Воспитатель его, Лагарпъ, могъ сообщить ему лишь смутныя представленія о Богѣ. Законоучитель протоіерей Самборскій, человѣкъ самъ не богословскаго образованія, заботился только объ аккуратномъ исполненіи обрядовъ православія. Тѣмъ не менѣе потребность въ религіи выработала въ Александрѣ универсальную религію сердца, одинаково мирившуюся со всѣми вѣроисповѣданіями и ни одному изъ нихъ всецѣло не принадлежавшую, близкую болѣе къ протестантскому мистицизму, чѣмъ къ православію. Желаніе познакомиться съ внутреннимъ содержаніемъ религіи заставило Александра, подъ предлогомъ осушенія болотъ Петербурга, выписать изъ Англіи квакера Даніила Виллера.

— Не осушеніе болотъ,—говорилъ Александръ впослѣдствіи квакеру Греллэ-де-Мобилье,—и не другая какая-либо нужда была причиною того, что я вызвалъ сюда нѣкоторыхъ изъ вашихъ друзей, нѣтъ, мною руководило желаніе, чтобъ ихъ истинное благочестіе, ихъ честность и другія добродѣтели послужили для моего народа примѣромъ къ подражанію [1]).

Не одинъ императоръ Александръ, но и многіе другіе были утомлены формами и обрядами внѣшней церковной жизни и искали внутренняго, существеннаго и дѣйствительнаго наставленія въ

---

[1]) Записки квакера о пребываніи въ Россіи, „Русская Старина“ 1874 г., № 1, стр. 14.

вѣрѣ. Но духовенство было немощно и безсильно, чтобы придти на помощь къ этимъ людямъ, въ сущности идолопоклонникамъ, и починъ въ разъясненіи внутренняго содержанія религіи приняли на себя люди свѣтскіе. Они впали въ крайности, быть можетъ, много пересказали лишняго въ своихъ догматическихъ толкованіяхъ, но принесли обществу несомнѣнную пользу на пути его нравственнаго очищенія, духовнаго возрожденія и усовершенствованія. Въ числѣ такихъ толкователей видное мѣсто занимаетъ Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія [1]).

ЛѢТО 1820-е.

Благопріятно Господне.

Се лѣто начинается скорбей крайнихъ и вмѣстѣ Божіяго благоволенія.

Причина болѣзни отца Фотія и безпризрѣніе его въ болѣзни. — Тайная милостыня отцу Фотію въ крайней нуждѣ и болѣзни въ день Св. Пасхи.— Послѣдняя проповѣдь въ С.-Петербургѣ и дары и посланіе дѣвицы г-жи Анны А. Орловой-Чесменской. — Первое свиданіе отца Фотія съ госпожею дѣвицею Анною и бесѣда его съ нею о Господѣ.—Первая бесѣда отца Фотія съ дѣвицею Анною о хульныхъ помыслахъ.—Въ бесѣдѣ на вопросъ о дѣвствѣ отвѣтъ дѣвѣ.—Послушаніе дѣвицы и иконъ поставленіе вездѣ нужно въ комнатахъ.—Опасность болѣзни и долговременность. — Свыше, а не отъ человѣкъ званіе удалиться въ Деревяницы, яко же Моусею пророку отъ Египта въ Хоривъ, и Иліи отъ Израиля въ гору Божію и посвященіе въ игумена.— Неполная сострадательность въ крайней нуждѣ Фотію Михаила митрополита.— Свыше помощь, а не отъ человѣкъ.—Богородица посылаетъ все нужное на путь и въ обитель. Тайная милостыня Іоанна Д. Солодовникова.—Нечаянная тайная помощь благодати, милостыня въ крайности и нуждѣ. — Тайная милостыня отъ человѣка неизвѣстнаго, а людей извѣстныхъ.

Непрестанный трудъ въ проповѣди Слова Божія въ поученіи закону Божію дѣтей благородныхъ, юношей и всякаго рода взрослыхъ, нищета, бѣдность во всемъ добровольная, непрестанное воздержаніе, постничество, уединеніе, жилище мало способное и здоровое къ монашескому пребыванію, нагота, скудость въ одѣяніи во время зимы, всѣ удрученія тѣлесныя и невыгоды житейскія, подъятыя Бога ради и спасенія души въ монашествѣ, по должности въ корпусѣ, изъ ревности къ Богу, за церковь и вѣру, за благо общее противу сектъ, обществъ тайныхъ, всякихъ нововведеній, еретическихъ и вредныхъ книгъ и дѣйствъ наконецъ сокрушили у Фотія здравіе: жаръ и теплота, естественно изобиловавшіе доселѣ въ тѣлесномъ его составѣ, простыли; врагъ наводилъ многія скорби; ни пить, ни ѣсть почти ничего онъ не

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1894 г., сентябрь.

могъ; желудокъ испортился [1]): съ трудомъ хлѣбъ съ водою и кашицу могъ иногда ѣсть, питіе же его постоянное было простая вода, и то холодная. Во дни святаго и великаго поста сего лѣта начиналъ уже онъ совершенно въ силахъ истощеваться. На день Святыя Пасхи за три часа почувствовалъ онъ толь великое ослабленіе, что мнилъ уже себя быти при самой смерти: умереть готовился совсѣмъ, у старца странника Аѳонскаго іеромонаха исповѣдался, чая испустить духъ свой. Сіе же сотворивъ о часѣ единонадесятомъ нощи, скорбѣлъ душею, что лишается срѣтить въ церкви праздникъ Христовъ Свѣтлое Воскресеніе, не можетъ пріобщиться служа обѣдню. Вотъ началъ въ очахъ своихъ вдругъ чувствовать блистанія свѣта Божіяго, пріялъ оживленіе въ тѣлѣ,ársталъ съ одра, возмогалъ ходить по кельи, чувствовалъ, что могъ идти въ церковь, куда пришедъ, просилъ себя по обычаю облачить во вся одежды. Пришелъ часъ, и начиналъ службу на Пасху; въ крестномъ ходѣ около церкви поддерживали его штабъ и оберъ-офицеры, и думали, что онъ отъ поста ослабѣлъ. Наконецъ, какъ совершилъ утреню и литургію безъ расхода при всемъ множествѣ начальниковъ военныхъ и дѣтей, послѣ пришедъ въ келью палъ на одръ, и сдѣлался смертно боленъ; у него по бѣдности ничего не было на день Св. Пасхи пріуготовлено. Неизвѣстно даже ему было, былъ ли хлѣбъ простой; ему была нужна вода одна, которая хотя принесена была въ простомъ водоносѣ; но старецъ Аѳонскій, оставивъ его, отшелъ въ градъ, слуга же Фотіевъ старецъ воинъ совсѣмъ бросилъ его. Врагъ его такъ смутилъ, что онъ всю воду напрасно по двору розлилъ, какъ бы бѣсный сдѣлавшись, дабы Фотію въ болѣзни не имѣть капли воды языкъ горящій отъ жару прохладить. Упившись отъ вина, онъ оставилъ его бѣднаго единаго лежать: и Фотій благодушно лежалъ. Приходили къ нему вельможи, приносили пасхи отъ корпуса и отъ себя, но какъ онъ ихъ и видѣть не могъ, то просилъ куда-нибудь бросить оныя, да не видитъ ихъ по болѣзни. Они же, другъ на друга озираясь, давали знать Фотію собою, что онъ близъ уже кончины и надежды нѣтъ ему жить; единъ же ему, любя его, явно о семъ проговорилъ: а Фотій въ недугѣ страдая сказалъ ему: **не умру, но живъ буду, и повѣмъ дѣла Господня** (псал. 117, ст. 17). Пребывалъ въ болѣзни, единъ страдая безъ всякія помощи, безъ воды и утѣшенія. Ему нѣчто мало было принесено ѣсть, и питіе отъ врача и его руками дано; но все сіе было

[1]) По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, Фотій велъ самую строгую и воздержную жизнь: онъ дотого постился и изнурялъ себя, что желудокъ его сжался и отвердѣлъ и сдѣлался вообще маловоспріимчивымъ. „Русск. Старина“ 1876 г. окт. 315—316. То же самое говорилъ и пользовавшій Фотія докторъ Соколовскій. „Русск. Старина“ 1875, сент.

сряду извержено; утроба его не принимала никоего ястія и питія. Срачицы не имѣлъ перемѣнить, въ одной потѣя лежалъ и страдалъ, болѣзни его усилились до того, что онъ очи имѣя не могъ смотрѣть, главу поднять и руками дѣйствовать. Повержень будучи въ болѣзненный сонъ, лежалъ онъ брошенъ отъ всѣхъ. Тако боля и мучась день и нощь пребылъ, страдалъ; на другой же день еле въ чувствѣ былъ: не видѣлъ никакой ни откуду помощи, ожидалъ отъ Единаго Господа милости, всѣхъ скорбящихъ Утѣшителя и Отца страждущихъ за святое имя Его.

Когда тако лежай на одрѣ болѣзни своея былъ въ нищетѣ, и покрова и утѣшенія ни откуду не имѣлъ, ни единаго сродника на какую-либо потребу во утѣшеніе, не помнилъ ни дня, ни нощи, страждa, и на свѣтъ очами воззрѣть не могъ, старецъ Аѳонскій подходитъ къ нему, говоря: Отче! тебѣ есть письмо, неизвѣстно, отъ кого принесено, и лежитъ оно въ средней комнатѣ на столѣ. Отвѣчалъ же Фотій старцу: я въ руки взять не могу и читать, а посему ты возьми оное, поднеси сюда ко мнѣ, распечатай его, и предъ очи мои держи, а я, перекрестясь, можетъ быть, не возмогу ли лежа прочитать какъ-нибудь. Старецъ, взявъ письмо, принесъ и держалъ надъ грудью предъ лицемъ: лишь распечаталъ, хотѣлъ онъ изъять письмо, но не было его вовсе въ пакетѣ, а токмо въ пакетѣ ономъ вложена одна ассигнація двѣсти рублей, другая—двадесять пять и третья—десять. Сіе Фотія такъ въ чувство удивленія повергло, что слезы у него полились и руки задрожали; ибо онъ имѣлъ въ болѣзни во всемъ нужду крайнюю, откуду тайная сія милостыня, не зналъ, и Господа благодаривъ, возопилъ къ нему глаголя тако: «вижу, яко Ты не оставилъ мя еси, Владыко Господи, отселѣ уповая на милость Твою и ревнуя за имя Твое Святое, не положу оружія моего за вѣру стоять, доколѣ сокрушатся верхи врагъ нечестивыхъ, еретиковъ и грѣшниковъ, враждующихъ на Церковь Святую и вѣру; ей, не пожалѣю ни души, ни тѣла и ничего, надѣяся на богатую Твою милость, не убоюся отъ темъ на мя нападающихъ, Ты вѣси въ нуждахъ время помогать, и когда хощешь, можешь вся сотворить со мною ко славѣ Твоей, аще бы и вѣнецъ мученическій мнѣ предстоялъ; буди воля Твоя Святая во мнѣ; когда востану отъ одра моего, и живъ буду, вся дни живота моего Тебѣ предамъ и приложу трудъ въ трудъ въ словѣ и дѣлѣ вѣры, благочестія, въ одолѣніи нечестивыхъ». И тако пріявъ тайную милостыню дрожащими руками, яко отъ руки Самого Бога съ небесъ, не зная вовсе, кто ему подалъ, не пыталъ онъ, а Бога благодарилъ Единаго, Промыслителя и Подателя всѣхъ благъ, яко всякое даяніе и всякъ даръ свыше есть сходяй отъ Него, Отца свѣтовъ.

Будучи законоучителемъ и настоятелемъ въ корпусѣ кадетскомъ, Фотій имѣлъ назначеніе проповѣдывать въ нѣкоторые дни Слово Бо-

жіе въ Казанскомъ соборѣ при архіерейскомъ служеніи. Хотя былъ еще онъ боленъ, но начавъ имѣть облегченіе отъ болѣзни, лежа и сидя на одрѣ, кое-какъ писалъ слово для сказыванія, мня, что надобно ему будетъ говорить оное, а день уже вскорѣ приближается; ибо надежду нѣкую онъ имѣлъ, что будетъ въ силѣ говорить. И такъ трудяся написалъ слово противу духа времени и развращенія; наступаетъ день говорить ему слово, онъ о силѣ Божіей находилъ себя способнымъ сказать оное, хотя и немощенъ былъ. Рѣка же Нева во время оно прошла, ледъ непрестанно шелъ и перевоза никакого не было никому; посему онъ даже терялъ надежду переѣхать чрезъ Неву къ митрополиту и въ соборъ; узнавъ сію крайность, бояринъ Михаилъ Александровичъ Барановъ, служа въ крѣпости, на военномъ суднѣ казенномъ повелѣлъ его перевезти, и для безопасности его былъ самъ съ нимъ; будучи онъ перевезенъ, пошелъ къ митрополиту Михаилу на благословеніе явить слово, которое пріуготовилъ говорить, такъ какъ онъ долженъ былъ служить самъ. Сей архипастырь, любя его, оставилъ въ лаврѣ до утра, и съ собою его привезъ въ соборъ Казанскій слово говорить. На обѣдни онъ былъ весьма немощенъ. Насталъ часъ ему говорить слово, пріобщеніе совершалось, онъ же слово говорилъ: слово было къ сердцу слушателей, но Фотій не зналъ, кто они; были они и посредѣ ихъ именитыя особы, а въ числѣ ихъ доселѣ ему неизвѣстная вовсе графиня дѣвица Анна [1]), коя послѣ бысть ему дщерь о Господѣ. Именитыя

---

[1]) Очень трудно выяснить вопросъ объ отношеніяхъ Фотія къ графинѣ А. А. Орловой. Тѣсная связь, возникшая между ними, служила соблазномъ для нѣкоторыхъ изъ современниковъ и вызывала даже замѣчанія у преосвященныхъ („Прав. Обозрѣніе“ 1872 г. письмо 12). Г. Миропольскій представляетъ эти отношенія въ томъ видѣ, что графиня сдѣлалась жертвою корыстолюбія Фотія („Вѣстникъ Европы“ 1878 г. ноябрь, 55, декабрь, 588); другой біографъ г. Поповъ („Труды Кіев. дух. акад.“ 1875 г. іюнь, 753—754) совершенно представляетъ для себя необъяснимымъ то, какимъ образомъ графиня Орлова могла подчиниться безотчетному деспотизму своего духовника. Недостойная тѣнь, брошенная нѣкоторыми на отношенія Фотія къ Орловой, предъ глазами безпристрастнаго историка является совершенно неумѣстною. „Не возможно допустить, говоритъ г. Карновичъ, чтобы между ними была связь подъ кровомъ лжи и лицемѣрія; невозможно, чтобы они могли дойти до такого кощунства, чтобы соединяли свои имена и на иконахъ и на церковной утвари съ молитвой къ Богу о помилованіи ихъ“ („Русск. Старина“ 1875 г. іюль, 327). Въ распоряженіи нѣкоторыхъ лицъ (Н. К. Шильдера) имѣется рукопись Фотія, заключающая въ себѣ сборникъ писемъ его къ графинѣ Орловой подъ заглавіемъ „Письма о дѣвствѣ“, содержаніе которыхъ въ основѣ подрываетъ недостойное предположеніе о грѣховныхъ отношеніяхъ Фотія къ своей духовной дочери. То же самое свидѣтельствуютъ письма Фотія, которыми располагаетъ редакція „Русской Старины“ (до 26 писемъ, „Русск. Стар.“ 1875 г. іюль, 319). Мнѣнію г. Миропольскаго, указывающаго

лица были, дабы слово послушать отъ устъ его. Слово онъ сказавъ, послѣ литургіи, яко немощенъ сый весьма, взятъ былъ отъ болярина Михаила Александровича Баранова въ домъ его, дабы онъ могъ хотя мало тамъ покой принять. Ни пить же, ни ѣсть не могъ онъ отнюдь ничего. Послѣ угощенія его, онъ боголюбецъ представилъ его опять на мѣсто, гдѣ его перевезли чрезъ рѣку въ крѣпость; а отъ крѣпости онъ пѣшъ шелъ, съ человѣкомъ его поддерживавшимъ въ келью свою; входитъ лишь въ свою келью, удивляется, что видитъ: плоды многіе, дары многіе, многія книги и писаніе, и вопросилъ: отъ кого все сіе? Ибо кто же принесъ, того уже не было. Читалъ посланіе и видѣлъ, что человѣкъ, его же онъ не видѣлъ николи и не зналъ лично еще, а токмо имя слышалъ едино,—сей человѣкъ вся сія благая прислалъ ему во утѣшеніе, слышавъ слово его въ Казанскомъ соборѣ и видѣвъ его болѣзненнаго возлюбилъ Бога ради; это былъ человѣкъ именемъ, словомъ и дѣломъ исполненъ благодати Христовой, свыше отъ Бога посланная на помощь Фотію во дни скорби его, любимая отъ царя Александра и матери его царицы Маріи, отъ всего двора царскаго почитаемая, извѣстная милостію и щедротами ко всѣмъ бѣднымъ и напаствуемымъ, дѣвица Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, изгнанному святелю Иннокентію много помощь дѣлавшая Бога ради, дабы такой свѣтильникъ прежде времени не погасъ. Фотій такъ радъ былъ писанію ея и дарамъ ея, что какъ бы съ небесъ отъ рукъ Божіихъ пріялъ залогъ упованія, что о силѣ благодати поборая отселѣ возможетъ поборать враговъ вѣры; давно хотѣлъ видѣть лице пресвятыя сея дѣвицы, но не могъ; Богъ же самъ чрезъ нее предупредилъ Фотія. По болѣзни же ѣсть не могъ отнюдь ничего и потому и послалъ самъ въ даръ тѣмъ,

---

на корыстолюбивыя цѣли Фотія, можно противупоставить мнѣніе другаго болѣе безпристрастнаго писателя, который говоритъ о Фотіи, что его нельзя было купить и милліонами графини Орловой („Русскій Инвалидъ" 1868 г. № 112. „Труды Кіев. дух. акад." 1875 г. іюнь, 753). Полная характеристика отношеній Фотія къ графинѣ Орловой можетъ быть представлена только послѣ обнародованія ихъ переписки, большая часть которой и теперь находится въ рукописяхъ. Напечатана самая ничтожная часть (Чтенія въ общ. ист. и древн. 1861 г. кн. I). Покойный редакторъ „Русской Старины" въ библіотекѣ Юрьева монастыря видѣлъ около десяти томовъ („Русск. Стар." 1875 г. іюль, 319) писемъ Фотія къ графинѣ Орловой, свято сбереженныхъ ею и переплетенныхъ въ книги въ 4 долю. Весьма много изъ ихъ переписки уничтожено самимъ Фотіемъ, какъ это видно будетъ изъ послѣдующихъ главъ его автобіографіи. Точно также въ литературѣ еще ничего не извѣстно о трехъ томахъ переписки графини со своимъ духовнымъ отцомъ, которые переписывалъ управляющій графини, Матвѣевъ, давшій слово ничего не разглашать о содержаніи переписки („Русскій Архивъ" 1865 года, стр. 936. „Труды Кіев. духовн. акад." 1875 г. іюнь, 751.)

*

ихъ же онъ любилъ. Сіе же было 1820-го года апрѣля 27-го дня по полудни о часѣ 6-мъ.

Жаждущая пользы душевной, дѣвица г. Анна, имѣя отъ роду 35 лѣтъ житія, изобилующая всѣми земными сокровищами, но ищущая сокровищъ небесныхъ, помышляя слышать слово на пользу души своея отъ презрѣннаго, немощнаго и болѣзненнаго отца Фотія, посылала просить его, дабы онъ пріѣхалъ въ домъ ея и подалъ ей Божіе благословеніе. Отецъ Фотій, по немощи, извѣстилъ ее чрезъ вѣстника ея, раба, что болѣзненности ради своея не можетъ прибыть къ ней. Впрочемъ, не много прошло времени медленности прихода его: 1820-го года маія 2-го дня, не вѣдая ничего, именно былъ день рожденія дѣвицы сея праведныя, былъ званъ Фотій къ княгинѣ Софіи М. [1]) въ домъ; отъ нея отвезенъ [2]) прямо къ графинѣ Аннѣ; входитъ отецъ Фотій въ домъ дѣвицы Анны нечаянно; пріемлетъ сей ангелъ земный незнакомаго подвижника [3]), какъ роднаго своего отца и Ангела Господня. Ангелоподобное пріятіе со всею любовію о Господѣ на лицѣ и во всѣхъ поступкахъ было написано: пріемлетъ она благословеніе отъ него и лобзаетъ руку, не яко обычай есть мірскихъ людей, но яко невѣста небеснаго жениха; Ангелъ бо Господень, предстоя, влагалъ ей любовь, слово и все внушеніе, что говорить и дѣлать въ бесѣдѣ съ отцемъ Фотіемъ. На лицѣ ея была яко луча нѣкоего свѣта таинственна, въ очахъ былъ зракъ душевнаго Божественнаго утѣшенія; въ словахъ невинность дѣвственная; въ поступкахъ простота, любовь Христова; въ одѣ-

---

[1]) Княгиня Софія Сергѣевна Мещерская.

[2]) Поповъ («Труды Кіев. духов. акад.» 1875 г. іюнь, 752) утверждаетъ, что только удаленіе въ Деревяницкій монастырь побудило Фотія приблизить къ себѣ графиню и сдѣлать ее орудіемъ своихъ замысловъ. Передаваемыя здѣсь подробности личнаго знакомства Фотія съ графиней Орловой, совершенно не бывшія извѣстными г. Попову, нѣсколько подрываютъ указанное предположеніе.

[3]) Это первое личное знакомство Фотія съ графиней Орловой Молодая и знатная графиня отличалась глубокою религіозностью и искала опытнаго руководителя въ своей духовной жизни и религіозныхъ подвигахъ На первый разъ духовникомъ ея былъ старецъ Ростовско-Яковлевскаго монастыря іеромонахъ Амфилохій („Прав. Обозр." 1872 годъ, августъ). Въ 1818 году, графиня однажды явилась къ Богослуженію въ церковь втораго кадетскаго корпуса и слышала проповѣдь о. Фотія. Она была такъ поражена смѣлостью проповѣдника („Русскій Архивъ" 1870 годъ, 895), что рѣшилась избрать его своимъ духовникомъ. Преосвящ. Иннокентій, проѣздомъ въ Пензу прожившій нѣкоторое время въ домѣ графини Орловой въ Москвѣ, одобрилъ ея выборъ. Послѣ этого графиня стала добиваться личнаго знакомства съ Фотіемъ и переѣхала съ этою цѣлію на житье въ Петербургъ. Около двухъ лѣтъ искала она этого знакомства. (Елагинъ, „Жизнь графини А. А. Орловой", стр. 25—26) и вотъ достигла его только теперь.

янія скромность, приличіе; и съ перваго взгляда Фотій узрѣлъ въ дѣвицѣ земнаго ангела въ плоти, и что въ тайнѣ, среди міра, она есть раба Господня смиренная, и сосудъ благодати Христовой, не было никакихъ обычныхъ привѣтствій и рѣчей у ней; о Бозѣ было ея приглашеніе и о Бозѣ принятіе, и о Бозѣ была вся рѣчь.

Старецъ, отецъ Фотій о часѣ 12-мъ дня пришедъ, сѣлъ и по обычаю иноческому не зрѣлъ дѣвицы въ лице. Дѣвица такъ же не могла зрѣть ему въ лице, но рядомъ сидѣли обое на единомъ диванѣ. По нѣкоемъ молчаніи начала она прежде всего о душевныхъ нуждахъ слово свое съ нимъ говорить и вопросила: что дѣлать мнѣ отъ многихъ помысловъ моихъ? Смущаюся непрестанно, что якобы въ Бога не вѣрую, нѣтъ Бога на свѣтѣ; многіе помыслы неподобные нападаютъ на меня: не хощу я мыслить, но они приходятъ и мучатъ. Отче Фотіе, повѣдай мнѣ, како пособить? Желаю спасти душу мою, но не вѣдаю. На сіе Фотій сей дѣвицѣ сказалъ: не вѣруй помысламъ симъ и не смущайся отъ смущенія ихъ: какъ вѣтеръ все пройдетъ, токмо не соизволяй имъ, а отвергай; отъ врага діавола оные помыслы суть стрѣлы, но не могутъ уязвить тебя. Ты невиновата, что оные тебя смущаютъ: ты вѣнецъ отъ Бога получишь за то, что терпишь и терпѣть будешь скорбь отъ нихъ. Ты вѣру имѣешь, Бога знаешь и любишь Его. Врагъ, смущая, тѣмъ силится тебя въ уныніе привести; крѣпися, одолѣвай помыслы и удаляйся суетъ многихъ мало по малу, яко учатъ святіи.

Потомъ дѣвица Анна сказала: Отче! рцы мнѣ слово, како духовное дѣвство блюсти? Фотій отвѣщалъ ей тако: что ты мнѣ говоришь о семъ, для тебя еще невѣдомомъ сокровищѣ? Блюди земное, тѣлесное дѣвство всецѣло и сохранно паче всего; когда соблюдешь по тѣлу совершенно, то само по себѣ духовное цѣло будетъ; съ тѣломъ душа неразлучна и въ союзѣ. Аще сткляница не разбита, а цѣла, то вліянная масть благовонная и все что-либо потребное сохранно будетъ; аще ли сткляница диру будетъ имѣть и повержена будетъ, то какъ умно ни старайся себя увѣрить, что цѣлость есть въ сткляницѣ, но она будетъ не въ цѣлости, и вліянное прольется сквозь и не сохранится. Слыши, о дѣво, потребно весьма и паче всего дѣвицѣ единое сокровище свое сохранить, цѣлость дѣвства тѣлеснаго, а съ тѣмъ Богъ дастъ духовное. Безъ духовнаго дѣвства тѣлесное, яко безъ души есть тѣло. Безъ тѣлеснаго дѣвства духовное како можетъ на землѣ быть? Цѣломудріе и чистота можетъ быть у супруговъ и всѣхъ, но не дѣвство. Храни, что отъ Бога тебѣ дано видимо, то да сохранитъ въ тебѣ Богъ то, что есть и дается тебѣ невидимое сокровище. Когда дѣвица потеряетъ по плоти дѣвство, то не можетъ себя увѣрить, что она не потеряла и имѣетъ оное; когда же сохранила по плоти дѣвство, то не можетъ врагъ ее смутить, что потеряла. Важно есть и всего важнѣе въ

дѣвицѣ блюсти свѣтильникъ дѣвства: блюди, о дѣвице, плоть твою въ непорочности, да будетъ непороченъ умъ, чисто сердце и совершенъ духъ, и со Христомъ сочетаешься; блюди, да будешь въ дѣвствѣ дѣва мудра, а не юродивая. Не всѣ дѣвы внидутъ въ небесный чертогъ Царствія Христова.

Дѣвица Анна посемъ Фотія взяла, провела по своимъ внутреннимъ покоямъ и ввела въ молитвенную комнату, гдѣ горѣла у ней неугасимая лампада; одръ былъ ея для покоя умѣренъ; тогда Фотій одръ ея благословилъ, знаменая десницею, да будетъ Ангелъ Хранитель во дни и въ нощи съ дѣвицею храняй ее, и молитвенникъ разгнувъ предъ святыми иконами прямо обрѣлъ мѣсто, идѣ же написано: Благословенъ еси, Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей, ниспославый Духа Святаго, и тѣми уловлей вселенную, человѣколюбче, слава Тебѣ; и согнувъ книгу, положилъ, замѣчаніе давъ о семъ дѣвицѣ: яко Духъ Господень исполнилъ ее тогда, и содѣйствовалъ въ словѣ и бесѣдѣ, и что не просто есть, но отъ Бога устроено первое свиданіе. Со всею любовью дѣвица рада была ястіемъ и питіемъ угостить Фотія, испросила, дабы онъ болѣе съ нею пробылъ бесѣдуя. Онъ же все сіе видѣвъ и многое на пользу души ея въ невинное ея сердце излилъ отъ источника духа истины, восхотѣлъ по немощи своей скорѣе идти въ свою келью убогую. Дѣвица же была яко ангелъ въ сей день рожденія едина, вся въ бѣломъ одѣяніи, котораго чистота соотвѣтствовала чистотѣ души ея. Благословилъ ее, на коняхъ ея былъ отвезенъ въ свое жилище.

Вторично она просила Фотія къ себѣ для посѣщенія ея. Несмотря на свою немощь великую и совершенное удаленіе отъ міра, помыслъ ему говорилъ, дабы онъ посѣтилъ сего ангела земнаго, дѣвицу. И помыслъ ему говорилъ, что можетъ быть имѣетъ сдѣлаться она орудіемъ врагу въ язву, и Богу въ избранъ сосудъ, когда пріидетъ время брани за вѣру и церковь; можетъ быть она будетъ угодна, виждь изъ всего, что сія дѣвица, съ коею ты по Бозѣ будучи единъ духъ, одолѣешь секты, общества тайныя, соблазны многіе пресѣчешь и многихъ обратишь на путь правды. Убо гряди, о Фотіе, не смотри на немощь твою великую; гряди и глаголи въ сердце дѣвицы чистое слово Божіе и ученіе отъ Святаго Духа, все глаголи, все она пріиметъ; свыше Богъ отверзаетъ двери сердца ея, и въ ней свое селеніе сотворитъ Вышній; будетъ она угодна Богу, и просвѣтится въ свое время, яко солнце; не убойся отъ слуха о ней; не вѣрь молвѣ людей; ты видѣлъ лице ея; Господь съ нею; во всемъ тебѣ слуга будетъ сія дѣвица, яко же и святому Аѳанасію служащи была нѣкогда дѣвица; многія дѣвицы именитыя, отъ царскаго дома, святымъ въ словѣ и дѣлѣ Божіемъ послужили отъ вѣка; отъ человѣкъ не возможно, отъ Бога же возможно

(Лук. XVIII, 27) спастися сей дѣвицѣ въ богатствѣ. Гряди, о Фотіе, глаголи истину и правду, якоже ты знаешь и хощешь, сердце ея есть чисто, все направляя во благо; посѣй на доброй землѣ сердца ея сѣмена благія, да плодъ принесетъ не тридесять и шестьдесятъ, а яко совершенна дѣвица плодъ сторичный весь въ житницу царства небеснаго. Такъ послушавъ помысла, Фотій облекся во вся оружія Божія обычная въ хитонъ власянъ, вериги, несмотря на болѣзнь свою, помолився усердно, возсѣдъ на колесницу, отъ нея присланную, поѣхалъ къ дѣвицѣ. Это былъ день маія осьмый, Іоанна Богослова. Дѣвица раба Господня, яко Ангелъ Господень, на крыліяхъ, прилетѣла срѣтить Фотія: благословилъ онъ дѣвицу и внушенное объ иконахъ увидѣлъ исполненнымъ при первомъ шагѣ и радовался; ибо въ первый разъ не видѣлъ въ комнатахъ ея святыхъ иконъ нигдѣ; во единой комнатѣ только, гдѣ она принимала дѣвица гостей и Фотія, былъ образъ малъ такъ, что въ углѣ и видѣть было неможно, яко вершокъ единъ и немного болѣе. А въ сей день и часъ входя, Фотій увидѣлъ во всѣхъ углахъ иконы святыя поставлены: видѣвъ слова реченнаго имъ ей исполненія, позналъ отъ того, что благодать Святаго Духа обитаетъ въ дѣвицѣ Аннѣ и будетъ сосудъ для Святаго Духа, оружіе крѣпкое въ брани противу врага діавола и спасется. Тогда сказалъ Фотію помыслъ: когда дѣвица сія именитая и богатая образа святые тотчасъ поставила въ своихъ всѣхъ кельяхъ, послушавъ тебя; то и во всемъ благомъ послушаетъ тебя: не нужно болѣе уже испытывать, дабы имѣть тебѣ свидѣтельство о ея вѣрѣ, любви къ Богу и послушаніи; все исполнитъ она благое, что ты внушишь; она свыше отъ нынѣ тебѣ предается; пріими ее въ дщерь и буди ей отецъ. Итакъ, похваливъ Фотій, благословивъ дѣвицу за поставленіе святыхъ иконъ, сѣлъ съ нею бесѣдовать; много о пользѣ душевной бесѣдовалъ съ сладостію; но какъ изъ бѣлаго онъ въ черное велѣлъ въ первое свиданіе одѣться дѣвицѣ, яко приличнѣе быть тако ей съ инокомъ въ бесѣдѣ, то дѣвица уже не въ бѣломъ въ сей день, а въ черномъ одѣяніи была облечена; между прочимъ желала угостить его ястіемъ и питіемъ, но по болѣзни не могъ онъ ничего употреблять; однакоже вмалѣ прикоснулся пищѣ ея, благословляя тѣмъ ея трапезу, внушалъ святые посты, постъ среды и пятка ей хранить строго. Она желала ему сдѣлать нѣкое утѣшеніе, но онъ не внималъ о семъ: какъ же онъ былъ бѣденъ книгами и почти нагъ былъ, то она желала ему все сдѣлать; но онъ не обратилъ вниманія и на сіе; ибо не имѣлъ попеченія ни объ чемъ: ни объ одеждѣ, ни объ пищѣ, ни о украшеніи, ниже о тѣлѣ и самой жизни.

По многой сладостной бесѣдѣ для души Фотій отправился въ свое мѣсто въ ея колесницѣ. День отъ дня онъ начиналъ болѣть болѣе. Она часто присылала его навѣщать; онъ же просилъ единой милости у нея,

дабы хлѣбъ единый, и той черный, присылала ему, а болѣе ничего. Ничего ѣсть онъ не могъ, ниже пигь: аще крупицы нѣкія могъ брать, то отъ присланнаго хлѣба ея, а иначе бы умеръ отъ глада во время оно. Все извергалось изъ чрева, что иное принимать хотѣлъ. Ему лежащему въ крайней болѣзни не было даже на чемъ лежать и чѣмъ одѣть себя; можно сказать, что онъ нагъ былъ, бѣденъ, хладенъ и гладенъ. Болярыня Ольга питала его млекомъ единымъ. Дѣвица же Анна хлѣбъ ему представляла и прислала ему шубу добрую, легкую, и хотѣла все сдѣлать нужное, но онъ не желалъ. Наконецъ болѣзнь его на смертный одръ положила, многіе предсказывали день его смерти и ожидали. Кн. Софія [1]) прислала писаніе, дабы онъ уже къ смерти приготовился, и тѣмъ чрезъ нее врагъ хотѣлъ его смутить; при всемъ смущеніи имѣлъ онъ книгу духовную и разгнулъ почитать, что откроется вмѣсто жребія, и открылись слова сіи: радость и облегченіе. Посему онъ вопреки написалъ Софіи, глаголя: не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господня (псал. 117, ст. 17). Впрочемъ, опасность болѣзни и въ продолженіе тридесяти дней почти неяденіе заставили его исповѣдаться и пріобщиться святыхъ таинъ. Въ сіе время враги на него вооружились: слухъ о сказанной проповѣди проходитъ. Канцелярія князя Голицына, министра духовныхъ дѣлъ, смущаясь чрезъ директора Тургенева, требовала слово къ себѣ на судъ; онъ же не далъ, чувствуя въ болѣзненности своей отъ того опасность: врагъ діаволъ вооружилъ на него нечестивыхъ; онъ же чѣмъ чаялъ быть опаснѣе, тѣмъ съ большею ревностью отвѣты онъ посылалъ, стоя за слово вѣры и благочестія. Наконецъ уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, не вѣмъ, коимъ образомъ, но прислала отъ любви своея въ ястіе ему потребное болярыня Дарія, что дало безъ врачей пособіе ему къ выздоровленію. Въ болѣзни же сей ему помогали жены, дѣвицы-вдовицы; болярыни-вдовицы: Дарія и Параскева все нужное присылали во утѣшеніе ему и сладости въ горести отъ скорбей и болѣзней; болярыни жены: Ольга млеко въ свое время теплое, Анастасія же Баранова овсяной кисель, а дѣвица Анна хлѣбъ, соль, одѣяніе; кн. Софія душевное утѣшеніе, яко сильная словомъ и дѣломъ у царя Александра, и мудрая жена; сродники же Фотія оставили, знать не хотѣли, ничѣмъ не помогали; отъ властей въ корпусѣ не видѣлъ утѣшенія внѣшняго никогда кромѣ хладнаго сожалѣнія, даже его считая умирающимъ, находили за излишнее думать о пособія ему.

Въ оное время какъ Фотій боленъ былъ, былъ такъ же боленъ богоотступникъ ересіархъ бояринъ Беберъ, надзиратель надъ всѣмъ кор-

---

[1]) Мещерская.

пусомъ, и Фотій говорилъ всѣмъ приходящимъ, кто какъ изъ насъ будетъ въ болѣзни: люто умретъ Беберъ [1]), яко не покаялся по глаголу моему, азъ же востану, буду живъ, здравъ наступлю на зміевъ, на скорпіевъ и на всю силу вражію. Дѣйствительно, вскорѣ изступилъ изъ ума въ болѣзни, бѣсъ на него и напалъ, Беберъ старецъ седмидесятилѣтній, искалъ себя зарѣзать или удавить; самъ себѣ просилъ смерти; но отъ него все отдаляли, сокрывали. Наконецъ злѣ извергъ душу окаянный онъ, и сыну своему Карлу Беберу далъ смертію своею пріити въ чувство; почему послѣ кончины горькой отца сынъ нѣмецъ всѣ еретическія бумаги его тайныя предалъ огню, самъ отвратился отъ секты, яко мужъ благъ. Все сіе сынъ отцу Фотію, пришедъ, въ скорби своей повѣдалъ. Въ живыхъ лукаво себя прикрывалъ въ честности Беберъ, онъ казался честнымъ, благимъ, но люта была смерть его, яко нечестивца. Лишь Фотій получилъ облегченіе, наступаетъ день и часъ ему его удаленія изъ Санктъ-Петербурга, по вліянію тайныхъ обществъ, враговъ всѣхъ недоброжелателей, ненавидѣвшихъ его за православіе, яко онъ сердцемъ чему вѣровалъ, то устами въ правду исповѣдывалъ предъ человѣками всюду, Господу поспѣшествующу и слово утверждающу (Марк. XVI, 20).

Лишь мало восталъ отецъ Фотій отъ одра смертныя болѣзни, восхотѣлъ явиться лично къ митрополиту Михаилу въ лаврѣ и тѣмъ всѣ слухи о себѣ уничтожить. *Ибо* одни, что онъ уже умеръ, ему говорили, другіе, что онъ не можетъ востать отъ болѣзни. Съ Божіею помощію 15-го іюля поѣхалъ онъ немощный, слабый: явился въ лавру и, слышавъ, что Михаилъ на экзаменѣ находится при семинаріи Санктъ-Петербургской, тотчасъ на экзаменъ пошелъ; и вшедъ, подходитъ по обычаю на благословеніе; іерархъ сей удивился, видя его худа, блѣдна, и благословляя сказалъ ему: ей, ты изъ мертвыхъ воскресъ и изъ гроба изшелъ. Онъ же отвѣщалъ: воистину Господь Іисусъ Христосъ воскресый изъ мертвыхъ меня воскресилъ: не чаялъ я быть живъ, но се живъ есмь. Сѣлъ онъ на мѣсто ему пріуготовленное, по немощи не могъ до конца сидѣть, но изшелъ въ лаврѣ къ архидіакону Виктору,

---

[1]) Инспекторъ 2 кадетскаго корпуса, д. ст. сов. Беберъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ масоновъ своего времени, съ 1805 года былъ начальникомъ ложи „Александра коронованнаго къ Пеликану"; въ 1809 три масонскія ложи образовали изъ себя общую директорію подъ наименованіемъ: „Великой Директоріальной ложи князя Владиміра къ порядку", гроссмейстеромъ которой состоялъ Беберъ. Послѣ закрытія Директоріальной ложи и образованія вмѣсто нея новой подъ названіемъ „Астреи", Беберъ носилъ званіе великаго намѣстнаго мастера—этой послѣдней. По смерти Бебера въ 1820 году, преемникомъ его по званію великаго мастера былъ извѣстный Родіонъ Кушелевъ. „Русская Старина" 1877 г. т. XVIII, 461, 462, 463.

уклонился въ келью и возлегъ на одръ лежать. Не могъ идти также на трапезу, сый званъ, съ митрополитомъ. Послѣ, онъ отдохнувъ, явился въ домъ самому митрополиту принять благословеніе, и нѣтъ ли какихъ ему приказаній архипастырскихъ и наставленій. Пріемлетъ его Михаилъ любезно и кротко отечески между прочимъ говоритъ ему: не хощешь ли ты, отче Фотіе, настоятелемъ быть въ Новѣ-градѣ въ Деревяницкомъ монастырѣ игуменомъ? Сей вопросъ его, какъ неожиданный, удивилъ: ибо всѣ законоучители почти прямо въ архіереи производились; а рѣдко которые изъ корпуса, по неспособностямъ къ сану архіерейскому, посылались въ монастыри первоклассные и второклассные съ отличіемъ, хотя бы они совсѣмъ не были люди заслуженные; то какъ же Фотій, четыре года въ трудахъ законоучителя все здравіе и животъ положившій, долженъ удалиться? Почелъ за тайное гоненіе себѣ удаленіе изъ Санкт-Петербурга въ Новъ-городъ [1]), а посему не размышляя, не говоря много, пріемля званіе сіе свыше себѣ, а не отъ человѣкъ, отвѣщалъ митрополиту Михаилу тако: съ радостію готовъ есмь идти во игумена; ибо непротивно въ Деревяницахъ мѣсто моему спасенію: спасать душу можно и тамъ: что же мнѣ еще нужно иное? Михаилъ ему сказалъ: готовься же ты ко дню святаго пророка Иліи; почему я за тобою пришлю. Поѣхалъ Фотій въ корпусъ, долго размышлялъ о семъ; но возводя очи сердца своего къ Богу, воззвалъ, простирая руки на небо: на Тя, Господи, уповахъ, спаси мя. Дождался дня святаго пророка Иліи, званъ былъ съ вечера къ митрополиту Михаилу, той спросилъ его опять: не раздумалъ ли ты идти въ Деревяницы? Хощешь ли? Онъ же отвѣщалъ: что уже сказано, то свято, твори со мною, что ты хощешь, вѣрно есть въ семъ воля Всевышняго Бога; Той вѣдаетъ все устроить мнѣ въ пользу. Почему на литургіи въ лаврѣ, въ церкви на кладбищѣ у праведнаго Лазаря [2]), служа Фотій съ Михаиломъ за упокой обѣдню, и былъ посвященъ. Никогда такъ онъ не плакалъ, якоже

---

[1]) Здѣсь видно, что Фотій удаленъ былъ изъ Петербурга не по собственному его желанію, а по дѣйствію его враговъ—послѣдователей разныхъ тайныхъ обществъ. Фотій горько жаловался на свою ссылку въ Новгородъ („Русская Старина" 1875 г. іюль, 305). Г-нъ Карновичъ впрочемъ утверждаетъ, что Фотій удаленъ былъ изъ законоучителей 2-го корпуса по вліянію директора этого корпуса г. Маркевича („Русск. Стар." 1875 г. іюль, 306). Г-нъ Поповъ не высказываетъ никакихъ особенныхъ предположеній о причинахъ перевода Фотія въ Деревяницкій монастырь. „Труды Кіев. духов. акад." 1875. іюнь, 728—729.

[2]) Лазаревская церковь устроена была по повелѣнію Петра I, въ 1766 г надъ могилою Наталіи Алексѣевны и освящена въ 1717 году. Въ 1845 году усердіемъ графа Шереметева церковь обновлена и вновь освящена. Историко-стат. свѣдѣнія о Спб. епархіи, томъ VIII, 487.

плакалъ на сей литургіи: слезы лились у него ручьемъ изъ очей. Послѣ службы званъ онъ былъ отъ Михаила митрополита на его трапезу, и ѣлъ и пилъ съ нимъ: съ Богомъ послѣ обѣда отвезенъ онъ въ корпусъ отъ архимандрита Товіи при самомъ великомъ проливномъ дождѣ, громѣ и молніи.

Отъ болѣзни воставъ совершенно, помышлялъ отецъ Фотій объ отправленіи изъ корпуса въ Новъ-городъ; но такъ бѣденъ былъ, что онъ не иначе могъ отправиться, какъ пѣшкомъ; ничего не имѣлъ у себя денегъ; не на что было нѣкія вещи и книги отправить; а посему августа 2-го явился онъ къ Михаилу просить помощи его, по примѣру другихъ, чтобъ отправиться въ Новъ-городъ на коняхъ, дабы хотя книги отвезти. Ему Михаилъ сперва любовь явилъ, но послѣ во всемъ на дѣлѣ отказалъ въ исходатайствованіи помощи; не обѣщалъ даже ходатайствовать прогоновъ казенныхъ. Отъ чего залился онъ слезами, воскорбѣлъ много, что онъ виновенъ самъ въ его Фотіевомъ удаленіи. Сей владыка, видѣвъ его печаль, велѣлъ до утра быть въ лаврѣ, дабы получить лично отвѣтъ; поутру же, когда онъ пришелъ къ нему, ему обѣщалъ исходатайствовать казенные прогоны, а болѣе ничего. Со скорбною душею и съ горестію сердца, шелъ онъ изъ лавры путемъ въ корпусъ, не видя ни земли, ни неба; весьма онъ былъ печаленъ. Идя же, пѣлъ стихи Богу и молитвы читалъ нѣкоторыя, недоволенъ Михаиломъ будучи, не видѣлъ въ немъ своего пастыря отца за всѣ понесенные труды, и пришедъ въ келью свою, въ скорби былъ и сѣтованіи много.

Что дѣлать было ему въ крайности сей размышляя наединѣ, къ Богу вопіялъ о помощи. Приходитъ вечеръ; онъ сидѣлъ на одрѣ; свѣтильникъ съ елеемъ горитъ предъ образомъ Святогорскія Божія Матери; такъ какъ былъ уже 9-й часъ вечера, погода же была не ясна, въ кельи было весьма темно; вопіялъ изъ глубины души, зря на образъ: «о, Госпоже, Царице и Владычице! вси меня оставили; Ты мя едина не остави; вѣси Ты печаль души моея, о, надеждо ненадежныхъ, на Тя надѣющихся, крѣпкая помощнице! Ты мнѣ помози, яко благая, едина благодатная; Ты мя умудри». Съ симъ словомъ Фотій слышитъ у дверей кельи своея, что нѣкто гласитъ молитву: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ». Изумився въ нощи нечаянности гласа чуждаго, отвѣщалъ: Аминь. Тотчасъ входитъ къ нему старецъ весь сѣдъ и старъ лѣтами, пріемлетъ благословеніе и говоритъ ему: слышно, что, отче Фотіе, ты вскорѣ отправляешься въ Новъ-городъ въ монастырь; что тебѣ нужно, скажи: кони ли для тебя нужны, или изъ вещей что, или деньги на дорогу, все будетъ исправлено. Обрадовался Фотій сему и думалъ, кто же сей есть глаголяй? человѣкъ ли, или Ангелъ Божій? Познавъ, что воистину человѣкъ есть

сей, по внушенію же свыше, а не отъ человѣкъ, имъ все дѣлается, говорилъ ему: нужны мнѣ самому и для пути кони, какъ бы переѣхать мнѣ изъ Санкт-Петербурга въ Новъ-городъ, на что̀ говоритъ сей человѣкъ: сколько тебѣ нужно денегъ на дорогу? Онъ сказалъ ему: не привезши съ собою даровъ Богу, я не хощу пріѣхать въ святую обитель; мнѣ нужно на ладонъ, свѣчи, елей, хотя немного денегъ: теперь всего хотя по одному пуду искупить желаю. Онъ ему тотчасъ далъ триста рублей и сказалъ: я еще къ тебѣ пріиду и еще дамъ, что нужно, когда будетъ отъѣздъ твой, и тотчасъ скрылся. Печаль Фотія исчезла: онъ видѣлъ явно помощь свыше отъ Божіей Матери, усердно къ ней Царицѣ Коневской молился, которая ему дала явно оную, когда всѣ его оставили и презрѣли въ мірѣ.

Наступаетъ вечеръ Преображенія Господня, августа пятое число; приходитъ къ нему старецъ купецъ, бесѣдуетъ съ нимъ; жалѣетъ о немъ; и по бесѣдѣ, принявъ благословеніе, отшелъ во-свояси. Фотій же, желая отдохнуть, послѣ началъ поправлять возглавіе свое: и се видитъ тамъ около ста рублей тайно вложено ему.

Въ день тезоименитства пришли къ отцу Фотію два пріятеля, изъ коихъ единъ тотъ, его же супруга Ольга его питала, любила всегда и помощь въ болѣзняхъ оказывала. Въ часъ оный являлся старецъ сѣдъ, старъ, который въ нощи прежде у него былъ; кратко поздравляетъ его, пріемлетъ благословеніе, вручаетъ письмо и уходитъ: онъ же ходяй и ничего не думая, письмо положилъ въ пазуху, думая прочитать послѣ; но боясь потерять, рѣшился распечатать и прочесть. Вотъ распечатываетъ, видитъ то, чего не видалъ никогда, еще не разумѣлъ вовсе: смотритъ и разсматриваетъ странное для себя нѣчто. По надписи видитъ, ассигнація двѣсти рублей; поворачиваетъ: другая двѣсти рублей; далѣе обращаетъ, третія: двѣсти рублей; и четвертая: двѣсти рублей; и пятая двѣсти рублей: всѣ онѣ новыя. Никогда не видавъ такого рода ассигнацій, и не зная, что суть оныя, удивлялся; но видя, что не мечта есть, и что хотя человѣкъ сіе присылаетъ, но вѣровалъ, что сіе свыше есть дяяніе, а не отъ человѣкъ: хотя чрезъ тайную десницу человѣческую, но воистину даяй сіе есть Ангелъ Господень во плоти, а не человѣкъ. Тотчасъ онъ пріявъ, пришелъ ко иконѣ Богородицы, сказалъ: Ты мнѣ дала, о Госпоже, Царице и Владичице; Тебѣ я и отдаю, на что тебѣ нужно: и положилъ за образъ ея. Монастырь же Деревяницкій, въ который Фотій былъ сдѣланъ во игумена, самый бѣдный, разореный былъ; болѣе ста лѣтъ нѣкогда чудотворная икона Святогорскія, сирѣчь, Коневскія Богородицы находилась: оную же продалъ нѣкій настоятель за мельницу въ Коневецъ, въ годъ по 400 рублей приносящую, а съ ней риза и копія оставлена въ Деревяницкой обители. Къ сей иконѣ ходилъ на покло-

неніе въ Коневецъ и къ ней во игумена былъ поставленъ отецъ Фотій. Въ Деревяницкомъ монастырѣ она называется Святогорскою, а въ Коневцѣ Коневскою [1]).

Сряду посемъ повечеру нѣкто человѣкъ приходитъ и даетъ ему также пакетъ, онъ же, развернувъ, видитъ полонъ денегъ ассигнацій: считаетъ и обрѣтаетъ девять сотъ рублей. Таковая тайная милостыня преудивительная оживила его, и онъ явно видѣлъ отъ Бога помощь Единаго себѣ въ то время, какъ отъ владыки, могущаго ему сдѣлать всякую милость, лишенъ почти вовсе былъ надежды всякія получить милость какую-либо за труды.

Въ сіе время скончалась нѣкая дѣвица благородная: она завѣщала свое приданое тысячу рублей послѣ кончины своей вручить собственно Фотію на обитель Деревяницкую. Почему оная сумма была ему вручена. Болярыня именитая Елисавета графиня Чернышева также нѣкое сдѣлала на обитель подаяніе.

Смотря на милости, извнѣ ему сдѣланныя, власти корпуса положили ему дать въ награду триста рублей. Устыдився отъ слуха о милостыняхъ, тайно свыше, а не отъ человѣкъ явно подаваемыхъ, Фотію также на путь законныя деньги исходатайствовалъ Михаилъ митрополитъ. Имѣніе же въ книгахъ состоящее, въ ладонѣ, свѣчахъ и елеѣ, все было отъ старца пришедшаго пріуготовлено къ отправкѣ, и той ему еще вручилъ сумму немалую на путь. Фотій же не зная, како и съ кѣмъ взойтить въ обитель, вызвалъ отца своего роднаго старца и съ нимъ пріѣхать въ обитель вознамѣрился.

Все касающееся до должности было исправлено добрѣ, экзаменъ совершенъ въ законѣ надъ учениками при общемъ собраніи и лично предъ самимъ митрополитомъ Михаиломъ; и 14 сентября совершивъ Божественную службу въ церкви корпусной и благословивъ всѣхъ учащихся, всѣмъ давъ цѣлованіе, отецъ Фотій съ Богомъ отправился изъ Петербурга въ Новъ-городъ 15 сентября. Симъ кончается Фотіево житье постоянное въ С.-Петербургѣ навсегда уже. 16-го пріѣхалъ въ монастырь яко о часѣ девятомъ до полудня во время обѣдни. Былъ

---

[1]) Въ эпоху смутнаго времени, когда Коневскій островъ перешелъ во владѣніе шведовъ (въ 1610 году), братія Коневскаго монастыря перемѣщена была въ Новгородскій Деревяницкій монастырь; туда же переведена была и вся монастырская церковная утварь и въ томъ числѣ Святогорская икона Пресвятыя Богородицы. По возобновленіи Коневскаго монастыря, въ 1799 году, съ разрѣшенія митрополита Гавріила, чудотворная икона Божіей Матери изъ Деревяницкаго монастыря переведена была обратно въ Коневскій монастырь, пробывши въ Деревяницкомъ монастырѣ 189 лѣтъ. Историко-стат. свѣдѣнія о С.-Петерб. епархіи. т. I, отд. III, стр. 29. Должность настоятеля Деревяницкаго монастыря занималъ тогда (1789—1800) архимандритъ Лаврентій.

срѣтаемъ бѣдною братіею и по чину входя въ церковь услышалъ первый гласъ пѣсни сея: въ память вѣчную будетъ праведникъ, отъ слуха зла не убоится. (Пс. III, ст. 6—7). По концѣ службы по надлежащему молился, поклонялся святымъ иконамъ, съ крестомъ былъ введенъ въ кельи игуменскія и поселился въ нихъ, славя Бога за вся и поя пѣснь Ему: слава Богу, хотя я и убогъ, но съ нами Богъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННИКОВЪ

о

первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ [1]).

I.

Появленіе въ печати «Мертвыхъ Душъ» не замедлило вызвать самые оживленные и разнообразные толки. Въ это время литературное значеніе Гоголя, а также и отношенія къ нему современныхъ журналовъ и публики достаточно опредѣлились: число поклонниковъ поэта постоянно и замѣтно увеличивалось, а противники, несмотря на вѣскія опроверженія ихъ взглядовъ, упрямо продолжали повторять все тѣ же самые, давно опровергнутые, упреки. Такъ, «Сѣверная Пчела» въ статьѣ, принадлежавшей перу одного изъ издателей, Греча, продолжаетъ упорно настаивать на невѣроятности вымысла поэмы, подобно тому, какъ прежде та же газета признавала неправдоподобнымъ содержаніе «Ревизора», и на господствующемъ въ поэмѣ дурномъ тонѣ. Почти половину рецензіи Гречъ наполнилъ выписками неправильныхъ, по его мнѣнію, выраженій, причемъ мелочность большей части замѣчаній является совершенно комической. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

[1]) Отзывы критики о „Мертвыхъ Душахъ“ мы разбираемъ подробно между прочимъ въ виду слѣдующаго замѣчанія А. Ѳ. Писемскаго: „Чѣмъ болѣе припоминаешь и вдумываешься въ судьбу произведеній Гоголя, въ его эстетическія положенія, въ признанія, тѣмъ болѣе начинаешь обвинять не столько его, сколько публику, критику и даже друзей его: всѣ они, какъ бы сообща, не давъ себѣ труда подумать объ истинномъ призваніи поэта, наперерывъ старались повліять на его впечатлительную душу — кто мыслью, кто похвалою, кто осужденіемъ, и потомъ, напустивъ ему въ глаза всякаго книжнаго и житейскаго тумана, оставили на распутьи“ („Отечеств. Записки“, 1855, X, отд. III, стр. 60).

«Открыла ротъ». Нѣтъ! Разинула ротъ. «Довѣренное письмо». Нѣтъ! Вѣрющее письмо. «Перины вынесены вонъ». А мы думали, что просто вынесены. «Лошади попятились назадъ». А почему не впередъ? «Кто-то выбѣжалъ впопыхахъ». Авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать «запыхавшись». «Гдѣ такъ изволилъ засалиться?». Нѣтъ! Не засалился, а выпачкался. «При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкой». Нѣтъ! Стоявшій при нихъ учитель поклонился и проч. Придирчивость брюзгливаго грамматическаго авторитета доходитъ наконецъ до того, что Гречъ осуждаетъ почему-то выраженіе: «Помѣщикъ, кутящій во всю ширину удали и барства». Рядомъ съ этимъ перечнемъ мнимыхъ стилистическихъ ошибокъ находимъ другой, еще болѣе забавный и нелѣпый: изъ книги выписаны сряду всѣ встрѣчавшіяся въ ней бранныя выраженія, какъ напр.: подлецъ, свинья, свинтусъ, и добросовѣстно отмѣчены страницы, гдѣ они употреблены, или напр. такія мѣста, гдѣ говорится объ утираніи мальчику носа, о блохахъ и т. п. Затѣмъ слѣдуетъ впрочемъ нѣсколько поощрительныхъ выписокъ тѣхъ мѣстъ, которыя имѣли счастье понравиться рецензенту, и въ заключеніе высказывается досада за мнимое равнодушіе автора къ своему таланту и за то, что онъ не хочетъ возвыситься хоть на столько, чтобы не уступать Поль де Коку. Вездѣ, даже въ передачѣ содержанія романа, слишкомъ замѣтно крайнее нерасположеніе рецензента къ автору и поэмѣ: критикъ находитъ даже, что Чичиковъ жестоко смахиваетъ на Хлестакова въ «Ревизорѣ»: «тамъ вздорный мальчишка всполошилъ всѣхъ дураковъ и негодяевъ въ городѣ; здѣсь отъявленный негодяй привелъ въ недоумѣніе цѣлую губернію. Тотъ безъ разбору занимаетъ у всѣхъ деньги; этотъ у всякаго спрашиваетъ, не имѣетъ ли на продажу мертвыхъ душъ. Оба они во-время уѣзжаютъ съ поприща своихъ подвиговъ и освобождаютъ автора отъ необходимости распутывать узелъ, впрочемъ, очень неискусно завязанный. («Сѣверная Пчела», 1842 г. № 137, стр. 546—547) [1].

Еще невѣроятнѣе для современнаго читателя рецензія Сенковскаго, не отличающаяся даже хоть извинительной до нѣкоторой степени наивностью Греча. Сенковскій потратилъ на свою рецензію много самаго грошеваго остроумія, достаточно извѣстнаго по выдержкамъ въ статьяхъ Бѣлинскаго и Чернышевскаго. Его нелѣпыя глумленія вродѣ: «Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенія, объявляя вамъ о такомъ литературномъ чудѣ, какого еще не бывало ни въ одной словесности»; его искаженіе фамиліи Чичиковъ въ Чхичхиковъ и увѣреніе что онъ, Брамбеусъ, не чихаетъ, а произноситъ фамилію героя поэмы,—слишкомъ извѣстны. Въ настоящее время для ознакомленія съ этой пустой

---

[1]) См. разборъ этой рецензіи Греча у Бѣлинскаго. Соч. VI, 561—566.

статьей достаточно перечитать въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго его извѣстный «Литературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ», тѣмъ болѣе, что тутъ же мы находимъ замѣчанія, совершенно подходящія и къ разбору Греча, напр. о томъ, что «грамматическія нападки рецензента и ложны, и пусты, и скучны» [1]).

Сенковскій насмѣхается также надъ неправильнымъ языкомъ и мнимымъ неизяществомъ выраженій Гоголя, выписывая въ качествѣ ошибокъ такіе примѣры, въ которыхъ никакой не предубѣжденный глазъ не можетъ найти даже незначительной погрѣшности, напримѣръ: «только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гостиницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся впрочемъ болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ». Сенковскій указываетъ здѣсь избытокъ причастныхъ формъ; онъ осуждаетъ также форму родительнаго падежа въ словахъ: «картузъ, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра» и нѣсколькими страницами дальше поясняетъ, что, по его мнѣнію, слово носъ имѣетъ въ родительномъ падежѣ носа, а шумъ, вѣтеръ и дымъ имѣютъ шуму, вѣтру и дыму» [2]), надъ чѣмъ также посмѣялся въ своемъ «Литературномъ разговорѣ» Бѣлинскій. Забавно, что Сенковскій придерживается и на практикѣ своей странной теоріи и часто самъ употребляетъ подобныя формы, напр. «экое искусство слогу», «зрители моего бѣшенаго восторгу». Дѣлая такія мелочныя и произвольныя замѣчанія, большею частью совершенно ошибочныя, Сенковскій старается выставить напротивъ ихъ вполнѣ естественными и невольно напрашивающимися на языкъ предполагаемаго читателя «Мертвыхъ Душъ», котораго критикъ постоянно останавливаетъ восклицаніями: «Ахъ, какой вы классикъ! Кто же теперь обращаетъ вниманіе на времена, на ясность, на правильность?... Мы уже все это отмѣнили» [3]) или: «Безъ запаховъ и благоуханій, нѣтъ и не можетъ быть ни поэмы, ни поэзіи» [4]). Тотъ же предполагаемый читатель смѣется у него и надъ выраженіемъ: «за движеніями женскихъ рукъ ея», т. е. ключницы, прибавляя, что у ключницы, вѣроятно, другихъ рукъ кромѣ женскихъ и не было [5]). На стр. 31, Сенковскій поучаетъ Гоголя, что союзу хотя должно соотвѣтствовать не но, а однако, а на слѣдующей возмущается словами Гоголя по поводу Петрушки, что «русскіе не охотно знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ ужь русскій человѣкъ! Сильная страсть зазнаться!» Да чтобы, по случаю Петруши, упрекать цѣлый народъ въ страсти зазна-

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, 506.
[2]) „Библіотека для Чтенія“ 1842, 9, стр. 28.
[3]) „Библіотека для Чтенія“, 1842, № 9, стр. 26.
[4]) Тамъ же, стр. 27.
[5]) Тамъ же, стр. 29.

ваться»,—говоритъ Сенковскій отъ лица предполагаемаго почтеннѣйшаго читателя—«надо предположить, будто весь народъ ничѣмъ не лучше этого грубаго и грязнаго человѣка и только, понапрасну, изъ гордости, не узнаетъ себѣ въ ней равнаго! Но это неправда. Вы систематически унижаете русскихъ людей. Я этого не люблю и не хочу слушать. Я самъ обожаю чистоту. Ваши зловонныя картины поселяютъ во мнѣ отвращеніе». Въ томъ же духѣ ведется остальной разборъ. Любопытно, что натянутое предположеніе о сходствѣ Чичикова съ Хлестаковымъ, какъ мы видѣли, высказанное Гречемъ сначала, повторяется здѣсь: «Какъ Хлестаковъ у всѣхъ и каждаго занимаетъ деньги, даже по двугривенному, такъ Чичиковъ ко всѣмъ и къ каждому ѣздитъ обѣдать и покупать послѣ обѣда мертвыя души. Для довершенія сходства у него есть и слуга, такой же, какъ у Хлестакова, съ той только (?!) разницей, что слуга Чичикова, какъ вы сами видѣли, еще грязнѣе» [1]). Вся эта натяжка понадобилась рецензенту, чтобы сказать, что суматоха, произведенная въ городѣ молвой о мертвыхъ душахъ, есть будто бы «точное повтореніе той, какую мы видѣли въ нѣкоторой комедіи подъ заглавіемъ «Ревизоръ» [2]).

Н. А. Полевой въ своей рецензіи, напечатанной въ издаваемомъ имъ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ первыхъ строкахъ напоминаетъ собственный разборъ «Ревизора», въ которомъ онъ доказывалъ вредъ для Гоголя отъ неумѣренныхъ его «хвалителей», чтобы теперь еще яснѣе показать, какъ вѣрны были прежнія его сужденія и «до какой степени можетъ увлечься съ прямой дороги дарованіе, и какія уродливости созидаетъ оно, идя путемъ превратнымъ» [3]). Затѣмъ приводятся сходные примѣры непониманія писателями сущности своего призванія въ иностранныхъ литературахъ. («Расинъ отказывался отъ театра и писалъ государственные проекты; Петрарка презиралъ сонеты и гордился своими латинскими стихами») [4]). По мнѣнію Полеваго, Гоголь впадаетъ въ крупныя ошибки вездѣ, гдѣ онъ выходитъ изъ своей настоящей сферы, которая заключается въ веселой и безцѣльной шуткѣ, какую мы видимъ напримѣръ въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки». Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше, полагаетъ критикъ, становится неправильнымъ и страннымъ языкъ Гоголя и тѣмъ болѣе уродливостей въ его произведеніяхъ. Въ доказательство приводится множество выдержекъ изъ повѣсти «Римъ», о которой критикъ отзывается, какъ о «наборѣ реторическихъ фразъ, натянутыхъ сравненій и дѣтскихъ наблюденій» [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 49.
[2]) Тамъ же.
[3]) „Русскій Вѣстникъ", 1842, 6, стр. 34.
[4]) Тамъ же, стр. 35.
[5]) Тамъ же, стр. 36.

Обращаясь къ «Мертвымъ Душамъ», онъ идетъ еще дальше и начинаетъ свой разборъ восклицаніемъ: «Начнемъ съ содержанія — какая бѣдность!?» [1]). «Мертвыя Души», по мнѣнію критика, будто бы не болѣе, какъ сколокъ съ «Ревизора», такъ какъ здѣсь «снова какой-то мошенникъ пріѣзжаетъ въ городъ, населенный плутами и дураками, и мошенничаетъ съ ними, обманываетъ ихъ, боясь преслѣдованія, уѣзжаетъ тихонько—и конецъ поэмѣ! [2]).

Такая скучная исторія, говоритъ критикъ, растянута на цѣлыхъ 475 стр. Это будто бы каррикатура, съ которой искусству нечего дѣлать. На замѣчаніе Гоголя о добродѣтельномъ человѣкѣ Полевой возражаетъ: «вамъ скучны прежніе герои искусства, но покажите же намъ человѣка и людей, да человѣка, а не мерзавца, не чудовище, людей, а не толпу мошенниковъ». Затѣмъ повторяется старый упрекъ, что города, подобнаго изображенному, нигдѣ нѣтъ и быть не можетъ, и что добро есть даже у кафровъ, чукчей и эскимосовъ. Указываются мнимыя погрѣшности противъ правдоподобія, напр. могъ ли Чичиковъ покупать мертвыя души у перваго встрѣчнаго, какъ могли пустить Ноздрева хмѣльнымъ на балъ къ губернатору. Потомъ слѣдуетъ перечень «грязныхъ мелочей», преувеличеній, напр. «авторъ увѣряетъ васъ, что въ русскихъ погребахъ льютъ въ поддѣльную мадеру крѣпкую водку», что провинціальныя барыни стыдятся сказать: «я высморкала носъ», «я плюнула»; на каждой страницѣ встрѣчаются слова: подлецъ, мошенникъ, бестія... Разсказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ Полевой называетъ прямо глупѣйшимъ и смѣется надъ частымъ повтореніемъ въ немъ нѣкоторыхъ словъ, особенно этакой. По поводу словъ Гоголя: «Кажется, изъ устъ нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улицѣ. Что жъ дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя!» Полевой восклицаетъ: «если авторъ не шутитъ, то каковы же у него понятія о составленіи языка. Онъ хочетъ учиться языку въ харчевнѣ и обогащать языкъ взятыми тамъ поговорками» [3]). Но особенно обратили на себя вниманіе критика тѣ мѣста, которыя были написаны въ виду обычныхъ на Гоголя нападеній, напр. на размышленіе о судьбѣ двухъ писателей, о необходимости избрать въ герои плутоватаго человѣка и проч. Оставаясь при своихъ мнѣніяхъ, Полевой возражаетъ: «да кто же требуетъ отъ васъ добродѣтельнаго человѣка? Отъ васъ требуютъ только человѣка и отказываются отъ несообразныхъ каррикатуръ, которыя вы изображаете намъ» [4]); «Мертвыя же Души» далеко не перлъ созданія, а

[1]) Тамъ же, стр. 40.
[2]) Тамъ же.
[3]) „Русскій Вѣстникъ", 1842, 6, стр. 47.
[4]) Тамъ же, стр. 50.

*

всего лишь одно изъ произведеній, подобныхъ «Энеидѣ» на изнанку, баснямъ Измайлова, «Елисею» Майкова и повѣстямъ Нарѣжнаго. Полеваго въ «Мертвыхъ Душахъ» оскорбили наконецъ даже будто бы не патріотическія выходки Гоголя противъ русскаго народа, напр. «авторъ изображаетъ извозчика, который заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай, какъ звали. Эхъ, русскій народецъ, не любитъ умирать своею смертью!» [1]). Лирическія мѣста о русской пѣснѣ и птицѣ-тройкѣ также не понравились Полевому, увидѣвшему проявленіе необычайной гордыни въ выраженіи: «Русь, чего ты хочешь отъ меня?» и другое подобное мѣсто онъ безъ церемоніи называетъ просто «русской галиматьей»... [2]).

II.

Отъ этихъ каррикатурныхъ разборовъ «Мертвыхъ Душъ» доказывающихъ мелкую придирчивость или безсильную злобу критиковъ, перейдемъ къ другимъ, болѣе заслуживающимъ вниманія.

Оставляемъ безъ передачи всѣмъ извѣстную статью Бѣлинскаго, въ которой знаменитый критикъ, указывая достоинства «Мертвыхъ Душъ», обращаетъ вниманіе особенно на глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность автора, которая заставляетъ его проводить черезъ свою «душу живу» явленія внѣшняго міра и объясняетъ красоты какъ юмора, такъ и вдохновенныхъ лирическихъ отступленій въ «Мертвыхъ Душахъ». Замѣтимъ только, что проведенною въ началѣ статьи параллелью между критикой увѣренной въ себѣ и прямой—съ одной стороны и критикой уклончивой—съ другой, Бѣлинскій напоминаетъ читателямъ, что «Отечественныя Записки» первыя и однѣ сказали и постоянно, со дня своего появленія и до сей минуты, говорятъ, что́ такое Гоголь въ русской литературѣ [3]). Дѣло въ томъ, что это заявленіе Бѣлинскаго затронуло московскихъ друзей Гоголя, которые не могли потомъ этого забыть и простить; такъ уже много лѣтъ спустя, гораздо послѣ смерти Бѣлинскаго, Погодинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Шевыревѣ приводитъ стихи, сочиненные въ Римѣ въ 1839 г. въ честь Гоголя, въ доказательство того, что не Бѣлинскій, а онъ, Погодинъ, и Шевыревъ прежде всего оцѣнили Гоголя.

---

[1]) Тамъ же, стр. 54.

[2]) Тамъ же, стр. 55.

[3]) „Отеч. Записки", 1842, 7, 1—12 и соч. Бѣлинскаго, т. VI, 394—416. Вѣроятно объ одной изъ этихъ статей говоритъ Герценъ. Соч. т. I, стр. 93.

Свою статью о «Мертвыхъ Душахъ» въ 7 № «Москвитянина» Шевыревъ почти начинаетъ съ направленной противъ этого заявленія выходки противъ Бѣлинскаго, котораго онъ задѣваетъ здѣсь даже рядомъ съ Сенковскимъ и Гречемъ. Шевыревъ говоритъ о новомъ произведеніи Гоголя, что «одни безотчетно восхищаются имъ, другіе безотчетно его порицаютъ. Тамъ изъ норы своей выползла мелкая зависть въ видѣ газетчика и наводитъ свой шаткій и темный микроскопъ на немногія грамматическія ошибки, случайно вкравшіяся въ произведеніе. Но вотъ съ другой стороны, изъ тѣсныхъ рядовъ толкучаго рынка литературы выскочило наглое самохвальство въ видѣ крикливаго пигмея, съ мѣднымъ лбомъ и размашистою рукою; обрадовавшись случаю изъ-за похвалы таланту похвалить самого себя, оно, ставши передъ произведеніемъ, пялитъ на немъ свою тощую фигуру, силится прикрыть его собою, и потомъ показать вамъ, и увѣрить васъ, что точно онъ вамъ его показалъ, а безъ того вамъ бы его и не увидѣть. (Намекъ на Бѣлинскаго). Безмолвно возвышается произведеніе надъ выскочкой—непризваннымъ трубачемъ его славы —и только обличаетъ собою его крохоту и умственное безсиліе» [1]). Хотя такое изображеніе всего менѣе могло бы быть справедливо въ примѣненіи къ Бѣлинскому, тѣмъ не менѣе не можетъ быть сомнѣній, что раздраженіе продиктовало о немъ Шевыреву эти позорныя и возмутительно несправедливыя строки [2]). Неправымъ оказывается здѣсь Шевыревъ также и въ другомъ отношеніи. Простая справка въ старыхъ книжкахъ журналовъ совершенно опровергаетъ его претензію на проницательность въ оцѣнкѣ и признаніи таланта Гоголя, такъ несправедливо оспариваемую имъ у Бѣлинскаго. Чтобы не повторять этого обстоятельно изложеннаго эпизода изъ исторіи нашей журналистики въ «Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы», ограничимся здѣсь приведеніемъ лишь слѣдующихъ словъ изъ названнаго сочиненія Н. Г. Чернышевскаго. Въ разборѣ «Миргорода», —говоритъ онъ,— «г. Шевыревъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на то, что можно считать Гоголя великимъ писателемъ; онъ кажется ему не болѣе, какъ хорошимъ беллетристомъ шутливаго характера. Мы видѣли, что за «Миргородъ» и «Арабески», нѣкоторый другой критикъ (т. е., конечно, Бѣлинскій), уже назвалъ Гоголя главою русскихъ писателей, преемникомъ Пушкина» [3]). Бѣлинскій, безъ сомнѣнія, имѣлъ полное право напомнить обидѣвшейся сторонѣ, что напр. «одинъ журналъ отказался

---

[1]) „Москвитянинъ“, 1842, VII, 207.

[2]) Такое же мнѣніе о „Мертвыхъ Душахъ“ см. въ письмѣ Свербеева и Ю. Ѳ. Самарина къ К. С. Аксакову. („Русская Старина“, 1890, II, 423).

[3]) „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“, стр. 142—143.

напечатать у себя повѣсть Гоголя «Носъ», находя ее грязною» [1]) и что «кто постоянно слѣдитъ за нашей литературой, тотъ знаетъ, гдѣ въ первый разъ Гоголь былъ оцѣненъ» [2]). Вообще вся полемика о «Мертвыхъ Душахъ» въ «Журнальныхъ и литературныхъ замѣткахъ» (1842 г.) явно относится къ Шевыреву, особенно же слѣдующія слова: «Почему жъ бы и не замѣтить того, что́ принадлежитъ вамъ по праву? Но люди не благодарны: вы же ихъ научите, вы же кое-какъ наконецъ вдолбите имъ что-нибудь въ ихъ крѣпкіе черепы, и они же, за это, пошлютъ васъ на толкучій рынокъ, услужливо снабдятъ васъ своимъ же мѣднымъ лбомъ, обвинятъ въ самохвальствѣ» и проч. [3]).

Но если прежде Шевыреву не сразу вполнѣ выяснилось важное литературное значеніе Гоголя, то теперь онъ отзывается уже восторженно о «Мертвыхъ Душахъ» и обѣщаетъ не разъ возвратиться къ нимъ въ виду того, что такое капитальное произведеніе имѣетъ свойство возбуждать все новыя мысли и вопросы, хотя все это не мѣшаетъ ему въ то же время, какъ выразился Чернышевскій, и тутъ говорить «очень уклончиво о значеніи Гоголя въ исторіи русской литературы, о значеніи его для развитія общества и о смыслѣ «Мертвыхъ Душъ» [4]). Все вниманіе критика устремлено на эстетическую оцѣнку произведенія, причемъ въ неловкомъ усердіи онъ на каждомъ шагу вдается въ странныя и натянутыя толкованія, признавая тонкій художественный тактъ автора въ мелочахъ совершенно безразличныхъ и не имѣющихъ значенія. «Критикъ слишкомъ далеко заходитъ»—говоритъ Чернышевскій,—«желая рѣшительно о каждой мелочи доказать, что она рѣшительно необходима именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ помѣщена Гоголемъ: онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что, выражаясь ученымъ образомъ, «необходимость облекается въ искусствѣ формой случайности», т. е. напримѣръ, Чичиковъ могъ бы встрѣтить на дорогѣ къ Манилову не одного, а двухъ или трехъ мужиковъ, деревня Манилова могла бы лежать налѣво, а не направо отъ большой дороги» [5]) и проч.

Излагая содержаніе «Мертвыхъ Душъ», Шевыревъ нерѣдко высказываетъ мнѣнія, довольно странныя по мысли или по выраженію; напр. у него Чичиковъ «закаленъ въ самопожертвованіе мошенничества, какъ Ахиллъ въ свое безсмертіе» [6]). По мнѣнію Шевырева «только у Коробочки могла произойти не совсѣмъ учтивая встрѣча

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, 592.
[2]) Тамъ же.
[3]) Стр. 593.
[4]) „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы", стр. 143.
[5]) Тамъ же, стр. 145.
[6]) „Москвитянинъ", 1842, VII, 210—211.

между индѣйскимъ пѣтухомъ и гостемъ Чичиковымъ» [1]), а мужики Коробочки имѣютъ длинныя прозвища потому, что «Коробочка себѣ на умѣ: ужь у ней что ея, то крѣпко ея; и мужики также помѣчены особенными именами; какъ птица помѣчается у аккуратныхъ хозяевъ, чтобы не сбѣжала» [2]). Въ томъ же духѣ и съ такими же пріемами продолжаетъ Шевыревъ разбирать всю поэму, прибавляя къ пересказу содержанія собственныя соображенія въ родѣ того, что молъ, «гдѣ же и встрѣтиться съ Ноздревымъ, если не въ трактирѣ»? и безцѣльно подбирая десятки синонимовъ къ выраженію «разбитной малый» вродѣ: «безалаберный, взбалмошный, ералашный» и проч. Но всего забавнѣе неожиданная симпатія Шевырева къ кучеру Селифану, котораго онъ почему-то называетъ даже «н е о ц ѣ н е н н ы м ъ», и слѣдующій блестящій перлъ его критики: «Собакевичъ соединилъ въ себѣ породу медвѣжью и свиную; Ноздревъ очень похожъ на собаку, которая безъ причины въ то же время и лаетъ, и огрызается, и ласкается; Коробочку можно сравнить съ суетливой бѣлкой, которая собираетъ орѣшки въ своемъ закромѣ; Плюшкинъ, какъ муравей, однимъ животнымъ инстинктомъ, все, что ни попало, тащитъ въ свою нору; Маниловъ имѣетъ сходство съ глупымъ потатуемъ, который, сидя въ лѣсу, надоѣдаетъ однообразнымъ крикомъ, и какъ будто мечтаетъ о чемъ-то; Петрушка съ своимъ запахомъ превратился въ пахучаго козла; Чичиковъ плутовствомъ перещеголялъ всѣхъ животныхъ и т ѣ м ъ п о д д е р ж а л ъ с л а в у п р и р о д ы ч е л о в ѣ ч е с к о й (?!!)... Одинъ лишь кучеръ Селифанъ вѣкъ свой прожилъ съ лошадьми и сохранилъ всѣхъ вѣрнѣе добрую человѣческую натуру» [3]).

Читая теперь подобныя курьезныя строки, только изумляешься, какъ подобныя измышленія могли приходить въ голову и проникать въ печать и не сдѣлаться притомъ, что называется, «притчей во языцѣхъ». Шевыревъ въ одномъ мѣстѣ своей критики даже явно подражаетъ Простакову Фонвизина въ слѣдующемъ своемъ разсужденіи: «Особенная страсть у Ноздрева къ собакамъ и псарный дворъ у него въ большомъ порядкѣ: не происходитъ ли это отъ какой-то симпатіи? ибо въ характерѣ Ноздрева есть что-то истинно собачье» [4]). Такимъ образомъ, въ статьѣ Шевырева о «Мертвыхъ Душахъ», вообще говоря, мало оригинальнаго, но зато это немногое дѣйствительно оригинально въ высшей степени, оригинально до невѣроятія. Каково, напр., слѣдующее разсужденіе Шевырева: «Замѣчательно, что Петрушка, находясь всегда около своего барина, подражая ему въ костюмѣ и умѣя даже

[1]) Тамъ же, стр. 213.
[2]) Тамъ же.
[3]) „Москвитянинъ“, 1842, VII, стр. 220.
[4]) Тамъ же, стр. 214.

читать, провонялъ, а Селифанъ, будучи всегда съ лошадьми и въ конюшнѣ, сохранилъ свѣжую, непочатую русскую природу» [1]). Если прибавить къ указанному раньше, что Шевыревъ по своему обыкновенію кстати и некстати примѣшиваетъ вездѣ излюбленную Италію [2]), до того, что это подало поводъ Бѣлинскому сказать: «вѣроятно, многимъ случалось видѣть людей, которые побывали въ Парижѣ и, возвратясь въ Россію, говорятъ при всякомъ случаѣ: «у насъ въ Парижѣ!» Такъ нѣкоторые критики, о чемъ бы ни говорили, никакъ не могутъ обойтись безъ Италіи» [3]) – то мы исчерпаемъ все существенное въ первой статьѣ Шевырева о «Мертвыхъ Душахъ».

Во второй статьѣ его есть по крайней мѣрѣ нѣкоторыя нужныя для того времени разъясненія: такъ, въ началѣ статьи Шевыревъ, отклоняя такого рода возраженіе, что, «странствуя по Россіи, вы согласитесь скорѣе дать 30 верстъ крюку, чѣмъ встрѣтиться съ какимъ-нибудь Собакевичемъ или Ноздревымъ. (Какая же охота встрѣчаться съ ними въ поэмѣ) [4]),—указываетъ на различное значеніе многихъ непріятныхъ явленій жизни въ дѣйствительности и въ искусствѣ: «Смотрите на улицу: вотъ пьяница шатается по тротуару; вотъ извозчикъ навеселѣ мчится на удалой тройкѣ: вы, конечно, обойдете за нѣсколько шаговъ этого пьяницу и не впустите извозчика, особенно съ его тройкой, въ вашу гостиную; но изобрази вамъ пьяницу Теньеръ своей веселой кистью, нарисуй вамъ Орловскій извозчика-лихача съ удалою тройкой безсмертнымъ карандашемъ своимъ,—и пьяница Теньеровъ и тройка Орловскаго будутъ красоваться въ вашей гостиной на самомъ первомъ, почетномъ мѣстѣ, выше какихъ-нибудь другихъ важныхъ картинъ, рисованныхъ кистью не столько искусною. Такова привилегія художества» [5]). Затѣмъ критикъ весьма удачно оцѣниваетъ значеніе юмора Гоголя и слѣдитъ за тѣмъ, какъ свѣтлое настроеніе автора мѣстами переходитъ въ глубокую, задушевную грусть. Вообще во второй статьѣ мы встрѣчаемъ много дѣльныхъ и обдуманныхъ замѣчаній, много вѣрно подмѣченнаго и тонко схваченнаго. Теперь, конечно, не новость напр. такая мысль, что «заразительный хохотъ пронесся, вмѣстѣ съ «Мертвыми Душами», по всѣмъ предѣламъ Россіи, гдѣ только ихъ читали; но тотъ не далеко слышитъ и видитъ, кто въ яркомъ смѣхѣ Гоголя не замѣчаетъ глубокой затаенной грусти [6]); но тогда это было ясно

---

[1]) Тамъ же, стр. 219.

[2]) Напримѣръ „Плюшкинъ такъ живо видится намъ, какъ будто бы мы его припоминаемъ на картинѣ Альберта Дюрера въ галлереѣ Доріа", „Москвитянинъ", 1842 г., № 7, стр. 218.

[3]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 593.

[4]) „Москвитянинъ", т. VII, стр. 211.

[5]) „Москвитянинъ", т. VIII, стр. 346.

[6]) „Москвитянинъ", 1842 г., VIII, стр. 348.

не всѣмъ, и дальнѣйшіе примѣры и подтвержденія важны и заслуживаютъ вниманія читателей. Весьма мѣтко и вѣрно говоритъ также Шевыревъ, что въ «Мертвыхъ Душахъ» цѣлый городъ въ одно лицо, котораго всѣ эти господа только разные члены: одна и та же уѣздная безсмыслица, вызванная комическою фантазіею, одушевляетъ всѣхъ, носится надъ ними и внушаетъ имъ поступки и слова, одно смѣшнѣе другаго. Такая-то безсмыслица олицетворяется и дѣйствуетъ въ городѣ N [1]). Хорошо также замѣтилъ Шевыревъ слѣдующую постепенность въ переходѣ отъ свѣтлаго настроенія къ печальному въ расположеніи отдѣльныхъ главъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ»: «Взгляните,—говоритъ онъ,—на разстановку характеровъ: даромъ ли они выведены въ такой перспективѣ. Сначала вы смѣетесь надъ Маниловымъ, смѣетесь надъ Коробочкой, нѣсколько серьезнѣе взглянете на Ноздрева и Собакевича, но, увидѣвъ Плюшкина, вы уже задумаетесь: вамъ будетъ грустно при видѣ этой развалины человѣка. А герой поэмы? Много смѣшитъ онъ васъ, отважно двигая впередъ свой странный замыселъ и заводя всю эту кутерьму между помѣщиками и въ городѣ; но когда вы прочли всю исторію его жизни и воспитанія, когда поэтъ разоблачилъ передъ вами всю внутренность человѣка, — не правда ли, что вы глубоко задумались?» [2]). Слѣдующія затѣмъ соображенія критика о томъ, что «существо Гоголя двойное и раздвоившееся: одна половина смѣется, а другая плачетъ» [3]) (по язвительной формулировкѣ словъ Шевырева въ возраженіяхъ ему Бѣлинскаго), во всякомъ случаѣ замѣчательна потому, что она могла и даже должна была явиться отголоскомъ слышаннаго критикомъ отъ самого Гоголя, что особенно вѣроятно въ виду слѣдующихъ словъ: «Если «Ревизоръ» и первая часть «Мертвыхъ Душъ» соотвѣствуютъ Шпонькѣ и знаменитой ссорѣ двухъ малороссовъ, то мы въ правѣ ожидать еще высокихъ созданій въ родѣ «Тарасъ Бульба», взятыхъ уже изъ русскаго міра [4]). Но во всякомъ скучаѣ Шевыревъ сильно поддавался въ данномъ случаѣ игрѣ фантазіи, подъ вліяніемъ которой онъ представлялъ себѣ природу творчества Гоголя такимъ образомъ: «Взгляните на вихорь передъ началомъ бури: легко и низко проносится онъ сперва; взметаетъ пыль и всякую дрянь съ земли; перья, листья, лоскутки летятъ вверхъ и вьются, скоро весь воздухъ наполняется его своенравнымъ круженіемъ... Легокъ и незначителенъ кажется онъ сначала, но въ этомъ вихрѣ скрываются слезы природы и страшная буря. Таковъ точно и комическій юморъ Гоголя... Но вотъ налетѣли тучи.. Сверкнула

---

[1]) Тамъ же, стр. 351.
[2]) Тамъ же, стр. 350.
[3]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 593.
[4]) „Москвитянинъ“, 1842 г. VIII, 351

молнія... Громъ раскатился по небу. Дождь хлынулъ потоками. Земля и небо смѣшались вмѣстѣ... Не такова ли будетъ вторая часть его поэмы, въ которой обѣщаетъ онъ намъ лирическое теченіе, горизонтъ раздающійся и величавый громъ другихъ рѣчей? [1]) Затѣмъ три основныя черты фантазіи Гоголя указываетъ Шевыревъ: первую, которую онъ называетъ «живое ясновидѣніе міра, переносимаго изъ бытія существеннаго въ бытіе идеальнаго искусства», разумѣя подъ этимъ необыкновенное искусство художника передавать тонкія детали изображаемой картины, и поясняетъ свои мысли яркими и пластическими сравненіями (Шевыревъ между прочимъ приводитъ параллель къ сравненіямъ Гоголя изъ Гогнера и Данте), затѣмъ критикъ признаетъ фантазію Гоголя истиннолюбивою и говоритъ о жизненности и правдивости всѣхъ выведенныхъ типовъ и наконецъ—«хлѣбосольною», надъ чѣмъ такъ посмѣялся Бѣлинскій. Хлѣбосольство это, по объясненію Шевырева, заключается въ слѣдующемъ:

«Читая «Мертвыя Души», вы могли замѣтить, сколько чудныхъ полныхъ картинокъ, яркихъ сравненій, замѣтокъ, эпизодовъ, а иногда и характеровъ, легко, но мѣтко очерченныхъ, даритъ вамъ Гоголь такъ, просто, даромъ, въ придачу ко всей поэмѣ, сверхъ того, что̀ необходимо входитъ въ ея содержаніе». Слѣдуютъ примѣры: компаніонка за столомъ у Собакевича, бѣлокурый зять Ноздрева и проч. Шевыревъ сравниваетъ за это Гоголя съ богатымъ русскимъ хлѣбосоломъ, у котораго за столомъ кромѣ двухъ-аршинной стерляди и архангельской телятины подано еще «множество закусокъ, прикусокъ, подливокъ и дорогихъ соусовъ» [2]). «Русское хлѣбосольство»—продолжаетъ затѣмъ Шевыревъ,—«даетъ печать свою и слогу: слово Гоголя—слово широкое, полное, разъемистое, плодовитое. Рѣчь его разсыпчата, какъ сдобное тѣсто, на которое не пожалѣли масла; оно льется черезъ край, какъ переполненный стаканъ, налитой рукою хозяина, у котораго вино и скатерть ни по чемъ; отъ того-то и періодъ его слишкомъ грузно начиненъ, какъ пирогъ у затѣйливаго гастронома» [3]).

Въ заключеніе разбора статей Шевырева о «Мертвыхъ Душахъ», отмѣтимъ предлагаемыя имъ курьезныя поправки къ «Мертвымъ Душамъ»: «комическій демонъ шутки»—говоритъ онъ—иногда увлекаетъ до того фантазію поэта, что характеры выходятъ изъ границъ своей истины: правда, что это бываетъ рѣдко. Такъ, напр., неестественно намъ кажется, чтобы Собакевичъ, человѣкъ положительный и солидный, сталъ выхваливать свои мертвыя души и пустился въ такую фантазію. Ско-

[1]) Тамъ же, стр. 356.
[2]) „Москвитянинъ", 1842 г., VIII, стр. 375.
[3]) Тамъ же, стр. 375—376.

рѣе могъ бы увлечься ею Ноздревъ, если бы съ нимъ сладилось такое дѣло [1]) или напр. Шевыреву кажется, что «Коробочка съ виду только крохоборка и погружена въ одни матеріальные интересы своего хозяйства, но она непремѣнно будетъ набожна и милостива къ нищимъ» [2]), по поводу чего Ю. Ѳ. Самаринъ въ своихъ умныхъ замѣчаніяхъ о «Мертвыхъ Душахъ» въ письмѣ къ К. С. Аксакову возражаетъ весьма просто и дѣльно: «спрашивается, отъ кого же, если не отъ самого Гоголя, Шевыревъ могъ знать, что Коробочка набожна» [3]).

Вообще, по выраженію Н. Г. Чернышевскаго, «первый томъ «Мертвыхъ Душъ» только прощается Шевыревымъ Гоголю, ради слѣдующихъ» [4]).

По поводу этой критики Шевырева мы должны сказать нѣсколько словъ о весьма любопытномъ письмѣ Ю. Ѳ. Самарина къ К. С. Аксакову. Самыя важныя строки въ этомъ письмѣ, касающіяся собственно статьи Шевырева, слѣдующія: «Мнѣ приходитъ на мысль еще одно замѣчаніе Шевырева, выраженное имъ въ формѣ упрека, и въ которомъ, напротивъ того, заключается самая справедливая и тонкая похвала поэту и самое ясное обличеніе критику. Я разумѣю то мѣсто, въ которомъ онъ обвиняетъ Гоголя въ одностороннемъ изображеніи нѣкоторыхъ лицъ и дополняетъ ихъ отъ себя чертами, пропущенными авторомъ, напримѣръ: «Коробочка вѣрно очень набожна, а Гоголь скрылъ это доброе качество и выставилъ только смѣшную сторону». Спрашивается, отъ кого же, если не отъ самого Гоголя, Шевыревъ могъ узнать, что Коробочка набожна. Не онъ ли, представивъ ее въ одномъ положеніи, въ одномъ случаѣ изъ ея жизни, умѣлъ сдѣлать это такъ, что всѣ другія свойства старушки-помѣщицы, не высказанныя поэтомъ; вамъ открываются, и вы понимаете, какъ бы она поступила при другихъ обстоятельствахъ, что̀ бы подумала и что̀ бы сказала. Если могъ Шевыревъ дополнить отъ себя образъ, намѣченный Гоголемъ, продолжить его явленія, провести его дальше, то не значитъ ли это что то немногое, показанное Гоголемъ, было живо, полно, чуждо всякой односторонности? Въ этой способности изображать все въ немногомъ заключается тайна творчества, и выше ея нѣтъ ничего въ искусствѣ. Гоголь изображаетъ, и каждое его лицо истинно, живо и полно, какъ образъ; а Шевыревъ требуетъ отъ него другой полноты—исчисленія свойствъ лица. Прибавлю еще одно замѣчаніе. Если критика Шевырева и вообще этотъ родъ критики, отыскивающій, чего не высказано, заднихъ мыслей, скрытыхъ отношеній къ чему-нибудь, если, та-

[1]) Тамъ же, стр. 366.
[2]) „Москвитянинъ", 1842 г. VIII, стр. 365–366.
[3]) „Русская Старина", 1890 г., II, стр. 422.
[4]) „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы", стр. 153.

кого рода критика, совершенно противуположная существу искусства, убивающая его созданіе, оскорбляющая эстетическое чувство человѣка прямаго, такъ рѣзко обличаетъ свое безсиліе, такъ становится глупа и смѣшна, когда прилагается къ произведенію Гоголя (тогда какъ въ другихъ случаяхъ этого не видать), то не значитъ ли это, что оно исключительно и высоко художественно, что въ немъ-то и нѣтъ ничего надуманнаго, сдѣланнаго, ничего намекающаго на внѣшнюю цѣль, однимъ словомъ, ничего такого, чѣмъ бы могла поживиться критика Шевырева и многихъ ему подобныхъ. Все, что̀ она замѣчаетъ, что̀ хвалитъ и что̀ порицаетъ, не лежитъ въ произведеніи, а ею въ него вложено; она сама произвольно создаетъ себѣ содержаніе» [1]).

Не удовлетворялся статьей Шевырева и очень многими другими (по словамъ Ю. Ѳ. Самарина, о «Мертвыхъ Душахъ» было «нѣсколько замѣчаній и очень много пустыхъ») [2]) и предполагалъ самъ написать разборъ «Мертвыхъ Душъ», но послѣ раздумалъ. Тѣмъ больщій интересъ получаетъ дальнѣйшее содержаніе письма, въ которомъ проводится та мысль, что одно отрицаніе не можетъ быть предметомъ художественнаго произведенія («одна тѣнь не составитъ картины»), но что «Мертвыя Души» «есть не сатира, а поэма, глубоко захватывающая и отражающая жизнь, а Гоголю доступно пониманіе во всемъ ея объемѣ и во всей ея глубинѣ» [3]), и поэтъ «полюбилъ ее и возвелъ въ ясное, свѣтлое созданіе искусства». «Одинъ огромный, неопровержимый фактъ—возможность возведенія этой жизни въ міръ исскуства, становится противъ темной ея стороны и наполняетъ душу упованіемъ и укрѣпляетъ насъ на трудный подвигъ, на трудное странствованіе сквозь эту жизнь» [4]). Такъ даже видя въ первомъ томѣ пока изображеніе темной стороны жизни, Ю. Ѳ. Самаринъ признаетъ уже и эту часть поэмы высоко стоящей въ эстетическомъ и общественномъ отношеніяхъ. «Конечно»—говоритъ онъ—«въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» мы видимъ темную сторону жизни; но, не говоря о тѣхъ прекрасныхъ лирическихъ мѣстахъ, въ которыхъ самъ поэтъ разоблачаетъ закрытую для насъ и всю облитую свѣтомъ ея другую сторону, предположивши даже,—чего не дай Богъ,—что мы никогда ея не увидимъ, и тогда вы не имѣете права убивать въ себѣ наслажденіе и сокрушаться» [5]). Ю. Ѳ. Самаринъ, слѣдовательно, не прощалъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ» ради послѣдующихъ, но прямо призна-

---

[1]) „Русская Старина", 1890, II, 422—423.
[2]) Тамъ же, стр. 421.
[3]) Тамъ же, стр 425.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же.

валъ вполнѣ самостоятельное право его на высокую оцѣнку, чѣмъ доказалъ свое безмѣрное критическое превосходство передъ Шевыревымъ.

Въ началѣ слѣдующаго 1843 г. «Москвитянинъ» не забылъ возвратиться къ однаждѣ затронутому извѣстному намъ вопросу въ статьѣ Шевырева «Критическій перечень произведеній русской словесности за 1842 г.» Здѣсь высоко поставлена изъ статей петербургскихъ журналовъ только статья Плетнева, затѣмъ о Бѣлинскомъ сказано, что онъ по поводу «Мертвыхъ Душъ» сталъ будто бы безцеремонно хвалиться и кончилъ бранью на талантъ Гоголя (sic), котораго самъ же признавалъ міровымъ (??) геніемъ; наконецъ осуждаются критики, придиравшіеся къ изображенію низкой формы дѣйствительной жизни въ его поэмѣ и къ показавшимся имъ неприличными выраженіямъ. Характерно въ статьѣ Шевырева то, что онъ, все еще не будучи въ состояніи вполнѣ оцѣнить Гоголя, ссылается между прочимъ въ оправданіе писателя на обѣщаніе его въ остальныхъ томахъ поэмы изображать уже не одно пошлое и комическое, но и возвышенное.

Вотъ подлинныя слова Шевырева: «Если бы Гоголь имѣлъ односторонній талантъ комика и способенъ былъ только къ изображенію низкой стороны дѣйствительной жизни, то трудно бы ему было сладить съ своими злонамѣренными критиками; но мы увѣрены, что онъ восторжествуетъ и докажетъ имъ, что, клеймя мѣткой ироніей все безобразіе низкой дѣйствительности, лучше и сильнѣе, чѣмъ кто-нибудь владѣющій у насъ перомъ, постигаетъ онъ все великое и прекрасное нашей русской жизни» [1]). Жаль, что эти слова никто не напомнилъ Шевыреву по смерти Гоголя, когда ему нельзя было бы апеллировать къ будущему, и пришлось бы по неволѣ или отказаться отъ приведенныхъ выше словъ, или сознать, что истинная оцѣнка Гоголя была сдѣлана не имъ, а именно Бѣлинскимъ.

Изъ остальныхъ отзывовъ о первой части «Мертвыхъ Душъ» остановимся вскользь на рецензіи «Литературной Газеты» и на брошюрѣ о Гоголѣ К. С. Аксакова, а потомъ перейдемъ къ прекрасному и обстоятельному разбору, написанному П. А. Плетневымъ. Что касается первой, то она почти исключительно состоитъ изъ пересказа содержанія поэмы, причемъ въ разныхъ мѣстахъ приводятся болѣе или менѣе обширныя выписки. Кромѣ этого въ началѣ сдѣлано нѣсколько замѣчаній о рѣшительномъ преобладаніи въ русской литературѣ типовъ отрицательныхъ и комическихъ. Авторъ статьи уже ставитъ ниже Гоголя «даровитаго» Марлинскаго и его «Лейтенанта Бѣлозора», но еще упоминаетъ о Гоголѣ наряду съ другими «лучшими нашими нувеллистами».

---

[1]) „Москвитянинъ“, 1843, № 1, стр. 285.

Основьяненкой, Сенковскимъ, Павловымъ и кн. Одоевскимъ. Авторъ съ грустью задаетъ себѣ такіе вопросы: «неужели мы замѣчаемъ однѣ смѣшныя стороны и смѣемся, хотя въ половину горькимъ смѣхомъ». «Неужели»—продолжаетъ онъ—«мы любимъ видѣть на сценѣ только мелкіе пороки и слабости?.. Отъ души смѣемся, глядя на Хлестакова и Землянику, и зѣваемъ во весь ротъ, когда передъ нами разглагольствуетъ Честонъ или Стародумъ». Но критикъ соглашается съ доводами Гоголя и признаетъ, что въ его «шуткѣ» о томъ, что «слѣдуетъ припрячь «плутоватаго человѣка», заключается «много истины». Далѣе критикъ замѣчаетъ, что «Мертвыя Души» названы поэмой, безъ всякаго сомнѣнія, въ шутку, но что «если поэма, въ сравненіи съ романомъ, обхватываетъ собою болѣе огромную сторону жизни какого-либо народа, то «Мертвыя Души» не безъ причины названы поэмой» [1]. Въ авторѣ критикъ признаетъ «рѣдкій даръ наблюдательности, знаніе тайнъ человѣческаго сердца, въ особенности порочной стороны его, умѣніе создавать характеры и изъ ихъ игры развивать дѣйствіе [2]).

Оканчивается рецензія указаніемъ на грязныя, по его мнѣнію, шуточки Гоголя, напр. о томъ, какъ буточникъ поймалъ у себя звѣря и тутъ же казнилъ его, и выраженіемъ нетерпѣнія, съ какимъ, въ виду прежде указанныхъ достоинствъ произведенія, ожидаются его послѣдующіе томы.

III.

Въ длинной вереницѣ критическихъ статей о «Мертвыхъ Душахъ» бросается въ глаза своей оригинальной эксцентричностью извѣстная брошюра К. С. Аксакова: «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: «Похожденія Чичикова», или «Мертвыя Души». Любопытна литературная исторія этой статейки. Наконецъ брошюра появляется въ печати и обращаетъ на себя общее вниманіе, изумляетъ однихъ, другихъ смѣшитъ и подвергается со всѣхъ сторонъ нареканіямъ за неумѣренный до послѣднихъ крайностей энтузіазмъ. Единственный сочувственный отзывъ объ этой брошюрѣ мы находимъ въ маленькой статейкѣ «Современника» (1842 г., т. XXVIII, № 4, стр. 82). Другой сочувственный отзывъ мы читаемъ уже въ частномъ письмѣ къ К. С. Аксакову Ю. Ѳ. Самарина («Русск. Стар.» 1890, II, 421 и «Русск. Арх.» 1880, II, 298—302). Но мы не можемъ судить, насколько этотъ отзывъ

---

[1]) „Литературная Газета“, 1842 г. № 20, стр. 471.

[2]) Тамъ же, стр. 476.

былъ искрененъ и насколько здѣсь говорило чувство деликатности автора. Также защищаетъ К. С. Аксакова противъ рѣзкаго отзыва «Отеч. Зап.» Хомяковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Шевыреву («Русск. Арх.» 1878, т. II, № 5, 61—62). Изъ особенно враждебныхъ брошюрѣ отзывовъ слѣдуетъ отмѣтить отзывъ Сенковскаго («Библіотека для Чтенія», 1842, т. 54, отд. 6, стр. 12, «Московскій Благородный Пансіонъ» Сушкова, прилож. 2 отд., стр. 22; и «Русск. Арх.», 1893, VIII, стр. 561, и «Репертуаръ» и «Пантеонъ» 1843, № 6, стр. 93). Сенковскій въ «Библіотекѣ для Чтенія» осмѣлился даже сказать по адресу Гоголя: «Это плохо! Когда люди издаютъ на свои деньги такія похвальныя брошюры, это очень плохо!.. Это показываетъ, что поэма нехороша» («Библіот. для Чтенія», 1854, т. 54, отд. 6, стр. 12).

Основная мысль брошюры заключается въ томъ положеніи, что въ «Мертвыхъ Душахъ» мы видимъ величавое эпическое созерцаніе древнихъ, утраченное въ продолженіе вѣковъ и снова возстающее передъ нами во всей своей неувядаемой красотѣ, и что у Гоголя мы встрѣчаемъ такую «полноту и конкретность созданія», какою отличаются только созданія Гомера и Шекспира. «Только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь» — говоритъ онъ — «обладаютъ этой тайной искусства» [1]). Подобно тому, какъ у Гомера мы видимъ «всѣ образы природы человѣка заключенные въ созерцаемомъ мірѣ, и,—соединенные чудно, глубоко и истинно, шумятъ волны, несется корабль, враждуютъ и дѣйствуютъ люди» [2]), такъ и поэма Гоголя «представляетъ цѣлую сферу жизни, цѣлый міръ, гдѣ, какъ у Гомера, свободно шумятъ и блещутъ волны, всходитъ солнце, красуется вся природа и живетъ человѣкъ» [3]). Большинство читателей не подготовлено къ тому, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить поэму Гоголя, именно потому, что потеряло вкусъ къ истинной, классической красотѣ и приходитъ въ недоумѣніе передъ непривычнымъ, или лучше сказать, забытымъ характеромъ поэтическаго творчества. Въ первыхъ же строкахъ брошюры К. С. Аксаковъ заявлялъ о «Мертвыхъ Душахъ», что «передъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, является оправданіе цѣлой сферы поэзіи, сферы, давно унижаемой; древній эпосъ возстаетъ передъ нами». Выясняя величіе и всеобъемлющее значеніе древняго эпоса, юный критикъ отмѣчаетъ постепенное, по его мнѣнію, обмелѣніе его на западѣ и затѣмъ провозглашаетъ наступленіе новой эры художественнаго творчества въ поэмѣ Гоголя, въ которой «тотъ же глубокопроникающій и все видя-

---

[1]) „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя „Мертвыя Души“ К. С. Аксакова. стр. 14—15.

[2]) Стр. 2.

[3]) Стр 4.

щій эпическій взоръ, то же всеобъемлющее эпическое созерцаніе Гоголя чисто древнее, античное, и его произведеніе, слѣдовательно, имѣетъ значеніе всемірное. К. С. Аксаковъ замѣчаетъ далѣе, что «все—и муха, надоѣдающая Чичикову, и собаки, и дождь, и лошади отъ Засѣдателя до Чубараго, и даже бричка—все это, со всею своею тайною жизни, Гоголемъ постигнуто и перенесено въ міръ искусства». Въ грубую ошибку впадаютъ тѣ читатели и рецензенты, которые прежде всего хотятъ видѣть въ новомъ произведеніи анекдотъ, спѣшатъ искать завязку романа, «на все это молчитъ поэма», потому что такое воззрѣніе въ отношеніи къ ней слишкомъ близоруко и грубо, оно устремляется на мелочи и частности и не видитъ отраженія въ поэмѣ «безбрежнаго океана жизни». Столь же нелѣпымъ представляется автору брошюры недовольство нѣкоторыхъ критиковъ тѣмъ, что «лица у Гоголя смѣняются безъ особенной причины, тогда какъ это именно и является естественнымъ слѣдствіемъ истиннаго эпическаго созерцанія, въ которомъ «одинъ міръ объемлетъ всѣ эти лица, связуя ихъ глубоко и неразрывно единствомъ внутреннимъ» и «древній, важный эпосъ является въ своемъ величавомъ теченіи!» Но особенно широкія надежды возлагаетъ К. С. Аксаковъ на продолженіе поэмы и видитъ въ первомъ томѣ,—безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ самого Гоголя,—лишь начало рѣки, «дальнѣйшее теченіе которой, Богъ знаетъ, куда приведетъ насъ и какія явленія представитъ» [1]). Уже въ первомъ томѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ описаніи скорой ѣзды Чичикова, критикъ предполагаетъ отчасти вскрытіе завѣсы съ «общаго субстанціальнаго чувства русскаго».

Вся статья вообще преисполнена самаго восторженнаго молодаго увлеченія, внушеннаго автору и личнымъ расположеніемъ къ Гоголю, и неувядаемой прелестью его созданій—увлеченія, доходящаго до того, что, соглашаясь признать слогъ Гоголя не образцовымъ, критикъ неожиданно восклицаетъ: «И слава Богу! Это былъ бы недостатокъ» [2]). Хотя К. С. Аксаковъ имѣетъ здѣсь въ виду, какъ оказывается, вполнѣ справедливую мысль, что и въ самомъ слогѣ поэма Гоголя носитъ на себѣ яркую печать высокой оригинальности, которая составляетъ безспорное достоинство и является вообще однимъ изъ существенныхъ украшеній гоголевскаго творчества, и что передъ общей, геніальной оригинальностью слога блѣднѣютъ мелочные грамматическіе и стилистическіе промахи и недосмотры, но все же мысль выражена довольно неожиданно и странно. Намъ нечего прибавлять, что упованія молодаго энтузіаста на воскрешеніе древняго эпоса, «чуднымъ образомъ

---

[1]) Стр. 9.

[2]) Бѣлинскій напротивъ, какъ извѣстно, находилъ неправильности въ языкѣ Гоголя, но слогъ его признавалъ образцовымъ (Соч. т. XI, стр. 73).

возникшаго въ Россіи», совсѣмъ не оправдались въ томъ фантастическомъ смыслѣ, въ какомъ понималъ это авторъ, связавши притомъ, какъ видно изъ приведеннаго выраженія, свои литературныя увлеченія съ такими же чрезмѣрными патріотическими иллюзіями и зашедшій черезчуръ далеко въ своихъ мечтахъ. Укажемъ только, что самъ авторъ, вообще довольно часто повторяющійся въ своей статьѣ, нѣсколько разъ, послѣ самыхъ энергическихъ панегириковъ Гоголю, какъ бы начиная уже самъ смутно сознавать свое увлеченіе, дѣлаетъ оговорки, предупреждаетъ возможныя перетолкованія, наконецъ прямо заявляетъ, что молъ это многимъ покажется страннымъ, а между тѣмъ де въ сущности справедливо и т. п. Отмѣтимъ еще, что К. С. Аксаковъ по справедливости высоко ставитъ гоголевскія сравненія, яркость изображаемыхъ имъ лицъ и характеровъ и проч., и заканчиваетъ свое разсужденіе довольно блѣднымъ впрочемъ патріотическимъ гимномъ русской народной пѣснѣ [1]).

Мы говорили уже, что на брошюру Аксакова напали со всѣхъ сторонъ. Бѣлинскій счелъ себя вынужденнымъ отвѣчать на нее въ виду слѣдующихъ строкъ: «Мы знаемъ, многимъ покажутся странными слова наши; но мы просимъ въ нихъ вникнуть. Что́ касается до мнѣній петербургскихъ журналовъ, очень извѣстно, что̀ они подумаютъ (впрочемъ исключая, можетъ быть, «Отечественныхъ Записокъ», которыя хвалятъ Гоголя); но не о петербургскихъ журналистахъ говоримъ мы». Такое упоминаніе объ «Отечественныхъ Запискахъ» могло подать поводъ къ подозрѣнію въ единомысліи ихъ съ авторомъ брошюры — и вотъ почему молчать было неудобно. Бѣлинскій возражаетъ Аксакову слѣдующимъ образомъ: «Итакъ, эпосъ древній не есть исключительное выраженіе древняго міросозерцанія въ древней формѣ: напротивъ, онъ что-то вѣчное, неподвижно стоящее, независимо отъ исторіи; онъ можетъ быть и у насъ, и мы его имѣемъ въ «Мертвыхъ Душахъ». Итакъ, эпосъ не развился исторически въ романъ, а снизошелъ до романа! Итакъ, романъ есть не эпосъ нашего времени, въ которомъ выразилось созерцаніе жизни современнаго человѣчества и отразилась сама современная жизнь: нѣтъ, романъ есть искаженіе древняго эпоса» [2]) Бѣлинскій объясняетъ своему противнику, что «Иліада» есть произведеніе всемірное, а «Мертвыя Души» даже и не могли выразить міроваго содержанія за отсутствіемъ его въ изображаемой въ нихъ русской жизни; что паѳосъ обѣихъ эпопей различный («въ Иліадѣ» жизнь возведена въ апоѳеозу; въ «Мертвыхъ Душахъ» она разлагается и отрицается») [3]).

---

[1]) „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя", стр. 16.

[2]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 434—435.

[3]) Тамъ же, стр. 436.

Наконецъ Бѣлинскій выражаетъ изумленіе по поводу слишкомъ неумѣреннаго возвеличенія Гоголя, причемъ между прочимъ указываетъ на странное превознесеніе его передъ Пушкинымъ, не удостоившимся стать даже наряду съ нимъ въ этой тріадѣ.

Бѣлинскій былъ правъ, опасаясь неловкаго союзничества со стороны Аксакова. Вскорѣ въ «Сынѣ Отечества» появилась статья К. Масальскаго, который, признавая въ Гоголѣ высокій комическій талантъ, однако, находитъ преувеличеннымъ, а часто и нелѣпымъ, неумѣренное его прославленіе нѣкоторыми поклонниками и людьми партіи. Авторъ статьи смѣется надъ тѣмъ, что Гоголя хотятъ произвести въ чинъ литературнаго генералиссимуса, а иные его уже пожаловали даже въ Гомеры, но что, быть можетъ, это шутки, основанныя на сходствѣ первыхъ слоговъ въ именахъ обоихъ поэтовъ; онъ удивляется также тому, что «всѣ гегелисты непремѣнно гоголисты», хотя между Гегелемъ и Гоголемъ ровно ничего общаго нѣтъ [1]). Отъ этихъ насмѣшекъ надъ увлеченіемъ рецензента критикъ приходитъ къ намекамъ на темные разсчеты литературныхъ приходовъ и къ насмѣшкамъ надъ критиками, которые «покуда еще ничѣмъ не доказали сами ни своего громаднаго ума, ни своего алмазнаго вкуса» [2]).

Переходя къ разбору самой поэмы, критикъ находитъ въ ней отсутствіе содержанія, такъ какъ на 252 страницахъ поэмы авторъ разъѣзжаетъ по помѣщикамъ и скупаетъ мертвыя души, а на остальныхъ 223 страницахъ совершаетъ купчую крѣпость. Показавъ такимъ образомъ свое полное непониманіе поэмы, критикъ высказываетъ изумленіе по тому поводу, что рецензенты находили блѣдность содержанія даже въ «Мирошевѣ» Загоскина, а что же, молъ «должно сказать въ этомъ отношеніи о поэмѣ «Мертвыя Души» [3]). Не видитъ критикъ и «красоты въ идеѣ романа», потому что въ немъ выведены только одни плуты и ничтожные люди, кромѣ одной губернаторской дочки, которая совсѣмъ почти не обрисована. Снова повторяется жалоба на отсутствіе завязки и добродѣтельныхъ лицъ въ произведеніи. Критикъ не слишкомъ остроумно сравниваетъ поэму съ холстомъ, измазаннымъ черной краской, на которомъ, выдавая его за картину, художникъ подписалъ: глубокая ночь. Наконецъ мы встрѣчаемъ всѣ тѣ же, слишкомъ избитые, упреки Гоголю въ сальностяхъ и въ томъ, что авторъ «обмакиваетъ кисть въ недостойныя художника краски» [4]). Но въ виду крайняго однообразія съ самыми незначительными варіаціями всѣхъ подобныхъ упрековъ,

---

[1]) „Сынъ Отечества“, 1842 г , VI, отд. критика, стр. 2.

[2]) Тамъ же, стр. 3.

[3]) Тамъ же, стр. 11.

[4]) Тамъ же, стр. 19.

мы не рѣшаемся дальнѣйшимъ пересказомъ ихъ утомлять вниманіе читателей и отмѣтимъ еще только одно новое осужденіе Гоголя въ статьѣ «Сына Отечества» за нескромность въ извѣстныхъ словахъ: «Русь! что́ глядишь ты такъ и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полнаго ожиданія очи!» [1]), и пр. Во всякомъ случаѣ ясно, что общее содержаніе разбора въ «Сынѣ Отечества» было неблагопріятно Гоголю и что въ немъ уже указывался одинъ дѣйствительный промахъ его сторонниковъ, т. е. собственно К. С. Аксакова; а между тѣмъ объ этой статьѣ К. Масальскаго «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» отозвался такъ: «разборъ весьма дѣльный и прекрасно написанный» [2]). Отмѣтимъ кстати небольшую странность: книга «Сына Отечества» носитъ цензурную помѣтку отъ 31 мая 1842 г., тогда какъ брошюра Аксакова подписана 16-ымъ іюня 1842 г., и притомъ онѣ вышли въ разныхъ городахъ («Сынъ Отечества», какъ извѣстно, издавался въ Петербургѣ),—слѣдовательно, слухи, предшествовавшіе напечатанію долго ходившей по мытарствамъ брошюры, успѣли давно достигнуть и до Сѣверной Пальмиры.

Впослѣдствіи С. Т. Аксаковъ съ горечью вспоминалъ о нападеніяхъ печати на брошюру его сына и находилъ, что всѣ журналисты, говоря буквально, «взбѣсились» [3]) и что, перечитавъ ее нѣсколько разъ послѣ выхода, онъ былъ дотого удивленъ, что «даже на нѣкоторое время усомнился въ справедливости своего собственнаго взгляда и суда» [4]). Но эти слова только рисуютъ намъ неустойчивый характеръ Аксакова и шаткость нѣкоторыхъ его сужденій, — обстоятельство чрезвычайно важное для пониманія этой благородной, но вовсе не дальновидной и не всегда твердой въ убѣжденіяхъ личности: — и они же показываютъ въ данномъ случаѣ рѣшительное превосходство передъ Аксаковымъ Погодина въ отношеніи проницательности и житейскаго опыта.

Въ «Москвитянинѣ» появился вскорѣ отвѣтъ Бѣлинскому отъ К. С. Аксакова, сущность котораго именно и заключается въ обвиненіи «Отечественныхъ Записокъ» и за мнимое искаженіе словъ брошюры. Здѣсь снова мы встрѣчаемъ утомительныя повторенія и вдобавокъ натянутыя оправданія, вродѣ того, что «субстанціальное чувство не субстанція» и что «рецензентъ не хотѣлъ понять, что я не просто о скорой ѣздѣ говорю; по желѣзной дорогѣ ѣдешь скорѣе, но не это любитъ русскій человѣкъ» [5]), и проч.,—но особенно настаиваетъ не однажды на

---

[1]) Тамъ же, стр. 29.
[2]) Томъ XXXVI, отд. 6, стр. 31.
[3]) „Русскій Архивъ", VIII, 1890 г., 74.
[4]) Тамъ же.
[5]) „Москвитянинъ", 1842 г., 9, 227.

томъ, что онъ-де сравнивалъ Гомера, Шекспира и Гоголя не вообще, а только въ отношеніи акта творчества, на чтò послѣ Бѣлинскій возражалъ, что и это сравненіе также отнюдь не выдерживаетъ критики. Но самое важное то, что всѣ вообще объясненія К. С. Аксакова касаются больше частностей, тогда какъ въ данномъ случаѣ имѣла значеніе исключительно общая постановка вопроса: въ своемъ чрезмѣрно неосмотрительномъ увлеченіи Аксаковъ, желая возвести Гоголя на недосягаемую высоту и указать для него совершенно исключительное почетное мѣсто во всемірной литературѣ, сгоряча не подумалъ о томъ, что въ послѣдней найдется не мало великихъ именъ, которыя не могутъ быть поставлены ниже имени Гоголя, и что въ возраженіе ему тотчасъ могутъ назвать Сервантеса, Вальтеръ-Скотта и Байрона,—и только оговорился въ подстрочномъ примѣчаніи, что романъ и повѣсть также имѣютъ свое значеніе, но что объ нихъ онъ не имѣетъ времени говорить. Въ этомъ уже состояло несомнѣнное отступленіе отъ основной мысли брошюры, надъ которымъ посмѣялся Бѣлинскій, сказавъ, что «эта выноска явно противорѣчитъ съ текстомъ, гдѣ опредѣлительно сказано, что древній эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣлъ, искажался, снизошелъ до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія, до французской повѣсти: слѣдовательно, какое же значеніе, кромѣ искаженія древняго эпоса, могутъ имѣть романъ и повѣсть въ глазахъ Константина Аксакова?» [1]). Такимъ образомъ слабая сторона брошюры была неопровержимо доказана, и никакія оправданія отдѣльныхъ мыслей не могли уже имѣть значенія. Бѣлинскому стоило только напомнить въ нѣсколькихъ словахъ своему противнику исторію развитія эпоса и значеніе романа, которое, очевидно, представлялось Аксакову не достаточно ясно (такъ какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что романъ представлялся ему дѣйствительно только искаженіемъ древняго эпоса). Однимъ словомъ, рушилось именно самое основное положеніе брошюры, безъ котораго она утрачивала весь свой смыслъ. Притомъ признавая въ «Мертвыхъ Душахъ» воскрешеніе поэмы, какъ важнѣйшаго вида эпическихъ произведеній, Константинъ Аксаковъ упустилъ изъ виду поэмы Пушкина и Лермонтова и слѣдовательно и съ этой стороны попадалъ въ новую рискованную крайность. Бѣлинскій же оставался, разумѣется, вполнѣ на своей позиціи, не сходя съ нея ни на шагъ и снова твердо и отчетливо повторяя: «думать, что въ наше время возможенъ древній эпосъ—это такъ же нелѣпо, какъ и думать, чтобъ въ наше время человѣчество могло вновь сдѣлаться изъ взрослаго человѣка ребенкомъ, а думать такъ—значитъ быть чуждымъ всякаго историческаго созерцанія, и пустыя фантазіи празднаго воображенія

---

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, т VI, стр. 596.

выдавать за философскія истины» [1]). Послѣ этого теряли всякое значеніе всѣ приведенныя Аксаковымъ оправданія. «Г. Константинъ Аксаковъ»—говоритъ Бѣлинскій—«дѣйствительно не называлъ «Мертвыхъ Душъ» «Иліадой», а Гоголя—Гомеромъ: такихъ словъ нѣтъ въ его брошюрѣ; но онъ поставилъ «Мертвыя Души» на одну доску съ «Иліадой», а Гоголя на одну доску съ Гомеромъ: вотъ что̀ правда, то правда» [2]). Нѣсколько страницъ спустя Бѣлинскій снова повторяетъ: «г. Константинъ Аксаковъ не называлъ Гоголя Гомеромъ, а «Мертвыя Души» — «Иліадою»; онъ только сказалъ, что, во-первыхъ, древній эпосъ былъ унижаемъ на Западѣ, а мы прибавили (и имѣли право) отъ себя:—Сервантесомъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Куперомъ, Байрономъ; — и что, во-вторыхъ, въ «Мертвыхъ Душахъ» древній эпосъ возстаетъ передъ нами, а мы прибавили отъ себя (и имѣли на это право):— ergo «Мертвыя Души» то же самое въ новомъ мірѣ, что̀ «Иліада» въ древнемъ, а Гоголь то же самое въ исторіи новѣйшаго искусства, что̀ Гомеръ въ исторіи древняго искусства» [3]).

Оставляя въ сторонѣ всѣ дальнѣйшія подробности спора Бѣлинскаго съ Аксаковымъ, т. е. собственно болѣе обстоятельное развитіе во второй половинѣ статьи знаменитаго критика—возраженій, лишь вкратцѣ намѣченныхъ въ началѣ ея, мы должны лишь напомнить о томъ, что въ этой именно статьѣ Бѣлинскій по поводу выраженія Аксакова: «кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ»,—не разъ повторяя эти слова, придаетъ имъ весьма знаменательный смыслъ опасенія за будущую судьбу поэмы; по нашему мнѣнію, здѣсь особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія слова: «если самъ поэтъ почитаетъ свое произведеніе «поэмою», если содержаніе и герой есть субстанція русскаго народа,—то мы не обинуясь скажемъ, что поэтъ сдѣлалъ великую ошибку [4]). А такъ именно и было, и это-то самое и погубило Гоголя.

Въ статьѣ «Русская литература въ 1842 г.» Бѣлинскій еще разъ упоминаетъ, но уже въ видѣ только намека, о взглядѣ Аксакова на «Мертвыя Души», справедливо замѣчая на этотъ разъ, что и въ числѣ изступленныхъ хвалителей «Мертвыхъ Душъ» есть люди, и «не подозрѣвающіе въ простотѣ своего дѣтскаго энтузіазма истиннаго значенія и слѣдовательно истиннаго величія этого произведенія», и «заявляетъ, что до сихъ поръ онъ лишь случайно говорилъ о «Мертвыхъ Душахъ» и преимущественно по поводу невѣрныхъ мнѣній объ этомъ произве-

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 531.
[2]) Тамъ же, стр. 526.
[3]) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 531—532.
[4]) Тамъ же, т. VI, стр. 536.

деніи, но что обстоятельный разборъ поэмы еще предстоитъ впереди; къ нему Бѣлинскій предполагалъ, какъ извѣстно, какъ и вообще къ разбору произведеній Гоголя, приступить уже по окончаніи такого же разбора произведеній Пушкина. Это обѣщаніе онъ не разъ повторялъ и послѣ [1]).

IV.

Совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ предыдущихъ критикъ стоитъ статья Плетнева, озаглавленная такъ: «Чичиковъ, или «Мертвыя Души» Гоголя» и напечатанная первоначально въ «Современникѣ» подъ псевдонимомъ С. Ш. Когда до Гоголя дошло извѣстіе объ этой статьѣ, онъ очень заинтересовался ею и просилъ Плетнева прислать ее къ нему въ Римъ; хотя онъ вообще интересовался критиками на его сочиненія, но въ данномъ случаѣ ему уже заранѣе было указано кѣмъ-то на этотъ разборъ, какъ на одинъ изъ самыхъ интересныхъ и образцовыхъ. Когда Гоголь въ послѣдній разъ видѣлся съ Плетневымъ въ Петербургѣ въ первыхъ числахъ іюня 1842 г. (именно 4 іюня), то редакторъ «Современника» слышалъ уже въ чтеніи автора отрывки изъ поэмы или даже, быть можетъ, весь первый томъ; онъ могъ также читать и въ корректурныхъ листахъ или въ привезенномъ Гоголемъ экземплярѣ; но если онъ успѣлъ уже получить о ней вполнѣ опредѣленное представленіе, то все еще не могъ приняться за критическую статью, не имѣя для того пока ни времени, ни свободнаго экземпляра книги. Въ одномъ письмѣ къ Жуковскому, написанномъ въ день отъѣзда Гоголя, Плетневъ сообщаетъ слѣдующее: «Нынѣшнюю весну провелъ здѣсь [2]) Гоголь. Сегодня опять отправляется за-границу. Онъ напечаталъ свой романъ «Мертвыя Души». Это, безъ сомнѣнія, лучшее изъ всего, что только есть въ нашей литературѣ. Сколько комизма разнообразнаго, схваченнаго живьемъ въ натурѣ и переданнаго со всею яркостью красокъ! Особенно это поражаетъ всякаго, когда онъ самъ читаетъ. Для его сочиненій нуженъ чтецъ, который бы напередъ изучилъ его: иначе досадно слушать, чувствуя, какъ гибнутъ изумительныя красоты языка поэтическаго [3]).

Такимъ образомъ несомнѣнно, что Плетневъ сразу вполнѣ понялъ

---

[1]) Тамъ же, т. VI, 548—549 и т. XI, стр. 72.

[2]) То-есть въ Россіи.

[3]) „Русскій Архивъ“ 1870 г., стр. 1277 и соч. Плетнева, т. III.

и оцѣнилъ по крайней мѣрѣ эстетическія достоинства «Мертвыхъ Душъ», но когда онъ задумалъ написать критику, то, въ виду существовавшихъ противъ него въ литературныхъ кругахъ предубѣжденій, рѣшился замаскировать свое авторство и весьма остроумно прикрылся иниціалами одного изъ петербургскихъ земляковъ Гоголя, Семена Даниловича Шаржинскаго, проживавшаго тогда въ Житомірѣ. Названіе этого города было также подписано подъ статьей. Но такъ какъ Шаржинскій былъ личность мало извѣстная, то едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что, придумывая псевдонимъ, Плетневъ имѣлъ въ виду не только публику и журналистовъ, но прежде всего и самого Гоголя. Въ одномъ изъ писемъ къ Максимовичу Гоголь съ восхищеніемъ говоритъ о Шаржинскомъ, называя, его «преинтереснѣйшимъ и прелюбезнѣйшимъ человѣкомъ, съ которымъ никогда не будетъ скучно» [1]). Правда, Гоголь имѣлъ въ виду здѣсь подѣйствовать на одного пріятеля въ смыслѣ самой лучшей рекомендаціи ему другаго, для котораго Гоголь и просилъ-то немалаго, ходатайствуя о томъ, чтобы сразу выхлопотать ему мѣсто директора гимназіи въ Кіевскомъ округѣ и еще по возможности въ самомъ Кіевѣ, тогда какъ прежде Шаржинскій служилъ только въ таможняхъ да въ почтовомъ департаментѣ [2]). Тѣмъ не менѣе тотъ же Шаржинскій, имени котораго мы не встрѣчаемъ въ спискѣ студентовъ, окончившихъ курсъ въ Нѣжинской гимназіи (въ «Лицеѣ князя Безбородко»), и съ которымъ Гоголь сблизился, очевидно, только уже въ Петербургѣ, по словамъ Гоголя, служилъ когда-то и «по ученой части» и ѣздилъ за-границу. Кажется, судя по всѣмъ этимъ даннымъ, Шаржинскій уже тогда былъ общимъ знакомымъ Плетнева и Гоголя и, можетъ быть, пользовался также вниманіемъ и покровительствомъ перваго. Послѣ Гоголь хлопоталъ уже о томъ, чтобы Максимовичъ помогъ Шаржинскому устроиться въ Каменецъ-Подольскую или Винницкую гимназію; но вмѣсто того мы видимъ его спустя нѣсколько лѣтъ въ Житомірѣ. Но намъ важно здѣсь, конечно, единственно то. что Плетневъ хотѣлъ почему-то замаскировать свое авторство статьи даже передъ Гоголемъ, на что̀ намекаетъ особенно подпись подъ статьей того города, въ которомъ жилъ Шаржинскій.

Не останавливаясь впрочемъ даже на соображеніяхъ относительно деликатныхъ причинъ, заставившихъ Плетнева прибѣгнуть къ указанному маневру, замѣтимъ только, что его намѣреніе «не вводить въ искушеніе пишущую братію», враждебно къ нему настроенную,—какъ это объясняетъ г. Кулишъ, несомнѣнно, со словъ самого Плетнева [3]),—

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 220.

[2]) Тамъ же, стр. 221.

[3]) Тамъ же, стр. 501. Г-нъ Кулишъ хорошо зналъ Плетнева и вмѣстѣ съ нимъ служилъ въ Спб. университетѣ въ пятидесятыхъ годахъ.

оказалось въ высшей степени основательнымъ и достигло цѣли: статья не встрѣтила предубѣжденія и всюду была признана справедливой и дѣльной. Согласно этимъ видамъ автора и его критика совершенно свободна отъ полемическихъ выходокъ и увлеченій и отличается отъ прочихъ спокойнымъ академическимъ тономъ. Первыя строки статьи таковы: «къ вамъ, г. редакторъ «Современника», я обращаюсь съ моими замѣчаніями о новомъ сочиненіи Гоголя и о другихъ предметахъ, прикосновенныхъ къ дѣлу критики,—потому къ вамъ, что сами вы не любите говорить много, и еще болѣе потому, что, кажется, не занимаетесь сужденіями другихъ журналистовъ. Слѣдовательно, вы, какъ говорится, человѣкъ свѣжій» [1]). И только.

Тотчасъ вслѣдъ за приведенными строками, Плетневъ намекаетъ косвенно на нелѣпость сужденій «Сѣверной Пчелы», особенно поразительныхъ по своему безвкусію и безтактности. Съ своей стороны критикъ признаетъ какъ явный прогрессъ въ творчествѣ самого Гоголя, такъ и высокое значеніе его поэмы въ ряду остальныхъ выдающихся произведеній современной литературы. Страннымъ можетъ показаться только то небольшое несоотвѣтствіе, которое мы замѣчаемъ между приведеннымъ выше рѣшительнымъ утвержденіемъ въ письмѣ къ Жуковскому, что поэма Гоголя «есть лучшее въ нашей литературѣ» и сдержаннымъ и осмотрительнымъ заявленіемъ: «мнѣ кажется странно, говоря о Гоголѣ, входить въ объясненіе, чѣмъ сочиненіе его лучше той или другой книги изъ напечатанныхъ съ нимъ въ одно время» [2]). Такая осторожность, слишкомъ явно противоположная пылкой смѣлости К. С. Аксакова, какъ нарочно подходитъ подъ категорію того «уклончиваго» способа высказывать истины, относительно котораго Бѣлинскій имѣлъ безспорное право иронизировать, говоря, что это «способъ, какъ будто не противорѣчащій общему мнѣнію, болѣе намекающій, чѣмъ утверждающій» [3]).

Но зато въ другихъ отношеніяхъ статья имѣетъ много положительныхъ достоинствъ: сравнивая ее съ другими статьями о первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», за исключеніемъ, разумѣется, статей Бѣлинскаго, читатель не можетъ не оцѣнить многихъ ея крупныхъ преимуществъ; въ статьѣ много вполнѣ вѣрныхъ и частью довольно глубокихъ замѣчаній, и, конечно, совершенно нѣтъ тѣхъ нелѣпостей и курьезовъ, отъ которыхъ, какъ мы видѣли, далеко не свободны даже статьи Шевырева. Важно притомъ, что Плетневъ въ своей оцѣнкѣ обращаетъ вниманіе именно на самыя существевственныя и важныя стороны, а не

---

[1]) Соч. Плетнева, т. I, стр. 476

[2]) Тамъ же, стр. 477.

[3]) Соч. т. IV, стр. 394.

толкуетъ о мелкихъ грамматическихъ промахахъ или напримѣръ о сходствѣ дѣйствующихъ лицъ «Мертвыхъ Душъ» съ тѣмъ или другимъ животнымъ, какъ мы видѣли это у Шевырева. О языкѣ Гоголя Плетневъ говоритъ, что въ немъ есть недосмотры, и въ самомъ дѣлѣ нельзя даже не согласиться, пожалуй, и съ Гречемъ въ неправильности выраженія: «были видны слѣды довольной усмѣшки» или формы причастія узрѣтъ; но Плетневъ весьма основательно смѣется надъ тѣмъ, что «грамматическая критика возьметъ за то свой полушечный оброкъ съ автора» и объясняетъ ей, что «у Гоголя, въ замѣнъ ничтожныхъ недосмотровъ, пропущенныхъ, безъ сомнѣнія, отъ посмѣшности изданія книги, есть положительныя совершенства языка, красоты, вѣчно сіяющія у геніальныхъ писателей: сжатость выраженій, мѣткость и точность словъ и неразъединимость ихъ отъ понятій», въ подтвержденіе чего приводится отрывокъ изъ описанія сада Плюшкина. Уже въ этихъ словахъ заслуживаютъ вниманія точныя опредѣленія и естественность, а также наконецъ несомнѣнная справедливость мысли.

Сужденіе о содержаніи книги еще цѣннѣе и значительнѣе. Прежде всего Плетневъ указываетъ въ поэмѣ именно то, что̀ въ ней служитъ несомнѣннымъ и яркимъ проявленіемъ геніальности автора. Кто не согласится, напримѣръ, что, «въ усиліи набросать, при заготовленной сценѣ, каррикатурный или даже высокій характеръ, не мудрено попасть на удачу и сорвать дань улыбки или похвалу читателя; но это я называю искусствомъ, чтобы не сказать вѣрнѣе—ремесломъ. Оно говоритъ много въ пользу труда и ничего можетъ не доказывать въ истинѣ таланта. Но отсутствіе усилія, естественное положеніе всѣхъ лицъ и между тѣмъ всеобщая жизнь и постоянное дѣйствіе комической красоты—вотъ что̀ изумляетъ въ авторѣ, повидимому безпечномъ и все предоставившемъ одной природѣ» [1]).

Вообще во всей первой половинѣ статьи Плетневъ обстоятельно и точно разъясняетъ самобытность и независимость таланта Гоголя. Указать все это тогдашнему обществу и даже представителямъ печати и критики было, конечно, необходимо. Плетневъ напримѣръ вѣрно замѣчаетъ, что у Гоголя «въ искусствѣ не видно авторскаго усилія приблизиться къ опредѣленной цѣли, какъ напримѣръ навести читателя на любимую идею, развеселить его забавною сценой, растрогать идеальной картиной горестнаго положенія, красивымъ описаніемъ природы приготовить воображеніе къ поразительной нечаянности, и тому подобное. Онъ самъ весь проникнутъ жизнью—и вмѣсто того, чтобы сочинять, онъ воплощаетъ въ дѣйствительность свою внутреннюю жизнь, это чудное вмѣстилище всего внѣшняго» [2]).

[1]) Соч. Плетнева, т. I, стр. 484.

[2]) Тамъ же, стр. 477.

Какими дѣтскими передъ этими глубокими и вѣрными замѣчаніями оказываются мелкія придирки «Сѣверной Пчелы» или Сенковскаго! На забавные упреки поэмѣ, что въ ней нѣтъ ни завязки, ни плана, Плетневъ возражаетъ деликатно и тонко: «вы не подумаете, конечно, что поэма Гоголя начата безъ основной идеи, что искусство ему не покоряется, и что онъ влечется за мимолетящими ощущеніями. Но дѣло въ томъ, что у писателей высшаго разряда, какъ въ самой природѣ, явленія просты, доступны достиженію всякаго, а зарождаемыя ими мысли разнообразны, обширны и толпятся въ душѣ во всѣхъ видахъ, какіе только созерцающая душа воспринимать способна» [1]. О соблюденіи внѣшнихъ литературныхъ приличій и требованій Плетневъ также справедливо говоритъ, что «всѣ правила сами по себѣ, конечно, должны быть хороши, потому что рождаются отъ долговременныхъ наблюденій. Но примѣненіе этихъ правилъ есть опытъ, зависящій отъ силъ каждаго. Кто тѣ условія сознаетъ самъ собой, тотъ и дѣйствуетъ успѣшно; а кто ловитъ ихъ и безсознательно примѣняетъ, тотъ производитъ одну механическую работу, ничего не творя художнически» [2].

Изъ характеровъ, изображенныхъ Гоголемъ въ «Мертвыхъ Душахъ», Плетневъ едва-ли справедливо признаетъ нѣсколько присочиненными характеры Манилова и Плюшкина, и, можетъ быть, въ виду этихъ страницъ своей критики онъ подписалъ статью именемъ Шаржинскаго, что́, впрочемъ, отнюдь нельзя считать доказаннымъ.

Намъ остается указать только еще одинъ примѣръ преувеличенной осторожности и уклончивости Плетнева, именно когда онъ, уже въ концѣ статьи, замѣчаетъ, что «кромѣ Жуковскаго, онъ не помнитъ, кто у насъ рисовалъ словомъ, увлекаемый прелестью природы и постигая искусство словесной живописи. Между тѣмъ, языкъ — это мощное орудіе ума, чувства и воображенія, только и созидается вдохновеніемъ. Послѣ всего этого предоставляю судить вамъ, хорошъ ли языкъ Гоголя» [3]. Плетневъ предпочитаетъ здѣсь предоставить читателю сдѣлать выводъ изъ его словъ избѣгая, кажется, смѣло и рѣшительно выразить свою мысль.

Затѣмъ укажемъ и въ статьѣ Плетнева слѣды интимныхъ бесѣдъ съ Гоголемъ объ его произведеніи въ слѣдующихъ строкахъ: «на книгу Гоголя нельзя иначе смотрѣть, какъ только на вступленіе къ великой идеѣ о жизни человѣка, увлекаемаго страстями жалкими, по неотступно дѣйствующими въ мелкомъ кругу общества. То еще впереди, что́ въ

---

[1] Стр. 478.

[2] Соч. Плетнева, т. I, стр. 479

[3] Тамъ же, стр. 493.

поэмѣ называется дѣйствіемъ: передъ нами только поднята завѣса для объясненія первыхъ, странныхъ шаговъ героя [1]).

V.

Въ числѣ весьма дѣльныхъ и умныхъ статей по поводу перваго тома «Мертвыхъ Душъ» назовемъ также разборъ М. Сорокина въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», который, конечно, не можетъ претендовать на замѣтное мѣсто въ ряду другихъ критикъ, по своей краткости и крайней непритязательности (большая часть его представляетъ собою только изложеніе содержанія поэмы и краткія, хотя и вѣрныя и удачныя, характеристики главныхъ лицъ), но заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ выраженнымъ въ немъ вѣрнымъ взглядамъ на разбираемое произведеніе.

Изъ трехъ послѣдовательныхъ статей въ первой указывается на сильное впечатлѣніе, произведенное поэмой, и на повсемѣстные оживленные толки о ней, которые уже сами по себѣ являются несомнѣннымъ доказательствомъ ея крупнаго литературнаго значенія; затѣмъ въ числѣ достоинствъ произведенія приводятся: «зоркій взглядъ опытнаго, глубокомысленнаго наблюдателя, проникающаго въ природу, сердце и жизнь человѣка, рѣдкое умѣнье крупными широкими чертами живописать страсти, изъ ихъ игры созидать характеры и изъ развитія сихъ послѣднихъ выводить дѣйствіе, всегда согрѣтое пламенемъ истиннаго чувства; острая, колкая сатира, по наружности забавная и смѣющаяся, но въ сущности глубоко-грустная, внушенная негодованіемъ на пороки и слабости человѣческіе; языкъ иногда небрежный, но всегда живописный, оригинальный, сообразный характеру выражаемаго предмета—вотъ черты, которыми болѣе или менѣе ознаменованы всѣ беллетристическія произведенія Гоголя и которыя всѣ отпечатлѣлись въ новой его поэмѣ» [2]).

Критикъ впрочемъ находитъ у Гоголя кое-гдѣ сгущенныя краски и каррикатуру. Онъ весьма высоко ставитъ изображеніе Чичикова, признавая его «весьма типическимъ лицомъ, котораго еще не встрѣчали въ нашей литературѣ» [3]) и мимоходомъ смѣется надъ опрометчиво замѣченнымъ въ немъ мнимымъ сходствомъ съ Хлестаковымъ [4]). Изъ

---

[1]) Стр. 478.
[2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1842, № 163, стр. 718.
[3]) Тамъ же, № 164, стр. 722.
[4]) См. выше.

характеровъ другихъ лицъ критику чрезвычайно нравится по выдержанности и оригинальности характеръ Ноздрева, также Манилова, котораго онъ называетъ «человѣкомъ съ сердцемъ теленка и съ философіей временъ «Бѣдной Лизы», и останавливается нѣсколько подробнѣе на Плюшкинѣ, въ которомъ «находчивая фантазія автора находитъ (sic) еще черты новыя и оригинальныя».

Общее заключеніе таково: «никогда еще прекрасный талантъ Гоголя не производилъ творенія столь обширнаго въ своемъ объемѣ, столь поразительнаго по разнообразію и выдержанности, по оригинальности и новости характеровъ, по яркости и вѣрности красокъ». Новое созданіе Гоголя стоитъ такъ высоко, что прежнія его произведенія являются передъ ними уже какъ бы миніатюрой, а что̀ касается злобной полемики противъ поэмы, то критикъ напоминаетъ, что той же участи подвергались также многія лучшія творенія Пушкина, Грибоѣдова и Лермонтова.

Въ своей послѣдней статьѣ Сорокинъ опровергаетъ мысль о сходствѣ Гоголя съ Поль-де-Кокомъ и говоритъ, что сходство это чисто внѣшнее, состоящее въ томъ, что оба писателя нерѣдко срываютъ съ устъ читателя улыбку. Критикъ объясняетъ, что напротивъ разница между этими писателями весьма существенная, ибо «у Гоголя взглядъ на жизнь и общество столь же вѣренъ, сколько и г л у б о к ъ; онъ не простой забавникъ, а юмористъ, грустный и возвышенный, съ улыбкой на устахъ, но со слезой въ очахъ и со вздохомъ на сердцѣ» [1]). Также рецензентъ отражаетъ и другіе ходячіе упреки, направленные противъ «Мертвыхъ Душъ», напримѣръ: «картины, рисуемыя Гоголемъ, иногда бываютъ грязны. Это правда, но какова же и та природа, элементы которой служатъ содержаніемъ его твореній?» Не лишено основанія, по нашему мнѣнію, и слѣдующее замѣчаніе: обвиненіе, будто Гоголь не знаетъ языка и пишетъ варварскимъ слогомъ, имѣетъ нѣкоторую тѣнь истины, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы было къ чему привязаться...» [2]).

VI.

Всѣ разобранные нами отзывы о «Мертвыхъ Душахъ» относятся къ 1842 г., или къ самому началу 1843 г., но потомъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1843 г. появился въ «Отечественныхъ Запискахъ» еще одинъ,

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1842, № 165, стр. 727.
[2]) Тамъ же, стр. 728.

озаглавленный «Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Гоголя» и принадлежавшій перу Н. Д. Мизко. Статья была получена редакціей изъ Екатеринославля, что̀ и отмѣчено въ концѣ ея. Для насъ она представляетъ большой интересъ, между прочимъ, потому, что ее высоко цѣнилъ самъ Гоголь, писавшій Языкову, что «лучшіе критики большею частью изъ провинціи. Одинъ изъ Екатеринослава замѣчательнѣе другихъ» [1]). Сочувственно отнеслась къ ней и редакція «Отечественныхъ Записокъ», не только охотно помѣстившая ее, но и рекомендовавшая ее вниманію читателей. Любопытно, впрочемъ, что впослѣдствіи, познакомившись лично съ авторомъ статьи, Гоголь на вопросъ Мизко, что, вѣроятно, статья его не попалась ему въ руки, такъ какъ въ предисловіи ко второму изданію онъ жаловался на молчаніе провинціаловъ о «Мертвыхъ Душахъ», уклончиво отвѣтилъ: «Кажется, я читалъ статью вашу, написавши уже предисловіе» [2]). Между тѣмъ забыть такую статью, которою онъ былъ такъ доволенъ по ея содержанію и которую не могъ не цѣнить за обстоятельно переданные въ ней на первыхъ же страницахъ отголоски мнѣній провинціи [3]), такъ сильно его интересовавшихъ и всегда усердно просимыхъ, едва-ли было ему возможно, особенно если имѣть въ виду извѣстную наклонность Гоголя интересоваться даже самыми пустыми рецензіями,—наклонность, приводившую положительно въ изумленіе Плетнева и многихъ другихъ [4]). Не долженъ былъ бы забыть эту критику Гоголь и потому, что нѣкогда онъ въ увлеченіи признавалъ ее лучшей, тогда какъ она, безъ сомнѣнія, не можетъ быть даже и сравниваема напр. съ критикой Плетнева.

Но она была въ высшей степени умѣстна и драгоцѣнна въ свое время тѣмъ, что собрала и сгруппировала множество авторитетныхъ голосовъ противъ нелѣпыхъ упрековъ, съ разныхъ сторонъ расточаемыхъ Гоголю. По нашему мнѣнію, въ этомъ ея главное значеніе, хотя въ то же время безпрерывныя цитаты на разныхъ языкахъ, черезчуръ обильныя и далеко не всегда необходимыя, производятъ впечатлѣніе не особенно благопріятное, уже по самой пестротѣ точно на-показъ выставленныхъ доказательствъ учености. Довольно рѣзко бросаются въ глаза также рѣзкіе переходы отъ наивныхъ мнѣній провинціаловъ къ громкимъ именамъ капитальнѣйшихъ авторитетовъ всемірной литера-

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 476.

[2]) „Записки о жизни Гоголя", т. II, стр. 247.

[3]) Толки о „Мертвыхъ Душахъ"; см. также въ письмѣ Ю. Ѳ. Самарина къ К. С. Аксакову („Русск. Стар.", 1890, II, 423), но это—толки столичныхъ писателей. Письмо это было извѣстно Гоголю.

[4]) См. „Русскій Архивъ", 1870, стр. 1291—1294. Соч. Плетнева, т. III, стр. 582—584 и „Записки о жизни Гоголя", II, стр. 105.

туры. Но все это касается формы и нисколько не лишаетъ статью ея серьезнаго внутренняго значенія: есть много прекрасныхъ старыхъ мыслей и трактатовъ, которые должны бы быть извѣстны всѣмъ, но о которыхъ иногда не худо напомнить даже людямъ не чуждымъ науки и литературы, и если Мизко высказывалъ мало самостоятельныхъ мыслей, но искусно и съ знаніемъ дѣла подбиралъ авторитетныя мнѣнія, которыми старался опровергать нелѣпости, циркулировавшія не только въ провинціальномъ обществѣ, но и въ столичной печати, то вѣдь въ результатѣ это нисколько не мѣшало его статьѣ дѣйствительно быть одной изъ болѣе полезныхъ и дѣльныхъ въ длинномъ ряду критикъ на «Мертвыя Души», появившихся вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ поэмы.

Притомъ, кромѣ прекраснаго знакомства съ величайшими произведеніями всеобщей литературы, безъ котораго не мыслимъ такой въ общемъ успѣшный подборъ мнѣній приводимыхъ критикомъ авторитетовъ, мы находимъ у него весьма удачныя напоминанія нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ, но, несмотря на то, часто упускаемыхъ изъ виду фактовъ русской литературы. Такъ, одно изъ наиболѣе распространенныхъ обвиненій автора «Мертвыхъ Душъ»—въ выборѣ крайне непривлекательнаго героя поэмы — Мизко отражаетъ сравненіемъ съ извѣстными толками о «Цыганахъ» Пушкина («одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Р. негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики»). Въ опроверженіе предполагаемой невѣроятности сюжета «Мертвыхъ Душъ» Мизко приводитъ весьма курьезный анекдотъ о томъ, какъ въ одномъ маленькомъ городишкѣ въ холерное время былъ распущенъ серьезно перепугавшій многихъ слухъ о томъ, что будто бы былъ полученъ списокъ лицъ, которымъ предстоитъ сдѣлаться жертвами холеры, и этотъ эпизодъ пересказывали люди, за полчаса толковавшіе о неправдоподобіи кутерьмы, произведенной въ губернскомъ городѣ №№ дамой просто пріятной и пріятной во всѣхъ отношеніяхъ.

Подробнѣе останавливаться на этой статьѣ мы не будемъ въ виду преимущественно отрицательнаго характера самой критики, хорошо опровергающей невѣрныя мнѣнія, но не высказывающей никакихъ положительныхъ взглядовъ кромѣ общаго признанія высокаго художественнаго и общественнаго значенія «Мертвыхъ Душъ» и указанія на глубокую жизненность всѣхъ выведенныхъ въ поэмѣ типовъ.

VII.

Въ своей статьѣ Мизко отмѣчаетъ между прочимъ сильное впечатлѣніе, произведенное поэмой на общество; то же свидѣтельствуетъ наконецъ въ числѣ многихъ другихъ статей и рецензій «Сто рисунковъ изъ сочиненія Николая Васильевича Гоголя «Мертвыя Души», изданіе Бернардскаго, напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ». Эта статья, появившаяся уже нѣсколько лѣтъ послѣ выхода перваго тома, указываетъ на факты очевиднаго вліянія «Мертвыхъ Душъ» на общество, причемъ выясняется, что въ окружающей жизни становилось весьма замѣтнымъ исчезновеніе многихъ мелкихъ привычекъ и обыкновеній, осмѣянныхъ въ «Мертвыхъ Душахъ». Такъ, конечно, и должно было случиться: крупные злоупотребленія и недостатки, а тѣмъ болѣе такія глубокія общественныя язвы, какъ взяточничество и плутовство, успѣли настолько укорениться, что, нанося имъ смѣлые удары, сатира тѣмъ не менѣе могла достигать лишь весьма медленныхъ успѣховъ въ этой борьбѣ, такъ что даже теперь, послѣ сатиры не только Грибоѣдова и Гоголя, но и болѣе близкой къ нашему времени — Щедринской, эта гидра взяточничества часто не стыдится почти совершенно явно поднимать свою голову. Въ этой сферѣ дѣйствіе сатиры глубже и серьезнѣе, но не столь быстро и осязательно; зато въ области мелочей оно бываетъ иногда поразительно. «Судорожно оборвалъ на себѣ воротнички, манжетки и нарукавники страстный, безпокойный юноша и громко захохоталъ, оглядѣвъ свой красноватый, на диво сшитый фракъ и нѣжнаго цвѣта жилетъ, которыми еще за полчаса все знакомое ему человѣчество было совершенно довольно». Оказалось смѣшнымъ и жалкимъ очень многое такое, что̀ до сихъ поръ почиталось явленіемъ совершенно простымъ и правильнымъ. Куда дѣвалась такъ называемая Гоголемъ «благонамѣренная» наружность, что̀ сталось съ дамой пріятной во всѣхъ отношеніяхъ [1]). Не говоря объ огромномъ литературномъ вліяніи «Мертвыхъ Душъ», въ каждомъ читателѣ запечатлѣлось множество новыхъ образовъ и «оказалась значительная перемѣна не только въ литературныхъ понятіяхъ, но и въ разговорномъ языкѣ, и въ самомъ быту живой половины публики» [2]). Появились новыя слова, какъ напр. маниловка, выражающія совершенно новыя понятія, явились litera-

---

[1]) „Отеч. Записки“, 1857, отд. VI, 72 - 73.

[2]) Тамъ же, стр. 73.

турныя подражанія «Мертвымъ Душамъ», попытки передѣлать «Мертвыя Души» для сцены [1]) и наконецъ рисунки гоголевскихъ типовъ.

Переходя къ оцѣнкѣ послѣднихъ въ изданіи Бернардскаго, критикъ останавливается на разъясненіи той мысли, что каждое искусство имѣетъ строго опредѣленные предѣлы, вслѣдствіе чего иныя задачи свойственны и доступны исключительно поэзіи, другія—живописи, и только немногія обоимъ этимъ искусствамъ. Въ примѣръ послѣднихъ приводится описаніе сада Плюшкина; въ примѣръ же сюжетовъ, доступныхъ только или преимущественно поэзіи,—«Три пальмы» Лермонтова. Затѣмъ указываются недоступныя живописи поэтическія темы въ «Мертвыхъ Душахъ», наприм. въ описаніи дороги (въ концѣ поэмы), однообразно-ровнаго ландшафта Россіи и проч. Съ другой стороны большую трудность для художника представляетъ, по мнѣнію рецензента, изображеніе множества деталей и аксессуаровъ картинъ, указанныхъ самимъ авторомъ и которыя необходимо имѣть въ виду при передачѣ въ рисункѣ или на полотнѣ. Въ исполненіи рисунковъ художникомъ Агинымъ оказывается много недостатковъ: политипажи нерѣдко изображаютъ сцены, мало относящіяся къ главному сюжету, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно живописны: въѣздъ Чичикова въ губернскій городъ, разговоръ мужиковъ о колесѣ. Петрушка и Селифанъ, вносящіе въ комнату чемоданъ, чиновники, играющіе въ вистъ у губернатора; но пропущены художникомъ многія другія, еще болѣе благодарныя для воспроизведенія въ живописи, сцены (садъ Плюшкина, фигуры двухъ бабъ, встрѣтившихся Чичикову въ усадьбѣ Манилова и влачащихъ изорванный бредень, фигуры въ черныхъ фракахъ на балу у губернатора). Изъ портретовъ дѣйствующихъ лицъ болѣе удачны Ноздревъ и Собакевичъ; не дурны также Коробочка и Маниловъ, но лицо Чичикова вездѣ изображено слишкомъ отвратительнымъ, чего нельзя допустить въ виду извѣстнаго изъ поэмы внѣшняго благообразія его физіономіи. Селифанъ въ изображеніи Агина похожъ больше на ямщика средней руки, чѣмъ на крѣпостнаго человѣка и барскаго кучера; также не удаченъ и Петрушка. Но зато изъ второстепенныхъ фигуръ заслуживаютъ упоминанія два мужика, толкующіе о колесѣ (въ самомъ началѣ поэмы), чиновники за вистомъ, жена и прикащикъ Манилова, Мижуевъ, зять Ноздрева, и многія другія.

Другой, уже вполнѣ одобрительный отзывъ о политипажахъ Агина появился въ «Русскомъ Инвалидѣ» (1846, № 210); въ немъ прежде

---

[1]) Сцены изъ поэмы „Мертвыя Души", Н. Куликова, отзывъ; см. „Отеч. Зап.", 1852, т. LXXX, отд. 8, стр. 162; впослѣдствіи также „Мертвыя Души", сцены въ 5 картинахъ, изд. Театр. Библіотеки С. Ф. Разсохина, М. 1877, 4° 135 стр. О нихъ „Пчела", 1877, № 43. „Сѣв. Вѣстникъ" и „Театральная Газета", 1877, № 124.

всего одобряется самая мысль издателей, избравшихъ для своего художественнаго труда такое прекрасное, замѣчательное и заинтересовавшее всѣхъ произведеніе, а также и исполненіе слишкомъ пятидесяти рисунковъ, въ числѣ которыхъ есть и такіе, «лучше которыхъ нельзя и требовать, и наконецъ обращено вниманіе на то, что вся работа исполнена русскими силами («рисованіе и гравированіе производится русскими художниками; бумага на изданіе взята съ Невской фабрики Варгунина, рисунки печатаются въ лучшей типографіи Эдуарда Праца, но печатаетъ ихъ, подъ его надзоромъ, ярославскій мужичекъ»).

VIII.

Въ заключеніе нашего обзора литературы, вызванной первымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ», приведемъ любопытный отзывъ о немъ Н. Я. Данилевскаго [1]): «Чтобы найти произведеніе, которое могло бы стать наряду съ «Мертвыми Душами», должно подняться до «Донъ-Кихота». Внѣшнею цѣлью Гоголя было представить въ комическомъ видѣ злоупотребленія и плутовство чиновничества губернскаго міра и грубость помѣщичьяго быта, также точно, какъ внѣшнею цѣлью Сервантеса—осмѣять странствующее рыцарство. Но у обоихъ художниковъ глубина ихъ поэтической концепціи захватила несравненно дальше ихъ прямой, непосредственной цѣли, по всѣмъ вѣроятіямъ совершенно безсознательно для нихъ самихъ. Донъ-Кихотъ вышелъ живымъ олицетвореніемъ до героизма возвышающихся благороднѣйшихъ душевныхъ качествъ, которымъ недостаетъ поприща для плодотворной, нормальной дѣятельности, по причинѣ бѣдности содержанія испанской жизни. Еще вѣкъ тому назадъ испанскій героизмъ могъ проявляться въ блистательной дѣятельности конквистадоровъ; во времена же Сервантеса испанскому герою не было практическаго выхода, ему оставалась только область фантазіи. И нашъ Чичиковъ есть своего рода герой, но—сообразно привитому намъ характеромъ вѣка воззрѣнію — герой практической жизни, умный, твердый, изворотливый, не унывающій Улиссъ своего рода, только съ другой стороны, лишенный всякой идеальности стремленій, — ибо откуда имъ взяться въ жизни, отрѣшенной отъ своихъ началъ и однакоже не усвоившей чужихъ —такъ что послѣднее невозможность,—съ другой же, не могущій направить своей дѣятельности на что-либо, дѣйствительно практически полезное, также по бѣдности содержанія

---

[1]) „Россія и Европа“, 1871 г. стр. 533, изд. 1888 г. стр. 548.

русской жизни, по ея узкости, стѣсненности, недостатку простора. Людямъ съ практическимъ складомъ ума приходилось обращаться къ цѣлямъ, чисто личнымъ, грубо-эгоистическимъ, къ хитросплетеніямъ плутовства, и притомъ плутовства, имѣющаго связь и соотношеніе съ учрежденіями государственными, которыя проникали собою всю русскую жизнь. Если характеръ героя русской трагикомической поэмы не привлекаетъ человѣческія чувства,—нашъ герой испанскій, то зато мы лучше понимаемъ критику извращенія его природы общественной средою, тогда какъ сумасбродства Донъ-Кихота представляются лишь случайнымъ результатомъ его болѣзненной фантазіи, разгоряченной чтеніемъ нелѣпыхъ романовъ. Сообразно этому, вся обстановка «Мертвыхъ Душъ» несравненно выше обстановки «Донъ-Кихота», въ которомъ всего только есть, что два характера — ламанческаго героя и его наперсника Санхо».

«Мертвыя Души» были переведены на англійскій языкъ подъ заглавіемъ: «Русская жизнь», сочиненіе русскаго дворянина (Home «Life in Russia». By a Russian Noble). Но это была самая шарлатанская мистификація, въ которой переводъ произведенія Гоголя выдавался за оригинальное произведеніе о русской жизни, написанное будто бы природнымъ русскимъ, отдавшимъ свою рукопись какому-то англичанину на просмотръ неизбѣжныхъ въ рѣчи иностранца на чуждомъ языкѣ грамматическихъ и стилистическихъ ошибокъ, причемъ настоящій авторъ книги пожелалъ будто бы, чтобы имя его осталось неизвѣстнымъ (см. «Отечественныя Записки», 1855 г., т. 98, отд. 7, стр. 30—31 и «Современникъ», 1855 г., т. I, Смѣсь, «Иностранныя Извѣстія», стр. 95—96).

В. Шенрокъ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ

въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ.

IV [1]).

Заслуги барона Корфа въ дѣлѣ народнаго образованія.

4.—Переписка съ барономъ Корфомъ земскихъ дѣятелей.

Указавъ на исключительное благоразуміе, съ которымъ Кавказскій учебный округъ воспользовался дѣятельностью барона Корфа на пользу народнаго образованія, необходимо еще замѣтить, что эта дѣятельность оказывала благотворнѣйшее культурное вліяніе и на всемъ протяженіи Россіи. Эта сторона дѣла весьма ярко отражена въ обширной корреспонденціи, оффиціальной и частной, земскихъ учрежденій и лицъ. Корреспонденція эта во-очію доказываетъ, что баронъ Корфъ служилъ прибѣжищемъ и маякомъ для земскихъ учрежденій по всѣмъ вопросамъ, касающимся организаціи народнаго образованія. Не имѣя возможности исчерпать всей этой, замѣчательно-поучительной въ общественномъ отношеніи, корреспонденціи, остановимся лишь на той части ея, которая представляетъ наиболѣе общій интересъ. Будемъ придерживаться, по возможности, хронологическаго порядка въ письмахъ отъ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, должностныхъ ихъ лицъ и просто земскихъ людей (т. е. гласныхъ или только избирателей).

Милостивый Государь,

Баронъ Николай Александровичъ!

Статья Ваша въ 5-ой книгѣ „Вѣстника Европы"—„Вопросъ о народномъ образованіи въ московскомъ земскомъ собраніи 1868 года"—познакомила меня съ звуковой методой обученія грамотѣ, примѣненной въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи. Для обученія по этой звуковой методѣ, Вами составлено руководство. Успѣхъ приложенія къ дѣлу звуковой методы, вмѣстѣ съ искреннимъ сочувствіемъ Вашимъ къ дѣлу народнаго образованія - не позволяютъ мнѣ, какъ земскому дѣятелю, не обратиться, какъ мнѣ

[1]) См. „Русск. Старину" сентябрь 1894 г.

*

лично, такъ и отъ лица всѣхъ тѣхъ, которые искренно желаютъ успѣха народному образованію, съ покорнѣйшей просьбой: выслать одинъ экземпляръ составленнаго Вами руководства для примѣненія звуковой методы въ школахъ нашего уѣзда, а также сообщить мнѣ, гдѣ можно пріобрѣсти достаточное число экземпляровъ руководства, ибо, если дѣло привьется въ одной школѣ съ успѣхомъ, то Богучарскій училищный совѣтъ, конечно, не преминетъ снабдить всѣ сорокъ школъ Вашимъ руководствомъ...

1868 года, 17 іюня. И. Лисаневичъ.

Адресъ: Въ г. Богучаръ, Воронежской губ., предсѣдателю уѣздной земской управы Ивану Алексѣевичу Лисаневичу.

Милостивый Государь,

Баронъ Николай Александровичъ!

Ознакомившись изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ съ замѣчательною дѣятельностію Вашею по части сельскихъ школъ, я искалъ въ Петербургѣ, едва-ли не во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, Вашихъ отчетовъ, о которыхъ К. Д. Ушинскій сообщилъ мнѣ, что они напечатаны отдѣльными книгами. Къ сожалѣнію, всѣ мои поиски не привели ни къ чему, и я не нашелъ въ продажѣ отчетовъ Вашихъ. Это и побуждаетъ меня обратиться къ Вамъ непосредственно, съ покорнѣйшею просьбою—не отказать мнѣ въ высылкѣ одного экземпляра трудовъ Вашихъ по народнымъ школамъ, по адресу: въ Самару, Петру Александровичу Рихтеру. Избранный земствомъ въ члены губернскаго училищнаго совѣта, я совершенно увѣренъ, что указанія Вашей опытности, проникнутыя глубокою любовью къ дѣлу народнаго образованія, будутъ служить драгоцѣннымъ руководствомъ въ дѣлѣ, возложенномъ на меня.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ искреннемъ сочувствіи къ Вашимъ трудамъ и въ глубокомъ моемъ уваженіи.

30 марта 1869 г. П. Рихтеръ.
Самара.

Милостивый Государь,

Баронъ Николай Александровичъ!

Недавно я обращался въ Александровскій училищный совѣтъ съ просьбою выслать намъ подробную инструкцію, составленную для народныхъ школъ Александровскаго уѣзда, такъ какъ въ Борзенскомъ уѣздѣ мы начали вводить звуковую методу, по Вашему руководству. Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта отъ Александровскаго совѣта, я беру смѣлость обратиться прямо къ Вамъ, Баронъ, съ всепокорнѣйшею просьбою не отказать выслать намъ „учительскую инструкцію“, польза которой испытана уже Вами на дѣлѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, позвольте просить экземпляръ Вашихъ интересныхъ печатныхъ отчетовъ, которые могутъ намъ указать пути къ преодолѣнію тѣхъ затрудненій со стороны духовенства и малограмотнаго люда, кои мы встрѣтили при введеніи Вашей системы къ обученію грамотѣ.

Пользуюсь случаемъ выразить при этомъ автору „Руководства къ обученію грамотѣ“ самую теплую признательность отъ Борзенскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, который въ настоящемъ обновленномъ своемъ составѣ призналъ это руководство за лучшее.

Съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшею преданностію, имѣю честь быть Вашъ, Милостивый Государь, покорнѣйшій слуга.

19 марта 1869 г. Михаилъ Имшенецкій.
Борзна.

Милостивый Государь,
Баронъ Николай Александровичъ!

Позвольте, Баронъ, принести Вамъ нашу теплую признательность за искреннее участіе въ дѣлѣ народнаго образованія въ Борзенскомъ уѣздѣ. Въ то самое время, когда я былъ озабоченъ устройствомъ лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ для нашихъ сельскихъ учителей, которые не вполнѣ ознакомились съ Вашимъ руководствомъ, прибыли въ Борзну, по Вашей рекомендаціи, гг. Кулябко и Ефимовъ. Училищный совѣтъ немедленно вошелъ съ ними въ соглашеніе. На прошлой недѣлѣ Ваши славные учителя объѣхали наши школы, въ которыхъ продолжаются еще занятія, и на мѣстѣ присмотрѣлись къ недостаткамъ, какіе существуютъ въ нихъ, сравнительно со школами Александровскаго уѣзда, III училищнаго участка, въ обученіи дѣтей чтенію и письму по звуковой методѣ.

25 мая 1869 г. Вашъ покорнѣйшій слуга
Борзна. Михаилъ Имшенецкій.

Милостивый Государь,
Баронъ Николай Александровичъ!

Принося Вамъ искреннюю признательность отъ лица земства Борзенскаго уѣзда за Ваше теплое участіе въ дѣлѣ распространенія грамотности, я считаю своимъ долгомъ препроводить Вамъ экземпляръ нашего отчета по народному образованію, а также букварь, изданный Борзенскимъ земствомъ. Изъ предисловія видно его назначеніе. Весьма желательно получить Вашъ отзывъ о немъ. Считаю нужнымъ присовокупить при этомъ, что на-дняхъ состоялось постановленіе нашего уѣзднаго собранія объ открытіи 15 земскихъ школъ въ уѣздѣ, на содержаніе которыхъ земство ассигновало 6.585 рублей. Вслѣдствіе такого постановленія, наши школы будутъ избавлены отъ вмѣшательства сельскихъ обществъ, которыя теперь, нерѣдко, смотрѣли на своего учителя, какъ на наймита, требуя за свои гроши безсмысленнаго обученія дѣтей по псалтырю и т. под. Весьма обяжете меня, приславъ свой послѣдній отчетъ.

3 октября 1869 г. Имшенецкій.
Борзна.

Милостивый Государь,
Баронъ Николай Александровичъ!

Борзенское уѣздное земское собраніе избрало 28 попечителей земскихъ народныхъ школъ. Приступая къ составленію инструкціи для попечителей школъ, я бы желалъ имѣть инструкцію, дѣйствующую въ Александровскомъ уѣздѣ. Не откажите, Баронъ, помочь мнѣ и въ этомъ дѣлѣ.

Въ настоящее время въ Борзенскомъ уѣздѣ открыто 12 земскихъ школъ, правильно организованныхъ; большинство преподавателей — люди развитые

и преданные своему дѣлу. Всѣхъ учащихся болѣе 700; не исправно посѣщающихъ школу почти нѣтъ, вслѣдствіе существующаго правила объ исключеніи ученика, три раза не явившагося въ школу, безъ особо-уважительныхъ причинъ. Жажда къ просвѣщенію пробуждается въ народѣ, вслѣдствіе чего открыты вечернія занятія для взрослыхъ въ трехъ школахъ...

Михаилъ Имшенецкій.

Милостивый Государь.

Баронъ Николай Александровичъ!

Весьма благодаренъ за инструкцію для народ. училищъ Александр. уѣзда, вчера мною полученную... На дняхъ получено у насъ распоряженіе министра Толстого по поводу учительскихъ съѣздовъ. Этотъ новый тормазъ, изданный министерствомъ просвѣщенія, не можетъ не вызвать негодованія у людей, близко стоящихъ къ дѣлу образованія народа и непочиновнически относящихся къ нему. Въ ожиданіи Вашего отвѣта, прошу принять, Баронъ, глубокую нашу признательность за „Русскую Начальную Школу“ — настольную книгу нашихъ учителей.

Воротившись, на-дняхъ изъ вторичнаго объѣзда нашихъ земскихъ школъ (всѣхъ 16), я рѣшительно приписываю значительные успѣхи въ нихъ — Вашимъ практическимъ указаніямъ.

14 февраля 1871 г. Истинно Васъ уважающій

Борзна. Михаилъ Имшенецкій.

Борзенскій уѣздъ, для школъ котораго такъ много сдѣлалъ баронъ Н. А. Корфъ, это—только примѣръ, но не исключеніе. Каждый, обращавшійся къ этому, изумительно доступному и энергическому, человѣку, непремѣнно получалъ отъ него просимое указаніе и руководство. Какъ разнообразны тѣ вопросы, по которымъ обращались къ барону Корфу, можно видѣть изъ слѣдующихъ писемъ къ нему, приводимыхъ нами именно для характеристики указаннаго разнообразія.

Милостивый Государь

баронъ Николай Александровичъ!

Душевно преданный дѣлу народнаго образованія, я съ неподдѣльнымъ чувствомъ радости прочелъ о тѣхъ успѣхахъ, коимъ обязано это дѣло, по милости Вашего неоцѣненнаго труда, въ Александровскомъ уѣздѣ. Къ сожалѣнію, далеко не вездѣ идетъ это дѣло у насъ съ успѣхомъ. Въ нашемъ уѣздѣ, напримѣръ, оно страдаетъ, не отъ равнодушія общества къ нему, а отъ стремленія нашего училищнаго совѣта какъ можно болѣе открывать школъ, безъ всякой затѣмъ заботы о дальнѣйшемъ ихъ существованіи. О педагогической же сторонѣ дѣла и рѣчи нѣтъ.

При такомъ порядкѣ вещей, лучшее средство, мнѣ кажется, есть не проповѣдь, а дѣло; вотъ почему рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою, если это возможно, рекомендовать для нашего попечительства сельскаго учителя, дабы сразу имѣть возможность поставить школу нашу на такихъ началахъ, отъ привитія коихъ результаты говорили бы ч за себя. По истинѣ, было бы великимъ и благимъ дѣломъ для нашего

земства воспользоваться такимъ случаемъ; а для меня немалою честью считаться въ рядахъ сподвижниковъ Вашего прекраснаго дѣла...

Дай Богъ, чтобы это, столь желанное насажденіе, съ легкой и почтенной руки Вашей, принялось бы въ нашемъ уѣздѣ и дало бы хоть часть тѣхъ блестящихъ плодовъ, коими обязанъ Вашимъ трудамъ Александровскій уѣздъ.

Съ совершеннымъ къ Вамъ уваженіемъ
Вашъ покорнѣйшій слуга
П. Дьяковъ.

14 февраля 1871 г.
Село Мокрое, Тамбовск. губ., Елатомскаго уѣзда.

Господину Участковому Члену Александровскаго Училищнаго Совѣта,
Барону Н. А. Корфъ.

Ваша неусыпная дѣятельность въ дѣлѣ народнаго образованія сдѣлала извѣстнымъ имя Ваше по всей Россіи. Я увѣренъ, что не найдется человѣка, искренно преданнаго педагогическому дѣлу, который произносилъ бы его иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ и признательностью.

Въ знакъ этой-то признательности, позвольте, уважаемый Николай Александровичъ, препроводить къ Вамъ отчеты Саратовскаго уѣзднаго училищнаго совѣта за два послѣдніе учебные года, чтобъ Вы могли видѣть, что разсыпаемыя Вами благотворныя сѣмяна пускаютъ хотя еще слабые отростки не въ одномъ Александровскомъ округѣ, но и въ другихъ отдаленныхъ отъ Васъ уголкахъ нашей обширной, но одинаково нами горячо любимой родины.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ выразить Вамъ то искренно-великое почтеніе и сочувствіе, съ которымъ имѣетъ честь быть

Вашъ, Милостивый Государь,
покорный слуга Вакуровъ,
предсѣдатель саратовскаго уѣзднаго училищнаго совѣта.

8 мая 1872 г.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Пермская губернская управа издаетъ подъ моею редакціею „Сборникъ Пермскаго земства“, двѣ книжки котораго, вышедшія въ настоящемъ году Вамъ уже высланы. Во второй изъ нихъ напечатанъ докладъ губернской управы собранію объ учрежденіи учительской семинаріи въ Перми. Не считая себя вполнѣ компетентною въ данномъ вопросѣ, губернская управа желаетъ знать мнѣніе нашихъ извѣстныхъ педагоговъ о проектѣ устава предположенной въ Перми семинаріи, и потому я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, въ интересахъ дѣла, высказать Ваше мнѣніе, по поводу означеннаго проекта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отказать сообщить управѣ Вашъ „Отчетъ о ревизіи школъ“ и „Инструкцію сельскимъ учителямъ“.

Съ искреннимъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть Вашимъ
Милостивый Государь,
покорнѣйшимъ слугою Д. Смышляевъ,
предсѣдатель губ. земск. управы.

10 іюня 1872 г.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

По порученію уѣзднаго собранія, управа составила докладъ объ устройствѣ народныхъ школъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, при чемъ главнымъ руководствомъ, при составленіи доклада, управа имѣла выработанный проектъ по этому предмету Александровскимъ земствомъ; инструкціи же попечителямъ и наставникамъ управа, находя ихъ въ высшей степени практичными, приняла безъ всякаго измѣненія. Сообщая Вамъ, Милостивый Государь, объ этомъ, управа проситъ Васъ и на будущее время не оставить сообщеніемъ обо всемъ, что сдѣлано Александровскимъ земствомъ къ улучшенію народнаго образованія, такъ какъ дѣло это въ Изюмскомъ уѣздѣ новое, между тѣмъ народныя школы Александровскаго уѣзда занимаютъ первое мѣсто въ Россіи, чѣмъ онѣ обязаны Вашей просвѣщенной дѣятельности.

Съ полнымъ уваженіемъ къ Вамъ имѣю честь быть Вашимъ
покорнѣйшимъ слугою, Ѳедоръ Ковалевскій.

31 августа 1871 г.

Милостивый Государь,
баронъ Н. А.!

Ваши почтенные труды по дѣлу начальнаго народнаго образованія сдѣлали имя Ваше извѣстнымъ и уважаемымъ для всей образованной Россіи. Всякій, кто сколько-нибудь живо сочувствуетъ успѣху образованія народа, естественно, долженъ высоко цѣнить мнѣніе такого опытнаго и просвѣщеннаго дѣятеля, какъ Вы, о какомъ бы ни было предметѣ, входящемъ въ рядъ пособій для распространенія грамотности въ народѣ.

Вотъ почему, не имѣя чести быть Вамъ извѣстенъ, но по одному только искреннему и глубокому уваженію къ Вашей почтенной дѣятельности, я позволяю себѣ подвергнуть Вашему вниманію прилагаемую при этомъ книжку, написанную мною для деревенскихъ мальчиковъ и вообще для малограмотныхъ читателей.

Изданіемъ ея я дѣлаю опытъ относительно того, какъ крестьяне будутъ интересоваться подобнаго рода книжками. Болѣе подробно выраженныя мысли мои объ этомъ Вы можете прочесть въ журналѣ „Народная Школа" (май, 1871 г.).

Всякое Ваше замѣчаніе на эту книжку, какъ бы оно ни было строго, было бы для меня драгоцѣнно, еслибы Вы нашли заслуживающимъ удѣлить нѣсколько минутъ Вашего времени на сообщеніе мнѣ Вашего безпристрастнаго мнѣнія.

Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ почтеніи и искренной преданности, съ коимъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашъ покорный слуга
Семенъ Николаевъ Воробьевъ.

2 сентября 1871 г.
Село Благодать, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губ.

Милостивый Государь
баронъ Николай Александровичъ!

Зная Ваше искреннее служеніе общественной пользѣ, я рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой для народныхъ училищъ Ефремовскаго уѣзда.

Въ нашемъ уѣздѣ училищное дѣло только-что возникаетъ, нарождается; еще ничего не устроено, не направлено; все приходится начинать.

Теперь нашему училищному совѣту необходимо предстоитъ составить инструкцію для учителей, опредѣляющую ихъ обязанности и отношенія, какъ къ школѣ, такъ и къ училищному совѣту. Этимъ дѣломъ, за недосугомъ для другихъ членовъ совѣта, долженъ заняться я. Но я постоянно хвораю, а съ 24-го декабря и до сихъ поръ лежу совсѣмъ въ постели. При томъ инструкція для учителей, дѣйствующая въ вашихъ школахъ, должна быть несравненно полнѣе и совершеннѣе той, какую я могъ бы составить, зная еще такъ мало вообще училищное дѣло, какъ начинающій. Поэтому Вы оказали бы училищамъ нашего уѣзда большую пользу сообщеніемъ мнѣ существующей у Васъ инструкціи для сельскихъ учителей.

При этомъ пользуюсь случаемъ выразить Вамъ, подъ какимъ отраднымъ впечатлѣніемъ нахожусь я эти дни, вслѣдствіе чтенія Вашей несравненной статьи объ инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ („Сптб. Вѣд.“). Земскіе дѣятели по народному образованію могутъ, послѣ этой статьи, чувствовать себя какъ бы нѣсколько удовлетворенными,—чтобы не совсѣмъ бросить своего дѣла.

Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ моемъ почтеніи и искренной преданности, съ коимъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

Вашимъ покорнымъ слугою,

С. Воробьевъ.

23 генваря 1872 г.
Село Благодать.

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ!

Заботясь объ устройствѣ дѣла народнаго образованія въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, я счелъ возможнымъ обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь, съ просьбой, если возможно, выслать въ Нѣжинъ имѣющуюся у Васъ инструкцію для народныхъ школъ и не отказать присылкой мнѣ отчетовъ Вашихъ. Кромѣ просьбы о присылкѣ вышеписаннаго, обращаюсь къ Вамъ за совѣтомъ: не можетъ ли оказать пользы дѣлу народнаго образованія, если образовать въ уѣздѣ особаго земскаго инспектора школъ. На обязанность его возложить сколь возможно частое посѣщеніе школъ, слѣдить за педагогикой въ школахъ и руководить наставниковъ, имѣя цѣлью одно то, чтобы въ школахъ преподаваніе шло однообразно. Съ помощью же его можно бы устроить лѣтніе педагогическіе курсы для наставниковъ школъ...

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ глубокомъ уваженіи

Викторъ Баковичъ,

предсѣдатель нѣж. управы.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Жиздринское уѣздное земское собраніе, усмотрѣвъ изъ доклада управы о состояніи учрежденныхъ отъ земства сельскихъ школъ, что успѣхъ обученія въ нихъ главнымъ образомъ зависитъ отъ того, насколько учителя под-

готовлены къ дѣлу, и сознавая недостатокъ въ болѣе или менѣе подготовленныхъ учителяхъ въ своихъ школахъ, пришло къ убѣжденію о необходимости устроить въ лѣтнее—вакаціонное время съѣздъ учителей народныхъ школъ для того, чтобы ознакомить ихъ съ новѣйшими, упрощенными методами начальнаго обученія; вслѣдствіе чего поручило управѣ исходатайствовать разрѣшеніе на открытіе съѣзда учителей и для этой цѣли пригласить спеціально знакомаго съ новѣйшими методами начальнаго обученія педагога.

Управа, будучи мало компетентной въ дѣлѣ педагогіи и не желая приглашать педагога для съѣзда учителей чрезъ публикацію въ газетахъ, убѣждена, что Вы не откажете ей въ этомъ дѣлѣ своимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ. При этомъ я долгомъ считаю присовокупить, что съ самаго начала открытія по Жиздринскому уѣзду отъ земства народныхъ школъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, благодаря старанію и заботамъ нѣкоторыхъ попечительницъ школъ, былъ введенъ Вашъ методъ начальнаго обученія, и учителя настолько усвоили его себѣ, что собственно успѣхи въ этихъ школахъ побудили наше земское собраніе обратиться къ столь въ настоящее время полезной мѣрѣ въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ съѣзды учителей, съ цѣлью ознакомить ихъ съ однимъ изъ новѣйшихъ методовъ начальнаго обученія и затѣмъ сдѣлать его обязательнымъ въ своихъ школахъ.

Поэтому я обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшей просьбой принять на себя трудъ предложить кому-либо изъ извѣстныхъ Вамъ педагоговъ, основательно знакомому съ Вашимъ методомъ начальнаго обученія, занять должность наставника въ имѣющемъ устроиться съѣздѣ учителей начальныхъ школъ будущимъ лѣтомъ въ городѣ Жиздрѣ...

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашъ, Милостивый Государь, покорнѣйшій слуга.

Ал. Лазаревъ,
предсѣдатель жиздринской управы.

31 марта 1872 г.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Ветлужское земство между прочимъ ассигновало нѣкоторую сумму для земской библіотеки, преимущественно съ цѣлью удовлетворить потребности въ чтеніи со стороны наставниковъ и наставницъ сельскихъ школъ, разсылая, по ихъ требованію, книги изъ означенной библіотеки безплатно. Разсчитывая на Ваше сочувствіе всѣмъ мѣрамъ, предпринимаемымъ земствами, чтобы подвинуть дѣло народнаго образованія, я принимаю смѣлость обратиться къ Вашей опытности и покорнѣйше просить сообщить Ветлужской управѣ списокъ книгъ, которыя, по Вашему мнѣнію, наиболѣе удовлетворяютъ сказанной цѣли, для немедленной ихъ выписки.

Надѣясь, что просьба Ветлужскаго земства встрѣтитъ съ Вашей стороны благосклонный пріемъ, прошу Васъ принять увѣреніе въ глубокомъ и искреннемъ уваженіи, которое съ давнихъ поръ питаетъ къ Вамъ

Совершенно преданный Вамъ
Н. Колюпаковъ,
ветлужскій предводитель дворянства.

18 апрѣля 1872 г.

Милостивый Государь,
баронъ Николай Александровичъ!

Таврическое губернское земство предположило устроить въ своей губерніи образцовую народную школу. Но, прежде осуществленія такого предположенія, губернское земское собраніе, въ засѣданіи 19-го января 1878 года, поручило губернской управѣ просить педагогическія общества и компетентныхъ лицъ, разсмотрѣвъ проектъ устройства образцовой народной школы, высказать свое заключеніе.

Во исполненіе такого порученія губернскаго земскаго собранія, губернская управа, прилагая при семъ печатный экземпляръ проекта [1]) устройства образцовой народной школы въ Таврической губерніи, имѣетъ честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, какъ лицо компетентное въ дѣлѣ педагогіи, не отказать въ разсмотрѣніи выработаннаго земствомъ проекта образцовой школы и присылкѣ управѣ Вашего мнѣнія о цѣлесообразности проекта.

8 мая 1878 г.

Предсѣдатель В. Винбергъ.
Секретарь Курковскій.

Въ сношеніяхъ земскихъ людей и учрежденій съ барономъ Корфомъ весьма характерное мѣсто занимаютъ письма къ нему предсѣдателя новгородской губернской земской управы, Николая Николаевича Фирсова, который въ 1872 г. бросилъ земскую службу, уѣхалъ изъ Россіи и, поселившись преимущественно въ Италіи, отдался литературной дѣятельности, подъ псевдонимомъ Рускина. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ:

Новгородъ, 12 января 1871 года.

Милостивый Государь,
баронъ Николай Александровичъ!

Несмотря на то, что я не имѣю чести лично Васъ знать, я смѣло обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою, относящеюся до дѣла, тѣсно связаннаго съ народнымъ образованіемъ.

Льщу себя надеждою, что Вы на меня за это не посѣтуете и, насколько возможно, не оставите безъ вниманія моего письма.

Новгородское губернское земское собраніе, вслѣдствіе внесеннаго мною въ него предложенія за подписью 15 гласныхъ, въ прошломъ декабрѣ мѣсяцѣ постановило открыть въ нашей губерніи женскую учительскую школу. Но такъ какъ вопросъ этотъ не былъ и не могъ быть вполнѣ разработанъ въ собраніи, то мнѣ съ моими товарищами по управѣ предстоитъ выработать всѣ подробности проекта устройства школы къ веснѣ, а съ лѣта, или лучше съ осени, благословясь, пускать дѣло въ ходъ.

Много вопросовъ возникаетъ при первомъ приступѣ къ работѣ, и просьба, съ которою я имѣю честь обратиться къ Вамъ, заключается именно въ томъ, что бы Вы, Милостивый Государь, дозволили мнѣ выслушать Ваше мнѣніе по главнѣйшимъ изъ нихъ и, при случаѣ, обращаться за Вашимъ просвѣщеннымъ совѣтомъ.

---

[1]) За недостаткомъ мѣста, мы не приводимъ здѣсь самаго проекта образцовой школы. М. П.

Школу предполагается устроить вблизи Новгорода или въ самомъ городѣ, на 50 или 60 человѣкъ (на первое время), съ трехъ-годичнымъ курсомъ; курсъ примѣнить къ программамъ земской же новгородской учительской школы; заведеніе, предполагается, будетъ закрытое; приниматься въ него будутъ женщины и дѣвицы всѣхъ сословій. Баронъ Косинскій, начальникъ нашей мужской учительской школы, командируется за границу управой, для осмотра лучшихъ германскихъ „Schullehrer-Seminarien".

Я выше сказалъ, что есть много вопросовъ, которые хотѣлось бы всесторонне разсмотрѣть, и позволяю себѣ только главнѣйшіе изъ нихъ подвергнуть Вашему вниманію, а съ остальными позволю себѣ обратиться, если получу Ваше благосклонное на то разрѣшеніе.

Есть лица, утверждающія, что въ Россіи чрезмѣрно рано заботиться о подготовленіи женщинъ въ учителя сельскихъ школъ, ибо народъ мало довѣряетъ женщинѣ на этомъ постѣ. Думаю, что это происходитъ отъ того, что подготовка мужчины была по большей части выше женской, а не отъ чего другаго. Такъ ли это? Хотя это—вопросъ, не относящійся непосредственно до устройства школы, но знать Ваше мнѣніе, основанное на практикѣ, было бы важно. Необходимо ли, по Вашему мнѣнію, устройство учительской школы внѣ города при сельской обстановкѣ, или оно возможно и въ городѣ. Какъ въ виду обилія педагогическихъ средствъ, такъ и по экономическимъ разсчетамъ было бы удобно устроить школу въ самомъ городѣ; но противъ этого дѣлаютъ два возраженія: первое,—что школа будетъ поставлена внѣ условій сельской жизни, и второе,—что въ нее легче можетъ проникнуть развратъ и по малой мѣрѣ—излишнія увлеченія.

Затѣмъ весьма было бы пріятно узнать Ваше мнѣніе касательно самыхъ программъ. Возможно ли приготовить хорошую учительницу въ 3 года? Какого возраста преимущественно полезнѣе принимать?

Вотъ тѣ вопросы, отвѣтами на которые Вы, Милостивый Государь, крайне бы меня обязали. Если разрѣшите, я позволю себѣ безпокоить Васъ и дальнѣйшими сношеніями. Если Вы потрудитесь увѣдомить меня, когда Вамъ случится быть въ Петербургѣ, я постараюсь имѣть честь повидаться съ Вами. Не пожертвуете ли Вы двумя днями и не пожалуете ли въ Новгородъ взглянуть на нашу учительскую школу.

Вашъ взглядъ на нее навѣрно не остался бы безъ пользы для нея. Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и преданности Вашего покорнѣйшаго слуги

Ник. Фирсова.

---

17 февраля 1871 г.

Милостивый Государь,
баронъ Николай Александровичъ!

Глубоко благодарю Васъ за отвѣтъ на мое письмо, по поводу учрежденія у насъ женской учительской школы и обѣщаніе сообщить Ваше подробное по этому предмету мнѣніе.

Боюсь одного, чтобы мое письмо не пришло къ Вамъ слишкомъ поздно. Ваше письмо, помѣченное 24-мъ января, было получено въ Новгородѣ только 15-го февраля. Судя по почтовымъ штемпелямъ, отъ Благодатнаго до Новгорода—18 дней, и мое письмо дойдетъ до Васъ не раньше 7—9-го марта.

Тѣмъ не менѣе, я пользуюсь Вашимъ обязательнымъ разрѣшеніемъ сооб-

щить на Вашъ судъ нѣкоторые вопросы большаго для меня интереса, въ виду постановки новаго дѣла.

Внося наше предложеніе объ учрежденіи женской учительской школы въ губернское собраніе, мы имѣли въ виду: 1) женщина не менѣе мужчины способна преподавать въ начальныхъ школахъ и обучать какъ дѣвочекъ, такъ и мальчиковъ безразлично; 2) трудъ сельской учительницы вполнѣ гармонируетъ съ женской натурою, и нѣтъ надобности отвлекать мужскія силы въ эту сторону, въ ущербъ множеству другихъ общественныхъ дѣлъ, для женщины не доступныхъ; 3) женщина имѣетъ менѣе разнообразный кругъ практической дѣятельности вообще, и потому можно разсчитывать, что она, при одинаковой съ мужчиной подготовкѣ, долѣе не покинетъ должности учительницы.

Къ этому прибавлю личное мое мнѣніе. Мнѣ кажется, что женщина успѣшнѣе мужчины можетъ повліять на ребенка, а слѣдовально—и сообщить ему надлежащія познанія, разумѣется—если она предана своему дѣлу.

Программу школы предполагается (но не рѣшено) приравнять къ программѣ уже открытой нашимъ земствомъ мужской учительской школы. Програмы эти Вы найдете въ протоколахъ школы, сообщенныхъ Вамъ ранѣе новаго года. При поступленіи въ школу требуется только, чтобы юноша правильно читалъ, порядочно писалъ, понималъ прочитанное и умѣлъ его передавать.

Главнѣйшіе вопросы, насъ занимающіе, суть слѣдующіе: 1) достаточна ли программа преподаванія? 2) достаточно ли 3-хъ лѣтъ для приготовленія учительницы? 3) составляетъ ли учрежденіе школы внѣ города необходимое условіе для успѣха дѣла? 4) должно ли быть заведеніе открытое или закрытое? 5) должно ли стремиться къ тому, чтобы ученицъ выбирать по преимуществу изъ крестьянокъ? 6) какого возраста предпочтительнѣе должны быть ученицы—около 16 лѣтъ или болѣе зрѣлаго? 7) не должно ли требовать отъ ученицъ при поступленіи болѣе обширныхъ знаній, чѣмъ тѣ скромныя, на которыя указано выше? 8) возможно ли допустить, чтобы преподавателями въ школѣ были и женщины, и мужчины, безразлично?

Если Вы, Милостивый Государь, будете столь обязательны, что почтите меня сообщеніемъ Вашего мнѣнія, то безконечно меня обяжете.

Я же съ своей стороны почту своимъ долгомъ сообщить Вамъ о тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя будутъ приняты управою по учрежденію школы, и о дальнѣйшемъ развитіи этого дѣла, которое, я знаю, Васъ интересуетъ. На-дняхъ я буду имѣть удовольствіе выслать Вамъ журналъ послѣдняго губернскаго собранія и доклады управы по всѣмъ предметамъ земскаго хозяйства, въ томъ числѣ и по дѣлу народнаго образованія.

Примите увѣреніе въ глубокомъ почтеніи и совершенной преданности

Вашего покорнаго слуги

Н. Фирсова.

Считая невозможнымъ привести здѣсь всю обширную переписку г. Н. Н. Фирсова съ барономъ Корфомъ по спеціальному вопросу объ учрежденіи женской учительской школы въ Новгородѣ, необходимо, однако, замѣтить, что въ исходѣ 1871 года, когда баронъ Н. А. Корфъ посѣтилъ Петербургъ, онъ, по особому приглашенію новгородской гу-

бернской земской управы, посѣтилъ Новгородъ, обозрѣвалъ мѣстную мужскую земскую учительскую семинарію и присутствовалъ въ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи, при обсужденіи вопроса объ учрежденіи женской учительской семинаріи.

Въ связи съ приведенными письмами Н. Н. Фирсова находятся письма князя Александра Илларіоновича Васильчикова, автора книги «О самоуправленіи», извѣстнаго русскаго общественнаго дѣятеля и земскаго работника Новгородской губерніи. Приводимъ эти письма, представляющія большой общественный интересъ, такъ какъ въ нихъ затрогиваются разныя стороны внутренней нашей жизни. Первое письмо было написано кн. Ал. Ил. Васильчиковымъ барону Корфу въ 1870 году. Вотъ это письмо:

Ницца. 16—28 марта.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Вы очень удивитесь, получивъ это письмо изъ дальнихъ странъ и отъ незнакомаго корреспондента, но вотъ объясненіе этого страннаго случая. Вы написали на-дняхъ письмо къ моему однофамильцу, П. А. Васильчикову, въ коемъ, принимая его за автора книги „О самоуправленіи“, сообщаете ему Ваши замѣчанія по предмету начальнаго образованія. Петръ Алексѣевичъ сообщилъ мнѣ Ваше письмо, и я долгомъ считаю объяснить недоразумѣніе, которое между нами вышло и которое даетъ мнѣ очень радостный для меня случай вступить въ переписку съ Вами, Милостивый Государь, и оправдаться передъ Вами въ нѣсколько заслуженномъ обвиненіи.

Мое мнѣніе о начальныхъ школахъ выражено не ясно и не полно въ первой части моего сочиненія; во второмъ томѣ, который нынѣ печатается, я посвятилъ 4 главы обзору иностранныхъ и русскихъ народныхъ училищъ и пришелъ къ слѣдующему заключенію: что непосредственное, какъ хозяйственное, такъ и учебное, управленіе должно быть предоставлено земству, но что правительству—не губернскому начальству, а министерству народнаго просвѣщенія—должно принадлежать право ревизіи, инспекціи и общее руководство, не въ смыслѣ вмѣшательства и постояннаго надзора, а только въ формѣ, можно сказать, отрицательной, то-есть,—что высшее учебное начальство имѣетъ право отнять субсидіи, ассигнованныя отъ казны на школы, и въ извѣстныхъ случаяхъ закрыть училище, если оно оказывается неудовлетворительнымъ или вреднымъ.

Мысль эту я старался развить со всевозможною осторожностію, обусловливая подобныя правительственныя распоряженія строгими правилами и прежде всего тѣмъ, чтобы казна давала земству субсидіи на школы примѣрно въ 50% общей стоимости народныхъ училищъ. Все это, разумѣется, предположенія и пожеланія, не имѣющія нынѣ никакихъ шансовъ успѣха; но я предпринялъ мой трудъ въ виду не настоящихъ обстоятельствъ, а будущихъ и въ надеждѣ, что нынѣшняя безсмысленная реакція удержится не вѣчно. Коль скоро же мы допустимъ, что высшее управленіе (т. е. школьное) въ рукахъ людей земскихъ, а не приказныхъ, что оно организовано правильно, какъ въ Англіи, Америкѣ, Бельгіи, то мнѣ кажется, что правительственный надзоръ не только не вреденъ, но даже полезенъ и необходимъ, ибо

дѣло народнаго образованія требуетъ, во-первымъ, затратъ, которыя многимъ мѣстностямъ недоступны безъ помощи казны, и во-вторыхъ—свѣдѣній, которыя не всегда находятся между людьми, преданными хозяйственнымъ занятіямъ. Я пришелъ къ этому убѣжденію въ особенности потому, что въ странахъ самаго неограниченнаго самоуправленія, въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ новѣйшее время принята была эта система инспекцій школъ посредствомъ ревизоровъ отъ правительства, и что большинство школъ добровольно подчинялись этому новому порядку. Такъ и я разумѣю: инспекція есть право, соотвѣтствующее обязанности казны давать субсидіи училищамъ.

Виноватъ я въ томъ, что не объяснилъ вполнѣ мою мысль, и не только для васъ, но и для многихъ читателей вся эта часть моей книги осталась совершенно темною; защищая принципъ самоуправленія, я вдругъ какъ будто отрекся отъ одного изъ главныхъ его дѣйствій. Надѣюсь изгладить это впечатлѣніе во второмъ томѣ. Во всякомъ случаѣ, приму съ искреннею признательностію Ваши дальнѣйшія замѣчанія и буду надѣяться, что это первое и случайное наше сближеніе будетъ не послѣднее. Ваше имя давно извѣстно всѣмъ людямъ, посвятившимъ себя земскому служенію, и мы въ Новгородѣ воспользовались многими Вашими указаніями.

Примите увѣреніе въ искренней преданности

Вашего покорнаго слуги

князя А. Васильчикова.

P. S. Я здѣсь пробуду не долго, а настоящій мой адресъ: кн. Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ, Петербургъ, Литейная, 30.

Новгородъ, 15 декабря.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Спѣшу Васъ увѣдомить передъ Вашимъ выѣздомъ изъ Петербурга, что проектъ нашъ о женской семинаріи не состоялся: отложенъ до будущаго собранія и вѣроятно далѣе. Такъ какъ вы мнѣ говорили, что хотите объ этомъ писать, то я нужнымъ счелъ Васъ увѣдомить объ этой перемѣнѣ. При совѣщаніяхъ посыпались такія безобразныя предположенія, что, для спасенія дѣла, лучше было его отложить. Впрочемъ, я опишу (въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ") комическую сцену этого засѣданія, гдѣ высказы были такіе педагогическіе курьезы, что волосы становятся дыбомъ. Впрочемъ, что отложено, то еще не проиграно, а все-таки я правъ, что земскіе люди въ дѣлѣ народнаго образованія очень - очень еще слабы.

Весь Вашъ

Князь А. Васильчиковъ.

На мою статью хорошо бы было, еслибъ Вы отвѣтили; я не подпишу ее и адресую изъ Новгорода, въ видѣ корреспонденціи.

Петербургъ, Литейная, 30. 4 янв. 72 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Вы можетъ быть слышали, что проектъ нашей учительской женской школы въ Новгородѣ провалился, т. е. не совсѣмъ, но отложенъ до новаго

разсмотрѣнія. Я отчасти и радъ, что послѣдовало благоразумное рѣшеніе объ отсрочкѣ, потому что многочисленные ревнители народнаго просвѣщенія принялись было дѣлать въ уставѣ такія и столько поправокъ, что изъ женской семинаріи вышла бы жидовская школа. Но я хочу воспользоваться этой отсрочкой, чтобы нѣсколько разъяснить этотъ вопросъ о женскихъ учительницахъ, очень туманный въ нашихъ провинціальныхъ умахъ,— и вотъ, что я придумалъ:

Напишу я Вамъ (и съ Вашего позволенія) письмо, которое напечатаю въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, или въ „Вѣстникѣ Европы“ (гдѣ угодно?), съ описаніемъ нашихъ преній и главныхъ основаній нашего проекта.

Буду просить Васъ отвѣчать мнѣ и, въ чемъ найдете нужнымъ, возражать. Если предметъ потребуетъ дальнѣйшихъ разъясненій, то мы бы могли и продолжать эту переписку или полемику, разумѣется, самую миролюбивую и, если позволите такъ выразиться—дружескую. Вотъ моя всепокорнѣйшая просьба, на которую ожидаю отвѣта, чтобы, по полученіи его, пустить мою статью.

Получили ли Вы первый нумеръ „Гражданина“? По нѣкоторымъ статьямъ, передовымъ и заднимъ, я вижу, что направленіе этого журнала—не мое и, кажется, не Ваше—и душевно радуюсь, что не вступилъ въ число патроновъ этого благонамѣреннаго изданія... Надо довольствоваться „Петербургскими Вѣдомостями“ и ихъ почтеннымъ редакторомъ.

Ожидаю Вашего отвѣта и остаюсь съ чувствомъ душевной преданности

Вашъ покорный слуга

Князь А. Васильчиковъ.

Петербургъ. Литейная 30. Январь 72 г.

Милостивый Государь

Николай Александровичъ!

Обѣ статьи Ваши прочелъ съ должнымъ вниманіемъ. Статья объ инспекціи народныхъ школъ уже принесла ту пользу, что обратила вниманіе на эту инструкцію, которая преподана незамѣтно среди общаго равнодушія къ этимъ жизненнымъ вопросамъ. Раздѣляя вполнѣ Ваше мнѣніе, я только надѣюсь, что эта централизаціонная попытка рушится сама собой отъ недостатка лицъ способныхъ къ этому дѣлу и отъ недостатка энергіи и послѣдовательности въ руководителяхъ. Наша земская самостоятельность держится и развивается только потому, что на мѣстахъ не находится никого, чтобы ей противодѣйствовать, и что одинъ человѣкъ въ уѣздѣ, если онъ дѣйствуетъ энергически и разумно, преодолѣваетъ всѣ препятствія, изъ коихъ главное—апатія.

Предложеніе Ваше объ обязательномъ обученіи принимаю вполнѣ; мысль эта—новая и совершенно соотвѣтствующая правильному развитію народнаго образованія.

Большихъ затратъ и общихъ проектовъ на первое время не нужно, и всякія мѣропріятія, имѣющія значеніе общихъ государственныхъ положеній, остались бы на первое время мертвою буквою—по недостатку дѣятелей въ большей части нашихъ уѣздовъ. Съ этой точки зрѣнія Ваше заявленіе очень важно, и я буду проводить эту мысль въ нашемъ земствѣ. Нѣкоторыя поправки однако могутъ быть допущены. Напримѣръ, я считаю, что заявленія одного уѣзднаго собранія недостаточно и что надо его подкрѣпить постано-

вленіемъ губернскимъ. У насъ, въ Новгородѣ, уѣздовъ, дѣйствующихъ по части народнаго образованія—3, бездѣйствующихъ—8; но и эти послѣдніе сейчасъ заявятъ о введеніи обязательнаго обученія, чтобы не отстать отъ прочихъ, а дѣло все-таки не пойдетъ. Поэтому, мнѣ кажется, что пунктъ 4 надо бы подкрѣпить болѣе серьезными условіями, т. е. большими требованіями отъ земства и меньшими отъ крестьянскихъ обществъ. Но это—подробность, о томъ надо еще подумать, а предложеніе Ваше я, съ Вашего дозволенія, присвоиваю себѣ и буду по немъ дѣйствовать.

Прилагаю при семъ на предварительный Вашъ просмотръ письмо, которое Вамъ адресую, и желалъ бы напечатать его вмѣстѣ съ Вашимъ отвѣтомъ. До 1 марта я буду въ Петербургѣ, а послѣ поѣду на нѣсколько мѣсяцевъ за границу.

Вашъ покорный слуга
Князь А. Васильчиковъ.

Въ исходѣ 1872 года въ новгородскомъ земствѣ произошли очень крупныя перемѣны. Между директоромъ земской учительской семинаріи, барономъ М. О. Косинскимъ, и предсѣдателемъ губернской земской управы, Н. Н. Фирсовымъ, произошелъ рѣзкій разладъ. Послѣдствіемъ его было самоуправное увольненіе управою барона Косинскаго; съ другой же стороны, это самоуправство стоило Н. Н. Фирсову должности предсѣдателя губернской земской управы и, наконецъ, окончательнаго выхода его изъ состава земства. Этого именно обстоятельства и касается слѣдующее письмо кн. А. Ил. Васильчикова.

Петербургъ, 29 декабря, Литейная, 30.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ.

Я сейчасъ прочелъ Вашу корреспонденцію объ учительской школѣ и могу только выразить Вамъ удивленіе, какъ Вы могли на такомъ разстояніи угадать и высказать такъ вѣрно, такъ мѣтко существо всего этого печальнаго эпизода. Слова мои, напечатанныя въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, переданы были не точно и не полно. Я защищалъ мнѣніе, совершенно согласно съ Вашимъ, что можетъ быть Кс. и слѣдовало уволить, но что образъ дѣйствій управы, при этомъ увольненіи, былъ возмутительный; я говорилъ, что тутъ дѣло идетъ не о Кс. и Фирсовѣ, а о достоинствѣ педагогики, что если мы будемъ обращаться съ начальниками школы, какъ наши предки съ домашними учителями, то будетъ то же, что было. Въ педагоги пойдутъ только отставные унтеръ-офицеры и заштатные семинаристы. Я вышелъ изъ земства нарочно, чтобы придать этому дѣлу серьезное значеніе, и въ этомъ отношеніи, какъ оказывается, поступилъ благоразумно, хотя многіе бранятъ меня за малодушіе.

Но на всѣхъ не угодишь, и я болѣе дорожу мнѣніемъ Вашимъ, чѣмъ пустословіемъ нашихъ земскихъ ораторовъ. Однако, не могу скрыть, что моя вѣра въ преуспѣяніе народнаго образованія въ Россіи въ послѣднее время сильно поколебалась; по крайней мѣрѣ компетентность земства въ этой части самоуправленія кажется мнѣ все болѣе сомнительною. И еслибъ настоящее настроеніе народнаго просвѣщенія не было... такое, какъ оно есть, то

я бы подалъ голосъ за подчиненіе учительскихъ школъ администраціи. Вредъ, причиняемый такими дрязгами и скандалами, какъ наше новгородское дѣло— неизмѣримый. Уже болѣе 6 мѣсяцевъ ученики не учатся, волнуются городскими сплетнями и подвергаются наѣздамъ разныхъ совѣтниковъ и надзирателей. Можете себѣ вообразить, что происходитъ въ умахъ крестьянскихъ мальчиковъ при такой обстановкѣ, и не грѣхъ ли приниматься за образованіе народа, когда сами образователи стоятъ еще такъ низко? Я принимаю это къ сердцу, потому что дѣло было начато хорошо, по крайней мѣрѣ съ душевнымъ участіемъ, и испорчено тѣми, которые съ самаго начала противились всѣмъ нашимъ начинаніямъ. Вѣтеръ подулъ на ихъ сторону — и они подняли свой флагъ.

Благодарю Васъ душевно, М. Г. Николай Александровичъ, за Ваши свѣдѣнія и указанія. Еще не рѣшено относительно срока моего выѣзда, но во всякомъ случаѣ, я поѣду въ Женеву, если соберусь ѣхать. Передъ выѣздомъ позвольте мнѣ еще разъ обратиться къ Вамъ, а покамѣстъ прошу принять увѣреніе въ моемъ уваженіи и искренней преданности.

Вашъ покорный слуга
Князь Васильчиковъ.

Три слѣдующихъ письма князя Ал. Ил. Васильчикова относятся ко времени пребыванія барона Корфа за границею. Въ поясненіе первыхъ двухъ писемъ, необходимо замѣтить, что барономъ Корфомъ была устроена въ Женевѣ собственная школа, но не для корыстныхъ, промышленныхъ цѣлей, а единственно — для воспитанія своихъ дочерей. Какъ видно однакожъ изъ приводимыхъ ниже писемъ кн. Васильчикова, баронъ Корфъ имѣлъ полную возможность устроить обширное учебное заведеніе для русскихъ дѣтей, вынужденныхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, проводить школьные годы за границею.

Гейдельбергъ. 30 августа, 73 г.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ,

Васъ удивитъ неожиданное содержаніе этого моего письма. Вотъ въ чемъ дѣло: многіе изъ моихъ знакомыхъ уже нѣсколько разъ спрашивали меня— правда ли, что въ Женевѣ, подъ Вашимъ руководствомъ, открывается училище для русскихъ дѣтей. Я отвѣчалъ, что не знаю и что, при свиданіи съ Вами, Вы мнѣ этого не говорили Но эти неоднократные запросы внушили мнѣ самому мысль: не рѣшитесь ли вы на такое дѣло, на которое, можно сказать, Васъ вызываетъ общій голосъ соотечественниковъ? Первое условіе, разумѣется, денежныя средства,—и на это вотъ мое предложеніе: на первоначальное обзаведеніе набрать капиталъ это было бы м о е д ѣ л о; содержаніе же воспитанниковъ покрывать училищной платой, которая можетъ быть довольно высокою, потому что дѣти будутъ изъ семействъ, болѣе или менѣе зажиточныхъ, проживающихъ за границей. Прочія мои предположенія обусловливаются прежде всего Вашимъ руководствомъ: намѣрены ли Вы прожить нѣсколько лѣтъ въ Швейцаріи? Сколько нужно, чтобы основать, пустить въ ходъ и направить это дѣло? Разумѣется, что Вы не можете приковать себя къ чужимъ краямъ и къ такому спеціальному занятію. Это было бы даже для общаго нашего

воспитательнаго дѣла слишкомъ чувствительною потерею. Но польза такого училища (лицея) была бы большая: a) доктора ежегодно высылаютъ изъ Россіи сотни мальчиковъ, которые не находятъ нигдѣ русскаго воспитанія и отвыкаютъ отъ всего народнаго. b) Много семействъ проживаютъ за границей и должны отлучаться отъ дѣтей скрѣпя сердце. c) Убійственная программа, введенная гр. Толстымъ и K°, заставляетъ многихъ по неволѣ бѣжать изъ нашихъ гимназій. d) Дѣти воспитывались бы въ средѣ совершенно вольной въ нравственномъ и физическомъ отношеніи.

Не развивая далѣе этой мысли, я только подвергаю ее Вашему обсужденію. Ѣду сегодня на морскія купанья (Angleterre. Ile de Wight. Shanklen). Черезъ 3—4 недѣли переѣду въ Женеву, гдѣ уже заказалъ себѣ квартиру, и проживу тамъ до декабря, а можетъ и болѣе; тогда на досугѣ потолкуемъ объ этомъ проектѣ, который меня серьезно заинтересовалъ.

Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи.

Вашъ покорный слуга
Князь А. Васильчиковъ.

Парижъ, 29 января.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

Безъ вины виноватъ передъ Вами, что не отвѣтилъ на Ваше письмо, которое я принялъ за отвѣтъ на мое. Дѣло въ томъ, что я все намѣреваюсь быть въ Женевѣ и лично съ Вами объясниться, но что, напротивъ, семейныя мои дѣла заставили меня жить въ Ницѣ и ѣхать въ Россію, откуда я теперь возвращаюсь. Предположенія мои нѣсколько различны отъ Вашихъ: я думалъ основать въ Женевѣ, подъ Вашимъ руководствомъ, постоянное училище для русскихъ дѣтей, но изъ письма Вашего увидѣлъ, что это Васъ стѣсняетъ и что вы согласны бы были только принять пансіонерокъ женскаго пола, между тѣмъ какъ я имѣлъ въ виду мальчиковъ.

Вотъ почему я и не продолжалъ переписки, надѣясь объясниться при свиданіи. Теперь же я вижу и съ искреннею радостію, что Вы возвратитесь на болѣе широкое поприще, чѣмъ Женева, и надѣюсь, что Васъ русская земля не выпуститъ болѣе обратно въ Швейцарію, и потому опасаясь, чтобы мое предложеніе не помѣшало Вамъ принять другія, — беру его назадъ, ибо признаю, что въ 2 уѣздахъ Вы сдѣлаете 100 разъ больше добра, чѣмъ въ Женевѣ.—А читали ли Вы рескриптъ гр. Толстому? Я хотѣлъ бы отвѣчать: 1) что все, что до сихъ поръ сдѣлано по народному образованію, сдѣлано дворянами, въ качествѣ земскихъ людей—Корфомъ, Дашковымъ, Васильчиковымъ (П. А.), Поповымъ (въ Череповцѣ), Качаловымъ и пр., которые всѣ—дворяне чистокровные; 2) что если направленіе ихъ дурное, то ужь никакого другаго въ дворянствѣ нельзя найти, потому что большая часть дворянъ съ такъ-называемыми благонамѣренными мнѣніями нисколько не интересуется и не занимается народною школою и учить никого не можетъ, потому что сама не доучилась. Я хотѣлъ бы Васъ просить напечатать объ этомъ нѣсколько словъ, или я напишу Вамъ письмо, которое Вы приложили бы къ Вашей статьѣ,—разумѣется, въ самыхъ мягкихъ тонахъ. Я еще можетъ быть увижу Васъ, если соберусь обратно въ Россію окола конца марта.

Весь Вашъ
Князь А. Васильчиковъ.

Адресъ мой: Nice, Hôtel de Nice.

*

6—18 августа.

Я ужь давно собираюсь Вамъ отвѣчать, многоуважаемый Николай Александровичъ, на письмо, которое Вы мнѣ прислали въ іюнѣ; но я откладывалъ, думая самъ ѣхать въ Карльсбадъ и тамъ Васъ встрѣтить. Важныя обстоятельства мнѣ помѣшали позаботиться о моемъ здоровьѣ, и теперь я долженъ отказаться отъ моей поѣздки и надежды Васъ видѣть. Я, -какъ Вы можетъ быть слышали, — поступилъ въ новую должность, которая до сихъ поръ была синекурою, а теперь сдѣлалась очень хлопотливымъ служеніемъ: меня нынѣшней весной выбрали въ предсѣдатели Славянскаго комитета; и я, больной и вовсе не свѣдущій въ этомъ дѣлѣ, разомъ попалъ въ самый разгаръ славянскихъ вопросовъ. Хотя я далеко не славянофилъ, но признаю вопросъ этотъ серьезнымъ и могущимъ насъ вовлечь въ весьма тяжелыя компликаціи. Въ Россіи, особенно въ Москвѣ, настроеніе умовъ лихорадочное: офицеры, юнкеры, студенты подаютъ въ отставку, чтобы ѣхать въ Сербію, — и общественное мнѣніе такъ возбуждено, что трудно будетъ его унять. Впрочемъ, я всегда былъ того мнѣнія, что лихорадочные припадки лучше для народнаго здравія, чѣмъ маразмъ, а мы ужь и впадали въ послѣднее время въ этотъ недугъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, я не вѣрю, чтобы изъ броженія нашихъ умовъ и страстей вышло что-либо путное, то стараюсь обратить нашъ комитетъ на настоящее дѣло, и для этого желалъ бы привлечь въ оный людей съ авторитетомъ. Это значитъ, что я подумалъ и о Васъ и хотѣлъ бы, чтобы Вы меня уполномочили предложить Васъ въ члены (плата 5 р. въ годъ). Это Васъ не обязываетъ ни жить въ Россіи, ни къ какимъ-либо особеннымъ занятіямъ. Дѣло все впереди, и я даже думаю, что на этотъ разъ восточный вопросъ будетъ кое-какъ склеенъ, но непремѣнно расклеится очень скоро, и тогда надо будетъ большихъ усилій, не столько матеріальныхъ, сколько нравственныхъ, чтобы склонить вѣсы на нашу сторону. Вообще, мнѣ бы хотѣлось собрать въ это Общество людей, которые бы сошлись въ мнѣніяхъ не только по славянскому вопросу, но и по другимъ, — и въ этомъ смыслѣ я и обращаюсь къ Вамъ. Первое и самое нужное дѣло—это журналъ, который бы читался не только въ Россіи, но и въ славянскихъ земляхъ, и разбиралъ бы не столько дѣла высшей политики, сколько насущныя нужды и пользы; мнѣ ужь разъ въ этомъ отказали, но теперь можетъ быть разрѣшатъ, и на этотъ случай позвольте разсчитывать на Ваше сотрудничество.

Вотъ, Милостивый Государь Николай Александровичъ, моя просьба, на которую жду отвѣта.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать Вамъ мою душевную преданность.

Князь А. Васильчиковъ.

Кромѣ кн. Ал. Ил. Васильчикова, письма котораго только-что приведены нами, баронъ Н. А. Корфъ находился въ перепискѣ еще съ двумя Васильчиковыми: Петромъ Александровичемъ (не княземъ), проживавшимъ въ Москвѣ, котораго онъ и принялъ ошибочно за автора книги «О самоуправленіи», и княземъ Викторомъ Иларіоновичемъ Васильчиковымъ, жившимъ въ Тамбовской губерніи, братомъ новгородскаго кн. Васильчикова. И московскій, и тамбовскій Васильчиковы — также

очень видные и заслуженные общественные дѣятели, особенно много потрудившіеся на поприщѣ народнаго образованія, какъ на это было уже указано выше въ одномъ изъ писемъ графини Уваровой. Приведемъ письма сначала П. А. Васильчикова, а потомъ и кн. В. И. Васильчикова, такъ какъ голосъ ихъ имѣетъ немаловажное значеніе для оцѣнки общественной роли барона Н. А. Корфа въ нашей внутренней жизни..

Милостивый Государь
Николай Александровичъ.

Прочитавъ съ большимъ удовольствіемъ, но сначала не безъ нѣкотораго недоумѣнія, а потомъ и смущенія, въ высшей степени интересное письмо Ваше отъ 25 января, и затѣмъ переславъ оное тому, къ которому оно дѣйствительно слѣдуетъ, именно весьма дальнему родственнику, хотя очень хорошему знакомому моему, князю Александру Иларіоновичу Васильчикову, автору книги „О самоуправленіи", спѣшу увѣдомить Васъ, что я принадлежу къ не-титулованной отрасли нашей фамиліи и къ гораздо болѣе скромному во всѣхъ отношеніяхъ разряду общественныхъ дѣятелей. Хотя письмо мое имѣетъ собственно цѣлью разъяснить встрѣтившееся недоразумѣніе и, кромѣ того, что я долженъ предоставить автору книги отвѣчать за себя, я не имѣю и времени въ настоящее время писать пространно, но не могу, однако, не сказать Вамъ, что я во многомъ раздѣляю мнѣніе князя. Еслибы правительство могло назначить милліоновъ до 10, какъ отпускомъ изъ государственнаго казначейства, такъ и обязательными мѣстными сборами, на народное образованіе, еслибы при этомъ оно устроило хорошія учительскія семинаріи и организовало удовлетворительную инспекцію училищъ,—я бы вполнѣ примирился съ отстраненіемъ земства отъ дѣла народнаго образованія. Но, въ сущности, я ожидаю совершенно другаго: такого вмѣшательства правительства, которое, не поддержанное достаточнымъ матеріальнымъ пособіемъ и само по себѣ не дѣйствительное, отгонитъ только мѣстную самодѣятельность. Я боюсь введенія одной только административной регламентаціи, которая, кромѣ вреда, ничего не принесетъ; но при этомъ я не могу не обратить вниманія и на то, что не мало у насъ и училищныхъ совѣтовъ, которые ставятъ себя въ правительственныя отношенія къ школамъ, которые преслѣдуютъ частное обученіе грамотѣ, требуютъ закрытія училищъ, существующихъ безъ узаконеннаго разрѣшенія. И если со стороны нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, совѣтовъ, подобный образъ дѣйствій сопровождается дѣйствительнымъ матеріальнымъ и нравственнымъ пособіемъ народному образованію, то сколько за то изъ нихъ ограничиваются однимъ этимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ дѣлу?..

Я непремѣнно пріобрѣту Вашу книгу, какъ скоро она появится, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не пожалѣть очень о томъ, что у Васъ нѣтъ болѣе экземпляровъ Вашихъ отчетовъ. Если бы я могъ получить хоть одинъ первый отчетъ Вашъ, то у насъ въ управѣ былъ бы по крайней мѣрѣ полный экземпляръ Вашихъ отчетовъ.

Благодарю Васъ во всякомъ случаѣ очень за присланную Вашу книгу и, надѣясь, что Вы не откажете мнѣ въ удовольствіи продолжать начавшіяся, хотя бы и подъ вліяніемъ недоразумѣнія, сношенія наши, прошу Васъ вѣрить искреннему уваженію глубоко преданнаго Вамъ

Москва. Марта 1, 1870 г. П. Васильчикова.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ.

Посылаю Вамъ при семъ доклады, бывшіе на разсмотрѣніи московскаго губернскаго собранія настоящаго года, и также докладъ, который я представлялъ истекшей осенью подольскому уѣздному собранію. Первые два доклада, несмотря на всѣ свои недостатки и слабыя стороны могутъ имѣть для Васъ тотъ интересъ, что заключенія ихъ приняты губернскимъ собраніемъ, и что поэтому они ведутъ за собою принятіе мѣръ, успѣхъ которыхъ будетъ конечно зависѣть въ значительной степени отъ способа исполненія, но, во всякомъ случаѣ, мѣръ, весьма серьезныхъ по части народнаго образованія. Что касается до послѣдняго доклада, то препровождаю его къ Вамъ конечно не съ тою цѣлью, чтобы утруждать Васъ чтеніемъ онаго: посылка этого доклада служитъ лишь только предлогомъ выразить Вамъ все искреннее сочувствіе мое Вашей дѣятельности, доказать Вамъ, что Вашъ примѣръ вызываетъ, хотя бы и слабыхъ, подражателей. Наконецъ, посылая Вамъ образцы нашей здѣшней дѣятельности по части народнаго образованія, я руководствуюсь болѣе корыстною цѣлью, — желаніемъ вызвать обмѣнъ, безспорно для насъ однихъ выгодный. Я прочелъ оба Ваши доклады за 1867 и 1868 годы; перваго у меня былъ только одинъ экземпляръ, присланный Вами нашей управѣ, и этотъ кѣмъ-то у меня зачитанъ; экземпляръ втораго полученъ былъ мною отъ Васъ черезъ М. А. Бенкендорфа, и я очень виноватъ въ томъ, что до сихъ поръ не благодарилъ Васъ за эту присылку. Такъ какъ я положительный профанъ въ дѣлѣ собственно преподаванія, то я началъ было просматривать послѣдній докладъ Вашъ единственно съ цѣлью узнать, какъ у Васъ организовано народное образованіе, кѣмъ поддерживаются училища, въ какой мѣрѣ участвуютъ въ ихъ содержаніи мѣстныя крестьянскія общества и т. п. Но при этомъ я такъ увлекся Вашею книгою, что прочелъ ее отъ доски до доски, почти въ одинъ присѣстъ. Книга Ваша возбуждаетъ одинаковый интересъ во всѣхъ тѣхъ, которые относятся съ участіемъ къ дѣлу народнаго образованія; и, въ виду удовлетворенія желанія многихъ лицъ познакомиться съ нимъ, я рѣшаюсь просить Васъ выслать мнѣ хотя по 3 или по 4 экземпляра обоихъ Вашихъ докладовъ. Смѣю надѣяться, что Вы не откажете мнѣ въ этомъ въ виду того, что Вы этимъ путемъ можете вызвать и подражателей Вашей плодотворной дѣятельности.

Въ заключеніе прошу Васъ извинить меня за нескромность и моей посылки, и моей просьбы, и принять увѣреніе въ искреннемъ къ Вамъ уваженіи и сочувствіи

Преданнаго Вамъ
П. Васильчикова.

2 января 1871 г.
Москва.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ.

Въ мартѣ прошедшаго 1871 года нѣсколько предсѣдателей губернскихъ управъ и членовъ земствъ различныхъ губерній собрались въ Москвѣ для взаимнаго обмѣна мыслей относительно предоставленнаго тогда на обсужде-

ніе земства вопроса о податной реформѣ. Результатъ подобнаго случайнаго съѣзда оказался дотого удовлетворительнымъ, что условлено было присутствовавшими лицами съѣхаться вновь въ концѣ минувшаго великаго поста, при чемъ предметомъ будущаго совѣщанія назначены были вопросы: о народномъ образованіи, о земскомъ страхованіи и о народномъ кредитѣ. Но затѣмъ приближеніе политехнической выставки возбудило въ нѣкоторыхъ желаніе соединить взаимный обмѣнъ. мыслей по указаннымъ вопросамъ съ посѣщеніемъ выставки, и, вслѣдствіе того, окончательно состоялось соглашеніе съѣхаться въ Москвѣ 27 іюня, при чемъ предложены, какъ предметъ обсужденія, еще нижеслѣдующіе вопросы: устройство всесословныхъ волостей, мѣры противъ чумы рогатаго скота, опредѣленіе отношеній земства къ городамъ и участіе земства въ устройствѣ почтовой гоньбы. На случай, если бы Вы пожелали принять участіе въ означенномъ совѣщаніи, имѣю честь увѣдомить Васъ, что предполагается собраться въ первый разъ 27 сего іюня вечеромъ, и что о мѣстѣ собранія можно будетъ узнать утромъ того же дня въ Московской губернской управѣ, въ Денежномъ переулкѣ, у церкви Покрова въ Левшинѣ, въ домѣ Роговичъ. Вообще, весьма желательно было бы воспользоваться приэтомъ присутствіемъ возможно большаго числа мѣстныхъ гласныхъ, спеціально занимающихся вышеисчисленными вопросами.

Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы выразить Вамъ совершенное уваженіе, съ коимъ я имѣю честь быть Вашимъ, Милостивый Государь,

покорнымъ слугой
П. Васильчиковъ.

Іюня 3, 1872 г.
Москва.

Петербургъ, 28 октября.

Милостивый Государь
баронъ Николай Александровичъ.

Прочитавши отчетъ Вашъ за $18^{69}/_{70}$ годъ и изучавши превосходное сочиненіе Ваше „Русская начальная школа", я не могу воздержаться отъ выраженія моей глубокой признательности за неоцѣняемое наставленіе, какое Вы доставили всѣмъ намъ, неопытнымъ и неумѣлымъ дѣятелямъ земства. Каждый изъ насъ, если въ немъ есть хоть капля сочувствія къ началамъ, Вами проповѣдуемымъ и словомъ и дѣломъ, долженъ неотступно слѣдовать по начертанному Вами пути и благословлять судьбу, что на Русской землѣ есть доблестный поборникъ святаго дѣла, долженствующій служить намъ, хотя и недосягаемымъ, но руководящимъ примѣромъ. Извините, баронъ, что не будучи съ Вами знакомымъ, я рѣшился утруждать Васъ настоящимъ письмомъ, но вѣрьте, что общеніе съ Вами сдѣлалось для меня необходимою потребностію. Не откажите мнѣ въ нравственной поддержкѣ и дальнѣйшихъ совѣтахъ на поприщѣ, на которомъ я уже три года тружусь почти безплодно и на которомъ Вы достигаете такихъ результатовъ, что мы по неволѣ должны придти къ убѣжденію въ своей полной несостоятельности. Къ несчастію, отъ Лебедяни, Тамбовской губерніи, до Александровска такое разстояніе, что иное общеніе, кромѣ письменнаго, врядъ-ли можетъ

между нами установиться. Примите увѣреніе совершеннаго уваженія и преданности, съ которыми имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга
кн. Викторъ Васильчиковъ.

Тамбовской губ.
г. Липецкъ, село Трубетчино.

Такимъ образомъ, черезъ всѣ письма земскихъ дѣятелей сплошь проходитъ одинъ и тотъ же мотивъ: удивленіе къ почину барона Корфа, выраженіе ему благодарности и признательности за этотъ починъ и просьбы о совѣтѣ, указаніи, руководствѣ, разъясненіи и проч. Въ этомъ отношеніи баронъ Корфъ занимаетъ безусловно уединенное мѣсто среди всѣхъ другихъ, наиболѣе заслуженныхъ даже, нашихъ общественныхъ дѣятелей.

М. Песковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

КУТУЗОВЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

Историческая характеристика Д. П. Бутурлина [1]).

I.

Прибытіе Кутузова.—Бородинское сраженіе.—Оставленіе Москвы.— Фланговый маршъ съ Коломенской дороги на Калужскую. — Дѣла при Чириковѣ. Вороновѣ и Спасскомъ.

Благодаря признаннымъ дарованіямъ старика Кутузова, общественное мнѣніе давно уже указывало на него, какъ на единственнаго человѣка, способнаго вывести государство изъ того критическаго положенія, въ которомъ оно тогда находилось. Прибытіе Кутузова въ армію произвело удивительное впечатлѣніе. Всѣ раздоры, всѣ интриги смолкли предъ неограниченною властію, которою онъ былъ облеченъ. Его лѣта, то обстоятельство, что онъ былъ русскій, его прежнія многочисленныя заслуги, его имя, столько разъ связанное съ побѣдою, - все внушало къ нему уваженіе и любовь, даказательства которыхъ солдаты проявили къ нему самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Сверхъ того, были слишкомъ недовольны Барклаемъ для того, чтобъ не быть въ восхищеніи отъ событія, лишавшаго его всякаго вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій. Однако, возложенная на Кутузова задача была чрезвычайно затруднительна. Онъ нашелъ армію уже въ 180 верстахъ отъ Москвы. Не было уже болѣе времени помышлять о принятіи другой операціонной линіи. Только одно сраженіе могло спасти древнюю столицу, но численное превосходство непріятеля не предвѣщало намъ побѣды. Быть можетъ, было

[1]) Переводъ съ неизданной французской рукописи.

бы выгоднѣе покинуть Москву безъ боя; мы каждый день ожидали подкрѣпленій; силы же непріятеля, истощаемыя ежедневными потерями, пополнять которыя препятствовала ему отдаленность отъ его базы, въ то же время постепенно таяли. Едва французы прошли Смоленскъ, какъ война приняла народный характеръ, чтò уже заставляло предвидѣть уничтоженіе Наполеоновскихъ полчищъ. Вездѣ при приближеніи непріятеля крестьяне покидали свои дома; уничтожали запасы, которые не могли увезти съ собою, нападали на одиночныхъ солдатъ и на маленькіе отряды, отдѣлявшіеся отъ главной арміи, и убивали всѣхъ тѣхъ, кто попадалъ имъ въ руки. Было очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ намъ было какъ нельзя болѣе выгодно по возможности затягивать войну; принимая же сраженіе, мы бы дѣйствовали лишь къ выгодѣ Наполеона. Но съ другой стороны пожертвованіе Москвою было настолько велико и ужасно и могло имѣть на умы такое рѣшительное вліяніе, что никогда не рѣшатся осуждать Кутузова за попытку испытать воинское счастіе прежде, чѣмъ рѣшиться на такую крайность. Тотъ, кто предложилъ бы отдать Москву безъ выстрѣла неизбѣжно, прослылъ бы измѣнникомъ въ глазахъ всего народа.

Къ моему величайшему сожалѣнію, я не былъ очевиднымъ свидѣтелемъ важныхъ событій, которыя ознаменовали первые дни командованія Кутузова. Я серьезно заболѣлъ. Усталость, испытанная мною въ Смоленскѣ, окончательно свалила меня съ ногъ. 19-го августа я принужденъ былъ покинуть армію, чтобы отправиться въ Москву лѣчиться. Однако, я разскажу послѣдовательно обо всемъ болѣе важномъ, чтó произошло въ арміи во время моего отсутствія.

Въ виду того, что окрестности Гжатска не представляли достаточно хорошихъ позицій для того, чтобы дать на нихъ сраженіе, арміи совершали еще нѣсколько переходовъ по направленію къ Москвѣ. Онѣ остановились наконецъ на Бородинской позиціи, близъ Можайска. Были получены значительныя подкрѣпленія. Генералъ Милорадовичъ привелъ отъ 15 до 18 тысячъ человѣкъ регулярныхъ войскъ, а генералъ графъ Марковъ 10 000 московскаго ополченія. Прибытіе этихъ подкрѣпленій заставило рѣшиться на сраженіе.

Правый флангъ арміи опирался на рѣку Москву и былъ прикрытъ обрывистыми берегами Колочи; село Бородино находилось впереди центра; лѣвый же флангъ тянулся до села Семеновскаго. Этотъ лѣвый флангъ былъ самою слабою частью позиціи, почему его и укрѣпили нѣсколькими редутами, возведенными на возвышенности впереди Семеновскаго. Другіе редуты, расположенные въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга впереди всего фронта арміи, прикрывали грозныя батареи, которыя защищали позицію. Но не хватило достаточно времени

для окончательнаго устройства этихъ батарей, и онѣ не были обнесены ни штурмфалами, ни палисадами.

24-го августа французская армія показалась на возвышенностяхъ лѣваго берега Колочи. Наполеонъ, обозрѣвъ нашу позицію, рѣшилъ тотчасъ же атаковать нашъ лѣвый флангъ и далъ приказаніе королю Неаполитанскому перейти Колочу съ своею кавалеріею и одною пѣхотною дивизіею, чтобы поддержать князя Понятовскаго, который съ своимъ корпусомъ направлялся къ Семеновскому по правому берегу Колочи. Атака началась въ четыре часа по полудни. Князь Багратіонъ со 2-ою арміею защищалъ позицію; несмотря на упорное сопротивленіе, оказанное имъ французамъ, эти послѣдніе овладѣли редутами, находившимися впереди Семеновскаго. Къ вечеру огонь прекратился съ обѣихъ сторонъ.

Послѣ того, какъ редуты крайняго лѣваго фланга остались въ рукахъ непріятеля, этотъ лѣвый флангъ оказался въ крайне опасномъ положеніи, а Наполеонъ получилъ возможность развернуть большую часть своихъ силъ на правомъ берегу Колочи. Кажется, что эти соображенія должны были привести насъ къ рѣшенію покинуть позицію, но Кутузовъ уже рѣшился сдѣлать величайшія усилія, чтобы спасти столицу. Однако, онъ принялъ всевозможныя мѣры, чтобъ обезпечить себя отъ опасности быть обойденнымъ съ своего лѣваго фланга. 27-ая пѣхотная дивизія была поставлена слѣва отъ села Семеновскаго, а самые резервы изъ кавалеріи и пѣхоты были расположены за лѣвымъ флангомъ. Еще лѣвѣе находились лѣса, чрезъ которые пролегала старая дорога изъ Смоленска въ Можайскъ; такъ какъ эта дорога была нѣсколько короче новой, то непріятель могъ воспользоваться ею, чтобы предупредить насъ въ Можайскѣ. Чтобы помѣшать ему въ этомъ, главнокомандующій расположилъ на ней корпусъ генерала Тучкова, поддержанный 10.000 московскаго ополченія. Цѣпь легкой пѣхоты составила связь этого корпуса съ лѣвымъ флангомъ всей арміи.

День 25-го прошелъ въ незначительной перестрѣлкѣ въ лѣсу и кустарникахъ, занятыхъ отрядами легкой пѣхоты. Съ обѣихъ сторонъ приготовлялись къ бою, который долженъ былъ рѣшить участь Москвы.

Наконецъ, 26-го было дано сраженіе самое кровопролитное, какое только представляютъ лѣтописи современныхъ войнъ. 120.000 русскихъ защищали грозныя позиціи съ бѣшенствомъ отчаянія. Они сознавали, что имъ надлежало спасти свою столицу и отомстить за оскорбленіе, которое наносило русскому имени непріятельское вторженіе. Съ другой стороны, Наполеонъ всегда представлялъ своимъ Москву, какъ конецъ и награду ихъ трудовъ; поэтому, въ своемъ нетерпѣніи поскорѣе достигнуть ея, французы твердо рѣшились пройти по тѣламъ всѣхъ тѣхъ, которые пожелали бы преградить имъ дорогу. Сверхъ того, они сильно разсчитывали на искусство стоявшаго во главѣ ихъ великаго полководца

и на свое значительное превосходство. Сила французской арміи достигала до 180.000 воиновъ.

Въ пять часовъ утра первые пушечные выстрѣлы возвѣстили начало сраженія, а спустя нѣкоторое время корпуса Даву и Нея пошли въ атаку села Семеновскаго и редутовъ, находившихся между этимъ селомъ и Колочею. Король Неаполитанскій съ своею кавалеріею поддерживалъ начавшія наступленіе войска. Съ обѣихъ сторонъ загрохотали многочисленныя батареи съ такою силою, какой до тѣхъ поръ никогда не видѣли примѣра. Непріятель овладѣлъ ретраншементами съ удивительною смѣлостію [1]). Русскіе прогнали ихъ изъ окоповъ, но французы снова бросились въ атаку, и тогда началась ужасная свалка. Страшная борьба мужества съ непреклонною настойчивостію завязалась между обѣими арміями. Однако, численное превосходство непріятеля давало ему слишкомъ дѣйствительное преимущество. Редуты, перейдя нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, подъ конецъ остались во власти французовъ. Въ два часа по полудни непріятель расположилъ свои войска на мѣстности, которую занималъ нашъ лѣвый флангъ. Съ этой минуты сраженіе стало стихать, и до наступленія ночи съ обѣихъ сторонъ производилась лишь пушечная пальба. На правомъ флангѣ и въ центрѣ нашей арміи не происходило ничего важнаго. Вице-король, командовавшій на лѣвомъ берегу Колочи, удовольствовался тѣмъ, что выбилъ изъ села Бородина нашихъ егерей, которыхъ мы тѣмъ менѣе могли поддержать, что село это было отдѣлено отъ нашей позиціи Колочею. Корпусъ Тучкова также принялъ весьма незначительное участіе въ дѣлѣ. Князь Понятовскій, который былъ посланъ въ эту сторону, не предпринялъ ничего серьезнаго. Занимались только перестрѣлкою въ лѣсу. Войска провели ночь на полѣ сраженія. Отступила лишь одна гвардія Наполеона, чтобы прикрыть его стоянку, для которой онъ выбралъ Колоцкій монастырь.

Между тѣмъ въ нашей арміи не были еще расположены уступить побѣду, и князь Кутузовъ намѣревался на слѣдующій день возобновить бой; но полученныя въ теченіе ночи донесенія командировъ корпусовъ, указавъ на понесенную громадную потерю, поставили главнокомандующаго въ необходимость измѣнить свое мнѣніе—6-й, 7-й и 8-й пѣхотные корпуса, совершенно раздавленные, находились въ состояніи такого полнаго разстройства, что оно ставило ихъ въ положительную невозможность сражаться. Къ тому же всѣ наши резервы были дви-

---

[1]) Князь Багратіонъ, командовавшій на лѣвомъ флангѣ, увидя, съ какою рѣдкою стремительностію взобрались французы на брустверы редутовъ, не могъ воздержаться, чтобы не воскликнуть: б р а в о!—Какъ величественъ этотъ великодушный порывъ человѣка съ возвышенною душою, который на самомъ полѣ брани воздаетъ справедливость своимъ врагамъ!

нуты въ дѣло и также были сильно разстроены, между тѣмъ цѣлая французская императорская гвардія не выпустила ни одного ружейнаго выстрѣла и не понесла ни малѣйшей потери. Сверхъ того, непріятель, вытѣснивъ съ позиціи нашъ лѣвый флангъ, тѣмъ самымъ заставилъ насъ потерять все преимущество, которое предоставляло намъ выгодное расположеніе нашей позиціи. Упорствовать при такихъ обстоятельствахъ въ оспариваніи поля сраженія значило подвергаться слишкомъ вѣроятной погибели, поэтому князь Кутузовъ приказалъ отступать къ Москвѣ. Непріятель, пораженный еще страшными потерями, которыми онъ заплатилъ за свою побѣду, лишь слабо насъ преслѣдовалъ.

Таково было это достопамятное Бородинское сраженіе, въ которомъ обѣ стороны дрались съ безпримѣрнымъ до того времени остервенѣніемъ. Сами французы, которые въ теченіе двадцати лѣтъ непрерывныхъ войнъ вполнѣ уже освоились съ сценами ужаса, сознавались, что никогда не видали болѣе ужаснаго зрѣлища. У русскихъ было 15.800 человѣкъ убитыхъ, болѣе 30.000 раненыхъ и около 2.000 взятыхъ въ плѣнъ. Генералъ графъ Кутайсовъ, командовавшій всею артиллеріею, былъ убитъ. Генералы: Тучковъ, князь Горчаковъ, графъ Воронцовъ и Бахметьевъ были тяжело ранены, а генералъ Лихачевъ былъ взятъ въ плѣнъ. Но самою чувствительною потерею для арміи была потеря князя Багратіона, раненаго въ ногу. Рана, которую сначала не признали опасною, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ухудшалась и не замедлила лишить Россію одного изъ лучшихъ ея генераловъ. Онъ умеръ 12-го сентября во Владимірской губерніи. Со стороны французовъ оказалось 18.000 человѣкъ убитыхъ, а число взятыхъ въ плѣнъ достигало 1.000 человѣкъ слишкомъ. Полагаю, что я не слишкомъ ошибусь, если опредѣлю всю потерю французской арміи въ 60.000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя, считая въ этомъ числѣ и раненыхъ. Генералы графъ Монбрёнъ, графъ Коленкуръ, Комперъ, Плозоннъ, Маріонъ и Гюаръ были убиты и большое число ранено. Генералъ Бонами, раненый 35 ударами штыка, былъ взятъ въ плѣнъ. Съ обѣихъ сторонъ было взято нѣсколько пушекъ, но число ихъ не было значительно.

Мнѣ кажется, что Наполеонъ совершилъ ошибку, атаковавъ лѣвый флангъ главной арміи. Не поступилъ ли бы онъ лучше, совершая лишь ложныя атаки на этотъ лѣвый флангъ съ тѣмъ, чтобы направить главную массу своихъ войскъ на старую Смоленскую дорогу противъ корпуса Тучкова? Можно сказать съ увѣренностью, что этотъ послѣдній не могъ бы долго сопротивляться главнымъ силамъ непріятеля, и тогда наша армія была бы вынуждена покинуть позицію; если же она стала бы упорствовать на ея сохраненіи, то гибель ея сдѣлалась бы неизбѣжною. Въ самомъ дѣлѣ, непріятель, живо преслѣдуя Тучкова, могъ выйти на большую дорогу, въ тылъ нашей арміи, которая такимъ образомъ ока-

залась бы отрѣзанною отъ Можайска и отброшенною, какъ бы въ западню, между рѣками Москвою и Колочею—ужасное положеніе, въ которомъ вся армія неизбѣжно подверглась бы полному уничтоженію. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что Наполеонъ находился въ странѣ, которая была ему совершенно незнакома; у него не было картъ и никакихъ средствъ, чтобы достать себѣ надежныхъ приводниковъ; поэтому онъ почти никогда и не отваживался уклоняться въ сторону отъ большой дороги. Можно было бы также упрекнуть князя Кутузова за принятіе сраженія въ томъ положеніи, когда флангъ былъ уже обнаженъ вслѣдствіе потери редутовъ впереди Семеновскаго. Чтобъ отвратить эту невыгоду, кажется было бы болѣе подходящимъ перейти въ наступленіе съ 25-го еще августа; но я думаю, что Кутузовъ совершенно справедливо предполагалъ, что наши войска не были еще достаточно искусны въ маневрированіи, что наши генералы не умѣли еще управлять большими массами и что, вслѣдствіе этихъ причинъ, въ нашихъ наступленіяхъ оказалась бы несвязность, которою непріятель не замедлилъ бы воспользоваться, чтобъ возобновить сцены, происходившіе подъ Аустерлицомъ. По моему мнѣнію, Бородинская позиція была дурно выбрана. Хотя на видъ и очень сильная, въ сущности она заключала въ себѣ много недостатковъ. Мы уже видѣли, что на своемъ лѣвомъ флангѣ она была доступна обходу по старой Смоленской дорогѣ и что для того, чтобы отстранить это страшное удобство, вынуждены были совершенно отдалить отъ позиціи цѣлый значительный корпусъ. Съ другой стороны, весь правый флангъ былъ парализованъ, и такимъ образомъ половина арміи не приняла участія въ дѣлѣ. Этотъ правый флангъ, расположенный слишкомъ выгодно для того, чтобы быть атакованнымъ, также не могъ предпринять ничего серьезнаго противъ непріятеля. Если предположить, что наше правое крыло перешло бы Колочу и что французы не оказались бы въ состояніи воспрепятствовать его успѣхамъ, то вице-король отступилъ бы тогда на селеніе Алексино, перешелъ бы около него обратно Колочу и здѣсь, въ случаѣ необходимости, былъ бы даже поддержанъ Наполеоновскою гвардіею. Ясно, что нашъ правый флангъ не могъ сколько-нибудь разумно льстить себя надеждою распространить еще далѣе свои успѣхи, которые не привели бы ни къ чему, такъ какъ они не помѣшали бы разбитію лѣваго крыла, и тогда войска праваго фланга очутились бы въ необходимости поспѣшно отступить, чтобы не быть отрѣзанными отъ Можайска. Эти соображенія заставляютъ меня предполагать, что лучше бы сдѣлали, если бы послѣдовали совѣту генерала Беннигсена, который предлагалъ упереть правый флангъ о большую дорогу и оврагъ близъ деревни Горки, а лѣвое крыло протянуть почти до корпуса Тучкова. Такимъ образомъ оборона старой дороги была бы

связана съ обороною позиціи. Что касается до праваго фланга, то за него нечего было опасаться: непріятель никогда не отважился бы перейти Колочу потому, что онъ рисковалъ быть запертымъ между нашею арміею и рѣками Москвою и Колочею.

Очевидцы этого дня утверждаютъ, что бездѣятельность генерала Тучкова много способствовала потерѣ сраженія. Дѣйствительно, кажется, что Тучковъ могъ убѣдиться по слабости атаки Понятовскаго, что французы съ этой стороны не были особенно сильны, долженъ былъ оставить нѣсколько отрядовъ для охраны старой Смоленской дороги, а съ остальнымъ своимъ корпусомъ направиться прямо къ селу Семеновскому, чтобы атаковать во флангъ правое крыло французской арміи. Эта атака, произведенная во-время, могла имѣть важныя послѣдствія и, быть можетъ, могла бы даже рѣшить побѣду въ нашу пользу. Но Тучковъ не воспользовался такимъ прекраснымъ случаемъ. Повинуясь старинной непріязни противъ князя Багратіона, онъ не захотѣлъ присоединиться къ главной арміи, чтобы не очутиться подъ начальствомъ Багратіона, который командовалъ всѣмъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи. Я воздержусь отъ всякихъ размышленій объ этомъ прискорбномъ событіи. Тучковъ былъ русскій. Но отечество не проститъ ли его памяти страшные укоры, которые совѣсть должна была ему дѣлать изъ уваженія къ его прежнимъ заслугамъ, и въ особенности въ виду его смерти, причиненной раною, полученною имъ въ этомъ самомъ сраженіи, въ которомъ онъ имѣлъ несчастіе забыть на одно мгновеніе о своемъ долгѣ?

Отъ Можайска армія Наполеона шла тремя колоннами. 28-го Понятовскій съ правою изъ нихъ находился въ Ѳоминскомъ, на большой дорогѣ изъ Калуги въ Москву; вице-король со лѣвою колонною былъ въ Рузѣ, а король Неаполитанскій съ авангардомъ средней колонны въ Кубинскомъ, на большой дорогѣ изъ Можайска въ Москву.—19-го непріятель сильно тѣснилъ нашъ арьергардъ, что̀ послужило причиною довольно жаркаго дѣла, въ которомъ потери съ обѣихъ сторонъ были весьма значительны.

Немного оправившись отъ своей болѣзни, я присоединился къ арміи 30-го. Въ Москвѣ всѣ были убѣждены, что подъ Бородинымъ мы выиграли сраженіе и что наши войска преслѣдуютъ непріятеля, по направленію къ Гжатску; поэтому мое изумленіе было чрезвычайно, когда я нашелъ главную квартиру въ селѣ Вязема, въ 37 верстахъ отъ Москвы 30-го, во вниманіе дня тезоименитства императора Александра, французы не производили непріязненныхъ дѣйствій, и ни одного ружейнаго выстрѣла не раздалось на аванпостахъ.

31-го русская армія расположилась бивуаками въ двухъ верстахъ отъ Москвы, на Поклонной горѣ, у Дорогомиловской заставы. Здѣсь было

построено нѣсколько ретраншаментовъ, что̀ заставило предполагать, что дадутъ еще новое сраженіе прежде, чѣмъ допустятъ французовъ войти въ Москву. 1-го сентября вечеромъ, въ главной квартирѣ былъ военный совѣтъ. Беннигсенъ предложилъ идти на встрѣчу непріятелю и дать ему сраженіе. Но можно ли было льстить себя надеждою одержать побѣду съ арміею, совершенно разстроенною и численность которой простиралась лишь до 60.000 человѣкъ? И въ случаѣ весьма вѣроятнаго пораженія не обратилась ли бы Москва въ могилу для всей нашей арміи, вынужденной въ своемъ отступленіи слѣдовать по узкимъ улицамъ города? Шансы были слишкомъ невыгодны для того, чтобы благоразумный Кутузовъ рѣшился попытать счастія. Въ виду того, что для спасенія отечества сохраненіе арміи было важнѣе, чѣмъ сохраненіе столицы, очищеніе ея было рѣшено. Тогда дѣло состояло лишь въ томъ, чтобы рѣшить, какую дорогу должна была избрать армія по выходѣ изъ Москвы. Барклай, который никогда ничего другаго не зналъ, какъ идти прямо назадъ, предложилъ избрать Владимірскую дорогу, вѣроятно, для того, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Камчатки и чтобы имѣть полную свободу предаться своей излюбленной склонности къ перпендикулярнымъ отступленіямъ, которую въ такомъ случаѣ онъ могъ бы исполнить безъ затрудненія вплоть до глубины Азіи. Другія лица желали, чтобы направились на Тверь съ цѣлію прикрыть Петербургъ. Для Россіи является счастіемъ, что ни одно изъ этихъ смѣшныхъ предложеній не было принято. Князь Кутузовъ понялъ, что самое существенное заключалось въ томъ, чтобы позаботиться о прикрытіи южныхъ губерній, какъ самыхъ плодородныхъ и, не имѣя возможности направиться по Калужской или Тульской дорогамъ, которыя непріятель могъ легко ему загородить, онъ рѣшился выйти чрезъ Коломенскую заставу. Весьма вѣроятно, что уже съ этой минуты онъ обдумывалъ тотъ величественный переходъ, который онъ исполнилъ нѣсколько дней спустя и который положилъ конецъ бѣдствіямъ Россіи.

2-го сентября наступилъ тотъ злополучный день, о которомъ тягостное воспоминаніе заставляетъ еще трепетать истинно-русскія сердца. Съ самаго ранняго утра войска выступили въ походъ, чтобы пройти городъ. Легко можно вообразить себѣ уныніе, овладѣвшее всѣми умами, когда узнали, что столица будетъ отдана непріятелю. Я поспѣшно отправился, чтобы самому разграбить домъ моего отца. Я приказалъ уничтожить все, чего не могъ увезти изъ него съ собою. Сдѣлавъ всѣ необходимыя по этому дѣлу распоряженія, я отправился къ Яузскому мосту, у котораго и соединился съ колоннами арміи. Мрачная тишина царствовала во всемъ городѣ. Во всѣхъ домахъ ставни были заперты, и на улицахъ встрѣчались лишь немногія лица, которыя спѣшили бѣжать, унося съ собою все, что̀ было у нихъ болѣе драгоцѣннаго. Дви-

женіе арміи также скорѣе имѣло видъ похороннаго шествія, чѣмъ военнаго марша. Угрюмый и угнетенный видъ войска достаточно показывалъ, насколько они были разстроены жестокою необходимостію оставить непріятелю древнюю Москву, которую они привыкли почитать душою русской имперіи. Въ рядахъ офицеровъ и солдатъ было можно видѣть многихъ, плакавшихъ отъ бѣшенства.

Не успѣли еще всѣ войска выйти изъ города, какъ у Дорогомиловской заставы показался король Неаполитанскій съ французскимъ авангардомъ и приготовился преслѣдовать насъ. Готовившееся завязаться на улицахъ Москвы сраженіе могло привести къ совершенному уничтоженію нашего арьергарда; поэтому генералъ Милорадовичъ рѣшился послать парламентера къ королю Неаполитанскому, чтобы объявить ему, что если французы нападутъ на него въ то время, когда онъ будетъ проходить городомъ, то онъ рѣшилъ защищаться до послѣдней крайности и похоронить себя подъ развалинами города, который онъ немедленно прикажетъ поджечь. Эта угроза повела къ переговорамъ; послѣдствіемъ ихъ явилась конвенція, по которой король Неаполитанскій обязался не безпокоить выхода русскихъ изъ Москвы. Было даже условлено, что всѣ лица, принадлежавшія къ арміи, равно какъ и весь военный багажъ, который французы нашли бы еще въ городѣ, имѣли право свободнаго выхода до 7 часовъ вечера. Это соглашеніе, честь котораго всецѣло принадлежитъ генералу Милорадовичу, оказалось весьма выгоднымъ для русской арміи, которая при поспѣшномъ очищеніи Москвы рисковала потерять большую часть своего обоза.

Въ этотъ самый день армія сдѣлала пятнадцать верстъ по Коломенской дорогѣ. Главная квартира была въ Панкахъ. Корпусъ генерала Раевскаго составилъ арьергардъ арміи, а генералъ Васильчиковъ получилъ командованіе надъ аванпостами. Мы расположились въ деревнѣ Вязовкѣ, въ шести верстахъ отъ Москвы. Слѣдующій день прошелъ для насъ спокойно, исключая нѣсколькихъ минутъ бѣшенства, которое мы испытали, услыхавъ пушечную пальбу, возвѣстившую вступленіе Наполеона въ Кремль. Въ городѣ начали показываться уже пожары; 4-го уже числа отъ сильно поднявшагося вѣтра огонь распространился съ невѣроятною силою, и въ самое короткое время весь городъ былъ въ пламени. Пожаръ продолжался нѣсколько дней, не прерываясь, несмотря на всѣ старанія французовъ потушить его. Большая часть города была превращена въ пепелъ. Изъ одиннадцати тысячъ составлявшихъ его домовъ уцѣлѣло лишь четыре тысячи. Не задолго передъ войною генералъ графъ Ростопчинъ былъ назначенъ московскимъ главнокомандующимъ. Въ продолженіе всей войны онъ умѣлъ укрощать волненіе черни, которую бѣдствія войны приводили въ отчаяніе. Болѣе ревностный гражданинъ, чѣмъ воинъ, графъ Ростоп-

чинъ вѣрилъ въ возможность защищать городъ шагъ за шагомъ и принялъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы воспламенить жителей великодушнымъ желаніемъ помогать въ этомъ отношеніи усиліямъ арміи. Рѣшеніе князя Кутузова очистить Москву было для его патріотической души громовымъ ударомъ. Но даже и въ эту минуту онъ не пренебрегъ ни малѣйшимъ средствомъ, остававшимся въ его распоряженіи, чтобы еще послужить родинѣ. Не имѣя уже возможности сдѣлать что-либо для спасенія порученнаго его заботамъ города. графъ Ростопчинъ рѣшился употребить въ пользу потерю Москвы, разоривъ ее въ конецъ. Этотъ планъ, достойный Сцеволы, былъ выполненъ съ большимъ искусствомъ. Пока войска наши находились въ городѣ, невозможно было поджечь его, не повредивъ нашему отступленію. Но во многихъ домахъ были сложены горючіе матеріалы, а въ городѣ былъ разсѣянъ цѣлый отрядъ поджигателей, состоявшихъ на жалованьи и руководимыхъ нѣсколькими офицерами прежней московской полиціи, которые остались въ городѣ переодѣтыми. Ростопчинъ принялъ даже осторожность увезти съ собою пожарныя трубы и другія вспомогательныя орудія для тушенія пожаровъ. Двадцать четыре часа спустя послѣ вступленіи французовъ въ Москву, огонь былъ подложенъ одновременно въ такомъ большомъ числѣ различныхъ пунктовъ, что большая часть города была охвачена пламенемъ.

Уничтоженіе Москвы было для Россіи событіемъ чрезвычайно благопріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Благодаря ему, Наполеонъ лишился средствъ, которыя онъ надѣялся найти въ Москвѣ. Къ тому же, разъ столица была уничтожена, то предложенія какихъ бы то ни было боязливыхъ рѣшеній не могли уже имѣть мѣста. Тѣ, которые склонялись на миръ, чтобы сохранить сокровища Москвы, придя въ отчаяніе отъ ихъ потери, не могли уже болѣе помышлять ни о чемъ иномъ, какъ только о мщеніи. Столь важная, столь неслыханная жертва, какъ пожертвованіе столицы, достаточно высказывала энергію правительства, рѣшившагося скорѣе принести всевозможныя жертвы, чѣмъ покориться постыдному игу. Это рѣшеніе, выраженное такимъ блистательнымъ образомъ, возвышая мужество русскихъ, въ то же время неизбѣжно должно было ослабить мужество непріятеля. Наполеонъ, направляя всѣ свои усилія противъ Москвы, разсчитывалъ поразить тѣмъ Россію въ самое сердце, ибо почиталъ ее уже приведенною въ полнѣйшій упадокъ взятіемъ ея древней столицы. Каково же должно было быть его бѣшенство, когда онъ увидѣлъ, что русскіе не придавали ей другаго значенія, какъ лишь громадной грудѣ камня, съ которою судьба Россіи нисколько не была связана, и что они готовились къ войнѣ съ небывалымъ еще усердіемъ? Съ этой минуты онъ долженъ былъ уже предчувствовать тѣ ужасныя бѣдствія, которыя ожидали его впереди. Къ тому же, такъ

какъ Москва начала горѣть лишь на другой день послѣ вступленія въ нее французовъ, представлялось легко убѣдить простой народъ въ томъ, что это непріятель поджегъ ее. Это мнѣніе, раздражая сельское населеніе, придало болѣе рѣшительный характеръ народной войнѣ, которая возгорѣлась въ тылу французской арміи.

4-го сентября наша армія покинула свой лагерь при Панкахъ, переправилась чрезъ Москву-рѣку по Боровскому мосту и заняла позицію на правомъ берегу рѣки Москвы. Главная квартира расположилась въ селѣ Кулаковѣ. Въ тотъ же день генералъ Себастіани, который командовалъ непріятельскими аванпостами, прислалъ къ намъ парламентера объявить намъ, что онъ получилъ приказаніе завладѣть возвышенностію, которую мы занимали и которая господствовала надъ всею равниною, простиравшеюся вплоть до самой Москвы, и что, во избѣжаніе безполезнаго пролитія крови, онъ предлагаетъ намъ уступить ему эту возвышенность безъ боя. Въ виду того, что отступленіе нашей арміи вынуждало насъ отходить далѣе, то мы и приняли предложеніе непріятельскаго генерала. Но французы желали имѣть эту возвышенность лишь для того, чтобы скрыть отъ насъ движеніе своего авангарда, и лишь только они заняли эту возвышенность, какъ начали сильно тѣснить насъ. Генералъ Раевскій, съ пѣхотою нашего арьергарда, уже послѣдовалъ за движеніемъ нашей арміи, и у генерала Васильчикова оставались лишь кавалерія, да около двѣнадцати орудій. Съ полудня до вечера мы отстаивали шагъ за шагомъ мѣстность, начиная отъ деревни Вязовки, у которой началось дѣло, до села Панки, которымъ французы овладѣли лишь съ закатомъ солнца. Наши аванпосты провели ночь въ Жилинѣ, и главная часть арьергарда — въ Островцахъ.

Князь Кутузовъ рѣшилъ свернуть влѣво, чтобы приблизиться къ Смоленской дорогѣ и, слѣдовательно, получить возможность преградить эту единственную операціонную линію французской арміи. Этотъ планъ, указывающій на необыкновенную военную проницательность главнокомандующаго, былъ выполненъ съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Два перехода, совершенные по Коломенской дорогѣ, послужили къ тому, что ввели въ обманъ непріятеля, который вообразилъ, что мы намѣрены снова перейти Оку. 5-го, съ ранняго утра, войска снова выступили въ походъ, и колонны, совершая лѣво-фланговый поворотъ, поднялись на правый берегъ рѣки Пахры, которая прикрывала это фланговое движеніе. Армія провела ночь на дорогѣ изъ Москвы въ Каширу. Пѣхота арьергарда оставалась цѣлый день на правомъ берегу рѣки Москвы, на возвышенностяхъ Боровскаго моста, между тѣмъ какъ кавалерія развлекала непріятеля незначительною стычкою на лѣвомъ берегу рѣки Москвы. Ночью эта кавалерія перешла также рѣку и раз-

*

рушила мостъ, послѣ чего весь арьергардъ направился по дорогѣ, по которой слѣдовала армія. По Коломенской дорогѣ оставили лишь два казачьихъ полка подъ начальствомъ полковника Ефремова. 6-го войска продолжали подниматься вдоль по рѣкѣ Пахрѣ, армія стала бивуакомъ на дорогѣ изъ Москвы въ Тулу; главная квартира расположилась въ селѣ Кутузовѣ. Арьергардъ былъ расположенъ въ городѣ Подольскѣ, на Пахрѣ. Эти два фланговые перехода, исполненные на глазахъ у непріятеля, представляли весьма опасную операцію, которую армія совершила съ полнымъ спокойствіемъ. Этимъ она была обязана генералу Васильчикову, который маневрировалъ съ рѣдкою точностію. Онъ успѣлъ настолько скрыть эти движенія отъ французовъ, что въ теченіе трехъ дней они не имѣли о нихъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Генералъ Себастіани, съ своимъ авангардомъ, гнался за двумя полками Ефремова вплоть до города Бронницъ, постоянно воображая, что онъ слѣдуетъ по слѣдамъ главной арміи. 8-го армія еще продолжала движеніе по Пахрѣ; она расположилась на старой дорогѣ изъ Москвы въ Калугу; главная квартира расположилась въ селѣ Красной Пахрѣ. Авангардъ, находившійся подъ начальствомъ генерала Милорадовича и расположенный въ селеніи Деснѣ, прикрывалъ фронтъ арміи, правый флангъ которой былъ защищаемъ позиціею нашего арьергарда, бывшаго подъ командою генераловъ Раевскаго и Васильчикова и находившагося въ селѣ Луковнѣ, близъ впаденія рѣки Десны въ рѣку Пахру. Этотъ послѣдній переходъ довершилъ прекрасное круговое движеніе, которое наша армія описала вокругъ Москвы. Съ этой минуты, единственное сообщеніе непріятеля по Смоленской дорогѣ оказалось прегражденнымъ нашими партіями, которыя, поддержанныя нашею арміею, наводняли всю эту дорогу. Опирая нашу операціонную линію на Калугу, мы выигрывали еще и въ томъ отношеніи, что получали возможность пользоваться обширными запасами, которые были собраны въ этомъ городѣ во время пребыванія нашихъ войскъ въ окрестностяхъ Смоленска.

Между тѣмъ непріятель, одумавшись, наконецъ, и прекративъ свои безполезныя преслѣдованія по Коломенской дорогѣ, поворотилъ въ нашу сторону. 11-го сентября король Неаполитанскій показался въ окрестностяхъ Подольска. Въ тотъ же день нашъ арьергардъ покинулъ Луковню, чтобы занять позицію въ двухъ верстахъ оттуда, въ селѣ Поливановѣ, въ которомъ находился мостъ чрезъ Пахру, что̀ давало намъ возможность слѣдить одновременно съ бо̀льшимъ вниманіемъ за обоими берегами этой рѣки. 13-го непріятель занялъ селеніе Дубровицу и разсыпался по лѣвому берегу Десны, въ то время, какъ другія его колонны, выступившія изъ Подольска, появились на правомъ берегу Пахры и показывали видъ, что будто направляются на арьергардъ нашего праваго крыла по дорогѣ, которая ве-

детъ изъ Подольска въ село Чириково, расположенное почти на самой большой дорогѣ и въ пяти верстахъ позади Красной Пахры. Генералъ Раевскій, сознавая необходимость занять эту дорогу, чтобы прикрыть сообщенія съ арміею, отдѣлилъ генерала Паскевича съ одною пѣхотною дивизіею и съ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ. Паскевичъ перешелъ Пахру въ Поливановѣ и направился къ селу Троицкому, въ окрестностяхъ котораго встрѣтился съ графомъ Остерманомъ, котораго князь Кутузовъ, самъ безпокоившійся за свои сообщенія, только-что отдѣлилъ съ его корпусомъ отъ арміи на эту же самую дорогу въ Чириково. Паскевичъ тотчасъ же отправилъ одного офицера къ генералу Раевскому съ извѣщеніемъ о своемъ соединеніи съ корпусомъ Остермана; но вслѣдствіе того, что офицеръ этотъ заблудился, мы были нѣсколько часовъ въ страшномъ безпокойствіи насчетъ этого отряда, который мы предполагали уже попавшимся въ середину непріятельской арміи. Тѣмъ временемъ Раевскій получилъ изъ главной квартиры приказаніе присоединиться къ арміи на позиціи у Красной Пахры. Вслѣдствіе этого приказанія, мы отступили и притомъ медленно, такъ какъ непріятель нисколько не тѣснилъ насъ. Въ то время, какъ совершалось это отступленіе, я отправился сдѣлать объѣздъ нашихъ аванпостовъ, которые я нашелъ, по-прежнему, на своихъ мѣстахъ, то-есть, на лѣвомъ берегу Пахры, начиная отъ села Поливанова до устья Десны, а отсюда вдоль праваго берега Десны, кончая аванпостами генерала Милорадовича. Непріятель въ значительныхъ силахъ сталъ показываться на правомъ берегу Пахры. Окончивъ мой объѣздъ, я присоединился къ нашему корпусу, который, пройдя три или четыре версты, остановился близъ селенія Пыхчева въ силу полученной въ мое отсутствіе генераломъ Раевскимъ отмѣны первоначальнаго приказанія. Этотъ генералъ, узнавъ, что я только-что совершилъ осмотръ аванпостовъ, попросилъ меня самому отправиться въ главную квартиру, чтобы отдать тамъ отчетъ о ихъ положеніи. Прибывъ въ Красную Пахру, я явился дежурному генералу Коновницыну, который началъ съ того, что спросилъ меня, какія соображенія заставили насъ отступить отъ Поливанова. Я отвѣтилъ ему, что генералъ Раевскій совершилъ это отступленіе лишь послѣ положительнаго приказанія, полученнаго имъ отъ его имени.

— Это странно, сказалъ мнѣ Коновницынъ, я никогда не отдавалъ подобнаго приказанія; но, можетъ быть, это ошибка, сдѣланная въ моей канцеляріи. Впрочемъ, такъ какъ мы знаемъ теперь, какъ произошло дѣло, то въ этомъ, признаюсь вамъ, большой бѣды нѣтъ; со всѣмъ тѣмъ мы провели здѣсь нѣсколько тревожныхъ минутъ, благодаря вашему отступленію. Здѣсь уже вообразили, что вы приведете за собою многочислен-

наго непріятеля, который принудилъ васъ покинуть вашу позицію.

Затѣмъ Коновницынъ пошелъ доложить обо мнѣ фельдмаршалу Кутузову [1]), который приказалъ призвать меня въ свой кабинетъ, гдѣ былъ собранъ въ это время военный совѣтъ, состоявшій изъ генераловъ Беннигсена и Барклая-де-Толли, генералъ-квартирмейстера Толя и полковника князя Кудашева, зятя главнокомандующаго. Князь Кудашевъ прежде всего заставилъ меня объяснить ему положеніе нашихъ аванпостовъ, а равно и непріятельскихъ войскъ, послѣ чего начали разсуждать о томъ, чтò надлежало намъ дѣлать. На замѣчаніе кого-то, что мы рискуемъ быть обойденными, фельдмаршалъ отвѣтилъ·

— Дѣло идетъ уже не о томъ, чтобы узнать, будемъ ли мы обойдены; ясно, что мы обойдены уже. Въ настоящее время намъ необходимо принять мѣры, чтобы не быть отрѣзанными [2]).

Тутъ Барклай предложилъ отвести армію по направленію къ Калугѣ и спросилъ у Толя, не имѣется ли для занятія какой хорошей позиціи позади Чирикова. Генералъ-квартирмейстеръ отвѣчалъ, что онъ уже изслѣдовалъ всю мѣстность до Воронова, но что тамъ нѣтъ ни одной позиціи, на которой можно было бы удержаться.

— Въ такомъ случаѣ, — возразилъ Барклай,—отступимъ еще далѣе [3]).

До этого времени совѣщаніе происходило съ большимъ спокойствіемъ и вполнѣ благопристойно, но предложеніе Барклая раздражило Беннигсена; въ порывѣ гнѣва, онъ вскочилъ съ своего стула и сталъ прохаживаться по комнатѣ своими длинными ногами, плюя, какъ никогда, и постоянно повторяя:

— Еще отступать, всегда отступать; хорошо извѣстно, что господинъ Барклай очень любитъ отступленія [4]).

По взбѣшенному виду Беннигсена я подумалъ, что онъ поколотитъ бѣднаго Барклая, который, совершенно ошеломленный его выходкою, принялъ еще болѣе растерянную позу, чѣмъ обыкновенно, и состроилъ такую жалкую и несчастную физіономію, что возбудилъ во мнѣ сожалѣ-

---

[1]) Кутузовъ былъ возведенъ въ фельдмаршалы за Бородинское сраженіе, которое онъ искусно съумѣлъ выдать за побѣду.

[2]) Il ne s'agit plus de savoir si nous serons tournés; il est clair que nous le sommes déjà. Maintenant il nous faut prendre des mesures pour ne pas être coupés.

[3]) Eh bien! retirons nous plus loin.

[4]) Encore se retirer, toujours se retirer, on sait bien que monsieur Barklay aime beaucoup les retraites.

ніе. Онъ нѣсколько разъ раскрывалъ ротъ, чтобы говорить, но постоянно могъ только произнести: Ваше превосходительство... Беннигсенъ всякій разъ прерывалъ его цѣлымъ потокомъ брани. Наконецъ фельдмаршалъ, наскучивши этой сценой, рѣшилъ положить ей конецъ. Заморгавъ своимъ единственнымъ уцѣлѣвшимъ глазомъ, онъ сказалъ Беннигсену:

— Зачѣмъ вы горячитесь, любезный генералъ. Вы знаете, какъ я васъ люблю и уважаю. Вамъ стоитъ только высказать намъ ваше мнѣніе, и мы съ нимъ согласимся [1].

Немного смягченный, Беннигсенъ подошелъ къ столу, но, возвращаясь къ своему мѣсту и проходя мимо Барклая, онъ не могъ воздержаться, чтобъ не сказать ему еще:

— Что, отступать! Я думаю, что вы очень недовольны, генералъ, что у васъ нѣтъ еще другой Москвы, которую можно было бы отдать непріятелю [2].

Получивъ отъ фельдмаршала вновь приглашеніе высказать свое мнѣніе, Беннигсенъ предложилъ дать сраженіе непріятелю.

— Вотъ что хорошо, такъ хорошо,—возразилъ фельдмаршалъ.—Все, что вы говорите, такъ разумно, что ничего другаго не остается, какъ всегда соглашаться съ вашимъ мнѣніемъ. Ну-съ, господинъ Толь, сдѣлайте ваши распоряженія, согласно приказаніямъ генерала [3].

Въ четверть часа была составлена диспозиція. Генералъ Милорадовичъ, находившійся съ 8-мъ пѣхотнымъ корпусомъ на Деснѣ, и Раевскій съ своимъ 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ должны были отступить къ Красной Пахрѣ, чтобы здѣсь совокупными силами защищать проходъ съ Пахры на большую Московскую дорогу въ то время, какъ главная армія, покинувъ свою позицію у Красной Пахры, спустится по правому берегу Пахры, чтобы атаковать и отбросить къ Подольску всѣ непріятельскія войска, находившіяся на правомъ берегу Пахры. Движенія эти должны были произойти на слѣдующій день, на разсвѣтѣ. По прочтеніи этой диспозиціи, фельдмаршалъ тотчасъ же приказалъ снять съ нея копію и, вручая мнѣ ее, сказалъ:

---

[1]) Pourquoi vous échauffer, mon cher général. Vous savez combien je vous aime et nous nous y conformerons.

[2]) Hém? Se retirer! Je crois que vous êtes bien fâché, général, de n'avoir pas une autre Moscou à livrer à l'ennemi.

[3]) Voilà qui est très bien. Tout ce que vous dites est si sage, que je ne puis faire autre chose, qu'être toujours de votre avis. Allons, monsieur Toll faites vos dispositions d'après les ordres de général.

— Отправляйтесь, молодой человѣкъ, отвезите это генералу Раевскому [1]). Такъ какъ уже было 10 часовъ вечера, я поспѣшилъ вернуться въ Пыхчево, чтобъ сообщить всѣ эти новости Раевскому, который былъ ими крайне удивленъ. Я самъ былъ немало изумленъ, видя вліяніе, которое Беннигсенъ оказывалъ на фельдмаршала; я совершенно не зналъ, что все это было не что иное, какъ шутка для развлеченія пылкаго старика и что все то, чтó было рѣшено въ совѣтѣ, будетъ передѣлано въ дружескомъ интимномъ кружкѣ. И дѣйствительно, въ полночь мы получили новый приказъ, которымъ насъ извѣщали, что сраженіе не состоится, но что мы все-таки должны прибыть въ Красную Пахру, чтобы прикрывать отступленіе арміи.

Несомнѣнно, что, слѣдуя плану Беннигсена, мы могли бы разбить короля Неаполитанскаго, находившагося съ 30—40.000 человѣкъ въ окрестностяхъ Подольска, въ то время, какъ главныя силы французской арміи оставались близъ Москвы. Но надо замѣтить, что въ это время не было еще извѣстно, что король Неаполитанскій не былъ поддержанъ и Наполеона со всѣми его силами предполагали близъ Подольска. Принимая въ соображеніе это предположеніе, становится очевиднымъ, что фельдмаршалъ былъ правъ, не желая сражаться между Красной Пахрой и Подольскомъ. Еслибы счастіе повернулось противъ насъ, то непріятель могъ бы отрѣзать насъ отъ Калуги и отбросить на Верею и Можайскъ! Съ этой минуты кампанія была бы для насъ потеряна; Наполеонъ, ставъ между нашею арміею и нашими южными губерніями, лишилъ бы насъ всѣхъ средствъ этихъ богатыхъ мѣстностей и заставилъ бы насъ избрать Волоколамскую дорогу на Тверь или Старицу. Послѣдствія этого были слишкомъ опасны для того, чтобы Кутузовъ пожелалъ бы подвергнуть себя подобному риску; къ тому же онъ ожидалъ многочисленныхъ подкрѣпленій по Калужской дорогѣ и весьма благоразумно рѣшился избѣгать генеральнаго сраженія до прибытія этихъ подкрѣпленій.

14-го сентября армія прошла около одиннадцати верстъ по Калужской дорогѣ до деревни Бабенкова. Нашъ арьергардъ и 8-й пѣхотный корпусъ пришли въ Красную Пахру. Генералъ Милорадовичъ, какъ старшій, принялъ командованіе надъ обоими соединившимися корпусами. У насъ не было назначено общаго начальника для аванпостовъ. Они были раздѣлены по различнымъ частямъ, изъ которыхъ каждая имѣла своего частнаго начальника. Эта многочисленность начальниковъ вредила пользѣ службы. 15-го сентября Милорадовичъ поручилъ генералу Васильчикову всю цѣпь аванпостовъ. Васильчиковъ согласился принять на себя это порученіе только съ условіемъ, что онъ не отвѣчаетъ за первый день своего командованія, такъ какъ онъ не зналъ даже распо-

---

[1]) Allez, jeune homme; portez cela au général Raéffski.

ложенія этихъ аванпостовъ. Скоро будетъ видно, что онъ поступилъ благоразумно, выговоривъ это условіе.

На правомъ флангѣ лагеря нашего арьергарда, въ Красной Пахрѣ, былъ обширный барскій домъ, въ которомъ помѣстились всѣ наши генералы. 15-го мы обѣдали совершенно спокойно. Послѣ обѣда генералъ Васильчиковъ позвалъ меня, чтобы составить диспозицію для аванпостовъ. Мы развернули наши карты и, только-что принялись разсматривать ихъ, какъ вбѣжалъ одинъ офицеръ, совершенно перепуганный, крича: Скорѣе, скорѣе, господа, на коней; непріятель въ саду! Поднялась страшная суматоха. Всѣ забѣгали, толкали другъ друга, кричали; одинъ спрашивалъ свои сапоги, другой — свою лошадь. Словомъ, произошло полнѣйшее столпотвореніе. Я имѣлъ лишь время собрать мои карты, бросить ихъ въ мѣшокъ и вскочить на коня, чтобы слѣдовать за генераломъ Васильчиковымъ, который уже пустился вскачь. Тревога не совсѣмъ была ложная. На самомъ дѣлѣ непріятеля не было еще въ саду, но онъ показался уже въ лѣсу, въ полуверстѣ отъ нашего дома. Необходимо было во что бы то ни стало задержать его, чтобы дать время части нашей кавалеріи, находившейся еще на лѣвомъ берегу Пахры, перейти эту рѣку. Васильчиковъ схватилъ полкъ гвардейскихъ гусаръ, первый подвернувшійся ему подъ руку, и повелъ его прямо на непріятеля, который начиналъ уже выходить изъ лѣсу. Гусары ударили на непріятеля и заставили его отступить въ лѣсъ. Для того, чтобы выбить его оттуда, намъ необходима была пѣхота. Васильчиковъ послалъ меня просить ее у Милорадовича, который приказалъ мнѣ сказать генералу Пассеку, чтобы тотъ шелъ къ намъ со 2-ою гренадерскою дивизіею. Пассекъ, столько же желавшій драться, сколько я—повѣситься, вмѣсто того, чтобы послѣдовать за мною со всею своею дивизіею, удовольствовался тѣмъ, что далъ мнѣ одинъ только полкъ, который я и привелъ Васильчикову, донеся ему вмѣстѣ съ тѣмъ и о приказаніи Милорадовича, отдававшаго въ его распоряженіе всю дивизію.

Васильчиковъ отправилъ меня къ Пассеку положительно объявить ему, что онъ долженъ привести всю дивизію. Но Пассекъ, болѣе боявшійся идти навстрѣчу непріятеля, чѣмъ ослушаться Васильчикова, пустился въ разсужденія; онъ утверждалъ, что цѣлой дивизіи было слишкомъ много и, несмотря на мои представленія, послалъ еще лишь одну бригаду, а самъ съ остальными, остававшимися еще у него, тремя полками, не двинулся съ мѣста. Счастіе его, что въ эту самую минуту Васильчиковъ получилъ приказаніе не начинать серьезнаго дѣла, а ограничиться прикрытіемъ отступленія арьергарда, который оставилъ позицію у Красной Пахры. Все дѣло ограничилось незначительною ружейною перестрѣлкою. Французы не были въ достаточныхъ силахъ, и они

пришли совсѣмъ не съ намѣреніемъ застигнуть насъ врасплохъ. Служба нашихъ аванпостовъ на правомъ берегу Пахры, находившихся подъ начальствомъ одного казачьяго полковника, фамилію котораго я болѣе не помню, отправлялась съ такою небрежностію, что непріятель проникъ до нашего лагеря, не встрѣтивъ ни малѣйшаго патруля. Непріятель былъ не менѣе удивленъ, очутившись въ виду столь значительныхъ силъ, чѣмъ мы его появленіемъ. Арьергардъ расположился между Голохвостовымъ и Чириковымъ въ трехъ верстахъ впереди арміи; аванпосты остались близъ Красной Пахры. Корпусъ графа Остермана былъ расположенъ на проселочной дорогѣ, которая ведетъ изъ Подольска въ Вороново. 16-го генералъ Васильчиковъ заболѣлъ, и генералъ графъ Орловъ-Денисовъ замѣнилъ его въ командованіи аванпостами.

17-го сентября непріятель двинулся впередъ по дорогамъ, которыя ведутъ изъ Подольска въ Чириково и Вороново. Князь Понятовскій занялъ даже въ два часа по-полудни Чириково, совершенно ошибочно нами оставленное. Однако непріятель не воспользовался выгодою, которую доставляло ему занятіе этого села, чтобы утвердиться въ лѣсу, простиравшемся отъ Чирикова до Никольскаго и прикрывавшемъ флангъ арьергарда. Хотя онъ и выслалъ въ него нѣсколько пѣхоты, но въ такомъ незначительномъ числѣ, что наши егерскіе полки выгнали ее безъ особаго труда изъ лѣсу до его опушки; получивъ въ это время подкрѣпленіе, непріятельская пѣхота удерживалась здѣсь болѣе продолжительное время. Въ это же время, 27-ой пѣхотной дивизіи дано было приказаніе направиться въ лѣвый флангъ непріятеля. Но едва эта дивизія, двигавшаяся двумя колоннами, начала выходить изъ лѣсу, какъ была встрѣчена сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ и картечными залпами съ батареи. По одной изъ тѣхъ случайностей, такъ часто бывающихъ на войнѣ, эта дивизія, проявившая много мужества во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ она до тѣхъ поръ участвовала, въ настоящемъ случаѣ дурно поддержала свою репутацію. Съ первыхъ же залповъ она не выдержала, отступила въ лѣсъ, гдѣ лишь съ большимъ трудомъ удалось привести ее въ порядокъ. Въ то время, какъ эти дѣйствія происходили на нашемъ правомъ флангѣ, въ центрѣ съ обѣихъ сторонъ ограничились довольно сильною артиллерійскою перестрѣлкою. Нашъ лѣвый флангъ, состоявшій изъ казаковъ, находился подъ начальствомъ графа Орлова-Денисова. Оставшись безъ должности вслѣдствіе болѣзни Васильчикова, я получилъ отъ графа Орлова позволеніе находиться при немъ во время дѣла. Около шести часовъ вечера непріятель выслалъ кавалерію на небольшую равнину вправо отъ Чирикова. Графъ Орловъ приказалъ одному казачьему полку атаковать ее, но этотъ злосчастный полкъ не имѣлъ мужества приблизиться къ непріятелю и вернулся къ намъ во весь опоръ. Взбѣшенный Орловъ осыпалъ казаковъ ударами

сабли плашмя и приказалъ имъ немедленно снова двинуться въ атаку. Тогда я попросилъ у него позволенія отправиться вмѣстѣ съ ними. Онъ не только мнѣ это позволилъ, но даже попросилъ меня взять съ собою восемь гвардейскихъ казаковъ, бывшихъ въ его свитѣ.

— Я увѣренъ, — сказалъ онъ мнѣ, — что эти люди послѣдуютъ за вами всюду и что ихъ примѣръ побудитъ, надѣюсь, идти впередъ и тѣхъ бездѣльниковъ.

Мы отправились и подъѣхали къ непріятелю, который, видя, съ какою рѣшительностью мы приближаемся, не выдержалъ удара и отступилъ въ находившуюся за нимъ опушку лѣса. Мы только-что начали преслѣдовать непріятеля, какъ огонь батареи и сильные ружейные залпы, направленные изъ лѣсу, умѣрили нашъ пылъ и заставили насъ вернуться на нашу позицію. Къ вечеру непріятель былъ совершенно выбитъ изъ лѣсу, и наши войска, продолжая съ успѣхомъ свои дѣйствія, съ наступленіемъ ночи овладѣли даже селомъ Чириковымъ. Этимъ послѣднимъ дѣйствіемъ окончилось сраженіе.

У Тарутина былъ избранъ лагерь на сильной позиціи при сліяніи Истіи съ Нарою. Фельдмаршалъ рѣшилъ занять его, и 18-го армія оставила Бабенкову и пришла къ Богородскому. Арьергардъ занялъ ея мѣсто въ Бабенковѣ. 20-го армія прибыла въ Тарутино. Арьергардъ также двинулся, чтобы слѣдовать за отступательнымъ движеніемъ арміи. Непріятель настигъ насъ близъ Воронова. Мы сдѣлали ошибку, заставивъ нашу пѣхоту проходить Вороновскимъ дефилеемъ и допустивъ запрудить лежащую впереди этого селенія небольшую равнину всею нашею кавалеріею, которая для своего отступленія могла воспользоваться лишь этимъ же самымъ, весьма труднымъ для прохожденія, дефилеемъ. Къ счастью, непріятель не тѣснилъ насъ сильно и далъ намъ возможность отступить безъ потери. Непріятель занялъ Вороново и, такъ какъ было уже довольно поздно, то сраженіе казалось оконченнымъ, какъ вдругъ общій залпъ, послѣдовавшій по всей непріятельской линіи, заставилъ насъ снова взяться за оружіе. Только впослѣдствіи мы узнали причину этой странной пальбы. Графъ Ростопчинъ, владѣлецъ Вороновскаго барскаго дома, оставилъ на немъ надпись, оскорбительную для французовъ; лишь только они прочли ее, то чтобы отомстить за нее, они насъ и угостили этою пальбою. Если бы графъ Ростопчинъ былъ извѣщенъ объ этомъ происшествіи, то онъ раскаялся бы въ безполезной хвастовской угрозѣ, которая стоила жизни нѣсколькимъ изъ нашихъ. Мы провели ночь близъ села Львова.

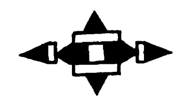
На слѣдующій день, около часу по-полудни непріятель возобновилъ сраженіе. Въ ту минуту, когда мы только-что выступили, чтобы медленно начать отступленіе, мы узнали, что одна непріятельская колонна обходитъ насъ съ праваго фланга. Кавалерія Корфа, находившаяся

съ этой стороны, вмѣсто того, чтобы стойко держаться, поспѣшно отступила. Непріятельскіе стрѣлки начали уже показываться у насъ въ тылу, на большой дорогѣ. Но и въ этомъ случаѣ французы не лучше съумѣли воспользоваться нашими ошибками, чѣмъ въ предшествовавшіе дни. Тѣ, которые обошли насъ, отступили передъ двумя или тремя пѣхотными полками, высланными противъ нихъ бѣглымъ шагомъ, и мы спокойно окончили наше отступленіе къ селу Винкову.

22-го корпусъ генерала Раевскаго былъ отозванъ къ арміи. Въ этотъ же самый день въ арьергардѣ, близъ села Спасскаго, происходило довольно жаркое дѣло, въ которомъ король Неаполитанскій былъ отбитъ съ урономъ. При этомъ наша кавалерія произвела блистательныя атаки. Два или три дня спустя 8-й пѣхотный корпусъ и 1-й кавалерійскій корпусъ также присоединились къ арміи; въ авангардѣ, на лѣвомъ берегу Нары, остались только 2-й и 4-й кавалерійскіе корпуса и казаки. Король Неаполитанскій, видя, что наша кавалерія поддерживается всею арміею, которая рѣшилась не уступать безъ боя Тарутинскую позицію, не пожелалъ болѣе завязывать дѣла и спокойно оставался въ своемъ лагерѣ, въ окрестностяхъ Винкова.

Сообщилъ **Н. Шильдеръ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»

Матеріалы и замѣтки.

Письмо Шишкова императору Александру I [1]).

Всемилостивѣйшій Государь!

Въ прошедшую бытность мою съ докладами [2]), на представленіе мое о необходимой надобности закрыть библейскія общества, возразилъ Ты мнѣ, Государь, что правительству надлежитъ быть тверду въ своихъ постановленіяхъ и не показывать слабости всегдашнею ихъ перемѣною. Позволь мнѣ всегда внимавшій словамъ моимъ съ благосклонностію, Государь, на сіе изреченіе Твое сдѣлать мои замѣчанія. Не дерзость спорить съ Тобою, не самонадѣянность на мой ничтожный умъ управляютъ моимъ перомъ, но искренняя, не по одному долгу вѣрноподданнаго, но и по личному къ Тебѣ уваженію, совершенная преданность. Могъ ли бы я свободно изливать передъ Тобою мои чувства, если бы не надѣялся, что Ты хотя бы и нашелъ ихъ несходными съ Твоими, отвергнешь ихъ, но не отвергнешь въ нихъ усердія къ Тебѣ. Сія моя надежда на Тебя, Государь, есть вѣрная Тебѣ порука за мое чистосердечіе. Итакъ, позволь мнѣ продолжать. Твердость правительства, конечно, есть должное и похвальное дѣло, но въ какомъ случаѣ? Когда нѣтъ никакихъ причинъ къ перемѣнѣ постановленія или когда оныя малы. Но если Ты постановилъ что-нибудь Твоимъ повелѣніемъ, и послѣ откроется, что постановленіе сіе приноситъ не пользу, а вредъ, тогда твердость

---

[1]) Письмо это цѣликомъ помѣщено въ запискахъ Шишкова, изданныхъ въ Берлинѣ въ 1870 г.; отрывки изъ него А. Н. Пыпинымъ были напечатаны.

[2]) Докладъ былъ 16-го ноября 1824 г.

Твоя будетъ не похвальна, ибо Царь, какой бы онъ ни былъ прозорливый, есть человѣкъ, онъ можетъ и обманутъ быть и самъ обмануться. Угождающій Тебѣ станетъ заглаживать Твою ошибку, уменьшать худость порожденныхъ отъ нея плодовъ, или еще украшать ихъ и скажетъ, что отмѣна Твоего повелѣнія подвергнетъ имя Твое нѣкоторой предосудительности. Но прямо любящій Тебя и славу Твою скажетъ: Государь! терпѣть вредныя послѣдствія сдѣланной ошибки, опасаясь объявленіемъ оной открыть свое непредусмотрѣніе, есть по многимъ причинамъ неправильное о славѣ своей попеченіе. 1-е) Симъ поступкомъ покажешь Ты, что уподобляешь себя Богу, не могущему погрѣшить, между тѣмъ какъ всякій знаетъ, что ни въ комъ изъ смертныхъ нѣтъ совершенства. 2-е) Давать насажденному злу къ общему всѣхъ вреду укореняться и рости для того только, чтобъ не изобличить себя въ ошибкѣ, есть самолюбію своему жертвовать народнымъ благомъ. 3-е) Всѣ и безъ объявленія Твоего знаютъ сію ошибку, а потому упорное пребываніе Твое въ оной не закроетъ ее отъ глазъ людскихъ, но только покажетъ, что Ты любишь себя больше, нежели общее благо. Отселѣ неправымъ путемъ идущіе люди, видя Тебя не препятствующаго ихъ намѣреніямъ, сдѣлаются дерзновеннѣе, а истинно преданные Тебѣ и отечеству охладѣютъ въ усердіи своемъ и съ печалію отъ Тебя уклонятся. Не могу воздержаться, чтобъ не подкрѣпить разсужденій моихъ случившимся примѣромъ: я думаю, Государь, Ты помнишь исторію Грузинскихъ князей Эристовыхъ. Указомъ Твоимъ, тоже по ходатайству библейскихъ обществъ, о проповѣдываніи якобы христіанства, повелѣлъ Ты отобрать у нихъ издревле принадлежащія имъ земли. Ртищевъ, начальствовавшій тогда въ Грузіи, по данной ему инструкціи, остановилъ Твой указъ, донося, что принадлежность сихъ земель князьямъ Эристовымъ всему краю тому извѣстна. Комитетъ Министровъ представилъ Тебѣ, что отнять у Эристовыхъ собственность безъ всякой ихъ вины было бы не справедливо. Ты, Государь, далъ другой указъ, отмѣняющій силу перваго По возвращеніи сюда Ртищева, я спросилъ у него, какое дѣйствіе произвела въ томъ краю отмѣна перваго указа? Онъ отвѣчалъ мнѣ: всеобщую радость и похвалы Государю. Сей поступокъ его обратилъ къ нему сердца всѣхъ: всѣ въ одинъ голосъ прославляли его справедливость, твердя между собою, что какъ скоро онъ увидѣлъ неправость дѣла, то несмотря на прежнее свое рѣшеніе отмѣнилъ оное. Вотъ истинная слава Царей. Вотъ путь къ пріобрѣтенію любви народной! Сколько разъ Петръ Великій отдавалъ самъ себя на судъ и осужденный похвалялъ судей за правосудіе. Сюлли, видя Генриха IV. готоваго къ предосужденію своему склониться на слезы и рыданія женскія, взялъ его и вывелъ насильно изъ горницы. Никто не осудилъ ни подданнаго, ни Царя, но всѣ даже и понынѣ взираютъ съ удивле-

ніемъ на сей образецъ величія души того и другаго. Подобные поступки Царей не только не помрачаютъ ихъ именъ, но возбуждаютъ къ нимъ любовь и гремятъ въ потомствѣ.

Обратимся теперь къ библейскимъ обществамъ. Сначала могли они показаться въ благовидномъ образѣ, и тѣмъ скорѣе, Государь, уловить сердце Твое, что оно человѣколюбиво, благонамѣренно и богобоязливо; но теперь, когда по долговременномъ опытѣ открываются вѣрныя свидѣтельства, обнаруживающія умышленность зловреднаго ихъ плана, то не разсматривать ихъ цѣли и не взвѣшивать того существеннаго зла, какое отъ нихъ произошло, было бы для нихъ торжество, а для насъ и вредъ, и поношеніе. Ты требуешь, Государь, доказательствъ; требованіе Твое справедливо; но изъ онаго видно, что Тебѣ не всѣ подробности сего лютѣйшаго заговора извѣстны, чему непремѣнно и быть надлежало; ибо Ты не могъ узнать о всѣхъ хитрыхъ замыслахъ, тщательно отъ Тебя скрываемыхъ и доводимыхъ до Твоего свѣдѣнія тогда только, когда можно было имъ дать видъ благонамѣренный. Во всѣхъ углахъ Россіи общество сіе торжественно распространилось; всѣ бумаги и вѣдомости наполнены были похвалами и превозношеніемъ пользы онаго; многіе изъ самаго духовенства нашего сдѣлались въ немъ членами.

Кто жъ могъ пойти противъ него, не подвергаясь за безплодную ревность свою претерпѣть гоненіе? Какимъ же образомъ истина могла до Тебя достигнуть, и могъ ли гласъ быть услышанъ? Но нынѣ, когда намѣренія и дѣянія сего общества стали обнаруживаться, когда, Государь, позволяешь Ты преданнымъ церкви и Тебѣ людямъ говорить правду, когда открылось, не по вѣроятнымъ какимъ заключеніямъ, но по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, по книгамъ напечатаннымъ, обнародованнымъ, возвѣщающимъ, что библейское общество, согласно съ ними, согласно съ иностранными, отъ него вызванными проповѣдниками, дѣйствуетъ въ ихъ духѣ, въ ихъ правилахъ, состоящихъ въ томъ, чтобъ почитать церковь нашу заблудшею, первосвященниковъ нашихъ невѣрующими, всѣхъ царей и вельможъ угнетателями народовъ; когда все сіе можно прочитать въ ихъ книгахъ и видѣть не токмо связи всѣхъ дѣйствій, но даже изъ самыхъ ясно сказанныхъ словъ, то какое остается въ томъ сомнѣніе? Какія еще нужны доказательства? Одно простое воззрѣніе на нихъ показываетъ уже ихъ въ самомъ неблаговидномъ образѣ:

1) Отколѣ сіи общества водворились къ намъ?—отъ англинскихъ методистовъ! Могутъ ли сіи люди, не токмо иновѣрцы съ нами, но и никакой вѣры не имѣющіе, учить насъ христіанству? Развѣ мы какіе-нибудь дикіе народы, безъ ихъ ученій обойтиться не могущіе? 2) Не странны ли, даже, смѣю сказать, не смѣшны ли, въ библейскихъ обществахъ наши митрополиты и архіереи, засѣдающіе въ противность апо-

стольскихъ постановленій, вмѣстѣ съ лютеранами и католиками, кальвинами, квакерами, словомъ со всѣми иновѣрцами? Они съ сѣдою головою, въ своихъ рясахъ и клобукахъ, сидятъ съ мірянами всѣхъ націй, и имъ человѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе! (Божіе по его названію, но въ самомъ дѣлѣ не такое). Гдѣ жъ приличіе, гдѣ важность священнослуженія, гдѣ церковь? 3) Они собираются въ домахъ, гдѣ часто на стѣнахъ висятъ картины языческихъ боговъ, или сладострастныя изображенія любовниковъ, и сіи собранія свои, безъ всякаго богослуженія, безъ чтенія молитвъ и Евангелія, сидя какъ бы въ театрѣ, безъ малѣйшаго благоговѣнія, равняютъ съ церковною службою; и домъ безпрестольный, неосвященный, гдѣ въ прочіе дни пируютъ и пляшутъ, называютъ храмомъ Божіимъ! Не похоже ли это на Содомъ и Гоморъ?

При толь непристойныхъ наружностяхъ, взглянемъ на дѣянія библейскихъ обществъ, посмотримъ, въ чемъ они состоятъ: 1) Въ намѣреніи составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то общую республику и одну религію: мнѣніе мечтательное, безразсудное, породившееся въ головахъ или обманщиковъ или суемудрыхъ людей. Оно сперва скрывалось подъ именемъ тайныхъ обществъ, масонскихъ ложъ, новой философіи; а потомъ, обнаруженное укрылось подъ другія благовиднѣйшія имена либеральности, филантропіи, мистики и тому подобныя; заразило многихъ, порабощаетъ царство наше чужеземцамъ и угрожаетъ тѣми же бѣдствіями, какія нѣкогда въ ихъ земляхъ свирѣпствовали. 2) Въ напечатаніи столько Библій, чтобъ каждый въ государствѣ человѣкъ могъ ее имѣть (такъ сказано въ отчетахъ). Что жъ изъ того послѣдуетъ? Употребится страшный капиталъ на то, чтобъ Евангеліе, выносимое въ церкви съ такою торжественностію, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось подъ лавками, служило оберткою какихъ-нибудь домашнихъ вещей и не дѣйствовало болѣе ни надъ умами, ни надъ сердцами человѣческими. 3) Въ переводѣ Библіи на всѣ языки, на турецкой, на татарской и пр. На что это? Кто поручится за вѣрность сихъ переводовъ, и кто будетъ ихъ читать? 4) Въ размноженіи обществъ, состоящихъ изъ членовъ, которые слѣдовательно отдѣляются отъ прочихъ христіанъ: ибо какая нужда христіанину, который по самому званію сему есть членъ церкви, быть членомъ библейскаго общества? Не знакъ ли это, что онъ отпадаетъ отъ той церкви, на которой основана вѣра, и предается другой, признавая ее за лучшую? Сверхъ сего, къ чему иному поведутъ сіи размноженныя общества, какъ не къ тому, чтобъ собирающаяся, гдѣ и какъ хочетъ, толпа простыхъ и безграмотныхъ людей толковала Библію, по внушеніямъ какого-нибудь еретика, или плута, подкупленнаго и посланнаго къ нимъ нарочно, чтобъ, объясняя священное писаніе криво и превратно, посѣять въ легковѣрныя

сердца ихъ развратъ и неистовство, удобные сдѣлать ихъ хуже и свирѣпѣе всякаго дикаря и язычника? Если обратить вниманіе на дѣйствія библейскихъ обществъ и на всѣхъ агентовъ ихъ, то сіи произведенные ими пагубные плоды, сія уготовляемая ими вокругъ насъ зараза окажется можетъ быть страшнѣе и опаснѣе всякихъ непріятельскихъ нашествій.

Наконецъ, не исчисляя всѣхъ ихъ козней, которыхъ исчислить нельзя, довольно изъ хода дѣлъ и отчетовъ сихъ обществъ усматривается, о чемъ прилагаемо было подлинное попеченіе, о пользѣ ли и утвержденіи православной нашей вѣры, или о противномъ тому. Изъ однихъ обнародованныхъ актовъ, не говоря уже о тайныхъ сношеніяхъ, можно видѣть, какого духа иностранцы вызываемы были сюда, какое имѣли покровительство и одобреніе проповѣдывать по домамъ, какое было ихъ ученіе, и какія отъ того породились секты и расколы. Если библейскія общества стараются только о распространеніи благочестія, такъ они говорятъ, то для чего не соединенно съ церковію нашею, но особо отъ ней дѣйствуютъ и не согласно съ нею? Если намѣреніе ихъ состоитъ въ преподаваніи христіанскихъ ученій, то развѣ церковь наша не преподаетъ намъ оныхъ? Развѣ мы до библейскихъ обществъ не были христіане? И какъ же они учатъ насъ тому?—призываютъ учителей иновѣрцевъ и распускаютъ книги противныя христіанству! Вмѣстѣ съ Библіями разсылаютъ воззванія ко всеобщему бунту [1])! Мнѣ кажется, отъ нихъ-то Христосъ въ Евангеліи предостерегаетъ насъ сими словами: «блюдитеся, да никто же васъ прельститъ, мнози бо пріидутъ во имя мое, глаголюще: азъ есмь Христосъ, и мнози прельстятъ». Чѣмъ больше соображаю я все, доселѣ происходящее съ сими Евангельскими словами, тѣмъ больше нахожу ихъ какъ бы прямо на наши времена указующими. Когда, какъ не нынѣ, со введенія къ намъ библейскихъ обществъ, слыхали мы столько толковъ о вѣрѣ и какихъ же? точно такихъ, о которыхъ Спаситель въ томъ же Евангеліи говоритъ: «аще кто речетъ вамъ, се здѣ Христосъ, не имите вѣры, узрите мерзость запустѣнія, стоящу на мѣстѣ святѣ». Подлинно такъ,—мы видимъ это Когда, какъ не нынѣ, мечтательными умствованіями, разрывающими союзъ христіанскаго братства и любви, устремляются на потрясеніе единодушія и спокойствія народовъ? Когда, какъ не нынѣ, стараясь истребить вѣру

[1]) Намекъ на „Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова",—книгу, которая подверглась наибольшимъ нападкамъ со стороны противниковъ библейскаго мистицизма. Она была переведена съ французскаго И. И. Ястребцовымъ и издана въ 1820 году. Архимандритъ Фотій отмѣтилъ ее какъ „антихристіанскую". (См. статью А. Н. Пыпина, въ „Вѣстн. Евр." 1868 г., кн. 11, стр. 284, и кн. 12, стр. 724 и 736).

во Христа, твердятъ о Немъ, нарушая заповѣдь: да не пріемлеши имени Господа Бога Твоего всуе? Когда, какъ не нынѣ, возстаютъ другъ на друга, и вмѣсто кротости и смиренія, предписуемаго намъ вѣрою, внушаютъ въ сердца наши лютость и свирѣпство противу тѣхъ, кои, не пріемля новыхъ ученій, остаются при вѣрованіи своихъ отцовъ? Когда, какъ не нынѣ, оказывается столько прельщенныхъ, даже добрыхъ и невинныхъ, но которыхъ слухъ и сердце обворожены хитрыми дѣйствіями и словами? Когда, какъ не нынѣ, даются всему превратныя имена: ложь называютъ правдою, буйство—свободою, своеволіе—естественнымъ правомъ, законы—пустословіемъ, твердость въ вѣрѣ—пребываніемъ въ заблужденіи, преданность государю и отечеству—загрубѣлою стариною, странные и чуждые всякой добродѣтели поступки и дѣянія—святостію? и что еще! даже самыя гнуснѣйшія страсти и преступленія свои выдаютъ за божескія внушенія!

Всемилостивѣйшій Государь! долгъ вѣрноподданнаго и преданность моя къ Тебѣ не позволяютъ мнѣ умалчивать мыслей моихъ предъ Тобою. Часто изъ благихъ намѣреній Твоихъ, чрезъ злоупотребленіе оныхъ, выводились несоотвѣтствующія онымъ слѣдствія. Такъ напримѣръ, я имѣлъ счастіе изъ собственныхъ устъ Твоихъ слышать, что Ты, для уменьшенія числа раскольниковъ, желалъ, дабы правовѣрный и благоразумный священникъ, уволенный къ нимъ подъ скрытнымъ именемъ, пріобрѣтя ихъ довѣренность, старался кроткимъ образомъ обращать ихъ на истинный путь. Такое Твое намѣреніе достойно благости Твоего сердца. Но что жъ изъ того послѣдовало? не избранный отъ верховнаго духовенства извѣстный благонравіемъ мужъ посылался туда; но бѣглецъ, отступникъ отъ вѣры, посрамившій санъ свой поруганіемъ церкви, уходилъ къ нимъ, и о немъ-то, когда духовное начальство станетъ требовать его для поступленія съ нимъ по законамъ, велѣно было отвѣчать: онъ тамъ, гдѣ ему быть должно. Не совершенно ли это противоположно Твоимъ намѣреніямъ? Ты желалъ, чтобъ добрый въ стадѣ пастырь кроткими убѣжденіями уменьшилъ число заблудшихъ овецъ, а подъ этимъ видомъ защищаютъ и оставляютъ тамъ преступника, дабы совратить и тѣхъ, которые не поколебались еще въ православіи!—За книгу «Бесѣда на гробѣ младенца» (благонамѣренную) сочинитель и цензоръ были наказаны, а за книгу «Воззваніе къ человѣкамъ» (злонамѣренную) переводчикъ награжденъ. Могло ли происшествіе сіе, толь грозное для благонравныхъ и толь ободрительное для злонравныхъ писателей, не подвергнуть священнаго имени Твоего нѣкоему сомнѣнію, которое сколько служило къ обузданію усердія первыхъ, столько же къ поощренію дерзости вторыхъ. Но можешь ли Ты, Государь, отъ подобныхъ неусмотрѣній избѣжать? Допустятъ ли Тебя безчисленныя Твои занятія и попеченія прочитывать всѣ выходящія книги, дабы узнать, которая изъ нихъ

подлинно хороша или подлинно худа? Въ подобныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть, остановленъ Ты будешь мыслію, что отмѣнять единожды утвержденное Тобою, или съ Твоего позволенія сдѣланное, покажетъ нѣкоторый видъ Твоего непредусмотрѣнія; но, Государь! еще осмѣлюсь повторить: какой поступокъ принесетъ Тебѣ больше славы, тотъ ли, когда Ты, открывъ злоупотребленіе, остановишь оное новымъ Твоимъ повелѣніемъ, или когда, закрывая то, чего закрыть невозможно, попустишь существовать вреду, проистекшему отъ направленія добрыхъ Твоихъ намѣреній въ худую сторону? Я, конечно, могу обманываться въ моихъ размышленіяхъ, но могу также безтрепетно призвать самого Бога въ свидѣтели, что сохраненіе имени Твоего отъ малѣйшей тѣни нареканія есть первѣйшее въ душѣ моей чувство.

Я прилагаю при семъ извлеченное изъ печатныхъ актовъ описаніе ежегоднаго хода библейскихъ обществъ, изъ котораго можно видѣть какъ связь ихъ съ англійскими методистами, такъ и то жъ самое намѣреніе о распространеніи книгъ, содержащихъ въ себѣ умствованія, совершенно противныя всякой христіанской вѣрѣ и всякому правительству. Стараніе издавать таковыя книги вмѣстѣ съ библіями показываетъ очевидное желаніе превратными толкованіями уронить священное писаніе и дать свободу страстямъ и своевольству. Дерзость предпріятія сего годъ отъ году постепенно возрастала. Плоды и успѣхи ея видны въ словахъ и писаніяхъ недавно привезеннаго сюда съ Дону есаула [1]).

---

[1]) Есаулъ сей [1]) схваченъ былъ съ написанною имъ возмутительною противъ вѣры и правительства книгою [2]), основанною на правилахъ изданной въ свѣтъ, переведенной съ иностраннаго языка книги подъ названіемъ: „Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова" [3]). Онъ призванъ былъ къ графу Аракчееву, въ присутствіи митрополита и архимандрита Фотія [4]), гдѣ, вмѣсто признанія себя виновнымъ, укорялъ ихъ дерзкими словами въ незнаніи настоящей вѣры, презиралъ всякія угрозы и, напротивъ, угрожая самъ, говорилъ, что онъ радъ погибнуть, ибо знаетъ, что погибелью своею умножитъ ревность и число своихъ послѣдователей. Видя

---

[1]) По имени Евлампій Котельниковъ; онъ былъ основателемъ вновь появившейся между донскими казаками секты духоносцевъ. Объ обученіи Котельникова см. въ „Русскомъ Архивѣ" 1868 г. „Записку о крамолахъ враговъ Россіи", ст. 1345—1349.

[2]) Рукописная книга эта носила странное заглавіе „Начатки съ Богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ" (тамъ же).

[3]) „Воззваніе" и еще другая книга, сочиненія Ив. Вл. Лопухина: „Черты внутренней церкви" признавались духоносцами за пророческія и читались въ собраніяхъ ихъ наравнѣ съ Библіей (тамъ же).

[4]) Извѣстнаго архимандрита новгородскаго Юрьевскаго монастыря.

Кто знаетъ, до какой степени распространена сія зараза? Между тѣмъ что можетъ быть опаснѣе отпадающихъ отъ истинной вѣры пустосвятовъ и фанатиковъ, которыхъ первое стараніе грабить, разрушать законы, истреблять власти и все то, что имѣетъ нѣкоторую нравственность и не хочетъ раздѣлять съ ними ихъ звѣрства? По всѣмъ симъ обстоятельствамъ почитаю я весьма нужнымъ неукоснительно закрыть библейскія общества и обратить строгое наблюденіе, чтобъ порожденное и питаемое ими зло всячески останавливать и искоренять. Если нужно

его свирѣпымъ и непреклоннымъ, графъ Аракчеевъ и митрополитъ полагали запереть его навсегда въ крѣпость; но архимандритъ Фотій просилъ, чтобъ предоставить ему еще разъ сдѣлать надъ нимъ опытъ своихъ увѣщаній. По нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ, согласились на его представленіе. Онъ заперся съ нимъ одинъ въ кельи. Первый разговоръ ихъ былъ такой, что есаулъ, приведенный къ нему прямо изъ тюрьмы въ грязной, вшивой рубашкѣ, началъ на кроткіе его вопросы отвѣтствовать гнѣвомъ и бранью. Фотій, напротивъ, снималъ съ него вши, и, при всякомъ бранномъ отъ него словѣ, обнималъ его и цѣлуя говорилъ: „Вотъ ты сердишься, а я нѣтъ; ты на меня досадуешь, а мнѣ тебя только жаль; изъ одного этого уже видно, что моя сторона правѣе твоей. Я не прошу тебя, чтобъ ты мнѣ вѣрилъ, но для чего намъ съ кротостью не выслушивать другъ друга?" Есаулъ нѣсколько укротился; но первое свиданіе ихъ ничего надъ нимъ не подѣйствовало. Узнавъ о семъ, я просилъ сказать отцу Фотію, чтобъ онъ, оставаясь наединѣ съ такимъ отчаяннымъ суевѣромъ, остерегался, дабы онъ не принесъ съ собою оружія и не убилъ его. Слова мои были ему пересказаны. Что жъ онъ на другой день сдѣлалъ? велѣлъ накрыть столъ, посадилъ съ собою ужинать есаула и говорить ему: „Опасаются, что ты можешь меня зарѣзать; ножикъ лежитъ передъ тобою; но я этого не боюсь. Безъ воли Божіей ты сего не сдѣлаешь, а Богъ не попуститъ тебя поднять руку на того, кто тебѣ добра желаетъ. Скажи, приходитъ ли тебѣ на мысль убить меня?" Есаулъ, мужичинища дородный, взглянулъ съ удивленіемъ на худощаваго собесѣдника своего и твердымъ голосомъ отвѣтилъ ему: „Нѣтъ, не убью".—„Ну, такъ станемъ же продолжать наши разговоры",—сказалъ Фотій. Такимъ образомъ мало-по-малу искореняя въ немъ ложныя понятія о вѣрѣ, почерпнутыя имъ изъ чтенія мистическихъ книгъ, и открывая ему перетолкованный въ нихъ настоящій смыслъ священныхъ писаній, напослѣдокъ довелъ онъ его до совершеннаго раскаянія, такъ что онъ потребовалъ свою книгу и своеручною подписью предалъ ее проклятію. Въ такомъ же духѣ, отрицаясь отъ всѣхъ ересей, написалъ онъ письмо къ митрополиту, прося у него прощенія и поручая себя его молитвамъ. Достойны примѣчанія слѣдующія слова сего есаула. Онъ говорилъ Фотію: „Я мужъ и отецъ. Предавшись пагубнымъ внушеніямъ и чтенію злочестивыхъ книгъ, я заразился ими, бросилъ жену и дѣтей, не думалъ больше ни объ нихъ, ни о себѣ. Теперь возбудилъ ты во мнѣ снова жалость къ нимъ. Я отступилъ отъ вѣры, отъ добродѣтели и достоинъ всякаго наказанія, но они бѣдные невинны и за меня страдаютъ. Жаль мнѣ ихъ, жаль!" Окончаніе съ симъ есауломъ послѣдовало такое, что велѣно было его освободить, дать ему тысячу рублей и отпустить на родину.

закрытію ихъ придать нѣкоторую благовидность, не обнаруживая открывшейся злонамѣренной цѣли ихъ, то можно сдѣлать сіе разными образами: напримѣръ, предоставить Сvноду донесть о ненадобности болѣе оныхъ, или и безъ сего донесенія, дать указъ, что какъ уже напечатано достаточное количество Библій, то почитая дальнѣйшее попеченіе о томъ болѣе ненужнымъ всѣ библейскія общества закрыть 1), и всѣ въ оныхъ дѣла препроводить для храненія въ Святѣйшій Сvнодъ, которому впредь по мѣрѣ надобности издавать Библіи на прежнемъ основаніи, какое было до введенія библейскихъ обществъ. Такимъ или подобнымъ образомъ можно прекратить оныя и отнять у иностранцевъ надежду возобладать надъ нами не силою оружія, чего они не могутъ, но лукавствами и хитростію, когда посѣютъ между нами секты и раздоры.

Государь! Я далъ Тебѣ слово быть откровеннымъ, и Ты священнымъ словомъ Твоимъ въ томъ же меня увѣрилъ. Я держу свое слово и надѣюсь, что и Ты свое сдержишь въ томъ, что если я чистосердечными размышленіями моими наведу Тебѣ хотя малѣйшую непріятность или скуку, то Ты безъ гнѣва повелишь мнѣ замолчать. Тройственный союзъ 2) сдѣланъ былъ въ намѣреніи воспрепятствовать духу возстанія противъ христіанства и властей; но между тѣмъ оный, подъ иными видами (въ томъ числѣ и библейскими обществами) не перестаетъ оказываться и

(Позднѣйшая приписка): Въ послѣдствіи времени оказалось, что есаулъ сей, возвратясь на родину свою, сочинилъ еще злѣйшую прежней книгу [1]), въ которой насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили притворному обращенію его въ православную вѣру и отреченію отъ своей, почерпнутой имъ изъ разныхъ, такъ называемыхъ, духовно-нравственныхъ, книгъ, а особливо изъ книги „Воззваніе". Онъ продолжалъ распространять свою ересь и вторично былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, имѣя сопутницею своею молодую, пригожую, какъ сказываютъ, дѣвку, которую выдавалъ онъ за дочь свою, вѣроятно, надѣясь чрезъ нее привлечь къ себѣ больше сообщиковъ. Отослали его опять въ тотъ же монастырь; но Фотій не взялся уже обращать его, а поручено было сіе одному изъ тамошнихъ монаховъ, который, вмѣсто обращенія его, самъ отъ него заразился тою же ересью, и объявилъ о томъ письменно [2]).

[1]) Въ это время Русское библейское общество считало 289 частныхъ отдѣловъ. Въ теченіе своего двѣнадцати-лѣтняго существованія, оно издало 876.106 экземпляровъ Библій и разныхъ ея частей. („Вѣстн. Евр." 1868 г., кн. 12: „Русское библейское общество", стр. 740 и 741).

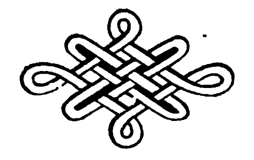
[2]) Т. е. священный.

---

[1]) Вѣроятно упомянутое въ „Запискѣ о крамолахъ" и проч. „Дополненіе" къ прежде написаннымъ имъ „Начаткамъ".

[2]) Согласно съ мнѣніемъ Фотія, Котельникова заперли въ Соловецкій монастырь. „Тамъ онъ раскаялся и умеръ, при отцѣ Александрѣ, въ 1845 или въ 1855 году, и, по отзыву его, святымъ человѣкомъ". („Чтенія" 1868 г. I, Смѣсь. „Изъ Записокъ Фотія", стр. 264).

рости. Карбонарство, явно себя обнаружившее, унято; но гдѣ и кѣмъ? въ малой землѣ великими державами [1]); а если въ великой землѣ, наводящей огромностію и силою своею другимъ землямъ страхъ и зависть, скрытныя дѣйствія того же самаго духа продолжаться будутъ и, чего Боже сохрани, созрѣютъ и вспыхнутъ, то кто придетъ въ землѣ сей устроить порядокъ? Тѣ ли, которымъ нужно, чтобъ она сама собою, внутреннимъ своимъ несогласіемъ ослабила свои силы и чрезъ то подверглась ихъ надъ нею господству? Всемилостивѣйшій Государь! Ты одинъ можешь укротить сей духъ буйства, порывающійся изъ чужихъ земель вторгнуться въ Россію, никогда о немъ не знавшую. Покажи себя защитникомъ православной вѣры своей и покровителемъ другихъ христіанскихъ вѣръ, не попуская раздѣляться имъ на секты и ереси. Будь прямо Русскій Царь, надѣющійся на своихъ вѣрноподданныхъ. Возвысь дворянъ, ограду Твоего престола. Будь отецъ народу, но не давай возмущать его преждевременными внушеніями о вольности, вовлекающими его въ своевольство. Да посѣется между сими двумя состояніями тишина и миръ, а не вражда и злоба. Тогда Ты одинъ, посреди своего народа, сильнѣе будешь всѣхъ царей. Одно слово Твое, одинъ взоръ разсѣетъ въ царствѣ Твоемъ всѣхъ вольнодумцевъ, учениковъ чужихъ земель. Они почувствуютъ заблужденіе свое и обратятся на правый путь. Престолъ Твой оградится вѣрнѣйшими Тебѣ сердцами, и чужеземныя козни не посмѣютъ и приблизиться къ предѣламъ Твоего царства. Ты защитилъ народъ Свой отъ вооружившейся на него Европы. Ты спасешь его отъ сильнѣйшаго врага, адскаго духа, устремляющагося искоренить въ немъ вѣру и всѣ добродѣтели. Твой народъ возлюбитъ Тебя, чужія страны прославятъ, потомство будетъ Тебѣ благодарно, и Богъ, по долговременной жизни Твоей, приметъ Тебя въ свои объятія. Государь! всякій, кто скажетъ Тебѣ не сходное съ симъ, скажетъ ложь, не преданъ Тебѣ, не любитъ Тебя!

[1]) Революціонныя движенія въ Неаполитанскомъ королевствѣ были подавлены въ 1822 г.

Этотъ эпизодъ далъ русской поэзіи нѣсколько бищѣнныхъ перловъ („Обойми, поцѣлуй“, „На зарѣ туманной юности“).

Однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и плодотворныхъ событій въ жизни Кольцова является дружба его съ А. П. Серебрянскимъ, сыномъ священника. Живой, начитанный и образованный, онъ является во многомъ учителемъ для прасола и учителемъ тѣмъ болѣе незамѣнимымъ, что въ отношеніяхъ учителя къ ученику не проявлялось педантизма профессіональнаго наставника, а было свободное, живое и равноправное общеніе.

Въ 1831 г., вскорѣ послѣ знакомства съ Н. В. Станкевичемъ, въ „Листкѣ“ и въ „Литературной Газетѣ“ появились нѣкоторыя стихотворенія Кольцова. Черезъ Станкевича онъ познакомился съ В. Г. Бѣлинскимъ, лучшимъ другомъ и утѣшителемъ въ тяжелую пору жизни поэта. Въ 1835 г. Станкевичъ издалъ стихотворенія Кольцова. Маленькая книжечка, вмѣщавшая въ себѣ всего 18 пьесъ, доставила поэту большую извѣстность въ литературномъ мірѣ и дала возможность познакомиться съ „богомъ поэзіи“—Пушкинымъ. Вотъ въ пересказѣ словами автора содержаніе первыхъ трехъ главъ этого очерка. Четвертая глава знакомитъ насъ съ жизнью поэта среди литературныхъ свѣтилъ, а пятая—съ послѣдними годами жизни Кольцова. Онъ умеръ 19-го октября 1842 года. Въ шестой главѣ говорится о Кольцовѣ, какъ поэтѣ.

Въ концѣ очерка В. В. Огаркова помѣщенъ алфавитный указатель стихотвореній Кольцова, положенныхъ на музыку крупными и знаменитыми композиторами „старой“ и „новой“ школы. Между ними встрѣчаются имена: Глинки, Даргомыжскаго, Рубинштейна, Монюшки, Ломакина, Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго, Кюи, Балакирева и др.

По внѣшнему виду книга издана прекрасно, гравированный Геданомъ портретъ отпечатанъ безукоризненно.

Григорій де-Волланъ. По бѣлу свѣту. Путевыя замѣтки. Часть вторая. Бирма.—Ява.—Китай. — Тонкинъ. — Кохинхина.—Камбоджа.—Сіамъ. Спб. 1895. Цѣна 2 р. 25 к.

Въ сентябрьской книгѣ, говоря о первой части труда почтеннаго автора, мы въ краткихъ словахъ познакомили читателей съ содержаніемъ этой дѣйствительно интересной и занимательной книги. Вторая часть, какъ по содержанію, такъ и по изложенію нисколько не уступаетъ первой. Начинаетъ авторъ съ исторіи Бирмы, приводитъ статистическія данныя о пространствѣ, количествѣ населенія ея, о торговлѣ и промышленности; подробно описываетъ Рангунъ (рисунокъ: Рангунская ступа). Во второй главѣ говорится о Пенангѣ, Сингапурѣ и торговомъ значеніи послѣдняго. Порядки на Суматрѣ и финансовое положеніе голландскихъ колоній, жизнь и политика голландцевъ—входятъ въ составъ содержанія третьей главы. Въ слѣдующей главѣ говорится о резиденціи генералъ-губернатора—Бютензоргѣ („Это сплошной паркъ съ разбросанными въ разныхъ мѣстахъ дачами“). У туземцевъ большія семейства и много дѣтей. Браки бываютъ трехъ родовъ: 1) когда покупаютъ дѣвушку, и тогда она почти раба мужа; 2) когда покупаютъ мужа въ богатую семью, и 3) когда бракъ заключается на правахъ полнаго равенства. Въ пятой по десятую главахъ обращаетъ на себя вниманіе сказанное авторомъ о Гонгъ-Конгѣ и китайцахъ (клубъ, театръ, курители-опіума, лѣчебница, дантисты, протестантская церковь для китайцевъ, похороны, войско, русскія фабрики). Въ десятой и одиннадцатой главахъ говорится о Тонкинѣ, Аннамѣ и Кохинхинѣ. Въ XII-й и XIII-й главахъ авторъ дѣлаетъ историческій и географическій очеркъ Камбоджскаго королевства и знакомитъ съ жизнью и обычаями его обитателей. Въ XIV-й и XV-й главахъ говорится о Семъ-Рапѣ, затѣмъ о Ангкоръ-Ватѣ по описанію китайскаго дипломата Чжоуда-Гуана. Слѣдующая глава озаглавлена такъ: Бакхенъ.—Въ столицѣ Ангкоръ Томъ.—Статуя прокаженнаго короля. — Пимапакосъ. — Бапуонская пирамида. — Баіонъ.—Семъ-Рапъ.—Бакреа. Въ XVII-й главѣ г. де-Волланъ говоритъ о Батамбангѣ, о поѣздкѣ въ Баннонъ и развалинахъ Ватека. Въ XVIII-й и XIX-й главахъ авторъ довольно подробно останавливается на исторіи Сіама, говоритъ о жизни сіамцевъ и ихъ религіи, а въ двадцатой главѣ подробно описываетъ Бангкокъ, резиденцію сіамскаго короля, и Аютію,—прежнюю столицу Сіама. Описывая въ послѣдней, XXI-й главѣ, аудіенцію у короля въ прежнее время и церемонію при восшествіи на престолъ, а также доходы короля, авторъ о нынѣшнемъ сіамскомъ королѣ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Король,—можно сказать безъ преувеличенія,—самый красивый и самый представительный изъ всѣхъ видѣнныхъ мною сіамцевъ“... „поступь царственная, онъ роста средняго и очень хорошо сложенъ“ (при книгѣ приложены портреты короля и королевы).

Н. К-ш-ъ.

Редакторъ-издатель: **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXV-й. **НОЯБРЬ.** 1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Портр. **барона Ѳ. А. Бюллера.** Грав. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1895 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ отъ 11 до часа по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.
1894.

Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка. Часть II. Исторія военнаго искусства въ новые вѣка до вѣка Людовика XIV и Петра Великаго включительно. Книжка 1-я. Военное искусство въ Западной Европѣ. Съ 29 чертежами, планами и картами. Составилъ экстраординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба полковникъ Гейсманъ. СПб. 1894 г.

Не вдаваясь въ оцѣнку труда г. Гейсмана, какъ труда строго спеціальнаго, мы ограничимся передачею его содержанія.

Глава I. Переходная эпоха. Возрожденіе военнаго искусства.—Трактатъ Маккіавелли о военномъ искусствѣ. — Состояніе войскъ въ переходную эпоху.— Пѣхота. — Организація. — Вооруженіе. — Боевые строи. —Боевыя дѣйствія. — Походные строи. – Кавалерія. – Рейтары. Разные виды легкой кавалеріи.—Кирасиры.—Зарожденіе конницы драгунскаго полка. — Вооруженіе кавалеріи. – Тактическія единицы, —Строй. — Обзоръ дѣйствій кавалеріи въ бою.—Заключеніе о кавалеріи въ переходную эпоху.—Значеніе ручнаго огнестрѣльнаго оружія въ переходную эпоху.—Артиллерія.—Соразмѣрность между родами оружія. — Боевые порядки и боевыя дѣйствія совокупности всѣхъ родовъ оружія.—Походные порядки. — Инженерное дѣло. — Военная іерархія и управленіе.—Содержаніе и призрѣніе войскъ.—Бытъ, духъ и дисциплина войскъ. — Строевое обученіе. — Стратегическое искусство.

Глава II. Эпоха Густава Адольфа. Результатъ неудовлетворительности военной системы западно-европейскихъ государствъ.—Превосходство военной системы Швеціи и шведской арміи. — Устройство войскъ, ихъ боевыя построенія и дѣйствія. Пѣхота.—Сравненія и заключенія. — Кавалерія.—Артиллерія. – Боевые порядки и боевыя дѣйствія всѣхъ родовъ оружія въ совокупности. — Марши. — Расположеніе на отдыхъ. — Охраненіе. — Оріентированіе. — Военно-инженерное дѣло. — Содержаніе и продовольствіе войскъ. –Дисциплина и духъ войскъ. – Заключеніе.

Глава III. 30-лѣтняя война. Политическое состояніе Германіи въ началѣ XVII ст. Причины и начало 30-лѣтней войны. – Дѣйствія имперскихъ и вообще католическихъ войскъ противъ протестантовъ и ихъ союзниковъ до прибытія въ Германію Густава Адольфа.—Очеркъ обстановки въ 1630 г. ко времени высадки Густава Адольфа въ сѣверной Германіи. — Высадка шведовъ въ устьѣ Одры. —Планъ Густава Адольфа и измѣненія въ немъ. – Кампанія 1630 г. Кампанія 1631 г. до Брейтенфельдскаго сраженія.—Оцѣнка дѣйствій обѣихъ сторонъ отъ начала войны до Брейтенфельдскаго сраженія. – Сраженіе при Брейтенфельдѣ 17 сентября 1631 г.—Разборъ и заключенія.— Кампанія 1631 г. послѣ Брейтенфельдскаго сраженія. — Кампанія 1632 г.—Переправа Густава Адольфа чрезъ р. Лехъ. – Занятіе королемъ Баваріи и операціи послѣ появленія арміи Валленштейна. — Нюренбергскій лагерь.—Операціи на второстепенныхъ театрахъ.—Операціи короля и Валленштейна въ Баваріи и Саксоніи.—Оцѣнка дѣйствій обѣихъ сторонъ въ періодъ между Брейтенфельдскимъ и Люценскимъ сраженіями.— Сраженіе при Люценѣ 6 ноября 1632 г.— Разборъ и заключенія.—Ходъ событій послѣ смерти Густава Адольфа. — Заключеніе о военномъ искусствѣ Густафа Адольфа по отношенію къ эпохѣ 30-лѣтней войны и къ исторіи искусства вообще.

Глава IV. Вѣкъ Людовика XIV. Политическое состояніе и значеніе западно-европейскихъ государствъ. —Преобладаніе Франціи. —Измѣненія въ военной системѣ европейскихъ государствъ. — Устройство войскъ. —Пѣхота.—Образованіе однородной пѣхоты. —Единицы административныя и тактическія. —Строй. — Преувеличеніе значенія огня и его слѣдствія.—Кавалерія.— Вооруженіе. — Единицы административныя и тактическія. —Строй. —Образъ дѣйствій въ бою. — Артиллерія. — Боевые порядки и боевыя дѣйствія совокупности всѣхъ родовъ оружія. —Тактическое искусство. —Инженерное искусство. — Обученіе войскъ.— Духъ и дисциплина войскъ. —Содержаніе и продовольствіе армій. — Военныя учрежденія для управленія арміями.—Образъ веденія военныхъ дѣйствій. — Стратегическое искусство. —Сравненіе западной Европы съ восточною въ отношеніи военнаго искусства.

Глава V. 2-я нидерландская война. —Кампаніи 1674 и 1675 гг. на эльзасскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. —Тюренпъ, какъ полководецъ.—Значеніе 1-й нидерландской войны. — Вторая нидерландская война —

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Богу Всемогущему угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ прервать драгоцѣнную жизнь горячо любимаго Родителя Нашего Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болѣзнь не уступила ни лѣченію, ни благодатному климату Крыма, и 20-го октября Онъ скончался въ Ливадіи, окруженный Августѣйшей Семьей Своей, на рукахъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Нашихъ.

Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ Государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчность и оставившему родную землю, которую Онъ любилъ всею силою Своей русской души и на благоденствіе которой Онъ полагалъ всѣ помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами никогда не перестанутъ чтить память Царя, олицетворявшаго непоколебимую правду и миръ, ни разу не нарушенный во все Его Царствованіе.

Но да будетъ святая воля Всевышняго и да укрѣпитъ Насъ незыблемая вѣра въ премудрость Небеснаго Промысла, да утѣшитъ Насъ сознаніе, что скорбь Наша — скорбь всего возлюбленнаго народа Нашего, и да не забудетъ онъ, что сила и крѣпость святой Руси — въ ея единеніи съ Нами и въ безпредѣльной Намъ преданности. Мы же, въ этотъ скорбный, но торжественный часъ вступленія Нашего на Прародительскій Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, вспоминаемъ завѣты усопшаго Родителя Нашего и, проникшись ими, пріемлемъ священный обѣтъ передъ Лицемъ Всевышняго всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ.

Всемогущій Богъ, Ему же угодно было призвать Насъ къ сему великому служенію, да поможетъ Намъ. Вознося горячія молитвы къ Престолу Вседержителя объ упокоеніи чистой души незабвеннаго Родителя Нашего, повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ подданнымъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгію Александровичу, Которому быть и титуловаться Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, доколѣ Богу угодно будетъ благословить рожденіемъ Сына предстоящій бракъ Нашъ съ Принцессою Алисою Гессенъ-Дармштадтскою.

Данъ въ Ливадіи, лѣто отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ девяносто четвертое, Царствованія же Нашего въ первое. Октября 20-го дня.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1895 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1895 году въ двадцать шестой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1895 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ А. Ѳ. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьева, Н. Ѳ. Дубровина, Жмакина, А. И. Ильинскаго, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Я. Ольшевскаго, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Тучкову-Огареву, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, П. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Отзывы о содержаніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ; 12) Народная словесность; 13) Архивные документы, 14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 году, если пожелаютъ получить первую часть **Записокъ В. А. Инсарскаго,** которая была напечатана въ 1894 году, приплачиваютъ **50** коп.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло»**.

РЕДАКЦІЯ ПЕЧАТАЕТЪ И ВЫПУСТИТЪ ВЪ СВѢТЪ ВЪ ЯНВАРѢ 1895 ГОДА

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Эти записки въ видѣ извлеченій и отрывковъ появлялись уже въ печати, но никогда не были изданы въ полномъ ихъ объемѣ. Нынѣ редакція **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** пріобрѣла отъ его брата полный экземпляръ подлинной рукописи и приступила къ отдѣльному изданію безъ всякихъ пропусковъ и какихъ-либо сокращеній. Такимъ образомъ въ первый разъ появится въ печати полный трудъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля и патріота, дѣйствовавшаго въ трудную для Россіи эпоху Отечественной войны.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1895 г., подписавшихся до 1 февраля, уступается за 1 р. 50 к.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги **непосредственно** въ главную контору, въ Петербургъ, **Фонтанка, 145.** Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

БАРОНЪ

Ѳ. А. БЮЛЛЕРЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1894 г.

НОЯБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1894.

Воспоминанія Н. А. Тучковой-Огаревой.

ГЛАВА XI [1]).

Переѣздъ въ Лондонъ.—Новое помѣщеніе. — Несостоявшаяся свадьба А. А. Герцена.—Русскій шпіонъ.—Докторъ Девиль.—И. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстой. — Извѣстіе въ Лондонѣ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. — Похороны „Колокола".

Вскорѣ прислали изъ Лондона теплую одежду для меня и для моей малютки, и я рѣшилась оставить Швейцарію и возвратиться въ Лондонъ, несмотря на холодъ. Когда я пришла по обыкновенію къ г-жѣ Фогтъ и стала ей разсказывать о моемъ намѣреніи ѣхать въ Англію зимой, она покачала головой. Ей не нравился этотъ проектъ; кромѣ того она привыкла къ намъ, особенно къ моей малюткѣ, и ей жаль было разстаться съ нами.

— Нѣтъ, говорила она, по-моему не такъ надо бы сдѣлать, вамъ слѣдуетъ остаться здѣсь зиму, а весной Огаревъ или Герценъ пріѣдетъ за вами.

— Но это немыслимо,—возражала я,— Огаревъ страдаетъ такой болѣзнью, которая не позволяетъ ему ѣхать одному; а Герценъ едва-ли рискнетъ проѣхать черезъ Германію, а черезъ Францію ему тоже нельзя ѣхать. Стало быть никто за мной не можетъ пріѣхать, и лучше, чтобъ я ѣхала сама.

Я привела въ исполненіе это крайне необдуманное намѣреніе, и къ счастію моя дочь вынесла безъ болѣзни переѣздъ изъ Швейцаріи въ Лондонъ черезъ Парижъ, куда мнѣ писали заѣхать къ Мальвинѣ Мейзенбугъ, съ которой жила маленькая Ольга Герценъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину" октябрь 1894 г.

*

Моя малютка имѣла къ ней большую привязанность, и всѣ наши хотѣли, чтобъ дѣти свидѣлись хоть не на долго.

Переѣздъ въ Англію былъ труденъ, потому что было необыкновенно холодно. Наконецъ мы пріѣхали вечеромъ въ Лондонъ. Герценъ и Огаревъ встрѣтили меня на желѣзной дорогѣ; моя маленькая дочь ихъ узнала, и обоюдная радость была безконечна.

Кебъ, взятый нами у дебаркадера, остановился передъ домомъ, стоящимъ отдѣльно; это былъ «Orseth house» (Westborn terrace Wybleton). Въ этотъ домъ переѣхали безъ меня. Наташа Герценъ находилась дома и съ ней вродѣ наставницы была англичанка miss Reeve, очень умная и образованная дѣвушка среднихъ лѣтъ. Читая нѣкоторыя сочиненія Герцена, которыя были переведены по-англійски, miss Reeve написала Герцену сочувственное письмо и такимъ образомъ познакомилась съ нимъ.

Orseth house былъ домъ въ пять этажей, окруженный глубокимъ рвомъ. Внизу была кухня съ принадлежащими къ ней помѣщеніями и съ комнатой для повара. Въ слѣдующемъ этажѣ находилась столовая и возлѣ двѣ просторныя комнаты, гдѣ жили miss Reeve и Наташа. Оба эти этажа были ниже улицы. Въ третьемъ помѣщались: передняя съ входной дверью съ улицы, рабочій кабинетъ Герцена, очень просторный и большой салонъ, гдѣ стояло фортепіано, было два камина и только два окна; салонъ былъ не очень свѣтелъ. На верху находились три комнаты. Въ самой большой жилъ Огаревъ, потому что эта комната служила ему также рабочимъ кабинетомъ; рядомъ моя комната, гдѣ я жила съ моей малюткой, и далѣе комната Герцена. Выше, т. е. въ пятомъ этажѣ, были комнаты для женской прислуги, невысокія, маленькія, но свѣтлыя и чистыя. Въ каждой стояла желѣзная кровать, стулъ, столикъ, умывальныя принадлежности.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Англію, къ намъ пріѣхалъ Александръ Александровичъ Герценъ съ своей невѣстой и съ ея семействомъ. Она провела недѣль шесть у насъ въ домѣ, а родные ея жили отдѣльно. Я только потому упомянула объ этомъ событіи, что оно обрисовываетъ такъ хорошо характеръ Герцена. Хотя онъ былъ очень недоволенъ предстоящимъ бракомъ, но когда Е.... У.... пріѣхала къ намъ съ женихомъ, Герценъ принялъ ее очень радушно,

обращался съ ней очень ласково, словомъ, былъ съ ней какъ съ дочерью. Родители ея возвращались въ Америку, мы ихъ просили оставить Е.... у насъ въ домѣ, чтобъ она привыкла къ строю, къ взглядамъ семьи; это было тѣмъ возможнѣе, что Александръ Александровичъ ѣхалъ въ морское путешествіе съ Карломъ Фогтомъ на цѣлые шесть мѣсяцевъ. Но мать не согласилась на это предложеніе, говоря, что у насъ нѣтъ никого строгаго въ домѣ и что мы Е.... непремѣнно избалуемъ; и Е... должна была сопровождать своихъ родителей въ Америку. Такъ какъ женихъ и невѣста были очень молоды, время, разлука охладили ихъ чувства, и бракъ этотъ не состоялся.

Герценъ мнѣ разсказывалъ, что, во время моего отсутствія, г-жа Оконель, занимающаяся живописью и вовсе незнакомая ему, написала ему письмо и спрашивала его, не согласится ли онъ дать ей пять сеансовъ, потому что она очень бы желала сдѣлать его портретъ. Когда онъ пришелъ первый разъ, она приняла его очень любезно, сказала ему, что много слышала о немъ и, занимаясь живописью, желаетъ сдѣлать его портретъ для потомства. Каждый разъ какъ Герценъ приходилъ, оканчивая сеансъ, она благодарила его, говоря, что это большая честь для нея. Это была женщина лѣтъ пятидесяти. Дальнѣйшая участь портрета Герцена, сдѣланнаго ею, мнѣ неизвѣстна.

Когда мы жили въ Orseth hous'ѣ, русскіе почти ежедневно являлись къ Герцену; не мудрено было проникнуть и шпіону. Помню, какъ къ намъ пріѣхалъ одинъ господинъ по фамиліи Хотскій, который разсказывалъ, что будто былъ на-дняхъ на русскомъ кораблѣ, гдѣ моряки, узнавъ, что онъ былъ уже у Герцена, сдѣлали ему овацію. Хотскій остался ночевать на кораблѣ, и ему вмѣсто подушки положили подъ голову «Полярную Звѣзду» и «Колоколъ». Когда я сошла вечеромъ въ гостиную, мнѣ пришлось тоже протянуть руку Хотскому; но какое-то предчувствіе подсказало мнѣ, что его слѣдуетъ остерегаться. Отвѣчая уклончиво на его вопросы относительно присутствующихъ соотечественниковъ, я передала Герцену мои опасенія. Онъ отвѣчалъ на это: «дѣйствительно, лицо его очень несимпатичное».

Нѣсколько дней спустя, получено было изъ Петербурга письмо,

въ которомъ предупреждали Герцена, что г-нъ Хотскій, о которомъ шла рѣчь, служитъ въ третьемъ отдѣленіи.

Узнавъ обо всемъ этомъ, итальянскіе революціонеры поручили двумъ лицамъ изъ своей среды постоянно и повсюду слѣдовать за г-номъ Хотскимъ, которому этотъ бдительный надзоръ вѣроятно не понравился, потому что онъ вскорѣ окончательно оставилъ Англію.

По возвращеніи моемъ въ Лондонъ, время шло обычнымъ порядкомъ; каждое воскресенье собирались эмигранты разныхъ странъ и нѣкоторые неосторожные соотечественники. Нашъ докторъ Девиль бывалъ чаще, чѣмъ прежде, и казался очень предупредителенъ, чтó было совсѣмъ не въ его характерѣ. Разъ Герценъ собирался на вечеръ съ Наташей, кажется, къ Мильнергинсонъ. Это случилось при Девилѣ, который, слыша, что Герценъ посылаетъ Жюля за каретой, предложилъ свою и такъ настоятельно, что Герценъ наконецъ согласился воспользоваться его любезностью. Уступая просьбамъ Девиля, Герценъ сѣлъ съ Наташей въ карету, а Девиль сѣлъ на козлы возлѣ кучера. На другой день мы посмѣялись надъ перемѣной въ характерѣ Девиля. Нѣсколько дней позже, кажется, въ ближайшее воскресенье, Девиль былъ опять у насъ и въ разговорѣ со мной выразилъ надежду, что и я поѣду когда-нибудь прогуляться въ его каретѣ съ Наташей и съ моей малюткой и что онъ намѣренъ заказать четырехмѣстную карету вмѣсто двухмѣстной, для того чтобъ намъ было просторнѣе сидѣть въ ней. Онъ сказалъ, что желаетъ имѣть желтую карету. На эти слова Огаревъ возразилъ, что, по его мнѣнію, желтый цвѣтъ нейдетъ для экипажа. Тогда Девиль пристально посмотрѣлъ на Огарева, ища какой-то тайный намекъ въ этомъ безразличномъ замѣчаніи.

Девиль становился все страннѣе, по моему мнѣнію, и втайнѣ я начинала находить, что желтый цвѣтъ идетъ къ нему.

Вскорѣ Девиль насъ еще болѣе удивилъ; онъ имѣлъ объясненіе съ Герценомъ и просилъ руки его дочери, тогда очень молоденькой дѣвочки, тогда какъ Девилю было за сорокъ лѣтъ. Крайне удивленный этимъ предложеніемъ, Герценъ благодарилъ его за честь, но отвѣчалъ, что Наташа такъ молода, что и не думаетъ о бракѣ.

Послѣ этого объясненія, болѣзнь Девиля стала еще рѣзче обозначаться. Мы кончили тѣмъ, что велѣли Жюлю не принимать его;

но Девиль дарилъ и упрашивалъ прислугу, и Жюль, не понимая, какъ важно въ иныхъ случаяхъ послушаніе, впускалъ Девиля, подвергнувъ разъ жизнь Герцена опасности.

Однажды утромъ рѣзко позвонили; это былъ Девиль. Увидавъ его уже въ передней, Герценъ попросилъ его въ салонъ. «А, сказалъ Девиль, я узналъ, что вы дома, сегодня утромъ я хотѣлъ было васъ убить, потомъ хотѣлъ застрѣлиться, теперь раздумалъ, продолжалъ онъ, цѣлуя Герцена». «Вы, можетъ, не вѣрите, взгляните, вотъ заряженный револьверъ».—Онъ его вынулъ изъ кармана и показалъ Александру Ивановичу.

— Теперь я опять добрый, счастливый и хотѣлъ бы видѣть всѣхъ людей счастливыми.

Насилу Герценъ уговорилъ его возвратиться домой.

Въ то время Юрій Николаевичъ Голицынъ очень бѣдствовалъ, но былъ на свободѣ, не помню, былъ ли онъ выпущенъ на поруки. Я сказала Огареву, что желала бы познакомиться съ пріѣхавшей съ нимъ Юліей Ѳедоровной, потому что она была очень одинока и должна была вскорѣ родить. Она мнѣ очень понравилась своимъ музыкальнымъ талантомъ и приводила меня въ удивленіе, играя Бетховенскія сонаты наизусть. Мы разговорились о ея положеніи, и я спросила, кого она намѣрена пригласить въ качествѣ доктора, такъ какъ въ Англіи ученыхъ акушерокъ тогда не было. Она отвѣчала мнѣ, что Юрій Николаевичъ хотѣлъ пригласить Девиля, потому что съ англичаниномъ ей невозможно было бы объясняться.

Мнѣ было весьма непріятно слышать это, но я не рѣшалась высказать ей мои опасенія относительно Девиля, и слишкомъ мало ее знала, чтобъ давать ей совѣты. Я сказала только Юліи Ѳедоровнѣ, что для себя намѣрена пригласить Пристлея.

Вскорѣ испросивъ у Наполеона III позволеніе о выѣздѣ въ Парижъ для свиданья съ больной дочерью Ольгой, Герценъ отправился съ Наташей въ Парижъ. Во время его отсутствія, мнѣ доложили разъ, что его спрашиваетъ французскій аптекарь Жозо. Я велѣла отвѣтить, что Герценъ въ Парижѣ; тогда Жозо попросилъ меня принять его по важному дѣлу. Я пригласила его въ салонъ; онъ сѣлъ противъ меня, извиняясь, что обезпокоилъ меня.

— Я знаю, сказалъ онъ послѣ обычныхъ привѣтствій, что ва-

ше семейство въ дружескихъ отношеніяхъ съ нашимъ уважаемымъ докторомъ Девилемъ, а потому осмѣливаюсь спросить, не замѣчали ли вы или кто-нибудь изъ вашихъ что-нибудь странное за послѣднее время въ нашемъ уважаемомъ другѣ?

Я молчала, обдумывая, какъ отвѣчать на такой неожиданный вопросъ. Понявъ, вѣроятно, мое затруднительное положеніе, Жозо продолжалъ:

— Будьте увѣрены, что это останется между нами. Видите, я буду тоже вполнѣ откровененъ съ вами. Нѣсколько недѣль тому назадъ у моей служанки заболѣла нога такъ сильно, что она не могла почти ступить. Когда докторъ Девиль заѣхалъ по обыкновенію въ аптеку, я попросилъ его взглянуть на больную и прописать ей лѣкарство, на что̀ онъ согласился очень охотно, осмотрѣлъ ногу и прописалъ рецептъ. Проводивъ и поблагодаривъ доктора, я отправился въ аптеку съ рецептомъ и тамъ развернулъ его. Это былъ наборъ словъ по-латыни, изъ котораго не выходило никакого смысла. Черезъ нѣсколько дней является въ аптеку посланный отъ больнаго съ подобнымъ рецептомъ, подписаннымъ докторомъ Девилемъ. Что же мнѣ дѣлать!? Мы обязаны исполнить немедленно предписаніе медика, а предписанія доктора Девиля безсмысленны, вредить же репутаціи доктора разглашеніемъ моихъ замѣчаній я не желалъ бы; докторъ Девиль такой прекрасный человѣкъ. По всему этому я желалъ спросить у васъ, не замѣчалъ ли г-нъ Герценъ или г-нъ Огаревъ что-нибудь странное, особенное въ ихъ пріятелѣ докторѣ Девилѣ?

Я отвѣчала, что дѣйствительно странности доктора Девиля въ послѣднее время обратили вниманіе обоихъ друзей, что они предполагаютъ какую-то внезапную болѣзнь у доктора и что въ настоящее время докторъ Девиль насъ болѣе не пользуетъ. Жозо сказалъ, что, стало быть, его предположенія оправдались, всталъ и раскланялся.

На другой день по утру, но уже не рано, явился князь Юрій Николаевичъ Голицынъ и просилъ меня навѣстить Юлію Ѳедоровну, если можно тотчасъ. Въ пять часовъ по утру, разсказывалъ князь Голицынъ, онъ ѣздилъ самъ за Девилемъ, который обѣщался быть немедленно у больной; однако время шло, а его все не было.

Наконецъ, въ исходѣ девятаго часа, онъ явился съ какимъ-то господиномъ на видъ очень порядочнымъ и хорошо одѣтымъ и, къ удивленію Юрія Николаевича, прошелъ съ нимъ прямо въ спальню Юліи Ѳедоровны. Голицынъ поклонился незнакомцу и спросилъ его:

— Вы вѣроятно тоже докторъ?

— О, нѣтъ, отвѣчалъ тотъ съ какимъ-то отчаяніемъ въ голосѣ, я вовсе не медикъ; проводите меня пожалуйста отсюда, пока докторъ не смотритъ на насъ, я вамъ разскажу, какъ я сюда попалъ.

Юрій Николаевичъ исполнилъ желаніе говорящаго. Когда они вышли въ садъ, незнакомецъ сказалъ ему:

— Я шелъ задумчиво по Regeen street, двухмѣстная карета меня обгоняетъ, мужская голова высовывается изъ кареты, и незнакомый мужчина въ очкахъ зоветъ меня по-французски: «Monsieur, monsieur, кричалъ мнѣ господинъ изъ кареты, во имя чести, я требую, чтобъ вы остановились». При этихъ словахъ, я поспѣшно подошелъ къ остановившейся каретѣ. Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?—спросилъ я.

— Поѣдемте со мной, не отказывайтесь, вы все узнаете послѣ; вы должны быть моимъ свидѣтелемъ, намъ нѣкогда терять время; во имя чести поѣдемте. Я сѣлъ въ карету, и мы пріѣхали сюда; болѣе я ничего не знаю, прощайте и извините мой неумѣстный визитъ, сказалъ незнакомецъ, кланяясь, и удалился.

«Юлія Ѳедоровна, говорилъ князь Голицынъ, хотѣла о чемъ-то спросить доктора, но онъ ее не слушалъ, онъ говорилъ ей:

— Попробуйте мои волосы; не правда ли, какъ они мягки, а это потому, что я читаю Библію, что̀ и вамъ совѣтую дѣлать.

«Видя, что Девиль не занимается больной, а только безпокоитъ ее своими пустыми рѣчами, я пригласилъ его напиться со мной кофе. Когда мы вошли въ столовую, все было уже на столѣ. Докторъ сѣлъ, разсѣянно пилъ, потомъ спросилъ:

— Князь, что мы пьемъ?

— Кофе, отвѣчалъ я, улыбаясь его разсѣянности.

— Вы меня отравили, вскричалъ онъ, я сейчасъ же объ этомъ заявлю полиціи, всталъ и уѣхалъ.

«Не знаю, говорилъ смѣясь Юрій Николаевичъ, доносилъ ли онъ полиціи на меня или нѣтъ. Что же съ нимъ? Онъ въ самомъ дѣлѣ

съ ума сошелъ, жаль его, онъ былъ хорошій докторъ и прямой человѣкъ. Однако, я заговорился, прибавилъ князь Голицынъ, надо сходить поскорѣй хоть за англійскимъ докторомъ; будьте такъ добры, посидите немного у насъ, вы хоть будете переводчицей, а то Юлія ни слова не знаетъ по-англійски».

Я пошла къ нимъ и взяла свою малютку, которая играла весь день въ ихъ саду съ своей няней. Вечеромъ я сходила домой, чтобъ уложить свою маленькую дочь, потомъ возвратилась къ Юліи Ѳедоровнѣ. Добрая miss Reeve обѣщала никуда не отлучаться до моего возвращенія. Въ полночь у Юліи Ѳедоровны родился сынъ; поздравивъ ее, я поспѣшила отправиться домой. Князь Голицынъ проводилъ меня, но къ счастію мы тотчасъ встрѣтили полицейскаго, котораго я просила достать мнѣ карету, чтобъ вернуться поскорѣй домой. Полицейскій поднесъ къ губамъ свистокъ и издалъ пронзительный звукъ. Вскорѣ послышался стукъ приближающейся кареты. Когда она подъѣхала, онъ меня усадилъ въ нее и сказалъ, сколько слѣдуетъ заплатить.

Послѣ послѣднихъ похожденій Девиля у князя Голицына, для всѣхъ знакомыхъ доктора было несомнѣнно, что онъ психически боленъ. Но, несмотря на это, онъ продолжалъ ежедневно принимать больныхъ, пока не случилось какому-то горячему лорду заѣхать къ Девилю, чтобъ попросить его дать ему что-нибудь отъ зубной боли. Девиль окинулъ его насмѣшливымъ взглядомъ и сказалъ:

— Я вамъ совѣтую надѣть кринолинъ.

Лорду не понравилась такая неумѣстная шутка, онъ пришелъ въ неописанный гнѣвъ и довелъ до свѣдѣнія начальства, что докторъ Девиль сошелъ съ ума, а между тѣмъ принимаетъ ежедневно больныхъ.

Послѣдствіемъ этого заявленія было то, что ежедневный пріемъ больныхъ у Девиля прекратился. Вскорѣ слухи о болѣзни доктора дошли и до его брата, который просилъ, чтобъ братъ его, докторъ Девиль, былъ освидѣтельствованъ, а на имущество его было бы наложено запрещеніе. Когда нѣсколько докторовъ съѣхались въ квартирѣ Девиля для освидѣтельствованія его и прибывшіе стали задавать ему разные вопросы, Девиль лукаво улыбнулся.

— Господа, сказалъ онъ, вы пріѣхали свидѣтельствовать меня, я

помню, мнѣ приходилось тоже дѣлать то, что вы дѣлаете нынче, задавать тѣ вопросы, которые вы мнѣ нынѣ предлагаете. Ну, что же, спрашивайте, я буду отвѣчать.

Доктора сконфузились и стали опровергать его догадки, но докторъ Девиль стоялъ на своемъ.

— Зачѣмъ вы хотите меня обманывать, это безполезно, я глубоко убѣжденъ, что вы пріѣхали меня свидѣтельствовать, потомъ наложить арестъ на мое имущество, а меня засадить въ клѣтку въ очень пріятное заведеніе.

Дѣйствительно, всѣ эти предположенія сбылись. Доктора Девиля отправили съ полицейскимъ во Францію, гдѣ тотъ долженъ былъ сдать его въ домъ умалишенныхъ.

Оригинально, что самъ Девиль училъ полицейскаго, къ кому обращаться и какъ его сдать. Вскорѣ Девиль окончилъ тамъ жизнь.

По возвращеніи изъ Парижа, Герценъ разсказывалъ очень много о декабристѣ Волконскомъ, который показался ему очень симпатиченъ. Двоюродный братъ Герцена, Левицкій, сдѣлалъ тогда превосходную фотографію съ Герцена въ сидячемъ положеніи, облокотившагося на столъ. Фотографія эта уцѣлѣла у меня, я думаю, она очень извѣстна въ Россіи.

Послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, въ Парижѣ Герценъ впервые встрѣтился съ своей кузиной, Татьяной Петровной Пассекъ. Онъ много передавалъ о своемъ свиданіи съ ней, говорилъ, что Яковлевы дурно поступили съ ней, что они завладѣли ея честью; потому, когда Татьяна Петровна Пассекъ нуждалась въ деньгахъ, онъ давалъ ей, сколько она хотѣла, и никогда не спрашивалъ обратно. Въ мнѣніяхъ онъ очень расходился съ другомъ юности. Татьяна Петровна Пассекъ была религіозна и находила въ монархическомъ правленіи спасеніе для своей родины.

Они спорили горячо, каждый крѣпко отстаивая свои убѣжденія, и разстались съ улыбкой, сознавая, что только могила умиротворитъ ихъ крайніе взгляды, но что, пока они живы, они будутъ борцами противоположныхъ лагерей.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Герцена изъ Франціи, къ нему пріѣхали гости, которые насъ всѣхъ очень интересовали: Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и Левъ Николаевичъ Толстой. Перваго мы знали давно,

привыкли къ его капризамъ и маленькимъ странностямъ, послѣдняго мы видѣли въ первый разъ.

Незадолго до отъѣзда изъ Россіи, Огаревъ и я читали съ восторгомъ «Дѣтство», «Отрочество», «Юность» Толстаго, его разсказы о Крымской войнѣ.

Огаревъ постоянно говорилъ объ этихъ произведеніяхъ и объ ихъ авторѣ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, мы спѣшили подѣлиться съ Герценомъ разсказомъ о новомъ, необыкновенно даровитомъ писателѣ. Оказалось, что Герценъ читалъ уже многое изъ его сочиненій и восхищался ими. Особенно удивлялся Герценъ его смѣлости говорить о такихъ тонкихъ, глубоко затаенныхъ чувствахъ, которыя, быть можетъ, испытаны многими, но которыя никѣмъ не были высказаны. Что касается до его философскихъ воззрѣній, Герценъ находилъ ихъ слабыми, туманными, часто бездоказательными.

Толстой у насъ въ домѣ, думали мы съ Наташей и спѣшили въ гостиную, чтобъ взглянуть на замѣчательнаго соотечественника нашего, котораго читала вся Россія. Когда мы вошли, графъ Толстой о чемъ-то горячо спорилъ съ Тургеневымъ. Огаревъ и Герценъ тоже принимали участіе въ этомъ разговорѣ. Въ то время (въ 61 году) Толстому было на видъ около тридцати пяти лѣтъ; онъ былъ средняго роста, черты его лица были некрасивы, большіе сѣрые глаза исполнены какой-то проницательности и задумчивости. Странно только, что вообще выраженіе его лица никогда не имѣло того дѣтскаго добродушія, которое виднѣлось иногда въ улыбкѣ Ивана Сергѣевича и было такъ привлекательно въ немъ.

Когда мы вошли, начались обыкновенныя представленія. Конечно, Толстой и не воображалъ, съ какимъ трепетомъ мы пожали его руку и не говорили даже съ нимъ, а только слушали его разговоры съ другими. Онъ ѣздилъ къ намъ ежедневно. Спустя нѣсколько дней, стало очевидно, что, какъ писатель, онъ гораздо симпатичнѣе, чѣмъ какъ мыслитель, потому что онъ былъ иногда нелогиченъ; сторонникъ фатализма, онъ часто имѣлъ горячіе споры съ Тургеневымъ, въ которыхъ они говорили другъ другу весьма непріятныя вещи. Когда споры прекращались и Толстой былъ въ хорошемъ настроеніи, онъ пѣлъ, аккомпанируя себѣ на фортепі-

зно, солдатскія пѣсни, сочиненныя имъ въ Крыму во время войны:

„Какъ восьмаго сентября
Насъ нелегкая несла
Горы занимать, горы занимать"...

и другія подобныя пѣсни.

Слушая его, мы много смѣялись, но въ сущности было тяжело слушать о всемъ, что дѣлалось тогда въ Крыму. Какъ бездарнымъ генераламъ вручалась такъ легкомысленно участь многихъ тысячъ солдатъ, какъ невообразимое воровство достигло высшихъ предѣловъ. Воровали даже корпію и продавали ее врагамъ, а наши солдаты терпѣливо умирали.

Въ 61 году, не задолго до освобожденія крестьянъ, разъ Герценъ получилъ по городской почтѣ письмо отъ русскаго, который просилъ позволенія представиться ему. Письмо это было написано просто, но съ достоинствомъ и не безъ орѳографическихъ ошибокъ. Герценъ отвѣчалъ, какъ всегда, что радъ видѣть русскаго. Вскорѣ явился молодой человѣкъ и объяснилъ, что онъ крестьянинъ с. Промзина, Симбирской губерніи, по фамиліи Мартьяновъ. Онъ былъ высокаго роста, стройный блондинъ съ правильными чертами лица, выраженіе котораго казалось немного холодное, насмѣшливое и исполненное собственнаго достоинства. Онъ занялся какими-то переводами и прожилъ въ Лондонѣ довольно долго. Сначала Герценъ относился къ нему нѣсколько недовѣрчиво, но вскорѣ характеръ Мартьянова такъ обрисовался рѣзко, что немыслимо было подозрѣвать его въ шпіонствѣ. Мартьяновъ отличался необыкновенно прямымъ нравомъ и рѣзко опредѣленнымъ воззрѣніемъ; онъ вѣровалъ въ русскій народъ и въ русскаго земскаго царя.

Вообще Мартьяновъ не былъ особенно разговорчивъ, но иногда говорилъ съ большимъ увлеченіемъ.

Онъ любилъ дѣтей, часто разговаривалъ съ моей малюткой и уѣзжая подарилъ ей на память черныя бусы изъ высушенныхъ сѣмянъ какого-то кавказскаго растенія. Я сберегла ей эти бусы, и она уже большая носила ихъ и хранила.

Грустно сознавать, что этотъ вполнѣ вѣрноподданный русскій погибъ.

Послѣ освобожденія крестьянъ, польскихъ демонстрацій и русскаго умиротворенія Польши, Мартьяновъ рѣшился возвратиться въ Россію. На границѣ онъ былъ задержанъ и сосланъ въ Сибирь. За что, онъ не зналъ.

Но я забѣгаю впередъ, а мнѣ придется говорить еще о немъ.

Слухи объ освобожденіи крестьянъ наконецъ подтвердились, перестали быть слухами, сдѣлались истиной, великой и радостной правдой. Читая «Московскія Вѣдомости» въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, Герценъ пробѣжалъ начало манифеста, сильно дернулъ за звонокъ, не выпуская изъ рукъ газету, бросился съ ней на лѣстницу и закричалъ громко своимъ звучнымъ голосомъ:

— Огаревъ, Натали, Наташа, да идите скорѣй!

Jules первый прибѣжалъ и спросилъ:

— Monsieur a sonné? (Вы звонили?)

— Je ne sais pas peut-être mais que diable Jules allez donc les chercher tous, vite-vite; qu'est-ce qu' ils ne viennent pas? (Можетъ быть, но что же они нейдутъ? Идите скорѣе, отыщите всѣхъ).

Жюль смотрѣлъ на Герцена съ удивленіемъ и удовольствіемъ.

— Monsieur a l'air bien heureux. (У васъ очень веселый видъ), сказалъ онъ.

— Ah! diable, je crois bien. (Да, я думаю), отвѣчалъ разсѣянно Герценъ.

Въ одну минуту мы всѣ сбѣжались съ разныхъ сторонъ, ожидая что-то особенное, но по голосу Герцена скорѣй хорошее. Герценъ махалъ намъ издали газетой, не отвѣчалъ на наши вопросы о томъ, что случилось, наконецъ вернулся въ свой кабинетъ, и мы за нимъ.

— Садитесь всѣ и слушайте, сказалъ Герценъ и сталъ намъ читать манифестъ. Голосъ его прерывался отъ волненія, наконецъ онъ передалъ газету Огареву и сказалъ:

— Читай, Огаревъ, я больше не могу.

Огаревъ дочиталъ манифестъ своимъ спокойнымъ, тихимъ голосомъ, хотя внутри онъ былъ не менѣе радъ, чѣмъ Герценъ, но все въ немъ проявлялось иначе, чѣмъ въ Герценѣ.

Потомъ Герценъ предложилъ Огареву идти вмѣстѣ прогуляться по городу, ему нужно было воздуха, движенья. Огаревъ пред-

почиталъ свои уединенныя прогулки, но на этотъ разъ онъ охотно принялъ предложеніе своего друга. Въ восемь часовъ вечера они вернулись къ обѣду. Герценъ поставилъ на столъ маленькую бутылку кирасо; мы всѣ выпили по рюмкѣ, поздравляя другъ друга съ великой и радостной вѣстью.

— Огаревъ, сказалъ Герценъ, я хочу праздновать у себя дома у насъ это великое событіе. Быть можетъ, продолжалъ онъ съ одушевленіемъ, въ нашей жизни и не встрѣтится болѣе такого свѣтлаго дня. Послушай, мы живемъ какъ работники, все трудъ, работа, надо когда-нибудь и отдохнуть и взглянуть назадъ, какой путь нами пройденъ, и порадоваться счастливому исходу вопроса, который намъ очень близокъ, быть можетъ, въ немъ и наша лепта есть.

— А вы, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ Наташей, вы должны намъ приготовить цвѣтныя знамена и нашить на нихъ крупными буквами изъ бѣлаго коленкору на одномъ: «освобожденіе крестьянъ въ Россіи 19 февраля 1861 года», на другомъ: «вольная русская типографія въ Лондонѣ» и пр. Днемъ у насъ будетъ обѣдъ для русскихъ, я напишу статью по этому поводу и прочту ее; эпиграфъ уже найденъ: «ты побѣдилъ, галилеянинъ». «Да, государь побѣдилъ меня исполненіемъ великой задачи». На русскомъ обѣдѣ я предложу у себя въ домѣ тостъ за здоровье государя. Кто бы ни отстранилъ препятствія, которыя замедляли шествіе Россіи къ своему совершенствованію и благосостоянію, онъ дѣйствуетъ не противъ насъ. Вечеромъ будутъ приглашены не только русскіе, но всѣ иностранцы, сочувствующіе этой великой реформѣ, всѣ, которые радуются вмѣстѣ съ нами.

Наконецъ день праздника былъ назначенъ. Начались приготовленія: шили флаги, нашивали слова по-англійски, готовили плошки, разноцвѣтные стаканчики для иллюминаціи дома. Услыша о намѣреніи Герцена праздновать освобожденіе крестьянъ, князь Голицынъ вызвался написать квартетъ, который назвалъ «Emancipation», и исполнилъ его у насъ въ день празднества.

Въ назначенный день съ утра было не очень много гостей, только русскіе и поляки. Между прочими Мартьяновъ, князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ, графъ Уваровъ; Тхоржевскій пріѣхалъ

позже всѣхъ; помню, мы были всѣ въ салонѣ, когда онъ вошелъ.

— Александръ Ивановичъ, не веселый праздникъ, въ Варшавѣ русскіе льютъ кровь поляковъ! сказалъ Тхоржевскій запыхавшись.

— Что такое? вскричалъ Герценъ.

— Не можетъ быть! кричали другіе. Тхоржевскій вынулъ изъ кармана фотографическія карточки убитыхъ, только-что полученныя имъ изъ Варшавы.—Тамъ были демонстраціи, разсказывалъ Тхоржевскій, поляки молились на улицахъ, вдругъ раздалась команда, русскіе выстрѣлы положили нѣсколько человѣкъ колѣнопреклоненныхъ [1]).

Всѣ окружили Тхоржевскаго, разсматривали карточки убитыхъ. Герценъ былъ блѣденъ и молчаливъ. Лицо его омрачилось, безпокойное, тревожное, грустное выраженіе смѣнило спокойное и свѣтлое.

Жюль доложилъ, что обѣдъ поданъ. Всѣ спустились въ столовую, на всѣхъ лицахъ замѣтно было тяжелое настроеніе. Обѣдъ прошелъ тихо. Когда подали шампанское, Герценъ всталъ съ бокаломъ въ рукѣ и провозгласилъ тостъ за Россію, за ея преуспѣяніе, за ея благоденствіе, совершенствованіе и пр. Всѣ встали съ бокалами въ рукахъ, горячо отвѣчали, провозглашая другіе тосты, и чокались горячо. У всѣхъ сердце усиленно билось... Герценъ сказалъ краткую рѣчь, изъ которой помню начало. «Господа, нашъ праздникъ омраченъ неожиданной вѣстью, кровь льется въ Варшавѣ, славянская кровь, и льютъ ее братья-славяне»! Все стихло, всѣ молча усѣлись на свои мѣста.

Вечеромъ домъ былъ освѣщенъ; флаги развѣвались на немъ; князь Голицынъ дирижировалъ квартетъ въ салонѣ. По приглашенію Герцена въ «Колоколѣ», собрались кромѣ русскихъ и поляковъ итальянскіе эмигранты съ Мадзини и Саффи; французскіе, между

---

1) Для русскихъ нѣтъ надобности опровергать тѣ клеветы, которыя распространяли поляки у себя дома и за границею о русскихъ. Мы знаемъ, до какихъ униженій были доведены войска только ради терпимости, противупоставленной тогдашнимъ начальствомъ наглости поляковъ. Конечно, Герценъ не имѣлъ возможности провѣрять факты, а основывалъ свои сужденія исключительно на лжи. Пр. редак.

которыми выдѣлялись Луи Бланъ и Шоландье; нѣмцы, англичане и много незнакомыхъ поляковъ и русскихъ.

Минутами казалось, что Герценъ забывалъ о варшавскихъ событіяхъ, оживлялся. Разъ даже сталъ на стулъ и съ одушевленіемъ сказалъ: «новая эра настаетъ для Россіи, и мы будемъ, господа, въ Россіи, я не отчаяваюсь, 19 февраля великій день!» Ему отвѣчали восторженно Кельсіевъ и какіе-то незнакомые соотечественники. Было такъ много народу на этомъ праздникѣ, что никто не могъ сѣсть. Даже кругомъ нашего дома стояла густая толпа, такъ что полицейскіе во весь вечеръ охраняли нашъ домъ отъ воровъ.

Какой-то фотографъ снялъ видъ съ нашего дома, освѣщеннаго, украшеннаго флагами. На крыльцѣ виднѣлась фигура князя Юрія Николаевича Голицына. Эта фотографія находилась на оболочкѣ напечатаннаго квартета «Emancipation» князя Голицына. Одинъ экземпляръ сохранился у меня, но онъ былъ отобранъ вмѣстѣ съ книгами на русской границѣ.

Нѣсколько дней послѣ этого празднества, Герценъ написалъ статью подъ заглавіемъ: «Mater dolorosa», въ которой выражалъ сочувствіе къ пострадавшимъ полякамъ и напечаталъ ее въ ближайшемъ № «Колокола».

Прочитавъ эту горячую статью, Мартьяновъ пришелъ къ Герцену и сказалъ ему:

— Похоронили вы, Александръ Ивановичъ, сегодня «Колоколъ», нѣтъ, ужь теперь вы его не воскресите, похоронили.

Итакъ первый ударъ «Колоколу» былъ нанесенъ самимъ Герценомъ, тѣмъ что онъ показалъ сочувствіе къ пострадавшей Польшѣ. Самолюбіе было оскорблено, и всѣ мало-по-малу отвернулись отъ лондонскихъ изданій. Второй ударъ «Колоколу» былъ нанесенъ позже Михаиломъ Александровичемъ Бакунинымъ. Однажды послѣ обѣда мы сидѣли всѣ вмѣстѣ, когда почтальонъ позвонилъ и Герцену подали огромное письмо. Оно было отъ Бакунина, который писалъ изъ Америки, описывалъ свое бѣгство изъ Сибири, сочувствіе къ нему въ Америкѣ.

XII.

Пріѣздъ Бакунина въ Лондонъ.—Посланные Жонда. — Нефтали.—Неожиданная встрѣча.—Потебня.

Бакунинъ выражалъ надежду быть скоро въ Лондонѣ и помогать обоимъ друзьямъ въ ихъ пропагандѣ, содѣйствовать, сотрудничать въ «Колоколѣ» и проч. Дочитавъ письмо, Герценъ задумался и сказалъ Огареву:

— Признаюсь, я очень боюсь пріѣзда Бакунина, онъ навѣрно испортитъ наше дѣло. «Ты знаешь, Огаревъ, что о немъ говорилъ въ 48 году не помню Косидьеръ или Ламартинъ [1]): «notre ami Bacounine est un homme impayable le jour de la Révolution, mais le lendemain il faut absolument le faire fusiller, car il sera impossible d'établir un ordre quelconque avec un pareil anarchiste».

Огаревъ былъ согласенъ съ Герценомъ и думалъ тоже, что Бакунинъ не удовлетворится ихъ пропагандой, а будетъ настаивать на дѣятельности по образцу западныхъ революціонныхъ явленій. Вдобавокъ Бакунинъ на западѣ всегда представлялся защитникомъ Польши. Герценъ и Огаревъ тоже сочувствовали Польшѣ въ размѣрѣ ея испытаній, но они не сочувствовали аристократическому характеру поляковъ, ихъ отношенію къ низшему классу и пр. Что касается до Бакунина, то онъ ничего не видѣлъ, не задавался никакими вопросами.

Я очень хорошо помню первое появленіе Бакунина въ нашемъ домѣ; вотъ какъ это произошло.

Былъ девятый часъ вечера, всѣ сидѣли за столомъ, а я по нездоровью обѣдала въ той же комнатѣ, лежа на диванѣ. Услыша сильный звонокъ, Жюль побѣжалъ къ входной двери наверхъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился въ сопровожденіи посѣтителя; это былъ Михаилъ Александровичъ Бакунинъ. Не помню, говорила ли я раньше о его наружности. Онъ былъ очень высокаго

---

1) „Нашъ другъ Бакунинъ неоцѣненный человѣкъ въ день революціи, но на слѣдующій день надо непремѣнно велѣть его разстрѣлять, потому что съ такимъ анархистомъ немыслимо учрежденіе какого бы то ни было порядка.

роста, умное и выразительное лицо, въ его чертахъ было много сходства съ типомъ Муравьевыхъ, съ которыми онъ состоялъ въ родствѣ. При появленіи Бакунина всѣ встали. Мущины обнимали другъ друга, Герценъ представилъ Бакунину дѣтей и Мейзенбугъ, которая случайно обѣдала съ нами. Поздоровавшись со всѣми, Бакунинъ подошелъ ко мнѣ. Вспомнилъ о нашемъ свиданіи въ Берлинѣ незадолго до дрезденскихъ баррикадъ, гдѣ онъ былъ взятъ и переданъ австрійцамъ.

— Не хорошо лежать, говорилъ онъ мнѣ съ оживленіемъ, выздоравливайте, надо дѣйствовать, а не лежать. Бакунинъ сѣлъ тоже за столъ, обѣдъ сталъ очень оживленъ. Послѣ Бакунинъ намъ разсказывалъ о своемъ заключеніи въ Австріи. Хотя я говорила уже о томъ, но хочу передать, насколько помню, его разсказъ.

Прикованный къ стѣнѣ въ подземельномъ тюремномъ замкѣ, онъ дошелъ до такой тоски, что рѣшился на самоубійство и сталъ глотать фосфоръ со спичекъ. Но эта мѣра была неудовлетворительна: причинивъ себѣ боли въ желудкѣ, онъ все-таки остался живъ. Года черезъ полтора или два такого существованія, разъ ночью, разсказывалъ Бакунинъ, онъ былъ пробужденъ непривычнымъ шумомъ. Двери шумно отворялись и запирались, замки щелкали; наконецъ шаги идущихъ приблизились, разные начальники вошли въ тюрьму: смотритель тюрьмы, сторожа и какой-то офицеръ. Бакунину приказали одѣваться. «Я ужасно обрадовался, говорилъ Бакунинъ, разстрѣливать ли ведутъ, въ другую ли тюрьму переводятъ, все перемѣна, стало, все къ лучшему. Меня повезли въ закрытомъ экипажѣ на желѣзную дорогу и посадили въ закрытый вагонъ съ крошечными окнами. Вагонъ этотъ, вѣроятно, переставляли, когда нужно было мѣнять поѣзда, меня не выводили ни на одной станціи».

«Чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ, я придумалъ просить поѣсть, но это не привело къ желанному результату, мнѣ принесли поѣсть въ вагонъ. Наконецъ мы добрались до конечной цѣли нашего путешествія. Меня вывели скованнаго изъ темнаго вагона на ярко освѣщенный зимнимъ солнцемъ дебаркадеръ. Окидывая бѣглымъ взглядомъ станцію, я увидалъ русскихъ солдатъ, сердце мое радостно дрогнуло, и я понялъ, въ чемъ дѣло».

— Ну, повѣришьли, Герценъ, я обрадовался, какъ дитя, хотя не

могъ ожидать ничего хорошаго для себя. Повели меня въ отдѣльную комнату, явился русскій офицеръ, и началась сдача меня, какъ вещи; читали оффиціальныя бумаги на нѣмецкомъ языкѣ. Австрійскій офицеръ, жиденькій, сухощавый, съ холодными, безжизненными глазами, сталъ требовать, чтобъ ему возвратили цѣпи, надѣтыя на меня въ Австріи. Русскій офицеръ, очень молоденькій, застѣнчивый съ добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ, тотчасъ согласился на обмѣнъ цѣпей. Сняли австрійскіе кандалы и немедленно надѣли русскіе. Ахъ, друзья родные, цѣпи мнѣ показались легче, я имъ радовался и весело улыбался молодому офицеру, русскимъ солдатамъ. Эхъ, ребята, сказалъ я, на свою сторону знать умирать. Офицеръ возразилъ: не дозволяется говорить. Солдаты молча и съ любопытствомъ поглядывали на меня. Потомъ меня посадили въ закрытый экипажъ вродѣ курятника съ маленькими отверстіями вверху. Ночь была очень морозная, а я отвыкъ отъ свѣжаго воздуха. Вы знаете остальное, я писалъ, что былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, потомъ въ Шлиссельбургскую, что Николай Павловичъ приказалъ мнѣ написать разсказъ о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ заграницей. Я исполнилъ его желаніе и въ концѣ моей исповѣди прибавилъ: государь, за мое откровеніе, простите мнѣ мои нѣмецкіе грѣхи. По воцареніи Александра Николаевича, я былъ сосланъ въ Сибирь; эта благодатная вѣсть застала меня въ Соловецкомъ монастырѣ. Въ Сибири мнѣ было очень хорошо, Муравьевъ умнѣйшій человѣкъ, онъ меня не тѣснилъ, но пословица справедлива: какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ. Хоть и совѣстно, а пришлось и друзей обмануть, чтобъ вырваться на волю.

Однако предчувствіе Герцена скоро начало оправдываться. Съ пріѣзда Бакунина польская струнка живѣй забилась въ вольной русской типографіи. Сначала Бакунинъ помѣщалъ въ «Колоколѣ» свои статьи; но, замѣтивъ вышесказанное направленіе, Герценъ предложилъ ему печатать свои статьи отдѣльными брошюрами, или печатать въ изданіяхъ, называемыхъ: «Голоса изъ Россіи», потому что взгляды ихъ расходились, а Герценъ не желалъ печатать въ «Колоколѣ» тѣ статьи, съ которыми внутренно не былъ вполнѣ согласенъ. Главное несчастіе заключалось въ томъ, что взгляды

Огарева и Бакунина были какъ-то ближе, и послѣдній возъимѣлъ большое вліяніе на перваго. А Герценъ всегда уступалъ Огареву, даже когда сознавалъ, что Огаревъ ошибается.

Въ то время русскіе еще много пріѣзжали, но болѣе съ упреками, съ замѣчаніями относительно симпатіи къ Польшѣ и заступничества за нее. На эти нападенія Герценъ отвѣчалъ рѣзко, что гуманность его девизъ, что онъ всегда будетъ на сторонѣ слабаго и что онъ не можетъ цѣной неправды купить сочувствіе соотечественниковъ. Въ тотъ же годъ, т. е. въ 1861 году, пріѣхалъ изъ Россіи докторъ, по фамиліи Нефталь, съ женой. По чертамъ его лица, можно было угадать, что онъ еврей; впрочемъ, онъ и не скрывалъ своего происхожденія. Онъ былъ очень знающій медикъ, слѣдилъ постоянно за наукой, и въ его практикѣ были совершенно новые пріемы. Но я сознаюсь, что отнеслась къ нему нѣсколько скептично, потому что не имѣла случая видѣть сама его знаніе на практикѣ. Замѣтно было, что Нефтали живутъ особенно уединенно. Нефталь бывалъ у насъ часто, а жена его все собиралась сдѣлать мнѣ визитъ. Не придавая ни малѣйшей важности визитамъ, я подумала, что она вѣроятно очень занята маленькимъ ея ребенкомъ, за три мѣсяца до того явившимся на свѣтъ, и потому я поѣхала первая къ ней. Когда мой кэбъ остановился у дома, въ которомъ Нефтали занимали нѣсколько комнатъ въ нижнемъ этажѣ, замѣтно было, что какая-то закутанная фигура осматривала подъѣхавшій экипажъ и сидящую въ немъ. Потомъ мнѣ отперли дверь, и г-жа Нефталь меня очень любезно приняла. Послѣ моего посѣщенія, вскорѣ она стала присылать къ намъ съ няней своего ребенка, который ежедневно гулялъ въ паркѣ съ моими дѣтьми. Но сама г-жа Нефталь все обѣщала и откладывала свой визитъ къ намъ. Наконецъ, Герценъ пригласилъ ее съ мужемъ отобѣдать у насъ. Нефталь спросилъ только, кто еще будетъ изъ знакомыхъ. Герценъ отвѣчалъ отрицательно, забывъ, что звалъ князя Долгорукова. Въ назначенный день Нефтали пріѣхали. Передъ обѣдомъ я сидѣла съ г-жей Нефталь на верху въ салонѣ, и мы недолго бесѣдовали тамъ, какъ раздался звонокъ, и вскорѣ появился князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ. Я немедленно познакомила князя съ г-жей Нефталь. Они пожали другъ другу руку, и завязался общій

разговоръ; потомъ Петръ Владиміровичъ спросилъ у меня, гдѣ мужчины. Я отвѣчала, что они сидятъ внизу. Тогда князь всталъ, чтобъ идти къ нимъ въ столовую; почтительно раскланиваясь съ г-жей Нефталь, сказалъ ей, что будетъ имѣть честь представиться къ ней на дняхъ. Г-жа Нефталь, какъ свѣтская женщина, была тоже необыкновенно любезна съ княземъ; но когда онъ удалился, она съ трудомъ перевела духъ и, обмахиваясь платкомъ, сказала: «я боялась, что мнѣ сдѣлается дурно, я вамъ все разскажу». Я поспѣшила позвонить и велѣла подать свѣжей воды. Когда г-жа Нефталь выпила стаканъ воды и оправилась немного, она мнѣ сказала слѣдующее. «Вотъ почему я къ вамъ не рѣшалась ѣхать, я боялась какой-нибудь встрѣчи, особенно съ княземъ Долгоруковымъ; я чувствовала, что я его встрѣчу здѣсь. Сколько разъ онъ у меня обѣдалъ, вѣдь я была замужемъ за его двоюроднымъ братомъ и .... бѣжала съ Нефталемъ... я была очень несчастна въ замужествѣ... вѣроятно, князь меня узналъ такъ же хорошо, какъ я его, но какой тактъ, какая деликатность съ его стороны»...

Съ тѣхъ поръ князь Долгоруковъ бывалъ часто у г-жи Нефталь, обѣдалъ у нихъ, восхищался ихъ сыномъ. Это былъ дѣйствительно замѣчательный ребенокъ: очень большой для своего возраста, смуглый, кудрявый, съ огромными черными глазами, онъ могъ бы служить прекраснымъ моделемъ для изображенія Іоанна Крестителя въ дѣтствѣ. Отецъ его, какъ сказано выше, былъ еврей красивой наружности, а мать — грузинка изъ царственнаго дома грузинскихъ князей. Послѣ нашего отъѣзда на континентъ въ 1864 году, Нефтали уѣхали на всегда въ Америку, гдѣ Нефталь пріобрѣлъ большую славу, какъ медикъ.

Между прочими соотечественниками, пріѣзжавшими къ Герцену, помню О. Онъ мало говорилъ, казалось, всматривался въ дѣятельность издателей «Колокола». Вскорѣ онъ сблизился съ Огаревымъ и усердно помогалъ ему въ изложеніи нуждъ народа въ брошюрѣ подъ названіемъ: «Что нужно народу». Наружности онъ былъ довольно симпатичной, средняго роста, широкъ въ плечахъ, носилъ огромные усы, напоминающіе наружность покойнаго короля Италіи Виктора Эммануила. О. прожилъ довольно долго въ Лондонѣ и въ то время относился очень сочувственно къ

Герцену и Огареву.

Около этого же времени явился въ Лондонъ одинъ молодой натуралистъ Борщевъ. Онъ былъ страстный естествоиспытатель. Кажется, онъ мало занимался внутреннимъ политическимъ строемъ Россіи, но энергично работалъ въ своей сферѣ и ждалъ только отъ науки всѣхъ благъ для человѣчества. Онъ былъ весь поглощенъ изслѣдованіями, наукой. Въ молодости Герценъ тоже много и горячо занимался естественными науками и потому быть можетъ отнесся съ большой симпатіей къ Борщеву и не переставалъ говорить, что онъ былъ бы счастливъ, еслибъ судьба послала его дочери такого мужа, какъ Борщевъ. Но Борщеву и Н. А. не суждено было встрѣтиться на жизненномъ пути.

Одно лѣто мы провели въ Торкеѣ (въ Девонширѣ). Мальвида Мейзенбугъ пріѣхала туда изъ Италіи съ Ольгой, я изъ Лондона съ Наташей и моей малюткой. Огаревъ и Герценъ только навѣщали насъ, но не могли жить постоянно въ Торкеѣ, потому что обстоятельства требовали ихъ присутствія въ Лондонѣ,—дѣла вольной русской типографіи и пріемъ соотечественниковъ, которые пріѣзжали для свиданья съ издателями «Колокола» и привозили много матеріала для типографіи. Въ это лѣто Татьяна Петровна Пассекъ вздумала навѣстить Герцена. Она пріѣхала въ Лондонъ и телеграфировала ему; тогда онъ поспѣшилъ оставить Торкей и встрѣтилъ ее на желѣзной дорогѣ. Мы всѣ ей очень обрадовались; она имѣла какой-то даръ привлекать къ себѣ людей своей мягкостью и чисто русскимъ добродушіемъ. Къ несчастью, она пробыла у насъ очень недолго. Скоро Мальвида Мейзенбугъ собралась и уѣхала въ Италію съ обѣими дочерьми Герцена; дорогой онѣ заѣхали въ Ниццу, гдѣ была похоронена жена Герцена. Оттуда Наташа (старшая дочь Герцена) написала мнѣ въ Лондонъ, разсказывая о своихъ воспоминаніяхъ, относящихся до кончины ея ма-

тери. Это письмо было напечатано Т. П. Пассекъ въ одномъ изъ томовъ «Изъ дальнихъ лѣтъ».

Въ бытность Бакунина въ Лондонѣ, между пріѣзжими изъ Россіи помню одного армянина по имени Н—овъ. Онъ былъ лѣтъ тридцати, некрасивый, неловкій, застѣнчивый, но добрый, неглупый, полный сочувствія ко всему хорошему. Онъ обладалъ большими средствами, какъ замѣтно было и какъ мы слышали раньше отъ его товарища С. Окончивъ курсъ, кажется, въ Московскомъ университетѣ, онъ путешествовалъ для своего удовольствія, былъ въ Китаѣ; по возвращеніи въ Россію, слышалъ о «Колоколѣ», о Герценѣ и рѣшился побывать въ Лондонѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ къ Александру Ивановичу, онъ едва могъ говорить отъ замѣшательства. Однако потомъ обрадованный радушнымъ пріемомъ Герцена, бывалъ очень часто у насъ. Бакунинъ имъ окончательно завладѣлъ; каждый день ходилъ съ нимъ по Лондону и настоялъ, чтобъ Н—овъ сдѣлалъ свою фотографическую карточку. Это желаніе было исполнено очень оригинально: Н—овъ снялъ свою карточку, сидя спиной съ газетой въ рукахъ. Этотъ странный человѣкъ прожилъ мѣсяца два въ Лондонѣ, совершенно довольный своимъ пребываніемъ въ Англіи и не принимая никакого участія въ дѣлахъ русской пропаганды. Однако на возвратномъ пути въ Россію, онъ былъ арестованъ и посаженъ въ какую-то крѣпость на востокѣ, гдѣ вѣроятно его позабыли. Онъ погибъ отъ неосторожности Бакунина, который расхвалилъ его въ письмѣ къ кому-то изъ своихъ родныхъ въ Россіи. Письма Бакунина, конечно, вскрывались на почтѣ. Было дано знать на границу, и Н—овъ поплатился за дружбу съ Бакунинымъ. Мы никогда не слыхали болѣе объ участи этого вполнѣ хорошаго и достойнаго человѣка. Грустно признаться, что не одинъ Н—овъ пострадалъ отъ неосторожности Бакунина. Послѣдній въ письмахъ имѣлъ какую-то чисто дѣтскую невоздержанность на языкъ. Я не говорила еще о томъ, что до освобожденія крестьянъ пріѣзжали три члена

жонда, т. е. подпольнаго правленія въ Варшавѣ; между ними помню имя Демонтовича. Они пріѣзжали затѣмъ, чтобъ заручиться помощью Герцена. Увидавъ ихъ, Бакунинъ началъ было говорить о тысячахъ, которыхъ Герценъ и онъ могутъ направить куда хотятъ. Но, слушая Бакунина, они вопросительно смотрѣли на Герцена, который сказалъ откровенно, что не располагаетъ никакой матеріальной силой въ Россіи, но что онъ имѣетъ вліяніе на нѣкоторое меньшинство своимъ словомъ и искренностью.

Сначала Герценъ убѣждалъ этихъ господъ оставить всѣ замыслы возстанія, говоря, что не будетъ пользы: Россія сильна, говорилъ Герценъ, Польшѣ съ ней не тягаться. Россія идетъ путемъ постепеннаго прогресса, пользуйтесь тѣмъ, что она выработаетъ. Ваше возстаніе ни къ чему не поведетъ, только замедлитъ или даже повергнетъ вспять ходъ развитія Россіи, а стало быть и вашего. Передайте жонду мои слова. Въ чемъ же можетъ состоять сближеніе между нами, продолжалъ Герценъ. Жалѣя Польшу, мы не можемъ сочувствовать ея аристократическому направленію; освободите крестьянъ съ землею, и у насъ будетъ почва для сближенія.

Но посланные жонда молчали или уклончиво говорили, что освобожденіе крестьянъ еще не подготовлено въ Польшѣ. Тогда Герценъ возразилъ, что въ такомъ случаѣ не только русскіе не будутъ имъ сочувствовать, но что и польскіе крестьяне поймутъ, что имъ не за что подвергаться опасности, и примкнутъ въ концѣ концовъ къ русскому правительству, что̀ позже и произошло въ дѣйствительности.

Такъ посланники и уѣхали обратно, не получивъ отъ Герцена никакихъ обѣщаній.

Послѣ варшавскихъ волненій и во время мѣропріятій со стороны русскаго правительства для усмиренія покоренной страны, пріѣзжалъ къ Герцену русскій офицеръ (Потебня), который оставилъ свой полкъ, но продолжалъ жить въ Варшавѣ, гдѣ онъ являлся во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ то въ статскомъ платьѣ, то въ одеждѣ ксендза или монаха. Иногда онъ сталкивался со своими сослуживцами по полку, но никто̀ не узнавалъ его. Потебня былъ блондинъ, средняго роста, симпатичной наружности. Герценъ и Огаревъ его очень полюбили и уговаривали остаться въ Лондонѣ,

но онъ не согласился. Говорили, что онъ влюбился въ польку и перешелъ на сторону поляковъ. Онъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ Лондонъ; въ послѣдній разъ онъ говорилъ: «я не буду стрѣлять въ русскихъ, рука моя не поднимется». Оставайтесь съ нами, возражалъ Герценъ. «Нельзя», отвѣчалъ онъ съ печальной улыбкой.

Потебня былъ необыкновенно ласковъ съ дѣтьми. Моя старшая дочь, тогда четырехъ лѣтъ, очень полюбила его. Присутствуя часто при разговорахъ, но занятая своими игрушками, казалось, она ничего не замѣчала. Однако мы были разъ поражены ея словами, обращенными къ Потебню. Это было въ послѣдній вечеръ, проведенный имъ въ Orseth-hous'ѣ. Молодой офицеръ посадилъ ее на колѣни и о чемъ-то говорилъ съ ней. Вдругъ она сказала: «милый Потебня, не уѣзжай, останься у насъ». — «Нельзя, отвѣчалъ онъ, но я скоро пріѣду, я вѣдь недалеко ѣду, на югъ Франціи».— «О нѣтъ, сказала она, ты ѣдешь въ Польшу, тебя тамъ убьютъ».

Тогда Герценъ вскричалъ: «насъ не слушаете, послушайте хоть голосъ ребенка, который вамъ дѣлаетъ такое тяжелое предсказаніе».

Но Потебня былъ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи и уѣхалъ въ Польшу на другой же день. Русская пуля сразила его вскорѣ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ГЛАВА XVII[1]).

Выдѣлъ князя Виктора Ивановича.—Херсонское имѣніе Барятинскихъ. — Вліяніе степей на путешественника.—Скромная жизнь князя Виктора въ Николаевѣ.—Пребываніе мое въ Одессѣ.—Кіевъ и его святыни.—Вѣчные разъѣзды Барятинскихъ.—Недуги князя Александра Ивановича съ молодыхъ лѣтъ.—Благоговѣніе его предъ системою Шротта.—Печальный результатъ лѣченія княземъ по этой системѣ генерала Ягодина.

Когда отдѣленъ былъ князь Анатолій, предстояло заняться отдѣленіемъ другихъ братьевъ. Выше приведено уже было письмо ко мнѣ князя Александра Ивановича, которымъ онъ увѣдомлялъ меня, что князь Викторъ Ивановичъ проситъ уступить ему Херсонское имѣніе. Такъ какъ дѣло это не представляло особенныхъ затрудненій, то я и принялся за него скоро послѣ окончанія дѣлъ князя Анатолія.

Херсонское имѣніе заключало въ себѣ до 23 т. десятинъ земли и было куплено покойнымъ княземъ, какъ я выше сказалъ, съ цѣлію сбывать туда избытки населенія въ Курскомъ имѣніи. Такимъ образомъ Херсонское имѣніе сдѣлалось для курскихъ крестьянъ второю Сибирью. И дѣйствительно, туда сбывалась преимущественно одна только, такъ сказать, бобыльная изгарь и вообще люди негодные и штрафованные. Между тѣмъ народонаселеніе тамъ постоянно росло, и имѣніе стало давать доходы, которые болѣе или мѣнѣе отвѣчали тому капиталу, какой мы должны были дать каждому изъ братьевъ. Для князя Виктора имѣніе это предоставляло осо-

[1]) См. „Русск. Старину“ іюнь 1894 г.

бый интересъ потому, что тогда онъ служилъ въ Черноморскомъ флотѣ, привыкъ къ тому краю и любилъ его. У всякаго свои вкусы. На меня, напротивъ, тотъ край произвелъ самое непріятное впечатлѣніе. Управляя этимъ имѣніемъ сначала отъ имени князя Александра Ивановича, а потомъ отъ имени князя Виктора Ивановича, я долженъ былъ ознакомиться и съ хозяйственными его силами, и съ образомъ мѣстнаго его управленія. Поэтому, не помню ужь, въ какомъ году, мы отправились туда вмѣстѣ съ женою изъ Курскаго имѣнія, налегкѣ, въ двумѣстной коляскѣ. Именно при этой поѣздкѣ я предварительно посѣтилъ знаменитое Диканьское имѣніе Кочубеевъ въ Полтавской губерніи, прожилъ тамъ двѣ недѣли, окруженный всевозможнымъ комфортомъ, и затѣмъ потянулся безконечными, скучными, мертвыми степями въ Анатольевское имѣніе, лежащее верстахъ въ 40 отъ Одессы. Степи эти просто давили меня своею безжизненностію и заставили меня испытать самыя тяжелыя ощущенія. Въ самомъ дѣлѣ: ѣдешь день, два, три, и рѣшительно ничего не видишь, кромѣ неба, да безграничныхъ сѣрыхъ степей, такъ что рѣшительно тоска возьметъ. Наконецъ, начинаешь чувствовать какую-то боязнь, что ужь вовсе и не вырвешься изъ этого мертваго міра. Самыя станціи нисколько не ослабляютъ этого тревожнаго чувства. Теряясь въ безграничномъ пространствѣ и сливаясь съ голыми степями, не оживленныя ни однимъ деревцомъ — онѣ дѣлаются видимы только тогда, когда къ нимъ подъѣдешь и экипажъ остановится для перемѣны лошадей. Переговоры съ жидами, въ рукахъ которыхъ находятся большею частію эти станціи, не представляютъ также ничего жизненнаго и утѣшительнаго. Только добравшись до милаго городка Николаева, мы вздохнули немного.

Остановившись въ городѣ у какого-то отставнаго матроса и занявъ двѣ или три весьма неизящныхъ комнаты, мы стали разспрашивать хозяина о князѣ Викторѣ: гдѣ и какъ онъ тутъ живетъ и гдѣ теперь находится? Къ удивленію нашему, оказалось, что именно эти бѣдныя комнаты, которыя мы заняли, и составляли его постоянную и многолѣтнюю квартиру, которую онъ только недавно оставилъ, перейдя въ гостиницу клуба. Я съ трудомъ вѣрилъ этимъ свѣдѣніямъ, въ которыхъ выставлялась или крайняя скромность

князя, или неприличная скупость. Но при свиданіи съ нимъ въ тотъ же день, онъ самъ подтвердилъ справедливость этихъ свѣдѣній. Князь былъ такъ любезенъ, что посѣтилъ насъ нѣсколько разъ, и тутъ-то онъ подарилъ женѣ моей вывезенныя изъ Іерусалима четки, о которыхъ я говорилъ выше. Вмѣстѣ съ нимъ мы ѣздили на берегъ моря, смотрѣть яхту, которую онъ тогда строилъ и въ которой дѣлалъ потомъ кругосвѣтное путешествіе. Яхта эта поглотила у него много денегъ и дѣйствительно была роскошною, истинно княжескою вещью... Изъ Николаева мы отправились въ Анатоліевку и провели тамъ скучнѣйшихъ двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ для меня и было однимъ развлеченіемъ — занятіе хозяйственными дрязгами и обозрѣніе различныхъ частей имѣнія.

Сдѣлавъ все, что считалъ нужнымъ и полезнымъ, я отправился съ женой въ Одессу и провелъ тамъ также недѣли двѣ. Сколько тяжелы впечатлѣнія, оставленныя во мнѣ степнымъ путешествіемъ, столько отрадны впечатлѣнія, оставленныя въ насъ нашимъ одесскимъ пребываніемъ. Былъ сентябрь, по отзывамъ туземцевъ, лучшее время года въ Одессѣ, столь богатой, въ иное время, пылью или грязью. Остановились мы, разумѣется, въ лучшей гостиницѣ, которая называлась кажется «Петербургскою». Окна наши выходили частію на море, а частію на Ришельевскую улицу. Утро мы обыкновенно проводили въ магазинахъ, гдѣ молодая моя жена положительно зарывалась во всевозможныхъ тряпкахъ, относящихся къ дамскому туалету, въ ложномъ убѣжденіи, тогда сильно распространенномъ, что одесскіе товары отличаются большою дешевизною. Возвращаясь въ гостиницу въ сопровожденіи многоразличныхъ ящиковъ, картоновъ, футляровъ, мы обѣдали у окна, выходящаго на море. Въ отношеніи обѣдовъ, сколько помню, существовала дѣйствительно поразительная дешевизна. Слуга-итальянецъ обыкновенно приносилъ карту блюдъ, длиною съ Невскій проспектъ, на корой не было блюдъ выше 15 к. Карта винъ представляла ту же дешевизну. Вечера, большею частію, мы проводили въ италіанской оперѣ, гдѣ басъ Берлендисъ особенно мнѣ нравился. Однимъ словомъ, мы провели время въ Одессѣ самымъ пріятнымъ образомъ. Обратный путь мы направили на Кіевъ съ цѣлію взглянуть на русскія святыни и поклониться мощамъ угодниковъ. Когда кончился

скучный степной путь и когда мы увидѣли деревья и зелень, которыя привѣтствовали наше вступленіе въ предѣлы Кіевской губерніи,—восторгу нашему не было предѣловъ. Казалось, мы вырывались изъ какого-то плѣна, куда послалъ насъ Господь въ наказаніе. Въ Кіевѣ мы пробыли дня три и, разумѣется, видѣли все, что̀ дорого сердцу православнаго. Но въ то же время нельзя было не замѣтить и нѣкоторыхъ пятенъ на этой святой картинѣ. Такъ напр. монахи, приставленные къ кіевскимъ святынямъ, имѣли видъ не столько служителей алтаря, сколько самыхъ суровыхъ и безцеремонныхъ поборниковъ вещественной мзды, которая вообще не можетъ не портить самаго высокаго религіознаго настроенія. Съ другой стороны нѣкоторые предметы, какъ напр. міроточивыя главы въ пещерахъ, требовали уже такой слѣпой вѣры, которая не всегда подъ силу самому порядочному христіанину. На пути отъ Кіева до Курскаго имѣнія Барятинскихъ не представлялось уже ничего достопримѣчательнаго. Помню только, что въ тотъ самый день, именно 1 октября, когда мы возвратились въ Ивановское — мы должны были отправиться немедленно къ сосѣднему помѣщику Деменкову, на одинъ изъ тѣхъ роскошныхъ праздниковъ, о которыхъ я говорилъ выше...

1845 г. февраля 6-го, при содѣйствіи того же Полонскаго, совершенъ былъ во второмъ департаментѣ С-Петербургской Палаты Гражд. Суда актъ, въ которомъ князь Викторъ Барятинскій, получая Анатольевское имѣніе, говорилъ: «получивъ таковой отдѣлъ слѣдующей мнѣ части имѣнія, признаю себя достаточно выдѣленнымъ и, оставаясь совершенно довольнымъ, обязуюсь за себя и за моихъ наслѣдниковъ ничего болѣе изъ оставшагося послѣ родителя моего, тайнаго совѣтника князя Ивана Ивановича Барятинскаго, имѣнія не требовать». Затѣмъ прибавлено въ актѣ: «Запись сію, какъ добровольно учиненную, поставляемъ въ священный долгъ сохранить на всегда въ полной ея силѣ и намъ, князьямъ Барятинскимъ, и нашимъ наслѣдникамъ, о передѣлѣ или измѣненіи нигдѣ не просить».

Князь Викторъ Барятинскій былъ очень красивъ собою, но красивъ совершенно по-другому, чѣмъ его братья. Въ то время, когда князь Александръ Ивановичъ былъ положительный блон-

динъ, вообще весьма сходный съ портретомъ Валленштейна, который я видѣлъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, а братья его, князь Владиміръ и князь Анатолій, тоже красивые, и особенно Анатолій, принадлежали къ числу личностей, которыхъ называютъ шатеневыми—князь Викторъ былъ рѣшительный брюнетъ. Голову онъ имѣлъ итальянца, съ черными волосами, смуглымъ лицомъ и черными глазами. Но въ жизни его я не знаю ни одного факта, въ которомъ бы проявилась особенная рѣшимость или энергія, т. е. тѣ свойства, которыя принято приписывать смуглой половинѣ человѣческаго рода. Напротивъ, по характеру своему, онъ былъ тише, скромнѣе и застѣнчивѣе своихъ братьевъ и рѣшительно не могъ идти ни въ какое сравненіе съ бѣлокурымъ княземъ Александромъ, у котораго рѣшимость и упорство стояли на первомъ планѣ въ его свойствахъ. Манеры князя Виктора, кроткія и тихія, вполнѣ оправдывали разсказъ князя Александра, что отецъ ихъ готовилъ и предназначалъ князя Виктора въ духовное званіе. Отсюда же, т. е. изъ принциповъ, которые приняты были при его воспитаніи, произошло и то, что онъ не проявилъ никакого служебнаго честолюбія, тогда какъ одинъ изъ его братьевъ былъ фельдмаршаломъ, а другіе два: Владиміръ и Анатолій, командуя лучшими гвардейскими полками, Кавалергардскимъ и Преображенскимъ, можно сказать, рѣзались, соперничая на поприщѣ успѣховъ служебныхъ и придворныхъ. Напротивъ, женившись на Бутеневой, дочери бывшаго нашего посланника въ Константинополѣ, князь Викторъ рано и вовсе оставилъ службу, не дослужившись ни до какихъ особенныхъ отличій. Поселившись въ Одессѣ, онъ купилъ тамъ великолѣпный домъ и весьма рѣдко появлялся въ Петербургѣ. Во время пребыванія нашего съ княземъ Александромъ на Кавказѣ, онъ пріѣзжалъ разъ туда на нѣсколько дней, которые провелъ не очень весело, потому что чувствовалъ себя не очень хорошо и все возился съ медикаментами системы Леруа, предъ которою онъ также благоговѣлъ, какъ благоговѣлъ князь Александръ предъ системою Шротта. Въ свое время я велъ дѣятельную переписку съ княземъ Викторомъ; но изъ огромной массы писемъ его, сохранившихся у меня и, разумѣется, большею частію относящихся къ дѣловымъ или, лучше сказать, къ денежнымъ

вопросамъ, я затрудняюсь привести здѣсь что-либо, представляющее особенный интересъ. Единственно въ доказательство, что я находился и съ нимъ всегда въ добрыхъ отношеніяхъ, нахожу нелишнимъ сдѣлать выписку изъ нѣкоторыхъ его писемъ. 1-го января 1845 г. онъ писалъ:

«Позвольте васъ благодарить за всѣ ваши труды и содѣйствіе въ управленіи моимъ имѣніемъ и приведеніе въ порядокъ дѣлъ моихъ. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ принять на себя трудъ управлять ими еще въ теченіе года въ моемъ отсутствіи»... 6 іюля 1847 г. изъ Парижа: «намѣреваясь купить у брата князя Анатолія Ивановича одно изъ его имѣній, я желалъ бы знать: которое мнѣ было бы выгоднѣе купить—Дробово или Великій Хуторъ, и такъ какъ вы вѣроятно имѣете подробныя объ этихъ имѣніяхъ свѣдѣнія, то прошу васъ дать мнѣ ваше мнѣніе». 22 іюля 1848 г. изъ Николаева: «мнѣ очень пріятно, что вы намѣрены посѣтить Анатоліевское имѣніе и что вы увидите на мѣстѣ распоряженія Дѣткина (мѣстнаго управителя). Но вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣю, что меня не будетъ къ этому времени въ Николаевѣ. Получивъ письмо отъ князя Анатолія Ивановича изъ Крыма, я спѣшу ѣхать, чтобы съ нимъ встрѣтиться, и не могу сказать, къ какому времени возвращусь. Прошу васъ осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ имѣніе, передать мнѣ ваше мнѣніе объ управленіи Дѣткина. Благодарю васъ покорно за извѣстія, которыя вы мнѣ даете о князѣ Александрѣ Ивановичѣ. Я до сихъ поръ никакихъ не получалъ и прошу васъ, если вы узнаете что-нибудь о дѣйствіяхъ и подвигахъ его на Кавказѣ, не оставить мнѣ передать».

Но князя Александра Ивановича въ моихъ разсказахъ я оставилъ не на Кавказѣ, а въ одной изъ безпрерывныхъ и многочисленныхъ его заграничныхъ поѣздокъ. Вообще я князя очень мало видѣлъ въ Петербургѣ, онъ вѣчно разъѣзжалъ, то съ наслѣдникомъ, то самъ по себѣ, такъ что почти всѣ фамильныя дѣла его дѣлались мною не только безъ личнаго его участія, но часто въ такое время, когда ни того, кто совершаетъ актъ, ни того, въ пользу кого онъ совершается, нѣтъ на лицо. Само собою разумѣется, что все дѣлалось на основаніи довѣренностей; но иногда приходили такія трудныя минуты, что я невольно злобствовалъ на такое страшное равнодушіе этихъ господъ къ громаднѣйшимъ интересамъ и на безпомощное состояніе, въ какомъ они меня оставляли. Если князь Александръ любилъ разъѣзжать, то въ этомъ мало отставали отъ него его родные. Вообще во мнѣ оставалось такое впеча-

тлѣніе, что всѣ они постоянно разъѣзжали, начиная съ княгини Марьи Ѳедоровны, и что путешествія составляли любимое для нихъ препровожденіе времени. Когда князь Александръ Ивановичъ уѣзжалъ за границу самъ по себѣ, а не въ свитѣ наслѣдника, то это могло имѣть единственною цѣлію свиданіе съ графами Келлерами, князьями Витгенштейнъ и другими знаменитыми родными, а еще болѣе съ англійскими друзьями, которые у него были въ обиліи. Въ то же время князь сильно заботился тогда о своемъ здоровьи.

Кромѣ послѣдствій кавказской раны, которая никогда не имѣла серьезнаго проявленія, я не знаю положительно: какіе именно недуги тревожили тогда князя. Знаю только, что князь усердно лѣчился за границей. Быть можетъ, ранніе припадки подагры, впослѣдствіи такъ зло развившейся, давали уже себя знать. Сначала онъ лѣчился у Присница; впослѣдствіи, когда проявился Шроттъ съ его системою жажды, голода и амплаговъ, князь перешелъ къ нему и до такой степени увѣровалъ въ его ученіе, что сталъ самымъ жаркимъ его защитникомъ. Шроттъ былъ буквально осыпанъ самыми щедрыми дарами князя. По возвращеніи въ Петербургъ, князь самъ сдѣлался вторымъ Шроттомъ и всѣмъ навязывалъ свою готовность излѣчивать всевозможные недуги. И дѣйствительно, онъ лѣчилъ покойную императрицу, которая имѣла рѣшимость ему ввѣриться; впрочемъ, хода и успѣха этого лѣченія я не могъ знать подробно; но я знаю положительно, что князь лѣчилъ также графа Василія Перовскаго и лѣчилъ долго. Часто, возвратясь домой, князь говорилъ: Заѣзжалъ къ Перовскому.—Какъ идетъ лѣченіе, ваше сіятельство? спрашивалъ я.—Ужь не говоритъ, отвѣчалъ князь.—Не наживите бѣды, ваше сіятельство, замѣчалъ я. Бѣды, однако, никакой не произошло, хотя я и не знаю, какимъ именно результатомъ увѣнчались медицинскіе подвиги князя. Онъ былъ просто поглощенъ системою Шротта и только о ней и говорилъ безпрерывно. Вмѣстѣ съ однимъ изъ графовъ Сиверсовъ, который также лѣчился у Шротта, они составили и напечатали брошюру, изображающую несомнѣнное превосходство этой системы, чему привели многочисленныя доказательства. Этого мало. Когда кто-нибудь приходилъ къ князю изъ его великосвѣтскихъ пріятелей, князь пристально на него смотрѣлъ

и пресерьезно замѣчалъ: «у тебя, братъ, глаза что-то нечисты; хочешь—вылѣчу». «Спасибо», отвѣчалъ тотъ, «и такъ обойдусь». Часто присутствуя при подобныхъ предложеніяхъ, такъ дурно принимаемыхъ, и не зная положительно, шутитъ ли князь или говоритъ серьезно, я невольно улыбался. Но однажды князь сказалъ мнѣ: «знаете, Василій Антоновичъ, когда я говорю о Шроттовскомъ лѣченіи, я вижу на вашемъ лицѣ недовѣрчивую улыбку. Повѣрьте, не пройдетъ и 5 лѣтъ, оно весь міръ перевернетъ». Потомъ онъ излагалъ ея основанія и доказывалъ непреложность ихъ. Онъ говорилъ, что всѣ наши болѣзни происходятъ отъ испорченной крови, что мы сами портимъ кровь, принимая въ нашъ организмъ пищи болѣе, чѣмъ ему нужно, и тѣмъ самымъ заставляя его отдѣлять излишніе и потому вредные соки въ кровь, что для возстановленія здоровья нужно очистить кровь, а это можно сдѣлать только голодомъ и жаждою, и т. п. Мнѣ ничего не оставалось, какъ внимательно слушать объясненія князя, хотя существо ихъ нисколько меня не интересовало потому, что въ то время я былъ здоровъ и силенъ, какъ Геркулесъ, и знать не хотѣлъ ни медицины вообще, ни различныхъ системъ ея въ частности.

Князь долго оставался вѣренъ Шротту и впослѣдствіи перенесъ его лѣченіе на Кавказъ, гдѣ не только продолжалъ самъ лѣчиться по его способу, но, какъ и въ Петербургѣ, лѣчилъ и другихъ. Извѣстно, что онъ лѣчилъ такимъ образомъ нынѣшнюю свою жену и едва-ли не собственноручно завертывалъ ее въ мокрыя простыни, чѣмъ болѣе всѣхъ восхищался предъидущій ея мужъ.

Но лѣченіе это не обходилось и безъ скандаловъ. Въ Тифлисъ былъ доставленъ однажды больной казачій генералъ Ягодинъ, человѣкъ еще не старый, но страшно разстроившій свои жизненныя силы различными излишествами. Туземные медики пичкали его всякими снадобьями, но дѣло не шло, и всѣ ждали смерти страдальца. Князь, презиравшій искренно или притворно всѣхъ докторовъ и осыпая ихъ всевозможными насмѣшками, вздумалъ вѣроятно прославиться и взялъ Ягодина на свое попеченіе. Его перенесли во дворецъ намѣстника и завернули въ мокрыя простыни, при чемъ Ягодинъ замѣтилъ, что ему очень хорошо, и затѣмъ уснулъ. Князя чрезвычайно радовало такое хорошее начало, и спу-

стя часъ или два, онъ началъ отправлять посланныхъ, чтобъ узнать: спитъ ли еще Ягодинъ или уже проснулся? Посланные приносили все одинъ отвѣтъ: спитъ! Наконецъ, князь нашелъ, что благодѣтельный сонъ достаточно подкрѣпилъ уже силы больнаго, и приказалъ его разбудить. Стали будить, но Ягодинъ не просыпался, потому что спалъ непробуднымъ сномъ.

ГЛАВА XVIII.

Выдѣлъ князя Владиміра Ивановича.—Мое презрѣніе къ деньгамъ.—Привычка никогда не считать ихъ.—Замѣчательный карточный проигрышъ князя Александра Ивановича.—Графъ А* А*.—Касторъ и Поллуксъ.—Тѣни, набѣгавшія на дружбу князя Александра Ивановича съ графомъ А*.—Вѣчная запутанность дѣлъ графа А*.—Дарованія А*.—Личность князя Владиміра Ивановича.—Лермонтовская „Роза Кавказа“.—Мнительность князя Владиміра.—Вторая поѣздка князя Александра Ивановича на Кавказъ въ 1845 году.—Похищеніе нами чужаго человѣка.—Сухарная экспедиція.—Идеальная храбрость князя Воронцова.—Ростопчинское имѣніе въ Воронежской губерніи.—Настоянія князя Александра Ивановича купить его, во что бы то ни стало, для князя Владиміра.—Мое упорство.—Графъ Ростопчинъ.—Комическія проявленія мнительности князя Владиміра Ивановича въ этомъ дѣлѣ.

Въ декабрѣ 1843 г. я получилъ отъ князя, изъ Лондона, письмо слѣдующаго содержанія: «Спѣшу отвѣчать вамъ, любезный В. А., на письмо ваше, сейчасъ полученное мною. Я очень обрадовался, увидавши, что дѣло Дробовскаго имѣнія приходитъ къ концу. Съ княземъ Владиміромъ Ивановичемъ я тоже кончилъ здѣсь. Онъ соглашается взять сейчасъ капиталъ; слѣдственно, попрошу васъ, когда можно будетъ, передать эти деньги князю Лобанову, уполномоченному князя Владиміра. Впрочемъ, оно не къ спѣху, и въ началѣ будущаго года оно будетъ въ самую пору. Не забудьте, прошу васъ, какъ можно скорѣе и аккуратнѣе кончить, употребивъ на то запасный капиталъ, долги наши князю Кочубею и Давыдову. Я очень настоятельно прошу кончить, особенно съ симъ послѣднимъ. За ваше послѣднее письмо и добрыя вѣсти васъ весьма благодарю; чрезъ шесть недѣль надѣюсь увидѣться съ вами»...

Приступая къ разсказу объ отдѣлѣ князя Владиміра Ивановича. я считаю не лишнимъ, предварительно, сказать, какими капиталами

располагали мы, совершая эти многоцѣнные выдѣлы. Много, впрочемъ, говорить нечего. Не нужно много прозорливости, чтобы постигнуть: изъ какого кладезя мы черпали свои силы. Кладеземъ этимъ была, вѣчной памяти достойная, сохранная казна. Сначала обращено было въ деньги свидѣтельство на 8 тыс. душъ, о которомъ я говорилъ выше; потомъ туда же пошли одно или два, я ужь не помню, дополнительныхъ свидѣтельства, такъ что, безъ преувеличенія можно сказать, что я набивалъ полныя сани деньгами опекунскаго совѣта. Въ теченіе моей жизни много большихъ суммъ перешло чрезъ мои руки; но я имѣлъ правиломъ никогда не считать ихъ и, благодареніе Богу, въ моихъ рукахъ никогда не обнаруживалось какого-либо прочета или недочета. Такъ точно и въ этомъ случаѣ я прямо бралъ отъ счетчиковъ милліоны и смотрѣлъ, какъ они укладывались въ сани. Эта манера производила на нѣкоторыхъ поразительное, а иногда и не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, имѣя постоянныя денежныя дѣла съ банкирскимъ домомъ «Сегенъ и Дюваль», я долженъ былъ, вслѣдствіе различныхъ переводовъ заграницу или изъ-за границы, вносить въ его контору деньги или получать изъ его конторы деньги. Казначеемъ былъ тамъ родной братъ Сегена, почтенный, солидный и немножко суровый французъ. Онъ постоянно и сильно осуждалъ мою шикарную манеру, признавая ее совершенно неумѣстною и непрактическою въ денежныхъ дѣлахъ, и никакъ не допускалъ, чтобы я сдалъ или принялъ деньги безъ счета.

Помню еще случай, когда я долженъ былъ собственноручно сосчитать деньги. Предъ послѣднимъ отъѣздомъ князя Александра Ивановича изъ Петербурга (1862 г.), когда онъ предполагалъ возвратиться на Кавказъ, государь назначилъ ему на путевые расходы 10 т. р. Я зналъ, что это назначеніе послѣдовало, но не зналъ— исполнено ли оно практически; впрочемъ, это меня не очень-то и интересовало, потому что для подобныхъ домашнихъ дѣлъ при немъ состоялъ Зиновьевъ (Василій), милый господинъ, не имѣвшій, по удостовѣренію самого князя, никакихъ рѣшительно дѣловыхъ способностей и исполнявшій единственную обязанность: разсказывать князю разныя сказки, да иногда обѣдать съ нимъ, когда нѣтъ приглашенныхъ. Наканунѣ отъѣзда я спросилъ у Зиновьева совершенно

случайно: получилъ ли онъ деньги? и вслѣдствіе отрицательнаго его отвѣта заявилъ этотъ фактъ князю. Онъ сказалъ только: «пожалуйста устройте это». Я тотчасъ написалъ бумагу министру финансовъ, далъ ее подписать князю и отправился съ нею лично къ Г. Рейтерну. Г. Рейтернъ приказалъ при мнѣ же написать бумагу въ главное казначейство и, пославъ ее съ особымъ курьеромъ, пригласилъ и меня отправиться туда. Получивъ въ главномъ казначействѣ 10 т. р., я привезъ эту сумму князю и спросилъ его: прикажетъ ли онъ передать ее Зиновьеву. «Ахъ, нѣтъ! У него все это такъ сложно и хитро выходитъ. Прошу васъ, держите эти деньги у себя. Мы будемъ понемножку выдавать Пиленкѣ на расходы». Пиленкѣ, очень распорядительному офицеру, изъ числа состоявшихъ при князѣ, было поручено вести путевые расходы. Такъ какъ наше возвращеніе на Кавказъ должно было совершиться чрезъ заграничныя мѣста, то я заявилъ князю мысль, что сумму эту лучше обратить въ золото. Князь, по обыкновенію, отвѣчалъ: «Пожалуйста, устройте это!» Тогда я отдалъ пакетъ съ 10 т. р. нашему кавказскому банкиру въ Петербургѣ и чрезъ часъ или два получилъ отъ него два большіе мѣшка, набитые золотомъ, съ обозначеніемъ, сколько въ которомъ находится. Что мнѣ было дѣлать съ этими полновѣсными мѣшками? Нисколько не думая, я одинъ изъ нихъ тотчасъ навязалъ Пиленкѣ, разумѣется, безъ счета, а другой, также безъ счета, отдалъ моему камердинеру, человѣку испытанной честности. Такъ мы отправились и доѣхали до Вильно. Извѣстенъ переворотъ, тамъ совершившійся, и передача Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу. Когда настала минута нашего разставанія съ княземъ, я спросилъ его: кому передать деньги, остающіяся у меня на рукахъ, и когда князь велѣлъ передать ихъ Зиновьеву, который долженъ былъ провожать его заграницу, я спросилъ Зиновьева: будетъ ли онъ считать деньги?

— А вы сами считали? замѣтилъ Зиновьевъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Тогда надо считать, сказалъ Зиновьевъ.

Въ моемъ камердинерѣ я нисколько не сомнѣвался; но въ Вильно мы столько разъ перемѣняли квартиры, съ моимъ камердинеромъ помѣщалось такъ много людей, принадлежавшихъ моимъ товари-

щамъ, наконецъ, переднія наши постоянно набиты были такимъ множествомъ трактирной прислуги и евреевъ-факторовъ, что я самъ менѣе всего удивился бы, еслибы въ нашемъ мѣшкѣ оказался какой-либо недостатокъ. Съ такими именно мыслями я рѣшился предпринять непривычное и непріятное занятіе собственноручнаго пересчитыванія золота, на моихъ рукахъ находившагося. Къ счастію, все оказалось въ цѣлости и наличности, и такимъ образомъ дало новое подкрѣпленіе моему правилу.

Въ Тифлисѣ, между бѣдными и жадными туземцами, это правило производило особенный шикъ. Предъ моимъ окончательнымъ отъѣздомъ оттуда, я продалъ свою Каджорскую дачу одному изъ мѣстныхъ гражданъ Тамамшеву, считавшемуся богачемъ, за 8 т. р. с. Когда наступилъ моментъ уплаты денегъ, Тамамшевъ торжественно, съ какимъ-то благоговѣніемъ, представляетъ мнѣ пакетъ съ деньгами и проситъ пересчитать. «Зачѣмъ же», сказалъ я и, взявъ небрежно пакетъ изъ рукъ Тамамшева, тутъ же отдалъ его, не считая, моему камердинеру съ приказаніемъ отнести Мирзоеву, тоже армянину, который исправлялъ должность мѣстнаго моего банкира. Тамамшевъ былъ изумленъ въ высшей степени и на другой же день распространилъ этотъ дивнѣйшій, по его понятіямъ, случай по всему Тифлису...

Получивъ громадныя суммы изъ опекунскаго совѣта, я имѣлъ цѣлію не только произвести ими уплаты капиталовъ, слѣдующихъ князьямъ Владиміру и Анатолію, но и образовать особый, запасный капиталъ погашенія такихъ расходовъ, которые не принадлежали къ разряду текущихъ. У меня былъ разсчетъ, во-первыхъ, погасить, по возможности, быстро всѣ настоятельные частные долги, имѣя дѣло съ однимъ опекунскимъ совѣтомъ, а во-вторыхъ, раздѣленіемъ расходовъ текущихъ отъ расходовъ экстренныхъ, показать князю наши дѣйствительныя средства и сдержать его порывы въ предѣлахъ, соотвѣтственныхъ этимъ средствамъ. Сообразно этому раздѣленію, у меня устроена была и бухгалтерія. Увы! все это было хорошо въ системѣ и на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ неудержимо исчезали и текущіе доходы, и запасныя суммы, на которыя всею своею тяжестію легли запущенные долги самого князя, огромные московскіе долги князя Анатолія, платежи Давыдову и Кочу-

бею, о которыхъ князь говорилъ въ приведенномъ выше письмѣ. Не помню, когда именно, но мы скоро дошли опять до самаго стѣсненнаго положенія и вынуждены были искать случая и возможности сдѣлать гдѣ-либо большой заемъ. Затрудненія эти не могли оставаться неизвѣстными князю Льву Кочубею, и однажды, когда мы съ нимъ толковали подробно о положеніи нашихъ дѣлъ, Кочубей сказалъ:

— Знаете, В. А., у меня теперь есть свободная сумма въ банкѣ; я могу ссудить ее князю Александру Ивановичу по 8%.

Размѣра этой суммы, равно какъ и срока, на который онъ намъ ее давалъ, я уже не помню; но я съ радостію спѣшилъ сообщить эту неожиданную готовность князю Александру Ивановичу. Въ минуту моего прихода, князь лежалъ на диванѣ или на кушеткѣ. Когда я сообщилъ ему предложеніе князя Кочубея, онъ, ничего не отвѣчая, долго думалъ. Потомъ порывисто всталъ и, близко подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Я долженъ признаться вамъ, В. А., только не браните меня. Мнѣ самому совѣстно. Я сдѣлалъ большую глупость.

Потомъ онъ разсказалъ мнѣ, что, постоянно находясь въ извѣстномъ кругу, онъ всегда былъ непріятно стѣсняемъ всеобщими настояніями принять участіе въ игрѣ и укорами, что онъ одинъ только не играетъ. Наконецъ, наскучивъ этими настояніями и укорами, онъ сказалъ однажды своимъ собесѣдникамъ: «Извольте, господа! Я поставлю нѣсколько картъ; но я игры терпѣть не могу и надѣюсь, что вы меня освободите уже отъ вашихъ укоровъ»... «Я не могъ поставить мало,—продолжалъ князь,—когда какой-нибудь А*, у котораго рѣшительно ничего нѣтъ, ставилъ карты по 10, 20 и 30 т. руб. ас. Я поставилъ карту въ 50 т. р.—убили! я другую—убили! третью—убили!» Надѣюсь, довольно съ меня, господа! «сказалъ я и забастовалъ. Повторяю, что самъ считаю все это очень глупымъ, особенно при нашемъ трудномъ положеніи; но дѣлать нечего. Деньги эти, вы понимаете, надо прежде всего заплатить».

Я не могъ не скорбѣть внутренно, что рессурсы, предлагаемые княземъ Кочубеемъ, получали такое неожиданное и печальное назначеніе.

— Или не лучше ли такъ сдѣлать? сказалъ князь. Рискнуть

поставить еще одну карту въ 50 т. р. Или отыграюсь или буду долженъ 200 т. р. Какъ вы думаете?

— Счастье перемѣнчиво, отвѣчалъ я, отчего не попробовать. Проба была сдѣлана и крайне неудачно. Князь снова проигралъ, и мнѣ предстояла страшная возня съ расплатою счастливцамъ. Счастливѣйшимъ изъ нихъ, конечно, былъ А*. Впрочемъ, отъ него деньги эти, прежде, чѣмъ были уплачены, переходили, по карточнымъ переводамъ, другимъ личностямъ, которыхъ я уже не помню.

Такъ какъ А* выступилъ на сцену, то я и остановлюсь нѣсколько на этой замѣчательной личности, не заботясь о томъ, кстати ли это будетъ здѣсь или не кстати, также точно, какъ и не забочусь вообще о систематичности и стройности моихъ разсказовъ, т. е. о такихъ вещахъ, которыя требуютъ уже нѣкотораго литературнаго художества и во всякомъ случаѣ превышаютъ, быть можетъ, мои силы. Несмотря на то, что князь Александръ Ивановичъ назвалъ его, и то вѣроятно, въ минуту пораженія, о которомъ я выше говорилъ, «голышемъ», это былъ первый его другъ, истинный или только политическій, это другой вопросъ. При безпрерывныхъ отъѣздахъ или пріѣздахъ князя—обыкновенно мнѣ приходилось, по его желанію, разбирать и приводить въ порядокъ кучу бумагъ и писемъ, накопившихся у него и находившихся обыкновенно въ хаотическомъ состояніи. Бумаги и письма эти я долженъ былъ разсматривать и читать для того, чтобъ опредѣлить дальнѣйшее ихъ положеніе. Такимъ образомъ я читалъ при самомъ князѣ письма къ нему государя, когда онъ былъ наслѣдникомъ, и живо помню, что всѣ они отличались дружбою и тою ангельскою добротою, которая составляетъ отличительную его черту и которая привлекла ему такую пламенную любовь народа. Между этихъ бумагъ письма графа А* составляли всегда значительную часть. При первомъ взглядѣ на эти письма, я былъ пораженъ, замѣтивъ подъ ними всегда одну и ту же подпись: Pollux. Когда я спросилъ у князя, что это значитъ, князь объяснилъ мнѣ, что, вслѣдствіе дружбы, которая ихъ связывала, они условились подписываться подъ своими письмами: князь—Castor, а графъ А*—Pollux. И, дѣйствительно—на видъ они были самыми образцовыми друзьями. Но за кулисами были черты, которыя набрасывали

тѣнь сомнѣнія на искренность ихъ дружбы и во всякомъ случаѣ показывали, что въ качествѣ друзей—они не переставали быть царедворцами. Приведу нѣкоторыя изъ нихъ:

Когда князь рѣшился бросить Кавказъ, гдѣ онъ уже былъ начальникомъ главнаго штаба, не будучи въ состояніи переносить грубаго и оскорбительнаго поведенія Муравьева — намѣреніе это не было никому извѣстно, за исключніемъ княгини Марьи Өедоровны, которую онъ предупредилъ о своемъ сюда пріѣздѣ. Княгиня, зная мою привязанность къ князю, увѣдомила меня объ этомъ, а я, какъ-то случайно, передалъ это извѣстіе Отрѣшкову. На другой день Отрѣшковъ сказалъ мнѣ, что онъ былъ у А* и заговорилъ о пріѣздѣ князя Барятинскаго, какъ о предметѣ, ему извѣстномъ, но былъ пораженъ смущеніемъ А*, который ничего не зналъ и тотчасъ впалъ въ какую-то странную задумчивость, изъ чего Отрѣшковъ заключилъ, что это обстоятельство не только не было пріятно для графа, но и видимо встревожило его. Вслѣдъ затѣмъ князь пріѣхалъ. Прибытіе его сюда было истиннымъ событіемъ для Петербурга. Всѣ думали, что самъ государь его вытребовалъ, чтобъ имѣть въ немъ самаго близкаго и надежнаго сотрудника и совѣтника въ существовавшихъ тогда трудныхъ обстоятельствахъ. Такъ думалъ и я, хотя на самомъ дѣлѣ далеко было не такъ. Самъ князь разсказывалъ мнѣ потомъ, что онъ явился здѣсь самовольно, что государь былъ этимъ недоволенъ, а императрица еще болѣе. Но это едва-ли было кому-либо извѣстно, и имя князя Барятинскаго окружено было большимъ благоговѣніемъ. Всѣ видѣли въ немъ будущаго могущественнѣйшаго временщика, въ родѣ Потемкина, Аракчеева и др.

Я лично, послѣ сильныхъ столкновеній, о которыхъ разскажу въ своемъ мѣстѣ, пріютился тогда въ почтовомъ вѣдомствѣ, подъ начальствомъ милаго и добраго графа Владиміра Өедоровича А*. и былъ совершенно счастливъ. Хотя вѣдомство это не изъ числа важныхъ въ общей системѣ государственной администраціи, но меня тамъ хорошо цѣнили, и я игралъ замѣтную роль. По поводу прибытія князя я разсудилъ такъ: въ свое время я былъ нуженъ и полезенъ князю; теперь никакой во мнѣ надобности онъ имѣть не можетъ; наши близкія отношенія имѣли мѣсто тогда, когда онъ

былъ ротмистромъ и едва добрался до полковника; теперь онъ генералъ-адъютантъ и на верху могущества; слѣдовательно, выводилъ я, теперь лѣзть къ нему на глаза, значитъ сказать: «сдѣлай что-нибудь и для меня; помнишь наши прежнія отношенія?» Мысль эта была мнѣ ненавистна и рѣшительно противна моимъ правиламъ и убѣжденіямъ. Я рѣшился просто не являться къ князю. Такъ прошло съ недѣлю или болѣе. Однажды пришелъ ко мнѣ старый и отставной его камердинеръ Новиковъ и сказалъ мнѣ: «я пришелъ передать вамъ, В. А., что князь каждый день по нѣскольку разъ спрашиваетъ о васъ и удивляется, что вы у него не были. Князь говоритъ, что вы всегда, прежде родныхъ, съ нимъ видѣлись. Когда я предлагалъ князю послать за вами, продолжалъ Новиковъ, онъ сказалъ: «не надо, если самъ не хочетъ придти. Ясно, что А—и его у меня отбили». Какъ возобновились наши сношенія съ княземъ—это будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ; но я привожу эти слова, какъ доказательство, что самъ князь смотрѣлъ на А* не совсѣмъ дружески. Когда возстановились наши свиданія и пошли разнородныя работы, часто случалось, что, пріѣхавъ къ князю, я не заставалъ его дома. Тогда камердинеръ его, наслѣдникъ Новикова, знаменитый Исай, молодой человѣкъ, чрезвычайно бойкій и смышленый до такой степени, что часто замѣнялъ для князя секретаря, считалъ долгомъ передать мнѣ все замѣчательное, чтò произошло въ мое отсутствіе. Такъ въ одинъ изъ подобныхъ неудачныхъ моихъ пріѣздовъ Исай таинственно сообщилъ мнѣ: «Ну, Василій Антоновичъ, какая стычка произошла съ А*. Когда онъ вошелъ сегодня къ князю, князь притворилъ всѣ двери и сказалъ ему: «послушай, я давно хочу съ тобою дружески поговорить. Наши отношенія такъ оставаться не должны. Съ самаго моего пріѣзда я замѣчаю, что ты совсѣмъ сталъ не тотъ и имѣешь что-то про себя». А* началъ увѣрять, что онъ тотъ же, нисколько не перемѣнился и т. п., но князь перебилъ: «Не увѣряй! я хорошо все вижу и скажу тебѣ, что ты ведешь себя глупо. Я твоей дороги перебивать не стану, точно такъ же, какъ и ты моей не перебьешь. Лучше намъ оставаться прежними друзьями.» Потомъ стали обниматься.

Само собою разумѣется, что разсказъ Исая я привожу въ са-

комъ сжатомъ видѣ, потому что всѣхъ подробностей не помню и потому, что этого очерка достаточно для того, чтобъ видѣть, какія тучки набѣгали на дружбу князя съ А*. Общественное мнѣніе, по крайней мѣрѣ, тогда положительно утверждало дѣйствительность борьбы, существовавшей между партіей графовъ А* и партіей Барятинскаго, или лучше самимъ Барятинскимъ, потому что я рѣшительно не знаю, кого бы можно было назвать принадлежащимъ къ партіи Барятинскаго. Самое назначеніе князя Барятинскаго намѣстникомъ кавказскимъ, скоро послѣ того послѣдовавшее, принято было, какъ результатъ происковъ противной ему партіи, которая, во что бы то ни стало, желала сбыть его изъ Петербурга и для этой цѣли готова была возвести его еще выше, лишь бы отдалить. Когда я заявилъ это мнѣніе князю — онъ отвѣчалъ: «что жъ? я очень благодаренъ враждебной партіи, если бы это и такъ было. Я ничего другаго не хочу!»

Графъ А* былъ милѣйшій и добрѣйшій господинъ. Одно его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ, подобно князю Анатолію Барятинскому, никогда не выходилъ изъ запутанныхъ дѣлъ. Отсюда происходило сомнѣніе въ чистотѣ его дѣйствій. Многіе думали, что это запутанное положеніе и давленіе долговъ заставляло его, какъ царскаго друга, принимать участіе въ нехорошихъ дѣлахъ. Однимъ словомъ, графъ А* раздѣлялъ ту же народную нелюбовь, которая сопровождала его отца, и также незаслуженно. Когда приходилось говорить по этой части къ княземъ Александромъ Ивановичемъ, онъ также отвергалъ рѣшительно всѣ укоры, всѣ сплетни, которыми осыпали графа А*, и прибавлялъ: «всѣ должны быть довольны и Бога благодарить, что при царѣ находится такой порядочный и добрѣйшій человѣкъ!»

Ясность и правильность слога графа А* сама за себя говорила; прибавляю только, что письма его сверхъ того писаны бойкимъ и красивымъ почеркомъ. Видно, что перо—привычное орудіе въ рукѣ графа. И дѣйствительно: люди, ближе меня знавшіе обстановку графа, утверждали, что онъ много и быстро работалъ. Оффиціальное его положеніе не было очень значительно и, конечно, не доставляло ему большихъ занятій; онъ былъ начальникомъ главной квартиры или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, но отдѣльныя и

личныя порученія государя заставляли его часто просиживать ночи и, сколько эти таинственныя работы, столько же, если не болѣе, любовь къ игрѣ—дѣлали то, что онъ большую часть дня спалъ и личный доступъ къ нему былъ чрезвычайно труденъ. Остается сказать, что А* былъ чрезвычайно представительной наружности, вполнѣ отвѣчающей положенію его, какъ царскаго друга. Видъ его былъ величественъ, манеры изящны въ высшей степени. Огромныя черныя бакенбарды, въ особенности, дѣлали его замѣтнымъ въ толпѣ царедворцевъ. Несмотря на прекрасную наружность, А* былъ далеко не крѣпкаго здоровья: различные недуги весьма рано его атаковали.

Возвращаясь къ нашимъ средствамъ, я долженъ сказать, что князь Александръ Ивановичъ, точно такъ же, какъ и я, хорошо понималъ, что держаться въ предѣлахъ этихъ средствъ и не выводить расходовъ изъ опредѣленнаго размѣра есть первое условіе благоустройства нашихъ дѣлъ. Въ этихъ видахъ, мы составляли различные бюджеты, смѣты, планы. Но увы! На практикѣ все это разметалось въ прахъ, и мы, богатѣйшіе люди, на самомъ дѣлѣ нуждались столько же, какъ князь Анатолій Барятинскій и А*. Несмотря ни на какія соглашенія и самыя благоразумныя предначертанія, мы никакъ не могли сводить концовъ съ концами и тоже постоянно думали: гдѣ бы призанять? Когда князь Левъ Кочубей сдѣлался, по моему предложенію, нашимъ добрымъ попечителемъ, я особенно выяснилъ ему причину нашего разстройства и просилъ его принять на себя трудную задачу сдерживать размашистые порывы князя. Онъ бойко и самоувѣренно выразилъ свою готовность, но скоро убѣдился, что это не такъ-то легко, какъ кажется, и въ августѣ 1848 г. прислалъ мнѣ письмо слѣдующаго содержанія: «М. Г. В. А.! Вамъ вполнѣ извѣстны тѣ основанія, на которыхъ я принялъ на себя главное вліяніе по дѣламъ князя Александра Ивановича. Они заключались въ удержаніи денежныхъ способовъ въ границахъ, могущихъ привести долги его къ порядку. Но когда я вижу безпрерывныя съ его стороны требованія, которыя превзошли утвержденный имъ бюджетъ, я считаю невозможнымъ быть полезнымъ ему въ той степени, какъ мнѣ желательно было. Поэтому я слагаю съ себя дальнѣйшее участіе въ дѣлахъ его, при

всей искренней готовности удовлетворить потребности дружескихъ нашихъ отношеній. Но, дабы не прерывать связи дѣлъ, здѣсь сосредоточенныхъ, я до возвращенія вашего въ С.-Петербургъ (я былъ тогда въ имѣніи князя) могу продолжать занятія мои по представленіямъ главной вашей конторы...»

Съ княземъ Владиміромъ Барятинскимъ, выдѣлъ котораго теперь я долженъ изобразить, я познакомился при самомъ началѣ моихъ сношеній съ княземъ Александромъ. Это былъ высокій, тонконогій и въ то время гладко-остриженный господинъ, далеко уступающій по внѣшней красотѣ не только князю Александру, но князю Анатолію и князю Виктору. Мнѣ было извѣстно, что предъ нашимъ знакомствомъ онъ только-что возвратился съ Кавказа, куда ѣздилъ, кажется, лѣчиться. Потомъ скоро сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, что онъ сорвалъ тамъ ту знаменитую «Кавказскую розу», которая прославлена въ сочиненіяхъ Лермонтова. Фактъ этотъ сдѣлался вполнѣ достовѣрнымъ, когда, получивъ отъ князя Александра Ивановича слѣдующій ему капиталъ, князь Владиміръ немедленно поручилъ мнѣ же отправить на Кавказъ, разумѣется, на другое имя 50 т. р., назначенныхъ этой розѣ. Розу эту я видѣлъ подлинникомъ въ 1853 году въ Кисловодскѣ и даже познакомился съ ней. Она вышла впослѣдствіи замужъ за нѣкоего ставропольскаго господина, имѣла кучу дѣтей и во время моего знакомства имѣла болѣе основанія называться тряпкой, чѣмъ розой. Это была маленькая, сморщенная, какъ печеное яблоко, и даже непріятная фигура, съ какими-то зеленоватыми глазами, хотя, по общимъ отзывамъ, въ ранней молодости она была дѣйствительно красавицей.

Князь Владиміръ, въ началѣ нашего знакомства, былъ кавалергардскимъ офицеромъ и впослѣдствіи поступилъ въ адъютанты знаменитаго князя Чернышева, бывшаго тогда военнымъ министромъ. Въ этомъ званіи онъ сталъ ухаживать за старшею дочерью Чернышева, Елисаветою, впослѣдствіи не менѣе отца знаменитою «Бетси», и такъ успѣшно, что скоро женился на ней, получивъ въ приданое: домъ въ Большой Милліонной и 150 т. р. сер., изъ которыхъ 100 т. далъ отецъ, а 50 т. государь. Послѣ женитьбы, князь находилъ уже неудобнымъ оставаться адъютантомъ своего тестя и вышелъ вовсе въ отставку... Превращеніе это продолжалось,

впрочемъ, не долго, потому что, когда князь Александръ окончательно переходилъ на Кавказъ и оставлялъ званіе адъютанта наслѣдника, онъ просилъ наслѣдника взять на его мѣсто брата, князя Владиміра, что́ и было исполнено. Въ этомъ положеніи князь оставался довольно долго, а впослѣдствіи, получивъ чинъ полковника и генерала, назначенъ былъ командиромъ Кавалергардскаго полка. Князь Владиміръ былъ до крайности мнителенъ. Эти свойства хорошо были извѣстны братьямъ. Князь Александръ любилъ подсмѣиваться надъ его мнительностью, которая часто доходила до смѣшнаго. Въ минуту, когда наступалъ выдѣлъ князя Владиміра, онъ тоже былъ гдѣ-то заграницею, какъ видно изъ письма, полученнаго мною отъ князя Александра.

Между тѣмъ князь Александръ Ивановичъ, возвратившись въ Петербургъ, собирался снова на Кавказъ. Это было въ 1845 году. Предъ отправленіемъ туда, онъ получилъ чинъ полковника, чему радовался несказанно. Князь много разъ разсказывалъ, что онъ очень несчастливъ въ чинопроизводствѣ, и это происходило, по его мнѣнію, оттого, что у государя осталось въ памяти быстрое производство его въ ротмистры. Чинъ этотъ ему данъ, когда онъ прискакалъ курьеромъ изъ Дармштата отъ наслѣдника съ извѣстіемъ о помолвкѣ его съ тамошнею принцессою. По словамъ князя, онъ летѣлъ истинно по-курьерски, не спалъ нѣсколько ночей и, весь грязный, явился прямо къ государю съ радостнымъ извѣстіемъ. Это было рано утромъ; за всѣмъ тѣмъ государь повелъ князя, такъ, ка́къ онъ былъ, къ императрицѣ, которая была еще въ постели. Усадивъ князя подлѣ постели, государь приказалъ разсказывать всѣ подробности. Затѣмъ, отпуская князя, государь сказалъ: «прощай, ротмистръ!» Это было въ апрѣлѣ 1840 года, тогда какъ въ іюнѣ 1839 года онъ только-что получилъ чинъ штабсъ-ротмистра. Такимъ образомъ выходитъ, что отъ штабсъ-ротмистра до ротмистра князь служилъ нѣсколько мѣсяцевъ, а отъ ротмистра до полковника почти пять лѣтъ. Князь часто говорилъ, что если бы государь не давалъ ему, такъ сказать, прямо изъ своихъ рукъ чина ротмистра, скоро послѣ производства его въ штабсъ-ротмистры, и не держалъ въ памяти своей, что князь весьма быстро получилъ два чина, то чинъ полковника пришелъ бы къ нему гораздо

скорѣе. Какъ бы то ни было, князь, какъ я выше сказалъ, былъ очень радъ этому чину и, надѣвъ присланныя ему наслѣдникомъ густыя эполеты, отправился тотчасъ къ своимъ друзьямъ Столыпинымъ. Но, возвратившись оттуда, онъ, съ признаками нѣкотораго неудовольствія, разсказывалъ мнѣ: «вообразите! когда я пріѣхалъ къ нимъ, они вовсе не замѣтили моихъ новыхъ эполетъ. Этого мало: въ продолженіе вечера я хожу, говорю, а они не обращаютъ на нихъ никакого вниманія, такъ что мнѣ стало немножко досадно, и я долженъ былъ самъ объявить имъ о своемъ производствѣ».

Затѣмъ относительно сборовъ и отправленія его на Кавказъ, я замѣчу одно обстоятельство, не лишенное нѣкотораго интереса. У князя находился въ должности втораго камердинера или помощника камердинера, наемный человѣкъ Михайло, принадлежавшій какому-то путейскому полковнику Коковцеву. Михайло имѣлъ прямую и главную обязанность—брить князя, и другую побочную—выдѣлывать разныя комическія штуки. Михайло былъ очень малаго роста, очень неуклюжъ, но кажется, дѣйствительно, имѣлъ комическія способности. Князь очень любилъ при мнѣ и при другихъ усаживать Михайлу въ свои кресла и заставлять изображать самого князя или кого-либо изъ его пріятелей. Михайло важно разваливался въ креслахъ, надувался, какъ пузырь, и начиналъ преважнымъ тономъ нести какую-нибудь чепуху. Князь хохоталъ. Другою любимою забавою князя было ссорить Михайлу съ камердинеромъ. Въ этой должности, какъ я сказалъ, былъ у него сначала Новиковъ, представительная, но довольно глупая фигура, изъ своихъ же вольноотпущенныхъ людей; но именно предъ этимъ отправленіемъ князя на Кавказъ, онъ рѣшился замѣнить растолстѣвшаго и неповоротливаго Новикова тѣмъ Исаемъ, о которомъ я выше говорилъ и который только-что кончилъ свое образованіе у какого-то француза по части цирульной и парикмахерной. Тотъ, кто будетъ читать эти строки, конечно, удивится, что я вывожу на сцену камердинеровъ и лакеевъ князя; но я прошу къ этому удивленію не примѣшивать насмѣшекъ, потому что эти люди вовсе не шуточные. Начать съ того, что они лично извѣстны были государю, а — что̀ еще важнѣе—имѣли вовсе не шуточное вліяніе на князя, какъ и всѣ камердинеры всевозможныхъ господъ, имѣющихъ у себя

камердинеровъ. Впослѣдствіи, когда князь былъ кавказскимъ намѣстникомъ и главнокомандующимъ, военный людъ, включительно до полковника, находили выгоднымъ пожимать руку Исая, да и генералы, вообще крайне ласковые и привѣтливые къ нему, не прочь бы пуститься на эту штуку, еслибъ рельефность подлости не была ужь черезъ-чуръ сильна. Когда князь бывалъ въ добромъ расположеніи духа, онъ начиналъ, напримѣръ, Михайлѣ сплетничать, что Новиковъ или Исай говорили ему то-то и то-то про него, Михайлу. Сплетничанье это было иногда такъ удачно, что Михайло сначала недовѣрчиво улыбался, потомъ начиналъ огрызаться, а потомъ просто ругать своего мнимаго врага. Князю этого только и нужно было. Удовольствіе его достигало высшей степени, когда ему удавалось, или казалось, что удавалось, поссорить своихъ людей. Какъ бы то ни было, но князь къ Михайлѣ привыкъ и любилъ его, быть можетъ, именно за то, что въ подобныхъ проказахъ князя онъ былъ первымъ номеромъ. Но когда, предъ отправленіемъ князя, Михайло обратился къ своему барину за паспортомъ, тотъ отказалъ и приказалъ Михайлѣ поступить въ услуженіе собственно къ нему, барину. Михайлѣ это крѣпко не понравилось, князю тоже—и мнѣ поручено было уладить это дѣло. Но всѣ мои переговоры и усилія были тщетны; въ этомъ Коковцевѣ я встрѣтилъ какую-то отвратительную деревянную личность, которая отказывалась рѣшительно отъ всякихъ соглашеній и требовала грубо возвращенія человѣка, такъ что, наконецъ, я озлился и, каюсь, предложилъ князю увезти Михайлу безъ согласія его грубаго барина и безъ паспорта. Такъ и сдѣлалось.

Извѣстно, что, въ эту поѣздку на Кавказъ, князь попалъ въ знаменитую Ичкеринскую экспедицію, которую тамъ называютъ «сухарной». Я устраняю себя отъ разсказовъ, къ этой экспедиціи относящихся, хотя послѣ, во время продолжительнаго моего пребыванія на Кавказѣ, мнѣ довелось слышать много интересныхъ подробностей. Это повело бы меня ужь черезъ-чуръ въ сторону. Приведу здѣсь только собственный отзывъ князя Александра Ивановича объ идеальной храбрости старика князя Воронцова. Князь говорилъ, что храбрость эта была истинно джентльменская, всегда спокойная, всегда ровная. Часто случалось, что во время сна глав-

нокомандующаго, раздавалась тревога въ самой главной квартирѣ. Князь Воронцовъ просыпался, спокойно вынималъ шашку и спокойно говорилъ: «господа, будемъ защищаться». Я полагаю, что такой отзывъ и такого человѣка, какъ князь Барятинскій, вполнѣ отвѣчаетъ славной памяти славнаго его предшественника. Что касается до бѣднаго Михайлы, то онъ погибъ въ этой экспедиціи. Уцѣлѣвшій Исай разсказывалъ мнѣ это событіе слѣдующимъ образомъ: когда стали отступать отъ Дарго, начались бѣдствія нашего отряда. Горцы съ обѣихъ сторонъ страшно насѣдали на насъ и производили огромную потерю въ нашихъ рядахъ, осыпая ихъ пулями изъ-за деревьевъ, изъ-за скалъ и изъ-за валовъ. Движеніе было медленное и опасное. Въ одномъ мѣстѣ надо было проходить чрезъ какую-то площадку, которая осыпалась градомъ вражескихъ пуль. Исай и Михайло, принадлежа къ общей прислугѣ главной квартиры, должны были также переходить это мѣсто. Михайло, увлекаемый судьбой, вообразилъ, что онъ можетъ такъ быстро проскакать это мѣсто, что ни одна пуля его не задѣнетъ. Исай и другіе его товарищи уговаривали его не дѣлать этого безразсудства и выждать, когда приказано будетъ двинуться; но Михайло, въ надеждѣ на свое молодечество и быстроту лошади, не послушался и ринулся впередъ... Только его и видѣли.

Можно представить, какъ любезны были новые мои переговоры съ грубымъ Коковцевымъ и какъ не легко было намъ съ княземъ откупиться отъ этого господина за похищеніе и гибель его Михайлы.

Едва князь уѣхалъ изъ С.-Петербурга, какъ я получилъ отъ него изъ Москвы отъ 3-го апрѣля 1845 г. письмо слѣдующаго содержанія: «Узнавши здѣсь, любезный Василій Антоновичъ, что Воронежское имѣніе графа Ростопчина продается весьма дешево и на весьма выгодныхъ условіяхъ, спѣшу писать о семъ къ вамъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ вы всячески старались удержать его для князя Владиміра Ивановича. Что имѣніе это чрезвычайно хорошо и соединяетъ въ себѣ всѣ выгоды, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; оно заключается въ 3.200 душахъ; за него, кажется, хотятъ два милліона и казенный долгъ, но выгода сего дѣла заключается въ чрезвычайныхъ разсрочкахъ платежей, потому что вся продажа

дѣлается изъ 500 т. р. ас., которые графу тотчасъ нужны. Натурально, что всѣ эти подробности для васъ однихъ пишу. Слѣдовательно, приступите къ дѣлу какъ можно скорѣе. Я не сомнѣваюсь, что вы успѣете въ немъ, какъ во всѣхъ другихъ, вами предпринимаемыхъ и увѣнчанныхъ совершеннымъ успѣхомъ. Это былъ бы блистательный конецъ великимъ нашимъ предпріятіямъ».

Вслѣдъ затѣмъ изъ города Павловска, Воронежской губерніи, отъ 17-го апрѣля 1845 г., я получилъ другое письмо отъ князя: «спѣшу писать къ вамъ, любезный Василій Антоновичъ, чтобы вы не забыли препорученіе мое на счетъ имѣнія графа Ростопчина; это будетъ грѣхъ непростительный и невозвратный, если упустить этотъ случай. Графъ хочетъ 3 милліона за имѣніе, нуждается въ деньгахъ, ему нужны 500 т., онъ готовъ на всѣ уступки и разсрочки. Имѣніе дастъ всегда отъ 200 до 250 т. р. доходу; непремѣнно купите, много охотниковъ; прошу васъ, любезный Василій Антоновичъ, во что бы ни стало — купить. Я увѣренъ, что вы и въ этомъ успѣете, какъ и во всѣхъ другихъ моихъ предпріятіяхъ».

Въ подобныхъ дѣлахъ князь былъ величайшій фантазеръ. Точно также, первоначально, онъ рѣшилъ купить для князя Анатолія Ивановича все Дробовское имѣніе, которое въ совокупности также стоило отъ 2.500 т. до 3 милл. Мои упорныя расчисленія и настоянія разрушили, не безъ затрудненій, этотъ планъ. Я доказалъ, что покупать съ 1.200 т. то, что̀ стоитъ 3 милл., значитъ рисковать потерею 1.200 т. р. Я доказалъ, что лучше имѣть меньше, но чисто и твердо, чѣмъ много, но съ большими долгами. Всѣ эти соображенія, примѣненныя къ дѣлу князя Анатолія, разлетѣлись прахомъ по отношенію къ князю Владиміру. Порученіе это было крайне непріятно и стѣснительно для меня. Я тотчасъ видѣлъ, что если мы купимъ имѣніе Ростопчина за 2.500 т. р., то, уплативъ ему принадлежащій князю Владиміру капиталъ въ 1.200 т., навяжемъ на свою голову 1.300 т. р.; что если 3.000 душъ этого имѣнія дѣйствительно будутъ давать постоянно и непреложно 200 т. дохода, то изъ этого дохода мы должны прежде всего уплачивать по крайней мѣрѣ 130 т. долгу, при невѣроятной даже разсрочкѣ его на 10 лѣтъ, да проценты на остальныя суммы, въ первое время до 50 т. р., всего, по крайней мѣрѣ, до 180 т. Чѣмъ

же жить будетъ князь Владиміръ? А если неурожай годъ или два? Что тогда? Путаница и разореніе и укоры князю Александру, такъ устроившему!

Тѣмъ не менѣе я долженъ былъ войти въ дѣло и изучить его подробности. На первыхъ же порахъ оказалось, что имѣніе запродано уже тому же графу Левашову, который былъ нашимъ соперникомъ и по покупкѣ Дробовскаго имѣнія. Условленная цѣна была 2.500 т. р. Если бы покупщикомъ былъ не графъ Левашовъ, я бы удовольствовался этимъ обстоятельствомъ и былъ бы радъ, что оно разрѣшаетъ всѣ мои затрудненія. Но тутъ я обязанъ былъ сдѣлать все, чтобъ устранить совершенно тѣ опасенія, которыя мучили меня въ дробовскомъ дѣлѣ. Въ этихъ видахъ, я вошелъ въ личныя сношенія съ графомъ Ростопчинымъ, въ полномъ убѣжденіи, что они только очистятъ мою совѣсть и не могутъ уже имѣть никакого серьезнаго результата.

Нѣтъ сомнѣнія, что никто такъ ясно и положительно не осуществлялъ собою гнилаго сучка отъ цѣннаго дерева, какъ этотъ господинъ. Гордый и ограниченный, въ одно и то же время, неважный по внѣшности, отвратительный въ манерахъ, онъ вовсе не походилъ на аристократа. Я довольно много зналъ личностей изъ аристократическаго міра, но такого уродливаго не встрѣчалъ. Онъ былъ обладателемъ знаменитой поэтессы, которая, еще болѣе, чѣмъ своими поэтическими произведеніями, была знаменита своимъ поведеніемъ. Но, повидимому, впечатлѣніе, произведенное мною на графа, не было похоже на то, какое онъ на меня произвелъ. При первомъ же свиданіи, онъ мнѣ объяснилъ, что онъ терпѣть не можетъ графа Левашова и радъ разорвать съ нимъ всѣ условія и соглашенія, сразу показывая свои возвышенныя и честныя правила; что ему гораздо пріятнѣе продать свое имѣніе князю Александру Ивановичу; что онъ даже готовъ уступить это имѣніе за 2.400 т., лишь бы отвязаться отъ графа Левашова, несмотря на то, что онъ платитъ 2.500 р. Въ заключеніе графъ требовалъ, что если я устрою это дѣло, то онъ очень радъ будетъ сдѣлать мнѣ вознагражденіе въ 50 т. руб. Все, что говорилъ графъ, изумляло меня въ высшей степени и ставило въ величайшее затрудненіе. Я не счелъ нужнымъ объяснять, до какой степени личное мое воз-

награжденіе неумѣстно и какъ подобныя сдѣлки оскорбительны для моихъ правилъ. Я даже видѣлъ въ этомъ нелѣпомъ предложеніи хорошую сторону. Во-первыхъ, оно, прежде всего, уменьшало цѣнность имѣнія на 50 т. р., если бы покупка его состоялась; если бы, напротивъ, она не состоялась, тогда самое это предложеніе служило бы князю доказательствомъ не столько моего безкорыстія, въ которомъ онъ и не сомнѣвался, сколько истиннаго стремленія оберегать наши дѣла и распоряженія отъ дурныхъ послѣдствій. Я положительно не зналъ, что дѣлать? Князь самъ пишетъ, что за имѣніе хотятъ 3 милл. и что я долженъ купить его во что бы то ни стало, т. е. заплатить даже и 3 милл., если это нужно. Съ другой стороны я могъ купить это имѣніе только за 2.350 т. р., блистательно перебивъ его у графа Левашова; но въ то же время я глубоко былъ убѣжденъ, что покупка эта гибельна. Мнѣ оставалось: или разрушить эту покупку, сохраняя во всей чистотѣ Богомъ данныя мнѣ правила чести и добра, или, основываясь на приказаніи князя, купить имѣніе, выговоривъ себѣ хорошій кушъ и затѣмъ раскланявшись съ княземъ... Но Богу угодно было охранять меня, во всю мою жизнь, отъ подобныхъ искушеній, и я всегда спалъ хорошо съ чистою совѣстью. У графа я просилъ нѣкоторой отсрочки для необходимыхъ соображеній и сношеній съ княземъ Александромъ Ивановичемъ. Я зналъ, впрочемъ, что эти сношенія, при упорствѣ князя и плохомъ пониманіи практическихъ дѣлъ, ни къ чему не поведутъ, потому и не думалъ предпринимать ихъ. Мнѣ хотѣлось только протянуть время и собрать мнѣнія дѣловыхъ людей... Но прежде нежели я пришелъ къ какому-нибудь окончательному рѣшенію, я получилъ отъ князя Александра Ивановича новое письмо слѣдующаго содержанія:

«Спѣшу увѣдомить васъ, любезный Василій Антоновичъ, что свѣдѣнія, собранныя мною по имѣнію графа Ростопчина, превзошли многимъ первыя извѣстія, которыя я сообщилъ вамъ изъ Москвы. 3 т. богатыхъ мужиковъ, 32 т. десят. чернозему, 2 т. десят. прекраснаго лѣсу и славнѣйшій домъ и все это за 3 милл. ас., изъ которыхъ только 500 т. тотчасъ. Вотъ дѣло кладъ и вѣнецъ всему начатому, если успѣете кончить въ пользу брата, князя Владиміра Ивановича. Лишнимъ считаю говорить вамъ, сколько

я буду вамъ благодаренъ; послѣдствія покажутъ, если успѣете въ семъ столь важномъ дѣлѣ. Я съ нынѣшнею же почтою пишу г. Столыпину, прося его взять это дѣло подъ свое покровительство; его связи и доброе расположеніе ко мнѣ сдѣлаютъ его, я увѣренъ, дѣятельнымъ соучастникомъ въ семъ моемъ новомъ предпріятіи. Я съ нынѣшнею же почтою пишу къ управляющему графа Ростопчина съ просьбою прислать къ вамъ всѣ нужныя свѣдѣнія по имѣнію. Главное ваше дѣло остановить дѣло съ графомъ и выдать ему нужныя деньги... Прошу васъ, немедля по полученіи моего письма, поѣхать къ Алексѣю Григорьевичу Столыпину и съ нимъ рѣшиться, какъ вести дѣло. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ отъ васъ отвѣта и надѣюсь, вмѣстѣ съ тѣмъ, на извѣстія объ успѣхѣ...»

Безъ всякаго тщеславія могу сказать, что если дѣйствительно у меня были хорошія правила и хорошія способности, то нигдѣ они не имѣли такого приложенія, какъ въ этомъ дѣлѣ. Графъ Ростопчинъ предлагалъ мнѣ за покупку его имѣнія 50 т. р.; князь сулилъ за то же благодарность, которую послѣдствія покажутъ. Въ то же время ничего не было легче, какъ купить это имѣніе и за самую выгодную цѣну. Я, однакожъ, не дѣлалъ этой покупки, въ глубокомъ сознаніи, что она задавитъ насъ и такимъ образомъ не только терялъ права на обоюдную благодарность, но и рисковалъ навлечь на себя неудовольствіе князя. Это относится къ моимъ правиламъ и убѣжденіямъ. Съ другой стороны, имѣя рѣшимость не покупать имѣніе, я продолжалъ вести дипломатическіе переговоры съ графомъ, парализуя такимъ образомъ сдѣлку его съ графомъ Левашовымъ, и держалъ его весьма продолжительное время на привязи. Это относится къ моимъ способностямъ. О моемъ усердіи къ пользамъ князя я не говорю, потому что подобное усердіе не представляетъ ничего удивительнаго въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ, принявшемъ на себя какую-либо обязанность. Помню, однакожъ, что и это простое усердіе должно было доводить до крайнихъ предѣловъ потому, что, въ минуты страшныхъ мученій, которыя молодая жена моя, окруженная бабками и докторами, испытывала при первыхъ родахъ, я оставлялъ ее и велъ переговоры съ графомъ. Если приведенное выше письмо князя мнѣ было непріятно въ томъ отношеніи, что усиливало настоянія, про-

тивныя моимъ убѣжденіямъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно и обрадовало меня въ высшей степени, давая мнѣ, въ лицѣ дѣловаго Столыпина, надежнаго сотрудника, избраннаго и назначеннаго самимъ княземъ. Я тотчасъ поѣхалъ къ нему и изложилъ ему всѣ подробности дѣла. Съ своимъ свѣтлымъ умомъ Столыпинъ и минуты не колебался и вмѣстѣ со мной призналъ покупку Ростопчинскаго имѣнія положительно невозможною. Но положеніе дѣла еще болѣе улучшилось для меня, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что самъ князь Владиміръ, для котораго предназначалась эта покупка, долженъ скоро возвратиться въ Петербургъ. Въ виду этого важнаго обстоятельства, мы съ Столыпинымъ рѣшили поддерживать переговоры съ графомъ Ростопчинымъ, а окончательное рѣшеніе дѣла предоставить самому князю Владиміру, когда онъ пріѣдетъ. Я былъ совершенно счастливъ. Всѣ мои личныя волненія и тревоги улеглись. Вопросъ о покупкѣ имѣнія я передавалъ въ руки того, до кого онъ болѣе всего касался, не измѣнивъ ни своимъ убѣжденіямъ, ни настояніямъ князя Александра.

Наконецъ князь Владиміръ пріѣхалъ, и отличительное его свойство—мнительность проявилась здѣсь во всемъ смѣшномъ блескѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ его, я сообщилъ ему письма князя Александра, готовность графа Ростопчина продать намъ имѣніе даже за низшую цѣну, противу той, за которую оно запродано графу Левашову, мои соображенія о невозможности, или, по крайней мѣрѣ, опасности этой покупки, и наконецъ мнѣніе Столыпина, совершенно сходное съ моимъ. Князь Владиміръ вполнѣ согласился съ нашимъ мнѣніемъ и просилъ даже меня увѣдомить графа Ростопчина, что покупка состояться не можетъ, что̀, конечно, я и исполнилъ. Но это ничего не значило. Князь Владиміръ всегда соглашался съ тѣмъ, кто послѣдній съ нимъ говорилъ. Отъ этого произошло, что чрезъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ, вѣроятно наслушавшись въ аристократическихъ гостиныхъ различныхъ толковъ объ этомъ имѣніи, князь сказалъ мнѣ: «знаете, В. А., жаль, что мы упустили Ростопчинское имѣніе».—«Я этого не полагаю, ваше сіятельство. Почему вы перемѣнили ваше мнѣніе?» спросилъ я.—«Имѣніе прекрасное; всѣ говорятъ», отвѣчалъ князь.—«Да я никогда и не думалъ утверждать, что оно не прекрасно; я выражалъ только

убѣжденіе, что покупка его не по нашимъ силамъ и что она разоритъ насъ», сказалъ я князю.—«Да, это такъ! однакожъ все-таки жаль», заключилъ князь. Это былъ первый опытъ дѣловыхъ моихъ сношеній съ княземъ и первое проявленіе его мнительности и шаткости. И то, и другое, конечно, не могло произвести на меня хорошаго впечатлѣнія. Мнѣ было просто досадно, что мои усердныя старанія, искренность и стойкость моихъ убѣжденій и наконецъ дипломатическія способности, что все это, положенное въ это дѣло, не только не оцѣнено по справедливости, а разлетѣлось въ прахъ. Этого мало. Нелѣпыя сожалѣнія князя имѣли тотъ смыслъ, что какъ будто бы я именно упустилъ блистательное дѣло. Я сказалъ князю: «графъ Ростопчинъ такой человѣкъ, что съ нимъ церемониться нечего и можно возобновить переговоры, если только продажа имѣнія графу Левашову еще окончательно не состоялась. Хотите, я къ нему опять поѣду?»—«Ахъ! это было бы величайшее счастіе! Какъ бы я былъ благодаренъ вамъ, если бы вамъ удалось возстановить это дѣло», сказалъ князь. Я тотчасъ отправился къ графу Ростопчину и, къ собственному моему изумленію, нашелъ его по-прежнему совершенно готовымъ продать имѣніе князю, на опредѣленныхъ уже условіяхъ. «Если князь пріѣдетъ сегодня часа въ два, мы можемъ съ нимъ совершенно кончить дѣло», заключилъ графъ. Съ этимъ неожиданнымъ отвѣтомъ я тотчасъ прилетѣлъ къ князю; но въ то время, когда я, съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, передавалъ ему этотъ радостный отвѣтъ, лицо князя помрачилось, и видно было, что онъ смутился и струсилъ. «Все это прекрасно», сказалъ онъ, «но согласитесь, что мнѣ неловко самому ѣхать къ графу. Подумаютъ, что я перебиваю имѣніе у графа Левашова, а мнѣ этого никакъ бы не хотѣлось. Я, право, не знаю, что дѣлать?» бормоталъ князь. Я старался укрѣпить его всѣмъ моимъ краснорѣчіемъ, доказать, что въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ все будущее его благосостояніе, подобныя утонченныя церемоніи вовсе не къ мѣсту, что вся неделикатность относительно графа Левашова падетъ не на него, а на графа Ростопчина, что мы даже вовсе и не обязаны знать, есть ли другіе покупщики, или нѣтъ и т. п.,—ничто не помогало. Князь твердилъ одно: «все-таки неловко, какъ хотите!»—«Что же теперь дѣлать?» спросилъ я не-

терпѣливо. «— Вотъ, если бы самъ графъ пріѣхалъ ко мнѣ — это другое дѣло!» сказалъ князь.— «Помилуйте, ваше сіятельство», сказалъ я: «гдѣ же это видано, чтобы продавецъ самъ ѣздилъ по домамъ и предлагалъ свое имѣніе?» — «Что же дѣлать; иначе мнѣ нельзя», запѣлъ снова князь.— «Хорошо», сказалъ я, «я опять поѣду къ графу и быть можетъ уломаю его и на это, хотя считаю это почти невозможнымъ».

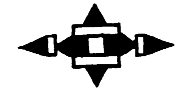
Графъ, къ которому я тотчасъ отправился, снова поразилъ меня, согласившись пріѣхать къ князю на другой день, часа въ два. Съ великимъ торжествомъ я привезъ этотъ отвѣтъ князю; но онъ не только не выразилъ никакого удовольствія, но, повидимому, еще болѣе струсилъ и просилъ меня убѣдительно присутствовать, на другой день, при предстоящемъ съ графомъ свиданіи. Свиданіе это состоялось, и я при немъ присутствовалъ. «И горе, и смѣхъ», какъ говорятъ русскіе люди. На французскомъ діалектѣ, съ покраснѣвшимъ лицомъ, князь началъ плести какія-то безсвязныя фразы, въ которыхъ съ трудомъ можно было понять только то, что онъ очень радъ купить имѣніе графа, но купить не можетъ. Графъ, какъ ни былъ самъ глупъ, тотчасъ понялъ, повидимому, съ какимъ господиномъ имѣетъ дѣло, бросилъ на меня насмѣшливый взглядъ и скоро уѣхалъ. Тѣмъ это смѣшное, но въ то же время крайне хлопотливое и непріятное для меня, дѣло и кончилось.

1845 г. 5 іюля я взялъ отъ князя Владиміра такой же точно актъ, какой нами полученъ былъ отъ князя Анатолія, и содержаніе котораго приведено мною выше, а ему отдалъ 1.200 т. р. ас. На этотъ капиталъ, сколько мнѣ извѣстно, князь Владиміръ купилъ впослѣдствіи у котораго-то изъ князей Голицыныхъ Тамбовское имѣніе.

Здѣсь нужно замѣтить, что при выдѣлѣ князя Анатолія и выдачѣ ему капитала въ 1.200 т. р. у него не были вычтены московскіе его долги, о которыхъ я выше говорилъ и которые простирались до 400 т. р. Долги эти пали всею тяжестію на кассу князя Александра и такимъ образомъ выходило, что онъ получилъ не 1.200 т., а 1.600 т. р. Чтобы уравновѣсить по возможности между собою отдѣлы князя Анатолія и князя Владиміра, князь Александръ, независимо отъ капитала въ 1.200 т. р, подарилъ князю Владиміру домъ, въ Сергіевской улицѣ, оставшійся послѣ сестры

княгини Марьи Ивановны Кочубей. Я уже не помню въ подробности основаній, на которыхъ домъ этотъ перешелъ князю Александру; знаю только, что княгинѣ Марьѣ Ивановнѣ предназначено было въ приданое 500 т. р. ас., но что до кончины ея выплачена была только половина этого капитала, на которую и купленъ былъ Сергіевскій домъ. Послѣ ея смерти домъ этотъ, по какимъ-то разсчетамъ, сдѣлался собственностью князя Александра, а имъ подаренъ князю Владиміру, который скоро его продалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ и его журналъ «Сіонскій Вѣстникъ».

IV [1]).

Рожденіе и юность А. Ѳ. Лабзина. — Поступленіе въ Московскій университетъ.—Первая служба.—Любовь къ чтенію книгъ св. писанія.—Первые литературные шаги.—Мысль о необходимости издавать религіозно-нравственный журналъ подъ заглавіемъ «Сіонскій Вѣстникъ».—Сочувствіе къ журналу со стороны общества.—Затрудненія въ изданіи и причины тому.—Прекращеніе журнала.

Лабзинъ былъ сынъ бѣдной дворянской семьи, имѣвшей всего четыре души дворовыхъ людей. Онъ родился въ Москвѣ 28-го апрѣля 1766 года и съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаружилъ большую любознательность и охоту къ наукамъ. «Я началъ учиться ариѳметикѣ, говоритъ онъ, будучи еще лѣтъ шести, для того только, что учитель, который приходилъ учить меня писать, въ разговорѣ сказалъ мнѣ, что можно узнать, сколько разъ колесо отъ Москвы до Петербурга обернется и сколько иголокъ на дорогѣ уляжется. Сіе показалось мнѣ невѣроятнымъ. Какъ можно, думалъ я, перечесть такую бездну иголокъ и успѣть пересчитать, пока колесо вертится?... Учитель мнѣ отвѣчалъ, что есть такая наука, помощію которой сіе удобно исчислить можно».

— Какая эта наука? спросилъ Лабзинъ.

— Ариѳметика, отвѣчалъ учитель.

— Можно ли ей научиться?

— Можно.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1894 г.

— Можете ли вы научить меня этой наукѣ?

— Могу.

— Батюшка, вскричалъ ребенокъ: —учи меня ариѳметикѣ.

Съ этихъ поръ математика была любимымъ предметомъ Лабзина, а затѣмъ онъ чувствовалъ влеченіе къ чтенію священнаго писанія и духовныхъ книгъ. Еще до поступленія въ школу, онъ нѣсколько разъ прочиталъ Чети-Минею и, какъ самъ впослѣдствіи говорилъ, «ребяческимъ образомъ обрекъ себя на служеніе Богу» [1]).

Десяти лѣтъ А. Ѳ. поступилъ въ гимназію при Московскомъ университетѣ, основательно изучилъ латинскій языкъ и черезъ два года переведенъ былъ въ университетъ. Здѣсь онъ, какъ и многіе изъ его товарищей, увлекся новѣйшею литературою и явился однимъ изъ замѣтныхъ ея дѣятелей. Обладая прекраснымъ даромъ слова, легкимъ стилемъ въ изложеніи своихъ мыслей и способностью къ стихотворству, Лабзинъ, будучи всего 15 лѣтъ отъ роду, принималъ участіе въ изданіи «Вечерней зари», служившей продолженіемъ «Утренняго свѣта» и изданной въ трехъ частяхъ въ Москвѣ въ 1782 году [2]).

Занятія новѣйшею литературою и тогдашняя мода привели его къ изученію Вольтера и къ нѣкоторому колебанію въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Но явился, говоритъ Лабзинъ, какъ ангелъ благовѣстникъ, покойный профессоръ Шварцъ, и какъ солнце расточилъ туманъ вольнодумства и невѣрія.

Въ самый разгаръ того времени, когда молодые люди съ жадностью перечитывали модныхъ писателей, Шварцъ, по собственному побужденію, открылъ лекціи въ своемъ домѣ, съ цѣлію поднять упавшую религію. Разбирая произведенія Гельвеція, Руссо, Спинозы, ла-Метри [3]) и другихъ, онъ сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая различіе между ними, училъ своихъ слушателей находить достоинства и недостатки въ каждомъ писате-

---

[1]) Собственноручная приписка Лабзина въ письмѣ его къ Новосильцову въ сентябрѣ 1806 г.

[2]) „Вечерняя заря"—ежемѣсячное изданіе, заключающее въ себѣ лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей и проч. Издали: Антоновскій Максимовичъ, Давыдовскій и проч.

[3]) Одинъ изъ крайнихъ энциклопедистовъ.

лѣ. Лабзинъ съ особеннымъ чувствомъ благодарности вспоминаетъ ту счастливую эпоху, которая составила все счастіе его жизни.

Лекціи Шварца произвели поразительное впечатлѣніе на слушателей, и простое задушевное слово его вырвало изъ рукъ многихъ безбожныя книги и замѣнило ихъ Библіею, которую до того считали книгою пригодною только для церквей [1]). Теперь же Библія появилась въ университетѣ, и студенты, ученики Шварца, считали своею обязанностію въ свободныя минуты читать изъ нея что-нибудь. Въ числѣ ихъ былъ и Лабзинъ [2]).

Занимаясь въ университетѣ преимущественно изученіемъ языка древнихъ классиковъ, а впослѣдствіи основательно познакомившись съ ихъ произведеніями, Лабзинъ сохранилъ къ нимъ навсегда любовь и глубокое уваженіе. «Учась въ университетѣ, говоритъ онъ [3]),—я читывалъ древнихъ, какъ обыкновенно ихъ тамъ читаютъ только для языка и по выходѣ изъ училища бросилъ ихъ, ибо кто нынѣ любитъ читать латинскія и греческія книги? Но однажды, случайно, прочтя только Цицеронову книжку «О должностяхъ» я пораженъ былъ его чистыми понятіями о нравственности, и, обратясь къ чтенію другихъ авторовъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, сколь древніе вообще были ближе къ понятіямъ и истинамъ христіанскимъ, нежели мы, имѣющіе писанное Евангеліе и называющіеся христіанами!»

Можно ли, спрашиваетъ Лабзинъ, сравнивать понятія Цицероновы о должностяхъ, о справедливости и честности, съ понятіями, напримѣръ, всѣми прославляемаго Бентама, у котораго всѣ права основаны на купеческихъ разсчетахъ и барышахъ и который составилъ даже бухгалтерію для совѣсти [4]).

Ближайшее знакомство съ древними философами совершило переворотъ въ духовной природѣ Лабзина, и онъ призналъ въ истинной философіи единственную науку, распространяющуюся на всѣ знанія. По его мнѣнію, чистая философія, «склоняясь къ красотамъ природы», дѣлается поэзіею; изъясняя съ силою ощущенія свои—

---

[1]) „Сіонскій Вѣстникъ“ 1818 г. февраль, стр. 223.
[2]) Приписка Лабзина въ письмѣ его къ Новосильцову.
[3]) „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г. ч. I, январь, 22—23.
[4]) „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г. № 1, 22.

краснорѣчіемъ; сообщая о свойствахъ и раздѣленіи въ природѣ вещей—естественною исторіею, физикою, химіею и проч. [1]).

— Прочтя Оригеновы опроверженія на возраженіе противъ христіанства Цельсовы, говоритъ Лабзинъ, удобно видѣть можно, какъ малъ былъ Вольтеръ противъ Цельса, въ томъ самомъ, въ чемъ они были одинаковы. И при всемъ томъ многимъ казались Вольтеровы насмѣшки и порицанія неопровержимыми, тогда какъ Цельсовы, несравненно сильнѣйшія, достаточно были уже опровергнуты. Возвратясь послѣ Цицерона къ чтенію древнихъ философовъ, я пересталъ удивляться новымъ и думаю, что крайнее уваженіе къ нимъ происходитъ либо отъ того, что за кучами ново-выходящихъ книгъ, древнихъ не читаютъ, либо отъ того, что ихъ не понимаютъ [2]).

Предавшись всею душою чтенію священныхъ книгъ, Лабзинъ 23 апрѣля 1783 года вступилъ въ общество мартинистовъ и черезъ пять дней, 28 апрѣля, въ день своего рожденія, далъ торжественный обѣтъ на служеніе Богу [3]). Въ 1784 году, по выходѣ изъ университета, онъ поступилъ переводчикомъ при Московскомъ губернскомъ правленіи и въ слѣдующемъ году произведенъ въ губернскіе секретари; въ 1787 году, въ чинѣ коллежскаго секретаря, Лабзинъ перешелъ въ Московскій университетъ переводчикомъ при конференціи. Лѣтомъ этого года императрица Екатерина II, возвращаясь изъ путешествія въ Тавриду, прибыла въ Москву, и 28 іюня Лабзинъ, вмѣстѣ съ многими другими [4]), привѣтствовалъ ее торжественнною пѣснью [5]). Эта пѣснь обратила на автора вниманіе императрицы, и онъ въ теченіе послѣдующей службы неоднократно

---

[1]) „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г. стр. 12.

[2]) „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г. ч. I. стр. 23.

[3]) Собственноручная приписка Лабзина въ письмѣ къ Новосильцову.

[4]) Такъ представлены были императрицѣ оды отъ Московскаго университета (М. Хераскова, Зыбѣлина, Роста), отъ благороднаго университетскаго пансіона (Н. Сипягина), отъ славяно-греко-латинской академіи и отъ Перервинской семинаріи (см. ст. Н. Безсонова, „Русскій Архивъ“ 1866 г. стр. 820).

[5]) „Торжественная пѣснь Екатеринѣ II императрицѣ и самодержицѣ Всероссійской на вождѣленнѣйшее Ея Величества прибытіе въ столичный градъ Москву изъ предпріятаго путешествія въ пріобрѣтенную, въ благословенное ея царствованіе, Тавриду и другія области, во всерадостный день восшествія на всероссійскій императорскій престолъ, совершающій двадцати-пяти-лѣтіе преславнаго ея царствованія“.

былъ награждаемъ денежными выдачами. Владѣя бойкимъ, по тому времени, стихомъ, Лабзинъ перевелъ въ томъ же 1787 году «Женитьбу Фигаро», въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. де-Бомарше и въ слѣдующемъ году «Судью» въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Мерсье.

Принадлежа къ ограниченному въ то время обществу масоновъ-мартинистовъ, Лабзинъ имѣлъ нѣсколькихъ сильныхъ покровителей, служившихъ преимущественно по почтовому вѣдомству (Ѳ. П. Ключаревъ и другіе), и въ 1789 году перешелъ въ секретную экспедицію С.-Петербургскаго почтамта.

Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ съ нимъ случилось одно обстоятельство, въ которомъ онъ видѣлъ Промыслъ Всевышняго, направляющій его по пути проповѣди, для поднятія упавшей религіи. Бесѣдуя съ однимъ изъ невѣрующихъ, А. Ѳ. съ одного раза обратилъ его на путь истины и притомъ съ такою убѣдительностію, что тотъ возненавидѣлъ все земное, выразилъ желаніе отдать все свое имѣніе наставнику, а самъ пойти въ монастырь. «Происшествіе сіе,—говоритъ Лабзинъ,—случилось совсѣмъ неожидаемо, когда ни обращенный, ни обратитель ни малѣйшаго не имѣли о томъ намѣренія и когда они вмѣстѣ были въ банѣ. Оно такъ поразительно было для самаго дѣйствующаго лица, что онъ снова подтвердилъ обѣтъ свой и при семъ невольно какъ-то вырвались у него слова молитвы: «не ввѣри мя человѣческому предстательству»; и потому онъ тутъ же далъ обѣщаніе предаться такъ волѣ Вышняго, чтобы не только не искать ничего земнаго, но ниже искать чьего-либо покровительства. Случай сей представился ему такою святынею, что онъ не только не усомнился отречься отъ предложенія своего пріятеля, но не захотѣлъ принять ни малѣйшаго отъ него за то воздаянія, ниже какой другой услуги».

Въ Петербургъ Лабзинъ пріѣхалъ хотя и 22-хъ лѣтъ отъ роду, но съ совершенно установившимся характеромъ и убѣжденіями. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ продолговатымъ лицомъ, толстый и хромоногій. Онъ говорилъ бойко и обладалъ прекраснымъ даромъ слова [1]). В. И. Панаевъ говоритъ, что, прійдя однажды въ

---

[1]) Моя жизнь и художественно-археологическіе труды. Разсказы академика Ѳ. Г. Солнцева. „Русская Старина“ 1876 г. № 1, стр. 118.

гости къ Державину, у котораго собралось до 30 человѣкъ, онъ былъ пораженъ даромъ слова одного изъ гостей, заставлявшимъ всѣхъ его слушать [1]).

— Кто это? спросилъ Панаевъ своего сосѣда.

— Лабзинъ, отвѣчалъ спрошенный.

Своимъ краснорѣчіемъ и обширными познаніями онъ оказывалъ громадное вліяніе на лицъ, его окружающихъ, и на тѣхъ, съ которыми приходилось ему сталкиваться. «Судьба послала мнѣ человѣка, говоритъ М. А. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ [2]), который впослѣдствіи имѣлъ большое вліяніе на настроеніе души моей и вообще на мой образъ мыслей. Это былъ А. Ѳ. Лабзинъ».

Страстный по природѣ, онъ не могъ любить въ половину, предавался человѣку весь, но за то требовалъ и себѣ всего человѣка. Многіе считали его такимъ хитрецомъ, который проведетъ кого угодно[3]). Деспотъ въ душѣ, Лабзинъ былъ гордъ, самолюбивъ, имѣлъ необыкновенно твердый, хотя и строптивый, характеръ. Постигшая его впослѣдствіи невзгода (ссылка) не смутила и не опечалила его: онъ остался такимъ же непреклоннымъ въ своихъ мнѣніяхъ, какимъ былъ и прежде. Сознавая самъ недостатки своего характера, Лабзинъ часто говорилъ: «если бы не вѣра и не благодать Господа, то я былъ бы подобенъ сатанѣ» [4]). Съ низшими себя онъ обходился вѣжливо и ласково, но всѣхъ, кто стоялъ выше его, терпѣть не могъ и держалъ себя съ такими лицами грубо, за чтò и пострадалъ впослѣдствіи. Впрочемъ, «его неукротимый характеръ нисколько не вліялъ на прекрасныя качества его сердца и еще менѣе на чистоту его стремленій» [5]). Онъ искренно любилъ Россію и все русское; будучи человѣкомъ талантливымъ и образованнымъ и притомъ отлично владѣя перомъ, Лабзинъ неутомимо и безкорыстно трудился на пользу своего отечества, которому несомнѣнно принесъ значительную пользу. «Онъ оставилъ множество

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1867 г. т. III, 248.

[2]) Изъ записокъ М. А. Дмитріева. „Русскій Архивъ" 1866 г. № 6, стр. 837.

[3]) „Встрѣча съ мартинистами" С. Аксакова. „Русская Бесѣда" 1859 г. т. I, стр. 52.

[4]) Воспомин. о пережитомъ и перечувствованномъ А. П. Бѣляева. „Русская Старина" 1880 г. т. XXIX, № 9, стр. 4.

[5]) Записки Д. П. Рунича. „Русское Обозрѣніе" 1890 г. № 8, стр. 246.

трудовъ и переводовъ, которые въ значительной степени способствовали обогащенію стиля и прибавили въ русскомъ языкѣ много научныхъ терминовъ, созданныхъ имъ или истолкованныхъ яснѣе»[1]). Заслуги Лабзина были оцѣнены современниками, и впослѣдствіи онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета.

Прослуживши въ почтамтѣ десять лѣтъ, Лабзинъ 17-го апрѣля 1799 года, въ чинѣ статскаго совѣтника, былъ переведенъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ 6-го сентября того же года назначенъ конференцъ-секретаремъ Императорской академіи художествъ. Въ то же время ему было поручено, вмѣстѣ съ Александромъ Вахрушевымъ, составленіе исторіи державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, которая и издана была въ пяти частяхъ, въ промежутокъ времени съ 1799—1801 г. Императоръ Павелъ I, особенно слѣдившій за этимъ изданіемъ, пожаловалъ Лабзину двѣ тысячи рублей, двѣ табакерки съ брильянтами и 1-го января 1801 года назначилъ его исторіографомъ этого ордена.

Рядомъ съ литературною дѣятельностью Лабзинъ удѣлялъ часы и для педагогической. Какъ конференцъ-секретарь, онъ приглашалъ къ себѣ по воскресеньямъ воспитанниковъ, училъ и заставлялъ ихъ пѣть русскія пѣсни [2]), устраивалъ для нихъ домашніе спектакли и бесѣды религіозно-нравственнаго характера. Бывая у Лабзина, воспитанники, среди его христіанскихъ бесѣдъ, проводили время съ большимъ удовольствіемъ.

— Внѣшняя свобода наша,—говорилъ имъ Лабзинъ [3]),—зависитъ отъ обстоятельствъ и отъ общества, въ которомъ мы живемъ, отъ людей, съ коими имѣемъ дѣло, и потому не всегда во власти нашей; внутренняя состоитъ въ освобожденіи ума отъ неправильныхъ мыслей и понятій, сердца—отъ неправильныхъ чувствованій и склонностей. Человѣкъ завистливый, раздраженный не такъ вещи видитъ; человѣкъ предубѣжденный не вѣритъ самымъ очевидностямъ; въ мутномъ источникѣ едва видно самое солнце въ полудни.

---

[1]) Записки Д. П. Рунича. „Русское Обозрѣніе“ 1890 г. № 9 стр. 246.
[2]) Записки Ѳ. Г. Солнцева. „Русская Старина“ 1876 г. № 1, стр. 118.
[3]) Въ рѣчи 1-го сентября 1803 года.—„Московскія Вѣдомости“ 1803 г. № 73.

Итакъ, для достиженія сей свободы нужно уму просвѣщеніе, сердцу—очищеніе. Къ первому содѣйствуютъ науки, ко второму—нравоученіе и религія.

«Я видѣлъ въ Лабзинѣ, — говоритъ А. Л. Витбергъ, — очень умнаго и пламеннаго человѣка. Предметы религіозные весьма занимали меня. Часто сужденія его объ обрядахъ греко-россійской церкви имѣли на меня большое вліяніе, и я рѣшительно увидѣлъ что ежели для церкви обряды нужны, то они всего лучше въ греческой церкви, ибо заключаютъ столь много глубокихъ указаній» [1]).

Оставаясь конференцъ-секретаремъ, Александръ Өедоровичъ 26-го октября 1804 года былъ переведенъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ къ министру военныхъ морскихъ силъ директоромъ департамента, и въ апрѣлѣ 1805 года назначенъ членомъ въ государственный адмиралтейскій департаментъ. Служба по двумъ вѣдомствамъ не мѣшала Лабзину, по его выраженію, служить и Богу, и онъ дѣятельно занимался переводомъ и изданіемъ сочиненій религіознаго содержанія [2]). Но въ числѣ книгъ, трактующихъ о благочестіи и религіи, онъ не находилъ ни одной, которая была бы сообразна съ духомъ св. писанія, исключая книгъ мистическихъ. Въ нихъ онъ нашелъ все, чтò нужно для внутренней жизни человѣка, все, чтò говоритъ сердцу, «научаетъ соединяться внутренно съ Богомъ, входить въ самого себя, отрекаться отъ всего, не слегка перевязывать рану, но доходить до корня зла [3]).

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія читающей публики было такъ мало и число русскихъ книгъ для чтенія

---

[1]) Записки академика Витберга. „Русская Старина“, т. V, 521, 548.

[2]) Въ 1803 году онъ перевелъ изъ сочиненій Эккартсгаузена: „Отрывки“; „Путешествіе молодаго Костиса отъ востока къ полудню“, выдержавшее три изданія; „Наставленіе мудраго испытанному другу“, выдержавшее два изданія. Въ 1804 году — „Ночи или бесѣды мудраго съ другомъ“; „Облако надъ святилищемъ или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ“; „Ключъ къ таинствамъ натуры“; „Важнѣйшіе іероглифы для человѣческаго сердца“; „Диѳирамбъ на безсмертіе души“, соч. Делиля. Въ 1805 году онъ приступилъ къ переводу сочиненій Штиллинга и прежде всего появились: „Краткія нравоучительныя правила на каждый день для друзей христіанства“ и „Приключенія по смерти“.

[3]) „Сіонскій Вѣстникъ“ 1817 г., т. VI, стр. 173.

такъ ограничено, что библіотеку каждаго легко было выучить наизусть.

«Въ цѣлой Москвѣ,—говоритъ Лабзинъ [1]),—существовала одна только университетская типографія и та стояла почти безъ дѣла; книжныя не лавки, но лавочки были только на Спасскомъ мосту. Новая книга была тогда рѣдкость, и, наконецъ, весь запасъ чтенія состоялъ изъ однихъ романовъ и нѣсколькихъ историческихъ книжекъ, такъ что предпріятіе печатанія книгъ духовнаго содержанія не только не представляло никакихъ выгодъ, но еще вело къ явнымъ убыткамъ, ибо надлежало родить прежде въ читателяхъ новый вкусъ. Я помню, какъ одинъ любитель чтенія, пришедши въ университетскую книжную лавку купить новенькихъ хорошенькихъ книжекъ и находя въ оной (только) творенія Августина, Ѳомы Кемпійскаго и подобныя, съ досадою вышелъ вонъ и пошелъ къ содержателю типографіи съ выговоромъ, для чего нынѣ не печатаются хорошія книги.

— Какія подъ симъ названіемъ вы разумѣете? спросилъ скромно хозяинъ гостя.

— Напримѣръ: «Маркизъ Глаголь», «Клевеландъ», «Желѣзная маска», «Дѣвица Гарви», отвѣчалъ посѣтитель.

— Что дѣлать, отвѣчалъ смиренно содержатель типографіи,— мы печатаемъ то, что переводчики намъ принесутъ, а нынѣ такихъ книгъ они къ намъ не приносятъ».

При такихъ условіяхъ изданіе духовныхъ книгъ было сопряжено съ большою жертвою и убыткомъ, тѣмъ болѣе, что ихъ осуждали и никто не читалъ. Любителямъ духовнаго просвѣщенія приходилось выдерживать насмѣшки, нести издержки на плату переводчикамъ, на печатаніе и затѣмъ дарить эти книги даже богатымъ людямъ, чтобы только пріучить ихъ къ чтенію религіозныхъ сочиненій. Упорно преслѣдуя цѣль, Новиковъ и его послѣдователи, въ томъ числѣ и Лабзинъ, достигли однакоже того, что книги духовнаго содержанія стали выходить на русскомъ языкѣ одна за другою. Такое насильственное, такъ сказать, распространеніе ихъ произвело нѣкоторый переворотъ въ обществѣ: явились охотники переводить,

---

[1]) „Сіонскій Вѣстникъ“ 1818 г., февраль, 224, 225.

явились и читатели, но нельзя было не сознать, что распространеніе христіанскихъ истинъ производилось все-таки безъ системы, при помощи изданія случайныхъ сочиненій. Ихъ читали лишь немногіе; большинство же общества или оставалось равнодушнымъ, или злобно подсмѣивалось надъ ними. Молодой писатель Пнинъ напечаталъ стихи, въ которыхъ подсмѣивался надъ истинами вѣры, говоря просвѣщенному своему другу: «Ты не мыслишь, какъ невѣжды, будто небо смеживается съ землею, какъ глазамъ простолюдина кажется; для тебя не нужно, чтобы кто сходилъ съ неба, дабы сдѣлать тебя добродѣтельнымъ и благополучнымъ».

Старшій цензоръ, Иванъ Осиповичъ Тимковскій, человѣкъ религіозный, не пропустилъ этихъ стиховъ, но Пнинъ жаловался въ главное управленіе училищъ, которое, основываясь на § 22 тогдашняго цензурнаго устава, разрѣшило ихъ напечатать. Будучи давнишнимъ и искреннимъ другомъ Лабзина, Тимковскій разсказалъ этотъ случай и тѣмъ причинилъ ему такую боль, «какъ бы кто поранилъ его въ самое сердце» [1]: Чувство оскорбленнаго самолюбія, грусть и какое-то уныніе овладѣли Лабзинымъ.

«До изобрѣтенія книгопечатанія, — писалъ онъ, — одни творенія великихъ умовъ или особливыхъ геніевъ разносились въ народѣ и сохранялись въ памяти, преданіяхъ и лѣтописяхъ; прочія же рѣдко пользовались сею честію. Тогда писалъ только тотъ, кто имѣлъ особенныя дарованія, и тогда книга была плодъ глубокаго размышленія и опыта, и была дѣйствительно подаркомъ для человѣчества; чувство и истина были видны на каждомъ листѣ ея. Потому-то сіи книги пережили вѣки, несмотря на политическія превратности, несмотря на разность обычаевъ и языковъ разныхъ народовъ.

«Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія знанія полились рѣкою во всѣ концы и быстрымъ своимъ потокомъ испровергли многія зданія ума, подмыли и подрыли самыя основанія долголѣтнихъ опытовъ и наводненіемъ своимъ иныя мѣста запрудили, другія опустошили. Мелочи всплыли наверхъ и скрыли подъ собою не мелочныя произведенія; люди стали ловить, что̀ всплывало, а что̀ всплывало, то

[1] Письмо Лабзина Новосильцову безъ года и числа.

стало ловить людей; родилась страсть къ писанію, явились подражатели и копіисты, явились подражанія подражаніямъ и копіи съ копіи, а оригиналы исчезли, и творческій умъ какъ бы притиснутъ сталъ типографскимъ станкомъ.

«Прежде страсти и заблужденія имѣли свой предѣлъ; развратникъ и заблужденный могъ заражать только свой кругъ, свой вѣкъ, и пороки его исчезали и погребались вмѣстѣ съ нимъ въ гробъ. Злоупотребленіе же книгопечатаніемъ увѣковѣчило развратъ и глупости, посрамляющія человѣчество, и воздвигло имъ памятники. Все, чтó только исходитъ изъ разгоряченной головы какого-либо бумагомарателя, все то печатается, обнародывается, разсылается, и идетъ во всѣ стороны свѣта заражать и будущее потомство отдаленныхъ краевъ. Одному вздумается испровергнуть вѣру, другой захочетъ потрясти столбы законовъ, третій передать свои грёзы, четвертый порочныя ощущенія сердца и — все это читается и поглощается: читается слабыми умами, поглощается страстными сердцами»... [1]).

— Всякій ли желудокъ,—спрашиваетъ Лабзинъ,—въ состояніи переварить все, что человѣкъ съѣстъ? Всякій ли разсудокъ въ состояніи порядочно разсудить все, что человѣкъ прочтетъ? А между тѣмъ литераторы, какъ исправные повара, приправляютъ свое стряпье моднымъ снадобьемъ, чтобы лучше расщекотать вкусъ своихъ читателей. Но какія же мѣры употребить противу вредныхъ или опасныхъ книгъ, чтобы люди не заражались? Приведемъ здѣсь пословицу: клинъ клиномъ выбивать должно. Когда есть книги или соблазнительныя или развратныя, пусть будутъ книги поучительныя и нравоучительныя; когда есть противо-христіанскія, пусть выходятъ и христіанскія, а свобода воли человѣческой, которую и Богъ не утѣсняетъ, пусть избираетъ себѣ любое, и не станемъ осуждать того, кто выберетъ не наше; не станемъ сердиться, если кто осудитъ наше! [2]).

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей Лабзинъ задумалъ издавать «христіанскій журналъ», какого ни на какомъ языкѣ еще тогда не было.

---

[1]) „Сіонскій Вѣстникъ“ 1818 г., кн. II, февраль, стр. 209—211.
[2]) „Сіонскій Вѣстникъ“ 1818 г., кн. II, февраль, стр. 219.

— Если позволяется писать противъ религіи,—говорилъ онъ,—то тѣмъ больше нельзя запретить писать за религію.

Сознаніе въ необходимости такого изданія укрѣпилось еще болѣе, когда переводчику Рейналя—извѣстнаго вольнодумца—выдана была субсидія и книга издана на казенный счетъ [1]). Предпринимая изданіе, Лабзинъ и Тимковскій согласились: первый писать противъ невѣрія и разврата, а второй, по своему положенію цензора—помогать ему всѣми силами. Не скрывая отъ себя, что предпріятіе это можетъ навлечь много хлопотъ, они разсчитывали «на благость правительства и свободу, которую даруетъ оно умамъ и сердцамъ». Имъ казалось, что «опасеніе, въ другое время основательное, нынѣ будетъ уже излишнее; что всякому дозволено приносить пользу своимъ соотчичамъ, чѣмъ кто можетъ; что въ христіанской націи христіанину о христіанствѣ разсуждать и говорить можно, и развѣ противъ онаго, а не въ пользу онаго писать возбранено быть можетъ» [2]). Но еслибы предположенія ихъ оказались ошибочными и они встрѣтили бы затрудненія, то все-таки рѣшились преодолѣвать ихъ до времени, лишь бы только имѣть возможность слѣдить за всѣми сочиненіями, направленными противъ религіи, и писать въ защиту ея.

Прежде всего подобное изданіе должно было стать въ полную зависимость отъ духовенства, которое, не принимая никакого литературнаго участія въ обсужденіи вопросовъ религіи, могло сильно тормазить дѣло.

Въ указѣ Сенату 9-го февраля 1802 года было сказано: «Что принадлежитъ до книгъ церковныхъ и вообще къ вѣрѣ относящихся въ изданіи ихъ поступать на точномъ основаніи указа 27-го іюля 1787 года, коимъ запрещается въ частныхъ типографіяхъ печатать церковныя или къ священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся книги. Таковыя должны быть печатаны въ Сѵнодской или иныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ Сѵ-

---

[1]) Письмо А. Ѳ. Лабзина Н. Н. Новосильцову безъ года и числа.
[2]) Записка Лабзина, посланная въ канцелярію Н. Н. Новосильцова для отправленія, куда слѣдуетъ, въ мартѣ 1806 года.

нода состоящихъ, или же отъ коммиссіи народныхъ училищъ съ Высочайшаго дозволенія изданы и впредь издаваемы будутъ» [1]).

На этомъ основаніи въ цензурномъ уставѣ 9-го іюля 1804 года была включена 8-я статья, по которой «всѣ сочиненія до вѣры относящіяся и подлежащія печатанію въ духовныхъ типографіяхъ должны быть разсматриваемы духовною цензурою, находящеюся подъ вѣдѣніемъ Св. Сѵнода и епархіальныхъ архіереевъ».

Указъ 1787 года и учрежденіе для духовныхъ книгъ особой спеціальной цензуры въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ служили огромнымъ препятствіемъ для ихъ изданія и распространенія. Присылка рукописей изъ всей Россіи въ Москву и печатаніе ихъ въ однихъ сѵнодальныхъ типографіяхъ, естественно, были большими затрудненіями для издателей. Были примѣры, что книги не выпускались потому, что въ нихъ находились идеи противныя философіи Вольфа или богословію Буддея, которыя тогда преподавались во всѣхъ нашихъ духовныхъ училищахъ. Нерѣдко случалось, что весьма хорошія религіозно-нравственныя сочиненія не пропускались цензурою потому, что были написаны или переведены свѣтскими лицами, тогда какъ духовенство, само не писавшее ничего, находило, что только оно одно и можетъ издавать духовныя книги.

Всѣ эти обстоятельства и затрудненія заставляли Лабзина устранить свое изданіе отъ духовной цензуры, и онъ успѣлъ въ этомъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ затрудненій.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія появилось много сочиненій о религіи, изданныхъ свѣтскими людьми и напечатанныхъ въ частныхъ типографіяхъ. Сначала правительство не обращало на это особеннаго вниманія, видѣло въ нихъ даже нѣкоторый противовѣсъ распространившейся тогда философіи и ученію энциклопедистовъ, но вспыхнувшая французская революція вызвала иной взглядъ на эти книги. Въ нихъ стали находить попытки къ распространенію ученія, чуждаго вѣрѣ и истинамъ, почерпаемымъ единственно изъ чистѣйшаго ученія Іисуса Христа.

Указъ 27-го іюля 1787 года остановилъ распространеніе такихъ книгъ, подвергъ преслѣдованію ихъ издателей, и изданіе религіозно-

---

[1]) Полное Собраніе законовъ, т. XXVII, № 20139.

нравственныхъ сочиненій подчинили духовной цензурѣ. Но французская революція давно окончилась, политическія страсти улеглись, и общество, сознавая, что безъ религіи жить невозможно, стало само противодѣйствовать распространенію безбожія.

Въ то время, когда Вольтеръ и его послѣдователи наводняли Европу множествомъ антирелигіозныхъ книгъ и разсылали ихъ всюду за самую дешевую цѣну, въ той же самой Европѣ составлялись общества съ цѣлью такимъ же способомъ подкрѣплять истины христіанства. Въ Голландіи образовалось «Общество для защищенія христіанской религіи», которое ежегодно предлагало задачи и выдавало преміи за защиту и объясненія христіанства. Въ Россіи, хотя и не оффиціально, масонство получило право на свое существованіе и, наконецъ, въ Англіи, еще въ 1795 году, по почину частнаго человѣка, образовалось «Библейское общество», членами котораго были люди всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Несмотря на различіе религіозныхъ убѣжденій членовъ относительно догматовъ и правилъ религіи, англійское библейское общество дѣйствовало съ величайшимъ единодушіемъ и успѣхомъ. Съ 1795 года и по конецъ 1804 года оно роздало бѣднымъ Библій и Новаго Завѣта болѣе 179.000, другихъ же духовныхъ книгъ болѣе 500.000 экземпляровъ.

Такимъ образомъ противодѣйствіе анти-религіозному ученію было начато не духовенствомъ, а людьми свѣтскими, и на этомъ основаніи Лабзинъ просилъ, чтобы ему было разрѣшено издавать журналъ съ разрѣшенія гражданской цензуры. Онъ опирался на общія постановленія цензурнаго устава, состоявшія въ томъ, чтобы въ издаваемыхъ книгахъ не было ничего противнаго высочайшей власти, гражданскимъ законамъ, христіанской религіи, установленіямъ церковнымъ, благопристойности, лично каждаго и общественной безопасности.

Получивъ на то разрѣшеніе, Лабзинъ приступилъ къ изданію журнала подъ заглавіемъ: «Сіонскій Вѣстникъ». Онъ назвалъ журналъ свой прямо христіанскимъ, дабы самое слово сіе, вышедшее, такъ сказать, изъ употребленія, сдѣлать обыкновеннымъ, по крайней мѣрѣ наравнѣ съ другими философскими, учеными и литературными терминами. Лабзинъ не имѣлъ и не искалъ себѣ по-

мощниковъ или сотрудниковъ; но «предавъ дѣло свое Промыслу, принялся за оное безъ размышленія и, такъ сказать, безразсудно»[1]).

Не имѣя никакихъ денежныхъ средствъ для начала такого дѣла и занимая двѣ административныя должности, А. Ѳ. ежедневно исписывалъ по нѣскольку листовъ, самъ хлопоталъ въ типографіи, цензурѣ и впослѣдствіи велъ обширную переписку съ разными лицами по возбуждаемымъ ими вопросамъ. 1-го января 1806 года явился первый нумеръ «Сіонскаго Вѣстника», имъ однимъ составленный и написанный. Поздравляя читателей съ новымъ 1806 г., Лабзинъ такъ объясняетъ цѣль своего изданія:

«Сколько поздравленій, говоритъ онъ[2]), и желаній расточаемъ мы въ сей день, безъ мыслей, безъ разбору! И сколько сами принимаемъ ихъ. Иной надѣляетъ насъ честью и богатствомъ, другой здравіемъ и долголѣтнею жизнью, иной всѣми благами времени и вѣчности: но всѣ сіи щедрые дары оставляютъ каждаго изъ насъ въ такой же нуждѣ и бѣдности, въ какой кто былъ. Единъ Всевышній не даритъ тщетнымъ и Его даянія не состоятъ въ пустыхъ желаніяхъ, а потому и обратимся лучше къ Нему съ нашими желаніями и о себѣ, и о другихъ, и съ благоговѣніемъ попросимъ: да дастъ Онъ друзьямъ и врагамъ нашимъ добродѣтелей исполненный годъ! Да сохранитъ и тѣхъ и другихъ, первыхъ къ услажденію, а вторыхъ къ исправленію нашей жизни! Да увеличится въ сей годъ между нами слава Его, и истинное христіанство, да проникнетъ оно въ чертоги, равно какъ и въ хижины. Да благословитъ Онъ воспитаніе дѣтей нашихъ въ ихъ возрастаніи, мужей въ ихъ подвигахъ и старцевъ въ ихъ немощахъ. Да постыдитъ каждаго раба пороковъ и поможетъ каждому подвизающемуся во благѣ. Да утѣшитъ всѣхъ скорбящихъ, болящихъ, умирающихъ и да будетъ къ намъ милостивъ. Мы же сами себя, и другъ друга, и весь животъ нашъ Ему предадимъ.

«Вотъ наши желанія и поздравленія читателямъ нашимъ. Остается намъ принесть имъ даръ какой-либо, и въ сей даръ посвящаемъ мы имъ представляемый нынѣ журналъ нашъ, прося

---

[1]) Записка Лабзина Новосильцову, поданная въ мартѣ 1806 года.
[2]) „Сіонскій Вѣстникъ“ на 1806 г. мѣсяцъ январь, стр. 6 и 7.

всѣхъ и каждаго принять оный дружески и благосклонно, пользуясь имъ, если въ немъ найдутъ для себя что угодное и не гнѣваяся, если мы въ чемъ не угодимъ ихъ вкусу.

«Мы начинаемъ его отнюдь не въ намѣреніи учить или наставлять кого; а, по свойственной человѣку сообщительности, хотимъ только подѣлиться съ ближнимъ нашимъ тѣмъ благомъ, которое сами любимъ и дорого цѣнимъ, и которое можетъ быть и ему столь же любезно. Книги есть всякія и на нашемъ языкѣ: кто любитъ читать, можетъ самъ избирать себѣ чтеніе; кто сего не любитъ для того и нашъ журналъ не помѣха: сего же рода книгъ, кажется, у насъ не довольно и христіанскаго журнала никогда еще не бывало, хотя въ другихъ земляхъ сіе не такъ необыкновенно... Чувствуя сами нужду заимствоваться по симъ материямъ отъ иностранныхъ писателей, вздумали помочь и другимъ чувствующимъ ту же нужду и не имѣющимъ, хотя впрочемъ пустаго, но по обстоятельствамъ важнаго преимущества, — знанія чужихъ языковъ. Позволено, я думаю, будетъ намъ сказать, что россіянину-патріоту даже обидно вообразить, что его соотчичъ, по неимѣнію только потребныхъ для него книгъ на природномъ его языкѣ, осужденъ не знать и не имѣть тѣхъ правъ, какими пользуется иногда слуга его, если онъ иностранецъ; тѣмъ болѣе оскорбительно было бы дозволить ему однѣ и тѣ же книги на чужомъ языкѣ читать, а на своемъ нѣтъ, черезъ что̀ всякій явно побуждаемъ былъ бы предпочитать чужіе языки своему».

Обѣщая посвятить свое изданіе христіанству, т. е. религіи и Св. Писанію, Лабзинъ высказывалъ надежду, что журналъ его «не такъ-то будетъ скученъ, какъ можетъ быть иной, по содержанію его себѣ представляетъ»; что онъ будетъ заимствовать подходящія свѣдѣнія изъ другихъ журналовъ и книгъ, и что наконецъ содержаніе журнала будетъ приспособлено ко вкусамъ читателей, которыхъ издатель дѣлилъ на три категоріи: 1) ученыхъ, которымъ христіанство не противно и которые желали бы въ немъ увѣриться; 2) ученыхъ, которые вѣрятъ христіанству и любятъ его, и 3) просто вѣрующихъ, которымъ все то, что говорится о Спасителѣ, пріятно, угодно и любезно [1]).

[1]) „Сіонскій Вѣстникъ“ на 1806 г. январь, стр. 10.

Первая книжка «Сіонскаго Вѣстника» была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ. Тогдашніе издатели журналовъ имѣли обыкновеніе прилагать списокъ подписчиковъ поименно. Если сравнить число ихъ съ числомъ подписчиковъ «Сіонскаго Вѣстника», то Лабзинъ имѣлъ полное право гордиться успѣхомъ своего журнала. По выходѣ первой книжки, онъ получилъ 400 руб. «отъ восхищающагося его изданіемъ»; зная, что подобный журналъ на первыхъ порахъ не можетъ вознаградить трудовъ и издержекъ на печатаніе, приславшій деньги выразилъ желаніе участвовать «перомъ и добромъ своимъ». Преосвященный Ѳеофилактъ, епископъ калужскій, еще до выхода перваго нумера, только по одному объявленію, подписался на 30 экземпляровъ «Сіонскаго Вѣстника», а по выходѣ второй книжки было уже 93 подписчика въ Москвѣ, и изъ нихъ 33 человѣка духовныхъ особъ. Митрополитъ с.-петербургскій Амвросій выразилъ свое сочувствіе журналу и не только рекомендовалъ духовенству читать его, но въ письмѣ къ лицу, просившему о пропускѣ одной духовной книги, совѣтовалъ исправить ее по примѣру «Сіонскаго Вѣстника».—«Да простится издателю сія нескромность, писалъ Лабзинъ [1]), когда онъ скажетъ, что рѣдкій мужъ, достопочтенный нашъ отецъ Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій), бывшій тогда еще въ Сергіевской лаврѣ, переписывалъ для себя «Сіонскій Вѣстникъ», не имѣвъ возможности его купить».—Тогдашній митрополитъ московскій Платонъ домогался узнать имя издателя [2]), самъ читалъ и другимъ поручалъ читать съ тѣмъ, что не найдутъ ли они въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» чего-либо противнаго вѣрѣ, говоря, что журналъ этотъ пристыжаетъ духовенство тѣмъ, что человѣкъ свѣтскій принялъ на себя роль проповѣдника.

---

[1]) Въ припискѣ на письмѣ къ Новосильцову

[2]) Лабзинъ не выставлялъ своего имени на книжкахъ журнала, а подъ статьями подписывался Ѳеопеметъ Мисаиловъ. Имя свое, по его словамъ, онъ скрывалъ „для того, чтобы сужденіе о журналѣ могло быть безпристрастнѣе, ибо когда мы знаемъ автора, то судимъ обыкновенно о сочиненіи его по нашему о немъ самомъ понятію, и одобряемъ или охуждаемъ оное потому, какъ расположены къ сочинителю. Въ дѣлѣ же семъ, по таковому побужденію предпринятомъ, издатель искалъ, сколько можно, остаться самому равнодушнымъ. (Изъ записки А. Ѳ. Лабзина Н. Н. Новосильцову въ мартѣ 1806 г.).

То же сочувствіе къ изданію раздѣляли и другія духовныя особы, занимавшія высшія пастырскія должности, и о которыхъ мы упомянули выше. Только одинъ митрополитъ кіевскій Евгеній, знаменитый ученый того времени, находилъ въ журналѣ нѣкоторые недостатки.

«Теперь скажемъ два слова о «Сіонскомъ Вѣстникѣ», писалъ онъ [1]). Я его получаю и читаю часто до чувствительнаго умиленія и даже до благодарности Богу, вложившему мысли г. Л(абзину) издавать сей журналъ. Онъ многихъ обратилъ, если не отъ развращенія жизни, то по крайней мѣрѣ отъ развращенія мыслей, бунтующихъ противъ религіи, а и это уже великое благодѣяніе человѣчеству! Большая часть сего журнала переводная съ нѣмецкаго изъ Штилинговыхъ сочиненій, а нѣчто и изъ мартинистскихъ — и это жаль, что въ чистую воду примѣшивается и отрава секты... Но за многое хорошее, высокое и трогательное въ его журналѣ, я охотно извиняю его...»

Какъ бы то ни было, но это изданіе, первое въ своемъ родѣ на Руси, пріобрѣло множество читателей и продолжалось при громѣ шумныхъ рукоплесканій [2]).

«A propos о «Сіонскомъ Вѣстникѣ», писалъ Лопухинъ М. М. Сперанскому. Вѣдь хорошій журналъ. — Желательно, чтобы ходъ его не остановился. — Издателю спасибо» [3]).

По словамъ извѣстнаго юрьевскаго архимандрита Фотія, книги, написанныя Лабзинымъ, «почти всѣ ученые читали съ удовольствіемъ, въ семинаріи выписывали, хвалами превозносили его яко учителя вѣры. Архіереи, ректоры, архимандриты, протоіереи и прочіе многіе изъ духовныхъ, князья, бояре, ученые потворствовали и желали имѣть какъ бы нѣкую тайну ученія и просвѣщенія отъ него».

«Сему идолу-человѣку клянялось начальство С.-Петербургской духовной академіи и Сѵнодъ его чтилъ» [4]).

---

[1]) Въ письмѣ къ неизвѣстному 7-го іюля 1806 г. „Москвитянинъ“ 1848 г. ч IV, № 8, 173.

[2]) Изъ записокъ Стурдзы. „Русская Старина“ 1876 г. № 2, 269.

[3]) Отъ 19-го іюня 1806 г. „Русскій Арх.“ 1870 года.

[4]) Записки архимандрита Фотія. „Русская Старина“ 1894 г. № 9 стр. 216.

Краснорѣчіе, ясность и страстность изложенія[1]) привлекли къ «Сіонскому Вѣстнику» всеобщее вниманіе, заставили говорить о немъ и несомнѣнно произвели нѣкоторое вліяніе на тогдашнее русское общество. Всякая новость нравится и увлекаетъ и, по словамъ Д. П. Рунича, со времени св. Павла благородныя дамы любятъ вмѣшиваться въ штатъ всякаго начальника пропаганды. «Переводы и статьи Лабзина сгруппировали около него знаменитости и ничтожности, кающихся Магдалинъ и матерей семейства, видѣвшихъ въ его трудахъ противоядіе для философіи» [2]).

Книжки «Сіонскаго Вѣстника» стали быстро расходиться, и издатель былъ въ правѣ сказать, что не обманулся въ своихъ предположеніяхъ, что любители христіанскаго чтенія есть и найдутся еще новые. Ободренный такимъ успѣхомъ, Лабзинъ напечаталъ въ мартовской книжкѣ статью «Дань благодарности», въ которой говорилъ, что, приступая къ изданію журнала, онъ не скрывалъ отъ себя тѣхъ трудностей, съ которыми сопряжено подобное предпріятіе. Друзья говорили ему о томъ же, но внутреннее убѣжденіе ободряло его и увѣряло, что «Сіонскій Вѣстникъ» найдетъ читателей, одобрителей и подкрѣпителей [3]).

Надѣясь на сочувствіе общества и будучи готовъ во всякое время прекратить изданіе, Лабзинъ оставался зрителемъ, ожидающимъ послѣдствій своей работы. Послѣдствія не замедлили выказаться и съ выходомъ первыхъ двухъ книжекъ Вѣстника, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, призналъ, что «Сіонскій Вѣстникъ», какъ по своему названію, такъ и по статьямъ, содержащимъ разсужденія о религіи, долженъ подлежать разсмотрѣнію духовной цензуры, и поручилъ попечителю Петербургскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцову предписать о томъ цензурному комитету. Исполняя приказаніе министра, Новосильцовъ счелъ, однакоже, необходимымъ просить разъясненія слѣдующихъ вопросовъ:

1) Если «Сіонскій Вѣстникъ», по своему названію, подле-

---

[1]) Фотій сознается, что Лабзинъ „писалъ чисто и ясно сочинялъ“.
[2]) Записки Д. П. Рунича „Русское Обозрѣніе“ 1890 г. № 9, 245.
[3]) „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г. Мартъ, стр. 345.

жить разсмотрѣнію духовной цензуры, то необходимо опредѣлить, всѣ ли книги съ заглавіемъ, заимствованнымъ изъ Священнаго Писанія, должны быть разсматриваемы также духовною цензурою. Къ такимъ книгамъ Новосильцовъ относилъ Мильтоновы поэмы: «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», трагедіи Расина: «Есѳирь и Атолія», «Размышленія о величіи Божіемъ» и многія другія. Такія изданія, говорилъ онъ, всегда подлежали разсмотрѣнію гражданской цензуры.

2) Принявъ за основаніе, что сочиненія, касающіяся вопросовъ религіи, съ цитатами изъ священнаго писанія, подлежатъ духовной цензурѣ, надо допустить, говорилъ Новосильцовъ, что многія книги, не только до метафизики и нравственности относящіяся, но и самыя повѣсти и романы должны также подлежать духовной цензурѣ.

«Изъ множества примѣровъ, писалъ онъ [1]), я приведу здѣсь только одинъ, именно, Матильду,—новый французскій романъ въ шести томахъ, отмѣнно одобряемый со стороны нравственности и стиля, взятый изъ Крестовыхъ походовъ и содержащій въ себѣ разсужденія о религіи христіанской и весьма многіе доводы и цитаты изъ священнаго Писанія. Но прилично ли духовной цензурѣ разсматривать сіи и подобныя книги, которыхъ большею частію главный предметъ любовная интрига».

Новосильцовъ находилъ, что по смыслу § 8 цензурнаго устава вѣдѣнію духовной цензуры подлежатъ только книги церковныя, проповѣди, катехизисы и богословскія сочиненія, всѣ же остальныя, какъ напримѣръ, переложенія духовныхъ псалмовъ и даже жизнь Іисуса Христа печатались всегда въ свѣтскихъ типографіяхъ и съ разрѣшенія гражданской цензуры.

«Ожидаю на все сіе разрѣшенія вашего сіятельства, добавлялъ Новосильцовъ въ своемъ заключеніи, которое тѣмъ нужнѣе, что цензоры, не имѣя точныхъ свѣдѣній о томъ, что̀ принадлежитъ къ цензурѣ духовной и что̀ слѣдуетъ къ ихъ разсмотрѣнію, невольнымъ образомъ могутъ учинить отступленіе отъ даннаго имъ предписанія и черезъ то навлечь новыя непріятности».

---

[1]) Графу Завадовскому отъ 31 марта 1806 г за № 87.

Графъ Завадовскій былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе и въ теченіе трехъ недѣль не отвѣчалъ Н. Н. Новосильцову. Наконецъ 21-го апрѣля онъ сообщилъ мысль свою, «что цензура должна руководствоваться въ разсмотрѣніи оныхъ (духовныхъ книгъ) 22-мъ пунктомъ Устава о цензурѣ, въ которомъ скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, предоставлено разсмотрѣнію гражданской цензуры» [1]).

Пока шла переписка между попечителемъ учебнаго округа и министромъ народнаго просвѣщенія, Лабзинъ отпечаталъ апрѣльскую книжку и, не получая разрѣшенія на ея выпускъ, заявилъ Новосильцову, что если журналъ его вмѣсто «чаемой имъ существенной пользы приноситъ мнимый вредъ», то онъ безъ ропота готовъ прекратить его изданіе, но при условіи: 1) дозволить ему объявить подписчикамъ, что онъ не сдерживаетъ даннаго публикѣ слова не по своей винѣ и 2) возвратить подписавшимся деньги обратно, о чемъ и объявить въ газетахъ.

Не давая окончательнаго рѣшенія, Новосильцовъ поручилъ цензурному комитету отправить апрѣльскую книжку «Сіонскаго Вѣстника» на разсмотрѣніе С.-Петербургскаго митрополита Амвросія, который не встрѣтилъ никакого препятствія къ ея выпуску [2]), и 12-го апрѣля она была выпущена [3]).

Задержка апрѣльской книжки отозвалась и на майской. Встрѣтивъ затрудненіе въ изданіи, Лабзинъ намѣренъ былъ прекратить журналъ и, пока не получилъ разрѣшенія на выпускъ апрѣльской, не составлялъ майской книжки; она также опоздала, чтó и заставило издателя выяснить читателямъ причину замедленія въ выходѣ и свое трудное положеніе. Въ статьѣ: «Извиненіе, благодареніе и отвѣтъ», Лабзинъ откровенно высказалъ всѣ встрѣченныя имъ затрудненія, свою готовность прекратить журналъ и то ободреніе, которое онъ встрѣтилъ со стороны митропо-

---

[1]) Письмо графа П. Завадовскаго Новосильцову 20-го апрѣля 1806 г № 186 Арх С.-Петербургскаго университета, дѣла цензурныя № 19

[2]) Отношеніе Амвросія въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ 31-го марта 1806 г № 57.

[3]) Предписаніе Новосильцова цензурному комитету 12-го апрѣля. № 96.

лита Амвросія [1]). Въ заключеніи этой статьи онъ писалъ: «какъ не было еще на свѣтѣ такой книги, которая бы всѣмъ безъ исключенія нравилась, то безъ сомнѣнія и «Сіонскій Вѣстникъ», какъ имѣетъ своихъ пріятелей, такъ имѣетъ и непріятелей. Первые всякому милѣе, и потому мы съ ними только говорить и будемъ, а послѣднимъ съ почтеніемъ доложимъ, что «Сіонскій Вѣстникъ» ни на кого своимъ мнѣніемъ узъ не налагаетъ: всякій мысли, разсуждай и дѣйствуй, какъ ему лучше кажется. Той же свободы онъ и себѣ проситъ. Издатель имѣетъ, однакоже, удовольствіе видѣть, что число благопріятствующихъ «Сіонскому Вѣстнику» до нынѣ превосходитъ число непріятельствующихъ. Онъ проситъ и у неблагосклонныхъ къ нему любви и снисхожденія, ибо онъ хочетъ жить въ мирѣ со всѣми, и еслибы кому угодно было написать критику на «Сіонскій Вѣстникъ», то онъ готовъ помѣстить оную въ самомъ «Сіонскомъ Вѣстникѣ».

Эти первыя слова майской книжки, говоритъ Лабзинъ, «показываютъ точное состояніе издателя. Они написаны въ ночь послѣ исповѣди передъ Св. Причащеніемъ и лились на бумагу нѣкакимъ потокомъ. Вмѣсто ослабленія отъ тревогъ, онъ чувствовалъ въ себѣ такую бодрость и крѣпость, какихъ дать (самъ) себѣ не можетъ и онъ, соблюдая пословицу: куй желѣзо, пока горячо и не отлагай дѣло до другаго дня, торопился издать сколько можно книгъ, предчувствуя, что наставшая гроза надъ главой его разразится» [2]).

Гроза эта давно уже подготовлялась; за «Сіонскимъ Вѣстникомъ» тщательно слѣдили и находили въ немъ много отступленій отъ ученія православной церкви. Такъ митрополитъ Евгеній находилъ [3]), что, говоря, будто бы во всѣхъ религіяхъ, подъ разными только символами, существуетъ истинная религія, Лабзинъ проповѣдуетъ индифферентизмъ; что, въ изъясненіяхъ Троицы и другихъ таинствъ откровенія, онъ вноситъ объясненія мистико-масонскія; что, желая яснѣе представить читателямъ духовность, издатель смѣло принимаетъ грубыя объясненія: сравниваетъ Евхаристію съ какою-то воплощенною солнечною эссенціею, вездѣ

[1]) „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г., май, стр. 234.
[2]) Приписка на письмѣ къ Новосильцову.
[3]) „Москвитянинъ“ 1848 г. ч. IV, № 8, 137.

присутствіе Божіе—съ воздухомъ, а недѣлимость—съ пламенемъ; допускаетъ безпредѣльность тѣла Христова, а что̀ пагубнѣе всего—приписываетъ шаровидную форму и духу. Другіе находили, что онъ признаетъ правителемъ земли не Бога, а солнце (стр. 3), Іисуса Христа называетъ не Богочеловѣкомъ, а божественнымъ человѣкомъ (стр. 209); что ветхозавѣтныхъ праотцевъ онъ не отличаетъ отъ мудрецовъ языческихъ; что онъ считаетъ богами миѳологическихъ Меркурія, Цецеру и Цибелу, сходившихъ съ небесъ, жившихъ на землѣ и учившихъ людей мудрости (стр. 41); что Аполлонъ былъ посланъ съ небесъ на землю отцомъ своимъ въ видѣ грѣшника; Купидонъ или Амуръ, существо небесное, былъ любовникомъ Психеи или души человѣческой и въ темнотѣ ночной давалъ ей лобзанія (стр. 42, 43).

Слѣдя за страницами и строчками, противники Лабзина находили много мѣстъ болѣе или менѣе противорѣчащихъ истинѣ, приводящихъ въ недоумѣніе, рождающихъ сомнѣніе и даже неприличныхъ. Всѣ эти накоплявшіяся замѣчанія сносились съ разныхъ сторонъ къ тогдашнему оберъ-прокурору Сvнода, князю Александру Николаевичу Голицыну.

Прямой потомокъ воспитателя Петра Великаго, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ родился 8-го декабря 1773 года и черезъ двѣ недѣли лишился отца. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ подъ руководствомъ матери, урожденной Хитровой, замѣчательной по уму и высокому образованію. Имѣя весьма ограниченное состояніе, мать была сильно озабочена будущею судьбою сына, но знакомство съ довѣренною камеръ-юнгферою императрицы Екатерины II, извѣстною Марьею Савишною Перекусихиною, вывело ее изъ затруднительнаго положенія. Перекусихина показала однажды императрицѣ девяти-лѣтняго князя, весьма бойкаго и остраго на отвѣты. Мальчикъ понравился Екатеринѣ, и она приказала помѣстить его въ Пажескій корпусъ. Тамъ онъ выучился хорошо танцовать и говорить по-французски, словомъ, получилъ только свѣтское воспитаніе и очень плохое научное. Покровительствуемый Перекусихиной, князь А. Н. Голицынъ былъ привозимъ по праздникамъ изъ корпуса во дворецъ, гдѣ и игралъ съ малолѣтними тогда великими князьями Александромъ и Константиномъ

Павловичами. Одаренный отъ природы наблюдательнымъ и пытливымъ умомъ, живымъ характеромъ и неистощимою веселостью, князь Голицынъ нравился всѣмъ и скоро заслужилъ особую любовь и расположеніе къ себѣ Александра и былъ связанъ съ нимъ тѣсною дружбою. Императрица замѣтила ихъ взаимную привязанность, и когда Александру Павловичу исполнилось 12 лѣтъ, она назначила князя Голицына кавалеромъ къ его высочеству. Черезъ четыре года для женившагося Александра былъ составленъ особый дворъ, и князь Голицынъ назначенъ камеръ-юнкеромъ.

Въ тѣсномъ, интимномъ придворномъ кружкѣ онъ усвоилъ себѣ то блестящее и утонченное свѣтское образованіе, которымъ отличался до глубокой старости и «сдѣлался царедворцемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, со всѣми хорошими и дурными сторонами этого положенія. При пытливомъ умѣ и необыкновенной живости характера, не получивъ солиднаго образованія, онъ всецѣло предавался каждому изъ увлеченій, овладѣвавшихъ имъ [1]).

Незадолго до кончины императрицы Екатерины, 23-хъ-лѣтній князь Голицынъ былъ назначенъ камергеромъ и въ первые три года царствованія Павла I пользовался его милостью настолько, что былъ пожалованъ командоромъ мальтійскаго ордена. Вскорѣ, однакоже, онъ подвергся опалѣ за рѣзкія и острыя слова, дошедшія до государя. Уволенный отъ службы, кн. Голицынъ былъ высланъ въ Москву, гдѣ пользовался громадною библіотекою графа Бутурлина, сгорѣвшею въ 1812 году. Пристрастившись къ чтенію, онъ, съ молодыхъ лѣтъ вольтеріанецъ и поклонникъ идей французскихъ энциклопедистовъ, еще ближе познакомился съ нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сошелся съ митрополитомъ Платономъ, который, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе на религіозное настроеніе Голицына.

Съ воцареніемъ Александра I, князь былъ вызванъ въ Петербургъ, и на вопросъ государя, какую должность желаетъ занять, отвѣчалъ, что единственное его желаніе—быть безотлучно при императорѣ и проводить съ нимъ каждый день вмѣстѣ по нѣскольку часовъ. Оставленный въ такомъ положеніи, онъ велъ жизнь праздную, разсѣянную, какъ истый эпикуреецъ. Какъ-то однажды,

---

[1]) „Изъ прошлаго". „Русскій Вѣстникъ" 1868 г., № 4, стр. 479, 480.

во второй половинѣ 1803 года, онъ только вдвоемъ обѣдалъ съ государемъ.

— Я, Александръ Николаевичъ, имѣю на тебя виды, сказалъ государь.

— Готовъ исполнить повелѣніе Вашего Величества, отвѣчалъ Голицынъ.

— Я назначаю тебя оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Сѵнода.

Князь Голицынъ чистосердечно сознался, что вовсе не приготовленъ къ этой должности, и что государю извѣстны и образъ его мыслей, и образъ жизни.

— Ты можешь отговариваться какъ тебѣ угодно, говорилъ Александръ,—но все же ты будешь сѵнодскимъ оберъ-прокуроромъ.

Голицынъ повиновался волѣ императора, и 21-го октября 1803 года послѣдовало его назначеніе [1]).

«Князь Голицынъ», писалъ М. М. Сперанскій [2]), есть одинъ изъ весьма добрыхъ людей, весьма извѣстенъ государю и пользуется особеннымъ высочайшимъ вниманіемъ и довѣренностью».

Самъ не зная, какъ попалъ, говоритъ Стурдза, «въ святилище и въ завѣтную область христіанскихъ идей», князь Голицынъ, несмотря на недостатки образованія, на скудость познаній, въ особенности, по вопросамъ религіи, на праздную и крайне разсѣянную жизнь, по врожденному чувству приличія сразу остепенился, отказался отъ суетныхъ забавъ, принялся за трудъ, обуздавъ колкость своего языка, бросилъ кощунство и перемѣнилъ всѣ наружные пріемы.

Только теперь и, притомъ, въ первый разъ, онъ принялся за чтеніе Новаго Завѣта, и «никто не могъ тогда подумать, что черезъ нѣсколько лѣтъ въ этомъ придворномъ вѣтрогонѣ произойдетъ такая рѣзкая перемѣна»; что человѣкъ этотъ сдѣлается чрезвычайно набожнымъ и, съ свойственнымъ его характеру увлеченіемъ, вдастся въ мистицизмъ и дойдетъ до хлыстовщины.

---

[1]) „Кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ и его время". „Историческій Вѣстникъ" 1882 г., № 4, стр. 9

[2]) Костромскому епископу Евгенію 12-го ноября 1803 г. „Въ память Сперанскаго". Изданіе Императорской Публичной библіотеки, стр. 353.

Подъ предлогомъ новыхъ занятій, князь Голицынъ, уклоняясь отъ развлеченій, сталъ знакомиться съ лежащими на немъ обязанностями и съ ученіемъ православной церкви. Но, совершенно незнакомому съ догматами религіи, ему трудно было въ началѣ своей дѣятельности и собственными силами разгадать «Сіонскій Вѣстникъ»; поневолѣ приходилось подчиниться постороннему вліянію и смотрѣть на журналъ чужими глазами. Впослѣдствіи князь самъ сознался, что многія статьи журнала были написаны языкомъ для него непонятнымъ. Вмѣсто того, чтобы обратиться къ совѣту людей опытныхъ, князь А. Н. Голицынъ, по собственнымъ его словамъ, сталъ въ положеніе людей, которые всегда думаютъ, что все то, «что не понятно или не существуетъ, принадлежитъ къ мистикѣ—слово, которое міръ не любитъ и все, что ему противно, симъ словомъ знаменуетъ. Въ сихъ понятіяхъ возмнилъ я, что оный журналъ есть произведеніе какого-нибудь тайнаго общества, ищущаго вредить религіи, а можетъ и правительству и, смотря съ ложной точки, я, думая защищать церковь, сдѣлался гонителемъ духа ея и вслѣдствіе сихъ заключеній представилъ Вашему Величеству о запрещеніи «Сіонскаго Вѣстника» [1]).

Императоръ Александръ поручилъ тогдашнему министру просвѣщенія, графу Завадовскому, и Новосильцову ближе познакомиться съ этимъ изданіемъ. Оба они отстаивали журналъ настолько, насколько можно стоять за дѣло имъ совершенно чуждое и которымъ они мало интересовались; но съ выходомъ іюньской и іюльской книжекъ «Сіонскаго Вѣстника» и они лишились этой возможности.

Въ іюньской книжкѣ явилась статья «О предсказаніи Даніиловомъ», въ которой дѣлалось сравненіе между апокалипсическимъ Аполіономъ и императоромъ Франціи Наполеономъ. Объясняя Навуходоносору сонъ, Даніилъ, будто бы, предсказывалъ о появленіи Наполеона, который покоритъ всѣ царства. Впрочемъ, прибавлялъ Лабзинъ отъ себя, основываясь на толкованіи этого пророчества, сдѣланномъ Юнгомъ Штиллингомъ, «сѣверныя земли

---

[1]) Собственноручная всеподданнѣйшая записка князя Голицына 1816 г., безъ мѣсяца и числа.

и всѣ царства, которыя не принадлежали Римской имперіи, не должны быть полагаемы въ числѣ тѣхъ, кои истребятся» Наполеономъ [1]).

Послѣдній въ то время находился во враждебныхъ отношеніяхъ къ Россіи и апогеѣ своей славы. Его прославляли во Франціи дотого, что въ одной изъ проповѣдей было сказано, что самъ Богъ, создавъ Наполеона, такъ утомился, что послѣ столь совершеннаго дѣла своего почувствовалъ нужду въ отдыхѣ.

Французы много занимались разными предсказаніями и пророчествами о Наполеонѣ и выдумали даже особое слово для этой способности человѣка, назвавъ ее clairvoyance instinctive—ясновидѣніе, врожденная прозорливость или прозорливость по инстинкту. Въ 1806 году Ѳедоръ Буисъ, бывшій профессоръ ніеврской центральной школы, издалъ книгу подъ заглавіемъ «Nouvelles considérations, puisées dans la clairvoyance instinctive de l'homme sur les oracles, les sybilles et les prophètes, et particulièrement sur Nostradamus [2]) sur ses prédictions» [3]). Въ этой книгѣ, между прочимъ, были помѣщены предсказанія о кончинѣ Людовика XVI, королевы и дофина; о возвышеніи Наполеона до званія императора Франціи, долготѣ его царствованія, покореніи имъ всей земли, объ его могуществѣ и завоеваніи Англіи.

Упоминая о выходѣ этой книги, Лабзинъ помѣстилъ въ іюльской книжкѣ «Сіонскаго Вѣстника» особое «Примѣчаніе», въ которомъ сказано [4]):

«Штиллингъ въ XI книжкѣ своего «Угроза», писанной еще въ 1801 году, говоритъ о нѣкоемъ властелинѣ, который явится въ Европѣ изъ низкаго состоянія и покоритъ себѣ всѣ царства древней Римской имперіи; и сказываетъ притомъ, что главною его цѣлью будетъ уничтоженіе всѣхъ исповѣданій вѣры и возстановленіе на мѣсто оныхъ новаго, дабы овладѣть всѣмъ человѣчествомъ,

---

[1]) „Сіонскій Вѣстникъ“ 1806 г., № 6, стр 311.

[2]) Искусный врачъ и астрономъ, жившій въ XVI вѣкѣ и бывшій въ большомъ уваженіи у французскихъ королей—Генриха II и Карла IX.

[3]) „Новыя разсужденія, почерпнутыя изъ врожденной прозорливости человѣка объ оракулахъ, сибиллахъ и пророкахъ, и особенно о Нострадамѣ и его предсказаніяхъ“.

[4]) «Сіонскій Вѣстникъ», 1806 г., ч. III, іюль, стр. 115—117

если можно, и со стороны религіи также, какъ со стороны политики. Разумъ, нынѣшняя философія, нынѣшнее просвѣщеніе, говоритъ онъ, будутъ первыми его поспѣшниками. Наружные его поступки, ложныя добродѣтели, необыкновенный умъ прельстилъ такъ, что планъ его о введеніи натуральной религіи, съ исключеніемъ всякой другой, будетъ одобренъ, принятъ и признанъ за величайшее благодѣяніе человѣчеству».

Въ порученіи Наполеона кардиналу Мори сочинить такую всеобщую религію Лабзинъ видѣлъ исполненіе пророчествъ Штиллинга и представлялъ себѣ, какъ она могла понравиться крикунамъ и льстецамъ, удерживаемымъ только уздою религіи отъ обоготворенія порока и разврата! «Вѣроятно вымышленная религія, прибавлялъ издатель «Сіонскаго Вѣстника», на первый случай составлена будетъ для христіанскихъ только исповѣданій и потомъ примѣняема будетъ—какъ французская конституція, къ чему она въ началахъ своихъ и приспособлена будетъ,—такъ, что сначала пришьется къ ней, можетъ быть, іудейская, потомъ магометанская, а потомъ и всякая языческая. Пышность, великолѣпіе и всякое услажденіе чувствъ, безъ сомнѣнія, будутъ столпы ея, театральныя зрѣлища—украшеніемъ ея; основаніемъ же мнимое просвѣщеніе, а божествомъ ея—разумъ человѣческій, ибо она будетъ его чадо, а не порожденіе Божіе.

«Штиллингъ, между прочимъ, говоритъ, что въ семъ предпріятіи новому сему Магомету (Наполеону) особенно способствовать будетъ нѣкое великое тайное общество, всюду распространившееся, глава котораго будетъ его (Наполеона) министромъ. Сей обоготворитъ своего монарха, заставитъ поклоняться ему, яко видимому божеству на землѣ, утверждая, что когда надобенъ людямъ чувственный предметъ поклоненія, то всего приличнѣе покланяться благодѣтелю міра. Дай Богъ, чтобы хотя въ семъ Штиллингъ ошибся! Только всѣ обстоятельства такъ согласуются съ его предсказаніями, что кажется они вѣрны. Самое тайное общество—иллюминатское подъ владѣніемъ Бонапарте сильно распространилось во Франціи; извѣстно же, что оно не было бы терпимо, еслибы не было орудіемъ его».

Кромѣ этихъ двухъ статей въ №№ 5 и 7 «Сіонскаго Вѣстника»

были помѣщены: «Пневматологическій анекдотъ», «Примѣръ дѣйствія простоты сердца», статья объ Эккартсгаузенѣ и его кончинѣ, «О дарѣ прозорливости», содержавшая въ себѣ фантастическія пророчества, «Примѣръ добраго духовника», который особенно хвалился тѣмъ, что былъ неученый священникъ, и нѣкоторыя другія. Всѣ онѣ признаны были несообразными съ духомъ правительства и съ § 15 правилъ цензурнаго устава, и потому Н. Н. Новосильцовъ получилъ высочайшее повелѣніе объявить выговоръ цензурному комитету съ тѣмъ, чтобы онъ впредь въ разсмотрѣніи сочиненій и переводовъ былъ осторожнѣе и осмотрительнѣе. Комитету предписывалось не дозволять печатать ничего такого, что съ одной стороны противно здравому разсудку, а съ другой можетъ произвести вредныя впечатлѣнія въ публикѣ, «особенно же въ простолюдинахъ большею частію суевѣрныхъ и охотно читающихъ книги, содержащія въ себѣ подобныя нелѣпости» [1]).

Лабзинъ протестовалъ противъ такого обвиненія, по его мнѣнію, не заслуженнаго.

«Ваше превосходительство, писалъ Лабзинъ Новосильцову [2]), объявить мнѣ изволили, что журналъ мой въ другой уже разъ наводитъ вамъ большія безпокойства. Дабы не случилось сего и въ третій разъ, я, какъ при первой тревогѣ, тотчасъ предложилъ мою готовность прекратить его, такъ и нынѣ то же повторяю.

«Всякая вещь къ сужденію о себѣ представляетъ двѣ стороны, и для справедливаго суда положительный законъ есть тотъ, чтобы выслушать обѣ: я же слышу судящихъ о томъ, что въ моемъ журналѣ находится худаго; но не слышу, чтобы кто дѣлалъ при томъ вопросъ: нѣтъ ли въ немъ чего и добраго? Почему почитаю себя обязаннымъ объяснить нѣсколько сіе дѣло, не съ тѣмъ, чтобы я домогался продолженія журнала, которое не принесетъ и мнѣ ничего, кромѣ тягости и новыхъ огорченій; но съ тѣмъ, чтобы успокоить нѣсколько тревогу сію, если оная есть.

«Обвиненіе противъ меня, какъ ваше превосходительство мнѣ объявили, состоитъ въ томъ:

---

[1]) Предписаніе Новосильцова цензурному комитету 24-го августа 1806 г.
[2]) Въ письмѣ отъ 20-го августа 1806 года.

«1) Что въ моемъ журналѣ говорится о пророчествахъ, а чрезъ сіе я способствую разсѣванію пустыхъ толковъ.

«2) Что отъ сего тѣ, которые такимъ толкамъ вѣрятъ, могутъ придти въ уныніе и бездѣйственность, и

«3) Что упоминая о Бонапартѣ, тѣмъ самымъ я какъ бы склоняю людей на его сторону.

«Я имѣю честь представить объясненіе:

«На 1-е. Изъ первой строки первой моей о томъ піесы, помѣщенной въ іюнѣ мѣсяцѣ, видна причина, почему она была написана. Прежде еще нежели существовалъ мой журналъ, о Бонапартѣ были уже разныя толкованія и у насъ и въ другихъ земляхъ. Предъ тѣмъ ходили по городу, и не между бородачами одними, толки о сходствѣ имени Наполеонъ съ апокалипсическимъ словомъ Аполліонъ. Сіе обстоятельство захотѣлъ я обратить въ пользу, не къ устрашенію, а къ успокоенію, если бы кто сими толками и тревожился; ибо піеса моя заключена тѣмъ: «что и по самымъ симъ пророчествамъ могущество ни Наполеона, ни Аполліона не коснется Сѣверныхъ земель». Я думаю, сего нельзя справедливо почесть за устрашеніе.

«Написалъ я о семъ по симъ убѣжденіямъ: 1) что журналу свойственно содержать въ себѣ матеріи, которыми на то время въ публикѣ занимаются; 2) что даже полезнѣе писать о томъ, о чемъ говорятъ, думаютъ и чѣмъ занимаются, нежели говорить о томъ, о чемъ слушать не хотятъ, и 3) что самое правительство удобно можетъ употребить такіе журналы къ благотворнымъ своимъ видамъ, къ направленію или поправленію общаго мнѣнія, или заблужденія; особливо еслибъ нашелся такой писатель, который снискалъ довѣренность у публики, и который бы тѣмъ лучше могъ употребленъ быть самимъ правительствомъ къ своимъ цѣлямъ.

«Изъ сего извлекается и причина, почему сіи піесы такъ написаны, какъ онѣ написаны; ибо журналы пишутся не для правительствующихъ особъ, а для народа; а потому, чтобъ быть имъ полезными, они должны и приноровлены быть къ понятіямъ и вкусу народа. Правительство и народъ въ понятіяхъ своихъ часто весьма разнятся; что для перваго есть маловажно, или сущій вздоръ, то для послѣдняго не кажется вздоромъ. Предсказаніямъ хотя боль-

шая часть и въ народѣ не вѣрятъ, но всегда были и есть люди, которые имъ отчасти довѣряютъ. Для первыхъ никакія пророчества не соблазнительны, для вторыхъ одно простое увѣреніе, что они вздоръ, не убѣдительны, и они столько же оному не повѣрятъ, сколько тѣ не повѣрятъ пророчествамъ. Согласясь же съ ними въ понятіяхъ, вывесть изъ тѣхъ же началъ доброе заключеніе, я не думаю, чтобы сіе было вредно; полезно же быть можетъ потому, что симъ способомъ убѣдить можно, а противорѣчіемъ никакъ.

«Отвергать вовсе пророчествъ я не могъ, потому что чрезъ сіе я подвергся бы и осужденію народному, и осужденію законному; ибо сіе было бы противно и мнѣнію народа, и Св. Писанію, въ которомъ и Новый Завѣтъ весь наполненъ сказаніями о пророчествахъ. Въ такомъ случаѣ не только духовная власть, но и свѣтская могла бы справедливо потребовать отъ меня отчета: почему я отвергаю то, что утверждено Св. Писаніемъ?

«На 2-е. Въ каждомъ человѣкѣ всегда найдется болѣе склонности не вѣрить, нежели вѣрить неизвѣстному, и между читателями «Сіонскаго Вѣстника», безъ всякаго сомнѣнія, также гораздо большее число найдется первыхъ, нежели вторыхъ. Но издатель не разсѣвалъ никакихъ пророчествъ, а говорилъ только о тѣхъ, которыя уже были. Между пророкомъ и сказателемъ о пророчествѣ, безъ сомнѣнія, есть великая разность; такими сказателями бываетъ иногда цѣлый городъ, и естьли предполагается, что легковѣрные могутъ отъ того придти въ уныніе и бездѣйственность, то почему жъ равно не предполагать, что оно можетъ послужить и къ ободренію ихъ? Ибо сказать: «что и по самымъ пророчествамъ мы безопасны», кажется, ведетъ не къ унынію, а къ бодрости.

«Тѣ, которые говорятъ о семъ уныніи, безъ сомнѣнія, сами не придутъ отъ сего въ уныніе; а тѣ, о которыхъ они такъ думаютъ, не найдутъ причины унывать, когда слышатъ, что не только они сами безопасны, но и другіе народы будутъ находить между ними убѣжище, что Россія одна остается вѣрнымъ пристанищемъ для всѣхъ притѣсняемыхъ и изгоняемыхъ властителемъ Франціи, и сіе тѣмъ паче утверждаетъ славу ея. Тотъ, кто ободрялся мужествомъ отъ одной мысли, что онъ сражаясь за домъ Пресвятыя Богородицы, естьли падетъ на полѣ брани, наслѣдитъ себѣ царствіе небес-

ное, тотъ, не съ бо́льшимъ ли еще мужествомъ поднимаетъ оружіе при сей мысли, что онъ идетъ точно противъ врага Христова, или Антихриста? Я думаю, полководцы иногда пользовались такими мнѣніями воиновъ: для тѣхъ же, которыхъ мужество одушевляется иными побужденіями, такія мысли и останутся только суевѣріемъ, для нихъ безвреднымъ.

«Изъ сихъ двухъ мнѣній утверждаемое здѣсь, кажется мнѣ, гораздо вѣроятнѣе, нежели противное; по крайней мѣрѣ, для сужденія о семъ должно оба принять въ разсужденіе, а не одно первое.

«На 3-е отвѣтствовать послѣ сего мнѣ ничего не остается. О Бонапартѣ говорятъ по всему свѣту, и онъ сдѣлался всеобщею матеріею разговора. Написанное о немъ въ журналѣ не только не наклоняетъ никого на его сторону, но предупреждаетъ всякаго противъ него, если кто съ авторомъ будетъ согласенъ. Но какъ можетъ иногда и дозволенное законами быть непозволительно по обстоятельствамъ, то правительство можетъ всегда объявить о томъ свое запрещеніе, и я надѣюсь, что не поставлено будетъ въ вину частному человѣку, что ему не всѣ политическіе виды правительства извѣстны.

«Впрочемъ, въ собственномъ дѣлѣ никто не долженъ быть судьею, и мое намѣреніе есть только то, что, какъ при обвиненіи человѣка, тотчасъ являются усердные голоса, — даже и изъ тѣхъ, которые и дѣла сего прямо не знаютъ, и судить о немъ иногда не въ состояніи,—къ осужденію, а не къ защищенію его, то чтобы по крайней мѣрѣ представить и другую сторону для правильнаго сужденія.

«Въ заключеніе имѣю честь повторить, что нѣтъ моего намѣренія домогаться продолженія журнала; но почитаю долгомъ моимъ прибавить къ сему:

1) «Что таковой журналъ, еслибъ правительство избрало писателя, меньше для него сомнительнаго, можетъ послужить къ большой пользѣ, какъ то въ другихъ земляхъ само правительство и употребляетъ сіе средство.

2) «Что журналъ таковой, для успѣха и пріобрѣтенія довѣрія, долженъ непремѣнно писанъ быть въ духѣ народа и примѣняясь къ его понятіямъ, а не къ понятіямъ только философскимъ.

3) «Что такому журналу нужно явное, хотя малое, свидѣтельство благоволенія правительства, а ни съ которой стороны не можетъ быть выгодно показать, что частный писатель какъ-будто въ спорѣ съ правительствомъ. Кажется, нигдѣ нельзя меньше бояться вреда отъ книгъ и журналовъ, какъ у насъ; ибо, во-первыхъ, у насъ и читателей, и писателей мало; во-вторыхъ, здѣсь писатель всегда въ рукахъ правительства и не можетъ никогда избѣгнуть отъ воли его, еслибъ оному не благоугодно было что̀ написанное имъ; и русскую книгу, не такъ, какъ французскую или нѣмецкую, нельзя напечатать въ другихъ земляхъ, и нельзя найти ей читателей, кромѣ Россіи.

4) «Впрочемъ, никакая книга, какого бы рода ни была, не можетъ избѣгнуть того, чтобы нельзя было найти въ ней чего-либо, противнаго тому, или тому; и когда сама власть будетъ находить сіе противное, тогда и всѣ будутъ находить въ ней только противное. Естьли же та же власть то же самое одобритъ, тогда и всѣ порицатели сами оправдывать книгу станутъ. Сей способъ правительство имѣетъ всегда въ своей власти и можетъ, по благоразумію своему, и подлинное зло обратить тѣмъ во благо.

«Наконецъ, я смѣю заключить, что кому извѣстна жизнь моя, я увѣренъ, что изъ таковыхъ никто, и самый врагъ мой, естьли не будетъ имѣть особливой причины вредить мнѣ, засвидѣтельствуетъ обо мнѣ, что и онъ не почитаетъ меня даже способнымъ къ чему-либо безчестному или бездѣльническому. Я увѣренъ также, что мудрое правительство пощадитъ честь гражданина и доброе имя, котораго онъ никогда не потерялъ, почему смѣю просить ваше превосходительство обратить вниманіе правительства на положеніе гражданина, который преданъ ему и по чувству, и по долгу, и по частнымъ своимъ правиламъ. Смѣю просить довесть сіе мое объясненіе до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества; можетъ быть, милосердіе Его не отвергнетъ вовсе причинъ, мною представляемыхъ, усмотря изъ сего, что естьли я и навлекъ на себя Его монаршее неблаговоленіе, то, по крайней мѣрѣ, безъ намѣренія.

«Что касается до неблагорасположенія ко мнѣ нѣкоторыхъ особъ, или нѣкоторой особы, я не удивляюсь тому, ибо я писалъ не въ угодность чью-либо, а по собственному убѣжденію въ истинѣ,

и легко быть можетъ, что не попалъ на ея мысли. Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается желать сей особѣ, чтобы и она вступила на правый путь. Мой долгъ терпѣть, молчать и молиться за ненавидящихъ и обидящихъ меня и исполнить то, что̀ я не суетно написалъ, послѣ отраженія первыхъ нападеній на мой журналъ, на первой страницѣ мѣсяца мая».

Отправивъ это письмо, Лабзинъ былъ въ крайне удрученномъ состояніи. Онъ сознавалъ, что многіе не сочувствуютъ его изданію, самъ видѣлъ, что нѣкоторые вымарывали въ его журналѣ тѣ мѣста, которыя имъ не нравились [1]), видѣлъ, что даже и любители «Сіонскаго Вѣстника» читаютъ его не такъ-то внятно и не понимаютъ еще цѣли издателя или не вѣрятъ ей, и рѣшился отказаться отъ продолженія изданія. Выпустивъ сентябрьскую книжку, тогда уже напечатанную, онъ объявилъ, что прекращаетъ изданіе журнала по обстоятельствамъ немаловажнымъ и не отъ его воли зависящимъ.

Еще въ мартѣ, видя скопляющіяся надъ собою тучи и ожидая грозы, Лабзинъ, рядомъ съ изданіемъ «Сіонскаго Вѣстника», издавалъ ежемѣсячно сочиненіе Штиллинга «Угрозъ» и перевелъ сочиненія подъ заглавіемъ: «Преосвященный пастухъ» — Флейшера, «О самопознаніи», «Пастырское посланіе», «Начальныя основанія дѣятельнаго христіанства» и «Краткія правила на каждый день года». Преслѣдуя одну и ту же цѣль—выпустить по возможности болѣе книгъ религіознаго содержанія — онъ трудился неутомимо, безъ устали; три типографіи работали на него въ одно и то же время. Усиленные труды и перенесенныя огорченія надломили здоровье Лабзина, и онъ тяжко заболѣлъ...

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) „Сіонскій Вѣстникъ", 1806 года. Ч. III, стр. 233—235. „И сіе не удивительно, говорилъ онъ, ибо для чувственнаго человѣка, самостью одною водимаго и который не находитъ нужнымъ перемѣнить свой образъ мыслей, не только дѣянія, все св. писаніе будетъ не что иное, какъ только сатира на него и, слѣдовательно, безвкусная книга, почему оная и не читается" (намёкъ на кн. Голицына).

ЗА ПОЛСТОЛѢТІЯ.

1841—1892.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ.

Доктора А. И. Ильинскаго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(1864—1892).

ГЛАВА XIII [1]).

Служба въ Казани.—Генералы Бруннеръ и М—въ.—Выходъ въ отставку.—Москва.—Неразрѣшеніе на редакторство.

Въ концѣ декабря 1879 года состоялся переводъ мой въ Казань на должность главнаго врача Казанскаго военнаго госпиталя, куда я отправился 27 февраля 1880 г. и прибылъ 7-го марта того года.

Командующимъ войсками Казанскаго военнаго округа въ это время былъ генералъ-отъ-инфантеріи, Андрей Осиповичъ Бруннеръ. На другой же день по прибытіи въ Казань, я представился ему. Онъ принялъ меня хорошо и полюбопытствовалъ узнать—почему я переведенъ изъ Уяздовскаго госпиталя въ Казанскій. Я объяснилъ ему причины въ краткихъ словахъ. Отъ него я отправился къ окружному военно-медицинскому инспектору Ю. А. Гольтерману, а на слѣдующій день вступилъ въ управленіе госпиталемъ. Казанскій военный госпиталь для обширнаго Казанскаго округа имѣлъ почти то же значеніе, какъ и Уяздовскій госпиталь для Варшавскаго

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1894 года.

округа. Самый госпиталь былъ найденъ мною въ образцовомъ порядкѣ. Командующій войсками, посѣтившій вскорѣ госпиталь, спросилъ меня — въ какомъ положеніи я нашелъ госпиталь? Я отвѣчалъ что нашелъ госпиталь въ отличномъ состояніи, чему онъ былъ весьма радъ. Генералъ Бруннеръ относился ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ и всегда былъ очень ласковъ со мною, а не задолго до оставленія имъ поста командующаго войсками представилъ меня къ очередной наградѣ. Когда былъ упраздненъ Оренбургскій военный округъ и присоединенъ къ Казанскому, Бруннеръ оставилъ свой постъ. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ и генералъ-адъютантъ М—въ. Въ это же время и медицинскій инспекторъ Гольтерманъ былъ переведенъ на такую же должность въ Виленскій округъ, а на его мѣсто назначенъ медицинскій инспекторъ упраздненнаго Оренбургскаго округа Лотинъ. Я пользовался довѣріемъ Гольтермана. Помощникъ послѣдняго, Томаровъ, человѣкъ больной, одержимый чахоткой въ послѣднемъ періодѣ, былъ капризный, самолюбивый и вздорный человѣкъ. Съ нимъ приходилось имѣть дѣло, когда онъ, по причинѣ отлученъ Гольтермана, заступалъ его мѣсто. Тогда Томаровъ непремѣнно наѣзжалъ въ госпиталь и придирался, между тѣмъ какъ самъ рѣшительно не понималъ дѣла и не зналъ практической медицины. Съ нимъ я не сошелся съ самаго начала. Причиною былъ его подозрительный характеръ. Онъ вообразилъ, что я переведенъ въ Казань для того, чтобы впослѣдствіи занять его мѣсто, чего въ сущности не было. Изъ этого подозрѣнія проистекали всѣ его шахматные ходы противъ меня. Больше о немъ говорить не буду, потому что кромѣ сказаннаго сейчасъ и нечего говорить, хотя онъ до смерти своей оставался еще нѣкоторое время помощникомъ вновь назначеннаго инспектора Лотина, которому и старался представить меня въ неблаговидномъ свѣтѣ.

По удаленіи Бруннера и перемѣщеніи Лотина въ Казань на мѣсто Гольтермана, начались неудовольствія, сигналъ къ которымъ былъ поданъ распоряженіемъ начальника штаба Казанскаго округа Голенковскаго, которому, согласно новому тогда послѣдовавшему распоряженію, была предоставлена власть инспектора госпиталей. Онъ распорядился, чтобы при входѣ въ госпиталь былъ повѣшенъ

большой колоколъ, который возвѣщалъ бы чинамъ госпиталя о прибытіи начальствующихъ лицъ. Выбрали колоколъ пудовъ въ пять вѣсомъ, такой, какъ употребляется на колокольняхъ церквей; устроили перекладину и повѣсили этотъ злосчастный колоколъ у самаго передняго входа въ госпиталь. Голенковскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы при пріѣздѣ начальника госпиталя звонили въ колоколъ 1 разъ, при пріѣздѣ какого-либо генерала—2 раза, при пріѣздѣ его, начальника штаба, Голенковскаго — 3 раза, а когда пріѣдетъ командующій войсками, приказано было, стоявшему у дверей госпитальному служителю,—звонить какъ можно больше. Дѣйствительно, вскорѣ посѣтилъ госпиталь командующій войсками. Поставленный у колокола служитель, увидавъ его, началъ немилосердно звонить въ только-что поставленный колоколъ, такъ что генералъ, остановивъ его, спросилъ о причинѣ звона. Служитель не могъ объяснить толкомъ, почему онъ звонитъ. Мнѣ дали знать о прибытіи командующаго войсками, и я направился на встрѣчу ему и подалъ рапортъ.

— Вы главный врачъ? спросилъ онъ меня (хотя отлично зналъ меня).

— Я главный врачъ госпиталя, ваше превосходительство!

— Почему у васъ такъ немилосердно звонятъ въ колоколъ?

Я объявилъ ему причины и указалъ на распоряженіе начальника штаба Голенковскаго.

— Больнымъ нужно спокойствіе, а тутъ поднимаютъ такой звонъ, что я едва не оглохъ! Это безобразіе! Чтобы этого не было!.. Прикажите немедленно снять колоколъ!..

Пошли дальше.

Въ корридорѣ генералъ остановился и, указавъ на половики, спросилъ меня:

— Какіе у васъ половики?

Я не понялъ вопроса и отвѣчалъ, что «половики холщевые».

— Не о томъ я спрашиваю: объясните мнѣ, какое назначеніе половиковъ.

— Назначеніе половиковъ мнѣ, какъ доктору медицины, ваше превосходительство, извѣстно... отвѣчалъ я...

— Назначеніе половиковъ—защищать полъ отъ грязи, ска-

залъ онъ и продолжалъ: а почему же у васъ такіе узкіе половики?

— Такіе полагаются, ваше превосходительство, по уставу, былъ мой отвѣтъ.

— Идемте дальше!

Вошли въ палату, гдѣ былъ трудный больной, съ которымъ случилась рвота, и служитель подчищалъ запачканный полъ.

— Это что такое? спросилъ меня генералъ.

— Подтираютъ полъ, потому что съ больнымъ случилась рвота, былъ мой отвѣтъ.

— Я вижу, что здѣсь готовятся къ моему пріему, засылаютъ людей впередъ и подчищаютъ то, что грязно... сказалъ сердитымъ тономъ командующій войсками.

— Но, нельзя же, ваше превосходительство, оставить изверженіе рвотой... оно будетъ разлагаться и портить воздухъ, рѣшился я возразить на сдѣланное замѣчаніе.

— Я васъ прошу на будущее время, когда я пріѣду въ госпиталь, оставлять все такъ, какъ есть, а не такъ, какъ хотятъ мнѣ показать госпиталь... Я хочу видѣть все такъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ, а не такъ, какъ хотятъ мнѣ представить госпиталь, засылая впередъ людей для приведенія въ порядокъ помѣщеній... И теперь, вѣроятно, вездѣ посланы гонцы, которые подчищаютъ то, что нужно скрыть отъ меня... Я не буду сегодня осматривать госпиталь...

Я не возражалъ, зная, что безотвѣтность лучшее средство для того, чтобы успокоить гнѣвнаго, да и никакое возраженіе не могло бы измѣнить предвзятость мнѣнія.

Командующій войсками направился къ выходу и уѣхалъ изъ госпиталя, оставивъ всѣхъ насъ въ недоумѣніи о причинахъ его неудовольствія.

На другой день я былъ потребованъ къ медицинскому инспектору Лотину.

Онъ сообщилъ мнѣ, что командующій войсками недоволенъ осмотромъ госпиталя и именно тѣмъ, что, желая скрыть отъ него безпорядки, засылаютъ людей впередъ подчищать полы; далѣе— онъ недоволенъ звономъ въ колоколъ и тѣмъ, что половики въ коридорахъ узкіе, и что онъ спрашивалъ окружнаго интенданта Росе-

стера, который заявилъ ему, что половики должны быть широкіе, потому что интендантство отпускаетъ госпиталю холстъ для половиковъ въ полтора аршина шириною, а между тѣмъ, половики едва достигаютъ ширины три четверти аршина.

Я объяснилъ, что больнаго вырвало передъ самымъ входомъ въ палату, и что нельзя же оставлять этого изверженія неубраннымъ, а потому это не указываетъ на безпорядокъ, а напротивъ, что въ госпиталѣ заботятся о чистотѣ помѣщеній и воздуха, что колоколъ повѣшенъ и звонятъ въ него по распоряженію начальника штаба, генерала Голенковскаго, что половики по уставу должны быть три четверти аршина шириною, а если интендантство и отпускаетъ холстъ въ полтора аршина, то, вмѣсто слѣдуемыхъ госпиталю тысячи аршинъ половиковъ, холста отпускаютъ всего пятьсотъ арш., съ тѣмъ, чтобы мы сами разрѣзали холстъ пополамъ, въ длину, и получили бы тысячу аршинъ половиковъ, шириною въ три четверти аршина, т. е. такихъ, какъ это назначено по описанію госпитальныхъ вещей, приложенному къ госпитальному уставу. Наконецъ, я заявилъ, что вслѣдствіе всего этого я не вижу никакой вины съ моей стороны и удивляюсь тому, что окружной интендантъ, самъ не зная существующихъ узаконеній, дѣлаетъ такіе неправильные доклады, налагающіе тѣнь на госпитальное управленіе въ умышленномъ съуживаніи половиковъ.

Военно-медицинскій инспекторъ Лотинъ обѣщался доложить объ этомъ командующему войсками; но въ душѣ онъ былъ доволенъ описанному выше неудовольствію командующаго войсками на меня. Я убѣжденъ въ этомъ по слѣдующимъ причинамъ:

Въ 1861—1863 г.г. я былъ командированъ на казенный счетъ за-границу, въ одно время съ Лотинымъ, и едва-ли онъ могъ забыть меня съ того времени, тѣмъ болѣе, что я видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, между тѣмъ, когда я представлялся ему по прибытіи его въ Казань на должность военно-медицинскаго инспектора и напомнилъ о нашихъ встрѣчахъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ и въ Петербургѣ, онъ сказалъ мнѣ: «не помню, кажется, я встрѣчался съ вами гдѣ-то». Эти слова имѣли такой смыслъ для меня: «Да! было время—и прошло; теперь я твой начальникъ—и ты этого не забывай». Забыть меня, или не

узнать Лотину нельзя было потому, во-первыхъ, что меня помнятъ и узнаютъ тѣ, съ которыми я встрѣчался назадъ тому лѣтъ тридцать (такъ ужь характерна моя физіономія), а во-вторыхъ, въ Парижѣ мы встрѣчались ежедневно, посѣщая одни и тѣ же курсы и клиники, да вдобавокъ я выигралъ у Лотина въ Парижѣ два пари, изъ которыхъ одно касалось религіозныхъ вопросовъ, а второе того, что я могу въ полчаса написать пять писемъ (я написалъ ихъ въ двадцать девять минутъ). Трудно допустить, чтобы Лотинъ, сдѣлавшись моимъ начальникомъ, не узналъ меня при представленіи, особенно же потому, что я напомнилъ ему о себѣ. Для всего этого были другія причины. Я уже говорилъ, что помощникъ Лотина, Томаровъ, былъ боленъ чахоткою въ послѣднемъ періодѣ, и скоро должна была открыться вакансія на его мѣсто. Я былъ первымъ кандидатомъ на это мѣсто, какъ бывшій главный врачъ Уяздовскаго госпиталя; но Лотинъ не желалъ имѣть меня своимъ помощникомъ. Это достовѣрно мнѣ извѣстно, хотя о причинахъ я могу только догадываться, а именно я считаю за причины эти вышеизложенныя пари, особенно первое. Но если это такъ, то Лотинъ не подумалъ о томъ, что въ молодости каждый изъ насъ увлекался, читая философскія разсужденія, сочиненіе Ренана и т. п., и неужели могъ я ставить ему на видъ эти увлеченія молодости, этотъ результатъ не перебродившихъ мыслей и не окрѣпшаго ума, еслибы я сдѣлался его помощникомъ? Я никогда не заикнулся бы объ этихъ событіяхъ, еслибы встрѣтилъ со стороны Лотина коллегіальныя отношенія ко мнѣ, какимъ подобаетъ существовать между врачами, и которыя они никогда не смѣшиваютъ съ долгомъ службы и дисциплины. Но пусть самъ Лотинъ додумается до того, что я встрѣтилъ съ его стороны, когда онъ, волею судьбы, сдѣлался моимъ начальникомъ.

Въ командующемъ войсками уже было посѣяно неудовольствіе ко мнѣ по поводу всего вышеизложеннаго. Оставалось подлить масла въ огонь. Я, какъ главный врачъ госпиталя, конечно, не могъ угодить всѣмъ и каждому, потому что, какъ извѣстно, и Самъ Господь Богъ не можетъ угодить всѣмъ. Видя нерасположеніе ко мнѣ начальствующихъ лицъ, нашлись темныя личности, которыя стали дѣлать на меня анонимные доносы. Между прочимъ донесли, что коммиссіей для освидѣтельствованія неспособныхъ при

госпиталѣ неправильно признанъ одинъ рядовой неспособнымъ къ службѣ.

Хотя, по закону, безъименные доносы ни во что не пріемлются и обращаются въ «поношеніе тому, кто оные написалъ», но тѣмъ не менѣе, доносамъ этимъ многими начальниками дается ходъ. Такъ случилось и въ этотъ разъ. Я получилъ запросъ изъ окружнаго военно-медицинскаго управленія—на какомъ основаніи упомянутый рядовой уволенъ по III-й статьѣ, а не по I-й, въ нестроевую должность. Я отвѣчалъ, что у него былъ переломъ бедра въ верхней трети, костная мозоль послѣ котораго существуетъ по сіе время, и что переломъ этотъ обусловилъ укороченіе ноги. Было назначено переосвидѣтельствованіе рядоваго не въ губернскомъ по воинской повинности присутствіи, а въ уѣздномъ, потому что знали, что губернское присутствіе признаетъ госпитальное освидѣтельствованіе правильнымъ. Въ уѣздномъ же присутствіи повѣряли мои дѣйствія уѣздный врачъ и младшій военный врачъ, который служитъ младшимъ ординаторомъ во ввѣренномъ мнѣ госпиталѣ. И такъ, въ этомъ случаѣ, начальникъ былъ отданъ на судъ его подчиненнаго, что̀, по закону и на основаніи здраваго смысла, составляетъ вопіющую несправедливость. Какъ происходило дѣло, мнѣ неизвѣстно, но я получилъ другое предписаніе изъ окружнаго военно-медицинскаго управленія, гласившее, чтобы я донесъ: «почему упомянутый рядовой не признанъ госпитальной коммиссіей подлежащимъ I ст. неспособныхъ (въ нестроевую службу), какъ онъ при переосвидѣтельствованіи признанъ теперь уѣзднымъ по воинской повинности присутствіемъ». Я отвѣчалъ на это предписаніе, что по точному смыслу росписанія болѣзней подъ лит. А., по причинѣ перелома бедра и укороченія ноги, онъ подлежалъ той статьѣ, въ которую назначенъ, и что переосвидѣтельствованіе его въ уѣздномъ по воинской повинности присутствіи неправильно уже потому, что тамъ засѣдаетъ младшій ординаторъ ввѣреннаго мнѣ госпиталя, который, на основаніи существующихъ узаконеній, не можетъ повѣрять дѣйствій госпитальной коммиссіи, въ которой присутствуетъ его начальникъ, главный врачъ госпиталя.

Несмотря на все это, я былъ призванъ къ инспектору Лотину,

который заявилъ мнѣ, что командующій войсками не желаетъ, чтобы я дольше служилъ въ его округѣ. При этомъ я просилъ отпускъ въ Петербургъ. По закону отпускъ зависитъ отъ окружнаго медицинскаго инспектора, но онъ сказалъ, не знаю почему, что не можетъ дать мнѣ отпуска безъ согласія командующаго войсками, а на другой день объявилъ мнѣ, что командующій войсками не разрѣшаетъ мнѣ отпуска. Какъ объяснить все это? Очень просто: Лотинъ зналъ что я въ Петербургѣ найду управу всѣмъ этимъ дѣйствіямъ, направленнымъ противъ меня, чтобы достигнуть моего удаленія изъ Казани. Видя такія отношенія ко мнѣ и разсчитавъ мою службу, я нашелъ, что мнѣ выгоднѣе уйти отъ зла и сотворить благо.

По моему разсчету всей службы моей, считая кампаніи, было болѣе 31 года, а такъ какъ военно-медицинскіе чины получаютъ пенсію за 30 лѣтъ службы, то я подалъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ. Несмотря, однако, на все это, т. е. на то, что всей службы моей было болѣе 31-го года, мнѣ не хотѣли считать кампаніи и думали назначить половинную пенсію. Узнавъ объ этомъ, я написалъ письмо къ главному военно-медицинскому инспектору Рудинскому, въ которомъ изложилъ мои права на полную пенсію. Вслѣдствіе этого дѣло о разсчетѣ лѣтъ моей службы было переслано изъ главнаго военно-медицинскаго управленія въ Главный штабъ, который призналъ, что бытность моя въ походахъ даетъ мнѣ право на полную пенсію, и высчиталъ продолжительность моей службы въ 31 слишкомъ годъ. Какъ назвать все это? Нельзя допустить, чтобы подлежащія власти не знали законовъ, а вышло такъ, что какъ казанское окружное военно-медицинское управленіе, такъ и главное управленіе явились знающими существующія о пенсіяхъ постановленія менѣе того, нежели зналъ ихъ я, подчиненный имъ врачъ, какъ это и выяснилось изъ разъясненія Главнаго штаба, гдѣ, конечно, царитъ безпристрастіе и полное знаніе законовъ. Вскорѣ я получилъ письмо отъ начальника военно-медицинской академіи А. М. Быкова, этой свѣтлой и гуманной личности, которое увѣдомляло меня о рѣшеніи по дѣлу моей пенсіи. Въ октябрѣ 1883 года вышла отставка моя съ полной пенсіей и эмеритурой. Эмеритуру я получилъ за 19-ть платныхъ лѣтъ.

*

Мнѣ не дали дослужить 4-хъ мѣсяцевъ для полученія эмеритуры за 25 платныхъ лѣтъ.

Обремененный семействомъ и лишившійся съ выходомъ въ отставку ежегодно около двухъ тысячъ рублей, я первое время страдалъ невыносимо отъ нужды и лишеній, но утѣшалъ себя тогда и утѣшаю теперь, что пострадалъ невинно.

Во всемъ этомъ я нисколько не виню командующаго войсками, генерала М—ва, потому что хорошо знаю, что онъ правдивый человѣкъ и для него все равно, кто бы ни былъ главнымъ врачемъ госпиталя въ Казани. Все это дѣло, какъ видно изъ вышеизложеннаго, уже должно было кончиться такъ, а не иначе.

Первое время по выходѣ въ отставку я поселился въ Казани, гдѣ оставался полтора года, потомъ на короткое время я ѣздилъ на родину моего отца, въ Орловскую губернію, и, наконецъ, съ 1886 года постоянно живу въ Москвѣ.

Въ Казани, скучая бездѣльемъ послѣ отставки и желая подкрѣпить свои оскудѣвшія средства, я открылъ частную лѣчебницу. Въ этомъ дѣлѣ я столкнулся съ врачами, которые сильно противодѣйствовали моей лѣчебницѣ. Сначала дѣла лѣчебницы пошли блистательно, потому что городъ дѣйствительно нуждался въ подобномъ учрежденіи, но лѣчебница не могла сразу дать приглашеннымъ врачамъ того гонорара, который былъ желателенъ, и объ этотъ камень разбились всѣ мечты, такъ что вскорѣ я вынужденъ былъ закрыть лѣчебницу.

Въ Орловской губерніи я поселился въ г. Ливнахъ. Вскорѣ у меня появилась большая практика, но я встрѣчалъ громадное противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ врачей, недовольныхъ моимъ пребываніемъ въ городѣ. Операцій рѣшительно нельзя было производить, потому что не находилось ассистентовъ, такъ что, однажды, пришлось мнѣ отнимать огромную опухоль рѣшительно одному. Я не могъ выдержать такихъ непріязненныхъ отношеній къ врачамъ, которыя встрѣтилъ со стороны ливенскихъ коллегъ и собратовъ по наукѣ, и вскорѣ уѣхалъ оттуда, предоставивъ имъ пожинать дальнѣйшіе лавры.

Изъ всѣхъ врачей, съ которыми я сталкивался послѣ выхода моего въ отставку, самыя свѣтлыя воспоминанія остались о нѣкото-

рыхъ врачахъ въ Казани, которые не только отличались истинно-товарищескими отношеніями ко мнѣ, но и показали себя гуманными и просвѣщенными личностями. Это суть: 1) Профессоръ Казанскаго университета Николай Андреевичъ Виноградовъ, которому я обязанъ тѣмъ, что онъ не только принималъ консультативное участіе въ моей лѣчебницѣ, являясь по первому зову и безвозмездно, но и всѣми мѣрами способствовалъ моей частной практикѣ. Это былъ прекраснѣйшій, добрѣйшій и истинно-просвѣщенный дѣятель. 2) Профессоръ хирургической клиники Левъ Львовичъ Левшинъ, прекрасный хирургъ, просвѣщенный дѣятель и добрый товарищъ. Онъ также безвозмездно консультировалъ въ моей лѣчебницѣ. 3) Гражданскій медицинскій инспекторъ Михаилъ Ѳомичъ Кривошапкинъ, до конца не оставлявшій меня своимъ участіемъ, прекрасный и добрый товарищъ. 4) Ксанфій Васильевичъ Соколовъ, добрый товарищъ и просвѣщенный врачъ, который всегда пользовался любовію не только своихъ паціентовъ, но и всѣхъ знающихъ его, и 5) Василій Гавриловичъ Купидоновъ, отличный врачъ, превосходный электро-терапевтъ, просвѣщенный дѣятель и хорошій товарищъ. Оба послѣдніе также безвозмездно принимали больныхъ въ моей лѣчебницѣ. О ливенскихъ врачахъ не сохранилось у меня никакихъ свѣтлыхъ воспоминаній.

Съ 1886 года, какъ уже сказано, я поселился въ Москвѣ. Въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Москва, гдѣ живетъ и старается имѣть практику громадное число врачей (до 1.500 челов.), конечно, медицинская практика дѣло не легкое, тѣмъ болѣе, что въ отношеніи медицинской практики Москва есть городъ въ высшей степени своеобразный. Здѣсь живетъ множество богатѣйшихъ людей, особенно же купцовъ, для которыхъ бросить какіе-нибудь 100 и болѣе рублей непочемъ. Вслѣдствіе этого, многіе московскіе врачи, изъ такъ-называемыхъ профессоровъ-знаменитостей, назначили громадную плату, а именно по 100 рублей за въѣздной визитъ и по 50 рублей за пріемъ больнаго у себя на дому. Къ нимъ, разумѣется, и обращаются всѣ богачи не только въ легкихъ случаяхъ заболѣванія, но и во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, такъ что никто изъ богачей не хочетъ оставить этотъ свѣтъ безъ участія въ его лѣченіи извѣст-

ной знаменитости. Побывавъ у больныхъ и осмотрѣвъ ихъ, эти медицинскія свѣтила назначаютъ для постояннаго лѣченія своихъ ассистентовъ, опредѣляя плату послѣднимъ по 10 рублей за визитъ. Такимъ образомъ, медицина у этихъ практиковъ-знаменитостей обратилась въ ремесло наживанія денегъ, и чѣмъ такой способъ обогащенія отличается отъ всякаго торговаго предпріятія—никто не возьмется объяснить. Такой порядокъ вещей возможенъ только въ Москвѣ, гдѣ богачи, не стѣсняясь тратой денегъ, полагаютъ, что дѣйствительно пользу больному можетъ оказать только врачъ, назначившій громадную плату за визиты. Тутъ дѣло врача цѣнится, какъ товаръ: чѣмъ дороже товаръ, тѣмъ онъ лучше. Не у всякаго врача хватитъ духа поступать такъ, какъ поступаютъ московскіе знаменитости-врачи, потому что если у человѣка есть совѣсть, то онъ не прибѣгнетъ къ такому странному и неоправдываемому законами совѣсти способу обогащенія, да вдобавокъ, еслибы кто и вздумалъ эксплоатировать такъ больныхъ, то для этого нужно быть прикрытымъ еще щитомъ профессорскаго званія, а слѣдовательно, и самое званіе это низвести съ того высокаго пьедестала, на которомъ подобаетъ ему быть. Многіе московскіе врачи нашли, впрочемъ, еще способъ увеличивать свою практику и брать высокій гонораръ. Для этого, въ послѣднее время, изобрѣтено званіе спеціалиста.

Еслибы дѣйствительно врачи-спеціалисты оправдывали свое названіе, то съ этимъ помирились бы многіе, но дѣло состоитъ въ томъ, что каждый, видя, что спеціалисты въ модѣ, дѣлается спеціалистомъ болѣзней, которыхъ зачастую онъ спеціально не знаетъ. Видя однако, что врачебнымъ знаменитостямъ люди платятъ по 100 и по 50 рублей за визитъ, врачи-спеціалисты назначили плату по 15, 10 и по 5 р. за визитъ. Вслѣдствіе этого и бѣднякъ-больной, подражая богатымъ, нерѣдко собираетъ послѣднія крохи и идетъ къ врачу-спеціалисту. Пріемныя врачей-спеціалистовъ всегда полны больными, которыхъ они, даже еслибы и дѣйствительно обладали вполнѣ своею спеціальностію, не могутъ осмотрѣть надлежащимъ образомъ, по недостатку времени, а слѣдовательно и лѣченіе не можетъ быть назначено правильное и вполнѣ успѣшное. А что сказать о тѣхъ врачахъ, которые только прикрываются щитомъ спе-

ціальности? Тутъ, разумѣется, больной не только не получитъ облегченія, но и даромъ истратитъ нерѣдко съ большимъ трудомъ и пожертвованіемъ добытыя деньги. И вотъ, нерѣдко случается такъ, что, побывавъ у врача-спеціалиста 10—15 разъ и истративъ всѣ деньги, а между тѣмъ не чувствуя облегченія, больной идетъ къ другому врачу, у котораго не назначено большой платы за визитъ и, къ удивленію своему, получаетъ надлежащую помощь отъ честнаго врача, не прикрывающагося щитомъ спеціальности и не поставившаго задачей своей—наживать деньги во что бы то ни стало.

По причинѣ множества врачей въ Москвѣ, изъ которыхъ каждый ищетъ практики, сдѣлалось также необходимостію прибѣгать къ публикаціямъ въ газетахъ, что́, по моему мнѣнію, составляетъ уже окончательное низведеніе медицины па степень торговаго предпріятія. На эту удочку ловится множество легковѣрныхъ, особенно изъ пріѣзжихъ въ Москву провинціаловъ, которые по публикаціямъ ищутъ медицинской помощи. Приходятъ къ такому врачу, и онъ силится принять больнаго на вылѣчку, т. е., чтобы больной заплатилъ сразу за все лѣченіе впередъ. Многіе, напугавъ достаточно больнаго, вытягиваютъ у него 100, 200, 300 рублей за вылѣчку. Случается и такъ, что больной, заплативъ большія деньги за вылѣчку, не получаетъ вовсе облегченія и идетъ къ честному врачу, который и помогаетъ ему. Изъ всего этого явствуетъ, какъ ложно поставлено въ Москвѣ дѣло медицинской практики и поэтому, чтобы въ Москвѣ имѣть врачу хорошую практику, необходимо прежде всего спрятать въ карманъ совѣсть и поставить цѣлію своей дѣятельности—нажить сколь возможно болѣе денегъ и въ самое короткое время, и притомъ не обращая вниманія на то, что дѣлается съ больнымъ при такомъ способѣ примѣненія медицинской помощи. Часто думаешь объ этомъ и изумляешься, спрашивая самого себя: гдѣ же совѣсть у этихъ господъ, и почему больные столь кротки, что не призовутъ на помощь законъ и правосудіе? Но еслибы еще только этимъ оканчивалось зло! Нѣтъ! Оно идетъ гораздо глубже. Нѣкоторые врачи имѣютъ явныя и тайныя ссудныя кассы и подъ видомъ практики дисконтируютъ векселя. Случилось даже и такъ, что одинъ врачъ, принадлежащій къ высшей корпо-

раціи и слывущій за извѣстнаго специалиста, имѣлъ тайную ссудную кассу, причемъ фельдшеръ его принималъ залоги и выдавалъ деньги, разумѣется, принадлежащія его принципалу!

Дѣло медицинской практики въ Москвѣ усложняется еще и тѣмъ, что женщины имѣютъ громадное вліяніе на репутацію врачей. Сколько въ Москвѣ самыхъ посредственныхъ врачей, которые пріобрѣли громадную практику чрезъ женщинъ! Тутъ пускаются въ ходъ самыя грязныя интриги, и нерѣдкій домашній врачъ вмѣстѣ и домашній любовникъ! Нигдѣ не развито такъ вліяніе женщинъ на своихъ мужей, какъ въ Москвѣ, и вотъ, благодаря этому вліянію, все смазливое, но въ то же время грубое и невѣжественное въ медицинѣ находитъ поддержку въ женщинахъ и, проникаясь ложнымъ сознаніемъ своихъ дарованій и медицинскихъ познаній, морочитъ грубую и невѣжественную толпу. Наконецъ, на каждой почти вывѣскѣ врача написано «Докторъ—такой-то», и не на одной вы не найдете слова—«Лѣкарь». Что же послѣ этого докторская степень и къ чему она служитъ, если каждый не имѣющій докторской степени можетъ называться докторомъ? Почему же не назвать себя фельдмаршаломъ или генералъ-адъютантомъ? За это, вѣдь, не погладятъ по головѣ, а за самозванное докторство гладятъ по головѣ. Что еще сказать о томъ, что многіе фельдшера въ Москвѣ имѣютъ практику, какъ врачи, заработываютъ большія деньги, ѣздятъ въ собственныхъ экипажахъ, держа по 3 и по 4 лошади, устроиваютъ консиліумы для своихъ больныхъ и на консиліумы эти пріѣзжаютъ первѣйшія московскія знаменитости—врачи, которые, будучи отуманены огромнымъ гонораромъ, смотрятъ сквозь пальцы на эту беззаконную практику фельдшеровъ и тѣмъ окончательно унижаютъ свое собственное достоинство. По рецептамъ фельдшеровъ многія аптеки, не имѣя на то право, отпускаютъ лѣкарства, не желая потерять заработка и отговариваясь тѣмъ, что фамиліи фельдшеровъ сходны съ таковыми же врачей, стоящими въ медицинскомъ спискѣ, который обязана имѣть каждая аптека для того именно, чтобы лѣкарство не могло быть прописано лицомъ, не имѣющимъ правъ врачебной практики въ Россіи. Еслибы практикующій врачъ былъ обязанъ проставить въ рецептѣ свою ученую степень, имя и отчество, а равно и номеръ, подъ которымъ стоитъ

въ издаваемомъ алфавитномъ спискѣ, то аптекаря не имѣли бы отговорокъ, и безобразіе относительно незаконнаго отпуска лѣкарствъ изъ аптекъ по рецептамъ фельдшеровъ прекратилось бы.

Но довольно объ этомъ! Закончу мои слова слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Медицинское дѣло въ Москвѣ находится въ состояніи крайней степени деморализаціи, нравственнаго упадка и торговой спекуляціи».

Я прибылъ въ Москву въ то время, когда генералъ-губернаторомъ ея былъ князь Долгоруковъ. Вскорѣ послѣ прибытія моего, я получилъ предложеніе быть редакторомъ одной ежедневной газеты, которую хотѣлъ издавать въ Москвѣ одинъ солидный книгопродавецъ, и предложилъ мнѣ редактировать эту газету. При скудости моей пенсіи, я согласился на сдѣланное мнѣ предложеніе. Желая успѣть въ разрѣшеніи изданія этой газеты, я нашелъ нужнымъ представиться генералъ-губернатору князю Долгорукову и заручиться его согласіемъ, такъ какъ мнѣ было извѣстно, что безъ его согласія это дѣло немыслимое. Въ одинъ изъ пріемныхъ дней я отправился къ нему и представился, прося соизволенія его на редакторство мое въ предполагаемой газетѣ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я представилъ докладную записку и что онъ увѣдомитъ меня о своемъ рѣшеніи. Прождавъ тщетно болѣе мѣсяца, я направился въ генералъ-губернаторскую канцелярію, гдѣ узналъ, что просьба моя доложена генералъ-губернатору и что онъ оставилъ у себя мою докладную записку. Я ждалъ еще. Прошелъ другой мѣсяцъ, и отвѣта не было. Я понялъ, что онъ не желаетъ дать согласія. Вообще пріемъ его, когда я представлялся ему, былъ на мой взглядъ довольно странный: онъ вышелъ ко мнѣ въ разстегнутомъ сюртукѣ и держа обѣ руки въ карманахъ панталонъ; вся физіономія его изображала какъ бы удивленіе, что я рѣшился его утруждать. Желалъ бы я знать, что терялъ князь Долгоруковъ отъ того, что я буду редактировать газету? Ни на чемъ не основанное упрямство—вотъ единственное объясненіе его несогласія, выраженнаго въ столь странной формѣ, а между тѣмъ я по его капризу терялъ 3 тыс. руб. въ годъ, т. е. ту сумму, которая была предложена мнѣ ежегодно за редакторство и которую я могъ заработать честнымъ трудомъ. Да еслибы направленіе газеты не понравилось князю Долгорукову, то на нее

всегда могло бы быть наложено veto, и я терялъ бы на этомъ, а не онъ.

Не получивъ отвѣта отъ князя Долгорукова, я отправился въ Петербургъ и хлопоталъ о моемъ редакторствѣ въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. И тамъ я потерпѣлъ фіаско неизвѣстно по какимъ причинамъ и несмотря на то, что я представлялся министру внутреннихъ дѣлъ графу Толстому и товарищу его Плеве. Прямаго отказа я нигдѣ не получилъ, но не удостоился и разрѣшенія. Всѣхъ симпатичнѣе и лучше былъ пріемъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Плеве. Повидимому, все дѣло затормазилось отъ несогласія князя Долгорукова. Изданіе газетъ и прежде и послѣ этого разрѣшалось сплошь и рядомъ, и даже лицамъ безъ высшаго образованія.

Сколько я могъ изучить Москву во время моего шестилѣтняго пребыванія въ ней, физіологія этого своеобразнаго города представляетъ слѣдующія явленія. Самая большая часть богатыхъ людей занята большею частью празднымъ препровожденіемъ времени въ театрахъ, на балахъ, вечерахъ, маскарадахъ, у Омона, въ бывшемъ Salon des variétés у Яра, въ Стрѣльнѣ и въ другихъ ресторанахъ и загородныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ, гдѣ прокучивается масса денегъ. Бываютъ и такія изъ ряда выходящія безобразія, о которыхъ публиковано въ газетахъ, что трое богачей, въ трое сутокъ, прокутили въ Эрмитажѣ 60.000 рублей! Любопытно спросить: что они ѣли, пили и чѣмъ занимались въ эти трое сутокъ? Тутъ сюжетъ для всевозможныхъ догадокъ. Интеллигенція Москвы, съ малыми исключеніями, проводитъ время также въ пустыхъ занятіяхъ, причемъ карточная игра и театры, разумѣется, на первомъ планѣ. Мѣщанство и низшій классъ платятъ обильную дань Бахусу. Въ праздничные дни, на улицахъ, попадается безчисленное множество пьяныхъ, отъ которыхъ не только разитъ спиртомъ и сивухой, но слышны ругательныя слова самыми отборными и непечатными выраженіями. Развратъ въ Москвѣ достигаетъ высшихъ размѣровъ. Многое можно было бы говорить о Москвѣ и ея порядкахъ—но это значило бы раздразнить гусей.

А. Ильинскій.

КОНЕЦЪ.

Отзывы современниковъ о „Перепискѣ съ друзьями“ Гоголя.

I.

Обзоръ журнальныхъ и газетныхъ статей [1]), вызванныхъ «Перепиской», мы начнемъ съ замѣтки барона Розена въ «Сѣверной Пчелѣ»: «Поэма Н. В. Гоголя объ Одиссеѣ», — на томъ основаніи, что разбираемое здѣсь письмо Гоголя «объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ», хотя и появилось годомъ раньше «Переписки», но потомъ самимъ авторомъ было включено въ его новую книгу. Собственно говоря, по этой статьѣ публика отчасти какъ бы заранѣе познакомилась съ «Выбранными мѣстами». Извѣстно, что въ ней Гоголь уже слишкомъ поддался какому-то болѣзненному увлеченію и съ необыкновенной отвагой позволилъ себѣ нѣкоторыя не основанныя на фактахъ заключенія и даже мечты, причемъ крайне увѣренный тонъ автора поражалъ чрезвычайно рѣзкимъ диссонансомъ съ дѣйствительными правами его на смѣлое публичное поученіе, касающееся вопросовъ, ему недостаточно извѣстныхъ. Въ данномъ случаѣ крайностями необузданнаго энтузіазма Гоголь могъ бы невольно напомнить К. С. Аксакова, такъ смѣло поставившаго его, нѣсколькими годами раньше, на недосягаемой высотѣ рядомъ только съ

---

[1]) Ими Гоголь чрезвычайно интересовался; такъ онъ поручилъ Арк. Ос. Россету высылать ему „всѣ толстые и тонкіе литературные журналы, какіе ни издаются въ Петербургѣ“ („Русск. Стар.“, 1884. I, 166) Позднѣе онъ объяснялъ овладѣвшее имъ передъ поѣздкой въ Палестину смущеніе духа дѣйствіемъ на него отзывовъ о „Перепискѣ“. (См. письма его къ А. О. Смирновой, „Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 409, и въ письмѣ къ Шереметевой, стр. 412, также соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 550.

Гомеромъ и Шекспиромъ; возражать въ томъ и въ другомъ случаѣ было, конечно, вовсе не трудно. Баронъ Розенъ, лично знавшій Гоголя въ серединѣ тридцатыхъ годовъ и уже тогда враждебно относившійся къ нему и къ его созданіямъ, не могъ пропустить благопріятнаго случая, чтобы не поглумиться надъ только-что напечатаннымъ письмомъ и объявить его въ насмѣшку небывалымъ произведеніемъ и даже «поэмой», язвительно намекая послѣднимъ словомъ на странный, по его мнѣнію, титулъ, присвоенный Гоголемъ «Мертвымъ Душамъ».

Критикъ «Сѣверной Пчелы» съ лукавымъ злорадствомъ предается ликованію по поводу предполагаемаго имъ жалкаго и рѣшительнаго фіаско либеральной критики, открыто провозгласившей геніальность Гоголя. Еще не приступая къ разбору письма, онъ пародируетъ извѣстныя слова о Гете, что «природа, разумѣется, изящная, хотѣла знать, какова она собою—т. е. пожелала посмотрѣться въ зеркалѣ,—и создала Гете»—такимъ образомъ: «неизящная, не чистая природа захотѣла смотрѣться въ кривомъ зеркалѣ —и создала Гоголя» [1]). Затѣмъ слѣдуетъ заявленіе критика о томъ, что паденіе таланта Гоголя, котораго естественно было и даже слѣдовало ожидать, превзошло теперь всѣ опасенія, въ доказательство чего и разбирается письмо объ «Одиссеѣ».

На слова Гоголя, что «Одиссея есть рѣшительно совершеннѣйшее поэтическое произведеніе всѣхъ вѣковъ», что «Иліада передъ нею эпизодъ, что въ Европѣ ея не оцѣнили» и наконецъ, что «глупы нѣмецкіе умники, выдумавшіе, будто Гомеръ миѳъ» [2]), баронъ Розенъ, опровергая крайнее увлеченіе Гоголя, отвѣчаетъ указаніемъ отчасти несомнѣнныхъ фактовъ, но неизвѣстныхъ Гоголю, и настаиваетъ на недостаточной компетентности его въ вопросахъ, о которыхъ онъ взялся говорить; отчасти же предается пустому и недостойному глумленію надъ своимъ противникомъ напр: «Одиссея не оцѣнена въ Европѣ! Она, можетъ быть, не оцѣнена на хуторѣ близъ Диканьки!» Баронъ Розенъ указываетъ Гоголю извѣстныхъ переводчиковъ и цѣнителей Гомера въ ученой нѣмецкой литературѣ и наконецъ злобно насмѣхается надъ парадоксомъ Гоголя, что «нужно было сдѣлаться христіаниномъ [3]), дабы пріобрѣсть прозирающій взглядъ, глубоко вонзающійся въ жизнь, который никто не можетъ имѣть, кромѣ христіанина, уже постигнувшаго значеніе жизни». «Чудо!» смѣется критикъ: «для того, чтобы лучше передавать язычника, надобно быть христіаниномъ!»—Въ концѣ статьи высказывается сильное сомнѣніе въ томъ, чтобы Одиссея, хотя бы пе-

---

[1]) „Сѣверная Пчела“, 1846 г., № 181, стр. 729.
[2]) „Соч. Гоголя“, изд. X, т. 4, стр. 31.
[3]) Тамъ же, стр. 27.

реведенная и Жуковскимъ, могла оказать такое могущественное дѣйствіе на все русское общество, какое предсказывалъ ей Гоголь.

II.

Баронъ Розенъ на этотъ разъ оказался если не застрѣльщикомъ, то по крайней мѣрѣ первымъ по времени бойцомъ, за которымъ вскорѣ, по выходѣ уже самой «Переписки», посыпались со всѣхъ сторонъ ярыя нападенія на Гоголя, какъ справедливыя и внушенныя сожалѣніемъ объ упадкѣ его таланта, такъ еще болѣе—злорадныя и возмутительно наглыя. Какъ много появилось по поводу «Переписки съ друзьями» статей и какой шумъ она произвела уже въ самомъ началѣ, можно судить по слѣдующимъ начальнымъ строкамъ одной изъ рецензіи, именно въ «Финскомъ Вѣстникѣ», гдѣ сказано: «Ни одна книга, въ послѣднее время, не возбуждала такого шумнаго движенія въ литературѣ и обществѣ, ни одна не послужила поводомъ къ столь многочисленнымъ и разнообразнымъ толкамъ, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», а между тѣмъ, этотъ отзывъ напечатанъ уже въ февральской книжкѣ журнала, вышедшей, судя по цензурной помѣткѣ, 15 февраля 1847 г. [1]).

Въ числѣ злобныхъ рецензій на «Переписку» на первомъ планѣ ставимъ «Библіотеку для Чтенія». Досаднѣе всего то, что старые недоброжелатели Гоголя теперь высоко подняли голову и еще громче закричали, что «господинъ Гоголь долго начиналъ, долго обѣщалъ—и вдругъ среди началъ и обѣщаній заключилъ поприще свое рѣшительной мѣрой» [2]) (sic), и что «интересный образъ поэта теряется въ густомъ

---

[1]) Въ этой коротенькой рецензіи отдается полная справедливость дарованію Гоголя и значенію его въ русской литературѣ; онъ прямо поставленъ здѣсь рядомъ съ Пушкинымъ, а въ отраженіе извѣстныхъ нелѣпыхъ толковъ о захваливаніи Гоголя друзьями „Финскій Вѣстникъ“ заявляетъ: „Нѣтъ, милостивые государи, публику нельзя морочить словами: какъ вы ни кричите, какъ ни возвеличивайте въ своихъ похвалахъ писателя, но если факты не подтвердятъ вашихъ сужденій, громкія фразы ваши останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“. („Финскій Вѣстникъ“, 1847, 2, стр. 33). По поводу толковъ объ отреченіи Гоголя отъ своего таланта, „Финскій Вѣстникъ“ судитъ очень дѣльно и основательно: „Какъ странно вѣрить на слово писателю о достоинствѣ его произведеній, такъ точно право судить о неудовлетворительности или безполезности прежнихъ созданій Гоголя принадлежитъ публикѣ, а никакъ не самому писателю“. Въ „Перепискѣ“ рецензентъ находитъ множество парадоксовъ и противорѣчій.

[2]) „Библіотека для Чтенія“, 1847, т. 80, отд. 6, стр. 42.

облакѣ усерднаго ему воскуренія» [1]). Сенковскій потиралъ руки отъ удовольствія, что похвалы, которыми осыпали Гоголя, онъ «попираетъ ногами; онѣ ему не нужны: потомство узнаетъ его величіе» [2]). Между прочимъ, онъ затрогиваетъ мимоходомъ даже Жуковскаго, шутливо называя его предтечей Гоголя, въ насмѣшку надъ похвалами ему въ статьѣ объ «Одиссеѣ» [3]). Далѣе осмѣивается преувеличенное смиреніе Гоголя рядомъ съ необычайной гордостью, признаніе самимъ Гоголемъ, что онъ «поэтъ пошлости», и наконецъ, бѣдность общаго содержанія «Переписки». Приведя длинную выписку изъ втораго письма по поводу «Мертвыхъ Душъ», отличающагося особенной рѣзкостью выраженій, рецензентъ восклицаетъ: «Изъ этого явствуетъ, что не легко было жить съ геніями, заслужившими монументы и торгующимися объ нихъ заранѣе съ потомствомъ; что даже опасно восхищаться ихъ произведеніями по своему разумѣнію. Малѣйшая неосторожность въ восторгѣ можетъ имѣть самыя непріятныя послѣдствія, несмотря на преданность и на дружбу: геній какъ разъ напомнитъ своимъ обожателямъ, что они «не въ свои сани садятся» [4]). Вся книга, по словамъ рецензента, состоитъ изъ безсвязныхъ статей и въ ней нечего читать, хотя и попа-

---

[1]) „Сѣверная Пчела“, 1846, № 181.

[2]) „Библіотека для Чтенія“, 1847, т. 80, стр. 43 (73?).

[3]) Сенковскій съ особенной злобой задѣлъ Гоголя въ разборѣ стихотвореній Александры Бѣдаревой; вотъ что̀ онъ тамъ писалъ: „Я держусь той теоріи, что женщина—разумѣется, молодая: старыхъ женщинъ нѣтъ въ природѣ, какъ нѣтъ старыхъ цвѣтовъ, или старыхъ радугъ, что женщина не что иное, какъ воображеніе въ вырѣзномъ платьѣ. Вмѣсто сердца въ ней бьются „Мертвыя Души“,—я хотѣлъ сказать: въ ней бьется поэма... Простите, что я такъ странно обмолвился; я печаленъ - Гомеръ, знаете, боленъ! О, самолюбіе, самолюбіе книжное! Сколько ты убиваешь умовъ и талантовъ!.. Самолюбіе! Лютое самолюбіе! Посмотри, что́ ты сдѣлало изъ Гомера. Гомеръ боленъ! Гомеръ захворалъ на томъ, что онъ не въ шутку Гомеръ. Гомеръ возгордился неизлѣчимо!.. Типунъ вамъ на языкъ!—въ томъ числѣ и мнѣ— вамъ, которые, когда явилась въ свѣтъ незабвенная п о э м а, предсказывали.., что это тѣмъ кончится, что тутъ уже есть начало болѣзни. Гомеръ отрекается отъ безсмертія, отъ удивленія народовъ, потому что народы не понимаютъ его“ и проч. („Библіотека для Чтенія“, 1846, LXXVIII. „Литературная Лѣтопись“, стр. 17—18). И. С. Аксаковъ, внѣ себя отъ справедливаго негодованія на Сенковскаго, писалъ Сергѣю Тимоѳеевичу: „Вообразите: Сенковскій объявляетъ публично, что Гоголь боленъ, вдался въ мистицизмъ, не хочетъ продолжать „Мертвыхъ Душъ“ и такъ самолюбиво замечтался, что всѣхъ учитъ, даетъ наставленія. Все это сказано съ ругательствами и насмѣшками. Онъ не называетъ его Гоголемъ, но Гомеромъ, написавшимъ „Мертвыя Души“. Названіе Гомеръ повторилъ онъ разъ двадцать на одной страничкѣ. Какой мерзавецъ“. „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. I, стр. 390—391).

[4]) Тамъ же, стр. 50.

даются мѣстами прекрасныя страницы о святости религіи и обязанностяхъ христіанина.

III.

Критикъ «Сѣверной Пчелы», нѣкто Л. Брандтъ, подписавшійся псевдонимомъ Я. Я. Я., не ограничился уже однимъ злобнымъ ликованіемъ по поводу предполагаемыхъ имъ горькихъ плодовъ неумѣреннаго литературнаго захваливанія, но позволилъ себѣ нѣсколько положительно дерзкихъ выходокъ по адресу какъ Гоголя, такъ и всегда высоко цѣнившихъ его произведенія «Отечественныхъ Записокъ». Послѣднія онъ называетъ «муравейникомъ», насмѣхаясь надъ тѣмъ, что появившійся съ 1839 года журналъ пріютилъ у себя подвижниковъ новой школы, распространилъ ея странныя воззрѣнія на искусство, и ровно восемь лѣтъ оглашалъ литературный міръ русскій славою имени «литературныхъ заслугъ» Гоголя, а литературную славу его объясняетъ стеченіемъ благопріятныхъ для него случайностей. По словамъ рецензента, все дѣло было будто бы въ томъ, что Гоголь появился именно тогда, когда «Московскій Телеграфъ» «высшими взглядами подготовилъ почву къ блужданію по верхушкамъ предметовъ», а публика была утомлена однообразіемъ формъ текущей литературы, которая была переполнена подражаніями нравоописательнымъ и историческимъ романамъ, и цѣлымъ потокомъ альманаховъ, отъ которыхъ некуда было дѣваться, такъ что чуть не приходилось кричать караулъ, — вообще литература была наводнена тогда высокопарными трагедіями и торжественными одами и «вслѣдствіе такого расположенія изъ бельэтажа театральнаго готова (была) перешагнуть на грубыя скамьи масляничнаго балагана» — и вотъ ей понравился неподдѣльный комизмъ и замысловатый малороссійскій юморъ Гоголя, понравился и «импровизированный самозванецъ Хлестаковъ, который изъ пустяковъ, по недоразумѣнію, надѣлалъ шуму въ безвѣстномъ городкѣ и въ журналистикѣ»—и Гоголь былъ провозглашенъ учителемъ и отцомъ натуральной школы. Послѣ этого отъ Гоголя много ждали, но онъ разрѣшился я к о б ы н и ч т о ж н ы м и «Мертвыми Душами», и наконецъ, подобно Наполеону послѣ Аустерлица и Фридланда, пожелалъ заграницей отдохнуть на лаврахъ, особенно когда его объявили Гомеромъ и торжественно обѣщали цѣлый рядъ статей о его старыхъ произведеніяхъ [1]). Послѣ

---

[1]) Очевидный намекъ на Бѣлинскаго.

этого, по словамъ непризваннаго критика, высокомѣріе и самомнѣніе Гоголя дошло дотого, что онъ заживо заговорилъ о памятникѣ самому себѣ, нескромно отклоняя отъ себя эту честь, которой, по мнѣнію «Сѣверной Пчелы», онъ не имѣлъ никакого права ожидать, такъ какъ «памятники остаются удѣломъ людей, или совершившихъ громкіе подвиги, или водворившихъ между соотечественниками своими высокія истины, или по крайней мѣрѣ принесшихъ человѣчеству какую-нибудь существенную пользу», и изъ русскихъ писателей ими удостоены только Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ и Крыловъ, съ которыми, по мнѣнію критика, никакъ нельзя сравниваться Гоголю. По поводу же извѣстнаго его завѣщанія о портретѣ Брандтъ даже имѣлъ дерзость сказать, что удѣлъ живыхъ литературныхъ извѣстностей однѣ лишь гипсовыя каррикатуры Степанова, да забавныя изображенія въ листкахъ веселой «Ералаши» Неваховича. Еще подлѣе въ серединѣ статьи неосновательный намекъ на то, что къ Гоголю «прицѣпилась цѣлая фаланга юношей, съ дарованіями весьма сомнительными, но вооруженныхъ непомѣрными притязаніями и страшной жаждой пріобрѣтенія славы и вещественныхъ благъ земныхъ, весьма привлекательныхъ, но, къ сожалѣнію, не добываемыхъ даромъ [1]).

Во второй части своей рецензіи Брандтъ переходитъ къ разбору отдѣльныхъ статей «Переписки», но на самомъ дѣлѣ онъ не столько разбираетъ книгу, сколько приводитъ выдержки чисто дѣйствительно неудачныхъ мнѣній и отдѣльныхъ мыслей, встрѣчающихся въ «Перепискѣ». Приведемъ два-три примѣра. Авторъ говоритъ: «нѣкоторые изъ нынѣшнихъ умниковъ выдумали, будто нужно толкаться среди свѣта, чтобы узнать его. Это просто вздоръ» [2]). «Дѣйствительно, говоря словами автора, это вздоръ» думать наоборотъ, что познаніе свѣта пріобрѣтается въ отчужденіи отъ него, взаперти. Или: въ статейкѣ «Совѣты» авторъ объявляетъ публикѣ, что онъ, «хотя ничуть не умнѣе никого» [3]), но мастеръ давать превосходные совѣты, за которыми къ нему обращаются и люди незнакомые, и всѣхъ онъ по крайнему разумѣнію своему надѣляетъ добрыми наставленіями». Послѣ этихъ и подобныхъ выдержекъ слѣдуетъ исчисленіе догадокъ о причинѣ, побудившей Гоголя издать свое послѣднее произведеніе. «Одни считаютъ новую книгу Гоголя плодомъ разстроеннаго болѣзненнаго воображенія; другіе видятъ здѣсь крайнія выходки непомѣрнаго самолюбія, избалованнаго безусловными восторженными похвалами нѣкоторыхъ критиковъ, и въ то же время раздраженнаго рѣзкими, хотя, по собственному сознанію

[1]) „Сѣверная Пчела“, 1847, № 74, стр. 294.
[2]) „Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 38.
[3]) Тамъ же, стр. 75.

автора, и справедливыми замѣчаніями его противниковъ [1]); теперь и думають, что онъ имѣлъ въ виду обезоруживать послѣднихъ мнимою скромностью и строгимъ осужденіемъ написаннаго имъ; наконецъ, четвертые полагають, что все это не что иное, какъ новый замысловатый жартъ малороссійскій, которымъ авторъ надѣялся озадачить публику и критику, запутать ихъ въ вопросахъ, надѣялся во всякомъ случаѣ заставить заговорить о немъ именно въ то время, когда продолжительное молчаніе его и разные слухи, приносившіеся изъ-за границы, давали поводъ думать, что литературное поприще его уже кончилось». Впрочемъ, въ доказательство своего безпристрастія авторъ критики указываетъ съ похвалой на статью «О существѣ русской поэзіи и ея особенности», дѣйствительно одну изъ лучшихъ въ книгѣ. Наконецъ онъ даетъ обѣщаніе возвратиться къ обстоятельному разбору произведеній Гоголя, начиная съ «Мертвыхъ Душъ».

Въ статьѣ Бранта необходимо отмѣтить еще слѣдующую дикую выходку противъ почитателей Гоголя: «Забавно видѣть, какъ эти недавніе восторженные хвалители Гоголя мгновенно поворотили противъ него артиллерію своей критики, и вотъ еще вчерашній ихъ идеалъ литературнаго величія вдругъ сталъ для нихъ предметомъ ядовитыхъ насмѣшекъ и мишенью журнальной стрѣльбы» [2]).

IV.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появились письма къ Гоголю по поводу «Переписки съ друзьями» извѣстнаго Н. Ф. Павлова. Всѣхъ

---

[1]) Кромѣ этой статьи въ „Сѣверной Пчелѣ“, продолжались мелкія выходки противъ Гоголя; напр. въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, Булгаринъ глумился надъ тѣмъ, что „почтеннаго господина Гоголя, который никогда не возвышался надъ Поль де-Кокомъ и Пиго-Лебреномъ, провозгласили Гомеромъ. Послѣ господина Гоголя выдвинули изъ толпы другаго молодаго человѣка, господина Достоевскаго, и назвали его геніемъ равнымъ Гоголю“ („Сѣверная Пчела“, 1847, № 81, стр. 332). По поводу этого фельетона, мы находимъ нѣсколько страницъ въ „Современникѣ“ (1847, т. V, смѣсь, стр. 122—125), гдѣ въ отпоръ злорадству Булгарина обращено вниманіе на то, что напрасно „Сѣверная Пчела“ поспѣшила обольстить себя надеждой, будто бы литературное значеніе Гоголя пошатнулось, такъ какъ своими необыкновенными признаніями Гоголь произвелъ странное и не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе на свой собственный счетъ (стр. 124), и что несправедливо, будто Гоголь изображаетъ одно мелкое и ничтожное, доказательствомъ чему служитъ „Тарасъ Бульба“, лицо художника Пискарева, наконецъ трагическій элементъ есть въ „Шинели“ и „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“. Затѣмъ дается обѣщаніе, что въ „Современникѣ“ будетъ еще статья о Гоголѣ.

[2]) „Сѣверная Пчела“, 1847, № 75, стр. 299.

писемъ было четыре, но одно изъ нихъ почему-то осталось ненапечатаннымъ, а равно и въ копіи, находящейся въ архивѣ наслѣдниковъ Гоголя, его не имѣется, изъ чего можно заключить, что оно осталось тайной для самого адресата. Письмамъ посчастливилось въ нашей литературѣ; они были перепечатаны дважды: въ первый разъ въ томъ же, 1847 году, въ «Современникѣ» (1847 г., т. 3, № 5, Смѣсь, стр. 1—16; т. 4, № 8, стр. 88—93) и въ 1890 г.—въ «Русскомъ Архивѣ». О нихъ далъ уже въ 1848 г. хорошій и, кажется, не совсѣмъ заслуженный отзывъ Бѣлинскій. Приводимъ здѣсь весь этотъ коротенькій отзывъ: «Въ прошломъ году вниманіе критики было преимущественно занято «Перепиской Гоголя съ друзьями». Можно сказать, что память объ этой книгѣ и теперь поддерживается только статьями о ней. Лучшая изъ статей противъ нея принадлежитъ Н. Ф. Павлову. Въ своихъ письмахъ Гоголю онъ сталъ на его точку зрѣнія, чтобъ показать его невѣрность собственнымъ своимъ началамъ. Точность мысли, ловкость діалектики, при изложеніи въ высшей степени изящномъ, дѣлаютъ письма Н. Ф. Павлова явленіемъ образцовымъ и совершенно особымъ въ нашей литературѣ. Жаль, если все дѣло кончится тремя письмами!» [1]) Такой взглядъ Бѣлинскаго на письма и былъ, конечно, причиной перепечатки ихъ вскорѣ потомъ въ «Современникѣ». Но главное основаніе, по которому они были поставлены высоко Бѣлинскимъ, заключалось именно въ томъ, что письма стремились поразить Гоголя его же оружіемъ, и съ этой-то точки зрѣнія они, повидимому, непремѣнно должны были озадачить его, но на самомъ дѣлѣ, кажется, совсѣмъ не озадачили.

Въ началѣ своей первой статьи Н. Ф. Павловъ намѣренно противопоставляетъ убѣжденію Гоголя въ томъ, что его книга написана по внушенію свыше, другое, неутѣшительное предположеніе,—что, напротивъ, дьяволъ напиталъ его слова духомъ неслыханной гордости [2]), и, кажется, это была единственная мысль, которая, будучи родственна мистическимъ воззрѣніямъ Гоголя, проникла въ душу послѣдняго, наполняя ее по временамъ мученіями религіознаго страха, получившаго широкій доступъ въ нее вскорѣ благодаря суровымъ обличеніямъ ѳ. Матвѣя. Безъ вліянія послѣднихъ, конечно, слегка возникшее сомнѣніе могло бы легко заглохнуть. Во всякомъ случаѣ, подъ указанными или иными впечатлѣніями Гоголь сталъ приписывать самый неуспѣхъ «Переписки» и неудачныя въ ней мысли дьявольскому внушенію.

Затѣмъ, разбирая «завѣщаніе», Н. Ф. Павловъ намекаетъ на нѣсколько нескромное побужденіе, руководившее Гоголемъ, когда онъ

---

[1]) „Современникъ", 1847, № 2; „Соч. Бѣлинскаго", т. XI, стр. 440.

[2]) „Русскій Архивъ", 1890, т. стр. 286.

писалъ его; такое завѣщаніе онъ считалъ умѣстнымъ гдѣ-нибудь въ романѣ или повѣсти: «пусть принадлежитъ лицу, страдающему, безъ всякой надобности, въ полномъ развитіи здоровья, однимъ недугомъ—произвесть небывалый эффектъ!» Затѣмъ все содержаніе «завѣщанія» Н. Ф. Павловъ признаетъ ложнымъ и неосновательнымъ. Онъ указываетъ на странность печатныхъ завѣщаній и говоритъ, что для того, чтобы «вступить въ бесѣду съ Россіей по случаю своихъ домашнихъ распоряженій, когда они могутъ исполниться безъ ея участія, на эту публичность надо имѣть право» [1]). Право это могло бы основываться на прежнихъ капитальныхъ трудахъ Гоголя, но онъ самъ уничтожилъ его своимъ отъ нихъ отреченіемъ. Если же принять его собственное объясненіе, что завѣщаніе написано на случай внезапной смерти вдали отъ родины «въ надеждѣ, что, можетъ быть, посмертный голосъ напомнитъ вообще объ осмотрительности» и удержитъ отъ «неразумной торопливости въ такомъ дѣлѣ, какъ погребеніе»,—то и это предостереженіе не можетъ достигнуть цѣли, такъ какъ соотечественники, отдѣленные огромнымъ разстояніемъ, при всемъ желаніи не были бы въ состояніи помочь дѣлу.

Затѣмъ Павловъ много дѣлаетъ возраженій по поводу обѣщаемой Гоголемъ «Прощальной повѣсти», напр.: «конечно, вамъ не слѣдовало бы упоминать, что вы плакали надъ нею, будучи еще дитятей: назначая ее на великое дѣло поученія людей взрослыхъ, вы даете имъ право требовать, чтобы она была задумана и оплакана въ менѣе нѣжномъ возрастѣ». Въ доводахъ Павлова вообще много справедливаго и остроумнаго, но нѣтъ рѣшительно никакого желанія войти въ мысли и настроеніе автора. Павловъ старается отчасти, какъ это было тотчасъ же замѣчено Бѣлинскимъ, разбить Гоголя его же оружіемъ, но, по нашему мнѣнію, дѣлу сильно вредитъ въ его письмахъ тонъ глумленія, совершенно исключающій возможность сколько-нибудь серьезнаго дѣйствія писемъ на душу Гоголя. Такъ Павловъ заявляетъ по поводу словъ Гоголя: «сердце наше услышитъ хотя отчасти строгую тайну жизни и сокровеннѣйшую небесную музыку этой тайны»,—что пока въ письмахъ «собственно таинственнаго ничего нѣтъ и обѣщанной музыки еще не слышно». Для человѣка, у котораго хотя бы и полныя мистицизма строки вырвались изъ глубины души, такой пріемъ убѣжденія могъ казаться только возмутительнымъ, вслѣдствіе чего пропадали или могли пропасть для него и такіе удачные и вѣскіе доводы, какъ напр.: «Одиссея» чрезъ три тысячи лѣтъ еще жива, благодаря автору, что онъ

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1890, II, стр. 288.

*

вздумалъ написать (sic) ее и не вступалъ въ духовную переписку съ друзьями; «Одиссея» еще заставляетъ насъ высказывать мечтательныя мнѣнія и дѣлать несбыточныя предсказанія, а множество такъ называемыхъ поученій лежитъ въ библіотекахъ неразвернутыми съ справедливо забытыми именами ихъ сочинителей». И здѣсь, къ сожалѣнію, неумѣстная колкость ослабляетъ значеніе довода для того, по чьему адресу онъ былъ направленъ.

Затѣмъ, оставляя въ сторонѣ всѣ подробности писемъ Павлова, изложенныя въ недавней апологіи «Выбранныхъ мѣстъ» П. А. Матвѣева, отмѣтимъ только, что эти письма были доставлены Гоголю Шевыревымъ вмѣстѣ со множествомъ печатныхъ отзывовъ о «Мертвыхъ Душахъ», причемъ второе письмо Павлова сопровождалось слѣдующими собственноручными приписками С. П. Шевырева:

«Вотъ тебѣ и второе письмо Павлова, любезный другъ. Извини, что не пишу къ тебѣ, какъ бы хотѣлъ. Дай срокъ, окончу свой публичный курсъ. Тогда буду свободнѣе. Покамѣстъ посылаю тебѣ все здѣсь о тебѣ напечатанное. Обнимаю тебя. Твой С. Шевыревъ.

Далѣе слѣдуетъ новая приписка.

Апрѣля 16-го 1847 г. Москва.

«У великаго князя наслѣдника родился сынъ Владиміръ и вчера Москва праздновала новорожденнаго.

«Книга твоя—тамъ, что ни пиши,—говорятъ, вся разошлась. Выхлопоталъ ли ты новое изданіе въ томъ видѣ, какъ хотѣлъ?

«Второе письмо Павлова произвело менѣе дѣйствія. Говорятъ, что онъ тебя разбираетъ юридически, какъ стряпчій. Нравится это такъ называемой ультра-западной партіи, которая на тебя сильнѣе всѣхъ разсердилась за книгу» [1]).

Другая статья о «Перепискѣ съ друзьями», сильно нравившаяся Бѣлинскому, принадлежала Эдуарду Губеру и была напечатана въ № 35 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1847 г. (перепечатана въ сочиненіяхъ Губера, Спб., 1860 г., III, стр. 213—220). Приводимъ ее здѣсь вполнѣ: «Литераторъ съ огромнымъ дарованіемъ, съ мѣткимъ, наблюдательнымъ взглядомъ, съ рѣшительнымъ направленіемъ и съ твердыми

---

[1]) Гоголь еще прежде полученія этого письма получалъ подобныя же несправедливыя сообщенія о баснословномъ будто бы успѣхѣ книги. Такъ 6 марта 1847 г. онъ писалъ Жуковскому изъ Неаполя: „въ одну недѣлю исчезнули всѣ экземпляры моей книги, хотя печатано было два завода“ („Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 350). По поводу этихъ словъ г. Кулишъ дѣлаетъ подстрочное примѣчаніе: „Неизвѣстно, кто сообщилъ Гоголю такое извѣстіе. Книга пошла тупо“. Мы видимъ, что такое извѣстіе сообщилъ Гоголю въ апрѣлѣ 1847 г. Шевыревъ, но, очевидно, еще раньше Гоголь получилъ сходныя свѣдѣнія отъ кого-нибудь изъ Россіи.

убѣжденіями шелъ по дорогѣ, на которую ему указывало внутреннее призваніе: знаніе жизни и людей, умѣніе находить смѣшную сторону въ самыхъ мелочныхъ вещахъ, неровный, неправильный, но оригинальный языкъ и рѣзкое, неожиданное остроуміе наложили на всѣ его произведенія особенный, странный, но самостоятельный характеръ. Нѣсколько книгъ, написанныхъ этимъ человѣкомъ, дали ему громкое имя, вѣрныхъ друзей, пламенныхъ поклонниковъ и неумолимыхъ враговъ: его хвалили до нелѣпости, его бранили съ ожесточеніемъ; вся Россія читала его повѣсти; цѣлая школа пошла по его направленію и подражала его пріемамъ: каждое новое произведеніе, неконченный отрывокъ, маленькая повѣсть дѣлались событіемъ въ литературѣ, возбуждали общее вниманіе и порождали споры. Кажется, все, что только можетъ требовать самое взыскательное самолюбіе, было удовлетворено; всѣ почести и волненія, которыя иногда выпадаютъ на долю литератора, были и его удѣломъ. Но вдругъ этотъ человѣкъ издаетъ новую книгу, печатаетъ нѣсколько писемъ и нѣсколько отдѣльныхъ статей, въ которыхъ онъ съ ожесточеніемъ возстаетъ противъ собственнаго направленія, уничтожаетъ свои произведенія и ругается надъ самимъ собой. Въ этой странной, удивительной книгѣ, литераторъ съ огромнымъ и признаннымъ дарованіемъ отрекается отъ самого себя, казнитъ съ непостижимымъ самоотверженіемъ всю свою прежнюю дѣятельность, опровергаетъ и осмѣиваетъ все то, чѣмъ восхищались его поклонники, что съ удовольствіемъ читала вся Россія. Послѣ этого литературнаго ауто-да-фе слѣдуютъ великолѣпныя обѣщанія на будущее время: новыя великія созданія замѣнятъ старыя, ничтожныя произведенія; гордое, зрѣлое, испытанное дарованіе развернется съ новыми силами, поднимется и пойдетъ по новому пути. Россія услышитъ великія слова своего учителя, который, при самомъ непостижимомъ смиреніи, все-таки признаетъ себя орудіемъ судьбы, призваннымъ для исполненія ея таинственныхъ велѣній. Но пока исполнятся всѣ эти великолѣпныя обѣщанія, пока явятся эти новыя безсмертныя созданія, литераторъ, въ задатокъ будущихъ благъ и въ искупленіе грѣховъ своей молодости, издаетъ нѣсколько ничтожныхъ писемъ и нѣсколько странныхъ, замысловатыхъ статей». Гоголь поступилъ весьма невѣжливо съ публикой и критикой, нападая на вкусъ читателей и судъ литераторовъ, но, какъ бы то ни было, приговоръ надъ произведеніемъ принадлежитъ не писателю, а публикѣ. Гоголь отрицаетъ свои прежнія произведенія и объявляетъ, что отнынѣ его сочиненія получаютъ иное направленіе, что вся Россія услышитъ въ нихъ плодотворное слово мудрости; но хотя было много поэтовъ и литераторовъ, которые открыто говорили о своемъ литературномъ значеніи, какъ напр. Державинъ въ «Памятникѣ», подобныхъ высокомѣрныхъ и самонадѣянныхъ заявленій еще никогда не было. Случалось также, что писатель,

постигнутый болѣзнями и у дверей гроба, съ ужасомъ оглядывался на прошедшее и искалъ утѣшенія въ религіи; но тогда уже видно было искреннее смиреніе и не было хвастовства будущими подвигами. Гоголь же бесѣдуетъ съ русской публикой, какъ съ малолѣтними учениками, и оставляетъ имъ свое духовное завѣщаніе; онъ велитъ покупать только тотъ портретъ его, который гравировалъ Іорданъ; онъ проситъ не воздвигать монумента, а лучше во имя его «вырости духомъ»—во всемъ этомъ много самолюбивыхъ странностей. Если Пушкинъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ «Переписки», указалъ ему на характерную особенность его призванія, чтобы въ художественной формѣ изображать пошлость, то теперь, отказываясь отъ своей литературной дѣятельности, Гоголь измѣнилъ своему призванію» [1]).

V.

Въ числѣ рецензій, сочувственныхъ и благопріятныхъ для Гоголя, заслуживаетъ вниманія статья Аполлона Григорьева въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ» подъ заглавіемъ: «Гоголь и его послѣдняя книга»—по тому взгляду, который положенъ въ ея основаніе. Григорьевъ обращаетъ особенное вниманіе на кажущееся ему недоразумѣніе противоположнаго литературнаго лагеря, поспѣшившаго сдѣлать Гоголя своимъ кумиромъ и тотчасъ же разочаровавшагося въ своемъ любимцѣ, лишь только появилась «Переписка съ друзьями» и даже еще раньше, когда была напечатана статья объ «Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ». По мнѣнію критика, безъ сомнѣнія ошибочному, самая непріязненность встрѣчи журналистикой предисловія къ второму тому «Мертвыхъ Душъ» объясняется только послѣднею книгою Гоголя, о которой давно уже ходили темные слухи въ обществѣ» (?) [2]); такъ же странно его предполо-

---

[1]) Въ дополненіе къ обзору отзывовъ либеральной печати о „Перепискѣ съ друзьями", отмѣтимъ, что несочувствіе ея новому направленію Гоголя выразилось еще въ 1846 г. Такъ въ рецензіи „Отеч. Записокъ", по поводу 2-го изданія I т. „Мертвыхъ Душъ", выписываются всѣ строки предисловія, въ которыхъ Гоголь проситъ у своихъ читателей замѣчаній на поэму и по поводу словъ: „всякій человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ что-нибудь такое, чего другіе не знаютъ", сдѣлано такое возраженіе: „несмотря на очевидность этой мысли, мы полагаемъ, что величайшее достоинство втораго изданія „Мертвыхъ Душъ" заключается въ тожествѣ его текста съ текстомъ перваго изданія („Отечественныя Записки" 1846, XII, отд. 6, стр. 57).

[2]) „Московскій Городской Листокъ", 1847, № 56, стр. 225.

женіе, что причиной высокой оцѣнки автора «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» было то, что «умственное отчаяніе заставило уцѣпиться, какъ за доску спасенія, за истину личную или вообще за личность».

Главная мысль всей статьи—та, что въ «Перепискѣ съ друзьями» дѣйствительно болѣзненный моментъ развитія автора, но что будто бы эта болѣзненность «не личная, гоголевская», а общая болѣзнь вѣка. Критикъ приводитъ слѣдующее объясненіе самого Гоголя: «духъ гордости пересталъ уже являться въ разныхъ образахъ и пугать суевѣрныхъ людей: онъ явился въ собственномъ своемъ видѣ. Почуя, что признаютъ его господство, онъ пересталъ уже и чиниться съ людьми. Съ дерзкимъ безстыдствомъ смѣется въ глаза имъ же, его признающимъ; глупѣйшіе законы даетъ міру, какіе доселѣ еще никогда не давались— и міръ это видитъ и не смѣетъ ослушаться! Что̀ значитъ эта мода, ничтожная, незначащая, которую допустилъ вначалѣ человѣкъ, какъ мелочь, какъ невинное дѣло, и которая теперь, какъ полная хозяйка, уже стала распоряжаться въ домахъ нашихъ, выгоняя все, что есть главнѣйшаго и лучшаго въ человѣкѣ? Никто не боится преступать нѣсколько разъ въ день первѣйшіе и священнѣйшіе законы Христа, и между тѣмъ боится не исполнить ея малѣйшаго приказанія, дрожа передъ нею, какъ робкій мальчишка. Что значитъ, что даже и тѣ, которые сами надъ нею смѣются, пляшутъ, какъ легкіе вѣтренники, подъ ея дудку? Что значатъ эти такъ называемыя безчисленныя приличія, которыя стали сильнѣе всякихъ коренныхъ постановленій? Что значатъ эти странныя власти, образовавшіяся мимо законныхъ—постороннія, побочныя вліянія? Что значитъ, что уже правятъ міромъ швеи, портные и ремесленники всякаго рода, а Божіи помазанники остались въ сторонѣ? Люди темные, никому неизвѣстные, не имѣющіе мыслей и чистосердечныхъ убѣжденій, правятъ мнѣніями и мыслями умныхъ людей, и газетный листокъ, признаваемый лживымъ всѣми, становится нечувствительнымъ законодателемъ его неуважающаго человѣка! Что значатъ всѣ незаконные эти законы, которые видимо, въ виду всѣхъ, чертитъ исходящая снизу нечистая сила—и міръ это видитъ весь, и, какъ очарованный не смѣетъ шевельнуться?» [1]).

И проводитъ въ параллель этимъ словамъ сходныя по своей безотрадности размышленія кн. Одоевскаго, съ тѣмъ, впрочемъ, существеннымъ различіемъ, что «о чемъ Одоевскій говоритъ съ полунасмѣшливой улыбкой мистика,— то самое Гоголь высказываетъ со всею энергіею, со всей безпощадною послѣдовательностью стоика [2]). Эта общая болѣзнь — недугъ безволія. «Дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ». Это сказано

---

[1]) „Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 218—219.

[2]) „Москов. Город. Лист.“ 1847 г., № 64, стр. 254

рѣзко, но это—безпощадная правда, и въ этомъ заслуга книги Гоголя. Если у Гоголя встрѣчаются странные совѣты, напр. одной дамѣ раздѣлить всѣ расходы на семь кучекъ, то здѣсь «странна только форма, а самое начало сосредоточенія силъ проведено вполнѣ, даже съ какой-то стоической жестокостью».

Переходя къ разбору отдѣльныхъ писемъ, Аполлонъ Григорьевъ высказываетъ часто и вполнѣ вѣрныя мысли, но онъ обращаетъ вниманіе преимущественно на лучшія стороны статьи и слѣдовательно смотритъ на дѣло съ благопріятной для автора точки зрѣнія. Такъ, по поводу «Одиссеи, переводимой Жуковскимъ», онъ говоритъ, что это письмо «страждетъ одной только излишней вѣрой Гоголя въ силу искусства и воспріемлемость массы». Это было бы почти справедливо, если бы не приходилось прибавить: и недостаточное знакомство съ нѣкоторыми предметами, которыхъ касается Гоголь въ своей статьѣ (напримѣръ о недостаточномъ изученіи Гомера въ Европѣ и проч.). Также защищаетъ критикъ письма по поводу «Мертвыхъ Душъ», замѣчая, что о нихъ «говорено слишкомъ много всѣми, но всѣ, болѣе или менѣе, обращаютъ вниманіе на странности выраженій, на нецеремонность тона Гоголя, когда онъ говоритъ о самомъ себѣ, но, собственно говоря, это — простодушная, безъискусственная, честная исповѣдь человѣка, который дорожитъ своимъ дѣломъ». Аполлонъ Григорьевъ признаетъ и нѣкоторыя излишества въ тонѣ Гоголя, напр.—«припадки односторонняго патріотизма» въ его пятнадцатомъ письмѣ («Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время»), но такихъ излишествъ можно найти гораздо больше, нежели какъ это кажется критику (онъ также опровергаетъ замѣчаніе Гоголя, что будто слово просвѣщеніе ни въ какомъ языкѣ не имѣетъ соотвѣтствующаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ему вполнѣ соотвѣтствуетъ нѣмецкое Aufklärung»).

Во второй статьѣ Аполлонъ Григорьевъ слѣдитъ за всей предшествующей дѣятельностью Гоголя, показывая, какъ постепенно отъ свѣтлаго и безпечнаго настроенія Гоголь переходитъ къ грустному и задумчивому и какъ совершился этотъ переходъ отъ менѣе глубокаго и важнаго къ такому великому произведенію, какъ «Мертвыя Души». написавъ которое, Гоголь, будто бы ошибочно, былъ провозглашенъ главой натуральной школы, и привелъ современемъ къ печальной претензіи Достоевскаго дать гражданство созерцанію личности въ Макарѣ Алексѣевичѣ Дѣвушкинѣ и Варварѣ Алексѣевнѣ въ «Бѣдныхъ Людяхъ»...

VI.

Что касается «Письма къ Гоголю» Сто Одного, то мы при всемъ уваженіи къ почтенному автору не можемъ не признать его незначи-

тельнымъ и досадно-придирчивымъ; страннѣе же всего то, что письмо это написано человѣкомъ, который въ продолженіе всей своей достаточно извѣстной ученой и литературной дѣятельности никогда не заявлялъ себя такимъ непріятнымъ образомъ и вообще не заявлялъ себя съ несимпатичной стороны. Не удивительно, что Гоголь не удостоилъ отвѣта именно такое письмо. Какъ бы ни ошибался онъ, какія бы странныя мысли ни заключались въ его предисловіи ко второму изданію «Мертвыхъ Душъ», но его обращеніе къ публикѣ съ просьбой о замѣчаніяхъ и поправкахъ выходило прямо изъ души и ни въ какомъ случаѣ не заслуживало глумленія. Тонъ и характеръ обращенія А. Д. Галахова къ Гоголю въ этомъ письмѣ могутъ быть объяснены и оправданы только недовѣріемъ къ искренности Гоголя, въ данномъ случаѣ теперь совершенно доказанной. Прежде всего бросается въ глаза слѣдующее предупрежденіе: «Я заранѣе долженъ объявить вамъ, что замѣчанія мои должны принести только мнѣ пользу, не принеся вамъ ни малѣйшей» [1]).

Авторъ письма проситъ быть къ нему снисходительнымъ и не оставить его безъ отвѣта; а между тѣмъ какое же онъ имѣлъ право ожидать послѣдняго, когда сдѣланная имъ постановка вопроса безусловно несогласна съ смысломъ предисловія къ «Перепискѣ съ друзьями», которое имѣло цѣлью вызвать искренній и задушевный отвѣтъ, а вовсе не предполагало язвительнаго словопренія. Къ чему нужны были затѣмъ эти колкости, которыми нашпиговано все письмо, не имѣвшее, конечно, ни малѣйшихъ шансовъ на отвѣтъ и потому въ сущности совершенно безцѣльное. А. Д. Галаховъ нѣсколько разъ позволяетъ себѣ въ письмѣ такія выраженія, какъ напр., что его замѣчанія не должны быть тайной, такъ какъ «и безъ этого много тайнъ на землѣ и на небѣ—отъ судьбы человѣка до нѣкоторыхъ предисловій» или «будьте ко мнѣ снисходительны: разоблачите передо мною мистеріи предисловія, объясните то, что обыкновенному уму непонятно». Выписавъ извѣстныя строки предисловія, заключающія въ себѣ просьбу исправлять невольные промахи автора, Сто Одинъ фамильярно восклицаетъ: «Похвальное признаніе, рѣдкое въ лѣтописяхъ нашей литературы!» и затѣмъ безбожно придирается: «но меня интересуетъ не признаніе, а непонятное въ этомъ признаніи. Если вы сами утверждаете, что многое изображено въ вашей книгѣ не такъ, какъ есть: слѣдовательно, вы знаете, какъ оно есть. Сознавая противорѣчіе между тѣмъ, что вы написали о русской землѣ, и тѣмъ, что, дѣйствительно, въ ней происходитъ, вы, слѣдовательно, сознали, въ чемъ ваша ошибка и какова дѣйствительность; другими сло-

---

[1]) „Отечественныя Записки“, 1847, № 2, отд. V, стр. 77.

вами, вы уже поправили свою ошибку. Что же дѣлать здѣсь другимъ? зачѣмъ поправлять поправленное?». Не говоря о томъ, что здѣсь каждая строка, каждое слово просится на возраженія, вездѣ сквозитъ желаніе обидѣть и дать первостепенному свѣтилу литературы уже совершенно не прошенный урокъ, потому что совсѣмъ не такихъ уроковъ просилъ и ждалъ Гоголь. Къ чему далѣе укоризненное сравненіе ложнаго смиренія Гоголя съ истиннымъ смиреніемъ Сократа? Но совершенно ужъ неумѣстно такое глумленіе: «Я пойду дальше вашего смиренія: «мало жизни человѣка, чтобъ узнать одному и двухсотую часть того, что дѣлается въ нашей землѣ». Остановимся на этой цифрѣ. Двѣсти человѣкъ нужны для того, чтобы узнать всю Русь! Отъ двухсотъ человѣкъ надобно вамъ получить письма. Съ ужасомъ представляю себѣ ваше положеніе, когда вы принуждены будете читать столько мнѣній, сколько головъ трудилось надъ ними. Вы на опытѣ узнаете сущность вавилонскаго столпотворенія!» и проч.

Вообще. чѣмъ дальше читаешь письмо, тѣмъ грустнѣе становится за то, что оно писано такой почтенной личностью, какъ покойный А. Д. Галаховъ, и невольно вспоминаются слова Гоголя: «какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ такомъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ» [1]). И еще ужаснѣе, что въ данномъ случаѣ нужно даже отбросить послѣднюю оговорку въ виду несомнѣнныхъ и всѣми признанныхъ качествъ благородства и честности у автора разбираемаго письма. Вѣдь безпримѣрная суровость къ Гоголю Бѣлинскаго искупается не только святостью убѣжденія, но и тѣмъ горячимъ увлеченіемъ, которое съ другой стороны больше всего способно было вдохнуть чудную неувядаемую жизнь въ каждую строку геніальнаго критика!

Конечно, главной причиной того тона и характера письма, о которомъ мы говоримъ, было недовольство Галахова Гоголемъ за предполагаемую въ немъ измѣну прежнему направленію и отреченіе отъ своего литературнаго прошлаго; но есть разница между горячимъ негодованіемъ и холодной, оскорбительной придирчивостью. Правда, въ самомъ концѣ письмо Галахова касается весьма существеннаго и важнаго именно для Гоголя вопроса, объясняя, что слѣдуетъ всего болѣе бояться на свѣтѣ увлеченія гипотезами и неосновательными доктринами; это дѣйствительно доброе слово совершенно теряется среди такихъ выходокъ, какъ напр.: «Вы ничему почти не учились: я вдвойнѣ ничему не учился. Я меньше, чѣмъ дикарь: я кандидатъ въ дикари. Я даже не

---

[1]) „Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 88

ребенокъ, а только претендую на ребенка. Не смѣю думать, чтобы я не родился» [1]) и проч. Единственнымъ дѣльнымъ замѣчаніемъ въ письмѣ мы считаемъ слѣдующее: «Припомните разнохарактерныя сужденія по случаю перваго представленія «Ревизора», подслушанныя вами при разъѣздѣ театральномъ; что вы поняли въ этой сумятицѣ одобреній и порицаній? что вы изъ нея вынесли—ничего, кромѣ критической статьи, въ которой судящіе были осмѣяны, и вѣдь ихъ было очень немного, несравненно меньше двухъ сотенъ, нужныхъ для совершеннаго познанія Россіи» [2]). Но и здѣсь есть портящая дѣло безцѣльная колкость въ язвительномъ упоминаніи о двухъ сотняхъ и ошибочное мнѣніе, что сужденія, воспроизведенныя въ «Театральномъ Разъѣздѣ», были въ самомъ дѣлѣ подслушанныя, а не извлеченныя изъ журнальныхъ критикъ.

Совершенно иное впечатлѣніе производитъ на читателя горькое раздумье Бѣлинскаго по поводу предисловія ко второму тому «Мертвыхъ Душъ» въ его замѣткѣ о второмъ изданіи поэмы: критикъ глубоко скорбитъ, находя въ немъ оправданіе своему опасенію за талантъ Гоголя, и его шутки проникнуты грустной ироніей: искреннее сожалѣніе обнаруживается также въ его сѣтованіяхъ на парадоксы статьи «Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ», подавшей поводъ къ грубымъ насмѣшкамъ со стороны одного бездарнаго писателя (барона Розена) [3]).

VII.

Самой курьезной статьей, вызванной «Перепиской съ друзьями», была статья барона Розена «Ссылка на мертвыхъ» [4]), авторъ которой нѣкогда былъ лично знакомъ съ Пушкинымъ и выражалъ удивленіе по поводу частыхъ ссылокъ на него въ книгѣ Гоголя: такія посмертныя ссылки представляются ему сомнительными и недостовѣрными. «Въ иныхъ мѣстахъ»—говоритъ баронъ Розенъ—«такъ и кажется, что мертвый Леонидъ сбрасываетъ съ себя вретища пѣвца «Мертвыхъ Душъ», осыпаннаго пепломъ. Въ другихъ же мѣстахъ фригіецъ говоритъ на могилѣ Аякса: «Меня не выразумѣлъ никто кромѣ Аякса, который нарекъ меня единственнымъ пѣвцомъ русскихъ пошлостей—и онъ правъ: я дѣйствительно Гомеръ Терситовъ!»—И мертвый Аяксъ вскакиваетъ отъ ужаса, что подобное прозвище можно считать за по-

---

[1]) „Отеч. Записки“, 1847, II, стр. 82.
[2]) Тамъ же, стр. 78—79.
[3]) „Соч. Бѣлинскаго“, т. XI, стр. 73.
[4]) „Сынъ Отечества“, 1847, № 6

четный титулъ» [1]). По словамъ барона Розена, послѣдній часто бесѣдовалъ съ Пушкинымъ о Гоголѣ и въ словахъ, приводимыхъ о Пушкинѣ въ «Перепискѣ», совершенно не узнаетъ его сужденій. Чтобы доказать и разъяснить свою мысль, авторъ статейки разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ, которое состоялось въ 1829 г. благодаря посредничеству Шевырева, а затѣмъ сближеніе между ними основывалось на благосклонномъ отношеніи Пушкина къ критическому таланту барона. Пушкинъ высоко цѣнилъ его отзывъ о «Борисѣ Годуновѣ», остался однажды чрезвычайно доволенъ его поправкой въ третьемъ стихѣ его извѣстнаго четверостишія «Загадка», относящагося къ барону Дельвигу вмѣсто: «Кто, славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ германецъ»—«Кто, славянинъ молодой, духомъ грекъ, родомъ германецъ», напечатаннаго въ Альманахѣ барона Розена «Царское Село», и вообще любилъ бесѣдовать съ нимъ о литературѣ, цѣня его будто бы вѣрныя замѣчанія, причемъ часто высказывалъ и самъ много остроумнаго и замѣчательнаго. Когда на вечерахъ у Жуковскаго Гоголь нерѣдко читалъ «Ревизора» въ присутствіи признанныхъ литераторовъ и избранной публики и всѣ слушали съ восхищеніемъ, одинъ только баронъ не находилъ въ пьесѣ никакихъ достоинствъ и слушалъ дотого невнимательно, что это не укрылось отъ тонкаго, проницательнаго взгляда автора. Это обстоятельство, обратившее на себя вниманіе Гоголя, сдѣлалось извѣстно и Пушкину, который и спросилъ у Розена наединѣ о причинѣ такой странной холодности къ пьесѣ. Узнавъ мнѣніе барона, которое онъ выслушалъ внимательно, Пушкинъ ничего не возразилъ ему и только при прощаньи, по словамъ Розена, «обратился съ неожиданной, но меня уже нисколько ни поразившей просьбой» [2]). Когда Пушкинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ «Носъ» Гоголя съ извѣстной оговоркой, то, по мнѣнію барона, будто бы «самая форма рекомендаціи была проникнута какимъ-то мефистофельски сатирическимъ духомъ, а на вопросъ барона объ этой оговоркѣ Пушкинъ будто бы отвѣтилъ, что ея требовала странность фарса, и увѣрялъ, что онъ отъ души смѣялся при чтеніи «Носа».

«Стало быть, достовѣрно, что этотъ «Носъ» смѣшилъ Пушкина», говоритъ Розенъ: «но какимъ чудомъ»—продолжаетъ онъ—«отвратительная безсмыслица могла смѣшить Пушкина?» [3]). Затѣмъ Пушкинъ будто бы говаривалъ: «le public a du bon sens!» и однажды промолвилъ «mais en fait de goût assez souvent—ни гу-гу»; правда, у самого пересказчика не достало духу сказать, будто эти слова были сказаны именно

---

[1]) Тамъ же, стр. 6.

[2]) Тамъ же, стр. 25.

[3]) Стр. 27.

по поводу «Носа», но онъ весьма прозрачно намекаетъ на то, что Пушкинъ могъ то же думать и объ этой повѣсти. Вообще, по мнѣнію барона, Пушкинъ «относительно произведеній Гоголя мистифицировалъ публику и своихъ друзей, да и самого себя желалъ бы обмануть, если бы это было возможно при чистотѣ его вкуса, при неподкупности его критическаго чувства» [1]). Въ виду всего этого, авторъ статьи и полагаетъ, что Пушкинъ не безъ задней мысли произвелъ Гоголя въ «пѣвцы пошлости». «Есть чѣмъ хвалиться! Кому охота развѣдывать пошлость пошлаго человѣка», продолжаетъ подсмѣивать Розенъ.

Кстати позволимъ себѣ передать разсказъ Розена о встрѣчѣ съ Гоголемъ за-границей, именно въ Римѣ, о чемъ онъ сообщаетъ въ той же статьѣ «Ссылка на мертвыхъ». Баронъ Розенъ утверждаетъ, что встрѣча была случайная и что онъ не искалъ ея, будучи увѣренъ, что Гоголю были переданы его рѣзкія сужденія о «Ревизорѣ»; но когда они увидѣлись, то Гоголь, къ великому его удовольствію, ни однимъ словомъ не обмолвился о своей комедіи, а «далъ бесѣдѣ такую геніальную форму и такое глубокое содержаніе, изъ которыхъ посторонній наблюдатель могъ бы вывести заключеніе, что, послѣ Пушкина, изъ писателей новаго поколѣнія, осталось въ Россіи только двое выспренныхъ геніевъ, по своему объему едва-ли могущихъ помѣститься въ обширной Россіи—Гоголь и я», но--продолжаетъ баронъ Розенъ—«природа дала мнѣ здравый, трезвый умъ (?!), который никогда не философствовалъ о моихъ достоинствахъ и умственныхъ способностяхъ, а скорѣе видѣлъ всегда то, чего мнѣ еще недостаетъ и что́ мнѣ надо пріобрѣсть» [2]). Когда появилась потомъ критическая статья барона Розена на письмо Гоголя объ «Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ», то, по словамъ его, его всюду и вездѣ благодарили, такъ что онъ даже удивился, что «въ публикѣ было столько безгласно недовольныхъ Гоголемъ» [3]). Курьезно, что въ одномъ мѣстѣ своей статьи баронъ Розенъ неловко показываетъ свои карты, выражая досаду на Гоголя за то, что онъ не говоритъ о немъ въ статьѣ о лирическихъ поэтахъ, какъ равно о Бенедиктовѣ и Подолинскомъ, тогда какъ напротивъ Пушкинъ имѣлъ высокое мнѣніе объ его талантѣ. Пушкинъ въ самомъ дѣлѣ однажды, въ «Отрывкахъ дневника», сказавши о томъ, что ни Кукольникъ, ни Хомяковъ не напишутъ хорошей трагедіи, прибавляетъ: «баронъ Розенъ имѣетъ больше таланта» [4]).

---

[1]) Стр. 28.

[2]) „Сынъ Отечества“, 1847, № 6, стр. 31.

[3]) Тамъ же, стр. 9.

[4]) „Соч. Пушк.“, изд. литературнаго фонда, т. V, стр. 204. О томъ же баронѣ Розенѣ, какъ о драматургѣ, см. нелестный отзывъ Ѳ. В. Булгарина въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“, 1840, I, „Панорамическій взглядъ на современное состояніе театра въ С.-Петербургѣ“, стр. 20.

Возражая на эту статью, «Отечественныя Записки» ядовито и мѣтко насмѣхаются надъ необыкновеннымъ самомнѣніемъ барона Розена, такъ дерзко хвастающагося своей небывалой или во всякомъ случаѣ безбожно преувеличенной «дружбой» съ Пушкинымъ и комически восклицающаго: «гомерическій Гоголь, мой римскій меценатъ, – обо мнѣ промолчалъ! [1]) «Отечественныя Записки», впрочемъ, впадаютъ въ другую крайность, когда, возражая Розену, что будто ничего не стоитъ изображать пошлость пошлаго человѣка, утверждаютъ напротивъ, что для этого Гоголю необходимо было умѣть «ясно понимать жизнь, зоркимъ глазомъ проникать въ малѣйшіе ея изгибы, видѣть отчетливо каждое ея проявленіе и хорошо знать внутреннюю связь этихъ проявленій» [2]). Истина по серединѣ: Гоголь, конечно, не могъ писать безсознательно и наоборотъ, но и «Отеч. Записки» вмѣстѣ съ другими представителями тогдашней натуральной школы впали въ невольное преувеличеніе, признавая въ немъ вполнѣ сознательное творчество и «умѣнье понимать и выставлять жизнь, какъ она есть», и это тѣмъ болѣе странно, что тутъ же рядомъ «Отеч. Записки» высказываютъ убѣжденіе въ томъ, что «если Пушкинъ замѣтилъ въ Гоголѣ только талантъ выставлять ярко пошлость жизни, то это потому, что онъ, Пушкинъ, еще не успѣлъ совершенно избавиться отъ тяготѣвшаго надъ его временемъ романтизма и вполнѣ сознавалъ принципъ естественности или, если угодно, натуральности въ литературѣ» [3]).

Нестерпимое самомнѣніе барона Розена и его буржуазное, тупое самодовольство не напрасно были осмѣяны «Отеч. Записками»: эти качества такъ и бьютъ ключемъ, такъ и обдаютъ противно-удушливой волной, какъ только онъ берется за перо, для придирчиваго глумленія надъ другими и безстыднаго прославленія самого себя. Такъ, по поводу направленной противъ него статьи Шевырева въ 4 № «Москвитянина» за 1848 годъ (отд. критики, стр. 110), баронъ Розенъ отклоняетъ защиту послѣднимъ Гоголя, основанную на искаженіи одного мѣста въ статьѣ «Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ», которая послужила предметомъ спора, на томъ основаніи, что въ № «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ была напечатана статья, пропущено слово глубже въ выраженіи Гоголя: «нужно было наконецъ сдѣлаться глубже хри-

[1]) „Отеч. Записки", 1847 г., LIII, отд. 8, стр. 66.

[2]) Тамъ же, стр. 66.

[3]) Въ „Библіографіи литературы о Гоголѣ", напечатанной С. И. Пономаревымъ, въ № VII „Извѣстій Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ", вкралась небольшая неточность: указывая въ числѣ другихъ эту статью „Отеч. Записокъ", С. И. Пономаревъ ошибочно называетъ ее: „Новое возраженіе Гоголю", тогда какъ статья представляетъ возраженіе не Гоголю, а барону Розену.

стіаниномъ, дабы пріобрѣсть тотъ презирающій, углубленный взглядъ на жизнь, котораго никто не можетъ имѣть кромѣ христіанина [1]). Слово это глубже было, однако, на своемъ мѣстѣ, въ той же статьѣ, перепечатанной въ «Современникѣ». Остальное содержаніе статьи касается или столь же неважныхъ препирательствъ, которыя воспроизводить здѣсь было бы неумѣстно, или прямо вопросовъ, не имѣющихъ отношенія къ Гоголю. Похвальбы же барона Розена таковы: «вы взвели грѣшную небылицу на человѣка, жизнь котораго—чиста [2]), такъ чиста, что никто къ ней не придерется».

Особенно характерны слѣдующія слова барона Розена: «Несогласно съ моими правилами искажать приводимые мною тексты; а въ этомъ случаѣ я подавно не пропустилъ бы драгоцѣннаго слова: глубже! Я ухватился за него, какъ за находку, потому что это слово подало бы еще большій поводъ къ насмѣшкѣ надъ Одиссеевской поэмой Гоголя».

VIII.

Гораздо болѣе содержательна и любопытна критическая статья кн. Вяземскаго въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», озаглавленная: «Языковъ и Гоголь». Она отличается обычными литературными достоинствами автора и привлекаетъ своей искренностью; но далеко не свободна отъ ошибокъ. Больше десяти лѣтъ передъ тѣмъ, какъ извѣстно, изъ-подъ пера того же автора вышла одна изъ лучшихъ критическихъ статей о «Ревизорѣ», но время шло и обстоятельства измѣнялись, и это невольно оставило свой отпечатокъ на нынѣшней статьѣ Вяземскаго. Прежде критикъ защищалъ Гоголя отъ нелѣпыхъ придирокъ «Библіотеки для Чтенія» и «Сѣверной Пчелы»—и онъ былъ не только остроуменъ и краснорѣчивъ, но и во всемъ безусловно правъ. Теперь же для Вяземскаго вопросъ о Гоголѣ и его «Перепискѣ» тѣсно связанъ прежде всего съ вопросомъ о порожденной послѣднимъ натуральной школѣ и съ «непризванными и непризнанными» его журнальными поклонниками. Извѣстно, что, несмотря на то, что Вяземскій былъ, несомнѣнно, личность весьма живая и умная, онъ рано остановился въ своемъ движеніи впередъ и какъ бы застылъ на всегда на дорогихъ для него воспоминаніяхъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Критическая дѣятельность Бѣлинскаго была ему уже непонятна и противна. Съ Гоголемъ же князь

---

[1]) „Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV.

[2]) Курсивъ подлинника.

Вяземскій былъ хорошъ и близокъ въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, но, простившись съ нимъ въ 1836 году, онъ не велъ съ своимъ прежнимъ знакомымъ никакой переписки, и мы даже не знаемъ, встрѣчались ли они хотя не надолго, во время неоднократныхъ проѣздовъ Гоголя черезъ Петербургъ. Какъ складывалось потомъ міросозерцаніе Гоголя и какія въ немъ произошли перемѣны, и отчего—все это оставалось для Вяземскаго совершенною тайною. Между тѣмъ все это получаетъ въ данномъ случаѣ важное значеніе, потому что критикъ говоритъ не только о самой книгѣ и не ограничивается ея разборомъ, но судитъ также и о внутреннемъ переломѣ въ Гоголѣ, о его отношеніи къ возникшей натуральной школѣ и проч. «Переломъ былъ нуженъ»—говоритъ Вяземскій,—«но, можетъ быть, не такой внезапный, крутой». Уже въ этихъ словахъ сказался человѣкъ, слишкомъ отдалившійся отъ Гоголя и вмѣстѣ съ другими поддерживавшій въ литературѣ ложное представленіе о ходѣ личнаго развитія нашего писателя. Гораздо ближе зналъ положеніе дѣла Шевыревъ, справедливо говорившій, что «мысли и начала, которыя Гоголь развиваетъ въ своей книгѣ, конечно, явились въ немъ не со вчерашняго дня, начались съ его болѣзни, а безсознательно всегда накоплялись въ его душѣ и служили тайнымъ источникомъ для его вдохновеній. Теперь только сильнѣе поднялись они со дна души его, сильнѣе имъ восчувствованы и сознаны» и проч. [1]).

Ошибался также Вяземскій, когда, возмущаясь послѣдователями Гоголя, говорилъ, что «отдѣльный голосъ Гоголя имѣлъ прекрасное и полезное значеніе, но на бѣду сто голосовъ подтянули ему, и все дѣло испортили» [2]). Въ нѣкоторыхъ журналахъ имя Гоголя сдѣлалось альфой и омегой всякаго литературнаго разсужденія. «Въ духовной нищетѣ своей, многіе непризванные писатели кормились этимъ именемъ, какъ единымъ насущнымъ хлѣбомъ своимъ». Но что же дурнаго въ томъ, что «имя Гоголя сдѣлалось альфой и омегой всякаго литературнаго разсужденія»: развѣ это не естественно и не законно? Вообще во всемъ началѣ статьи о Гоголѣ мы встрѣчаемъ у Вяземскаго больше всего нападки по адресу Бѣлинскаго и его послѣдователей, причемъ авторъ упустилъ изъ виду, что едва-ли было послѣдовательно съ его стороны радоваться тому, что Гоголь торжественно разорвалъ съ частью своего прошлаго» [3]), тогда какъ даже нельзя сказать, чтобы это прошлое не нравилось теперь критику, но онъ поддался искушенію излить свое раздраженіе противъ ненравившейся ему литературной партіи, и, замѣчая самъ нѣкоторую неловкость своихъ словъ, тутъ же дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «то-есть не столько своего собственнаго прошедшаго, сколько

---

[1]) „Москвитянинъ“, 1848, т. I, стр. 10.
[2]) „Соч. Вяземскаго“, т. II, стр. 313
[3]) Тамъ же, стр. 319.

того, которое ему придали съ одной стороны безусловные и чрезмѣрные поклонники, а съ другой—многочисленные и неудачные подражатели» [1]). Но вѣдь здѣсь не было же заговора, и, слѣдовательно, существовала какая-то тѣсная внутренняя связь между писательскою дѣятельностью Гоголя и тѣмъ, что она породила и произвела въ литературѣ. «Я былъ всегда того мнѣнія»—продолжаетъ Вяземскій,—«что Гоголь самъ по себѣ и самъ за себя дарованіе необыкновенное, что онъ занимаетъ свѣтлое и высокое мѣсто въ литературѣ нашей; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ родоначальникъ школы, во что̀ хотѣли возвести его, онъ былъ не только не у мѣста, но даже вреденъ»; говорить объ этомъ мнѣніи нѣтъ нужды, такъ какъ теперь никто, конечно, не рѣшился бы вычеркнуть изъ исторіи нашей литературы созданную Гоголемъ натуральную школу.

Произвольно и по-своему толкуетъ Вяземскій и охлажденіе Гоголя къ его прежнимъ созданіямъ: тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно происходило отъ новыхъ плановъ и надеждъ, князь Вяземскій, вспомнивъ свой конекъ, восклицалъ: «Я очень понимаю, что наконецъ Гоголю должны были опротивѣть и самое имя его, и творенія, имъ написанныя» [2]). У Вяземскаго не выходитъ изъ головы, что Гоголя «хотѣли поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить въ немъ какое-то черное литературное знамя» [3]), и онъ слишкомъ смѣло объясняетъ появленіе «Переписки» тѣмъ побужденіемъ, что, когда «идолопоклонство, котораго онъ сдѣлался цѣлью, показалось ему смѣшно, то съ благородной рѣшимостью и откровенностью онъ тутъ же круто своротилъ съ торжественнаго пути своего и спиною обратился къ своимъ поклонникамъ» [4]). Но факты біографіи этого вовсе не подтверждаютъ, и ни изъ чего не видно, чтобы Гоголь когда-либо тяготился расточаемыми ему похвалами. Напротивъ, въ своемъ письмѣ къ Вяземскому Гоголь упрекнулъ его именно за то, что онъ «выразился сурово о нѣкоторыхъ нападателяхъ, особенно о тѣхъ, которые прежде его выхваляли» (см. «Русскій Архивъ», 1866). Г-нъ Барсуковъ, расхваливая книгу Гоголя, довольно послѣдователенъ, осуждая приведенныя строки письма Гоголя къ Вяземскому (Біогр. Погодина, VIII, 588).

Между тѣмъ всѣми указанными выше соображеніями опредѣляется отношеніе князя Вяземскаго къ книгѣ Гоголя: ему досадно на «шарлатановъ», которымъ Гоголь попалъ въ руки, потому что имъ нужны «блестящіе ярлыки» и онъ больше всего радъ, что новая книга своимъ содержаніемъ и тономъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ господствующимъ теченіемъ литературы.

---

1) Тамъ же, стр. 313.
2) Тамъ же, стр. 314.
3) Стр. 315.
4) Тамъ же.

Мы сказали, что кн. Вяземскій недостаточно былъ знакомъ съ предшествовавшимъ появленію «Переписки» настроеніемъ Гоголя [1]); но несомнѣнно, что если онъ такимъ образомъ выходилъ въ своей критикѣ совершенно изъ произвольныхъ соображеній и смотрѣлъ на дѣло съ иной точки зрѣнія, то съ другой стороны многія изъ его словъ пришлись потомъ Гоголю по душѣ и даже имѣли значительное вліяніе на позднѣйшій складъ его мыслей. Такъ именно глубоко запали Гоголю въ душу слова Вяземскаго о томъ, что «самая истина, если хочетъ доходить до насъ, должна подчинять себя нѣкоторымъ условіямъ, соразмѣрять дѣйствіе свое съ ограниченностью нашей воспріимчивости, щадить наше упрямство, наши слабости и дурныя привычки» и что «въ картинахъ есть тайны оптики, перспективы; соблюденіе этихъ тайнъ приводитъ въ стройность предметы и оттѣнки ихъ, уравновѣшиваетъ впечатлѣнія, тогда какъ въ твореніяхъ Гоголя, какъ, впрочемъ, ни сильно и ни глубоко въ немъ художественное начало, вообще замѣтенъ недостатокъ въ хозяйственной распорядительности, въ размѣщеніи, въ домостроительствѣ книжнаго зданія. Не лукавствуя передъ собою, прямо и смѣло вглядываясь въ душу свою и въ душу ближняго, онъ не довольно лукавствуетъ передъ зрителемъ, т. е. передъ читателемъ» [2]). Вотъ это-то убѣждеиіе и стало теперь какъ бы програмой мнѣній Гоголя, ни за что не желавшаго разстаться съ завѣтными убѣжденіями, съ которыми онъ сжился, безъ которыхъ уже не могъ себя представить; теперь въ словахъ Вяземскаго онъ услышалъ отвѣтъ на затаенныя и, можетъ быть, не совсѣмъ выяснившіяся для него самого мысли, а одно выраженіе Вяземскаго: «Странно присвоить себѣ право дѣлать надъ живымъ тѣломъ анатомическіе опыты» [3]) въ весьма близкой варіаціи было воспроизведено въ первыхъ строкахъ «Авторской Исповѣди».

Переходя къ самому разбору книги, кн. Вяземскій совершенно справедливо защищаетъ ея искренность и высоту нравственныхъ побужденій автора. Въ наши дни тѣ же мысли вновь развивалъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» [4]) г. Волынскій; но, во-первыхъ, дѣло далеко не состоитъ въ одномъ вопросѣ о чистотѣ намѣреній Гоголя, которая дѣйствительно не

---

[1]) Кн. Вяземскій по слухамъ также зналъ заранѣе о какихъ-то происходящихъ въ Гоголѣ перемѣнахъ, но слишкомъ недостаточно и не изъ первыхъ источниковъ. Онъ говорилъ: „Уже за нѣсколько лѣтъ началось въ немъ духовное преображеніе. Объ этомъ знали только нѣкоторые пріятели, повѣренные его сердечныхъ исповѣдей. Для нихъ и появленіе книги Гоголя совершеніе ожиданнаго событія“. (т. II, стр. 320).

[2]) „Соч. Вяземскаго“, т. II, стр. 318.

[3]) „Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 241.

[4]) „Сѣверный Вѣстникъ“, 1893, т. I.

подлежитъ сомнѣнію, а во-вторыхъ, кн. Вяземскій и тутъ постоянно сбивается съ настоящей дороги, признавая Гоголя правымъ въ томъ, что онъ, повинуясь свойствамъ своего таланта, рисовалъ пошлыхъ людей, но въ то же время прибавлялъ, что дурно дѣлали послѣдователи и подражатели Гоголя, что пошли по той же дорогѣ. Это движеніе князю-критику хотѣлось бы во что бы то ни стало остановить, и онъ спѣшитъ увѣрить, что послѣ Гоголя «не осталось ни одного живаго зерна» на этомъ полѣ, но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ такъ негодуетъ, чего боится, о чемъ безпокоится? Между тѣмъ кн. Вяземскій единственный грѣхъ Гоголя видитъ вѣдь въ томъ, что «онъ первый «Мертвыми Душами» далъ осѣдлость у насъ литературѣ укорительной, желчной и, между тѣмъ, мелко-придирчивой» [1]). Весьма характерно здѣсь, что кн. Вяземскій косился на «Мертвыя Души» и воскурялъ еиміамъ «Перепискѣ»! Вообще же кн. Вяземскій, а за нимъ и г. Волынскій говорятъ очень много справедливаго въ оправданіе Гоголя съ нравственной стороны, но оба они забываютъ, что это совсѣмъ не возраженіе противной сторонѣ. Такъ, кн. Вяземскій соглашается, что Гоголь сказалъ много лишняго въ статьѣ объ «Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ», что «авторъ слишкомъ далеко заносится въ область благонамѣренныхъ мечтаній, и что тутъ воображеніе критика строитъ воздушные замки и срываетъ золотыя яблоки съ небывалыхъ деревъ». Но вѣдь это-то именно и говорили другіе, и то обстоятельство, что увлеченіе вышло изъ добраго источника, ни на іоту не мѣняетъ сущности дѣла. То же самое можно повторить о сужденіяхъ Вяземскаго въ другихъ случаяхъ: о «Русскомъ помѣщикѣ», «Сельскомъ судѣ и расправѣ», о «Женщинѣ въ свѣтѣ». Такія мнѣнія не нужно опровергать: достаточно только сказать, что не въ этомъ дѣло. А съ этими словами Вяземскаго противной сторонѣ: «Гоголь только тѣмъ передъ вами и виноватъ, что вы не такъ мыслите, какъ онъ», можно даже совершенно согласиться, ибо искренность Гоголя была дѣйствительно заподозрѣна напрасно, но вѣдь и Чернышевскій только немного иначе формулировалъ ту же мысль, что Гоголь «читалъ не тѣ книги, какія нужно».

Прибавимъ, что кн. Вяземскій во всякомъ случаѣ оказался на сторонѣ Гоголя въ значительной степени въ виду полемическихъ соображеній, но онъ самъ говорилъ: «если спросятъ меня: хочу ли, чтобы Гоголь оставилъ навсегда прежніе пути свои и шелъ исключительно по новому, который онъ проложилъ послѣднею книгою своей? скажу, не запинаясь: нѣтъ, я увѣренъ, что между прежнимъ Гоголемъ и нынѣшнимъ можетъ послѣдовать и послѣдуетъ прекрасная сдѣлка, полезная, мировая. Онъ умѣрилъ и умирилъ въ себѣ человѣка; теперь умѣритъ и

[1]) „Соч. Вяземскаго“, т. II, стр. 329.

умирить въ себѣ автора» [1]). Прекрасное желаніе, но, къ сожалѣнію, показывающее, что взаимное пониманіе и сочувствіе Гоголя и кн. Вяземскаго было теперь только мнимое, что Вяземскій не имѣлъ вѣрнаго и яснаго представленія о томъ, что совершалось тогда въ душѣ Гоголя, и что онъ невольно наталкивалъ его своими словами совсѣмъ не на тотъ путь, на какой желалъ натолкнуть. Есть еще и другое доказательство этого: кн. Вяземскій совершенно въ разрѣзъ съ убѣжденіями Гоголя утверждаетъ, «что въ «Мертвыхъ Душахъ» казалось Гоголю очень натурально сложить въ одну часть всю домашнюю черноту человѣка, весь хламъ и нечистоту общества, предоставляя себѣ въ послѣдующихъ частяхъ ввести читателя въ свѣтлые и праздничные покои. Подобное распредѣленіе грѣшитъ и противъ художественности, и противъ нравственной истины» [2]). Здѣсь, защищая Гоголя, кн. Вяземскій нападаетъ именно на самую задушевную его мысль. Оттого и самъ Гоголь остался недоволенъ статьей кн. Вяземскаго [3]).

XI.

Что касается позднѣйшей критики Вяземскаго, то въ ней много справедливаго и особенно любопытно замѣчаніе объ отношеніяхъ къ Гоголю Жуковскаго и Пушкина, которыя здѣсь обрисованы очень вѣрно и замѣчательно согласно съ недавно напечатанными «Записками А. О. Смирновой» [4]); но Вяземскій, говоря, что Гоголь самъ не думалъ стать во главѣ писателей, которые возбуждаютъ соціальные и политическіе вопросы и что его на это положеніе натолкнули, безусловно не правъ: на это положеніе натолкнули его не извнѣ, а именно особенности его таланта и призванія, и вотъ это-то именно и осталось непонятнымъ Вяземскому до конца. Въ виду этого нельзя не признать безусловно справедливой слѣдующую поправку, сдѣланную въ статьѣ его г. Вр. Иск. въ 107 № «Сѣверной Пчелы» за 1847 г.; вотъ что замѣчаетъ этотъ критикъ: «Книга ваша нужна», говоритъ кн. Вяземскій, «потому что Гоголь былъ обязанъ разорвать съ частью того прошедшаго, которое придали ему его поклонники и подражатели. Но Гоголь нигдѣ этого не сдѣлалъ. Онъ просто признаетъ безполезность и плохую отдѣлку прежнихъ сочиненій. Почему онъ пи-

---

[1]) „Соч. Вяземскаго“, т. II, стр. 328.
[2]) Тамъ же, стр. 318.
[3]) Тамъ же, стр. 334.
[4]) См. „Сѣв. Вѣстникъ“, 1893 г.

салъ безполезныя книги? Этого онъ нигдѣ не объясняетъ. Почему плохо отдѣлывалъ ихъ? Въ этомъ винитъ друзей своихъ, но не поклонниковъ и подражателей». «Какая странная мода завелась теперь на Руси! Самъ человѣкъ лежитъ на боку, къ дѣлу настоящему лѣнивъ, а торопитъ... Чуть замѣтятъ, что хоть одинъ человѣкъ занялся серьезно какимъ-нибудь дѣломъ, ужъ его торопятъ со всѣхъ сторонъ. («Переписка», стр. 148 и 149). Кажется, ясно? Хвалители и подражатели Гоголя ни мало не торопили его [1]). Затѣмъ столь же справедливо указывается, что Гоголь приписывалъ совершившiйся въ немъ крутой поворотъ тому, что онъ видѣлъ передъ собою смерть, и поклонники тутъ ни въ чемъ не виноваты [2]).

Но затѣмъ авторъ статьи въ «Сѣверной Пчелѣ» повторяетъ грубыя ошибки своей газеты; такъ, соглашаясь съ кн. Вяземскимъ въ томъ, что будто бы справедливо все сказанное имъ о натуральной школѣ, онъ придаетъ совершенно иной смыслъ извѣстнымъ словамъ Пушкина, что никто не умѣетъ такъ ярко выставлять пошлаго человѣка, какъ Гоголь, придавая этому отзыву искаженный и далеко нелестный для Гоголя смыслъ и настаивая на излюбленномъ газетой сравненіи Гоголя съ Поль-де-Кокомъ. На замѣчаніе кн. Вяземскаго, что Гоголь ничему не научился у своихъ хулителей, г. Вр. Иск., злоупотребляя аскетическимъ смиреніемъ нашего писателя, приводитъ собственныя его слова: «въ критикахъ Булгарина, Сенковскаго и Полеваго есть много справедливаго, начиная даже съ даннаго мнѣ совѣта поучиться прежде русской грамотѣ». Затѣмъ критикъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія объ отдѣльныхъ письмахъ Гоголя, которыя сводятся большею частью къ тому, что многое въ нихъ не ново, а другое не справедливо.

X.

Замѣчательно также письмо къ Вяземскому П. Я. Чаадаева, все по поводу той же статьи: «Языковъ и Гоголь». Письмо это можетъ быть раздѣлено на двѣ части: первая была написана раньше,—а вторая

---

[1]) „Сѣверная Пчела“, 1847, № 107, стр. 427.

[2]) Также, возражая кн. Вяземскому, что о духовномъ преобразованіи Гоголя до выхода его книги знали только немногіе изъ его пріятелей, „Сѣверная Пчела“ возражаетъ: „Нѣтъ, тутъ искажено дѣло: перемѣну въ Гоголѣ знала читающая публика, и появленіе книги никого не удивило. Не знали, какія именно статьи въ ней будутъ, но подозрѣвали уже ихъ духъ, ихъ направленіе. Статья объ „Одиссеѣ“ измѣнила тайнѣ Гоголя и друзей его“ („Сѣверная Пчела“, 1847, № 107, стр. 427.

послѣ прочтенія «Переписки». Сначала Чаадаевъ говоритъ о всеобщемъ бурномъ негодованіи, которое возбудилъ противъ себя своей книгой Гоголь. Все зло приписываетъ необдуманнымъ и неумѣреннымъ похваламъ, сбившимъ писателя съ его настоящей дороги и заставившимъ его вообразить себя чуть не пророкомъ. Вообще въ паденіи Гоголя онъ видитъ слѣдствіе печальной ошибки славянофиловъ: «Какъ вы хотите, чтобы въ наше надменное время, напыщенное народною спѣсью, писатель даровитый, закуренный ладаномъ съ ногъ до головы, не зазнался, чтобы голова у него не закружилась. Это просто не возможно. Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ, роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ, такъ потѣшаемся своимъ настоящимъ, такъ величаемся своимъ будущимъ, что чувство всеобщаго самодовольства невольно переносится къ собственнымъ нашимъ лицамъ. Коли народъ русскій лучше всѣхъ народовъ въ мірѣ, то, само собою разумѣется, что и каждый даровитый русскій человѣкъ лучше всѣхъ даровитыхъ людей прочихъ народовъ» [1]). Нашелся крошечный наставникъ—и вотъ его значеніе раздуто до невѣроятія. Замѣтимъ, что по недоразумѣнію К. Аксаковъ ту же ошибку Гоголя приписывалъ вліянію на него запада, тѣмъ странамъ, въ которыхъ Гоголь прожилъ столько лѣтъ. Та же мысль проводится и въ письмахъ Н. Ф. Павлова, первоначально напечатанныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1847 г.

Такова основная мысль первой половины письма; во второй высказывается напротивъ согласіе съ кн. Вяземскимъ, что переворотъ въ Гоголѣ былъ необходимъ, и выражается чувство искренняго и горькаго сожалѣнія по поводу тѣхъ упрековъ и порицаній, которые со всѣхъ сторонъ сыпались на Гоголя. «Ему какъ будто не хотятъ простить, чтс, веселивши насъ столько времени своей умною шуткой, ему разъ вздумалось поговорить съ нами не смѣясь, что съ нимъ случилось то, что ежедневно случается въ кругу обыкновенной жизни съ людьми, менѣе извѣстными, и онъ осмѣлился намъ про это разсказать по вѣковѣчному обычаю писателей, питающихъ сознаніе своего значенія...» [2]). И далѣе: «Вы одни относитесь съ любовью къ книгѣ и къ автору: спасибо вамъ! День ото дня источникъ любви у насъ болѣе и болѣе изсякаетъ, по крайней мѣрѣ, въ мірѣ печатномъ! И такъ, спасибо вамъ еще разъ! На меня находитъ невыразимая грусть, когда я вижу всю эту злобу, возникшую на любимаго писателя, доставившаго намъ столько слезныхъ радостей, за то только, что пересталъ насъ тѣшить и, съ чувствомъ скорби и убѣжденія, исповѣдуется передъ нами и ста-

---

[1]) „Московскій Благородный Пансіонъ“ Сушкова, 2 отд., прилож., стр. 26.
[2]) Тамъ же, стр. 29.

рается, по силамъ, сказать намъ доброе и поучительное слово» [1]). Здѣсь, очевидно, въ Чаадаевѣ говорило прежде всего чувство хорошаго и благороднаго человѣка, откликнувшагося всей душой на такое же чувство, обнаруженное, по поводу толковъ о «Перепискѣ», другимъ, не менѣе благороднымъ и хорошимъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе это письмо не имѣетъ, по нашему мнѣнію, никакого серьезнаго критическаго значенія.

XI.

Такимъ образомъ почти всѣ не только крупные, но и мелкіе органы періодической печати такъ или иначе успѣли высказаться о «Перепискѣ съ друзьями», а нѣкоторые даже не однажды—и только одинъ «Москвитянинъ», нѣкогда спѣшившій обыкновенно заранѣе объявлять о каждой литературной новинкѣ, только-что вышедшей изъ-подъ пера Гоголя, а часто даже и не приготовленной еще къ печати, занялъ теперь выжидательную позицію и хранилъ упорное молчаніе. Хотя по возобновленіи «Москвитянина» въ 1847 г. начался уже второй періодъ существованія этого журнала, но въ послѣдніе сороковые годы ничего еще почти не измѣнилось въ немъ и изданіемъ по-прежнему продолжали пока завѣдывать Погодинъ и Шевыревъ, какъ извѣстно, принужденные вскорѣ теченіемъ обстоятельствъ передать дѣло «молодой редакціи».

Чѣмъ же объяснить молчаніе людей, считавшихся въ литературѣ наиболѣе близкими къ Гоголю и, безъ сомнѣнія, вдвойнѣ заинтересованныхъ его книгой? Мы знаемъ изъ косвенныхъ источниковъ, какъ напр. изъ сочиненія Аксакова: «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ»,—что въ кругахъ близкихъ къ издателямъ «Москвитянина» книга Гоголя возбудила такое же сильное волненіе, какъ и вообще во всей литературѣ и въ обществѣ, а самъ С. Т. Аксаковъ кипѣлъ бурнымъ негодованіемъ противъ гоголевскаго мистицизма и предчувствовалъ паденіе такъ горячо цѣнимаго могущественнаго таланта; наконецъ онъ именно одинъ изъ первыхъ вывелъ несправедливое заключеніе о томъ, что будто бы Гоголь отрекается отъ искусства и прежней своей литературной дѣятельности [2]). Аксаковъ даже подыскалъ, но неудачно,

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Подробное изложеніе мнѣній о „Перепискѣ“ семейства Аксаковыхъ см. въ книгѣ Н. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. VIII. Мнѣніе Ю. Ѳ. Самарина извѣстно намъ лишь по слѣд. срокамъ письма И. С. Аксакова отцу отъ 1 февр. 1847 г.: „Осторожный Самаринъ, не имѣя еще свѣдѣній, какого мнѣнія о книгѣ Гоголя Александра Осиповна (Смирнова), пишетъ о книгѣ чрезвычайно легко и загадочно, не произнося никакого рѣшительнаго приговора, однакоже видно, что онъ ею недоволенъ“ (И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“, т. I, стр. 417).

причину гибели Гоголя: «О, недобрый былъ тотъ часъ и день»,—говорилъ онъ,—«когда вы вздумали ѣхать въ чужіе края, въ этотъ Римъ, губитель русскихъ умовъ и дарованій» (?). «Дадутъ Богу отвѣтъ эти друзья ваши, слѣпые фанатики и знаменитые Маниловы, которые не только допустили, но и сами помогли вамъ запутаться въ сѣти собственнаго ума вашего, дьявольской гордости, которую вы принимаете за христіанское смиреніе. Горько убѣждаюсь я, что никому не проходитъ безнаказанно бѣгство изъ отечества: ибо продолжительное отсутствіе есть уже бѣгство, измѣна ему» [1]). Въ этихъ строкахъ Аксаковъ очень наивно проговорился, что не онъ и, конечно, не Шевыревъ и вся вообще ихъ клика принадлежали къ числу настоящихъ друзей Гоголя, а кто-то еще, о комъ въ кружкѣ такъ называемыхъ московскихъ «друзей» говорили и вспоминали съ желчью и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ зависти. Кто же были эти другіе друзья, эти Маниловы,—это мы узнаемъ какъ изъ дальнѣйшей переписки самого С. Т. Аксакова съ Гоголемъ, такъ и изъ раздражительныхъ словъ К. С. Аксакова: «знакомство съ Смирновой, воспитанницей вашей, еще болѣе объяснило и васъ, и вашъ взглядъ, и состояніе души вашей, и ученіе ваше ложное, лживое, совершенно противоположное искренности и простотѣ» [2]). Въ серединѣ письма К. С. Аксаковъ повторяетъ мысли: уже годомъ раньше, какъ мы видѣли, высказанныя Гоголю его отцомъ, «Какъ могло случиться, что вы, Николай Васильевичъ, человѣкъ русскій, такъ не понимаете, такъ не предполагаете русскаго народа; что вы, столько искренній въ своихъ произведеніяхъ, стали такъ глубоко не искренни? Отвѣтъ на это простъ. Не вы ли, въ ложномъ мудрованіи, бросили свою землю, бѣжали изъ Россіи и шесть лѣтъ были внѣ ея, не дышали ея святымъ, нравственнымъ воздухомъ? Не вы ли, бѣглецъ родной земли, жили на западѣ и вдыхали въ себя его тлетворныя испаренія? Или вы думаете, что ничего не значитъ для человѣка то окруженіе, въ которомъ онъ находится?.. «Книгу вашу», торжественно провозглашаетъ нашъ энтузіастъ свою анаѳему,—«считаю полнымъ выраженіемъ всего зла, охватившаго васъ на западѣ» (!) Вы имѣли дѣло съ западомъ, съ этимъ воплощеннымъ лгуномъ, и ложь его проникла въ васъ» [3]).

Все это очень комично особенно въ виду совершенной неповинности Гоголя не только въ чрезмѣрномъ зараженіи западомъ, но даже и въ сколько-нибудь достаточномъ усвоеніи западныхъ идей; но для насъ важно собственно потому, что эти и подобныя имъ сужденія и толки

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1890, VIII, 164.
[2]) Тамъ же, стр. 153.
[3]) „Русскій Архивъ“, 1890, I, стр. 135.

не могли быть неизвѣстны издателямъ «Москвитянина», которые хорошо знали, что «въ Москвѣ не было вечерней бесѣды, разумѣется, въ тѣхъ кругахъ, куда проникаетъ мысль и литература, гдѣ бы не толковали о «Перепискѣ», не раздавались бы жаркіе споры, не читались бы изъ нея отрывки» [1]). Равно и въ семействѣ Аксаковыхъ не могли не вѣдать о сужденіяхъ Погодина и Шевырева. Положимъ, что Погодинъ былъ забытъ и оскорбленъ «Перепиской», такъ что Шевыревъ о немъ разсказывалъ С. Т. Аксакову, что онъ даже горько плакалъ [2]); но странно и очень жаль, что о мнѣніяхъ Шевырева нигдѣ не упоминается въ разсказѣ С. Т. Аксакова, а въ перепискѣ Гоголя съ Шевыревымъ, главнымъ образомъ, идетъ рѣчь объ оскорбленіи Погодина и о необходимости передъ нимъ извиниться. Итакъ, повидимому, прямо относящихся къ дѣлу для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса данныхъ немного. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи открываются весьма любопытныя соображенія.

Вѣроятно, читатели согласятся съ нами, что нельзя же считать исключительной причиной молчанія «Москвитянина» о книгѣ Гоголя обиду, причиненную имъ одному изъ издателей. Кажется, необходимо признать также, что многое изъ того, что̀ составило потомъ содержаніе статьи Шевырева, далеко не сразу выяснилось для самого автора, а такъ какъ весь главный матеріалъ для нея могъ возникнуть лишь постепенно и нескоро, какъ это мы сейчасъ увидимъ, то и нельзя сомнѣваться, что критикъ чувствовалъ себя въ данномъ случаѣ просто не готовымъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе всей первой половины 1847 г. Были ли у Шевырева совершенно опредѣленные взгляды на «Переписку» съ самаго начала, какъ напримѣръ у Аксаковыхъ, мы этого ни изъ чего не видимъ, но имѣемъ наоборотъ явныя доказательства противнаго. Не имѣя подъ руками его подлинныхъ писемъ, мы, конечно, много теряемъ; но изъ отвѣтнаго письма Гоголя къ Шевыреву отъ 10 марта 1847 г. получаемъ нѣкоторую возможность дѣлать заключенія и о томъ, что̀ было сказано Гоголю въ предъидущемъ письмѣ Шевыревымъ. Такъ мы узнаемъ, что, во-первыхъ, Шевыревъ сердился на Гоголя за темноту многихъ его словъ и выраженій [3]) и что онъ нашелъ въ «Перепискѣ» слѣды состоянія переходнаго [4]); наконецъ,—что Шевыревъ также принадлежалъ къ числу людей, принявшихъ, по выраженію Гоголя, книгу его себѣ за оплеуху,—потому, конечно, что имъ близка была честь друга. Шевыревъ, какъ видно, также не особенно

---

[1]) „Москвитянинъ“, 1848, № 1, отдѣлъ критики, стр. 1.
[2]) „Русскій Архивъ“, 1890, VIII, стр. 163.
[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 353.
[4]) Т. VI, стр. 351—352.

одобрялъ появленіе книги, такъ что Гоголь долженъ былъ оправдываться: «Повѣрь, что безъ этой книги мнѣ бы не узнать всего того, что̀ мнѣ необходимо знать для того, чтобы мои «Мертвыя Души» вышли то, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть [1]). Слѣдующее письмо къ Шевыреву во многомъ представляетъ только повтореніе прежняго, но любопытно одно замѣчаніе, доказывающее, что Шевыревъ (это видно впрочемъ изъ обоихъ писемъ Гоголя), дѣлая своему другу кое-какіе упреки, въ то же время иногда попадаетъ ему отчасти и въ тонъ («Слова твои о томъ, какъ чорта выставить дуракомъ, совершенно попали въ тактъ съ моими мыслями») [2]). Но особенно важно, что Гоголь назидаетъ здѣсь Шевырева: «Я не могу понять, отчего поселилась эта нелѣпая мысль объ отреченіи моемъ отъ своего таланта и отъ искусства, тогда какъ изъ моей же книги можно бы, кажется, было увидѣть хотя нѣкоторыя страданія, какія я долженъ былъ выносить изъ любви къ искусству, желая себя приневолить и принудить писать и создавать тогда, когда я не въ силахъ былъ,—когда изъ самаго предисловія моего ко второму изданію «Мертвыхъ Душъ» видно, какъ я занятъ одною и тою же мыслью и какъ хочу забрать тѣхъ свѣдѣній, которыя мнѣ нужны для моего труда» [3]). Эти строки вдохновили Шевырева, который, посмѣиваясь надъ недогадливостью «Отеч. Записокъ», теперь развязно заявляетъ: «Первый важный вопросъ при разборѣ «Переписки» касается того: имѣетъ ли она связь со всѣмъ предъидущимъ поприщемъ его (Гоголя), или представляетъ совершенный разрывъ съ нимъ? Не даетъ ли она ключа къ разгадкѣ предшествовавшихъ его произведеній, или, напротивъ, отрицаетъ ихъ вовсе?» А затѣмъ слѣдуетъ развязное объясненіе: «Нѣкоторыя слова самого Гоголя подали поводъ не только недоброжелателямъ, но даже одному достойному приверженцу его таланта и новой книги, увлечься слишкомъ въ пользу послѣдняго мнѣнія. Иные даже сочли Гоголя совершенно погибшимъ для искусства и видятъ въ его книгѣ полное отреченіе отъ него» [4]). Но еще увѣреннѣе говоритъ теперь Шевыревъ на слѣдующей страницѣ: «Что̀ касается до того, что Гоголь будто бы отказывается отъ искусства, то подобная мысль могла возникнуть только у тѣхъ, которые слегка прочли его книгу и не обняли всего ея содержанія» [5]).

Итакъ Шевыревъ именно обнялъ содержаніе книги! Къ сожалѣнію, намъ извѣстно документально, что если онъ и обнялъ содержаніе

[1]) Стр. 353.
[2]) Т. VI, стр. 376.
[3]) Т. VI, стр. 375.
[4]) „Москвитянинъ“, 1848, т. I, стр. 1.
[5]) „Русск. Архивъ“, 1890 г., II, 286.

«Переписки съ друзьями», то, во-первыхъ, не сразу и, что еще важнѣе не самостоятельно, а уже послѣ того, какъ на него оказали замѣтное вліяніе взгляды другихъ лицъ. Такимъ образомъ похвальба Шевырева оказывается крайне комическою. Любопытно, напр., что С. Т. Аксаковъ 16 января 1847 г. писалъ своему сыну Ивану Сергѣевичу: «Мы не можемъ молчать о Гоголѣ, мы должны публично порицать его. Шевыревъ даже хочетъ напечатать безпощадный разборъ его книги». («Русск. Архивъ», 1890, VIII, 163). Между тѣмъ кн. П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: «Наши критики смотрятъ на Гоголя, какъ смотрѣлъ бы баринъ на крѣпостнаго человѣка, который въ домѣ его занималъ мѣсто сказочника и потѣшника и вдругъ сбѣжалъ изъ дома и постригся въ монахи... Сказываютъ, что и вы строго судите новую книгу Гоголя. Я всегда былъ того мнѣнія, что вы, Хомяковъ и другіе слишкомъ преувеличивали достоинство Гоголя (?!!), придавали ему произвольное значеніе, которое было ему не въ мѣру (?!!), и такимъ образомъ производило вредное дѣйствіе и на общее мнѣніе, и на него самого. Равно и теперь полагаю, что вы не правы, если не сочувствуете книгѣ его. Разумѣется, въ ней много странностей, излишествъ, натяжекъ; но все это было и въ прежнихъ твореніяхъ (?!!) его, въ которыхъ вы видѣли преобразованіе, возрожденіе, преображеніе литературы нашей. Въ Гоголѣ много истиннаго, но онъ самъ не истиненъ; много натуры, но онъ самъ болѣзненъ: былъ таковымъ прежде, каковъ нынѣ» («Русск. Арх.», 1884, № 6, стр. 311). Такой отзывъ критика не нуждается въ подробномъ разборѣ: кто же теперь согласится, что въ «Перепискѣ съ друзьями» столько же «странностей, излишествъ и натяжекъ», какъ и въ прежнихъ, т. е. лучшихъ созданіяхъ Гоголя. Но слѣды вліянія словъ Вяземскаго на будущую статью Шевырева не подлежатъ сомнѣнію.

Любопытно, что только послѣ извѣстныхъ намъ писемъ Шевыревъ рѣшился писать критику, и Гоголь даетъ ему дальнѣйшія указанія, между прочимъ, что̀ сказать въ насмѣшку надъ придирчивой и враждебной ему критикой Н. Ф. Павлова. Послѣдній писалъ Гоголю: «Не беру на себя обязанности наставника и просвѣтителя; пишу затѣмъ, чтобы придти опять въ нормальное положеніе, въ какомъ находился я до изданія вашей книги». И вотъ по поводу этихъ словъ Гоголь пишетъ Шевыреву: «Для меня въ этой статьѣ замѣчательно то, что самъ же критикъ говоритъ, что пишетъ письма свои затѣмъ, чтобы привести себя въ то самое чувство, въ какомъ онъ былъ передъ чтеніемъ моей книги, и сознается самъ невинно, что эта книга (въ которой, по его мнѣнію, ничего нѣтъ новаго, а что́ и есть новаго, то ложь) сбила, однакоже, его совершенно съ прежняго его положенія (какъ онъ называетъ) нормальнаго. Хорошо же было это нормальное положеніе! Онъ, разумѣется, еще не видитъ теперь, что этотъ возвратъ уже для него не воз-

моженъ и что даже въ этомъ первомъ своемъ письмѣ онъ сталъ уже лучше того Павлова, какимъ является въ своихъ «Трехъ послѣднихъ повѣстяхъ»: пожалуйста этого явленія не пропусти изъ виду, когда восчувствуешь желаніе сказать также нѣсколько словъ по поводу моей книги» [1]).

Но Шевыревъ этого вопроса не коснулся въ своей критикѣ. За то онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду вполнѣ, конечно, законную просьбу Гоголя: «Когда будешь писать критику, то обрати вниманіе на главные предметы книги, о которыхъ разсужденія только и могутъ доставить пользу обществу» [2]). Прежде всего здѣсь разумѣется, конечно, вопросъ, который Гоголь въ другомъ своемъ письмѣ признаетъ «всеобщимъ» [3]), о томъ, оставилъ ли онъ поприще писателя и измѣнилъ ли направленіе. Этотъ вопросъ и разсматривается прежде всего Шевыревымъ, тогда какъ остальное содержаніе статьи его, кромѣ полемической части, посвящено вопросу о томъ, насколько Гоголь успѣлъ изобразить въ своихъ произведеніяхъ русскаго человѣка и какіе у него идеалы. Шевыревъ доказываетъ,—и на этотъ разъ онъ правъ—что рѣшительно заблуждались нѣкоторые изъ представителей критики, полагавшіе, что Гоголь смотрѣлъ тѣми же глазами на искусство, какъ и они. Въ этомъ авторъ рецензіи видитъ «наказаніе школѣ, которую Гоголь произвелъ самъ, конечно, не воображая, что она родится и выведетъ отъ него свою родословную» [4]). Справедливо также, но только отчасти, и другое замѣчаніе, сдѣланное по тому же поводу, именно, что указанное обстоятельство было причиной того, что «Гоголь поторопился открыть поскорѣе тайну своихъ внутреннихъ убѣжденій въ коренныхъ началахъ жизни русскаго народа, чтобы навсегда разорвать свои связи съ тѣми, которые добровольно навязывали ему себя, вовсе того не понимая» [5]). Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ Шевыревъ высказывается въ томъ же смыслѣ чрезвычайно удачно и вѣрно, но, повидимому, какъ это ни странно, не желая придавать своимъ словамъ того значенія, которое они нечаянно у него получаютъ; такъ, онъ говоритъ: «Новая книга Гоголя разоблачила намъ тайну его убѣжденій, которыя онъ прежде питалъ безсознательно и которыя теперь высказываетъ искренно» [6]).

Изъ другихъ мыслей, высказанныхъ Гоголю Шевыревымъ и повторенныхъ послѣднимъ въ его критикѣ, укажемъ слѣдующую. Въ письмѣ

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 401.
[2]) Тамъ же, стр. 401—402.
[3]) Стр. 411.
[4]) „Москвитянинъ“, 1848, I, стр. 28.
[5]) Тамъ же, стр. 29.
[6]) Тамъ же, стр. 12.

отъ 2 декабря 1847 г. Гоголь говоритъ: «Если нынѣшняя моя книга «Переписка» (по мнѣнію даже неглупыхъ людей и пріятелей моихъ) способна распространить ложь и безнравственность, и имѣетъ свойство увлечь, то самъ посуди, во сколько разъ больше я могу увлечь и распространить ложь, если выступлю на сцену съ моими живыми образами. Тутъ вѣдь я буду посильнѣе, чѣмъ въ «Перепискѣ». Тамъ можно было разбирать меня въ пухъ и Павлову, и барону Розену, а здѣсь врядъ ли и Павловымъ, и всякимъ прочимъ литературнымъ рыцарямъ и наѣздникамъ будетъ подъ силу со мной потягаться»[1]. И такъ теперь Гоголь главную ошибку свою видѣлъ въ томъ, что онъ для проведенія въ общество своихъ мыслей не воспользовался столь привычной и послушной ему формой литературнаго изложенія. Это же передаетъ и Шевыревъ: «Великій недостатокъ въ томъ, что все это» (т. е. существенное содержаніе «Переписки») выразилось не въ художественной формѣ, а въ видѣ поучительныхъ писемъ и размышленій: должно предположить, что сила творческая стала втупикъ передъ величіемъ задачи, или лучше, задача искусства столкнулась съ задачей дѣйствительной жизни, передъ которой первая должна была поникнуть. Вотъ почему вѣроятно, и второй томъ «Мертвыхъ Душъ» полетѣлъ въ огонь»[2].

Важнѣйшую часть статьи, какъ мы упоминали, составляютъ доказательства Шевырева, что Гоголь посвятилъ свое творчество преимущественно выясненію высокаго назначенія русскаго народа. Развивая эту мысль, критикъ утверждаетъ, что такова же была цѣль его прежде, но что этого не поняли его поклонники. Въ виду того, что къ послѣднимъ принадлежали преимущественно западники, Шевыревъ старается поставить на видъ, что Гоголь потому именно и смѣялся надъ пошлостями русскаго человѣка, что глубоко чувствовалъ его особое, высокое назначеніе. Въ доказательство Шевыревъ приводитъ слова Гоголя, что сатирическіе писатели «носили въ своей душѣ идеалъ лучшаго русскаго человѣка, а носить въ себѣ идеалъ лучшаго русскаго человѣка»—продолжаетъ онъ—«нельзя, не признавая въ немъ тѣхъ данныхъ, въ которыхъ заключается условіе возможности олицетворить этотъ идеалъ[3]. Въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ при передачѣ мыслей, надо, впрочемъ, думать, Шевыревъ прибѣгаетъ къ натяжкамъ и притомъ едва ли не навязываетъ Гоголю просто свои собственныя сужденія, а однажды даже прямо и явно старается дополнить отъ себя недостающее, по его мнѣнію, у Гоголя. Согласно съ Аксаковыми, онъ полагаетъ, что Гоголь сдѣлалъ упущеніе, живя за-границей; иначе онъ бы замѣтилъ,

---

1) „Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 431.

2) „Москвитянинъ“, 1848, I, стр. 12.

3) Тамъ же, стр. 13.

конечно, какъ развилось у насъ хвастовство совершенно инаго рода, нежели желаніе поставить свои достоинства напоказъ и сказать Европѣ: «смотрите, нѣмцы, мы лучше васъ»; «хвастовство своей отдѣльной личностью на счетъ всего народа, который ни въ грошъ ставятъ» [1]). Но здѣсь уже явно подмѣнивается мысль, ограничивающая крайности славянофильства другою, направленною напротивъ,—на западниковъ.

Въ другомъ мѣстѣ статьи Шевыревъ, въ упрекъ западникамъ, говоритъ вообще объ ихъ преклоненіи передъ личностью и замѣчаетъ, что они хотя «вопіютъ о личности, всего менѣе сознаютъ на дѣлѣ» и что «Гоголь ошибся въ своемъ разсчетѣ и въ этомъ случаѣ поступилъ подъ вліяніемъ слишкомъ западнаго образа мыслей» [2]), т. е. Гоголь разсчитывалъ пользоваться тѣми правами, которыя безусловно признаютъ за пользующимся славой писателемъ на западѣ, и не ожидалъ, что его лишатъ этого неотъемлемо принадлежащаго ему права. Все это, конечно, показываетъ, что, исполняя завѣтъ Гоголя обратить вниманіе на главные предметы книги, Шевыревъ понялъ по-своему и то-и-дѣло упускалъ изъ виду значеніе послѣдняго слова, и вмѣсто того пуская въ ходъ свои собственные коньки. Зато Шевыревъ говорилъ совершенно въ духѣ и цѣляхъ Гоголя, когда указывалъ на то, что «нѣсколько разъ упоминаетъ авторъ о своихъ «Мертвыхъ Душахъ»—и изъ этихъ подробностей мы можемъ видѣть, какъ планъ ихъ ясенъ въ его воображеніи и что даже готовы слова нѣкоторыхъ лицъ и въ третьемъ томѣ. Шевыревъ, очевидно, имѣлъ въ виду здѣсь какія-то предполагаемыя слова Плюшкина въ 3-емъ томѣ [3]), а также—что до сихъ Гоголь переносилъ въ искусство одну только пошлую, или, назовемъ точнѣе, одну неразумную сторону русской жизни и представлялъ намъ русскаго человѣка» съ полъ-обхвата, и то спиною или изнанкою» [4]), но что теперь ему предстоятъ иныя задачи [5]). Неудачу Гоголя относительно втораго тома онъ не брался объяснить и вмѣсто того предлагалъ рядъ вопросовъ, напр. «какъ объяснить, почему послѣ Пушкина суждено было комику быть представителемъ нашей поэзіи? Почему онъ доходитъ до увѣренности

---

[1]) „Москвитянинъ“, 1848, I, стр. 16.

[2]) Тамъ же, стр. 6.

[3]) „Соч. Гоголя“, изд. X, т. IV, стр. 73.

[4]) „Москвитянинъ“, 1848, т. I, стр. 10.

[5]) Что эти задачи по силамъ Гоголю, Шевыревъ доказывалъ малороссійскими повѣстями (изъ которыхъ, впрочемъ, слѣдовало указать лишь на „Тараса Бульбу“ и на нѣкоторые типы молодыхъ украинскихъ дѣвушекъ, кромѣ того на „Римъ“ и „Портретъ“) и наконецъ ссылался на то обстоятельство, что Гоголь „обѣщаетъ раскрыть другія высшія стороны въ русскомъ человѣкѣ, стало быть, самъ сознаетъ въ себѣ эту силу“ („Москвитянинъ“, 1848, т. I, стр. 10).

что опошлѣлъ въ искусствѣ добродѣтельный человѣкъ? Почему думаетъ, что и въ жизни сталъ «дрянь и тряпка всякъ человѣкъ». Почему, когда пришлось художнику вывести нѣсколько благородныхъ характеровъ, обнаруживающихъ высокое благородство нашей породы, то художникъ остался тѣмъ недоволенъ, нашелъ это натянутымъ,—и вотъ летитъ въ огонь второй томъ «Мертвыхъ Душъ»? Отъ чего жъ въ извѣстное время поэтъ выпускаетъ охотнѣе въ свѣтъ Собакевичей, Ноздревыхъ, Маниловыхъ и Плюшкиныхъ и такъ далѣе, а изображеніе благородныхъ характеровъ летитъ въ огонь?» [1]). Тѣмъ не менѣе послѣднюю задачу Шевыревъ признаетъ настолько важной, что, признавая наконецъ нѣкоторые немногіе недостатки въ «Мертвыхъ Душахъ», говоритъ: «Виноватъ и ты самъ, художникъ. Будь увѣренъ, что мы сумѣемъ оправдать тебя сами въ твоемъ комизмѣ и въ твоемъ хохотѣ, насколько ты достоинъ и заслуживаешь оправданія, насколько ты самъ остаешься неволенъ въ своемъ смѣхѣ, и насколько въ немъ виновна жизнь, тебя окружающая. Но сознайся въ томъ, что ты часто находилъ самоуслажденіе въ этомъ хохотѣ, черезъ мѣру заливался своимъ смѣхомъ, въ чемъ мы тебя и прежде попрекали, слишкомъ тѣшился своимъ даромъ смѣшить другихъ, и забывалъ иногда о тѣхъ глубокихъ слезахъ, которыя тяготѣли у тебя на душѣ и забвеніе которыхъ отнимало у твоего смѣха глубину и силу, и отзывался онъ тогда чѣмъ-то пустымъ и даже приторнымъ [2]) (т. е. вѣроятно, въ повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, которую очень не любилъ Шевыревъ). Мы не обвинили бы тебя, если бы ты самъ не обвинилъ себя въ этомъ своими же словами, которыя невольно сорвались съ пера твоего, какъ бы въ собственное твое обличеніе: «Мнѣ хотѣлось попробовать», говоришь ты, «что скажетъ вообще русскій человѣкъ, если его попотчуешь его же собственною пошлостью».

«Въ искусствѣ никогда не должно хотѣться пробовать; искусство должно быть свободно отъ всякихъ преднамѣреній личности. Стало быть, ты всегда смѣялся свободно и искренне по призыву вдохновенія? и чѣмъ же захотѣлось тебѣ попотчивать русскаго человѣка? его же пошлостью! Хорошо потчиваніе, хорошо гостепріимство художника». Итакъ Шевыревъ здѣсь самъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ вліялъ на Гоголя въ смыслѣ того направленія, которое погубило нашего писателя.

Мы разсмотрѣли все главное содержаніе статьи Шевырева, но кромѣ переданнаго нами въ ней есть любопытные полемическіе намеки

[1]) „Москвитянинъ“. „1848, I, стр. 11.
[2]) Тамъ же, стр. 27.

на Бѣлинскаго, Галахова, на редакцію «Отечественныхъ Записокъ», затѣмъ возраженія барону Розену и Н. Ф. Павлову, о которыхъ скажемъ ниже.

Укажемъ лишь еще нѣкоторыя натяжки, допущенныя Шевыревымъ въ его статьѣ, частью въ оправданіе Гоголя. Во-первыхъ, онъ, желая отразить упреки, сдѣланные Гоголю за совѣтъ помѣщику бранить крестьянъ словами: «ахъ ты невымытое рыло», приписываетъ ихъ «западной чопорности» (sic) и утверждаетъ, что, напротивъ, будто бы сами упрекаютъ народъ «или глубоко презираютъ его, или позорятъ клеветами, или передразниваютъ (sic) для своей собственной потѣхи и другихъ», но что «гораздо важнѣе то высокое мнѣніе, которое писатель въ своихъ письмахъ обнаруживаетъ о русскомъ крестьянинѣ» [1]). По поводу «Одиссеи, переводимой Жуковскимъ», Шевыревъ нѣсколько уклончиво говоритъ, что эта статья «любопытна для насъ не столько эстетическими воззрѣніями Гоголя, сколько мнѣніемъ его о критическихъ способностяхъ русскаго народа, который онъ, какъ художникъ, представилъ читающимъ «Одиссею» и разсуждающимъ о ней, и затѣмъ, намекая на мнимую близорукость либеральныхъ критиковъ, прибавляетъ, что «Гоголь въ грамотномъ народѣ признаетъ существованіе не однихъ Петрушекъ», подразумѣваются, какъ думаютъ, люди противоположнаго ему взгляда. Но вѣдь дѣло въ фактѣ, а не въ томъ, что̀ представляется писателю! Кромѣ того Шевыревъ основательно приводитъ въ оправданіе Гоголя то, что его книгу сильно исказила цензура [2]), вслѣдствіе чего на нее пали также многіе лишніе упреки. О томъ же, почему Гоголь. будучи сильнѣе въ сферѣ творчества, избралъ иную форму изложенія своихъ идей, Шевыревъ приводитъ въ оправданіе необыкновенность явленія, что̀ представляетъ какой-то странный кругъ въ доказательствѣ, такъ какъ онъ же говоритъ, что въ особенностяхъ времени надо было искать объясненіе причины, почему «художникъ, покрытый всеобщей славой въ своемъ отечествѣ, художникъ, котораго всякая книга разлеталась волшебно по всѣмъ концамъ Россіи, бросаетъ искусство, покидаетъ треножникъ вдохновенія и бѣжитъ въ учители, хочетъ быть проповѣдникомъ» [3]); что виновата въ этомъ жизнь, «въ которой слишкомъ оцѣнены наши начала; виновато искусство, что стало втупикъ передъ такими задачами, что пошлецы въ жизни идутъ у него въ герои, а герои жизни становятся пошлы въ искусствѣ; виновато оно неблагоразумнымъ усердіемъ людей, впрочемъ, благонамѣренныхъ, которые, создавая карточныхъ героевъ до-

---

1) „Москвитянинъ“, 1848, I, стр. 16—17.

2) „Москвитянинъ“, 1848, 1 стр. 7.

3) Стр. 5.

бродѣтели, тѣмъ опошлили самую добродѣтель; виноватъ и художникъ [1]), слишкомъ долго безцѣльно смѣявшійся и нескоро возвратившійся къ истиннымъ задачамъ искусства. Послѣдняя мысль опять оправдываетъ слова Чернышевскаго, что, по мнѣнію Шевырева, «первый томъ «Мертвыхъ Душъ» только прощается Гоголю ради слѣдующихъ».

XII.

Заканчиваемъ нашъ обзоръ печатныхъ статей, вызванныхъ «Перепиской съ друзьями», разборомъ писемъ къ Гоголю Ф. Ф. Вигеля, который, какъ извѣстно, сталъ на сторону Гоголя именно тогда, когда отъ него всѣ отшатнулись. (Ему понравилась «Переписка», тогда какъ прежнія лучшія созданія Гоголя онъ никогда не цѣнилъ высоко. Степень критическаго пониманія Вигеля видна уже изъ первыхъ строкъ его статьи: «сочинитель этихъ писемъ также высоко стоитъ надъ авторомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», какъ сей послѣдній отстоялъ отъ Шаликова). Вигель привѣтствуетъ Гоголя съ возрожденіемъ къ лучшей литературной будущности и поздравляетъ съ всеобщей возбужденной имъ ненавистью «глупцовъ». Неожиданный будто бы благотворный переворотъ въ Гоголѣ авторъ письма объясняетъ себѣ тѣмъ, что Гоголь покаялся и обратился на истинный путь. Его всего болѣе радуетъ, что Гоголь отказался отъ своихъ поклонниковъ, которые считали его на своей сторонѣ, тогда какъ ему вдругъ «вздумалось швырнуть въ нихъ небольшимъ, но для нихъ не менѣе тяжелымъ томомъ, на которомъ какъ бы написано не нашимъ [2]) (намекъ на извѣстное стихотвореніе Языкова). Впрочемъ, вѣроятно, желая угодить Гоголю, онъ пишетъ далѣе: когда, въ первой молодости, создали вы себѣ идеалъ совершенства и начали искать его между вашими соотчичами, когда, вмѣсто того, встрѣчали вы множество гнусныхъ пороковъ – и, вооруживъ руку огромнымъ хлыстомъ, перевитымъ колючимъ терніемъ, съ ожесточеніемъ безъ милосердія, стали стегать въ нихъ: тогда съ остервенѣніемъ вамъ рукоплескали». Эти рукоплесканія происходили будто бы отъ руссофобства поклонниковъ Гоголя, отъ недостатка патріотическаго чувства въ обществѣ. И теперь съ досады Гоголя объявили сумасшедшимъ!..

По поводу замѣчанія Гоголя о спорахъ между славянофилами и западниками Вигель показываетъ свое полнѣйшее равнодушіе и несочув-

---

[1]) Стр 26–27.

[2]) „Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ“, 2 отд., прилож., стр. 22; „Русскій Архивъ“, 1893, VIII, стр. 561–562.

ствіе къ обѣимъ партіямъ, и даже какъ будто бы непониманіе, въ чемъ было дѣло. «Давно, давно, лѣтъ семь тому назадъ, случилось мнѣ быть въ одномъ изъ многочисленныхъ ихъ сборищъ; оглушенный, выходилъ я изъ него и ничего въ памяти моей не оставалось, кромѣ какихъ-то невнятныхъ звуковъ, неясныхъ ликовъ, полузабытыхъ именъ. Кто несетъ католицизмъ, кто гегелизмъ, кто коммунизмъ, кто во что гораздъ» [1]). Характерное признаніе! Но за статью «Споры» критикъ дѣлаетъ упрекъ Гоголю, который любопытенъ между прочимъ по заключающемуся въ немъ намеку на то, что личность, къ которой обращена здѣсь рѣчь Гоголя, была имъ будто бы отгадана. Такъ онъ говоритъ: «какъ можно въ глаза, или въ письмѣ (что все равно) грозить почтенному старцу, вами уважаемому, вами же вездѣ достойно прославляемому, названіемъ гадкаго старичишки, если онъ не воздержится отъ негодованія. Не хорошо, какою бы короткостью ни почтилъ онъ васъ, сей незлобивый, безобидный, великій поэтъ» [2]). Здѣсь, кажется, намекъ на Жуковскаго [въ «Сѣверной Пчелѣ» по поводу той же статьи замѣчено: «загадка говорится о какомъ-то сочиненіи, которое намѣревается писать какой-то авторъ, въ лѣтахъ»] [3]). Также не одобряетъ Вигель печатныхъ упрековъ Погодину и, пользуясь выраженіемъ самого Гоголя, сравниваетъ всѣ такія мѣста «съ засаленными бумажками», которыя валяются въ гостиной, гдѣ все блеститъ позолотой, зеркалами и лакомъ портретовъ». Въ заключеніи статьи заслуживаютъ упоминанія слѣдующія строки: «вы весьма справедливо замѣтили, что Пушкинъ красотою своего стихотворнаго слога увлекъ и обратилъ въ подражатели другихъ отличныхъ поэтовъ, гораздо прежде его на поприще выступившихъ. Такъ точно и вы красотой своихъ мыслей сильно подѣйствовали на человѣка, далеко васъ въ жизни опередившаго» [4]).

XIII.

Послѣднимъ отголоскомъ литературнаго міра на «Переписку съ друзьями» были написанныя спустя два-три года по выходѣ ея въ свѣтъ, но напечатанныя лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Русскомъ Архивѣ», три письма К. С. Аксакова къ Гоголю. Никакихъ датъ на нихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 24; „Русск. Арх.“, 1893, VIII, стр. 564.

[2]) Стр. 22; „Русск. Арх.“, 1893, VIII, стр. 562.

[3]) „Сѣверная Пчела“, 1847, 107, 427.

[4]) Стр. 24; „Русск. Арх.“, 1893, VIII, стр. 564—565

нѣтъ, но два первыхъ письма не безъ основанія отнесены редакціей журнала къ 1848 г., потому что въ ихъ содержаніи есть ясныя указанія на то, что они принадлежатъ ко времени возвращенія Гоголя въ Россію изъ Іерусалима. Въ первомъ изъ этихъ писемъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ поражаетъ своего корреспондента въ самое сердце уже восклицаніемъ: «о, зеркало, зеркало внутреннее, о, внутреннее кокетство! Хуже оно наружнаго. Знаю я этотъ грѣхъ!» [1]) и проч. Затѣмъ онъ, сходясь въ этомъ сужденіи съ Бѣлинскимъ, а равно и со многими другими критиками, указываетъ на странность такихъ писемъ, какъ напр. письма о семи кучкахъ, и съ особеннымъ негодованіемъ отзывается о презрѣніи Гоголя къ простому народу: «не достаетъ»,— говоритъ онъ,—«чтобы вы сказали, что тотъ, у кого больше душъ, выше въ нравственномъ отношеніи. Вотъ великая вина: поклоненіе передъ публикою и презрѣніе къ народу. Знаете вы знаменитое восклицаніе полицеймейстера: публика впередъ, народъ назадъ»? [2]). Весьма справедливо упрекаетъ также Аксаковъ Гоголя въ томъ, «что онъ погрѣшилъ своимъ достоинствомъ, даромъ, художничествомъ» [3]). Не ошибается онъ наконецъ и насчетъ искренности Гоголя, усматривая въ книгѣ ложь, хотя не въ смыслѣ обмана, но въ «смыслѣ внутренней неправды» (послѣднее, конечно, справедливо). За то Аксаковъ безусловно неправъ, когда пытается свалить всю бѣду на западъ... Гоголя особенно оскорбило въ этомъ письмѣ употребленное авторомъ слово ложь, такъ какъ нѣсколько туманное объясненіе Аксакова сперва было понято имъ невѣрно.

Второе письмо К. С. Аксакова къ Гоголю касается написанной въ то время первымъ драмы съ сюжетомъ изъ народной жизни, чрез-

---

[1]) „Русск. Арх.", 1890 г., стр. 154.

[2]) Здѣсь Аксаковъ напоминаетъ Гоголю анекдотъ, происхожденіе котораго связываютъ обыкновенно съ его именемъ. Такъ Н. П. Лыжинъ разсказывалъ въ „Лѣтописяхъ Русской Литературы": „Когда (за границей, гостя у Жуковскаго) Гоголь вышелъ въ садъ, Жуковскій замѣтилъ, что за чудакъ сталъ этотъ Гоголь, все молчитъ; прежде бывало разсказамъ его конца нѣтъ. Вотъ вамъ для образчика анекдотъ, слышанный мною отъ него. Во время какого-то праздника въ кремлевскихъ воротахъ столпился народъ; надзиратель, командуя городовыми, грозно кричалъ: „публика, проходи, а народъ пошелъ назадъ!" Позвольте васъ спросить, замѣтилъ Гоголь, какая же разница между народомъ и публикою?—„А вотъ какая, отвѣчалъ надзиратель, схвативъ за бороду одного изъ мужиковъ, тыкая его довольно нецеремонно въ зубы: это вотъ народъ; куда лѣзешь, пошелъ назадъ! а вы-съ, публика, пожалуйте-съ". Надо было послушать, какъ разсказывалъ Гоголь этотъ простой случай, замѣтилъ Жуковскій". („Лѣтописи Русск. Литературы и Древности", изд. Н. С. Тихонравова, 1859 г., кн. вторая, стр. 78.

[3]) „Русск. Арх.", 1890 г., I, стр. 155.

вычайно слабой и не имѣвшей успѣха на сценѣ, но заранѣе сильно заинтересовавшей Гоголя по непосредственному отношенію ея сюжета къ тѣмъ именно вопросамъ, которые его самого тогда мучительно занимали.

Съ мнѣніями и толками о «Перепискѣ», распространенными въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ, но не проникавшими въ печать, мы можемъ познакомиться, и то только отчасти, единственно изъ недавно напечатанныхъ нами въ «Русской Старинѣ» писемъ къ Гоголю Ишимовой и Извединовой, о которыхъ считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ [1]).

Къ числу искреннѣйшихъ почитателей Гоголя, не только какъ писателя, но и какъ человѣка, принадлежала, между прочимъ, Александра Осиповна Ишимова, прославившаяся педагогическими трудами и изданіями, изъ которыхъ, кромѣ ея «Русской исторіи для дѣтей», наибольшей извѣстностью пользовался очень распространенный въ свое время дѣтскій журналъ «Звѣздочка». Мы не можемъ опредѣлить точно, когда именно началось знакомство Ишимовой съ Гоголемъ, но, вѣроятно, не позже 1840—1841 годовъ, такъ какъ въ 1842 году Гоголь всего на нѣсколько дней заѣзжалъ въ Петербургъ, а между тѣмъ во время изданія «Переписки съ друзьями» Ишимова уже относилась къ нему, какъ къ старому знакомому. Впрочемъ, можно почти съ увѣренностью сказать, что Гоголь зналъ Ишимову еще въ серединѣ тридцатыхъ годовъ—какъ въ виду давнихъ хорошихъ отношеній его къ семейству Плетнева, такъ особенно на основаніи слѣдующихъ словъ письма Ишимовой отъ 31 декабря 1846 г.:

«Воспитанница моя Оленька, которую вы знали еще очень маленькой, проситъ меня поклониться вамъ и попросить васъ привезти ей отъ Святаго Гроба хотя нѣсколько песчинокъ» [2]). Изъ этихъ словъ очевидно, что Гоголь ласково и внимательно относился къ маленькой дѣвочкѣ, которая теперь, выросши, рѣшается передать ему свою почтительную просьбу.

Посредникомъ въ письмахъ и иныхъ сношеніяхъ Гоголя съ Ишимовой былъ всегда Плетневъ, почему надо думать, что у него-то они именно и познакомились и встрѣчались. Знакомство было, впрочемъ, довольно поверхностное и во всякомъ случаѣ не короткое.

---

[1]) Свѣдѣнія объ отзывахъ разныхъ духовныхъ лицъ о книгѣ Гоголя читатель можетъ найти въ трудѣ г. Барсукова о Погодинѣ (т. VIII, стр. 561—563).

[2]) „Русская Старина", 1893 г., кн. 6, стр. 555.

Когда печаталась «Переписка съ друзьями», Плетневъ, несмотря на строжайшее запрещеніе автора, показывалъ многимъ знакомымъ корректурные листы книги, и въ томъ числѣ не только Ишимовой, чтò и не скрывалось отъ Гоголя, но и совершенно незнакомому ему П. А. Кулишу [1]). Вслѣдствіе такой нескромности Плетнева, смутные слухи о предстоящемъ выходѣ книги не замедлили облетѣть литературные круги обѣихъ столицъ, переходя изъ устъ въ уста, разумѣется, въ сильно искаженномъ видѣ. Такъ мы читаемъ въ статьѣ Аполлона Григорьева въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ», что о «Перепискѣ» давно уже ходили темные слухи въ обществѣ [2]). Иначе впрочемъ и быть не могло при сильнѣйшемъ интересѣ публики ко всему, что ни выходило изъ-подъ пера Гоголя. Въ Москву молва о новой книгѣ проникла уже въ такомъ видѣ: «О Гоголѣ слухи все не лучше», писала В. С. Аксакова М. Г. Карташевской: «Говорятъ, онъ еще хочетъ издать книгу о русскомъ духовенствѣ [3]), не знаю, правда ли.. Отецъ писалъ письмо къ Плетневу, съ тѣмъ, чтобы остановить печатаніе всѣхъ этихъ странностей, но Плетневъ не согласенъ: намъ порукой Жуковскій, который одобрилъ всѣ намѣренія Гоголя. Отецъ письма своего къ Гоголю никому почти не показывалъ, для того, чтобы Гоголь не обидѣлся.. Что-то онъ будетъ отвѣчать! Мы мало имѣемъ надежды на успѣхъ, т. е. чтобы онъ взглянулъ здравыми глазами на всѣ свои дѣйствія. Говорятъ даже, будто онъ цѣлые дни проводитъ съ монахами». Къ счастью о преждевременномъ распространеніи слуховъ на счетъ его книги Гоголь ничего не узналъ, и дѣло обошлось благополучно.

Г. Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя» говоритъ по поводу прочтенія «Переписки», что книга произвела на всѣхъ, кому показалъ ее повѣренный поэта, такое впечатлѣніе, какое испытываетъ человѣкъ, когда его ведутъ на огромную фабрику, гдѣ отливаются изъ чугуна или бронзы колоссальныя созданія скульптуры. Множество народа мечется туда и сюда посреди таинственныхъ закоулковъ, дышащихъ жаромъ геены: пламя хлещетъ въ гортань печей, утоляя неутолимую ихъ жажду пламени; металлы, подобно ломкому льду, превращаются въ жидкость и грозятъ огненнымъ всепожигающимъ потокомъ. И вездѣ необъяснимый, незнакомый для слуха шумъ, клокотанье, свистъ и шипѣнье; вездѣ загадочное, повидимому безпорядочное, и зловѣщее

---

[1]) Извѣстно также, что Плетневъ писалъ о перепискѣ И. М. Коптеву („Русскій Архивъ“, 1877, кн. 12, стр. 372).

[2]) „Московскій Городской Листокъ“, 1847, № 56, стр. 225.

[3]) Эти слова напоминаютъ предположеніе барона Розена, будто Гоголь рѣшился сдѣлаться духовнымъ писателемъ. („Сынъ Отеч.“, 1847 г., № 6, стр. 50).

движеніе. Кажется, что искусство ваятеля выступило изъ своихъ предѣловъ, потеряло свои правила и гибнетъ вмѣстѣ со всею его спутавшеюся фабрикой. Такъ именно, по крайней мѣрѣ, на пишущаго эти строки подѣйствовала «Переписка съ друзьями»[1]). Иное впечатлѣніе произвела книга на самого Плетнева и на А. О. Ишимову, хотя правъ былъ г. Кулишъ, полагавшій, что за автора «сжалось сердце у каждаго истиннаго цѣнителя его таланта». Ишимова написала Гоголю восторженное письмо, на которое получила вскорѣ отвѣтъ, остающійся до сихъ поръ неизвѣстнымъ. О томъ, что отвѣтъ былъ, мы узнаемъ изъ переписки Ишимовой съ Гоголемъ и изъ слѣдующихъ словъ письма послѣдняго къ Плетнову: «Прости меня, если у меня вырвалось какое-нибудь слово, тебя оскорбившее, въ томъ письмѣ моемъ, въ которомъ вложено было письмо къ доброй А. О. Ишимовой» [2]). Намекъ здѣсь сдѣланъ на предыдущее письмо отъ 11-го февраля 1847 года, когда Гоголь между прочимъ сказалъ въ концѣ письма: «Не благодарю тебя, покамѣстъ еще не за что, ни за дружбу, ни за аккуратность, ни за хлопоты по дѣламъ моимъ» [3]). Еще разъ Гоголь приписываетъ въ концѣ письма къ Плетневу: «А. О. Ишимову поблагодари за книжечку «Розенштраухъ». Я нашелъ, что она очень хороша. Письмо же о легкости ига Христова—сущій перлъ»[4]). Замѣчательно, что А. О. Ишимова послала свое письмо какъ будто тайкомъ отъ Плетнева, изъ опасенія, что «можетъ быть ему показалось бы письмо мое страннымъ, и онъ отговорилъ бы меня отправить его къ вамъ, а мнѣ не хотѣлось бы этого». Дѣйствительно, Плетневъ, безъ всякаго сомнѣнія, сталъ бы отговаривать ее — уже по той причинѣ, что письмо о не вышедшей книгѣ было бы получено Гоголемъ прежде ея напечатанія, и это могло бы его разсердить и огорчить. Между тѣмъ Александра Осиповна не хотѣла сказать Петру Александровичу, отчего я вздумала писать къ Гоголю, и сказала только, какъ она сама признавалась въ письмѣ, «что посылаетъ небольшую брошюрку о человѣкѣ, достойномъ памяти», хочу, прибавляла она, «при этомъ случаѣ поблагодарить васъ за книгу вашу»[5]). (Но это не значитъ — за присланный экземпляръ, а просто поблагодарить какъ автора даннаго сочиненія, потому что Ишимова прочла уже первые отпечатанные листы книги въ корректурѣ у Плетнева).

Александра Осиповна, однакоже, долго не рѣшалась отправить письмо и позволила себѣ это уже послѣ того, какъ «спросила у Петра

---

[1]) „Записки о жизни Гоголя“, т. II, стр. 61—62.
[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 338.
[3]) Тамъ же, стр. 337.
[4]) Тамъ же, стр. 346.
[5]) Тамъ же, стр. 354.

Александровича, можно ли обременить Гоголя чтеніемъ какого-нибудь письма и онъ сказалъ, что можно». Вообще она преисполнена глубочайшаго благоговѣнія къ Гоголю, что видно особенно изъ послѣдующихъ словъ: «Простите пожалуйста, если я неумѣренно воспользовалась этимъ дозволеніемъ и заставила васъ потерять много драгоцѣнныхъ минутъ на это чтеніе» — и безъ убѣдительной просьбы не отвѣчать, пока «не будетъ у васъ совершенно лишняго времени». Подобно Плетневу [1]), и Ишимова была увѣрена въ томъ, что «Переписка» произведетъ рѣшительный переворотъ въ русской литературѣ; она называла ее даже «святой» книгой. Въ порывѣ сильнаго восторга, она поспѣшила подѣлиться своими впечатлѣніями съ Павскимъ и прочла ему нѣсколько главъ. На Павскаго, въ свою очередь, книга произвела весьма благопріятное впечатлѣніе. Удивительно послѣ этого, почему у Гоголя не завязались потомъ въ числѣ другихъ духовныхъ лицъ также сношенія съ Павскимъ. Пріѣхавъ въ Москву въ 1848 г., едва-ли Гоголь могъ не посѣтить Павскаго, но, можетъ быть, они не сошлись или случай помѣшалъ имъ видѣться.. Съ Ишимовой же Гоголь не разъ встрѣчался въ это время въ Петербургѣ, но случайныя и слишкомъ отрывочныя бесѣды съ нимъ не удовлетворяли ея преувеличенныхъ надеждъ на свиданіе, и послѣ она писала: «При порядкѣ нашей общественной жизни ужъ лучше не жить вблизи съ тѣми, съ кѣмъ хочешь говорить иногда о чемъ-нибудь дѣльномъ: въ письмахъ мы еще какъ-то способнѣе на вещи серьезныя, нежели въ обществѣ, и еслибы вы были здѣсь, мнѣ и въ голову не пришло бы, что я могу сообщить вамъ нѣсколько словъ объ одномъ необыкновенномъ вечерѣ, который посланъ былъ Богомъ на мою долю» [2]). Далѣе слѣдуетъ самый разсказъ объ этомъ...

Совершенную противоположность письмамъ Ишимовой по отношенію къ Гоголю представляютъ письма знакомой ея Извединовой, не лишенныя интереса, какъ одинъ изъ отголосковъ мнѣній о «Перепискѣ» съ друзьями не литературной толпы, а также потому, что самый фактъ сбереженія этихъ писемъ Гоголемъ, несмотря на рѣзкія осужденія и дерзкія фразы по адресу его, ясно доказываетъ, что Гоголь не лицемѣрно дорожилъ упреками и невыгодными о себѣ отзывами даже людей вполнѣ дюжинныхъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что эти письма были пересланы Гоголю съ одобренія Плетнева, такъ какъ грубая брань противъ Гоголя и невѣжественныя понятія, выраженныя въ письмѣ,

---

[1]) Его отзывъ о „Перепискѣ“ см. въ „Соч Плетнева“, т. III, стр. 582, „Русск. Арх.“, 1877, кн 12, стр. 371 73, гдѣ Плетневъ защищаетъ между прочимъ Гоголя отъ обвиненія въ напыщенномъ тонѣ статьи объ Одиссеѣ, которая, по мнѣнію Плетнева „вылилась отъ полноты убѣжденія“.

[2]) Тамъ же, стр. 557.

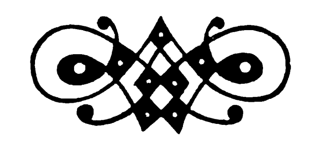
сначала удерживали Ишимову отъ мысли послать ихъ, но Плетневъ былъ безусловно увѣренъ, что искреннее желаніе слышать о себѣ самые несдержанные отзывы не допуститъ Гоголя до чувства мелкой досады, хотя, по словамъ письма Ишимовой, ея корреспондентка «принадлежитъ къ довольно большому кругу въ Москвѣ и, вѣроятно, имѣетъ нѣкоторое вліяніе на знающихъ ее: о ней говорятъ, какъ о самой благочестивой, умной и доброй женщинѣ» [1]). Плетневъ не ошибся: Гоголь сохранилъ до смерти эти нелѣпыя письма Изведиковой, доказавъ на дѣлѣ полнѣйшую искренность жгучей жажды упрековъ. Но что это за письма! Если можно еще допустить мнѣніе о томъ, что сатира никого исправить не можетъ,—подобный взглядъ высказалъ и московскій митрополитъ Филаретъ по поводу первыхъ сочиненій Щедрина,—то вѣдь Изведикова идетъ гораздо дальше: она жестоко осуждаетъ не только Гоголя, какъ представителя отрицательнаго направленія литературы, но и Пушкина, такъ какъ «сей послѣдній могъ бы сдѣлать много хорошаго, еслибы не употреблялъ умъ свой во зло» [2]). Особенно отзываются неподражаемой патріархальностью и наивностью взгляда слѣдующія строки замоскворѣцкой дамы, пользовавшейся извѣстнымъ авторитетомъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ Москвы: «Облагородьте ваше перо, пишите примѣры добродѣтели, и порочные устыдятся, и станутъ жить добродѣтельно» [3]). Такъ, безъ сомнѣнія, судило въ то время многое множество не литературныхъ людей, и вотъ почему они представляютъ не малый интересъ. «Да, Гоголь всѣхъ смѣшилъ! Жалко! употребить всю жизнь и такую краткую на то, чтобы служить обезьяной публикѣ»—такъ судили о литературной дѣятельности Гоголя не однѣ замоскворѣцкія дамы, съ Средней Донской. Еще забавнѣе ужасъ той же почтенной дамы по поводу рекомендаціи Ишимовой юношеству сочиненій Гоголя: «я не хочу думать, чтобы вы, одаренная нѣжными чувствами ко всему истинно хорошему, были согласны возрастить въ юныхъ сердцахъ отвращеніе отъ нашего отечества, отъ уваженія къ святителямъ православной церкви, отъ святыхъ обителей,—словомъ, отъ всего святаго и бросить ихъ въ объятія непонятной Гоголевской поэзіи» [4]). Можно себѣ вообразить, какое удручающее дѣйствіе производили послѣднія слова на Гоголя, когда, подъ вліяніемъ словъ о. Матвѣя, онъ все болѣе начиналъ сомнѣваться въ пользѣ своихъ литературныхъ трудовъ и, быть можетъ, не разъ перечитывалъ эти строки [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 555.
[2]) Тамъ же, стр. 563.
[3]) Тамъ же, стр. та же.
[4]) Тамъ же, стр. 567.
[5]) О письмахъ Изведиковой см. замѣтки г. В. В—ва въ „Русск. Вѣд.“ 1893 г. іюнь.

Между тѣмъ несочувствіе новому направленію Гоголя, выразившемуся въ «Перепискѣ съ друзьями», встрѣчалось вообще весьма часто даже среди людей, отъ которыхъ по складу ихъ убѣжденій можно было ожидать самаго сочувственнаго къ ней отношенія. Въ извѣстной книгѣ Н. Барсукова «Жизнь и труды Погодина» мы между прочимъ читаемъ: «Дмитрій Григорьевичъ Бѣлавинъ сообщилъ намъ, что Дмитрій Дмитріевичъ Облеуховъ (†1889), женатый на его родной сестрѣ Екатеринѣ Григорьевнѣ Бѣлавиной, зналъ лично Н. В Гоголя по дому графа А. П. Толстаго. Облеуховъ, будучи человѣкомъ религіознымъ, кажется, долженъ былъ бы душевно радоваться душевному перерожденію Гоголя, выразившемуся въ «Перепискѣ съ друзьями», но онъ не разъ говаривалъ, что это не призваніе Н. В. Гоголя писать въ подобномъ направленіи, и притомъ выражалъ свое сожалѣніе, что великій авторъ «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора» съ появленіемъ «Переписки съ друзьями» — умеръ навсегда какъ писатель Россіи» [6]).

В. Шенрокъ

[6]) „Жизнь и труды Погодина“ Н. Барсукова, т. VIII, стр. 525.

Изъ записокъ герцога Евгенія Виртембергскаго.

II [1]).

Особое вниманіе ко мнѣ императора Павла. — Психея. — Кузины. — Лейбъ-гвардія.—Вечернія собранія при дворѣ.—Ужинъ —Концертъ.—Очаровательная сосѣдка.—Ссора Дибича съ фонъ-Требра.—Представленія императору въ аудіенцъ-залѣ.—Въ церкви.—Кончина императора Павла.—Карлсруэ.—Воспитатель Вольцогенъ.—Бреславль.—Путешествія.

После описанной аудіенціи, низкіе поклоны, которые придворные отдавали мнѣ, мальчику, свидѣтельствовали, что они уже видѣли во мнѣ любимца императора.

Когда мы спускались съ лѣстницы, то генералъ Дибичъ, почти задыхаясь отъ блаженства, бросился мнѣ на шею и въ радостномъ порывѣ потерялъ свой парикъ, а когда я помогъ ему поднять этотъ головной уборъ, то пѣстунъ за эту услугу даже поцѣловалъ мнѣ руку.

Только-что я возвратился домой, какъ камеръ-пажъ вручилъ мнѣ отъ имени императора знаки мальтійскаго ордена—высшее отличіе, которое онъ оказывалъ приближеннымъ, и вслѣдъ затѣмъ начались нескончаемые ко мнѣ визиты. Когда всѣ придворныя и военныя лица, посѣтившія меня въ этотъ день, разъѣхались, то я улучилъ наконецъ минутку спросить Дибича, что̀ собственно означаетъ вся эта комедія, чему я обязанъ этими незаслуженными мною почестями и точно ли все это дѣлается по приказанію императора?

Генералъ отвѣчалъ, что когда я остался съ императрицею, то Его Величество позвалъ его къ себѣ, милостиво пожалъ ему руку и сказалъ: «Генералъ, благодарю васъ за сопровожденіе принца; я беру его подъ свое особое покровительство; онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія и будетъ пригоденъ для моихъ видовъ въ будущемъ. Вы будете состоять при немъ и должны находиться при немъ неотлучно. Ваше усердіе мнѣ необходимо; я полагаюсь на васъ и остаюсь къ вамъ благосклонный».

— Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ люди увиваются около васъ, продолжалъ Дибичъ, но позвольте сдѣлать вамъ одно замѣ-

---

[1]) См. «Русскую Старину», октябрь 1894 г.

чаніе: не довѣряйте никому, они всѣ фальшивы, какъ кошки, которыя не выпускаютъ когтей до тѣхъ поръ, пока боятся плети хозяина.

— Боже мой, возразилъ я, развѣ они были бы не въ правѣ употребить всѣ силы къ тому, чтобы удалить подобнаго мнѣ иностранца-выскочку. Признаюсь, генералъ, я этого не понимаю и буду просить императора, чтобы онъ помѣстилъ меня въ число простыхъ кадетъ, какъ это сначала предполагалось.

— Вотъ было бы прекрасно, воскликнулъ Дибичъ, полусмѣясь, полуиспуганно, воля государя—законъ, и намъ не подобаетъ разсуждать о его приказаніяхъ. А что касается до кадетскаго корпуса, то это была не болѣе, какъ выдумка вашего г. Требра, чтобы вы не слишкомъ о себѣ возмечтали. Но я сразу сказалъ, что это никуда не годится, такъ какъ слишкомъ большое смиреніе здѣсь не кстати. Но даже, если бы вы и поступили въ корпусъ, то вы видѣли по директору, князю Зубову, что корпусъ съ момента вашего поступленія, считался бы только вашимъ дворцомъ и что Его Величество хотѣлъ возвысить заведеніе присутствіемъ принца.

«Какая лисица! подумалъ я при этихъ словахъ: ты поносишь русскихъ вельможъ, а самъ, выскочка, не замѣчаешь, какъ унизительно твое низкопоклонство передъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, котораго государь удостоилъ своимъ благоволеніемъ».

Русскимъ было бы простительно относиться недружелюбно къ иностранцамъ, такъ какъ въ царствованіе императора Павла всѣ высшія должности были заняты пріѣзжими выскочками, а русскіе вельможи, оскорбленные этимъ предпочтеніемъ, со справедливымъ негодованіемъ, молча, переносили эту обиду. Но вслѣдствіе врожденнаго имъ чувства гостепріимства, всякій, мало мальски выдающійся своими способностями, иностранецъ встрѣчалъ въ Россіи радушный пріемъ.

Въ первый разъ я отдохнулъ отъ докучливыхъ визитовъ въ комнатахъ генерала, въ веселомъ кругу его знакомыхъ.

Какъ теперь помню, мы играли въ разныя игры (petits jeux) и было очень весело; припоминаю также, что я, по дѣтскому простодушію, обошелся можетъ быть слишкомъ фамильярно съ одной молодой дѣвушкой, которая изображала Психею и избрала меня Амуромъ, и этимъ нарушилъ вѣроятно правила приличія. Это ли обстоятельство вызвало гнѣвъ г. фонъ-Требра, или онъ вообще не одобрялъ препровожденія времени въ домѣ генерала,—какъ бы то ни было, онъ пожаловался тетушкѣ, и я болѣе не видалъ своей Психеи, а ежели блюстители моей нравственности описали мнѣ ее вѣрными красками, то она давно уже обратилась въ Медузу.

На слѣдующее утро, я не успѣлъ еще понѣжиться въ своихъ пуховикахъ, какъ г. фонъ-Требра, распахнувъ занавѣси моей кровати,

излилъ на меня цѣлый потокъ самыхъ серьезныхъ внушеній по поводу моего вчерашняго неприличнаго поведенія. Признаюсь, я плохо помню эти наставленія и совершенно не могу дать себѣ отчета, по какой причинѣ строгая и серьезная оберъ-гофмейстерина моей тетушки, графиня Ливенъ, къ которой я явился въ этотъ день засвидѣтельствовать свое почтеніе, объявила мнѣ, что моя Психея заслуживаетъ розогъ и что я самъ, при первомъ удобномъ случаѣ, получу подобное вознагражденіе изъ рукъ государыни. Я порядочно струхнулъ при этомъ не особенно пріятномъ извѣстіи, не столько изъ опасенія за свою шкуру, сколько страдая за честь вновь испеченнаго мальтійскаго рыцаря, возсѣдавшаго передъ графинею побѣдоносно въ драгунскомъ мундирѣ, и принялъ заявленіе старой статсъ-дамы за несомнѣнное доказательство интригъ моего гувернера.

Отдавъ визиты нѣкоторымъ сановнымъ лицамъ, я отправился во дворецъ, гдѣ ожидалъ возвращенія тетушки; признаюсь, я встрѣтилъ ее съ трепетомъ, но обѣщаннаго наказанія не послѣдовало. Тетушка приняла меня ласково и, такъ какъ я живо напомнилъ ей любимаго брата, то она была весьма растрогана и заплакала; когда же я поцѣловалъ ее въ плечо, она крѣпко сжала меня въ своихъ объятіяхъ.

Впрочемъ, государыня сдѣлала мнѣ нѣсколько серьезныхъ замѣчаній, отозвалась неодобрительно о собраніяхъ, устраиваемыхъ въ кадетскомъ корпусѣ, и объявила, что я буду переведенъ въ другое помѣщеніе; но меня лично она не бранила.

Вскорѣ я увидѣлъ моихъ прелестныхъ кузинъ. Маріи Павловнѣ было уже 15 лѣтъ; въ моихъ глазахъ она была взрослою дѣвицею, но своею добротою и привѣтливостью сразу завоевала мою симпатію и доказала мнѣ свое расположеніе тѣмъ, что со свойственнымъ ей участіемъ и деликатностью слѣдила за каждымъ моимъ шагомъ и выручала меня въ случаѣ какой-нибудь неловкости съ моей стороны. Екатерина Павловна—моя ровесница понравилась мнѣ гораздо менѣе. Болѣе серьезная и замкнутая, она была чрезвычайно развита для своихъ лѣтъ, сознавала свое превосходство и оттолкнула меня своимъ церемоннымъ обхожденіемъ. Обѣ великія княжны были хороши собою; первая была похожа на мать, а вторая поразительно напоминала отца, но при этомъ была очаровательна. Въ этотъ же день я впервые увидѣлъ наслѣдника престола. Какой добротой и кротостью сіялъ взоръ красавца, двадцатитрехлѣтняго великана князя! Александръ обратился ко мнѣ, мальчугану, съ самымъ обыкновеннымъ привѣтствіемъ и то, вѣроятно, желая сдѣлать этимъ пріятное отцу; но его обращеніе со всѣми присутствовавшими преисполнило меня любви и уваженія къ нему. Кружокъ лицъ, среди которыхъ я привѣтствовалъ его, состоялъ изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Я услыхалъ тутъ, между прочимъ, имя героя,

прославившагося въ Италіи, подъ начальствомъ Суворова, и воскликнулъ съ восторгомъ: «Это знаменитый князь Багратіонъ?»

Александръ улыбнулся моему, можетъ быть, не мѣстному любопытству, но подвелъ меня къ Багратіону, которому мое восклицаніе, видимо, было пріятно. Ласково взявъ меня за руку и указывая на великаго князя, онъ сказалъ:

— Ежели вы желаете видѣть что-нибудь замѣчательное, принцъ взгляните на восходящее солнце Россіи.

Константинъ Павловичъ, второй сынъ императора, коренастый и на видъ цвѣтущій, былъ замѣчательно похожъ на отца; говорили, что характеръ у него далеко не такой добрый, какъ у Александра. Откланявшись наслѣднику, я едва успѣлъ передъ разводомъ отдать визитъ генералъ-губернатору.

Возвращаясь изъ его дома, я встрѣтилъ императорскую лейбъ-гвардію, блестѣвшую на солнцѣ своими воинскими доспѣхами. Офицеры были въ зеленыхъ кафтанахъ, съ довольно простымъ золотымъ шитьемъ и аксельбантами. въ бѣлыхъ панталонахъ и штиблетахъ, въ шляпахъ съ узкимъ галуномъ; въ правой рукѣ они держали такъ-называемые эспонтоны. Точно такіе же зеленые кафтаны солдатъ были богато изукрашены золотымъ галуномъ, и ихъ остроконечныя, старо-прусскія гренадерскія шапки, обложенныя мѣдью, не только придавали имъ величественный видъ, но положительно ослѣпляли своимъ блескомъ. За то прочія принадлежности ихъ костюма, напудренныя головы, длиннѣйшія косы и старомодный покрой мундировъ придавали имъ видъ скомороховъ, выведенныхъ для потѣхи публики; впрочемъ, эта мысль сразу исчезала при взглядѣ на ихъ грозныя и серьезныя лица, на ихъ строго-размѣренный торжественный шагъ, какъ будто они умышленно старались маршировать не спѣша, чтобы прибыть къ намѣченной цѣли какъ можно позднѣе, такъ что ежедневная смѣна караула походила скорѣе на шествіе солдатъ за похоронной процессіей или къ мѣсту казни.

Мнѣ не пришлось въ первые дни видѣть императора при этой церемоніи. Впослѣдствіи мнѣ самому были отданы, однажды, при этомъ, воинскія почести, но чтобы дать понятіе о томъ, что происходило иногда на разводахъ, я разскажу одинъ случай, о которомъ говорилъ въ то время весь городъ; мнѣ передавалъ его со всѣми подробностями гораздо позже одинъ пріятель, бывшій свидѣтелемъ этой сцены.

«Когда я вышелъ изъ кареты»,—такъ разсказывалъ мой другъ,—«и слуга оправилъ на мнѣ мундиръ, то караулъ уже подошелъ къ дверямъ экзерциргауза шаговъ на 50; въ эту минуту появился императоръ, окруженный свитою; караулъ прошелъ мимо него, маршируя съ удвоеннымъ стараніемъ и стараясь изо всѣхъ силъ попасть въ тактъ раздававшейся безостановочно командѣ: «лѣвая, правая» (нога). Какъ одно-

образно ни звучали эти слова, но въ выраженіи, съ которымъ они произносились, была большая разница, смотря по тому, слышалось ли въ нихъ удовольствіе или худое расположеніе духа. Со страхомъ прислушивалось большинство къ постепенно возраставшему раздраженію императора, и я ожидалъ уже, съ возбужденнымъ любопытствомъ, что разводъ сейчасъ окончится, какъ вдругъ, толпа придворныхъ, слѣдовавшая за императоромъ, сплотилась возлѣ него, и за раздавшимся шумомъ и крикомъ я не могъ ясно различить происшедшаго».

Мнѣ сказывали потомъ, что императоръ пришелъ въ большой гнѣвъ. Каково было послѣдствіе этого событія—заточеніе ли въ крѣпость, или ссылка въ Сибирь, или, наконецъ, быстрое повышеніе до чина полковника—я не знаю; но въ ту минуту, вспомнивъ одинъ случай, когда разгнѣванный императоръ приказалъ прогнать съ учебнаго плаца цѣлый полкъ, я испугался, какъ бы и тутъ не случилось что-либо подобное, и струхнулъ за свою собственную участь, по пословицѣ: «съ кѣмъ попался, съ тѣмъ и къ отвѣту».

Въ первые дни моего пребыванія въ Петербургѣ я былъ представленъ также великимъ княгинямъ: Елисаветѣ Алексѣевнѣ, супругѣ великаго князя Александра Павловича, и Аннѣ Өеодоровнѣ, супругѣ Константина. Елисавета Алексѣевна, бывшая принцесса Баденская, обладала въ высшей степени привлекательною наружностью, была привѣтлива и, повидимому, весьма кроткаго характера, тогда какъ Анна Өеодоровна, принцесса Саксенъ-Кобургская, не имѣла и тѣни достоинствъ ея царственной невѣстки, хотя лицомъ была, можетъ быть, и красивѣе ея.

На вечернихъ собраніяхъ у императора, на которыя мнѣ также было приказано являться, присутствовали, главнымъ образомъ, всѣ, находившіеся въ Петербургѣ, члены императорской фамиліи, за исключеніемъ малолѣтнихъ: великой княжны Анны Павловны и великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Изъ прочихъ лицъ, приглашаемыхъ на эти вечера, между коими оберъ-гофмейстерина, графиня Ливенъ, была единственная дама, я помню только петербургскаго военнаго губернатора, графа Палена, высокаго, статнаго мужчину пожилыхъ лѣтъ, привлекательной и въ то же время величественной наружности, съ хитрымъ выраженіемъ глазъ; графа Строганова, графа Нарышкина и графа Кутайсова. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ Строгановъ былъ, кажется, любимцемъ императора. Онъ слылъ большимъ острякомъ и умницею и, несмотря на свою маленькую, тщедушную и сгорбленную фигуру, олицетворялъ собою истиннаго вельможу. Оберъ-камергеръ Нарышкинъ, человѣкъ высокій и плотный, котораго въ кружкѣ императора часто называли, въ шутку, «кузеномъ», такъ какъ мать Петра I была изъ дома Нарышкиныхъ, чѣмъ онъ не-

мало гордился, былъ большой шутникъ и забавникъ; на его губахъ вѣчно скользила улыбка. Всѣ эти господа носили костюмъ мальтійскихъ кавалеровъ, за исключеніемъ графа Палена; на немъ былъ всегда бѣлый мундиръ. Генералъ Дибичъ присутствовалъ на придворныхъ вечернихъ собраніяхъ, вѣроятно, только въ качествѣ моего гувернера. Я не затрогивалъ этого щекотливаго вопроса, но былъ убѣжденъ въ этомъ потому, что онъ старался увѣрить меня въ противномъ.

Передъ началомъ вечера, императорская фамилія собиралась предварительно въ покояхъ тетушки; мнѣ также было приказано являться къ ней. Очень хорошо помню, что ровно въ половинѣ седьмаго растворялись створчатыя двери и входилъ императоръ; пройдя съ легкимъ поклономъ мимо присутствующихъ, государь почтительно кланялся императрицѣ, ласково кивалъ головою великой княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, потомъ, обыкновенно, обращался ко мнѣ особенно благосклонно, много разспрашивалъ меня, часто смѣясь моимъ отвѣтамъ, иной разъ даже хлопалъ въ ладоши; затѣмъ, подавъ руку государынѣ, направлялся въ собраніе. Я, разумѣется, скромно оставался позади всѣхъ, пока серьезная, престарѣлая графиня Ливенъ, которую я въ то время ненавидѣлъ, но къ которой впослѣдствіи относился съ чисто сыновнимъ почтеніемъ, не толкала меня въ спину, со словами: «ступайте!»

Гости встрѣчали императора въ небольшомъ парадномъ покоѣ, стоя въ принужденныхъ почтительныхъ позахъ. Долѣе всѣхъ Павелъ разговаривалъ, обыкновенно, съ военнымъ губернаторомъ, которому часто говорилъ что-то на ухо, причемъ графъ Паленъ нѣсколько склонялся на бокъ; затѣмъ государь обмѣнивался немногими словами съ графомъ Строгановымъ, и послѣ этого, всякій разъ, обращался къ генералу Дибичу, котораго отзывалъ въ уголъ и, указывая часто на меня, милостиво пожималъ ему руку и, какъ я замѣтилъ, къ величайшей досадѣ присутствовавшихъ, увѣрялъ его въ своемъ милостивомъ благоволеніи.

Но едва государь обращался въ сторону прочихъ царедворцевъ, какъ мрачныя лица всѣхъ приглашенныхъ прояснялись и вновь выражали удовольствіе.

Въ такихъ случаяхъ Строгановъ и Нарышкинъ соревновали между собою въ любезности относительно меня. Помня, однако, наставленія моего гувернера ни съ кѣмъ не разговаривать много, кромѣ императора, я ограничивался односложными «да» и «нѣтъ» и на неотступные вопросы Строганова отвѣчалъ, что я новобранецъ-драгунъ и не могу вести разговора съ государственнымъ человѣкомъ и острякомъ. Эти слова, внушенныя мнѣ моимъ хитрымъ наставникомъ, хорошо изучившимъ характеръ императора, производили весьма пріятное впечатлѣніе на Павла и располагали его еще болѣе въ мою пользу. Онъ потиралъ

себѣ, съ довольнымъ видомъ, руки, и по данному имъ знаку всѣ садились.

Государь занималъ съ своею супругою мѣсто на софѣ; прочіе размѣщались около стоявшаго передъ нею круглаго стола; мнѣ полагалось сидѣть какъ разъ противъ императора. Онъ часто взглядывалъ на меня, благосклонно кивая мнѣ головою, но почти ничего не говорилъ съ своею семьею, а больше всего бесѣдовалъ съ графомъ Строгановымъ.

Даже мнѣ, несмотря на мою молодость, бросались въ глаза парадоксальныя мысли, высказываемыя зачастую императоромъ, и я осаждалъ генерала Дибича по этому поводу вопросами на обратномъ пути изъ дворца.

Эти вопросы приводили хитраго царедворца въ немалое смущеніе. Конечно, я не могъ бы найти лучшаго наставника въ искусствѣ притворства и придворныхъ интригъ.

Его взгляды, противъ которыхъ нельзя было спорить, сводились въ общихъ чертахъ къ тому, что надобно дѣйствовать всегда согласно обстоятельствамъ, необходимо поддержать доброе о себѣ мнѣніе императора и сообразоваться съ его настроеніемъ.

— Только такимъ путемъ, добавлялъ онъ, стараясь прикрыть свои слова благовиднымъ предлогомъ,—вы можете сдѣлать пріятное вашимъ родителямъ и быть имъ дѣйствительно полезнымъ; къ этому обязываетъ васъ и долгъ передъ государемъ, который такъ сильно васъ любитъ.

Заговоривъ на эту тему, Дибичъ былъ неистощимъ, и потокъ его краснорѣчія кончался, обыкновенно, самымъ трогательнымъ изъявленіемъ признательности къ государю за расположеніе, которымъ онъ его удостоивалъ.

Этотъ хитрый человѣкъ старался встать въ каждомъ вопросѣ на нравственную точку зрѣнія, чтобы этимъ заслужить мое довѣріе и расположеніе, которымъ онъ считалъ, вѣроятно, необходимымъ заручиться.

Совершенно иначе и гораздо честнѣе относился ко мнѣ г-нъ фонъ-Требра, съ пѣною у рта старавшійся доказать мнѣ ничтожество своего соперника.

Но довольно объ этомъ; вернемся къ вечернимъ собраніямъ у императора.

Эти собранія, точный снимокъ съ обычая, существовавшаго при дворѣ Фридриха II, не представляли сами по себѣ ничего особенно замѣчательнаго. Разныя прохладительныя обносились безпрестанно, а императоръ поддерживалъ въ себѣ веселое настроеніе.

Въ опредѣленное, по часамъ, время,—какъ все, что дѣлалось императоромъ Павломъ,—онъ вставалъ съ софы; за нимъ поднимались всѣ

присутствующіе. Императоръ удалялся на нѣсколько минутъ и по возвращеніи подавалъ руку императрицѣ, чтобы идти къ столу, накрытому въ сосѣдней залѣ. Ужинъ начинался, обыкновенно, въ половинѣ девятаго и ровно въ девать оканчивался.

Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, къ столу приглашались, обыкновенно, двѣ дежурныя статсъ-дамы и генералъ-адъютантъ. Графа Строганова я видѣлъ всегда за столомъ противъ императора, по одну сторону котораго сидѣла императрица, а по другую великая княгиня Елисавета Алексѣевна. Я помѣщался между великою княжною Маріей Павловной и графинею Ливенъ. За каждымъ стуломъ стоялъ пажъ, а позади государя два камеръ-пажа, въ алыхъ кафтанахъ, съ мальтійскими крестами на груди—кандидаты въ капитаны арміи. У одного конца стола, опираясь на палку, стоялъ начальникъ пажей, въ чинѣ полковника, а у противуположнаго конца оберъ-гофъ-фурьеръ Крыловъ, также полковникъ, оба мальтійскіе кавалеры.

Разговаривали за ужиномъ мало, потому что блюда смѣнялись такъ быстро, что едва оставалось время прикоснуться къ кушаньямъ и было уже не до разговоровъ.

Когда государь отвѣдывалъ мороженаго, которое подавалось всевозможныхъ сортовъ, то это служило знакомъ скораго окончанія ужина, который, дѣйствительно, кончался съ первымъ ударомъ девяти часовъ.

Пустяшный случай, происшедшій со мною однажды за ужиномъ, имѣлъ большое вліяніе на мою судьбу.

Едва успѣлъ я, въ тотъ же разъ, коснуться мороженаго, которое давно привлекало мои алчные взоры, красуясь на столѣ въ образѣ всевозможныхъ плодовъ тропическихъ странъ, какъ я замѣтилъ, по суетливому движенію прислуживающихъ, что государь готовъ встать изъ-за стола. Съ трудомъ могъ я выпутать свои шпоры, зацѣпившіяся за скатерть, притомъ всѣ мои мысли были поглощены въ этотъ моментъ исключительно мороженымъ, поэтому, когда лакей быстро отдернулъ изъ-подъ меня стулъ, то я зашатался и головою впередъ, со всего размаха, полетѣлъ на полъ.

Это было такъ уморительно, что я самъ не могъ удержаться отъ смѣха, и я не успѣлъ подняться, какъ государь первый расхохотался—ему вторили всѣ присутствующіе. Но вдругъ его взоръ омрачился, онъ взглянулъ сурово на великаго князя Константина Павловича, спросилъ меня съ участіемъ, не ушибся ли я, и поспѣшно, въ самомъ дурномъ настроеніи, вышелъ изъ залы.

Графиня Ливенъ кинула на меня взглядъ, исполненный гнѣва, а тетушка сказала мнѣ, уходя: «Vous êtes un étourdi, mon ami» [1]).

---

[1]) Какой ты вѣтренникъ, мой другъ.

Великіе князья продолжали смѣяться, Марія Павловна пожала плечами, взглянувъ на меня съ состраданіемъ, а придворные, уходя, кланялись мнѣ еще ниже прежняго. Я остался, наконецъ, одинъ съ пажами, которые, не обращая вниманія на царскаго любимца, дружно напали на сласти, по обычаю предоставленныя имъ и на которыя я посматривалъ съ завистью.

Мнѣ пришлось ждать въ столовой, пока не были погашены чуть ли не послѣднія свѣчи, такъ какъ генералъ Дибичъ былъ неожиданно позванъ къ императору и долго оставался въ его покояхъ.

Когда онъ вернулся наконецъ и мы усѣлись съ нимъ въ карету, то мой гувернеръ неожиданно поднялся со своего сидѣнія, опустился на колѣни и, наклонившись ко мнѣ быстро, схватилъ мои руки.

— Что я слышалъ, любезный другъ, воскликнулъ онъ, какъ хмѣльной,—возможно ли это, мыслимо ли, вѣроятно ли это?

— Да что же такое случилось, ваше превосходительство? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Вы будете великимъ княземъ! восклицалъ Дибичъ, покрывая вновь мои руки поцѣлуями.

Не знаю, до чего бы онъ дошелъ, ежели бы я не остановилъ его восторга разными вопросами, на которые онъ однако не счелъ въ ту минуту своевременнымъ отвѣчать мнѣ. Когда же мы подъѣхали къ дому и намъ навстрѣчу выбѣжали слуги, то среди всевозможныхъ увѣреній въ преданности съ его стороны, я разслышалъ многознаменательныя слова: «онъ хочетъ усыновить васъ». Эти слова чудились мнѣ въ ту ночь и во снѣ.

Я не могу выяснить, какимъ образомъ возникло и чѣмъ могло быть вызвано подобное намѣреніе императора Павла; въ то время я не подозрѣвалъ даже всего значенія этихъ словъ, а впослѣдствіи не имѣлъ никакихъ доказательствъ справедливости того, о чемъ Дибичъ говорилъ мнѣ съ такою увѣренностью.

Мои отношенія къ тетушкѣ составляютъ одинъ изъ необъяснимыхъ фактовъ моей жизни. Она относилась ко мнѣ до самой смерти съ истинно материнской любовью. Во всѣ періоды моей жизни, въ дѣтствѣ, юношествѣ и въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ она одинаково и открыто выражала это расположеніе, называя себя моею второй матерью.

Тетушка искренно любила меня и хорошо знала мой характеръ; она завѣщала мнѣ не на память только одинъ перстень, но для меня съ нею связано много неоцѣнимыхъ и незабвенныхъ воспоминаній.

Важная роль, которую играли въ моей жизни эти личныя отношенія, послужитъ мнѣ извиненіемъ, что я увлекся воспоминаніями и оторвался отъ разсказа, къ которому теперь и возвращаюсь.

Я уже говорилъ, что тетушка хотѣла помѣстить меня отдѣльно отъ

кадетскаго корпуса. Въ этомъ случаѣ она дѣйствовала вопреки повелѣнію императора, назначившаго моимъ ближайшимъ воспитателемъ генерала Дибича, который служилъ въ этомъ заведеніи; но въ то время уже многое дѣлалось безъ вѣдома государя, и окружающіе ловко умѣли обходить его приказанія. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Мнѣ былъ отведенъ первый этажъ сосѣдняго съ корпусомъ дома, по 1-й линіи Васильевскаго острова. Близость корпуса соотвѣтствовала желанію императора, а помѣщеніе меня отдѣльно отъ кадетъ удовлетворяло требованіямъ этикета, но генералъ Дибичъ былъ крайне недоволенъ этой комбинаціей и считалъ ее результатомъ интригъ г. фонъ-Требра. Въ скоромъ времени я и самъ испыталъ, вслѣдствіе этого перемѣщенія, нѣкоторыя непріятности.

Однажды, послѣ обѣда, я получилъ отъ тетушки записку, въ которой она собственноручно извѣщала меня, что по приказанію императора я долженъ явиться въ тотъ вечеръ въ концертъ. Положеніе было прескверное: генералъ Дибичъ не былъ у меня въ то время, а г. фонъ-Требра никакъ не соглашался на то, чтобы я увѣдомилъ Дибича объ этомъ приказаніи.

Услыхавъ мое возраженіе, что я не рѣшаюсь явиться во дворецъ безъ генерала, мой гувернеръ окончательно вышелъ изъ себя, и когда медлить долѣе было невозможно, онъ вскричалъ, наконецъ, совершенно взволнованный: «Ну, дѣлайте какъ хотите, пишите ему!»

Я тотчасъ написалъ генералу, но онъ не явился, и мнѣ пришлось ѣхать съ г. фонъ-Требра; но такъ какъ онъ не имѣлъ пріѣзда ко двору, то крайне раздраженный, онъ предоставилъ меня моей собственной судьбѣ у дверей концертной залы, откуда доносились уже знакомые звуки любимой государемъ увертюры изъ «Ифигеніи» Глюка. Когда я отворилъ дверь въ зало, послышалось недовольное «тс!..»

Опозданіе считалось государемъ преступленіемъ, но нѣтъ правила безъ исключенія, и, къ общему изумленію всѣхъ присутствующихъ, императоръ не только ласково привѣтствовалъ меня, но извинился, что концертъ начатъ безъ меня, и пригласилъ меня занять оставленное мнѣ, въ первомъ ряду, мѣсто.

Онъ самъ подвелъ меня къ великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ; такъ какъ мой стулъ оказался послѣднимъ съ правой стороны и возлѣ него, полукругомъ, шелъ второй рядъ стульевъ, то я очутился столь близкимъ сосѣдомъ одной очаровательной молодой дамы, что наши колѣни невольно соприкасались; я началъ извиняться, и такимъ образомъ между нами завязался разговоръ, продолжавшійся во всѣ антракты между пьесами.

Моя сосѣдка была одѣта весьма изящно; блескъ ея драгоцѣнныхъ камней свидѣтельствовалъ о ея знатномъ происхожденіи, а небольшое

*

количество цѣнныхъ вещей, составлявшихъ ея уборъ, говорило въ пользу ея вкуса. Эта дама приняла, впослѣдствіи, особое участіе во мнѣ и будетъ играть въ моемъ разсказѣ большую роль, поэтому съ моей стороны покажется совершенно страннымъ, что я не освѣдомился тогда объ ея имени, которое со временемъ отъ меня утаили.

Ежели бы меня теперь спросили, почему я не полюбопытствовалъ узнать ея фамилію, то мнѣ пришлось бы съ краскою стыда сознаться, что эта дама произвела на меня, тринадцатилѣтняго мальчика, такое непонятное впечатлѣніе, что я боялся выдать его своими разспросами. Вотъ причина, по которой я не узналъ ея имя, когда это было возможно; потомъ его скрыли отъ меня по причинамъ, о которыхъ я только догадывался, не будучи въ нихъ вполнѣ увѣренъ.

Отвѣчая на вопросы великой княгини и другихъ особъ, я съ любопытствомъ разспрашивалъ ихъ, въ свою очередь, о стоявшихъ передъ нами артистахъ, въ старомодныхъ костюмахъ, какъ вдругъ посреди нихъ явилась величавая красавица, которую вывелъ на сцену господинъ весьма маленькаго роста. Первые звуки ея очаровательнаго голоса удостоились громкаго браво и аплодисментовъ императора. Это была г-жа Шевалье, одна изъ извѣстнѣйшихъ пѣвицъ того времени, которая пользовалась, какъ говорили, особымъ благоволеніемъ императора. При дворѣ, подобныя вещи недолго остаются тайною, поэтому неудивительно, что объ этомъ узналъ и я, мальчуганъ; впрочемъ, въ то время я не давалъ еще себѣ яснаго отчета въ слышанномъ, равно какъ и въ тѣхъ чувствахъ, которыя по временамъ начинали волновать меня и которыя я не объяснялъ себѣ, несмотря на рано пріобрѣтенную опытность и на то, что я смущался при видѣ каждаго хорошенькаго женскаго личика. Носился слухъ, будто эта очаровательная особа заняла мѣсто красавицы княгини Гагариной, рожденной Лопухиной, которая пользовалась ранѣе благосклонностью Павла.

Концертъ окончился, по обыкновенію, ужиномъ, который прошелъ этотъ разъ безо всякихъ приключеній.

Перенесемся теперь въ мою комнату, гдѣ я, на слѣдующее утро, едва вставъ съ постели, увидѣлъ Дибича.

Маленькій генералъ пылалъ гнѣвомъ, и надо сознаться, имѣлъ на то полное право. Онъ не получилъ моей записки, и посланный на его вопросы прямо заявилъ, что г. фонъ-Требра запретилъ ему передавать ее и даже отнялъ у него мое посланіе. Такимъ образомъ Дибичъ пропустилъ концертъ и считалъ себя уже въ немилости у императора. Мое увѣреніе, что отсутствіе генерала вовсе не было замѣчено, только усилило его гнѣвъ, проявленіе котораго сдерживалось нѣсколько моимъ присутствіемъ. Но едва я удалился въ свою спальню, чтобы переодѣться, какъ между моими завистливыми педагогами разразилась

перебранка. Все громче и громче доносились до меня ихъ гнѣвные голоса. Только-что я успѣлъ одѣться, готовый ѣхать ко двору, какъ ко мнѣ вбѣжалъ, весь запыхавшись, слуга, кричавшій: «Господи! они сцѣпились за волосы!»

— Боже мой! воскликнулъ я, г. фонъ-Требра пропалъ! Дѣйствительно, хотя фонъ-Требра и былъ силенъ, но за то было за что схватить его, тогда какъ маленькій Дибичъ столько разъ въ день терялъ свой парикъ, что онъ и теперь могъ, безъ ущерба для своей головы, оставить его въ рукахъ своего противника. Но оказалось, что генералъ лежалъ, безъ парика, подъ столомъ, а разодранная одежда моего втораго гувернера свидѣтельствовала о происшедшей кулачной расправѣ, за окончаніемъ которой я не безъ злорадства слѣдилъ въ замочную скважину вмѣстѣ съ моимъ хирургомъ и двумя слугами, раздѣлявшими мою антипатію къ г. фонъ-Требра. Первымъ, весьма естественнымъ моимъ побужденіемъ было придти на помощь болѣе слабой сторонѣ, но, увидѣвъ генерала въ столь надежной позиціи, я сталъ наслаждаться его оборонительными дѣйствіями и съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ онъ по кошачьи фыркалъ и плевался во всѣ стороны, швыряя въ ненавистнаго противника все, что ему попадалось подъ руку изъ одежды: его шпага, табакерка, носовой платокъ и—даже парикъ летали взадъ и впередъ по комнатѣ, которая была наполнена пудрою, носившеюся въ воздухѣ.

Правда, Дибичъ первый началъ драку, но и фонъ-Требра не остался у него въ долгу, поэтому я мысленно осудилъ ихъ обоихъ. «И эти люди должны служить мнѣ примѣромъ!» думалъ я.

Когда я вошелъ въ комнату, они поняли, что ихъ честь зависитъ отъ моего молчанія, и я обѣщалъ не выдавать ихъ, ежели они помирятся.

Съ этого, еще дымившагося, поля битвы экипажъ помчалъ сражавшихся и ихъ примирителя въ императорскій замокъ.

Этотъ разъ тетушка впервые встрѣтила меня строгимъ выговоромъ. Я былъ принятъ въ отдаленной комнатѣ, и возлѣ государыни стоялъ ея генералъ-адъютантъ женскаго пола въ угрожающей позѣ. Ежели бы тутъ присутствовало еще третье лицо, то я принялъ бы его за палача.

Мнѣ было предъявлено мое вчерашнее письмо къ генералу Дибичу, которымъ г. фонъ-Требра воспользовался, какъ оказалось, чтобы пожаловаться на меня. Въ этомъ письмѣ говорилось, что я, къ крайнему моему сожалѣнію, не могъ, по винѣ г. Требра, увѣдомить генерала своевременно и что ежели онъ не придетъ тотчасъ, то мы не будемъ въ состояніи ждать его.

Я оправдывался тѣмъ, что самъ императоръ назначилъ генерала моимъ непосредственнымъ воспитателемъ и что мнѣ приказано не яв-

ляться безъ него ко двору, но императрица видѣла въ моемъ поступкѣ злой умыселъ противъ человѣка, приставленнаго ко мнѣ моими родителями. Я ни разу не видѣлъ ее столь разсерженной, и ни разу не осыпала она меня столь горькими упреками, принявъ на себя добровольно обязанности моихъ отсутствующихъ родителей. Она бранила меня такъ, какъ можетъ бранить только родная мать, и совершенно обезоружила меня, когда я сталъ возражать ей, объявивъ, что она считаетъ себя моей матерью и смотритъ на меня какъ на своего сына. Поэтому я выслушалъ терпѣливо ея наставленія и предоставилъ ей чинить надо мною правосудіе. Хотя я и подумывалъ, слушая ее, что она мать довольно строгая, но все же я былъ убѣжденъ, что ея выговоры, правда, мною не особенно заслуженные, были вызваны ея строгими нравственными принципами, тѣмъ болѣе, что она не задумалась высказать порицаніе любимцу императора, не обращая вниманія на благоволеніе ко мнѣ ея всемогущаго супруга. Я же со своей стороны стойко выдержалъ характеръ и, несмотря на всю мою злобу къ виновнику пережитыхъ мною непріятныхъ минутъ, не нарушилъ даннаго мною слова. Это сознаніе, или несомнѣнное доказательство любви и заботливости, которымъ тетушка старалась загладить воспоминаніе о сдѣланномъ мнѣ выговорѣ, или наконецъ убѣжденіе въ моей невинности и моя собственная любовь къ моей преемной матери были причиною того, что слезы, которыя я пролилъ въ этотъ день, не оставили ни малѣйшей тѣни на памяти моей благодѣтельницы.

Изъ злосчастнаго кабинета, находившагося въ самомъ отдаленномъ концѣ покоевъ моей тетушки и въ которомъ я болѣе никогда не былъ, перенесемся теперь въ роскошное зало или, лучше сказать, въ длинную галлерею Михайловскаго дворца, гдѣ по воскресеньямъ собирались офицеры всѣхъ гвардейскихъ полковъ и высшій генералитетъ, стоявшіе тутъ по старшинству чиновъ. Я стоялъ впереди всѣхъ. Рядомъ со мною находились три брата Зубовы: Платонъ, Валеріанъ и Николай, затѣмъ многіе другіе генералы, въ томъ числѣ и Дибичъ. У противоположной двери, откуда ожидали императора, помѣщались всѣ вновь произведенные, явившіеся благодарить и представлявшіеся иностранцы, въ числѣ которыхъ былъ на этотъ разъ и г. фонъ-Требра. Гр. Паленъ, осмотрѣвъ представлявшихся, занялъ мѣсто, въ ожиданіи императора. во главѣ ихъ.

Когда створчатыя двери распахнулись, въ собраніи пронеслось шепотомъ: «государь»; всѣ невольно подтянулись. Первымъ былъ представленъ по списку и преклонилъ предъ императоромъ колѣно мавръ, въ морскомъ мундирѣ. Большинство удостоилось ласковаго привѣтствія, а инымъ, въ томъ числѣ и г. фонъ-Требра, государь сказалъ нѣсколько милостивыхъ словъ. Обратившись затѣмъ къ прочимъ присутствую-

щимъ, государь замѣтилъ меня, поспѣшилъ ко мнѣ, сдѣлалъ нѣсколько самыхъ любезныхъ вопросовъ и даже извинился, что долженъ оставить меня по обязанностямъ службы. На стоявшихъ возлѣ меня Павелъ не обратилъ никакого вниманія и прошелъ на другой конецъ зала, гдѣ, обходя ряды, принималъ рапорты командировъ гвардейскихъ полковъ, въ томъ числѣ и великихъ князей. Подъ конецъ онъ опять подошелъ ко мнѣ, вновь любезно привѣтствовалъ меня, холодно сказалъ нѣсколько словъ братьямъ Зубовымъ и гораздо ласковѣе обратился къ нѣкоторымъ другимъ изъ присутствовавшихъ, въ особенности къ Дибичу.

Когда государь отошелъ отъ насъ настолько, что можно было позволить себѣ говорить шепотомъ, то хитрый гр. Платонъ Зубовъ обратился ко мнѣ съ льстивыми словами. Императоръ тотчасъ замѣтилъ это, возвратился ко мнѣ и ласково посмотрѣлъ на князя.

По удаленіи Павла изъ аудіенцъ-залы, всѣ устремились въ покои, гдѣ собирались придворныя дамы на парадный выходъ и гдѣ я долженъ былъ дожидаться великихъ князей Александра и Константина Павловичей, которые были еще заняты своими частями, чтобы вмѣстѣ съ ними идти въ гостиную, куда собиралась императорская фамилія.

Въ ожиданіи ихъ, я имѣлъ возможность разсмотрѣть толпу собравшихся придворныхъ дамъ и, любуясь ими, позабылъ непріятное событіе того утра. Какую массу я увидѣлъ тутъ великолѣпныхъ нарядовъ, давшихъ мнѣ понятіе о блескѣ русскаго двора и о чрезвычайномъ богатствѣ русскихъ вельможъ! Глядя на изящныя фигуры дамъ и на ихъ оригинальныя платья, блиставшія золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями, мнѣ казалось, что женскія моды давно минувшихъ временъ сочетались тутъ со вкусомъ новѣйшаго времени, чтобы заплатить дань красотѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ. Эта мысль пришла мнѣ на умъ въ особенности въ ту минуту, когда я увидѣлъ среди этой прелестной толпы знакомую мнѣ молодую даму, которая занимала этотъ разъ болѣе подобавшее ей почетное мѣсто и была такъ же прекрасна, какъ вчера.

Какъ возгордился я, увидѣвъ, что она меня замѣтила и подозвала къ себѣ. Пригласивъ меня сѣсть возлѣ нея, она сказала, что я своею откровенною бесѣдою смутилъ и встревожилъ ее вчера, но заслужилъ ея полное сочувствіе.

Затѣмъ съ выраженіемъ грусти, она взяла меня за руку и продолжала взволнованнымъ голосомъ: «Хотите быть моимъ другомъ? Я буду охранять васъ! Обращайтесь ко мнѣ всякій разъ, когда что-либо встревожитъ васъ. Я часто бываю при дворѣ; только не говорите никому о нашей дружбѣ, подъ этимъ условіемъ я сама буду откровенна съ вами. Довольно того, ежели вы знаете, что мы живемъ въ тяжелыя времена, когда самыя блестящія надежды измѣняютъ и когда надобно бояться самыхъ могучихъ покровителей».

Въ сущности ея слова были для меня совершенною загадкою, и я отнесъ мысленно къ числу опасностей, о которыхъ она мнѣ намекала, тѣ шалости, изъ-за которыхъ я могъ лишиться благоволенія императора. Но въ ту минуту я боялся только потерять участіе и довѣріе моего новаго друга, и ничто въ мірѣ не могло бы меня заставить нарушить ея тайну, такъ какъ я питалъ къ ней самыя серьезныя чувства, какія только можетъ питать тринадцатилѣтній мальчикъ.

Изъ пріемныхъ комнатъ императоръ отправился въ аудіенцъ-залу, ведя подъ руку императрицу, а когда окончилось представленіе, всѣ присутствующіе двинулись въ дворцовую церковь; государь со своею августѣйшею супругою заняли царское мѣсто, а прочіе, въ томъ числѣ и я, стали посреди церкви. Я всталъ возлѣ упомянутой молодой дамы, которая во время богослуженія нашла случай объяснить мнѣ значеніе нѣкоторыхъ обрядовъ православнаго богослуженія. Стройное пѣніе пѣвчихъ, которое надобно слышать, чтобы понять сильное впечатлѣніе, какое оно производитъ на воспріимчивую душу, подѣйствовало на меня такъ глубоко, что я унесся духомъ въ иной, высшій міръ.

Особенно горячо молилась моя сосѣдка, когда во время ектеньи было произнесено имя наслѣдника-цесаревича: «На него надобно смотрѣть, какъ на Спасителя, сказала она, онъ долженъ быть вашимъ кумиромъ».

Эти слова были пророческія; они выражали тѣ чувства, которыя я питалъ къ Александру въ первые годы его царствованія, но могъ ли я, мальчикъ, осыпанный милостями государя и отъ него вполнѣ зависѣвшій, имѣть собственную волю или идти противъ него въ то время, когда натянутыя отношенія, существовавшія между государемъ и его сыномъ, ни для кого не составляли тайны?

Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней. Начавшіяся занятія препятствовали мнѣ, по-прежнему часто, являться ко двору, впрочемъ, я присутствовалъ на всѣхъ оффиціальныхъ собраніяхъ; не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что благоволеніе ко мнѣ императора увеличивалось съ каждымъ днемъ, точно такъ же, какъ и предупредительность придворныхъ, а равно расположеніе государыни и участіе ко мнѣ моей юной покровительницы.

До 9-го (21) марта въ моей жизни не произошло ничего особеннаго, поэтому мы пройдемъ это время молчаніемъ и перенесемся прямо на придворный концертъ, гдѣ я очутился вновь рядомъ съ той дамою, которая оказывала мнѣ такое вниманіе. Мрачное настроеніе духа, всѣхъ угнетавшее, чувствовалось въ тотъ вечеръ болѣе, нежели когда-либо. Казалось, будто и пѣніе г-жи Шевалье не интересовало императора, какъ всегда. Великая княгиня Елисавета Алексѣевна сидѣла молча и печально. Александръ Павловичъ также былъ повидимому озабоченъ.

Павелъ смотрѣлъ сердито и разстроенно; меня удивило, почему, при подобномъ настроеніи, онъ не отмѣнилъ вовсе концерта.

По окончаніи концерта, императоръ, какъ всегда, удалился, но его отсутствіе продолжалось этотъ разъ долѣе обыкновеннаго. Когда двери распахнулись, онъ подошелъ къ императрицѣ, стоявшей справа, ближе всѣхъ остальныхъ, остановился передъ нею, а потомъ предъ обоими великими князьями, затѣмъ подошелъ къ гр. Палену, шепнулъ ему что-то на ухо и поспѣшно направился къ столу. Всѣ послѣдовали за нимъ молча.

Гробовое молчаніе царило за ужиномъ; когда же всѣ встали изъ-за стола, то императоръ быстро удалился, никому не поклонившись.

Выйдя изъ столовой, я встрѣтилъ моего друга въ плохо освѣщенномъ коридорѣ. Она прошептала нѣсколько словъ на ухо генералу Дибичу, который отвѣчалъ почтительно: «къ вашимъ услугамъ»...

Съ этихъ поръ я никогда болѣе не видалъ ее.

Когда она удалилась, я рѣшился, наконецъ, спросить генерала, кто эта дама?

— Право, отвѣчалъ онъ съ видимымъ смущеніемъ, при дворѣ бываетъ такъ много знатныхъ особъ, что я не могу сразу припомнить имена всѣхъ.

— Но что же она вамъ сказала?

— Гр. Паленъ проситъ меня заѣхать къ нему завтра утромъ.

На другой день концерта, въ воскресенье утромъ, я засталъ императора въ лучшемъ настроеніи духа. Во время пріема, Дибичъ говорилъ мнѣ, что императрица и великіе князья вѣроятно въ чемъ-нибудь провинились наканунѣ передъ государемъ. Проходя мимо меня, Павелъ благосклонно пожалъ мнѣ руку, какъ бы желая этимъ сказать: «Мнѣ некогда съ тобою заняться, но ты можешь разсчитывать на мое расположеніе».

По утру 12-го (24) марта, г. фонъ-Требра объявилъ мнѣ о кончинѣ императора Павла.

Тетушку я увидѣлъ въ глубокомъ траурѣ; она была очень серьезна, печальна и мрачно настроена.

Теперь по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ все вокругъ меня измѣнилось.

О блестящей карьерѣ, которой приближенные отчасти желали, отчасти опасались для меня и которая предстояла мнѣ вслѣдствіе особаго ко мнѣ благоволенія покойнаго государя, теперь не могло быть и рѣчи; я могъ выдвинуться, только благодаря своимъ способностямъ и моему собственному старанію. Почетъ, которымъ я пользовался при дворѣ такъ незаслуженно, уступилъ мѣсто болѣе строгой дисциплинѣ, коей подчинилъ меня мой второй гувернеръ, окончательно заступив-

шій мѣсто генерала Дибича; я пересталъ являться ко двору; болѣе замкнутая жизнь конечно способствовала моимъ научнымъ занятіямъ. Время отъ времени я бывалъ у тетушки, но она всякій разъ производила мнѣ нѣчто въ родѣ экзамена, а остальные придворные едва замѣчали меня. Что касается меня, то я чувствовалъ себя гораздо пріятнѣе и довольнѣе съ тѣхъ поръ, какъ я очутился на болѣе подобающемъ мнѣ мѣстѣ, и, несмотря на свою молодость, краснѣлъ при мысли, что я былъ всѣмъ обязанъ не моимъ личнымъ достоинствамъ, а только прихоти покойнаго императора.

Рискуя смертельно надоѣсть, я могъ бы приступить теперь къ подробному описанію Петербурга, казавшагося мнѣ особенно привлекательнымъ въ лѣтніе мѣсяцы, но это будетъ совершенно лишнее, такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно, что это прекрасный городъ, съ его восхитительными островами и прелестными окрестностями съ ихъ загородными дворцами и дачами. Также излишне будетъ описывать подробно печальную церемонію похоронъ императора Павла. Длинной вереницею тянулась процессія отъ Михайловскаго замка чрезъ Васильевскій островъ въ крѣпость—новое мѣсто упокоенія царей. Траурная шляпа невѣроятныхъ размѣровъ, съ огромными полями и длинный плащъ страшно мѣшали мнѣ идти вслѣдъ за особами императорской фамиліи; ничего не видя предъ собою, я уходилъ впередъ другихъ и споткнувшись падалъ возлѣ самой колесницы. Окружающіе, несмотря на торжественную обстановку печальной церемоніи, не могли удержаться отъ улыбки, при видѣ моего неоднократнаго паденія; одинъ разъ самъ Константинъ Павловичъ отвелъ меня на мое мѣсто, сказавъ: «Держись за меня, чтобы тебя опять не столкнули».

На моихъ глазахъ произошелъ слѣдующій случай, возбудившій много пересудовъ: ѣхавшій въ процессіи парадный рыцарь въ золотыхъ латахъ лишился чувствъ подъ тяжестью вооруженія и упалъ съ лошади, что́ было сочтено суевѣрнымъ народомъ за дурное предзнаменованіе.

Можно сказать вообще, что молодой императоръ относился ко мнѣ вѣжливо, но на парадахъ и аудіенціяхъ держалъ себя со мною скорѣе холодно, нежели любезно; несмотря на это, я былъ въ восторгѣ отъ него и отъ новой, гораздо болѣе изящной обмундировки лейбъ-гвардіи.

Лѣтомъ 1801 г. мнѣ предстояла неожиданная радость: императрица рѣшила отправить меня обратно въ Германію для довершенія моего образованія. И такъ, по прошествіи полугода, я очутился вновь въ Карлсруэ, возвратившись съ востока къ родному очагу съ искреннимъ стремленіемъ къ образованію и къ дальнѣйшему усовершенствованію. Я покинулъ Петербургъ богатый опытомъ, но бѣдный познаніями, не-

смотря на всѣ старанія моихъ прекрасныхъ учителей, изъ коихъ назову: Крафта, Бицтума, Германа, Фрейганга и т. д. и, несмотря на мое собственное стараніе воспользоваться ихъ уроками, я прожилъ въ Россіи слишкомъ короткое время, чтобы мои занятія могли принести плоды.

Я пробылъ въ Калрсруэ до 1802 г.; это время не связано для меня ни съ какими особенными воспоминаніями, кромѣ того, что я занимался сочиненіемъ нѣсколькихъ музыкальныхъ произведеній. Въ годовщину того самаго дня, когда я уѣхалъ въ Россію, 14 января 1802 г г. фонъ-Требра отвезъ меня въ Бреславль. Онъ оставилъ мѣсто въ нашемъ домѣ и передалъ меня другому воспитателю, барону Лудвигу фонъ-Вольцогенъ, брату адъютанта моего отца, который въ чинѣ поручика состоялъ въ Прусскомъ пѣхотномъ полку князя Гогенлоэ-Ингельфингена. Уроженецъ Тюрингена, онъ окончилъ образованіе въ Штутгардтѣ, въ Académie militaire [1]), затѣмъ служилъ въ рядахъ виртембергскаго войска, а съ 1794 г. числился въ прусской арміи. Вольцогенъ первый изъ моихъ наставниковъ далъ мнѣ болѣе широкій взглядъ на вещи и своимъ обширнымъ умомъ имѣлъ на меня большое вліяніе. И у него были, конечно, свои особенности и недостатки, какъ у всякаго смертнаго. Онъ поражалъ, при первой встрѣчѣ, своею холодностью и казался человѣкомъ гордымъ, высокомѣрнымъ и обладающимъ слишкомъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ, но этотъ взглядъ измѣнялся при ближайшемъ знакомствѣ; поручикъ былъ пріятнѣйшій въ мірѣ собесѣдникъ, который въ остроумномъ и интересномъ разговорѣ всегда выказывалъ запасъ самыхъ обширныхъ познаній. Къ тому же его взгляды были въ высшей степени честные; этимъ онъ заслужилъ мою искреннюю привязанность и платилъ мнѣ взаимностью. Снискавъ мое уваженіе, онъ щадилъ, съ своей стороны, мое юное самолюбіе и относился ко мнѣ съ любовью, строго исполняя свой долгъ, за что я до конца жизни буду къ нему питать искреннюю признательность.

Во время моего десяти-мѣсячнаго пребыванія въ Бреславлѣ, которое прерывалось только поѣздками въ Карлсруэ, я сдѣлалъ несравненно большіе успѣхи, нежели прежде. Вольцогенъ былъ однимъ изъ моихъ усерднѣйшихъ преподавателей, и его уроки шли успѣшнѣе другихъ. Онъ старался побѣдить врожденную мнѣ застѣнчивость, съ которой я безуспѣшно боролся въ Петербургѣ, посѣщая со мною вечера, балы, вообще бывая въ дамскомъ обществѣ, но это не принесло особенной пользы, такъ какъ я скоро подмѣтилъ разницу здѣшняго обхожденія съ утонченными манерами петербургскаго двора. Не надобно было обладать слишкомъ большою проницательностью, для того чтобы замѣтить, что

[1]) Военная академія.

патріотическій задоръ, выражающійся только въ презрѣніи ко всему иноземному, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой ограниченности. Поэтому хвастливый тонъ прусскихъ офицеровъ былъ мнѣ крайне противенъ. Они отличались въ то время еще нѣкоторою грубостью, напоминавшей былыя времена. Такъ напр. на одномъ балѣ, молодые прапорщики напали на меня и обычнымъ тогда способомъ принудили меня пить съ ними вино. Я возвратился домой безъ чувствъ. Въ день рожденія короля, мой сосѣдъ комендантъ заставилъ меня выпить цѣлый бокалъ рейнвейна за здоровье Его Королевскаго Величества и полъ-бокала за здоровье королевы. Послѣ этого геройскаго подвига я проснулся довольно поздно въ своей кровати съ болью въ желудкѣ и буквально не могъ дать себѣ отчета въ случившемся. Возлѣ моей кровати сидѣлъ Вольцогенъ; онъ разсказалъ, какъ меня безъ чувствъ принесли домой, и видя, что я былъ чрезвычайно сконфуженъ, старался успокоить меня, увѣряя, что на обѣдѣ всѣ были болѣе или менѣе выпивши, начиная отъ губернатора до послѣдняго гостя.

Въ ноябрѣ 1802 года я уѣхалъ съ Вольцогеномъ изъ Бреславля и, будучи всего пятнадцати лѣтъ отъ роду, поступилъ въ университетъ въ Эрлангенѣ. Проѣздомъ въ этотъ городъ я посѣтилъ поля битвы при Колинѣ и Прагѣ, въ Богеміи.

Занимаясь въ университетѣ, я совершилъ въ 1803 году вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько путешествій, посвящалъ много времени музыкѣ и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за политическими событіями и за возобновившимися непріязненными дѣйствіями между Англіей и Франціей. Всеобщее вниманіе было обращено въ то время на войска, сосредоточенныя близъ Булони; всѣ ожидали высадки французовъ, интересовались мѣрами обороны, которыя будутъ предприняты англичанами, и болѣе всего честолюбивыми замыслами Наполеона и благороднымъ намѣреніемъ Александра помочь слабому противъ сильнаго.

Что касается моихъ путешествій, то я отправился въ 1803 г. изъ Бреславля первый разъ на празднества, устроенныя моимъ дядей, герцогомъ Виртембергскимъ въ Штутгардтѣ, по случаю избранія его въ курфирсты. Онъ оказалъ мнѣ по этому случаю всевозможные знаки благоволенія, назначилъ на мое содержаніе ежегодно 1.500 гульденовъ и выказалъ мнѣ чисто отеческое расположеніе, но я долженъ сознаться, что, несмотря на выдающійся умъ, онъ напоминалъ нѣкоторыми взглядами и слабостями императора Павла.

При оцѣнкѣ личностей я не могъ никогда руководствоваться благоволеніемъ, мнѣ оказаннымъ.

Вольцогенъ нерѣдко говорилъ, что я захожу въ своемъ безпристрастіи слишкомъ далеко, игнорируя долгъ признательности. Онъ высказывалъ мнѣ и нѣкоторыя другія правила житейской мудрости, которыми,

обыкновенно, руководствуются люди въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но эти правила расходились съ самыми сокровенными моими убѣжденіями, и я доказывалъ ему всѣми силами, что у всякаго человѣка свой характеръ, и что я не могу измѣнить своихъ взглядовъ, слишкомъ расходившихся въ этомъ случаѣ съ его воззрѣніями.

Все мною разсказанное свидѣтельствуетъ, что мнѣ пришлось пережить до 1803 года, т. е. въ первыя пятнадцать лѣтъ моей жизни, весьма много достопримѣчательныхъ событій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ

въ письмахъ къ нему разныхъ лицъ.

IV.

Заслуги барона Корфа въ дѣлѣ народнаго образованія.

5.—Оцѣнка заслугъ и низкая злоба [1]).

Замѣчательно плодотворная дѣятельность барона Н. А. Корфа, имѣвшая распространеніе на всю Имперію, конечно, не могла не вызвать признательной оцѣнки со стороны наиболѣе просвѣщенной части общества. Это выразилось, между прочимъ въ томъ, что въ 1870 г. петербургское педагогическое общество избрало его своимъ почетнымъ членомъ; въ 1871 году Московскій университетъ и московскій комитетъ грамотности также избрали его въ почетные свои члены. Насколько, дѣйствительно, почетно, напримѣръ, избраніе бывшаго педагогическаго общества, объ этомъ, между прочимъ, можно судить изъ слѣдующаго письма извѣстнаго уже намъ Ѳ. Н. Мѣдникова, бывшаго редакторомъ-издателемъ «Народной Школы» и принимавшаго дѣятельное участіе въ педагогическомъ обществѣ.

Многоуважаемый
Николай Александровичъ.

Спѣшу увѣдомить Васъ, что въ засѣданіи совѣта спб. Педагогическаго общества 10 сего января Вы избраны Почетнымъ членомъ общества. Сообщая Вамъ о семъ, я въ то же время имѣю честь поздравить Васъ и пожелать Вамъ еще долгаго, полезнаго служенія народному образованію. Отъ души радъ, что общество наше почтило Ваши общественныя, несомнѣнныя заслуги на поприщѣ народнаго образованія. Вотъ списокъ лицъ, избранныхъ въ почетные члены: Вы, графъ Д. А. Толстой, И. Д. Деляновъ, князь П. И. Ливенъ, графъ С. Г. Строгановъ, Н. И. Пироговъ, бывшій министръ нар. пр. Головнинъ, Н. В. Исаковъ и изъ иностранцевъ—Любенъ.

О новомъ Вашемъ званіи будетъ объявлено въ засѣданіи общества 17 января и, по всей вѣроятности, около этого числа Вы получите оффиціальное уже извѣщеніе отъ предсѣдателя общества, П. Г. Рѣдкина.

Душевно Васъ уважающій
Ѳ. Мѣдниковъ.

1870 г. 11 января.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, 1894 г., октябрь.

Въ слѣдующемъ году баронъ Корфъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета.

Къ указаннымъ фактамъ необходимо добавить еще, что во время пріѣзда барона Корфа въ Петербургъ, въ исходѣ 1871 года, у него установились тѣсныя и дружественныя отношенія со всѣми лучшими представителями педагогической дѣятельности въ столицѣ. Не говоря уже о торжественномъ чествованіи его педагогическимъ обществомъ, какъ своего почетнаго члена, онъ былъ оффиціально приглашенъ въ засѣданіе педагогическихъ курсовъ при II-й С.-Петербургской военной гимназіи. Въ присутствіи великой книгини Евгеніи Максимиліановны онъ давалъ уроки въ острожной женской школѣ, въ образцовой школѣ учительской семинаріи Петербургскаго воспитательнаго дома, въ частной школѣ и многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Былъ приглашенъ въ «торжественное собраніе» академіи наукъ, по случаю «празднованія дня ея учрежденія» (29-го декабря). Кромѣ того, онъ имѣлъ свиданіе съ Головнинымъ, предшественникомъ графа Толстаго по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ графомъ С. Г. Строгановымъ и многими другими лицами, проявлявшими живой интересъ къ дѣлу народнаго образованія и желавшими ближе познакомиться съ педагогическими его воззрѣніями. Высокопоставленныя лица, съ которыми видѣлся въ Петербургѣ баронъ Н. А. Корфъ, сами искали съ нимъ свиданія.

Въ бытность въ Петербургѣ, баронъ Корфъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ министромъ народнаго просвѣщенія о положеніи и нуждахъ народнаго образованія, о задачахъ и условіяхъ его организаціи. Въ то время графъ Д. А. Толстой самъ сильно склонялся въ пользу введенія обязательнаго обученія въ Россіи. Немудрено поэтому, если изъ собесѣдванія съ Толстымъ баронъ Корфъ вынесъ увѣренность, что невѣжеству русскаго народа насталъ конецъ, что правительство рѣшилось, не щадя никакихъ средствъ, идти по пути народнаго образованія.

Вообще, послѣ поѣздки въ Петербургъ, котораго баронъ Корфъ прямо-таки не любилъ, онъ возвратился въ свой родной уѣздъ съ самыми лучшими надеждами и ожиданіями. Онъ достигъ, можно сказать, апогея педагогической славы. Заслуги его были наконецъ общепризнаны. На вниманіе, оказанное ему графомъ Д. А. Толстымъ, т. е. министромъ народнаго просвѣщенія, баронъ Н. А. Корфъ былъ въ правѣ смотрѣть даже, какъ бы на правительственную санкцію. А это имѣло для него громадное значеніе, въ виду той по истинѣ самоотверженной преданности, съ какою онъ служилъ дѣлу народнаго образованія

Нужно замѣтить, что, со времени введенія земскихъ учрежденій, главная часть журнальной дѣятельности барона Корфа была посвящена преимущественно полемикѣ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія,—

и вотъ почему именно. «Положеніемъ о народныхъ училищахъ» 14-го іюня 1864 года земскимъ учрежденіямъ была предоставлена полная самостоятельность въ дѣлѣ народнаго образованія, такъ что даже выборъ предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ былъ предоставленъ земскимъ собраніямъ. Эта благоразумная децентрализація распорядительно-исполнительной власти дала возможность проявиться на мѣстахъ частному и общественному почину и самодѣятельности въ области народнаго образованія, благодаря чему послѣднее и начало постепенно выходить въ земскихъ губерніяхъ изъ состоянія летаргіи. Только въ силу предоставленной земству самостоятельности, баронъ Корфъ, не принадлежа къ патентованнымъ педагогамъ, оставаясь простымъ земскимъ дѣятелемъ, могъ выступить въ роли организатора разумной народной школы и дать толчекъ этому дѣлу на всю Имперію. Но затѣмъ обстоятельства круто измѣнились. Въ началѣ 70-хъ годовъ послѣдовала инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ, какъ обязательное для всѣхъ распоряженіе. Инструкція эта коренныхъ образомъ измѣняла весь порядокъ открытія народныхъ школъ, завѣдыванія и руководства ими, какъ это было установлено «Положеніемъ» 14-го іюня 1864 года. Строго говоря, за земствомъ оставалось только право ассигнованія денегъ, забота о помѣщеніи, отопленіи и освѣщеніи школъ, безъ всякаго отношенія собственно къ учебно-воспитательной дѣятельности ихъ, безъ права вліятельнаго голоса въ выборѣ, назначеніи и увольненіи педагогическаго персонала народныхъ школъ. ›

Такой оборотъ дѣла настолько удручалъ барона Н. А. Корфа что—какъ указано въ одномъ изъ приведенныхъ выше писемъ графини П. С. Уваровой—онъ намѣревался даже вовсе прекратить свою земскую дѣятельность по народному образованію Но, послѣ посѣщенія Петербурга и бесѣдъ съ графомъ Д. А. Толстымъ, баронъ Н. А. Корфъ склоненъ былъ смотрѣть на указанный неблагопріятный оборотъ, какъ на временное и случайное какое-то недоразумѣніе.. Поэтому, возвратившись въ свой уѣздъ, онъ былъ преисполненъ желанія отдаться дѣлу народнаго образованія съ еще большимъ увлеченіемъ и непоколебимою вѣрою въ его прочность. Но здѣсь, на родинѣ и мѣстѣ общественнаго служенія, его ожидало жестокое разочарованіе и безсмысленно-суровый нравственный ударъ, совершенно, конечно, незаслуженный имъ.

Тотъ именно тріумфъ, который выпалъ въ Петербургѣ на долю Н. А. Корфа, какъ общественнаго дѣятеля, и которымъ землевладѣльцы Александровскаго уѣзда должны бы были только гордиться за представителя изъ своей среды,—наоборотъ, до послѣдней крайности раздражилъ темную мѣстную землевладѣльческую силу. Давно уже тяготясь барономъ Корфомъ, какъ главною помѣхою распоряжаться «земскимъ

пирогомъ» по своему усмотрѣнію, они, наконецъ, положительно потеряли разсудокъ отъ всероссійской славы, выпавшей на долю барона Н. А. Корфа, и, при помощи темныхъ происковъ и низкихъ интригъ, забаллотировали его, на съѣздѣ землевладѣльцевъ для выбора земскихъ гласныхъ. Не трудно представить себѣ, какъ изумила и возмутила всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей эта дерзкая и безумная выходка,—это грубо-пренебрежительное, даже ненавистническое отношеніе къ общепризнаннымъ заслугамъ барона Н. А. Корфа на пользу всего государства. Со всѣхъ концовъ Россіи барона Корфа забросали сочувственными письмами. Изъ этой обширной и поучительной корреспонденціи мы ограничимся лишь слѣдующими письмами, придерживаясь и въ этомъ случаѣ хронологическаго ихъ порядка.

31 май. Тульская губ., село Пажилино.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ,

Сейчасъ пріѣхалъ beau-frère Левшинъ и сообщилъ мнѣ грустное извѣстіе о забаллотированіи вашемъ въ гласные. Что дѣлать и какъ привыкнуть къ этой мысли? Какъ себѣ представить, что это возможно, что это могло случиться? О причинахъ я не справляюсь, ибо у насъ, въ матушкѣ Россіи, еще многое дѣлается безъ всякой причины; но, Боже, когда же всему этому безобразію будетъ конецъ, когда будемъ мы болѣе дорожить нашими рѣдкими, честными и безкорыстными дѣятелями?

Левшинъ, не зная мѣстности, не знакомый съ вашими дѣятелями, не могъ мнѣ дать никакихъ подробностей; онъ мнѣ сказалъ только одно, и то я не хочу этому вѣрить. Онъ увѣряетъ, что Вы рѣшились покинуть и училищный совѣтъ. Неужели это правда? Неужели у Васъ хватитъ духу поднять руку на всѣ эти школы, разбить, такимъ образомъ, въ минуту гнѣва то, надъ чѣмъ Вы такъ трудились, то, что можетъ принести такъ много пользы нашей бѣдной, умной, но многострадальной Россіи?.. Я не вѣрю этому и не повѣрю до тѣхъ поръ, пока Вы сами мнѣ объ этомъ не напишете. Еслибы Вы такъ поступили, то я бы совершенно потеряла всякую вѣру въ способность нашихъ дѣятелей работать единственно для пользы дѣла, работать неустанно, несмотря ни на какія минутныя бури и невзгоды.

Знаю тоже отъ Левшина, что старикъ Буйницкій не захотѣлъ баллотироваться и даже заплакалъ послѣ сдѣланной Вамъ непріятности. Дай Богъ вамъ побольше такихъ честныхъ людей; дай Богъ, чтобы и онъ раздѣлилъ мое мнѣніе на счетъ продолженія трудовъ Вашихъ по школамъ и присоединился къ моимъ просьбамъ, чтобы заставить Васъ, любезный Николай Александровичъ, продолжать Ваши труды и опыты.

Не могу писать болѣе, ибо извѣстіе о сдѣланной Вамъ непріятности слишкомъ сильно на меня подѣйствовало.

Жаль мнѣ, что я прежде Вамъ не писала и даже не отвѣтила Вамъ на Ваше письмо отъ января мѣсяца, но всю зиму мнѣ пришлось очень часто ѣздить въ Москву, гдѣ страдалъ и умиралъ медленной смертью мой бѣдный старикъ-отецъ. Теперь мы его недавно похоронили, и я привезла мать мою къ сестрѣ, чтобы развлечь и повеселить ея бѣдную, наболѣвшую душу. Завтра

отправляемся обратно къ себѣ въ Порѣчье, куда и прошу писать; отвѣчайте скорѣе, а то мы въ половинѣ іюня отправляемся съ мужемъ за границу, куда его посылаютъ лѣчиться. Я надѣялась прежде увидѣть Васъ лѣтомъ въ Порѣчьѣ, разсчитывая на то, что Вы посѣтите московскую выставку, но теперь съ нашимъ путешествіемъ видно приходится отказаться отъ этой мысли.

Кончаю, жму Вамъ руку и прошу Васъ какъ можно скорѣе отвѣчать мнѣ дабы я могла спокойно работать, не теряя надежды и вѣры въ силу характера нашихъ политическихъ дѣятелей.

Графиня Уварова.

---

14 іюня 1872 г.
г. Петербургъ.

Милостивый Государь
Николай Александровичъ!

. . . .

Извѣстіе, прочтенное мною изъ газетъ, о сюрпризѣ, который устроило земство александровскому училищному совѣту, сначала меня сильно поразило; но потомъ, вспомнивъ, что мы живемъ еще пока въ дикихъ дебряхъ, гдѣ встрѣчается больше звѣрей, нежели людей, я успокоился, такъ какъ различные курьезы на Руси довольно часты. Съ своей стороны, я имѣю только къ Вамъ, многоуважаемый Николай Александровичъ, большую просьбу. Несмотря на пошлости, Васъ окружающія, и несправедливости, которыми Вамъ платятъ за великое, честное и доброе Ваше дѣло,—не бросайте этого дѣла. Повѣрьте, что есть гораздо больше такихъ людей, которые благодарятъ Васъ душевно, теперь и всегда будутъ чтить Вашу память, какъ человѣка, дѣйствительно сдѣлавшаго доброе дѣло. Примите увѣреніе въ моей глубокой преданности и полномъ уваженіи.

В. Евтушевскій.

Екатеринодаръ, 15 іюня 1872 г.

Душевно уважаемый
Николай Александровичъ!

Съ глубокимъ прискорбіемъ прочиталъ я о сдѣланной противъ Васъ подлости враговъ Вашихъ; они сдѣлали преступленіе не только противъ Васъ, но и противъ того святаго дѣла, которому Вы служите такъ честно. На грустныя размышленія наводитъ судьба нашихъ общественныхъ дѣятелей. Неужели честныя побужденія, энергія, любовь къ дѣлу, стремленіе хоть сколько-нибудь поднять этотъ бѣдный народъ, погрязшій въ невѣжествѣ,—неужели эти возвышенныя стремленія должны встрѣчать со стороны темныхъ личностей постоянное противодѣйствіе въ видѣ подпольной и открытой борьбы и встрѣтить, наконецъ, преграду, и отъ кого же? Отъ людей завистливыхъ, нечестныхъ и невѣжественныхъ! А, вѣдь, находятся еще господа, считающіе себя авторитетами педагогіи, обвиняющіе дѣятеля за то, что онъ стоитъ на почвѣ живой дѣйствительности, а не витаетъ среди кабинетныхъ фантазій. Какъ они много смыслятъ! Неужели и теперь они не отрезвятся?

Сегодня я посылаю попечителю отчетъ о вашихъ школахъ; онъ вышелъ очень большой, на 40 листахъ, и состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой описаны четыре школы, обратившія особенное мое вниманіе: Времьевская, Андреев-

ская, Богодарская и Темрюкская; во второй – представленъ общій очеркъ школъ, распадающійся на два отдѣла: обученіе и причины преуспѣянія школъ. Первый отдѣлъ заключается въ изложеніи учебной программы, обусловленной незначительною продолжительностью учебнаго времени, въ характеристикѣ школъ по успѣхамъ обученія и въ характеристикѣ преподаванія каждаго учебнаго предмета, причемъ подробно остановился на общеобразовательныхъ свѣдѣніяхъ „Нашего Друга"; отдѣлъ оканчивается школьною дисциплиною, потому что обученіе въ школахъ уѣзда проникнуто воспитательными цѣлями.

Второй отдѣлъ состоитъ изъ слѣд. рубрикъ: училищн. помѣщ.; учебн. пособія и библ.; наставники и попечители; степень исправности посѣщеній учениками школъ; содержаніе школъ; дѣятельность учил. совѣта; необходимость повторительныхъ классовъ.

Работа моя замедлилась какъ по причинѣ трудности ея, такъ и вслѣдствіе служеб. обязанностей: я присутствовалъ на экзаменахъ, былъ въ Кубан. сем. и велъ значительную отписку. Ѣду въ Москву 20 числа этого мѣсяца; тамъ думаю кончить и начатую для „Вѣстника Европы" статью: „Возможна ли у насъ раціональная народная школа?" Изъ Москвы же вышлю Вамъ свою карточку, а по возвращеніи—и отчеты.

Отъ души благодарю Васъ за радушное и лестное приглашеніе, которымъ едва-ли удастся мнѣ воспользоваться: времени мало; въ началѣ августа я долженъ быть на мѣстѣ, ибо учит. съѣздъ начнется съ 15 августа и будетъ продолжаться три мѣсяца. Вопросъ этотъ рѣшенный, хотя разрѣшеніе еще не получено.

Искренно уважающій Васъ

Н. Блюдовъ.

---

21 іюня 1872 года.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

Извѣстіе, обнародованное здѣсь въ газетахъ, о невыборѣ Васъ на занимаемую Вами съ такою достохвальною честью должность члена училищнаго совѣта Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губ., произвело на меня и членовъ моей редакціи самое тяжелое впечатлѣніе. Въ этомъ актѣ нельзя не видѣть самаго грубаго и, можетъ быть, умышленнаго непониманія той несомнѣнной пользы, которую Вы такъ настойчиво и безкорыстно приносите народному образованію. Кто же можетъ не сожалѣть, что такая плодотворная и высокая по своей цѣли дѣятельность прекращена не по винѣ самого дѣятеля, а по причинамъ, которыя, въ глазахъ всѣхъ лучшихъ нашихъ людей, не имѣютъ никакого оправданія?.. Грустный, по-истинѣ, фактъ!

Примите же, глубокоуважаемый Николай Александровичъ, въ минуту Вашего тяжелаго испытанія, мое искреннее душевное соболѣзнованіе. Въ поступкѣ съ Вами я вижу не оскорбленіе Вашего лица, а оскорбленіе, брошенное цѣлой Россіи, глубокую рану, нанесенную всему народному образованію. Какъ редакторъ журнала, посвященнаго народному образованію, я не могу оставить этого факта безъ вниманія, а потому и постараюсь, въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ, посвятить Вамъ нѣсколько теплыхъ, отъ души сказанныхъ, словъ.

Душевно Васъ уважающій

Ѳ. Мѣдниковъ.

---

*

Большаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее коллективное письмо или адресъ бахмутскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, за подписью предсѣдателя совѣта и всѣхъ его членовъ (четырехъ человѣкъ):

Милостивый Государь
Баронъ Николай Александровичъ!

Въ то самое время, когда мы, по предложенію г. предсѣдателя нашего училищнаго совѣта, слушали—съ цѣлію пріобрѣтенія для нашихъ народныхъ училищъ, какъ руководства—изданную Вами книгу „Русская Начальная Школа", и, когда Вашимъ всестороннимъ уясненіемъ и вѣрнымъ изъ опыта добытымъ педагогическимъ взглядомъ на дѣло образованія дѣтей нашего простаго народа, и вообще Вашимъ просвѣщеннымъ умомъ и полезною дѣятельностью въ сердцѣ каждаго изъ насъ возбуждено было чувство истинной благодарности Вамъ, какъ другу науки и благодѣтелю въ семъ отношеніи нашего края,—мы поражены были грустнымъ газетнымъ извѣстіемъ (50 № „Бирж. Вѣд." 1872 г.), что Александровскій уѣздъ, въ которомъ Вы живете и такъ полезно дѣйствуете, въ лицѣ своихъ представителей, не избралъ Васъ гласнымъ на текущее трехлѣтіе, и тѣмъ, конечно, лишилъ Васъ возможности дѣйствовать на избранномъ Вами святомъ поприщѣ путемъ оффиціальнаго порядка, и что достойные въ семъ, Вами созданномъ, дѣлѣ Ваши сотрудники—члены училищнаго совѣта—не пожелали послѣ этого сохранить за собою званіе членовъ Александровскаго училищнаго совѣта, въ составѣ коего самымъ способнымъ дѣятелемъ они справедливо считали Васъ.

Милостивый Государь! Фактъ, такъ неожиданно совершившійся 20 мая сего 1872 года въ Александровскомъ земскомъ собраніи, ясно говоритъ самъ за себя, и особенно онъ понятенъ для насъ, служащихъ и трудящихся на одномъ съ Вами многотрудномъ поприщѣ начальнаго народнаго образованія въ низшихъ слояхъ нашего простаго русскаго люда.

Изъ опыта мы знаемъ, что одного недоброжелательнаго слова, превратнаго перетолкованія дѣла обученія дѣтей грамотѣ достаточно для того, чтобы расшатать еще не окрѣпшее довѣріе нашего простаго народа къ тому или другому учредителю начальныхъ народныхъ школъ и тѣмъ вовлечь народъ въ гнусный порокъ неблагодарности за истинныя благодѣянія.

Но тѣмъ не менѣе совершившееся у васъ событіе не могло не произвести на Вашу благородную душу впечатлѣніе самое тяжкое не въ смыслѣ личной обиды и оскорбленія, а въ виду тѣхъ важныхъ и великихъ по своимъ послѣдствіямъ потерь, которыя—въ подобныхъ случаяхъ и при подобныхъ обстоятельствахъ—терпитъ нашъ простой народъ по своей неразвитости, вслѣдствіе неспособности его мыслить самостоятельно о предметахъ самой насущной надобности, каково есть толковое образованіе ума и осмысленное воспитаніе сердца въ дѣтскомъ возрастѣ путемъ науки, и по неумѣнію, въ силу этого, цѣнить и дорожить людьми, съ такимъ самоотверженіемъ трудящимися въ семъ дѣлѣ.

А потому, не безъ основанія мы думаемъ, что Вы, Милостивый Государь, въ виду всѣхъ сихъ соображеній, въ данномъ случаѣ весьма снисходительно отнесетесь къ дѣлу, которое совершилось и можетъ повториться, подъ вліяніемъ непреодолимыхъ еще обстоятельствъ самаго грустнаго свойства, изъ которыхъ оно современемъ можетъ выйти, но не иначе, какъ чрезъ самоотверженіе лицъ истинно-служащихъ и истинно-любящихъ свою отчизну, свой народъ.

Александровское земство съ 20 мая сего 1872 года лишило Васъ въ семъ дѣлѣ возможности дѣйствія оффиціальнымъ порядкомъ, который служилъ Вамъ, такъ сказать, подспорьемъ въ трудномъ дѣлѣ начальнаго образованія, что̀ составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ заботъ возлюбленнаго нашего Монарха. Но оставшіяся при Васъ и съ Вами неотъемлемо Богомъ данныя Вамъ геніальныя способности и практическій, вѣрный взглядъ на дѣло начальнаго образованія, Ваше въ семъ особое умѣнье, этотъ внутренній, счастливый, стройный порядокъ душевныхъ Вашихъ силъ—въ состояніи явить нашему краю и всему отечеству, что для истиннаго гражданина, истиннаго сына отечества не сильны преграды, воздвигаемыя иногда по недоразумѣнію, а иногда и по другимъ причинамъ.

Мы не сомнѣваемся, Милостивый Государь, что избранное Вами поприще, на которомъ уже такъ многоплодно Вы на пользу общую потрудились, попрежвему будетъ для Васъ пріятнымъ и отраднымъ путемъ, коимъ Вы, не останавливаясь, шли къ предположенной Вами весьма благодѣтельной по своимъ послѣдствіямъ святой цѣли—учрежденію толковыхъ начальныхъ школъ, и вмѣстѣ съ Вашими достойными сотрудниками не перестанете считать себя слугою одного съ нами дѣла и быть нашимъ союзникомъ, стремящимся къ одной чрезвычайно важной цѣли: толковому образованію и развитію ума и осмысленному воспитанію сердца дѣтей того класса людей, которые— по самому своему положенію—больше всего имѣютъ въ этомъ нужду.

Просимъ принять увѣреніе въ высокомъ нашемъ почтеніи къ Вамъ, съ которымъ имѣемъ честь быть

(Слѣдуютъ подписи).

Но указанная забаллотировка барона Корфа вовсе еще не закрывала ему доступа къ земской дѣятельности. Забаллотированный дворянами, онъ былъ избранъ въ земскіе гласные изъ пяти избирательныхъ уѣздныхъ крестьянскихъ съѣздовъ въ трехъ съѣздахъ, и притомъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Фактъ тѣмъ болѣе отрадный и назидательный, что онъ произошелъ не только безъ малѣйшей агитаціи со стороны барона Корфа, но даже и при отсутствіи его въ Александровскомъ уѣздѣ, такъ какъ немедленно послѣ забаллотированія на съѣздѣ землевладѣльцевъ онъ уѣхалъ по дѣламъ въ Екатеринославъ. Единодушіе, съ которымъ крестьяне избирали барона Корфа (конечно, не безъ противодѣйствія притомъ со стороны тайныхъ его недоброжателей),—фактъ единственный въ лѣтописяхъ нашего общественнаго управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени поучительный. Крестьяне очевидно понимали, за что̀ именно выбираютъ они барона Корфа, для чего собственно необходимъ онъ имъ, какъ гласный земства. Значитъ, у крестьянъ было уже сознательное отношеніе къ народному образованію, была органическая связь съ народными школами, насажденными неусыпными трудами и заботами барона Н. А. Корфа.

Это дружное, сознательное и достойное отношеніе крестьянъ было съ уваженіемъ отмѣчено въ свое время печатью и нашло задушевный откликъ со стороны лицъ, состоявшихъ въ перепискѣ съ барономъ Кор-

фомъ, какъ это можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующихъ двухъ писемъ къ нему:

Тифлисъ. 3 іюля 1872 г.

Милостивый Государь
баронъ Николай Александровичъ!

Прочтя отчетъ г. Блюдова о командировкѣ его къ Вамъ, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность изъявить Вамъ, баронъ, и Вашимъ почтеннымъ сотрудникамъ, членамъ училищнаго совѣта, глубочайшую благодарность отъ всего кавказскаго учебнаго вѣдомства, а отъ меня лично—въ особенности, за ту предупредительность, съ которою Вы знакомите всѣхъ нашихъ кавказцевъ съ устройствомъ Вашихъ школъ, и за Ваше чисто-русское радушіе къ намъ и гостепріимство. Отчетъ Блюдова, конечно, будетъ напечатанъ въ моихъ циркулярахъ, и Вы его получите отъ меня.

При этомъ случаѣ позволяю себѣ высказать то душевное наслажденіе, съ которымъ я прочелъ въ газетахъ извѣстіе, что если Васъ не хотѣли или не умѣли оцѣнить помѣщики, то единогласный выборъ Васъ крестьянами въ свои представители ясно показалъ, что благотворная Ваша дѣятельность на пользу народнаго просвѣщенія, вполнѣ оцѣнена народомъ русскимъ; а это, не сомнѣваюсь въ томъ, въ глазахъ Вашихъ и всѣхъ понимающихъ и сочувствующихъ Вамъ, конечно, выше и дороже всего. Да подастъ Вамъ Богъ силъ и здоровья долго трудиться на этомъ поприщѣ, на которомъ Вы стяжали вполнѣ заслуженное Вами сочувствіе и уваженіе.

Глубоко уважающій Васъ.
Ян. Нѣвѣровъ.

Милостивый Государь
баронъ Николай Александровичъ!

Я полагалъ, что Вы живете въ такой счастливой мѣстности, гдѣ высоко цѣнится образованіе, умственное развитіе и соотвѣтствующія тому правила, доказанныя Вами на самомъ себѣ публично и печатно, а между тѣмъ читаю и слышу, что и тамъ нашлись люди, не только не способные оцѣнивать даровитѣйшаго своего собрата, но и противодѣйствующіе его избранію. И только люди, не имѣющіе дипломовъ, поддержали Ваше избраніе, по нравственному ли чутью къ правдѣ, или въ оппозицію людямъ тщеславнымъ и безсердечнымъ къ пользѣ другихъ.

Сегодня въ третій разъ слышу отъ бывшаго члена земской управы осужденіе александровскаго дворянства, тѣхъ членовъ его, которые, думая положить Вамъ черные шары, положили ихъ самимъ себѣ—въ осужденіе отъ нѣсколькихъ уѣздовъ и губерній, въ глазахъ лицъ, глубоко уважающихъ такихъ лицъ, какъ Вы, баронъ, солидарныхъ съ Вами въ расположеніи препятствовать растратѣ общественныхъ суммъ для личныхъ цѣлей, вмѣсто затратъ на общественную пользу.

Покорнѣйше прошу принять это письмо за выраженіе истиннаго моего къ Вамъ почтенія, за выраженіе сочувствія многихъ къ личной дѣятельности Вашей и за осужденіе тѣхъ, которые неразумно дѣйствовали для устраненія Васъ отъ такой службы, къ которой всѣ другіе патріоты старались бы привлекать всѣми силами.

Гдѣ избиратели и сами кандидаты на всѣ земскія должности, на основаніи шляхетскихъ правъ, погубившихъ Польшу, тамъ порядка, честности и уваженія къ другимъ не можетъ быть.

Объ этомъ долженъ скорбѣть всякій, кому общество дорого въ процвѣтаніи, а не въ разложеніи.

И въ нашей губерніи, для какой-то цѣли, положительно отказываютъ въ правѣ участія въ общихъ дѣлахъ личнымъ дворянамъ, несмотря на размѣръ ихъ недвижимой собственности и пенсіи выше 900 р. въ г.

Что жъ, лица эти хуже другихъ тѣмъ, что сами себѣ заслужили имя и честное обезпеченіе отъ честныхъ трудовъ? Такія пенсіи не даются взяточникамъ до достиженія ими генеральскихъ чиновъ.

Съ отличнымъ почитаніемъ имѣю честь быть

усерднѣйшимъ Вашимъ слугою

Ив. Гаврушкевичъ.

г. Остеръ.
6 іюля 1872 г.

Послушаемъ, однако, что говорилъ самъ баронъ Н. А. Корфъ о своемъ забаллотированіи. Вотъ что, напримѣръ, писалъ онъ отъ 1-го іюня 1872 г., т. е. вскорѣ же послѣ забаллотированія Х. Д. Алчевской, съ которой находился въ очень дѣятельной перепискѣ.

20-го мая я торжественно забаллотированъ въ уѣздные гласные двумя третями голосовъ на избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда. Нечего удивляться тому, что могла собраться шайка негодяевъ и пожелать посредствомъ баллотировки избавиться отъ честнаго человѣка. Огорчаетъ меня не эта шайка, а то безучастное отношеніе къ вопіющей наглости, отношеніе къ ней со стороны 5—6 лицъ, считавшихся порядочными и теперь не только позволившихъ баллотировать себя послѣ того, что въ лицѣ моемъ дана пощечина всѣмъ слугамъ дѣла, но и не промолвившихъ ни одного слова протеста. Нужно Вамъ знать, что я былъ 6 лѣтъ гласнымъ, секретаремъ собранія въ 6 сессіяхъ, три года членомъ ревизіонной коммиссіи, три года предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей, 5 лѣтъ членомъ училищнаго совѣта; всѣ эти должности я отправлялъ безвозмездно и пожертвовалъ за все время въ пользу кассы школъ уѣзда болѣе 5.000 р. сер. Не стану судить о томъ, принесъ ли я какую-нибудь пользу, но всѣ признаютъ, что я трудился на пользу земства съ самоотверженіемъ. Теперь меньшинство, считающее себя прогрессивнымъ (человѣкъ 5), не только не мѣшало шайкѣ выбросить за бортъ слугу дѣла, но изъ зависти и тщеславія, желая попасть въ гласные, старалось дружественно относиться къ шайкѣ, владѣвшей выборами, и по возможности не только не обнаруживать солидарности со мною, но и не подходить ко мнѣ въ залѣ, для того, чтобы не повредить себѣ въ глазахъ шайки. Но откуда же эта шайка? Она сформирована старинными завистниками моими и однимъ господиномъ, который, по моей иниціативѣ, не избранъ вновь въ мировые судьи, успѣвши вооружить противъ себя все населеніе своею судебною дѣятельностью. Итакъ, повторяю, что огорчаетъ меня безучастное отношеніе къ дѣлу со стороны людей, которымъ я вѣрилъ, которыхъ я считалъ годными для дѣла и которые оказались тряпицами. Впрочемъ, и тутъ были отрадныя исключенія: всѣ члены училищнаго совѣта объявили, послѣ моей баллотировки, что считаютъ за позоръ дозволить баллотировать себя; впрочемъ, и то нужно сказать, что еслибы они допустили баллотировку, то ихъ бы прокатили непремѣнно, такъ какъ баллотировалось то дѣло, которому они

служили вмѣстѣ со мною. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ въ томъ—и это меня утѣшаетъ,—что въ средѣ земскихъ людей, послѣ того, что я въ теченіе 6 лѣтъ распинался за общее благо, нашлось три честныхъ человѣка, три члена училищнаго совѣта, которые не съумѣли отнестись холодно и равнодушно къ мерзости, происшедшей на выборахъ. Итакъ, нашего училищнаго совѣта и меня въ совѣтѣ съ сентября этого года не существуетъ. Въ виду того, что на учительскій съѣздъ потребовалось бы издержать 1.200 руб. сер., мы не рѣшились произвести этого расхода, не увѣренные въ сочувствіи ему со стороны плательщиковъ и будущихъ руководителей училищнаго дѣла, и съѣздъ, предполагавшійся на 8-е сентября, отмѣненъ. Само собою разумѣется, что я не перестану служить дѣлу народнаго образованія словомъ. и дѣломъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ пожелаютъ услугъ моихъ, и въ печати. Само собою разумѣется, что я не только не закрою той народной школы, попечителемъ которой я состою, но постараюсь увеличить затрату на нее и развить ее; но въ уѣздѣ дѣятельность моя окончена: опытъ состоялся; найдутся люди, то будетъ и дѣло, если не теперь, то со временемъ. Въ скоромъ времени ожидаютъ отдѣленія части территоріи Александровскаго уѣзда къ Маріупольскому, куда отойдетъ и мое имѣніе; тогда будутъ новые выборы въ гласные въ обоихъ уѣздахъ, Александровскомъ и Маріупольскомъ; я буду баллотироваться въ послѣднемъ и, если изберутъ, опять готовъ служить народной школѣ, хотя здоровье мое, т. е. нервы, и крайне разстроено. Впрочемъ, будущее впереди, а въ настоящемъ совершился фактъ, еще разъ доказавшій мнѣ, что у насъ человѣку прогрессивному нельзя разсчитывать не только на большинство, но даже и на меньшинство. Тѣмъ дороже для меня тѣ немногіе друзья за предѣлами уѣзда, которыми я обладаю.

Искренно Вамъ преданный

Баронъ Н. Корфъ.

Нескучное.

Но, какъ мы видѣли уже изъ приведенныхъ выше писемъ, «друзей» у барона Н. А. Корфа оказалось очень много. Педагоги, частныя лица, общественныя учрежденія—всѣ въ одинъ голосъ признали, что та часть александровскаго дворянства, которая забаллотировывала барона Корфа, положила «черные шары самой же себѣ»,—въ глазахъ всей мыслящей Россіи навсегда осудила и опозорила себя, доказавъ лишь умственное и нравственное убожество свое, непониманіе и недостоинство, неспособность стоять на высотѣ общественнаго служенія. Тѣмъ не менѣе, несмотря на такое дружное сочувствіе барону Корфу всей здравомыслящей части общества, несмотря на то, что блестящее избраніе его на трехъ крестьянскихъ съѣздахъ не только затмило и посрамило недостойную выходку со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ, но и дало ему должное нравственное удовлетвореніе,—баронъ Корфъ, однако, осенью 1872 года, прервалъ свою дѣятельность въ Александровскомъ уѣздѣ, уѣхалъ съ семействомъ въ Швейцарію, поселился въ Женевѣ и жилъ тамъ до 1880 года. Этотъ фактъ и при жизни, и послѣ смерти барона Корфа оставался невыясненнымъ, давая поводъ къ са-

нымъ разнообразнымъ истолкованіямъ причины отъѣзда его заграницу, доходившимъ нерѣдко до обвиненія. Но въ извѣстной уже читателямъ брошюрѣ нашей «Баронъ Н. А. Корфъ, его жизнь и педагогическая дѣятельность» причины отъѣзда его заграницу разъяснены фактически (стр. 64—69)—и нѣтъ никакихъ поводовъ обвинять, по этому поводу, барона Корфа въ чемъ бы то ни было. Отсылая интересующихся детальнымъ разъясненіемъ къ названной брошюрѣ, ограничимся лишь самыми общими указаніями.

Въ основѣ отказа барона Корфа отъ земской дѣятельности лежатъ тѣ именно ограниченія земства въ дѣлѣ народнаго образованія, о которыхъ было уже сказано нами раньше. Дѣйствительно, хотя первоначальное «Положеніе о народныхъ училищахъ» (14-го іюля 1864 г.) и оставалось не отмѣненнымъ, но уже не доставало, такъ сказать, физическаго мѣста для проявленія земской дѣятельности барона Корфа въ фактически-существовавшихъ прежде ея размѣрахъ. Въ дѣлѣ, самостоятельно созданномъ, направляемомъ и руководимомъ, ему приходилось смотрѣть изъ чужихъ рукъ, занять положеніе зависимое, подневольное, быть въ роли опекаемаго, испрашивать разрѣшеній.

И еслибы не случилось такой именно метаморфозы, гидра темной силы Александровскаго уѣзда никогда не рискнула бы взять подъ сомнѣніе дѣло народнаго образованія, не стала бы баллотировать этого дѣла въ лицѣ барона Корфа. По своей безупречной честности, по своей энергіи и умственному превосходству, по тому громадному вліянію, которое болѣе и болѣе завоевывалъ себѣ баронъ Корфъ, онъ съ первыхъ дней своей общественной дѣятельности былъ глубоко ненавистенъ для мѣстной темной силы. Не занимая никакихъ платныхъ должностей по земству, служа ему своею головою, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалъ въ самомъ зародышѣ малѣйшее поползновеніе съ чьей бы то ни было стороны къ обращенію земства въ «общественный пирогъ». А такими именно поползновеніями и была проникнута «гидра». Но баронъ Корфъ былъ неуязвимъ, пока оставался подъ защитою «Положенія» 14-го іюля 1864 года въ отношеніи народнаго образованія. И какъ только «Положеніе» не въ состояніи уже было болѣе ограждать именно дѣла рукъ барона Корфа,—на него и набросилась темная сила, увлекшая своимъ теченіемъ людей, индифферентныхъ и малодушныхъ. И хотя онъ одержалъ полную и блистательную побѣду въ общемъ результатѣ выборовъ въ земскіе гласные, тѣмъ не менѣе ясно было, что въ рукахъ его противниковъ остается самое сильное орудіе противъ него—самоуправное ломанье и коверканье созданнаго имъ дѣла народнаго образованія,—чего они не смѣли дѣлать раньше, но въ чемъ онъ теперь не властенъ былъ уже помѣшать имъ, такъ какъ не его уже просвѣщенный авторитетъ, а санкція и усмотрѣніе народнаго инспектора должны были руково-

дить дѣломъ. Оберегая судьбу дорогаго ему дѣла, онъ отказался отъ него и тѣмъ дѣйствительно спасъ его. Какъ это ни странно, но весь порядокъ, заведенный Корфомъ, поддерживался на томъ лишь основаніи, что, дескать, мы и безъ Корфа справимся. По народному образованію земство не только не уменьшало ассигновки, но даже прибавляло. Но не то, конечно, было бы, еслибы баронъ Корфъ оставался при дѣлѣ: оно неизбѣжно тормазилось бы изъ личной мести къ иниціатору его. Значитъ, отказъ барона Корфа, выходъ его изъ земства есть своего рода самоотверженіе и заслуживаетъ высокаго одобренія.

Не входя въ дальнѣйшія подробности относительно отъѣзда заграницу, возвратимся къ указаннымъ выше фактамъ общественнаго признанія заслугъ барона Корфа и добавимъ къ нимъ еще и присужденіе ему золотой медали вольнымъ экономическимъ обществомъ въ 1873 г. Вотъ два не лишенныхъ значенія документа по этому предмету:

Милостивый Государь
баронъ Николай Александровичъ!

Считаю умѣстнымъ сообщить Вамъ свѣжую новость, касающуюся дорогаго намъ обоимъ дѣла народнаго образованія. Вамъ можетъ быть извѣстно, что вольно-экономическое общество удѣляетъ ежегодно одну изъ своихъ золотыхъ медалей на вознагражденіе дѣятельности по народному образовані[ю], какъ литературной, такъ и непосредственной. Для присужденія этой медал[и] избирается ежегодно коммиссія изъ комитета грамотности, докладывающ[ая] этому комитету въ его годовомъ апрѣльскомъ засѣданіи; затѣмъ дѣло пер[е]дается въ совѣтъ общества, и самая медаль присуждается въ годовомъ о[к]тябрскомъ засѣданіи общества. Въ прошломъ году такое присужденіе меда[ли] происходило въ первый разъ, безъ моего участія (я былъ въ Новгородѣ), [и] медаль увѣнчала книгу безспорно полезную, хотя, говоря прямо и чест[но], мнѣ странно, что для такого перваго увѣнчанія былъ избранъ Водово[зовъ], человѣкъ почтенный, но однимъ словомъ не звѣзда первой величины, въ о[со]бенности по народному образованію. Конечно, дѣло не обошлось безъ пе[да]гогическаго кумовства.

Въ нынѣшнемъ году коммиссія состояла изъ товарища предсѣдателя к[о]митета Ѳ. Н. Мѣдникова, А. Ѳ. Петрушевскаго (автора „Разск. про ста[ре] время"), А. П. Пятковскаго, Я. Т. Михайловскаго и меня. Въ засѣда[ніи] 5 февраля коммиссія постановила увѣнчать золотою медалью вольно-эко[но]мическаго общества Васъ, глубокоуважаемый дѣятель по народному обра[зо]ванію русскаго народа, мотивировавъ ея присужденіе Вашими сочиненія[ми] „Земскій вопросъ", отчетами Алекс. учил. совѣта и „Русскою Школою", а гл[ав]ное — Вашею непосредственною дѣятельностью по народному образовані[ю]. Пріятная обязанность составленія доклада по этому присужденію возло[жена] коммиссіею на меня.

Въ составъ такого доклада, по обычаю, входитъ краткая педагогическ[ая] біографія увѣнчиваемой личности. Для нея необходимы даты, т. е. чис[ла] какъ окончанія курса въ учебномъ заведеніи, такъ и преимущественно из[да]нія различныхъ трудовъ и вступленія въ дѣятельность по народному обра[зо]ванію. Желая, чтобы мой докладъ былъ по возможности точенъ и бли[зокъ] къ истинѣ, я позволяю себѣ почтительнѣйше просить Васъ, глубоко

искренне уважаемый дѣятель по земскому дѣлу народнаго образованія, не отказать въ сообщеніи такихъ данныхъ. Адресъ мой: Итальянская, противъ Греческой церкви, д. № 69, кв. № 1.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, позвольте мнѣ, Николай Александровичъ, быть первымъ по времени поздравленія Васъ съ золотою медалью Императорскаго вольно-экономическаго общества, вотируя которую и я лично, и единомышленные со мною 3 члена коммиссіи сознавали, что Вамъ, какъ самому энергичному дѣятелю по народному образованію въ Россіи, она слѣдовала еще въ прошломъ году.

Глубокоуважающій и преданный Вамъ

баронъ Михаилъ Косинскій.

7 февр. 1873 года.

---

4 февраля 1874 года. Спб.

Многоуважаемый

Николай Александровичъ!

По порученію Спб. Комитета Грамотности, имѣю честь препроводить при семъ:

1) Отношеніе къ Вамъ Комитета за № 1, и 2) Грамоту на Ваше имя отъ Вольно-Экономическаго Общества, за № 828.

Вмѣстѣ съ симъ высылается Вамъ мною и золотая медаль, присужденная Вамъ 31 октября 1873 г. за Ваши услуги, оказанныя народному образованію.

О полученіи какъ медали, такъ и другихъ документовъ, покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ.

Объ Васъ здѣсь—ни слуху, ни духу. Что вы подѣлываете? Правда ли, что Вы приглашены въ Маріупольское земство для завѣдыванія народными школами? Здѣсь произошла большая перепалка: запрещена, какъ говорятъ, Наглядная азбука, Блинова. По поводу этой азбуки уволенъ и извѣстный Вамъ А. І. Кочетовъ. Симашкѣ также предложено выйти въ отставку. Журналъ его стоитъ въ шаткомъ положеніи, несмотря на всю поддержку его С. Миропольскимъ. Есть и другія, не безъинтересныя новости, но писать Вамъ рѣшительно некогда. Работы гибель.

Душевно Вамъ преданный

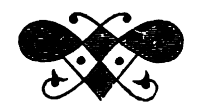
Ѳ. Мѣдниковъ.

Неудачные вопросы въ концѣ письма Мѣдникова могутъ, пожалуй, навести на предположеніе, что баронъ Корфъ, уѣхавъ заграницу, и думать забылъ о нашемъ народномъ образованіи. Этотъ взглядъ проскальзываетъ, даже и въ нѣкоторыхъ біографіяхъ барона Корфа. Но въ брошюрѣ «Баронъ Н. А. Корфъ, его жизнь и педагогическая дѣятельность» разъяснено фактически (стр. 64—77), что во все время своего пребыванія заграницей онъ необыкновенно усердно служилъ перомъ родному школьному дѣлу. Считая излишнимъ входить здѣсь въ подробности по этому предмету, въ доказательство необыкновенной плодовитости пера барона Корфа въ этотъ періодъ его жизни,

укажемъ для примѣра на то только, что за 6½ первыхъ мѣсяцевъ пребыванія его въ Женевѣ онъ написалъ три статьи для «Вѣстника Европы», три статьи для «Народной Школы», семь статей для «Недѣли» и 16 «Писемъ на родину» въ «С.-Петербургскія Вѣдомости». Все это, въ общей сложности, составляетъ болѣе 20 печатныхъ листовъ, всецѣло посвященныхъ Россіи и русскому школьному дѣлу, такъ сильно нуждавшемуся въ просвѣщенномъ руководствѣ и такъ кстати продолжавшему получать его отъ барона Корфа.

М. Песковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Баронъ Ѳ. А. Бюллеръ.

(Начальникъ главнаго Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

Баронъ Ѳ. А. Бюллеръ, выпущенный въ 1841 году изъ училища Правовѣдѣнія, получилъ первоначальное домашнее воспитаніе. Особенность этого воспитанія заключалась въ томъ, что онъ до 11-ти-лѣтняго возраста не имѣлъ учителей: ихъ вполнѣ замѣняла ему мать. Засимъ юноша провелъ 3 года пансіонеромъ во 2-й С.-Петербургской гимназіи. Тутъ начала развиваться въ молодомъ человѣкѣ наклонность къ русской литературѣ, въ коей онъ продолжалъ упражняться въ теченіе тѣхъ 5-ти лѣтъ, которыя провелъ въ училищѣ Правовѣдѣнія. Вполнѣ приготовленный къ юридическому поприщу, баронъ Бюллеръ поступилъ 17-го іюня 1841 года на службу въ канцелярію Правительствующаго Сената. Въ 1843 году, въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась великосвѣтская повѣсть барона, озаглавленная «Ничего». Въ этомъ же году отецъ его скончался, и желаніе его ознакомиться съ управленіемъ отдаленныхъ отъ центра губерній побудило его проситься въ Астрахань къ сенатору князю Гагарину, ревизовавшему этотъ край.

Въ эту поѣздку онъ обогатился юридическими познаніями, и въ немъ обнаружилась та приверженность къ православной вѣрѣ, которая внушена была ему его матерью. Будучи посланъ на границу Кавказа, онъ, между прочимъ, донесъ сенатору князю Гагарину, что на всемъ 500-тъ-верстномъ протяженіи почтовой дороги отъ Астрахани до Кизляра, не видѣлъ ни одной церкви. Это обстоятельство было включено во всепод-

даннѣйшій отчетъ князя Гагарина и, когда онъ, уже въ званіи члена Государственнаго Совѣта, представился императору Николаю Павловичу, то государь самъ вспомнилъ о семъ и приказалъ ему немедленно войти по этому предмету въ сношеніе съ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода, гр. Протасовымъ [1]).

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, баронъ Бюллеръ награжденъ былъ не только слѣдующимъ чиномъ за отличіе, но и званіемъ камеръ-юнкера, которое впослѣдствіи носилъ 15 лѣтъ сряду; тогда же онъ былъ назначенъ секретаремъ 1-го департамента Правительствующаго Сената.

Крайнее переутомленіе заставило его выйти въ отставку.

Проведя два года заграницей, баронъ Бюллеръ продолжалъ свое юридическое образованіе, изучая законодательства, посѣщая лекціи въ заграничныхъ университетахъ.

Во время пребыванія барона въ Парижѣ, ему случилось присутствовать въ соборѣ Notre Dame, при произнесеніи Лакордеромъ весьма ѣдкой проповѣди о мнимомъ преслѣдованіи уніатовъ въ Россіи. Баронъ Бюллеръ былъ такъ возмущенъ наглою клеветою, что написалъ возраженіе, въ которомъ доказывалъ, на основаніи историческихъ данныхъ, что лишь римская церковь способна на фанатическія преслѣдованія и что они-то именно нѣкогда побудили Малороссію отпасть отъ Польши. Это возраженіе было послано въ С.-Петербургъ и вручено одною высокопоставленною особою императору Николаю Павловичу, который, «найдя, что трудъ барона Бюллера исполненъ ума и благородныхъ чувствъ», — отозвался, однакоже, — «что признаетъ излишнимъ печатать его, не считая рѣчь Лакордера заслуживающею полемики», что и было объявлено автору, вслѣдствіе чего это возраженіе на проповѣдь Лакордера сохранилось лишь въ корректурѣ [1]).

Когда въ 1850 году здоровье барона было вполнѣ возстановлено, встрѣча съ государственнымъ канцлеромъ графомъ Нессельроде въ Киссингенѣ дала неожиданный оборотъ его карьерѣ. Графъ вспомнилъ,

---

[1]) Впослѣдствіи барону Бюллеру удалось выстроить каменную трехпрестольную церковь въ Рязанскомъ имѣніи его жены и пятиглавую каменную же церковь въ Подольскомъ имѣніи, доставшемся его сыну, въ мѣстности, окруженной католиками, евреями и раскольниками, собрать средства па сооруженіе каменной часовни на Александровской станціи Варшавской желѣзной дороги, въ память благополучнаго туда возвращенія императора Александра Николаевича изъ Парижа, а за послѣднее время устроить домовыя церкви въ Московскомъ главномъ архивѣ, при Московскихъ николаевскихъ: женскомъ училищѣ и институтѣ, на его загородной дачѣ.

[1]) Этотъ уникъ принадлежитъ нынѣ библіотекѣ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

что всѣ его предки были дипломатами и, принявъ его на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, вскорѣ назначилъ его секретаремъ генеральнаго консульства въ Молдавіи и Валахіи. По удаленіи въ 1853 году господарей и назначеніи генералъ-адъютанта Будберга предсѣдателемъ обоихъ дивановъ, баронъ Бюллеръ рекомендованъ былъ ему директоромъ канцеляріи Н. К. Гирсомъ (нынѣ министромъ) для сформированія канцеляріи временнаго русскаго правительства въ Яссахъ и управленія оною.

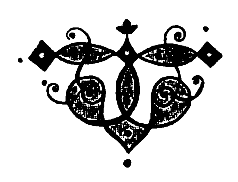
Осенью, вслѣдствіе занятій княжествъ австрійскими войсками, баронъ Бюллеръ, съ послѣдними казаками, перебрался за р. Прутъ.

Зиму 1854—1855 г. баронъ Бюллеръ провелъ въ Петербургѣ, состоя при азіатскомъ департаментѣ. Вслѣдъ за назначеніемъ князя А. М. Горчакова министромъ иностранныхъ дѣлъ, барону Бюллеру ввѣрена была II экспедиція Особой канцеляріи, гдѣ, между прочимъ, составлялись для государя политическія обозрѣнія изъ иностранныхъ журналовъ. Кромѣ того, онъ былъ членомъ главнаго управленія цензуры отъ министерства иностранныхъ дѣлъ (гдѣ напрасно старался отстоять Парусъ И. С. Аксакова), и ему поручено было цензурованіе политическаго отдѣла петербургскихъ газетъ и политическихъ обозрѣній ежемѣсячныхъ журналовъ. Баронъ Бюллеръ много хлопоталъ о предоставленіи русскимъ газетамъ права полемизировать съ иностранными и, наконецъ, въ 1862 году политическая цензура была упразднена. Въ 1860 году баронъ пожалованъ въ камергеры, въ 1861-мъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1866 году назначенъ гофмейстеромъ Высочайшаго двора. Въ началѣ 1873 года состоялось его назначеніе директоромъ Московскаго главнаго архива, на мѣсто умершаго тогда князя М. А. Оболенскаго, управлявшаго архивомъ 34 года, а въ 1874 году ему удалось, въ теченіе двухъ недѣль, перевести архивъ въ новое зданіе съ Солянки на Воздвиженку и устроить его тамъ. Это новоселье было ознаменовано посѣщеніемъ въ Бозѣ почившаго императора Александра II 22-го августа того же года. Въ 1882 и 1889 годахъ баронъ Бюллеръ пожертвовалъ архиву свою собственную библіотеку слишкомъ въ 2.000 томовъ, 644 автографа и 14 томовъ фамильнаго архива, за что оба раза удостоился Всемилостивѣйшей благодарности, причемъ Высочайше повелѣно присвоить этому собранію наименованіе Библіотечнаго отдѣла барона Ѳедора Андреевича Бюллера. Еще въ 1882 году, стараніями директора, вслѣдствіе соглашенія между гг. министрами Императорскаго двора и иностранныхъ дѣлъ, состоялось 22 октября Высочайшее повелѣніе о перенесеніи въ архивъ государственнаго древнехранилища хартій, рукописей и печатей, составленнаго въ 1851 году изъ архивскихъ документовъ, временно помѣщенныхъ въ Царскихъ теремахъ.

Чрезъ это чрезвычайно облегчилось пользованіе оными для ученыхъ изслѣдователей въ читальняхъ архива, такъ какъ допускать ихъ къ занятіямъ во дворцѣ не было возможности.

Съ назначеніемъ въ Москву открылось для барона Бюллера новое поприще. Дотолѣ политико-бюрократическіе труды извѣстны были только императору Александру Николаевичу и министру иностранныхъ дѣлъ. Управленіе же обширнѣйшимъ въ Россіи архивомъ доставило барону Бюллеру европейскую извѣстность.

Какъ правовѣдъ, лично извѣстный принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, баронъ Бюллеръ, по его ходатайству, въ 1878 году былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ и въ этомъ званіи завѣдывалъ учебною, а временно и хозяйственною частями Московскаго Елисаветинскаго института, равно какъ больницею императора Павла I, гдѣ безбоязненно посѣщалъ заразныя палаты и бараки тифозныхъ больныхъ, а также Шереметевскимъ домомъ призрѣнія. Съ 1886 года онъ управляетъ самымъ обширнымъ въ Имперіи институтомъ, Московскимъ Николаевскимъ сиротскимъ, гдѣ болѣе 600 воспитанницъ. Въ минувшемъ году баронъ праздновалъ 50-ти-лѣтній юбилей своей служебной въ высшей степени плодотворной дѣятельности.

КУТУЗОВЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

Историческая характеристика Д. П. Бутурлина [1]).

II.

Тарутинскій лагерь.—Дѣло 6-го октября.—Возвращеніе русскихъ въ Москву.—Сраженіе подъ Малоярославцемъ.—Отступленіе французовъ.—Сраженіе подъ Вязьмой.—Дѣло подъ Дорогобужемъ и Ляховымъ.

Мы дошли до интересной эпохи во всемірной исторіи—до паденія человѣка, который въ теченіе 12-ти лѣтъ порабощалъ Европу своей волѣ. Первые отблески московскаго пожара заставили уже поблѣднѣть счастіе Наполеона. Однако, онъ все еще продолжалъ быть властелиномъ Европы и находился съ грозною арміею въ столицѣ и въ сердцѣ государства единственнаго народа, который еще осмѣливался защищать свою свободу. Но въ то самое время, когда надъ его головою собирались уже грозныя бури, горизонтъ Россіи начиналъ проясняться и предвѣщалъ ей окончаніе ея бѣдствій.

Лагерь, занятый русскою арміею подъ Тарутинымъ, хотя по виду и очень сильный, въ сущности заключалъ въ себѣ большіе недостатки. Фронтъ, прикрытый Нарою, былъ неприступенъ. Правый флангъ былъ также силенъ. Онъ находился на возвышенности, отлого спускающейся къ берегамъ Нары, образующей довольно обширную равнину, которая благопріятствовала дѣйствію нашей артиллеріи и движеніямъ кавалеріи. Лѣвый флангъ составлялъ слабую сторону. На одной высотѣ съ нашей первою линіею находилась небольшая равнина, пересѣченная оврагами и стѣсненная между рѣчкою Истьею и большимъ лѣсомъ, въ который опиралось лѣвое крыло второй линіи. Надъ этою небольшою равниною вполнѣ господствовали высоты лѣваго берега Истьи. Лѣсъ, слишкомъ обширный, для того, чтобы быть занятымъ какъ слѣдуетъ, предоставлялъ непріятелю, который

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1894 г., октябрь.

пожелалъ бы атаковать его, полную возможность обойти нашъ лѣвый флангъ прежде, чѣмъ мы успѣли бы это замѣтить. Онъ простирался почти до тыла нашего лагеря и, уменьшая его глубину, тѣмъ самымъ сильно ослаблялъ его. Войска были расположены слѣдующимъ образомъ: 2-й и 6-й пѣхотные корпуса составляли первую линію по берегамъ Нары. Она была прикрыта редантами и люнетами, и прикрывалась съ боковъ второю линіею, которая, будучи длиннѣе первой, огибала ея фланги. Эта вторая линія была составлена изъ 4-го, 5-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ. На лѣвомъ флангѣ 7-й пѣхотный корпусъ, примыкавшій къ этой линіи въ косвенномъ направленіи, служилъ продолженіемъ этой линіи въ лѣсу. На правомъ флангѣ и на одной высотѣ съ этою линіею 1-й и 2-й кавалерійскіе корпуса были расположены къ ней также подъ косымъ угломъ. Позади 5-го пѣхотнаго корпуса былъ расположенъ 8-й пѣхотный корпусъ, составлявшій пѣхотный резервъ, а за нимъ помѣщались 1-ая и 2-ая кирасирскія дивизіи, которыя составляли кавалерійскій резервъ. 4-й кавалерійскій корпусъ стоялъ въ резервѣ позади лѣваго фланга, на маленькой равнинѣ посреди лѣса. Надо замѣтить, что каждый пѣхотный корпусъ состоялъ изъ двухъ линій, почему точнѣе было бы сказать, что армія была расположена въ четыре линіи, не считая резервовъ. Всѣ эти войска, за исключеніемъ 2-го и 4-го кавалерійскихъ корпусовъ и 1-й кирасирской дивизіи, были расположены бивуаками на указанныхъ имъ въ лагерѣ позиціяхъ. 1-я же кирасирская дивизія, которую очень берегли, была расположена, по квартирамъ въ деревняхъ, на правомъ флангѣ лагеря. Что касается до двухъ кавалерійскихъ корпусовъ, то они, какъ мы уже объ этомъ сказали, находились въ авангардѣ, на лѣвомъ берегу Нары.

Наполеонъ, тщетно ожидавшій со времени своего вступленія въ Москву мирныхъ предложеній съ нашей стороны, рѣшился наконецъ самъ вызвать ихъ, пославъ Лористона къ фельдмаршалу съ просьбою о перемиріи. Лористонъ пріѣхалъ въ главную квартиру 23-го сентября вечеромъ. Въ бесѣдѣ съ княземъ Кутузовымъ, онъ много говорилъ о мирѣ. Хитрый фельдмаршалъ съ своей стороны выказалъ миролюбивое расположеніе. Онъ взялся довести до свѣдѣнія императора Александра сдѣланныя ему предложенія и испросить его повелѣнія по этому предмету. Однако онъ отказался вступить въ переговоры, отговариваясь тѣмъ, что не имѣлъ на это необходимыхъ полномочій. Равнымъ образомъ онъ не принялъ и предложеннаго ему перемирія, и все ограничилось словеснымъ договоромъ не производить нападеній на аванпостахъ до полученія отвѣта императора Александра. Поведеніе въ этомъ случаѣ фельдмаршала было настоящею побѣдою, которую онъ одержалъ надъ непріятелемъ и которая доста-

вали намъ гораздо бо̀льшія выгоды, чѣмъ могло бы принести намъ выигранное сраженіе. Нисколько себя не компрометтируя, Кутузовъ успѣлъ внушить Наполеону обманчивыя надежды, которыя побудили его продолжить свое пребываніе въ Москвѣ, — важная ошибка, въ которой онъ не замедлилъ раскаяться.

Въ виду того, что село Тарутино находилось впереди лагеря, главная квартира не могла въ немъ оставаться. 24-го она была перенесена въ селеніе Леташевку, въ четырехъ верстахъ позади лагеря.

27-го король Неаполитанскій имѣлъ на аванпостахъ свиданіе съ генераломъ Милорадовичемъ. Онъ жаловался, что наши партизаны нападали на его фуражировъ и захватывали ихъ, не принимая во вниманіе заключеннаго условія. Милорадовичъ представилъ ему, что условіе это, какъ заключенное лишь по отношенію къ аванпостамъ, никоимъ образомъ не можетъ распространяться на дѣйствія партизановъ на флангахъ и въ тылу арміи. Король Неаполитанскій возразилъ ему: Такъ вы желаете, чтобъ я не посылалъ больше фуражировать; но такимъ образомъ мои люди умрутъ съ голоду[1]).—Это какъ будетъ угодно вашему величеству, отвѣчалъ ему Милорадовичъ.—Въ такомъ случаѣ, возразилъ король, я уничтожаю условіе и объявляю вамъ, что черезъ два часа вы будете атакованы[2]).—Мы ожидаемъ васъ, ваше величество, сказалъ Милорадовичъ, разставаясь съ королемъ. Однако, несмотря на эту угрозу, французы не атаковали насъ, и на аванпостахъ все было спокойно.

Въ это время генералъ Васильчиковъ получилъ въ командованіе 4-й кавалерійскій корпусъ. Корпусъ этотъ состоялъ изъ четырехъ, драгунскихъ полковъ: Кіевскаго, Харьковскаго, Черниговскаго и Новороссійскаго, изъ Ахтырскаго гусарскаго и Литовскаго уланскаго полковъ, всего изъ шести лучшихъ полковъ нашей кавалеріи. Высшими начальниками въ этомъ корпусѣ состояли генералъ-маіоръ Панчулидзевъ и полковники Эммануэль, Васильчиковъ, Юзефовичъ и Стакельбергъ. Такъ какъ мнѣ пришлось прослужить всю остальную часть кампаніи съ этими господами, то я имѣлъ полную возможность подробно изучить ихъ.

Генералъ Панчулидзевъ—одна изъ тѣхъ странныхъ личностей, которыя оказываются гораздо лучше своей репутаціи. До смѣшнаго

---

[1]) Vous voulez donc que je n'envoie plus fourager; mais de cette façon mes gens mourront de faim.

[2]) En bien! j'anulle la convention et je vous déclare que vous allez être attaqués dans deux heures.

*

трусливый въ своихъ разговорахъ, онъ нисколько не бываетъ имъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Ему всегда и всюду чудились одни лишь ужасы. Малѣйшая пыль, поднимавшаяся на горизонтѣ со стороны непріятеля, представлялась ему цѣлою необозримою арміею, готовою опрокинуться на насъ. Въ особенности пушки: онъ видѣлъ ихъ со всѣхъ сторонъ, какъ будто онѣ сыпались цѣлымъ дождемъ. Его постоянныя причитанія объ опасностяхъ, которыя, по его мнѣнію, намъ угрожали, обратились у насъ даже въ пословицу. А между тѣмъ, этотъ человѣкъ былъ храбръ и спокоенъ на полѣ битвы. Впрочемъ, человѣкъ съ здравымъ смысломъ, не большаго ума и почти безъ образованія, добросовѣстно точный въ исполненіи получаемыхъ имъ приказаній, неумѣстно строгій къ своимъ подчиненнымъ, часто вспыльчивый, чрезмѣрно болтливый, прибавьте къ этому маленькую, надутую, невзрачную фигурку, и вы получите точный портретъ этой странной личности.

Полковникъ Эммануэль—дѣйствительно выдающійся человѣкъ и, если ему дадутъ надлежащій ходъ, то онъ пріобрѣтетъ громкое имя во главѣ армій, для предводительствованія которыми онъ, кажется, созданъ самимъ небомъ. Основательный и глубокій умъ, соединенный съ обширнымъ образованіемъ, позволилъ ему пріобрѣсти драгоцѣнныя военныя качества. Онъ добръ, прямодушенъ, храбръ, однимъ словомъ, вполнѣ благородный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Его храбрость такъ прекрасна, такъ всегда и вездѣ ему присуща, такъ спокойна, что видѣть его въ пылу боя доставляетъ истинное удовольствіе. На губахъ его постоянно блуждаетъ добродушная и спокойная улыбка и въ то время, когда онъ угощаетъ у себя за обѣдомъ, и когда находится въ двадцати шагахъ впереди полка, который онъ ведетъ въ атаку. Онъ твердъ, но не придирчивъ къ своимъ подчиненнымъ, которые настолько же боятся его, насколько уважаютъ и любятъ. Въ первые дни командованія Васильчикова между нимъ и Эммануэлемъ возникли было кое-какія незначительныя недоразумѣнія; но оба они были созданы для того, чтобы взаимно оцѣнить другъ друга; поэтому размолвка ихъ не была продолжительна, и они не замедлили искренно подружиться.

Полковникъ Васильчиковъ, братъ генерала,—человѣкъ пылкой и выходящей изъ ряда храбрости. Доброта характера заставляетъ подчиненныхъ страстно любить его. Это одинъ изъ лучшихъ нашихъ офицеровъ для командованія полкомъ.

Полковникъ Юзефовичъ—человѣкъ совершенно противуположный двумъ предшествующимъ, съ которыми онъ имѣетъ общаго одну только храбрость. Въ остальномъ, насколько характеръ первыхъ открытъ и прямодушенъ, настолько характеръ послѣдняго скрытный, хитрый и лукавый. Онъ изучилъ военное искусство скорѣе какъ умный

человѣкъ, нежели какъ военный, одушевляемый ревностью къ своему дѣлу. Поэтому видно, что онъ схватилъ лишь нѣкоторыя поверхностныя понятія, но не пріобрѣлъ познаній истинныхъ основъ искусства, которыя могутъ быть усвоены лишь прилежнымъ размышленіемъ. Однако, разговоръ его внушаетъ уваженіе обыкновеннымъ людямъ, благодаря шарлатанству, которымъ онъ обыкновенно приправляетъ свою бесѣду. Онъ настолько привыкъ говорить напыщеннымъ тономъ о всѣхъ своихъ поступкахъ, что даже вредитъ своей несомнѣнной храбрости закваскою бахвальства, которое онъ слишкомъ часто при этомъ примѣшиваетъ. Надменный и грубый къ своимъ подчиненнымъ, онъ не любимъ ими. Онъ всегда весьма охотно появляется предъ непріятелемъ и любитъ битвы, но онъ любитъ еще болѣе атаки, направленныя противъ какого-нибудь отдалившагося обоза, и другіе подобные случаи, при которыхъ онъ можетъ удовлетворить своей небольшой склонности къ грабежу (son humeur un peu pillarde). Впрочемъ, его дѣятельность и бдительность сдѣлаютъ его весьма полезнымъ для арміи во всѣхъ случаяхъ, когда съумѣютъ употребить его надлежащимъ образомъ.

Полковникъ Стакельбергъ — очень чопорный, молчаливый, скучный нѣмецъ и притомъ болѣе сильный тѣломъ, чѣмъ умомъ. Военный уставъ руководитъ имъ во всѣхъ его поступкахъ и движеніяхъ, и онъ храбръ лишь потому, что уставъ предписываетъ быть таковымъ всѣмъ военнымъ.

Таковы были высшіе офицеры нашего корпуса. Надѣюсь, что всѣ тѣ, которые особенно близко знакомы съ ними, согласятся, что высказанныя мною объ этихъ лицахъ мнѣнія продиктованы самымъ добросовѣстнымъ безпристрастіемъ. Возвратимся къ изложенію событій.

Армія въ своемъ лагерѣ у Тарутина получила значительныя подкрѣпленія, посланныя княземъ Лобановымъ. Она была вновь организована и представляла уже внушительныя силы, которыя къ первымъ числамъ октября могли доходить до 100.000 солдатъ. Всевозможнаго рода припасы стекались въ нее изъ Калуги и смежныхъ губерній. Войска, хорошо накормленныя и отдохнувшія отъ своихъ трудовъ, благодаря пребыванію въ лагерѣ, были готовы возобновить кампанію.

Въ то время, какъ у насъ царствовали изобиліе и должный порядокъ, нищета и крайняя нужда во всемъ были удѣломъ непріятеля. Наши партизаны, наводнявшіе весь край, овладѣвали всѣми его отрядами, посланными на болѣе далекія разстоянія, и ограничивали его средства существованія незначительными запасами, которые онъ могъ находить лишь въ тѣсной окружности, занимаемой его войсками вокругъ Москвы. Несмотря на такое положеніе и на малую надежду заставить насъ согласиться на миръ, Наполеонъ упорно оставался

въ Москвѣ. Онъ все еще не могъ рѣшиться начать отступленіе, которое обнаружило бы передъ Европою первый уронъ, понесенный предводительствуемыми имъ самимъ арміями. Запертый въ Кремлѣ, онъ помышлялъ лишь о продовольствіи своей гвардіи; всѣ остальные корпуса не получали уже болѣе никакого провіанта и существовали лишь тѣмъ, что каждый отдѣльный солдатъ могъ достать себѣ самъ; отсюда, совершенно естественно,—недостатокъ дисциплины, который въ самое короткое время привелъ къ разложенію эту еще такъ недавно столь блестящую армію и превратилъ ее въ безпорядочное и необузданное сборище разбойниковъ. Въ особенности чрезвычайно страдала кавалерія; большая часть лошадей пала отъ истощенія; другія были убиты для того, чтобы послужить пищею войскамъ; тѣ же, которыя оставались еще въ живыхъ, были настолько худы, что не имѣли уже болѣе силы бѣжать. Артиллерійскія лошади находились въ такомъ же положеніи. Независимо отъ нашихъ партизановъ, крестьяне сосѣднихъ съ театромъ войны мѣстностей вели противъ непріятеля дѣятельную войну, которая уносила у него много народа. Крестьяне эти, ободряемые небольшими успѣхами, которые они ежедневно одерживали, нападали уже на отряды въ 200 человѣкъ и болѣе.

При такихъ обстоятельствахъ Беннигсенъ предложилъ фельдмаршалу атаковать короля Неаполитанскаго, который, съ своимъ авангардомъ, по-прежнему, все еще находился около села Винкова. Графъ Орловъ-Денисовъ, командовавшій аванпостами, произвелъ рекогносцировку непріятельской позиціи и нашелъ, что ее можно обойти лѣсами, въ которые опирался ея лѣвый флангъ. Было ясно, что можно было легко разбить этотъ стоявшій одиноко авангардъ; но фельдмаршалъ долго не соглашался атаковать его. Онъ справедливо говорилъ, что даже разбитіе всего этого корпуса не вознаградитъ насъ за неудобство, которое послѣдуетъ отъ пробужденія Наполеона отъ его летаргическаго состоянія, которое такъ нравилось ему въ Москвѣ и въ которомъ держать какъ можно долѣе было для насъ такъ выгодно. Но, наконецъ, осаждаемый неотступными просьбами Беннигсена и другихъ главныхъ начальниковъ арміи, Кутузовъ сдался, и нападеніе было рѣшено. Всѣмъ этимъ дѣломъ руководилъ Беннигсенъ. Для этой цѣли въ его распоряженіе были назначены 2-й, 3-й и 4-й пѣхотные корпуса, десять казачьихъ полковъ графа Орлова-Денисова и 1-й кавалерійскій корпусъ. Остальная часть арміи должна была поддерживать войска, предназначенныя къ веденію атаки. 5-го октября, въ 7 часовъ вечера, армія выступила изъ своего лагеря, чтобы перейти Нару. Находившіеся въ распоряженіи Беннигсена корпуса двигались тремя колоннами: правая, бывшая подъ началь-

ствомъ графа Орлова и состоявшая изъ десяти казачьихъ полковъ, 20-го егерскаго полка и 1-го кавалерійскаго корпуса, была назначена для обхода непріятельской позиціи и для захожденія въ тылъ ея лѣваго фланга. Средняя колонна, состоявшая изъ 2-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ и предводимая лично Беннигсеномъ, должна была атаковать съ фронта лѣвый флангъ непріятеля. Графъ Остерманъ, съ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, составлялъ лѣвую колонну; онъ получилъ приказаніе оставаться въ эшелонномъ порядкѣ между войсками, назначенными къ атакѣ, и остальною арміею; однако, онъ долженъ былъ подвигаться впередъ по мѣрѣ усиленія атаки. 5-й и 6-й пѣхотные корпуса, вмѣстѣ съ двумя кирасирскими дивизіями, составляли центръ арміи на большой дорогѣ. 7-й и 8-й пѣхотные корпуса, имѣя впереди себя 2-й и 4-й кавалерійскіе корпуса, составляли лѣвое крыло подъ начальствомъ генерала Милорадовича. Мы имѣли приказаніе произвести фальшивыя атаки въ моментъ, когда начнется настоящая, съ цѣлію отвлечь вниманіе непріятеля, а когда онъ начнетъ отступать, то слѣдовать за нимъ, не завязывая съ своей стороны серьезнаго дѣла. Согласно диспозиціи, атака должна была быть произведена врасплохъ и начаться 6-го октября, на разсвѣтѣ, но, при выполненіи ея, произошли замедленія, причина которыхъ мнѣ неизвѣстна. Первые пушечные выстрѣлы, произведенные второю колонною праваго фланга, должны были послужить къ началу сраженія, но эти выстрѣлы послышались лишь тогда, когда солнце взошло уже совершенно. Вслѣдствіе этого, неожиданность не была совершенною; французы замѣтили уже необыкновенное движеніе на нашихъ аванпостахъ и въ ту минуту, когда Беннигсенъ приказалъ 2-му пѣхотному корпусу выступить изъ лѣса, то непріятеля нашли уже построившимся на высотахъ, впереди села Дмитровскаго. Онъ стоялъ твердо, и съ обѣихъ сторонъ завязалась канонада. Въ эту минуту графъ Орловъ выѣхалъ въ тылъ французамъ, которые, приведенные въ смущеніе его внезапнымъ появленіемъ, покинули свою позицію въ величайшемъ безпорядкѣ. Ихъ преслѣдовали, но не настолько живо, какъ бы надлежало это сдѣлать. Поразившій ихъ ужасъ былъ такъ великъ, что Васильчиковъ почелъ вполнѣ своевременнымъ воспользоваться имъ, чтобы ударить на ихъ правое крыло, которое бѣжало мимо насъ. Наше лѣвое крыло было занято въ это время прохожденіемъ весьма труднаго Винковскаго дефилея, и его успѣли пройти лишь четыре эскадрона драгунъ. Васильчиковъ, не желая упустить непріятеля, повелъ въ атаку эти четыре эскадрона противъ линіи отъ десяти до двѣнадцати эскадроновъ, которые, хотя и построились передъ нами, но нерѣшительностію своихъ движеній не обѣщали устоять и, дѣйствительно, несмотря на свое огромное численное превосходство, видя наше приближеніе, обра-

тились въ бѣгство. Около полудня приказано было прекратить преслѣдованіе, и это было сдѣлано вслѣдствіе полученнаго ложнаго извѣстія о прибытіи въ Вороново значительнаго непріятельскаго корпуса, пришедшаго на помощь къ королю Неаполитанскому. Войска остановились близъ села Васильевскаго. Къ ночи армія возвратилась въ свой Тарутинскій лагерь, оставивъ въ Винковѣ авангардъ, составленный изъ 2-го и 4-го пѣхотныхъ и 2-го и 4-го кавалерійскихъ корпусовъ подъ общимъ начальствомъ Милорадовича.

Дѣло 6-го октября, хотя и не вполнѣ удавшееся, тѣмъ не менѣе причинило непріятелю значительную потерю. Непріятель потерялъ 2.000 человѣкъ убитыми, у него было взято 1.500 человѣкъ въ плѣнъ, отнято одно знамя, 38 пушекъ, 40 зарядныхъ ящиковъ, огромное количество обоза, въ числѣ котораго находился багажъ самого короля Неаполитанскаго. Потерю нашей арміи можно опредѣлить приблизительно въ 500 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Генералъ Багговутъ былъ убитъ пушечнымъ ядромъ въ самомъ началѣ сраженія. Впослѣдствіи утверждали, что во время дѣла фельдмаршалъ употребилъ все возможное для того, чтобы предпріятіе это не имѣло успѣха, что онъ останавливалъ корпуса, которые по диспозиціи должны были идти впередъ. Я не ручаюсь за достовѣрность этого слуха, но если это дѣйствительно справедливо, то, конечно, оно не дѣлаетъ чести фельдмаршалу. Безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ полное основаніе противиться этому предпріятію, но, разъ давши на него свое согласіе, ставить препятствія къ его исполненію значило поступить противъ своего достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушить долгъ отечеству.

Одна изъ самыхъ важныхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ нами въ этотъ день, состояла въ томъ, что мы убѣдились собственными глазами въ нищетѣ, царствовавшей во французской арміи. Достаточно замѣтить, что въ кухнѣ самого короля Неаполитанскаго мы нашли ободранныхъ кошекъ и вареное лошадиное мясо. Поэтому можно составить себѣ понятіе о хорошемъ столѣ, которымъ должны были пользоваться въ остальномъ лагерѣ.

Пораженіе короля Неаполитанскаго было, какъ и предвидѣлъ фельдмаршалъ, громовымъ ударомъ, разбудившимъ Наполеона. На другой же день, то-есть 7-го октября, онъ выѣхалъ изъ Москвы и прибылъ, съ своею арміею, къ Деснѣ, чтобы принять и поддержать короля Неаполитанскаго. Императоръ французовъ, видя наконецъ, что онъ не долженъ болѣе разсчитывать на миръ, понялъ, что онъ не можетъ терять ни одной минуты для того, чтобы приблизиться къ Польшѣ. Принужденный начать продолжительное отступленіе съ совершенно изнуренными войсками, онъ захотѣлъ обезпечить его, проведя свою армію по новымъ мѣстностямъ, не пострадавшимъ еще отъ войны.

Съ этою цѣлію онъ попытался обойти нашу Тарутинскую позицію съ нашего лѣваго фланга и, выйдя на дорогу въ Боровскъ, прибыть ранѣе насъ въ Калугу. 9-го октября французская армія пришла въ Игнатьево, а 10-го—въ Ѳоминское. Эти два фланговыхъ перехода были скрыты ея арьергардомъ, который оставался въ Вороновѣ до 11-го октября, а въ этотъ день послѣдовалъ за арміею. Въ этотъ же день, 11-го октября, въ два часа утра, маршалъ Мортье, который оставался въ Москвѣ, взорвалъ Кремль и очистилъ городъ, который и былъ занятъ генераломъ Иловайскимъ. Этотъ генералъ командовалъ корпусомъ [1]), бывшимъ подъ начальствомъ генерала Винценгероде, который наканунѣ неосторожно допустилъ захватить себя въ плѣнъ на улицахъ Москвы.

Въ нашей арміи не имѣлось точныхъ свѣдѣній о движеніяхъ непріятеля. Генералъ Дороховъ, находившійся съ летучимъ отрядомъ въ окрестностяхъ Боровска, далъ знать, что непріятель усиливается въ Ѳоминскомъ, почему и подумали, что это былъ корпусъ, посланный туда Наполеономъ для того, чтобы связать свою главную армію, которую все еще предполагали между Вороновымъ и Десною, съ операціонною линіею отъ Можайска до Смоленска. Рѣшено было овладѣть этимъ корпусомъ и съ этою цѣлію 10-го октября отдѣлили генерала Дохтурова съ его 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Дохтуровъ, находясь въ пути къ Ѳоминскому, получилъ наконецъ донесеніе отъ одного изъ нашихъ партизановъ—Сеславина, объявившаго, что онъ узналъ, что французская армія двигается отъ Игнатьева къ Ѳоминскому. Эти извѣстія побудили Дохтурова остановиться въ селѣ Аристовѣ и испросить новыхъ приказаній. Въ главной квартирѣ сначала не хотѣли повѣрить донесенію Сеславина и, для того, чтобы убѣдиться въ его справедливости, намъ приказано было раннимъ утромъ 11-го октября произвести, съ нашею кавалеріею, большую рекогносцировку, которую мы и довели до Воронова, не встрѣтивъ непріятеля, такъ какъ всѣ войска его, бывшія съ этой стороны, уже прослѣдовали за своей арміею. Тогда не оставалось уже ни малѣйшаго сомнѣнія относительно движенія Наполеона, и вечеромъ 11-го октября наша армія выступила изъ Тарутинскаго лагеря и двинулась къ Малоярославцу. Нашъ арьергардъ провелъ ночь въ Тарутинѣ. Генералъ Дохтуровъ также получилъ приказаніе направиться къ Малоярославцу, и онъ чуть было не пришелъ туда слишкомъ поздно. Вице-король, составлявшій, съ своимъ 4-мъ корпусомъ, французскій авангардъ, прибылъ 11-го вечеромъ къ Малоярославцу, на лѣвый берегъ Лужи, и въ теченіе ночи приказалъ исправить

[1]) Корпусъ этотъ во время пребыванія французовъ въ Москвѣ держался на Петербургской дорогѣ, въ окрестностяхъ Клина.

мостъ черезъ нее. 11-го октября главная квартира Наполеона находилась въ Боровскѣ.

12-го октября, въ пять часовъ утра, Дохтуровъ прибылъ къ Малоярославцу и выгналъ изъ него нѣсколько французскихъ отрядовъ, которые вступили туда ночью. Тогда вице-король приказалъ придвинуться своему корпусу. Несмотря на выгодное положеніе позиціи и упорное сопротивленіе нашихъ войскъ, французы вновь вступили въ городъ. На улицахъ дрались съ еще бо́льшимъ, противъ прежняго, ожесточеніемъ. Во время этого боя съ обѣихъ сторонъ приблизились арміи къ полю сраженія. Наконецъ, по прибытіи нашей, фельдмаршалъ подкрѣпилъ корпусъ Дохтурова, пославъ къ нему одинъ за другимъ 8-й и 7-й пѣхотные корпуса. Бой продолжался съ тѣмъ же ожесточеніемъ до 11-ти часовъ вечера. Городъ, восемь разъ переходившій изъ рукъ въ руки, остался во власти непріятеля, и однако наши войска удержались въ переднихъ домахъ города и около окрестныхъ заборовъ. Къ вечеру нашъ арьергардъ соединился съ арміею. Въ это же самое время прибылъ и Наполеонъ съ своею арміею, которая заняла позицію на лѣвомъ берегу Лужи. Въ этомъ сраженіи при Малоярославцѣ французы потеряли до 5.000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя; наша потеря была не менѣе значительна.

Фельдмаршалъ сначала имѣлъ намѣреніе возобновить на слѣдующій день сраженіе; но ночью онъ перемѣнилъ свое мнѣніе. 13-го октября, въ часъ утра, войскамъ приказано было отступить на позицію въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ города, на Калужской дорогѣ. Въ то же самое время Наполеонъ, подъ впечатлѣніемъ понесенной имъ значительной потери, приказалъ очистить городъ и отдавалъ распоряженія къ отступленію своей арміи. По заслуживающей вниманія странной случайности, этотъ самый городъ, за обладаніе которымъ еще наканунѣ дрались съ такимъ ожесточеніемъ, оказался теперь покинутымъ обѣими сторонами одновременно. Однако, французы первые одумались и, замѣчая отступленіе нашихъ войскъ, снова вступили въ городъ; армія ихъ даже вышла за городъ и развернулась на позиціи, которую мы занимали наканунѣ. День прошелъ въ рекогносцировкахъ со стороны французовъ, которые въ своихъ развѣдкахъ доходили даже до нашихъ аванпостовъ, но, видя по оказанному нами имъ сопротивленію, что у насъ и не думаютъ объ отступленіи, не пожелали завязать серьезнаго дѣла.

Въ то время, какъ главная французская армія двигалась къ Малоярославцу, князь Понятовскій получилъ приказаніе двинуться на Верею, а оттуда направиться чрезъ Медынь на Калугу. 13-го октября авангардъ его показался около Медыни, но находившійся въ окрестностяхъ этого города, съ нѣсколькими казачьими полками, полковникъ

Иловайскій атаковалъ князя Понятовскаго, положилъ на мѣстѣ 500 человѣкъ, отнялъ у него 5 пушекъ, взялъ въ плѣнъ генерала Тышкевича и отбросилъ остатки его корпуса къ Вереѣ. Событіе это въ связи съ полученными новыми приказаніями побудило князя Понятовскаго прекратить свое движеніе на Медынь.

Хотя Наполеону и удалось вытѣснить насъ изъ Малоярославца, но онъ ничего отъ этого не выигралъ. Онъ имѣлъ намѣреніе предупредить насъ въ Калугѣ и завязалъ сраженіе 12-го октября, лишь въ надеждѣ одолѣть одинъ корпусъ и тѣмъ открыть себѣ путь въ Калугу. Вмѣсто того, чтобы достигнуть этого результата, онъ увидѣлъ себя остановленнымъ всею нашею арміею, которая преграждала ему эту дорогу и вызывала его на сраженіе, принятіе котораго не входило въ его планы. Хотя Наполеонъ и имѣлъ надъ нами численное превосходство, онъ все-таки не отважился вступить въ генеральное сраженіе съ разстроенными войсками, которыя уже весьма слабо повиновались приказаніямъ своихъ начальниковъ. Онъ рѣшилъ отступить на Можайскъ съ тѣмъ, чтобы отсюда возвратиться на Смоленскую дорогу, которую онъ надѣялся найти еще свободною. Наполеонъ находился въ жестокой необходимости заставить свою армію пройти по этой, совершенно опустошенной, дорогѣ. 14-го октября французская армія возвратилась въ Боровскъ. Маршалъ Даву, съ своимъ корпусомъ, остался въ арьергардѣ предъ Малоярославцемъ. Въ этотъ же день, въ 5 часовъ утра, наша армія оставила свою позицію съ тѣмъ, чтобы занять новую, болѣе выгодную, которую нашли въ 14 или 15 верстахъ позади, на большой дорогѣ. Это отступательное движеніе было одною изъ величайшихъ ошибокъ и могло имѣть самыя опасныя послѣдствія, еслибы французы замѣтили его. Дѣйствительно, этимъ необдуманнымъ отступленіемъ мы открывали непріятелю путь изъ Малоярославца на Медынь и давали ему возможность направить свое отступленіе чрезъ Медынь, Юхновъ и Ельню на Смоленскъ и пройти новыми мѣстностями, нисколько не пострадавшими отъ войны.

Можно подумать, что въ это время мы сговорились съ французами отступить каждому изъ насъ въ свою сторону. Въ ночь съ 14-го на 15-ое октября, чтобы приблизиться къ нашей арміи, мы отодвинули нашъ авангардъ къ селу Аѳанасьеву, а въ это же время французскій арьергардъ очищалъ Малоярославецъ и направлялся къ Боровску. 15-го октября, раннимъ утромъ, наши аванпосты извѣстили объ исчезновеніи непріятельскихъ аванпостовъ. Тотчасъ же генералъ Милорадовичъ передвинулъ нашъ авангардъ впередъ и приказалъ вновь занять Малоярославецъ. Онъ хотѣлъ немедленно выступить въ походъ, чтобы преслѣдовать непріятеля. Тщетно представляли ему, что непріятель имѣлъ уже передъ нами нѣсколько часовъ впереди, что мы безполезно

лишь утомимъ наши войска, не имѣя возможности нагнать его, и что лучше было бы прямо направиться на Гжатскъ, гдѣ мы могли бы еще предупредить французовъ. Милорадовичъ не хотѣлъ слѣдовать по этому направленію, и пришлось употребить всевозможныя старанія, чтобы убѣдить его подождать по крайней мѣрѣ въ Малоярославцѣ приказаній изъ главной квартиры. Намъ, тѣмъ менѣе, не было надобности идти на Боровскъ, что Платовъ, съ своими казаками, пошелъ уже по этой дорогѣ.

Быть можетъ, меня упрекнутъ въ томъ, что я сужу по совершившемуся уже событію, но я не могу скрыть, что, по моему мнѣнію, Наполеонъ совершилъ большую ошибку, не давъ сраженія послѣ битвы подъ Малоярославцемъ. Онъ долженъ былъ всѣмъ рискнуть, чтобъ постараться открытою силою пробить себѣ дорогу въ Калугу и тѣмъ избавить себя отъ крайняго бѣдствія быть вынужденнымъ отступать по опустошенной Смоленской дорогѣ, на которой армію его ожидала вѣрная гибель. Я вполнѣ сознаю, что отсутствіе дисциплины въ его войскахъ заставляло его страшиться пораженія, но, вѣроятно, со мною согласятся, что, съ другой стороны, его численное превосходство представляло ему еще нѣкоторую надежду на успѣхъ. Къ тому же, даже самое полное пораженіе не могло для него имѣть болѣе гибельныхъ послѣдствій, чѣмъ отступленіе по Смоленской дорогѣ, между тѣмъ какъ выигранное сраженіе открывало ему сохранившіяся области и, быть можетъ даже, доставило бы возможность занять хорошія зимнія квартиры между Калугою и Смоленскомъ, отбросивъ нашу армію къ Орлу и Тулѣ.

Когда въ нашей главной квартирѣ узнали объ отступленіи непріятеля на Боровскъ, то боялись, чтобы онъ не попытался еще разъ прорваться къ Калугѣ по дорогѣ чрезъ Верею на Медынь, и, чтобы воспрепятствовать ему въ этомъ, фельдмаршалъ приказалъ перевести армію на эту дорогу и расположилъ ее близъ Полотняныхъ Заводовъ. Эта позиція была тѣмъ лучше выбрана, что, прикрывая Калугу со стороны Медыни, она въ то же время приближала насъ и къ Вязьмѣ, и къ Гжатску, чрезъ которые долженъ былъ проходить непріятель, если онъ рѣшился на полное отступленіе. Милорадовичу также было приказано перейти на дорогу въ Медынь. Такъ какъ мы получили это приказаніе уже очень поздно, то могли сдѣлать лишь самый небольшой переходъ до села Черналокни, гдѣ и провели ночь. На слѣдующій день мы прибыли въ село Адамовское, по дорогѣ въ Медынь. 15-го октября главная квартира Наполеона была въ Вереѣ, маршалъ Ней съ авангардомъ въ Можайскѣ, а маршалъ Даву съ арьегардомъ въ Боровскѣ.

Фельдмаршалъ Кутузовъ, узнавъ, что французская армія направлялась на Можайскъ, рѣшилъ самъ приблизиться къ этому городу. 17-го

октября армія перешла въ Кременское. Нашъ авангардъ былъ выдвинутъ къ Егорьевскому, къ перекрестку дорогъ изъ Медыни въ Можайскъ и Верею. Я хорошо знаю, что впослѣдствіи переходъ этотъ осуждали, такъ какъ онъ дѣйствительно представляется довольно ошибочнымъ, ибо онъ не приближалъ насъ къ важному пункту—Вязьмѣ; но слѣдуетъ замѣтить, что въ это время не знали еще, что Наполеонъ уже рѣшился направиться по Смоленской дорогѣ, и что поэтому было также весьма возможно, что онъ направится чрезъ Волоколамскъ, Зубцовъ, Ржевъ, Бѣлый, Велижъ и Суражъ на Витебскъ; путь этотъ хотя на самомъ дѣлѣ и болѣе длинный, но несравненно болѣе выгодный по отношенію къ продовольствію, въ которомъ непріятель никогда бы не нуждался въ областяхъ, не бывшихъ еще театромъ военныхъ дѣйствій. Въ томъ случаѣ, если бы французы выбрали эту дорогу, Кутузовъ, идя прямо на Вязьму или оставаясь даже на своей позиціи у Полотняныхъ Заводовъ, не былъ бы уже болѣе въ состояніи воспротивиться такому движенію непріятеля. Такимъ образомъ, онъ поступилъ весьма благоразумно, приблизившись къ Можайску, чтобы не терять непріятеля изъ виду.

Наконецъ были получены положительныя извѣстія о движеніи Наполеона на Гжатскъ. Тогда уже не оставалось болѣе сомнѣнія въ полномъ отступленіи французовъ по Смоленской дорогѣ. Теперь дѣло шло лишь о ихъ преслѣдованіи, но вопросъ о томъ, какъ его направить, возбудилъ у насъ разногласіе. Невѣжды желали, чтобы мы слѣдовали за ними, сильно напирая на ихъ арьергардъ. Эти люди совсѣмъ не понимали, что, заставляя нашу армію проходить по областямъ опустошеннымъ и которыя будутъ еще болѣе разорены послѣ прохода французовъ, мы подвергли бы ее вѣрной гибели и безъ особенно въ то же время дурныхъ послѣдствій для непріятеля потому, что хорошо извѣстно, что арьергардъ, если только онъ ведетъ себя такъ, какъ слѣдуетъ, никогда не можетъ испытывать большихъ потерь. Дѣло это представится неоспоримымъ, если захотятъ принять въ соображеніе, что арьергардъ, атакуемый и отбрасываемый къ своей арміи, съ каждымъ шагомъ отступленія усиливается потому, что, отступая, приближается къ своимъ главнымъ силамъ, между тѣмъ какъ побѣдоносный авангардъ ослабляется пропорціонально разстоянію, на которое онъ удаляется отъ своей арміи, которая, по необходимости, должна подвигаться медленнѣе и, слѣдовательно, не въ состояніи уже поддерживать его надлежащимъ образомъ. Люди болѣе свѣдущіе, напротивъ того, предлагали двигаться прямо на Вязьму, чтобы преградить дорогу непріятелю и принудить его дать сраженіе, чтобы вновь открыть свои сообщенія. Въ этомъ сраженіи шансы были бы на нашей сторонѣ потому, что, въ случаѣ потери его, мы имѣли бы свободный путь отступленія

на Юхновъ; пораженіе же непріятеля безусловно повлекло бы за собою совершенную гибель его арміи, которая, будучи отрѣзана отъ своихъ сообщеній, была бы поставлена въ жестокую необходимость или положить оружіе, или же разбѣжаться съ тѣмъ, чтобы каждый спасался какъ могъ. Эти правдоподобныя соображенія представлялись намъ настолько убѣдительными, что мы были крайне раздражены противъ фельдмаршала, не принявшаго ихъ во вниманіе, и мы просто-на-просто обвиняли его въ трусости. Хотя я также раздѣлялъ это заблужденіе, но справедливость обязываетъ меня сознаться теперь, что мы разсуждали тогда, какъ неопытная молодежь, и признать, что не намъ было осуждать дѣйствія опытнаго полководца, мудрыхъ соображеній котораго мы не въ состояніи были оцѣнить. Благоразумный Кутузовъ совершенно вѣрно разсуждалъ, что если бы непріятель былъ вынужденъ нами искать свое единственное спасеніе въ сраженіи, то страхъ придалъ бы ему новыя силы, благодаря которымъ онъ могъ бы еще разъ разбить насъ или по меньшей мѣрѣ заставить насъ слишкомъ дорого заплатить за побѣду. Къ тому же результатъ полной побѣды не могъ обѣщать намъ ничего другаго, какъ уничтоженіе французской арміи; а развѣ продолжительное отступленіе, какое долженъ былъ совершить непріятель, постоянно безпокоимый нашими войсками, чрезъ опустошенныя области и во время, когда наступавшая зима угрожала своею суровостью, не обезпечивало ли оно намъ того же результата и притомъ не подвергая насъ тѣмъ же опасностямъ и сберегая кровь столь для насъ драгоцѣнную. Эти причины побудили фельдмаршала избѣгать генеральнаго сраженія и слѣдовать рядомъ съ непріятелемъ, параллельно съ его движеніемъ, но не упуская въ то же время случая отрѣзать корпуса, составлявшіе его арьергардъ, чтобы такимъ образомъ разбивать ихъ въ одиночку. Вслѣдствіе этого плана онъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: главная армія изъ Кременскаго направилась окольными дорогами на Вязьму; нашъ авангардъ, состоявшій, какъ я уже говорилъ, изъ 2-го и 4-го пѣхотныхъ и 2-го и 4-го кавалерійскихъ корпусовъ, направился по другой дорогѣ, промежуточной между тою, по которой пошла армія, и большою Смоленскою; Платовъ, съ своими казаками и пѣхотною дивизіею Паскевича, долженъ былъ слѣдовать за французами по большой дорогѣ, между тѣмъ какъ многочисленные легкіе отряды, разъѣзжая впереди и съ фланговъ французской арміи должны были затруднять ея движеніе и препятствовать фуражировкамъ по окрестностямъ. Я не помню, чтобъ мнѣ приходилось читать въ какой-либо исторіи предшествовавшихъ войнъ о какихъ бы то ни было военныхъ дѣйствіяхъ, которыя могли бы дать понятіе объ этомъ параллельномъ преслѣдованіи. Глубокому генію Кутузова предназначено бы-

ло оставить потомству примѣръ, который составитъ эпоху въ военныхъ лѣтописяхъ.

18-го октября, мы съ нашимъ авангардомъ прибыли въ Шахово, а на слѣдующій день—въ Марьино. Въ тотъ же день, на разсвѣтѣ, Платовъ атаковалъ французскій арьергардъ близъ Колоцкаго монастыря и сильно преслѣдовалъ его до Греднева, нанеся ему потерю въ 800 человѣкъ убитыми, 200 плѣнными и взявъ два знамени и 27 орудій. Непріятель начиналъ уже сознавать дурное состояніе своихъ лошадей; онъ принужденъ былъ бросить большое число ихъ на дорогѣ, такъ какъ онѣ не могли болѣе двигаться, оставить множество обоза и даже взорвать на воздухъ большое число зарядныхъ ящиковъ. Такъ какъ вся армія Наполеона проходила по одной только дорогѣ, то онъ вынужденъ былъ раздѣлить ее на корпуса, которые слѣдовали другъ за другомъ, соблюдая между собою значительныя дистанціи, облегчая тѣмъ какъ самое движеніе, такъ и продовольствіе, недостатокъ котораго съ каждымъ днемъ принималъ все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры. Самъ Наполеонъ, съ своею гвардіею, шелъ во главѣ колонны.

20-го мы намѣрены были уже продолжать наше движеніе на Гжатскъ, какъ болѣе обдуманное изученіе карты привело меня къ убѣжденію, что мы безполезно совершимъ этотъ путь и рискуемъ не настигнуть непріятеля. Вслѣдствіе этого я предложилъ идти прямо на перерѣзъ, чрезъ Никольское и Воронцово, на Царево-Займище, село на большой дорогѣ изъ Гжатска въ Вязьму, и отъ котораго мы находились на равномъ разстояніи, какъ и отъ Гжатска. Генералъ Васильчиковъ тотчасъ понялъ выгоду моего предложенія и пожелалъ заставить генерала Милорадовича согласиться на измѣненіе даннаго направленія на Гжатскъ, но ему трудно было бы успѣть въ этомъ безъ присутствія принца Евгенія Виртембергскаго, который поддержалъ мое мнѣніе и убѣдилъ Милорадовича послѣдовать ему. Около полудня, съ двумя нашими кавалерійскими корпусами, мы прибыли на высоты Воронцова. Съ колокольни этого села мы открыли корпусъ Даву, который проходилъ по большой дорогѣ въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ. Баталіоны, эскадроны, артиллерія, обозъ,—все шло какъ ни попало и въ такомъ безпорядкѣ—какого нельзя себѣ и вообразить. Еслибъ мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобъ напасть на эту чудовищную колонну, то моглибы нанести ей большой вредъ и захватить у нея много пушекъ и плѣнныхъ. Васильчикову сильно хотѣлось попытать счастья; но, къ сожалѣнію, генералъ Корфъ, командовавшій 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, былъ старше его по службѣ и не пожелалъ на это согласиться, отговариваясь тѣмъ, что онъ не имѣетъ на этотъ счетъ приказаній со стороны генерала Милорадовича, который въ это время обѣдалъ въ тылу авангарда. Корфъ отказался поѣхать туда снова, го-

воря, что не желаетъ имѣть видъ, какъ будто онъ даетъ уроки своему начальнику. Такимъ образомъ мы оставались совершенно спокойно въ теченіе почти трехъ часовъ въ созерцаніи этого страннаго движенія непріятеля. Къ вечеру прибылъ принцъ Евгеній Виртембергскій съ своею дивизіею, составлявшею авангардъ пѣхоты. Такъ какъ онъ былъ старше по службѣ Корфа, то и рѣшилъ произвести атаку, которую онъ намѣренъ былъ поддержать своею пѣхотою. Мы уже выступили въ дорогу, какъ въ это время пріѣхалъ Милорадовичъ и приказалъ намъ снова остановиться по причинамъ, которыя я никогда не могъ вполнѣ объяснить себѣ. Мы провели ночь между Воронцовымъ и Царево-Займищемъ, въ двухъ верстахъ отъ этого послѣдняго села. Въ этотъ день главная квартира Наполеона находилась въ Вязьмѣ, а фельдмаршала Кутузова—въ селѣ Силенкахъ, близъ дороги изъ Юхнова въ Гжатскъ.

21-го, на разсвѣтѣ наши войска были уже въ строю. Милорадовичъ рѣшился таки наконецъ атаковать непріятеля, но этотъ послѣдній не былъ настолько любезенъ, чтобъ подождать насъ, и воспользовался ночью, чтобъ совершенно уйти отъ насъ. Вмѣсто французовъ, которыхъ мы все еще разсчитывали застать въ Царево-Займищѣ, мы встрѣтили тамъ Платова, слѣдовавшаго съ своими казаками за ними по пятамъ. Тогда Милорадовичъ, видя, что мы упустили французовъ, рѣшилъ снова идти рядомъ съ ними и ускорить движеніе, чтобы постараться предупредить ихъ въ окрестностяхъ Вязьмы. Мы провели ночь въ селѣ Охотинѣ, сдѣлавъ переходъ болѣе, чѣмъ въ 30 верстъ.

Непостижимо, что Наполеонъ, видя крайнюю нужду, которую испытывала его армія на Смоленской дорогѣ, не подумалъ свернуть изъ Гжатска на Сычевку, чтобы затѣмъ направиться чрезъ Бѣлый и Порѣчье на Витебскъ. Вмѣсто того, чтобы поступить такимъ образомъ, онъ попрежнему упорно шелъ на встрѣчу тѣмъ бѣдствіямъ, которыя ожидали его на Смоленской дорогѣ. Можно предположить только одну единственную разумную причину такого страннаго поведенія. Это именно то, что онъ уже болѣе не заботился о сохраненіи своей арміи и что онъ помышлялъ лишь, какъ бы поскорѣе обезпечить спасеніе своей собственной особы, выбирая для этого извѣстную уже ему и притомъ самую короткую дорогу. Быть можетъ, что санъ государя и давалъ ему право поступать такимъ образомъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что обыкновенный генералъ не могъ бы этого сдѣлать, не навлекая на себя проклятія своего отечества, негодованія своихъ современниковъ и презрѣнія потомства.

22-го октября, на разсвѣтѣ, нашъ авангардъ вновь выступилъ въ походъ. Мы, съ нашею кавалеріею, выѣхали впередъ и къ восьми часамъ утра прибыли на возвышенности, господствующія надъ большою дорогою, между Вязьмою и селомъ Ѳедоровскимъ. Корпусъ вице-ко-

роля находился уже близъ Вязьмы, тогда какъ корпусъ Даву только еще началъ выходить изъ Ѳедоровскаго, и его авангардъ, приближавшійся къ нашей возвышенности, слѣдовалъ въ такомъ безпорядкѣ, который можно сравнить развѣ только съ тѣмъ, въ какомъ этотъ самый корпусъ проходилъ мимо насъ у Царева-Займища. Находившійся съ нашею кавалеріею Милорадовичъ разрѣшилъ теперь Васильчикову произвести атаку. Полковникъ Эммануэль, во главѣ Ахтырскаго гусарскаго и Кіевскаго драгунскаго полковъ, произвелъ блистательную атаку и, несмотря на кустарникъ, затруднявшій его движеніе, опрокинулъ непріятеля и выскакалъ на большую дорогу. Харьковскій драгунскій полкъ проскакалъ даже чрезъ большую дорогу. Однако, онъ сдѣлалъ это, не получивъ на то приказанія и лишь съ тою цѣлью, чтобы разграбить непріятельскій обозъ, бросившійся въ эту сторону. Еслибы въ эту минуту вся пѣхота нашего авангарда находилась на разстояніи ружейнаго выстрѣла и могла бы поддержать насъ, то корпусъ Даву былъ бы совершенно отрѣзанъ; но вслѣдствіе непростительной ошибки пѣхота эта выступила въ походъ такъ поздно, что находилась далеко еще позади. При такихъ обстоятельствахъ, быть можетъ, было бы гораздо благоразумнѣе сдѣлать изъ нашей атаки внезапное нападеніе съ цѣлью постараться захватить какую-либо добычу и затѣмъ отступить; но Милорадовичъ приказалъ намъ удерживаться на нашей позиціи до прибытія пѣхоты, которую привести онъ обѣщалъ какъ можно скорѣе. Вслѣдствіе таковаго приказанія Ахтырскій полкъ былъ оставленъ на большой дорогѣ, а остальная кавалерія развернулась на идущихъ параллельно къ ней высотахъ; лѣвый флангъ былъ расположенъ въ двѣ линіи, а правый—только въ одну. Батарея въ двѣнадцать орудій была поставлена на холмѣ, господствовавшемъ надъ всею этою мѣстностью и находившемся на лѣвомъ флангѣ линій расположенія нашей кавалеріи, между нею и Ахтырскимъ полкомъ. Другая батарея, въ шесть орудій, была поставлена впереди центра, на другой возвышенности, менѣе высокой, и третья батарея, также въ шесть орудій, находилась впереди праваго фланга. Казаки были расположены за кавалеріею, на продолженіи той же возвышенности, и стояли фронтомъ къ большой дорогѣ, къ сторонѣ Вязьмы. Въ теченіе болѣе получаса мы стояли на нашей позиціи; но вотъ, наконецъ, показалась передъ нами главная часть корпуса Даву и въ то же время вице-король, извѣщенный нашею канонадою объ опасности, въ которой находился Даву, вернулся назадъ и занялъ возвышенность, съ которой можно было зайти въ тылъ нашему лѣвому флангу. Теперь положеніе вещей совершенно измѣнилось; непріятельскіе егеря, прокравшись подъ защитою кустарника, чуть-было не овладѣли центральною батареею, которая принуждена была спасаться вскачь. Съ другой стороны Ахтырскій полкъ былъ вынужденъ

покинуть занимаемую имъ позицію на большой дорогѣ. Грозныя непріятельскія батареи громили со всѣхъ сторонъ нашу батарею, возведенную на холмѣ лѣваго фланга, а пѣхотныя колонны, которымъ вице-король приказалъ спуститься въ кустарникъ, находившійся въ тылу нашего лѣваго фланга, настолько серьезно угрожали этому флангу, что наша вторая линія кавалеріи принуждена была повернуть налѣво кругомъ. Харьковскій полкъ, который, какъ мы уже сказали, перешелъ большую дорогу, очутился, благодаря этому, въ крайне затруднительномъ положеніи и былъ спасенъ лишь присутствіемъ духа и рѣшительностью командовавшаго имъ полковника Юзефовича. Онъ, видя, что полкъ его отрѣзанъ, бросился въ кустарникъ и, пронесясь во весь опоръ между непріятельскими колоннами, присоединился къ лѣвому флангу казаковъ. Юзефовичъ исполнилъ свое отступленіе, не потерявъ ни одного человѣка. Смѣлость этого маневра привела французовъ въ такое изумленіе, что они и не подумали даже выстрѣлить по отступавшимъ. Юзефовичъ привелъ ихъ въ еще бо́льшее замѣшательство, закричавъ одной изъ ихъ колоннъ, мимо которой онъ проносился почти подъ самымъ носомъ: «друзья, не стрѣляйте, дарю вамъ жизнь!» (Mes amis, ne tirez pas; je vous fais grâce de la vie). Это довольно забавное бахвальство удалось ему потому, что непріятель дѣйствительно не стрѣлялъ. Поведеніе Юзефовича въ этомъ случаѣ нѣсколько загладило его вину въ томъ, что онъ отважился на предпріятіе, не получивъ на него приказанія. Между тѣмъ, несмотря на обѣщаніе Милорадовича, наша пѣхота не прибывала, и положеніе наше съ минуты на минуту становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Я подъѣхалъ къ полковнику Эммануэлю, чтобы подѣлиться съ нимъ моимъ безпокойствомъ. Онъ также былъ того мнѣнія, что мы не можемъ долѣе держаться, и поручилъ мнѣ предложить Васильчикову приказать намъ отступить. Я согласился на это лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ также поѣхалъ со мною, чтобъ поддержать мои слова. Мы отправились къ Васильчикову и сообщили ему наши наблюденія. Онъ согласился съ нами, что дѣло шло дурно, но, однако, сказалъ намъ, что отступленіе наше было еще преждевременнымъ, и что онъ рѣшился подождать еще нѣсколько времени сто́лько разъ обѣщанной пѣхоты, которая должна же была, наконецъ, прибыть. Что̀ въ особенности заставило его помедлить съ нашимъ отступленіемъ, такъ это то, что мы не могли совершить его, не покинувъ холма, съ котораго батарея наносила большой вредъ колоннамъ Даву, проходившимъ по большой дорогѣ. Быть можетъ, будутъ удивлены, видя генерала Васильчикова дающимъ повсюду приказанія, тогда какъ Корфъ былъ старше его по службѣ; но этотъ послѣдній принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые скрываются въ критическія минуты, предоставляя командованіе

тѣмъ, кто, по чувству своего долга, пожелаетъ принять его на себя. Наконецъ, около десяти часовъ вечера, показался съ своею пѣхотною дивизіею принцъ Евгеній Виртембергскій, который и направилъ ее немедленно противъ колоннъ вице-короля, подходившихъ уже къ подошвѣ возвышенности, на которой была расположена батарея лѣваго фланга, и когда командовавшій этою батареею артиллерійскій офицеръ дѣлалъ уже распоряженія о прикрытіи орудій. Нѣсколько баталіоновъ были посланы противъ егерей Даву. Непріятель былъ отброшенъ, и наша батарея спасена. Главная часть нашей пѣхоты пришла вскорѣ послѣ принца Евгенія; но было уже слишкомъ поздно: корпусъ Даву имѣлъ достаточно времени, чтобы пройти, и въ эту минуту мимо насъ проходили его послѣднія войска. Слѣдовавшій за ними Платовъ не замедлилъ также показаться на возвышенности нашего праваго фланга. Тогда, со всѣми соединенными нашими силами, мы пустились преслѣдовать два корпуса вице-короля и Даву по направленію къ Вязьмѣ. Сраженіе продолжалось весь день. Непріятель послѣдовательно былъ выгнанъ изъ трехъ разныхъ позицій, занятыхъ имъ съ цѣлью замедлить наше преслѣдованіе и прикрыть городъ Вязьму, который къ вечеру былъ взятъ штыками генераломъ Чоглоковымъ, съ помощью 11-ой пѣхотной дивизіи. Шедшій во главѣ этой колонны Перновскій полкъ первый вошелъ въ городъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами. Взятіе Вязьмы закончило сраженіе. Со стороны непріятеля оказалось около 1.800 человѣкъ убитыхъ; сверхъ того, онъ потерялъ три пушки, одно знамя и 3.500 человѣкъ плѣнными. Нашу потерю убитыми и ранеными можно считать около 1.000 человѣкъ.

Въ то время, когда мы дрались подъ Вязьмой, наша главная армія подошла къ этому городу; но Кутузовъ, вѣрный своему рѣшенію избѣгать генеральнаго сраженія, остановился въ окрестностяхъ села Быкова, расположеннаго на дорогѣ между Вязьмою и Юхновымъ. Онъ удовольствовался тѣмъ, что отдѣлилъ къ намъ на помощь генерала Уварова съ кирасирами. Къ концу сраженія Уваровъ прибылъ къ Вязьмѣ, но большое болото, отдѣлявшее его отъ поля сраженія, помѣшало ему принять участіе въ дѣлѣ, и онъ вернулся къ арміи, обмѣнявшись съ непріятелемъ нѣсколькими ядрами.

23-го авангардъ снова выступилъ въ походъ. Пѣхота и два кавалерійскихъ полка направились по большой дорогѣ. Остальная кавалерія, по причинѣ крайняго недостатка въ фуражѣ на большой дорогѣ, была принуждена слѣдовать окольными путями, влѣво отъ большой дороги. Въ этотъ день главная квартира была въ селѣ Быковѣ, 24-го она была переведена въ Красное, а 25-го въ Гаврюково.

Осень, которая къ нашему величайшему огорченію до сихъ поръ стояла прекрасная, готовилась, наконецъ, уступить мѣсто зимѣ. Мы

*

ожидали наступленія дурнаго времени съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ, что вполнѣ понимали, что ему суждено нанести послѣдній смертельный ударъ, который долженъ довершить бѣдствіе французской арміи. 25-го пошелъ снѣгъ и начался морозъ. Дороги сдѣлались скользкими и почти непроходимыми для упряжныхъ лошадей непріятеля, который не успѣлъ подковать ихъ зимними подковами. Ночные бивуаки сдѣлались смертельными для изнуренныхъ солдатъ, которые притомъ не были достаточно тепло одѣты, чтобы переносить суровость наступавшей зимы. Съ другой стороны съѣстные припасы становились все болѣе и болѣе скудны. Съ этого времени начались сцены ужаса, которыми ознаменовывалось отступленіе французовъ. Уже не десятками, а цѣлыми сотнями заразъ погибали люди отъ истощенія и стужи; вся дорога была усѣяна трупами и представляла ужасную картину сплошнаго поля сраженія. Тѣ, которые не были очевидными свидѣтелями этихъ ужасающихъ событій, съ трудомъ повѣрятъ будущимъ о нихъ повѣствованіямъ. Я буду помнить всю жизнь ужасное зрѣлище, которымъ мы были поражены на большой Дорогобужской дорогѣ, близъ Болдинскаго монастыря. Три француза жарили четвертаго, умершаго нѣсколько минутъ тому назадъ отъ голода. Одного этого примѣра достаточно для того, чтобы дать вѣрное понятіе о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя тяготѣли надъ непріятельскою арміею.

26-го октября генералъ Милорадовичъ нагналъ у Дорогобужа непріятельскій арьергардъ и послѣ двухъ-часоваго боя принудилъ его очистить этотъ городъ, съ потерею болѣе 1.500 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Въ этотъ же день наша кавалерія присоединилась къ главному авангарду. Наконецъ Наполеонъ, видя, что все болѣе и болѣе возраставшія затрудненія замедляютъ его движеніе, рѣшилъ облегчить его, для чего и приказалъ вице-королю вести тяжелый обозъ арміи, подъ прикрытіемъ 4-го корпуса, на Витебскъ, слѣдуя изъ Дорогобужа чрезъ Духовщину и Порѣчье. Остальные корпуса арміи должны были, по-прежнему, слѣдовать по Смоленской дорогѣ. Вице-король, выступившій изъ Дорогобужа 26-го октября утромъ, будучи стѣсненъ слѣдовавшимъ съ нимъ обозомъ, не могъ подвигаться быстро. Скоро онъ былъ настигнутъ Платовымъ, который сильно его преслѣдовалъ въ теченіе 26-го и 27-го октября, побилъ у него много народу, захватилъ въ плѣнъ 2.800 человѣкъ и 64 орудія, которыя французы вынуждены были бросить за неимѣніемъ лошадей. Съ другой стороны городъ Духовщина оказался уже занятымъ казаками. Вице-король, безъ сомнѣнія, не имѣвшій вѣрныхъ свѣдѣній, вѣроятно, подумалъ, что это былъ значительный корпусъ, который преградилъ ему дорогу, а потому, не чувствуя себя въ силахъ вступить въ сраженіе, чтобы пробить себѣ путь, рѣшилъ послѣ переправы черезъ Вопь снова свернуть на Смоленскую

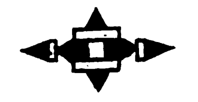
дорогу. Онъ исполнилъ это передвиженіе довольно успѣшно по тогдашнимъ обстоятельствамъ; но все-таки онъ принужденъ былъ бросить на Вопѣ еще 23 орудія, которыя 29-го и были взяты генераломъ Платовымъ.

Послѣ дѣла при Дорогобужѣ генералъ Юрковскій, съ двумя кавалерійскими полками, преслѣдовалъ французовъ до Днѣпра близъ Соловьева; въ теченіе двухъ дней, 27-го и 28-го октября, онъ взялъ у нихъ около 1.000 плѣнныхъ, 21 орудіе и 60 зарядныхъ ящиковъ, которые они вынуждены были бросить.

Французская дивизія генерала Бараге д'Илье, прибывшая изъ Германіи на подкрѣпленіе главной арміи, была расквартирована по дорогѣ изъ Смоленска въ Ельню; одна бригада стояла въ с. Ляховѣ, а остальная часть дивизіи въ с. Долгомостьѣ. Можно предположить, что этой дивизіи забыли отдать приказаніе отступать, и она совершенно спокойно оставалась на своихъ квартирахъ. 28-го октября графъ Орловъ-Денисовъ, подкрѣпленный партизанами Давыдовымъ, Фигнеромъ и Сеславинымъ, атаковалъ и окружилъ бригаду, расположенную въ Ляховѣ. Командовавшій ею генералъ Ожеро (братъ маршала Ожеро) послѣ недолгаго сопротивленія положилъ оружіе со всею бригадою въ составѣ 60 офицеровъ и 2.000 солдатъ. Остальная часть дивизіи, находившаяся въ Долгомостьѣ, отступила къ Смоленску.

Сообщилъ **Н. Шильдеръ**.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Замѣтка.

Въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины“, за нынѣшній годъ, помѣщена чрезвычайно интересная и любопытная статья „Наши мистики-сектанты“, принадлежащая талантливому перу Н. Ѳ. Дубровина, который мастерски нарисовалъ картину жизни французскаго и русскаго общества конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія. Но, описывая „просвѣтителей“ нашего дворянства, большинство которыхъ было безъ образованія, нашъ уважаемый историкъ, какъ „къ числу диковинокъ и исключеній“, относитъ двухъ учителей графа Д. Н. Блудова—Реми и графа де-Фонтень. Былъ, однако, еще образованный, но прямо революціонеръ-гувернеръ сына вельможи и перваго богача А. С. Строганова, звали его—Роммъ, который, путешествуя со своимъ воспитанникомъ заграницей, сдѣлалъ якобинцемъ и своего Телемака.

Во время пребыванія въ Парижѣ Роммъ при революціи сдѣлался членомъ законодательнаго собранія, участвовалъ въ конвентѣ и даже нѣкоторое время былъ его предсѣдателемъ. Ввелъ во Франціи такъ называемый революціонный календарь и подписалъ смертный приговоръ Людовику XVI.

Въ январѣ 1790 г. Роммъ основалъ клубъ „Друзей закона“, и въ него вступилъ молодой графъ Строгановъ. Друзья закона собирались у знаменитой мегеры Тируань-де-Мерикуръ, появлявшейся въ засѣданіяхъ съ саблею и двумя пистолетами за поясомъ, въ амазонкѣ криваваго цвѣта. Она прославилась своею наглостью при взятіи Бастиліи и водила въ Версаль толпу парижскихъ женщинъ. Вотъ эта-то Тируань и сдѣлалась фавориткою гр. Павла, жившаго въ Парижѣ подъ именемъ Огера, и этому Огеру, 7-го августа 1790 года, былъ выданъ дипломъ на званіе члена въ якобинскомъ клубѣ за подписью знаменитаго его президента Барнава.

Въ Петербургъ стали приходить не только слухи, но и письма изъ русскаго посольства о томъ, какъ ведетъ себя молодой графъ Строгановъ, числившійся въ званіи адъютанта князя Потемкина-Таврическаго и разгуливавшій по улицамъ Парижа въ красномъ фригійскомъ колпакѣ. Узнавъ обо всемъ этомъ, императрица Екатерина II вознегодовала, и нашему послу Симолину приказано было выслать его изъ Парижа. Графа Строганова привезъ въ Россію Н. П. Новосильцовъ (впослѣдствіи бывшій предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта) и отвезъ его къ его матери въ подмосковное село Братцево, гдѣ молодому графу пришлось прожить довольно долго.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I, графъ Павелъ Алекс. Строгановъ, въ 1802 году, получилъ чинъ тайнаго совѣтника, званіе сенатора и назначеніе въ товарищи министра внутреннихъ дѣлъ, но важнѣе всѣхъ чиновъ было то, что онъ, какъ другъ дѣтства монарха, находился въ небольшомъ кругу избранныхъ совѣтниковъ и самыхъ близкихъ людей Александра Павловича.

Въ 1807 г. Строгановъ, съ чиномъ генералъ-маіора, былъ зачисленъ въ военную службу, и въ эту кампанію отличился въ бою подъ Гудштадтомъ, гдѣ взялъ обозъ маршала Даву. Участвуя въ кампаніи 1812 г., онъ отличался во многихъ дѣлахъ и 1813 года, а въ 1814 году онъ взялъ съ собою въ армію и единственнаго сына своего, который подъ Кроаномъ былъ убитъ.

Жильберъ Роммъ, по словамъ профессора исторіи безансонскаго университета Пэнго (см. его книгу „Les français en Russie et les russes en France“, Paris, 1886), явился въ Россію, какъ сотрудникъ скульптора Фальконета, которому было поручено исполненіе памятника Петра Великаго, подробное описаніе коего читатель найдетъ въ нашей статьѣ, помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ въ 1883 году.

Сообщилъ **И. Н. Божеряновъ**.

Записки М. Я. Ольшевскаго.

Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XII [1]).

Князь А. И. Барятинскій главнокомандующій и намѣстникъ Кавказа.

Въ октябрѣ 1856 года, по роспускѣ войскъ дѣйствовавшаго въ Азіатской Турціи корпуса и окончаніи дѣлъ, я возвратился въ Тифлисъ изъ Александрополя по той самой дорогѣ, по которой я ѣхалъ въ февралѣ 1855 года. Но въ то время я совершилъ этотъ путь по грязной и лишенной растительности дорогѣ. Теперь же я совершилъ это путешествіе по сухой и окруженной еще зеленѣющими полями и лѣсами дорогѣ. Мрачный же и скучный въ февралѣ 1855 года Тифлисъ я засталъ веселящимся, радующимся.

Въ это время года Тифлисъ всегда бываетъ особенно хорошъ. Температура воздуха самая умѣренная и пріятная. Ясно-голубое небо рѣдко когда заволакивается тучами, а и того рѣже дуетъ удушливый или рѣзкій, холодный вѣтеръ. Только по утрамъ бываетъ довольно прохладно.

Зурна, бубенъ, пѣсни, пляски, хлопанье ладошъ раздаются, а «алаверды», смѣшанные съ громкимъ «ура», слышатся въ разныхъ концахъ Тифлиса. Огромные турьи рога, азарпеши, кулы, наполняемые искрящимся кахетинскимъ, несмотря на свою величину, быстро осушаются пирующими. По временамъ являются и бокалы съ пѣнящимся шампан-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1894 г.

скимъ, и тогда громкое, продолжительное «ура» заглушаетъ отрывистое «алаверды».

Но Тифлисъ радуется и веселится не только хорошей погодѣ, изобильному урожаю винограда, прекращенію тяжелой войны; онъ ликуетъ и готовится еще къ бо́льшему ликованію—по случаю назначенія новаго главнокомандующаго и намѣстника.

Назначенію князя Барятинскаго всѣ непритворно радовались и не по одной психической причинѣ—желать перемѣнъ. Безпечный и веселый грузинъ радуется, что будетъ имѣть случай поджигитовать, а слѣдовательно, показать себя, оружіе и коня. Алчный армянинъ мечтаетъ о тѣхъ огромныхъ барышахъ, которые перепадутъ на его долю, потому что знаетъ роскошную жизнь князя Александра Ивановича. Сильно радуются стройныя, черноокія красавицы, потому что онѣ знаютъ любезность молодаго и красиваго главнокомандующаго. Болѣе же всѣхъ радовались служащіе, которые подавлены были холодною надменностью и непомѣрнымъ упрямствомъ Н. Н. Муравьева. Много было выпито восторженныхъ тостовъ, много прогремѣло громкихъ «ура» въ честь новаго главнокомандующаго, и не въ одномъ Тифлисѣ, а на всемъ Кавказѣ. И такія восторженныя оваціи происходили отъ душевной радости, потому что освобождались отъ тяжелаго кошмара, давившаго Кавказъ въ продолженіе почти двухъ лѣтъ.

Въ октябрѣ оба главнокомандующіе ѣхали по разнымъ направленіямъ. Старый выѣхалъ изъ Ставрополя тихо, скромно, безъ малѣйшаго сочувствія со стороны своихъ подчиненныхъ; самъ же онъ покидалъ Кавказъ съ сожалѣніемъ, какъ честолюбецъ, лишающійся такой огромной власти и почестей. Прощальный приказъ, съ которымъ онъ обратился къ войскамъ, отчасти служитъ тому доказательствомъ.

Въ то время, когда Н. Н. Муравьевъ ѣхалъ на мирное житіе въ свое подмосковное помѣстье, князь Александръ Ивановичъ плылъ на пароходѣ по Волгѣ и Каспійскому морю. Съ теплою душой и благими намѣреніями стремился онъ къ любимому имъ Кавказу, гдѣ онъ началъ, въ 1835 году, свое боевое поприще корнетомъ; гдѣ въ Даргинскую экспедицію 1845 года командовалъ баталіономъ, а съ 1847 по 1850 годъ былъ командиромъ славнаго Кабардинскаго полка; гдѣ съ 1851 по 1853 годъ былъ начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи, а потомъ, до половины 1855 года—начальникомъ главнаго штаба, и гдѣ онъ такъ славно окончилъ генералъ-фельдмаршаломъ. Что онъ преданъ былъ душою Кавказу,—каждый зналъ это, кто съ нимъ служилъ. Что онъ изучилъ Кавказъ и понималъ непріятеля, котораго онъ долженъ покорить своему отечеству,—доказали самыя событія. Высокая же любовь и преданность къ нему его подчиненныхъ и войска—выражены были неподдѣльнымъ восторгомъ и рядомъ празднествъ, сопровождавшихъ

князя Барятинскаго отъ Петровска, гдѣ онъ высадился съ парохода, до Тифлиса.

2-го ноября Тифлисъ, въ особенности улицы, ведущія отъ Эриванской заставы до Сіонскаго собора и отъ этого собора до дома главнокомандующаго, а равно Головинскій проспектъ съ утра начали кишѣть народомъ и принимать праздничный видъ. Дома украшались разноцвѣтными флагами и азіатскими коврами, вывѣшиваемыми на балконахъ и въ растворенныхъ окнахъ. Амкары [1]) съ знаменами и значками, сопровождаемые гудѣніемъ зурны и бубенъ, раздававшихся въ разныхъ мѣстахъ Тифлиса, направлялись въ одну сторону—къ Эриванской заставѣ. Туда же направлялись толпы уличныхъ гулякъ и мальчишекъ.

Къ полудню, Лейбъ-Эриванскій и Грузинскій гренадерскіе полки, вызванные изъ своихъ штабъ-квартиръ Манглиса и Бѣлаго Ключа, съ прочими войсками, составлявшими тифлисскій гарнизонъ, начали выстраиваться на Эриванской площади и по Головинскому проспекту до дома главнокомандующаго. Къ тому же времени начали съѣзжаться въ Сіонскій соборъ, въ парадныхъ мундирахъ, всѣ служащіе военные и гражданскіе чины, а равно тифлисское дворянство, купечество, почетное гражданство и депутаты, присланные изъ другихъ мѣстъ Кавказа. Не было недостатка и въ роскошныхъ туалетахъ женъ и взрослыхъ дочерей, пріѣзжавшихъ одновременно со своими мужьями и отцами, или въ отдѣльныхъ экипажахъ.

Все это дѣлалось для встрѣчи князя Барятинскаго, въѣзжавшаго въ Тифлисъ черезъ Эриванскую заставу. По предварительно составленному церемоніалу, онъ около полудня долженъ былъ прибыть въ Сіонскій соборъ, откуда, послѣ молебствія и торжественной присяги, отправиться къ себѣ въ домъ. И все совершилось съ предписанною точностью и приличествующею сану царскаго намѣстника торжественностью, при громѣ салютной пальбы съ Метехскаго замка, тѣмъ болѣе, что и погода благопріятствовала этому торжеству.

Двѣ недѣли, со дня пріѣзда князя, Тифлисъ веселился и не могъ успокоиться отъ разнаго рода удовольствій. Днемъ парады, разводы, скачки, обѣды; по ночамъ спектакли-gala, рауты, балы съ иллюминаціями и фейерверками.

Съ назначеніемъ князя Александра Ивановича главнокомандующимъ Кавказскою арміей и намѣстникомъ Кавказа, вотъ на какія главныя административныя единицы дѣлился этотъ обширный и разнородный по своему населенію край и кто были правители такихъ глав-

---

[1]) Амкары уподоблялись старшинамъ цеховыхъ ассоціацій. Подъ амкарствами же слѣдуетъ разумѣть разныя цеховыя общества промышленной и ремесленной дѣятельности. Амкары пользовались огромнымъ значеніемъ и вліяніемъ въ народѣ. М. О.

ныхъ единицъ. Такой обзоръ облегчитъ мое изложеніе и уяснитъ читателю тогдашнее состояніе Кавказа и трудность управленія имъ.

На «Кавказской линіи» былъ командующій войсками генералъ-лейтенантъ Козловскій, не замѣчательный ни своею наружностью, не обращавшій на себя вниманія ни по воспитанію и образованію, но за то пріобрѣтшій извѣстность своею мужественною неустрашимостью и опытностью въ кавказской войнѣ. Викентій Михайловичъ, во время своей сорока-лѣтней боевой службы на Кавказѣ, много пережилъ опасностей, хотя ни разу не былъ раненъ, и всегда съ честью выручалъ изъ нихъ какъ самого себя, такъ и своихъ подчиненныхъ.

Князю Барятинскому хорошо были извѣстны не только служебная карьера генерала Козловскаго, но его оригинальная частная жизнь и разсказываемые про него многіе анекдоты. Вѣдь Александръ Ивановичъ въ Даргинскую экспедицію 1845 года, командуя баталіономъ, состоялъ подъ прямымъ его начальствомъ, а спустя два года принималъ отъ него Кабардинскій полкъ. Князю извѣстно было, что Викентій Михайловичъ никогда не былъ и не могъ быть такимъ администраторомъ, чтобы могъ управлять какъ слѣдуетъ Кавказскою линіей, даже чисто въ военномъ отношеніи. Его дѣло было начальствовать отрядомъ, и то по предварительному указанію; построить укрѣпленіе или штабъ-квартиру; взять аулъ или прорубить просѣку; въ особенности его любимымъ занятіемъ было прокладывать дороги черезъ лѣсныя трущобы. Такимъ дѣломъ занимался Викентій Михайловичъ и во время двухъ-лѣтняго командованія Кавказскою линіей, когда все его вниманіе и вся его дѣятельность сосредоточивались на пространствѣ между Большою и Малою Лабой, гдѣ собираемыя имъ войска прокладывали просѣки и дороги, строили Псебайское укрѣпленіе и вмѣстѣ штабъ-квартиру для Севастопольскаго полка и устраивали Мало-Лабинскую линію.

По этимъ причинамъ генералъ Козловскій, несмотря на любовь и уваженіе къ нему новаго главнокомандующаго, не могъ остаться на занимаемомъ имъ мѣстѣ въ то время, когда должно было совершиться завоеваніе Кавказа. При томъ и Кавказская линія, какъ главная административная единица, утратила свое прежнее значеніе. Поэтому генералъ Козловскій получилъ мѣсто, по собственному желанію, въ Петербургѣ, въ одномъ изъ высшихъ учрежденій военнаго вѣдомства [1]), гдѣ въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи и окончилъ тихо и мирно свою жизнь въ 1871 году. Кавказская же линія, сообразно тогдашнему географическому и этнографическому положенію, была раздѣлена на двѣ части.

---

[1]) Онъ былъ назначенъ членомъ существовавшаго въ то время генералъ-аудиторіата, соотвѣтствующаго нынѣшнему главному военному суду.
М. О.

Пространство, заключающееся между Кубанью, Чернымъ моремъ и главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, населенное черкесскимъ и абазинскимъ племенами, съ казачьими поселеніями по Кубани и Лабѣ, составило «правое крыло Кавказской линіи». Оно было ввѣрено начальству генералъ-лейтенанта Филипсона. Григорію Ивановичу хорошо была извѣстна эта часть Кавказа, потому что онъ съ 1836 года, по окончаніи курса въ военной академіи генеральнаго штаба, провелъ на ней всю свою служебную карьеру. Сначала онъ завѣдывалъ штабомъ на Черноморской береговой линіи, потомъ былъ начальникомъ штаба Кавказской линіи и, наконецъ, наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска.

Пространство, обитаемое кабардинцами, чеченскимъ племенемъ и кумыками, и огражденное съ одной стороны главнымъ Кавказскимъ и Андійскимъ хребтами, Сулакомъ и Каспійскимъ моремъ, а съ другой—Малкою и Терекомъ, съ казачьими поселеніями какъ на этихъ рѣкахъ, такъ и на Сунжѣ, составило «лѣвое крыло Кавказской линіи». Это пространство, превышавшее первое въ территоріальномъ и стратегическомъ отношеніяхъ, было ввѣрено генералъ-лейтенанту Евдокимову, бывшему до того начальникомъ праваго фланга той же линіи. Главнокомандующій, зная съ давнихъ поръ Николая Ивановича за храбраго, твердаго, непреклоннаго и исполнительнаго начальника и ввѣряя ему такой трудный и важный постъ, вполнѣ былъ увѣренъ, что онъ исполнитъ съ точностью все то, что на него будетъ возложено. И, какъ увидимъ, князь Александръ Ивановичъ не ошибся въ Евдокимовѣ и черезъ него достигъ желаемаго и признательности своего отечества.

Между правымъ и лѣвымъ крыльями Кавказской линіи находилась Ставропольская губернія, граничащая: на западъ съ Черноморіей, на сѣверъ—съ землею Донскаго войска и на востокъ—съ Астраханскою губерніей. Разнородное населеніе этой губерніи, состоящее изъ государственныхъ и частью помѣщичьихъ крестьянъ и кочующихъ ногайцевъ и трухменъ, простиралось до 400 душъ обоего пола. Ставропольская губернія дѣлилась на уѣзды: Ставропольскій, Пятигорскій, Моздокскій и Кизлярскій. Губернаторомъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Брянчаниновъ, человѣкъ очень разумный и хорошо знавшій свое дѣло.

Пространство, заключающееся между Каспійскимъ моремъ, Сулакомъ и главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, носило названіе «Прикаспійскаго края». Въ составъ этого края входили: владѣнія шамхала Тарковскаго, Мехтулинское ханство, Самурскій и Дербентскій округи [1]) съ

---

[1]) Въ составъ Дербентскаго и Самурскаго округовъ входили: a) бывшія ханства Кубинское и Дербентское; b) существующія ханства Казыкумукское

прилегающими къ нимъ непокорными обществами аварскаго и лезгинскаго происхожденія. Начальникомъ этого края былъ до 1858 года генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани, а потомъ генералъ-адъютантъ баронъ Врангель. Князь Григорій Дмитріевичъ, первый привѣтствовавшій главнокомандующаго на кавказской территоріи, въ Петровскѣ, былъ вызванъ, согласно его желанія, въ Тифлисъ, гдѣ вскорѣ и получилъ высшее назначеніе. Заступившій его мѣсто баронъ Александръ Евстафьевичъ Врангель, бывшій до того кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій со взятіемъ Гуниба и плѣненіемъ Шамиля, на Восточномъ Кавказѣ, окончилъ свое славное боевое поприще—назначеніемъ членомъ военнаго совѣта, каковое мѣсто онъ, въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи и въ званіи генералъ-адъютанта занималъ до своей смерти.

Обращаясь къ послѣднему военно-административному отдѣлу, извѣстному подъ именемъ «Лезгинской кордонной линіи», въ составъ которой входили Тушетія съ Пшаво-Хевсуріей, за-Алазанская Кахетія и Джаро-Белаканскій округъ съ ингелойцами. Эта линія, имѣющая проженія болѣе трехсотъ верстъ, съ находящимися на ней войсками, укрѣпленіями и постами, имѣла единственною цѣлью охранять Кахетію и вообще Тифлисскую губернію отъ хищничествъ дидойцевъ, анцухцевъ, капучинцевъ, джурмутцевъ, елисуйцевъ и другихъ мелкихъ обществъ лезгинскаго происхожденія, живущихъ за главнымъ снѣговымъ хребтомъ. Главнокомандующій, по своемъ прибытіи на Кавказъ, ввѣрилъ Лезгинскую линію генералъ-лейтенанту барону Вревскому, тому самому, который былъ начальникомъ Владикавказскаго округа, когда князь Барятинскій былъ начальникомъ лѣваго фланга, и которому онъ такъ усердно помогалъ своими войсками, при движеніи Шамиля въ іюлѣ 1852 года къ Назрану и Владикавказу. Ипполитъ Александровичъ, окончившій курсъ въ военной академіи генеральнаго штаба, былъ хладнокровнымъ, неустрашимымъ и распорядительнымъ начальникомъ. На него, какъ своего товарища-сослуживца, князь много разсчитывалъ и надѣялся; но, къ сожалѣнію, преждевременная смерть, послѣдовавшая отъ раны, полученной имъ при взятіи капучинскаго аула Китури, отняла у отечества полезнаго слугу. Послѣ покойнаго барона Вревскаго командующимъ войсками на Лезгинской линіи снова былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ князь Меликовъ [1]). Это тотъ самый князь Ле-

---

и Кюринское, управляемыя своими ханами; c) Кайтагъ—гдѣ правителями были уцміи; d) демократическія общества Акушинское, Даргинское, Сургинское и Цудахарское, и e) Табасарань, управляемая кадіями и старшинами. М. О.

[1]) Князь Леванъ Ивановичъ Меликовъ начальствовалъ Лезгинскою линіей до назначенія главнокомандующимъ князя Барятинскаго, и въ его управленіе этою линіей совершился разгромъ Кахетіи въ 1854 году. М. О.

ванъ Ивановичъ, который, въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи и въ званіи генералъ-адъютанта, около двадцати лѣтъ начальствовалъ Дагестанскою областью или бывшимъ Прикаспійскимъ краемъ, а въ 1880 г. былъ назначенъ помощникомъ намѣстника кавказскаго.

Затѣмъ, все Закавказье дѣлилось: на Тифлисскую, Шемахинскую и Эриванскую губерніи, правителями которыхъ были военные губернаторы, и на Кутаисское генералъ-губернаторство, впрочемъ, образованное уже при князѣ Барятинскомъ, въ 1857 году.

Тифлисскою губерніей, въ составъ которой входили Карталинія и Кахетія, дѣлившеюся на уѣзды: Тифлисскій, Горійскій, Душетскій, Сигнахскій и Телавскій, управляли генералъ-маіоры сначала Лукашъ, а потомъ Капгеръ. Съ первымъ, малосвѣдующимъ въ администраціи, любимцемъ Н. Н. Муравьева, не помню, что случилось; послѣдній же окончилъ свое земное поприще, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сенаторомъ.

Шемахинскую губернію составляли ханства: Ширванское, Шекинское, Ганджинское, Карабагское, Талышинское и Бакинское, образовавшія уѣзды: Шемахинскій, Нухинскій, Елисаветпольскій, Шушинскій, Ленкоранскій и Бакинскій. Правителями этой, самой обширной и населенной, губерніи [1]) были генералъ-маіоры: князь Тарханъ-Моуравовъ и Колюбакинъ. Первый былъ человѣкъ умный, любившій въ особенности вмѣшиваться въ дѣла молоканъ, какъ сектаторовъ, которыхъ въ Шемахинской губерніи было болѣе, сравнительно съ другими мѣстами Закавказья. Михаилъ Петровичъ Колюбакинъ, назначенный изъ тифлисскихъ вице-губернаторовъ и, въ отличіе отъ своего младшаго брата, прозывавшійся «мирнымъ», былъ на самомъ дѣлѣ тихъ и притомъ честенъ и вполнѣ свѣдущъ въ администраціи. Оба эти генерала покоются вѣчнымъ сномъ съ шестидесятыхъ годовъ.

Эриванская губернія, примыкавшая съ запада къ Азіатской Турціи, а съ юга къ Персіи, состояла изъ уѣздовъ: Ахалцихскаго, Александропольскаго, Эриванскаго, Баязетскаго и Нахичеванскаго. Правителями этой губерніи, составленной изъ ханствъ и пашалыковъ, пріобрѣтенныхъ послѣ войнъ съ Персіею — въ 1826 по 1828, а съ Турціею—въ 1828—1829 годахъ, были генералъ-маіоры Назаровъ и Колюбакинъ 2-й, лѣтъ пятнадцать тому назадъ умершіе. Послѣдній изъ нихъ, человѣкъ безспорно умный, но до крайности раздражительный и поэтому прозывавшійся «немирнымъ», былъ потомъ кутаисскимъ ге-

---

[1]) Въ Шемахинской губерніи считалось до милліона душъ обоего пола, тогда какъ населеніе Тифлисской губерніи доходило до 600.000, а Эриванской только до 450.000 душъ обоего пола. М. О.

нералъ-губернаторомъ, окончилъ же свое земное поприще сенаторомъ, въ Москвѣ.

Наконецъ, «Кутаисское генералъ-губернаторство», образованное въ въ 1857 году, составили: Кутаисская губернія, Мингрелія, Абхазія съ Самурзаканью и Сванетія. Кутаисская губернія [1]), существовавшая и прежде, была образована изъ Имеретіи и Гуріи, и дѣлилась на уѣзды: Кутаисскій, Шорапанскій, Озургетскій и Гурійскій. Мингрелія и Абхазія управлялись своими владѣтелями, первая—Дадіанами, а послѣдняя—Шарвашидзе. Самурзакань составляла отдѣльное приставство. Сванетія дѣлилась на Вольную и Княжескую; первая управлялась старшинами, вторая княжескою фамиліей Дадешкиліани. Первымъ кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ былъ генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, менѣе чѣмъ черезъ годъ назначенный командующимъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ. Заступившій его мѣсто генералъ-лейтенантъ князь Эристовъ, нынѣ состоящій при намѣстникѣ кавказскомъ, проживаетъ въ своемъ помѣстьи.

Оканчивая этимъ обзоръ административныхъ единицъ, на которыя дѣлился Кавказъ въ управленіе имъ князя Барятинскаго, обращаюсь къ главному штабу и главному гражданскому управленію, откуда исходили всѣ распоряженія главнокомандующаго и намѣстника.

Главнымъ помощникомъ и совѣтникомъ главнокомандующаго по управленію Кавказскою арміей, численность которой доходила до 200.000 человѣкъ, вооруженныхъ ружьями, саблями и шашками [2]),

---

[1]) Кутаисская губернія была образована въ намѣстничество князя Воронцова, и послѣднимъ ея губернаторомъ былъ генералъ-лейтенантъ князь Гагаринъ, убитый изъ мести въ своемъ домѣ, въ Кутаисѣ, владѣтелемъ Сванетіи княземъ Дадешкиліаномъ, судимымъ и разстрѣляннымъ за это преступленіе. М. О.

[2]) Представлю приблизительно въ общихъ чертахъ численность тогдашней Кавказской арміи, принимая списочное состояніе баталіона въ 1.000, эскадрона и сотни въ 120, а батареи, среднимъ числомъ—въ 100 человѣкъ.

Гренадерская, 19, 20 и 21-я пѣхотныя дивизіи, каждый полкъ пяти-баталіоннаго состава, считая въ томъ числѣ стрѣлковый баталіонъ полка, всего 80 баталіоновъ, или . . . . 80.000 чел.

4 отдѣльныхъ стрѣлковыхъ, 2 саперныхъ и 16 Кавказской резервной дивизіи—всего же 22 баталіона, или . . . . 22.000 »

Кавказскихъ, Дагестанскихъ, Закавказскихъ и бывшихъ Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, не менѣе 45-ти баталіоновъ, или . . . . 45.000 »

Драгунская дивизія—четыре полка или 24 эскадрона.

Приблизительно до 50-ти полковъ Черноморскаго, Кавказскаго линейнаго и Донскаго войска, чтб составитъ до 300 сотенъ, всего же кавалеріи до . . . . 40.000 »

арміей, дѣйствовавшею на четырехъ отдѣльныхъ театрахъ и разбросанною на сотни верстъ на каждомъ изъ этихъ театровъ, былъ начальникъ главнаго штаба генералъ-маіоръ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, одновременно прибывшій въ Тифлисъ съ княземъ. Ближайшими помощниками начальника главнаго штаба Кавказской арміи были: генералъ-квартирмейстеромъ генералъ-маіоръ Карлгофъ, дежурнымъ генераломъ вашъ покорный слуга, читатель, и правителемъ канцеляріи полковникъ Лимановской [1]). Николай Ивановичъ Карлгофъ былъ впослѣдствіи начальникомъ главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ и окончилъ свою жизнь, въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, членомъ военнаго совѣта. Владиміръ Антоновичъ Лимановской, нынѣ оставной генералъ-лейтенантъ, поступилъ въ 1861 году на мое мѣсто дежурнымъ генераломъ, а потомъ былъ начальникомъ штаба Кавказскаго округа.

Продовольствіе почти двухсотъ-тысячной арміи находилось въ опытныхъ, надежныхъ и знающихъ край рукахъ. Генералъ-интендантомъ былъ генералъ-маіоръ Колосовскій, хорошо радѣвшій объ обезпеченіи продовольствіемъ арміи. Иванъ Григорьевичъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта оставившій службу въ 1868 году, до своей смерти, постигшей его въ 1879 г., жилъ въ Харьковской губерніи.

Артиллерія находилась подъ начальствомъ добраго и стараго слуги, въ настоящее время умершаго, генералъ-лейтенанта Мейера. Строевая и матеріальная части этого спеціальнаго рода оружія, по тогдашнимъ требованіямъ, были въ хорошемъ состояніи. Только доставка пороха, снарядовъ и даже самыхъ орудій была не всегда удачна и обходилась дорого.

Наконецъ, инженерное вѣдомство состояло подъ начальствомъ генералъ-лейтенантовъ, сначала Ганзена, а потомъ Кесслера, нынѣ умершихъ. Эти генералы были извѣстны какъ знающіе свое дѣло инженеры, но только кругъ ихъ дѣятельности былъ самый незначительный. На Кавказѣ крѣпостей не строилось, а укрѣпленія были незатѣйливыя. Казен-

---

Артиллерія, состоящая изъ пѣшихъ и конно-казачьихъ батарей, а также подвижной гарнизонной, и простирающаяся числомъ до 200 орудій, съ командами арсенальными и крѣпостными, не превышала . . . . 7.000 »

А всего . . . . . 194.000 чел.

[1]) Главный штабъ, въ томъ составѣ, въ которомъ я его здѣсь описываю, а именно на основаніяхъ «о большой дѣйствующей арміи», былъ образованъ спустя годъ послѣ назначенія главнокомандующимъ на Кавказъ князя Барятинскаго. До того же, вмѣсто генералъ-квартирмейстера, дежурнаго генерала и генералъ-интенданта, были оберъ-квартирмейстеръ, дежурный штабъ-офицеръ и оберъ-провіантмейстеръ. Канцеляціи же начальника главнаго штаба и ея правителя по штату не полагалось. М. О.

ныя капитальныя зданія рѣдко когда воздвигались; устройство же штабъ-квартиръ по преимуществу возлагалось на полковыхъ командировъ и другихъ ближайшихъ начальниковъ частей. Даже не брались съ помощью траншейныхъ работъ такіе укрѣпленные дагестанскіе аулы, какъ Чохъ, Салты [1]). Главными дѣятелями инженернаго искусства были саперы. Они руководили работами по проложенію дорогъ, устройству мостовъ во время самыхъ военныхъ дѣйствіи и т. п.

Прежде, чѣмъ коснусь подробнаго изложенія въ слѣдующей главѣ военныхъ событій, упомяну о главныхъ дѣятеляхъ и помощникахъ князя Барятинскаго, какъ намѣстника Кавказа, а также опишу въ общихъ чертахъ, что сдѣлано княземъ Александромъ Ивановичемъ полезнаго, до края относящагося.

До 1858 года главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ князя по гражданскому управленію Кавказомъ былъ генералъ-отъ-инфантеріи князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, побѣдитель турокъ подъ Башкадыкларомъ и Кюрюкъ-дара [2]). Со смертью князя Бебутова, послѣдовавшею въ мартѣ 1858 года, власть по гражданскому управленію, сосредоточенная въ одномъ его лицѣ, раздѣлилась: предсѣдателемъ совѣта намѣстника былъ назначенъ генералъ-адъютантъ князь Орбеліани, а тайный совѣтникъ Крузенштернъ [3]) былъ сдѣланъ начальникомъ граж-

---

[1]) Начиная съ 1846 года, система военныхъ дѣйствій на Восточномъ Кавказѣ, въ главныхъ чертахъ, установилась слѣдующая: въ Чечнѣ—зимнія экспедиціи, состоящія въ прорубкѣ просѣкъ, проложеніи черезъ лѣса дорогъ и въ уничтоженіи въ нихъ ауловъ и хуторовъ; въ Дагестанѣ—лѣтнія экспедиціи, имѣвшія цѣлью постепенное углубленіе въ горы, съ овладѣніемъ укрѣпленными аулами не только открытою силою, но и посредствомъ траншей и подступовъ. Такимъ образомъ, въ 1846, 1847 и 1848 годахъ брались аулы Гергебиль, Чохъ, Салты. Но столь полезны были зимнія экспедиціи въ Чечнѣ, столь мало выигрывалъ Дагестанъ отъ лѣтнихъ экспедицій, на которыя тратилось безъ пользы много времени, денегъ и людей. Поэтому, послѣ 1848 года, наступательныя движенія въ горы Дагестана прекратились, и не производилось болѣе осады укрѣпленныхъ ауловъ. М. О.

[2]) Въ 1854 году начальникъ главнаго штаба Кавказской арміи князь Барятинскій, по желанію главнокомандующаго, былъ назначенъ помощникомъ командующаго дѣйствующимъ корпусомъ въ Азіатской Турціи, князя Бебутова, и участвовалъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, предпринятыхъ въ томъ году противъ турокъ. Въ кюрюкъ-дарскомъ сраженіи, предводительствуя семью баталіонами эриванцевъ и грузинцевъ при трехъ батареяхъ, занимавшихъ центръ нашей позиціи, князь Александръ Ивановичъ съ геройскимъ мужествомъ и неустрашимостью атаковалъ съ этими войсками въ три раза превосходящаго непріятеля и, нанеся ему совершенное пораженіе, способствовалъ къ одержанію 24-го іюля полной и славной побѣды. Орденъ св. Георгія 3-й степени былъ вполнѣ заслуженною наградой главному герою этого дня. М. О.

[3]) Князь Григорій Дмитріевичъ Орбеліани въ 1861 году управлялъ Кавказскою арміей и намѣстничествомъ, а въ слѣдующемъ году былъ про-

данскаго управленія. Канцелярія же намѣстника, которой Алексѣй Ѳеодоровичъ Крузенштернъ былъ до того директоромъ и въ которой сосредоточивалась вся переписка, относящаяся до края, раздѣлилась на пять департаментовъ. Эти дорого-стоющіе департаменты, а нѣкоторые изъ нихъ—оказавшіеся безполезными, по ничтожеству производившихся въ нихъ дѣлъ, можно считать однимъ изъ неудавшихся нововведеній и учрежденій князя Барятинскаго, во время его пяти-лѣтняго управленія Кавказомъ [1]).

Князь Александръ Ивановичъ, стремясь всею душою къ насажденію и развитію всего хорошаго въ дорогомъ и любимомъ имъ Кавказѣ, не упускалъ изъ виду малѣйшаго обстоятельства, могущаго служить къ усовершенствованію этого края, и въ его намѣстничество были затронуты самые насущные вопросы.

Такъ, приняты самыя энергическія мѣры къ возстановленію порядка и прекращенію почти повсемѣстныхъ разбоевъ за Кавказомъ. Обращено вниманіе на лучшее устройство и содержаніе городовъ, въ особенности Тифлиса, гдѣ, кромѣ другихъ улучшеній, разведенъ прекрасный Александровскій садъ на обширномъ пустырѣ въ центрѣ города, на который до того выбрасывались всевозможныя нечистоты. Дана полная свобода въ религіозномъ отношеніи «молоканамъ» и «духоборцамъ»,— не какъ вреднымъ сектаторамъ, а какъ полезнымъ сельскимъ хозяевамъ, сильно стѣсненнымъ въ этомъ отношеніи его предмѣстникомъ, породившимъ немалыя злоупотребленія со стороны администраціи. Оказано покровительство ингелойцамъ, сосѣдямъ Джаро-Белаканскаго округа, когда-то бывшимъ христіанамъ, какъ грузинамъ, при обращеніи ихъ снова въ христіанство съ разными притѣсненіями и обманами. Приняты разныя мѣры и употреблены значительныя денежныя средства на лучшее устройство кавказскихъ минеральныхъ водъ и на заведеніе пароходства по Кубани; если же первыя мало улучшились, а послѣднее предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ, то винить слѣдуетъ исполнителей. Возбужденъ сложный и дорого-стоющій вопросъ о владѣльцахъ Мингреліи, Абхазіи и Сванетіи, оконченный, по своей запутанности, только въ 1866 году.

Независимо этого, постоянною и главною заботой князя-намѣстника было приведеніе по всему краю въ лучшее состояніе сообщеній и до-

---

изведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Въ настоящее время онъ членъ Государственнаго Совѣта и живетъ въ Тифлисѣ.

Алексѣй Ѳеодоровичъ въ 1863 году оставилъ Кавказъ въ званія статсъ-секретаря и въ настоящее время живетъ въ Ревелѣ. М. О.

[1]) Сколько мнѣ помнится, назначеніе князя Орбеліани предсѣдателемъ совѣта послѣдовало годомъ ранѣе учрежденія департаментовъ. Эти послѣдніе открыли свое дѣйствіе 1-го января 1859 года. М. О.

рогъ, въ особенности построеніе прекраснаго шоссе на Квинамскомъ перевалѣ черезъ главный Кавказскій хребетъ. Устройство этого шоссе, съ почтовыми станціями и роскошными въ нихъ помѣщеніями для проѣзжающихъ было большимъ благодѣяніемъ для нихъ, какъ испытавшихъ до того множество затрудненій и опасностей. Объ этомъ, мнѣ знакомомъ предметѣ, я желаю поговорить нѣсколько подробнѣе, чѣмъ и закончу мой настоящій разсказъ.

Проѣзжая по такъ называемой Военно-Грузинской дорогѣ семидесяти-пяти-верстное разстояніе между Владикавказомъ и Квишетомъ, въ особенности по грандіозному Дарьяльскому ущелью, ваше сердце и теперь не разъ ёкнетъ, когда колесо вашего экипажа будетъ касаться обрывистаго берега бѣшенаго, все разрушающаго Терека, въ то время, когда вы столкнетесь съ ѣдущимъ вамъ на встрѣчу путникомъ. Васъ, какъ тогда, такъ и теперь, будутъ пугать огромные снѣжные завалы, обрушивающіеся ежегодно на дорогу въ Байдарскомъ ущельи [1]) и на Гудъ-горѣ. Но только теперь вы не будете встрѣчать тѣхъ остановокъ и опасностей, которымъ подвергались проѣзжающіе до устройства шоссе—на Бѣшеной балкѣ [2]), что̀ въ двухъ верстахъ отъ станціи Казбекъ и на двадцати-верстномъ разстояніи между Коби и Квишетомъ.

Случалось цѣлыя сутки употреблять на переѣздъ этого разстоянія и платить десятки рублей за наемъ быковъ и осетинъ для перевоза вашего багажа, а перевозка экипажа доходила и до сотни рублей. Цѣлыя недѣли проходили, что не было проѣзда черезъ перевалъ по причинѣ метелей, заваловъ и расчистки ихъ. Десятки проѣзжающихъ собирались въ Коби и Кайшаурѣ, претерпѣвая лишенія отъ холоднаго и тѣснаго

---

[1]) Байдарское ущелье—единственное мѣсто, гдѣ бываютъ частые, большіе, ежегодные, снѣжные завалы, падающіе на самую дорогу. Въ особенности огромны бываютъ завалы съ утесомъ Кулагина и Маіоршина, называемыхъ такъ потому, что подъ однимъ изъ нихъ погибъ, если не ошибаюсь, купецъ Кулагинъ, а подъ другимъ погребена жена неизвѣстнаго маіора. Эти завалы бываютъ иногда столь огромны, что заваливаютъ не только дорогу и р. Байдару, но и перебрасываются на другой берегъ. Они падаютъ съ такою неожиданностью и стремительностью, что если проѣзжаютъ подъ ними въ моментъ паденія, то погибель неизбѣжна. Рѣдкій годъ проходилъ безъ нѣсколькихъ смертныхъ случаевъ. М. О.

[2]) До 1857 года не разъ случалось съ проѣзжающими, что они, доѣхавъ до Бѣшеной балки, должны были или возвращаться назадъ въ Ларсъ и тамъ дожидаться, пока она успокоится, или съ большою опасностью переправляться черезъ нее. Бѣшенство этой балки происходило въ то время, когда на песчаныхъ и каменистыхъ утесахъ, съ которыхъ она беретъ свое начало, выпадалъ не столько продолжительный, сколько проливной дождь; тогда съ невѣроятною быстротой несшіеся камни все разрушали. Теперь черезъ эту балку перекинутъ красивый, американской системы, мостъ. М. О.

помѣщенія и недостатка въ продовольствіи. Дороговизна на самые необходимые и обыкновенные предметы была страшная. Смотритель или сторожъ станціи, а также жалкій духанщикъ бралъ съ васъ не втридорога, а—сколько хотѣлъ.

Такъ было до 1857 года. Но съ устройствомъ частыхъ, хорошихъ казармъ и съ помѣщеніемъ въ нихъ постоянныхъ частей войскъ, обязанныхъ наблюдать за исправнымъ состояніемъ дороги и скорою расчисткой заваловъ, встрѣчаемыя проѣзжающими затрудненія и опасности начали устраняться. Съ открытіемъ же въ 1860 году шоссе, съ точностью изслѣдованнаго и съ искусствомъ устроеннаго инженеръ-подполковникомъ Статковскимъ, миновала и медленность въ проѣздѣ.

Теперь вы совершаете переѣздъ отъ Коби до Земомлетъ, почти равняющійся отъ Коби до Кайшаура, въ самое дурное время года, когда и огромный снѣгъ, и частые завалы,—самое большое въ пять часовъ, а при хорошемъ состояніи дороги васъ везетъ тройка лошадей съ такою же скоростью, какъ и по всякому другому шоссе. Теперь если и случится сильная метель, или упадетъ большой завалъ, то сообщеніе, самое большое, прекращается на сутки—другія, потому что имѣется достаточное число постоянныхъ рабочихъ рукъ.

Въ настоящее время, проѣзжающіе на станціяхъ Кобійской, Гудаурской и Земомлетской имѣютъ теплое, просторное и даже съ нѣкоторою роскошью помѣщеніе. Не будете голодать, потому что всегда найдется, чтó съѣсть и выпить. Нѣтъ произвола на необходимыя потребности, потому что на нихъ существуетъ такса. Можете посылать депеши въ Тифлисъ, Ставрополь и другія мѣста Россіи, потому что существуетъ телеграфное сообщеніе [1]).

Всѣмъ этимъ обязаны не только проѣзжающіе, но и самый край—князю Барятинскому, съ настойчивостью слѣдившему за скорѣйшимъ устройствомъ удобнаго и безпрепятственнаго сообщенія черезъ Кавказскій хребетъ и не жалѣвшаго для этого ни средствъ, ни денегъ. Это одно сооруженіе можетъ служить для него неувядаемымъ памятникомъ на Кавказѣ.

---

[1]) Въ томъ прекрасномъ состояніи, какъ описывается мною это шоссе, я нашелъ его въ 1865 году, когда, оставляя Кавказъ, проѣзжалъ по немъ въ послѣдній разъ, изъ Ставрополя въ Тифлисъ и обратно. Надѣюсь, что оно находится въ такомъ же состояніи и въ настоящее время, какъ главное и кратчайшее сухопутное сообщеніе съ Закавказьемъ. М. О.

*

XIII.

Покореніе Восточнаго Кавказа и плѣненіе Шамиля.

Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, по назначеніи главнокомандующимъ на Кавказъ, обратилъ особенное вниманіе на Чечню и Дагестанъ, исключительно въ военномъ отношеніи. Онъ вполнѣ сознавалъ, что съ паденіемъ Шамиля должна окончиться вѣковая борьба съ горцами.

Сознаніе это основано было на самыхъ положительныхъ фактахъ, очень хорошо ему извѣстныхъ. Онъ, какъ бывшій начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи, изучившій въ подробности Чечню и чеченцевъ, не разъ сходившійся съ Шамилемъ и разившій его, зналъ, что если Чечня и сопротивляется намъ, то отрицательно. Онъ зналъ, что чеченцы питаютъ больше ненависти къ Шамилю, нежели къ намъ, что они доведены до крайняго изнеможенія въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Если же сами чеченцы не рѣшались сбросить съ себя иго Шамиля, то потому только, что находились подъ обаяніемъ страха деспотической власти. Онъ вполнѣ сознавалъ и то, что съ паденіемъ Чечни долженъ пасть и Дагестанъ.

Для осуществленія идеи князя Барятинскаго въ покореніи Восточнаго Кавказа и приведенія въ исполненіе его плана, нуженъ былъ точный, энергическій и съ твердою, непреклонною волею исполнитель. И такой выборъ его палъ на генералъ-лейтенанта Евдокимова, бывшаго въ то время начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи.

Николай Ивановичъ Евдокимовъ, какъ говорится, былъ темнаго происхожденія и воспитывался, какъ онъ и самъ выражался, на мѣдный грошъ. Сколько извѣстно, его родитель дослужился до штабъ-офицерскаго чина изъ простаго званія; домашнее же его воспитаніе и школьное кавказское образованіе ограничилось знаніемъ русской грамоты. Но, будучи отъ природы одаренъ положительнымъ, здравымъ умомъ, онъ успѣлъ усовершенствовать себя основательно въ этой грамотѣ и пріобрѣсти достаточныя свѣдѣнія, касающіяся военнаго дѣла, потому что съ первыхъ же дней своей службы умѣлъ рельефно выставить себя передъ своими товарищами. Подпоручикъ Апшеронскаго полка, Евдокимовъ былъ взятъ въ 183* году генераломъ Клюки-фонъ-Клугенау, командовавшимъ въ то время войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ, въ штабъ, гдѣ, состоя до маіорскаго чина, былъ назначенъ койсубулинскимъ приставомъ [1]).

[1]) См. обширную и интересную біографію Клугенау, составленную Н. Гржигоржевскимъ и напечатанную въ „Русской Старинѣ", т. XI, стр. 131—152, 497—515; т. XII, стр. 545—554; т. XV, стр. 144—162, 377—387, 645—658; т. XVI, стр. 351—382. М. О.

На этомъ мѣстѣ Николай Ивановичъ, какъ гласитъ стоустая молва, хотя не явился безкорыстнымъ дѣятелемъ, но умѣлъ пріобрѣсти расположеніе и уваженіе дагестанцевъ за знаніе туземнаго языка и свою храбрость. Послѣдняя свидѣтельствовалась двумя тяжелыми ранами: одна въ животъ кинжаломъ, полученная имъ въ Унцукулѣ въ 1842 г., во время управленія имъ Койсубу, а другая пулей въ лицо. По этой послѣдней ранѣ онъ извѣстенъ былъ въ горахъ подъ именемъ уч-геза, то-есть трехъ глазаго, потому что эта рана составляла какъ бы третій глазъ.

Прослѣдимъ дальнѣйшее повышеніе Николая Ивановича до назначенія его начальникомъ лѣваго крыла Кавказской линіи. Въ 1844 году, въ чинѣ подполковника, онъ назначается командиромъ Волжской бригады, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ближайшимъ охранителемъ кавказскихъ минеральныхъ водъ. Черезъ два года получаетъ въ командованіе Дагестанскій пѣхотный полкъ, шефомъ котораго онъ былъ при концѣ своей жизни. Въ 1854 году, въ чинѣ генералъ-маіора, назначается начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи, гдѣ и остается до конца 1856 года.

Главнокомандующему хорошо былъ извѣстенъ генералъ Евдокимовъ, потому что онъ не разъ встрѣчался съ нимъ въ Дагестанѣ на ратномъ полѣ. Князь Барятинскій хорошо зналъ не только о боевыхъ способностяхъ Николая Ивановича, но и вѣдалъ его недостатки.

Избравъ его главнымъ своимъ сподвижникомъ и дѣятелемъ при покореніи Восточнаго Кавказа, князь Александръ Ивановичъ если сквозь пальцы смотрѣлъ на его страсть къ пріобрѣтенію, за то зорко слѣдилъ за ходомъ дѣйствій въ Чечнѣ. Не разъ указывалось ему бумажно—какъ дѣйствовать; а въ ноябрѣ 1858 года князь Александръ Ивановичъ, вызвавъ генерала Евдокимова въ Тифлисъ, высказалъ ему въ рѣзкихъ выраженіяхъ свое неудовольствіе за медленность въ дѣйствіяхъ и за частое его отсутствіе изъ отряда. Евдокимовъ послѣ этого былъ особенно строгимъ и точнымъ исполнителемъ указаній главнокомандующаго, проявивши энергію, силу воли и твердость характера въ преодолѣніи препятствій, какъ природныхъ, такъ и противопоставленныхъ непріятелемъ.

Очертимъ заслуги и дѣятельность во время трехъ-лѣтняго пребыванія его на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи.

Генералъ Евдокимовъ, по прибытіи своемъ въ Грозную въ концѣ 1856 года, обращаетъ главныя силы, подъ его начальствомъ состоящія, на знакомую уже намъ Большую Чечню. Устроивъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ укрѣпленія Хаби-Шевдонское на Мичикѣ и Шалинское на Бассѣ и прорубивъ просѣки черезъ лѣса у ауловъ Маюр-Тупа, Гельдигена и Автура, онъ довершилъ начатое еще въ 1850 году. Это

было важно въ томъ отношеніи, что мы, владѣя прямымъ сообщеніемъ черезъ всю Большую Чечню, не только заставляли ея обитателей—или принести покорность, или спасаться въ горы, но пріобрѣтали возможность дѣйствовать по Аргунскому ущелью и къ Ведено.

Для достиженія этого болѣе положительнымъ образомъ, нужно было разгромить враждебное намъ населеніе Малой Чечни, гнѣздившееся въ лѣсныхъ трущобахъ Черныхъ горъ, что̀ и было исполнено самымъ блестящимъ образомъ. Всѣ мало-чеченскіе аулы, а въ томъ числѣ и наиба Дубы, истреблены, жители же переселены на плоскость.

Конецъ 1857 года былъ употребленъ на экспедицію въ Аухъ, гдѣ—истребленіемъ ауловъ, проложеніемъ необходимыхъ просѣкъ и построеніемъ укрѣпленія Кишень [1])—генералъ Евдокимовъ обезпечилъ Кумыкскую плоскость отъ безпокойныхъ сосѣдей и открылъ кратчайшій путь на Бортунай въ Дагестанъ.

1858-й годъ начался экспедиціей въ Аргунское ущелье, замѣчательное по своей длинѣ и громадности горъ, которыми оно обставлено, а также по своей производительности и большому населенію.

На четвертой верстѣ отъ Воздвиженскаго начиналось это ущелье, закрытое высокими, поросшими вѣковымъ лѣсомъ, горами. Крутой и узкій спускъ, защищенный завалами, велъ съ высоты 30—40 саженъ къ Дачу-Борзою—аулу, расположенному на возвышенномъ мысѣ, образованномъ Шато или Чанти и Шаро-Аргунами, которые, слившись, составляютъ знакомый уже намъ Аргунъ, протекающій собственно по Большой Чечнѣ.

Для отвлеченія вниманія Шамиля съ чеченцами отъ такой едва доступной природной преграды, были распущены преждевременные слухи о движеніи генерала Евдокимова на Автуръ, а оттуда по Хулхулаускому ущелью къ Ведено. Для убѣжденія же непріятеля въ этихъ слухахъ собирается особый отрядъ у Бердыкеля, на правомъ берегу Аргуна, который наканунѣ занятія Аргунскаго ущелья, а именно 15-го января, и двигается по направленію на Автуръ. Такая демонстрація вполнѣ удалась, и Дачу-Борзой былъ занятъ съ самою незначительною перестрѣлкой и потерей для нашихъ войскъ, направленныхъ изъ Воздвиженскаго по обоимъ берегамъ Аргуна.

Занявъ позицію въ Дачу-Борзоѣ, генералъ Евдокимовъ остается на ней до тѣхъ поръ, пока не обезпечиваетъ самымъ надежнымъ образомъ сообщеніе съ Воздвиженскимъ, не прорубаетъ просѣки, не прокладаетъ дороги впередъ по ущелью на разстояніе по возможности дальнее и не уничтожаетъ окрестные аулы.

---

[1]) Такое названіе это укрѣпленіе получило отъ разореннаго аула Кишень-Ауха, на мѣстѣ котораго оно было построено. М. О.

Исполненіе этого было соединено съ многими трудностями и препятствіями. Для возстановленія сообщенія съ Воздвиженскимъ не легко было устроить мостъ черезъ пѣнящійся Шаро-Аргунъ, сдѣлать широкій и удобный спускъ почти по отвѣсной высотѣ въ 40 саженъ и вырубить вѣковой лѣсъ. Не легко было проложить сообщеніе впередъ между отвѣсными горами и вѣковымъ лѣсомъ. Не легко было добраться до ауловъ Измаилъ-Юрта, Дуютинъ и Улусъ-Керта, расположенныхъ на высокихъ горахъ, перерѣзанныхъ глубокими ущельями съ дремучимъ лѣсомъ и притомъ упорно защищаемыхъ жителями и тавлинцами, бывшими подъ начальствомъ сына Шамиля, Кази-Магомы. Послѣ всего этого не будемъ удивляться тому, что нашъ отрядъ находился на дачу-борзойской позиціи болѣе мѣсяца.

Но и дальнѣйшее движеніе по ущелью Шаро-Аргуна не могло быть быстро, потому что нужно было прокладывать дорогу черезъ высокія горы, глубокія пропасти и густые лѣса. Нѣсколько разъ приходилось останавливаться въ раздумьи передъ отвѣсными скалами, куда направить путь—вправо или влѣво. Хорошо, если не поражали пули непріятеля и не катились камни, пускаемые имъ съ высотъ.

Съ такими затрудненіями было совершено занятіе хребта Дарганъ-Дука, съ котораго виднѣлись окрестности Ведено, оставленныя слѣва назади. Встревоженный Шамиль, оставивъ нашъ отрядъ въ покоѣ на Дарганъ-Дукѣ, сосредоточиваетъ свои силы у Ведено. Но генералъ Евдокимовъ, зная дальнѣйшія трудности пути къ Ведено съ этой стороны и считая занятіе въ то время резиденціи Шамиля преждевременнымъ, ограничивается разработкой дороги по этому направленію и въ концѣ марта отступаетъ къ Дачу-Борзою. Найдя здѣсь заложенное Аргунское укрѣпленіе оконченнымъ и оставя часть войскъ для охраненія ущелья, онъ прекращаетъ на время военныя дѣйствія. Это было необходимо и въ тѣхъ видахъ, чтобы дать отдыхъ утомленнымъ и обносившимся войскамъ.

Однако, войска лѣваго крыла не остаются въ покоѣ и во время этого отдыха. Шамиль, желая показать свое значеніе и послѣ претерпѣнныхъ имъ пораженій и отомстить мало-чеченцамъ за отложеніе ихъ, возмущаетъ противъ насъ назрановцевъ и, пользуясь безпорядками въ окрестностяхъ Владикавказа, вторгается въ началѣ іюня съ огромнымъ ополченіемъ тавлинцевъ въ Малую Чечню. Но потерпѣвъ сначала пораженіе на Натхоѣ и окончательно разбитый на Фартангѣ, отказывается отъ дальнѣйшихъ своихъ намѣреній. Назрановцы же за свое возстаніе и намѣреніе овладѣть Назрановскимъ укрѣпленіемъ—строго наказываются.

Съ 1-го іюля снова начинаются наступательныя дѣйствія вверхъ по Аргунскому ущелью. Обойдя Дарганъ-Дукъ и завалы, на немъ

устроенные Шамилемъ, справа по Чанти-Аргуну, генералъ Евдокимовъ съ быстротою переваливается черезъ новый хребетъ Мискинъ-Дукъ и овладѣваетъ аулами Варанда и Зонахъ, гдѣ, чтобы имѣть опорный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, закладываетъ укрѣпленіе.

Но и Шамиль не остается въ бездѣйствіи. Перейдя со всѣмъ своимъ ополченіемъ, простиравшимся до 10.000 конныхъ и пѣшихъ, съ Дарганъ-Дука на перевалъ, находящійся между нашимъ отрядомъ и Большими Варандами, онъ укрѣпляется на немъ. Однако, несмотря на всѣ усилія Шамиля преградить намъ дальнѣйшій путь по Аргунскому ущелью, онъ не успѣваетъ въ этомъ. 30-го іюня, послѣ упорнаго боя, генералъ Евдокимовъ занимаетъ не только Большія Варанды, но и лежащія за этимъ ауломъ Шатоевскія равнины.

Не удалась Шамилю и новая его демонстрація къ назрановцамъ и галашевцамъ. Вмѣсто достиженія желанной цѣли, онъ претерпѣлъ новое пораженіе подъ Назраномъ, одновременно съ тѣмъ, какъ сынъ его Кази-Магома и шатоевскій наибъ Батока были разбиты въ глубинѣ Аргунскаго ущелья, гдѣ закладывается Шатоевское укрѣпленіе—штабъ-квартира Навагинскаго полка.

Не ограничиваясь этимъ, генералъ Евдокимовъ продолжаетъ настойчиво и энергически дѣйствовать вверхъ по Аргунскому ущелью, гдѣ и остается до тѣхъ поръ, пока Шамиль, смущенный рядомъ неудачъ и пораженій, не удалился въ Ведено, пока находившіяся съ нимъ толпы не разошлись по домамъ и пока шатоевцы съ своимъ наибомъ, заклятымъ до того нашимъ врагомъ, и другія общества не принесли полной и искренней покорности.

Оставивъ необходимыя войска для охраненія и довершенія Шатоевскаго и Евдокимовскаго укрѣпленій, изъ коихъ послѣднее было заложено въ восьми верстахъ отъ перваго, у бывшаго аула Итумъ-Кале, Николай Ивановичъ въ половинѣ августа возвратился во Владикавказъ. Долгое же пребываніе въ немъ генерала Евдокимова, а черезъ то медленность въ дѣйствіяхъ и болѣзненность въ войскахъ и были причиной вытребованія его главнокомандующимъ въ Тифлисъ въ ноябрѣ, дабы, выразивъ ему свое удовольствіе, побудить его къ новой дѣятельности.

И, дѣйствительно, начавшіяся генераломъ Евдокимовымъ въ концѣ декабря, съ новою энергіей, военныя дѣйствія были направлены исключительно противъ Ведено.

Съ плоскости Большой Чечни можно было съ успѣхомъ дѣйствовать наступательно на Ведено двумя путями: по Хулхулаускому ущелью и по Бассу. Несмотря на то, что послѣдній путь былъ кружнѣе и, подобно Хулхулаускому ущелью, былъ гористъ и лѣсистъ, но онъ былъ предпочтенъ по той главной причинѣ, что, двигаясь на Ба-

сынъ-Берды, Таузенъ и Алистанджи, мы обходили Ведено не только съ фланга, но и съ тыла, тогда какъ, слѣдуя по Хулхулау, должны были штурмовать крутую гору и вести противъ Ведено фронтальную атаку.

Болѣе мѣсяца употреблено было на прорубку лѣса, устройство колеснаго сообщенія и построеніе укрѣпленій въ Басынъ-Берды, Таузенѣ и Алистанджи. Войска наши должны были бороться не только съ сильнымъ непріятелемъ, собраннымъ Шамилемъ, но и съ природой. Нужно было истребить огромное количество вѣковыхъ деревьевъ, устроить мосты черезъ стремительные потоки и глубокія пропасти. И все это совершалось въ страшную грязь и распутицу, стоившія войскамъ неописанныхъ трудовъ, лишеній и болѣзней.

Преодолѣвъ со стойкостью и мужествомъ всѣ препятствія, противопоставленныя природой и непріятелемъ, генералъ Евдокимовъ выступаетъ 7-го февраля изъ Алистанджи и, миновавъ глубокій, крутой и лѣсистый оврагъ Арджинъ-Ахкъ, является передъ Ведено. Одна часть отряда располагается на Харачайскихъ высотахъ, командующихъ Ведено и находящихся на сообщеніи съ Андіей, а другая занимаетъ аулъ Джантемиръ-Юртъ, отстоящій отъ него верстахъ въ двухъ.

Однако и послѣ прибытія къ Ведено не тотчасъ приступается къ осадѣ и штурму его. Нужно было предварительно озаботиться обезпеченіемъ сообщенія и подвозомъ продовольствія. Исполненіе этого встрѣчало большія затрудненія не столько отъ непріятеля, сколько отъ страшной распутицы, по причинѣ постоянно дурной погоды, продолжавшейся въ концѣ февраля и начала марта, что̀ сильно вліяло и на здоровье солдатъ. Только къ половинѣ марта возстановилось безпрепятственное сообщеніе съ плоскостью, и только къ этому времени отрядъ былъ обезпеченъ продовольствіемъ и всѣмъ нужнымъ для открытія осады.

Ведено, бывшее 14 лѣтъ резиденціей Шамиля, пріобрѣло большое значеніе въ глазахъ горцевъ. Они смотрѣли на него, какъ на мѣстопребываніе своего повелителя и имама, какъ на административное средоточіе, изъ котораго исходили всѣ главнѣйшія распоряженія, какъ на сборный пунктъ и гнѣздо мюридизма и какъ на хранилище общаго народнаго достоянія—казны. Занятіе этого аула, нанося сильный нравственный ударъ могуществу имама въ Чечнѣ, открывало прямой путь въ Андію и во внутрь Дагестана [1]).

---

[1]) Въ 1861 году я былъ въ Ведено,—временной штабъ-квартирѣ Куринскаго полка, и осмотрѣлъ въ подробности не только мѣсто, гдѣ жилъ Шамиль, но и окрестности резиденціи владыки горъ. Въ томъ же году я проѣхалъ по Аргунскому ущелью до Евдокимовскаго укрѣпленія. Обѣ эти поѣздки я совершилъ по обязанностямъ службы, какъ начальникъ кавказской резервной дивизіи, для осмотра расположенныхъ въ этихъ мѣстахъ баталіоновъ ввѣренной мнѣ дивизіи. М. О.

Ведено находилось на равнинѣ, перерѣзанной двумя глубокими оврагами, по которымъ въ отвѣсныхъ берегахъ струились притоки Хулхулау, и обставленной со всѣхъ сторонъ крутыми и высокими хребтами. Оно состояло изъ трехъ частей: Шамиль-Ведено, расположеннаго на правомъ берегу западнаго притока Хулхулау, Заумаханъ или Стараго Ведено, находящагося на противоположномъ лѣвомъ берегу, и Дыхны, лежащаго на другомъ восточномъ притокѣ.

Шамиль жилъ въ первой части, и жилище его составляло большой четыреугольникъ, окруженный высокимъ частоколомъ и рвомъ, который заключалъ въ себѣ два двора. Внутренній дворъ или сераль Шамиля былъ застроенъ зданіями, въ которыхъ помѣщались онъ самъ, его жены дѣти, прислуга. Въ томъ отдѣленіи, гдѣ жилъ самъ Шамиль, находилось мехкемэ, казначейство и кунацкая для пріема наибовъ и другихъ лицъ, пріѣзжавшихъ къ нему по служебнымъ дѣламъ. На внѣшнемъ дворѣ помѣщались мюриды, составляющіе его охранную стражу. Тутъ же находились 8 заржавленныхъ орудій съ лошадьми и прислугой. На этомъ же дворѣ собирался, въ случаѣ надобности и во время празднествъ, народъ.

Ведено было защищено съ западной и восточной сторонъ отвѣсными обрывами овраговъ, надъ которыми оно было расположено; сѣверная его сторона, обращенная къ Большой Чечнѣ и Сунжѣ, какъ открытая, была укрѣплена двумя толстыми параллельными глиняными стѣнами, удаленными одна отъ другой шаговъ на пять, между которыми устроенъ былъ блиндированный ходъ. По флангамъ этихъ стѣнъ возвышались туръ-бастіоны, обстрѣливающіе два рва, впереди находящіеся и пролегающіе по сторонамъ обрывистаго оврага. Независимо этого, впереди западнаго оврага, по высотамъ Леня-Корта, было устроено шесть отдѣльныхъ редутовъ сильныхъ профилей. По умѣреннымъ свѣдѣніямъ, защитниковъ Ведено считалось до 7.000 человѣкъ съ 8-ю орудіями.

Такъ какъ ключомъ укрѣпленной позиціи непріятеля считался редутъ, находившійся на сѣверо-западномъ углу и называвшійся Андійскимъ, потому что защищался андійцами, то противъ него и были открыты осадныя дѣйствія. Устроенная противъ него батарея открыла свои дѣйствія 17-го марта, а вслѣдъ затѣмъ постоянно устраивались батареи и на другихъ пунктахъ. 1-го апрѣля рѣшилась участь Ведено. Бомбардируемое съ трехъ сторонъ на близкомъ разстояніи, оно было оставлено своими защитниками, безпрепятственно изъ него вышедшими. Ведено пало, а съ нимъ окончательно пало властвованіе Шамиля не только надъ плоскимъ, но и надъ горнымъ пространствомъ, обитаемымъ чеченскимъ племенемъ. Даже ичкеринцы, въ лѣсахъ которыхъ совершались, не далѣе 15-ти лѣтъ, столь кровавыя побоища, безпрекословно покорились.

Послѣ взятія Ведено, Шамиль избралъ своимъ мѣстопребываніемъ аулъ Килатль, на лѣвомъ берегу Андійскаго Койсу, въ Гумбетовскомъ обществѣ, гдѣ находилось тринадцать орудій, все имущество и семейство имама. Какъ самый Килатль, такъ и правый берегъ Андійскаго Койсу, были сильно укрѣплены. Кази-Магома наблюдалъ съ партіею дорогу изъ Технуцала, по которой могъ наступать генералъ Евдокимовъ. Но рѣшительныя и продолжительныя дѣйствія въ Дагестанѣ ранѣе іюня невозможны, какъ по трудности перехода по горамъ, покрытымъ снѣгомъ, такъ и по неимѣнію подножнаго корма.

По предварительному плану, составленному самимъ главнокомандующимъ [1]), съ наступленіемъ іюля открылись военныя дѣйствія въ Дагестанѣ съ трехъ сторонъ.

---

[1]) Радуюсь, что слѣдующій разсказъ можетъ подтвердить мои слова и убѣдить невѣрующихъ, что покореніе Кавказа совершилось по плану князя Барятинскаго, заблаговременно имъ составленному и зрѣло-обдуманному. Этотъ разсказъ я передаю со словъ бывшаго въ 1859 году старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при намѣстникѣ, впослѣдствіи же ставропольскимъ губернаторомъ, Георгія Константиновича Властова. Время, къ которому относится этотъ разсказъ—8-е августа 1859 года. Мѣсто дѣйствія аулъ Конхидатль на Андійскомъ Койсу (гдѣ находилось наше укрѣпленіе Преображенское), куда прибылъ чеченскій отрядъ во главѣ съ княземъ Барятинскимъ, съ которымъ совершилъ этотъ походъ и самъ разсказчикъ, едва не утонувшій въ Койсу во время переправы черезъ эту быструю рѣку.

«Вечеромъ 8-го августа, по возвращеніи изъ Караты, князь Александръ Ивановичъ, узнавъ о приключеніи со мною,—началъ Георгій Константиновичъ Властовъ,—послалъ за мною. Высказавъ мнѣ свою радость по случаю моего спасенія и, по обыкновенію, пошутивъ надъ моимъ умѣньемъ плавать, онъ перешелъ къ совершающимся событіямъ и, вспоминая то время, когда я служилъ подъ его начальствомъ въ Кабардинскомъ полку, сказалъ:

— Могъ ли тогда кто-нибудь изъ насъ думать, что мы достигнемъ такихъ результатовъ: и мы теперь стоимъ на Койсу. Шамиль спасается бѣгствомъ, и мы идемъ по пятамъ его. Но я знаю, что есть люди, которые все, что совершается, приписываютъ счастью, случаю; я хочу вамъ показать, что это не случай, а планъ, обдуманный во всѣхъ деталяхъ. Передайте мнѣ ту изъ книгъ, гдѣ на оберткѣ 1858 годъ,—прибавилъ онъ, указывая въ уголъ палатки, въ которомъ лежало пять—шесть книгъ въ листъ, переплетенныхъ въ желтую кожу.

„Я былъ одинъ у князя, и, когда исполнилъ его желаніе, то онъ сказалъ:

— Отыщите мое письмо къ государю императору отъ 26-го апрѣля этого года и прочтите его! Это знакъ моего особаго къ вамъ довѣрія.

„И когда я прочелъ это замѣчательное письмо, которое есть важный историческій документъ для оцѣнки князя Барятинскаго, тогда я убѣдился вполнѣ, что кампанія противъ горцевъ была сознаваема княземъ въ мельчайшихъ деталяхъ, прежде чѣмъ началось исполненіе послѣдняго рѣшительнаго движенія трехъ отрядовъ въ сердце горъ.

Чеченскій отрядъ, подъ начальствомъ графа Евдокимова [1]), состоящій изъ 12-ти баталіоновъ, 6-ти эскадроновъ, 10-ти сотенъ казаковъ и милиціи и 14-ти орудій, двинулся изъ Ведено черезъ Технуцалъ на Андійское Койсу. При этомъ отрядѣ находился князь Барятинскій, прибывшій туда съ начальнимъ главнаго штаба изъ Тифлиса, въ половинѣ іюля.

Дагестанскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Врангеля, состоящій изъ 10-ти баталіоновъ, 2-хъ эскадроновъ, 3-хъ сотенъ казаковъ и милиціи, при 12-ти орудіяхъ, наступалъ отъ Бортуная черезъ Мичикалъ въ Гумбетъ.

Лезгинскій отрядъ, подъ начальствомъ князя Меликова, состоящій изъ 9-ти баталіоновъ, 6-ти орудій и милиціи, дѣйствовалъ изъ Тушетіи, черезъ Дидо и Богосъ, въ долину Андійскаго Койсу.

Къ концу іюля эти три отряда, начавшіе свои дѣйствія съ разныхъ сторонъ, вошли въ связь между собою на Андійскомъ Койсу, въ нѣдрахъ неприступныхъ Кавказскихъ горъ. Баронъ Врангель прибылъ къ главнокомандующему въ чеченскій отрядъ, расположенный у Конхидатля, гдѣ строилось Преображенское укрѣпленіе, послѣ упорнаго боя съ мюридами у Сагритлогскаго моста и принесенія покорности Гумбетомъ, Койсубу и Аваріей. Князь Меликовъ прибылъ туда же черезъ Богосскій хребетъ, по изъявленіи покорности Дидо, Анцухомъ, Капучей и другими обществами, живущими надъ Лезгинской линіей.

Между тѣмъ Шамиль, видя себя обойденнымъ съ фланговъ и получая свѣдѣнія о принесеніи намъ покорности самыми преданными ему обществами и наибами, бросилъ укрѣпленный Килатль со всѣми орудіями и скрылся. Вслѣдъ за нимъ бѣжалъ и Кази-Магома, оставивъ безъ боя устроенные имъ завалы и Карату, свое мѣстопребываніе.

На пути своего бѣгства Шамиль видѣлъ ясно, что время его могущественнаго вліянія на умы дагестанцевъ прошло. Его не только не слушали, но жители Куяды даже не пропустили своего бывшаго грознаго владыку и имама черезъ свои земли и отняли у него, во время перестрѣлки, тридцать двѣ вьючныхъ лошади, съ разнымъ имуществомъ и деньгами.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней тайнаго скитальчества, Шамиль

— Я свидѣтель,—присовокупилъ разсказчикъ,—и надѣюсь, что важные документы, заключающіеся въ рукописныхъ книгахъ, всегда сопровождавшихъ князя Барятинскаго, не будутъ потеряны для исторіи.

Чувствительно благодарю Георгія Константиновича Віастова за сообщеніе и разрѣшеніе мнѣ сдѣлать извѣстнымъ этотъ его разсказъ.

М. О.

[1]) За взятіе Ведено и вообще покореніе Чечни Николай Ивановичъ Евдокимовъ былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ и возведенъ въ графское достоинство съ потомствомъ, котораго у него, впрочемъ, не было. М. О.

съ четырьмя стами мюридами укрылся на горѣ Гунибъ, гдѣ заблаговременно было заготовлено продовольствіе, а равно порохъ и снаряды для четырехъ орудій, тамъ находившихся.

Шамиль не ограничился природною крѣпостью Гуниба, а употребилъ всѣ средства сдѣлать эту гору совершенно неприступною. Онъ подорвалъ порохомъ тѣ скалы, гдѣ представлялась малѣйшая возможность пробраться; заградилъ всѣ тропинки толстыми стѣнами и башнями. Вездѣ были заготовлены кучи камня для скатыванія на атакующихъ.

8-го августа прибылъ подъ Гунибъ дагестанскій отрядъ и обложилъ своими войсками эту гору, а черезъ 10 дней, послѣ торжественнаго проѣзда черезъ Карату, Гумбетъ, Койсубу, Аварію, Тилитль и Чохъ, прибылъ туда же и самъ главнокомандующій [1]).

Первоначально предположено было овладѣть Гунибомъ посредствомъ правильной осады, къ чему уже и было приступлено съ восточной стороны, къ веденію подступовъ. Но на третій день послѣ открытія инженерныхъ работъ, а именно 25-го августа, Гунибъ былъ взятъ штурмомъ, и Шамиль сдался военноплѣннымъ.

Первыми вскарабкались, по одиночкѣ, ночью апшеронцы, а крики «ура» и выстрѣлы ихъ, съ явившимися здѣсь мюридами, были сигналомъ къ штурму Гуниба и прочими войсками. Перестрѣлка и борьба завязалась и на другихъ пунктахъ; въ особенности она была кровава, хотя непродолжительна, съ поднимавшимися въ гору ширванцами, гдѣ погибло много мюридовъ, павшихъ подъ ударами штыковъ.

Между тѣмъ, въ то время, когда наши войска, окруживъ сакли, въ которыхъ находился Шамиль съ оставшимися въ живыхъ мюридами, съ ними перестрѣливались, прибылъ князь Барятинскій. Послѣ переговоровъ, длившихся около двухъ часовъ, Шамиль, видя сакли окруженными со всѣхъ сторонъ нашими солдатами, только ожидавшими приказанія въ нихъ ворваться, рѣшился безусловно сдаться [2]). Онъ былъ отвезенъ въ аулъ Кегеръ, гдѣ находилась ставка главнокомандующаго, а 27-го августа отправленъ съ старшимъ сыномъ своимъ Кази-Магомой въ Петербургъ.

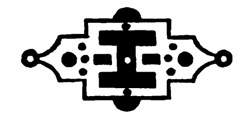
---

[1]) Этотъ проѣздъ по Дагестану замедлился по случаю болѣзни князя. Онъ сильно страдалъ подагрою, такъ что два раза въ значительныхъ довахъ долженъ былъ принимать „кольчикумъ“. Такіе пріемы сильно подорвали его здоровье. М. О.

[2]) До сдачи Шамиля военноплѣннымъ, было объявлено княземъ, что тотъ, кто убьетъ его, будетъ преданъ смертной казни. По этому случаю тотъ же Г. К. Властовъ передалъ мнѣ слышанныя имъ слова отъ князя: „Что, отдавая это приказаніе,—говорилъ онъ съ обычнымъ юморомъ,—я боялся, что у мусульманъ откроются, пожалуй, мощи Шамиля, или будутъ ходить на поклоненіе его крови“. М. О.

безпрестанно нарушалось бы происками и подстрекательствами турецкаго правительства; въ послѣднюю же войну, съ появленіемъ судовъ и высадкою турецкихъ войскъ на восточномъ берегу Чернаго моря, неминуемо возстало бы все магометанское населеніе. Но этого не случилось, потому что въ настоящее время Западный Кавказъ пересталъ быть «магометанскимъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и происки турецкаго правительства. И единственно отъ такой только перемѣны состава населенія Западнаго Кавказа и могло быть достигнуто прочное его покореніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кампанія 1674 г. — Сраженіе при Зинцгеймѣ. — Отступленіе Тюренна на лѣвый берегъ Рейна. — Вторичный переходъ на правый берегъ Рейна. — Вторичное отступленіе Тюренна на лѣвый берегъ Рейна. — Вторженіе имперцевъ въ Эльзасъ. — Сраженіе при Энцгеймѣ и его послѣдствія. — Нападеніе Тюренна на квартирное расположеніе имперцевъ. — Сраженіе при Тюркгеймѣ и его послѣдствія. — Оцѣнка и заключенія. — Кампанія 1675 г. Маневры Монтекукули. — Переходъ Тюренна на правый берегъ Рейна и его послѣдствія. — Бой у Нидеръ-Засбаха. — Смерть Тюренна. — Отступленіе французовъ за Рейнъ. — Операціи имперцевъ послѣ перехода ихъ на лѣвый берегъ Рейна. — Окончаніе 2-й нидерландской войны. — Оцѣнка дѣйствій обоихъ противниковъ въ кампанію 1675 г. — Оцѣнка дѣятельности Тюренна, какъ полководца.

Глава VI. Войны 3-я нидерландская и за имперское наслѣдство. — Полководцы этого времени. — Принцъ Евгеній Савойскій, какъ полководецъ. 3-я нидерландская война. — Люксамбургъ. — Война за испанское наслѣдство. — Кампанія 1706 г. въ сѣверной Италіи. — Переходъ Вандома въ наступленіе. — Операціи принца Евгенія противъ Вандома. — Дѣйствія подъ Туриномъ. — Планъ принца Евгенія. — Переходъ принца Евгенія на правый берегъ р. По и его послѣдствія. — Остановка и демонстраціи имперцевъ. — Марши-маневры французовъ на помощь къ Медави и обоихъ противниковъ къ Страделлѣ и далѣе къ Турину. — Положеніе обѣихъ сторонъ подъ Туриномъ до прибытія полевыхъ армій. — Планъ принца Евгенія. — Маршъ-маневръ принца Евгенія и сраженіе подъ Туриномъ. — Отступленіе французовъ въ Савойю. — Покореніе союзниками всей сѣверной Италіи. — Оцѣнка дѣйствій обѣихъ сторонъ и заключенія — Характеристика операцій съ 1707 до 1712 г. Деневская операція. — Оцѣнка дѣйствій Виллара и принца Евгенія. — Общее заключеніе о принцѣ Евгеніи.

За этими шестью главами слѣдуетъ отдѣльная глава: Заключительные выводы; затѣмъ приложенія: Военная литература. Главныя ея представители: 1) Маккіавелли. 2) Монтекукули. 3) Фекьеръ. 4) Пьюсегюръ. 5) Фоларъ. 6) Морицъ Саксонскій. По внѣшнему виду книга издана изящно.

С. Соважъ. Россійская Императорская армія. 16 наглядныхъ таблицъ формъ обмундированія. Спб. 1894 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Изданій, подобныхъ труду г. Соважа, въ западно-европейскихъ и другихъ государствахъ много, и они расходятся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. У насъ, въ Россіи, уже давно чувствуется недостатокъ въ подобнаго рода таблицахъ, и поэтому нельзя не привѣтствовать попытку г. Соважа — дать полныя наглядныя таблицы формъ обмундированія русской арміи.

Въ предисловіи къ своему труду авторъ говоритъ, что цѣль этого изданія двоякая: во-первыхъ, дать каждому понятіе объ устройствѣ и составѣ русской арміи и, во-вторыхъ, наглядно познакомить съ формами обмундированія.

Прежде всего авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ состава россійской арміи, затѣмъ указываетъ штатную численность отдѣльныхъ частей россійскихъ войскъ и ихъ распредѣленіе по округамъ и корпусамъ въ мирное время; потомъ приводится полный списокъ частей русской арміи, съ обозначеніемъ праздниковъ и старшинства сформированія полковъ, отдѣльныхъ частей и военно-учебныхъ заведеній, и, наконецъ, алфавитный указатель россійской арміи.

Всѣхъ таблицъ шестнадцать: I. Объяснительные чертежи. — II. Гвардейская пѣхота. — III. Гвардейская кавалерія. — IV. Гвардейская пѣшая артиллерія. Гвардейскія части, не входящія въ составъ корпуса. — V. Гренадерскій корпусъ. — VI. Армейская пѣхота. — VII. Линейные баталіоны. — VIII — X. Армейская кавалерія. — XI. Полевая артиллерія. Инженерныя войска. — XII. Армейская пѣхота. Военно-медицинское вѣдомство. — XIII. Казачьи войска. — XIV. Военно-учебныя заведенія. — XV. Учебныя части. — XVI. Вензелевыя изображенія на погонахъ въ россійской арміи.

Самыя таблицы изданы прекрасно и даютъ полное представленіе объ многоразличныхъ русскихъ военныхъ формахъ, и, безъ сомнѣнія, будутъ пользоваться большимъ спросомъ на нашемъ книжномъ рынкѣ, тѣмъ болѣе, что онѣ вполнѣ доступны по своей, довольно невысокой, цѣнѣ.

Н. К-ш-ъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1895 г.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. ЦИНЗЕРЛИНГА** (бывшій Мелье и К°.). Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд. (*39 экз.*),	съ портретами,	8	руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ (*21 экз.*),	съ портретами,	8	руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ (*20 экз.*),	съ портретами,	8	руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд. (*3 экз.*),	съ портретами,	8	руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами,	8	руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе (*14 экз.*),	съ портр.,	9	руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами,	9	руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ (*31 экз.*),	съ портретами,	9	руб.
«Русская Старина»	1886 г., 12 книгъ (*31 экз.*),	съ портретами,	9	руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ (*41 экз.*),	съ портретами,	9	руб.
«Русская Старина»	1889 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9	руб.
«Русская Старина»	1890 г., двѣнадцать книгъ,	съ портретами,	9	руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ (*30 экз.*),	съ портретами,	9	руб.
«Русская Старина»	1892 и 1893 гг., 12 книгъ,	съ портретами,	9	руб.

Редакторъ-издатель: С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXV-й. **ДЕКАБРЬ.** 1894 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Портретъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III.** Грав. К. Адтъ. 2) **Указатель личныхъ именъ въ** „Русской Старинѣ" изд. 1894 г. 3) **Объявленія:** а) отъ конторы газеты **„Новости дня"**; б) журнала **«Живописное Обозрѣніе»**; в) газеты **«Сынъ Отечества»** и г) **«Домашняя библіотека»** о подпискѣ на 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1894.

XII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го декабря 1894 г.

Николай Васильевичъ Гоголь и его „Переписка съ друзьями". Историко-литературный очеркъ П. А. Матвѣева. Спб. 1894. XXIII+152. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ предисловіи къ своему труду П. А. Матвѣевъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „О Гоголѣ такъ много было говорено и писано, что обыкновенно считаютъ оцѣнку его произведеній и личности предметомъ достаточно исчерпаннымъ"... „Взявшись за „Переписку", я захотѣлъ познакомиться точнѣе и ближе съ тѣмъ, что написано о Гоголѣ названными писателями (В. Г. Бѣлинскій и Н. Г. Чернышевскій) и вообще въ нашей литературѣ, и пришелъ къ другому заключенію, убѣдившись, что надлежащая оцѣнка произведеній и личности Гоголя еще впереди—дѣло будущаго". Далѣе авторъ разбираетъ мнѣнія различныхъ писателей о Гоголѣ; тутъ мы находимъ имена: В. Г. Бѣлинскаго, А. Н. Пыпина, Губера, Н. Ф. Павлова, Н. Г. Чернышевскаго, Аксаковыхъ, П. А. Кулиша, А. М. Скабичевскаго, Н. П. Полеваго, В. В. Розанова, кн. П. А. Вяземскаго, П. Я. Чаадаева, Н. П. Барсукова и друг.

Трудъ г. Матвѣева состоитъ изъ восьми главъ.

Въ первой главѣ авторъ опредѣляетъ мѣсто Гоголя въ нашей литературѣ, говоритъ о вліяніи его на нашихъ писателей сороковыхъ годовъ и впечатлѣніи, произведенномъ его книгою Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.

Во второй главѣ говорится о Гоголѣ послѣ постановки на сценѣ „Ревизора", о письмахъ къ Пушкину, Погодину и др., и о поѣздкѣ его за границу. Далѣе авторомъ приводятся: отзывы И. С. Аксакова объ отношеніяхъ къ Гоголю его московскихъ почитателей, выдержки изъ писемъ Николая Васильевича изъ Парижа и Рима къ разнымъ лицамъ по поводу различныхъ обстоятельствъ. Въ концѣ этой главы авторъ упоминаетъ о неожиданномъ пріѣздѣ Гоголя въ Москву,—пріѣздѣ, который „вызвалъ тамъ громкую и общую радость."

Въ третьей главѣ говорится о переломѣ въ воззрѣніяхъ Гоголя, его Авторской исповѣди и статьѣ: Споры; затѣмъ—о пребываніи въ Вѣнѣ и Римѣ (извѣстіе о болѣзни Гоголя сильно опечалило его московскихъ друзей), о возвращеніи въ Россію съ оконченнымъ первымъ томомъ Мертвыхъ Душъ и объ отношеніяхъ Гоголя къ Погодину, по отзыву С. Т. Аксакова.

Содержаніе четвертой главы составляютъ сороковые годы и перемѣна, произведенная ими въ нашемъ обществѣ, отзывы о нихъ П. К. Щебальскаго и Ѳ. М. Достоевскаго, письмо Ю. Ѳ. Самарина къ Н. В. Гоголю относительно молодежи того времени (это въ высшей степени любопытное письмо, помѣченное 1846 годомъ, было напечатано, въ исправленномъ В. И. Шенрокомъ по подлинику видѣ, въ „Русской Старинѣ" 1889 года, кн. VII); въ концѣ этой главы говорится о кружкѣ Герцена и Бѣлинскаго.

Въ главѣ пятой упоминается объ отъѣздѣ Гоголя изъ Москвы, его болѣзненномъ состояніи и работѣ надъ самообразованіемъ: Николай Васильевичъ изучаетъ духовныхъ писателей и творенія отцовъ Церкви (письмо С. Т. Аксакова по поводу присылки Гоголемъ книги Подражаніе Христу Ѳомы Кемпійскаго:..„ Я тогда читалъ Ѳому Кемпійскаго, когда вы еще не родились, и вдругъ вы меня сажаете, какъ мальчика, за это чтеніе, не зная моихъ убѣжденій, и какъ еще?—въ узаконенное время, послѣ кофею и раздѣляя чтеніе на главы, какъ на уроки. И смѣшно, и досадно"), ведетъ дѣятельную переписку съ лицами, искавшими душевной помощи и совѣтовъ, и продолжаетъ работать надъ Мертвыми Душами. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи авторъ раскрываетъ исторію происхожденія Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями, упоминаетъ о первомъ уничтоженіи рукописи второй части Мертвыхъ Душъ („Не легко сжечь пятилѣтній трудъ, производимый съ такимъ болѣзненнымъ напряженіемъ, гдѣ всякая строка досталась потрясеніемъ, гдѣ было много такого, что составляло лучшія помышленія и занимало мою душу"). Не надѣясь, въ скоромъ времени, вслѣдствіе болѣзни, окончить Мертвыя Души, Н. В. Гоголь спѣшитъ („не лѣнился ни капли") издать другую полезную книгу—Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Эта лихорадочная поспѣшность, невыгодно отразившаяся на изложеніи книги, объясняется боязнью Гоголя умереть, не исполнивъ своего долга, какъ писатель.

Въ шестой главѣ говорится о Перепискѣ съ друзьями, ея особенностяхъ, содержаніи и формѣ; причемъ авторъ наиболѣе подробно останавливается на нѣкоторыхъ отдѣлахъ этой книги („Женщина въ свѣтѣ", „Что такое слово", „Русскій помѣщикъ", „Просвѣщеніе", „Нужно любить Россію", „Нужно проѣздиться по Россіи" и друг.).

Въ седьмой главѣ, между прочимъ, говорится о статьѣ Гоголя о русской поэзіи и приводится сдѣланная имъ характеристика Ломоносова, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Крылова и др. писателей.

Въ восьмой, заключительной главѣ своего очерка г-нъ Матвѣевъ касается вопроса, какое вліяніе произвела на автора Переписки воздвигнутая противъ него брань и какъ она отразилась на его литературной дѣятельности; затѣмъ авторъ говоритъ о разногласіяхъ и натяжкахъ въ объясненіяхъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1895 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1895 году въ двадцать шестой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1895 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ А. Ѳ. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьева, Н. Ѳ. Дубровина, Жмакина, А. И. Ильинскаго, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Я. Ольшевскаго, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Тучкову-Огареву, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, П. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Отзывы о содержаніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ; 12) Народная словесность; 13) Архивные документы, 14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 году, если пожелаютъ получить первую часть **Записокъ В. А. Инсарскаго**, которая была напечатана въ 1894 году, приплачиваютъ **50** коп.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло»**.

РЕДАКЦІЯ ПЕЧАТАЕТЪ И ВЫПУСТИТЪ ВЪ СВѢТЪ ВЪ ЯНВАРѢ 1895 ГОДА

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Эти записки въ видѣ извлеченій и отрывковъ появлялись уже въ печати, но никогда не были изданы въ полномъ ихъ объемѣ. Нынѣ редакція **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** пріобрѣла отъ брата автора полный экземпляръ подлинной рукописи и приступила къ отдѣльному изданію безъ всякихъ пропусковъ и какихъ-либо сокращеній. Такимъ образомъ въ первый разъ появится въ печати полный трудъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля и патріота, дѣйствовавшаго въ трудную для Россіи эпоху Отечественной войны.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1895 г., подписавшихся до 1 февраля, уступается за 1 р. 50 к.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги **непосредственно** въ главную контору, въ Петербургъ, **Фонтанка, 145.** Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШІЙ

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III

† 20 октября 1894 года.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1894 г.

ДЕКАБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.

1894.

ПАМЯТИ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

I.

20-ое октября 1894 года будетъ долго и очень долго памятно Россіи. Въ 2 часа 15 мин. пополудни она лишилась Государя, чистаго душой, горячо и всѣмъ сердцемъ любившаго свое отечество, безъ устали трудившагося на благо подданныхъ и принесшаго самого себя въ жертву на пользу и счастье Россіи.

Императоръ Александръ Александровичъ родился 26-го февраля 1845 года и скончался въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, на 50-мъ году отъ роду. Будучи вторымъ сыномъ Императора, онъ не предназначался царствовать, но вѣщій поэтъ, какъ бы угадывая будущее, обращался къ ребенку, въ день его крещенія, съ слѣдующими пожеланіями:

Да будетъ же Твой вѣкъ Россіи благодатенъ!
Какъ родомъ, такъ душой—будь Николаю внукъ!
Да будешь Ты землѣ и небесамъ пріятенъ
И брату-первенцу всегда по сердцу другъ!

Какъ Невскій Александръ—будь князь благочестивый,
Какъ новый Александръ, герой позднѣйшихъ лѣтъ,
Будь Александръ Миролюбивый!
Смиреньемъ будь великъ—любя небесный свѣтъ!

Благословенному достойно соименный,
Еще величія Россіи Ты прибавь,
И имя русское во всѣхъ концахъ вселенной —
Своею жизнію прославь.

Пожеланія поэта оправдались съ изумительною точностью.

Императоръ Александръ III былъ истинно русскій Царь, представитель лучшихъ свойствъ русскаго человѣка, богатырь по внѣшности и по характеру и неутомимый работникъ на престолѣ. Это былъ человѣкъ идеальной семейной добродѣтели, твердый въ словѣ, неизмѣнный въ дружбѣ и всецѣло преданный своему долгу.

Вступивъ на престолъ при крайне печальныхъ обстоятельствахъ, послѣ событія 1-го марта, Императоръ Александръ Александровичъ долженъ былъ прежде всего принять мѣры къ обезпеченію внутренняго спокойствія и устранить чрезвычайно опасное броженіе умовъ. Въ обществѣ не было одушевленія и сплоченности. Недоразумѣнія въ правительственныхъ сферахъ достигали до хаоса, и всѣ ждали твердаго слова съ высоты трона.

Знакомый съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ то еще время, когда былъ наслѣдникомъ престола, Александръ III скоро освоился съ своимъ положеніемъ и въ манифестѣ 29-го апрѣля 1881 года, спустя два мѣсяца послѣ вступленія на престолъ, точно и опредѣленно высказалъ народу будущую программу своего царствованія.

«Гласъ Божій, — говорилъ онъ, — повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній.

«Да ободрятся же пораженныя смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, всѣхъ любящихъ отечество и преданныхъ изъ рода въ родъ наслѣдственной царской власти. Подъ сѣнію ея и въ неразрывномъ съ нею союзѣ, земля Наша не разъ переживала великія смуты и приходила въ силу и славу посреди тяжкихъ испытаній и бѣдствій съ вѣрою въ Бога, устрояющаго судьбу ея. Посвящая себя великому Нашему служенію, Мы призываемъ вѣрноподданныхъ Нашихъ служить Намъ и государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю

Русскую,—къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіяхъ учрежденій, дарованныхъ Россіи благодѣтелемъ ея, возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ».

Поднимая авторитетъ власти и сознавая ея значеніе, въ Бозѣ почившій Императоръ понималъ и свое трудное положеніе. Всеобщее недовольство высказывалось всюду и даже въ печати. Дворянство потеряло всякое значеніе и разорилось; широкое самоуправленіе дано было народу, не подготовленному пользоваться полученными правами; освобожденные крестьяне, получившіе гражданскія права, были оставлены безъ всякаго надзора и руководства.

Но прежде всего необходимо было положить предѣлъ дѣятельности политическихъ злоумышленниковъ, и Монархъ съ полнымъ довѣріемъ обратился къ своему народу. Въ немъ искалъ Онъ опоры, и въ первые дни царствованія при с.-петербургскомъ градоначальникѣ былъ учрежденъ совѣтъ изъ выборныхъ отъ столичнаго населенія. Въ обезпеченіе же въ будущемъ судьбы Россіи, въ случаѣ внезапной кончины Императора и въ виду несовершеннолѣтія Наслѣдника, установлено было регентство. Запрещеніемъ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій уничтожалась та почва, на которой сѣялись сѣмена политическаго недовольства, вызываемаго тогдашнимъ внутреннимъ положеніемъ страны. Россія не оправилась еще отъ тяжелой въ экономическомъ отношеніи турецкой войны 1877—1878 гг. и послѣдовавшаго вслѣдъ затѣмъ голода 1880 года. Послѣ реформъ предъидущаго царствованія внутреннее положеніе Имперіи находилось, можно сказать, въ переходномъ состояніи, требовало установленія твердыхъ началъ, сообразныхъ со складомъ русской жизни. Чуткое сердце Царя поняло, что для блага Россіи Ему предстоитъ иной путь дѣйствій.

Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иныя ждутъ Тебя дѣла.

Затмился сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой...

*

Этому боренію и исканію святой правды и было посвящено все тринадцати-лѣтнее царствованіе Императора Александра III. Ему приходилось упрочивать и собирать въ одно цѣлое разрозненные и разнорѣчивые механизмы управленія, устранить обозначившіеся недостатки и погрѣшности, уничтожить вкравшіяся злоупотребленія. Спокойная и полная авторитетной власти оцѣнка произведенныхъ въ предыдущее царствованіе реформъ привела къ пересмотру городоваго и земскаго положеній, судебныхъ уставовъ и къ установленію надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ.

Съ цѣлью развить экономическія начала въ государствѣ— учрежденъ былъ крестьянскій земельный банкъ, облегчавшій крестьянамъ способы къ покупкѣ земли и дававшій средство поднять упавшее сельское хозяйство. Впослѣдствіи учрежденъ и дворянскій банкъ, при пособіи котораго дворянство могло упорядочить свое хозяйство и, такъ сказать, прикрѣпиться къ землѣ.

3-го мая 1883 года, незадолго до коронаціи, были дарованы раскольникамъ значительныя гражданскія льготы и право болѣе свободнаго отправленія богослуженія. Въ дни же коронаціи они призваны были къ охранѣ порядка и благочинія въ Москвѣ, наравнѣ съ прочими подданными. 14-го мая, наканунѣ коронаціи, была отмѣнена подушная подать съ безземельныхъ крестьянъ, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ; наполовину понижена для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нѣкоторыхъ губерній и на одну десятую повсемѣстно. Вообще, правительство принимало мѣры къ поднятію благосостоянія платящихъ классовъ населенія. Изъ губерній были вызваны свѣдущіе люди для обсужденія цѣлаго ряда вопросовъ: объ устройствѣ питейной торговли, о пониженіи выкупныхъ платежей и проч.

Слѣдуя по пути обновленія мѣстнаго управленія вообще и въ особенности крестьянскихъ учрежденій, изданы были правила о наймѣ рабочихъ, учреждена фабричная инспекція, изданъ законъ объ ограниченіи труда малолѣтнихъ и упорядоченъ переселенческій вопросъ. Для помощи переселенцамъ учреждены поселенческіе участки и конторы и дозволено крестьянамъ, нуждающимся въ землѣ, переселяться на казенныя земли, причемъ понижена аренда

и уничтожены многія стѣснительныя условія оброка. Рядомъ съ этимъ установленъ обязательный выкупъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ іюнѣ 1890 года Высочайше утверждено новое земское положеніе, усилившее участіе въ земствѣ крупныхъ земледѣльцевъ и увеличившее въ немъ значеніе сословнаго элемента. Ровно черезъ годъ издано новое городовое положеніе, съ цѣлью согласовать порядокъ дѣйствій городскаго общественнаго управленія съ дѣятельностью земскихъ учрежденій. Въ прошломъ году установлена неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ, и ограничено право передѣловъ крестьянскихъ общинныхъ земель.

Уменьшенія народныхъ платежей правительство старалось достигнуть сокращеніемъ расходовъ казны, деньги которой берутся изъ народнаго кармана. Вообще, дѣятельность финансоваго управленія сводилась къ водворенію порядка во всѣхъ отрасляхъ государственнаго хозяйства и въ послѣдніе годы ознаменовалась значительнымъ подъемомъ курса. Развитіе русской промышленности, равномѣрное огражденіе и оживленіе всѣхъ ея отраслей было особою заботою Императора, и съ этою цѣлью въ 1891 году изданъ новый таможенный тарифъ. Съ этого времени интересы русской промышленности поставлены на самый первый планъ и съ нею связаны самымъ тѣснымъ образомъ и общій миръ, и будущее благосостояніе русскаго народа. Введенный таможенный тарифъ ограждаетъ интересы отечественной промышленности, а отчисленіе въ казну частныхъ желѣзныхъ дорогъ значительно уменьшаетъ расходы государства.

Благотворныя финансовыя реформы дали возможность усилить и реорганизовать нашу армію. Императоръ Александръ III сознавалъ, что отечеству нашему необходима армія сильная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, а единственно для огражденія цѣлости и государственной чести Россіи. Охраняя миръ, вооруженныя силы Россіи должны развиваться и совершенствоваться наравнѣ съ другими отраслями государственной жизни, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, которыя доставляются имъ увеличивающимся народонаселеніемъ и улучшающимися экономическими

условіями. На этомъ основаніи были приняты мѣры къ усиленію боевой готовности арміи, и съ этою цѣлью произведено перевооруженіе ружьями новой системы. Улучшены способы обученія и строевой подготовки, измѣнена организація кавалеріи, увеличено число резервныхъ войскъ, и разработаны вопросы, связанные съ созывомъ ополченія. Издано новое положеніе о полевомъ управленіи войскъ, военныя гимназіи переименованы въ кадетскіе корпуса, и улучшенъ бытъ офицеровъ прибавкою содержанія.

Возрожденіе, рядомъ съ этимъ, Черноморскаго флота и усиленіе Балтійскаго — обезпечиваютъ намъ внѣшнее могущество Россіи. Внутреннее же могущество состоитъ въ единеніи гражданъ, въ исполненіи ими своего долга и обязанностей. То и другое достигается цѣлесообразнымъ воспитаніемъ молодаго поколѣнія. Въ сознаніи, что правильное воспитаніе подготовляетъ полезныхъ слугъ, любящихъ свою родину и стремящихся принести ей пользу, Императоръ Александръ III обращалъ особенное вниманіе на воспитаніе юношества. По его указанію былъ пересмотрѣнъ и въ 1884 году утвержденъ новый университетскій уставъ, призывавшій къ серьезному научному труду, преобразованы среднія и низшія учебныя заведенія, а начальныя школы переданы въ вѣдѣніе православной церкви, на попеченіе Святѣйшаго Синода.

Въ дѣлѣ воспитанія правительство предприняло рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью, удовлетворяя дѣйствительнымъ потребностямъ практической жизни, не отрывать дѣтей отъ среды, въ которой они родились, и не дѣлать ихъ безполезными пролетаріями. Такъ, были учреждены сельско-хозяйственныя, желѣзно-дорожныя и ремесленныя школы; учрежденъ новый технологическій институтъ въ Харьковѣ. Пріемъ слушательницъ на медицинскіе женскіе курсы былъ прекращенъ, а въ замѣнъ того были открыты женскія училища съ четырехъ-лѣтнимъ курсомъ.

Царствованіе Александра III отмѣчено стремленіемъ къ обезпеченію матеріальнаго и духовнаго благосостоянія народа. Обезпечивая матеріально духовенство, увеличеніемъ содержанія, правительство призывало его къ образованію народа въ правилахъ нравственности и въ духѣ православной религіи.

Для подготовки такихъ воспитателей народа, былъ утвержденъ

новый уставъ духовныхъ академій и семинарій, образованы духовно-учебные округи, образованы епархіальные училищные совѣты. При такихъ условіяхъ учрежденныя церковно-приходскія школы вполнѣ обезпечиваютъ будущее образованіе народа на почвѣ религіозно-нравственной.

Дворянство призвано принять участіе въ жизни деревни, содѣйствовать развитію сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и экономическаго благосостоянія государства. Словомъ сказать, всѣ стремленія въ Бозѣ почившаго Государя направлены были къ тому, чтобы преобразованія основывались на строго-національныхъ началахъ, съ устраненіемъ всякихъ сепаратическихъ стремленій. Русскій царь трудился надъ слитіемъ въ одно цѣлое разныхъ частей своего государства. Онъ положилъ предѣлъ возрастанію землевладѣнія иностранцевъ на западѣ и югѣ Россіи, возвратилъ нѣкоторымъ городамъ ихъ прежнія русскія названія, ввелъ русскій языкъ въ дипломатическую переписку, подчинилъ Кавказъ управленію центральной власти, уничтожилъ нѣкоторыя привилегіи прибалтійскихъ губерній, принялъ мѣры къ ограниченію льготъ Финляндіи въ тѣхъ случаяхъ, когда они не согласовались съ общимъ государственнымъ строемъ Россіи. Строго національный характеръ правительства высказался и въ мѣрахъ къ обрусенію нашихъ окраинъ, на которыя было перенесено дѣйствіе общихъ государственныхъ учрежденій, введены судебные уставы и русскій языкъ. Пріобрѣтенныя владѣнія въ азіатской Россіи соединены съ Имперіею постройкою Закаспійской желѣзной дороги и началомъ постройки съ двухъ концовъ Сибирской, заложеніе которой связано на всегда съ именемъ нынѣ царствуюшаго Императора.

Какъ человѣкъ вполнѣ русскій, Александръ III любилъ все русское, и прежде всего, прошлое своей родины. Никогда исторія Россіи не получала столь широкаго развитія, какъ въ кратковременное царствованіе въ Бозѣ почившаго Государя. Правдивый по влеченію сердца, Онъ смотрѣлъ на нее широко, былъ самый снисходительный редакторъ, и съ его разрѣшенія вышли такіе историческіе труды, которые при иныхъ условіяхъ не появились бы въ свѣтъ. Въ серьезныхъ историческихъ трудахъ Онъ видѣлъ свѣтъ, правду, пользу и поученіе грядущему поколѣнію. Еще въ 1866 году по его

почину и подъ его предсѣдательствомъ, образовалось «Русское историческое общество», имѣвшее цѣлью собирать, обработывать и распространять въ Россіи матеріалы и документы, до отечественной исторіи относящіеся». Въ одномъ изъ первыхъ томовъ «Сборника историческаго общества» были напечатаны сообщенные тогда Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ «Письма Императора Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ц. Лагарпу». Въ 1873 году Общество получило наименованіе Императорскаго и, со вступленіемъ на престолъ, въ Бозѣ почившій Государь соизволилъ оставаться все время почетнымъ предсѣдателемъ Общества, принимая въ дѣятельности его постоянное и сердечное участіе.

Никто изъ членовъ Общества не забудетъ, съ какимъ вниманіемъ и интересомъ относился Государь ко всѣмъ чтеніямъ, и какъ хорошо Онъ самъ былъ знакомъ съ исторіею Россіи и русскаго народа въ главнѣйшихъ проявленіяхъ его жизни. Сборники Общества, которыхъ издано до настоящаго времени около ста томовъ, заключаютъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы по русской исторіи, заимствованные изъ русскихъ и иностранныхъ архивовъ. Только при покровительствѣ Вѣнценосца, многіе матеріалы могли явиться въ печати во всей своей полнотѣ. Императоръ Александръ Александровичъ особенно интересовался предпринятымъ Обществомъ біографическимъ словаремъ, въ который должны были войти выдающіеся дѣятели Русской земли на всѣхъ поприщахъ службы и знанія. Среди безпрерывныхъ трудовъ и заботъ о благѣ народа, Государь находилъ время читать эти біографіи, искалъ въ нихъ правдивое освѣщеніе лицъ и событій. Онъ внимательно читалъ русскія газеты, любилъ русскую музыку, русскую литературу и придавалъ имъ высокое значеніе. Наиболѣе выдающіеся наши композиторы, поэты и писатели или ихъ семейства получали пенсіи отъ щедротъ Государя, признававшаго, что литераторы, содѣйствуя просвѣщенію и воспитанію русскаго народа, приносятъ пользу не менѣе лицъ, находящихся на государственной службѣ.

Таковъ краткій перечень внутренней жизни Россіи за послѣднія тринадцать лѣтъ, жизни твердой, опредѣленной, безъ шатаній и колебаній...

II.

Спустя мѣсяцъ послѣ вступленія на престолъ, Императоръ Александръ III объявилъ иностраннымъ державамъ [1]), что будетъ охранять общій миръ и посвятитъ себя, прежде всего, дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связанному съ успѣхами гражданственности, съ вопросами экономическими и соціальными, составляющими предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ.

Внѣшняя политика Его Величества, говорилось въ депешѣ, будетъ вполнѣ миролюбивою. Только долгъ защищать честь свою можетъ отвлечь Россію отъ внутренней работы.

Объявленіе это вызвало недовѣріе со стороны многихъ правителей иностранныхъ державъ.

«Не скрою,—говорилъ маркизъ Сальсбюри, уже послѣ кончины Александра III [2]),—что въ самомъ началѣ я питалъ нѣкоторыя опасенія относительно того положенія, которое Онъ займетъ; но уже за долго до того времени, когда я устранился отъ дѣлъ, краснорѣчіе фактовъ и безпрерывный опытъ убѣдили меня, что мы обязаны русскому Царю благодарностью, которую трудно выразить словами, за миръ, обезпеченный Европѣ Его самообладаніемъ и Его столь возвышенными христіанскими принципами. Человѣкъ, руководимый менѣе возвышенными побужденіями, во множествѣ случаевъ поддался бы мимолетному раздраженію и, если бы Императоръ не обладалъ твердою волею надъ самимъ собою, въ Европѣ могла бы возгорѣться война. Александръ III оставляетъ потомству память о характерѣ, внушавшемъ благодарность всѣмъ націямъ и достойномъ глубокаго изученія и подражанія со стороны всѣхъ будущихъ правителей—все равно, избраны ли они народомъ, или являются потомками королей».

И дѣйствительно, заслуга Императора Александра III въ дѣлахъ внѣшней политики громадна. Онъ проявилъ здѣсь великодушіе, настойчивость и спокойствіе, недоступное ни угрозамъ, ни

---

[1]) Въ циркулярной депешѣ 4 апрѣля 1881 г.

[2]) 26 октября (7-го ноября) 1894 г. на митингѣ въ Лондонѣ.

лести и съ полною прямотою раскрывавшее самыя тонкія политическія интриги.

Изъ памяти Императора Александра III не изгладилось впечатлѣніе, что обѣ нѣмецкія державы, вслѣдъ за Санъ-Стефанскимъ миромъ, вошли съ Англіею въ соглашеніе, направленное къ тому, чтобы лишить Россію плодовъ ея побѣдъ, и въ то время, когда Россіи пришлось довольствоваться незначительнымъ исправленіемъ Бессарабской границы, Австрія и Англія, не принимавшія участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, завладѣли: одна Босніею, а другая — островомъ Кипромъ. Сверхъ того, Государь видѣлъ, что въ Бухарестѣ, Бѣлградѣ и Софіи ведется постоянная интрига, съ цѣлью ослабить вліяніе Россіи на Румынію, Сербію и Болгарію. Еще въ октябрѣ 1879 года Германія и Австрія заключили тайный союзъ противъ Россіи и въ 1882 г. гр. Кальноки публично заявилъ венгерскимъ делегаціямъ, что, въ случаѣ нападенія Россіи, Австрія одинокою не будетъ.

Несмотря на все это, Александръ III въ мартѣ 1884 года не отказался отъ возобновленія тройственнаго союза императоровъ, по которому союзники обязывались соблюдать полный нейтралитетъ въ томъ случаѣ, если одинъ изъ нихъ объявитъ войну четвертой державѣ, которою могла быть только Франція. При этомъ Бисмаркъ предлагалъ включить статью, въ которой говорилось, что нейтралитетъ не будетъ нарушенъ даже и въ томъ случаѣ, если два государя совмѣстно вступятъ въ войну съ четвертою державою. Такое предложеніе возмутило рыцарскій характеръ Александра III, и Онъ рѣшительно отказался скрѣпить договоръ въ такой формѣ. Подписанный въ Скерневицахъ трактатъ, 15 сентября 1884 года, гарантировалъ нейтралитетъ на три года и притомъ только въ случаѣ войны двухъ государствъ одинъ на одинъ.

Трактатъ этотъ не возстановилъ полнаго согласія Россіи съ Австріею, и интриги послѣдней въ Придунайскихъ областяхъ особенно обострились, когда болгарскій князь Александръ Баттенбергъ уволилъ русскихъ министровъ, нарушилъ трактатъ и объединилъ обѣ части Болгаріи и, наконецъ, сверженный въ 1886 г., пытался опять вернуться въ Болгарію. Одна телеграмма русскаго Царя заставила принца Баттенбергскаго отказаться отъ послѣдняго

намѣренія, очевидно вызваннаго интригами Австріи, имѣвшей за собою и Германію. Чтобы положить предѣлъ такому положенію дѣлъ, Императоръ Александръ III, въ томъ же 1886 г., приказалъ возобновить дипломатическія сношенія съ Франціею, сношенія, приведшія потомъ къ взаимному сближенію двухъ государствъ.

Пользуясь тѣмъ, что Скерневицкій договоръ имѣлъ силу до 15 сентября 1887 года, Бисмаркъ употреблялъ всѣ средства, чтобы заставить Францію отказаться отъ союза съ Россіею. Онъ грозилъ пустить ей кровь, нарушилъ франкфуртскій договоръ о пребываніи французовъ въ Эльзасъ-Лотарингіи и проч. Видя опасность, угрожающую Франціи, Императоръ Александръ отправилъ императору Вильгельму собственноручное письмо, содержаніе котораго хотя и не извѣстно, но извѣстно то, что придирки къ Франціи прекратились, и взамѣнъ того была объявлена тайная война Россіи на Берлинской биржѣ. Война эта велась упорно и дошла дотого, что германскій банкъ запретилъ выдачу ссудъ подъ русскія бумаги. Въ то же время, не безъ участія, конечно, Бисмарка и Австріи, на болгарскомъ престолѣ внезапно появился принцъ Фердинандъ и, съ окончаніемъ срока Скерневицкому трактату, Россія уступила свое мѣсто Италіи.

Въ ноябрѣ Императоръ Александръ III, отдавая визитъ императору Вильгельму, посѣтилъ Берлинъ, и Бисмаркъ, разсчитывая одержать дипломатическую побѣду, испросилъ аудіенцію у русскаго Царя. Поводомъ къ тому высказывалось желаніе доказать, что Онъ не принималъ никакого участія въ болгарскихъ интригахъ, и показать какіе-то документы. Опытный «желѣзный канцлеръ» заранѣе разсчитывалъ на побѣду надъ Императоромъ, еще не искусившимся во лжи и политическихъ интригахъ; но, увы! потерпѣлъ полную неудачу. Что происходило на этомъ свиданіи, намъ не извѣстно, но, по словамъ очевидцевъ, Бисмаркъ вышелъ изъ кабинета Государя съ искаженными чертами лица. Политическій корабль германскаго канцлера, полный интригъ, разбился о гранитную сѣверную скалу. Онъ наткнулся на нѣчто возвышенное, для него недоступное—на прямоту и здравый смыслъ русскаго Царя. Ложь и интриги утонули въ лазурномъ морѣ чистой души Александра III, и союзъ Германіи съ Россіею сталъ невозможенъ.

Тогда въ февралѣ 1888 г. во всѣхъ оффиціальныхъ органахъ Берлина, Вѣны и Буда-Пешта опубликованъ былъ текстъ первой Австро-Германской конвенціи, заключенной еще въ 1879 году и направленной противъ Россіи. Вслѣдъ затѣмъ была напечатана рѣчь Бисмарка, въ которой онъ, между прочимъ, говорилъ: «Мы, нѣмцы, ничего и никого въ мірѣ не боимся, кромѣ Господа Бога»; въ Болгаріи Стамбуловъ объявлялъ смертный приговоръ всѣмъ изобличеннымъ въ приверженности къ Россіи, купилъ у Австріи 10 тысячъ ружей, а австрійскій императоръ поздравлялъ принца Фердинанда съ возстановленіемъ порядка въ Болгаріи. Все это дѣлалось, чтобы вывести изъ терпѣнія Императора Александра III и завлечь Россію въ активныя дѣйствія. Но и эта интрига не удалась, встрѣтившись съ полнымъ спокойствіемъ и твердостью русскаго Государя. Извѣстными словами: «Я за Болгарію не пожертвую ни однимъ русскимъ солдатомъ» Императоръ разрушилъ всѣ направленныя противъ него козни.

Однако, оставаться въ такомъ положеніи было невозможно, и сближеніе съ Франціею становилось необходимымъ для обѣихъ державъ въ видахъ сохраненія европейскаго мира. Сближеніе это, въ силу вещей, произошло самымъ естественнымъ образомъ. Въ декабрѣ 1887 года французскому рынку былъ предложенъ первый русскій заемъ въ 500 милліоновъ франковъ. Операція эта удалась какъ нельзя лучше и затѣмъ была повторена въ 1889 и 1890 годахъ. Сочувствіе Франціи къ Россіи обнаружилось ясно и опредѣленно, но обѣ державы все еще стояли одиноко, и Европа оставалась подъ постоянною угрозою тройственнаго союза, одинаково нерасположеннаго и къ Россіи, и къ Франціи. Союзъ этотъ разсчитывалъ на невозможность сближенія правительства республики съ Царемъ-Самодержцемъ. Но Александръ III первый перешагнулъ чрезъ это препятствіе и упрочилъ миръ. Кронштадтъ, Тулонъ и Парижъ явились свидѣтелями безкровныхъ побѣдъ въ пользу мира. Когда, при встрѣчѣ французскихъ моряковъ, Императору замѣтили, что у французовъ національный гимнъ «марсельеза», Онъ спокойно отвѣчалъ: «Ну такъ что же? Не могу же я сочинить имъ другаго гимна» —и выслушалъ его стоя. Этотъ поступокъ произвелъ такое восторженное впечатлѣніе въ Европѣ, что описать его невозможно.

Послѣдующіе шаги Царя еще болѣе упрочили за нимъ имя Миротворца и повели къ тѣснѣйшему сближенію единственнаго неограниченнаго Монарха во всемъ мірѣ съ демократическою французскою республикою.

— Имѣйте довѣріе ко мнѣ,—сказалъ Императоръ французскимъ морякамъ въ Петергофѣ,—интересы нашихъ народовъ общіе.

Слова эти были приняты съ восторгомъ, и впослѣдствіи французы говорили, что передъ ними стоялъ колоссъ, импонировавшій міру своею славянскою мощью. Дипломатическая Европа была сбита съ пути и изъ надменной стала почтительной. У Англіи вдругъ явилось желаніе, чтобы эскадра адмирала Жерве посѣтила Лондонъ; германскій императоръ отмѣнилъ всѣ стѣснительныя мѣры относительно французовъ, посѣщавшихъ и жившихъ въ Эльзасъ-Лотарингіи. «Кто-то, — говоритъ Альфредъ Рамбо, — замѣтилъ тогда Императору, что миръ находится въ вашихъ рукахъ столь же всецѣло, какъ эта чашка съ кофе. — Въ такомъ случаѣ будьте покойны,—отвѣчалъ Государь, — ни того, ни другаго я изъ рукъ не выпущу».

Онъ сдержалъ свое слово и тѣмъ заслужилъ благодарность всего человѣчества. Европа оцѣнила характеръ и основные принципы, руководившіе дѣйствіями почившаго Императора. Эти принципы вызывали симпатіи и друзей, и недруговъ, и только одинъ Александръ III былъ въ состояніи осуществить извѣстное выраженіе: «Имперія—это миръ». Его слова были тверды и неизмѣнны, и политическое знамя Россіи было поднято высоко его мощною державною рукою. Избавивъ Россію отъ иностранныхъ опекуновъ, Онъ поставилъ ее на самое почетное мѣсто, какъ опору мира, какъ хранительницу правды въ международныхъ сношеніяхъ. Съ этихъ поръ судьба Европы находилась въ рукахъ русскаго Царя.

«Малѣйшая ошибка со стороны Александра III, — говоритъ «Daily News», — повергла бы Европу въ колоссальную войну: и вѣчною памятью ему пребудетъ, что ни одной ошибки Онъ не сдѣлалъ».

Достаточно вспомнить одинъ только болгарскій вопросъ, чтобы оцѣнить все величіе русскаго Императора, принесшаго въ жертву личное самолюбіе интересамъ и пользѣ Россіи. Вызывающій образъ

дѣйствій правительства маленькаго государства, созданнаго кровью русскаго народа, могъ легко вызвать вооруженное вмѣшательство и нарушить миръ. Противники мира шумѣли, произносили воинственныя рѣчи, пробовали запутать Россію въ сѣти дипломатической лжи, но Царь спокойно устранялъ ложь, какъ богатырь прорывалъ разставленныя сѣти и выходилъ побѣдителемъ. Противъ Россіи заключались двойственные, тройственные и священные союзы, имѣвшіе честолюбивые виды и грозившіе нарушеніемъ мира. Русскій Царь оставался спокойнымъ, сильнымъ своимъ словомъ и глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Ими Онъ побѣдилъ Европу, «заставивъ цѣнить миръ и вѣрить ему, русскому Царю, вѣрить чистому его сердцу».

«Въ послѣднія 13 лѣтъ, — говоритъ «Times», — общій миръ многократно зависѣлъ отъ рѣшенія Царя, и все человѣчество обязано ему всѣми благами мирной жизни. Онъ пользовался своимъ могуществомъ для того, чтобы избавить міръ отъ грознаго бича войны». Миръ не былъ нарушенъ и тогда, когда была отклонена попытка вмѣшательства Англіи въ наши средне-азіатскія дѣла. Владѣнія Россіи на востокѣ увеличились на 214.854 кв. версты, и присоединеніе этой территоріи совершилось не кровью, а путемъ нравственнаго обаянія русскаго знамени и первенствующаго положенія Россіи среди европейскихъ державъ. Въ твердость, прямоту и справедливость въ Бозѣ почившаго Императора вѣрили настолько, что Америка и Франція не затруднились избрать его третейскимъ судьею въ происшедшемъ между ними столкновеніи.

Неудивительно послѣ того, что вѣсть о болѣзни русскаго Царя обратила на себя всеобщее вниманіе. Подводя итоги, взвѣшивая политическое положеніе Европы, всѣ вдругъ увидѣли, какой это чистый и честный человѣкъ, всегда спокойный, искренній, любящій, стремившійся къ правдѣ, ненавидѣвшій ложь и обманъ. Всѣ стали высказывать опасеніе, что, съ потерею Царя, сторонники мира лишаются въ немъ могущественнаго предводителя, въ сердцѣ котораго было только одно желаніе: содѣйствовать культурному и умственному развитію человѣчества. Говорилъ Онъ мало, дѣлалъ много.

Когда являлся Онъ народу, рѣдко слышалась рѣчь его, но взоры

были краснорѣчивѣе рѣчей. Добрый, мягкій взглядъ, привѣтливая улыбка, свѣтившаяся въ голубыхъ очахъ, такъ и влекли къ себѣ душу народную, а въ голосѣ слышались звуки, всѣхъ ободряющіе. Не видѣли его господственнаго величія въ дѣлахъ побѣды и военной славы, но всѣ видѣли и чувствовали, какъ отзывается въ душѣ его всякое горе человѣческое и всякая нужда, и какъ болитъ она и отвращается отъ крови, вражды и насилія. Императоръ Александръ III былъ истиннымъ христіаниномъ, возвысившимъ значеніе своей родины, любившимъ ее превыше всего и служившимъ ей до самопожертвованія, до послѣдняго біенія своего благороднаго и чистаго сердца. Онъ далъ все, что могъ только желать русскій народъ отъ своего Царя и что высказано поэтомъ:

Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы,
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.

. . . .
. . . .

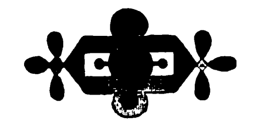
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.

Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари.

Императоръ Александръ III скончался какъ праведникъ, исполнившій все, что ему указано было волею Всевышняго. Онъ разстался съ жизнью, какъ разстаются съ нею люди съ чистой совѣстью, съ горячею вѣрою въ Бога и въ безсмертіе души. Окруженный всѣми, кого Онъ такъ горячо любилъ и съ которыми разставался на вѣки, Онъ успокоивалъ ихъ и тихо отходилъ туда, гдѣ нѣтъ болѣзней и печалей...

Не стало державнаго радѣтеля Россіи, и всѣ государи, главы державъ, правительства и народы съ небывалымъ единодушіемъ и искренностью присоединились къ глубокой печали, поразившей Россію и лишившей Европу поборника добра и правды.

Если съ именемъ Императора Александра II соединенъ титулъ «Освободителя», то нынѣ въ Бозѣ почившему будетъ принадлежать наименованіе «Миротворца и устроителя земли Русской». Да будетъ же память Его священна и неизгладима въ сердцахъ подданныхъ и сопровождается всегда теплою молитвою объ упокоеніи чистой души возлюбленнаго сына Россіи, помазанника Божія Александра......

Воспоминанія Н. А. Тучковой-Огаревой.

XIII [1]).

Великороссъ".—Михайловъ.—„Земля и Воля".—Экспедиція.—Бакунина въ „Швецію —Пріѣздъ Бакуниной въ Лондонъ.—Неизвѣстный шпіонъ.—Guénot de Mussy. — Отъѣздъ Кельсіева въ Тульчу. — Вопросъ трехъ русскихъ. — Гончаръ. — Отъѣздъ Кельсіевой въ Тульчу. — Гарибальди въ Лондонѣ. — Нашъ праздникъ.

Возмущеніе въ Варшавѣ принесло ожидаемые плоды. Началась реакція; изъ Петербурга приходили неутѣшительныя вѣсти, тамъ появилось общество «Земля и Воля». Огаревъ и Бакунинъ приняли предложеніе быть членами этого общества, но Герценъ сильно противъ этого возставалъ. «Мы стоимъ отдѣльно, говорилъ онъ имъ, наша программа извѣстна, намъ смѣшно быть членами какогобы-то ни было общества». Въ Петербургѣ издавались листки подъ заглавіемъ «Великороссъ». Общество было возбуждено, особенно молодежь, вездѣ были обыски. При обыскѣ у Михайлова былъ найденъ листокъ «Великоросса» и улики, доказывающія, что Михайловъ самъ печаталъ эти листки. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь.

Польское возстаніе не было еще подавлено, и Бакунинъ рѣшился принять въ немъ участіе. Это было необходимое послѣдствіе всей его многолѣтней пропаганды въ пользу Польши. Хотя послѣдній былъ въ высшей степени образованный, начитанный, обладалъ большими познаніями и блестящимъ, находчивымъ умомъ, великолѣпнымъ даромъ слова, но при всемъ томъ въ немъ была дѣтская черта — слабость: жажда революціонной дѣятельности въ что бы ни

---

[1]) См. „Русскую Старину" ноябрь 1894 г.

мо, въ которомъ было сказано, что когда N (пріятель Кельсіева) пошелъ домой съ портретами и «Колоколомъ», одинъ изъ гостей прошелъ прямо на телеграфную станцію и донесъ, что N везетъ «Колоколъ» и портреты и чтобы осмотрѣли двойное дно его чемодана. На границѣ двойное дно чемодана было тотчасъ вскрыто, вещи вынуты, а N задержанъ.

Что сталось съ нимъ впослѣдствіи, неизвѣстно.

Кто же былъ этотъ неизвѣстный шпіонъ? думалъ Герценъ съ своими окружающими. Припоминали всѣхъ, кто былъ въ это воскресенье въ Orseth hous'ѣ, и не могли никакъ добраться до истины. Все были люди почтенные, вѣрные; кто же погубилъ N. — такъ это и осталось тайной навсегда. Было еще странное происшествіе во время моего пребыванія у моря. Однажды Герценъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, когда Жюль доложилъ ему, что его спрашиваетъ очень молоденькая и хорошенькая особа.

— Спросите имя, Жюль, вѣдь я всегда вамъ говорю, сказалъ Герценъ нѣсколько съ нетерпѣніемъ.

Жюль пошелъ и тотчасъ вернулся съ изумленнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Eh bien, сказалъ Герценъ.

— M-me Bacounine! comment monsieur pas possible? говорилъ безсвязно Жюль, вѣроятно мысленно сравнивая супруговъ. Герценъ слышалъ, что Бакунинъ женился въ Сибири на дочери тамошняго чиновника-поляка; не она ли ужь явилась, подумалъ Герценъ. Поправя немного свой туалетъ, онъ пошелъ въ гостиную, гдѣ увидалъ очень молоденькую и красивую блондинку въ глубокомъ траурѣ.

— Я жена Бакунина, гдѣ онъ? сказала она. А вы—Герценъ?

— Да, отвѣчалъ онъ, вашего мужа нѣтъ въ Лондонѣ.

— Но гдѣ же онъ? повторила она.

— Я не имѣю права вамъ это открыть.

— Какъ, женѣ! сказала она обидчиво и вся вспыхнула.

— Поговоримте лучше о Бакуниныхъ. Когда вы оставили его братьевъ, сестеръ, какъ бишь называется ихъ имѣніе, вы были у нихъ въ деревнѣ— какъ зовутъ сестеръ и братьевъ, я все перезабылъ, перепуталъ...

Бакунина назвала ихъ деревню и вообще отвѣчала въ точности на всѣ вопросы. Бакунины ей помогали достать паспортъ и средства на долгій путь.

Это былъ со стороны Герцена чисто экзаменъ, сдѣланный ей, чтобъ убѣдиться, что она не подосланный шпіонъ. Наконецъ Герценъ повѣрилъ, что она дѣйствительно жена Бакунина, и предложилъ ей переѣхать въ нашъ домъ и занять пока мою комнату. Позвавъ мою горничную, Герценъ сказалъ ей, чтобъ она служила Бакуниной, что было затруднительно только потому, что Бакунина не знала ни одного слова по-англійски.

Но все-таки Герценъ не открылъ Бакуниной, гдѣ находится ея мужъ, что ее очень оскорбило и оставило въ ея душѣ слѣды какого-то непріятнаго чувства противъ Александра Ивановича.

Когда я вернулась изъ Осборна, Бакунина переѣхала уже на ту квартиру, гдѣ жилъ до отъѣзда ея мужъ. Мы съ ней хорошо познакомились, но она болѣе всего сошлась съ Варварой Тимоѳеевной Кильсіевой. Она разсказывала послѣдней многое изъ своей жизни и о своемъ бракѣ. «Мнѣ гораздо болѣе нравился одинъ молодой докторъ,—говорила она,—и кажется, я ему тоже нравилась, но я предпочла выйти за Бакунина, потому что онъ герой и всегда былъ за Польшу. Хотя я родилась и выросла въ Сибири, я люблю свое отечество, ношу трауръ по немъ и никогда его не сниму».

Въ ней было много дѣтскаго, наивнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и милаго, искренняго. Въ то время мы получили отъ Бакунина телеграмму на мое имя такого содержанія: «Наталья Алексѣевна, поручаю вамъ мою жену, берегите ее». Впрочемъ, вскорѣ онъ вызвалъ ее въ Швецію, и мы большимъ обществомъ проводили ее на желѣзную дорогу, отправляющуюся въ Дувръ. Тогда именно мнѣ пришлось въ первый разъ спуститься въ подземный дебаркадеръ, который находился не въ большомъ разстояніи отъ Orseth hous'a, изъ котораго поѣзда отправлялись на противоположный конецъ Лондона. Фонари были зажжены, вагоны новые, красивые; мы весело болтали и не замѣтили, какъ прошли двадцать минутъ. Передъ отъѣздомъ изъ Лондона, Бакунина позвала насъ всѣхъ обѣдать и угощала польскими кушаньями очень вкусными и которымъ особенно радовались наши друзья-поляки Чернецкій и Тхор-

жевскій. Послѣдній былъ большой поклонникъ женской красоты и, еслибъ обѣдъ былъ бы и плохъ, да хозяйка красива, онъ все-таки былъ бы въ восторгѣ.

Пріѣзжая въ Лондонъ, русскіе иногда поминали о маленькой русской колоніи, состоящей изъ выходцевъ-раскольниковъ, которые оставили Россію, кажется, при Петрѣ III и пріютились въ Турецкой имперіи. Они основались въ мѣстечкѣ, названномъ ими «Тульчей». Кажется, они не платили податей Портѣ, но должны были ей помогать противъ враговъ, исключая Россіи, и имѣли выбраннаго начальника, который хотя и простой крестьянинъ изъ некрасовцевъ, являлся ко двору въ Константинополь и носилъ ордена, пожалованные Оттоманской Портой. Въ то время начальникомъ некрасовцевъ былъ Гончаръ, о которомъ я еще буду говорить, потому что познакомилась съ нимъ лично, когда онъ навѣстилъ Герцена въ Тедингтонѣ. Эти разсказы о Тульчѣ сильно заинтересовали Кельсіева. Василій Ивановичъ Кельсіевъ былъ человѣкъ талантливый и самолюбивый; онъ скучалъ въ Лондонѣ безъ опредѣленнаго дѣла, занимаясь только переводами, иногда уроками. Онъ понялъ наконецъ, что Герценъ былъ правъ, когда отсовѣтывалъ русскимъ эмигрировать изъ ихъ отечества. Вдругъ «Тульча» показалась издали Кельсіеву обѣтованной землей. Онъ рѣшился ѣхать туда сначала одинъ, а потомъ намѣренъ былъ вызвать жену свою, безмолвную и преданную спутницу, которую пока оставилъ съ маленькой дочкой Марусей на нашемъ попеченіи. Герценъ не могъ убѣдить Кельсіева подождать узнать пообстоятельнѣе о Тульчѣ. Кельсіевъ былъ горячій и упрямый. Разъ рѣшившись на что-нибудь, онъ не допускалъ никакихъ возраженій. Жена его, кроткая и восхищенная его умомъ, никогда не опровергала его фантазіи. Итакъ, онъ уѣхалъ въ Тульчу.

Мы собирались уже оставить Лондонъ, потому что Герценъ находилъ удобнѣе и дешевле жить въ то время въ окрестностяхъ Лондона. Въ пятнадцати минутахъ по желѣзной дорогѣ отъ Лондона было мѣстечко, называемое «Тедингтонъ» и состоящее изъ длинной улицы, гдѣ были раскинуты загородные дома съ большими роскошными садами позади домовъ и частые домики съ различными маленькими лавками для удобствъ занимающихъ большіе дома.

Тамъ Герценъ нашелъ довольно просторный домъ съ большимъ садомъ, куда мы и переѣхали всѣ, также и Варвара Тимоѳеевна съ Марусей. А типографію перевезли въ домикъ тоже съ садомъ, отстоявшій отъ нашего не болѣе какъ на десять минутъ ходьбы. Туда перебрался Чернецкій съ своей сожительницей Маріанной; дѣтей у нихъ не было.

Нашъ новый домъ имѣлъ только одно большое неудобство. За нимъ была какая-то фабрика, и часто въ саду пахло растопленнымъ саломъ. Но докторъ, навѣстившій насъ въ Тедингтонѣ, увѣрялъ, что это совершенно безвредно для дѣтей, и потому мы смиренно выносили эту непріятность. Изъ нашего интимнаго кружка одинъ Тхоржевскій остался въ Лондонѣ, за то онъ пріѣзжалъ въ Тедингтонъ по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю: отчасти по дѣламъ, отчасти по привычкѣ къ нашему семейству, котораго онъ былъ какъ бы необходимымъ членомъ. Онъ имѣлъ къ Герцену и ко всѣмъ намъ безконечную преданность, которую доказалъ даже послѣ кончины Герцена.

Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Лондона, Герцена разъ посѣтили трое русскихъ. Они казались еще очень молоды, едва кончившіе курсъ въ какомъ-то университетѣ. Герценъ былъ такъ пораженъ ихъ разговоромъ, что не спросилъ ихъ имена, а впрочемъ говорилъ позже, что и не жалѣлъ объ этомъ. Вотъ что онъ разсказывалъ о свиданіи съ ними: они начали съ того, что разсказывали Герцену, какъ съ польскаго возстанія стали тѣснить учащихся, какъ всѣ свѣтлыя надежды Россіи мало-по-малу померкли. Конечно, Герценъ слышалъ уже обо всемъ этомъ; онъ возразилъ: «Что же дѣлать, надо выждать, когда реакція пройдетъ, тогда Россія опять будетъ развиваться и исполнять свои историческія задачи».

— Но это долго, возразилъ одинъ изъ нихъ,—въ молодости терпѣнья мало; мы пріѣхали затѣмъ, чтобъ слышать ваше мнѣніе; мы хотимъ пожертвовать собой для блага отечества и для того рѣшились на преступленіе...

— Не дѣлайте этого, возразилъ съ жаромъ Герценъ,—это будетъ безполезная жертва, и она поведетъ къ еще большей реакціи, чѣмъ польское возстаніе. Обѣщайте мнѣ честно оставить эту мысль, помните, что этимъ поступкомъ вы принесете только большой вредъ

отечеству. Возьмите любую исторію, и вы найдете въ ней подтвержденіе моихъ словъ.

Они сознались въ незрѣлости ихъ мысли и уѣхали убѣжденные.

И такъ, катастрофа 1881 года была отодвинута на восемнадцать лѣтъ!

Въ Тедингтонѣ, однажды Герценъ получилъ изъ Парижа русское письмо на клочкѣ бумаги, очень нечетко и странно написанное, въ которомъ было сказано, что такого-то числа Гончаръ, начальникъ некрасовцевъ, будетъ на дуврскомъ дебаркадерѣ для свиданія съ Александромъ Ивановичемъ, которому Гончаръ желаетъ здоровья и всѣхъ благъ земныхъ. Герценъ понималъ, что Гончару, какъ раскольнику, будетъ трудно въ нашемъ домѣ относительно пищи, и потому велѣлъ Жюлю сдѣлать обѣдъ преимущественно изъ свѣжей рыбы, омаровъ и пр.

На слѣдующій день въ назначенный часъ, Герценъ поѣхалъ въ Лондонъ на дуврскій дебаркадеръ и тамъ встрѣтилъ Гончара; они тотчасъ узнали другъ друга. Гончаръ можетъ быть видѣлъ фотографическія карточки Герцена, но послѣдній не видалъ, конечно, карточекъ Гончара.

Вечеромъ они прибыли въ Тедингтонъ. Гончаръ былъ небольшаго роста, лѣтъ пятидесяти на видъ, некрасивый, украшенный турецкими орденами. Онъ былъ очень сдержанъ и малорѣчивъ, особенно въ первый вечеръ. Въ его чертахъ соединялось выраженіе добродушія и хитрости; можно было поручиться, что этотъ человѣкъ никогда не проговорится. Небольшіе сѣрые глаза его были исполнены ума и нѣкотораго лукавства. Онъ скоро привыкъ къ намъ и сталъ разговорчивѣе. Въ оборотахъ его рѣчи было что-то восточное.

Сначала мы посидѣли немного въ гостиной; скоро Огаревъ вернулся съ обычной прогулки, только ждали его появленія, чтобъ подать обѣдъ. Горничная доложила, что супъ на столѣ. Мы перешли въ столовую и сѣли за столъ, но бѣдный Гончаръ съ брезгливостью раскольника посматривалъ на постныя блюда и наконецъ рѣшился выпить стаканъ молока съ бѣлымъ хлѣбомъ. Въ продолженіе всего его пребыванія въ Тедингтонѣ, молоко и хлѣбъ были единственной его пищей. Впрочемъ, онъ казался очень равнодушенъ ко всему

матеріальному. Онъ не говорилъ, зачѣмъ пріѣхалъ даже наединѣ съ Герценомъ; но послѣдній понялъ, что Турція начинала тѣснить некрасовцевъ, и они желали бы скорѣй получить поддержку отъ революціонной партіи, чѣмъ отъ русскаго правительства, къ которому относились недовѣрчиво и даже побаивались, и желали убѣдиться, располагаетъ ли партія Герцена какой-нибудь моральной силой или нѣтъ. Конечно, Герценъ никого не обманывалъ и не преувеличивалъ свое вліяніе въ Россіи, и Гончаръ могъ убѣдиться, что ничего особеннаго не могло выйти изъ его поѣздки. Но все-таки онъ былъ доволенъ узнать русскаго, о которомъ поминалось иногда въ газетахъ всей Европы и котораго политическія измѣненія могли выдвинуть легко впередъ.

Меня, какъ хозяйку дома, Гончаръ называлъ постоянно „старухой“, хоть въ то время мнѣ не было и тридцати пяти лѣтъ. Онъ былъ очень дружелюбенъ ко мнѣ и къ дѣтямъ. Когда онъ пожелалъ идти въ русскую типографію, я вызвалась показать ему дорогу и старшая моя дочь побѣжала за нами. Ей было около пяти лѣтъ, но Гончаръ находилъ, что она мала, чтобъ идти за нами пѣшкомъ, и несъ ее на рукахъ туда и обратно.

Кельсіева много разспрашивала его о своемъ мужѣ. Гончаръ хвалилъ его, но говорилъ, что онъ не нашелъ себѣ еще дѣла и принимается то за ту, то за другую работу. «Возьмите меня съ Марусей, сказала Варвара Тимоѳеевна умоляющимъ голосомъ, вѣдь это было бы для насъ такое необыкновенное счастіе; гдѣ мнѣ одной доѣхать до него».

Гончаръ, добродушный и жалостливый, тотчасъ согласился взять ихъ съ собой.

Помню, что Герценъ гладилъ Марусю по головѣ и говорилъ ей ласковыя рѣчи, а въ голосѣ его слышны были слезы. Ему жаль было этого бѣднаго, слабаго ребенка, котораго судьба уносила далеко отъ насъ, не знаю зачѣмъ. Обыкновенно Герценъ помогалъ всѣмъ и далъ Варварѣ Тимоѳеевнѣ нужныя деньги на дорогу, и она уѣхала съ Марусей подъ покровительствомъ Гончара. Она трогательно прощалась съ нами и такъ просто, сердечно благодарила за все.

Жалѣю, что утратила письма Варвары Тимоѳеевны и ея мужа

изъ Тульчи. Бѣдные! много они тамъ настрадались и наглядѣлись на многое. Помню, что Варвара Тимоѳеевна говорила въ одномъ письмѣ: «вы не имѣете понятія объ узкости здѣшней жизни; люди (а не дѣти) ссорятся за стклянку, говорятъ съ искаженными лицами о томъ, чья собственность какая-нибудь стклянка!» Позже Василій Ивановичъ писалъ о своемъ полномъ разочарованіи. Между прочимъ говорилъ: «насъ человѣкъ пять эмигрантовъ, между которыми былъ и одинъ офицеръ. Дѣла нѣтъ, существовать трудно; иногда я хожу на поденщину на желѣзную дорогу, работа трудная. Но что тутъ за интеллигенція? Вечеромъ собрались у одного изъ товарищей и долго толковали о безвыходномъ нашемъ положеніи, объ удручающей тоскѣ. Въ концѣ вечера офицеръ сталъ просить веревку у одного изъ насъ, ему отвѣчали грубой шуткой: «не повѣситься ли вздумалъ?» Не помню, дали ли ему или нѣтъ, но онъ ушелъ, а мы и не замѣтили этого. Поздно, когда пошли домой, одинъ изъ насъ хотѣлъ взять палку отъ собакъ и для того зашелъ подъ сарай и вдругъ закричалъ: «идите сюда скорѣй!» Всѣ бросились къ нему. Офицеръ висѣлъ на перекладинѣ и покачивался. Мы разрѣзали узелъ и сняли его, но онъ былъ уже безжизненный трупъ! и подумавъ, кто-то изъ насъ сказалъ: «а вѣдь умно сдѣлалъ, право!»

Позже Василій Ивановичъ писалъ мнѣ, описывая послѣдніе дни жены, которая во время холеры находилась въ больницѣ съ дѣтьми; она умирала чахоткой. «Въ больницѣ сжалились надъ нами, писалъ Кельсьевъ, и дали намъ ширмы, которыми мы отгородились отъ остальныхъ больныхъ. Жена мнѣ напомнила наше обоюдное обѣщаніе не скрывать другъ отъ друга приближеніе смерти. «Скажи, говорила умирающая, правду, что со мной, это смерть?» — «Смертъ, мой другъ, смерть», отвѣчалъ я. И дѣйствительно, ея скоро не стало!» За ней послѣдовалъ мальчикъ, родившійся въ Тульчѣ. Василій Ивановичъ рылъ могилы и хоронилъ своихъ; никто ему не помогалъ въ его хлопотахъ объ усопшихъ. Дней черезъ пять послѣ смерти матери и Марусю холера унесла. «Еслибъ она осталась жива, я добылъ бы шарманку, посадилъ бы себѣ на спину Марусю и дошелъ бы пѣшкомъ до васъ, тамъ бы и оставилъ ее», говорилъ Василій Ивановичъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ изъ Тульчи.

Впослѣдствіи, когда онъ писалъ свои замѣчательныя статьи объ евреяхъ (я забыла подъ какимъ псевдонимомъ), Герценъ узналъ его по слогу. Вскорѣ послѣ нашего переселенія въ Тедингтонъ, совершилось событіе, о которомъ говорили во всѣхъ газетахъ. Приглашенный Мадзиньевской партіей Гарибальди собирался посѣтить Англію; но прежде чѣмъ окончательно рѣшиться, онъ письменно спросилъ англійскаго министра: пріятно ли это будетъ англійскому правительству? Послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ. Послѣ этого въ непродолжительное время (кажется, въ лѣто 1863 года), Гарибальди исполнилъ желаніе своихъ друзей. Прежде чѣмъ разсказать, что мнѣ извѣстно о пребываніи Гарибальди въ Лондонѣ, нужно сказать нѣсколько словъ о взаимныхъ отношеніяхъ Мадзини съ Гарибальди, съ этимъ героемъ, которому удивлялись двѣ части свѣта: Европа и Америка.

Въ нашъ вѣкъ не было личности болѣе любимой и оцѣненной всѣми народами, чѣмъ личность этого простаго рыбака, родившагося въ Ниццѣ. Мадзини былъ старѣе его; развитой, образованный, начитанный, высокаго ума, большихъ познаній человѣкъ, Мадзини съ 48 года еще молодой, но уже фанатикъ, былъ во главѣ республиканскаго движенія. Гарибальди, Саффи и другіе, всѣ были добровольно подчинены ему; вотъ что и пріучило Мадзини никогда не слышать возраженій. Однако позже вліяніе это много потеряло своей силы послѣ многочисленныхъ неудачъ, когда Мадзини былъ вынужденъ самъ искать себѣ пріютъ въ гостепріимной Англіи. Впрочемъ, онъ и тамъ не оставался въ бездѣйствіи. Онъ безпрерывно посылалъ людей почти на вѣрную гибель и самъ подвергался часто страшной опасности. Онъ возвращался въ свое отечество переодѣтый то католическимъ священникомъ, то монахомъ, то итальянскимъ воиномъ. Въ карманѣ онъ имѣлъ постоянно нѣсколько паспортовъ, чтобъ успокоивать тревожную полицію. По этому поводу, Мадзини разъ передавалъ мнѣ о своихъ странствіяхъ изъ Англіи въ Италію. Мадзини было легче, чѣмъ кому-либо другому, укрываться, потому что онъ былъ одинаково популяренъ въ замкахъ итальянской знати и въ самыхъ бѣдныхъ лачугахъ. Однажды онъ находился у весьма бѣднаго крестьянина. Послѣдній сказалъ Мадзини, что вся полиція на ногахъ и разыскиваетъ его. Боясь навлечь отвѣтственность на

этого преданнаго крестьянина, Мадзини живо собрался и вышелъ въ поле. Вскорѣ онъ замѣтилъ полицейскаго, который осматривалъ его продолжительно, и наконецъ, подошелъ къ нему:

— Давайте паспортъ, сказалъ онъ грубо.

— Паспортъ? повторилъ Мадзини, прикидываясь удивленнымъ, да вѣдь я просто гуляю, иду недалеко.

— Все равно, давайте паспортъ, повторилъ полицейскій.

Мадзини вынулъ свой бумажникъ и, порывшись въ немъ, подалъ ему паспортъ.

— Хорошо, сказалъ полицейскій, дайте еще другой.

— Какъ другой, возразилъ Мадзини съ удивленіемъ, развѣ имѣютъ по два паспорта?

— У васъ только одинъ! воскликнулъ радостно бдитель порядка.

— Разумѣется, отвѣчалъ Мадзини.

— Ну, такъ идите съ Богомъ, я думалъ, что вы Мадзини, намъ сообщено, что у Мадзини всегда три паспорта. И полицейскій спокойно удалился.

Въ другой разъ Мадзини находился въ замкѣ преданныхъ ему людей. Вдругъ хозяйка дома говоритъ ему, разстроенная, что она только-что узнала, что его ищутъ; подозрѣваютъ, что онъ въ замкѣ, и хотятъ окружить замокъ со всѣхъ сторонъ. Что дѣлать? Они взглянули въ окно и увидѣли, что дѣйствительно множество солдатъ и полицейскихъ расположилось кругомъ замка.

„У меня явилась внезапно блестящая мысль!“ вскричала хозяйка дома и, обратившись къ слугѣ, она приказала сказать кучеру, чтобъ онъ немедленно заложилъ лошадей въ дорожную карету. Мадзини понялъ, въ чемъ состояла блестящая мысль хозяйки. Онъ прилѣпилъ черную бороду съ усами и бакенбардами. Когда карета была подана, Мадзини подалъ руку высокопоставленной соотечественницѣ и храбро прошелъ къ каретѣ мимо всѣхъ полицейскихъ, которые приняли его за мужа уважаемой владѣлицы замка и почтительно поклонились.

Возвращаясь къ Гарибальди, я должна сказать, что всего болѣе удивлялись той простотѣ, съ которой онъ совершалъ геройскіе подвиги, и совершенному его безкорыстію.

Выгнавъ послѣдняго Бурбона съ неаполитанскаго престола, онъ могъ бы сдѣлаться главой въ этомъ королевствѣ. Нѣтъ, онъ не беретъ ничего для себя, онъ желаетъ только единства Италіи и подноситъ эту двойную корону Виктору Эммануилу, не прося, не желая никакого вознагражденія. Когда онъ былъ не нуженъ отечеству, онъ умѣлъ, положивъ оружіе, стушеваться въ частной жизни, но и тамъ онъ остается необыкновеннымъ человѣкомъ.

Кто не слыхалъ сотни разсказовъ, касающихся его отваги и безпредѣльнаго самоотверженія. Но тѣмъ не менѣе между нимъ и Мадзини произошло какое-то охлажденіе, и ихъ примиренію, этому важному событію въ революціонномъ мірѣ, было суждено совершиться въ нашемъ домѣ. Но надо разсказать по порядку.

Мадзини желалъ пріѣзда Гарибальди, потому что полагалъ, что при популярности послѣдняго ему не трудно будетъ набрать денегъ у англичанъ для совершенія дальнѣйшихъ революціонныхъ плановъ Мадзини. Гарибальди согласился на доводы и просьбы мадзинистовъ.

Когда мы прочли въ газетахъ день пріѣзда Гарибальди, Герценъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Лондонъ, чтобъ видѣть въѣздъ Гарибальди. Огаревъ не поѣхалъ съ нами, потому что толпа дѣйствовала на него удручающимъ образомъ. Дѣйствительно, безъ преувеличенія, это былъ царскій въѣздъ! Великъ англійскій народъ, когда отдается своимъ симпатіямъ! Онъ, который обыкновенно кажется такой сдержанный, холодный, въ дни этихъ проявленій, я чувствую, что нельзя не любить этотъ народъ болѣе всякаго другаго.

По улицамъ, ведущимъ къ дебаркадеру (разстояніе въ нѣсколькихъ верстахъ), въ который долженъ былъ прибыть Гарибальди, все было покрыто народомъ. Экипажи съ трудомъ проѣзжали и то шагомъ. Балконы и окна были убраны коврами и цвѣтами; у колоннъ на выступахъ домовъ вездѣ, гдѣ было возможно, пріютились люди въ самыхъ разнообразныхъ позахъ: иные держались одной рукой и висѣли надъ толпой, они чуть не падали. На всѣхъ лицахъ видно было выраженіе какого-то напряженія, нетерпѣливаго ожиданія. Вездѣ, гдѣ можно было, были устроены, подмостки и я стояла тоже на какихъ-то подмосткахъ и стояла уже четыре

часа, а Гарибальди все не было. Боясь оставить дѣтей на такой неопредѣленный срокъ, я вернулась въ Тедингтонъ, а Герценъ дождался появленія Гарибальди.

XIV.

Пріѣздъ Гарибальди въ Лондонъ.—Праздникъ въ Тедингтонѣ.—Печальныя послѣдствія.—Вѣсть о кончинѣ моего дяди Павла Алексѣевича Тучкова, московскаго генералъ-губернатора.—Тяжелое раздумье.—Борнмаусъ.—Возвращеніе въ Лондонъ.

Возвратясь домой послѣ восторженной встрѣчи Гарибальди, Герценъ былъ очень взволнованъ. Хотя онъ видѣлъ не разъ многочисленное стеченіе народа, но никогда онъ не замѣчалъ такого единства и одушевленія въ выраженіи всѣхъ присутствующихъ. Вотъ что я помню изъ его разсказа.

Онъ долго еще дожидался. Наконецъ сдѣлалось движеніе въ толпѣ, и вдругъ пробѣжалъ по ней гулъ на далекое разстояніе: „Ѣдетъ!“ — Это что-то особенное; я нахожу, что этотъ звукъ, вырывавшійся сразу у многочисленной толпы, подобенъ реву волнъ, когда море сильно взволновано, или шуму водопада въ близкомъ разстояніи. Это что-то электрическое и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное, захватывающее духъ отъ какого-то сообщающагося волненія. Потомъ наступила полнѣйшая тишина.

Всѣ глаза устремились въ ту сторону, откуда раздавался далекій звукъ приближающихся экипажей. Наконецъ вдали показались коляски и кареты. Въ первой коляскѣ сидѣлъ Гарибальди съ кѣмъ-то изъ сопровождающихъ его. Онъ былъ одѣтъ, какъ всегда, въ традиціонномъ сѣромъ плащѣ, накинутомъ сверхъ красной блузы съ морскимъ воротникомъ и широкими рукавами. Блуза была заправлена въ панталоны, или лучше сказать въ широкія шаровары. На шеѣ былъ платокъ, завязанный простымъ узломъ (какъ завязываютъ всегда матросы) спереди; на головѣ круглая сѣрая шляпа. Замѣчательно, что во все время своего пребыванія въ Лондонѣ Гарибальди являлся въ этомъ костюмѣ на всѣ обѣды и вечера, даваемые въ его честь англійской чопорной аристократіей.

Но возвращаюсь ко моему разсказу. При появленіи Гарибальди, въ толпѣ раздались со всѣхъ сторонъ дружные возгласы: «vive Garibaldi! well come in Angland!» Многіе бросились къ коляскѣ и цѣловали плащъ Гарибальди; другіе выпрягли лошадей изъ коляски. «Зачѣмъ это, зачѣмъ», говорилъ Гарибальди, но его не слушали. Раздался визгъ раздавленной въ толпѣ собаки. «Бѣдная, сказалъ Гарибальди, я причина ея конца, какъ это досадно».

Вмѣсто лошадей люди съ восторгомъ повезли на себѣ своего почетнаго гостя къ той гостиницѣ, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться. Многочисленная толпа провожала его и долго стояла подъ его окнами, радостно и громко привѣтствуя его. Гарибальди вышелъ на балконъ и сердечно благодарилъ. Въ этотъ день Герценъ едва успѣлъ пожать руку Гарибальди, потому что послѣдній, сильно потрясенный неожиданнымъ, горячимъ пріемомъ англичанъ, нуждался въ совершенномъ покоѣ. Герценъ не видалъ народнаго вождя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и нашелъ въ немъ большую перемѣну. Гарибальди постарѣлъ и слегка прихрамывалъ.

На другой день Герценъ и Огаревъ съ утра уѣхали вмѣстѣ въ Лондонъ для свиданія съ Гарибальди. Просидѣли у него довольно долго, но говорить съ нимъ отъ души, обо всемъ, что ихъ интересовало, было не мыслимо; разговоръ ихъ ежеминутно прерывался. Гарибальди докладывали, что такіе-то желаютъ представиться ему; что онъ званъ къ такому-то на обѣдъ; на вечеръ туда-то; подавали ему письма, поздравительныя и пригласительныя телеграммы изъ множества городовъ Англіи. И всѣ эти вопросы онъ долженъ былъ обсуждать и на все диктовать отвѣты своему секретарю, назначать дни и пр. Въ его свитѣ нашлись распорядители, которые направляли его, куда они хотѣли (вѣроятно, Гарибальди по привычкѣ и по мягкости характера не могъ освободиться отъ ихъ вліянія). Эти приближенные старались преимущественно, чтобъ Гарибальди не отказывался отъ приглашеній аристократіи, которая, если вѣрить молвѣ, замѣтя необыкновенное влеченіе народа къ итальянскому вождю, желала, такъ сказать, украсть Гарибальди у него, самымъ обаятельнымъ образомъ прикрывая это насиліе симпатіей.

Въ отелѣ, гдѣ стоялъ Гарибальди, съ утра гремѣла музыка; дирижировавшій оркестромъ считалъ за особенное счастіе и честь

играть для Гарибальди. Каждый день были назначены часы для пріема желающихъ видѣть народнаго героя. Музыка, не умолкающая ни на минуту, придавала еще болѣе торжественности этимъ пріемамъ. Въ дверяхъ стоялъ швейцаръ, громко провозглашавшій фамиліи тѣхъ лицъ, которыя проходили въ дверь, чтобъ представиться Гарибальди. Послѣдній привставалъ съ дивана, кланялся и ему кланялись; иные жали ему руку и обмѣнивались съ нимъ нѣсколькими словами. Онъ не успѣвалъ опуститься на диванъ, какъ слышался другой возгласъ, и другой посѣтитель занималъ мѣсто предъидущаго.

И такъ въ продолженіе почти всего дня; живыя китайскія тѣни! Во время представленія, одинъ англичанинъ буквально вырвалъ у Гарибальди палку, на которую послѣдній привыкъ опираться, и замѣнилъ ее щегольской тростью въ золотой оправѣ. Напрасно Гарибальди отказывался отъ обмѣна, англичанинъ настоялъ. Вообще англичане бываютъ очень настойчивы, когда рѣшаются завладѣть какой-нибудь рѣдкостью. Гарибальди было очень непріятно, и онъ нехотя подчинился насилію, жалѣя о своемъ привычномъ костылѣ.

Друзья Гарибальди расположились въ другой комнатѣ и тихо бесѣдовали о томъ, гдѣ же и когда состоится явное, оффиціальное свиданіе Гарибальди съ Мадзини.

— Вѣдь это чадъ, угаръ! восклицалъ вполголоса одинъ изъ нихъ.—Бѣдный Гарибальди, да онъ мученикъ здѣсь; что общаго между нимъ и англійской аристократіей, подхватилъ другой.

Сидя въ этомъ обществѣ, Герцену пришла мысль звать къ себѣ Гарибальди. У насъ бы онъ навѣрное встрѣтился съ Мадзини, и было бы наконецъ между ними это явное сближеніе, которое должно было имѣть такое серьезное вліяніе на сторонниковъ этихъ народныхъ вождей. Кромѣ того Герценъ думалъ, что хорошо, что народный герой, заслужившій такую всеобщую симпатію, посѣтитъ домъ русскаго изгнанника.

Едва пріемъ оканчивался, какъ окружающіе Гарибальди напоминали ему, что онъ уже принялъ приглашеніе на обѣдъ къ такому-то лорду. Гарибальди не возражалъ, но со вздохомъ объявлялъ,

что онъ готовъ исполнить свое обѣщаніе, хотя и чувствовалъ большую усталость.

Мнѣ очень хотѣлось взглянуть не на Гарибальди (его я надѣялась видѣть у насъ), а на народные восторги. Они дѣйствительно не охладѣли во все время пребыванія Гарибальди въ Лондонѣ. Съ этой цѣлью я поѣхала въ Лондонъ съ Герценомъ. Когда Гарибальди ѣздилъ по городу, навѣщая своихъ друзей или знакомыхъ, толпа, узнавъ его, бѣжала за нимъ до цѣли его поѣздки и оставалась тамъ до его выхода. Мы вошли въ толпу, бѣжавшую за Гарибальди, и очутились противъ квартиры одной знакомой намъ англичанки, страстной мадзинистки, m-rs Hoccs. Слыша несмолкаемыя привѣтствія народа, m-rs Hoccs взглянула въ окно и увидала насъ. Она подозвала полицейскаго и, указавъ ему на Герцена въ круглой шляпѣ, просила провести насъ къ ней въ домъ. Полицейскій отвѣчалъ почтительно, что готовъ исполнить желаніе лэди, и вышелъ поспѣшно. Къ несчастію, впереди стоялъ какой-то господинъ, тоже въ круглой шляпѣ, и велъ подъ руку замѣчательно толстую даму. Полицейскій, принявъ ихъ за насъ, обратился къ нимъ, прося ихъ войдти въ домъ по приглашенію M-rs Hoccs. Они послѣдовали за полицейскимъ; увидя Гарибальди, наговорили ему тысячу любезностей, благодарили лэди, которая доставила имъ такое счастіе и пр., и удалились въ совершенномъ восторгѣ. M-rs Hoccs это происшествіе очень насмѣшило, она не рѣшилась послать вторично полицейскаго за нами.

Наконецъ въ одну изъ своихъ ежедневныхъ поѣздокъ въ Лондонъ, Герценъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе пригласить Гарибальди отобѣдать въ Тедингтонѣ. Но въ окружающихъ Гарибальди онъ встрѣтилъ большое сопротивленіе своему плану; республиканская извѣстность Герцена очень мѣшала въ глазахъ этихъ тайныхъ реакціонеровъ. Они стали доказывать генералу (какъ они называли Гарибальди), что онъ не можетъ успѣть быть въ Тедингтонѣ. Генералъ пріѣхалъ всего на пять дней, и всѣмъ днямъ росписаніе было уже сдѣлано; но на этотъ разъ Гарибальди удивилъ всѣхъ своей настойчивостью. «Герценъ давнишній другъ, сказалъ онъ, какъ бы то ни было, я буду у него».

*

— Но карета не можетъ поспѣть... началъ было одинъ изъ его клевретовъ.

— Не безпокойтесь о каретѣ, возразилъ Герценъ, я пріѣду въ каретѣ за Гарибальди, и мы вмѣстѣ отправимся въ ней въ Тедингтонъ.

Такъ это и устроилось вопреки волѣ распорядителей.

Собираясь въ Тедингтонъ, Гарибальди поручилъ кому-то изъ болѣе важныхъ приближенныхъ, не помню кому именно, кажется, своему доктору, узнать у англійскаго министра, не будетъ ли непріятно англійскому правительству, если онъ приметъ приглашенія, присланныя ему рабочимъ классомъ изъ разныхъ промышленныхъ городовъ Англіи.

Теперь мнѣ остается разсказать о нашемъ праздникѣ.

Получивъ обѣщаніе Гарибальди быть непремѣнно въ Тедингтонѣ въ условленный день, Герценъ отправился къ трактирщику Кюну и заказалъ ему обѣдъ къ назначенному дню. Этотъ заказъ потребовалъ много времени, потому что Герценъ желалъ выбрать самъ нѣсколько итальянскихъ блюдъ; а Кюнъ, необыкновенно польщенный, что выборъ Герцена палъ именно на него, предлагалъ и то, и другое, былъ многорѣчивъ и вмѣстѣ такъ веселъ и забавенъ, что Герценъ съ трудомъ удержался отъ смѣха и вырвался наконецъ отъ Кюна, говоря, что вполнѣ довѣряетъ ему во всемъ. Потомъ Герценъ заѣхалъ къ Тхоржевскому, далъ ему нѣсколько порученій для нашего обѣда и разсказалъ ему о назначенномъ днѣ для праздника въ Тедингтонѣ Очень радуясь успѣху Герцена, Тхоржевскій сказалъ, что пріѣдетъ въ этотъ день съ утра, чтобъ помочь въ чемъ-нибудь по дому. Оттуда Герценъ заѣхалъ къ Мадзини, разсказалъ ему подробно о борьбѣ съ окружающими Гарибальди и о своей побѣдѣ надъ ними. Мадзини былъ очень доволенъ, что все такъ уладилось. Герценъ далъ ему полное право приглашать изъ итальянской эмиграціи всѣхъ, кого желаетъ самъ видѣть въ Тедингтонѣ. Мадзини былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Онъ радовался, что увидитъ Гарибальди запросто и безъ всякихъ оффиціальныхъ помѣхъ. Герценъ сказалъ ему, что звалъ Саффи съ женой, встрѣтя ихъ у Гарибальди, и разстался съ нимъ спѣша домой.

Чѣрнецкій, какъ ближайшій нашъ сосѣдъ, пришелъ вечеромъ по

дѣламъ типографіи и, услыша вѣсть о нашемъ обѣдѣ, обѣщалъ прійти пораньше съ Маріанной, которая могла много мнѣ помочь въ распоряженіяхъ по хозяйству.

Помню, что въ день праздника, взглянувъ въ окно рано по утру, я увидѣла огромную фуру, ѣхавшую съ желѣзной дороги прямо къ намъ. Фура была послана Кюномъ, который отправилъ къ намъ все, что нужно для приготовленія обѣда у насъ. Всевозможныя провизіи, закуску, дессерты, вина, купленныя самимъ Александромъ Ивановичемъ, и между которыми помню бѣлую марсалу, долженствовавшую напомнить дорогому гостю о родинѣ его Ниццѣ, откуда и она была. Разумѣется, были присланы и повара, и прислуга.

Приглашенные были большею частью итальянцы, англичанки-мадзинистки и нѣсколько поляковъ. Русскихъ, кажется, не было, потому что въ то время не было пріѣзжихъ изъ Россіи въ Лондонѣ. Какой-то итальянскій патріотъ, кондитеръ или поваръ, уже очень старый, просилъ, какъ милость у Герцена позволенія приготовить дессертъ. Онъ сдѣлалъ мороженое: на красной скалѣ былъ представленъ шоколадный конь и на немъ всадникъ, у котораго вмѣсто знамени было въ рукѣ (ліонской работы) изображеніе Гарибальди, тисненное сѣрымъ и краснымъ шелкомъ. Вечеромъ, когда мы усталые расходились по своимъ комнатамъ, Герценъ снялъ съ мороженаго изображеніе Гарибальди и сказалъ мнѣ: «спрячь его въ воспоминаніе нашего праздника; мнѣ грустно только, что старшихъ дѣтей не было тутъ въ этотъ день!»

Этотъ снимокъ, несмотря на мои переѣзды и скитанія, сохранился у меня до сихъ поръ.

День праздника былъ для меня совершенно испорченъ одной непріятной случайностью. Вставъ рано въ этотъ день и напившись наскоро кофе, я присутствовала при завтракѣ дѣтей, а потомъ сошла внизъ и стала приводить все въ порядокъ: разставляла мебель съ горничной, какъ мнѣ казалось удобнѣе, убирала забытыя дѣтскія игрушки и пр. Огаревъ имѣлъ привычку вставать гораздо позже всѣхъ въ домѣ и пилъ кофе одинъ; но обыкновенно, услыша, какъ онъ звонитъ въ столовой, чтобъ Жюль подалъ ему горячій кофе, Герценъ сходилъ къ нему съ «Теймсомъ» въ рукѣ и передавалъ ему

новости, толковалъ съ нимъ о типографіи и оставался почти во все время съ нимъ. Въ этотъ день Герценъ ночевалъ въ Лондонѣ и долженъ былъ пріѣхать только въ шестомъ часу съ Гарибальди. Поэтому Огаревъ пилъ кофе одинъ; моя старшая дочь, тогда пятилѣтній ребенокъ, побѣжала за нимъ въ столовую. При ней случилось то, чего я всегда боялась: Огаревъ вдругъ упалъ въ припадкѣ эпилепсіи. Онъ былъ въ продолженіе всей жизни подверженъ этимъ припадкамъ. Малютка этого никогда не видала, вѣроятно испугалась и со слезами побѣжала искать меня. Ей встрѣтился Жюль; удивленный ея слезами, онъ сталъ ее разспрашивать, но она отвѣчала только, что ей нужно меня, а чтобъ онъ шелъ скорѣе въ столовую къ Огареву. Оказавши послѣднему нужную помощь, Жюль позвалъ меня; тогда моя дочь уже не плакала: «бѣдный папа, сказала она мнѣ на ухо, онъ упалъ». Испуганная ея смущеннымъ видомъ, я взяла ее за руку и ушла съ ней въ поле, чтобъ развлечь и успокоить ее. Мысль о праздникѣ совершенно вылетѣла у меня изъ головы. Когда мнѣ показалось, что она спокойна, мы вернулись домой. Гости уже начинали съѣзжаться; Маріанна хлопотала съ Жюлемъ въ столовой, разставляя вазы съ фруктами, цвѣты; дѣти играли въ саду.

Въ шестомъ часу парная карета подъѣхала къ садовой калиткѣ. Толпа народа, вѣроятно изъ Тедингтона и окрестныхъ мѣстъ, узнавъ, что ждутъ къ намъ Гарибальди, спѣшила за своимъ любимцемъ и со всѣхъ сторонъ окружила экипажъ. Нѣкоторыя лица движеніемъ толпы были вытѣснены съ улицы въ садовую калитку. Герценъ вышелъ первый, ему жали руки; одна дама даже поцѣловала его въ плечо. Когда Гарибальди, опираясь на новую трость, ступилъ на мостовую, раздался радостный возгласъ: «Vive Garibaldi, well come!» Гарибальди снялъ шляпу и кланялся во всѣ стороны; выраженіе его кроткаго лица было исполнено любви и радости; онъ былъ изъ народа и искренно радовался народнымъ восторгамъ.

Когда Гарибальди въ сопровожденіи Герцена вошелъ въ домъ, Мадзини вышелъ ему на встрѣчу, и они дружески пожали другъ другу руку. Начались представленія нѣкоторыхъ лицъ неизвѣстныхъ еще Гарибальди; потомъ обмѣнъ привѣтствій со всѣми. Вошли въ гостиную, но не успѣли въ ней хорошенько разговориться, какъ

вошелъ Жюль и доложилъ, что кушанье подано. Герценъ такъ распорядился потому, что зналъ, что Гарибальди не могъ долго оставаться у насъ. За обѣдомъ Гарибальди казался очень доволенъ, даже веселъ. «Какъ мнѣ хорошо у васъ, Герценъ, говорилъ онъ, тутъ нѣтъ ни этикета, ни стѣсненья; кругомъ друзья, итальянцы. Даже въ выборѣ блюдъ и винъ я знаю вниманіе друга Герцена; онъ хотѣлъ напомнить мнѣ мою родину». Когда подали марсалу, Гарибальди всталъ съ бокаломъ въ рукѣ. Лицо его просіяло тѣмъ ему присущимъ выраженіемъ любви и кротости. «Была печальная эпоха, сказалъ онъ, когда Италія, скованная, дремала, чувствуя свое безсиліе, одинъ человѣкъ не спалъ; этотъ человѣкъ—Мадзини, мой учитель; онъ разбудилъ насъ, я пью за его здоровье!»

Тогда все зашумѣло, загремѣло, всѣ встали съ своихъ мѣстъ, чокались, говорили съ оживленіемъ, у многихъ были слезы на глазахъ. То, чего такъ пламенно желала партія Мадзини, совершилось публично. Потомъ было сказано не мало рѣчей, и Россію не забыли. Ей предсказывали блестящую будущность, провозглашали тосты за осуществленіе всѣхъ этихъ пожеланій. Потомъ перешли опять въ гостиную. Тамъ стояло уже мороженое, о которомъ я говорила. Старикъ-итальянецъ, подавшій его, схватилъ руку Гарибальди и прильнулъ къ ней губами. Онъ крѣпко жалъ ее обѣими руками и говорилъ сквозь слезы, что онъ сражался въ Неаполѣ съ Гарибальди. Послѣдній обнялъ старика и улыбнулся ему своей особенной улыбкой. Старикъ удалился, сказавъ, что теперь можетъ спокойно умереть; желаніе его увидать еще разъ Гарибальди исполнилось наконецъ.

Вдругъ меня вызываютъ въ переднюю. Тамъ стоялъ хозяинъ нашего дома. «Пожалуйста представьте меня генералу», говоритъ онъ мнѣ. Но я не рѣшаюсь, жалѣю безпокоить дорогаго гостя и боюсь неудовольствія Герцена. Къ счастію, послѣдній выходитъ въ эту минуту, я передаю ему просьбу доктора Clariton'а. Герценъ тоже отказывается исполнить докучную просьбу англичанина. Тогда послѣдній отважно входитъ самъ въ салонъ и представляется Гарибальди и, мало того, проситъ Гарибальди послѣдовать за нимъ въ садъ, чтобъ посадить тамъ одно деревцо. Герценъ не хотѣлъ этого допустить, говорилъ, что у Гарибальди болитъ нога; но по-

слѣдній уже всталъ и сказалъ съ добродушной улыбкой доктору Clariton'у, что онъ готовъ исполнить его желаніе. Я проводила Гарибальди въ садъ, тамъ уже былъ Clariton, опередившій насъ, и деревцо было уже тамъ и ямка была готова. Съ тѣхъ поръ домъ нашъ сталъ называться «Garibaldi's house». Посадивши деревцо, Гарибальди вернулся въ гостиную и усѣлся на диванѣ попокойнѣе; а дамы окружили его, многія изъ нихъ стали на колѣни около него, а я стояла облокотившись на спинку кресла. Хотя я раздѣляла ихъ восхищеніе и симпатію къ Гарибальди, но мнѣ не нравилось это колѣнопреклоненное положеніе. Это видимо стѣсняло нашего гостя; онъ просилъ дамъ сѣсть, но онѣ восторженно отвѣчали, что имъ хорошо и что онѣ никому не уступятъ своихъ мѣстъ.

Мнѣ очень памятенъ разговоръ, который завязался тогда. Обращаясь къ Герцену, Гарибальди сказалъ: «Мнѣ такъ хорошо здѣсь такъ отрадно, сегодня особенно, я такъ счастливъ съ пріѣзда въ Англію, вообще мнѣ такъ хорошо, что я боюсь, мнѣ страшно, потому что такое настроеніе духа уже два раза въ моей жизни смѣнялось на очень мрачное; такъ было передъ кончиной моей жены Аниты, потомъ передъ кончиной матери, вы помните, Герценъ?» «Подумайте, пріѣзжаю въ Англію, и вдругъ этотъ неслыханный пріемъ и кто же! англійскій народъ, котораго считаютъ за холоднаго; и онъ такъ принималъ меня, простаго рыбака, моряка. Я понимаю, что это незаслуженно; но послѣ этого всего надо ожидать что-нибудь тяжелое, а то человѣкъ забылся бы, сошелъ съ ума»...

Это предчувствіе не обмануло стараго вождя. Едва онъ успѣлъ возвратиться въ Лондонъ, какъ услышалъ отвѣтъ англійскаго министра. Гарибальди позволяли принять четыре или пять приглашеній не болѣе, находили, что здоровье генерала не позволяетъ ему такъ много разъѣзжать и пр.

— Но я чувствую себя очень хорошо, какъ никогда, отвѣчалъ удивленный Гарибальди.

— Нѣтъ, генералъ, вы заблуждаетесь, возразилъ знаменитый врачъ, присланный отъ министра, вамъ хуже, прибавилъ онъ тихо, почтительно наклоняясь.

Гарибальди задумался; помолчавъ, онъ сказалъ: «если я не

могу принять всѣхъ приглашеній, я не приму никакихъ и готовъ уѣхать завтра же обратно.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не желаютъ, надо пробыть еще нѣсколько дней, уѣхать такъ поспѣшно неловко, сказалъ медикъ.

И Гарибальди подчинился этому требованію и согласился остаться. Опять съ утра музыка играетъ, неутомимые лорды и лэди представляются; Гарибальди по-прежнему поднимается и кланяется; но его свѣтлое настроеніе уже отлетѣло навсегда; онъ остался на нѣсколько дней, но ужь это не Гарибальди, а автоматъ.

Газеты наполнены извѣстіями о плохомъ состояніи здоровья героя и о его скоромъ отъѣздѣ на Капреру. Англійскій народъ ловко обманутъ. Бѣднякъ, узналъ ли онъ хоть когда-нибудь, какъ его любимецъ дорогой гость Англіи дорожилъ именно его любовью, его призывомъ и какъ герою не позволили отдаться этому чувству счастія. Мрачный, задумчивый Гарибальди оставилъ Англію, закутанную въ непроницаемые туманы, и возвратился на свой маленькій островъ, облитый теплыми лучами южнаго солнца. Прощаясь съ Герценомъ на дебаркадерѣ, Гарибальди сказалъ ему: «Пріѣзжайте ко мнѣ въ гости съ семьей, это будетъ отлично». Посѣщеніе Гарибальди не принесло всѣхъ плодовъ, ожидаемыхъ мадзинистами. Правда, англійская аристократія хотѣла собрать большой капиталъ и купить землю въ Капрерѣ, чтобъ весь островъ принадлежалъ Гарибальди и впослѣдствіи его сыновьямъ. Но старый вождь, благодаря за предложеніе, отказался отъ такого царскаго подарка. «Не въ богатствѣ будетъ ихъ счастіе, сказалъ онъ; я приму ваше пожертвованіе, если вы дадите сумму на нужды нашей матери Италіи». Но аристократія, боясь революціоннаго духа, отказала наотрѣзъ исполнить желаніе чтимаго гостя.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Гарибальди изъ Англіи, Герценъ, пробѣгая по обыкновенію газеты по утру, сказалъ мнѣ: «Вотъ новость! твой дядя скончался послѣ трехдневной болѣзни: разрывъ сердца».

Эта вѣсть меня очень поразила, и слышать это, какъ газетную новость! Я не только жалѣла дядю, котораго любила и уважала, и знала, что дѣятельность его не безплодна, но я особенно жалѣла о моемъ отцѣ, который горячо любилъ брата и терялъ въ немъ друга. Я не могла думать безъ ужаса о его горѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ

суевѣрная мысль овладѣла мной. Вотъ смерть постучалась къ намъ; теперь надо ждать еще и еще удары, такъ было въ нашей семьѣ, такъ бываетъ обыкновенно...

Въ подтвержденіе горестной вѣсти, получены были наконецъ письма отъ моего отца и отъ тети Маріи Алексѣевны. Она разсказывала о быстромъ ходѣ болѣзни, о томъ, что послѣ кончины дяди нечѣмъ было похоронить его. Такъ какъ жалованье было взято впередъ, то вдова его, Елизавета Ивановна Тучкова, возвратила деньги въ казну. Тогда Москва показала, какъ она умѣла цѣнить службу и попеченія своего безкорыстнаго генералъ-губернатора (вѣроятно, Москва не часто была избалована такими преданными личностями, какъ дядя). Городъ собралъ большую сумму (не помню цифры), изъ которой сдѣлали похороны, поставили памятникъ, а изъ остатковъ соорудили памятникъ нетлѣнный: четыре стипендіи въ Московскомъ университетѣ, именуемыя тучковскими стипендіями.

Мы были еще въ Тедингтонѣ, когда въ августѣ или въ сентябрѣ насъ навѣстилъ Alfred Talandier, пріятель Герцена и горячій его поклонникъ. Talandier жилъ въ Лондонѣ уроками музыки, французскаго языка, литературы и исторіи. Но онъ скучалъ среди праздныхъ французскихъ эмигрантовъ и сталъ искать каѳедры, тѣмъ болѣе, что онъ женился, имѣлъ уже маленькую дочку, а уроковъ было недостаточно для семейной обстановки. Послѣ многихъ хлопотъ и, кажется, при содѣйствіи Герцена, онъ получилъ наконецъ мѣсто преподавателя французскаго языка и литературы въ военномъ учебномъ заведеніи въ Сентгерсѣ. Иногда Talandier бралъ отпускъ и посвящалъ все свободное время Герцену, котораго любилъ болѣе всѣхъ въ Лондонѣ. Помню, что въ этотъ пріѣздъ мы гуляли съ нимъ въ полѣ. Дѣти мои рвали весело ежевику, покрывавшую сплошными ягодами живую городьбу, а мы, ходя по дорогѣ, бесѣдовали о всемъ, что было въ его отсутствіе. Я разсказала ему о своей утратѣ, говорила ему, что не могу преодолѣть въ себѣ какого-то чувства опасенія за близкихъ, и спросила, что онъ думаетъ объ этомъ. Вмѣсто того, чтобъ меня успокоить, Talandier согласился со мной. По его замѣчаніямъ, несчастье рѣдко бываетъ безъ повтореній. Мы повернули и тихо пошли къ дому; дѣти ве-

село бѣжали за нами. Впослѣдствіи я не разъ вспоминала эту прогулку, этотъ разговоръ.

Послѣ годоваго пребыванія въ Тедингтонѣ, мы провели лѣто у моря въ Борнмаусѣ. Туда пріѣхала Мальвида фонъ Мейзенбугъ съ дочерьми Герцена. Тутъ въ послѣдній разъ въ Англіи, мы собрались всѣ; но объ этомъ пребываніи ничего не могу передать, потому что не было ничего общеинтереснаго. Вкусивши жизни въ Италіи, ни Мальвида, ни дѣти не хотѣли слышать о какой-нибудь перемѣнѣ. Иногда Герценъ ѣздилъ къ нимъ въ Италію на мѣсяцъ или на два; его мечта была, чтобъ сынъ его женился на образованной дѣвушкѣ и чтобъ сестры могли жить съ братомъ, но этой мечтѣ не суждено было осуществиться.

По возвращеніи въ Лондонъ, Герценъ сталъ подумывать о перенесеніи типографіи въ Женеву, т. е. о переѣздѣ на континентъ. Съ польскаго возстанія, «Колоколъ» не расходился по-прежнему; изъ Россіи присылалось меньше рукописей, чѣмъ бывало. Это видимо огорчало Герцена. «Мы стары, говорилъ онъ, нигилисты считаютъ насъ за реакціонеровъ, пора честь знать, пора заняться какой-нибудь большой работой». Но Огаревъ не унывалъ. Онъ думалъ, что въ Швейцаріи будетъ болѣе пріѣзжихъ русскихъ, и дѣло типографіи опять закипитъ.

Пока Герценъ и Огаревъ приводили въ порядокъ всѣ дѣла, готовясь къ отъѣзду, я поѣхала въ Парижъ съ дѣтьми, думая, что легче туда пріѣхать изъ Россіи моимъ роднымъ для свиданія со мной. Я не боялась парижскаго климата для дѣтей, полагая, что Парижъ и Лондонъ почти одинаковы въ санитарномъ отношеніи.

Тутъ разразился надъ моей головой такой ударъ, отъ котораго я долго не могла опомниться и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ все переѣзжала съ мѣста на мѣсто и нигдѣ не могла успокоиться.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ГЛАВА XIX [1]).

Выдѣлъ сестеръ князя Александра Ивановича.—Ольга Ивановна Давыдова.—Княгиня Леонила Ивановна Витгенштейнъ. — Религіозность этихъ дамъ.—Сестра князя—англичанка Елисавета.—Неудачный процессъ князя по поводу ея съ англичанами. — Оппозиція нашимъ дѣйствіямъ по раздѣлу со стороны княгини Маріи Θедоровны.—Комитетъ, который долженъ былъ разсмотрѣть эти дѣйствія.—Блистательное, въ пользу нашу, заключеніе этого комитета.—Планы князя возвратить въ составъ родоваго имѣнія части, выдѣленныя матери и теткѣ, графинѣ Толстой.—Неудача этихъ плановъ.

Такимъ образомъ главные шаги по исполненію общаго фамильнаго плана князя Александра Ивановича были сдѣланы. Оставалось привести въ порядокъ наслѣдственныя отношенія къ его сестрамъ: Ольгѣ Ивановнѣ Давыдовой и княгинѣ Леонилѣ Ивановнѣ Витгенштейнъ.

Выше сказано, что Ольгѣ Ивановнѣ, прежде нежели князь Александръ достигъ совершеннолѣтія и создалъ этотъ планъ, отдѣлена уже была въ натурѣ часть Курскаго имѣнія. Какъ только князь Александръ взялъ бразды правленія, онъ тотчасъ воротилъ эту часть опять въ составъ общаго имѣнія, а взамѣнъ ея выдалъ векселя на сумму, равняющуюся ея стоимости. Эта именно сумма и составила тотъ долгъ Давыдову, погашенія котораго князь такъ настоятельно требовалъ въ письмахъ ко мнѣ.

Княгинѣ Витгенштейнъ недвижимаго имѣнія выдѣляемо не было, и она получила свое приданое деньгами. Мужъ ея, князь Левъ Витгенштейнъ, казался мнѣ самымъ любезнымъ человѣкомъ, и личныя

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1894 г., ноябрь.

мои сношенія съ нимъ отличались особенною любезностью. У меня сохранились нѣкоторыя изъ его писемъ, но въ нихъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, и всѣ они имѣли большею частію слѣдующій характеръ: «Покорно прошу извѣстить меня: отъ котораго числа вы получили послѣднее письмо отъ князя Александра Ивановича, откуда и что онъ пишетъ о своемъ возращеніи сюда?» Князь Витгенштейнъ рѣдко показывался въ Петербургѣ; однажды только онъ долго жилъ здѣсь по процессу, который велъ, кажется, съ какимъ-то графомъ Тышкевичемъ. Процессъ этотъ въ свое время производилъ большой шумъ въ Петербургѣ. Извѣстно, что онъ на княжнѣ Барятинской женился во второй разъ, а прежняя жена его была знаменитая княгиня Радзивиллъ, принесшая ему огромныя имѣнія и какія-то тоже огромныя права на другія имѣнія, вслѣдствіе которыхъ князь Витгенштейнъ, при содѣйствіи нѣкоего Кожуховскаго, успѣлъ выиграть массу выгодныхъ дѣлъ. Этого Кожуховскаго, получившаго за это дѣло 1 или 2 т. душъ и сдѣлавшагося такимъ образомъ тоже богатымъ человѣкомъ, я также видѣлъ въ Петербургѣ постоянно вертѣвшимся около князя Витгенштейна, въ родѣ собаченки. Какими внутренними достоинствами обладалъ этотъ Кожуховскій, я не знаю, но по виду это была гнусная и подленькая фигурка польскаго шляхтича самаго низшаго разбора. Ясно было, что самъ Витгенштейнъ не имѣлъ къ нему никакого уваженія, потому что часто, при другихъ, хлопалъ его по лысинѣ ладонью, на что тотъ подло и униженно улыбался.

Какъ Давыдова, такъ и княгиня Витгенштейнъ, повидимому, проникнуты были страшною религіозностью. Ольга Ивановна, кажется, по шести разъ пріобщалась въ теченіе великаго поста, а у Леонилы Ивановны, просто, какъ говорится, зашелъ умъ за разумъ, такъ что, оставивъ православіе, она перешла въ католическую вѣру. Ольга Ивановна имѣла симпатичное, но простое лицо, не представлявшее особенной красоты, тогда какъ Леонила Ивановна и на мои глаза, и по убѣжденію князя Александра Ивановича, была блестящей красавицей. Стройная, смуглая, бойкая, она, подобно князю Виктору, имѣла видъ великолѣпной италіанки. У Ольги Ивановны была куча дѣтей мужскаго и женскаго пола, и все крайне некрасивыхъ, при чемъ отцовскій наслѣдственный носъ игралъ замѣтную

роль. Старшіе два сына, которыхъ я зналъ еще дѣтьми и весьма уродливыми, впослѣдствіи выравнялись немного, служили при князѣ на Кавказѣ и скоро сдѣланы были флигель-адъютантами. Были ли дѣти у княгини Леонилы Ивановны, я не знаю, потому что Витгенштейны почти постоянно жили въ заграничныхъ своихъ имѣніяхъ; но знаю, что у князя Витгенштейна собственно былъ сынъ, оставшійся отъ прежней жены, Радзивиллъ, блестящій молодой человѣкъ, именуемый «Питеромъ». Онъ былъ военнымъ агентомъ нашимъ въ Парижѣ и въ особенности извѣстенъ былъ тѣмъ, что страшно разорялся на знаменитѣйшую изъ камелій, извѣстную всему Петербургу «Розалію Леонъ».

Все это я долженъ, удерживаясь за нить фамильныхъ дѣлъ, заключить тѣмъ, что Ольга Ивановна Давыдова (3 августа 1844 г.) и княгиня Леонила Ивановна Витгенштейнъ (22 мая того же года) выдали намъ совершенные въ той же Петербургской палатѣ гражданскаго суда акты такого содержанія, что, получивъ все, что имъ слѣдовало по наслѣдству изъ отцовскихъ имѣній, онѣ остаются своимъ выдѣломъ совершенно довольны и болѣе ничего, ни онѣ сами, ни наслѣдники ихъ, въ счетъ слѣдующихъ имъ частей, требовать не должны.

Была еще сестра у князя—Елисавета, оставшаяся послѣ перваго брака отца его, князя Ивана Ивановича, съ лэди Шернборнъ. Извѣстно было, что дѣвушка эта была хронически больная и оставалась на попеченіи своихъ англійскихъ родственниковъ съ материнской стороны. Князя Александра, при исполненіи общаго его плана фамильныхъ дѣлъ, обстоятельство это сильно тревожило. Замѣтно было, что онъ боялся, что въ лицѣ этой сестры явятся англичане, предъявятъ претензію на имѣніе и перепутаютъ всѣ наши предначертанія. Подъ вліяніемъ этого опасенія, князь рѣшился самъ затѣять съ ними процессъ, подробностей котораго я не знаю, но общая цѣль котораго, сколько мнѣ извѣстно, заключалась въ томъ, чтобъ отнять эту дѣвушку у англичанъ и взять на свое попеченіе. Вотъ выписки изъ нѣкоторыхъ писемъ князя по этому предмету:

Отъ 19 (31) октября 1843 г. князь изъ Лондона писалъ мнѣ, между прочимъ: «Мнѣ нужны сюда отъ 20 т. до 25 т. р. асс. на счетъ княжны Елисаветы Ивановны, для которой у меня здѣсь очень

важный процессъ, который стоитъ много денегъ. Князь Анатолій Ивановичъ изъяснитъ вамъ важность сего дѣла и пребыванія моего здѣсь. Вся прошлая посылка уйдетъ вѣроятно расходомъ на это дѣло, и мнѣ не останется чѣмъ жить, если вы скоро не подошлете резервы».

Отъ 7 января 1844 г. изъ Лондона же: «Любезный В. А. Я скоро ожидаю конца моему процессу и надѣюсь—въ мою пользу. Прошу прислать мнѣ на подъемъ, на расплату и на возвращеніе, какъ можно скорѣе, денегъ. Не зная вашихъ теперешнихъ способовъ, предоставляю опредѣленіе количества совершенно на вашу совѣстливость».

Отъ 11 (23) марта оттуда же: «Процессъ въ первой инстанціи проигранъ; не знаю, какъ будетъ во второй; станетъ онъ весьма дорого, а проку можетъ и не будетъ»...

По всей вѣроятности сюда же относится и слѣдующее письменное приказаніе князя, полученное мною въ имѣніи, во время первой моей поѣздки туда въ 1843 году: «. . . Въ случаѣ нынѣшнимъ лѣтомъ явятся любопытные иностранные путешественники и захотятъ увидать заведеніе и устройство экономіи, то не велите имъ ничего показывать, отговариваясь, что безъ моего особеннаго приказанія это невозможно. Прикажите, впрочемъ, обходиться съ ними вѣжливо». Но англичане осматривать имѣніе князя не пріѣзжали, никакихъ претензій не предъявляли, отнять у нихъ княжну Елисавету не дозволили, и все это дѣло заключено особымъ актомъ, въ той же Петербургской палатѣ совершеннымъ, по которому князь Александръ обязался, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ все имѣніе, принять удовлетвореніе княжны Елисаветы, если бы таковое представилось необходимымъ, на полную свою отвѣтственность, не привлекая уже къ тому никого изъ братьевъ и сестеръ.

Я, кажется, сказалъ уже, что общій планъ князя по устройству фамильныхъ дѣлъ подвергался различнымъ толкамъ и сомнѣніямъ. Многіе находили этотъ планъ положительно фантастическимъ и неосуществимымъ. Понятно, что и мои дѣйствія по исполненію этого плана сопровождались сомнѣніемъ и недовѣріемъ, которыя усиливались постепенно, по мѣрѣ того, какъ я подвигался къ окончанію задачи. Большая часть этихъ сомнѣній принадлежала княгинѣ Марьѣ

Өедоровнѣ. Съ одной стороны она увлекалась воззрѣніями и убѣжденіями старика Векрота, котораго она считала непогрѣшимымъ авторитетомъ; съ другой—она не могла помириться съ мыслью, что любимецъ ея, князь Викторъ, можетъ считаться правильно отдѣленнымъ, когда онъ получилъ одно только Херсонское имѣніе, на которое она вмѣстѣ со всѣмъ населеніемъ Курскаго имѣнія, среди котораго такъ долго жила, привыкла смотрѣть съ омерзѣніемъ. Сомнѣнія княгини, конечно, раздѣляли многіе изъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ ея, по убѣжденію, или изъ одной угодливости—это другой вопросъ. Какъ бы то ни было — эти сомнѣнія, это недовѣріе стало тревожить самого князя, столь возвышеннаго относительно всѣхъ матеріальныхъ интересовъ. Это колебаніе стало проявляться и въ его объясненіяхъ со мной, колебаніе, тѣмъ болѣе понятное, что онъ постоянно плавалъ на верху всѣхъ дѣлъ и не могъ имѣть положительнаго знанія или убѣжденія, все ли чисто и хорошо внизу. Осаждаемый и быть можетъ въ душѣ оскорбляемый недовѣрчивымъ участіемъ непрошенныхъ контролеровъ, а съ другой стороны тѣснимый моими доводами, соображеніями, доказательствами нелѣпости этого недовѣрія, князь прибѣгнулъ къ любимой имъ штукѣ, впослѣдствіи часто употребляемой имъ въ административномъ мірѣ Кавказа: онъ призналъ за благо учредить особый комитетъ, для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣла и отдать меня на съѣденіе этому комитету, устраняя себя отъ всякаго личнаго въ немъ участія. Однимъ словомъ, онъ какъ будто говорилъ: «все сдѣлалъ Инсарскій, а не я; разберите: правильны ли его дѣйствія!»

Княгинѣ предложено было избрать представителя ея воззрѣній и убѣжденій, и выборъ ея палъ на генералъ-адъютанта князя Алексѣя Яковлевича Лобанова-Ростовскаго, который считался ея другомъ. Князя Лобанова я очень хорошо зналъ лично и постоянно имѣлъ съ нимъ сношенія по продажѣ нашихъ хлѣбовъ на его Орловскіе винокуренные заводы. Говорили, что онъ вообще былъ человѣкъ, отличавшійся жестокостью; но я никакихъ опытовъ его жестокости не знаю и постоянно видѣлъ въ немъ человѣка любезнаго и дѣловаго, а это послѣднее свойство мнѣ болѣе всего было нужно, ибо я по опыту зналъ, какъ тягостно и неудобно имѣть дѣло съ дураками. Нашимъ представителемъ явился, разумѣется, князь Левъ

Кочубей, человѣкъ тоже умный и опытный. Въ этомъ комитетѣ должны были присутствовать всѣ братья князя, а я обязанъ былъ изложить всѣ мои подвиги. Едва-ли нужно говорить, что, какъ ни глубоко я былъ убѣжденъ въ правильности моихъ дѣйствій по отношенію къ данной мнѣ задачѣ, тѣмъ не менѣе я не могъ сохранять безмятежнаго спокойствія, зная, также по опыту, что умъ человѣческій составляетъ орудіе, хотя весьма сильное, но весьма разнородное въ своихъ проявленіяхъ и что часто какой-нибудь важный баринъ, единственно для того, чтобъ отличиться, начнетъ ломаться и пороть дичь и, сбивъ съ толку другихъ, запутаетъ и испортитъ все дѣло.

Наконецъ день этого знаменитаго засѣданія насталъ. Утромъ 11 декабря 1845 г. я получилъ отъ князя Владиміра слѣдующую записку: «Спѣшу васъ извѣстить, что совѣщаніе наше должно совершиться сегодня, въ часъ по-полудни у князя Алексѣя Яковлевича Лобанова, въ присутствіи его и князя Льва Викторовича Кочубея. Не угодно ли вамъ взять съ собою всѣ бумаги, относящіяся къ нашему раздѣлу...». Въ этотъ день, какъ нарочно, я чувствовалъ себя очень нехорошо. Но я сознавалъ, что какой бы дѣйствительный и истинный предлогъ моего уклоненія отъ участія въ этомъ засѣданіи я ни привелъ, онъ не имѣлъ бы никакой силы, и мое уклоненіе отнесено было бы къ моей трусости предстать предъ этимъ комитетомъ и представить ему сущность дѣла.

Въ этомъ сознаніи, я рѣшился, хотя бы полумертвый, явиться въ комитетъ. Предъ отъѣздомъ туда, я заѣхалъ къ князю Александру Ивановичу, который, напутствуя меня, какъ посторонній, своими добрыми пожеланіями, просилъ о рѣшеніи комитета увѣдомить его тотчасъ и для этого оставить нѣсколько словъ въ квартирѣ Бетанкура, почтеннаго кавалерійскаго генерала и большаго пріятеля князя, потому что въ этотъ день онъ назначилъ у него обѣдать.

Съ лихорадочнымъ жаромъ, въ назначенный часъ, я явился въ комитетъ, гдѣ рѣшительно были уже всѣ и только ожидали моего прибытія. Я тотчасъ изложилъ сущность дѣла, представивъ присутствующимъ, что князья Барятинскіе, по особому соглашенію, до меня еще составленному, оцѣнили свои части въ 1.200 т. р.; что на этомъ основаніи князь Александръ Ивановичъ не только выпла-

тилъ князьямъ Владиміру и Анатолію эти капиталы, но сверхъ того князю Владиміру далъ домъ, стоющій приблизительно 300 т. руб., а за князя Анатолія принялъ на себя уплату долговъ его до 400 т. р.; что князь Викторъ, взамѣнъ капитала, самъ выразилъ желаніе получить Херсонское имѣніе, въ которомъ до 30 т. десят. земли и которое, сколько по близости къ Одессѣ, столько же и по размѣру доходовъ, какіе оно приноситъ, можетъ быть оцѣнено, приблизительно, полагая по 50 р. за десятину въ 1.500 т. руб. «Комитету»,—заключилъ я,—«предстоитъ рѣшить: правильны ли дѣйствія князя Александра Ивановича, который благодаренъ будетъ за всякое указаніе, какое комитету угодно будетъ сдѣлать, и готовъ тотчасъ исполнить все то, что признано будетъ комитетомъ справедливымъ».

Уже во время самаго доклада, яснаго, сжатаго и бойкаго, я слышалъ со стороны братьевъ князя подтвержденіе всего того, что я говорилъ, а со стороны главныхъ судей—шопотъ одобренія, такъ что, когда я кончилъ докладъ, я имѣлъ уже полное убѣжденіе, что дѣло наше выиграно. И, дѣйствительно, князь Лобановъ-Ростовскій и князь Кочубей тотчасъ уполномочили меня передать князю Александру Ивановичу, что дѣйствія его они признаютъ не только правильными, но и щедрыми въ высшей степени и что князь Викторъ Ивановичъ, по глубокому убѣжденію ихъ, не только не въ проигрышѣ противъ братьевъ, но несомнѣнно богаче ихъ, получивъ прекрасное имѣніе, которое съ каждымъ днемъ должно возрастать въ своей цѣнности.

Этотъ, въ высшей степени драгоцѣнный для меня отзывъ, столь блистательно оправдавшій всѣ наши дѣйствія, въ оцѣнкѣ которыхъ самъ князь Александръ Ивановичъ выказалъ замѣчательную слабость, я тотчасъ отвезъ, по уговору съ нимъ, въ квартиру Бетанкура, въ видѣ нѣсколькихъ словъ, набросанныхъ карандашомъ на лоскуткѣ бумаги. Едва-ли нужно говорить, въ какой степени князь былъ доволенъ такимъ результатомъ. Потомъ онъ говорилъ, что и Кочубей, и князь Лобановъ-Ростовскій передавали ему, какое блестящее впечатлѣніе произвелъ на нихъ мой докладъ, прибавляя, что «этотъ человѣкъ далеко пойдетъ».

Чтобы по возможности приблизиться къ заключенію моихъ раз-

сказовъ, собственно къ фамильнымъ дѣламъ князя относящихся, я долженъ замѣтить, что предначертанія его не ограничивались собственно сосредоточіемъ въ одно цѣлое только тѣхъ частей, которыя подлежали раздѣлу между братьями и сестрами. Соображенія его о сооруженіи зданія маіората въ родѣ Барятинскихъ обнимали несравненно обширнѣйшій кругъ. У него была мысль возвратить даже и то имѣніе, которое, какъ я выше сказалъ, дано было покойнымъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ сестрѣ своей и послѣ ея смерти досталось сыну ея, извѣстному графу Александру Николаевичу Толстому, долговязому спортсмену, котораго часто можно было видѣть на такой же долговязой англійской кобылѣ во всѣхъ улицахъ Петербурга. Мысль эта, разумѣется, передана была мнѣ для изысканія способовъ къ ея осуществленію и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщена была самому графу, который при первоначальныхъ соглашеніяхъ былъ готовъ передать свои «Деревеньки» (такъ называлось имѣніе), если будутъ опредѣлены соотвѣтственныя основанія и условія. Въ этихъ-то основаніяхъ и была вся задача. Князь Александръ Ивановичъ имѣлъ богатое воображеніе; но когда приходилось разработывать его мысль и примѣнять ее къ практикѣ, тутъ онъ былъ малосостоятеленъ. Затрудненія и неудобства, предъявляемыя этою практикою, только приводили его въ негодованіе и если ихъ нельзя было устранить, то онъ прямо обвинялъ того, кому сообщилъ свою идею для осуществленія. Оттого-то онъ и цѣнилъ тѣхъ, крайне немногихъ, людей, которые могли быстро схватывать его мысль и также быстро находили возможность ея примѣненія. Практическое примѣненіе мысли возвратить имѣніе отъ графа Толстаго страшно мучило меня и князя. Мы составляли различные проекты, передѣлывали, исправляли ихъ, помню даже, что ссорились нѣсколько разъ, наконецъ, подносили наши произведенія графу. На нашъ проектъ графъ дѣлалъ различныя замѣчанія, выставлялъ его неудобства и замѣнялъ его своимъ. Съ проектомъ графа мы дѣлали то же. Однимъ словомъ, работы и хлопотъ было много, но толку мало: дѣло не состоялось, и я даже не помню, на какихъ началахъ предназначалось, какъ съ той, такъ и съ другой стороны его совершить и на какихъ именно спорныхъ точкахъ эти стороны разъѣхались.

Также точно князь имѣлъ мысль возвратить имѣніе, выдѣлен-

ное княгинѣ Марьѣ Ѳедоровнѣ, и также точно составлялись проекты по этой части, основанные, сколько помню, на производствѣ княгинѣ, взамѣнъ имѣнія, пожизненныхъ платежей; но и это дѣло также не имѣло никакого успѣха. Нѣтъ сомнѣнія, что княгиня, столько же, какъ и князь, упорная въ своихъ убѣжденіяхъ, сохраняла, несмотря на заключеніе комитета, о которомъ я выше говорилъ, во всей неприкосновенности ту мысль, что любимецъ ея, князь Викторъ, все-таки обиженъ, противъ братьевъ, при общемъ раздѣлѣ, и потому рѣшилась вознаградить воображаемый ею ущербъ въ его достояніи своимъ имѣніемъ, которое, послѣ ея смерти, дѣйствительно и перешло, по сдѣланному ею завѣщанію, въ его владѣніе.

ГЛАВА XX.

Переселеніе князя Александра Ивановича на Кавказъ. — Недовѣріе его къ князю Воронцову.—Толки по поводу его перехода на Кавказъ.—Планы князя о своей женитьбѣ.—Громадные сборы къ переселенію.—Возня съ кучерами.—Капельмейстеръ и регентъ —Дютшъ – артистъ въ музыкальномъ и переносномъ смыслѣ.—Хлопоты мои съ нимъ.—Знаменитый день отъѣзда князя.—Проводы.—Толпы пріятелей.—Принцъ Александръ Гессенскій – братъ императрицы.—Фрейлина Гауке, по выраженію незнакомца—«Никитка».—Кутежъ на Средней Рогаткѣ.—Отплытіе флотиліи съ людьми и имуществомъ князя.

Возвратившись въ 1845 году съ Кавказа, послѣ знаменитой Даргинской или сухарной экспедиціи, князь мало жилъ въ Петербургѣ, а большею частію оставался заграницей. По возвращеніи оттуда, князь въ началѣ 1847 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и командиромъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, т. е. Кабардинскаго, одного изъ знаменитѣйшихъ кавказскихъ полковъ. Я живо помню, во-первыхъ, письма князя Воронцова къ князю Александру Ивановичу, которыми князь Воронцовъ предлагалъ ему, въ самыхъ лестныхъ и любезныхъ выраженіяхъ, это назначеніе; а во-вторыхъ, величайшее недовѣріе князя и къ этому предложенію, и особенно къ этимъ любезностямъ. Фактъ этотъ поразилъ меня въ высшей степени. Я никакъ не могъ понять, для чего и по какимъ убѣжденіямъ, князь Воронцовъ, намѣстникъ

кавказскій и главнокомандующій, будетъ предлагать молодому человѣку, хотя и другу наслѣдника, служить у себя и въ то же время скрывать въ этомъ предложеніи не только неискренность, но даже непріязненность къ этому человѣку. Въ своеобразномъ и до крайности подозрительномъ умѣ князя такое противорѣчіе укладывалось просто и было для него совершенно ясно. Когда я выражалъ князю свои недоумѣнія съ легкимъ намекомъ, что, по всей вѣроятности, онъ ошибается, князь замѣчалъ: «Полноте, вы его не знаете». Приводя это странное и немножко темное обстоятельство, я имѣю цѣлію заявить, что въ минуту назначенія князя полковымъ командиромъ и окончательнаго отправленія его на Кавказъ, князь Александръ Ивановичъ не имѣлъ къ князю Воронцову положительно ни довѣрія, ни привязанности и напротивъ ѣхалъ туда съ величайшими сомнѣніями. Но удивительнѣе всего то, что это недовѣріе и эти сомнѣнія, какъ послѣдствія показали, имѣли основаніе, и князь Александръ Ивановичъ не ошибался. Когда, чрезъ нѣсколько лѣтъ, князь, въ чинѣ генералъ-маіора, пріѣхалъ въ Петербургъ и когда наши бесѣды отличались продолжительностью и особенною откровенностью, князь горько жаловался на князя Воронцова. Чѣмъ объяснить все это? Я, въ моихъ размышленіяхъ, останавливался, между прочимъ, на слѣдующихъ предположеніяхъ: можно думать, что князь, въ стремленіи къ Кавказу и той блестящей карьерѣ, которую, въ своей безпримѣрной прозорливости могъ предвидѣть, прибѣгнулъ къ ходатайству наслѣдника, и князь Воронцовъ, подавляемый этимъ ходатайствомъ, вынужденъ былъ, противъ своей воли, пригласить князя къ себѣ на службу, не имѣя къ нему никакой личной симпатіи, или самъ государь почему-либо поручилъ князю Воронцову взять его къ себѣ на Кавказъ, и тотъ, волею-неволею, долженъ былъ дѣлать любезное предложеніе князю, который, зная таинственныя пружины, хорошо видѣлъ неискренность его любезностей и потому-то имъ не вѣрилъ. Но, подобно одному изъ героевъ Гоголя, я долженъ сказать, что «до всего этого я своимъ умомъ дошелъ», и не придаю моимъ умозаключеніямъ рѣшительно никакой достовѣрности. Достовѣрно то, что назначеніе князя на Кавказъ въ то время произвело большой шумъ въ Петербургѣ. Всѣ удивлялись, какимъ образомъ такой богатый и блестящій человѣкъ и другъ наслѣдника

рѣшается бросить Петербургъ съ его роскошью и удобствами, и придворную жизнь, въ которой онъ выросъ, и закабалиться на Кавказѣ. Многіе полагали, что это удаленіе невольное, что вообще безпрерывные разъѣзды князя за границу и на Кавказъ, и наконецъ, окончательное его туда назначеніе суть послѣдствія Высочайшей воли.

Сколько по характеру своему, до вредной степени искренному, столько и по близости отношеній, въ которыхъ я тогда находился къ князю, я однажды коснулся этого щекотливаго вопроса и передалъ ему общественные слухи, къ нему относящіеся... Князь долго молчалъ и потомъ сказалъ мнѣ: «Знаете, любезный Василій Антоновичъ, эти слухи меня погубятъ. Я вамъ скажу, откуда они идутъ».

«Однажды въ бытность мою заграницею въ какой-то дрянной нѣмецкой газетѣ былъ пущенъ какой-то нелѣпый слухъ. Изъ этой дурацкой газеты эта нелѣпость пошла бродить по свѣту и вредить мнѣ»... Трудно, конечно, думать, чтобы князь не имѣлъ сказать еще чего-нибудь по этой части; но еще труднѣе полагать, что мнѣ, простому и ничтожному человѣку, князь могъ передать всю истину и всѣ подробности этой, страшной, для него самого тайны. Сюда же, кажется, долженъ относиться милѣйшій и очаровательный разсказъ князя, извѣстный всѣмъ, кто только его зналъ, что онъ женится никакъ не раньше шестидесяти лѣтъ; что онъ женится отнюдь не для супружескихъ наслажденій, а только для того, чтобъ вмѣстѣ съ женой чай пить; что онъ возьметъ себѣ не какую-нибудь дѣвицу или даму непорочную, которая могла бы за всякую неосторожность своего супруга глаза ему выцарапать изъ любви и ревности, а какую-нибудь знаменитую и по роду, и по легкому поведенію барыню, которая прошла и испытала все и успокоилась. «Лучшее наше препровожденіе времени», говорилъ князь, «будетъ—разсматривать наши кондуитные списки, мы будемъ видѣть, кто были ея любовниками и моими любовницами, замѣчая другъ другу ошибки въ выборѣ или похваливая взаимно вкусъ, съ которымъ дѣлался этотъ выборъ»... Опытные въ великосвѣтскихъ интрижкахъ, они сдѣлались бы покровителями всѣхъ молодыхъ сердецъ, неопытныхъ по этой части. У нихъ были бы, по словамъ князя, великолѣпные пріемы, на которые съѣжался бы весь аристо-

кратическій Петербургъ, и они сами выѣзжали бы торжественно на балы, въ театры... Ихъ, милыхъ и знатныхъ старичковъ, всѣ бы любили, и они тихонько и пріятно дожили бы послѣдніе свои дни. Послѣ его смерти, жена его пошла бы за его гробомъ съ бѣлымъ платкомъ у глазъ и т. д.

Но никакимъ перомъ нельзя передать той прелести, которою князь оттѣнялъ этотъ милый планъ его женитьбы и супружеской жизни на особый манеръ. Я уже говорилъ, что у него было блестящее воображеніе; въ то же время онъ владѣлъ истинно неподражаемымъ даромъ самаго плѣнительнаго разсказчика. Никто такъ не умѣлъ оттѣнить комическія подробности разсказа, какъ князь, и въ то же время удержаться въ предѣлахъ благородства и изящества, чуждыхъ всякой утрировки. Но здѣсь рѣчь не столько о прелести плана, который я только-что привелъ, сколько о самой сущности его. Можно думать, что онъ не могъ создаться самъ собою и что въ основаніи его лежало какое-нибудь серьезное обстоятельство. Отказываясь отъ любви той, которая должна быть его избранницей, онъ, быть можетъ, носилъ въ груди своей любовь другой, любовь, которую онъ желалъ сохранить чистою и неприкосновенною во всю жизнь и даже въ сферѣ супружества. Но еслибы кто-нибудь призналъ такое умозрѣніе фантастическимъ—я спорить нисколько не буду и безъ битвы перехожу къ послѣдующимъ разсказамъ.

Сборы къ переселенію князя на Кавказъ были великолѣпны въ высшей степени. Повидимому, онъ хотѣлъ показать тамъ вполнѣ свое богатство и свою роскошь. Безъ преувеличенія можно сказать, что едва-ли когда-нибудъ и какой-нибудь полковой командиръ отправлялся къ полку такъ, какъ князь Александръ Ивановичъ. Почти вся петербургская обстановка переносилась туда. Изъ людей оставались только тѣ, которые сами не желали переселяться на Кавказъ. Князя очень огорчало то, что любимый его кучеръ Константинъ не соглашался съ нимъ ѣхать, удерживаемый здѣсь увѣщаніями своей жены. Обстоятельство это, повидимому ничтожное, дало намъ много хлопотъ. Ежедневно почти являлись бородатые кучера, вызывавшіеся ѣхать съ княземъ, выпрашивая огромное жалованье; но всѣ они не нравились князю, который имѣлъ нѣкоторую претензію читать по лицамъ людей ихъ внутреннія свойства.

Наконецъ это дѣло ему страшно надоѣло, и онъ однажды сказалъ мнѣ: «Вы умѣете лучше меня все дѣлать. Прошу васъ, потрудитесь найти мнѣ кучера. Всѣ эти рожи мнѣ ужасно не нравятся. Бороды, которую они цѣнятъ такъ дорого, мнѣ вовсе и не нужно. Я бы желалъ одного изъ тѣхъ кучеровъ, къ какими ѣздятъ по Невскому гвардейскіе прапорщики на своихъ парочкахъ: ловкаго и вертляваго».

Здѣсь надо сказать, что съ переходомъ моимъ къ дѣламъ Барятинскаго я тотчасъ предположилъ завести свой экипажъ. Съ этою цѣлію я въ первую же поѣздку мою въ Курское имѣніе князя Барятинскаго купилъ тамъ, на Коренной ярмаркѣ, пару доброѣзжихъ битюговъ, которые, впрочемъ, оказались мнѣ не нужными, потому что, тотчасъ по моемъ возвращеніи въ Петербургъ, князь подарилъ мнѣ пару великолѣпныхъ вороныхъ рысаковъ съ своей конюшни, изъ которыхъ одного звали «Соколомъ», а другаго «Полканомъ». Въ эту же поѣздку въ имѣніе, я былъ разъ какъ-то пораженъ необычайною быстротою, съ которой однажды почтовый ямщикъ доставилъ меня изъ Рыльска въ Ивановское. Помню—была свѣтлая, лунная ночь; я летѣлъ въ коляскѣ четверкой съ такою непостижимою быстротою, что невольно думалъ, что не духи ли какіе подхватили мою коляску и мчатъ меня въ невѣдомыя страны. Я весьма часто проѣзжалъ Рыльскъ и никогда ничего подобнаго не испытывалъ. Когда я прилетѣлъ въ Ивановское, я приказалъ ямщику остаться тамъ до утра, именно съ цѣлію взглянуть на него при дневномъ свѣтѣ и по возможности разъяснить тайну быстроты, меня поразившей. Оказалось, что это былъ курчавый, смуглый парень, съ пріятною физіономіею,—Андрей, крестьянинъ Барятинскихъ, живущій въ ямщикахъ на рыльской станціи. Когда я выразилъ ему изумленіе, съ какою страшною быстротою онъ меня мчалъ, Андрей, улыбнувшись, замѣтилъ только: «Лошадки добрыя». Само собой разумѣется, что «на-водка» была соразмѣрна впечатлѣнію, на меня произведенному. Тѣмъ дѣло и кончилось. Заведя въ Петербургѣ свой экипажъ, я скоро, по собственному опыту, узналъ, что-за почтенный это народъ—кучера и что претензія пріобрѣсти хорошаго кучера во всѣхъ отношеніяхъ должна быть отнесена къ числу мечтаній неосуществимыхъ. Вы непремѣн-

но получаете или честнаго парня, не умѣющаго ѣздить, или ѣздока, но прогорѣлаго мошенника. У меня перебывали и тѣ и другіе. Случалось, что, чинно пріѣхавъ съ женою въ театръ или на балъ, я при выходѣ находилъ, что мой кучеръ съ экипажемъ и лошадьми составляетъ предметъ травли всѣхъ жандармовъ и буточниковъ и съ налитыми виномъ и кровью глазами все ломаетъ и все путаетъ. Въ одинъ изъ печальныхъ моментовъ состоянія моей шталмейстерской части вдругъ предсталъ предъ моими глазами курчавый Андрей. Оказалось, что изъ ямщиковъ онъ поступилъ въ кучера, жилъ въ губернскомъ городѣ Курскѣ, Харьковѣ и др. и наконецъ добрался до Петербурга. Я несказанно ему обрадовался и тотчасъ взялъ его себѣ. Андрей по преимуществу былъ ѣздокъ и ѣздокъ замѣчательный: у него лошади положительно летали; извѣстныхъ пріемовъ петербургскихъ кучеровъ, конечно, онъ не зналъ; но это было дѣло второстепенное, и я былъ убѣжденъ, что Андрей скоро его постигнетъ. Такимъ образомъ, когда князь сказалъ мнѣ, чтб ему нужно, мнѣ тотчасъ пришла въ голову мысль: не подходитъ ли мой Андрей къ этому идеалу.

Я передалъ князю исторію, которую выше разсказалъ, намекнулъ о его свойствахъ и объ искусствѣ ѣздить. Князь просилъ меня послать сейчасъ же за нимъ. Андрей явился, низко поклонился князю и встряхнулъ своими кудрями. Князь, взглянувъ на него, тотчасъ сказалъ: «Ступай!» Потомъ, быстро обернувшись ко мнѣ, князь сказалъ: «Знаете, В. А.. Если бы вы заставили меня написать портретъ кучера, какого я желаю, это былъ бы портретъ вашего Андрея. Я именно, точь въ точь, желалъ такого кучера. Я вамъ буду очень благодаренъ, если вы мнѣ его уступите».

Такимъ образомъ статья эта была кончена, но къ сожалѣнію Андрей не оправдалъ ожиданій. Какъ всѣ таланты великороссійскаго происхожденія, онъ началъ пить, чему конечно содѣйствовала скука однообразной жизни въ кавказскомъ укрѣпленіи и почти совершенное отсутствіе всякихъ занятій по его части, потому что всякія прогулки внѣ укрѣпленія были сопряжены съ опасностями, далеко превышающими удовольствіе. Извѣстно, впрочемъ, что както князь желалъ показать графу Карлу Ламберту своего призоваго рысака, присланнаго также изъ Петербурга, и отправился съ нимъ

въ дрожкахъ; но Андрей, вѣроятно порядкомъ нагруженный, ихъ вывалилъ или опрокинулъ и такъ неудачно, что графъ Ламбертъ повредилъ себѣ ногу и съ тѣхъ поръ постоянно ходилъ уже съ костылемъ. Кончилось тѣмъ, что князь вынужденъ былъ прогнать Андрея, который съ тѣхъ поръ не умѣлъ уже порядкомъ поправиться и болтался то въ Закавказьи, то въ Петербургѣ.

Возвращаясь въ послѣдній разъ и окончательно съ Кавказа въ 1863 г., я пріѣхалъ на Балтинскую станцію, первую отъ Владикавказа изъ горныхъ станцій и, не выходя изъ своей кареты, дожидался перемѣны лошадей. Вдругъ предъ окномъ кареты предстала фигура огромнаго, съ такою же бородою, человѣка, въ кучерскомъ костюмѣ. Въ этой фигурѣ я уже съ трудомъ узналъ моего прежняго Андрея. Оказалось, что на этой станціи онъ несетъ обязанности старосты, тогда какъ съ его фигурой, съ его искусствомъ, да только безъ его поведенія, онъ въ Петербургѣ могъ бы быть однимъ изъ знаменитѣйшихъ кучеровъ.

Кстати разскажу о пріобрѣтеніи и отправленіи на Кавказъ и другихъ артистовъ,—артистовъ въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ. Князь выразилъ желаніе имѣть на Кавказѣ, во-первыхъ, капельмейстера для музыкантовъ и, во-вторыхъ, регента для пѣвчихъ.

Пріисканіе капельмейстера онъ предоставилъ графу Михаилу Юрьевичу Віельгорскому, извѣстному музыканту и столь же извѣстному меценату всѣхъ музыкантовъ, а пріисканіе регента Алексѣю Өедоровичу Львову, который въ то время управлялъ придворною капеллою. И тотъ и другой избрали двѣ личности, соотвѣтствующія, по ихъ убѣжденію, желанію князя, и передали ихъ мнѣ, на дальнѣйшее мое попеченіе и распоряженіе. Эти господа сдѣлались истинными моими мучителями.

Графъ Віельгорскій избралъ г. Дютша, впослѣдствіи пріобрѣвшаго громадную извѣстность въ музыкальномъ мірѣ, а тогда простаго музыканта въ оркестрѣ Гунгля, что-то въ родѣ первой скрипки. Если г. Дютшъ былъ артистъ въ смыслѣ музыкальномъ, то онъ былъ еще болѣе артистъ въ отвлеченномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ кутежа и безпорядочности. Сначала я думалъ, что буду имѣть дѣло съ человѣкомъ солиднымъ. Онъ явился ко мнѣ съ письмомъ графа Віельгорскаго, подписалъ условіе, взялъ значительную сумму на подъемъ,

назначилъ день отъѣзда и затѣмъ скрылся въ самомъ положительномъ и обширномъ значеніи слова. По крайней мѣрѣ въ теченіе цѣлаго мѣсяца я только и занимался изловленіемъ этого господина. Когда наступилъ и прошелъ день, назначенный имъ самимъ для отъѣзда, я отправилъ одного изъ своихъ людей въ квартиру Гунгля разузнать, что это значитъ, и во всякомъ случаѣ пригласить Дютша ко мнѣ. Тамъ сказали, что хотя Дютшъ дѣйствительно живетъ у Гунгля, но въ квартирѣ его бываетъ рѣдко, а ночуетъ еще рѣже; но что во всякомъ случаѣ ему передадутъ мое требованіе, какъ скоро онъ явится. Проходитъ снова нѣсколько дней, и я снова посылаю къ Гунглю, гдѣ и отвѣчали, что Дютшу передано мое требованіе. Я не зналъ, что думать и что дѣлать, какъ вдругъ встрѣчаю моего бѣглеца въ одномъ изъ театральныхъ маскарадовъ, обвѣшаннаго масками. Дютшъ началъ извиняться предо мною и назначилъ новый, уже самый положительный, по его словамъ, срокъ для отъѣзда. Проходитъ, конечно, и этотъ срокъ, и я опять не вижу Дютша до тѣхъ поръ, пока, также случайно, не встрѣчу его въ театрѣ, на Невскомъ или гдѣ-нибудь изъ увеселительныхъ мѣстъ, причемъ производятся новыя извиненія и новыя назначенія срока для отъѣзда. Долго я такъ мучился съ нимъ и предлагалъ уже графу Віельгорскому разорвать съ нимъ всякія условія и отношенія, но тотъ убѣждалъ меня вооружиться терпѣніемъ въ томъ вниманіи, что Дютшъ замѣчательный талантъ и что на Кавказѣ онъ не будетъ имѣть тѣхъ соблазновъ и развлеченій, которыя здѣсь сбиваютъ его съ толку. Конецъ концовъ былъ тотъ, что въ одно прекрасное утро Дютшъ явился ко мнѣ въ сопровожденіи цѣлой толпы своихъ кредиторовъ и объявилъ, что онъ радъ бы ѣхать, да эти господа его не пускаютъ и требуютъ уплаты долговъ. Мнѣ стоило большаго труда и значительныхъ пожертвованій, чтобъ освободить его отъ этой толпы и усадить въ дорожную зимнюю повозку, вмѣстѣ съ регентомъ. Я вздохнулъ свободно, когда они дѣйствительно наконецъ отправились; мнѣ даже было весело представлять себѣ, какимъ образомъ эти путешественники будутъ объясняться между собой. Дютшъ не говорилъ по-русски, регентъ ни слова не зналъ ни по-французски, ни по-нѣмецки. Но я ошибался, полагая, что мои мученія кончились. Напротивъ. При отправленіи Дютша я вру-

чилъ ему сумму, необходимую на проѣздъ къ мѣсту назначенія, основанную сколько на прежнихъ примѣрахъ, столько же на подробномъ исчисленіи прогонныхъ, суточныхъ, водочныхъ и всякихъ другихъ расходовъ. Не тутъ-то было. Изъ Воронежа я получилъ отъ него письмо, что всѣ деньги у него вышли, что дальше ѣхать онъ не можетъ и что, наконецъ, будетъ сидѣть въ Воронежѣ до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ меня суммы, вполнѣ достаточной на проѣздъ. Мнѣ, конечно, ничего не оставалось, какъ выслать денегъ этому ужасному артисту.

Съ регентомъ была возня другаго рода, съ значительною примѣсью комизма. Львовъ остановился на слѣдующей комбинаціи. Былъ въ капеллѣ нѣкто Яновскій или Янковскій, по обыкновенію взятый туда мальчикомъ изъ малороссійскихъ семинаристовъ. Мальчикъ этотъ отличался особымъ пониманіемъ красотъ церковнаго пѣнія. Когда онъ выросъ и потерялъ тотъ голосъ, которымъ пѣлъ въ капеллѣ, онъ былъ выпущенъ оттуда и поступилъ въ хоръ Сергіевскаго монастыря, гдѣ и былъ чѣмъ-то въ родѣ учителя или помощника регента. Я самъ видѣлъ его тамъ. Это была маленькая, толстенькая фигура съ краснымъ лицомъ, въ подрясникѣ и съ длинными, какъ у причетниковъ, волосами. Львовъ полагалъ, что если его взять оттуда, да подъучить, кажется, генералъ-басу или чему-то въ этомъ родѣ, то это и будетъ именно то, что нужно князю. Такъ и сдѣлано, хотя я помню, что красивый Игнатій (Брянчаниновъ), настоятель монастыря, сильно боролся за эту маленькую фигурку и въ похищеніи ея видѣлъ злоумышленіе противъ него Львова. Въ одно прекрасное утро эта фигурка, которую я привыкъ видѣть въ формѣ дьячка, предстала мнѣ, облеченная во фракъ, съ обстриженными волосами.

Вслѣдъ затѣмъ началось подъучиваніе генералъ-басу, за что я и выплачивалъ Яновскому, для доставленія по принадлежности, значительныя деньги, которыя, какъ мнѣ казалось, шли не столько на музыкальное образованіе у своихъ же старыхъ товарищей, сколько на веселое, купно съ ними, препровожденіе времени.

Изъ послѣдующихъ свѣдѣній, дошедшихъ до меня о подвигахъ этихъ господъ на Кавказѣ, видно, что Дютшъ, какъ музыкантъ, не только оправдалъ, но даже превзошелъ ожиданіе. Онъ быстро обра-

зовалъ у князя великолѣпный хоръ и оркестръ музыкантовъ, и потомъ сдѣлалъ то же въ нѣкоторыхъ другихъ полкахъ. У князя онъ оставался, впрочемъ, не долго, и они скоро разстались, чему, конечно, былъ причиною до крайности своенравный и безпокойный характеръ Дютша. Впослѣдствіи онъ вернулся въ Петербургъ, служилъ при императорскихъ театрахъ, писалъ разныя музыкальныя вещи и наконецъ поставилъ цѣлую оперу «Кроатку», пользуясь вообще высокою музыкальною репутаціею. Что касается до Яновскаго, то на него имѣли неосторожность, какъ на полковаго регента, надѣть военный мундиръ. Онъ вообразилъ, что онъ воинъ, и скоро совсѣмъ спился. Впослѣдствіи онъ тоже возвратился въ Петербургъ и по-прежнему пріютился къ тому же Сергіевскому монастырю, гдѣ я снова его видѣлъ, но уже въ довольно жалкомъ видѣ.

Но я по обычаю своему всегда забѣгаю впередъ. Всѣ эти господа отправлены были на Кавказъ послѣ отъѣзда князя, и мнѣ, конечно, предстояло прежде описать день этого отъѣзда. День этотъ, конечно, былъ однимъ изъ лучшихъ дней князя. Въ моихъ воспоминаніяхъ онъ остается особенно рельефенъ по той противуположности, въ какой онъ находился съ днями невольнаго возврата князя впослѣдствіи въ Петербургъ, днями тяжелыми, днями унынія и почти отчаянія. Предъ наступленіемъ отъѣзда князя—онъ уже мало былъ доступенъ и для меня. Ежедневно, съ ранняго утра, его осаждали самыми блестящими визитами. Казалось, весь Петербургъ взволновался его отъѣздомъ, и всѣ желали его видѣть и напутствовать своими добрыми пожеланіями. Время это было временемъ величія князя, подобно тому времени, когда онъ появился въ Петербургѣ послѣ покоренія Кавказа и взятія Шамиля. Толпы друзей и пріятелей почти не выходили изъ его кабинета. Этихъ друзей, истинныхъ или ложныхъ, въ тотъ моментъ, было такъ много, что я затрудняюсь, да и не нахожу необходимымъ перечислять ихъ. На первомъ планѣ, конечно, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ, стояли А* и Ламбертъ. Объ А* я уже говорилъ и довольно подробно. О Ламбертахъ много говорить нечего.

Младшій изъ нихъ, графъ Карлъ, впослѣдствіи неудавшійся варшавскій намѣстникъ, былъ чрезвычайно пріятный и, казалось, умный человѣкъ, съ самыми деликатными, можно сказать, плѣ-

нительными, манерами. Къ сожалѣнію, въ Кавалергадскомъ полку, котораго онъ былъ командиромъ, онъ оставилъ невыгодную репутацію. Самъ князь Александръ Ивановичъ, когда заходила рѣчь о графѣ Карлѣ Ламбертѣ, дѣлалъ о немъ отзывы, далеко не лестные. Я живо помню, разъ на Кавказѣ, кажется, по поводу назначенія графа Ламберта начальникомъ военныхъ поселеній, князь сказалъ однажды: «Кажется, его считаютъ государственнымъ человѣкомъ и сильно ошибаются». Между тѣмъ положительно можно сказать, что при такомъ взглядѣ самъ князь былъ главною причиною назначенія графа Ламберта варшавскимъ намѣстникомъ. Вотъ какъ это было. Когда князь, въ 1861 году, больной, безъ ногъ, пріѣхалъ изъ Дрездена въ Петергофъ и когда вслѣдствіе возникшихъ въ Царствѣ Польскомъ волненій—обработывался важный вопросъ объ образованіи тамъ нашего управленія, извѣстно было, что графъ Ламбертъ предназначенъ былъ уже въ составъ этого управленія. Предварительно пріѣзда князя, я былъ присланъ отъ него изъ Дрездена курьеромъ съ письмомъ государю и, вступивъ въ сношенія съ Милютинымъ, управлявшимъ уже тогда военнымъ министерствомъ, узналъ, что графу Ламберту предназначается мѣсто варшавскаго генералъ-губернатора. Съ появленіемъ князя, стало очевиднымъ, что этотъ вопросъ подчинился его вліянію. Ламбертъ просто не выходилъ отъ него, Милютинъ, Герштенцвейгъ и другія личности, соприкасавшіяся съ этимъ вопросомъ, ежедневно, а иногда по нѣскольку разъ въ день, бывали у него. Я живо помню, что въ теченіе этого времени, князь, однажды, говоритъ мнѣ: «Меня, право, удивляютъ эти рутинные взгляды и стѣсненія разными пустыми формами. Толкуютъ: то молодъ, то чинъ непозволяетъ... Какой вздоръ! Когда нуженъ человѣкъ, дай ему все: и власть, и чины!» Для меня было ясно, куда это относится. Кончилось тѣмъ, что графъ Ламбертъ назначенъ былъ намѣстникомъ варшавскимъ, а Герштенцвейгъ тамошнимъ генералъ-губернаторомъ, изъ которыхъ одинъ скоро сбѣжалъ съ своего поста, а другой застрѣлился. Объ этомъ событіи, разумѣется, много было различныхъ толковъ. Говорили, между прочимъ, что вслѣдствіе возникшихъ тотчасъ по пріѣздѣ этихъ господъ въ Варшаву недоумѣній и разногласій между ними—они рѣшились стрѣляться

по жребію, т. е. изъ нихъ долженъ застрѣлиться тотъ, кому достанется жребій. Онъ достался Герштенцвейгу, и онъ застрѣлился.

Но тутъ была и другая сторона. Герштенцвейгъ, чрезвычайно красивый, ловкій господинъ, типъ истиннаго царедворца и въ то же время весьма дѣловой человѣкъ, былъ необъятнаго самолюбія и, состоя при старикѣ Сухазанетѣ, предмѣстникѣ Милютина, дежурнымъ генераломъ, несомнѣнно разсчитывалъ завладѣть со временемъ министерствомъ. Разумѣется, первымъ шагомъ для этого было—занять позицію товарища военнаго министра. Но князь Барятинскій имѣлъ свои разсчеты провесть въ военные министры Милютина, своего начальника штаба, и убѣдилъ государя, что лучшаго выбора нельзя сдѣлать. Такимъ образомъ, когда открылось мѣсто товарища военнаго министра, оно досталось Милютину, а не Герштенцвейгу. Герштенцвейгъ, давно знавшій о проектахъ, которые должны были перебить ему дорогу, и потому, весьма естественно не имѣвшій дружелюбныхъ чувствъ ни къ Барятинскому, ни къ Милютину, при назначеніи послѣдняго товарищемъ министра и особенно при вступленіи его въ управленіе министерствомъ, очутился въ ложномъ и стѣснительномъ положеніи. Между тѣмъ у него была значительная партія и въ министерствѣ, и во дворцѣ, само собою разумѣется, враждебная Барятинскому и Милютину. Прозорливый Барятинскій, вмѣшавшись въ дѣло, вѣроятно тотчасъ понялъ всѣ эти отношенія и разсчитывалъ назначеніемъ Герштенцвейга въ Варшаву избавить Милютина отъ борьбы съ сильнымъ и ловкимъ соперникомъ, и въ то же время парализовать партію, желавшую возвышенія его въ министерствѣ. Съ своей стороны Герштенцвейгъ, видя, что министерство у него ускользаетъ и что тутъ уже ждать нечего, вѣроятно охотно готовъ былъ перенести свои честолюбивыя цѣли на варшавское поприще, разсчитывая въ непродолжительномъ времени столкнуть слабаго Ламберта. Но когда онъ увидалъ, что и здѣсь, съ перваго шага, дѣла пошли не въ ту сторону, а прямо въ ущербъ его планамъ, Герштенцвейгъ рѣшился покончить съ жизнію, тѣмъ болѣе, что такой конецъ, какъ говорили тогда, былъ довольно употребителенъ въ его родствѣ, и нѣкоторые изъ его родныхъ также покончили самоубійствомъ.

Но, возвращаясь назадъ, я долженъ съ вѣроятностью предпо-

ложить, что вниманіе читателя не можетъ не остановиться, повидимому, на противорѣчіи отзывовъ князя о Ламбертѣ, которые я выше привелъ, съ желаніемъ его поставить Ламберта на одну изъ высшихъ степеней государственной администраціи. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что противорѣчіе это принадлежитъ отнюдь не моимъ разсказамъ, но натурѣ князя, натурѣ, чрезвычайно своеобразной, мудреной и не поддающейся никакимъ опредѣлительнымъ выводамъ. Было много случаевъ, въ которыхъ онъ крѣпко, какъ дубъ, стоялъ съ своими убѣжденіями, и ни воля отца (въ учрежденіи маіоратовъ и избраніи карьеры), ни воля матери (въ выдѣлѣ князя Виктора), ни воля даже государя (въ женитьбѣ на Столыпиной) не могли поколебать ихъ; но было много и такихъ случаевъ, въ которыхъ князь, подобно, какъ въ отношеніи Ламберта, проявлялъ самое поразительное противорѣчіе своихъ взглядовъ и мнѣній. Если благосклонный читатель не откажется, въ свое время, отправиться со мною на Кавказъ — тамъ эти случаи предстанутъ рельефнѣе его вниманію.

Теперь мнѣ остается сказать, что наружность графа Ламберта была самая представительная; онъ не былъ красавцемъ, но его совершенно голая и хорошо образованная голова была чрезвычайно эффектна. Онъ оплѣшивѣлъ еще въ молодости. Я помню однажды, когда Ламбертъ сидѣлъ у князя, какъ то стали разбирать, кто изъ насъ троихъ моложе? Къ несказанному удивленію оказалось, что Ламбертъ моложе князя и меня. Я съ оттѣнкомъ сильнаго недовѣрія смотрѣлъ на голую, какъ колѣно, голову графа Ламберта, тогда какъ у князя были роскошныя свѣтлыя кудри, а въ густотѣ моихъ черныхъ волосъ, въ то время, ломались гребни. Князь, замѣтивъ точку моего недоумѣнія, сказалъ: «Чтò вы смотрите на его голову? Это ничего не значитъ. Онъ, плутъ, нарочно вытравилъ свои волоса, чтобъ его считали старикомъ и скорѣе сдѣлали какимъ-нибудь министромъ или главнокомандующимъ». И дѣйствительно, онъ скоро состарился, конечно, не столько отъ трудовъ, сколько отъ различныхъ недуговъ, которые рано его посѣтили. Въ минуту назначенія его варшавскимъ намѣстникомъ онъ былъ страшенъ своею худобою, представлявшею изъ него совершенный скелетъ. Когда въ августѣ 1861 г. наступилъ день всеобщаго разъѣзда: го-

сударь ѣхалъ по Россіи, Барятинскій опять за-границу, а Ламбертъ въ Варшаву, происходило всеобщее прощаніе. Я помню, что Ламбертъ, распростившись съ княземъ Александромъ Ивановичемъ, вышелъ къ намъ въ пріемную и началъ съ нами прощаться. Когда онъ сталъ лобзаться съ княземъ Владиміромъ Барятинскимъ, у нихъ вышло какое-то замѣшательство, одно изъ тѣхъ, которыя нерѣдко случаются при этой операціи. Ламбертъ, съ улыбкою обратившись къ намъ, сказалъ: «Вотъ чудакъ! ищетъ у меня щекъ, когда ихъ давно уже нѣтъ».

Мои личныя отношенія къ графу Ламберту всегда были чрезвычайно пріятны. Онъ любилъ толковать со мною о хозяйственныхъ дѣлахъ, имѣя въ Херсонской губерніи довольно значительное имѣніе. Я даже помогалъ ему кое въ чемъ и часто переписывался съ нимъ. Беру на удачу одно изъ его писемъ: 30 апрѣля 1847 г. «Спѣшу васъ увѣдомить, любезный Василій Антоновичъ, что я получилъ увѣдомленіе отъ моего управляющаго, что отвѣтъ изъ Херсонской палаты государственныхъ имуществъ имѣетъ быть отправленъ 24 сего апрѣля и, какъ обѣщаютъ, совершенно благопріятный. Надѣюсь на ваше содѣйствіе и прошу сдѣлать мнѣ одолженіе навѣдаться въ министерствѣ, чѣмъ премного обяжете» и т. д.

Братъ его Іосифъ былъ тоже милый и привѣтливый господинъ; но не представлялъ собою ничего замѣчательнаго. Впрочемъ, по разсказамъ князя, онъ былъ въ высшей степени искусный разсказщикъ разныхъ и преимущественно малороссійскихъ анекдотовъ, замѣчательный въ особенности тѣмъ, что самые скоромные, такъ сказать, изъ этихъ анекдотовъ онъ умѣлъ облекать въ такую форму, что пускалъ ихъ смѣло и въ дамскомъ обществѣ, и во дворцѣ...

Но я бы никогда не кончилъ, если бы задался претензіею обрисовать всѣ личности, имѣвшія видъ пріятелей князя. Скажу только, что при его отъѣздѣ, во главѣ этихъ пріятелей, стоялъ принцъ Александръ Дармштадскій, братъ императрицы [1]), имѣвшій несчастіе сойтись съ одною изъ фрейлинъ, Гауке, и потомъ жениться на ней. Я видѣлъ эту персону и никакъ не могу постигнуть, чѣмъ она могла очаровать принца. Приведу истинный случай. Однажды съ женой мы

[1]) Въ бозѣ почившей Маріи Александровны.

были въ Павловскѣ. Часовъ въ 6 вечера къ вокзалу подъѣзжаетъ великая княгиня Александра Іосифовна верхомъ и съ нею Гауке тоже верхомъ. Ихъ окружали нѣсколько свитскихъ офицеровъ на лошадяхъ. Александра Іосифовна сіяла красотой, такъ что подлѣ нея маленькая смуглая Гауке представляла жалкій видъ. Мы стояли въ толпѣ другихъ, смотрѣвшихъ на кавалькаду. Вдругъ ко мнѣ обращается пожилой военный господинъ съ длинными усами и почтеннымъ лицомъ и спрашиваетъ: «Кто это съ великою княгинею?» Я отвѣчалъ, что одна изъ фрейлинъ—Гауке. «Помилуйте—это Никитка, совершенный Никитка!» сердито замѣтилъ онъ и отошелъ прочь. Что именно хотѣлъ выразить этотъ почтенный незнакомецъ, мы съ женой никакъ не могли понять; во всякомъ случаѣ слова его не заключали, конечно, въ себѣ ничего лестнаго.

Въ назначенный для отъѣзда князя день,—день, какъ теперь помню, свѣтлый и ясный, вся компанія его друзей, рѣшившаяся сдѣлать ему шумныя проводы, рано собралась къ нему. Скоро прибыли два или три омнибуса огромныхъ размѣровъ, пріисканные и нанятые гдѣ-то для этого случая. Въ этихъ громадныхъ и оригинальныхъ экипажахъ все общество должно было отправиться на Среднюю Рогатку, блаженныя памяти, гдѣ ожидалъ ихъ роскошный обѣдъ и соотвѣтствующій тому кутежъ. Въ урочный часъ оно разсѣлось по мѣстамъ и съ грохотомъ, шумомъ и смѣхомъ двинулось къ цѣли, изумляя проходящихъ и проѣзжающихъ. Само собою разумѣется, что и я тутъ примкнулся. На Средней Рогаткѣ произошелъ, конечно, разгулъ блестящихъ и широкихъ размѣровъ. Вино лилось рѣкой; сняты были мундиры; въ свое время появилась достославная жженка; раздались пѣсни, князь переходилъ изъ объятій одного къ другому. Наконецъ, насталъ часъ окончательной разлуки и окончательнаго отъѣзда. Князь сѣлъ въ свой великолѣпный дормезъ; извѣстный Исай кошкой вскочилъ на козлы, и лихая четверка помчалась стрѣлой...

Теперь мнѣ остается сказать объ отправленіи на Кавказъ безчисленныхъ предметовъ, которые должны были составить княжескую обстановку на Кавказѣ. Начать съ того, что надо было отправить множество людей, подъ предводительствомъ знатнаго въ составѣ княжеской дворни Кудрявцева. Этотъ Кудрявцевъ былъ ти-

помъ дворецкихъ знатныхъ домовъ. Довольно полный, благообразный, съ солидными манерами, онъ не только имѣлъ большой вѣсъ между всѣми другими придворно-служителями; но пользовался уваженіемъ князя и княгини Марьи Ѳедоровны, онъ былъ дворецкимъ еще при покойномъ князѣ, а послѣ его смерти въ этой же должности состоялъ у княгини, которая много терпѣла отъ его капризовъ и избалованности. Не знаю, дѣйствительно ли или только по какому-нибудь предубѣжденію, но только Кудрявцева считали одареннымъ необычайнымъ вкусомъ во всѣхъ частяхъ домашества. Нечего и говорить, что онъ былъ великій художникъ въ отношеніи весьма важныхъ у нашихъ аристократовъ вопросовъ: какъ убрать напр. столъ, какъ подать и какъ принять. Въ домѣ князя, сначала нераздѣльномъ съ княгинею, эти вопросы имѣли наибольшее значеніе. Обѣдъ, напримѣръ, былъ у нихъ дѣломъ, въ высшей степени торжественнымъ, и мнѣ, конечно, не разъ доставалась честь принимать въ этомъ дѣлѣ личное участіе.

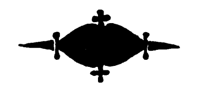
Достаточно сказать, что самъ князь всегда переодѣвался къ обѣду и иначе не присутствовалъ на немъ, какъ въ мундирѣ. Но Кудрявцева считали артистомъ и въ другихъ отношеніяхъ. Если княгиня, безспорно одаренная самымъ изящнымъ вкусомъ, предполагала убрать на новый ладъ какую-нибудь комнату или расположить иначе цвѣты—Кудрявцевъ являлся тутъ полнымъ властелиномъ, грубо отвергалъ идеи княгини и настаивалъ на своемъ, а когда княгиня не соглашалась, онъ бросалъ все и уходилъ. Какъ бы то ни было, но когда государь или императрица посѣщали княгиню, они всегда говорили важному Кудрявцеву, постоянно сіяющему бѣлымъ жилетомъ и бѣлымъ галстухомъ: «здравствуй, Кудрявцевъ». Этого-то господина княгиня уступала князю, чтобъ аранжировать его кавказское домашество.

Понятно, что, привыкнувъ въ теченіе жизни къ самымъ широкимъ во всемъ размѣрамъ, Кудрявцевъ забиралъ съ собой бездну серебра, фарфора, стекла, столоваго и всякаго другаго бѣлья, погребъ винъ и необъятный запасъ всевозможныхъ коместиблей. Чтобъ лучше выставить всю грандіозность и пышность всей обстановки, которою князь желалъ окружить себя на Кавказѣ, мнѣ кажется, достаточно сказать, что туда отправлялись, между прочимъ,

*

бильярдъ, пѣвческое платье, ливреи для людей, экипажи разныхъ фасоновъ и, наконецъ, призовой вороной рысакъ, о которомъ я выше говорилъ, купно съ курчавымъ Андреемъ. Мнѣ стоило большаго труда найти подрядчика, который бы взялся доставить все это изъ Петербурга прямо на мѣсто. Кавказъ и доселѣ пугаетъ нашихъ русскихъ промышленниковъ, а тогда онъ представлялся еще болѣе таинственнымъ и грознымъ. Наконецъ выискался какой-то отчаянный изъ небогатыхъ подрядчиковъ, который рѣшился самъ сопровождать княжескій караванъ и хотя заключилъ со мною формальныя условія, но, чуждый всякихъ знаній о кавказской сторонѣ, основывался главнѣйше на надеждѣ, выражаемой обыкновенно словомъ: «не обидите». Подрядчикъ этотъ купилъ два корабля, именуемые, кажется, «тихвинками», нагрузилъ ихъ, елико можно, нанялъ работниковъ и въ одно прекрасное утро, какъ говорится, оставилъ берега сѣверной Пальмиры. Плаваніе и вообще шествіе этого каравана къ мѣсту назначенія продолжалось невыносимо долго и сопровождалось различными приключеніями, въ числѣ которыхъ недостатокъ денегъ, разумѣется, занималъ первое мѣсто. Кудрявцевъ, которому поручено было высшее наблюденіе за благополучнымъ плаваніемъ этой флотиліи, положительно осыпалъ меня письмами изъ всѣхъ городовъ, мимо которыхъ она проходила, съ описаніемъ этихъ приключеній и требованіемъ помощи. Кончилось тѣмъ, что предпріимчивый подрядчикъ умеръ въ Астрахани, но мѣстныя власти взяли караванъ подъ свое попеченіе и, хотя съ большими затрудненіями, но доставили его таки на мѣсто.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

профессора Спб. духовной академіи.

ГЛАВА XXXIX [1]).

О Балашовѣ.

Въ то время, какъ мы, ученики, въ каникулы 1824 г., жили въ домахъ отцовъ своихъ, въ Рязани случились два замѣчательныя для нея происшествія: смерть архіепископа Сергія и потомъ трехдневное пребываніе императора Александра I въ Рязани. Но при описаніи этихъ событій, особенно послѣдняго, нужно будетъ говорить о двухъ тогдашнихъ рязанскихъ знаменитостяхъ: о генералъ-губернаторѣ Балашовѣ и рязанскомъ помѣщикѣ Рюминѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу нужнымъ тутъ же, кстати, сказать и о другихъ рязанскихъ гражданахъ, какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ особахъ, чтобы потомъ уже не отвлекаться отъ другихъ предметовъ эпизодами. Въ этомъ случаѣ мои замѣтки будутъ относиться не къ одному 1824 г., а ко всему семилѣтнему моему житью въ Рязани; въ иныхъ же случаяхъ, особенно говоря о духовенствѣ, я коснусь и давно минувшихъ лѣтъ. Но предварительно нахожу нужнымъ поговорить о двухъ тогдашнихъ знаменитостяхъ: о генералъ-губернаторѣ Балашовѣ и рязанскомъ помѣщикѣ и богачѣ Рюминѣ. Обѣ эти знаменитости были, какъ тогда носилась молва, въ нѣкоторомъ смыслѣ соперниками. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкомъ близкимъ къ императору, даже его любимцемъ, и имѣлъ громадную въ пяти губер-

---

[1]) См. „Русск. Старину“ сентябрь 1894 г.

ніяхъ власть. Другой тоже пользовался расположеніемъ государя, оффиціальной власти не имѣлъ, но его громадное состояніе и умѣнье жить давали ему возможность имѣть обширное вліяніе на Рязань. Для Балашова, какъ тогда говорили, Александръ пріѣзжалъ въ Рязань, но квартировалъ по собственному выбору даже противъ желанія Балашова у Рюмина.

Генералъ-отъ-инфантеріи Александръ, кажется, Дмитріевичъ Балашовъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургѣ въ 1812 г. и участвовалъ въ интригѣ, посредствомъ которой Сперанскій долженъ былъ отправиться изъ столицы въ ссылку. Послѣ онъ былъ сколько-то времени министромъ полиціи и потомъ, не припомню уже, въ какомъ году, сдѣлался рязанскимъ генералъ-губернаторомъ. Кажется, эту перемѣну не слѣдуетъ считать чѣмъ-то въ родѣ немилости императора къ нему. Вмѣсто званія министра полиціи, Балашовъ, получивъ подъ названіемъ генералъ-губернатора въ управленіе пять губерній: Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую и Воронежскую, явился порядочнымъ царькомъ, который по числу подданныхъ былъ сильнѣе каждаго изъ членовъ тогдашняго германскаго союза, исключая австрійскаго императора и прусскаго короля; его въ шутку, а иногда въ насмѣшку, и называли рязанскимъ царькомъ. О томъ, какъ этотъ знаменитый любимецъ Александра I жилъ и дѣйствовалъ въ Рязани, я, конечно, много слыхалъ и даже видалъ, будучи ученикомъ въ Рязани, но гораздо болѣе узналъ отъ бывшаго рязанскаго купца Андрея Михайловича Шенна и бывшаго предсѣдателя рязанской палаты уголовнаго суда Евграфа Ивановича Стромилова. Первый при Балашовѣ былъ богатымъ и предпріимчивымъ купцомъ. Онъ очень нравился генералъ-губернатору ловкимъ исполненіемъ казенныхъ подрядовъ, пользовался расположеніемъ у его самого и приближенныхъ его. У Шенна, — другая его фамилія была Гладкой,—я жилъ на квартирѣ около четырехъ лѣтъ, когда онъ уже былъ чуть не столѣтнимъ старикомъ и жилъ уже очень не богато, если не бѣдно, любилъ вспоминать про то время, когда при Балашовѣ онъ игралъ роль значительнаго лица въ Рязани, у котораго въ гостяхъ бывали и губернаторы. Съ Стромиловымъ я познакомился по рекомендаціи моего батюшки, тотчасъ по переселеніи моемъ въ Рязань въ 1852 г.,

и пользовался его расположеніемъ до самой его смерти въ 1868 году. Онъ, какъ почти постоянный житель и служака Рязани, тоже хорошо зналъ Балашова, хотя ему, кажется, не былъ извѣстенъ.

Не знаю, почему Балашову вздумалось поселиться въ Рязани, которая и тогда, какъ нынѣ, была хуже Орла, Тулы, Воронежа и Калуги. Поселившись въ Рязани, онъ жилъ, какъ знаменитый русскій вельможа и администраторъ. Занималъ онъ на лучшей улицѣ города огромный домъ; у подъѣзда его квартиры всегда стоялъ военный караулъ изъ двухъ солдатъ. Куда бы онъ ни ѣхалъ по городу, его провожалъ конный жандармъ, а въ торжественныхъ случаяхъ, напр. въ такъ называемые царскіе дни, при проѣздѣ его въ соборъ къ молебну, галоппировали сзади его экипажа два жандарма и ѣхалъ въ дрожкахъ или саняхъ полиціймейстеръ. Нечего уже говорить о томъ, что рязанскіе жители, изъ уваженія ли къ генералъ-губернатору, или изъ боязни попасть въ полицію за мнимое неуваженіе къ власти, снимали свои шапки и кланялись его высокопревосходительству.

Нечего о томъ говорить, что къ нему ежедневно являлись съ рапортами и докладами разнаго рода чиновники. Но во всѣ праздники было у него въ квартирѣ нѣчто въ родѣ больших ъ и малыхъ придворныхъ выходовъ. Покойный Шеннъ мнѣ разсказывалъ, что часу въ 12-мъ послѣ обѣдни обыкновенно всѣ болѣе или менѣе значительныя лица, не только изъ чиновниковъ, но и изъ помѣщиковъ и купцовъ, считали нужнымъ являться въ пріемную залу генералъ-губернатора. Тутъ они дожидались появленія рязанскаго принца, иногда часикъ и болѣе. Наконецъ онъ выходилъ, всѣ выстраивались и клянялись. Начинался обходъ; съ тѣмъ милостиво разговаривали, тому протягивали руку, иному отвѣчали на поклонъ тоже чѣмъ-то похожимъ на поклонъ, мимо другаго проходили посмотрѣвши только, а то и вовсе не взглянувши на него. Не обходилось и безъ болѣе замѣтныхъ выраженій неудовольствія начальства; дѣлались выговоры, замѣчанія за тѣ или другія неисправности. Если кто не очень усердно являлся на эти выходы, то ему напоминалось, что его какъ-то давно уже не видно. Результатомъ всего этого было то, что наибольшая часть лицъ, имѣвшихъ право и вмѣстѣ обязанность являться къ этому двору, стара-

лись угодить вкусу начальника и являлись если не каждый праздникъ, то не осмѣливались пропускать многіе къ ряду праздники. Въ высоко-торжественные же праздники, Пасху, Новый годъ и т. п., эти сходбища были уже очень многочисленны. Только не знаю, почему и когда, а сходбища эти бывали и до обѣдни, и послѣ нея. Мы, мальчишки, нарочно бывало хаживали на Соборную улицу, чтобы видѣть, какъ за генералъ-губернаторомъ, мчавшимся въ сопровожденіи двухъ жандармовъ въ соборъ къ молебну, мчались съ одинаковою быстротою на разныхъ разстояніяхъ дрожки, кареты, коляски, сани и проч., въ которыхъ сидѣли разные чиновники съ шитыми воротниками. По окончаніи обѣдни, иногда тотъ же поѣздъ мчался къ дому генералъ-губернатора. Самого его высокопреосвященства карета, запряженная четвернею лошадей цугомъ, вскорѣ тоже отправлялась къ царскому намѣстнику.

Управляя пятью губерніями, посылая множество предписаній и получая еще гораздо болѣе разныхъ донесеній, Балашовъ долженъ былъ имѣть большую канцелярію при себѣ. Она помѣщалась въ особомъ зданіи, которое въ прежнія времена служило квартирою для губернаторовъ. Въ ней подобно тому, какъ въ министерскихъ канцеляріяхъ, правителемъ дѣлъ былъ чиновная особа, какой-то Кавелинъ, въ то время, какъ я учился уже въ Рязани, едва-ли не дѣйствительный статскій совѣтникъ, по крайней мѣрѣ квартирою ему служилъ очень большой домъ. Охотниковъ поступить въ составъ канцеляріи было очень много; для этого пріѣзжали даже изъ Петербурга такъ называемыя матушкины дѣтки; для рязанскихъ жителей считалось за честь попасть въ число ея дѣятелей, но, кажется, составъ чиновниковъ ея вообще былъ хорошій. Службой этой интересовались не только потому, что она доставляла лучшее содержаніе, нежели губернскія присутственныя мѣста, но и потому, что генералъ-губернаторъ любилъ ея чиновникамъ, какъ лицамъ извѣстнымъ если не ему самому, то его правителю дѣлъ, раздавать мѣста въ присутственныхъ мѣстахъ не только губернскихъ, но и уѣздныхъ. Разсказывали про остроту одного господина, который былъ чуть ли не во всѣхъ городахъ Рязанской губерніи. На предложенный ему вопросъ, что онъ видѣлъ

въ нихъ особеннаго, онъ отвѣчалъ: «Я вездѣ встрѣтилъ только бывшихъ чиновниковъ генералъ-губернаторской канцеляріи».

Независимо отъ канцелярскихъ были при Балашовѣ чиновники по особымъ порученіямъ и какіе-то экстраординарные чиновники, которыхъ нельзя встрѣтить по губернскимъ мѣстамъ. Такъ напр. въ Рязани существовалъ оберъ-полицiймейстеръ, которому подчинялись уѣздные городничіе, не знаю только одни ли рязанскіе, или всѣхъ вообще пяти губерній; или уже не въ каждой ли губерніи было по оберъ-полицiймейстеру. Были и другіе какіе-то экстраординарные чиновники. Это сдѣлалось извѣстнымъ при императорѣ Николаѣ. Скоро по воцареніи его, Балашова, какъ члена Государственнаго Совѣта, вытребовали въ Петербургъ, и кажется, безъ него-то производилъ ревизію по генералъ-губернаторству какой-то сенаторъ, который и донесъ, между прочимъ, что генералъ-губернаторъ превысилъ свою власть, устанавливая самъ собою новыя должности, къ числу которыхъ, разумѣется, причислена была и должность оберъ-полицiймейстера. Отъѣзжая въ Петербургъ, Балашовъ раздѣлилъ свою канцелярію на двѣ части, одну оставилъ въ Рязани, а другую взялъ съ собою въ Петербургъ. Но вскорѣ генералъ-губернаторство было уничтожено, и въ Рязани опять воцарились губернаторы, не замѣняемые уже болѣе яркимъ свѣтиломъ генералъ-губернатора.

Самъ по себѣ Балашовъ былъ, кажется, въ Рязани честнымъ человѣкомъ. Будучи еще оберъ-полицiймейстеромъ въ Петербургѣ, онъ нажилъ хорошее состояніе; въ Разани уже можно было быть или казаться честнымъ. Но приближенные его, по крайней мѣрѣ не всѣ, причислялись къ числу безсребренниковъ. Шеннъ мнѣ разсказывалъ характеристическій анекдотъ про оберъ-полицiймейстера, милостью котораго, по всей вѣроятности не совсѣмъ безкорыстною, онъ пользовался. Одинъ городничій сдѣлалъ какой-то важный промахъ и долженъ былъ явиться въ Рязань для объясненій къ оберъ-полицiймейстеру. Но прежде, нежели предстать предъ своего грознаго судью, онъ счелъ за лучшее предрасположить его въ свою пользу приличною взяточкою и для совѣта явился къ Шенну. На общемъ совѣтѣ они положили попробовать смягчить разгнѣваннаго судью подобающимъ его чести приношеніемъ.

Шеннъ отправился для переговоровъ. Явившись къ оберъ-полиціймейстеру, онъ сказалъ: «А вѣдь такая-то птичка (разумѣя подъ этимъ названіемъ виновнаго городничаго) прилетѣла сюда, да не знаетъ, какъ къ вамъ ей явиться, съ однимъ ли крылушкомъ или съ двумя» (подъ крылушкомъ подразумѣвалась сотня рублей).

— Ну, вотъ еще, отвѣчалъ оберъ-полиціймейстеръ, какъ же можно птичкѣ летать съ однимъ крылышкомъ! У какой же ты птицы нашелъ только одно крыло?

Но этотъ чиновный зоологъ нашелъ лучшимъ, чтобы крылушки были принесены къ нему не самою птичкою, а Шенномъ. Церемонія исполнена, явившемуся послѣ того городничему сдѣлано было на словахъ приличное внушеніе, и потомъ онъ отпущенъ съ миромъ въ богоспасаемый свой градъ для вознагражденія понесенныхъ имъ убытковъ въ качествѣ птички. Разумѣется, и мой любезнѣйшій хозяинъ Шеннъ не остался безъ вознагражденія за свои праведные переговоры.

Балашовъ старался улучшить по своимъ понятіямъ ввѣренныя его управленію губерніи. Въ Рязани улучшенія его главнымъ образомъ коснулось улицъ. До него онѣ не были вымощены, исключая двухъ или трехъ улицъ; тротуаровъ или вовсе не было, или они такъ устраивались, что прогулки по нимъ не отличались удобствами. Отъ этого и происходило, что въ прежнее время на немощенныхъ улицахъ, по которымъ впрочемъ ходило и ѣздило много народа, не было почти возможности ни пройти, ни проѣхать. Мнѣ самому случилось видѣть, какъ кареты, съѣхавшія съ Соборной улицы на Семинарскую немощенную, проѣхавши нѣсколько десятковъ саженей, останавливались, хотя бывали запряжены даже четырьмя лошадьми. Несмотря на неутомимую дѣятельность кучерскихъ и форейторскихъ кнутовъ, лошади отказывались далѣе двигаться. Тогда долговязые лакеи отворяли дверцы кареты, выносили барынь на мостовую или тротуары Соборной улицы, а на выручку кареты изъ грязи въ помощь лошадямъ приглашались люди и приносились веревки, и послѣ усердной общей работы, и еще болѣе усерднаго крика вытаскивали кое-какъ карету.

Въ этомъ отношеніи Балашовъ дѣйствительно сдѣлалъ много хорошаго для Рязани. Конечно, и до сихъ поръ около трети улицъ

еще не имѣютъ мостовыхъ; но почти всѣ вымощенныя улицы сдѣланы такими при Балашовѣ; при немъ также чуть не вездѣ тоже были устроены и тротуары. Конечно, они не отличались совершеннымъ, такъ сказать, безгрязіемъ въ дурную погоду, но все-таки можно было по большей части ихъ пройти, не опасаясь завязнуть въ грязи или оставить въ ней сапоги. Чтобы облегчить устройство мостовыхъ для города, Балашовъ своею властью установилъ особую пошлину со всѣхъ въѣзжающихъ въ Рязань, разумѣется, крестьянъ. Изъ нихъ каждый у заставы долженъ былъ дать не менѣе трехъ небольшихъ булыжниковъ; или заплатить сколько-то копѣекъ. Поэтому въ то время у заставъ Московской и Астраханской, гдѣ стояли мытари, собиравшіе пошлину, стояли порядочныя кучи булыжника. Велики ли кучи составлялись изъ грошей, я не знаю, ихъ не выставляли напоказъ, а укладывали по карманамъ.

Несмотря на слишкомъ ясную пользу, доставляемую тротуарами, домохозяева рязанскіе были очень недовольны распоряженіями генералъ-губернатора. Не только тротуары, но и мостовыя едва-ли тогда не устраивались на счетъ домохозяевъ, по крайней мѣрѣ семинарія, несмотря на всѣ хлопоты, должна была на свои, а не на городскія деньги вымостить улицу противъ своего дома и двора. Но если устраивались мостовыя противъ домовъ частныхъ владѣльцевъ на городской счетъ, то все-таки деньги для этого, какъ небывалый прежде расходъ, вынимались изъ кармановъ домовладѣльцевъ подъ видомъ особой пошлины. Потомъ введено было освѣщеніе города фонарями по многимъ улицамъ; опять нужны были деньги. А наконецъ на болѣе видныхъ улицахъ слѣдовало мести ежедневно и тротуары, и мостовую, для чего слѣдовало нанимать дворника. Очевидное дѣло: опять страдалъ карманъ гг. домовладѣльцевъ. Но сюда присоединилась новая бѣда. Балашовъ старался истребить мошенничество и кулачество въ торговлѣ, приказывалъ смотрѣть за вѣсами, мѣрами, за тѣмъ, чтобы купцы не стѣсняли крестьянъ, торговавшихъ со своихъ возовъ въ базарные дни и пр. Рязанскимъ купцамъ-кулакамъ надобно было или отказаться отъ своихъ мошенническихъ и кулаческихъ преданій, или тратить деньги на подкупъ полиціи. Но и послѣднее не всегда помогало. Генералъ-губернаторъ, подобно Гарунъ-аль-Рашиду, любилъ ходить по

городу и рынку въ партикулярномъ платьѣ и часто самъ имѣлъ случай видѣть купеческія продѣлки; тутъ, разумѣется, доставалось уже и полиціи, которая старалась выместить это на купцахъ. Словомъ сказать, рязанскимъ домовладѣльцамъ и торговцамъ-кулакамъ не нравился генералъ-губернаторъ по многимъ причинамъ. Иногда даже вслухъ ругали его.

Однажды какой-то мѣщанинъ нашелъ возможность высказать ему очень колкую остроту, которую съ удовольствіемъ повторяли жители Рязани. При Балашовѣ выстроили новый въ Рязани острогъ на подобіе какого-то рыцарскаго замка съ четырьмя башнями по угламъ, съ высокою оградою кругомъ двора, съ желѣзными воротами. Балашовъ, пришедши въ партикулярномъ платьѣ осматривать работы, увидѣлъ толпу зѣвакъ и, подошедши къ ней, сказалъ. «ну, что, ребята, каковъ домикъ?»—«Хорошъ», отвѣчали ребята, дѣйствительно не узнавшіе генералъ-губернатора, или только показавшіе видъ, что не узнаютъ его. Но онъ продолжалъ: «И знаете ли, вѣдь этотъ домъ строится для васъ, ребята?»

Тогда мѣщанинъ, который, какъ тогда говорили, только притворился незнающимъ генералъ-губернатора, отвѣчалъ ему съ улыбкою:

— Э, баринъ, полно шутить надъ нами, куда намъ въ такомъ домѣ жить? Хоть бы твоей милости посчастливилось въ немъ пожить.

Балашовъ, разумѣется, не продолжалъ болѣе разговора.

Но особенно Рязань должна быть благодарна ему за улучшеніе пожарной команды, которая, конечно, существовала и до него, но очень мало помогала во время пожаровъ. Балашовъ, какъ бывшій петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, дѣйствительно устроилъ ее очень хорошо; при немъ ни одному пожару не позволили истребить много домовъ.

Не одни купцы-кулаки и домовладѣльцы рязанскіе не любили Балашова; чиновники высшіе и средніе едва-ли не болѣе горожанъ его ненавидѣли. Губернаторъ, предсѣдатели и совѣтники палатъ и прочая губернская чиновная знать принуждены были находиться подъ постояннымъ надзоромъ его высокопревосходительства, вѣчно быть, по пословицѣ, въ струнку, постоянно ожидать, что вотъ по жалобѣ какого-либо мужика или мѣщанина придется

давать непріятныя объясненія предъ высшею властью на счетъ замедленія или неправильнаго рѣшенія какого-либо дѣла. Менѣе важные чиновники могли испытывать подобнаго рода непріятности, притомъ не отъ одной высшей власти, но и отъ ближайшаго своего начальства. Кромѣ того, не будь въ Рязани генералъ-губернатора, каждый изъ менѣе важныхъ чиновниковъ могъ лелѣять себя надеждою получить болѣе выгодную должность или въ губернской администраціи, или гдѣ-либо въ уѣздномъ городѣ сдѣлаться хоть секретаремъ уѣзднаго суда. А тутъ при генералъ-губернаторѣ канцелярія его была неистощимымъ разсадникомъ, изъ котораго добывали преимущественно чиновниковъ для занятія болѣе или менѣе важныхъ должностей.

Деревенское народонаселеніе было, подобно городскому, очень недовольно генералъ-губернаторомъ и имѣло поводы считать свои жалобы на него справедливыми. Балашову хотѣлось исправить хоть такъ называемыя большія дороги по ввѣреннымъ ему губерніямъ. Дороги были дѣйствительно въ дурномъ положеніи: въ грязное время во многихъ мѣстахъ почти не было проѣзда; мосты черезъ ручьи и рѣчки сгнили, а на болотахъ, которыхъ такъ много въ Мещорѣ мостовины въ осеннее и особенно весеннее время были на плыву. Мой дядя, Василій Мартыновичъ, возвратившись въ 1818 году изъ семинаріи въ Туму къ Пасхѣ, разсказывалъ, что онъ съ его товарищами переправлялись въ такъ называемомъ Сороковомъ (сорока-верстное пространство между деревнями Власково и Ершово, покрытое въ то время сплошнымъ лѣсомъ) по болотамъ слѣдующимъ образомъ: мостовины стояли на плыву, мелкія изъ нихъ большею частью опускались въ воду, когда на нихъ становился человѣкъ, но въ разныхъ разстояніяхъ между ними находились довольно толстыя бревна, способныя выдержать человѣка. И потому семинаристы въ одиночку бѣжали по менѣе топкимъ мостовинамъ, чтобы какъ можно менѣе на нихъ находиться и потомъ уже для отдыха останавливались на толстыхъ.

Само собою, и легкія мостовины нерѣдко погружались прежде, нежели ступившій на нее успѣвалъ сойти съ нея, а иногда и толстыя бревна повертывались или тоже погружались отъ тяжести двухъ-трехъ человѣкъ; результатомъ этого было то, что семинаристы опу-

скались въ воду даже до пояса. Кромѣ того верстовые столбы, эта привилегія нашихъ большихъ дорогъ, поставленные едва-ли еще не при Екатеринѣ, подгнили и только кое-гдѣ были видны, какъ остатки давно минувшихъ лѣтъ. Наконецъ самыя версты въ очень многихъ мѣстахъ почему-то состояли изъ 700, а не изъ 500 саженей.

Улучшенія Балашова начались съ того, что всѣ дороги вновь были измѣрены, измѣреніе это произведено было не вездѣ съ большою точностью. Мой батюшка однажды спрашивалъ рязанскаго знакомаго исправника, отчего это по такъ называемому Сороковому бору версты не вездѣ равны?

— Эхъ, батюшка, отвѣчалъ исправникъ, измѣряли мы дорогу въ жаркое время; часто надобно было отдыхать; для этого мы и избирали мѣста посуше, потѣнистѣе, гдѣ бы можно было съ удобствомъ расположиться; вотъ тутъ въ благодарность и ставили верстовой столбъ. Ну, а иногда слѣдовало бы его поставить прямо въ болото; разумѣется, тутъ онъ скоро бы сгнилъ; вотъ мы и искали для него мѣстечка посуше. Но все-таки такъ или иначе верстовые столбы были разставлены.

Затѣмъ ширину дороги назначили въ 30, если не болѣе саженей, хотя по нѣкоторымъ изъ нихъ иногда нужно было пройти нѣсколько верстъ, чтобы встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь; просторъ полный! По ту и другую сторону дороги рыли канавы не менѣе аршина глубины не только въ низменныхъ или ровныхъ мѣстахъ, но даже и на буграхъ, гдѣ вода и безъ того не могла держаться. Затѣмъ около канавки на обѣихъ сторонахъ ея земля шириною до $1^1|_2$—2 саженей поднималась надъ прочею дорогою на четверть аршина, или немного болѣе, въ видѣ, такъ сказать, небольшой террасы, для составленія которой землю брали съ остальнаго пространства дороги (земля изъ канавъ укладывалась неширокимъ возвышеніемъ въ родѣ вала, на внѣшней сторонѣ дороги), и старались придать ему форму такую же, какую имѣютъ городскія мостовыя изъ булыжника, т. е. средина дороги должна была имѣть небольшую высоту, и отъ средины къ террасамъ въ ту и другую сторону дорога должна была понижаться и давать водѣ возможность стекать къ террасамъ. Самыя террасы усаживались двумя рядами

деревьевъ, березъ или ветелъ, кажется, въ разстояніи другъ отъ друга на двѣ сажени.

Деревья посадили; ветла, конечно, не церемонна; она легко принимается, если какая-либо вѣтвь и даже колъ, покрытый корою, воткнулся въ землю; но для березы нужно выбрать время, да еще прибавить хоть небольшое умѣнье. А такъ какъ насаждатели-крестьяне не отличались особеннымъ искусствомъ въ этомъ отношеніи, то и насажденія ихъ не принялись; даже и тѣ, которыя принялись, были поломаны, обгрызаны и вырыты домашними животными, пасшимися на поляхъ, гдѣ лежали дороги. Въ слѣдующій годъ нужно было вновь приниматься за насажденіе, и для сбереженія ихъ отъ животныхъ приказано каждое дерево огораживать круглымъ плетнемъ изъ ивовыхъ прутьевъ; такіе плетни, представлявшіе собою форму опрокинутаго усѣченнаго конуса, назывались въ народѣ кошолками. Деревья подъ защитою ихъ начали приниматься, но появившіяся ихъ вѣтви стали встрѣчать препятствія своему росту въ стѣнкахъ кошолокъ; и потому, кажется, года черезъ два велѣно было кошолки отбросить прочь, а около каждаго дерева вбить по четыре кола, скрѣпить ихъ внизу и вверху связками изъ березовыхъ или ивовыхъ прутьевъ.

Всѣ описанныя работы могли бы назваться легкими, еслибы ихъ производили крестьяне ближайшихъ деревень къ той или другой части дороги. Но премудрая наша администрація, опекающая насъ съ незапамятныхъ временъ и до сего дня, раздѣлила дороги каждаго уѣзда по всѣмъ крестьянамъ его такъ, что развѣ нѣкоторые счастливицы-деревни имѣли доставшіеся имъ участки на своихъ поляхъ, или недалеко отъ себя. Нѣтъ, надобно было крестьянамъ ѣхать на свои участки даже за 20—30 верстъ и болѣе. Живи они вблизи своего участка, они могли бы, отдѣлывая его, ночевать, обѣдать и ужинать дома, а нужныя деревья даромъ брать изъ своихъ лѣсовъ. А теперь надобно было отправляться за 20—30 и болѣе верстъ, платить за ночлегъ или остановиться цыганскимъ таборомъ по срединѣ дороги, запастись съѣстными припасами и потомъ самыя деревья добывать въ сосѣднихъ деревняхъ за бо́льшую или меньшую плату. Это было въ первый годъ, на слѣдующій затрудненія увеличились, потому что понадобились уже не одни де-

ревья, но и кошолки; потомъ еще черезъ года два, нужно было опять пріѣхать и покупать по четыре кола для каждаго дерева.

А между тѣмъ его высокопревосходительство или самъ лично увидитъ, или узнаетъ отъ своихъ довѣренныхъ чиновниковъ и знакомыхъ, что аллеи по террасамъ плохо разрастаются, что лѣнтяи-мужики не умѣютъ защитить деревьевъ отъ овецъ и свиней или уравнять по ватерпасу дорогу, а исправники плохо смотрятъ за этимъ общеполезнымъ и крайне необходимымъ дѣломъ. И вотъ шлются выговоры исправникамъ; эти принимаются распекать засѣдателей (становыхъ приставовъ тогда еще не было), и въ концѣ концовъ отвѣчаетъ мужицкій карманъ, мужицкое лицо, мужицкіе волосы и мужицкія заднія мягкія части или спины; расходъ березовыхъ и ивовыхъ прутьевъ увеличивается.

Но улучшеніе дорогъ повлекло за собою для крестьянъ и другія тягости, кромѣ описанныхъ мною. По дорогамъ нужно было устроить мосты, конечно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были нужны, и дѣйствительно устроили, но даже и тамъ, гдѣ въ нихъ не было надобности. Словомъ, мнѣ случалось видѣть мосты, по которымъ почти никогда не ѣздили, потому что подъ ними почти тоже никогда не бывало воды; подъ ними обыкновенно во время лѣтнихъ жаровъ овцы и свиньи скрывались, чтобы насладиться ихъ тѣнью. Причиною такого излишняго усердія было то обстоятельство, что устройство мостовъ возложено было не на крестьянъ той или другой деревни, а на деньги, которыя слѣдовало набрать съ крестьянъ цѣлаго уѣзда. Планы на мосты составлялись и торги на устройство самыхъ мостовъ производились въ городахъ чиновниками. Но архитекторы наши издавна отличаются умѣньемъ составлять смѣты вдвое, даже втрое противъ того, что́ слѣдуетъ употребить на постройку, а чиновники умѣютъ такъ производить торги, что подрядчики дѣлаютъ небольшую сбавку противъ смѣты, и затѣмъ избытками своихъ барышей дѣлятся со своими благодѣтелями; рука руку моетъ. Напр. въ Мещорѣ крестьяне сами плотники, лѣсу у нихъ было въ то время вдоволь; нужно было только срубить деревья и привезти къ извѣстному мѣсту, иногда въ 2—3-хъ верстахъ и даже менѣе. Такимъ образомъ мостъ обошелся бы для крестьянъ только немногими рабочими днями. Но премудрая администрація отдавала все

съ торговъ извѣстнымъ своимъ любимцамъ по смѣтнымъ почти цѣнамъ, отчего и происходило, что за мостъ, который бы обошелся во 100 р., платили 1.000, даже 2.000 рублей; за мостъ, котораго постройка не потребовала 10—20 руб. платили по 150—200 руб. Конечно, мужикамъ не на что было бы за это сердиться, если бы сами чиновники платили свои деньги. Но дѣло состояло въ томъ, что деньги собирались со всего уѣзда и чиновниками щедрою рукою отдавались подрядчикамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ попадали въ карманы гг. чиновниковъ. Точно такимъ же образомъ устраивались станціонные дома въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находились почтовыя станціи. Конечно, дома вышли очень удобны и красивы, даже въ настоящее время эти дома въ бывшемъ генералъ-губернаторствѣ Балашова лучше, нежели въ другихъ губерніяхъ, кромѣ домовъ, устроенныхъ казною на шоссейныхъ дорогахъ. Но за то чего стоили и дома, и мосты! Шеннъ, какъ бывшій подрядчикъ на множество такихъ построекъ, бывало не могъ о нихъ говорить безъ особаго воодушевленія. «Вотъ такъ было времячко, Дмитрій Ивановичъ, можно было и самому нажить копѣйку, да и другимъ услужить. Тысячи такъ и летѣли въ карманъ».

Нынѣ, когда деревья, посаженныя по большимъ дорогамъ, разрослись въ пятидесяти-лѣтнія деревья и во многихъ мѣстахъ составляютъ почти настоящія тѣнистыя аллеи, нынѣ многіе восхищаются ими и превозносятъ Балашова. Но мужикъ двадцатыхъ годовъ балашовскихъ губерній не имѣлъ поводовъ приходить отъ нихъ въ восторгъ. Ему приходилось на нѣсколько дней уѣзжать изъ дома за 20—30 и болѣе верстъ отъ дома, жить тамъ подъ открытымъ небомъ, находить защиту отъ дождя въ своей телѣгѣ, рогожкѣ или зипунѣ, промокнуть иногда чуть не до костей, схватывать лихорадки и ревматизмы, питаться однимъ хлѣбомъ, а когда онъ выходилъ, добывать или за деньги, или въ видѣ милостыни въ сосѣднемъ селеніи или хлѣбъ или даже сухари у поповъ, рыть канаву нерѣдко подъ дождемъ въ грязи. На слѣдующій годъ опять отправляться туда же устраивать кошолки и послѣ вбивать и обвязывать колышки; въ награду за эти труды получать пощечины, зуботычины, а иногда приходилось лежать и подъ розгами. Потомъ изъ своего же кармана надобно было давать рубли на мосты и на

почтовыя станціи. Хоть и мужикъ, а онъ понималъ, что дороги могли и не имѣть аллей, что мосты и станціи можно было устроить по цѣнѣ въ десять разъ дешевле, что ему можно было отвести участокъ близъ его же деревни, а не посылать чуть не за тридевять земель куда-то.

Но по большимъ дорогамъ главная, такъ сказать, грязь находится не на поляхъ, а въ селеніяхъ; я очень много помню селъ и деревень, которыхъ улицы просыхали развѣ только въ самое жаркое лѣто; къ числу ихъ принадлежали и Тума—моя родина. Балашовъ рѣшился было осушить и селенія, но неудачно. Для этого онъ предписалъ прорыть по улицамъ близъ домовъ канавы и отгородить ихъ отъ средины улицы балюстрадою, состоявшею изъ столбиковъ, выдававшихся надъ поверхностью земли на аршинъ и соединенныхъ между собою двумя брусками вверху и внизу. Сверхъ того приказано было посадить противъ домовъ деревья, чтобы и тутъ образовалось нѣчто въ родѣ аллей. Смѣшно было смотрѣть, что такія канавы и балюстрады устроивались вездѣ и тамъ даже, гдѣ селеніе стояло на косогорѣ, и потому вода сама собою стекала въ низменныя мѣста. Но и тамъ, гдѣ были вырыты канавы, онѣ только стѣснили и еще болѣе загрязнили улицы. Напр. въ Тумѣ духовенство, считая себя привилегированнымъ сословіемъ, не хотѣло рыть канавы противъ своихъ домовъ. Да и тамъ, гдѣ по цѣлому селенію прорыты были канавы, для воды не были приготовлены стоки, гдѣ-либо за домами или въ полѣ, и потому канавы не только наполнялись, но и переполнялись водою. Бруски между столбиками да и самые столбики сперва были поломаны, и проѣзжіе особенно ночью попадали въ самыя канавы, откуда уже вытащить колеса лошади не могли; надобно было непремѣнно искать пособія у жителей, которые частенько не прочь были продавать подороже свое пособіе, не говоря уже въ родѣ слѣдующихъ: «Экъ тебя, лѣшій, угораздило! Куда тебя черти занесли? Развѣ ты ослѣпъ? Развѣ нѣтъ дороги?» и пр. Посаженныя же деревья почти нигдѣ не принялись.

ГЛАВА XL.

О Рюминѣ и нѣкоторыхъ другихъ рязанскихъ жителяхъ-мірянахъ.

И до Балашова и послѣ Балашова и при Балашовѣ жила въ Рязани туземная, можно сказать, самородная знаменитость—статскій совѣтникъ Гавріилъ Васильевичъ Рюминъ, о которомъ даже и теперь, слишкомъ черезъ 40 лѣтъ послѣ его смерти, разсказываются легендарныя преданія. Несмотря на то, что въ 1824 г. ему уже было за 70 лѣтъ, въ Рязани было еще нѣсколько стариковъ, его сверстниковъ, которые видѣли его дѣтство и знали былыя его занятія. Рюминъ по своему происхожденію былъ мѣщанинъ, въ дѣтствѣ и молодыхъ лѣтахъ добывалъ себѣ хлѣбъ разноскою аладьевъ, блиновъ, пирожковъ и разною мелочною торговлею и, разумѣется, былъ очень бѣденъ, перебиваясь по поговоркѣ, со дня на день кое-какъ, гдѣ сытый, а гдѣ и впроголодь. Еще незадолго до 1824 года, жилъ-былъ въ Рязани бѣдный мѣщанинъ Харинъ, которому когда-то Рюминъ остался долженъ три денежки за аладьи или блины. Харинъ, подвыпивши, имѣлъ обыкновеніе подходить къ дому бывшаго своего собѣдняги, а теперь сдѣлавшагося богачомъ, и кричалъ ему съ улицы: «Эй, Гаврюшка, что же ты мнѣ не отдаешь три денежки, которыя и Богъ знаетъ когда заѣлъ у меня? Отдай, говорю тебѣ; покою тебѣ не дамъ!». Ему отдавали не разъ не денежки, а рубли и ассигнаціи, но онъ приговаривалъ, принимая впрочемъ ихъ: «Это не то; нѣтъ, ты отдай мнѣ три денежки такія, какія ходили тогда, какъ ты у меня заѣлъ аладьевъ на три денежки». Разумѣется, пьянчугѣ доставалось и отъ полиціи, и отъ лакеевъ Рюмина, но онъ все-таки любилъ напоминать богачу о своихъ трехъ денежкахъ.

О томъ, какъ Рюминъ сдѣлался богачемъ, носились различные слухи; но всѣ они сходились въ томъ, что, бросивъ аладьи, пирожки, блинцы и другіе предметы мелочной торговли, пошелъ, по тогдашнему выраженію, по кабацкой части; сначала пристроился гдѣ-то подносчикомъ, т. е. помощникомъ цѣловальника, потомъ самъ сдѣлался цѣловальникомъ; тутъ его замѣтилъ тогдашній бо-

гачъ и откупщикъ-рязанецъ Мальшинъ, сдѣлавъ своимъ агентомъ, помощникомъ и пр. Поговаривали даже, что Рюминъ умѣлъ не совсѣмъ добросовѣстно поважиться около своего благодѣтеля, но, какъ бы то ни было, только онъ скоро сдѣлался самъ откупщикомъ и зачислился, разумѣется, въ первую купеческую гильдію. Отсюда уже было не далеко до званія коммерціи совѣтника, а почислившись нѣсколько лѣтъ коммерціи совѣтникомъ, хоть можетъ быть ровно ничего не посовѣтовавши по части русской коммерціи, можно уже было получить чинъ надворнаго совѣтника. Сверхъ того, Рюминъ сдѣлалъ много крупныхъ пожертвованій; особенно говорили, что въ 1812 г. едва-ли не до милліона пожертвовалъ на тогдашнія военныя нужды. Все это давало ему ордена, чины, извѣстность. О немъ узналъ покойный императоръ Александръ I, видѣлъ, полюбилъ его и былъ крестнымъ отцомъ одного или нѣсколькихъ дѣтей его, и, когда пріѣзжалъ въ Рязань, всегда останавливался въ домѣ Рюмина. Однажды Балашовъ, будучи недоволенъ за что-то Рюминымъ, приготовилъ квартиру для государя въ другомъ какомъ-то домѣ. Но государь, когда его подвезли къ отведенной для него квартирѣ, сказалъ: «Это что такое? Я хочу остановиться у Рюмина» и велѣлъ везти себя туда. Старикъ на всякій случай приготовился, и императоръ нашелъ прежнюю свою квартиру въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ заставалъ ее прежде.

Но Рюминъ, награждаемый чинами и орденами, не забывалъ того, что̀ ему ихъ доставляло, т. е. деньги. Какъ ловкій и оборотливый откупщикъ, онъ жилъ и наживался и, сдѣлавшись дворяниномъ, началъ покупать крестьянъ на нажитыя деньги. По смерти его, случившейся, кажется, въ 1827 г., оказалось, что онъ оставилъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство, какъ тогда говорили, болѣе 10.000 душъ крестьянъ и до 15 милліоновъ рублей денегъ. Этотъ бывшій блинщикъ и подносчикъ, сдѣлавшійся статскимъ совѣтникомъ, богачемъ и кумомъ государя, кажется, не забывалъ о прежней своей бѣдности и былъ очень хорошимъ помѣщикомъ относительно своихъ крестьянъ. Оброкъ на нихъ налагалъ очень не большой, рублей по 20—30 съ тягла, снабжалъ крестьянъ землею болѣе нежели въ достаточномъ количествѣ, а главное — его фамилія служила имъ защитою противъ чиновничьихъ придирокъ. Рюминскаго кресть-

янина опасались поприжать и исправникъ, и засѣдатель, и стряпчій, и даже все временное отдѣленіе, составлявшееся для производства какого-либо слѣдствія; развѣ только къ бурмистрамъ Рюмина любили заѣзжать напиться чаю, поѣсть и попить. Послѣ этого не удивительно, что крестьяне Рюмина жили хорошо; нищіе между ними были рѣдкость. Въ Тумѣ и около нея рюминскіе крестьяне были самыми зажиточными.

Не забывалъ онъ, какъ выражались духовные, и церквей Божіихъ. Въ Рязани онъ выстроилъ второй этажъ соборной колокольни и передѣлалъ теплый соборъ. Затѣмъ священники, въ приходѣ которыхъ находились рюминскіе крестьяне, смѣло могли идти къ барину ихъ; почти не было примѣра, чтобы по объясненіи церковныхъ нуждъ онъ отказалъ въ пособіи просимаго, но большею частью всегда давалъ порядочную сумму. Мой батюшка при постройкѣ каменной церкви и въ разныхъ другихъ случаяхъ являлся къ нему не одинъ разъ; покойникъ говорилъ, что былъ принимаемъ самымъ вѣжливымъ образомъ; случалось даже, что онъ занимался съ однимъ батюшкою и, выслушавъ его нужды, просилъ посидѣть, напиться чаю и разговаривалъ съ нимъ по часу, по два, оставляя даже своихъ гостей. Два раза батюшка имѣлъ случай видѣть его казначейство. Одинъ изъ этихъ случаевъ онъ такъ описывалъ. Выслушавъ разсказъ о нуждахъ тумской церкви, Рюминъ позвалъ свою ключницу и спросилъ моего батюшку: «Пойдетъ ли отецъ протопопъ въ мою кладовую?»

Она была устроена у него на одномъ изъ угловъ его дома безъ оконъ. Сначала была, кажется, деревянная красная дверь, потомъ слѣдовала желѣзная съ нѣсколькими замками. Когда обѣ двери были отворены, батюшка, вошедши за ключницею и Рюминымъ въ кладовую, увидѣлъ большой желѣзный сундукъ, прикованный цѣпями со всѣхъ сторонъ. Сначала Рюминъ попробовалъ висячіе замки, потомъ велѣлъ ключницѣ отпереть сундукъ и, когда крышка открылась при помощи какого-то механизма, онъ быстро осмотрѣлъ внутренность сундука, гдѣ батюшка замѣтилъ кучи ассигнацій и мѣшки монеты.

Старикъ сказалъ ключницѣ: «возьми вонъ въ томъ углу тысячу рублей». Взявъ ее въ руки, онъ велѣлъ запереть сундукъ, попро-

бовалъ каждый замокъ, послѣ того какъ его заперла ключница; то же самое сдѣлалъ съ замками дверными. Пришедши въ одну изъ комнатъ онъ ключницѣ велѣлъ положить связку ключей въ тотъ ящикъ комода, откуда она ихъ прежде вынула, и ключъ отъ него уже положилъ къ себѣ въ карманъ. Отдавши батюшкѣ деньги и попросивши непремѣнно пересчитать ихъ, онъ сказалъ: «я, батюшка, въ комодѣ мало держу денегъ, а въ кладовую самъ всегда хожу за ними, это надежнѣе».

Настоящимъ, впрочемъ, благодѣтелемъ Рюминъ былъ для рязанской аристократіи, какъ помѣщичьей, такъ и чиновничьей; для купцовъ, кажется, онъ былъ не очень доступенъ, по крайней мѣрѣ они у него едва-ли бывали гостями; какъ-то объ этомъ мало тогда говорили. За то имѣвшіе свободный входъ въ домъ Рюмина чиновники и помѣщики находили тамъ всегда щедрое угощеніе. Кажется, особенныхъ пріемныхъ дней не было; едва-ли не каждый день двери были отворены для желающихъ воспользоваться гостепріимствомъ хозяина. Надобно полагать, что иногда у старика бывали гости даже и среди дня; такъ по крайней мѣрѣ разсказывалъ мой батюшка. Однажды, пришедши къ Рюмину до обѣда, онъ былъ принятъ имъ въ одной изъ залъ и слышалъ, что въ сосѣдней комнатѣ происходила карточная игра. Сидѣть ему пришлось довольно долго. Чрезъ нѣсколько времени одинъ господинъ вышелъ изъ той комнаты, гдѣ была игра, и сталъ прощаться съ хозяиномъ. Этотъ спросилъ его: «Счастливо ли играли вы? и получилъ въ отвѣтъ: «Выигралъ». Потомъ одинъ за другимъ вышли еще три человѣка, и каждый изъ нихъ доложилъ хозяину, что онъ тоже остался въ выигрышѣ. Рюминъ, оставшись одинъ съ батюшкою, сказалъ: «Вотъ, батюшка, всѣ четверо остались въ выигрышѣ, всегда такъ любятъ хвастаться и врать».

Но и прочимъ жителямъ Рязани Рюминъ доставлялъ разныя удовольствія. Нѣсколько лѣтъ онъ содержалъ на свой счетъ въ Рязани театръ, который по тогдашнимъ слухамъ приносилъ ему до 10.000 руб. чистаго убытка. Я самъ никогда не бывалъ при представленіяхъ на этомъ театрѣ, но слыхалъ, съ какимъ восхищеніемъ разсказывали богословы и философы о томъ, что они тамъ видѣли и слышали. Особенно хвалили какую-то оперу подъ названіемъ

«Русалка». Потомъ всѣмъ городскимъ жителямъ, разумѣется, порядочно одѣтымъ, открытъ былъ во все лѣтнее время входъ на загородную дачу Рюмина. Она находится близъ самаго города и даже до сихъ поръ служитъ чуть не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно подышать свѣжимъ полевымъ воздухомъ, имѣя возможность прикрываться подъ тѣнью деревьевъ и прогуливаться по хорошо утрамбованнымъ дорожкамъ. При старикѣ Рюминѣ она содержалась гораздо лучше, нежели при сынѣ и внукѣ его; тогда небольшая деревенька крѣпостныхъ крестьямъ только и имѣла обязанность содержать рощу въ чистотѣ. Ежегодно на этой дачѣ Рюминъ въ какіе-то семейные праздники устраивалъ очень порядочные фейерверки, которые отличались особеннымъ великолѣпіемъ, когда онъ выдавалъ двухъ своихъ дочерей, одну между прочимъ за генерала Павленко, бывшаго послѣ начальникомъ рязанскаго ополченія въ Крымскую войну.

Чтобы посоперничать съ Рюминымъ, Балашовъ устраивалъ тоже фейерверки въ день именинъ своей жены, но въ самой Рязани можно сказать въ центрѣ ея на пустой землѣ близъ дома гимназіи. Но эти фейерверки, не говоря уже томъ, что какая-либо шальная ракета могла произвести пожаръ въ лучшихъ улицахъ города, были гораздо хуже рюминскихъ, а потомъ скоро и прекратились по случаю смерти жены генералъ-губернатора. Эта смерть доставила рязанцамъ возможность видѣть самое пышное для города погребеніе. Не говоря уже о томъ, что отпѣваніе происходило въ соборѣ, что въ погребальной церемоніи участвовало все рязанское духовенство подъ предводительствомъ самого архіерея, погребальное шествіе сопровождалось цѣлыми тысячами зѣвающаго народа всѣхъ сословій отъ собора до Московской заставы (могила для покойницы приготовлена была гдѣ-то не въ Рязани), не знаю почему, но и у насъ въ этотъ день не было класса, и мы тоже смотрѣли съ удивленіемъ на балдахинъ надъ дрогами, гдѣ стоялъ гробъ, на траурное одѣяніе лошадей и людей, на горящіе факелы и пр.

Соперники скоро одинъ за другимъ не только разстались между собою, но и навсегда оставили Рязань. Балашовъ, какъ я уже говорилъ, уѣхалъ въ Петербургъ, такъ сказать, членствовать въ Государственномъ Совѣтѣ. Дошла очередь и до Рюмина; но онъ от-

правился тою дорогою, по которой приходится всѣмъ людямъ рано или поздно отправляться. Разбогатѣвши, вѣроятно, онъ въ былыя времена не захотѣлъ довольствоваться нашимъ зеленымъ виномъ, несмотря на то, что оно ему доставило и богатство, и почетъ, и даже маленькую знатность; должно думать, принялся за шампанское и другія вина западнаго происхожденія, за что Бахусомъ и былъ наказанъ, наживъ болѣзнь богачей. За долго еще до моего переселенія въ Разань, я слыхалъ, что Рюминъ весь опухъ, что ноги и руки его въ язвахъ, что его каждый день обкладываютъ пластырями, что пальцы его на рукахъ толсты отъ опухоли и пластырей, и всегда при людяхъ покрыты перчатками. Такъ описывала народная молва подагру и хирагру, которыми рязанскій Лукуллъ страдалъ, кажется, не одинъ десятокъ лѣтъ. То же самое молва гласила, что онъ будто бы лѣчился не одними пластырями и подражалъ царю Давиду. Въ какой степени справедливо это,—сказать я не могу. Но о вліяніи подагры и хирагры на стараго Селадона я самъ имѣлъ возможность судить, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ на такъ называемые публичные экзамены. Несмотря на то, что онъ даже свое имя подписывалъ очень дурно и не умѣлъ хорошо читать, а читалъ одни векселя, контракты и т. п., его съ особенною заботливостью приглашали въ семинарію на экзамены, чтобы онъ оцѣнилъ своимъ откупщичьимъ взглядомъ наши ученыя занятія и своимъ высокимъ вниманіемъ поощрилъ насъ къ дальнѣйшему продолженію ихъ. Какая, бывало, тревога поднимается при его пріѣздѣ! Онъ еще гдѣ-то тамъ съ трудомъ, при помощи двухъ здоровыхъ лакеевъ, вылѣзаетъ изъ кареты, едва перестанавливаетъ ноги съ одного приступка лѣстницы на другой и кое-какъ тащитъ ихъ даже по ровному тротуару, а въ залѣ уже вслухъ говорятъ: «Гаврила Васильевичъ пріѣхалъ, Гаврила Васильевичъ пріѣхалъ!». Экзаменъ пріостанавливается; ректоръ, инспекторъ спѣшатъ навстрѣчу высокому милостивцу; прочіе смотрятъ на дверь, даже самъ преосвященный какъ бы чувствуетъ, что является новое свѣтило, готовое затмить его. Наконецъ, свѣтило вступаетъ въ залу; все встаетъ; оно едва передвигается, принимаетъ благословеніе отъ другаго свѣтила, впрочемъ, безъ лобзанія благословляющей десницы, подаетъ свою десницу тѣмъ, кого считаетъ достойнымъ того, прочимъ—поклонъ головою, усаживается рядомъ

съ преосвященнымъ, получаетъ отъ самого ректора конспекты тѣхъ наукъ, изъ которыхъ долженъ происходить экзаменъ; тутъ-то наконецъ вспоминаютъ объ насъ, движеніемъ головы, или рѣсницъ, или руки, приказываютъ намъ садиться. Все мало-по-малу утихаетъ, и прерванный экзаменъ вновь начинается. И удивительное дѣло! Вѣрно среда имѣетъ волшебное дѣйствіе. Этотъ бывшій продавецъ аладьевъ и блиновъ, подносчикъ и откупщикъ предлагалъ тоже вопросы, которые выслушивались и рѣшались съ достодолжнымъ вниманіемъ къ его если не уму, то карману. Вотъ тутъ-то бывало мы и смотрѣли во всѣ глаза.

Но и рязанская медицина со своими пластырями и давидовскіе компрессы не могли спасти Лукулла рязанскаго отъ костлявой старухи съ ея косою. Рюминъ скончался, какъ я уже говорилъ, въ 1827 г. Его наслѣдники-дѣти озаботились доставить при этомъ случаѣ рязанскимъ жителямъ не совсѣмъ обыкновенный спектакль. Покойникъ лежалъ въ одной изъ залъ своего огромнаго дома, на возвышенномъ катафалкѣ въ великолѣпномъ гробѣ, покрытомъ богатѣйшею парчею, обставленномъ подсвѣчниками съ толстѣйшими свѣчами. Высшая рязанская публика приглашалась на двукратно совершавшіяся панихиды при гробѣ въ каждый день; духовенство соборне пѣло со святыми упокой и вѣчную память. Прочей средней и низшей публикѣ дозволено было почтить память покойника своими поклонами во время панихидъ. Двери дома были отворены для всякаго желавшаго войти въ нихъ; нужно было только при входѣ вытирать ноги. Гробъ былъ поставленъ гдѣ-то далеко отъ передней, нужно было проходить по длинному ряду комнатъ, гдѣ лакеи разставлены были въ приличномъ траурномъ одѣяніи; доходили до катафалка и до гроба; тутъ позволялось не надолго остановиться, поклониться покойнику и отправляться далѣе, но по другимъ комнатамъ; такъ что посѣтители имѣли возможность любоваться чуть не всѣми комнатами втораго этажа дворца покойнаго. Самое же перенесеніе тѣла изъ дома въ Троицкій монастырь и отпѣваніе тамъ происходило не очень торжественно. Разумѣется, дроги, балдахинъ, траурныя лошади и кучера, факелы и еловыя вѣтви, — все это было, какъ слѣдовало. Хотя архіерей, жившій въ то время въ Петербургѣ, не могъ быть при погребеніи, но все-таки духо-

венства подъ предстательствомъ нашего ректора было вдоволь; пѣвчіе со всеусердіемъ пѣли Святый Боже. За гробомъ въ приличномъ трaурѣ шли четыре сына покойнаго, безъ фуражекъ, несмотря на холодное время и трехъ-верстное разстояніе между домомъ и монастыремъ. Но охотниковъ провожать гробъ нашлось не очень много; по улицамъ стояло вездѣ порядочное количество зѣвающихъ, но они не присоединялись къ печальной церемоніи, въ которой за гробомъ шло едва-ли 200 человѣкъ.

Такъ какъ ректоръ и инспекторъ были въ церемоніи, то нѣкоторые изъ насъ, въ числѣ ихъ и я, нашли возможность уйти изъ семинаріи и присоединиться къ погребальному шествію. Къ этому насъ побудилъ слухъ о томъ, что ректоръ станетъ говорить проповѣдь. И слушали мы ее. Много мнѣ случалось слыхать надгробныхъ словъ; въ то время была особенная на нихъ мода, особенно въ семинаріяхъ; даже мальчишкѣ въ 14—16 лѣтъ сочинялись рѣчи, проповѣди, даже стихи, и произносились въ церкви у гроба, или на кладбищѣ при опущеніи въ могилу. Разумѣется, тутъ не щадили пышно пустыхъ фразъ, потому что настоящихъ дѣльныхъ мыслей трудно было пріискать къ такимъ черезъ-чуръ обыкновеннымъ случаямъ. Но проповѣдь Иліодора при погребеніи была, кажется, образчикомъ нелѣпаго семинарскаго пустоглаголенія. Самая низкая лесть относительно покойника, пересоленныя, такъ сказать, похвалы его добродѣтелямъ, множество церковно-библейскихъ словъ, соединявшихся въ надутыя выраженія, опошленныя мысли о суетѣ міра сего, о тлѣнности благъ земныхъ и пр.,—все даже намъ, семинаристамъ, не имѣвшимъ почти никакого литературнаго вкуса, и то показалось слишкомъ натянутымъ и невыносимо-приторнымъ.

Скажу нѣсколько словъ о наслѣдникахъ-дѣтяхъ рязанскаго Лукулла; о замужествѣ двухъ дочерей я уже говорилъ; оставалось еще четыре сына: Николай, Александръ, Василій и Иванъ; между ними-то раздѣлено было богатое наслѣдство отца; дочери уже прежде были снабжены приданымъ. Николай былъ сыномъ достойнымъ своего отца, любилъ и былъ способенъ беречь и наживать деньги, и за эту вѣроятно способность награжденъ былъ отцомъ болѣе, нежели другіе сыновья. По тогдашнимъ слухамъ, крестьяне были будто бы раздѣлены поровну между сыновьями; каждому досталось

будто бы съ чѣмъ-то по три тысячи душъ или около того. Но деньги едва-ли не всѣ или по крайней мѣрѣ большею частію достались Николаю, и онъ постарался поскорѣе прибрать ихъ подъ свой непосредственный надзоръ. Еще при жизни отца, онъ жилъ въ особомъ домѣ, почти визави съ отцовскимъ дворцомъ. Пока еще тѣло отца стояло въ дому, сундукъ оставался тамъ же въ кладовой. Но лишь тѣло торжественно отправили въ Троицкій монастырь, какъ лица, уполномоченныя Николаемъ Гавриловичемъ, едва-ли не съ большею торжественностію перенесли въ домъ его, разумѣется, со всѣми пачками и мѣшками, въ немъ хранившимися. Второй—Александръ почему-то считался дуракомъ; вѣрно ли это, не знаю, но я замѣтилъ, что онъ болѣе всѣхъ дѣтей плакалъ и во время перенесенія тѣла отца, и во время погребенія. Василій и Иванъ были юноши лѣтъ 20-ти или немного болѣе. Александръ скоро умеръ, и я ничего не могу сказать о немъ. Василію достались деревни Тумскаго прихода и окрестностей этого села. Это былъ едва-ли не самый лучшій, по отношенію къ крестьянамъ, изъ сыновей Рюмина. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти отца своего, онъ рѣшился на рѣдкій во время крѣпостничества поступокъ, на увольненіе своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Поступокъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалъ, что старшій братъ Николай давалъ ему гораздо большую сумму, нежели какую должны были внести крестьяне. Благородный этотъ человѣкъ недолго пожилъ. Иванъ жилъ въ Петербургѣ; о немъ знаю я только то, что онъ состоялъ членомъ тамошняго тюремнаго комитета, и тоже не очень долго жилъ; всѣ эти три брата не оставили по себѣ потомства, даже едва-ли были женаты. Одинъ Николай долженъ былъ увѣковѣчить свою фамилію. Получивши милліоны рублей и тысячи крестьянскихъ душъ въ свое владѣніе, онъ пошелъ по слѣдамъ папаши, сдѣлался однимъ изъ почетныхъ нашихъ откупщиковъ и нажилъ, какъ долго говорили, громадное состояніе. Рязанское дворянство чуть ли не слишкомъ 30 лѣтъ постоянно выбирало его почетнымъ попечителемъ своей гимназіи. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно оказалъ огромныя услуги ей. Не говоря уже о томъ, что купивши отцовскій дворецъ у своего брата, кажется, Василія, онъ его подарилъ для благороднаго пансіона; отъ него ежегодно были дѣлаемы болѣе или

менѣе значительныя пожертвованія, общая сумма которыхъ превышала сотню тысячъ. Но этотъ богачъ, по уничтоженіи откуповъ, пустился въ разныя неудачныя спекуляціи, конечно, не сдѣлался бѣднымъ, но пересталъ быть богатымъ человѣкомъ и оставилъ единственному своему сыну не Богъ знаетъ какое состояніе. Сынъ этотъ представляетъ какую-то тощую, исхудалую, изношенную физіономію, и единственный сынъ его тоже не обѣщаетъ быть здоровымъ. Очень не удивительно поэтому, что потомство нашего богача въ четвертомъ колѣнѣ пресѣчется.

ГЛАВА XLI.

О Симонѣ и Амвросіи, рязанскихъ архіепископахъ.

Теперь бы слѣдовало взяться за третью рязанскую знаменитость, за архіепископа Сергія. Но мнѣ пришлось очень много слышать о трехъ его предшественникахъ. Свѣдѣнія эти могутъ характеризовать тогдашнее духовенство, и потому я нашелъ нужнымъ здѣсь изложить ихъ.

Симонъ архіерействовалъ въ Рязани нѣсколько десятковъ лѣтъ, преимущественно въ прошедшемъ столѣтіи и немного въ нынѣшнемъ. По всѣмъ разсказамъ, которые мнѣ удалось слышать, это былъ честный, добродѣтельный и ученый архипастырь, оставившій по себѣ очень хорошую память. Сколько разъ мнѣ случалось въ дѣтствѣ слышать старыхъ священниковъ, разсуждавшихъ о какомъ-либо современномъ архіереѣ и приговаривавшихъ: «Э, что это за архіерей? Вотъ Симонъ—такъ уже владыка былъ, настоящій архипастырь! Дай Богъ ему царство небесное!»

По тогдашнему времени онъ принадлежалъ къ ученымъ, т. е. нашимъ богословамъ, продолжалъ заниматься науками и въ архіерейскомъ санѣ, и составилъ у себя очень большую библіотеку, которую и завѣщалъ послѣ своей смерти въ Рязанскую семинарію. Батюшка мой, учившись еще въ семинаріи во время кончины преосвященнаго, разсказывалъ, что очень значительная часть пожертвованной библіотеки была распродана не только начальствую-

щими лицами, но даже семинаристами, составлявшими каталогъ книгъ. Тѣ брали, что ни было, можетъ быть лучшаго, и эти хватали, что подъ руку попадалось, и при выходѣ изъ архіерейскаго дома припрятывали гдѣ-либо подъ платьемъ или выбрасывали изъ оконъ на дворъ, гдѣ напередъ подговоренные знакомые подбирали выброшенное. Несмотря на происшедшую отъ этого громадную растрату, все-таки въ семинарскую библіотеку поступило очень много книгъ, такъ что во время моего ученья въ семинаріи едва-ли не половина ея состояла изъ этихъ книгъ. Онѣ были, разумѣется, преимущественно богословскаго содержанія на латинскомъ языкѣ. При пересмотрѣ ихъ легко можно было замѣтить, что онѣ у прежняго владѣльца не просто стояли въ шкафу, а читались и читались со вниманіемъ, потому что рѣдкая изъ нихъ не имѣла на поляхъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ рукою преосвященнаго. На немногихъ книгахъ, которыя мнѣ случалось брать изъ библіотеки, когда я обучался въ философіи и богословіи, попадались мнѣ такого рода замѣтки.

Занимаясь ученостью, владыка былъ очень внимателенъ къ единственнымъ тогда лицамъ, которыхъ въ Рязани можно было назвать учеными, т. е. наставникамъ семинаріи и также къ семинаріи. Онъ очень часто приглашалъ учителей in corpore на вечера и даже обѣды къ себѣ. Конечно, тутъ что-нибудь ѣли и пили, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорили и объ ученыхъ предметахъ и, главное дѣло, наставники находили ободреніе своихъ трудовъ во вниманіи владыки къ нимъ. Лучшіе же изъ нихъ: Іеронимъ, Ириній, Осипъ Евсеевичъ Срезневскій и др. пользовались особеннымъ его расположеніемъ.

Замѣчательно, что этотъ честный и умный архипастырь, истинный монахъ по неукоризненной своей жизни, любилъ доставлять жителямъ Рязани удовольствія и даже весело проводить время. Въ загородной архіерейской рощѣ, извѣстной подъ именемъ Ново-Павловки, или Ново-Павловской, онъ живалъ самъ въ лѣтнее время. Въ саду былъ очень недурной дачный домъ и три пруда съ рыбою. Конечно, рыбою пользовался только владыка и его приближенные, но садъ былъ открытъ для всѣхъ желающихъ въ немъ прогуливаться. Были въ немъ устроены хорошія дорожки, бесѣдки, скамейки; дѣтямъ позволялось играть по лугамъ, взрослые приходили съ самоварами и пили чай. Увѣряли меня, что даже иногда вла-

дыка въ особенные праздники нанималъ музыкантовъ для удовольствія собиравшейся публики; приближенные же и знакомые владыки находили привѣтъ и угощеніе въ его покояхъ. Самые семинаристы въ такъ называемыя рекреаціи прихаживали въ Ново-Павловку, чтобы поиграть и повеселиться здѣсь. Владыка самъ выходилъ къ нимъ, покупалъ для нихъ лакомства, вступалъ въ разговоры съ нѣкоторыми изъ нихъ. Прошу вновь замѣтить, что Симонъ вовсе не былъ нѣчто въ родѣ bon-vivant; нѣтъ, онъ велъ настоящую монашескую жизнь, но былъ настолько уменъ и добръ, настолько имѣлъ свѣтлый взглядъ на христіанскую религію, что мірскія развлеченія и удовольствія не считалъ препятствіемъ къ благочестію.

Преемникомъ Симона былъ Амвросій, переведенный въ Рязань, кажется, изъ Вятки и привезшій съ собою своего родственника Алексѣя Сидоровича Полянскаго, который, какъ онъ самъ любилъ хвастаться, учился вмѣстѣ съ Филаретомъ московскимъ въ Троицкой семинаріи и по пріѣздѣ въ Рязань скоро сдѣланъ былъ учителемъ философіи, священникомъ и послѣ каѳедральнымъ протоіереемъ; въ этой должности онъ прослужилъ слишкомъ сорокъ лѣтъ. Амвросій во многихъ отношеніяхъ не былъ похожъ на своего предшественника и принадлежалъ къ новому поколѣнію архіереевъ, взявшихъ за образецъ для себя тогдашняго московскаго митрополита Платона. Онъ еще не былъ грубъ, недоступенъ, непривѣтливъ, гордъ относительно своихъ подчиненныхъ, но своимъ обращеніемъ и тономъ давалъ имъ замѣтить, что между имъ, представителемъ Іисуса Христа, и между ними, преемниками галилейскихъ рыбаковъ, находится дистанція огромнаго размѣра: монахъ въ глазахъ его уже былъ гораздо выше попа и даже протопопа. Зато онъ любилъ имѣть дѣло и вести хлѣбъ-соль съ вліятельными мірянами: помѣщиками и чиновниками; богатыхъ купцовъ, которые стоили бы архипастырской благосклонности, тогда въ Рязани не было. Можно сказать, что онъ жилъ, такъ сказать, на два дома, принимая своихъ гостей и у себя, и рекомендуя имъ познакомиться съ своимъ родственникомъ Полянскимъ. Объ этомъ я очень хорошо узналъ отъ бывшаго предсѣдателя рязанской уголовной палаты Стромилова. Онъ въ дѣтствѣ со своимъ отцомъ бывалъ въ Рязани. Отецъ однажды сказалъ ему: «Ну, Евграфъ, пойдемъ, я тебѣ покажу двухъ важныхъ поповъ;

одинъ изъ нихъ и въ церкви стоитъ въ шапкѣ (въ митрѣ?), а другой славно угощаетъ»,—подъ первымъ разумѣя Амвросія, подъ вторымъ Полянскаго. У того они не очень долго посидѣли, за то у Полянскаго и въ этотъ день, и послѣ проводили время очень долго. Строміловъ, какъ довольно живой мальчикъ, не могъ усидѣть въ комнатѣ и, пока отецъ его говорилъ съ хозяиномъ, онъ успѣвалъ побывать не только въ саду и на дворѣ, но и въ кухнѣ. По его словамъ, у Полянскаго былъ поваръ съ помощникомъ, что̀ тогда было совершенною рѣдкостью для какого-либо священника. Своими средствами Полянскій, разумѣется, не могъ жить на столь широкую ногу; пособія для такой жизни онъ получалъ отъ щедрой руки своего сановнаго родственника.

И самъ владыка, какъ человѣкъ знающій свѣтскія приличія, любилъ отплачивать визиты, конечно, далеко не всѣмъ своимъ посѣтителямъ, на что̀ не достало бы и времени, но тѣмъ, кого онъ находилъ достойнымъ своего вниманія. Какъ хозяинъ и гость, владыка былъ, какъ говорится, душою компаніи, но все-таки старался удерживать важность, которая необходима для поддержанія архіерейскаго сана. Этотъ архіерей часто былъ боленъ, почему нерѣдко не могъ отправлять въ торжественные дни богослуженія. Это однажды подало поводъ большой неловкости со стороны одного неразумнаго помѣщика.

Въ Рязани, или лучше около Рязани, въ своемъ имѣніи, селѣ Шумошахъ, жилъ помѣщикъ Кабановъ, не отличавшійся хорошими умственными способностями. О достоинствѣ можно заключить по слѣдующему анекдоту. При императорѣ Павлѣ рязанскимъ губернаторомъ былъ нѣкто Кавалинскій, человѣкъ умный и дѣльный. Происходя изъ духовнаго званія, онъ былъ очень не богатъ, и такъ какъ при Павлѣ было не безопасно взяточничество, то Кавалинскому приходилось нерѣдко добывать себѣ деньги взаймы безъ отдачи. Кабановъ не отказывалъ ему въ этой услугѣ; за то и самъ считалъ себя въ правѣ относиться къ нему за разрѣшеніемъ трудныхъ для него вопросовъ. Онъ отдалъ своего малолѣтняго сына въ какой-то московскій пансіонъ. Кавалинскій, увидѣвшись съ нимъ въ довольно большомъ обществѣ, спросилъ его: «Ну, что, каково успѣваетъ вашъ сынъ въ пансіонѣ?» Кабановъ отвѣчалъ: «Очень хорошо, ваше пре-

восходительство, очень хорошо; меня увѣдомляютъ, что онъ уже дошелъ до именъ существительныхъ и прилагательныхъ».

И эта рекомендація успѣховъ сына разсмѣшила гостей, но Кабановъ успѣлъ еще болѣе развеселить ихъ.

— А что, ваше превосходительство, продолжалъ онъ говорить Кавалинскому, позвольте васъ спросить, что это такое за имя существительное и прилагательное; сдѣлайте милость, объясните мнѣ, а то я не понимаю.

— О! объяснить не трудно, отвѣчалъ Кавалинскій; вотъ если напр. сказать, что Кавалинскій дуракъ, такъ это будетъ не существительное, а прилагательное имя. А если сказать, что Кабановъ дуракъ, ну, это будетъ уже существительнымъ, а не прилагательнымъ, именемъ. Понимаете ли теперь, что такое имя существительное и прилагательное?

Кабановъ отвѣчалъ: «Понимаю, понимаю», хотя къ потѣхѣ собесѣдниковъ вовсе не догадался о всей колкости противъ него, высказанной пріятелемъ его губернаторомъ.

Вотъ эта-то умная голова однажды вздумала прочитать небольшую проповѣдку Амвросію. Владыка по причинѣ болѣзни не служилъ во время Пасхи и въ другіе предшествующіе ей и послѣдующіе за нею праздники. Жители Рязани, можетъ быть, и не были въ буквальномъ смыслѣ недовольны имъ, но все-таки многонько говорили объ этомъ. Владыка выздоровѣлъ и сталъ выѣзжать къ своимъ знакомымъ. Однажды его пригласили едва-ли не къ губернатору на какой-то семейный праздникъ, на которомъ присутствовало очень много гостей. Архіерей былъ очень веселъ и говорливъ; бесѣда шла оживленная и увлекательная. Въ это-то время вдругъ и Кабановъ вздумалъ принять участіе въ разговорѣ.

— А что, ваше высокопреосвящество, сказалъ онъ, позвольте мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ.

И архіерей, и хозяинъ, и гости не ожидали особенно умнаго чего-нибудь отъ вопрошавшаго; всѣ приготовились выслушать что-либо глуповатое, смѣшное, но не обидное.

— Сдѣлайте милость, съ улыбкою сказалъ владыка, извольте спрашивать, я готовъ отвѣчать вамъ,—сказалъ архіерей.

— А вотъ что, ваше высокопреосвященство, позвольте васъ

спросить, отчего это вы не служили ни въ Пасху, ни въ другіе праздники? Публика вами очень недовольна.

Всѣ, разумѣется, остолбенѣли, услышавъ такой глупый и неприличный вопросъ; архіерей сначала сконфузился, но скоро, собравшись съ духомъ, всталъ и разсерженный сказалъ:

— Развѣ публикѣ не извѣстно, что я былъ нездоровъ? Развѣ болѣзнь не извиняетъ меня? Не нарочно ли меня сюда и пригласили, чтобы мнѣ сдѣлать публичный выговоръ? Прощайте.—Эй, человѣкъ, вели подавать мнѣ карету!

Сказавши эти слова, владыка величественно пошелъ изъ гостиной. Хозяинъ и почетные гости обступили его, стали упрашивать его, говорили, что публика вовсе и не думала обижаться имъ, что всѣ напротивъ искренно сожалѣли о его болѣзни и теперь очень рады, видя его въ добромъ здоровьи. Амвросій, видя общее къ нему вниманіе, а можетъ быть разыгрывая всю сцену для эффекта, пріостановился, началъ смягчаться; просьбы остаться въ домѣ усилились со стороны и хозяина, и гостей.

— Ну, когда такъ, сказалъ владыка, извольте, я остаюсь, но только, чтобы Кабанова здѣсь не было.

И несчастному дураку хозяинъ немедленно указалъ двери.

Заговорившись объ Амвросіи, я и забылъ было сказать о томъ, въ чемъ преимущественно онъ старался подражать Платону. Послѣдній, какъ извѣстно, отличался особеннымъ умѣньемъ торжественно совершать богослуженіе. Покойный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, протоіерей Кочетовъ, на своихъ лекціяхъ разсказывалъ намъ, что будто-бы даже иностранцы любили видѣть Платона при совершеніи имъ литургіи и изумлялись его сановитости и величію. Въ этомъ-то отношеніи Амвросій могъ назваться подражателемъ Платона. Еще и теперь по преданію говорятъ, что ни при одномъ архіереѣ не было такъ величественно и торжественно совершаемо богослуженіе въ Рязани, какъ при Амвросіи.

СВѢДѢНІЯ

объ Іоаннѣ или Иванѣ Антоновичѣ, правнукѣ царя Іоанна Алексѣевича [1]).

Плачевныя судьбы правнука царя Іоанна Алексѣевича, Іоанна или Ивана Антоновича, рожденнаго отъ брака принцессы Анны Леопольдовны Мекленбургской съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ Браунгшвейскимъ [2]), извѣстны по исторіи. «Незаконно», — какъ выразилась о немъ позже императрица Екатерина [3]), во младенчествѣ опредѣленному къ всероссійскому престолу и въ томъ же еще сущемъ младенчествѣ совѣтомъ Божіимъ низложенному на вѣки». Еще при семъ низложеніи его 25-го ноября 1741 года было ему съ небольшимъ пятнадцать мѣсяцевъ [4]). Импе-

---

[1]) Почерпнуто изъ рукописей, находящихся въ Императорской С.-Петербургской публичной библіотекѣ.

[2]) Анна Леопольдовна, или, какъ называли ее тоже иногда, Анна Карловна, родилась въ 1718 г. въ Ростокѣ отъ Карла-Леопольда, герцога Мекленбургскаго, и Екатерины, дочери старшаго брата Петра Великаго царя Іоанна. Получивъ при крещеніи, по лютеранскому обряду, имена Елизаветы, Екатерины, Христины, она, по смерти отца, привезена была матерью въ 1722 г. въ Москву, но скоро лишилась и матери, осталась въ сиротствѣ и въ 1733 г. бывъ миропомазана въ грекороссійское вѣроисповѣданіе, наречена Анною. Бракъ ея совершился въ 1739 г. въ С.-Петербургѣ. Супругъ ея былъ родной племянникъ Шарлотты-Христины, супруги несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, и братъ знаменитаго герцога Фердинанда, раздѣлявшаго военные подвиги и славу Фридриха Великаго.

[3]) Манифестъ 1764 года августа 17 дня.

[4]) Родился 12 августа 1740 года.

ратрица Елизавета Петровна, принимая престолъ своего родителя, манифестомъ 28 ноября возвѣстила всенародно, что «въ разсужденіи принцессы Анны и принца Ульриха Брауншвейгскаго къ императору Петру II по матерямъ свойства и изъ особливой природной къ нимъ императорской милости, не хотя причинить имъ никакихъ огорченій, съ надлежащею имъ честію и съ достойнымъ удовольствіемъ предавъ всѣ ихъ къ ней разные предосудительные поступки крайнему забвенію, всѣхъ ихъ во отечество всемилостивѣйше отправить повелѣла». Но политическія уваженія и вѣроятно совѣты приближенныхъ не позволили императрицѣ исполнить сего преднамѣренія. Вся браунгшвейская семья: младенецъ Іоаннъ, младшая его сестра Екатерина и оба ихъ родителя были тайно заключены въ Динаминдскую крѣпость близъ Риги, подъ надзоромъ генерала Василія Ѳедоровича Салтыкова, а оттуда, спустя годъ, переведены въ городъ Ораніенбургъ или Раненбургъ, принадлежащій нынѣ къ Рязанской губерніи. Но, повидимому, и это мѣсто признано было неблагонадежнымъ для видовъ правительства. Въ 1744 году родилась мысль заточить изгнанниковъ на крайній сѣверъ Россіи, въ Соловецкій монастырь.

Съ сей эпохи начинается дѣло, хранящееся въ числѣ рукописей Императорской публичной библіотеки.

1744 года іюля 27 послѣдовалъ, на имя дѣйствительнаго камергера Николая Андреевича Корфа [1]), Высочайшій указъ за собственноручнымъ подписаніемъ императрицы [2]). Ему предписывалось ѣхать въ Ораніенбургъ и, взявъ съ собою Пензенскаго пѣхотнаго полка маіора Миллера, оставить его въ верстахъ трехъ не доѣзжая города, а самому, по пріѣздѣ туда, вручить приложенные указы: одинъ л.-гв. Семеновскаго полка капитану Вындомскому, а другой л.-гв. Измайловскаго полка маіору Гурьеву; затѣмъ изготовивъ, какъ наискорѣе коляски и прочіе путевые припасы, отпра-

---

[1]) Имѣвъ въ замужествѣ двоюродную сестру императрицы Елизаветы Петровны графиню Скавронскую, онъ былъ впослѣдствіи генералъ-аншефомъ, генералъ-полиціймейстеромъ, сенаторомъ и андреевскимъ кавалеромъ и умеръ въ 1766 г.

[2]) Указъ сей, какъ и всѣ прочіе на имя Корфа, находится въ дѣлѣ подлинникомъ.

вить Вындомскаго впередъ для заготовленія по пути нужнаго числа подводъ и, когда получится отъ него донесеніе о поставкѣ оныхъ до Переяславля-Рязанскаго, то тотчасъ ночью, взявъ напередъ принца Іоанна, отдать его съ рукъ на руки упомянутому маіору Миллеру, тоже съ приложеннымъ указомъ и, снабдивъ Миллера подорожною, въ слѣдъ ему немедленно отправиться въ назначенный тѣмъ указомъ путь; на другой день ночью же взять принцессу Анну съ мужемъ ея и остальными дѣтьми [1]), съ находящимися при нихъ людьми, а въ числѣ ихъ штабъ-лѣкаремъ, съ нужными на проѣздъ и на первое время лѣкарствами, и ѣхать съ ними всѣми, въ сопровожденіи маіора Гурьева и прапорщика Писарева, 3-хъ унтеръ-офицеровъ и 30 избранныхъ, лучшихъ и трезвыхъ солдатъ, къ Архангельску чрезъ Переяславль-Рязанскій, Владиміръ, Ярославль и Вологду; послѣ чего у Архангельска на приготовленныя морскія суда, и слѣдовать въ Соловецкій монастырь, гдѣ оставить принцессу съ мужемъ, дѣтьми и сказанными служителями въ командѣ у упомянутыхъ Гурьева и Писарева и солдатъ. Гурьеву для всего того отправленія велѣть взять всякихъ съѣстныхъ припасовъ, посуды поварской и столовой и бѣлья по препорціи персонъ, также и изъ вещей посланныхъ отъ двора на шитье платья и обуви сколько надобно, чтобы тѣмъ не отвѣтить и въ проѣздъ мѣшкотни лишней не учинить: ибо нужно къ Архангельску поспѣть по малой мѣрѣ въ половинѣ сентября, дабы доѣхать моремъ до указаннаго мѣста; въ пути же припасы на пищу покупать, гдѣ что сыскать можно, а въ Архангельскѣ по отъѣздѣ въ море, коляски и всѣ путевые припасы сдать въ губернское вѣдомство. По прибытіи въ монастырь, арестантовъ ввести въ оный и размѣстить ночью, чтобы ихъ никто не видалъ, на пищу ихъ и на прочія нужды, что потребно, брать отъ архимандрита за деньги, а чего у него нѣтъ, то гдѣ сыскать можно будетъ, «чтобъ въ потребной пищи безъ излишества нужды не было, токмо какъ въ дорогѣ, такъ и на мѣстѣ, столъ не такой пространный держать, какъ прежде было, но такой, чтобы можно человѣку сыту быть и тѣмъ, что тамъ можно сыскать, безъ излишнихъ при-

---

[1]) Сверхъ Екатерины, у нея родилась въ Динаминдѣ другая дочь, Елизавета.

хотей». Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось Корфу доносить императрицѣ, адресуя въ кабинетъ Ея Величества, изъ Ораніенбурга, какъ отпуститъ принца Іоанна и самъ съ остальными поѣдетъ; потомъ изъ Переяславля, Владиміра, Ярославля, Вологды, Архангельска и наконецъ Соловецкаго монастыря; а какъ все тамъ устроитъ, то возвратиться зимнимъ путемъ къ высочайшему двору, чрезъ Олонецъ, въ Москву или Петербургъ, давъ маіору Гурьеву инструкцію о содержаніи принцессы съ мужемъ, дѣтьми и служителями такъ, чтобы ихъ никто не только изъ живущихъ въ монастырѣ и пріѣзжающихъ, но и служители и караульные, кромѣ находящихся при нихъ женскаго пола и одного караульнаго, не видалъ и съ ними говорить не могъ.

Приложенные при семъ указы были:

1. Капитану Вындомскому: ѣхать изъ Ораніенбурга до Архангельска для учрежденія становъ и поставки на нихъ подводъ, въ разстояніи отъ 25 до 30 верстъ, а гдѣ случатся города, не ближе отъ нихъ двухъ или трехъ верстъ; гдѣ же нѣтъ сухопутнаго проѣзда, тамъ приготовить барки и суда, а въ Архангельскѣ требовать таковыхъ отъ конторы надъ портомъ и въ случаѣ недостатка отъ губернатора, какія обыкновенно по Бѣлому морю ходятъ. По мѣрѣ заготовленій рапортовать Корфу, и для исправленія сего дѣла—взять съ собою изъ находящихся въ Ораніенбургѣ л.-гв. полковъ 2 унтеръ-офицеровъ и 12 солдатъ.

2. Маіору Гурьеву: во взятіи и отвозѣ принца Іоанна съ семьею и прислугою состоять ему въ командѣ у Корфа, доколѣ последнему велѣно быть у того дѣла.

3. Маіору Миллеру: «быть ему въ командѣ у Корфа и когда Корфъ отдастъ ему младенца 4-хъ лѣтняго, то онаго принявъ, посадить въ коляску и самому съ нимъ сѣсть и одного служителя своего или солдата имѣть въ коляскѣ для сбереженія и содержанія того младенца, а именемъ его назвать Григорій».

Съ тѣмъ посланнымъ и 6-тью человѣками солдатъ ѣхать въ Соловецкій монастырь по тракту, который укажетъ Корфъ, а сказывать ѣдучи, что посланъ отъ Корфа напередъ для осмотра приготовленныхъ подводъ и переправъ, а о имѣніи при себѣ младенца никогда и никому не объявлять и его никому, ниже подвозщикамъ

не показывать, имѣя всегда коляску закрытую, а находящемуся при младенцѣ солдату или слугѣ, или обоимъ вмѣстѣ, ни съ другими солдатами, ни съ подвозщиками и ни съ кѣмъ ни о чемъ не говорить и ни на какіе вопросы никому не отвѣчать. Въ Архангельскѣ, пріѣхавъ на суднѣ, пристать къ стоящему противъ города острову и тутъ требовать приготовленнаго Вындомскимъ морскаго судна, въ которое посадить младенца ночью, чтобы никто не видалъ, и отправиться въ Соловецкій монастырь, гдѣ его ночью же, закрывъ, пронести въ четыре покоя и тутъ съ нимъ жить такъ, чтобы кромѣ его, Миллера, солдата его и слуги, никто онаго Григорія не видалъ, и занять Миллеру двѣ камеры, самыя крайнія, третью держа порожнею для выхода, а четвертую для посланныхъ съ нимъ 6-ти солдатъ, изъ коихъ и караулъ у дверей содержать, а младенца изъ камеры, гдѣ онъ посаженъ будетъ, отнюдь не выпускать, и быть при немъ днемъ и ночью слугѣ и солдату, чтобъ въ двери не ушелъ или отъ рѣзвости въ окошко не выскочилъ; о состояніи же его рапортовать Корфу, а по отбытіи сего послѣдняго, Гурьеву, и для сихъ рапортовъ приходить ночью, чтобъ его, Миллера, никто не зналъ.

Сверхъ сихъ указовъ, тогда же даны были особыя предписанія:

1. Полковнику Чортову: ѣхать въ Соловецкій монастырь и выбрать тамъ покои пристойные на такое употребленіе, какъ онъ, Чортовъ, въ Ораніенбургѣ сдѣлалъ, съ той стороны монастыря, гдѣ въ оный входа нѣтъ. Покоевъ нужно: въ одномъ мѣстѣ четыре, и ходъ къ нимъ по монастырю перегородить деревомъ, оставя одинъ входъ, чрезъ ту перегородку, малою дверью; въ другомъ мѣстѣ, но не далеко отъ перваго, двадцать; при первыхъ четырехъ покояхъ имѣть одну, а при другихъ двадцати двѣ поварни и оные двадцать покоевъ съ поварнями также огородить деревомъ, если тутъ нѣтъ каменной или другой перегородки.

2. Архимандриту Соловецкому: такого же содержанія, съ приложеніемъ, что въ сихъ покояхъ надлежитъ жить нѣкоторымъ людямъ, опредѣленнымъ отъ Ея Величества, и чтобы о всѣхъ сдѣланныхъ, по соглашенію съ Чортовымъ, распоряженіяхъ, онъ «никуда рапорту не посылалъ и извѣстія никакого ни письменнаго, ни словеснаго не давалъ, подъ лишеніемъ священства, монашества и живота, но содержалъ оное тайно».

Всѣ вышеизложенные указы послѣдовали въ Москвѣ, гдѣ тогда имѣла свое пребываніе императрица и гдѣ при ней находился Корфъ. Собираясь въ дальній путь, онъ не могъ отправиться въ Ораніенбургъ прежде 2-го августа, а между тѣмъ наканунѣ своего отъѣзда представилъ вице-канцлеру графу Михаилу Илларіоновичу Воронцову [1]), что какъ 4-хъ лѣтній младенецъ, бывъ отпущенъ отъ людей, которые съ нимъ живутъ и къ которымъ онъ привыкъ, не можетъ быть спокоенъ, то не будетъ ли позволено взять съ принцемъ Іоанномъ и отдать вмѣстѣ съ нимъ маіору Миллеру находящихся при немъ сидѣлицу и кормилицу, которыхъ посадить въ одинъ съ нимъ экипажъ, чтобъ онъ не плакалъ и не кричалъ, чрезъ то не утаеніе дѣла, а больше онаго разглашеніе послѣдовать могло.

Императрица однакоже на сіе не соизволила, и баронъ Черкасовъ отъ 4-го августа далъ знать Корфу о волѣ Ея Императорскаго Величества, чтобъ онъ поступалъ по прежде данному указу.

За симъ въ тотъ же день Корфу дана была дополнительная инструкція слѣдующаго содержанія:

1. Служителей при арестованныхъ лицахъ взять изъ Ораніенбурга: фрейлину Бину-Менгденъ [2]), камеръ-юнгферу Штурмъ, для принца Антона и «обрѣтающихся при немъ» одного камердинера, обоихъ принцевъ, кормилицъ и камеръ-лакея Чаплинскаго; также 2-хъ поваровъ, поваренныхъ и скатертныхъ учениковъ по одному и хлѣбныхъ двухъ, брантмейстерскаго ученика одного, прачекъ двухъ, портнаго одного и башмачника одного [3]).

2. Сержантовъ, капраловъ и рядовыхъ взять не изъ гвардіи, какъ указомъ предписано было, а изъ полевыхъ полковъ; оставшимся же въ Ораніенбургѣ чинамъ л.-гвардіи объявить, «что долговременною ихъ службою и вѣрностію при той коммиссіи Ея Величество изволитъ быть довольна и вскорѣ велитъ имъ возвратиться къ своимъ командамъ».

---

[1]) Представленіе это, вмѣстѣ съ Корфомъ, подписалъ находившійся при кабинетѣ Ея Величества баронъ Иванъ Черкасовъ.

[2]) Двоюродная сестра камеръ-коллегіи президента Менгдена, который при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины заточенъ былъ въ Колымскій острогъ.

[3]) Сверхъ того былъ взятъ штабъ-хирургъ Манзей.

3. Если противная погода не позволитъ ѣхать отъ Архангельска къ Соловецкому монастырю, то зимовать въ Корельскомъ Николаевскомъ монастырѣ на возморьѣ, отъ города въ 30 верстахъ, объявивъ архимандриту онаго такой же указъ, какой данъ Соловецкому.

4. Ключи отъ того и другаго монастырей имѣть Корфу, а по его отбытіи—Гурьеву, и монаховъ держать архимандриту неисходныхъ; ворота же для входу и выходу отпирать въ день не рано и запирать ввечеру не поздно, и когда заперты будутъ, то до другаго дня ни для какой нужды монастырской не отпирать; да и архимандриту быть въ монастырѣ неисходну.

5. Полковнику Чортову отъ самой Вологды вездѣ по дорогѣ объявлять спрашивающимъ, что посылается въ поморье знатная особа, съ немалою командою для осмотра соляныхъ промысловъ и дѣйствія объ нихъ, по дошедшимъ Ея Величеству свѣдѣніямъ, на каковой конецъ онъ впередъ ѣдетъ; а иногда сказывать, что отправляется туда по обѣщанію молиться въ Соловецкій монастырь.

6. Корфъ имѣетъ объявить архимандриту Соловецкаго монастыря, чтобы приходящихъ туда по обѣщанію и на труды изъ разныхъ странъ Россіи людей никого не принималъ и въ монастырь не пускалъ, а которые уже тамъ есть, тѣхъ бы выслалъ вонъ кромѣ пріѣзжающихъ по обѣщанію только помолиться или молебенъ отпѣть, которыхъ однакожъ потомъ сейчасъ выслать; караулъ у воротъ содержать не послушникамъ, а солдатамъ. Взять отъ архимандрита реестръ всѣмъ имѣющимся въ монастырѣ монахамъ и послушникамъ и реестръ сей представить, запретивъ ихъ перемѣнять.

7) Письма, съ которыми архимандритъ, за какою-либо нуждою монастырскою, въ монастырскія вотчины пошлетъ, объявлять прежде Корфу.

Корфъ пріѣхалъ въ Ораніенбургъ 10 августа.

Отсюда начался рядъ весьма частыхъ донесеній его самой императрицѣ, вице-канцлеру графу Воронцову и въ кабинетъ, на которыя онъ получалъ отвѣты частію въ высочайшихъ указахъ, частію въ письмахъ Воронцова и частію въ отношеніяхъ кабинета, за подписаніемъ упомянутаго выше барона Черкасова. Это видно изъ имѣющагося въ Императорской библіотекѣ дѣла; но само оно, къ сожалѣнію, содержитъ въ себѣ лишь высочайшіе указы, письма

Черкасова и отпуски писемъ Корфа къ Воронцову въ нѣмецкомъ подлинникѣ съ французскимъ переводомъ [1]), а писемъ Воронцова и рапортовъ Корфа къ императрицѣ въ немъ не оказалось, такъ что содержаніе послѣднихъ видно только отчасти изъ писемъ, при которыхъ онъ препровождалъ эти рапорты Воронцову. При всемъ томъ и имѣющіяся въ дѣлѣ бумаги представляютъ довольно любопытныя подробности. Сущность ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: по прибытіи въ Ораніенбургъ, Корфъ нашелъ тамъ все, какъ онъ выражался, въ самомъ жалкомъ положеніи. Не только ничего не было приготовлено къ дальней поѣздкѣ, но, писалъ онъ, нѣтъ и фунта перцу, не говоря уже о другихъ пряностяхъ, и нѣтъ даже рюмки какого-нибудь вина. Экипажи оказались также въ величайшей неисправности и притомъ, какъ арестанты приведены были въ Ораніенбургъ зимою, то тогдашнія повозки не могли уже служить для настоящаго переѣзда. Замѣчательно еще одно: свѣдѣнія высшаго правительства о касавшемся до арестантовъ, при всей строгости надзора, были такъ недостаточны, что камеръ-лакей Чаплинскій, напримѣръ, котораго по инструкціи предписывалось взять съ собою, оказался отпущеннымъ еще во время содержанія ихъ въ Динаминдѣ. Самъ принцъ найденъ былъ больнымъ отъ дурнаго качества питья, а мать его, повидимому, опять беременная, нѣсколько уже дней лежала въ постели. Корфъ, тотчасъ по пріѣздѣ, посѣтилъ и ее, и ея мужа. Появленіе его до такой степени ихъ поразило и встревожило, что онъ не рѣшился на первый разъ открыть имъ что-нибудь о своемъ порученіи и ограничился только поклономъ отъ императрицы. Донесеніе свое о томъ онъ заключилъ вопросомъ: «Должно ли, если болѣзнь принцессы усилится, предпринимать путь и потомъ продолжать его, или же остановиться, и должно ли также допустить къ ней бабку и священника, когда бы въ послѣдствіи потребовалось?» Сверхъ того говоря о находившейся при принцессѣ, пользовавшейся ея любовію и довѣренностію и однакожъ не

---

[1]) Корфъ умѣлъ говорить и читать по-русски, но не умѣлъ писать и даже фамилію свою подписывалъ на русскихъ бумагахъ латинскими буквами. Изъ дѣла видно, что онъ очень долго настаивалъ о присылкѣ ему секретаря для составленія рапортовъ на русскомъ языкѣ, но, кажется, это требованіе и до конца удовлетворено не было, и вѣроятно, что онъ употреблялъ на это дѣло кого-нибудь изъ состоящихъ въ его распоряженіи офицеровъ.

предназначенной въ отправленіе, фрейлинѣ Жули или Жуліи [1]), Корфъ намекалъ, что если не взять ее съ собою, то принцесса придетъ въ совершенное отчаяніе.

Весь отвѣтъ на это заключался въ присылкѣ изъ Москвы нужныхъ путевыхъ припасовъ на 9-ти подводахъ. Прочіе вопросы оставлены безъ разрѣшенія, можетъ статься и за поѣздкою, которую предприняла тогда императрица въ Кіевъ. Между тѣмъ приготовленія въ путь оттянулись до конца августа. Наканунѣ дня, назначеннаго къ отъѣзду, арестантамъ объявлено было о томъ чрезъ маіора Гурьева; они приняли эту вѣсть съ плачемъ и рыданіемъ, но съ изъявленіемъ безусловной покорности Высочайшей волѣ. То же самое повторилось потомъ и передъ самимъ Корфомъ. Принцесса и мужъ ея въ слезахъ говорили, что это новый для нихъ ударъ, потому что отправленіе ихъ свидѣтельствуетъ о большой еще немилости Ея Величества, тогда какъ они готовы лучше умереть, нежели навлечь на себя ея неудовольствіе своими поступками, по чему самому и покоряются безропотно новой перемѣнѣ въ своей судьбѣ, но просятъ только довести о горестномъ ихъ положеніи до свѣдѣнія государыни и принять написанное къ ней письмо [2]). Затѣмъ, Корфъ велѣлъ имъ уложить свои вещи, каждому особо, такъ какъ недостатокъ лошадей не позволяетъ ѣхать всѣмъ вмѣстѣ, и этимъ же предлогомъ прикрыть оставленіе фрейлины Жуліи, говоря, что она пріѣдетъ послѣ, отчего принцесса впала въ крайнее уныніе.

Печальный поѣздъ тронулся наконецъ 29 августа въ указанномъ порядкѣ. Сперва въ 11-ть часовъ ночи, отправленъ былъ маіоръ Миллеръ съ маленькимъ (mit den Kleinen), т. е. съ принцемъ Іоанномъ; а потомъ ровно черезъ сутки послѣдовали за нимъ и прочіе.

Отступленіе отъ инструкціи допущено было только въ томъ, что съ принцемъ слѣдовалъ еще одинъ поваренный ученикъ для приготовленія кушанья въ дорогѣ, а при родителяхъ его взяты

---

[1]) Жулія или Юліана Менгденъ родная сестра упомянутой выше Бины.

[2]) Корфъ неоднократно принималъ и пересылалъ письма ихъ къ императрицѣ; но содержаніе сихъ писемъ, равно и того, чтобъ были на нихъ отвѣты, изъ дѣла не видно.

были, сверхъ указанной прислуги, еще одинъ тафельдекерскій и одинъ мундшендскій ученики и два кухонные мужика. Корфъ представлялъ при томъ, что для прислуги принцу и стирки бѣлья необходимо было бы имѣть при немъ сидѣлицу, которая могла бы еще нагнать ихъ въ пути, и что принцъ Антонъ желаетъ имѣть при себѣ нѣмецкаго пастора, такъ какъ ни онъ, ни люди его уже столь давно не причащались и не были у службы Божіей; но и эти представленія Корфа остались безъ отвѣта, точно такъ же, какъ и первыя.

Поѣздка шла чрезвычайно медленно и съ большими затрудненіями. Препятствія возникали съ одной стороны отъ положенія принцессы, явно уже обнаруживавшагося и побудившаго даже разъ пустить ей кровь; съ другой, отъ необыкновенно дождливой осени, совершенно растворившей дороги, и безъ того уже дурныя. Миллеръ съ принцемъ Іоанномъ всегда оставались впереди на одни сутки. Принцесса скоро замѣтила, что разлучена съ Жуліею и сыномъ на всегда, но, горько жалуясь на жестокосердіе тѣхъ людей, проискамъ коихъ приписывала эту разлуку, сохраняла еще однако надежду, что милосердіе императрицы возбуждено будетъ письмомъ, которое къ ней отправила. И она и мужъ ея часто изъявляли опасеніе, что ихъ везутъ туда же, куда сами они нѣкогда отправили Бирона, тѣмъ болѣе, что Корфъ на вопросы ихъ отговаривался невѣдѣніемъ и увѣреніями, что каждые три дня получаетъ приказанія, куда слѣдовать.

По пути избѣгали останавливаться въ городахъ и даже иногда совсѣмъ ихъ объѣзжали проселками, что среди бездонной грязи еще болѣе замедляло путь. Со второй половины сентября, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, стали появляться снѣгъ и ледъ, что внушало Корфу величайшія опасенія. Экипажи, писалъ онъ отъ 2-го октября, проѣхавъ уже 140 верстъ за Шенкурскъ, не возможно поставить на зимній ходъ, такъ какъ въ томъ краѣ водятся только самыя узкія сани для ѣзды въ одну лошадь, чему отвѣтствуетъ и ширина зимнихъ дорогъ. Съ другой стороны, посланный впередъ Чортовъ доложилъ, что въ это время переѣздъ въ Соловецкій монастырь невозможенъ, да и въ Корельскій нельзя проѣхать отъ Архангельска иначе, какъ моремъ на пространствѣ 30 старыхъ и

60 новыхъ верстъ, съ опасностію быть занесу бурею въ открытое море Вслѣдствіе того Корфъ умолялъ вывести его изъ затрудненія, разрѣшивъ, гдѣ провести зиму?

Императрица отвѣчала указомъ отъ 11-го октября. Предписывалось продолжать путь по прежнему повелѣнію, а когда наступитъ зима и выпадетъ снѣгъ, то въ томъ мѣстѣ, гдѣ застанетъ, поставить коляски на сани и зимнимъ путемъ ѣхать до Корельскаго монастыря, гдѣ и зимовать. Указъ сей, казавшійся въ противорѣчіи съ представленіемъ, сопровождался объяснительнымъ письмомъ барона Черкасова.

Онъ писалъ, что если отъ Архангельска нѣтъ сухаго пути до Корельскаго монастыря лѣтомъ, то съ наступленіемъ зимы онъ откроется рѣкою и берегомъ по льду; а касательно зимнихъ повозокъ совѣтовалъ: «набрать мужичьихъ саней сколько потребно и нарубивъ березовыхъ или ивовыхъ деревъ тонкихъ, сіи деревья расколоть и распарить на огнѣ, сдѣлать изъ нихъ вязья въ такую ширину саней, какъ нужно по коляскамъ, а если и не сыщется удобнаго для вязья дерева, то можно поперегъ саней положить бруски и на оные поставить коляски, а ежели скудость въ полозьяхъ будетъ, то еловыя деревья съ корнями, которыхъ тамъ довольно, на полозья употребить можно, и тако жъ на оные поставить коляски и положить колеса и ѣхать безъ нужды». Черкасовъ прибавилъ, что въ случаѣ распутья, впрочемъ по тамошнему климату невѣроятнаго, можно остановиться гдѣ-либо на время въ жильѣ, которое тамъ нерѣдко встрѣчается. Но еще до полученія этихъ приказаній, оттепели, а потомъ внезапные морозы сдѣлали дороги совершенно безпроѣздными, и донесенія изъ Архангельска свидѣтельствовали, что отъ плавучаго льда и низководья переправа въ монастырь уже невозможна. Вслѣдствіе того, Корфъ предписалъ Вындомскому приготовить для него въ Холмогорахъ архіерейскій домъ, въ двадцати комнатахъ, гдѣ предоставлялось удобство размѣститься со всею командою до весны. Поѣздъ прибылъ туда наконецъ 9 ноября.

Корфъ, донося, что ѣхать дальше нельзя за идущимъ на Двинѣ льдомъ и что это мѣсто гораздо способнѣе для коммиссіи, нежели Корельскій монастырь, гдѣ слишкомъ мало комнатъ, а по ветхости зданія вездѣ такъ и продуваетъ, что никакимъ огнемъ согрѣть нельзя,

ходатайствовалъ о дозволеніи имѣть при принцессѣ священника, которому бы совершать службу Божію безъ огласки.

Отвѣтъ на сіе послѣдовалъ не прежде, какъ чрезъ мѣсяцъ, а именно въ указѣ 5 декабря: «за неспособностью Корельскаго монастыря»,—сказано было,—«тутъ быть до весны на Холмогорахъ, и въ этомъ домѣ, гдѣ обрѣтается».

Затѣмъ дозволялось допустить къ совершенію божественной службы въ крестовой церкви архіерейскаго дома, одного чернаго священника съ дьячкомъ и пономаремъ, но съ тѣмъ, чтобы ни они «извѣстныхъ персонъ, ни сіи персоны священника и причетниковъ видѣть и съ ними говорить не могли; а если принцесса или кто изъ служителей пожелаетъ въ будущій великій постъ исповѣдываться или причаститься, то сего въ Холмогорахъ не допускать, отложивъ до прибытія въ Соловецкій монастырь, гдѣ и духовникъ особливый опредѣленъ будетъ; если же кто заболѣетъ къ смерти и въ таковомъ нужномъ случаѣ, означенный черный священникъ кого исповѣдуетъ или причаститъ, то уже сего священника въ Холмогорахъ не оставлять, а взять съ собою въ Соловецкій монастырь, да и до отъѣзду туда велѣть ему жить въ архіерейскомъ домѣ безвыходно и ни съ кѣмъ изъ тамошнихъ жителей его видѣться и говорить не допускать».

Такимъ образомъ все брауншвейгское семейство, покамѣстъ еще временно, водворено было въ Холмогорахъ, древнемъ городѣ Архангельской губерніи, на Двинскомъ островѣ, въ 27 верстахъ отъ Архангельска. Жизнь ихъ тамъ текла вѣроятно такъ же, какъ прежде въ Ораніенбургѣ и Динаминдѣ: одни со своимъ несчастіемъ и своими горестями, они, кажется, и тутъ были въ томъ же разлученіи съ принцемъ Іоанномъ, которое наблюдалось въ дорогѣ и предназначено было для Соловецкаго монастыря. Являлись иногда знаки благотворительной о нихъ памяти со стороны императрицы. Такъ въ концѣ 1744 года прислано было въ Холмогоры по Высочайшему повелѣнію «для употребленія извѣстныхъ персонъ три актола венгерскаго вина и двѣ дюжины разныхъ гданскихъ водокъ». Заключенные,—доносилъ Корфъ,—не знаютъ, какъ выразить свою благодарность за дозволеніе имѣть священника и за присланное вино,— и сами пишутъ о томъ императрицѣ.

Между тѣмъ сближался конецъ беременности принцессы. Оказывалась надобность приготовить бабку и кормилицу. Найти первую всегда можно было въ Архангельскѣ, но пріисканіе послѣдней, при повелѣнной тайнѣ, представляло особенныя трудности. Корфъ самъ для того ѣздилъ въ Архангельскъ и съ большими лишь усиліями успѣлъ уговорить одну нѣмку, жену тамошняго мастероваго, но и то увѣривъ, что беретъ ее для собственной своей жены и принявъ на себя порученіе о пятерыхъ дѣтяхъ ея. Едва она и бабка (Анна-Марія Донардъ) привезены были въ Холмогоры, какъ принцесса 19 марта 1745 года разрѣшилась сыномъ. По слабости матери и младенца,—онъ былъ окрещенъ уже 21 числа съ нареченіемъ его Петромъ, въ присутствіи Корфа и Гурьева, приставленнымъ, по прежнему указу, къ церкви архіерейскаго дома, крестовымъ іеромонахомъ Илларіономъ Поповымъ. Но и здѣсь приняты были самыя строгія мѣры осторожности. Отъ Попова отобрана слѣдующая подписка: «1745 года марта 19, призванъ іеромонахъ Илларіонъ Поповъ къ незнаемой персонѣ для отправленія родительскихъ молитвъ, которыя, какъ нынѣ, такъ и впредь, имѣть мнѣ скрытно и ни съ кѣмъ объ ономъ, куда призванъ былъ и за чѣмъ не говорить, подъ опасеніемъ отнятія чести и лишенія живота, въ чемъ и подписуюсь». Такою же подпискою обязана и бабка, при отпускѣ ея обратно въ Архангельскъ.

Прежде этого события Корфъ неоднократно представлялъ и императрицѣ и кабинету, что коммиссію во всѣхъ отношеніяхъ лучше бы и удобнѣе оставить въ Холмогорахъ, нежели перевозить въ Соловецкій монастырь: ибо чтобъ ѣхать туда, надо спускаться до устьевъ Двины на малыхъ судахъ, а тамъ пересаживать опять на большія, чего нельзя было исполнить съ соблюденіемъ предписанной тайны. Сверхъ того, приводилъ онъ, на Соловкахъ поставка жизненныхъ припасовъ повлекла бы за собою большія издержки потому, что ихъ надобно привозить съ Устюга или Архангельска, тогда какъ въ Холмогорахъ легко доставать нужное изъ сосѣднихъ деревень. Наконецъ, онъ упоминалъ и о томъ, что съ Соловецкимъ монастыремъ пресѣкается всякая коммуникація на семь мѣсяцевъ, и все это время невозможно имѣть никакихъ донесеній.

Изъ всѣхъ сихъ причинъ уважена была наконецъ послѣдняя.

По крайней мѣрѣ она одна означена въ данномъ Корфу 29 марта 1745 года указѣ: чтобы извѣстныхъ персонъ содержать впредь до указу на Холмогорахъ, въ томъ же домѣ. Прибавлялось только условіемъ, чтобы Соборную церковь, въ которую обыватели ходятъ, огородить кругомъ крѣпкимъ и высокимъ заборомъ, отступя отъ нея во всѣ стороны саженъ по 5 или болѣе, какъ мѣсто позволитъ, дабы никто на архіерейскомъ дворѣ и гдѣ команда расположена, ничего видѣть не могъ, и съ тою же цѣлію входъ въ сей церкви сдѣлать съ одной восточной стороны, прорубя въ деревянной оградѣ одни небольшія ворота, а прежнія съ сѣверной стороны оставить для входу и выходу одной лишь команды.

Въ томъ же указѣ Корфу давалось дозволеніе возвратиться къ Высочайшему двору съ тѣмъ, чтобы извѣстныхъ персонъ и команду свою онъ сдалъ маіору Гурьеву. Сверхъ того возлагалось на него, при отъѣздѣ своемъ, спросить у принцессы, кому отъ нея отданы или розданы алмазныя вещи ея, такъ какъ многихъ изъ нихъ не является, и объ отзывѣ ея по возвращеніи лично донести императрицѣ. Въ отношеніи по тому же предмету она приписала собственноручно: «А ежели она (т. е. принцесса) запираться станетъ, что не отдавала никому никакихъ алмазовъ, то скажи, что я принуждена буду Жулію (Менгденъ) розыскивать; то ежели ея жаль, то она бы её до такого мученія не допустила».

Наконецъ къ указу приложена была еще особая бумага, тоже за подписаніемъ императрицы, слѣдующаго содержанія: «ежели по волѣ Божіей случится и иногда изъ извѣстныхъ персонъ кому умереть, особливо же принцессѣ Аннѣ или принцу Іоанну, то учиня надъ умершимъ тѣломъ анатомію и положа въ спиртъ, тотчасъ то мертвое тѣло къ намъ прислать съ нарочнымъ офицеромъ, а съ прочими чинить по тому жъ, токмо сюда не присылать, а доносить намъ и ожидать указу и сіе содержать въ крѣпкомъ секретѣ, чтобъ объ томъ другіе не вѣдали, и какъ отсюда поѣдете, то объявить о томъ маіору Гурьеву словесно, чтобъ онъ такъ поступалъ, а сію цидулу съ собою къ намъ привезть» [1]).

Все сіе, за разлитіемъ рѣкъ и поврежденіемъ дорогъ, получено

---

[1]) При дѣлѣ находится она только въ копіи.

было Корфомъ уже въ маѣ, что вмѣстѣ съ разными по указу распоряженіями дозволяло ему выѣхать изъ Холмогоръ не прежде половины іюня.

Симъ оканчивается находящееся въ Императорской публичной библіотекѣ дѣло, къ которому приложены только еще данная отъ Корфа къ Гурьеву инструкція (списанная съ указовъ) и разныя счетныя выписки.

Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что принцъ Іоаннъ впослѣдствіи (но когда и какъ) перемѣщенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ по поводу покушенія Смоленскаго пѣхотнаго полка подпоручика Мировича освободить его для возведенія на престолъ былъ умерщвленъ въ ночь съ 4 на 5 іюня 1764 года [1]) приставленными къ нему: капитаномъ Васильевымъ и поручикомъ Чекинымъ. Прочіе члены Брауншвейгской семьи долго томились въ Холмогорскомъ заточеніи.

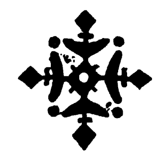
Сверхъ упомянутыхъ выше: Екатерины, Елизаветы и Петра, въ 1746 году родился еще сынъ Алексѣй, и рожденіе его сопровождено было смертію матери [2]). Принцъ Антонъ, потерявъ наконецъ отъ слезъ зрѣніе, умеръ въ 1774 году 4 мая. Только уже въ 1780 году императрица Екатерина, удостовѣрясь, что освобожденіе дѣтей его не можетъ имѣть никакихъ политическихъ послѣдствій, предположила отправить ихъ въ датскія владѣнія и поручить тамъ въ покровительство родной сестры ихъ отца, вдовствовавшей королевы датской Юліаны-Маріи, которая согласилась на то съ особеннымъ удовольствіемъ и чувствомъ признательности. Устройство дѣла было препоручено назначенному тогда генералъ-губернаторомъ ярославскимъ, вологодскимъ и архангельскимъ Мельгунову. Послѣ 39-лѣтняго заключенія, изъ коихъ 36-ть прошли въ Холмогорахъ, оба принца съ сестрами ихъ отправлены были въ Данію, на русскомъ суднѣ «Полярная Звѣзда». Мѣстомъ для жительства ихъ тамъ назначенъ былъ небольшой городъ въ Ютландіи, отдаленный и отъ моря, и отъ большихъ дорогъ.

---

[1]) На 24 году отъ роду.

[2]) Тѣло ея перевезено въ С.-Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ. Умерла 28 лѣтъ.

При отправленіи императрица надѣлила ихъ щедрою рукою. сверхъ богатыхъ запасовъ для одежды и прочаго, имъ дано 2.000 червонныхъ на карманныя деньги, каждому брату и каждой сестрѣ назначено ежегодно пенсіи по 8.000 руб., всего 32 т. и впослѣдствіи пожаловано еще 40 т. талеровъ на обзаведеніе для нихъ дома. Выѣхавъ изъ Холмогоръ въ ночь съ 26 на 27 іюня 1780 года, они отправлены были въ дальнѣйшій путь 29 числа и послѣ труднаго морскаго плаванія до Аальборга, прибыли въ Горсенсъ [1]) сухимъ путемъ уже 13 октября. Дальнѣйшая ихъ жизнь текла въ отдаленіи отъ двора и свѣта и хоть на свободѣ и съ сохраненіемъ титуловъ принцевъ и принцессъ, но съ постояннымъ за ними надзоромъ. Елизавета умерла первая [2]) 20 октября 1782 года, потомъ за нею послѣдовали: 22 октября 1787 года Алексѣй [3]) и 30 января 1798 года Петръ [4]); Екатерина дожила до 9 апрѣля 1807 года [5]). Съ нею пресѣклось потомство брата Петра Великаго. Несмотря на постепенное уменьшеніе семейства, опредѣленная всѣмъ четыремъ пенсія въ 32.000 рублей производилась вполнѣ до самой смерти Екатерины. Императоръ Александръ I велѣлъ находившимся при Горсенскомъ дворѣ людямъ обратить въ пенсію, изъ русской казны, полные ихъ оклады, а послѣ ихъ смерти производить сію пенсію ихъ вдовамъ.

[1]) Горсенсъ при Горсенфіордѣ, съ 4 т. жителей, съ хорошею гаванью, мѣсторожденіе извѣстнаго командора Беринга, въ Сѣверной Ютландіи въ Аургузскомъ округѣ.

[2]) 40 лѣтъ отъ роду. Родилась въ заточеніи въ Динаминдѣ.

[3]) На 41 году отъ роду. Родился въ заточеніи въ Холмогорахъ.

[4]) 53 лѣтъ отъ роду. Родился въ заточеніи въ Холмогорахъ.

[5]) Около 66 лѣтъ отъ роду.

НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Александръ Өедоровичъ Лабзинъ и его журналъ „Сіонскій Вѣстникъ".

V [1]).

Масонская ложа Лабзина и его взглядъ на масонство.– Мистицизмъ въ проповѣдяхъ.—Вліяніе отечественной войны на мистическое настроеніе императора Александра и общество. — Мысль о возобновленіи „Сіонскаго Вѣстника". Сознаніе князя Голицына въ томъ, что онъ былъ неправымъ гонителемъ и виновникомъ запрещенія перваго изданія журнала. — Рескриптъ императора А. Ө. Лабзину и пожалованіе ему ордена св. Владиміра 2 степени.—Объявленіе объ изданіи „Сіонскаго Вѣстника".—Интересъ, возбужденный журналомъ.—Лабзинъ находитъ, что заслуги его недостаточно цѣнятся правительствомъ.—Желаніе его быть сенаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ.— Назначеніе вице-президентомъ Академіи Художествъ.

Съ прекращеніемъ изданія «Сіонскаго Вѣстника» Лабзинъ, какъ человѣкъ съ твердою волею, опредѣленнымъ направленіемъ и посвятившій себя на «служеніе Богу» не могъ оставаться празднымъ. Послѣдователь Новикова и ученикъ Шварца, онъ съ грустью смотрѣлъ на современное направленіе, принятое масонствомъ, и рѣшился основать особую ложу, или скорѣе братство.

Новиковъ и его друзья въ свое время принесли огромную пользу религіи, дѣлу воспитанія юношества, распространенію просвѣщенія, помощи страждущимъ и благотворному противодѣйствію сильному тогда ученію энциклопедистовъ. Но попытка Новикова установить масонство въ Россіи на прочныхъ началахъ не увѣнчалась успѣхомъ, и онъ самъ, какъ извѣстно, подвергся преслѣдованію правительства. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія масонство получило у насъ совершенно иной характеръ. Оно не было

---

[1]) См. „Русск. Стар." ноябрь 1894 года.

разрѣшено оффиціально, но было терпимо отчасти потому, что, являясь лишь тѣнью того, что было при Новиковѣ, не вызывало опасеній со стороны правительства.

Между позднѣйшими масонами было много такихъ, которые въ мутной водѣ ловили рыбу,—или пользуясь сотовариществомъ съ выдающимися и вліятельными лицами, разсчитывали получить черезъ нихъ выгодную должность, чинъ или орденъ [1]).

Недовольные своимъ общественнымъ положеніемъ лица, воскрешая масонство въ Петербургѣ, надѣялись обратить на себя вниманіе и составить себѣ партію приверженцевъ. Основывая ложи, они вербовали въ нихъ неопытныхъ новичковъ полезныхъ для ихъ личныхъ интересовъ.

«Нѣсколько братьевъ, московскихъ калѣкъ,—говоритъ Д. П. Руничъ [2]),—помогали имъ, и съ разрѣшенія правительства основалось въ Петербургѣ нѣсколько масонскихъ ложъ, подъ управленіемъ гросмейстеровъ, не знавшихъ даже катехизиса и болѣе невѣжественныхъ, чѣмъ ученики. Образовалась русская ложа и нѣмецкая ложа, вмѣщавшія въ себѣ братьевъ всѣхъ оттѣнковъ. Бездѣйствіе нашло убѣжище противъ скуки, и шампанское заставило забыть ничтожество цѣли этихъ собраній. Уже не боялись прослыть за масоновъ, и полиція убѣдилась болѣе, чѣмъ когда-либо, что она могла спать спокойно во время масонскихъ собраній».

Въ нихъ не удары молотка, а звукъ отъ раскупориванія бутылокъ, возбуждалъ всеобщее вниманіе и призывалъ братьевъ къ дѣятельности.

Лабзинъ не могъ сочувствовать такому направленію и образовалъ особое братство, ближе подходившее къ истинному масонству, на которое онъ не смотрѣлъ какъ на дѣтскую игру, или на маску, прикрывающую политическія стремленія. Членами его ложи были: Поздѣевъ, графъ Разумовскій, князь Гагаринъ, Звѣревъ, Граббе, законоучитель Академіи Художествъ Сперанскій, пасторъ 2-го кадетскаго корпуса Эвенгофъ, законоучитель морскаго кадетскаго

---

[1]) „Встрѣча съ мартинистами". С. Аксакова. „Русская Бесѣда", 1859 г., т. I.
[2]) Въ своихъ запискахъ. „Русское Обозрѣніе", 1890 г. № 9, стр. 243.

*

корпуса Іовъ [1]), А. П. Мартыновъ и другіе. Секретаремъ братства былъ Бѣляевъ, отецъ декабриста, другъ и пріятель Лабзина, въ обращеніи котораго съ братьями былъ слышенъ тонъ господина и повелителя [2]).

Лабзинъ видѣлъ въ масонствѣ только первыя ступени, по которымъ человѣкъ могъ бы возвыситься до нравственнаго усовершенствованія и внутренняго очищенія, безъ чего «масонство сдѣлалось бы,—говоритъ Д. П. Руничъ [3]),—какъ это доказываютъ факты, столь же ненужнымъ, какъ внѣшняя религія, не отражающаяся на дѣйствіяхъ того, который исповѣдуетъ ее, и не проводящая въ жизнь доктринъ, которымъ она учитъ. Все Евангеліе говоритъ только объ обновленіи, воскресеніи, о тѣлесной смерти, за которой слѣдуетъ нравственная или духовная жизнь».

Разъясненіе этой духовной жизни и составляло всю суть дѣятельности Лабзина. Какъ глава, какъ гросмейстеръ своего небольшаго кружка, онъ умѣлъ наэлектризовать братьевъ, и они, вѣря въ чистоту его намѣреній, въ правильность его взглядовъ, легко подчинялись грубости его манеръ и дерзости въ обращеніи, происходившихъ отъ необузданности его характера. Лабзинъ не церемонился съ своими учениками и считалъ ихъ своими покорными слугами. Деспотизмъ былъ такъ развитъ въ этой ложѣ, что Лабзинъ, напримѣръ, заставилъ А. П. Мартынова играть на сценѣ въ тотъ день, когда онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ отца.

— Мужчинѣ стыдно поддаваться грустному чувству,—говорилъ онъ Мартынову.

Такое обращеніе возбуждало страхъ въ молодомъ С. Аксаковѣ, и въ ложѣ Лабзина онъ видѣлъ какой-то католическій фанатизмъ, напоминающій тайныя и инквизиторскія судилища среднихъ вѣковъ. Здѣсь всѣ обряды масонства соблюдались самымъ строгимъ образомъ: употребляли церемоніи при принятіи новыхъ членовъ, пѣли соотвѣтствующіе стихи во время занятій и за ужиномъ [4]).

---

[1]) Этотъ Іовъ, бывшій также въ сектѣ Татариновой, 18 мая 1818 г. лишился ума и умеръ сумасшедшимъ.

[2]) „Воспоминанія Бѣляева". „Русская Старина". 1880 г. № 9, стр. 4; „Встрѣча съ мартинистами". С. Аксакова „Русская Бесѣда", 1859 г., т. I, 51.

[3]) „Русское Обозрѣніе", 1890 г., № 9, стр. 244.

[4]) „Встрѣча съ мартинистами". С. Аксакова, „Русская Бесѣда", 1859 г., т. I, стр. 55—59.

Лабзинъ не могъ допустить въ своей ложѣ того шарлатанства, которымъ проникнута была большая часть масоновъ начала XIX вѣка, и позднѣе высказался неодобрительно противъ такого направленія общества.

«Нынѣ, —писалъ онъ князю А. Н. Голицыну [1]),—правительствомъ дозволены или терпимы масонскія ложи. Развелось множество ложъ и каждая ничего болѣе не дѣлаетъ, какъ только принимаетъ новыхъ членовъ, которыхъ напринимано теперь уже болѣе тысячи. Что въ этомъ? Хорошо ли правительству попускать обирать деньги ни за-что, ни прочто? Кажется, либо не позволять ложи, либо поставить ихъ на хорошую ногу, а то,—я могу сказать вашему сіятельству,—есть управляющіе ложами люди весьма вредные, не только не вѣрующіе, но и не скрывающіе своего невѣрія. За что жъ давать развращать молодыхъ людей, вступающихъ иногда туда и не съ худымъ намѣреніемъ? Не разсудите ли, ваше сіятельство, представить о семъ государю, хотя не какъ о дѣлѣ, а между разговорами.

«Не та моя цѣль при семъ, чтобы побудить опять запретить ложи. ибо съ одной стороны я боюсь, чтобы, исторгая плевелы, иногда не повредить и пшеницы; съ другой—представляется мнѣ, что не по слѣпому же можетъ быть случаю, то, что такъ строго въ Россіи запрещалось, такъ свободно нынѣ производится. А моя цѣль только та, какъ если бы ваше сіятельство увидѣли, что попы, исправляющіе службу, сами смѣются надъ тѣмъ, что дѣлаютъ, или бы вмѣсто обхода вокругъ купели, при крещеніи, плясали въ присядку, (то) не пожелали ли бы вы перемѣнить сихъ поповъ? Впрочемъ, можетъ быть, гораздо лучше употребить во благо тѣ способы, которые почему-то стали возможны, позволительны и угодны многимъ, нежели пріискивать, придумывать и изобрѣтать новые.

«Мое дѣло было исполнить нудящее меня какое-то побужденіе сказать вамъ это; впрочемъ, все сіе предоставляю совершенно вашему благоразсужденію

«Я пишу сіе единственно для вашего сіятельства. Я написалъ, но вы не слушайте меня, если что не такъ, ибо я и самъ не хочу, чтобы было все по-моему, потому только, что по моему».

Строго религіозный Лабзинъ не могъ видѣть пренебреженія къ религіи, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось, и утѣшалъ себя только тѣмъ, что дѣятельность его по изданію «Сіонскаго Вѣстника» не прошла безслѣдно и отразилась въ духовной литературѣ.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 28 мая 1816 г. Троицынъ день, 10 часовъ вечера.

Отголоски мистицизма, говоритъ П. Знаменскій [1]), слышны были въ тогдашнихъ проповѣдяхъ «сохранившихся въ многочисленныхъ по духовнымъ семействамъ рукописяхъ и отчасти въ изданныхъ въ печати; многія духовныя лица успѣшно усвоивали языкъ мистиковъ и очень близко подражали статьямъ «Сіонскаго Вѣстника». Наиболѣе самобытнымъ дѣятелемъ въ этомъ направленіи былъ Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій), увлекавшій тогдашнее общество своими проповѣдями.

«Отврати, говорилъ онъ [2]), вѣрующая душа, очи твои, еже не видѣти суеты; обратися въ покой твой и въ тайнѣ ищи тихаго безмятежнаго царствія Божія въ себѣ самой. Царствіе Божіе внутрь васъ есть (Лук. 17, 21). Въ живой вѣрѣ и въ твердомъ упованіи, въ чистой совѣсти, въ ангельской любви—здѣсь царствіе Божіе».

Здѣсь, по словамъ Филарета, зачинается, рождается, обитаетъ и владычествуетъ Христосъ; здѣсь нѣтъ никакихъ бѣдъ, ни голода, ни жажды, «ибо Царь нашъ питаетъ рабовъ своихъ манною сокровенною» (Апок. 2, 17); нѣтъ ни скорбей, ни унынія—Онъ есть радость; ни болѣзней, ни смерти — Онъ есть жизнь; ни гоненій и угнетенія, — «идѣже бо Духъ Господень, ту свобода» (2 Кор. 3, 17). Небесное дыханіе сего Духа, освѣжая воздухъ души, вливаетъ благовонный миръ въ сердце. Въ немъ, наполненномъ Духомъ Господнимъ, всегда ясное небо: ни тучи сомнѣній не закрываютъ свѣта Божія, ни громъ гнѣва Его не потрясаетъ слуха внутренняго.

Проповѣдь эта произвела громадное впечатлѣніе на слушателей. Многіе, и въ особенности мистики, съ восторгомъ радости и удивленія къ таланту проповѣдника, встрѣтили живое слово, дотолѣ ими не слыханное; всѣ читали эту проповѣдь, выпрашивали себѣ ея экземпляры, старались познакомиться съ Филаретомъ [3]). Послѣдній произносилъ свои проповѣди преимущественно на боль-

---

[1]) «Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра I». П. Знаменскаго, стр. 179.

[2]) Въ 1810 г., въ своей проповѣди на день Благовѣщенія. См. «Сочиненія Филарета», т, изд. 1873 г., т. I, стр. 134.

[3]) «Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета». «Вѣра и разумъ», 1884 г., іюль, стр. 23.

шіе праздники, когда въ Александро-Невскую лавру собиралось много молящихся. Сюда пріѣзжали слушать его князь Голицынъ, Лабзинъ, А. Н. Оленинъ, А. И. Тургеневъ, А. С. Стурдза и другіе. Филаретъ сразу пріобрѣлъ себѣ поклонниковъ, покровителей, но и враговъ. Въ числѣ послѣднихъ и наиболѣе сильный былъ Ѳеофилактъ Русановъ, епископъ калужскій.

До появленіи Филарета онъ пользовался въ Петербургѣ славою перваго проповѣдника. Сдѣлавшись монахомъ не по убѣжденію, а по совѣту, Ѳеофилактъ по своему направленію былъ совершенно свѣтскій человѣкъ, старавшійся вторить въ тактъ тогдашнимъ либеральнымъ стремленіямъ государственныхъ людей и тѣмъ заслужившій ихъ расположеніе. Онъ привлекалъ столичную публику новостью содержанія проповѣдей, которыя отличались, впрочемъ, странными особенностями. Ѳеофилактъ говоритъ, напримѣръ, о картинахъ, на которыхъ изображалась Божія Матерь, любилъ дѣлать намеки на современность и не рѣдко разсуждалъ о политикѣ [1]). Какъ противоположность сухимъ проповѣдямъ остальнаго духовенства, слова Ѳеофилакта вызывали одобреніе слушателей, но религіозной пищи въ нихъ было мало. И вотъ явился новый проповѣдникъ, который приковалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Онъ высказывалъ то же самое, что говорилось въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» 1806 года, въ мистическихъ твореніяхъ Александра Ковалькова [2]) и другихъ русскихъ авторовъ, которые хотя и не далеко удалялись отъ западныхъ протестантскихъ мистико-религіозныхъ сочиненій, но были примѣнены къ понятіямъ тогдашняго общества, и заманчивымъ содержаніемъ подкупали читателей. Въ нихъ шла рѣчь о легчайшемъ пути ко спасенію, предлагались «лѣствицы отъ земли на небо» и указывались «двери благодати». Всѣ они читались съ большимъ увлеченіемъ, потому что соотвѣтствовали потребностямъ общества и давали отвѣты на возбужденные имъ вопросы.

Хотя Филаретъ никогда не былъ мистикомъ, въ полномъ значеніи этого слова, а впослѣдствіи былъ однимъ изъ первыхъ про-

[1]) Изъ воспоминаній митрополита Филарета, записанныхъ А. В. Горскимъ. „Православное Обозрѣніе“ 1868 г. № 8, стр. 516.

[2]) Мистическія творенія эти написаны въ періодъ времени съ 1809—1812 г. и изданы въ 1815 году съ разрѣшенія цензора И. Тимковскаго.

тивниковъ мистицизма, но въ 1810 году, не понятый вполнѣ, онъ являлся какъ бы сторонникомъ этого ученія. Въ самомъ дѣлѣ, вышеприведенная проповѣдь его трактовала о царствѣ Христовомъ, и въ ней проводилась мысль, что царство это не отъ міра сего и внутри насъ есть—все то, что нужно было мистикамъ,—что задѣвало живую ихъ струнку и вызывало горячее сочувствіе къ Филарету, въ которомъ они видѣли своего сторонника и могущественнаго защитника.

– Князь Голицынъ просилъ митрополита Амвросія чаще поручать Филарету произносить проповѣди, и въ 1811 г. онъ произнесъ семь проповѣдей.— Изъ нихъ слова на день «Пятидесятницы» и на «Рождество Христово» заслуживаютъ наибольшаго вниманія по мистическому ихъ характеру. Здѣсь затронуты были самые живые вопросы мистики: о возрожденіи духовномъ, о дѣйствіяхъ духа въ сердцахъ вѣрующихъ, о просвѣщеніи внутреннимъ свѣтомъ, о самоуничиженіи, необходимомъ человѣку для устройства внутри себя храма Божія.

— Человѣкъ тогда только сносенъ, говоритъ Сперанскій, когда онъ въ безсиліи; силы или исканіе силы въ началѣ его погубило и губитъ впослѣдствіи; въ безсиліи онъ соединяется съ Богомъ, въ силѣ воюетъ противъ него.

То же самое говорили мистики, то же самое говорилъ и Филаретъ въ 1811 году въ словѣ на Рождество Христово.

«Нѣтъ высшей мудрости, какъ отречься отъ мудрости для Іисуса; нѣтъ большей славы, какъ раздѣлять безчестіе съ Іисусомъ; нѣтъ избыточнѣйшаго состоянія, какъ нищета Іисуса; нѣтъ совершеннѣйшаго возраста, какъ младенчество Іисуса; нѣтъ лучшаго украшенія для души, какъ видѣть себя чужду всѣхъ украшеній, подобно яслямъ Его... Богъ творитъ изъ ничего: доколѣ мы хотимъ и думаемъ быть чѣмъ-нибудь, дотолѣ Онъ въ насъ не начинаетъ своего дѣла. Смиреніе и отверженіе себя есть основаніе въ насъ храма Его: кто болѣе углубляетъ оное, тотъ выше и безопаснѣе созиждетъ... Кто далъ намъ сердце, не довольствуется большею или меньшею его долею: оно все должно принадлежать Владыкѣ всяческихъ. Онъ отвергаетъ всякую любовь, которая не основывается на любви къ Нему; всякое наслажденіе, въ которомъ ищемъ себя, есть огорченіе для Него; всякая мысль, наклонная къ тварямъ—измѣна Ему; всякая разсѣянность—удаленіе отъ Него. Строгая токмо надъ собою бдительность можетъ возвести къ блаженному съ Нимъ со-

единенію и удержаться въ Немъ... Блажении чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ—и гдѣ? въ самомъ сердцѣ своемъ» [1].

Слова эти вызывали восторгъ слушателей, и извѣстность Филарета росла, а съ нею вмѣстѣ росла и зависть Θеофилакта, понявшаго, что молодой проповѣдникъ можетъ затмить его славу. Приверженцы Θеофилакта стали распускать слухъ, что въ проповѣди на Благовѣщеніе Филаретъ обокралъ извѣстнаго французскаго проповѣдника Массильона; проповѣдь на день Св. Пасхи въ 1811 году называли одою, а проповѣдь «О дарахъ Св. Духа», сказанную въ праздникъ Св. Троицы, Θеофилактъ назвалъ неправославною, а наполненною пантеизмомъ.

Въ то время, когда происходила борьба за первенство между Θеофилактомъ и Филаретомъ, явилось третье лицо, не поддававшееся моднымъ идеямъ, не слѣдовавшее за общимъ теченіемъ и осуждавшее проповѣдническую дѣятельность того и другаго. То былъ инспекторъ С.-Петербургской духовной академіи Иннокентій (Смирновъ), человѣкъ очень умный, строгій ревнитель православія, проповѣдникъ не столько блистательный, сколько теплый наставникъ въ благочестіи [2]).

«О, какіе мы недостойные учители и проповѣдники слова истины! говорилъ онъ. Любодѣй любодѣйствуетъ не ради дѣторожденія, а для насыщенія нечистой своей похоти, такъ и проповѣдникъ слова Божія, когда проповѣдуетъ не ради рожденія чадъ духовныхъ по закону, но чтобы, сказавъ слово, токмо движеніемъ рукъ, эхомъ голоса и произношенія слыть за проповѣдника или почесать сердце свое щекотаніемъ, слухомъ чести, мзды и отличія, то же онъ дѣлаетъ, что и любодѣй: тотъ любодѣйствуетъ тѣлесно, а сей духовно. А когда въ проповѣди есть еще примѣсь неправаго ученія и духа, тогда какъ матерь во чревѣ своемъ убиваетъ домъ младенца, такъ и проповѣдникъ ядомъ заблужденія паче убиваетъ, нежели воспитываетъ, во утробѣ матери церкви чадъ духовныхъ. Видитъ Богъ, какъ въ настоящихъ духовныхъ витіяхъ и проповѣдникахъ бываетъ нечисто, нерадиво, суетно проповѣдническое слово! Многіе ли нынѣ своими словами, рѣчами и поученіями, витіеватыми, высокими и таинственными (мистическими), дѣлаютъ то назиданіе, ка-

---

[1]) «Исторія русской словесности древней и новой», соч. А. Галахова, т. II, стр. 454.

[2]) Иннокентій на 26 году отъ-роду былъ уже архимандритомъ и инспекторомъ С.-Петербургской духовной академіи при ректорѣ Филаретѣ.

кое св. отцы наши древле производили своими простыми, немногими, краткими словами и бесѣдами? Чаютъ многіе навыкнуть проповѣди слова Божія не отъ дѣлъ, но изъ школьнаго наученія и покушаются проповѣдывать слово о царствіи Божіи не отъ вышняго разума, а отъ земнаго мудрованія и явленія плоти и крови... Но всего суетнѣе и пагубнѣе то, что нѣкоторые изъ вѣрныхъ сыновъ царствія почиваютъ на западныхъ и новѣйшихъ словесникахъ и витіяхъ, а водъ благодатнаго ученія въ Св. Златоустѣ Іоаннѣ, Василіи Великомъ, Григоріи Богословѣ и прочихъ св. отцахъ и учителяхъ церкви не хотятъ и видѣть, будто они не нужны для людей нынѣшнихъ. Ужели, Массильонъ, Боссюэтъ, Бурдалу, Флешье болѣе и лучше заключаютъ въ себѣ живыхъ водъ, чѣмъ студенецъ, истекшій изъ устъ св. Златоуста и иныхъ отцовъ церкви и богомудрыхъ учителей?» [1]).

Обвиненіе въ любодѣйствѣ словомъ заставило молодаго тогда Филарета просить подвергнуть критической оцѣнкѣ его проповѣди и въ особенности проповѣдь «О дарахъ Св. Духа». Просматривавшіе ее митрополитъ Амвросій, извѣстный догматикъ Меѳодій тверской, М. М. Сперанскій и кн. А. Н. Голицынъ не нашли въ ней ничего неправославнаго и рѣшили немедленно напечатать эту проповѣдь. Она была представлена императору, и въ концѣ іюня Филарету пожалованъ драгоцѣнный наперстный крестъ «за отличіе въ проповѣданіи слова Божія». Черезъ недѣлю онъ, имѣя всего 28 лѣтъ отъ роду, былъ посвященъ въ санъ архимандрита.

Приписывая столь быстрое возвышеніе Филарета митрополиту, Ѳеофилактъ старался представить Амвросія ретроградомъ и въ одной изъ проповѣдей своихъ говорилъ исключительно о человѣкѣ престарѣломъ, обремененномъ службою, изъ-за котораго всѣми дѣлами митрополіи управляетъ молодой монахъ. Это былъ ясный намекъ на Филарета и митрополита Амвросія. Послѣдній былъ въ крайне непріятномъ положеніи, не зналъ, какъ выдти изъ него, но Филаретъ указалъ ему на способъ прекратить на будущее время проповѣдническую дѣятельность Ѳеофилакта. Молодой архимандритъ напомнилъ митрополиту 20-е правило VI Вселенскаго собора, которымъ воспрещалось проповѣдывать въ чужой епархіи. Амвросій предложилъ это указаніе самому Ѳеофилакту въ засѣданіи Сѵнода,

---

[1]) «Обзоръ рус. духов. литературы Филарета Черниговскаго». Изданіе 1884 г., ч. II, стр. 425.

и голосъ калужскаго архіепископа не раздавался болѣе въ церквахъ Петербурга [1]). За то проповѣдническая каѳедра Филарета была всегда окружена множествомъ публики изъ столичной знати.

Самымъ горячимъ поклонникомъ и почитателемъ Филарета былъ князь А. Н. Голицынъ, совершенно подчинившійся его вліянію и просившій даже быть его духовнымъ отцомъ, отъ чего Филаретъ однако уклонился. Это уклоненіе не мѣшало ихъ взаимному сближенію; князь А. Н. Голицынъ часто посылалъ за Филаретомъ и въ бесѣдѣ съ нимъ проводилъ многіе часы. «Въ продолженіе осени, писалъ Филаретъ отцу 28-го ноября 1811 года, я нѣсколько разъ бывалъ у князя Александра Николаевича и въ его иногда экипажѣ. Онъ подарилъ мнѣ духовныя творенія Фенелона на французскомъ (языкѣ). Теперь онъ нездоровъ, помолитесь о немъ, онъ истинный ревнитель вѣры и церкви»,—церкви внутренней, мистической, прибавимъ мы.

Собственно говоря мистическое движеніе, не будучи никогда народнымъ, захватывало только образованное, преимущественно аристократическое общество и укрѣпилось въ немъ подъ вліяніемъ послѣдовавшихъ вслѣдъ затѣмъ тяжкихъ испытаній Отечественной войны 1812 года. Москва была занята непріятелемъ, многія губерніи разорены и остались безъ правителей; сообщеніе съ арміею на нѣсколько дней прекратилось, и въ Петербургѣ не знали, что дѣлается въ значительной части центральной Россіи.

Тамъ Наполеонъ, совершенно неожиданно, наткнулся на новую невѣдомую ему силу—на преданность русскаго народа царю и родинѣ и на его религіозность, незнакомую ни съ мистицизмомъ, ни съ какимъ другимъ ученіемъ, кромѣ преданій отцовъ и дѣдовъ.

— О! мои бородачи, говорилъ императоръ Александръ впослѣдствіи Шуазель-Гуфье—они гораздо лучше насъ. Они сохраняютъ патріархальные нравы, вѣру въ Бога и безграничную преданность своему государю [2]).

Только глубокая вѣра въ Бога, въ какомъ бы видѣ она ни выражалась, въ состояніи подвигнуть каждаго на самопожертво-

---

[1]) Изъ воспоминаній Филарета. „Православное Обозрѣніе“ 1868 г. № 8, стр. 516.

[2]) «Русская Старина» 1877 г. т. XX, стр. 603.

ваніе, и въ ней одной живой источникъ силы и средства къ сопротивленію врагу, сопряженному всегда съ опасностью жизни. Успѣхи войны приписывались всѣми Промыслу Божію, карающему нечестиваго оскорбителя, насильно вторгшагося въ наше отечество и нанесшаго ему столько бѣдствій. Наполеонъ представился всѣмъ антихристомъ, для сокрушенія котораго былъ посланъ Богомъ, какъ тогда называли, «ангело-подобный» Александръ. Но послѣдній, не приписывая ничего себѣ, въ добровольно сожигаемыхъ селахъ, городахъ и, наконецъ, въ заревѣ Москвы, увидѣлъ все величіе своего народа, преклонился передъ нимъ и передъ «перстомъ Божіимъ».

— Пожаръ Москвы, говорилъ государь прусскому епископу Эйлерту [1],—освѣтилъ мою душу, и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ.

Александръ I понялъ, что однѣхъ гражданскихъ добродѣтелей, тѣхъ, въ которыхъ онъ самъ былъ воспитанъ, т. е. гуманности, любви къ ближнему, понятія о равенствѣ и братствѣ, недостаточно для совершенія великаго подвига самоуничтоженія на пользу отечества; что для этого надо что-то высшее, идейное или духовное,— и религія, охвативъ внутренняго человѣка, дала императору иное направленіе, переродила его.

— Въ 1812 году, говорилъ онъ [2], Господь, по любви и милосердію своему, снова призвалъ меня къ себѣ, и прежнія движенія благодати возобновились въ сердцѣ моемъ съ новою силою.

Съ полученіемъ извѣстія о вступленіи Наполеона въ Москву, многіе жители Петербурга стали укладывать свои вещи и собираться къ выѣзду, будучи увѣрены, что французы скоро явятся въ Петербургъ. «Среди общаго безпокойства, писалъ Филаретъ отцу [3]), одинъ человѣкъ удивилъ меня своимъ великодушіемъ. Тогда какъ многіе оставляли свои дома, кн. Александръ Николаевичъ (Голи-

---

[1]) Въ 1818 году. „Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра". П. Знаменскаго, стр. 26.

[2]) Квакеру Греллэ-де-Мобилье въ 1819 г. Записки квакера «Русская Старина» 1874 г. № 1, стр. 18.

[3]) Отъ 2-го декабря 1812 г. Письма Филарета роднымъ.

цынъ) строилъ въ своемъ домѣ церковь» и передѣлывалъ свой домъ. Завистливые люди старались оклеветать его въ глазахъ государя и навести подозрѣніе въ измѣнѣ отечеству.

— Голицынъ, спрашивалъ однажды Александръ, что ты дѣлаешь? Что это значитъ? Всѣ собираются бѣжать, а ты строишься?

— Да, отвѣчалъ князь, мѣсто, гдѣ я теперь, также безопасно, какъ и всякое другое, куда бы я могъ бѣжать; Господь защита моя, на Него я уповаю.

— Съ какого времени, спрашивалъ государь, у тебя такъ много надежды на помощь Божію, и на чемъ основано твое упованіе?

— Сердце мое о томъ свидѣтельствуетъ, отвѣчалъ кн. Голицынъ, и вотъ та боговдохновенная книга, которая подтверждаетъ непреложность моего упованія.

Онъ хотѣлъ подать государю Библію, но она упала нечаянно на полъ и раскрылась.

— Позвольте же мнѣ, сказалъ князь, прочитать вамъ именно то мѣсто, на которомъ раскрылась Библія.

Это былъ 90 псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго вдоворится. Речетъ Господеви: Заступникъ мой еси и прибѣжище мое,—Богъ мой, и уповаю на него»...

Слушая чтеніе этого псалма, государь оставался неподвижнымъ и былъ въ крайнемъ изумленіи. Въ ужасные дни тревогъ и волненій, среди бѣдствія, постигшаго отечество, Александръ невольно, въ словахъ Библіи, почувствовалъ нѣкоторое утѣшеніе и видѣлъ въ этомъ озареніе свыше [1]).

— Тогда я познaлъ Бога, говорилъ онъ епископу Эйлерту, какъ его описываетъ Св. Писаніе. Съ тѣхъ только поръ, я понялъ Его волю и Его законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе Его имени и славѣ.

Князь Голицынъ передалъ государю Библію и совѣтовалъ ему приняться за чтеніе Св. Писанія.

— Я пожиралъ Библію, говорилъ Александръ, находя, что слова ея вливаютъ новый, прежде никогда не испытанный, миръ въ мое сердце и удовлетворяютъ жаждѣ души моей. Господь по

[1]) Записки квакера «Русская Старина», 1874 г. № 1, стр. 22.

благости своей даровалъ мнѣ духомъ своимъ уразумѣть то, что я читалъ; этому-то внутреннему назиданію и озаренію обязанъ я всѣми духовными благами, пріобрѣтенными мною при чтеніи божественнаго слова,—вотъ почему я смотрю на внутреннее озареніе или наставленіе отъ Святаго Духа, какъ на самую твердую опору спасительнаго богопознанія.

Послѣдующія событія и обстоятельства еще болѣе укрѣпили государя въ справедливости его мнѣнія и направили по этому пути. Будучи въ Казанскомъ соборѣ, онъ опять услышалъ чтеніе того же 90 псалма и спросилъ священника, кто подалъ ему мысль читать его?

— Никто, отвѣчалъ спрошенный, но я молился Господу и просилъ внушить мнѣ, что именно избрать и прочесть изъ Его божественнаго слова для ободренія и утѣшенія моего государя, и мнѣ казалось потомъ, что этотъ псаломъ былъ именно гласомъ Божіимъ къ Вашему Величеству.

Видя въ этомъ особое знаменіе, императоръ весь предался волѣ Божіей, преклонился предъ промысломъ Всевышняго и пріучилъ себя читать Библію каждый день утромъ и вечеромъ.

— Вѣра побудила меня, говорилъ Александръ однажды кн. Мещерской, отдаться Тому, Кто говорилъ мнѣ въ псалмѣ 90, и внушала мнѣ увѣренность, давала силы совершенно для меня новыя. При каждой трудности, при каждомъ вопросѣ, я преклонялся къ ногамъ моего небеснаго Отца или, углубляясь на нѣсколько минутъ въ себя, взывалъ къ Нему изъ глубины сердца и все чудеснымъ образомъ устраивалось; всѣ затрудненія исчезали передъ Господомъ, Который шелъ впереди меня

Съ этихъ поръ Александръ часто предавался созерцательной молитвѣ и особенно любилъ бесѣдовать о внутреннемъ дѣйствіи Св. Духа и его вліяніи на человѣка, т. е. именно о томъ, о чемъ твердили всѣ мистики. Такое настроеніе государя поддерживалось и послѣдующими обстоятельствами.

1-го октября, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, Филаретъ освящалъ домовую церковь кн. Голицына, въ присутствіи Св. Сѵнода и блестящаго собранія дворянства. Въ то время Наполеонъ не покидалъ еще Москвы и, подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ дней,

проповѣдникъ указывалъ на необходимость всегдашней готовности къ принятію въ себя Царя славы.

«И между тѣмъ Господь при дверехъ, говорилъ Филаретъ. Какой рабъ можетъ пренебрегать посѣщеніемъ владыки своего и какой владыка можетъ снести такое пренебреженіе? Можетъ ли богатый оставить нищаго толцать въ ворота свои отъ утра и до вечера и нищій не проклясть жестокосердаго? Но ты, Господи, съ неизреченными сокровищами щедротъ Твоихъ, съ того времени, какъ возсіялъ надо мною свѣтъ Евангелія Твоего, стоишь у вѣчныхъ вратъ души моей, а я не внемлю Твоимъ кроткимъ толцаніямъ, и вратами тлѣнія убѣгаю скитаться по міру, и просить у враговъ Твоихъ моей погибели» [1]).

Если припомнить, что слова эти произносились среди губительной войны, при полученіи отовсюду извѣстій объ оскорбленіи святыни и оскверненіи православныхъ храмовъ, то можно представить себѣ, какое впечатлѣніе должна была эта проповѣдь произвести на присутствовавшихъ и притомъ такихъ, въ которыхъ, по словамъ Филарета, съ почтеніемъ можно было видѣть примѣры благочестія.

23-го октября Филаретъ опять служилъ въ церкви князя Голицына, и его убѣждали повторить ту же проповѣдь, «но я, говоритъ онъ [2]), не могъ себя принудить къ тому и говорилъ вмѣсто того Бесѣду [3]), которую присемъ прилагаю». Бесѣда эта была повторена въ томъ же храмѣ 30-го ноября въ присутствіи императора Александра и вызвала полное его одобреніе.

«Что мя зовете Господи, Господи и не творите яже глаголю? говорилъ Филаретъ. Страшный гнѣвъ Господа открывается намъ, слушатели, въ семъ изреченіи Евангелія! Онъ укоряетъ не только тѣхъ, которые хулятъ и забываютъ святое имя Его, но и тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ обносятъ оное въ устахъ своихъ. И такъ неужели Бога оскорблять можно и молитвою? Можно, если устная молитва не сопутствуется сердечною, а сердечная не сопровождается творительною молитвою...»

---

[1]) Сочиненія Филарета, Издан. 1873 г. т. I, 182.

[2]) Въ письмѣ отцу отъ 2-го декабря 1812 г.

[3]) Бесѣду о Молитвѣ Господней. См. Сочиненія Филарета изд. 1873 г. т. I, стр. 21.

Далѣе касаясь прошенія: да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, Филаретъ спрашивалъ: «не многіе ли изъ насъ въ легкомысленныхъ мечтаніяхъ созидаютъ здѣсь каждый собственное царство? Сынъ силы думаетъ начертать другимъ законъ страха и униженія (Наполеонъ); мнящійся быть мудрымъ хочетъ владычествовать перомъ въ царствѣ мнѣній; легкомысленный мечтаетъ быть законодателемъ въ удовольствіяхъ и забавахъ; корыстолюбивый устрояетъ темное царство и собираетъ бездушныхъ подданныхъ своихъ въ сокровищницахъ» [1]).

Неудивительно, что послѣ этой проповѣди Филаретъ слышалъ со строны высочайшей особы такія слова кротости, которыя растопляли его, какъ воскъ; такія слова благочестія, которыя воспламеняли его.

Борьба съ Наполеономъ и побѣды, одержанныя русскимъ народомъ, дали Россіи первенствующее политическое положеніе среди европейскихъ державъ, а императору Александру—имя освободителя Европы. Неожиданныя послѣдствія войны, превышавшія самыя большія желанія и самыя отважныя предположенія, естественно приписывались Божественной силѣ, дѣйствовавшей наперекоръ земнымъ разсчетамъ. Всѣ преклонились передъ этою силою и въ ней одной видѣли свое спасеніе. Самъ Александръ I, отрицая значеніе своего вліянія, смотрѣлъ на себя, какъ на орудіе Провидѣнія, и на медали, учрежденной въ память 1812 года, повелѣлъ начертать слѣдующія высокознаменательныя слова: «Не намъ, не намъ, но имени Твоему даждь славу».

Глубокое чувство благодарности и смиренія привело государя къ самоуглубленію, къ внутренней молитвѣ—словомъ, къ мистицизму. Въ этомъ, какъ мы видѣли, онъ нашелъ большую поддержку въ товарищѣ своего дѣтства, князѣ Голицынѣ. Это былъ уже не тотъ человѣкъ, какимъ мы знали его, когда онъ просилъ о запрещеніи «Сіонскаго Вѣстника». По природѣ мягкій и воспріимчивый, кн. Голицынъ легко поддавался постороннему вліянію и, окруженный какъ духовными, такъ и свѣтскими мистиками, легко пошелъ по пути внутренней религіи, отрицая внѣшнюю. Божественная за-

---

[1]) Тамъ же, стр. 25.

повѣдь любви къ ближнему сдѣлалась постояннымъ спутникомъ и руководителемъ его сердца. Онъ не понималъ разностей догматическихъ, каноническихъ или обрядовыхъ, раздѣляющихъ между собою различныя исповѣданія, и для него не было ни католика, ни протестанта, а существовали только христіане въ общемъ значеніи этого слова. Основываясь на Евангеліи, сближающемъ всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій, князь А. Н. Голицынъ принялъ подъ свое покровительство всѣ секты, не исключая «людей Божіихъ» и даже скопцовъ.

«Ничто, говоритъ И. Чистовичъ [1]), не было болѣе противно ему, какъ фанатизмъ, религіозная нетерпимость и мертвое благочестіе обряда и внѣшней формы. Стремленія князя Голицына наклонялись къ тому, чтобы вывести русскій народъ изъ того усыпленія и равнодушія въ дѣлѣ вѣры, какое казалось ему повсюднымъ, пробудить въ немъ высшіе духовные инстинкты и черезъ распространеніе священныхъ книгъ ввести въ него живую струю внутренняго пониманія христіанства, между тѣмъ какъ русское общество, по его мнѣнію, довольствовалось однимъ внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ и одною внѣшнею пабожностью».

Желая очистить религію отъ внѣшнихъ обрядностей и воспользовавшись внутреннимъ настроеніемъ императора, кн. Голицынъ убѣдилъ его основать «Библейское общество». Мы не имѣемъ въ виду входить здѣсь въ подробное описаніе задачъ и дѣятельности этого общества, но замѣтимъ, что императоръ Александръ самъ записался въ его члены, внесъ 25 тыс. руб. и обязался ежегодно вносить по 10 тыс. рублей; что главными дѣятелями и руководителями русскаго Библейскаго общества были англичане-пасторы Пинкертонъ и Петерсонъ; что членами общества были масоны, мартинисты, мистики и представители всѣхъ вѣроисповѣданій, находившихся въ Россіи. Президентомъ общества былъ князь А. Н. Голицинъ, вице-президентами: графъ В. П. Кочубей и графъ К. Разумовскій, секретарями: В. М. Поповъ, А. И. Тургеневъ и А. Ѳ. Лабзинъ. Членами общества были: митрополитъ с.-пе-

---

[1]) «Исторія перевода Библіи на русскій языкъ». И. Чистовича.—«Христіанское Чтеніе» 1872 г., № 11, 405.

тербургскій Михаилъ, ректоръ С.-Петербургской духовной академіи Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій) и С.-Петербургской семинаріи Иннокентій; митрополитъ римско-католическихъ церквей Сестренцевичъ-Богушъ, протестантскій генералъ суперъинтендентъ Рейнботъ, пасторъ англиканской с.-петербургской церкви Питтъ, сарептскаго евангелическаго братскаго общества пасторъ Шерль, голландскій пасторъ Янсенъ, масоны и мистики Р. А. Кошелевъ, Г. Плещеевъ и другіе. Всѣ они имѣли одинаковыя права, и члены русскаго православнаго духовенства не пользовались никакими преимуществами передъ духовенствомъ другихъ вѣроисповѣданій. «Не странны ли, писалъ А. С. Шишковъ, даже не смѣшны ли въ библейскихъ обществахъ наши митрополиты и архіереи, засѣдающіе вмѣстѣ съ лютеранами, католиками, кальвинами, квакерами, словомъ со всѣми иновѣрцами? Они съ сѣдою головою, въ рясахъ и клобукахъ, сидятъ съ мірянами всѣхъ націй, и имъ человѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе!»

Что казалось страннымъ Шишкову и нѣкоторымъ другимъ, то для членовъ Библейскаго общества было дѣломъ естественнымъ, полезнымъ и необходимымъ. Въ Библейскомъ обществѣ видѣли арсеналъ или оружейную палату, гдѣ ковался вещественный мечъ слова Божія, владѣть которымъ предоставлялось воинамъ Христовымъ. Въ идеѣ основанія Библейскаго общества видѣли «новое изліяніе Св. Духа на всяку плоть» и думали, что съ помощью одной книги можно будетъ христіанству «расторгнуть обветшалыя пелены, обойтись безъ церкви и достигнуть соединенія въ духѣ и истинѣ.»

Послѣдующія политическія событія заставили императора Александра I пробыть долгое время за-границей. Въ Силезіи община моравскихъ братьевъ поразила его мягкимъ характеромъ религіозности, и онъ ставилъ ее потомъ образцомъ истиннаго христіанства. Въ Баденѣ Александръ видѣлся съ Юнгомъ Штиллингомъ [1]) и долго бесѣдовалъ съ нимъ о томъ, что во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ есть доля истины, но что ни одно изъ нихъ не выра-

---

[1]) Результатомъ свиданія было то, что сынъ Ю. Штиллинга былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ коллежскаго асессора. «Историческ. Вѣстн.», 1882 г. № 4, стр. 12.

жаетъ универсальнаго высокаго идеала христіанства. Приблизиться къ этому идеалу и было завѣтною мечтою Александра.

— Отчего это,—говорилъ онъ Шуазель-Гуфье,—всѣ государи и народы Европы не условятся жить по-братски и помогать другъ другу въ своихъ нуждахъ. Торговля сдѣлалась бы общимъ достояніемъ этой громадной семьи. Члены ея, хотя бы и различались вѣроисповѣданіями, но вѣротерпимость соединяла бы ихъ. Для Бога я думаю безразлично—призываютъ ли его люди на греческомъ или на латинскомъ языкахъ, лишь бы только они исполняли свои обязанности въ отношеніи Его, да были бы честны. Не всегда длинная молитва бываетъ пріятна Богу [1]).

Еще въ 1813 году при первыхъ неудачахъ въ борьбѣ съ Наполеономъ Александръ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, тоже мистикомъ, сознали, что только рука Всевышняго могла спасти Германію, и рѣшились въ случаѣ успѣха гласно заявить всему свѣту, что только одному Богу они обязаны благополучнымъ исходомъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. Послѣдующія превратности войны вплоть до 1815 года еще болѣе убѣждали императора въ необходимости исполнить данное обѣщаніе.

— Я оставляю Францію, говорилъ онъ г-жѣ Крюднеръ въ 1815 году, но до отъѣзда хочу публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и Св. Духу хвалу, которой мы обязаны Ему, и призвать народы стать въ повиновеніе Евангелія. Я желаю, чтобы императоръ австрійскій и король прусскій соединились со мною въ этомъ актѣ богопочтенія, дабы люди видѣли, что мы, какъ восточные маги, признаемъ верховную власть Спасителя.

Такъ явился извѣстный актъ «Священнаго союза», по которому подписавшіе его три монарха согласились оказывать другъ другу услуги и почитать себя членами единаго народа христіанскаго. Они взаимно обязались, какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ руководствоваться заповѣдями Св. Евангелія, подданныхъ своихъ считать какъ бы членами одного семейства и управлять ими въ духѣ братства, по заповѣдямъ любви, правды и мира.

---

[1]) «Русская Старина» 1877 г., т. XX, стр. 603.

Сообразно съ этимъ, всѣ три монарха убѣждали своихъ подданныхъ «утверждаться въ правилахъ и дѣятельномъ исполненіи обязанностей, въ которыхъ наставилъ человѣковъ Божественный Спаситель, яко единственное средство наслаждаться миромъ, который истекаетъ отъ доброй совѣсти и который единъ проченъ».

Въ Россіи манифестъ о Священномъ союзѣ былъ принятъ съ большимъ восторгомъ, и 9-го ноября 1815 года Филаретъ сообщалъ отцу [1]): «Думаю, не писалъ еще я къ вамъ, что онъ (Александръ) съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ заключили союзъ, которымъ они признаютъ Царемъ-Царей Христа; самымъ спасительнымъ закономъ—законъ христіанскій; себя—приставниками Царя-Христа у своихъ народовъ; свои народы—тремя отраслями одного христіанства и братьями, и къ сему приглашаютъ и прочихъ государей. И такъ, наконецъ, стали принадлежать царства міра Господу нашему и Христу Его, какъ говоритъ оригинальный текстъ Апокалипсиса («Нынѣ бысть спасеніе и сила и царство Бога нашего и область Христа Его» Апок. 12,10).

Самъ императоръ Александръ былъ въ восторгѣ отъ акта Священнаго союза и повелѣлъ копіи съ манифеста выставить на видныхъ мѣстахъ во всѣхъ церквахъ Имперіи. Духовенству приказано заимствовать изъ него мысли для своихъ проповѣдей и научать прихожанъ братской любви къ ближнему. Въ этихъ проповѣдяхъ часто переходилась граница приличія, и Александръ въ устахъ духовенства получалъ такую характеристику, которая не свойственна человѣку. Архіепископъ Филаретъ назвалъ его вселенскимъ проповѣдникомъ благочестія [2]), другіе пошли еще далѣе и вызвали протестъ со стороны самого государя.

«Въ послѣдній мой проѣздъ по губерніямъ, писалъ императоръ Александръ въ указѣ Св. Сvноду [3]), въ нѣкоторыхъ изъ оныхъ, долженъ былъ, къ сожалѣнію моему, слушать въ рѣчахъ, говоренныхъ духовными лицами, такія несовмѣстныя мнѣ похвалы, кои приписывать можно единому Богу. Поколику я убѣжденъ въ глубинѣ сердца моего въ сей

---

[1]) Письма Филарета къ роднымъ, стр. 200.

[2]) Въ торжественномъ собраніи конференціи духовной академіи. „См. Исторію С.-Петербургской духовной академіи“ Чистовича, стр. 231.

[3]) Отъ 27 октября 1817 г. изъ Москвы.

христіанской истинѣ, что черезъ единаго Господа Спасителя Іисуса Христа проистекаетъ всякое добро и что человѣкъ, какой бы ни былъ, есть единое зло,—слѣдовательно, приписывать мнѣ славу въ успѣхахъ, гдѣ рука Божія столь явна была цѣлому свѣту, было бы отдавать человѣку то, что принадлежитъ всемогущему Богу.

«Для того долгомъ считая запретить таковыя неприличныя выраженія, поручаю Св. Сиподу предписать всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, чтобы, какъ они сами, такъ и подвѣдомственное духовенство, при подобныхъ случаяхъ, воздержались отъ похвалъ, толико слуху моему противныхъ, а воздавали бы единому токмо Господу силъ благодареніе за ниспосланныя щедроты и умоляли бы о изліяніи благодати Его на всѣхъ насъ, основываясь на словахъ священнаго писанія: Царю же вѣковъ нетлѣнному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во вѣки вѣковъ.»

Прошло шесть лѣтъ послѣ этого указа, и въ 1823 году тотъ же Филаретъ, будучи митрополитомъ московскимъ, на случай встрѣчи императора, писалъ Гавріилу тверскому: «въ рѣчи не хвалите государя, а говорите что-нибудь полезное и правдивое» [1]).

Но мы опередили событія и должны сказать, что съ тѣхъ поръ какъ Александръ I сталъ во главѣ религіознаго движенія, въ нашихъ гостиныхъ стали чаще говорить о внутреннемъ соединеніи человѣка съ Богомъ, о внутреннемъ возрожденіи и внутреннемъ хожденіи по пути религіи и нравственности.

Прежнее вольнодумство было покинуто обществомъ, и кто не былъ истинно благочестивъ, тотъ старался казаться таковымъ. Идея возрожденія и обновленія внутренняго человѣка завербовала себѣ многихъ дамъ высшаго круга, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ: кн. Голицина, кн. Мещерская, гр. Толстая, Хвостова, фрейлина Стурдза—имѣли большое вліяніе на государя и императрицу Елизавету Алексѣевну. Религіозное настроеніе охватило многихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ администраціи, не исключая духовенства, сочувствовавшаго дѣятельности тѣхъ, которые своимъ служебнымъ вліяніемъ или путемъ литературы распространили мистическое ученіе.

Съ каждымъ годомъ число выходящихъ мистическихъ книгъ значительно увеличивалось: выходили или новыя изданія прежде

---

[1]) „Душеполезное Чтеніе" 1869 г. Ч. I (мартъ) стр. 114.

вышедшихъ книгъ или новые переводы и новыя оригинальныя сочиненія. Нѣкоторыя изъ нихъ были посвящены высочайшему имени и даже изданы на счетъ государя [1]). На этомъ поприщѣ трудились: Лабзинъ, Уткинъ, Шамшинъ, Сахаровъ, Лубяновскій, сенаторъ З. Карнѣевъ, Хвостова, княгиня Мещерская и друг. Въ десяти-лѣтіе съ 1813 по 1823 годъ вышло до 60-ти мистическихъ сочиненій, изъ коихъ приходилось на долю Эккартсгаузена болѣе 25, Гіонъ—9, Ю. Штиллинга—4, Таулера—2, и до десяти сочиненій другихъ иностранныхъ писателей, причемъ «Философія» дю-Туа цѣнилась мистиками едва-ли не выше Евангелія. Въ числѣ оригинальныхъ сочиненій были: «Плодъ полюбившаго истину» — Лопухина; «Мои мысли о Символѣ вѣрѣ» и «Мысли при чтеніи молитвы Господней»—сенатора Карнѣева; «Письма къ другу» и «Совѣтъ души моей»—Хвостовой и другія. Словомъ, мистическая литература настолько обогатилась, что одинъ изъ переводчиковъ могъ сказать: «Благодареніе Богу! у насъ теперь довольно вышло и выходитъ мистическихъ книгъ, такъ что въ средствахъ нѣтъ недостатка». Къ этому надо прибавить, что сверхъ книгъ издавались еще и мистическіе журналы: «Другъ Юношества» Невзорова (1807—1815) и «Духовный годъ жизни христіанина» (1816 г.).

Всѣ эти изданія, выходившія безъ участія духовной цензуры, встрѣчались русскимъ обществомъ съ большимъ сочувствіемъ, дали перевѣсъ надъ ученіемъ православной церкви и послужили къ основанію нѣсколькихъ тайныхъ сектъ, въ числѣ которыхъ была секта и извѣстной Татариновой.

Между тѣмъ, Библейское общество быстро распространялось и, въ видѣ мѣстныхъ отдѣленій, охватило почти всю Россію. Въ короткое время всѣ уголки ея были переполнены книжками и брошюрами общества; но изданные безъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ примѣчаній, онѣ не имѣли никакого значенія для народа, валялись по шинкамъ и кабакамъ, и даже были употребляемы на

[1]) Высочайшему имени были посвящены переводы: „Христіанской философіи“ дю-Туа (1815—1817 г.) и „Благоговѣйнѣйшихъ размышленій о жизни и страданіяхъ Христа Спасителя“ Таулера (1823 г.); послѣдній переводъ былъ изданъ на счетъ государя.

обертки. Все это убѣждало нѣкоторыхъ въ необходимости, не нарушая устава Библейскаго общества, имѣть въ сторонѣ его руководящій органъ, который давалъ бы необходимыя объясненія основъ религіи, давалъ бы тонъ, направленіе и объяснялъ дѣятельность библейскихъ отдѣленій. Такимъ органомъ въ глазахъ А. Ѳ. Лабзина могъ бы служить возобновленный подъ его редакціею «Сіонскій Вѣстникъ».

— Человѣкъ есть l'animal sociable и требуетъ общества, говорилъ онъ князю А. Н. Голицыну. Но какія есть у насъ общества? Человѣкъ молодой и хорошо воспитанный, вступивъ въ свѣтъ, встрѣчаетъ все то, что опровергаетъ или, по крайней мѣрѣ, противорѣчитъ внушеннымъ ему правиламъ. Куда онъ дѣнется: хочетъ ѣсть и пить—есть трактиры, хочетъ танцовать—есть балы и клубы, въ карты играть—вездѣ есть сообщники. Но еслибы онъ искалъ сообщества для украшенія себя въ добродѣтели, въ вѣрѣ, познаніи истины—гдѣ найдетъ онъ такое общество? Они подозрительны, они преслѣдуются; самый малый кружокъ сошедшихся такихъ людей всегда подверженъ какому-то страху, и, если не прямо гоненію, то тайному или явному надзору и притѣсненію. Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, правительству не связывать людямъ руки добро дѣлать?

Однимъ изъ видовъ такого добра А. Ѳ. Лабзинъ признавалъ изданіе религіозно-нравственнаго журнала и предлагалъ свои услуги. Онъ увѣрялъ князя Голицына, что ничего болѣе не желаетъ, какъ получить просторъ и разрѣшеніе на проповѣданіе людямъ Слова Божія. «Если и государь соизволитъ признать меня,—писалъ Лабзинъ [1]), какъ признаютъ нѣкоторые, годнымъ на служеніе Господу и братьямъ нашимъ, то нужно, чтобы я поставленъ былъ на такой постъ или приведенъ (бы) былъ въ такое состояніе, чтобы могъ дѣйствовать съ бóльшимъ успѣхомъ и безбоязненно».

Прошлая дѣятельность Лабзина, какъ издателя журнала, подверглась, какъ мы видѣли, осужденію, но теперь обстоятельства совершенно измѣнились. Князь А. Н. Голицынъ изъ враговъ сдѣлался человѣкомъ, сочувствующимъ взглядамъ бывшаго издателя

---

[1]) Въ письмѣ отъ 28 мая 1816 года, Троицынъ день, 10 часовъ вечера.

«Сіонскаго Вѣстника». Теперь было такое время, когда Лабзинъ могъ напомнить министру, что только по его представленію бывшій издатель находится подъ гнѣвомъ государя и оглашенъ передъ публикою человѣкомъ не только вреднымъ, но и злоумышленнымъ.

— Если осужденіе это правильно, говорилъ Лабзинъ, — тогда пусть оно такъ и останется, если же нѣтъ, то справедливость требуетъ снять клеймо, которое тяготитъ меня, и снять такимъ же гласнымъ образомъ, какимъ оно было наложено. Если нельзя возвратить потерянное, то пусть останусь живымъ свидѣтелемъ того, какъ легко нанести другому долговременный вредъ и какъ трудно оный вознаградить, при всемъ добромъ желаніи.

Эти послѣднія слова, при тогдашнемъ внутреннемъ настроеніи князя Голицына, его честности и душевной чистотѣ, должны были лечь на него тяжелымъ укоромъ, какъ на виновника несчастія человѣка, давно уже шедшаго по тому пути, который теперь признанъ былъ имъ самимъ единственно правильнымъ въ жизни каждаго христіанина. Князь Голицынъ просилъ Лабзина доставить ему всѣ книжки «Сіонскаго Вѣстника» и всю переписку по журналу въ 1806 году. Познакомившись ближе съ характеромъ и направленіемъ «Вѣстника», онъ сознался, какую ошибку сдѣлалъ тогда, требуя прекращенія, по его теперешнему мнѣнію, столь полезнаго изданія.

Въ теченіе этого времени, писалъ князь императору Александру [1]), «милостію Господа и обстоятельствами, Ему единому извѣстными, почувствовалъ я въ сердцѣ своемъ развязку всего того, что прежде удивляло мой разсудокъ, и между прочимъ обратилъ я свое вниманіе на «Сіонскій Вѣстникъ», о которомъ мнѣ много говорили. Перечитавъ всѣ мѣста, на кои указано было въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ цензурѣ [2]), я ужаснулся, сколько отъ невѣжества моего въ духѣ Св. Писанія отяготилъ я судьбу невиннаго.

«Не имѣлъ я никакой личности тогда, но считалъ, что испол-

---

[1]) Въ собственноручномъ всеподданнѣйшемъ письмѣ 1816 года безъ мѣсяца и числа.

[2]) Замѣчанія эти, какъ мы видѣли, относились исключительно до №№ 6 и 7 „Сіонскаго Вѣстника“ 1806 года.

няю свою должность; одна тому причина, что былъ во тьмѣ, слѣдовательно, и дѣлалъ все ощупью. Свѣтъ Господень просвѣтилъ меня, и я ясно увидѣлъ, что гналъ то, что церковь апостольская и древніе отцы учили. Я оставляю правосудію вашему, всемилостивѣйшій государь, разсудить, слѣдуетъ ли возвратить доброе имя тому, у кого оное невинно отнято».

Получивъ предварительное согласіе государя на возобновленіе «Сіонскаго Вѣстника», князь Голицынъ всеподданнѣйшею собственноручною запискою, отъ 18-го ноября 1816 года, испрашивалъ оффиціально высочайшее на то разрѣшеніе.

«Десять лѣтъ протекло отъ сего происшествія, говорилъ онъ, и во все сіе время издатель считается подъ нѣкоторымъ замѣчаніемъ, какъ вредный писатель; то я долгомъ счелъ войти во всѣ подробности сего дѣла и прочесть какъ тѣ мѣста въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ», на которыя сдѣланы были замѣчанія, такъ и переписку, по сему дѣлу происходившую, и не только не нашелъ ничего противнаго христіанству, но, напротивъ, чрезвычайно назидательное сочиненіе, такъ что надобно сожалѣть о столь долгомъ молчаніи сего журнала, и я иначе не могу представить Вашему Величеству какъ то, чтобы его скорѣе возстановить для пользы любящихъ духовныя занятія.

«Вопросъ можно сдѣлать: отъ чего я въ 1806 году представлялъ о запрещеніи сего изданія, а нынѣ нахожу его превосходнымъ?—Отъ того, что я былъ въ совершенной тьмѣ, а нынѣ, хотя и не могу сказать, чтобъ я былъ уже просвѣщеннымъ, но по крайней мѣрѣ ищу свѣта въ истинномъ источникѣ.

«Не зная духа священнаго писанія, все то, что было въ семъ духѣ, казалось мнѣ сокровеннымъ языкомъ какого-нибудь общества, ищущаго вредить религіи, а можетъ и правительству. Отъ сихъ началъ я сталъ дѣйствовать и, думая служить церкви, гналъ духъ ея.

«Для лучшаго усмотрѣнія прилагаю здѣсь іюнь и іюль мѣсяцы 1806 г. «Сіонскаго Вѣстника», на которые указано г. Новосильцовымъ, и вы сами увидите истину моего нынѣшняго заключенія.

«Остается одно затрудненіе, что Высочайшимъ Вашимъ именемъ сдѣлано вышеписанное замѣчаніе, но такъ какъ не видно было, что оное послѣдовало по моему представленію, то ежели Вы изволите найти изложенное мною заслуживающимъ уваженія, можно будетъ дать такой оборотъ въ разсужденіи изданія, чтобъ видна была моя ошибка, по которой послѣдовало замѣчаніе; ибо не возможно Вашему Величеству цензуровать журналы; основались же Вы на заключеніи управляющихъ министерствами просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

«Обязанностью своею также считаю при семъ случаѣ ходатайствовать предъ Вами о возвращеніи добраго имени тому, у котораго отнято оное было по моему невѣжеству, каковымъ-либо вознагражденіемъ.

«Я не говорю о томъ, что всякая оказанная Вами милость издателю успокоила бы мою совѣсть, но осмѣливаюсь сказать, что оное бы было правосудно и со стороны Вашего Величества.

«Я оканчиваю мое признаніе благодареніемъ Господу, что Онъ меня допустилъ исповѣдать предъ Вами на письмѣ мои заблужденія».

Императоръ Александръ не только разрѣшилъ возобновить изданіе «Сіонскаго Вѣстника», но выразилъ готовность оказать нѣкоторое пособіе для первоначальнаго веденія этого дѣла.

— Съ своей стороны, говорилъ князь Лабзину,—я радуюсь, что могъ истинѣ отдать справедливость, не приписывая онаго себѣ, а единственно милости Господней, меня просвѣтившей.

Все еще чувствуя себя какъ бы виновнымъ и желая окончательно очистить свою совѣсть и искупить грѣхъ запрещенія журнала, князь Голицынъ испросилъ Лабзину въ награду орденъ Св. Владиміра 2-ой степени, который и былъ препровожденъ при слѣдующемъ замѣчательномъ рескриптѣ (отъ 12 декабря 1816 года), составленнымъ самимъ княземъ.

«Признавая истинною заслугою обществу всякій подвигъ, совершаемый для распространенія и укорененія въ народѣ истинъ, служащихъ къ ихъ временному и вѣчному благу, съ особеннымъ удовольствіемъ обратили Мы вниманіе на добровольную ревность и неусыпные труды, употребленные и употребляемые вами для изданія на отечественномъ языкѣ многихъ книгъ, руководствующихъ къ образованію духа и жизни по началамъ религіи, единымъ твердымъ и истиннымъ.

«Вслѣдствіе сего, всемилостивѣйше жалуя вамъ знаки второй степени ордена Святаго Равноапостольнаго князя Владиміра, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію.

«Въ увѣреніи, что сіе изъявленіе Нашего благоволенія вновь утвердитъ васъ въ упражненіяхъ вашихъ, и что вы продолжите способствовать соотечественникамъ различными стезями познанія умудряться во всеобъемлющую простоту христіанства, пребываемъ Императорскою Нашею милостію вамъ благосклонны».

Такая оцѣнка предъидущей дѣятельности настолько ободрила Лабзина, что онъ, съ свойственными ему увлеченіемъ и самонадѣянностью, проектировалъ изданіе на широкихъ началахъ. Онъ

просилъ «Сіонскому Вѣстнику» тѣ же привилегіи, которыя даны были «Сѣверной Почтѣ», «Русскому Инвалиду» и Н. М. Карамзину при изданіи его «Исторіи», т. е. чтобы журналъ былъ избавленъ отъ предварительной цензуры и чтобы типографія, въ которой будетъ печататься «Сіонскій Вѣстникъ», не останавливала печатаніе книжекъ «за другими встрѣчающимися дѣламп», точно такъ, какъ подобное повелѣніе дано было относительно «Исторіи» Карамзина [1]).

Обнадеженный поддержкою и пособіемъ, Лабзинъ говорилъ, что желаніе сдѣлать журналъ достойнымъ той цѣли, которой онъ посвящается, заставляетъ его сознаться, что онъ одинъ не въ силахъ сдѣлать это, и ему необходимы помощники.

— Надо много читать, прибавлялъ онъ, — дѣлать выписки, много переводить, хлопотать съ типографіею, цензурою и переплетчиками. Все это приходится дѣлать съ крайнею поспѣшностью и на срокъ, такъ что издателю періодическаго сочиненія не позволяется и занемочь. Почему я необходимо долженъ имѣть помощниковъ и притомъ не одного, а многихъ. Но отыскать ихъ весьма трудно: во-первыхъ, если и есть у насъ трудящіеся въ сочиненіяхъ и переводахъ, то совсѣмъ другаго рода, а писателей духовныхъ книгъ я совсѣмъ не вижу; во-вторыхъ, если такіе и встрѣчаются, то въ такомъ классѣ людей, которые или заняты службою или заниматься симъ трудомъ постоянно не захотятъ; наконецъ, въ третьихъ, кто изъ порядочныхъ людей согласится пойти въ службу къ частному человѣку, безъ того чтобы онъ не принужденъ былъ удовлетворять ихъ втрое и вчетверо противъ казеннаго жалованья. Сверхъ того, занятія должны происходить въ ночное время; по ночамъ же собирать мнѣ своихъ сотрудниковъ, когда одинъ будетъ жить, напримѣръ, на Литейной, другой въ Коломнѣ, а третій на Петербургской сторонѣ—невозможно. Самое дѣло требуетъ, чтобы они жили, ежели не со мною, то подлѣ меня и вмѣстѣ, дабы если въ нужное время не случилось бы одного дома, другой могъ замѣнить его. Слѣдовательно, нужно мнѣ нанять домъ по близости меня и, если можно, помѣстить всѣхъ моихъ сотрудниковъ вмѣстѣ.

Основываясь на благоволеніи и сочувствіи государя, Лабзинъ не

[1]) Записка Лабзина, приложенная при письмѣ его кн. Голицыну отъ 3 января 1817 года.

считалъ уже изданіе «Сіонскаго Вѣстника» предпріятіемъ частнымъ, а дѣломъ государственнымъ, предпринятымъ на общественную пользу. Поэтому онъ находилъ своевременнымъ и приличнымъ учредить при министерствѣ просвѣщенія или при главномъ управленіи духовными дѣлами особый департаментъ для изданія духовныхъ книгъ.

Въ ожиданіи образованія такого департамента, Лабзинъ просилъ князя Голицына причислить къ одному изъ управляемыхъ имъ министерствъ народнаго просвѣщенія или духовныхъ дѣлъ слѣдующихъ лицъ, которыхъ онъ избиралъ себѣ помощниками:

1) Коллежскаго ассесора Егора Чиляева, извѣстнаго по своимъ добрымъ свойствамъ и христіанскимъ правиламъ. Чиляевъ служилъ въ министерствѣ финансовъ въ департаментѣ податей и сборовъ. Лабзинъ просилъ сохранить ему получаемое жалованье и прабавить 600—700 руб. за занятія по «Сіонскому Вѣстнику».

2) Титулярнаго совѣтника Алексѣя Иконникова, находившагося въ отставкѣ и потому соглашающагося поступить на службу съ жалованьенъ въ 500 руб.

3) Втораго кадетскаго корпуса поручика Юрія Бартенева, съ переименованіемъ его въ чинъ титулярнаго совѣтника и съ назначеніемъ жалованья по 600 руб.

4) Того же корпуса волонтера Василія Спичакова, ожидавшаго выпуска и по слабости своего здоровья и склонностямъ желавшаго быть выпущеннымъ 14 классомъ, для опредѣленія въ гражданскую службу. По мнѣнію Лабзина, онъ годился только для переписки набѣло, и ему достаточно было жалованья по 400 руб., при готовой квартирѣ.

5) Статскаго совѣтника Василія Кожина,—старика, служившаго прежде въ почтамтѣ и вышедшаго въ отставку съ пенсіею. Онъ готовъ былъ трудиться изъ-за одной квартиры. «Сей, говорилъ Лабзинъ, былъ бы мнѣ полезенъ по самому нездоровью своему, ибо, имѣвъ несчастіе переломить прежде ногу, онъ потому сидитъ всегда дома, а притомъ знаетъ не одинъ языкъ иностранный».

Хотя широкіе замыслы Лабзина и не осуществились, но, обнадеженный будущимъ покровительствомъ, онъ торопился приступить

къ дѣлу и 2-го января 1817 года появилось объявленіе объ изданіи «Сіонскаго Вѣстника» [1]).

«Почтенной публикѣ уже извѣстно,—сказано въ немъ,—сколько издатель, за предпріемлемые имъ для нея труды ободренъ милостію благочестиваго Монарха, въ волѣ котораго познаетъ онъ волю Правящаго судьбами человѣческими; и, между тѣмъ, какъ все тщаніе его было собрать всѣ свои силы, чтобы достойно смириться предъ Тѣмъ, предъ Кѣмъ ничто высокое не велико, и никакое смиреніе не довольно,—онъ получилъ новое свидѣтельство монаршаго о семъ благоволенія, изъявленнаго ему въ отношеніи господина главноуправляющаго духовными дѣлами разныхъ вѣроисповѣданій, отъ 22 декабря сими словами:

«Его Императорское Величество, по зрѣломъ дѣла сего разсмотрѣ«ніи, Высочайше указать мнѣ соизволилъ: чтобъ не только дозволить «изданіе «Сіонскаго Вѣстника», но, по христіанскому духу сего жур«нала, поощрить васъ къ оному.

«Я увѣренъ, что появленіе опять «Сіонскаго Вѣстника» возрадуетъ «всѣхъ христіанскихъ читателей: съ моей стороны, я счастливымъ себя «считаю, что могъ быть орудіемъ воли нашего Благочестиваго Госу«даря, ищущаго всѣми средствами истину. Возблагодаримъ за сіе Го«спода Іисуса Христа, управляющаго сердцемъ царевымъ, коему честь «и слава да будетъ во вѣки!»

«Подъ симъ эгидомъ вступая нынѣ въ сіе поприще, издатель можетъ надежнѣе увѣрить своихъ читателей въ усердіи, которое не преставалъ онъ являть на самомъ дѣлѣ въ теченіе 18 лѣтъ, влекомъ будучи какъ бы понудительною нѣкоею силою, нудившею его не прерывать трудовъ своихъ и тогда, когда всѣ внѣшнія обстоятельства, казалось, требовали прекращенія оныхъ. Сіе побужденіе его, бывшее для многихъ, отчасти жъ и для самого его—сомнительнымъ, нынѣ оправдано, одобрено, утверждено и, смѣю сказать, благословлено изволеніемъ на высокихъ Живущаго и на смиренныхъ Прозирающаго, благоволеніемъ благочестиваго Монарха, благорасположеніемъ и заступленіемъ добродѣтельныхъ душъ, и благосклонностію христіанскихъ читателей, кои добрыми своими отзывами о трудахъ издателя и добрыми своими желаніями, видѣть продолженіе оныхъ, низвели на него сіе благословеніе.

«Издатель снова препоручаетъ себя благосклонности и снисходительности христіанскихъ читателей; проситъ всѣхъ своими благословеніями и добрыми желаніями напутствовать его на предпріятіе предлежащаго ему поприща; проситъ всѣхъ, особливо духовныхъ особъ и занимающихся духовными упражненіями, подкрѣплять его своими совѣ-

---

[1]) Объявленіе было напечатано въ морской типографіи.

тами, наставленіями и помощію, да не въ судъ и осужденіе токмо обратится ему предпріемлемое имъ дѣло, но да послужитъ къ общему порадованію и удовольствію, или пользѣ; къ утѣшенію вѣры каждаго и всѣхъ; къ соединенію раздѣленныхъ сердецъ и умовъ союзомъ согласія и братолюбія, и къ чести и славѣ Того, о Немже нѣсть разнствія Іудееви и Еллину;—нѣсть Іудей, ни Еллинъ, ни рабъ, ни свободь, ни мужескій полъ, ни женскій: но вси едино суть. И дабы всякій, кто только пожелаетъ сообщить что-либо издателю, могъ безпрепятственно къ нему относиться, онъ, не имѣя болѣе нужды скрывать своего имени, которое сдѣлалось всѣмъ уже извѣстно, подписывается настоящимъ своимъ именемъ Александръ Лабзинъ.»

Послѣдовавшее въ самомъ концѣ 1816 года разрѣшеніе издавать «Сіонскій Вѣстникъ» лишало издателя возможности начать его съ первой январской книжки, и потому Лабзинъ, занимавшійся въ то время переводомъ жизни Юнга Штиллинга, рѣшился замѣнить ею первыя три книжки журнала. Описанная въ пяти книгахъ жизнь Штиллинга содержала: 1) дѣтскія и 2) молодыя его лѣта; 3) странствованіе; 4) домашнюю или хозяйственную его жизнь, и 5) ученую дѣятельность. Издатель предлагалъ читателямъ получить въ январѣ первую книжку жизни Ю. Штиллинга, въ февралѣ двѣ слѣдующія, въ мартѣ—двѣ послѣднія и только съ апрѣля начать собственно изданіе «Сіонскаго Вѣстника».

Представляя объявленіе на усмотрѣніе князя А. Н. Голицына, Лабзинъ говорилъ, что силы его уже не тѣ, какія были десять лѣтъ тому назадъ, что глаза отказываются служить ему, и часто одного усердія бываетъ недостаточно, когда духъ стѣсненъ разнаго рода нуждами и хлопотами. Словомъ, онъ намекалъ, что для полнаго успѣха дѣла ему необходимо нѣкоторое денежное пособіе. Впрочемъ, еслибы вопросъ о пособіи хотя нѣсколько затруднилъ кн. Голицына, то Лабзинъ просилъ его не говорить о томъ государю, «ибо я надѣюсь, прибавлялъ онъ, что Господь Богъ, толь явно благословившій труды мои, при первомъ изданіи моего журнала, безъ всякаго со стороны человѣческой пособія и покровительства, не оставитъ меня и нынѣ своею святою помощью».

Помощь была оказана, и по приказанію императора князь А. Н. Голицынъ вытребовалъ изъ Кабинета «на извѣстное Его Величеству

употребленіе» 15.000 руб. и передалъ ихъ Лабзину на вспомоществованіе по изданію «Сіонскаго Вѣстника».

Лабзинъ благодарилъ князя Голицына за оказанную помощь и содѣйствіе.

— Исполнить волю моего монарха, прибавлялъ онъ,—есть долгъ для меня священнѣйшій. Быть полезнымъ братьямъ моимъ есть обязанность для сердца моего сладостная. Молю Бога, да подастъ онъ мнѣ во истину обрѣсти того небеснаго вѣстника, который бы приносилъ отъ Сіона глаголы истины. Я уже счастливымъ себя почту, если и моя малая лепта въ даръ Богу и ближнему послужитъ для той цѣли, для которой я готовъ трудиться до изнуренія силъ и до истощенія всей моей возможности. Итакъ дѣло сіе по волѣ царя земнаго да совершится во славу Царя небеснаго.

Возобновленный журналъ былъ встрѣченъ большимъ сочувствіемъ всѣхъ классовъ общества и во главѣ подписавшихся стояли имена императора Александра, великаго князя Константина Павловича, кн. А. Н. Голицина, графовъ Разумовскихъ, графини Гурьевой, сенатора Хитрова и другихъ [1]). Затѣмъ шелъ длинный списокъ духовныхъ лицъ: архимандритовъ, ректоровъ семинарій, духовныхъ академій, университетовъ, отдѣленій библейскихъ обществъ и проч. Одна С.-Петербургская духовная академія съ ея ректоромъ Филаретомъ выписала 11 экземпляровъ.

Журналъ нашелъ подписчиковъ по всей Россіи и разсылался по всему пространству отъ Архангельска до Астрахани, Херсона и Одессы, отъ западныхъ губерній до Екатеринбурга и отсюда до Иркутска, Нерчинска и Троицко-Савска [2]). Его читали съ увлеченіемъ и свѣтскіе и духовные. Духовенству нравилось направленіе журнала, его полемика противъ вольнодумства и возвышенное, увлекательное пониманіе христіанства.

«Мы помнимъ еще, пишетъ Цвѣтковъ [3]), нѣсколько такихъ лицъ изъ московскаго духовенства. Они были, надобно правду сказать, лучшими людьми между своими и пользовались общимъ уваженіемъ. А большинство—мы также и большинство помнимъ—ничего не

[1]) Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 212.
[2]) „Русскій Архивъ" 1866 г. № 6, стр. 834.
[3]) „Духовный Вѣстникъ" 1862 г. Т. II, стр. 404.

знало кромѣ семинарской латыни. Но для нихъ «Сіонскій Вѣстникъ» былъ самымъ пріятнымъ матеріаломъ для чтенія, по чистотѣ и нравственности идей и необыкновенной для того времени легкости слога. Старики до гроба вспоминали объ этомъ журналѣ съ восторгомъ».

У книгопродавца Глазунова сохранялись письма многихъ священниковъ, которые нетерпѣливо желали знать, скоро ли выйдетъ слѣдующая книжка журнала [1]).

«Сіонскій Вѣстникъ» сталъ предметомъ разговоровъ въ гостиныхъ, и въ самое короткое время имя его издателя сдѣлалось популярнымъ. Лабзинъ принималъ многочисленныя похвалы съ достоинствомъ и какъ справедливую дань своимъ заслугамъ.

— О «Сіонскомъ Вѣстникѣ» я долженъ вамъ сказать правду, говорилъ онъ князю Голицыну—такого журнала ни на какомъ языкѣ нѣтъ. Это хвастливость съ моей стороны, скажутъ мнѣ. Пусть такъ. Хвастливость ли, трусливость ли—все порокъ; но во внутреннихъ моихъ чувствованіяхъ я отвѣчаю только Богу, люди же должны меня судить по самому дѣлу, такъ ли это, или нѣтъ.

Такимъ образомъ приписывая весь успѣхъ изданія себѣ одному и слыша отовсюду похвалы, Лабзинъ, при громадномъ самолюбіи, сталъ скоро, однакоже, подозрѣвать, что заслуги его на пользу общества не достаточно цѣнятся правительствомъ. Поводомъ къ такому подозрѣнію послужило неудавшееся ходатайство о назначеніи его сенаторомъ и производствѣ его въ тайные совѣтники.

При назначеніи А. Н. Оленина президентомъ Академіи Художествъ, государь поручилъ ему ознакомиться съ причинами, приведшими въ упадокъ Академію, изыскать средства къ ихъ устраненію и, если представится нужнымъ, составить проектъ новаго устройства Академіи. Пользуясь тѣмъ, что съ кончиною Чекалевскаго мѣсто вице-президента оставалось незанятымъ, А. Н. Оленинъ считалъ болѣе полезнымъ замѣнить его должностью директора Академіи, главнымъ образомъ потому, что должность вице-президента при президентѣ дѣлалась ничтожною.

---

[1]) Исторія русской словесности А. Д. Галахова. Т. II, стр. 126.

Лабзинъ же считалъ, что, по праву преемства [1]), онъ долженъ быть назначенъ вице-президентомъ и, въ непредставленіи его на эту должность, видѣлъ личное оскорбленіе и нерасположеніе къ нему президента Академіи. Съ своей стороны А. Н. Оленинъ, находя полезнымъ упразднить званіе вице-президента и не желая обижать Лабзина, просилъ кн. А. Н. Голицына исходатайствовать ему чинъ тайнаго совѣтника и званіе сенатора [2]). Императоръ Александръ не согласился ни на то, ни на другое и приказалъ назначить Лабзина вице-президентомъ Академіи, «что и будетъ—прибавлялъ кн. Голицынъ—мною исполнено въ Москвѣ» [3]).

Такое назначеніе теперь не удовлетворяло уже Лабзина, и онъ считалъ его не соотвѣтствующимъ по своимъ заслугамъ.

«Не знаю, писалъ онъ Василію Михайловичу Попову [4]), можно ли почесть достаточнымъ воздаяніемъ за претерпѣнное данные мнѣ знаки второй степени Владиміра, когда я и Анну съ брильянтами и 3-го Владиміра давно уже имѣлъ и когда тѣ же знаки даны Уварову, который не только всѣмъ меня моложе, но не имѣлъ еще никакого ордена; когда Жуковскому въ то же время за писательство дана пенсія въ 4.000 руб., когда Карамзину даны чинъ, лента и 60.000 руб., несмотря, что онъ исторію свою писалъ, получая за то жалованье, а я трудился на своихъ хлѣбахъ».

— Я поднятъ теперь на какую-то высоту, говорилъ Лабзинъ В. М. Попову,—съ которой сталъ виднѣе, и всякій бросаетъ въ меня грязью и каменьями и стрѣлы пускаетъ, а я долженъ дѣло дѣлать Слѣдовательно, мнѣ нужно подкрѣпленіе, чтобы думали, по крайней мѣрѣ, что государь ко мнѣ расположенъ. Князь (Голицынъ) замаралъ меня въ мысляхъ у государя, который прежде самъ меня рекомендовалъ въ директоры къ Чичагову [5]). Князь пустилъ меня

---

[1]) Чекалевскій былъ назначенъ вице-президентомъ изъ конференцъ-секретарей.

[2]) Записка Оленина, приложенная къ письму его къ кн. Голицыну отъ 16 августа 1817 г. № 32, Арх. Акад. Художествъ, дѣло 1817 г. № 43.

[3]) Письмо кн. Голицына Оленину 11 сентября 1817 г. Тамъ же.

[4]) Въ письмѣ отъ 14 декабря 1817 г. Поповъ былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ и человѣкъ весьма близкій къ кн. А. Н. Голицыну.

[5]) Морскому министру.

на десять лѣтъ пресмыкаться и терпѣть; но, бывши врагомъ моимъ, наконецъ усовѣстился и хоть что-нибудь для меня сдѣлалъ.

Лабзинъ надѣялся, что и теперь князь настоитъ на назначенія его сенаторомъ и на производствѣ въ чинъ тайнаго совѣтника.

«Обстоятельства сдѣлали мнѣ его необходимо нужнымъ, писалъ онъ Голицыну [1]), и я убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство исходатайствовать мнѣ оный. При множествѣ возстающихъ на меня и борющихъ мя, защитою служитъ мнѣніе, что ваше сіятельство покровительствуете мнѣ и государь благоволитъ ко мнѣ. Сенаторство мое разнеслось не только по городу, но по городамъ, такъ что еще 30 августа меня съ симъ званіемъ премногіе поздравляли, и нынѣ, 12-го декабря, меня присылали поздравлять съ сенаторствомъ же Горголи, Пукаловъ и Василій Степановичъ Поповъ. И такъ, ежели я ни сенаторства, ни чина тайнаго совѣтника не получу, сіе будетъ значить, что и государь и вы не удостоиваете меня того, чего противникъ мой (А. Н. Оленинъ) и публика почли меня достойнымъ, и это меня много уронитъ и повредитъ моему дѣлу.

«Прошу о семъ ваше сіятельство весьма».

Просьба эта, послѣ отказа государя, не могла быть исполнена и, чтобы нѣсколько успокоить Лабзина, В. М. Поповъ писалъ ему, что наводятся справки, нѣтъ ли кого старше его.

«Не правда, мой любезный другъ, отвѣчалъ Лабзинъ, чтобы чины давались по старшинству. Примѣръ тому Галаховъ, Тургеневъ, вы сами: будто не было старше васъ, когда васъ производили? Барановъ, недавно пожалованный сенаторомъ, былъ экзекуторомъ въ Сенатѣ, когда я былъ уже въ настоящемъ чинѣ. Сколько людей младшихъ меня произведены въ тайные совѣтники».

Лабзинъ указывалъ, что когда онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, то братья Моллеры были флотскими капитанами, а теперь уже вице-адмиралы: даже бывшій у него казначеемъ, коллежскій асессоръ Ребиндеръ, переименованный въ военный чинъ, произведенъ уже въ генералъ-маіоры и, по преимуществу военныхъ чиновъ передъ статскими, сталъ выше его. Говоря, что ему стало стыдно служить, Лабзинъ просилъ припомнить, что

---

[1]) Въ собственно-ручномъ письмѣ, отъ 30 декабря 1817 года.

еще императрицею Екатериною II пожалованъ онъ былъ въ надворные совѣтники, а въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника служитъ уже 14 лѣтъ.

— Чинъ теперь мнѣ непремѣнно надобенъ, хоть съ сенаторствомъ, хоть безъ сенаторства.

«Въ десяти-лѣтнее мое безвременье, писалъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ князю Голицыну, въ которое я былъ подъ тяжкимъ гнетомъ, потерпѣлъ я въ здоровьи моемъ и въ спокойствіи, потерялъ много противъ сверстниковъ моихъ по службѣ, и въ чинахъ, и въ мѣстахъ, и въ наградахъ по онымъ. Теперь, когда опала моя кончилась (буде она кончилась), я долженъ надѣяться, что тотъ, который ввелъ меня въ оную и послѣ вывелъ изъ нея, самъ постарается возвратить мнѣ мои потери и откроетъ мнѣ дорогу къ такимъ мѣстамъ, которыя ведутъ къ симъ вознагражденіямъ. Ибо когда фарисей въ Евангеліи говоритъ: «Господи, если я кого обидѣлъ, то вдвое заплачу»; христіанинъ ли не почтетъ сего долгомъ своимъ? Я говорю сіе князю-христіанину, надѣясь, что онъ не перескажетъ сего князю-министру, который можетъ иногда оскорбиться симъ напоминаніемъ, или, по крайней мѣрѣ, скажетъ ему, что я человѣкъ недокучливый (?), просить о себѣ не люблю (?) и желалъ бы никогда не имѣть нужды въ томъ. Но что жъ дѣлать, когда я не изъ счастливцевъ, которымъ остается только или отказываться отъ милостей, или благодарить... А между тѣмъ я вступилъ на шестой десятокъ лѣтъ; теперь уже въ одной сажени не распознаю знакомаго человѣка, скоро совсѣмъ ослѣпну и работою достать хлѣбъ себѣ буду не въ состояніи. Тогда мнѣ открывается прекрасная перспектива: слѣпой и слабый старикъ, безъ пріюта, ибо у меня нѣтъ ни двора, ни кола, ниже родственниковъ какихъ, кромѣ тѣхъ, кои отъ меня же зависятъ, такъ что, вышедши въ отставку, я не буду знать, гдѣ мнѣ поселиться, въ Казани, или въ Астрахани, ибо ни тамъ, ни тамъ мнѣ жить причины не будетъ. Но если мнѣ заикнуться о семъ моемъ положеніи, то, безъ сомнѣнія, откроются невозможности, которыя для другихъ легки и маловажны, но для меня не могутъ таковыми показаться».

Опасаясь, что не получитъ ни чина, ни сенаторства, и подозрѣвая, что Оленинъ будетъ настаивать на учрежденіи должности директора, Лабзинъ просилъ назначить его скорѣе хотя вице-президентомъ.

«Графъ Кушелевъ, мужъ не весьма важный, писалъ онъ, сотворилъ для покровительствуемаго имъ Бажанова новое мѣсто, а мой покровитель лишаетъ меня и того, которое уже есть и которое по линіи мнѣ достается.

*

«Все сіе я говорю не для того, чтобы я хотѣлъ непремѣнно остаться въ Академіи, а только для того, что буде не хотятъ сдѣлать мнѣ обиды и вреда, то должно уже перемѣнить меня на такое мѣсто, которое было бы лучше вице-президентскаго. Тогда только прекратятся всѣ толки, почему мнѣ сего мѣста такъ долго не давали, а иначе 18-тилѣтняя моя служба при Академіи не только безпорочная, но и съ такою честностью сопряженная, какой никто изъ моихъ предшественниковъ не заслужилъ, не представится безпорочною».

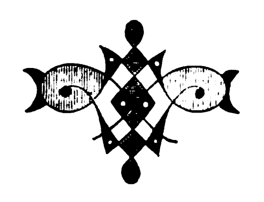
Наконецъ желаніе Лабзина было исполнено, и Высочайшимъ указомъ 12-го января 1818 года онъ былъ назначенъ вице-президентомъ Академіи Художествъ.

Справедливость требуетъ сказать, что, поставленный на этотъ постъ, онъ принималъ горячее участіе въ судьбахъ искусства и его дѣятелей. Родители поручали ему своихъ дѣтей, какъ родному отцу, и Лабзинъ, принимая всѣ мѣры для успѣшнаго образованія учениковъ, старался развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному. Съ этою цѣлью онъ устраивалъ домашніе спектакли, въ которыхъ игралъ самъ, сочиняя легкія піесы въ стихахъ [1]).

Повидимому, дѣла приняли желаемый оборотъ, Лабзинъ временно успокоился, но не на долго. Явились порицатели его издательской дѣятельности и вызвали рядъ крупныхъ для него непріятностей.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опечатка.

Въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины“, въ статьѣ „Наши мистики-сектанты“ на стр. 61, строка 16, сверху напечатано: 1773 года, слѣдуетъ: 1783 года.

---

[1]) „Русскій Архивъ» 1866 г. № 6, стр. 835

КУТУЗОВЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

Историческая характеристика Д. П. Бутурлина [1]).

III [1]).

Сраженія подъ Краснымъ, Борисовымъ и при Березинѣ.—Дѣла при Сморгони и Ошмянахъ.—Взятіе Вильны.—Дѣло подъ Ковно.—Взятіе Мемеля.—Отступленіе Макдональда и отпаденіе пруссаковъ.—Очищеніе русской территоріи.—Конецъ кампаніи.—Заключеніе.

27-го октября главная квартира фельдмаршала Кутузова была въ Бѣломъ Холмѣ, а 28-го—въ Ельнѣ. Въ этотъ же день главная квартира французовъ прибыла въ Смоленскъ. Упорство, съ которымъ Наполеонъ слѣдовалъ по большой Смоленской дорогѣ, заставляло предполагать, что и изъ этого послѣдняго города онъ направитъ свое отступленіе по дорогѣ на Красный и Оршу, избѣгая такимъ образомъ проселочныя и неизвѣстныя дороги, которыхъ онъ опасался. Вслѣдствіе такого предположенія, Толь предложилъ обойти Смоленскъ, двигаясь прямо изъ Ельны на Красный. Принимая это направленіе, мы могли льстить себя еще надеждою настичь французовъ и принудить ихъ вступить въ сраженіе, тѣмъ болѣе для нихъ невыгодное, что они рисковали быть отброшенными къ Днѣпру, который стѣснилъ бы ихъ правый флангъ. По отношенію къ нимъ мы получили бы тѣмъ большее преимущество, что избѣжали бы при этомъ затрудненій два раза переходить Днѣпръ, чтó имъ неизбѣжно приходилось сдѣлать. Эти соображенія были настолько убѣдительны, что фельдмаршалъ ихъ одобрилъ. Платову одному было поручено преслѣдованіе изъ Соловьева въ Смоленскъ, а Милорадовичъ получилъ приказаніе подняться на правый берегъ Днѣпра, чтобы затѣмъ снова встать въ авангардѣ арміи, по направленію изъ Ельны въ Красный. 29-го главная квартира прибыла въ Балтутино, по дорогѣ изъ Ельны въ Смоленскъ, а 30-го была перенесена въ Лабково, по дорогѣ изъ Смоленска въ Рославль.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1894 г.

Наполеонъ, видя, что со времени перехода его черезъ Днѣпръ у Соловьева, его не такъ сильно преслѣдуютъ, вообразилъ, что онъ можетъ безнаказанно остаться четыре дня въ Смоленскѣ, чтобы дать нѣсколько отдохнуть своимъ войскамъ. Онъ покинулъ этотъ городъ лишь 1-го ноября и направился, съ своею гвардіею, на Красное. Остальные корпуса арміи должны были выступить въ слѣдующіе дни и слѣдовать по той же дорогѣ. Надо сознаться, что въ этомъ случаѣ великій полководецъ не оказался на высотѣ своего призванія. Пребываніе въ Смоленскѣ было уже довольно важною ошибкою, а движеніе на Красное — достойнымъ ея дополненіемъ. Вмѣсто того, чтобы подвергаться, такимъ образомъ, опасности быть атакованнымъ съ фланга[1]), не лучше ли бы онъ сдѣлалъ, еслибы прикрылъ себя Днѣпромъ, идя вдоль праваго берега его къ Оршѣ? Такимъ образомъ онъ избавился бы отъ необходимости переходить Днѣпръ въ первый разъ у Смоленска, а во второй — у Орши, что́ вполнѣ вознаградило бы его за замедленіе, причиною котораго было бы дурное состояніе дорогъ на правомъ берегу Днѣпра. Но эта кампанія, казалось, была нарочно создана для того, чтобы показать, насколько можетъ ошибаться самый обширный военный геній, когда онъ позволяетъ себѣ руководиться соображеніями, чуждыми истиннымъ правиламъ искусства.

2-го ноября Кутузовъ выѣхалъ изъ Лабкова и перешелъ въ Щелканово, по близости отъ дороги изъ Смоленска въ Мстиславль, а на слѣдующій день онъ продолжалъ свое движеніе къ Красному. Нашъ 4-й кавалерійскій корпусъ, совершившій весь этотъ походъ, находясь въ авангардѣ, настолько усталъ, что вынуждены были отозвать его оттуда, чтобы дать возможность отдохнуть. Его отдали подъ начальство графа Остермана, который, со своимъ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, былъ оставленъ въ Лучинкахъ для прикрытія праваго фланга арміи и маскированія Смоленска, который былъ занятъ еще непріятелемъ.

3-го ноября генералъ Милорадовичъ, прикрывавшій съ своимъ авангардомъ движеніе арміи со стороны Смоленска, встрѣтилъ у села Кобызева непріятельскій корпусъ, который онъ атаковалъ и обратилъ въ бѣгство, нанеся ему уронъ въ 800 человѣкъ убитыми, 1.100 человѣкъ

---

[1]) Я не имѣю при этомъ намѣренія положительно утверждать, что быть атакованнымъ во время движенія во флангъ всегда бываетъ опасно. Совершенно напротивъ, я признаю, что когда армія двигается нераздѣльною, сплошною массою, ея флангъ составляетъ именно самую сильную ея часть, которую никогда нельзя атаковать, не рискуя быть разбитымъ. Но въ данномъ случаѣ было совершенно наоборотъ: французская армія двигалась отдѣльными корпусами, раздѣленными другъ отъ друга дневными переходами и, атакуя корпуса эти во флангъ, можно было легко раздавить ихъ по одиночкѣ.

плѣнными, отнявъ 12 орудій и 20 зарядныхъ ящиковъ. Графъ Остерманъ получилъ приказаніе замѣстить въ Кобызевѣ генерала Милорадовича, который направился къ Красному. Вслѣдствіе этого приказанія, къ вечеру того же дня мы прибыли въ Кобызево.

4-го авангардъ, встрѣтивъ снова въ окрестностяхъ Краснаго непріятеля, вступилъ съ нимъ въ жаркое дѣло, вся выгода котораго оказалась опять-таки на нашей сторонѣ. Въ этотъ день главная квартира Наполеона была въ Красномъ, а наша армія провела ночь между селомъ Ширковымъ и Краснымъ, въ пяти верстахъ отъ этого послѣдняго города.

5-го Кутузовъ рѣшилъ дѣйствовать всею арміею. 5-й, 6-й и 8-й пѣхотные корпуса, съ одною кирасирскою дивизіею и двумя отрядами графа Ожаровскаго и Бороздина, направились влѣво черезъ села Зуньково, Сидоровичи, Кутьково и Сорокино къ Доброму, близъ дороги изъ Краснаго въ Оршу. 3-й пѣхотный корпусъ и 2-я кирасирская дивизія, подъ начальствомъ князя Голицына, остались въ центрѣ, чтобы дѣйствовать затѣмъ прямо на Красное, между тѣмъ какъ генералъ Милорадовичъ, со 2-мъ и 7-мъ пѣхотными и 1-мъ и 2-мъ кавалерійскими корпусами, получилъ приказаніе оставаться на позиціи, которую онъ занималъ близъ села Мерлина. Въ тотъ моментъ, когда съ нашей стороны началась атака, корпусъ Даву одинъ находился въ окрестностяхъ Краснаго; гвардія Наполеона и корпусъ вице-короля успѣли уже пройти на Ляды, а корпусъ Нея былъ еще назади. Такимъ образомъ, Даву приходилось выдерживать одновременный натискъ всей массы нашихъ войскъ. Въ то время, какъ одна часть нашей главной арміи атаковала его съ фронта, князь Голицынъ напалъ на него во флангъ, а Милорадовичъ тѣснилъ его тылъ. Несмотря на сопротивленіе, какого нельзя было ожидать отъ столь истощенныхъ уже войскъ, французы были совершенно разбиты. Даву, шедшій съ частью своего корпуса во главѣ колонны, успѣлъ еще достигнуть Лядъ; остальная часть его корпуса была отрѣзана и бросилась вразсыпную въ лѣса, къ сторонѣ Днѣпра. Почти всѣ бѣглецы были захвачены въ плѣнъ отрядами графа Ожаровскаго и генерала Бороздина, которые направились къ Днѣпру; многіе утонули въ рѣкѣ, и лишь очень немногимъ удалось спастись и присоединиться къ своему корпусу въ Лядахъ.

Въ ночь съ 4-го на 5-е маршалъ Ней, составлявшій арьергардъ французской арміи, очистилъ Смоленскъ, взорвавъ на воздухъ часть его укрѣпленій. 5-го, рано утромъ, Платовъ вступилъ въ городъ; онъ оставилъ въ немъ одинъ полкъ егерей и нѣсколько казаковъ и со всѣмъ своимъ корпусомъ направился впередъ для преслѣдованія непріятеля по обоимъ берегамъ Днѣпра. Самъ онъ, съ пятнадцатью казачьими полками и съ однимъ егерскимъ полкомъ, пошелъ вдоль праваго берега,

направляясь черезъ Катань на Дубровну, а генералъ-маіоръ Денисовъ, съ двумя казачьими полками и шестью эскадронами драгунъ, слѣдовалъ по дорогѣ въ Красное. Сотникъ Наркинъ, составлявшій авангардъ Денисова, нашелъ въ 17-ти верстахъ отъ Смоленска 112 орудій, брошенныхъ непріятелемъ.

Между тѣмъ, 6-го утромъ, фельдмаршалъ сдѣлалъ свои распоряженія для встрѣчи Нея, который былъ совершенно отрѣзанъ. Армія построилась на большой дорогѣ, обратившись фронтомъ одновременно на двѣ стороны. 5-й и 6-й пѣхотные корпуса были расположены у Добраго фронтомъ къ Лядамъ, а генералъ Милорадовичъ, подкрѣпленный еще 3-мъ и 8-мъ пѣхотными корпусами, ожидалъ появленія Нея на позиціи впереди города Краснаго, фронтомъ къ Смоленску. Чтобы отрѣзать всякое отступленіе непріятелю, села Сырокоренье и Чернышъ были также заняты нашими войсками. Около трехъ часовъ по полудни передовые легкіе разъѣзды донесли о приближеніи непріятеля. Поднявшійся въ это время очень густой туманъ благопріятствовалъ его движенію. Наконецъ, когда непріятель подошелъ къ нашимъ на 250 шаговъ разстоянія, онъ былъ встрѣченъ картечнымъ огнемъ 40 орудій. Далеко не смутившись такимъ пріемомъ, непріятель бросился на батареи съ яростью и удивительнымъ мужествомъ, но былъ сильно отбитъ храбрымъ генераломъ Паскевичемъ, который бросился въ штыки и, поддержанный павловскими гренадерами и гвардейскими уланами, произвелъ въ рядахъ непріятеля страшную рѣзню. Между тѣмъ непріятель рѣшилъ сдѣлать еще новую попытку проложить себѣ путь оружіемъ. Около пяти часовъ онъ показался снова, и колонны его, хотя жестоко осыпаемыя картечью одной изъ нашихъ батарей изъ 24-хъ орудій, расположенной на правомъ флангѣ дороги, приближались съ рѣдкою неустрашимостью. Падали цѣлые ряды и тотчасъ же замѣщались слѣдовавшими за ними и шедшими умирать на ихъ мѣстахъ. Весь корпусъ Нея прошелъ, такимъ образомъ, сквозь строй и понесъ тяжелыя потери. Въ теченіе нѣкотораго времени непріятель являлъ доказательство геройской настойчивости, но, наконецъ, видя безполезность своихъ усилій, не выдержалъ и отступилъ въ величайшемъ безпорядкѣ на нѣсколько верстъ назадъ. Въ полночь онъ послалъ парламентера къ Милорадовичу объявить ему, что онъ готовъ сдаться на капитуляцію. Предложеніе это тотчасъ же было принято, и весь корпусъ положилъ оружіе въ числѣ 12.000 человѣкъ. 27 орудій и обозъ, остававшійся еще у этого корпуса, также были сданы въ руки побѣдителей. Это событіе довершило полное истребленіе 3-го французскаго корпуса. Однако, самъ маршалъ Ней нашелъ средство спастись вмѣстѣ съ главными своими начальниками и 150 человѣкъ, переправившись черезъ Днѣпръ на лодкахъ.

Нашъ корпусъ не принималъ участія въ сраженіи подъ Краснымъ. Какъ сказано было уже выше, мы оставались въ Кобызевѣ съ графомъ Остерманомъ. Весь день 4-го числа прошелъ для насъ въ настоящей охотѣ. Все время къ намъ приходили болѣе или менѣе значительные отряды французскихъ мародеровъ, которые пытались прорваться съ этой стороны. Мы держали на-готовѣ эскадроны, чтобы атаковывать ихъ при первомъ же ихъ появленіи. Такимъ образомъ, въ теченіе дня, мы захватили въ плѣнъ болѣе 800 человѣкъ. 5-го графъ Остерманъ получилъ приказаніе отступить къ арміи. 6-го, вечеромъ, мы присоединились къ арміи близъ Добраго.

7-го наши отряды, преслѣдовавшіе непріятеля по направленію къ Лядамъ, захватили еще довольно значительное число плѣнныхъ и нѣсколько орудій.

Около 30.000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 8 генераловъ и 272 офицера, 15 знаменъ, 266 орудій и 178 зарядныхъ ящиковъ были трофеями побѣдъ, одержанныхъ нашею арміею въ окрестностяхъ Краснаго въ блистательные дни 3-го, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го ноября. Французы, сверхъ того, потеряли болѣе 10.000 человѣкъ убитыми, утонувшими или найденными умершими на полѣ сраженія отъ изнуренія и холода. Вся потеря нашей арміи не превышала 1.000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Эта удивительная побѣда является однимъ изъ прекраснѣйшихъ военныхъ подвиговъ нашего вѣка, столь обильнаго достопамятными событіями. Здѣсь было уничтожено болѣе половины непріятельской арміи. Въ первый разъ русскія войска одержали побѣду, благодаря разумному примѣненію истинныхъ началъ военнаго искусства, слишкомъ долго не признаваемыхъ у насъ и которыя, казалось, были усвоены исключительно однимъ Наполеономъ.

Императоръ французовъ воспользовался замедленіемъ, которое причинила намъ необходимость заняться разбитіемъ корпуса Нея, чтобы удалиться отъ насъ, пожертвовавъ этимъ корпусомъ. 7-го Наполеонъ перешелъ Днѣпръ у Орши. Армія его была почти совершенно разстроена. 8-й корпусъ, совершившій почти всю кампанію въ авангардѣ, давно уже не существовалъ. Корпусъ Нея только-что былъ совершенно уничтоженъ. Корпусъ Даву, сильно уже разстроенный подъ Вязьмою, также жестоко пострадалъ подъ Краснымъ, и отъ него уцѣлѣли лишь слабые остатки. Такимъ образомъ, въ арміи Наполеона оставались лишь корпусъ вице-короля, испытавшій значительную потерю между Дорогобужемъ и Духовщиною, и наполеоновская гвардія, которая все еще представляла значительный корпусъ. Однако и она много пострадала отъ послѣдствій утомительныхъ переходовъ и суровости времени года. Словомъ, дѣйствительная сила великой арміи Наполеона послѣ перехода черезъ Днѣпръ не превышала въ общемъ 30.000 солдатъ. Но импера-

тора французовъ должны были въ скоромъ времени подкрѣпить корпуса маршаловъ Удино и Виктора, которые, будучи расположены въ Череѣ противъ арміи генерала графа Витгенштейна, могли уже свободно сообщаться съ Наполеономъ. Сила этихъ двухъ корпусовъ могла простираться до 40.000 человѣкъ.

Фельдмаршалъ Кутузовъ, видя, что непріятель на много уже опередилъ насъ, рѣшилъ употребить для его преслѣдованія одинъ лишь авангардъ и, чтобы не утомлять безполезно войска, съ главною частью своей арміи направился небольшими переходами на Копысъ, гдѣ мы должны были перейти черезъ Днѣпръ. Наполеонъ, который, какъ мы уже сказали, желалъ спасти лишь свою собственную особу, заставлялъ свои войска дѣлать такіе огромные переходы, что мы не могли слѣдовать за ними, не рискуя изнурить и свои войска. Такимъ образомъ, нашей главной арміи пришлось уступить арміямъ второстепеннымъ честь довершить уничтоженіе непріятельскихъ силъ.

Мы уже видѣли, что когда въ первые дни іюля Барклай покинулъ дрисскій лагерь, чтобы направиться къ Смоленску, то онъ оставилъ на Двинѣ графа Витгенштейна съ значительнымъ корпусомъ войскъ. Съ своей стороны и Наполеонъ, углубляясь въ Россію, оставилъ въ Полоцкѣ 2-й корпусъ подъ начальствомъ маршала Удино, чтобы прикрыть съ этой стороны свою операціонную линію отъ Варшавы и Кёнигсберга на Вильну и Смоленскъ. Въ августѣ мѣсяцѣ Удино былъ подкрѣпленъ еще 6-мъ корпусомъ подъ начальствомъ генерала Гувіонъ-Сенъ-Сира. Во все время кампаніи Витгенштейнъ держался между Себежемъ и Полоцкомъ, давъ нѣсколько сраженій, тѣмъ менѣе важныхъ, что назначеніе Удино, будучи лишь оборонительнымъ, не дозволяло ему предпринять что-либо серьезное; съ другой же стороны, въ интересахъ самого Витгенштейна не заключалось необходимости рисковать переходить на лѣвый берегъ Двины. Наконецъ, получивъ весьма значительныя подкрѣпленія, графъ Витгенштейнъ атаковалъ Полоцкъ и овладѣлъ имъ 6-го октября. Затѣмъ онъ продвинулся впередъ до Чашниковъ, тѣсня передъ собой корпусъ Удино, съ которымъ скоро соединился 9-й корпусъ маршала Виктора. Маршалъ этотъ находился въ это время въ окрестностяхъ Смоленска и только-что прибылъ изъ Германіи. 2-го ноября Удино и Викторъ, соединившись, двинулись на позицію Витгенштейна у Чашниковъ, но, послѣ незначительнаго дѣла, отступили на Черею.

На правомъ флангѣ своей операціонной линіи Наполеонъ оставилъ князя Шварценберга съ вспомогательнымъ корпусомъ австрійцевъ и 7-мъ корпусомъ, состоявшимъ изъ саксонцевъ и находившимся подъ начальствомъ генерала Ренье. Резервная армія генерала Тормасова была противопоставлена Шварценбергу. Сражались съ пере-

мѣннымъ успѣхомъ между Брестомъ и Луцкомъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Тормасовъ сдалъ командованіе войсками адмиралу Чичагову, который присоединился къ нему съ молдавскою арміею. Послѣ хорошо соображенныхъ движеній Чичагову удалось отбросить князя Шварценберга въ герцогство Варшавское, обойдя его лѣвый флангъ. Открывъ, такимъ образомъ, дорогу въ Литву, Чичаговъ оставилъ передъ непріятелемъ значительный корпусъ подъ начальствомъ генерала Сакена, чтобы прикрыть свои движенія, а самъ съ остальною частью своихъ войскъ двинулся ускоренными переходами къ Минску, куда и прибылъ 5-го ноября.

При такомъ положеніи дѣлъ у Витгенштейна и Чичагова явилась возможность подать другъ другу руку, чтобы преградить путь непріятелю и воспрепятствовать перейти черезъ Березину,—рѣку, которая, не будучи сама по себѣ особенно широкою, имѣетъ весьма трудные подступы вслѣдствіе обширныхъ болотъ, которыя простираются по обоимъ ея берегамъ и дѣлаютъ оборону ея весьма легкою, ограничивая крайне незначительнымъ числомъ пункты, удобные для переправы.

8-го ноября Кутузовъ прибылъ въ Романово, на слѣдующій день въ Ланники, а 11-го онъ прибылъ въ Копысъ, гдѣ были установлены на Днѣпрѣ понтонные мосты. Въ это время Платовъ преслѣдовалъ непріятеля по правому берегу Днѣпра, а генералъ Ермоловъ, съ отрядомъ изъ 14-ти батальоновъ и нѣсколькихъ эскадроновъ, слѣдовалъ за нимъ по лѣвому берегу рѣки, направляясь на Оршу, которая была занята нашими войсками 9-го ноября. Послѣ взятія Орши, Платовъ и Ермоловъ, соединившись, двинулись по большой дорогѣ на Коханово и Толочинъ. 11-го генералъ Милорадовичъ, съ авангардомъ главной арміи, состоявшимъ изъ 2-го и 7-го пѣхотныхъ корпусовъ и 2-го кавалерійскаго корпуса, перешелъ Днѣпръ у Копыса и направился на Толочинъ, чтобы служить поддержкою графу Платову. Въ теченіе 13-го и 14-го наша главная армія также перешла черезъ Днѣпръ и прибыла въ Староселье. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ окрестностяхъ большой дороги заставилъ Кутузова направиться на мѣстечко Березино. Кромѣ важнаго преимущества обезпечить существованіе своей арміи, фельдмаршалъ имѣлъ еще въ виду быть въ состояніи воспротивиться движенію Наполеона въ томъ случаѣ, еслибы тотъ свернулъ съ Бобра на Игуменъ. Такъ какъ главный авангардъ Милорадовича принялъ уже другое направленіе, то фельдмаршалъ, чтобы обезпечить движеніе арміи, образовалъ новый авангардъ, составленный изъ 4-го кавалерійскаго корпуса, къ которому было присоединено нѣсколько пѣхоты, состоявшій подъ общимъ начальствомъ генерала Васильчикова. 15-го армія прибыла въ Круглое, а нашъ авангардъ—въ Цезержинъ. 16-го армія была въ Хомрахъ, а мы – въ Ухвалѣ. Холодъ, который во время сраженій

подъ Краснымъ немного смягчился, нѣсколько дней спустя сдѣлался еще суровѣе, чѣмъ прежде. Бывали дни, когда термометръ показывалъ до 20 градусовъ мороза. Послѣ перехода черезъ Днѣпръ войска нашей главной арміи не располагались болѣе бивуакомъ, но всегда были размѣщаемы по весьма тѣснымъ квартирамъ. Это было еще однимъ преимуществомъ болѣе, пріобрѣтеннымъ нами надъ французами, которые были вынуждены проводить ночи подъ открытымъ небомъ.

Между тѣмъ адмиралъ Чичаговъ выступилъ изъ Минска, и 9-го ноября графъ Ламбертъ, командовавшій его авангардомъ, явился передъ предмостнымъ укрѣпленіемъ Борисова. Укрѣпленіе это защищалъ генералъ Домбровскій съ одною дивизіею польскихъ войскъ. Генералъ этотъ прибылъ наканунѣ форсированнымъ маршемъ изъ окрестностей Бобруйска. Графъ Ламбертъ началъ атаку на разсвѣтѣ. Непріятель защищался съ большимъ упорствомъ; но къ вечеру наши войска взяли приступомъ окопы, и непріятель былъ обращенъ въ бѣгство. При этомъ онъ потерялъ одно знамя, 7 орудій, болѣе 2.000 человѣкъ плѣнными и 1.500 человѣкъ убитыми. Наша потеря была довольно значительна, и самъ графъ Ламбертъ былъ раненъ въ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ Наполеонъ соединился съ Викторомъ и Удино, и теперь армія его достигла до 70.000 человѣкъ. Для него наступила тяжелая минута, когда онъ узналъ, что Борисовъ занятъ арміею Чичагова. Однако, онъ не потерялся и понялъ, что можетъ выйти изъ опаснаго положенія, въ которомъ онъ находился не иначе, какъ призвавъ на помощь весь свой военный геній. Онъ немедленно отдѣлилъ маршала Удино съ его 2-мъ корпусомъ, чтобы принять разбитыя войска Домбровскаго и двинуться на Борисовъ. Чичаговъ совершилъ неосторожность, направивъ свой авангардъ подъ начальствомъ графа Павла Палена на лѣвый берегъ Березины, не поддержавъ его главными силами своей арміи, которая осталась на правомъ ея берегу. 12-го ноября Удино встрѣтилъ графа Павла Палена въ 16-ти верстахъ отъ Борисова, атаковалъ его, разбилъ и преслѣдовалъ до Борисова. Адмиралъ простеръ свою непредусмотрительность до того, что перенесъ свою главную квартиру въ этотъ городъ, расположенный также на правомъ берегу Березины. Онъ имѣлъ только время спастись самому и приказать сжечь мостъ на рѣкѣ. Такимъ образомъ, обозъ его главной квартиры попалъ въ руки непріятеля.

Съ своей стороны, графъ Витгенштейнъ, замѣчая отступленіе непріятеля изъ Череи, оставилъ свою позицію при Чашникахъ, чтобы начать преслѣдовать его. 11-го онъ прибылъ въ Черею, а на слѣдующій день—Холопеничи. 13-го онъ пришелъ въ Бараны на дорогѣ изъ Лепеля въ Борисовъ.

И вотъ мы дошли до момента, самаго интереснаго въ этой кампаніи.

Этотъ моментъ могъ сдѣлаться рѣшительнымъ и окончить войну однимъ ударомъ. Дѣло шло не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, чтобы, помѣшавъ императору французовъ и всей его арміи переправиться черезъ Березину, воспрепятствовать тѣмъ самымъ возвращенію ихъ на родину. Меня огорчаетъ, что я лишенъ возможности подробно и съ точностью описать передвиженія Наполеона и нашихъ генераловъ въ теченіе 13-го, 14-го, 15-го и 16-го ноября. Находясь въ главной арміи, я не былъ очевиднымъ свидѣтелемъ этихъ важныхъ событій; всѣ же свѣдѣнія, которыя я могъ получить отъ офицеровъ изъ армій Чичагова и Витгенштейна, настолько неудовлетворительны и противорѣчивы, что невозможно установить съ достовѣрностью факты. Я ограничусь тѣмъ, что передамъ вкратцѣ и по полученнымъ со всѣхъ сторонъ оффиціальнымъ донесеніямъ то, что произошло при этомъ случаѣ.

Чичаговъ, съ главными силами своей арміи, расположился напротивъ Борисова; одинъ изъ его отрядовъ, подъ начальствомъ генерала Чаплица, наблюдалъ за верхнею Березиною, въ окрестностяхъ Зембина, а другіе отряды охраняли нижнее теченіе этой рѣки между Борисовымъ и Березиною. 13-го ноября Наполеонъ совершилъ маневръ, произведя демонстрацію по направленію къ нижней Березинѣ, съ цѣлью возбудить въ насъ опасеніе съ этой стороны. Головы колоннъ, показывая видъ, что они направляются къ Игумену, способствовали тѣмъ самымъ тому, чтобы ввести нашихъ генераловъ въ полнѣйшее заблужденіе. Чичаговъ спустился съ своею арміею внизъ по Березинѣ и далъ Чаплицу приказаніе выступить изъ Зембина и стать передъ Борисовымъ. Наполеонъ, видя, что ему удалось ввести насъ въ обманъ, оставилъ въ Борисовѣ корпусъ маршала Виктора, чтобы еще далѣе прикрыть свои движенія, а самъ, на разсвѣтѣ 14-го, направился въ село Студенки, въ 13-ти верстахъ къ сѣверу отъ Борисова, между этимъ городомъ и Зембиномъ. Французы встрѣтили здѣсь лишь нѣсколько казаковъ, которые скоро были отброшены, и непріятель немедленно приступилъ къ постройкѣ двухъ мостовъ. Генералъ Чаплицъ, извѣщенный казаками, поспѣшно прибылъ изъ окрестностей Борисова, но не могъ воспрепятствовать переправѣ непріятеля, которая совершалась подъ защитою батареи изъ 30-ти орудій, расположенной на господствующихъ высотахъ лѣваго берега рѣки. Какъ только постройка мостовъ была окончена, маршалъ Удино перешелъ первымъ и атаковалъ слабый отрядъ Чаплица, который послѣ двухчасоваго боя былъ вынужденъ уступить численному превосходству и отступить, спускаясь по теченію Березины. Въ теченіе 14-го и 15-го французская армія переправилась черезъ рѣку.

Графъ Витгенштейнъ былъ не менѣе Чичагова обманутъ ложными маневрами арміи Наполеона въ день 13-го ноября. Онъ также вообразилъ, что императоръ французовъ намѣренъ направиться къ югу, и

вслѣдствіе этого рѣшился преслѣдовать его по направленію къ Борисову. 14-го онъ выступилъ изъ Баранъ и пришелъ въ Кострицу. Въ то самое время, когда Витгенштейнъ выполнялъ это передвиженіе, Наполеонъ, съ своей стороны, поднимался по Березинѣ изъ Борисова въ Студенки; такимъ образомъ, обѣ арміи разошлись на разстояніи пятнадцати верстъ. Прибывъ въ Кострицу, Витгенштейнъ узналъ, что Наполеонъ переправился уже черезъ Березину и что корпусъ Виктора находился еще въ Борисовѣ. Онъ рѣшилъ отрѣзать этотъ корпусъ и съ этою цѣлью выступилъ 15-го. Къ вечеру онъ прибылъ въ Старый Борисовъ, но Викторъ, выступившій въ то же утро изъ Борисова, прошелъ уже съ большею частью своего корпуса и позади оставалась лишь одна изъ его дивизій, составлявшая его арьергардъ. Эта дивизія, бывшая подъ начальствомъ генерала Партуно, видя себя отрѣзанною, попыталась проложить себѣ дорогу, но была отброшена послѣ четырехъ-часоваго боя. Она не могла даже возвратиться въ Борисовъ, который только-что передъ этимъ былъ занятъ графомъ Платовымъ, пришедшимъ по большой дорогѣ изъ окрестностей Бобо. Непріятельская дивизія, видя себя окруженною со всѣхъ сторонъ, положила оружіе. Генералъ Партуно, три другихъ генерала, болѣе 240 офицеровъ и около 8.000 человѣкъ солдатъ были взяты при этомъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ тремя орудіями и двумя знаменами. Одна колонна сдалась въ полночь; остальная же часть дивизіи положила оружіе лишь на слѣдующій день, въ семь часовъ утра.

Между тѣмъ Чичаговъ, извѣщенный, наконецъ, о дѣйствительномъ положеніи вещей, вернулся назадъ и, направившись вверхъ по Березинѣ, 16-го, на разсвѣтѣ, атаковалъ Удино близъ Стахова. Вся французская армія не имѣла еще времени переправиться черезъ рѣку; дурное состояніе мостовъ, построенныхъ поспѣшно, было причиною медленности переправы. Наполеонъ, сознавая важность остановить усилія адмирала, приказалъ придвинуть маршаловъ Нея и Мортье въ помощь Удино. Сраженіе приняло упорный характеръ. Наконецъ, войска Чичагова вынуждены были уступить численному превосходству непріятеля. Армія Чичагова, ослабленная отсутствіемъ корпуса Сакена, оставленнымъ противъ князя Шварценберга, заключала въ себѣ лишь 30.000 человѣкъ солдатъ, тогда какъ французскіе корпуса, принявшіе участіе въ дѣлѣ, насчитывали всего болѣе 40.000 человѣкъ.

Въ то время, какъ французы на правомъ берегу Березины отражали адмирала, на лѣвомъ ея берегу также сражались. Графъ Витгенштейнъ, послѣ уничтоженія дивизіи Партуно, направился на Студенки. Случилось, что маршалъ Викторъ не перешелъ еще въ это время черезъ рѣку. Витгенштейнъ сильно атаковалъ его и нанесъ ему весьма значительную потерю, но, несмотря на всѣ свои усилія и свое значительное численное превосходство, никакъ не могъ опрокинуть непрія-

теля, который въ теченіе всего дня удерживался на лѣвомъ берегу рѣки.

Послѣ того, какъ мы видѣли, что французская армія была доведена до бѣдственнаго положенія, трудно повѣрить, чтобы Наполеонъ могъ еще одерживать побѣды. Однако, безпристрастіе, котораго я придерживаюсь, заставляетъ меня признать, что успѣхъ 16-го числа былъ на сторонѣ Наполеона, войска котораго удержали за собою поле сраженія. Сверхъ того, императору французовъ удалось совершить переправу черезъ Березину и открыть себѣ путь къ отступленію за предѣлы Россіи, чтó составляло главную цѣль его дѣйствій. Дѣйствительная потеря французовъ въ этотъ день была весьма значительна и можетъ достигать до 10.000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя; но и наша потеря была не менѣе значительна. Витгенштейнъ въ своемъ оффиціальномъ донесеніи признаетъ 3.000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Можно предположить, что онъ, по обыкновенію, уменьшилъ свою потерю, и неоспоримо, что потеря арміи Чичагова была гораздо значительнѣе

17-го, утромъ, Викторъ переправился черезъ рѣку и сжегъ свои мосты, бросивъ на лѣвомъ берегу 12 орудій и громадный обозъ, который Наполеонъ положительно запретилъ переправлять. Всѣ повозки были нагружены всякимъ добромъ, добытымъ при разграбленіи Москвы. Кавалерія Витгенштейна, овладѣвшая обозомъ, сдѣлала въ немъ богатую наживу. Въ тотъ же день Наполеонъ продолжалъ идти по направленію къ Вильнѣ, и 18-го его главная квартира находилась въ Плещеницѣ. Чичаговъ немедленно пустился преслѣдовать непріятеля, между тѣмъ какъ Витгенштейнъ и Платовъ перешли черезъ Березину по двумъ понтоннымъ мостамъ, наведеннымъ близъ Стараго Борисова. 17-го наша главная армія прибыла въ Михеевичи, а на слѣдующій день переправилась черезъ Березину въ окрестностяхъ мѣстечка Березина. Такъ какъ въ главной квартирѣ фельдмаршала не было никакого положительнаго извѣстія о томъ, что происходило въ окрестностяхъ Борисова, то нашъ авангардъ былъ выдвинутъ въ сторону, чтобы развѣдать о непріятелѣ. 17-го мы прибыли въ Вышнюю Городню, а 18-го—въ Ухолоды, гдѣ встрѣтили войска генерала Милорадовича, который въ этотъ день только-что прибылъ въ Борисовъ.

Много порицали адмирала Чичагова за его дѣйствія въ теченіе этой кампаніи. По моему мнѣнію, къ нему отнеслись слишкомъ строго. Я полагаю, что ему можно поставить въ вину лишь одну ошибку; она заключается въ томъ, что послѣ взятія Борисова онъ подвергъ опасности свою главную квартиру и свой авангардъ. Но зато слѣдуетъ признать, что онъ очень хорошо маневрировалъ противъ князя Шварценберга; что же касается до дѣлаемаго ему упрека въ томъ, что онъ упустилъ Наполеона при Березинѣ, то я нахожу упрекъ этотъ слишкомъ мало

основательнымъ. Слѣдуетъ припомнить, что Чичаговъ имѣлъ лишь около 30.000 человѣкъ для обороны теченія рѣки противъ 70.000 человѣкъ непріятеля. Для него было гораздо необходимѣе воспрепятствовать переправѣ французовъ со стороны Игумена, чѣмъ въ окрестностяхъ Зембина. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только принять во вниманіе, что, пробиваясь къ Игумену, Наполеонъ на много сокращалъ свою линію отступленія на Варшаву и, сверхъ того, пріобрѣталъ возможность совершить свое соединеніе съ Шварценбергомъ въ окрестностяхъ Слонима, что̀ снова довело бы его армію до 100.000 человѣкъ, съ которыми онъ могъ бы уже надѣяться спокойно занять свои зимнія квартиры на лѣвомъ берегу Вислы, а можетъ быть даже и между этою рѣкою и Бугомъ. Еслибы къ такому опасному результату привела переправа французовъ къ югу отъ Борисова, то ясно, что Чичаговъ обязанъ былъ особенно наблюдать съ этой стороны, и что, будучи обманутъ передвиженіями Наполеона, онъ долженъ былъ направить туда большую часть своихъ силъ. Ему тѣмъ болѣе было извинительно быть введеннымъ въ заблужденіе на счетъ намѣреній Наполеона, что рѣка, отдѣлявшая его отъ непріятеля, препятствовала ему съ точностью наблюдать за его движеніями. Графъ Витгенштейнъ, не имѣвшій этого препятствія, былъ обманутъ, какъ и адмиралъ; онъ также повѣрилъ тому, что Наполеонъ направился на югъ, и оффиціально извѣстилъ объ этомъ Чичагова; свѣдѣніе это послужило къ еще большему укрѣпленію адмирала въ заблужденіи, въ которомъ онъ находился.

Всеобщее мнѣніе было настолько предрасположено въ пользу графа Витгенштейна, что даже и не подумали приписать ему малоуспѣшность попытокъ нашихъ армій преградить Наполеону путь къ отступленію. Между тѣмъ было бы гораздо справедливѣе обвинить въ этомъ Витгенштейна, чѣмъ адмирала, который въ дѣйствительности маневрировалъ, какъ ему слѣдовало, и какъ бы маневрировалъ и другой, болѣе его искусный военачальникъ. Совсѣмъ напротивъ, образъ дѣйствій Витгенштейна во всѣ эти дни не представляетъ ничего другаго, какъ сцѣпленіе явныхъ ошибокъ. Чтобъ доказать это, я укажу главнѣйшія изъ нихъ: во-первыхъ, когда французскіе корпуса, расположенные въ Череѣ, удалились оттуда, чтобы направиться къ Борисову, то Витгенштейнъ поступилъ ошибочно, послѣдовавъ по ихъ слѣдамъ и направившись изъ Чашниковъ въ Черею и Холопеничи, чтобы дѣйствовать на лѣвомъ берегу Березины. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать такимъ образомъ, онъ долженъ былъ скорѣе направиться на Новый Лепель, перейти здѣсь Березинскій каналъ, затѣмъ слѣдовать западнымъ берегомъ этого канала до сліянія его съ Березиною, перейти черезъ эту рѣку, спуститься затѣмъ по правому ея берегу до окрестностей Зембина, гдѣ бы онъ могъ соединиться съ Чичаговымъ. Обѣ соединившіяся арміи представляли бы

тогда силу въ 60.000 человѣкъ, съ которыми можно было уже льстить себя надеждою остановить Наполеона и помѣшать ему перейти черезъ рѣку; но достигнуть такого результата отъ несвязныхъ усилій двухъ армій, раздѣленныхъ рѣкою, нельзя было надѣяться. Во-вторыхъ, движеніе изъ Холопеничей въ Бараны, совершенное Витгенштейномъ 13-го ноября, было хорошо задумано и позволяло надѣяться, что онъ бралъ на себя обязанность наблюдать за верхнею Березиною съ тѣмъ, чтобы дать возможность Чичагову заняться исключительно нижнимъ теченіемъ этой рѣки, но демонстраціи непріятеля въ тотъ же день, 13-го, снова привели Витгенштейна къ ложному шагу. 14-го онъ повернулъ на Борисовъ и изъ Баранъ направился въ Кострицу. Въ тотъ же день французская армія поднялась по Березинѣ изъ Борисова въ Студенки. Витгенштейнъ былъ извѣщенъ объ этомъ движеніи, совершавшемся передъ его глазами и разошедшемся съ его собственнымъ движеніемъ, лишь нѣсколько часовъ спустя послѣ того, какъ оно было уже выполнено и когда производилась уже переправа французскихъ войскъ. Эта небрежность при такихъ важныхъ обстоятельствахъ тѣмъ менѣе извинительна со стороны Витгенштейна, что еслибъ онъ, по крайней мѣрѣ, подумалъ освѣтить свой правый флангъ, то его разъѣзды не преминули бы встрѣтить французскія колонны и извѣстить его еще во-время, такъ что онъ имѣлъ бы возможность напасть на Наполеона во время его переправы. Въ третьихъ, извѣщенный, наконецъ, о дѣйствительномъ положеніи вещей, Витгенштейнъ 15-го направился изъ Кострицы на Старый Борисовъ; движеніе это было новою ошибкою. Въ военномъ искусствѣ существуетъ неоспоримая истина; она заключается въ томъ, что если генералъ могъ сдѣлать болѣе того, что онъ сдѣлалъ, то онъ дурно дѣйствовалъ. Согласно этому правилу, становится очевиднымъ, что Витгенштейнъ поступилъ дурно, направившись изъ Кострицы въ Старый Борисовъ потому, что этимъ движеніемъ онъ могъ отрѣзать лишь дивизію Партуно; если же онъ изъ Кострицы направился бы чрезъ Холховцы прямо на Веселово и Студенки, то не только эта дивизія, но весь корпусъ Виктора былъ бы отрѣзанъ, да къ тому же Витгенштейнъ, сильно атакуя Студенки, могъ бы еще захватить часть французской арміи, которую онъ нашелъ бы на лѣвомъ берегу Березины, и которая переправилась черезъ эту рѣку лишь въ полдень 15-го и утромъ 16-го. Независимо указанныхъ мною трехъ главныхъ ошибокъ, я долженъ еще замѣтить, что мнѣ кажется весьма страннымъ, что въ сраженіи 16-го при Студенкахъ Витгенштейну не удалось опрокинуть въ воду слабый корпусъ Виктора, который въ теченіе цѣлаго дня сопротивлялся съ 12.000 человѣкъ противъ 30.000 человѣкъ, находившихся подъ начальствомъ Витгенштейна.

Упрекали также и фельдмаршала Кутузова въ томъ, что онъ дви-

гался слишкомъ медленно, и утверждали, что онъ могъ еще прибыть во-время для того, чтобы принять участіе въ дѣлахъ при Березинѣ. Для того, чтобы убѣдиться въ несправедливости этой критики, слѣдуетъ только принять въ соображеніе, что Кутузовъ не могъ выступить изъ Краснаго ранѣе 7-го ноября, а въ этотъ самый день Наполеонъ переходилъ уже Днѣпръ въ Оршѣ. Это значило уже на много опередить насъ; къ тому же императоръ французовъ подвигался кратчайшимъ путемъ, по которому мы не могли слѣдовать по причинѣ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Къ этому надо присовокупить еще замедленіе, которое неизбѣжно должна была причинить намъ переправа черезъ Днѣпръ. Сверхъ того, большая часть арміи Наполеона состояла изъ корпусовъ Удино и Виктора, свѣжія войска которыхъ могли совершать значительные переходы, тогда какъ солдаты нашей главной арміи были настолько изнурены невообразимыми, только-что перенесенными ими, трудами, что онъ не могъ заставить ихъ дѣлать форсированные переходы, не подвергая арміи совершенному уничтоженію. Тѣ, которые сдѣлали эту тяжелую кампанію, не станутъ опровергать основательности этихъ доводовъ.

Что касается поведенія императора Наполеона, то слѣдуетъ признать, что оно было выше всякой похвалы. Неминуемая опасность, въ которой онъ находился, еще разъ оживила этотъ блистательный военный геній, который со времени вступленія въ Москву, казалось, находился въ состояніи усыпленія. Окруженный со всѣхъ сторонъ, императоръ французовъ не теряетъ головы. Искусными демонстраціями обманываетъ онъ находившихся противъ него генераловъ и, проскользнувъ, такъ сказать, между арміями, которыя готовились уже обрушиться на него, онъ совершаетъ переправу въ искусно избранномъ пунктѣ, на которомъ преимущества мѣстности находятся на его сторонѣ. Дурное состояніе мостовъ замедляетъ переправу и даетъ время нашимъ арміямъ соединиться противъ непріятеля. Въ новыхъ сраженіяхъ разумное употребленіе превосходныхъ силъ доставляетъ Наполеону побѣду, которою онъ пользуется, чтобы довершить переправу и обезпечить свое отступленіе на Вильну. Такимъ образомъ, онъ успѣваетъ разстроить разсчеты нашихъ генераловъ, которые льстили себя надеждою въ скоромъ времени заставить его положить оружіе со всею его арміею.

Между тѣмъ Чичаговъ сильно преслѣдовалъ французскую армію. Каждый день авангардъ захватывалъ множество плѣнныхъ и орудія. Графъ Платовъ дѣйствовалъ совокупно съ Чичаговымъ, а Витгенштейнъ взялъ нѣсколько вправо и двигался параллельно съ адмираломъ. Въ это время наша главная армія подвигалась также къ Минску; 19-го она находилась въ Ушѣ, а 20-го—въ Раваницахъ. Нашъ авангардъ пере-

правился черезъ Березину у Борисова 19-го и, направившись по дорогѣ въ Минскъ, прибылъ въ Уперевичи, 20-го—въ Скурецъ, 21-го—въ Старину. Милорадовичъ перешелъ черезъ Березину также у Борисова 20-го и направился влѣво отъ арміи Чичагова, между этою арміею и Минскомъ. 21-го онъ прибылъ въ село Коссино, близъ дороги изъ Минска въ Зембинъ. Въ этотъ день главная квартира Наполеона находилась въ Молодечнѣ.

Кутузовъ, будучи недоволенъ дѣйствіями нашихъ генераловъ на Березинѣ, рѣшилъ приблизиться къ второстепеннымъ арміямъ для того, чтобъ наблюдать за ихъ дѣйствіями, такъ какъ арміи эти, въ силу обстоятельствъ, обратились теперь въ главныя дѣйствующія. 22-го ноября, съ своею главною квартирою, онъ прибылъ въ село Коссино. Отъѣзжая, Кутузовъ поручилъ предводительство главною арміею генералу Тормасову. 23-го фельдмаршалъ прибылъ въ Бѣлоручье, а на слѣдующій день—въ Радошкевичи, гдѣ и догналъ авангардъ Милорадовича.

Въ то время, какъ Кутузовъ приближался къ театру военныхъ дѣйствій, Наполеонъ рѣшительно удалялся отъ него. Бѣдствія французской арміи росли съ каждымъ днемъ. Казалось, что Провидѣніе приберегло на послѣдніе дни отступленія для непріятеля самыя жестокія страданія изъ всѣхъ тѣхъ, которыя оно рѣшило собрать надъ его головою. По мѣрѣ приближенія нашего къ Вильнѣ, морозъ постепенно становился сильнѣе. Онъ ежедневно уносилъ тысячи непріятелей. Дороги были покрыты трупами этихъ несчастныхъ, силы которыхъ, надорванныя голодомъ, дѣлали ихъ еще менѣе способными выносить суровое зимнее время. Видъ этихъ бѣдствій и невозможность облегчить ихъ побудили императора французовъ покинуть свою армію, полное уничтоженіе которой становилось неизбѣжнымъ. 23-го ноября всѣ главные начальники арміи были собраны въ императорскую квартиру, въ Сморгонѣ. Наполеонъ объявилъ имъ, что на время своего отсутствія онъ поручаетъ командованіе арміею королю Неаполитанскому. Самъ Наполеонъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ генераловъ, отправился на почтовыхъ прямо въ Парижъ.

25-го ноября генералъ Чаплицъ, съ авангардомъ Чичагова, одержалъ побѣду близъ Сморгоны. Непріятельскій арьергардъ былъ совершенно уничтоженъ. При этомъ случаѣ французы потеряли 25 орудій и около 3.000 плѣнными. На слѣдующій день Чаплицъ сильно преслѣдовалъ, отъ Сморгоны до Ошмянъ, непріятеля, который, лишившись охраны своего арьергарда, бѣжалъ въ страшномъ безпорядкѣ. Чаплицъ, пользуясь этимъ безпорядкомъ, захватилъ у непріятеля 61 орудіе и около 2.000 плѣнныхъ. 26-го главная квартира фельдмаршала находилась въ Молодечнѣ, а 27-го — въ Сморгонѣ. Графъ Витгенштейнъ, который съ своею арміею шелъ вдоль праваго берега Виліи, 27-го находился

*

въ Неставишкахъ, а кавалерія, которой онъ приказалъ выдвинуться впередъ, въ Нѣменчинѣ.

28-го генералъ Чаплицъ, продолжая преслѣдовать непріятеля, явился передъ городомъ Вильною, которымъ онъ и овладѣлъ, выгнавъ изъ него непріятельскій арьергардъ. Въ то время, какъ Чаплицъ занималъ этотъ городъ, графъ Платовъ обошелъ его и направился къ Погулянкамъ, въ четырехъ или пяти верстахъ отъ Вильны, по дорогѣ въ Ковну. Онъ встрѣтилъ тамъ французскія колонны, только-что очистившія городъ. Графъ Платовъ атаковалъ ихъ, жестоко преслѣдовалъ до Понарской горы, убилъ у нихъ 1.000 человѣкъ, захватилъ 4 знамени, 28 орудій, столько же зарядныхъ ящиковъ и болѣе 1.000 человѣкъ плѣнныхъ. 29-го ноября фельдмаршалъ прибылъ въ Вильну. Въ этомъ городѣ нашли довольно значительные запасы хлѣба и огромные склады военныхъ принадлежностей съ 41 орудіемъ въ арсеналѣ. Число плѣнныхъ, взятыхъ въ этомъ городѣ, считая въ томъ числѣ и больныхъ, оставленныхъ въ госпиталяхъ, доходило до 7 генераловъ, 242 офицеровъ и около 15.000 солдатъ.

Въ то время, какъ происходили эти событія, наша главная армія, съ своей стороны, также подвигалась впередъ, оставляя Минскъ влѣво. Главная квартира Тормасова, 22-го, находилась въ Шипянахъ, 23-го—въ Дубовикахъ, 24-го—въ Городкѣ, 27-го—въ Раковѣ, 28-го—въ Киселяхъ и 29-го — въ Воложинѣ. Въ тотъ же день, 29-го, нашъ авангардъ находился въ Ольшанахъ. Изъ Воложина армія двинулась на Ошмяны, а нашъ авангардъ получилъ приказаніе направиться на Вильну. 1-го декабря мы прибыли въ Нарвелишки. 3-го я оставилъ генерала Васильчикова и отправился въ главную квартиру, въ Вильну.

Послѣ взятія Вильны наши арміи, соединившіяся на короткое время, приняли снова различное направленіе. Въ это время три различныхъ предмета привлекали на себя вниманіе фельдмаршала: во 1-хъ, надлежало преслѣдовать остатки великой французской арміи по ту сторону Нѣмана. Во 2-хъ, маршалъ Макдональдъ, который, съ своимъ отдѣльнымъ корпусомъ, въ теченіе всей кампаніи бродилъ въ окрестностяхъ Риги, все еще находился близъ Митавы съ войскомъ около 25.000 человѣкъ. Слѣдовало не только позаботиться принудить его перейти обратно черезъ Нѣманъ, но даже постараться отрѣзать его отъ этой рѣки, отбросивъ на оконечность полуострова Курляндіи, къ Виндавѣ. Въ 3-хъ, князь Шварценбергъ, съ австрійцами и саксонцами, все еще занималъ Гродненскую губернію. Необходимо было заставить и его очистить территорію Россіи. Фельдмаршалъ совершенно вѣрно разсудилъ, что осуществить эту троякую цѣль можно было и безъ содѣйствія главной арміи, которая была крайне утомлена только-что совершенными ею тяжелыми походами. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлалъ слѣдующія распо-

ряженія: главная армія Тормасова и авангардъ Милорадовича были расположены по кантониръ-квартирамъ въ окрестностяхъ Вильны. Чичаговъ и Платовъ были назначены дѣйствовать въ центрѣ для преслѣдованія остатковъ великой французской арміи по ту сторону Нѣмана. На правомъ флангѣ генералъ Паулуччи, вмѣстѣ съ гарнизономъ Риги, долженъ былъ слѣдовать за Макдональдомъ при его отступленіи, между тѣмъ какъ Витгенштейнъ, спустившись по правому берегу Нѣмана, обязанъ былъ постараться отрѣзать его отъ Пруссіи. На лѣвомъ флангѣ, для дѣйствій противъ Шварценберга, назначенъ былъ авангардъ генерала Васильчикова и корпуса генералъ-маіора Тучкова и генерала Сакена. Этотъ послѣдній находился въ это время на Волыни, имѣя свой правый флангъ на Стырѣ, а лѣвый—близъ Буга. Что же касается до генералъ-маіора Тучкова, то онъ только-что вступилъ въ командованіе корпусомъ генерала Эртеля, который въ теченіе всей кампаніи держался на нижнемъ теченіи Припети и велъ малую войну противъ польскаго корпуса, старавшагося осадить Бобруйскъ. 28-го ноября Тучковъ прибылъ въ Минскъ.

Послѣ сраженія при Погулянкахъ графъ Платовъ продолжалъ преслѣдовать французовъ и 2-го декабря, въ 10 часовъ утра, явился передъ Ковною. Непріятель упорно защищалъ городъ. Платовъ вынужденъ былъ приказать нѣсколькимъ казачьимъ полкамъ перейти Нѣманъ по льду, чтобы угрожать отрѣзать отступленіе непріятелю и тѣмъ заставить его очистить городъ, что́ онъ и сдѣлалъ къ вечеру съ довольно значительною потерею. Наши войска нашли въ Ковнѣ довольно значительные магазины, 779 зарядныхъ ящиковъ съ полнымъ комплектомъ зарядовъ, 30.000 новыхъ ружей и 30.000 ружейныхъ стволовъ. Армія Чичагова, которая для удобства продовольствія двигалась проселочными дорогами влѣво отъ дороги въ Ковну, прибыла 6-го декабря въ Гезно на Нѣманѣ. Послѣ перехода черезъ Нѣманъ, непріятель направилъ свое бѣгство на Вильковишки и Гумбиненъ въ Инстербургъ; графъ Платовъ слѣдовалъ за нимъ въ этомъ направленіи, и Чичаговъ пошелъ также по этой дорогѣ. Изъ Вильковишекъ адмиралъ отдѣлилъ генерала Ланскаго, съ тремя кавалерійскими и однимъ казачьимъ полками, на Августовъ, чтобы забрать нѣсколько бѣглыхъ французовъ, которые бросились въ эту сторону. 21-го декабря Чичаговъ прибылъ въ Вержболово, а 22-го въ Сталупёненъ. Въ этотъ же день генералъ Чаплицъ, съ своимъ авангардомъ, находился въ Гумбиненѣ, а графъ Платовъ—въ Инстербургѣ.

Въ то время какъ событія эти происходили въ центрѣ, на нашемъ правомъ флангѣ маркизъ Паулуччи узнавъ, что Макдональдъ находится въ полномъ отступленіи, пустился его преслѣдовать. 8-го декабря онъ выступилъ изъ Риги, а 9-го, въ два часа утра, вступилъ въ Ми-

таву. Изъ Митавы генералъ Левисъ, съ главными силами корпуса, направился на Тельшъ, въ то время, какъ самъ маркизъ Паулуччи, съ отрядомъ около 2.000 человѣкъ, двинулся по большой дорогѣ въ Мемель для преслѣдованія непріятеля. 15-го Паулуччи явился предъ Мемелемъ и потребовалъ сдачи города у коменданта, который и сдался военноплѣннымъ съ своими 700 человѣкъ гарнизона. Быстрота этого перехода Паулуччи изъ Риги въ Мемель заслуживаетъ похвалы. Онъ сдѣлалъ около 300 верстъ въ восемь дней. Съ другой стороны Витгенштейнъ подвигался также впередъ изъ окрестностей Вильны къ нижнему теченію Нѣмана. Значительный отрядъ его арміи подъ начальствомъ генералъ-маіора Кутузова, двинулся изъ Вильны чрезъ Ковно и Юрбургъ на Тильзитъ, куда онъ прибылъ 11-го декабря. Если бы Кутузовъ былъ сильнѣе, то было бы неизбѣжно отрѣзано отступленіе всему корпусу Макдональда, который не дошелъ еще до Нѣмана. Но Витгенштейнъ не находился настолько близко, чтобы поддержать Кутузова, и этотъ послѣдній былъ прогнанъ изъ Тильзита войсками, направленными противъ него Макдональдомъ, чтобы очистить себѣ путь къ отступленію. По моему мнѣнію, Кутузовъ сдѣлалъ ошибку, желая удержаться близъ Тильзита; ему слѣдовало отступить, не вступая въ сраженіе, въ которомъ значительное численное превосходство непріятеля давало ему всѣ шансы на успѣхъ. Я полагаю также, что еслибы графъ Витгенштейнъ дѣйствовалъ болѣе энергично, то онъ могъ бы еще прибыть во-время въ Тильзитъ. 27-го ноября онъ находился въ Неставишкахъ на Виліи. Отъ Неставишекъ до Тильзита, направляясь чрезъ Вилькоміръ, Кейданы и Юрбургъ, менѣе трехъ сотъ верстъ и, такимъ образомъ, не дѣлая даже слишкомъ усиленныхъ переходовъ, онъ долженъ бы былъ прибыть къ Тильзиту 12-го декабря. Въ это время Макдональдъ же не прибылъ еще на Нѣманъ, и отступленіе его сдѣлалось бы крайне затруднительнымъ; но Витгенштейнъ прибылъ въ Тильзитъ четырьмя или пятью днями позже, и Макдональдъ воспользовался этимъ, чтобы миновать этотъ городъ. Корпусъ Макдональда состоялъ большею частью изъ пруссаковъ, которые совершенно противъ своего желанія присоединились къ знаменамъ Наполеона. Бѣдствія французовъ побудили пруссаковъ отдѣлиться отъ ихъ союза, и удобнымъ моментомъ для объявленія объ этомъ они выбрали время вступленія русскихъ на ихъ территорію. 18-го и 19-го декабря командовавшіе пруссаками генералы Іоркъ и Массенбахъ заключили съ Витгенштейномъ условіе, по которому прусскія войска въ числѣ 18.000 человѣкъ съ 60 орудіями были объявлены нейтральными. Это отпаденіе пруссаковъ уменьшило корпусъ Макдональда до 5.000 человѣкъ и 20 орудій, съ которымъ онъ и поспѣшилъ отступить. Наша кавалерія настойчиво его преслѣдовала. 22-го декабря одинъ изъ

корпусовъ арміи Витгенштейна находился уже въ Талпакенѣ и Велау.

Возвратимся теперь къ тому, что происходило на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Генералъ Сакенъ выступилъ въ походъ 1-го декабря и направился на Ружаны. Генералъ-маіоръ Тучковъ также выступилъ изъ Минска 1-го декабря и двинулся на Слонимъ. Съ своей стороны Васильчиковъ двинулся большими переходами на Нѣманъ и 7-го декабря прибылъ въ Мосты. Австрійскія войска всюду отступали при нашемъ приближеніи. Васильчиковъ медленно за ними слѣдовалъ, не вступая съ ними въ сраженіе. 10-го декабря онъ находился въ Малой Брестовицѣ. Князь Шварценбергъ, собравъ свой корпусъ въ окрестностяхъ Бѣлостока, казалось, хотѣлъ удержаться здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ дней. Вслѣдствіе переговоровъ, въ которые Васильчиковъ вступилъ съ нимъ, австрійцы очистили русскую территорію 15-го декабря. Изъ Тыкочина князь Шварценбергъ направилъ свое отступленіе вдоль Нарева на Варшаву. Васильчиковъ перешелъ границу 17-го декабря. Около же этого времени саксонскія войска также обратно вступили въ герцогство Варшавское, перейдя Бугъ. Слѣдовавшій за ними генералъ Сакенъ также прибылъ на Бугъ, а 21-го декабря его корпусъ расположился на квартиры вдоль праваго берега этой рѣки.

Такимъ образомъ совершилось на всѣхъ пунктахъ очищеніе русской территоріи послѣ шестимѣсячной, самой тяжелой, кампаніи. Громадныя потери, понесенныя непріятелемъ въ теченіе этого времени, едва вѣроятны. Довольно умѣренныя исчисленія представляютъ въ общемъ выводѣ 125.000 человѣкъ, убитыхъ въ сраженіяхъ. Сверхъ того непріятель потерялъ плѣнными 48 генераловъ, 3.800 офицеровъ и 190.000 солдатъ. Пусть къ этому прибавятъ еще людей, которые погибли кромѣ того отъ болѣзней, голода, холода и другихъ случайныхъ причинъ, и тогда увидятъ, что общую потерю непріятеля можно безъ преувеличенія опредѣлить болѣе, чѣмъ въ 400.000 человѣкъ. Число достигшихъ Вислы опредѣляютъ приблизительно въ 60.000 человѣкъ; но въ этомъ числѣ слѣдуетъ считать 40.000 австрійцевъ и пруссаковъ, и такимъ образомъ изъ остальныхъ войскъ Наполеона спаслось только около 20.000 человѣкъ. Кромѣ того непріятельская армія потеряла въ теченіе кампаніи 75 знаменъ и 926 орудій. Военныя лѣтописи не представляютъ другихъ примѣровъ столь блистательныхъ и рѣшительныхъ успѣховъ

Эта кампанія, столь достопамятная причиненнымъ ею необыкновеннымъ истребленіемъ людей, будетъ разсматриваться потомствомъ, какъ страшный примѣръ опасности удаляться на войнѣ отъ правилъ, предписываемыхъ здравою теоріею. Въ самомъ дѣлѣ, никогда торжество истинныхъ началъ искусства не выказывалось столь блистательнымъ образомъ, какъ въ этой удивительной кампаніи. Наполеонъ въ Москвѣ

представляетъ интересное зрѣлище великаго полководца, который во главѣ безчисленной арміи выполнилъ задуманную имъ военную цѣль, но который между тѣмъ долженъ погибнуть отъ того, что онъ забылъ или пренебрегъ великимъ принципомъ базы, который одинъ можетъ упрочить успѣхъ военныхъ дѣйствій. Эта единственная ошибка заставляетъ рушиться предпріятіе, задуманное однимъ изъ величайшихъ когда-либо существовавшихъ военныхъ геніевъ и поддержанное исполинскими средствами, доставленными содѣйствіемъ большей части Европы.

Слава, безсмертная слава Кутузову! Это онъ, это глубокая мудрость его совѣтовъ спасли Россію отъ крайней гибели. Я знаю, что, къ сожалѣнію, даже между нами существуютъ люди, настолько неблагодарные или предубѣжденные, чтобы желать лишить его память справедливаго уваженія благодарнаго отечества, но усилія ихъ останутся тщетными.

Дѣйствія фельдмаршала въ теченіе всей кампаніи были такъ прекрасны, что смѣло могутъ выдержать изслѣдованія самой придирчивой критики. Ему можно поставить въ упрекъ только двѣ ошибки, но первая изъ нихъ, заключающаяся въ томъ, что онъ далъ Бородинское сраженіе, была вынуждена политическими соображеніями; что же касается до второй, состоящей въ отступательномъ движеніи 14-го октября изъ-подъ Малоярославца въ Гончарово, то признаюсь, что для оправданія ея не существуетъ ни одного сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія. Но какъ долженъ быть великъ этотъ полководецъ, который въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ самой дѣятельной кампаніи совершилъ лишь одну ошибку! Къ тому же взамѣнъ этой ошибки сколько прекрасныхъ дѣйствій, изъ которыхъ любаго было бы достаточно, чтобы упрочить репутацію полководца! Переходъ съ Коломенской дороги на Калужскую, отъ Тарутина къ Малоярославцу, фланговое преслѣдованіе, переходъ отъ Ельни къ Красному и мудрыя соображенія сраженій подъ Краснымъ являются образцами военнаго искусства, которые всегда будутъ вызывать удивленіе знатоковъ. Низкая зависть и другія столь же низменныя страсти могутъ временно омрачить память Кутузова, но потомство, болѣе справедливое, не преминетъ поставить его, какъ спасителя отечества, на ряду съ Пожарскимъ, а какъ великаго полководца—на ряду съ Суворовымъ.

Мнѣ остается сдѣлать только одно еще замѣчаніе. Нѣкоторыя лица утверждаютъ, что планъ завлеченія непріятеля въ сердце Россіи былъ рѣшеніемъ, давно уже принятымъ нашимъ правительствомъ. Льстивые писатели стараются распространить это мнѣніе. Эти люди воображаютъ выставить наши дѣйствія въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, не признавая, что наше отступленіе, начиная отъ Нѣмана вплоть до самой Москвы, явля-

лось необходимостію вслѣдствіе слабости нашихъ армій, а утверждая, напротивъ того, что отступленіе это было совершено лишь единственно въ силу заранѣе обдуманнаго плана. Они должны были бы знать, что пріобрѣтенная Россіею слава не имѣетъ нужды въ искусственныхъ и лживыхъ прикрасахъ. Правдиваго описанія фактовъ достаточно, чтобы упрочить удивленіе современниковъ и потомства.

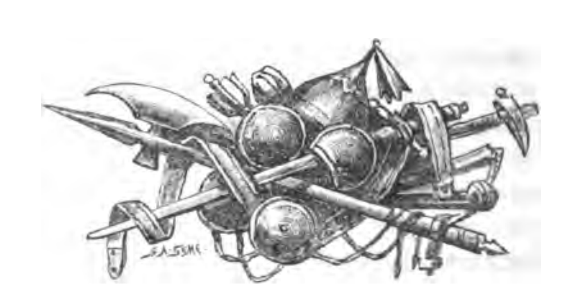
1812-й годъ былъ пробнымъ камнемъ, открывшимъ тѣ сокровища, которыя заключаетъ въ себѣ Россія, и наши потомки будутъ всегда съ гордостію приводить эту достопамятную эпоху отечественной исторіи. Лесть подчасъ бываетъ настолько неискусна, что, желая прикрасить описываемыя ею событія, она лишь унижаетъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустивъ предположеніе, что наши арміи могли удержаться на Нѣманѣ, не значило ли бы это сдѣлать ихъ отвѣтственными за разореніе милліоновъ жителей, которыхъ они должны были бы защищать? Чтобъ доказать лживость этихъ увѣреній, я прошу читателя обратить вниманіе на наступательное движеніе нашихъ армій послѣ соединенія ихъ подъ Смоленскомъ и на предположеніе дать сраженіе подъ Дорогобужемъ. Если бы отступленіе было слѣдствіемъ плана, принятаго правительствомъ, то осмѣлились ли бы наши генералы формально преступить его, дѣйствуя наступательно? А наши громадные магазины, устроенные нами съ большими расходами въ Литвѣ и на Днѣпрѣ и которые мы, къ нашему великому счастію, могли сжечь при нашемъ отступленіи, не доказываютъ ли они ясно, что мы вовсе не помышляли отступать настолько поспѣшно, насколько это было нами исполнено. Истина состоитъ въ томъ, что, будучи слишкомъ слабыми, мы сперва отступили къ Смоленску, чтобы соединить наши обѣ арміи, а затѣмъ отъ Смоленска къ Москвѣ, чтобы приблизиться къ нашимъ подкрѣпленіямъ. Къ тому же, каковъ былъ бы результатъ этого мнимаго плана, возбуждающаго удивленіе невѣждъ, если бы Наполеонъ остановился въ Смоленскѣ? Я надѣюсь, что со мною согласятся, что необходимо по меньшей мѣрѣ предположить, что императоръ французовъ былъ за-одно съ нами, такъ какъ невозможно было предвидѣть, что онъ совершитъ эту ошибку. Жалкіе авторы, которые хлопочутъ попустому, чтобы убѣдить насъ въ этомъ вздорѣ, весьма смахиваютъ на вѣстовщиковъ Монтескье, которые, воздавъ полководцу хвалу за тысячи глупостей, имъ не сдѣланныхъ, приготовляютъ тысячи другихъ, которыхъ онъ не сдѣлаетъ [1]).

---

[1]) Les misérables auteurs qui se battent les flancs, pour nous persuader ces niaiseries, ne ressemblent pas mal à ces nouvellistes de Montesquieu qui, après avoir loué un général de mille sottises qu' il n'a pas faites, lui en préparent mille autres qu'il ne fera pas.

Здѣсь кончаются мои воспоминанія о кампаніи 1812-го года. Такъ какъ движеніе императора Александра отъ Вильны на Калишъ принадлежитъ скорѣе къ кампаніи 1813-го года, то я заканчиваю здѣсь мои записки.

Сообщилъ **Н. Шильдеръ.**

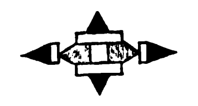

ЗАМѢТКА.

Въ отвѣтъ на замѣтку сентябрьскаго выпуска „Русской Старины" честь имѣю довести до свѣдѣнія, что статья г. Карини появилась независимо отъ меня и безъ моего вѣдома. Поэтому я не подлежу никакой отвѣтственности.

Но если дѣло ужь пошло на ссылки, то мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ слѣдовало бы ссылаться не на „интересныя" статьи забытыхъ Сборниковъ 1838 г., а на X томъ „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній", напечатанный въ 1871 г., гдѣ находятся подлинные акты русскихъ посольствъ въ Италію.

Пирлингъ.

Записки М. Я. Ольшевскаго[1].

Кавказъ съ 1841 по 1866 годъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Дорога отъ Александрополя до Тифлиса.

Въ февралѣ, послѣ блиновъ, катаній въ саняхъ, folle journée и тому подобныхъ обычныхъ масляничныхъ удовольствій, я выѣхалъ изъ Александрополя, гдѣ зима была еще въ полномъ разгарѣ.

Путь мой лежалъ черезъ Делижанское ущелье, живописное во всякое другое время, но только не тогда, когда мнѣ пришлось проѣзжать черезъ него въ первый разъ. У меня и до этого ущелья уже порядочно болѣли бока отъ тѣхъ частыхъ скачковъ и толчковъ, которые пришлось терпѣть моему тарантасу, прыгая по безпрестаннымъ промоинамъ, зажорамъ и выбоинамъ на разстояніи первыхъ восьмидесяти верстъ, потому что, по мѣрѣ удаленія отъ Александрополя, санная дорога исчезала. Отъ Галуачемана же, небольшаго татарскаго селенія, гдѣ находится минеральный источникъ и откуда начинается Делижанское ущелье, обставленное высокими горами, поросшими разной породы лиственнымъ лѣсомъ, вмѣстѣ съ толчками и скачками, мнѣ угрожали или паденія въ кручу, или обвалы съ горъ. Притомъ изнуренныя до-нельзя, отъ боль-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1894 г.

шой гоньбы, почтовыя лошади едва тащились по вязкой грязи и нестаявшему льду.

Более или менее всѣмъ извѣстно такое печальное путешествіе, когда приходится тащиться, въ буквальномъ смыслѣ, станцію въ двадцать верстъ 6—7 часовъ. Въ такомъ печальномъ положеніи и я находился при переѣздѣ отъ Галуачемана до Делижана, небольшаго военнаго поселенія, заселеннаго преимущественно чинами путей сообщенія и гдѣ поворачиваетъ дорога на Эривань.

Такъ же медленно я тащился еще и слѣдующія двѣ станціи. Принимался идти пѣшкомъ, но скоро уставалъ отъ большой грязи. Хотѣлъ заснуть, но безпрестанные толчки и опасность опрокинуться и слетѣть въ пропасть не дозволяли предаться забвенію. Брался нѣсколько разъ за послѣдніе номера «Русскаго Инвалида», но въ нихъ кромѣ телеграммъ и описаній о кровополитной бомбардировкѣ Севастополя, неудачахъ на Дунаѣ и побѣдахъ нашихъ въ Азіатской Турціи, не разъ мною прочитанныхъ, ничего не было интереснаго. То же самое можно было сказать и о военномъ сборникѣ. Да и читать-то нельзя было, потому что наступили сумерки. Оставалось предаться размышленіямъ, и много, много чего промелькнуло какъ изъ давно-прошедшаго, такъ и недавно совершившагося. Наконецъ я перешагнулъ въ будущность.

«Что будетъ со мною въ настоящемъ моемъ чинѣ? Новый главнокомандующій меня вовсе не знаетъ. Онъ человѣкъ крутой, своенравный и, какъ видно по его дѣйствіямъ, съ предубѣжденіемъ смотритъ на Кавказъ и его прежнихъ слугъ».

Такіе вопросы я послѣдовательно задавалъ самому себѣ о Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, назначенномъ къ намъ главнокомандующимъ, о строгихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ котораго на Кавказской линіи носились разные слухи, можетъ быть и преувеличенные. Извѣстно было и о неумѣстномъ письмѣ, написанномъ имъ изъ Грозной къ Алексѣю Петровичу Ермолову, задѣвшемъ самолюбіе и гордость Кавказской арміи. Носились слухи и о полученномъ главнокомандующимъ анонимномъ рѣзкомъ, но справедливомъ отвѣтѣ на его письмо.

Такія мои размышленія были прерваны вышибомъ меня отъ сильнаго толчка изъ опрокинутаго тарантаса и паденіемъ въ грязь. Глубокая промоина была причиной этого паденія, совершившагося для меня и человѣка безъ дурныхъ послѣдствій, кромѣ выпачканія въ грязи. Но и въ этомъ непріятномъ случаѣ я видѣлъ покровительство судьбы, потому что, попади тарантасъ не лѣвыми, а правыми колесами въ эту глубокую рытвину, и мнѣ пришлось бы совершить паденіе съ кручи въ ревущую между скалами Акстафу.

Много было возни въ темнотѣ, несмотря на помощь двухъ конвойныхъ казаковъ, чтобы вывезти тарантасъ на ровное мѣсто. На ямщика-

татарина нельзя было сердиться, потому что была страшная темень, тѣмъ болѣе, что онъ, бѣдняга, перелетѣвъ съ козелъ черезъ лошадей, сильно охалъ; а можетъ быть это онъ дѣлалъ изъ боязни или предусмотрительности, чтобы избавиться отъ брани.

Ничего другаго не оставалось, какъ, скрѣпя сердце, дать еще разъ зарокъ и, разумѣется, его не исполнить,—не ѣздить по ночамъ, въ особенности во время распутицы. Однако на этотъ разъ, добравшись до Акстафинской станціи, я былъ твердъ въ своемъ словѣ и остался на ней дожидаться разсвѣта, несмотря на то, что было только половина перваго.

Акстафинская станція находится на перепутьи. Отъ нея кромѣ Эриванско-Александропольскаго тракта, по которому я пріѣхалъ, идетъ внизъ по правому берегу Куры почтовая дорога черезъ Елисаветполь, Шемаху въ Баку. По этой же дорогѣ можно проѣхать въ Шушу, Ленкорань, Кубу и Дербентъ. Поэтому разгонъ на Акстафѣ былъ постоянно большой, и почти всегда были задержки въ лошадяхъ; но только этого не могло случиться со мной, какъ ѣхавшимъ по курьерской подорожной. Притомъ не допускалось ѣзды по ночамъ во избѣжаніе происшествій, иногда случавшихся на этомъ трактѣ.

Не знаю, какъ было въ предшествовавшія ночи, но когда я подъѣхалъ къ почтовой станціи, то у крыльца стояло два тарантаса. Обѣ комнаты заняты были проѣзжающими и ихъ вещами. На диванахъ и стульяхъ, лежа и сидя, спало нѣсколько человѣкъ, судя по одеждѣ которыхъ нужно было заключить, что они туземцы; но кто именно, грузины, армяне или татары, трудно было рѣшить. Грузинъ и армянинъ носитъ такой же бешметъ, чуху, баранью шапку, кинжалъ на поясѣ, шашку на бедрѣ, какъ и закавказскій татаринъ. Даже переметныя сумы, замѣняющія наши чемоданы и сундуки, не различаются между собою. Развѣ бритая голова укажетъ на козахца, шамшадильца, елисаветпольца и другаго мусульманина, и отличитъ его отъ грузина и армянина.

Мое положеніе на счетъ ночлега было затруднительное, но смотритель успокоилъ меня тѣмъ, что предложилъ помѣститься у него въ комнатѣ, тѣмъ болѣе, что онъ спалъ за перегородкой. Принесенъ былъ самоваръ — эта отрада всякаго проѣзжающаго, и не успѣлъ я выпить перваго стакана чая, какъ зазвенѣлъ колокольчикъ. Не прошло и минуты, какъ вошелъ небольшаго роста офицеръ, въ адъютантской формѣ.

Это былъ поручикъ Жуковъ, сынъ управляющаго Ставропольской коммиссаріатской коммиссіей; онъ былъ адъютантомъ главнокомандующаго и былъ посланъ Николаемъ Николаевичемъ къ князю Бебутову съ важными бумагами. Отъ Жукова, мастера поразсказать, представить и нарисовать въ карикатурѣ, я узналъ, что Муравьевъ черезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ въ Тифлисъ, причемъ коснулся юмористически до

того страха и ужаса, который онъ вездѣ распространяетъ. Разсказалъ мнѣ о ночномъ побоищѣ впереди Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ и о пораженіи, нанесенномъ французамъ генераломъ Хрущовымъ, и, несмотря на всѣ мои убѣжденія подождать разсвѣта и представленія о дурной дорогѣ, поѣхалъ далѣе. Съ разсвѣтомъ и я отправился въ путь.

Отъ Акстафы до Тифлиса болѣе сорока верстъ и три перегона. Дорога пролегаетъ по правой возвышенной сторонѣ Куры, которая, протекая въ крутыхъ берегахъ, невидима до десятой версты отъ Тифлиса.

Мѣстность, по которой вы ѣдете до Кодъ, довольно ровная и только Храмъ составилъ бы естественное препятствіе и то во время таянія снѣга, или большаго дождя, если бы вы не переѣзжали черезъ эту рѣку по каменному и особой конструкціи мосту, говорятъ, выстроенному персіанами. Отъ Кодъ же дорога пролегаетъ по мѣстности гористой и каменистой.

На десятой верстѣ вы выѣзжаете на Куру, гдѣ, повернувъ круто налѣво, продолжаете ѣхать надъ самой рѣкой по дорогѣ, продѣланной въ скалистомъ берегѣ. Здѣсь вы видите лѣвый берегъ съ казенной фермой, дачей аптекаря Шмидта, да нѣкоторыя строенія на Навтлугѣ, въ томъ числѣ госпиталь и коммиссаріатскую коммиссію. Тифлисъ же невидимъ и съ этой стороны, какъ и съ Дигомскаго поля: горы заслоняютъ его. Вотъ дача съ огромнымъ домомъ Мирзоева, этого тифлисскаго Ротшильда, а вотъ и Эриванская застава, но, кромѣ садовъ, Навтлуга и части Авлабара съ Метехскимъ замкомъ, да нѣсколькихъ строеній, впереди бань находящихся, остальнаго Тифлиса все-таки не видно.

По мѣрѣ приближенія къ Тифлису дорога становилась суше; снѣгъ виднѣлся кой-гдѣ на возвышеніяхъ; поля и луга зеленѣли; деревья начинали распускаться; въ садахъ же преобладалъ нѣжный бѣло-розовый цвѣтъ, которымъ покрыты были миндальныя и абрикосовыя деревья, доказывавшія благорастворенность климата и теплоту февральскаго солнца.

II.

Тифлисъ съ февраля по апрѣль 1855 года.

По пріѣздѣ въ Тифлисъ, я остановился у моего сослуживца, офицера генеральнаго штаба до-академическаго періода, занимавшагося съ увлеченіемъ составленіемъ тригонометрической сѣти Кавказа — Осипа Ивановича Ходзько. Онъ занималъ большую квартиру въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ Головинскаго проспекта, и какъ охотникъ поговорить, а пожалуй и посплетничать въ свободное время отъ математи-

ческихъ своихъ вычисленій, онъ болѣе или менѣе зналъ о всѣхъ городскихъ новостяхъ. Отъ него я узналъ не только о многихъ служебныхъ, но и такихъ частныхъ новостяхъ, которыя могли меня не интересовать собственно потому, что личности, о которыхъ шла рѣчь, мнѣ были вовсе неизвѣстны; но я слушалъ его, полагая, что это пригодится мнѣ на будущее время. Онъ же сообщилъ мнѣ о пріѣздѣ главнокомандующаго черезъ двое сутокъ въ Тифлисъ и что начальникъ главнаго штаба ѣдетъ къ нему на встрѣчу въ Душетъ.

— Тифлисъ мраченъ и скученъ не потому только, что великій постъ, а что скорбная таинственность окружаетъ его, и безмолвный страхъ несется съ той стороны, откуда ѣдетъ Н. Н. Муравьевъ, — проговорилъ онъ скороговоркой, подойдя по обыкновенію слишкомъ близко ко мнѣ.

И дѣйствительно, главнокомандующій везъ съ собою не только безмолвный страхъ, который сопутствовалъ ему, но онъ привезъ съ собою неожиданную, страшно-печальную, глубоко-поразительную вѣсть — о смерти государя императора. Кто могъ ожидать, что этотъ здоровый, могучій царь, краса и гордость Россіи, такъ неожиданно умретъ. Добро бы о его болѣзни разсылались по имперіи бюллетени, или пусть бы стоустая молва извѣстила Россію о недугѣ вѣнценосца. Но этихъ предупрежденій не было; а потому неожиданная смерть Николая Павловича была ужасно-поразительна.

Теплыя молитвы и тихія слезы собранныхъ на Александровской площади войскъ, находившихся въ Тифлисѣ во время панихиды за упокой души усопшаго, были лучшимъ доказательствомъ любви и преданности къ этому могучему, спартански-строгому, рыцарски-нравственному и честному, истинному представителю самодержавія и искренно желавшему всего лучшаго своему государству

По прочтеніи манифеста о восшествіи на престолъ Александра Николаевича и послѣ присяги и молебствія о благополучномъ царствованіи новаго монарха, а также о дарованіи побѣды на врага, чего намъ нужно было въ то время болѣе всего желать, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ.

Во все время этого печальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнаго церемоніала, я наблюдалъ за нашимъ новымъ главнокомандующимъ, и это я тѣмъ болѣе могъ свободнѣе другихъ дѣлать, что ничѣмъ не былъ занятъ. Признаюсь, впечатлѣніе, произведенное главнымъ начальникомъ, было очень невыгодное, и я убѣдился на дѣлѣ, что его присутствіе наводило на окружающихъ мрачную тоску.

Въ продолженіе двухъ-часоваго пребыванія на Александровской площади, ни разу улыбка не промелькнула на лицѣ Николая Николаевича, не было произнесено имъ ни одного привѣтливаго слова. Даже стоявшіе возлѣ него генералъ Реадъ и начальникъ главнаго штаба князь

Барятинскій не были удостоены разговоромъ. Онъ былъ грозно молчаливъ, и только его рѣзкія замѣчанія и отрывистыя приказанія раздавались на площади, уставленной войсками и наполненной народомъ.

И, несмотря на тысячи людей, собравшихся на площади по приказанію и по собственному желанію, мрачное безмолвіе царило на ней, сколько по причинѣ скорби о потерѣ великаго государя, столько подъ впечатлѣніемъ тяжелаго чувства, внушеннаго новымъ главнокомандующимъ. Если онъ дѣйствовалъ такъ преднамѣренно, то вполнѣ достигъ цѣли, потому что съ перваго раза поселилъ къ себѣ полное нерасположеніе. Но не странно ли, что такъ нелогично дѣйствовалъ человѣкъ, признанный у насъ умнымъ.

Наступилъ мартъ мѣсяцъ, называемый грузинами «гижія», то-есть злымъ, и онъ въ особенности былъ золъ въ 1855 году. Задулъ сильный сѣверо-западный или съ главнаго Кавказскаго хребта вѣтеръ, всегда гибильно дѣйствующій на растительность, и мгновенно погибъ нѣжно-розовый цвѣтъ, покрывавшій миндальныя и абрикосовыя деревья.

Въ Тифлисѣ погода и температура въ воздухѣ преимущественно зависятъ отъ этого вѣтра. Подуетъ онъ осенью или зимою,—туманъ, снѣгъ и морозъ сопутствуютъ ему. Если же этотъ вѣтеръ заколеблетъ сгущенный душный воздухъ среди знойнаго лѣта, то дуновеніемъ своимъ наноситъ пріятную свѣжесть и прохладу. Но ни осенью, зимою и лѣтомъ онъ не дуетъ съ такой силой и упорствомъ, какъ въ мартѣ. Можетъ быть это происходитъ именно отъ того, что послѣдній зимній холодъ, сгоняемый съ Кавказскаго хребта, сталкивается съ нагрѣтымъ воздухомъ низменностей, къ которымъ принадлежитъ и Тифлисъ. А какъ не только февраль, но и январь были весьма теплы, а потому бушеваніе мартовскаго вѣтра было особенно сильно.

Наступили дожди съ изморозью по утрамъ. Мтацминда, на покатости которой находится монастырь св. Давида, барометръ для тифлисскихъ жителей, плавала не только въ постоянномъ туманѣ, но по утрамъ бѣлѣлась снѣгомъ. Немощеныя тифлисскія улицы и площади сдѣлались непроходимы отъ глубокой грязи. Всегда шумный и полный гуляющихъ, Головинскій проспектъ опустѣлъ. Такъ продолжалось около трехъ недѣль, и такое ненастье еще большее навело уныніе на всегда шумный и веселый городъ, а суевѣріе приписывало и эту невзгоду природы новому главнокомандующему.

Во второй половинѣ марта погода начала измѣняться: вѣтеръ стихъ, потеплѣло и просіяло. Къ концу же мѣсяца наступили ясные и даже весьма теплые дни. Исчезла съ улицъ непроходимая грязь. Головинскій проспектъ оживился и наполнился гуляющими. Только «грозный бука», какъ прозвали главнокомандующаго, не просіялъ, а, пожалуй, и не про-

свѣтлѣлъ. Онъ сдѣлался притомъ невидимкой, потому что погрязъ въ дѣла и администрацію края.

Самая суетливая переписка производилась въ канцеляріи намѣстника и въ главномъ штабѣ арміи. Начиная отъ директора канцеляріи и начальника главнаго штаба до послѣдняго писца и писаря, все находилось въ постоянно напряженномъ состояніи и проводило въ суетнѣ нетолько дни, но часто и ночи.

Судя по всему этому, невольно приходила мысль, что прежніе правители, управлявшіе краемъ, были малодѣятельны, и что въ дѣлахъ былъ застой, а потому и было необходимо дать администраціи надлежащее движеніе и направленіе. На самомъ же дѣлѣ было не такъ. Если и начался застой въ администраціи, то именно съ пріѣзда Николая Николаевича въ Тифлисъ, потому что важныя дѣла, требующія направленія намѣстника или главнокомандующаго, не рѣшались по цѣлымъ недѣлямъ.

Вся же судорожная дѣятельность происходила отъ составленія докладовъ и наведенія справокъ по самымъ обыкновеннымъ дѣламъ и переопискѣ. Подалъ кляузникъ жалобу о давно рѣшенномъ дѣлѣ и, кромѣ доклада, несется въ нѣсколько сотенъ листовъ взятое изъ архива запыленное дѣло. Нужно назначить командира линейнаго батальона или уѣзднаго начальника — вмѣстѣ съ вакантными списками несутся формуляры кандидатовъ. Замѣчена часть въ слабомъ наличномъ составѣ— требуется подробный расходъ. Замѣчена неисправность или ошибка на главной гауптвахтѣ—собираются начальники частей

По всѣмъ подобнаго рода предметамъ Николай Николаевичъ, какъ намѣстникъ или главнокомандующій, входилъ въ самое подробное разсмотрѣніе или разбирательство, употребляя на это цѣлые часы, и тѣмъ утомлялъ какъ себя, такъ и своихъ подчиненныхъ, обижая ихъ своимъ недовѣріемъ и вселяя въ нихъ нерѣшительность и боязнь въ собственныхъ ихъ дѣйствіямъ, по праву имъ предоставленныхъ.

При такомъ взглядѣ и требованіяхъ Муравьева, сильно задѣто было самолюбіе ближайшихъ его помощниковъ, въ особенности же страдала гордость начальника главнаго штаба, князя Барятинскаго. Привыкши быть начальникомъ не только фланга, но арміи, которымъ онъ былъ de facto въ 1854 году, во время управленія Кавказомъ генерала Реада, и притомъ будучи всегда вѣжливъ и привѣтливъ, ему грустно, тяжело было испытывать на себѣ самомъ грубое обхожденіе поставленнаго надъ нимъ главнокомандующаго, заставлявшаго его, по всему вѣроятію, преднамѣренно ждать пріема. Но онъ былъ настолько сдержанъ, терпѣливъ и остороженъ, что умѣлъ выдержать и перенести эту пытку въ продолженіе болѣе мѣсяца, удалившись съ Кавказа подъ предлогомъ болѣзни.

Заступившій мѣсто начальника главнаго штаба его помощникъ хотя былъ, какъ подобаетъ финну, истинно честнымъ, до изнеможенія трудящимся и точно исполнительнымъ, но не имѣлъ своего твердаго убѣжденія и взгляда, и притомъ былъ крайне нерѣшителенъ. Слѣдствіемъ этого было то, что только тѣ дѣла рѣшались и докладывались, которыя требовались главнокомандующимъ или согласовались съ его духомъ и направленіемъ. Дѣла же, болѣе сложныя, требующія усидчиваго разсмотрѣнія и зрѣлаго обсужденія, до благопріятнаго времени громоздились въ кабинетахъ начальника штаба и бездарнаго и выслужившагося изъ писарей дежурнаго штабъ-офицера.

Еще замѣтна была дѣятельность въ управленіяхъ оберъ-квартирмейстера, генерала Броневскаго, и интенданта, полковника Колосовскаго. Обѣ эти личности, одаренныя здравымъ смысломъ и твердымъ характеромъ, имѣли прямой докладъ у главнокомандующаго,—первый по личному расположенію къ нему Николая Николаевича, вызвавшаго его въ Ставрополь по своемъ прибытіи на Кавказъ; послѣдній — по праву объ управленіи большою дѣйствующею арміею. Что же касается инженерной и артиллерійской частей, то въ нихъ занимались только исключительно текущей перепиской.

По гражданскому управленію оказывались еще большія неурядицы и застой въ дѣлахъ, относящихся до управленія краемъ, нежели въ военномъ, потому что Муравьевъ, какъ намѣстникъ, былъ вовсе несвѣдущъ въ этомъ отношеніи. Директоръ канцеляріи Щербининъ только и думалъ о томъ, какъ бы поскорѣй переселиться въ Петербургъ, гдѣ ему готовилось тепленькое мѣстечко, обѣщанное княземъ Воронцовымъ. Вице-директоръ Крузенштернъ хотя былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный человѣкъ, но не имѣлъ бойкихъ административныхъ способностей. Начальникъ гражданскаго управленія и предсѣдатель совѣта, князь Бебутовъ, былъ въ отсутствіи, находясь на турецкой границѣ и одерживая побѣды надъ турками; заступавшій же его мѣсто генералъ Реутъ принадлежалъ къ дюжиннымъ администраторамъ. Ко всему же этому нужно добавить, что, по военнымъ обстоятельствамъ, гражданское управленіе не могло имѣть болѣе успѣшнаго хода и при болѣе лучшихъ администраторахъ.

III.

Неожиданное для меня назначеніе.

Приближалось Воскресеніе Христово. Погода стояла сухая, теплая, такъ что въ полдень бывало свыше 20° по Реомюру. Помните, что это

было въ началѣ апрѣля. Вездѣ роскошная зелень. Воздухъ свѣжъ, чистъ и пріятенъ.

Въ великій четвергъ вечеромъ я отправился ко всенощной въ семинарію, находящуюся на Эриванской площади. Что-за притча такая? На улицахъ по разнымъ направленіямъ горятъ огни, подобно небольшимъ кострамъ, вокругъ которыхъ замѣтно присутствіе людей; точно войсковой бивуакъ раскинулся на улицахъ Тифлиса.

Подхожу къ одному изъ такихъ мерцающихъ огней и вижу толпу не только мальчишекъ, но и взрослыхъ, изъ коихъ одни прыгаютъ черезъ зажженныя щепки, солому, сѣно, тогда какъ другіе съ крикомъ бѣгаютъ вокругъ съ зажженными пучками соломы. Узнаю, что такой пляской черезъ огонь изгоняется нечистый или злой духъ. И въ русскомъ простонародьи существуетъ обычай, остатокъ язычества, — скакать черезъ огонь въ день Ивана Купалы. Это меня такъ заняло, что вмѣсто божественной службы, я проходилъ по разнымъ направленіямъ Тифлиса, и истомленный возвратился домой. Но не успѣлъ я войти въ залу, какъ меня встрѣтилъ, по обыкновенію торопливо, мой сожитель.

— Васъ завтра въ десять часовъ требуетъ къ себѣ главнокомандующій,—проговорилъ онъ, подавая мнѣ форменную записку.

— Что̀ бы это значило? спросилъ я, читая записку.

— Безъ сомнѣнія, вамъ предстоитъ назначеніе или командировка,— отвѣчалъ Ходзько, едва не тыкая своимъ длиннымъ носомъ мнѣ въ щеку.

На другой день въ назначенный часъ я былъ въ пріемной главнокомандующаго. Кромѣ двухъ дежурныхъ адъютантовъ, здѣсь находились комендантъ и полиціймейстеръ. Черезъ нѣсколько минутъ явился исправляющій должность начальника главнаго штаба Индреніусъ, за которымъ внесено было два огромныхъ портфеля и нѣсколько сложенныхъ и свернутыхъ въ трубки картъ и плановъ, и къ которому я обратился съ естественнымъ вопросомъ, меня интересующимъ: зачѣмъ я потребованъ?

— Положительно не знаю, но кажется, вамъ поручается лѣвый флангъ Лезгинской линіи,—отвѣчалъ шопотомъ и таинственно Борисъ Еммануиловичъ, поспѣшая отойти отъ меня и становясь возлѣ дверей кабинета.

Что-за назначеніе; Лезгинская линія вовсе мнѣ неизвѣстна, подумалъ я. Хотѣлъ снова заговорить съ начальникомъ штаба; да увидѣвъ его задумчивость и озабоченность, не рѣшился безпокоить, чтобы не прервать можетъ быть дѣйствительно серьезнаго размышленія по какому-нибудь важному предмету.

Въ огромномъ домѣ тишина, точно злой духъ, поселившійся въ немъ, налагаетъ на уста являющихся и прислуживающихъ въ этомъ домѣ

печать безмолвія и лишаетъ ихъ способности сознанія собственнаго достоинства. Странно мнѣ показалось, когда я припомнилъ и сравнилъ тотъ шумъ, суету и свободу въ дѣйствіяхъ, которые царили въ этомъ домѣ при князѣ Воронцовѣ, съ настоящимъ боязливымъ безмолвіемъ и напряженнымъ порядкомъ. Вѣдь власть одна и та же, только лица измѣнились.

Прошло около четверти часа въ такомъ напряженномъ ожиданіи. Наконецъ половина двери растворилась, и вышелъ нашъ грозный главнокомандующій съ закинутыми назадъ руками. Принявъ рапорты отъ коменданта и полиціймейстера, онъ подошелъ ко мнѣ и, остановясь шагахъ въ двухъ, окинулъ меня безмолвнымъ взглядомъ, какъ провинившагося.

— Я васъ назначаю командующимъ войсками на лѣвомъ флангѣ Лезгинской линіи.

Безмолвный и спокойный поклонъ былъ моимъ отвѣтомъ.

— Надѣюсь, что у васъ тамъ будетъ порядокъ и не повторится разгромъ Кахетіи, бывшій въ прошломъ году.

— Употреблю всѣ мѣры къ предупрежденію такого несчастія.

— Чѣмъ скорѣе отправитесь къ мѣсту вашего назначенія, тѣмъ лучше.

— Постараюсь безъ замедленія исполнить ваше приказаніе.

— Вы подчиняетесь съ княземъ Меликовымъ тифлисскому губернатору, князю Андроникову. — Генералу дать предписаніе, прибавилъ онъ, обращаясь въ полъоборота къ начальнику штаба, бывшему во все это время истуканомъ. — Прощайте и будьте здоровы, добавилъ онъ, кивнувъ слегка головою и повернувшись отрывисто въ ту сторону, гдѣ стоялъ генералъ Индреніусъ.

Отъ главнокомандующаго я отправился къ князю Андроникову съ стѣсненнымъ сердцемъ какъ отъ долгаго ожиданія и тяжелаго пріема, такъ и отъ того, что мнѣ приходилось ѣхать въ незнакомый край. Но какъ я былъ оптимистъ, а пожалуй и фаталистъ, то и приписалъ все это судьбѣ. Заставши же дома князя Ивана Малхазовича (такъ звали Андроникова) и переговоривъ съ нимъ, о чемъ нужно, я былъ совершенно доволенъ, что мое представленіе кончилось въ одинъ пріемъ.

— Ну что, зачѣмъ васъ требовалъ главнокомандующій, спросилъ меня съ видимымъ нетерпѣніемъ Осипъ Ивановичъ, встрѣчая меня на порогѣ.

— Чтобы объявить, что я назначаюсь на Лезгинскую линію, куда и ѣду завтра,—отвѣчалъ я неопредѣленно.

— Неужели на мѣсто князя Меликова? — спросилъ меня изумленно мой сожитель.

— Нѣтъ, князь Меликовъ остается начальникомъ праваго фланга,

а я назначаюсь командующимъ войсками на лѣвый флангъ Лезгинской линіи. Общее же начальство надъ этой линіей отъ Нухи до Арагвы ввѣряется побѣдителю подъ Ахалцыхомъ и на Чолокѣ, князю Ивану Малхазовичу, отвѣчалъ я.

— И вы непремѣнно ѣдете завтра? спросилъ меня Осипъ Ивановичъ.

— Положительно, отвѣчалъ я, переодѣваясь изъ парадной формы въ обыкновенную. Сначала заѣду закупить необходимыя мнѣ вещи, а потомъ откланяюсь добрымъ моимъ знакомымъ,—прибавилъ я.

— А что скажетъ Марья Ивановна, если вы уѣдете передъ праздникомъ,—сказалъ вкрадчиво Осипъ Ивановичъ.

— Она, какъ благоразумная женщина, желающая мнѣ добра, вполнѣ одобритъ это мое намѣреніе, какъ согласное съ требованіемъ служебныхъ обязанностей,—отвѣчалъ я уходя.

Въ предписаніи главнокомандующаго, между прочимъ, упоминалось, что Лезгинская линія для лучшаго и удобнаго управленія ею раздѣляется на двѣ части: Джаро-Бѣлоканскій округъ съ Нухинскимъ уѣздомъ и предгоріями ввѣряется управленію князя Меликова; Телавскій же уѣздъ съ Тушетіей, Пшавіей и Хевсуріей поручаются моему вѣдѣнію. Общимъ же начальникомъ надъ всей Лезгинской линіей отъ Нухи до Арагвы назначается генералъ-лейтенантъ князь Андрониковъ, отъ котораго я и князь Меликовъ должны получить подробныя инструкціи относительно управленія ввѣряемымъ намъ пространствомъ. При этомъ въ предписаніи оговаривалось: что во избѣжаніе повторенія погрома, случившагося съ Кахетіей въ 1854 году, вмѣнялось въ непремѣнное правило держать войска сосредоточенно, дабы можно было дать отпоръ вторгающемуся непріятелю; жителей же заставить исполнять во всей точности отдаваемыя приказанія и дѣлаемыя распоряженія.

Такое строгое предписаніе хотя имѣло свое основаніе, но только въ точности оно не могло быть исполнено. Чтобы выяснить, необходимо обратиться къ обзору Лезгинской линіи, племенамъ, живущимъ въ горахъ, такъ сказать, нависшихъ надъ этой линіей, и нашествію Шамиля на Кахетію въ прошломъ году.

IV.

Лезгинская кордонная линія.

Подъ Лезгинской кордонной линіей, принимая ее въ тѣсномъ смыслѣ, подразумѣвались укрѣпленія и посты, съ находящимися въ нихъ

войсками, расположенные у подножія главнаго Кавказскаго хребта для защиты Нухинскаго уѣзда, Джаро-Бѣлоканскаго округа, Кахетіи и Тушино-Пшаво-Хевсурскаго округа, отъ нападеній непріязненныхъ намъ горскихъ племенъ. Но какъ хищническіе набѣги и нападенія горцевъ производились и за Алазань, а потому періодически подчинялись начальнику Лезгинской линіи и части Телавскаго и Сингахскаго уѣздовъ, находящіяся по правую сторону Алазани, какъ это было сдѣлано и въ описываемое мною время.

На Лезгинской линіи, кромѣ многихъ постовъ, находились укрѣпленія: Закаталы, Бѣлоканы, Лагодехи, Каратубань, Сапхенисы, Кварели и Натлисъ-Мцемели, построенныя у подошвы главнаго хребта, содержащіеся въ которыхъ подвижные небольшіе резервы обязаны были поспѣшать въ тѣ мѣста, гдѣ появлялся непріятель. Сверхъ того находились въ самыхъ горахъ укрѣпленные пункты, какъ напримѣръ: Месельдигеръ, Похалисъ-тавская, Шаугорская, Кипручебская и Кодорская башни, имѣвшія цѣлію наблюдать за непріятелемъ и извѣщать о его появленіи. Эти наблюдательные и извѣщательные посты были постоянные, то-есть въ нихъ находился небольшой караулъ и лѣтомъ, и зимою.

Независимо этого, съ апрѣля по октябрь или ноябрь, на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ располагались лѣтніе посты, имѣвшіе одну цѣль съ постоянными постами. Содержаніе наблюдательныхъ и извѣщательныхъ карауловъ на этихъ послѣднихъ постахъ лежало на обязанности Тифлисской дружины, составленной изъ добровольно служащихъ въ ней грузинъ, имеретинъ, и мингрельцевъ. Получаемое милиціонерами этой дружины жалованье, продовольствіе, одежда и оружіе производились не отъ казны, а на счетъ земскихъ сборовъ Тифлисской губерніи.

Несмотря на такое множество охранныхъ пунктовъ, безнаказанныя хищничества, заключавшіяся въ плѣненіи одиночныхъ жителей, въ угонѣ нѣсколькихъ штукъ скота и тому подобныхъ происшествіяхъ, были на Лезгинской линіи довольно часты. Это происходило сколько отъ безпечности и неосторожности самихъ жителей, столько отъ слишкомъ закрытой и пересѣченной мѣстности и искусства въ хищничествѣ и воровствѣ горцевъ.

Крутыя покатости главнаго Кавказскаго хребта, къ которымъ на протяженіи болѣе 250 верстъ примыкаютъ Тушетія, Кахетія и Джаро-Бѣлоканскій округъ, достигая вершинами своими до 14 т. футовъ высоты, изрѣзаны глубокими пропастями, по которымъ низвергаются въ Алазань стремительные потоки, и покрыты густымъ строевымъ лѣсомъ. Сколь труденъ надзоръ за такой мѣстностію, столь удобно укрывательство на ней такихъ искусныхъ воровъ и хищниковъ, какъ дидойцы,

анцухцы, капучинцы, анкрательцы и другіе горскіе сосѣди Лезгинской линіи.

До начала настоящаго столѣтія, для удалыхъ набѣговъ лезгинъ не было предѣловъ, потому что не было силы, могущей наказывать ихъ и препятствовать имъ совершать грабежи и насилія. Сами грузины не могли противиться такимъ набѣгамъ лезгинъ, по совершенному изнеможенію и истощенію своихъ силъ, потрясенныхъ персіанами и турками, поочередно глумившимися надъ христіанствомъ. Поэтому лезгины не только произвольно хозяйничали и безчинствовали въ Кахетіи, но, безнаказанно переплывая Алазань и Іору, являлись подъ Тифлисомъ, гдѣ грабили, унижали и оскорбляли окрестныхъ жителей христіанъ.

Съ появленіемъ же русскихъ войскъ за Кавказомъ и послѣ пораженій, нанесенныхъ лезгинамъ генераломъ Гуляковымъ, они должны были отказаться отъ своихъ открытыхъ и безнаказанныхъ набѣговъ. Но какъ не одна страсть къ грабежу, а скорѣе нужда заставляла ихъ добывать себѣ существованіе съ опасностію жизни, то вмѣсто открытыхъ набѣговъ начались безконечныя хищничества и воровства.

Прокрасться невидимкой между наблюдательными постами, просидѣть въ лѣсу или въ пещерѣ нѣсколько сутокъ, пока представится удобный случай, напасть на проѣзжающаго, убить или захватить его со всѣмъ имуществомъ и увлечь въ плѣнъ, угнать нѣсколько штукъ скота или лошадей,—доведено было у этихъ народцевъ до большаго искусства.

Изъ всѣхъ этихъ народовъ, хищнически прокрадывавшихся на Лезгинскую линію, злѣйшими ворами считались дидойцы и капучинцы, бывшіе ближайшими сосѣдями безпечныхъ кахетинцевъ. Какъ нарочно богатыя селенія Кахетіи: Лялискури, Пшавели, Гремы, Сабуи, Ениселн, Шильды и Кварели, находились противъ тѣхъ ущелій, по которымъ горцамъ удобнѣе было проходить, и раскинуты были у подножія тѣхъ лѣсистыхъ горъ, въ которыхъ они удобно могли укрываться и производить изъ нихъ свои хищничества.

Хотя Джаро-Бѣлоканскій округъ и Нухинскій уѣздъ, относительно мѣстности, находились въ одинаково невыгодномъ положеніи съ Кахетіей, но джурмутцы, анцухцы, елусуйцы и другіе были менѣе искусные хищники. Притомъ эти горцы, будучи одновѣрцами съ джарцами и нухинцами, старались жить съ ними въ согласіи, а находясь въ стачкѣ съ ними, легче могли производить хищничества подъ нашими укрѣпленіями и даже въ селеніяхъ Сигнахскаго уѣзда.

Изъ этого оказывается, какъ трудно было вовсе оберечь Лезгинскую линію, а въ особенности Кахетію отъ хищничествъ горцевъ. Нуженъ былъ неусыпный бдительный надзоръ самыхъ дальныхъ сторожевыхъ постовъ, состоящій не въ томъ только, чтобы сторожить проходы и

наблюдать за всѣми тропинками, но доходить по слѣду до тѣхъ мѣстъ, гдѣ скрываются хищники. Нужно было, чтобы и жители были осторожны: ходили не иначе, какъ при оружіи, не ѣздили бы по ночамъ, скотъ свой пасли бы подалѣе отъ горъ, въ лѣсъ не отправлялись бы поодиночкѣ. Но этого не исполнялось какъ со стороны сторожевыхъ постовъ, такъ и со стороны жителей.

Безпечность жителей была такъ велика, что они не принимали надлежащихъ мѣръ предосторожности даже тогда, когда получались предостереженія отъ кордоннаго начальства о спускѣ съ горъ непріятеля въ значительномъ числѣ. Безъ сомнѣнія, этому виною было и мѣстное начальство, по беззаботности не обращавшее на это вниманія и не требовавшее строгаго исполненія, потому что и само большею частію принадлежало къ туземному населенію.

Такъ въ 1854 году, во время нашествія Шамиля на Кахетію, одинъ изъ туземныхъ князей, будучи командующимъ войсками на лѣвомъ флангѣ Лезгинской линіи, сначала по своей безпечности и лѣни дозволилъ непріятелю безнаказанно спуститься съ горъ, а потомъ, когда узналъ о разграбленіи Шильдъ и другихъ кахетинскихъ селеній, растерялся дотого, что не умѣлъ преградить путь отступленія непріятелю, торжественно возвращавшемуся въ горы съ награбленнымъ имуществомъ и плѣнницами, за которыхъ Шамиль получилъ богатый выкупъ.

Это тѣмъ болѣе непростительно, что вторженіе Шамиля въ Кахетію не было неожиданностію для насъ. О сборѣ непріятеля въ горахъ было извѣстно заблаговременно, а по свѣдѣніямъ и соображеніямъ нужно было предполагать, что его нападенію подвергнется скорѣй всего Лезгинская линія.

Князь же Меликовъ, руководствуясь при томъ еще и тѣмъ соображеніемъ, что Шамиль, спустившись въ Джаро-Бѣлоканскій округъ и опираясь на сочувствующее ему тамошнее населеніе, могъ поднять и прочихъ мусульманъ, находящихся за Кавказомъ, и тѣмъ оказать содѣйствіе туркамъ, стянулъ большую часть подвѣдомственныхъ ему войскъ къ Закаталамъ. По этой причинѣ скорая помощь войсками не могла быть подана Кахетіи, а потому тѣмъ болѣе строгая осторожность должна была соблюдаться между кахетинцами, и необходимо было сдѣлать заблаговременныя распоряженія къ оборонѣ со стороны самихъ жителей, въ случаѣ появленія непріятеля. Но все это было упущено изъ виду, и даже не были назначены сборные пункты для жителей въ случаѣ нападенія.

Безпечность жителей и начальства была столь непростительна и велика, что не было обращено вниманія на свѣдѣнія, доставленныя съ передовыхъ постовъ, о появленіи непріятеля въ большомъ числѣ на ближайшемъ хребтѣ. Не проявилось энергіи и дѣятельности даже въ то

время, когда огромныя его массы начали спускаться съ Пахалисъ-Тави къ Шильдамъ, какъ будто бы злой духъ, покровительствующій замысламъ Шамиля, отуманилъ взоры кахетинцевъ. Они очнулись только тогда, когда Шильды, Сабуи и Енисели были въ огнѣ, а Хаджи-Муратъ съ конными мюридами на правой сторонѣ Алазани грабилъ Цинондалы.

Но и въ это время было еще не поздно, если бы дѣйствовать дружно, сосредоточенно. Вмѣсто того чтобы конной милиціи, бросившейся по частямъ защищать подверженныя нападенію непріятеля деревни, дѣйствовать совокупно съ двумя ротами Тифлисскаго полка, то можетъ быть Шамилю не удалось бы уйти въ горы съ такимъ торжествомъ и съ такой огромной и богатой добычей.

Изъ этого оказывается, что на Лезгинскую линію нельзя было не обратить особенное вниманіе. Грѣшно было подвергнуть Кахетію вторичному погрому, что̀ при беззаботности жителей и слабомъ управленіи ими легко могло повториться, тѣмъ болѣе, что непріятель, зная доступъ въ нее, былъ обольщенъ богатой добычей.

Опасно было появленіе Шамиля въ Джаро-Бѣлоканскомъ округѣ, потому что отъ малѣйшаго его тамъ успѣха зависѣло возстаніе всего закавказскаго мусульманскаго населенія, что̀ могло весьма гибельно отразиться на наши военныя дѣйствія въ Азіатской Турціи. Поэтому необходимо было по возможности охранить Лезгинскую линію не только войсками, но и дать ей возможно-лучшее военно-административное управленіе.

Раздѣленіе ея на двѣ части было необходимо, какъ по огромности протяженія, такъ и разнородности населенія; но для единства въ управленіи необходимо было оба фланга подчинить одному лицу, который кромѣ направленія административныхъ распоряженій къ одной общей цѣли, имѣя подъ рукой подвижной резервъ, могъ бы направлять его по своему усмотрѣнію въ ту сторону, куда это по обстоятельствамъ окажется нужнымъ.

Руководствуясь этими соображеніями, правый флангъ Лезгинской линіи отъ Нухи до Лагодехъ, на которомъ находилось пять баталіоновъ, Донской полкъ и восемь орудій, былъ оставленъ по-прежнему подъ начальствомъ князя Меликова. Лѣвый флангъ Лезгинской линіи, начиная отъ Лагодехъ (включая и это укрѣпленіе) до Алазани, на которомъ находилось четыре баталіона, двѣ пѣшихъ дружины, Донской полкъ, двѣ сотни конной милиціи при восьми подвижныхъ орудіяхъ, былъ порученъ моему начальству. Общее начальство надъ всею Лезгинской линіей было ввѣрено князю Андроникову, и въ его непосредственномъ распоряженіи, имѣвшемъ свое пребываніе въ Царскихъ Колодцахъ, находилось: дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ, три сотни казаковъ и

четыре орудія донской № 7 батареи подъ начальствомъ полковника Тихоцкаго. Эти войска, составляя подвижной резервъ, для лѣваго фланга не могли быть особенно полезны по своей отдаленности. Царскіе Колодцы отстояли отъ самаго ближайшаго пункта Лагодехъ на семьдесятъ верстъ, Тушетія же была удалена болѣе, чѣмъ на двѣсти верстъ.

Но не въ этомъ одномъ заключалось избавленіе Кахетіи отъ повторенія разгрома ея Шамилемъ. Необходимо было заставить жителей быть болѣе осторожными и чтобы они исполняли съ большею точностію требованія начальства, относящіяся до ихъ безопасности. Главное требованіе заключалось въ томъ, чтобы сборными пунктами для каждаго селенія избраны были такія укрѣпленныя мѣста, въ которыхъ во время вторженія непріятеля могли бы укрываться жены и дѣти съ имуществомъ, что́ совершенно необходимо было по разбросанному и беззащитному расположенію жилищъ, окруженныхъ если не лѣсомъ, то высокими и густыми виноградниками, а также орѣховыми, каштановыми и фруктовыми деревьями. Необходимо было также убѣдить кахетинцевъ, чтобы они изъ своихъ домовъ выходили не иначе, какъ при оружіи; чтобы обработка садовъ и полей производилась одновременно цѣлыми деревнями, чтобы пастьба лошадей, скота и барановъ производилась общими табунами и стадами подъ прикрытіемъ вооруженныхъ жителей и по возможности далѣе отъ лѣса; чтобы съ сумерками прекращалась ѣзда по дорогамъ, а застигнутые темнотой останавливались на ночлегъ возлѣ постовъ.

Достиженіе такихъ требованій, хотя стѣснительныхъ для жителей, но столь необходимыхъ и полезныхъ для края, было сопряжено съ большими затрудненіями, и нужно было употреблять строгія мѣры. Этого тѣмъ затруднительнѣе было достигнуть, что князья и владѣльцы, по врожденной безпечности, также не сочувствовали такимъ требованіямъ, несмотря на то, что они горькимъ опытомъ прошлаго года были убѣждены въ необходимости такихъ строгихъ мѣръ.

Если же читатель пожелаетъ подробнѣе ознакомиться съ Кахетіей и ея обитателями, то я попрошу его отправиться со мною въ Кварели, откуда и совершимъ путешествіе не только по Кахетіи, но и заглянемъ въ Тушетію.

V.

Отъ Тифлиса до Кварели.

Въ Великую Субботу я выѣхалъ изъ Тифлиса. Почтовый трактъ до Сигнаха пролегаетъ черезъ Лачины—бывшее имѣніе барона Николаи,

а теперь принадлежащее тифлисскому Ротшильду Мирзоеву, богатую и хорошо обстроенную нѣмецкую колонію Фриденталь и селеніе Муганлы на Іорѣ, гдѣ въ сороковыхъ годахъ случилось слѣдующее прекурьезное происшествіе.

Была отправлена по почтѣ сумма въ нѣсколько десятковъ тысячъ, кажется, казенная, и въ то время, когда почтовая телѣга, на которой везлись эти деньги, переѣзжала черезъ одну изъ канавъ, проведенныхъ изъ Іоры, мостъ обрушился, и опрокинутая телѣга попала въ воду. Не помню, что случилось съ почталіономъ, ямщикомъ и лошадьми, но только знаю, что чемодана съ деньгами не было отыскано, несмотря на то, что конвойные казаки немедленно дали знать ближайшему начальству и что наѣхали и участковый засѣдатель, и исправникъ, и смотритель, и почтмейстеръ. Начались розыски и слѣдствіе, но чемодана не отыскали; онъ, по пословицѣ, дѣйствительно канулъ въ воду.

Молва подозрѣвала въ такомъ таинственномъ исчезновеніи чемодана одного князя, ближайшаго сосѣда по имѣнію къ мѣсту происшествія, того лихаго наѣздника, который командовалъ въ сраженіи подъ Кюрюкъ-дара мусульманской бригадой. Но молва осталась юридически недоказанною.

Уѣздный городъ Сигнахъ, отстоящій отъ Тифлиса въ семидесяти верстахъ, построенъ на весьма пересѣченной и изрытой глубокими оврагами мѣстности. Въ немъ много садовъ, и окрестности живописны, но нѣтъ строеній, обращающихъ на себя вниманіе; улицы кривы и во время дождя непроходимо грязны. Спускъ къ Алазани, отстоящей отъ города на десятокъ верстъ, крутъ и каменистъ.

Отъ Сигнаха до Телава почтовая дорога пролегаетъ вдоль Алазани. Но я, не проѣхавъ и половины дороги, переправился чрезъ Алазань у селенія Кумлисцихи и направился въ укрѣпленіе Сацхенисы, гдѣ и встрѣтилъ Воскресеніе Христово у командира линейнаго баталіона, полковника фонъ-Кульмана, моего знакомаго еще съ 1844 года, когда онъ служилъ въ Куринскомъ полку, во время моего пребыванія въ первый разъ въ Грозной.

Не буду говорить о пріемѣ, въ которомъ, съ почетомъ, присвоеннымъ начальнику, было соединено радушіе и привѣтствіе стараго знакомаго, но обращусь къ укрѣпленію, находящемуся возлѣ него селенію Гавазамъ и живущимъ между укрѣпленіемъ и селеніемъ капучинцамъ.

Сацхенисы было небольшое каменное, на двѣ роты и четыре орудія, чистенькое, но не вполнѣ отстроенное укрѣпленіе, съ такимъ же небольшимъ форштадтомъ, заселеннымъ женатыми нижними чинами и другими разночинцами. Это укрѣпленіе, построенное у подошвы главнаго хребта, находилось на р. Сацхенисъ, весьма бурливой и опасной во время дождей и таянія снѣга въ горахъ, и совершенно ничтожной въ другое

время года, которыми свойствами отличались и всѣ остальные потоки, изливающіеся съ горъ въ Алазань.

Въ верстѣ съ небольшимъ отъ укрѣпленія находилось уродливое поселеніе Гавазы, основанное по проекту князя Ивана Малхазовича Андроникова. Оно было уродливо по первоначальному плану и созданію своему. Это поселеніе должно было составиться изъ трехсотъ грузинскихъ семействъ, добровольно туда выселившихся изъ Тифлисской губерніи, надѣленныхъ, кромѣ льготъ и денежныхъ пособій, большими усадьбами и землею. Поэтому было занято собственно подъ поселеніе пространство, если не ошибаюсь, въ полторы квадратныхъ версты, которое и обнесено было саженнымъ частоколомъ.

Много было употреблено человѣческихъ рукъ и подводъ на вырубку, перевозку и установку этого громаднаго, въ окружности 5—6 верстъ, частокола; но предполагаемая польза отъ этого поселенія не была достигнута въ самомъ началѣ, потому что оно не было заселено и въ половину противъ того, какъ предполагалось. Отъ этого при широкихъ улицахъ и при большихъ площадяхъ образовались огромные пустыри; частоколъ началъ подгнивать, валиться, и некому было поддерживать эту ограду противъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ не было жителей. Слѣдовательно, огромная ограда обратилась не въ пользу, а въ бремя для тѣхъ жителей, которые уже жили въ Гавазскомъ поселеніи.

Почти на серединѣ разстоянія между укрѣпленіемъ и Гавазами, жили капучинцы, выселившіеся изъ горъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Не помню, сколько ихъ было, но, судя по ихъ небольшимъ, покрытымъ дранью лачужкамъ, оборванной одеждѣ, истощеннымъ лицамъ, нужно было полагать, что они не думали улучшить свой бытъ и жили въ той же нищетѣ, какъ и въ горахъ. Лѣнь и праздность не оставляли ихъ и теперь, и если бы не отпускаемый имъ провіантъ и не строгій надзоръ надъ ними, то они, живя и въ нашихъ предѣлахъ, добывали бы себѣ пропитаніе хищничествомъ и воровствомъ.

На другой день Воскресенія Христова я отправился въ Лагодехи. Дорога пролегала черезъ красивый Картубанскій постъ, занятый полусотней Тифлисской дружины и командой казаковъ, и Угильтехильскую высоту, обильную случавшимися на ней частыми происшествіями, какъ на мѣстности, способной къ укрывательству хищниковъ.

Лагодехи хотя было обширнѣе, но хуже Сахценисъ. Строющіяся въ немъ казармы были не окончены, прежде же существовавшія строенія были ветхи. Небольшое поселеніе, состоящее изъ разночинцевъ, тоже не пользовалось довольствомъ, потому что полевыя работы, пастьба скота, доставка лѣса и дровъ должны были совершаться съ воинскою предосторожностію, чтобы не попасть въ руки горцевъ, или не потерять своей скотины. Зато будетъ приволье въ Лагодехахъ, когда уми-

ротворится край. По причинѣ громадныхъ горъ, нависшихъ надъ укрѣпленіемъ, съ которыхъ во время знойнаго лѣта навѣвается прохлада, а зимою защищающихъ отъ холодныхъ вѣтровъ, воздухъ пріятенъ и здоровъ. Кромѣ того,—изобиліе въ строевомъ лѣсѣ, наполненномъ разнаго рода звѣрями и птицами, въ обширныхъ пастбищахъ, покрытыхъ душистою и высокою травою, въ чистой водѣ, богатой вкусной форелью.

Осмотрѣвъ 2-й баталіонъ Тифлисскаго полка и команду казаковъ, и сытно отобѣдавъ у полковника Кононовича, того самаго кривоглазаго великана, который вскорѣ за тѣмъ былъ назначенъ командиромъ Ширванскаго полка, я возвратился къ вечеру въ Сацхенисъ. Моціонъ былъ хорошъ, потому что, кромѣ хожденія пѣшкомъ въ Картубани и Лагодехахъ, я проѣхалъ болѣе семидесяти верстъ верхомъ; зато и сонъ былъ богатырскій.

Переѣздъ изъ Сацхениса въ укрѣпленіе Кварели, мѣстопребываніе командующаго войсками лѣваго фланга Лезгинской линіи, былъ совершенъ мною съ большими затрудненіями по случаю сильнаго разлитія рѣки, здѣсь протекающей, которая въ обыкновенное время не составляетъ никакого препятствія. Почти всѣ улицы, сады и дворы селенія Кварели, самаго огромнаго во всей Кахетіи, были подъ водою. Во многихъ мѣстахъ она стремилась и прорывалась съ особенной силой и производила разныя поврежденія въ домахъ, хотя большею частію каменныхъ, но весьма некрасивой и непрочной постройки.

Кварельское укрѣпленіе, находящееся впереди селенія на ружейный выстрѣлъ, было окружено съ трехъ сторонъ лѣсистыми горами, отстоящими отъ него въ недальнемъ разстояніи и съ которыхъ вся внутренность была видна, какъ на ладони. Къ такому невыгодному расположенію этого укрѣпленія нужно добавить, что каменная ограда и батареи для четырехъ орудій не были окончены, казармъ вовсе не имѣлось, а госпиталь, домъ командующаго войсками и другія немногія постройки находились въ самомъ дурномъ состояніи.

Это произошло отъ того, что старое, во всѣхъ отношеніяхъ негодное укрѣпленіе, въ видахъ экономическихъ, хотѣли обновить, замѣнивъ палисадъ каменной оградой и исправивъ нѣкоторыя зданія; на дѣлѣ же вышло, что денегъ и рабочихъ рукъ затрачено было немало, а пользы никакой, потому что само укрѣпленіе было не на мѣстѣ. Извольте видѣть, жаль было бросить старое укрѣпленіе съ ветхими строеніями, тогда какъ на затраченныя деньги для исправленія его можно было выстроить новое на болѣе удобномъ мѣстѣ. Грустно было смотрѣть на подобнаго рода распоряженія, но не время было исправлять ихъ.

Домъ, въ которомъ мнѣ пришлось прожить большую часть года, былъ ветхъ, какъ и другія строенія въ укрѣпленіи, и безъ мебели. Подъ одной крышей со мною помѣщался полковникъ князь Кобуловъ, чело-

вѣкъ добрый, скромный и знающій хорошо Лезгинскую линію, которую онъ и обязанъ былъ знать въ подробности, какъ начальникъ пѣшей Тифлисской дружины, занимающей передовые извѣщательные посты въ горахъ. По этой причинѣ князь Кобуловъ былъ для меня очень полезнымъ помощникомъ, и я черезъ нѣсколько дней отправился вмѣстѣ съ нимъ знакомиться съ Кахетіей и Тушетіей. Но какъ я имѣлъ въ виду указать жителямъ сборные пункты для ихъ семействъ и имущества, въ случаѣ появленія непріятеля въ большомъ числѣ, а равно объявить имъ о мѣрахъ предосторожности, необходимыхъ для ихъ безопасности, а потому въ назначенные дни и даже часы, согласно заблаговременно разосланному маршруту, должны были быть въ сборѣ всѣ жители и ждать моего пріѣзда.

VI.

Кахетія и Тушетія.

На коня, уважаемый читатель, и въ сопровожденіи князя Кобулова, съ десяткомъ казаковъ и милиціонеровъ въ трое сутокъ объѣдемъ Кахетію и заглянемъ въ Тушетію.

Отъ Кварели до Шильдъ по почтовой, колесной, довольно ровной и пролегающей у подножія горъ дорогѣ, считается восемнадцать верстъ. Не доѣзжая версты до селенія находится возвышенность, на которой, если бы капитанъ Хитрово, расположенный съ двумя тифлисскими ротами при двухъ орудіяхъ, дѣйствовалъ рѣшительнѣе, и если бы конная милиція содѣйствовала своими атаками пѣхотѣ, то непріятель не прошелъ ты безнаказанно съ добычей и плѣнницами, захваченными въ Цинондалахъ.

Красивое селеніе Шильды, расположенное на лѣвомъ берегу рѣки того же имени, еще не обстроилось послѣ прошлогодняго пожара и разрушеній, произведенныхъ непріятелемъ. Въ роскошныхъ садахъ видны были тѣ мѣста, гдѣ стояла бивуакомъ Шамилева кавалерія, по спускѣ съ Похалисъ-Тави. Такъ какъ осмотръ этого пути непріятельскаго вторженія и сожженной имъ башни, караулъ которой, состоящій изъ одного офицера и 18 милиціонеровъ, сдался плѣннымъ, входилъ въ мой маршрутъ, то я и отправился по горной дорогѣ.

День былъ ясный и довольно жаркій, а потому крутой подъемъ съ частыми глубокими оврагами былъ утомителенъ; но прекрасный видъ на живописную долину Алазани вознаградилъ мой трудъ. Послѣ небольшаго отдыха, подкрѣпленнаго походной закуской, и осмотра исправлен-

ной и вновь занятой карауломъ Похалисъ-тавской башни, я отправился въ обратный путь и черезъ Шильды прибылъ на ночлегъ въ Сабуи къ князю Іосифу Джорджадзе,—селеніе, тоже отчасти пострадавшее въ прошломъ году, какъ слишкомъ выдающееся въ Кодарское ущелье.

Около шести часовъ я выѣхалъ изъ Сабуй для осмотра укрѣпленія Натлисъ-Мцемели и Кодорской башни, давъ слово князю Джорджадзе заѣхать къ нему на возвратномъ пути съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Гремы и Енисели, гдѣ жили его братья. Путь лежалъ вверхъ по лѣсистому ущелью, по которому протекала ревущая и пѣнящаяся Кодора, и по дорогѣ, дотого хорошо разработанной, что можно было ѣхать въ экипажѣ. Разработка этой дороги началась съ 1845 г., одновременно съ устройствомъ Натлисъ-Мцемели и Кодорской башни, и стоила большихъ трудовъ и усилій для преодолѣнія тѣхъ препятствій, которыя представляли рѣка, скалы и обвалы.

Небольшое укрѣпленіе Натлисъ-Мцемели, названное такъ по имени древняго храма, на мѣстѣ котораго оно построено, находилось въ столь узкомъ пространствѣ ущелья, что совершенно баррикадировало проходъ и сообщеніе производилось подъ аркой, высѣченной въ скалѣ. Натлисъ-Мцемели находилось въ шести верстахъ отъ Сабуевъ и въ восьми— отъ подошвы песчано-каменистой горы, на которой возвышалась Кодорская башня и куда вилась узкая, состоящая болѣе, чѣмъ изъ двадцати зигзаговъ, дорога.

Съ Кодорской высоты, если смотрѣть впередъ, кромѣ отдаленныхъ снѣжныхъ и обнаженныхъ или ближайшихъ лѣсистыхъ горъ, ничего не видно. Зато живописная картина представится, если повернуть къ тому ущелью, по которому ѣхали. Передъ вами и долина Алазани съ множествомъ деревень, утопающихъ въ садахъ, и Аллавердскій монастырь, и Телавъ. Видны даже Гомборы, штабъ-квартира гренадерскаго стрѣлковаго батальона.

Смотря на Кахетію съ такого отдаленія, невольно забываешь всѣ невзгоды, на ней существующія: и горцевъ, ее тревожащихъ, и страшныя лихорадки, гнѣздящіяся въ болотахъ Алазани, и даже невкусно, грязно поданныя яства, и безпокойныя ночи, проведенныя на тахтѣ. Кахетія издали рисуется въ вашемъ воображеніи какимъ-то роскошнымъ садомъ. Пожалуй, пламенное воображеніе поэта сравнитъ ее съ раемъ Магомета или съ волшебными садами Черномора. Пожалуй, небольшой и большеголовый дидоецъ, прокрадывающійся на хищничество, будетъ принятъ за Черномора, а ловко и быстро скачущій грузинъ, если не за Руслана, то за Фарлафа, черноокая же кахетинка — за гурію.

Возвратившись съ Кодора и побывавъ въ Гремахъ и Eнисеняхъ у князей Джорджадзе, гдѣ также назначены были сборныя мѣста для жи-

телей, я отправился далѣе. Путь въ Пшавели лежалъ черезъ селеніе Накалакеви, гдѣ была переправа черезъ широко разлившуюся рѣку и Шакріаны. Мѣстность на этомъ двадцати-пяти-верстномъ разстояніи была покрыта полями, засѣянными разнымъ хлѣбомъ, преимущественно же пшеницей. Самыя же селенія были окружены огромными садами и виноградниками.

Въ Пшавеляхъ я остановился у командира 3-го батальона Тифлисскаго полка, полковника Карганова, который съ своимъ батальономъ зимовалъ въ этомъ и окрестныхъ селеніяхъ. Это былъ тотъ самый Каргановъ, который, съ ротой кавказскаго сапернаго батальона, храбро защищался подъ Ричой въ Дагестанѣ въ 1842 году противъ огромнаго непріятеля, который, въ чинѣ генерала, былъ командующимъ войсками въ Абхазіи, а потомъ, по выходѣ въ отставку, жилъ въ Сальянахъ и занимался соленіемъ рыбы и приготовленіемъ балыковъ и икры. Онъ армянинъ по происхожденію и, если не ошибаюсь, то сынъ того Карганова, который извѣстенъ былъ при Ермоловѣ подъ именемъ Ваньки Каина, и, касательно пріобрѣтенія денегъ, шелъ по стопамъ своихъ родичей, не стѣсняясь средствами. Но нужно сказать, что Каргановъ заботился о пріобрѣтеніи денегъ не изъ скряжничества, которымъ надѣлены его соотчичи, а ради того, что любилъ пожить, поѣсть и поиграть въ карты.

Изъ Пшавель я сначала отправился вверхъ по Лопатѣ, тоже бывшей въ разливѣ, для осмотра Кипручебской и Шуагорской башень. По Лопатинскому ущелью, густо поросшему въ низменностяхъ орѣхомъ, каштаномъ, дубомъ, кленомъ, букомъ, ясенью, кизилемъ, боярышникомъ и дикимъ виноградникомъ, а въ верхнихъ частяхъ—березой, сосной и елью, пролегалъ одинъ изъ лучшихъ проходовъ изъ дидоевскаго общества.

Въ этомъ ущельи находились хорошія и въ достаточномъ количествѣ пастбища, столь рѣдкія въ Кахетіи по недостатку земли и каменистой почвѣ, на которыхъ паслись стада барановъ и рогатаго скота не только богатыхъ пшавельцевъ, но и другихъ селеній. А это служило немалой приманкой какъ для дидойцевъ, такъ и для другихъ хищныхъ сосѣдей. По этой причинѣ, въ скалахъ и пещерахъ, находящихся на Лопатѣ, и въ лѣсахъ, растущихъ по этой рѣкѣ, постоянно скрывались хищники, и чаще другихъ мѣстъ являлись партіи въ значительномъ числѣ.

Поэтому на Лопатинское ущелье я обратилъ особенное мое вниманіе, и впереди Пшавель, въ продолженіе всего лѣта, держалъ лагеремъ не менѣе двухъ ротъ со взводомъ горныхъ орудій; хотя я тѣмъ не исполнилъ въ точности предписанія главнокомандующаго, но не только не дозволилъ непріятелю ничѣмъ воспользоваться, а напротивъ того, онъ не разъ былъ наказанъ за свои хищническія покушенія.

Въ Тушетію путь лежалъ черезъ Лялискури, крайнее селеніе Кахетіи, окруженное водою по причинѣ сильнаго разлитія Стори. Чтобы доѣхать до Тіонетъ, гдѣ сосредоточивалось военное управленіе Тушетіей, нужно проѣхать въ нѣсколько верстъ длиною Алванское поле, главное покосное и пастбищное мѣсто, на которомъ, въ продолженіе почти всего года, пасутся огромныя стада барановъ и рогатаго скота.

Тушетія вмѣстѣ съ Пшаво Хевсуріей составляетъ страну, весьма гористую, даже сравнительно съ Кахетіей. Тушино-пшаво-хевсурскій округъ отдѣляютъ отъ Тифлисской губерніи Гудамакарское ущелье съ запада и Арагва — съ юга; гора же Барбало съ отраслями, входящая въ составъ главнаго Кавказскаго хребта, съ которой изливаются Алазань и Іора, отдѣляетъ этотъ округъ отъ Кистетіи или обществъ чеченскаго происхожденія.

Тушины, судя по языку и исповѣдуемой ими христіанской религіи, въ правилахъ которой они, правда, не вполнѣ тверды, суть грузины. Занимая весьма трудно доступную и легко охраняемую мѣстность, тушины не только не боялись своихъ хищныхъ сосѣдей, дидойцевъ и кистовъ, а напротивъ, по своей отчаянной храбрости, были всегда страшны для нихъ.

По суровой природѣ и образу жизни тушинъ, для непріятеля мало приманки въ Тушетіи, а между тѣмъ много опасности по тому искусству, съ которымъ тушины устраивали засады и безпощадно обращались съ захваченнымъ непріятелемъ. Отрубленныя у убитаго врага головы и руки натыкались на длинныя, окованныя желѣзомъ палки, съ помощію которыхъ они ходятъ по своимъ вѣчно снѣжнымъ горамъ,—съ пѣснями носились по деревнямъ и прибивались къ ихъ жилищамъ. Обычай варварскій и, какъ совершенно противный нашимъ понятіямъ, хотя строго запрещался, но существовалъ до замиренія Восточнаго Кавказа, если не въ Тушетіи, то въ Пшавіи и Хевсуріи, жители которыхъ болѣе похожи на звѣрей, нежели на людей [1]).

Переночевавъ въ Тіонетахъ и сдѣлавъ надлежащія распоряженія, до охраненія края относящіяся, за который менѣе всего можно было опасаться, я отправился въ Телавъ. Переѣздъ этотъ, болѣе чѣмъ въ шестьдесятъ верстъ, былъ совершенъ мною черезъ большія и богатыя садами селенія: Матаны, Ахметы и Руиспири, принадлежащія князьямъ Челокоевымъ и Макаевымъ.

На пути осмотрѣлъ древній, замѣчательный своей архитектурой, но не богатствомъ Аллавердскій монастырь, находящійся на правой сторо-

---

[1]) Желающему покороче ознакомиться съ тушино-пшаво-хевсурцами совѣтую прочесть 1-ю часть „Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ“ моего стараго сослуживца и талантливаго писателя А. Л. Зиссермана. М. О.

нѣ Алазани, противъ Алванскаго поля. Съ этимъ монастыремъ мнѣ необходимо было ознакомиться не изъ одного любопытства, но по причинѣ носившихся слуховъ, что Шамиль имѣетъ намѣреніе напасть на него.

По осмотрѣ моемъ оказалось, что за самый монастырь, обнесенный высокою каменною стѣною и притомъ находящійся на правой сторонѣ Алазани, опасаться нечего. Однако, если бы нападеніе было сдѣлано 28 сентября, въ день храмоваго праздника, когда стекаются на богомолье тысячи народа и располагаются таборомъ на большомъ пространствѣ въ окрестностяхъ монастырскихъ стѣнъ, то дѣйствительно могъ бы произойти большой безпорядокъ. Но такъ какъ были приняты заблаговременно надлежащія мѣры предосторожности, то сознаюсь, я желалъ этого нападенія, потому что непріятель дорого поплатился бы за это свое покушеніе. Однако, поля Алазанскія въ этотъ день не были обагрены кровью, и празднованіе св. Нины болѣе чѣмъ десятью тысячами народа хотя было шумно, по причинѣ огромнаго количества выпитаго вина, но безтревожно.

Уѣздный городъ Телавъ, расположенный на возвышенной мѣстности, не далеко ушелъ отъ своего сотоварища Сигнаха. Если сравнивать эти два города, то можетъ быть окажется, что въ Телавѣ улицы менѣе грязны и не пересѣкаются такими глубокими оврагами, что дома менѣе разбросаны и что наконецъ вообще строенія лучше. Такъ напримѣръ, въ Телавѣ имѣется дворецъ грузинскихъ царей, который на самомъ дѣлѣ не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, но издали своими бѣлѣющимися стѣнами краситъ этотъ городъ. Что касается мѣстоположенія, богатства садовъ, благорастворенности климата, то трудно отдать преимущество одному городу передъ другимъ. Говорятъ, что телавскіе родники стоятъ выше Сигнахскихъ, но въ этомъ отношеніи не могу быть компетентнымъ судьею, потому что въ сыромъ видѣ воды не употребляю, чтó совѣтую дѣлать всѣмъ тѣмъ, которые живутъ или будутъ жить на Кавказѣ.

VII.

Образъ жизни кахетинцевъ.

Кахетинскіе дворяне или, правильнѣе сказать, князья живутъ въ той же простотѣ, въ которой жили ихъ дѣды и отцы. Усадьбы невелики и некрасивы. По преимуществу небольшіе деревянные дома владѣльцевъ состоятъ изъ двухъ частей. Нижняя часть безъ оконъ; съ однѣми широкими дверями, раздѣленная столбами на нѣсколько отдѣленій,

составляетъ «марань», то мѣсто, гдѣ въ разной величины узкогорлыхъ глиняныхъ кувшинахъ, врытыхъ въ землю, сверху тщательно забитыхъ и обмазанныхъ, хранится кахетинское вино. Верхнюю часть составляютъ жилыя комнаты владѣльца, въ которыя, чтобы попасть, нужно подняться по крутой приставной, ступеней въ десять, лѣстницѣ, въ которой на ночь вынималось нѣсколько ступеней отъ воровъ; а въ случаѣ появленія непріятеля и вся лѣстница подинималась наверхъ.

По преимуществу комнаты въ домѣ владѣльца небольшія и неопрятныя; вездѣ паутина, пыль; полы простые, со щелями, а иногда проѣденные мышами и даже крысами. Мебель въ нихъ самая обыкновенная, съ неизмѣнными тахтами или, правильнѣе сказать, нарами, покрытыми коврами, на которыхъ хозяева и ихъ гости сидятъ, ѣдятъ, пьютъ, спятъ. Можете судить, какъ чисты такіе ковры и какъ пріятно и покойно на нихъ спать, хотя бы на мягкихъ перинахъ и подушкахъ, въ которыхъ у кахетинца нѣтъ недостатка.

Рядомъ или позади дома владѣльца находится изба для прислуги преимущественно женской, съ навѣсомъ для кухни, въ которую не совѣтую заглядывать, въ особенности въ то время, когда въ ней происходитъ стряпня. Какъ бы ни былъ великъ вашъ аппетитъ, вы его утратите, взглянувъ на повара или кухарку, посуду, на приготовленіе бозбаша, чехертмы или плова,—такъ все нечисто, непріятно. Впрочемъ, не касаясь бозбаша, чехертмы или плова, вы можете утолить вашъ аппетитъ шашлыкомъ, а также вареной говядиной, рыбой, а въ лѣтнее время огурцами, эстрагономъ, цицмати, кресъ-салатомъ, истребляемыми въ большомъ количествѣ съ солью и овечьимъ сыромъ, не только во время закуски, но въ продолженіе обѣда и запиваемыми виномъ изъ турьихъ роговъ, кулъ, азарпешъ.

Кромѣ описанныхъ построекъ въ усадьбѣ каждаго владѣльца находится: небольшая конюшня собственно для верховыхъ лошадей (упряжныхъ же не содержатъ, потому что большинство не имѣетъ экипажей); сарай для буйволовъ, питающихъ молокомъ, употребляемыхъ въ работы и для перевозки; сарай для нѣсколькихъ десятковъ овецъ и хлѣбный магазинъ. Всѣ эти постройки обнесены каменной или высокой плетневой оградой, съ воротами на запорѣ, охраняемыхъ нѣсколькими большими собаками. До покоренія Восточнаго Кавказа такая предосторожность была нелишняя, въ особенности у такихъ владѣльцевъ, усадьбы которыхъ примыкали къ лѣсистымъ ущельямъ.

Если же ко всему этому добавить фруктовый садъ, виноградники и поля, занимающія одинъ-другой десятокъ десятинъ, то вы будете имѣть понятіе о жизни и состояніи князей Чавчавадзе, Джорджадзе, Караловыхъ, Челокаевыхъ, Макаевыхъ, живущихъ группами въ Кварелряхъ,

Сабуяхъ, Гремахъ, Ениселяхъ, Пшавеляхъ, Ляліскури, Матанахъ, Ахметахъ, Руиспири.

Взглянувъ на жизнь кахетинскихъ князей, нельзя пройти молчаніемъ простое сельское населеніе Кахетіи, впрочемъ, не многимъ отличающееся отъ своего привилегированнаго сословія, какъ по наружному виду и одеждѣ, такъ и въ остальной жизни.

Сельское населеніе можетъ быть раздѣлено на собственниковъ, церковныхъ и княжескихъ селянъ. Первые, имѣя собственную землю, обработкой которой исключительно занимаясь, кромѣ казенной подати, другой повинности не знаютъ. Вторые, живя на церковной землѣ, а третьи на княжеской, независимо казенной подати, отбываютъ разныя повинности, обычаемъ усвоенныя, въ пользу монастырей и князей.

Обработка княжеской земли подъ хлѣбопашество, уходъ за виноградниками и соединенныя съ этимъ всѣ сельскія работы, а равно постройки и передѣлки въ самой усадьбѣ производятся сельчанами, живущими на землѣ княжеской. Находящіеся же въ услуженіи за извѣстную плату, или на опредѣленныхъ условіяхъ, исполняютъ все то, что до обязанностей слуги или служанки, повара или кухарки, конюха, дворника, сторожа, коровницы и тому подобное, относится.

Но такъ какъ кахетинцы, подобно другимъ обитателямъ юга и востока, лѣнивы и не отличаются силой и крѣпостію тѣлосложенія, а потому ходъ сельскихъ работъ вообще медленъ, и все дѣлается безъ особеннаго старанія, кое-какъ... Съ такою же медленностію, небрежностію совершаются и домашнія работы по усадьбѣ. А какъ къ природѣ кахетинца и вообще грузина примѣшиваются безпечность, безпорядочность, то неудивительно, что въ ихъ жизни царитъ повсюду неряшество и неопрятность.

Однако насколько бѣдна, грязна, непривлекательна внутренняя жизнь кахетинца, настолько окружающая его природа богата, благорастворена, роскошна. Начиная съ марта по ноябрь, въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, селенія утопаютъ въ яркой зелени. Кромѣ виноградниковъ, тѣнистыхъ орѣховъ, широколистыхъ каштановъ, мрачные некрасивые дома окружаютъ персиковыя, фиговыя, гранатовыя деревья. Вокругъ васъ журчатъ потоки чистой холодной воды... Часто перепадающіе дожди, независимо навѣваемой прохлады съ вѣчно снѣжныхъ вершинъ хребта, освѣжаютъ и очищаютъ воздухъ.

Да, прекрасно жить въ Кахетіи, но только не такою тревожною жизнью, при той бѣдной и грязной обстановкѣ, которой жили кахетинцы въ пятидесятыхъ годахъ, во время пребыванія моего на Лезгинской линіи. Грѣшно, если жизнь ихъ не улучшилась, послѣ покоренія Восточнаго Кавказа, когда непріятель пересталъ ихъ тревожить.

VIII.

Князь Иванъ Малхазовичъ Андрониковъ.

Оставляя на произволъ судьбы такъ щедро одаренную природой Кахетію, обращаюсь къ одному изъ ея сыновъ,—князю Андроникову и къ тому курьезному разговору, который я имѣлъ съ нимъ на другой день послѣ моего пріѣзда въ Телавъ.

Князь Иванъ Малхазовичъ, къ которому я представился передъ отъѣздомъ на Лезгинскую линію, принадлежалъ къ древней грузинской фамиліи и началъ службу въ конно-гвардіи. Хотя онъ получилъ весьма ограниченное образованіе и былъ малосвѣдущъ, потому что ничего не читалъ, — о чемъ и теперь большинство грузинъ не слишкомъ заботится, — однако не былъ лишенъ здраваго смысла и хитрости; счастіе же сдѣлало его побѣдителемъ турокъ въ 1853 году подъ Ахалцыхомъ, а въ слѣдующемъ году на Чолокѣ въ Гуріи.

Будучи тифлисскимъ губернаторомъ, онъ хотя не выказалъ административныхъ способностей, но сильно ратовалъ въ пользу Сигнахскаго уѣзда, гдѣ находилось его имѣніе Кодалы, которое значительно усовершенствовалось въ его губернаторство. Онъ дотого былъ слабъ въ административныхъ соображеніяхъ, что, несмотря на всѣ усилія, не могъ осуществить и привести въ исполненіе, какъ бы желалъ, задуманнаго имъ проекта по заселенію Гавазъ, изъ котораго онъ предполагалъ извлечь для себя существенную пользу.

Какъ семьянинъ, онъ сосредоточивалъ свою родительскую любовь на своемъ сынѣ Арчилѣ, схожемъ съ нимъ по образованію и складу умственныхъ способностей и умершемъ отъ тифа въ молодости, несмотря на свои физическія силы, тогда какъ мало обращалъ вниманія на своихъ вполнѣ достойныхъ дочерей. Говорятъ, что въ этомъ случаѣ главной пружиной была скупость: первоначально большіе расходы на образованіе дочерей, а потомъ,—что онѣ вышли замужъ, хотя за князей, но не богачей.

Князь Иванъ Малхазовичъ былъ средняго роста, крѣпкаго сложенія, но нельзя сказать, чтобы былъ красивъ. Но, вполнѣ хорошо владѣя русскимъ языкомъ, онъ часто повторялъ слова **какъ** и **уже**. Вотъ мой разговоръ съ нимъ, когда, явившись, объявилъ ему, что я по его желанію познакомился съ ввѣреннымъ мнѣ краемъ.

— Какъ уже Гавазы хорошее поселеніе,—проговорилъ онъ, куря трубку изъ длиннаго чубука и плюнувъ на полъ.

— Да, мѣстоположеніе хорошее,—отвѣчалъ я, съ намѣреніемъ не желая его понять.

— Нѣтъ уже у Гавазъ много земли и хорошая земля уже.

— Можетъ быть, но только въ настоящее время она имъ мало полезна.

— Какъ уже почему—спросилъ князь, снова потянувъ трубку и плюнувъ.

— Потому что гавазцы по опасности отъ непріятеля не могутъ ее обработывать, какъ бы желали; притомъ должны заниматься поддержкой своего громаднаго падающаго палисада.

Князь остался видимо недоволенъ моимъ отвѣтомъ. Произошло минутное молчаніе, въ продолженіе котораго послѣдовало нѣсколько плевковъ.

— Бичо!—Явился грузинъ въ чухѣ.—Чубукъ! — прибавилъ князь, передавая ему трубку.

— Жители Гремъ уже не будутъ собирать свои семейства и имущество на то мѣсто, которое вы имъ показали уже.

— Знаю, ваше сіятельство, что они желаютъ имѣть сборнымъ мѣстомъ для своихъ семействъ и имущества Енисели, но этого не желаетъ владѣлецъ селенія, князь Георгій Джорджадзе; притомъ имъ трудно будетъ переправляться черезъ Кодору, если вода въ этой рѣкѣ будетъ такая большая, какъ, напримѣръ, въ то время, когда я переѣзжалъ черезъ нее, тогда какъ та церковная ограда, въ которой назначено имъ сборное мѣсто, находится на той же сторонѣ, гдѣ и селеніе Гремы.

— Но если какъ уже желаютъ этого жители.

— Отъ вашего сіятельства зависитъ подтвердить мое приказаніе жителямъ Гремъ, и они исполнятъ то, что отъ нихъ требуется. Въ противномъ же случаѣ это поведетъ къ неповиновенію и неисполненію приказаній ближайшаго начальства и можетъ породить тѣ же безпорядки, отъ которыхъ пострадала Кахетія въ прошломъ году, во время нападенія на нее непріятеля.

Повторилось новое молчаніе, продолжительнѣе перваго и сопровождаемое большимъ числомъ плевковъ.

— Такъ уже вы думаете, что это будетъ лучше?—спросилъ онъ, смотря на меня.

— Полагаю, что это будетъ полезнѣе не только для жителей Гремъ, но и для всей Кахетіи.

— Ну, уже и оставимъ такъ,—сказалъ князь Андрониковъ, вставая и подавая мнѣ руку. — Вы откровенный человѣкъ, будемъ обѣдать, прибавилъ онъ.

Это былъ мой единственный служебный разговоръ съ княземъ Андрониковымъ, потому что, во все время командованія лѣвымъ флангомъ Лезгинской линіи, онъ всегда соглашался съ моими письменными представленіями, чѣмъ я, разумѣется, былъ совершенно доволенъ. Да и не

было причины къ неудовольствію, потому что въ ввѣренномъ мнѣ краѣ было благополучно.

Непріятель не только не имѣлъ успѣха въ своихъ хищническихъ покушеніяхъ, но рѣдко когда возвращался ненаказаннымъ. Если же Шамиль преднамѣревался предпринять что-нибудь рѣшительное, какъ это было 19-го іюня и 3-го августа, то, вѣроятно, видя бдительность горныхъ карауловъ и узнавая о мѣрахъ предосторожности, отказывался отъ своихъ намѣреній.

Между тѣмъ и жители Кахетіи, несмотря на введенныя строгости, были довольны, потому что понапрасну не были тревожимы и занимались работами въ полѣ и садахъ, правда, съ предписанными мною предосторожностями. Захвачено въ плѣнъ дидойцами только двѣ женщины и три мальчика, тогда какъ въ прежніе годы считались плѣнные десятками и даже сотнями. Ни одна скотина не попала въ руки хищниковъ, а за покушеніе отбить стадо, пасшееся въ Лопатинскомъ ущельи, 20-го сентября, непріятель, спустившійся съ горъ болѣе, чѣмъ въ тысячномъ составѣ, сильно былъ наказанъ. Даже послѣ извѣстія въ горахъ о неудачномъ штурмѣ Карса 17-го сентября и сильномъ волненіи между мусульманскимъ населеніемъ, живущимъ въ нашихъ предѣлахъ, не случилось ничего неблагопріятнаго.

Несмотря на такое счастливое теченіе дѣлъ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ того времени, когда избавлюсь отъ скучнѣйшей Лезгинской линіи и оставлю Кварели. Кромѣ двухъ писемъ къ князю Андроникову, я, въ концѣ октября, отправился къ нему въ Царскіе Колодцы, чтобы лично убѣдить его о роспускѣ войскъ и о сложеніи съ меня командованія. Несмотря на всѣ мои доводы, что, по случаю выпавшаго снѣга въ горахъ и обнаженія деревьевъ отъ листьевъ, нельзя думать о появленіи непріятеля, Иванъ Малхазовичъ не согласился писать въ Тифлисъ. Онъ только и твердилъ, что Карсъ еще не взятъ.

Такимъ образомъ, мое пребываніе въ Квареляхъ было неразлучно съ паденіемъ Карса, и я оставилъ Лезгинскую линію въ первыхъ числахъ декабря, когда наступили морозные утренники и по временамъ перепадалъ снѣгъ, по обыкновенію въ полдень исчезавшій.

IX.

Тифлисъ въ декабрѣ 1855 года.

Возвращеніе мое въ Тифлисъ съ Лезгинской линіи совпадало съ торжественнымъ въѣздомъ въ этотъ городъ главнокомандующаго послѣ взятія Карса.

Впереди Эриванской заставы были устроены тріумфальныя ворота съ надписью: «Побѣдителю Карса». Тутъ же должна была встрѣтить депутація отъ города, а нѣсколько дѣвушекъ—привѣтствовать букетами цвѣтовъ.

Николай Николаевичъ, сидя въ коляскѣ, принялъ рапорты отъ коменданта и полиціймейстера, съ безмолвною холодностью выслушалъ привѣтственную рѣчь головы, и только тогда мелькнула на его лицѣ улыбка, когда четыре дѣвушки, одѣтыя въ бѣлыя платья, дрожа не столько отъ страха, сколько отъ холода, привѣтствовали его цвѣтами.

Но онъ и тутъ показалъ если не черствость своего сердца, то крайнюю ненаходчивость и неумѣстную привѣтливость. Желая обласкать дѣвушекъ, онъ взялъ ихъ къ себѣ въ коляску и повезъ по городу въ тѣхъ же самыхъ ѳеирныхъ платьицахъ, въ которыхъ онѣ его привѣтствовали, тогда какъ былъ пасмурный и холодный вечеръ. Дѣвушки только тогда были выпущены изъ коляски, когда одна изъ нихъ, болѣе смѣлая, пожаловалась на холодъ. Разсказывали, что послѣ такой неумѣстной оваціи, устроенной губернаторомъ Лукашемъ, любимцемъ Муравьева, не только дѣвушки, но и матери ихъ переболѣли.

Представленіе мое главнокомандующему было до крайности сухое. Ни одного привѣтствія или благодарности не было имъ сказано. Мое самолюбіе было страшно задѣто, я былъ сильно взволнованъ и въ такомъ состояніи отправился на обѣдъ къ княгинѣ Марьѣ Ивановнѣ Орбеліани и передъ нею излилъ мою желчь на Муравьева. Это было сдѣлано съ цѣлью съ моей стороны, потому что мнѣ извѣстно было, что Николай Николаевичъ часто ее посѣщалъ, какъ старую знакомую. Ту же самую мысль высказалъ я доброму князю Бебутову, выслушавшему меня съ полнымъ участіемъ.

Не знаю, съ ихъ ли помощью, или по другимъ причинамъ, но только въ тотъ день, когда всѣ военные и гражданскіе чины приносили поздравленіе главнокомандующему съ полученіемъ имъ Георгія 2-й степени, послѣ разговора съ генералами Лукашомъ, Базинымъ и Мусницкимъ, съ которыми, какъ со старыми своими сослуживцами, Николай Николаевичъ дозволялъ и пошутить, онъ, по замѣчанію другихъ, удостоилъ меня особеннаго вниманія Проходя мимо толпы военныхъ и гражданскихъ чиновъ, онъ остановился противъ меня слегка кивнулъ головою и загадочно въ полголоса проговорилъ: «Вы, генералъ, безъ мѣста не останетесь».

Черезъ нѣсколько дней я былъ приглашенъ главнокомандующимъ на обѣдъ. Тишина и безмолвіе царили въ той комнатѣ, гдѣ былъ накрытъ обѣденный столъ человѣкъ на двадцать, и куда, одновременно съ выходомъ Муравьева изъ кабинета, вошли двое плѣнныхъ пашей. Одинъ изъ нихъ, высокій и довольно полный мужчина, былъ тотъ паша, ко-

торый былъ взятъ въ плѣнъ генераломъ Ковалевскимъ подъ Пенякомъ. Другой же, худощавый, былъ Балюль-паша, взятый въ плѣнъ Эриванскимъ отрядомъ подъ Баязетомъ.

За столомъ Николай Николаевичъ указалъ мнѣ мѣсто возлѣ себя, и вотъ разговоръ, веденный мною съ нимъ въ продолженіе обѣда.

— Вы, генералъ, командовали войсками на лѣвомъ флангѣ Лезгинской линіи.

— Согласно приказанію вашего высокопревосходительства.

— И, кажется, вопреки моего предписанія не держали войска въ совокупности.

— Я располагалъ ихъ сообразно съ обстоятельствами и съ положеніемъ края, мнѣ ввѣреннаго. Послѣдствія оправдываютъ мои распоряженія, и если бы я дѣйствовалъ противно этому, то можетъ быть Пшавели, Лялискури или другое кахетинское селеніе подверглись бы нападенію непріятеля прежде, чѣмъ я поспѣлъ бы на помощь съ подвижнымъ резервомъ.

— А сколько въ вашемъ распоряженіи было войскъ?

— $4\frac{1}{2}$ баталіона, полкъ казаковъ, 8 орудій, три пѣшихъ дружины и двѣ сотни конной милиціи.

— Такъ много!—проговорилъ онъ, нѣсколько разъ пожимая плечами въ продолженіе того, какъ я объявлялъ число войскъ.

— Судя по положенію края и напуганности жителей послѣ погрома, нанесеннаго Кахетіи Шамилемъ въ прошломъ году, судя по предпріимчивости непріятеля, въ особенности со второй половины сентября (я не хотѣлъ прямо сказать, послѣ отбитія штурма отъ Карса), этихъ войскъ было едва достаточно.

Главнокомандующій вперилъ въ меня свой холодный надменный взглядъ, вѣроятно желая имъ поразить меня, какъ поражаетъ питонъ ту жертву, которую онъ хочетъ пожрать. Но онъ не встрѣтилъ во мнѣ не только смущенія, но я смѣло смотрѣлъ ему въ глаза.

— А что, казаки и милиція получали слѣдуемое имъ содержаніе?

— Получали.

— Да точно ли?

— Если я докладываю вашему высокопревосходительству, то точно, потому что я строго слѣдилъ за этимъ.

За этимъ моимъ отвѣтомъ послѣдовалъ новый, холодный инквизиторскій взглядъ моего вопросителя. Между тѣмъ окончился состоящій изъ пяти блюдъ обѣдъ, и я, вмѣстѣ съ другими, послѣдовалъ за главнокомандующимъ въ гостиную.

— Садитесь,—сказалъ онъ, указывая рукой на стулъ возлѣ себя.— Скажите мнѣ, отчего Алексѣй Петровичъ, имѣя въ десять разъ меньше войскъ, умѣлъ держать въ страхѣ горцевъ, а вы теперь, какъ будто

сговорившись, жалуетесь, что мало войскъ на Кавказѣ, спросилъ онъ, вставая и становясь задомъ къ пылающему камину, взявъ отъ человѣка трубку съ огромнымъ чубукомъ.

— По моему убѣжденію, это происходитъ отъ того, что, въ свою очередь, непріятель сталъ иначе дѣйствовать. Прежде, если мы дѣйствовали наступательно противъ не только извѣстнаго племени, но даже аула, то сосѣди не думали о поданіи помощи атакованной части; а до Кази-Муллы непріятель не имѣлъ понятія о сосредоточиваніи массъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ для вторженія въ наши предѣлы. Сборища же Шамиля, доходящія до десяти тысячъ человѣкъ, быстро сосредоточиваемыя и по центральному своему положенію могущія угрожать одновременно нападеніемъ на разные пункты, требуютъ соразмѣрнаго числа войскъ въ разныхъ частяхъ Кавказа для сопротивленія и защиты во время нападенія. Притомъ же настоящій непріятель несравненно лучше организованъ и дисциплинированъ противъ прежнихъ лѣтъ и имѣетъ артиллерію.

— Все это не ново и мнѣ извѣстно, генералъ,—отвѣтилъ главнокомандующій, выходя изъ гостиной.

— Болѣе вашему высокопревосходительству ничего не могу доложить,—успѣлъ я сказать, когда Николай Николаевичъ, подойдя къ кабинету, кивнулъ мнѣ головой и скрылся.

Наступило Рождество Христово. Погода стояла сухая, безснѣжная. Холода не простирались свыше пяти градусовъ. Я отправился въ Сіонскій соборъ для слушанія литургіи и молебствія по случаю изгнанія двунадесяти языковъ, совершенной экзархомъ Грузіи, высокопреосвященнымъ Исидоромъ [1]).

Торжественна вообще наша архіерейская служба, но она бываетъ еще торжественнѣе, если совершается въ присутствіи огромнаго числа духовенства и генералитета, сіяющаго парчей и золотомъ. Такъ бывало въ Сіонскомъ соборѣ, когда при молебствіи находилось человѣкъ до тридцати духовенства, да человѣкъ до ста генераловъ и гражданскихъ чиновъ первыхъ четырехъ классовъ.

Торжественность службы не только ни мало не умалялась отъ того, что этотъ древній храмъ былъ углубленъ, невеликъ, что узкія небольшія окна давали мало свѣту, а темнаго цвѣта стѣны, украшенныя изображеніями св. Нины, Давида, Георгія и другихъ грузинскихъ святыхъ и низкіе своды дѣлали его еще болѣе мрачнымъ. Напротивъ того, эта мрачность архитектуры, простота иконостаса и живописи и внушали къ этому храму особенно высокое чувство.

---

[1]) Нынѣ умершій митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій. М. О.

Послѣ молебствія все отправилось на поклонъ и чаепитіе къ экзарху, жившему надъ Курой въ домѣ, хотя не новомъ и не особенно бросающемся въ глаза, но все-таки красивомъ, сравнительно съ другими зданіями, его окружающими, какъ принадлежащемъ къ постройкамъ стараго Тифлиса. Этимъ ограничились мои парадные визиты, какъ необязанные службою, тѣмъ болѣе, что въ половинѣ третьяго мнѣ нужно было ѣхать къ князю Бебутову, у котораго по данному обѣщанію я долженъ былъ обѣдать по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ. Князь Василій Осиповичъ съ супругой Марьей Соломоновной, урожденной Аргутинской-Долгорукой, дочерью и сыномъ, только-что выпущеннымъ изъ Пажескаго корпуса, жилъ на Кукахъ въ одномъ изъ лучшихъ по своей архитектурѣ домовъ Хотя про Марью Соломоновну носилась молва, что она своенравна, капризна, горда и надменна, но я, пользуясь ея полнымъ вниманіемъ и изъ совершеннаго моего уваженія къ добрѣйшему Василію Осиповичу, охотно бывалъ у него, тѣмъ болѣе, что онъ и кормилъ всегда очень хорошо.

— Ну, дорогой однокашникъ, главнокомандующій назначаетъ тебя начальникомъ штаба дѣйствующаго корпуса,—проговорилъ Василій Осиповичъ, обнимая меня по обыкновенію.

— Я вполнѣ убѣжденъ, что этимъ назначеніемъ обязанъ содѣйствію вашего сіятельства.

— Нисколько. Твой разговоръ съ нимъ былъ тому причиной. Николаю Николаевичу понравились твои рѣзкіе опредѣленные отвѣты.

— Очень радъ, что могъ расшевелить этого черстваго и надменнаго человѣка.

На третій день праздника я представлялся главнокомандующему, по случаю моего назначенія начальникомъ штаба дѣйствующаго корпуса, и въ этотъ же день былъ приглашенъ къ нему обѣдать.

За столомъ я сидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ и въ первый обѣдъ; но только противъ меня вмѣсто турецкихъ пашей сидѣли генералы, князья Меликовъ и Андрониковъ. Первый — товарищъ по Лезгинской линіи; второй — командиръ Тифлисскаго гренадерскаго полка [1]). Разговоръ большею частію былъ общій, и только изрѣдка обращался главнокомандующій съ отдѣльными вопросами ко мнѣ или къ сидѣвшимъ напротивъ меня князьямъ. По окончаніи обѣда, я былъ приглашенъ Николаемъ Николаевичемъ въ кабинетъ, въ которомъ, несмотря на то, что было свыше 20 градусовъ, въ каминѣ ярко пылали толстыя полѣнья.

— Садитесь, курите папиросу, а мнѣ позвольте снять сюртукъ.

---

[1]) Въ 1871 году, въ бытность тифлисскимъ предводителемъ дворянства, былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ, а вскорѣ затѣмъ померъ. М. О.

Я не сѣлъ, папиросы не взялъ, а на послѣднія его слова молча поклонился.

За этимъ онъ снялъ сюртукъ и галстухъ, разстегнулъ воротъ рубашки и набросилъ на себя шинель солдатскаго покроя, которая, какъ извѣстно, носилась всѣми военными вмѣсто настоящаго пальто. Послѣ этого, куря изъ длиннаго чубука трубку, онъ началъ что-то искать.

— Не могу найти замѣтки мои, о чемъ я хотѣлъ говорить съ вами. Вѣдь вы разумѣете по картѣ, какъ бывшій офицеръ генеральнаго штаба. Прежде всего поѣзжайте въ Владикарсъ и Ардаганъ. Посмотрите, какъ расположены тамъ войска.

— Я имѣлъ въ виду тотчасъ исполнить это по прибытіи въ Александрополь.

— А расположеніе войскъ вамъ извѣстно?

Я разсказалъ ему подробно зимнее расположеніе Александропольскаго корпуса, и онъ слушалъ меня молча въ продолженіе болѣе чѣмъ четверти часа.

— Продовольствіе войскъ, расположенныхъ въ Владикарсѣ и Ардаганѣ, должно производиться тѣмъ хлѣбомъ, который поступаетъ «въ барху или подать съ жителей Карсскаго пашалыка». Это лежитъ на попеченіи начальника Карсской области, полковника Лорисъ-Меликова. Вѣдь вы съ нимъ знакомы?

— Очень хорошо.

— Прошу обращать полное ваше вниманіе на непріятеля и имѣть объ немъ самыя точныя и положительныя свѣдѣнія. Чаще доносите и пишите письма къ начальнику штаба, онъ мнѣ будетъ докладывать обо всемъ.

— Постараюсь исполнить, какъ угодно в-му в-ству.

— Нужно поразгромить и взорвать хорошенько Карсскую цитадель.

— Обращу и на это особенное мое вниманіе.

— Необходимо, чтобы войска исполняли всѣ воинскія предосторожности и не забывали, что они стоятъ въ непріятельской землѣ. Особенно обращайте вниманіе на Кагызманъ.—Прощайте, генералъ,—добавилъ главнокомандующій, отрывисто поклонившись и уходя отъ меня.

Я поспѣшилъ оставить душный кабинетъ и по высокой температурѣ, и по тяжелому впечатлѣнію отъ безграничнаго властолюбія и надменнаго взгляда. По естественному закону Кагызманъ запечатлѣлся въ моей памяти, потому что онъ произнесенъ былъ дважды и съ особеннымъ удареніемъ.

Странно, почему главнокомандующій обращаетъ на этотъ городъ особенное вниманіе, думалъ я. Онъ не можетъ играть никакой роли ни въ стратегическомъ, ни въ торговомъ, ни въ какомъ другомъ отношеніи. Хотя онъ лежитъ на Араксѣ и между Карсомъ и Баязетомъ, но

черезъ Кагызманъ не пролегаетъ удобной дороги для движенія отрядовъ съ артиллеріей и колеснымъ обозомъ. Путь черезъ этотъ городъ дотого малоудобенъ и гористъ, что не служитъ даже караваннымъ сообщеніемъ, какъ ближайшій.

Но, несмотря на всѣ мои разсужденіе и разсмотрѣніе этого города со всѣхъ сторонъ, я не могъ себѣ дать отчета, почему Николай Николаевичъ такъ его бережетъ и такъ строго на него смотритъ.

«Пойду спрошу у начальника штаба, не знаетъ ли онъ какихъ-либо тайнъ о Кагызманѣ»

Вхожу въ малодоступный и таинственный кабинетъ генерала Индреніуса и застаю его обложеннымъ со всѣхъ сторонъ огромными кипами бумагъ. Жаль мнѣ стало труженика, что я прервалъ рѣдко нарушаемыя ежедневныя его занятія. Я счелъ нужнымъ не только спросить его о Кагызманѣ, но и проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и извиненій, которыя расточаются въ подобныхъ случаяхъ, я спросилъ у него, не знаетъ ли онъ чего-ни будь особеннаго о Кагызманѣ и почему главнокомандующій придаетъ ему такое значеніе. Но Борисъ Эммануиловичъ выразилъ полное свое незнаніе.

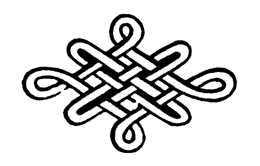
— Можетъ быть, Лорисъ-Меликовъ писалъ что-нибудь Николаю Николаевичу о Кагызманѣ,—проговорилъ онъ шопотомъ, боясь, чтобы и стѣны его не выдали.

— А развѣ Лорисъ-Меликовъ находится въ прямой перепискѣ съ главнокомандующимъ?

— Да.... навѣрное не знаю, но кажется, онъ съ нимъ переписывается,—отвѣчалъ нерѣшительно Индреніусъ.

Послѣ этого я поспѣшилъ оставить таинственнаго бюрократа и на другія сутки, то-есть 30 декабря, отправился въ Александрополь по той самой дорогѣ, по которой я ѣхалъ десять мѣсяцевъ тому назадъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Погребеніе константинопольскаго патріарха Григорія V въ Одессѣ

10 апрѣля 1821 года въ Константинополѣ разыгралась такая ужасная картина убійствъ, какія рѣдко встрѣчаются въ исторіи. Въ этотъ день, въ который вся православная церковь торжественно праздновала Свѣтлое Христово Воскресеніе, самымъ варварскимъ образомъ, безъ всякаго суда и изслѣдованія вины, былъ повѣшенъ вселенскій патріархъ Григорій V.

Константинопольскій патріархъ Григорій V (род. 1751 г., † 1821 г.) принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ патріарховъ послѣ паденія Константинополя Это былъ человѣкъ высокихъ христіанскихъ добродѣтелей. Особенно онъ отличался строгостью нрава, простотою въ образѣ жизни, рѣдкою нестяжательностію, горячею ревностію по вѣрѣ, твердостію убѣжденій, любовію къ своей паствѣ и безстрашіемъ въ защищеніи ея отъ звѣрства турокъ. Патріархъ Григорій родился въ 1751 году, на престолъ вступилъ въ 1798 году. Время патріаршества Григорія совпало со временемъ подготовленія, стонавшихъ подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ, грековъ къ возстанію и потому было особенно тяжелымъ и опаснымъ для константинопольскаго патріарха, какъ главы христіанской націи и отвѣтственнаго лица предъ султаномъ за спокойствіе его христіанскихъ подданныхъ. И много разъ святѣйшій патріархъ Григорій, самъ подвергаясь опасности, ходатайствовалъ предъ турецкими властями и защищалъ своихъ несчастныхъ пасомыхъ отъ жестокости турокъ.

Однажды онъ своими грамотами и заступничествами избавилъ отъ поголовнаго истребленія цѣлую область, въ которой турки намѣревались перерѣзать всѣхъ христіанъ. Патріархъ Григорій отличался рѣдкою благотворительностію: онъ имѣлъ всегда съ собою портфель, изъ кото-

раго раздавалъ милостыню, а когда у него не хватало денегъ, то онъ занималъ, а все-таки не переставалъ благотворить. Будучи отцомъ и защитникомъ своего народа, святѣйшій Григорій былъ въ то же время и вѣрнымъ подданнымъ султана. Онъ постоянно внушалъ своимъ пасомымъ, что слѣдуетъ воздавать «кесарево кесареви», и разъ, когда англійскій флотъ грозилъ Константинополю разрушеніемъ, патріархъ самъ лично, въ сопровожденіи трехъ тысячъ грековъ, явился на крѣпостныя работы и, несмотря на свою старость и слабость, самъ носилъ мѣшки земли на сооруженіе укрѣпленій вокругъ столицы.

Григорій двадцать два года занималъ константинопольскій патріаршій престолъ. За это время три раза турецкое правительство изгоняло его изъ Константинополя на Аѳонскую гору, но каждый разъ само же чувствовало недостатокъ въ его мудромъ правленіи и снова возвращало его на патріаршій престолъ. Въ 1818 году патріархъ Григорій въ третій разъ занялъ престолъ, но только для мученической кончины за своихъ пасомыхъ. Въ началѣ 1821 года открылось возстаніе грековъ противъ турокъ, и началась кровавая борьба ихъ за свою независимость.

Лица, руководившія возстаніемъ, очень хорошо понимали опасное положеніе патріарха Григорія и поэтому приняли мѣры для его спасенія Они предлагали ему въ его полное распоряженіе корабль, на которомъ онъ могъ бѣжать изъ Константинополя тогда, когда ему могла угрожать опасность, но мужественный патріархъ отказался отъ такого плана своего спасенія, какъ недостойнаго его сана. Онъ рѣшился не оставлять своей паствы, особенно въ такое опасное для нея время, и готовился защищать ея интересы до самой своей смерти. Онъ видимо предчувствовалъ свою мученическую кончину и готовился къ ней.

Возстаніе грековъ, начавшееся въ Дунайскихъ княжествахъ, вскорѣ послѣ того вспыхнуло и на югѣ въ Пелопоннезѣ. Турецкое правительство крайне ожесточилось противъ грековъ. Султанъ Махмудъ II, въ своей безсильной злобѣ противъ возставшихъ, дошелъ до того, что рѣшился истребить всѣхъ жившихъ въ Константинополѣ грековъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно невинныхъ и непричастныхъ дѣлу. Съ этою цѣлью онъ предписалъ патріарху, чтобы тотъ въ день Св. Пасхи приказалъ собраться всѣмъ взрослымъ грекамъ въ ихъ храмы. Патріархъ проникъ въ тайный планъ султана. Онъ догадывался, что въ свѣтлую ночь Воскресенія Христова въ самую пасхальную заутреню для константинопольскихъ грековъ приготовлялось поголовное избіеніе, и рѣшился, насколько могъ, отклонить его, хотя бы съ опасностію жизни для себя. Онъ, по секрету, далъ знать грекамъ, чтобы тѣ не собирались во множествѣ по церквамъ въ ночь на св. Пасху. Неизвѣстно почему, потому ли, что султанъ узналъ о секретномъ распоряженіи патріарха по поводу даннаго ему султаномъ извѣстнаго предписанія, или по со-

вѣту своихъ министровъ, только султанъ отказался отъ поголовнаго истребленія грековъ въ Константинополѣ. Вѣроятнѣе всего совѣтъ турецкихъ министровъ подѣйствовалъ на султана, совершенно основательно представляя ему, что такимъ звѣрскимъ истребленіемъ неповинныхъ грековъ султанъ могъ вооружить противъ себя положительно всѣ европейскіе народы и правительства. Озлобленная душа Махмуда требовала мщенія, и вотъ, по совѣту тѣхъ же министровъ, онъ рѣшился предать позорной смерти представителя православія и греческой національности, вселенскаго патріарха Григорія — въ самый радостный для всѣхъ христіанъ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. И дѣйствительно, нужно отдать дань удивленія изобрѣтательности турокъ въ мучительствѣ и истязаніяхъ даже послѣ смерти несчастныхъ жертвъ ихъ звѣрства. Все устроено было такъ, чтобы какъ можно больше надругаться надъ несчастнымъ патріархомъ даже послѣ его кончины.

Патріархъ предчувствовалъ близость своей смерти. Въ великую субботу онъ прощался со всѣми. Въ день Св. Пасхи, 10 апрѣля, онъ совершалъ послѣднее богослуженіе. Долѣе обыкновеннаго продолжалась проскомидія, на которой первосвятитель поминалъ и молился за погибшихъ своихъ друзей и единовѣрцевъ. Нѣсколько разъ прослезился патріархъ во время божественной литургіи и умилялъ всѣхъ присутствующихъ своимъ благоговѣйнымъ служеніемъ [1]).

Тотчасъ послѣ совершенія пасхальнаго богослуженія, патріархъ потребованъ былъ въ Порту, гдѣ его подвергали пыткамъ; тутъ же ему объявленъ былъ смертный приговоръ. Патріархъ воротился изъ Порты въ сопровожденіи своихъ палачей, отъ которыхъ онъ дорогою потерпѣлъ много поруганій и побоевъ: его толкали ногами, когда онъ, ослабѣвшій послѣ трехдневнаго поста, не имѣлъ силы идти на мѣсто казни. Предъ торжественною пасхальною вечернею службою патріархъ въ полномъ святительскомъ облаченіи повѣшенъ былъ на воротахъ патріаршаго дома. Предъ самою своею казнію первосвятитель благословилъ своихъ несчастныхъ пасомыхъ и со словами: «Господи Іисусе Христе, пріими духъ мой» отдался палачамъ. Турецкій визирь присутствовалъ при совершеніи казни и около часу пробылъ около повѣшеннаго патріарха, благодушно покуривая трубку. Одновременно съ патріархомъ повѣшено было въ разныхъ частяхъ города шесть старѣйшихъ митрополитовъ—членовъ патріаршаго константинопольскаго сѵнода. Тѣло патріарха и митрополитовъ въ теченіе трехъ дней оставалось на висѣлицахъ подъ открытымъ небомъ для народнаго зрѣлища. Въ несчастныхъ грекахъ эти тѣла страдальцевъ возбуждали страхъ и жалость, а турки

---

[1]) Розовъ. Очерки восточной церкви послѣ взятія Константинополя турками. 1880. М. Стр. 51—54. „Странникъ". 1871. Май.

видѣли въ нихъ удовлетвореніе и возмездіе за тѣ неудачи, которыя они терпѣли отъ возставшихъ грековъ на полѣ брани. По истеченіи трехъ сутокъ, турки, зная давнишнюю вражду евреевъ къ христіанамъ, отдали имъ тѣло патріарха. По разсказамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ, тѣло патріарха куплено было жидами за 800 піастровъ. Турки велѣли разрубить его на части и разбросать по улицамъ города на съѣденіе собакамъ. Объявлено было подъ угрозою строжайшаго наказанія запрещеніе собирать части тѣла патріарха и совершать погребеніе ихъ, а тѣмъ болѣе оказывать имъ какія бы то ни было почести. Жиды для того, чтобы выслужиться предъ турками, привязали тѣло мученика за ноги, сняли съ него одежды и влачили его нагаго по всѣмъ главнымъ улицамъ города и въ особенности вокругъ христіанскихъ церквей и въ насмѣшку кричали громогласно: «сей есть царь христіанскій!» Кромѣ того, жиды, пользуясь случаемъ, издѣвались и надъ христіанскою вѣрою. Таская по улицамъ тѣло патріарха, они кричали: «Христіане! что же не прійдетъ Богъ вашъ сдѣлать чудо, спасти намѣстника своего изъ рукъ нашихъ и воскресить его»!

Но жиды все-таки остались вѣрны себѣ: христіане купили у нихъ за сто тысячъ піастровъ обязательство не разрубать тѣло патріарха на части. Жиды, получивъ выкупъ, бросили тѣло патріарха съ камнемъ на шеѣ въ море, съ полною увѣренностію, что оно навсегда погибнетъ на днѣ морскомъ.

Однако Промыслъ Божій судилъ иначе. Шкиперъ одного греческаго, стоявшаго для безопасности подъ русскимъ флагомъ, судна, грекъ Никола Склаво, находясь съ своимъ судномъ въ Константинополѣ противъ Балукбазара, въ предмѣстьи Галата, и вышедъ въ четвергъ на Пасхѣ, 14 апрѣля, изъ каюты на палубу до восхода солнца, увидѣлъ несомое волнами недалеко отъ судна мертвое тѣло и, разсмотрѣвъ, что оно не обезглавлено, а по длиннымъ волосамъ походило на духовную особу, рѣшился поднять его къ себѣ на судно. Съ этою цѣлію онъ съ четырьмя своими матросами спустился съ судна въ яликъ и, поймавъ тѣло, привязалъ его къ послѣднему. Подведя тѣло къ судну, шкиперъ обернулъ его рогожею и, обвязавъ протянутою подъ киль на другую сторону судна веревкою, погрузилъ его опять въ воду для большей предосторожности, чтобы во время дня никто не могъ примѣтить этого съ константинопольскаго берега. Въ самую полночь пойманное тѣло поднято было съ соотвѣтствующими предосторожностями на судно. Здѣсь между прочими находилось не мало грековъ, спасавшихся бѣгствомъ изъ Константинополя отъ жестокости турокъ. Въ числѣ бѣжавшихъ и искавшихъ убѣжища на суднѣ шкипера Склаво находился и бывшій слуга замученнаго патріарха Костаиди Банесъ. Лишь только тѣло поднято было на палубу и пассажиры начали разсматривать его, бывшій тутъ же

слуга узналъ тѣло своего господина. То же самое подтвердили и два другіе пассажира, лично знавшіе патріарха, это Яни Попадапуло и Яни Николау. Тогда шкиперъ рѣшился доставить тѣло патріарха въ Одессу, гдѣ могли быть свободно отданы покойному почести, соотвѣтствующія его высокому сану. Для того, чтобы скрыть находку отъ турокъ, шкиперъ распорядился надѣть на тѣло саванъ и обернуть его въ полотно; въ такомъ видѣ тѣло патріарха спущено было въ трюмъ и глубоко зарыто въ балластъ. 5-го мая судно съ тѣломъ патріарха Григорія прибыло въ Одессу.

Генералъ-губернаторъ г. Одессы графъ Ланжеронъ распорядился снять тѣло патріарха со всѣми предосторожностями, какія требовались тогда законами карантина. Чтобы не быть введеннымъ въ заблужденіе, Ланжеронъ произвелъ строгое изслѣдованіе того, что дѣйствительно ли привезенное тѣло принадлежало константинопольскому патріарху Григорію. Въ Одессѣ въ это время проживало немало грековъ, бѣжавшихъ отъ звѣрства турокъ; между ними были такіе, которые лично знали покойнаго патріарха; таковые были князья Александръ Ганджери и Спатаръ Никола Сутцо. Эти князья въ привезенномъ тѣлѣ узнали тѣло патріарха Григорія. То же самое подтвердили: прибывшіе изъ Константинополя чиновники русскаго посольства при Портѣ: статскій совѣтникъ Минчаки и возвратившійся изъ Іерусалима русскій архимандритъ Гавріилъ. Въ Одессѣ проживалъ бѣжавшій отъ турокъ дритсвій или, что то же, силистрійскій митрополитъ Кириллъ, который также въ привезенномъ тѣлѣ призналъ останки константинопольскаго патріарха Григорія. Для большей убѣдительности весь экипажъ судна, на которомъ было привезено тѣло, привели къ присягѣ, и экипажъ подъ присягою подтвердилъ достовѣрность показаній шкипера Склаво. Между прочимъ допрошенный подъ присягою бывшій слуга патріарха показалъ, что онъ узналъ въ мертвомъ тѣлѣ, принятомъ на судно шкиперомъ Склаво, тѣло своего бывшаго господина, патріарха Григорія, по корпусу, по неизмѣнившимся чертамъ лица, по волосамъ на головѣ и бородѣ, по недостающимъ зубамъ (покойному было не менѣе 70 лѣтъ) и особенно по бывшей у покойнаго грыжѣ. Между тѣмъ изъ Константинополя прибывали все новые и новые бѣглецы, которые разсказывали, что въ столицѣ султана уже ходитъ слухъ, что тѣло греческаго патріарха найдено и взято на какое-то греческое судно. Этотъ слухъ косвеннымъ образомъ подтверждалъ показанія лицъ, входившихъ въ составъ пассажировъ судна шкипера Склаво. Вообще число лицъ, свидѣтельствовавшихъ тѣло патріарха, простиралось до пятидесяти человѣкъ, и всѣ они единогласно подтверждали истинность своихъ показаній присягой и подписомъ на присяжномъ листѣ. По освидѣтельствованіи тѣло патріарха было внесено въ карантинъ, положено во гробъ и поставлено въ особой башнѣ. Явилось гре-

ческое духовенство, которое и стало безпрестанно читать Евангеліе, а въ опредѣленные часы дня совершать панихиды.

Графъ Ланжеронъ сообщалъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну о доставленіи тѣла патріарха Григорія въ Одессу и просилъ его относительно распоряженій, какія благоугодно будетъ сдѣлать государю императору Александру I объ отданіи послѣднихъ почестей несчастному представителю греческой церкви.

Въ то время въ Одессѣ еще не было архіерейской каѳедры, Одесса входила въ составъ Кишиневской митрополіи. Старшій одесскій протоіерей Петръ Куницкій донесъ рапортомъ о случившемся въ Одессѣ событіи 5 мая преосвященному Дмитрію, епископу бендерскому и аккерманскому, который, въ свою очередь, немедленно сообщилъ о томъ же князю Голицыну.

Самымъ выдающимся лицомъ въ православномъ духовенствѣ города Одессы былъ тогда архимандритъ Ѳеофилъ, занимавшій видную должность законоучителя Одесскаго лицея [1]). Ѳеофилъ пользовался большимъ

---

[1]) Архимандритъ Ѳеофилъ игралъ въ свое время видную роль въ духовномъ мірѣ. Онъ извѣстенъ превратностью своей судьбы, сначала ласкавшей его, а потомъ низведшей на степень простыхъ, мало извѣстныхъ людей. Безспорно, это былъ человѣкъ умный, образованный, подвижной и веселый, но чрезвычайно вспыльчивый и барски надменный, какъ и вообще многіе баловни судьбы. По окончаніи курса въ Московской славяно-греко-латинской академіи и овдовѣвъ въ санѣ діакона, Петръ Ивановъ (мірское имя Ѳеофила) принялъ монашество и, по желанію с.-петербургскаго митрополита Амвросія, сдѣлался законоучителемъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ. Въ Петербургѣ о. Ѳеофилъ понравился князю Голицыну, и отсюда начинается его карьера. Въ 1817 году онъ получилъ мѣсто законоучителя въ новооткрытомъ Ришельевскомъ лицеѣ въ г. Одессѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ санъ архимандрита и настоятельство въ одномъ изъ лучшихъ монастырей кишиневской епархіи. Вліяніе его на князя Голицына было такъ велико, что, по рекомендаціи Ѳеофила, нѣкоторыя лица получали епархіи, вызывались въ Сѵнодъ и пр. Но лишь только Голицынъ палъ, несчастія обрушились и на Ѳеофила. Въ декабрѣ 1824 года онъ, по Высочайшему повелѣнію, удаленъ былъ отъ должности законоучителя лицея, и его почти насильно выпроводили изъ Одессы въ Ростовъ въ настоятели ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря съ лишеніемъ, впрочемъ, права всякаго выѣзда изъ монастыря Здѣсь Ѳеофилъ позволялъ себѣ нѣкоторыя незаконныя дѣйствія, за которыя и поплатился ссылкою на послушаніе въ тверской архіерейскій домъ. Затѣмъ онъ перебывалъ то на епитиміи, то на должности настоятеля въ монастыряхъ: Вологодскомъ, Спасокаменномъ, Оршанскомъ, Богоявленскомъ, Преображенскомъ (Воронежской епархіи), въ Глуховскомъ-Петропавловскомъ (Черниговской епархіи), въ Саранскомъ-Петропавловскомъ (Пензенской епархіи), въ нижегородскомъ архіерейскомъ домѣ, въ Печерскомъ монастырѣ Нижегородской епархіи и, наконецъ, въ Городецкомъ Ѳедоровскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и скончался въ 1869 году, 82-хъ лѣтъ отъ роду, принявъ предъ смертью схиму съ именемъ Филоѳея. „Христ. Чтеніе", 1872 г., апрѣль, 670 - 675.

расположеніемъ князя Голицына и потому непосредственно обратился къ министру духовныхъ дѣлъ съ слѣдующимъ письмомъ, возымѣвшимъ большее дѣйствіе, чѣмъ отношеніе графа Ланжерона и епископа Димитрія.

10-го мая 1821 года о. Ѳеофилъ писалъ князю А. Н. Голицыну:

«Сіятельнѣйшій князь

Милостивый Государь и Благодѣтель!

«Бѣдственное положеніе братьевъ нашихъ грековъ въ Константинополѣ, конечно, небезъизвѣстно Вашему Сіятельству. Константинополь, который нѣкогда былъ колыбелью христіанъ, содѣлался нынѣ страшнымъ для нихъ гробомъ. По словамъ ищущихъ спасенія жизни своей въ Одессѣ, не проходитъ дня, чтобы нѣсколько христіанъ не было принесено въ жертву необузданной лютости варваровъ. Лютость сія, наконецъ, дотого простерлась и увеличилась, что въ самый первый день Пасхи константинопольскій патріархъ Григорій преданъ былъ поносной смерти купно съ шестью архіереями, составлявшими Сѵнодъ. Съ того времени, сіятельнѣйшій князь, какъ христіанское вѣроисповѣданіе получило свободу, нѣтъ въ исторіи примѣра столь ужаснаго злодѣйства, которое поражаетъ сердце глубочайшею скорбію. Злодѣйство сіе, соединенное съ поруганіемъ имени Христова и разрушеніемъ церквей, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Константинополя, учинено по волѣ тамошняго правительства, которое требовало отъ патріарха, дабы всѣ христіане въ день Пасхи собраны были въ церквахъ своихъ. Святый іерархъ, проникнувъ тайну злобнаго намѣренія мусульманъ, отклонилъ отъ того осужденныхъ на смерть грековъ и, такимъ образомъ, самъ содѣлался жертвою адскаго ихъ мщенія. Вскорѣ послѣ литургіи, которую патріархъ совершалъ въ домѣ своемъ, правительство заключило его въ темницу; между тѣмъ отдано было повелѣніе, влача его изъ темницы ко вратамъ патріаршескаго дома, повѣсить въ оныхъ. Злодѣйство сіе учинено предъ вечернею службою. Визирь, изъ опасенія, дабы христіане не произвели смятенія, цѣлый часъ находился возлѣ висѣлицы, куря табакъ. Тѣло патріарха, равно какъ и тѣла прочихъ архіереевъ, которые были преданы той же смерти въ разныхъ улицахъ Константинополя, оставлены были, въ теченіе трехъ дней, для зрѣлища народнаго. Потомъ повелѣно было жидамъ снять тѣло патріарха и влачить оное по улицамъ города, изрыгая ужасныя хулы на Христа Спасителя и Его церковь. Наконецъ, послѣ всѣхъ ругательствъ, учиненныхъ надъ тѣломъ патріарха, брошено было оное съ камнемъ въ море, но Господь посмѣялся злобѣ хулителей своихъ. Тѣло патріарха, брошенное съ камнемъ въ море, на другой день приплыло къ тому самому судну, на коемъ находился одинъ изъ слуг-

телей патріаршихъ, было взято на судно и привезено къ одесскому порту въ 5-й день текущаго мая.

«Для удостовѣренія въ истинѣ, что привезенное тѣло есть дѣйствительно тѣло убіеннаго патріарха, было сдѣлано, сіятельнѣйшій князь, слѣдствіе, каковое препровождается къ Вашему Сіятельству господиномъ херсонскимъ военнымъ губернаторомъ.

«На другой день послѣ сего слѣдствія я приглашенъ былъ къ осмотрѣнію онаго совмѣстно съ греческимъ силистрійскимъ митрополитомъ и князьями Ганджери и Сутцо, недавно прибывшими изъ Константинополя въ Одессу. По вскрытіи гроба, который привезенъ былъ на берегъ гавани, всѣ узнали въ привезенныхъ останкахъ патріарха константинопольскаго Григорія. Чудно, сіятельнѣйшій князь, послѣ всѣхъ мученій, которыя дѣлаемы были ругателями надъ тѣломъ убіеннаго, всѣ члены онаго и даже самые волосы на головѣ и бородѣ сохранились невредимыми, кромѣ лѣваго глаза, который выколотъ былъ варварами. По совершенномъ удостовѣреніи въ тѣлѣ патріарха, оно обратно было отправлено на судно. Потомъ, какъ скоро были сдѣланы всѣ нужныя со стороны карантина распоряженія, тѣло пока было привезено на берегъ, гдѣ надъ онымъ совершена мною, совмѣстно съ карантиннымъ священникомъ панафида, послѣ которой тѣло было взято и въ сопровожденіи моемъ отнесено въ башню карантиннаго дома, въ коей попеченіемъ инспектора карантиннаго былъ нарочито приготовленъ гробъ, внутри обитый жестью, а снаружи покрытый смолою.

«Возсылая въ сокрушенномъ сердцѣ моемъ жарчайшее благодареніе Всемилосердому Спасителю и нашему Господу Іисусу Христу, чудеснымъ образомъ исхитившему тѣло іерарха изъ рукъ варварскихъ и повелѣвшему морю перенести оное къ берегамъ Россійской земли, я питаю себя утѣшительною надеждою, что ваше сіятельство благоволите исходатайствовать всемилостивѣйшее соизволеніе Его Императорскаго величества на совершеніе въ Одессѣ останкамъ вѣнчавшагося мученическою смертію патріарха константинопольскаго послѣдняго долга христіанскаго съ церковнымъ приличіемъ и на преданіе оныхъ землѣ въ греческой церкви, въ Одессѣ состоящей.

«Съ глубочайшимъ къ особѣ вашего сіятельства почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностію имѣю счастіе быть, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь и благодѣтель, вашего сіятельства всенижайшимъ послушникомъ архимандритъ Ѳеофилъ».

Князь Голицынъ получилъ письмо архимандрита Ѳеофила въ Петербургѣ 19-го мая, а 25-го мая о содержаніи его докладывалъ государю въ Царскомъ Селѣ. Императоръ Александръ Павловичъ высочайше повелѣть соизволилъ послать изъ своей придворной ризницы облаченіе для погребенія патріарха, а изъ казенной палаты г. Одессы выдать сумму денегъ, ка-

кая потребуется на расходы по погребенію. Государь приказалъ взять изъ придворной ризницы алтабасный золотой саккосъ съ омофоромъ, палицею, подризникомъ и съ прочими принадлежностями архіерейскаго облаченія. Крестъ и панагію для возложенія на покойнаго патріарха князь Голицынъ вытребовалъ изъ кабинета Его Величества. Крестъ и панагія были безъ драгоцѣнныхъ камней. Недоставало только одной митры, которой въ придворной ризницѣ совсѣмъ не имѣлось. Государь приказалъ взять митру изъ ризницы Александроневской лавры, но только безъ драгоцѣнныхъ камней, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи кабинетъ Его Величества далъ лаврѣ другую митру взамѣнъ взятой. Но и здѣсь встрѣтилось новое затрудненіе. Въ лаврской ризницѣ не нашлось ни одной митры, которая не имѣла бы украшеній изъ драгоцѣнныхъ камней. Намѣстникъ лавры, архимандритъ Товія, выбралъ самую бѣдную, да къ тому же траурную митру, отдѣланную жемчугомъ, число зеренъ которой простиралось до 1.085 штукъ. Князю Голицыну показалась такая митра очень цѣнной, такою же призналъ ее и графъ Аракчеевъ. Архимандритъ Товія представлялъ на выборъ Голицыну изъ лаврской ризницы еще четыре митры болѣе цѣнныя, и князь Голицынъ въ концѣ концовъ долженъ былъ остановиться на первой митрѣ, рекомендованной архимандритомъ Товіею, какъ самой недорогой сравнительно съ другими.

Всѣ принадлежности патріаршаго облаченія посланы были въ Одессу съ фельдъегеремъ Вороновымъ.

Государь повелѣлъ предать тѣло патріарха въ одесской греческой церкви по чиноположенію, соотвѣтствующему его высокому сану. Обрядъ погребенія, согласно волѣ государя, долженъ былъ совершать находящійся въ Одессѣ силистрійскій митрополитъ вмѣстѣ съ епископомъ бендерскимъ, викаріемъ Кишиневской митрополіи [1]). Въ отношеніи своемъ къ епископу бендерскому, преосвященному Димитрію, князь Голицынъ писалъ, чтобы онъ взялъ съ собою для церемоніи погребенія одного изъ подчиненныхъ ему архимандритовъ, причемъ напоминалъ, чтобы къ церемоніи непремѣнно былъ приглашенъ архимандритъ Ѳеофилъ, а также и всѣ духовныя лица греческаго исповѣданія и національности, находящіяся въ Одессѣ.

---

[1]) Кишиневскій митрополитъ Гавріилъ Банулеско умеръ 30 марта 1821 г. и епархіей управлялъ Димитрій Сулима, епископъ бендерскій, викарій Кишиневской епархіи, хиротонисанный 16 іюля 1811 года; 18 іюня 1821 г. Димитрій сдѣланъ былъ епископомъ кишиневскимъ; умеръ 4 августа 1844 г. (Строевъ, „Списки іерарховъ“ 553). До своего епископства Димитрій, окончившій курсъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ, долгое время проходилъ должность священника, а затѣмъ протоіерея въ г. Николаевскѣ. Онъ много потрудился въ переводѣ священныхъ книгъ на молдавскій языкъ. „Христ. Чтеніе“ 1872. Апрѣль.

Въ отношеніи къ военному генералъ-губернатору графу Ланжерону князь Голицынъ передавалъ тѣ же самыя, уже извѣстныя выше, распоряженія, причемъ заявлялъ, что всѣ расходы по погребенію патріарха, какъ бы велики они ни были, должны быть сдѣланы на счетъ казны.

Переписка съ Петербургомъ заняла болѣе мѣсяца. Ко времени погребенія патріарха прибыли въ Одессу проживавшій въ Яссахъ іерапольскій митрополитъ Григорій и аккерманскій епископъ Димитрій съ ректоромъ Кишиневской духовной семинаріи, архимандритомъ Иринеемъ [1]) и со всею архіерейскою свитою.

По распоряженію военнаго губернатора Н. Ѳ. Ланжерона на 17-е іюня назначенъ былъ выносъ, а 19-го числа самое погребеніе патріарха.

Приготовлено было два гроба. Наружный гробъ былъ обитъ фіолетовымъ плисомъ и обтянутъ золотой сѣткой, а внутри бѣлымъ атласомъ. Достойно удивленія то, что тѣло патріарха, мученически скончавшагося 10 апрѣля, нѣсколько времени влачимое по улицамъ города, брошенное затѣмъ въ море, лежавшее нѣсколько дней въ трюмѣ судна и наконецъ сорокъ два дня покоившееся въ башнѣ одесскаго карантина безъ всякихъ особенныхъ предосторожностей--сохранилось цѣлымъ и невредимымъ. За два дня до выноса, тѣло патріарха архимандритомъ Ѳеофиломъ при содѣйствіи другихъ благочестивыхъ христіанъ переложено было въ новоустроенный гробъ. Такъ какъ башня, въ которой до сихъ поръ покоилось тѣло, была очень тѣсна, то о. Ѳеофилъ распорядился устроить на дворѣ карантиннаго дома особый одръ, на который поставленъ былъ гробъ, а надъ гробомъ установленъ былъ балдахинъ, обитый малиновымъ плисомъ съ золотыми кистями и бахрамою. Гробъ патріарха окруженъ былъ двѣнадцатью подсвѣчниками.

Передъ выносомъ тѣла патріарха вся улица, по которой должно было пройти погребальное шествіе, усыпана была пескомъ, котораго потребовалось до двухъ сотъ возовъ, и по обѣимъ сторонамъ улицы разставлены были шпалерами войска.

Въ 8 часовъ утра 17-го іюня во всѣхъ церквахъ Одессы начался благовѣстъ. Въ началѣ десятаго часа утра прибылъ къ карантинному дому военный губернаторъ, графъ Ланжеронъ, а вскорѣ послѣ него при колокольномъ звонѣ во всѣхъ городскихъ церквахъ прибыли: Кириллъ, митрополитъ силистрійскій, Григорій, митрополитъ іерапольскій и Димитрій, епископъ бендерскій и аккерманскій. По совершеніи краткой

---

[1]) Ириней Нестеровичъ, впослѣдствіи епископъ пензенскій (съ 1816—1830), въ 1830—1831 годахъ архіепископъ иркутскій, въ 1831 году уволенъ на покой въ Спасоприлуцкій монастырь, въ 1848—1864 годахъ управлялъ Толгскимъ монастыремъ Ярославской еп., умеръ 18 мая 1864 г. Строевъ, „Списки іерарховъ„ 953,556.

панихиды, гробъ патріарха при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ съ стоявшихъ на рейдѣ кораблей и брантвахты, вынесенъ былъ священниками за ворота карантиннаго дома и установленъ на траурной подъ балдахиномъ колесницѣ, запряженной шестью покрытыми трауромъ лошадьми.

Шествіе открывалось большимъ запрестольнымъ крестомъ съ двумя впереди его фонарями, которые несли стихарные псаломщики; за ними слѣдовали въ два ряда хоругви отъ всѣхъ одесскихъ церквей, позади хоругвей четыре діакона несли крышку гроба. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ шелъ стихарный псаломщикъ, неся архіерейскій жезлъ, а позади его два стихарные псаломщика несли на двухъ малиновыхъ подушкахъ малый архіерейскій омофоръ и крестъ съ панагіею. За тѣмъ шелъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ по-парно, а за хоромъ пѣвчихъ шелъ особый стихарный псаломщикъ съ примикиріемъ (лампадою), послѣ чего слѣдовало духовенство по чинамъ и наконецъ преосвященные архіереи; предъ каждымъ изъ нихъ шли по два иподіакона съ дикиріями и трикиріями, а позади каждаго изъ нихъ—протодіаконъ и діаконъ съ кадилами.

Позади преосвященныхъ, въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, слѣдовала траурная колесница. Непосредственно предъ колесницею шли шесть человѣкъ въ мантіяхъ изъ чернаго сукна, въ траурныхъ шляпахъ и въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, имѣя зажженные факелы въ рукахъ. Точно такимъ же образомъ одѣтые другіе шесть человѣкъ шли около шести лошадей и также имѣли въ рукахъ факелы. У каждаго изъ четырехъ угловъ колесницы шло по одному діакону съ кадиломъ. шесть священниковъ поддерживали балдахинъ надъ гробомъ, и двѣнадцать человѣкъ изъ самыхъ почетныхъ гражданъ Одессы шли по сторонамъ колесницы съ возженными свѣчами. Позади колесницы шелъ военный генералъ-губернаторъ графъ Ланжеронъ въ сопровожденіи множества военныхъ и гражданскихъ чиновъ г. Одессы. Во все время погребальнаго шествія происходилъ во всѣхъ церквахъ звонъ.

Процессія останавливалась на своемъ пути въ трехъ мѣстахъ для чтенія Евангелія и краткой литіи по усопшемъ: первое мѣсто для этого назначено было при вступленіи въ черту города, второе—между греческимъ училищемъ и Ришельевскимъ лицемъ и третье—близъ соборной церкви.

Шествіе прибыло въ Одесскій Преображенскій соборъ во время совершенія заупокойной литургіи. Здѣсь заранѣе установленъ былъ среди церкви четырехъ-ярусный, обитый чернымъ сукномъ и отдѣланный серебрянымъ газомъ катафалкъ, на которомъ подъ балдахиномъ поставленъ былъ гробъ съ тѣломъ патріарха. Вокругъ катафалка поставлено было двѣнадцать траурныхъ подсвѣчниковъ. Во все время совершенія

литургіи по угламъ гроба стояли четыре діакона и постоянно кадили гробъ.

Послѣ литургіи и панихиды началось чтеніе Евангелія надъ гробомъ, которое непрерывно днемъ и ночью совершалось до самаго погребенія. 19-го іюня происходило самое отпѣваніе и погребеніе патріарха Въ отпѣваніи принимало участіе не только все городское духовенство и русское и греческое, но много духовныхъ лицъ пріѣхало въ Одессу по такому чрезвычайному случаю изъ разныхъ концовъ Кишиневской епархіи. Во время отпѣванія прибывшій незадолго предъ тѣмъ изъ Константинополя патріаршій проповѣдникъ Константинъ Икономосъ произнесъ на греческомъ языкѣ исполненное краснорѣчія надгробное слово усопшему патріарху Григорію V [1]).

По окончаніи отпѣванія, гробъ патріарха въ томъ же самомъ порядкѣ, какой наблюдался при его выносѣ, перевезенъ былъ изъ соборнаго храма въ греческую церковь, гдѣ онъ, по совершеніи панихиды и провозглашеніи вѣчной памяти, священнослужителями опущенъ былъ въ каменный склепъ, устроенный въ самой церкви на сѣверной сторонѣ алтаря. Надъ склепомъ поставлена была мраморная доска съ соотвѣтствующею надписью.

Сумма денегъ, истраченная казною на погребеніе константинопольскаго патріахра Григорія V, простиралась до 4.540 р.

Такимъ образомъ волею императора Александра I совершенъ былъ послѣдній священный долгъ христіанской вѣры и любви святѣйшему патріарху Григорію V, вѣнчавшемуся мученическою смертію. И нельзя при этомъ не поражаться и не благоговѣть предъ дѣйствіями премудраго Промысла Божія. Когда въ первый разъ достигла до Петербурга печальная вѣсть о мученической кончинѣ константинопольскаго патріарха, Св. Сѵнодъ просилъ государя сдѣлать распоряженіе о повсемѣстномъ въ Россіи совершеніи панихидъ по усопшемъ патріархѣ. Государь не дозволилъ этого. И вотъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ тому же самому государю Господь судилъ воздать послѣдній христіанскій долгъ и на государственныя средства похоронить несчастнаго патріарха.

---

[1]) Константинъ Икономосъ родился въ 1780 году въ Ѳессаліи; въ 1806 году въ санѣ священника патріархомъ Григоріемъ V сдѣланъ былъ намѣстникомъ солунскаго митрополита; въ 1819 г. Икономосъ былъ вызванъ къ патріаршему двору и сдѣлался патріаршимъ проповѣдникомъ. Во время греческаго возстанія убѣжалъ въ Одессу. По желанію императора Александра I былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ занимался учеными трудами. Его перу принадлежитъ сочиненіе: «О ближайшемъ сходствѣ славянскаго языка съ эллинскимъ». Икономосъ представлялся императору Николаю I, предъ которымъ горячо ходатайствовалъ за грековъ. Въ 1831 году Константинъ Икономосъ отправился въ Германію, затѣмъ въ Италію и наконецъ на всегда поселился въ Аѳинахъ, гдѣ и умеръ около 1860 года. „Странникъ“ 1860 годъ. Іюль.

Архимандритъ Ѳеофилъ подробно описалъ порядокъ погребенія патріарха Григорія V въ слѣдующемъ письмѣ князю Голицыну отъ 16-го іюля 1821 года.

«Сіятельнѣйшій князь
Милостивый Государь и Благодѣтель!

«Его Преосвященство Дмитрій, епископъ бендерскій и аккерманскій, въ бытность свою въ Одессѣ, доводя до свѣдѣнія вашего сіятельства о погребеніи тѣла блаженной памяти константинопольскаго патріарха, каковое послѣдовало по распоряженію, учиненному херсонскимъ военнымъ губернаторомъ графомъ Ланжерономъ, въ 19 день истекшаго іюня, предоставилъ мнѣ сообщить вашему сіятельству церемоніалъ погребенія совмѣстно съ надгробнымъ словомъ, при отпѣваніи тѣла произнесеннымъ прибывшимъ сюда изъ Константинополя греческимъ священникомъ, проповѣдникомъ и экономомъ патріаршаго дома на греческомъ языкѣ. Приведши къ окончанію переводъ помянутаго слова на русское нарѣчіе, священнымъ долгомъ поставляю представить оный купно съ подлинникомъ и церемоніаломъ погребенія вашему сіятельству; причемъ къ общему желанію присутствовавшихъ при погребеніи, а равно и самаго проповѣдника, осмѣливаюсь присовокупить покорнѣйшую мою просьбу объ исходатайствованіи Всемилостивѣйшаго соизволенія Его Императорскаго Величества на напечатаніе сего слова, буде ваше сіятельство благоволите признать оное достойнымъ того. Не дерзая быть судіею сего творенія, но исполняя волю благочестивыхъ слышателей онаго, мнѣ весьма пріятно засвидѣтельствовать предъ вашимъ сіятельствомъ, что творецъ есть богобоязненный христіанинъ, заслуживающій уваженія какъ по внутреннимъ его качествамъ, такъ и по его благочестивой жизни.

«Будучи исполненъ священнѣйшаго благоговѣнія къ милосердому Промыслу, явившему чудо въ останкахъ блаженной памяти патріарха, невредимо доставленныхъ въ предѣлы нашего отечества въ двадцать шестый день послѣ мученической его кончины, я не могу, сіятельнѣйшій князь, умолчать о томъ, что останки сіи, къ чести и славѣ Распятаго, сорокъ два дня покоившіеся въ башнѣ здѣшняго карантиннаго дома, сохранились также ничѣмъ невредимы. Между тѣмъ совѣтъ докторовъ предполагалъ разрушеніе ихъ на части и совершенную невозможность открыть ящикъ, въ коемъ они находились. Двумя днями прежде того, какъ послѣдовалъ выносъ, ящикъ былъ открытъ мною съ помощью благоговѣйныхъ христіанъ безъ малѣйшаго затрудненія. Тѣло, къ общей радости, найдено цѣлымъ и невредимымъ и, по совершеніи малой панихиды, свободно положено въ уготованный гробъ. При семъ, сіятельнѣйшій князь, нельзя не возблагодарить Бога, избравшаго Россію мѣстомъ покоища останковъ святѣйшаго патріарха, пострадавшаго

за церковь Христа Спасителя нашего, которые, по волѣ благочестивѣйшаго монарха нашего, покоятся теперь въ одесской греческой церкви.

«Но позвольте, сіятельнѣйшій князь, упомянуть здѣсь и о томъ благочестіи, каковое оказалъ православный народъ при погребеніи покойнаго патріарха. Почитая за священное дѣло прикоснуться къ ризамъ или ко гробу мученика, онъ не могъ удовлетворить тѣмъ благочестивой ревности своей, но, сопровождая его въ безчисленномъ множествѣ до мѣста, назначеннаго для упокоенія тѣла его, ознаменовалъ ревность свою раздробленіемъ на малѣйшія частички полотна, на которомъ тѣло предано было землѣ. Нельзя было безъ умиленія видѣть, сіятельнѣйшій князь, съ какимъ восторгомъ каждый цѣловалъ доставшійся ему лоскутокъ, полагалъ оный за пазуху или прижималъ къ сердцу.

«Все, что принадлежитъ до порядка, коимъ происходилъ обрядъ погребенія, представитъ вашему сіятельству церемоніалъ, при семъ прилагаемый. Между тѣмъ я за нужное почитаю довести до свѣдѣнія вашего, сіятельнѣйшій князь, что изъ двухъ омофоровъ, присланныхъ по Высочайшему соизволенію, купно съ прочею ризницею, для преданія землѣ съ тѣломъ покойнаго патріарха, одинъ малый, употребленный въ церемоніи, былъ оставленъ и, съ вѣдома его преосвященства, епископа бендерскаго и аккерманскаго, взятъ въ ризницу Кишиневской митрополіи.

«Повторяя предъ вашимъ сіятельствомъ просьбу мою о удостоеніи благосклоннаго вниманія препровождаемаго при семъ надгробнаго слова, имѣю счастіе пребыть съ совершеннѣйшею къ особѣ вашего сіятельства преданностью и всегдашнимъ послушникомъ, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь и благодѣтель, вашего сіятельства всенижайшій послушникъ, архимандритъ Ѳеофилъ».

Согласно ходатайству о. Ѳеофила, проповѣдникъ Константинъ Икономосъ получилъ изъ кабинета Его Величества наперсный крестъ съ эмалью, осыпанный алмазами, а произнесенное имъ надгробное слово напечатано было, по Высочайшему повелѣнію, на греческомъ и русскомъ языкахъ на счетъ Св. Сѵнода.

Высшая власть церковная, въ лицѣ Св. Сѵнода, не принимала никакого участія въ такомъ чисто церковномъ дѣлѣ, какъ погребеніе патріарха. Это происходило оттого, что министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, не счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія Сѵнода о прибытіи тѣла патріарха въ Одессу. Онъ только сообщилъ Св. Сѵноду «къ свѣдѣнію» о состоявшемся въ Одессѣ погребеніи патріарха около двухъ мѣсяцевъ спустя послѣ совершившагося событія, именно 10-го августа 1821 года.

*

Ровно черезъ полвѣка послѣ мученической кончины святѣйшаго патріарха Григорія, въ годъ празднованія Греческимъ королевствомъ пятидесятилѣтія своей независимости, смертные останки его перевезены были изъ Одессы въ Аѳины. Возвращеніе тѣла патріарха послѣдовало по ходатайству греческаго короля Георга I предъ государемъ императоромъ Александромъ II. Въ началѣ апрѣля 1871 года въ Одессу прибылъ греческій пароходъ «Византіонъ», на которомъ находилась особая коммиссія для принятія останковъ патріарха. Во главѣ коммиссіи стоялъ архіепископъ Каллиникъ, глубокій старецъ, бывшій при патріархѣ Григоріи V іеродіакономъ; въ число членовъ коммиссіи входилъ и племянникъ покойнаго патріарха, подполковникъ Георгій Ангелопуло.

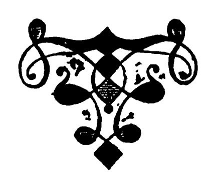
Торжество перенесенія останковъ патріарха было распредѣлено на три дня и раздѣлилось на три дѣйствія. 8-го апрѣля происходило открытіе останковъ патріарха, которое состояло въ томъ, что въ присутствіи одесскаго архіепископа Димитрія и членовъ эллинской депутаціи, при запертыхъ дверяхъ храма, былъ раскрытъ склепъ, и останки патріарха съ ветхимъ гробомъ положены были въ новый гробъ, который затѣмъ поставленъ былъ посреди храма на катафалкѣ. Затѣмъ храмъ былъ открытъ, и народъ допущенъ къ поклоненію.

9-го апрѣля происходило съ особенно торжественною церемоніею, при огромномъ стеченіи народа, перенесеніе останковъ патріарха изъ греческой церкви въ каѳедральный соборъ, гдѣ совершена была заупокойная литургія и панихида, окончившіяся только въ двѣнадцатомъ часу; но служеніе панихидъ надъ гробомъ по желанію разныхъ отдѣльныхъ лицъ продолжалось безъ перерыва до одиннадцати часовъ ночи. Всѣ православные жители Одессы съ великимъ благоговѣніемъ относились ко гробу священно-мученика патріарха. По отзывамъ очевидцевъ, «многіе поклонялись гробу съ крестнымъ знаменіемъ, лобызали не покровъ одинъ, но, подымая покровъ, лобызали самыя доски гроба и старались захватить хоть пылинку отъ праха ветхихъ досокъ его; прикасались лицомъ своимъ къ покрову и святительской мантіи, бывшимъ на гробѣ".

10-го апрѣля, въ самый день мученической кончины патріарха, при такой же торжественной церемоніи, происходило перенесеніе останковъ патріарха изъ каѳедральнаго собора на пароходъ. Стеченіе народа было такъ велико, что ничего подобнаго не запомнитъ Одесса въ лѣтописяхъ своего города. Огромная соборная площадь была вся залита народомъ. По совершеніи панихиды въ соборѣ, гробъ патріарха поднятъ былъ священниками, и открылось шествіе величественной процессіи. Впереди ѣхалъ отрядъ казаковъ, затѣмъ слѣдовали пѣхотныя войска съ музыкою, потомъ несли церковныя хоругви и шли пѣвчіе,

а позади ихъ—духовенство; гробъ патріарха несли священники, кисти гроба поддерживали четыре самыя почетныя лица, двое изъ русскихъ и двое изъ грековъ, позади гроба шелъ генералъ-губернаторъ, одесскій градоначальникъ, городской голова, затѣмъ несли городскія знамена. Шествіе замыкала артиллерія и отрядъ казаковъ. По обѣимъ сторонамъ шествія были разставлены войска. Балконы, окна, кровли — все покрыто было зрителями. Процессія въ строгомъ порядкѣ достигла пристани. Послѣ литіи и провозглашенія вѣчной памяти патріарху Григорію, гробъ его былъ поставленъ на пароходъ «Византіонъ», который въ тотъ же день отплылъ изъ Одессы. Утромъ 12-го апрѣля онъ прибылъ въ Босфоръ. Турецкое правительство никому изъ грековъ не позволило поклониться праху патріарха. На Босфорѣ болѣе двадцати греческихъ судовъ присоединились къ «Византіону». Отрядъ греческихъ судовъ прошелъ мимо Константинополя самымъ малымъ ходомъ вдоль берега, усыпаннаго толпами зрителей. Въ Пиреѣ гробъ патріарха былъ встрѣченъ королемъ, духовенствомъ и войсками и на рукахъ принесенъ былъ въ Аѳины и поставленъ въ аѳинскомъ каѳедральномъ соборѣ [1].

Свящ. **В. Жмакинъ.**

[1]) „Странникъ". Май 1871 г. 177—191.

Заводскій бунтъ на Уралѣ въ 1829 году.

[Изъ быта рабочихъ и горно-заводскихъ крестьянъ Урала [1])].

I.

Тяжелая была пора для нашихъ крестьянъ во время крѣпостничества внутри Россіи, въ центрѣ просвѣщенія и государственнаго строя, гдѣ можно было скорѣе найти судъ и правду; но каково-то жилось крестьянамъ на окраинахъ, объ этомъ врядъ-ли кто знаетъ, ибо наша историческая литература совсѣмъ бѣдна свѣдѣніями о тѣхъ «медвѣжьихъ уголкахъ», «откуда,—по выраженію Гоголя,—хоть три года скачи», и то далеко не ускачешь, о тѣхъ далекихъ мѣстахъ, гдѣ было мало просвѣта, гдѣ былъ только мракъ, невѣжество, гдѣ стояла темнота и была глушь непроходимая, и гдѣ произволъ, самоуправство и грубая воля присныхъ не имѣли себѣ границъ и царили, не зная надъ собой другой власти.

Подъ тягостью непосильнаго гнета особенно изнывали крестьяне уральскихъ горныхъ заводовъ отъ своихъ управляющихъ и приказчиковъ, которымъ помѣщикъ, жившій по преимуществу въ Петербургѣ и заграницей и не являвшійся никогда въ свои обширныя владѣнія, предоставлялъ полнѣйшую свободу дѣйствій и неограниченную власть.

Есть масса примѣровъ безчеловѣчнаго обращенія этихъ правителей съ крестьянами, но того больше безконтрольнаго обиранія рабочихъ различными поборами, незаконными уплатами долговъ и обремененіемъ заводскими работами, выше урочнаго положенія. Народъ былъ забитъ,

---

[1]) Изъ дѣлъ Уфимскаго (прежняго Оренбургскаго) губернскаго правленія.

замученъ, потому что имъ распоряжался всякій, кто только хоть маленькую власть имѣлъ надъ нимъ, и били его кто хотѣлъ и за что хотѣлъ, а чаще всего ни за что, ни про что, такъ себѣ, «здорово живешь».

Въ памяти заводскихъ крестьянъ особенно сильно сохранился образъ приказчика Чижева, который наказывалъ рабочихъ положительно ради своего удовольствія и для поддержанія своего своего престижа. Осмотритъ онъ въ куреняхъ [1]) работы, все найдетъ исправно и довольный отправится домой, въ Катавъ-Ивановскій заводъ. «Слава Богу,—думаютъ крестьяне,—проводили». Но не тутъ было. По дорогѣ онъ вспомнилъ: «Ахъ, чортъ возьми, какъ же такъ, сегодня ни одного мужика не отхлесталъ», и съ половины пути возвращается назадъ.

— Эй, Иванъ, возьма-ка розги, да отпорика вотъ Макара. Я, кажется, давненько его не билъ.

— Помилуйте, Дмитрій Антонычъ!—взмолится тотъ,—за что же? чѣмъ я провинился?

— Знаю, братъ, что ты не виновенъ, но нельзя же приказчику, побывавши въ куреняхъ, не отпороть никого. Что же про меня будутъ говорить на заводѣ? Пойми ты, дурья башка! Скажутъ, что приказчикъ не строгъ, плохо осматриваетъ работы, коли не побилъ никого. Нѣтъ, братъ, ложись. Хоть ты, можетъ быть, не Макаръ, а Захаръ, а все-таки выпороть тебя, хоть не больно, а надо.

И пороли, и, конечно, ужъ не тихонько, а какъ слѣдуетъ, основательно. Что же это была бы за порка, если бы пороли такъ себѣ, для виду только. Вѣдь приказчику отъ того мало пользы. Вотъ когда спину вздуютъ до пузырей, тогда, значитъ, приказчикъ—человѣкъ честный, заботится о хозяйскомъ интересѣ.

Да, были времена, лихія времена! Дай Богъ, чтобы они никогда больше не вернулись. Грубость нравовъ и недостатокъ просвѣщенія—всему виной. Какъ будто строгость въ томъ только и заключается, что непремѣнно надо бить.

И боялись же послѣ того крестьяне этихъ приказчиковъ, кстати сказать, кажется, больше всего на свѣтѣ. До чего доходилъ страхъ первыхъ передъ послѣдними, въ лѣтописяхъ уральскихъ заводовъ разсказывается такой характерный случай, лучше всего рисующій забитость и угнетенность порабощеннаго народа [2]).

Какъ-то разъ въ сельскую церковь во время богослуженія вошелъ молодой парень и всталъ въ шапкѣ.

---

[1]) Мѣсто, гдѣ производится выжиганіе угля.

[2]) „Уфим. губ. вѣд.“ 1893 г. № 36.

— Что ты дѣлаешь? Сними шапку!—толкнулъ его рядомъ стоящій мужичекъ.

— А что!—удивился тотъ.—Рази Егоръ Тимоѳеичъ здѣсь?

Егоръ Тимоѳеевичъ Бисяринъ былъ приказчикъ этого завода.

— Дурень! чать тутъ церковь!

— А ..а!—протянулъ парень и скинулъ шапку.

Рѣдки, очень рѣдки бывали случаи, чтобы заводскіе управляющіе и приказчики когда-нибудь терпѣли за свои злодѣянія народу законное возмездіе. Въ Катавскихъ, напримѣръ, заводахъ, насчитывается единственный одинъ только примѣръ, какъ приказчикъ Утушкинъ, за дерзкіе свои поступки съ народомъ, послѣ цѣлаго ряда слезныхъ жалобъ губернской власти, наконецъ, былъ привлеченъ къ отвѣтственности и заключенъ въ тюрьму.

Народъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда земскій исправникъ Оршеневскій «во всей формѣ и орденахъ», точно ѣхалъ арестовать какого высокаго преступника, явился на заводъ. Дѣло было утромъ. Утушкинъ сидѣлъ въ заводской конторѣ и дѣлалъ распоряженія: кого выпороть розгами, кого отправить въ острогъ, кому заняться какой работой, когда туда вошелъ исправникъ.

— Утушкинъ!—обратился онъ къ нему,—за всѣ твои злоупотребленія властью, по распоряженію начальства, именемъ закона, я арестую тебя.

Приказчикъ нѣкоторое время смотрѣлъ на Оршеневскаго, точно хотѣлъ сказать: «Не съ ума ли ты сошелъ. Кто же, молъ, его, главнаго здѣсь хозяина, арестовать можетъ?» Исправникъ повторилъ свое требованіе.

— Не имѣешь права,—крикнулъ Утушкинъ.—Я здѣсь уполномоченное лицо, я дѣлаю все, что слѣдуетъ, въ интересахъ владѣльца, и никто не имѣетъ права распоряжаться здѣсь, кромѣ меня и хозяина. А васъ я знать не хочу. Знайте, что, если я донесу владѣльцу, вы поплатитесь за эту дерзость. Убирайтесь къ чорту!

Но исправникъ впередъ предвидѣлъ такой отвѣтъ и, конечно, пришелъ не съ пустыми руками и не одинъ. Онъ отворилъ дверь и махнулъ кому-то. Явились три казака, схватили Утушкина, заковали его въ желѣза и посадили сначала въ заводскій острогъ, гдѣ уже сидѣло десять крестьянъ, ранѣе посаженныхъ имъ. Къ дверямъ былъ приставленъ казачій караулъ, съ приказаніемъ не допускать къ нему никого. Но народъ и безъ того боялся показаться ему на глаза. Даже тогда, когда его отправляли въ тюрьму въ г. Уфу, крестьяне не показывали носа изъ своихъ домовъ, а то, чего добраго, соскочитъ съ телѣжки, да и отпоретъ тутъ же,—«зачѣмъ-де глазѣете!» Дорогой Утушкинъ все-таки не переставалъ увѣрять всѣхъ, что онъ скоро вер-

нется и по-прежнему будетъ тиранить народъ. Но этому не суждено было сбыться; онъ умеръ въ тюрьмѣ, не дождавшись суда и расправы надъ нимъ. Видимо, совѣсть, какъ неутомимый судья, сломила дикую натуру гордости и своеволія, и онъ не выдержалъ нравственныхъ мученій передъ неизвѣстнымъ еще ему, но, очевидно, тяжкимъ и строгимъ возмездіемъ.

II.

Чрезвычайно сильный антагонизмъ между рабочими и служащими почему-то особенно замѣчался на заводахъ, такъ называемыхъ Верхне-Исетскихъ или Катавскихъ: Усть-Катавскомъ, Катавъ-Ивановскомъ, Юрезанскомъ и Миньскомъ, въ Уфимскомъ уѣздѣ, которые въ описываемое время, т. е. въ 1829 году, когда тамъ произошло одно изъ печальныхъ происшествій, стоившее нѣсколькихъ жизней, принадлежали княгинѣ Аннѣ Григорьевнѣ Бѣлосельской-Бѣлоозерской, супругѣ князя Александра Михайловича. Чѣмъ объяснить непримиримую вражду первыхъ съ послѣдними—Богъ вѣсть. Можно только предполагать одну причину, что раньше заводы эти принадлежали и даже основаны [1]) частнымъ предпринимателемъ, симбирскимъ купцомъ Иваномъ Борисовичемъ Твердышевымъ (впослѣдствіи за свое усердіе произведенъ въ коллежскіе асессоры), а крестьяне и рабочіе были выходцами изъ другихъ областей, переселенные сюда чуть не насильно, когда, послѣ 1735 года, по проекту секретаря сената Кирилова, предположено было образовать новую губернію—Оренбургскую, куда приглашали не только желающихъ, но различнымъ предпринимателямъ, кто бы они ни были, дозволялось покупать изъ центральныхъ губерній крестьянъ и переводить ихъ на новыя и нетронутыя земли. Служащіе же, т. е. приказчики и управляющіе, назначались большею частію «изъ своихъ», изъ «симбиряковъ», которые на остальную братію — рабочихъ, смотрѣли свысока, какъ «не ихняго поля ягода».

Рабочими были по преимуществу крестьяне Рязанской и Московской губерній, селившіеся на новыхъ мѣстахъ отдѣльно другъ отъ друга, т. е. выходцы изъ одного селенія отъ поселенцевъ, вышедшихъ изъ другой губерніи или уѣзда и даже волости, застроивались особыми улицами, которыя и по днесь носятъ названія тѣхъ селъ и деревень, откуда

---

[1]) Родословіе этихъ заводовъ таково: Катавъ-Ивановскій построенъ на р. Катавѣ въ 1755 г., Юрезань-Ивановскій на р. Юрезани—въ 1758 г., Усть-Катавскій въ 1759 г. и Миньскій въ 1762 году.

вышли эти крестьяне, какъ, напримѣръ, Никольская, Никитинская, Калиновская и проч., и, конечно, рѣдко сходились съ тѣми поселенцами, которые были присланы сюда самимъ хозяиномъ и жили здѣсь на «особливомъ», какъ бы льготномъ, положеніи. Даже тогда, когда послѣ смерти въ 1771 году Твердышева, умершаго бездѣтнымъ, заводы эти по наслѣдству перешли къ сестрѣ его, бывшей замужемъ за Мясниковымъ, а эта послѣдняя при выдачѣ своей дочери Екатерины Ивановны замужъ за статскаго совѣтника Григорія Васильевича Козицкаго, отдала ей всѣ заводы Катавскіе въ приданое, отъ которой они потомъ, также въ качествѣ приданаго, перешли къ дочери Аннѣ Григорьевнѣ [впослѣдствіи статсъ-дама] [1]); на заводахъ этихъ остались тѣ же порядки, какіе были и во времена купеческаго управленія, и на крестьянъ мало обращалось вниманія помѣщицей ихъ, которая, видимо, не знала, до чего тутъ доходило самоволіе и самоуправство служащихъ, хотя главное управленіе заводовъ было въ Петербургѣ подъ ея личнымъ руководствомъ.

Помимо грубаго, деспотическаго обращенія съ крестьянами, управляющіе, конторщики, приказчики и куренные мастера эксплоатировали ихъ елико возможно. Народъ обременялся непосильными работами, провіантъ продавался не по покупной цѣнѣ, а такъ, какъ вздумается конторщику, какъ это было въ 1828 году, когда рожь на базарѣ стоила 35 коп., заводскія конторы отпускали ее своимъ крестьянамъ по 75 коп. пудъ, и такая цѣна произвольно удерживалась и въ теченіе 1829 г., несмотря на значительное уменьшеніе прежнихъ цѣнъ на рынкѣ. Сильно рабочіе жаловались еще на то, что конторы производили непомѣрные вычеты изъ заработанныхъ ими денегъ въ уплату долговъ будто бы помѣщицѣ за взятыхъ для заводскихъ же работъ лошадей и за сѣмена на посѣвъ полей, и долги эти съ каждымъ годомъ, несмотря на каждомѣсячныя уплаты, накоплялись все больше и больше, а у нѣкоторыхъ доходили до 300—500 рублей, хотя крестьянами княгини они были всего только десять лѣтъ.

«Я самъ былъ свидѣтелемъ,—говоритъ въ своемъ донесеніи, отъ 21 іюля 1829 г., начальнику уральскихъ горныхъ заводовъ заводскій исправникъ Пузыревскій [2]), что крестьянину Павлу Григорьеву работавшему съ 1 марта по 15 іюня, причиталось 10 руб. 40 коп., но Миньскою заводскою конторою ему выдано было только 2 руб. 80 коп., а остальные вычтены за долги, слишкомъ въ 300 руб., числящіеся за нимъ».

Слѣдовательно, не было никакого сомнѣнія, что конторщики и

---

[1]) „Уфимскія губ. вѣд." 1893, № 26, „Русск. Старина", апрѣль 1892.

[2]) Пузыревскій былъ командированъ на Катавскіе заводы, вслѣдствіе происходившихъ тамъ безпорядковъ для производства слѣдствія.

приказчики не столько оберегали интересы своей помѣщицы, сколько заботились о набитіи своего кармана.

Терпѣли, терпѣли крестьяне, наконецъ и ихъ нечеловѣческое терпѣніе лопнуло. Среди нихъ нашелся какой-то грамотей, заводскій служащій Илья Таракановъ, настрочилъ онъ имъ просьбу, и они, въ сентябрѣ 1828 года, подали ее оренбургскому гражданскому губернатору, дѣйствительному статскому совѣтнику О. Л. Дебу, изложивъ подробно, какъ приказчики «чинили имъ обиды, жестокіе побои и притѣсненія». Къ прошенію этому подписалось и за безграмотностію «приложили руки» 2.571 человѣкъ. Но губернаторъ Осипъ Львовичъ, одинъ изъ самыхъ худшихъ губернаторовъ оренбургскихъ, бездѣятельный, несправедливый и отличавшійся не особенно завидной репутаціей въ дѣлѣ управленія [1], вмѣсто того, чтобы, въ виду серьезности дѣла, самому лично на мѣстѣ провѣрить эту жалобу и разобрать дѣло или хотя по крайней мѣрѣ командировать изъ г. Уфы [2]) для производства слѣдствія особаго своего чиновника, распорядился очень неумѣло. Тараканова, якобы главнаго возмутителя и зачинщика, онъ приказалъ безъ всякой причины заключить въ тюрьму, а производство дознанія поручилъ управляющему тѣхъ же Катавскихъ заводовъ, подполковнику Гаферландъ.

Конечно, послѣ того не трудно догадаться, какъ производилось это слѣдствіе. «Свой своему по неволѣ другъ» — здѣсь оправдалось какъ нельзя быть точнѣе. Гаферландъ, само собою разумѣется, выгородилъ во всемъ своихъ подчиненныхъ служащихъ, дѣйствовавшихъ, какъ потомъ оказалось, по его же наущеніямъ, и обвинилъ во всемъ крестьянъ, препроводивъ изъ нихъ пять человѣкъ въ тюрьму.

Понятно, что такая вопіющая несправедливость не могла пройти безслѣдно. Народъ не выдержалъ. Доведенный притѣсненіями до послѣдней степени напряженности въ своей ненависти къ притѣснителямъ, онъ дожидался только единственной одной спички, чтобы воспламениться. Гаферландъ чиркнулъ этой спичкой, огонь вспыхнулъ, и начался пожаръ, такой пожаръ, который потомъ пришлось заливать вооруженной силой. Разыгралась драма, драма плачевная, кровавая, одна изъ тѣхъ горькихъ драмъ, какими полонъ бытъ нашего крѣпостничества и особенно заводскаго люда гордыхъ твердынь величественнаго Урала, но о которыхъ почти нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ нашей литературѣ.

---

[1]) Въ архивѣ генералъ-угбернаторской канцеляріи есть много дѣлъ о его незаконныхъ и несправедливыхъ дѣйствіяхъ.

[2]) Здѣсь необходимо замѣтить, что центръ гражданскаго управленія Оренбургской губерніи была г. Уфа, гдѣ жилъ и гражданскій губернаторъ. Въ Оренбургѣ же сосредоточивалось все военное управленіе этого края, подъ личнымъ завѣдываніемъ начальника всей губерніи, такъ называемаго военнаго губернатора.

III.

Дѣло началось, можно сказать, изъ-за пустяковъ, но потомъ, благодаря неумѣлымъ распоряженіямъ, разгорѣлось въ открытое возмущеніе.

24-го мая этого 1829 года въ Юрезань-Ивановскій заводъ пріѣхалъ земскій исправникъ Коуровъ, которому послѣ Гаферланда было поручено дальнѣйшее производство слѣдствія по крестьянской жалобѣ. Но едва только онъ успѣлъ остановиться на квартирѣ, какъ къ нему съ жалобой на приказчика Максима Костина явился крестьянинъ Егоръ Шерстеневъ. Хотя жалоба эта заключала самое заурядное явленіе въ заводскомъ быту, но исправникъ почему-то придалъ ей иное значеніе, чѣмъ слѣдовало бы въ сущности.

Шерстеневъ разсказывалъ, что, состоя при заводѣ сотеннымъ урошникомъ, онъ весь мѣсяцъ май, вмѣстѣ съ сыномъ, провелъ въ «дровосѣкахъ»[1]), гдѣ принималъ куренныя дрова для жженія угля. Окончивъ пріемку, онъ 22-го числа возвратился въ Миньскій заводъ, но на другой день приказчикъ Костинъ отдалъ приказаніе отправиться его сыну Ѳедору въ дер. Шубину за тесомъ, причемъ выдалъ ему, для этой работы, одинъ станъ колесъ, которыя на самомъ дѣлѣ были никуда не годны,—сырыя и неокованныя. Въ виду этого, Шерстеневъ не исполнилъ приказанія приказчика, а купивъ у сосѣда новый станъ колесъ, отправился въ поле на распашку земли для посѣва. Костинъ призналъ такой поступокъ за ослушаніе, вытребовалъ къ себѣ Шерстенева и «оштрафовалъ его лозами», при этомъ и самъ «таскалъ его за волоса».

По опросѣ свидѣтелей, дѣйствительно подтвердилось, что Шерстеневъ былъ наказанъ розгами, но приказчикъ «за волоса его не таскалъ». Напротивъ, самъ Шерстеневъ, послѣ его оштрафованія, ругалъ Костина буяномъ, разбойникомъ и кровопійцей.

«Усматривая въ сей неправильной жалобѣ непозволительный поклепъ» на строгость Костина, исправникъ, не долго думая, приказалъ бывшему съ нимъ унтеръ-офицеру горнозаводской команды взять Шерстенева подъ стражу.

— Ребята, заступитесь!—крикнулъ Шерстеневъ толпившемуся около квартиры исправника народу, потомъ рванулся, оторвалъ у унтеръофицера рукафъ и былъ таковъ.

Крестьяне, предводительствуемые своими односельчанами: Строевымъ, Сырцовымъ, Шиндинымъ и Слѣпцовымъ, зашумѣли и стали настойчиво требовать «наказать Костина за Шерстенева». Исправникъ сначала ласково уговаривалъ ихъ, потомъ началъ на нихъ кричать и

---

[1]) Мѣстность, гдѣ вырубается лѣсъ.

стращалъ угрозами. Но это мало помогло дѣлу. Народъ еще больше заволновался.

Въ виду такого оборота дѣла, для успокоенія крестьянъ, исправнику слѣдовало бы хоть наружно показать, что онъ сочувствуетъ имъ и готовъ наказать приказчика. Наконецъ, чтобы оградить себя и спасти Костина, онъ могъ временно даже арестовать его. Но вмѣсто этого онъ вынулъ изъ своей папки Высочайшій манифестъ отъ 12 мая 1826 г. и указъ Правительствующаго Сената отъ 10-го августа 1826 г. [1]) и прочелъ ихъ крестьянамъ. Тутъ поднялся такой шумъ, гвалтъ, гамъ, крики, полетѣли камни въ окно, что исправникъ давай Богъ ноги, сѣлъ въ телѣжку и уѣхалъ въ сосѣдній Катавъ-Ивановскій заводъ.

Обо всемъ случившемся, конечно, сообщено было губернскому начальству, а Юрезань-Ивановская контора, чтобы еще больше обвинить крестьянъ, слѣдомъ за этимъ послала исправнику донесеніе, что «75 человѣкъ урочныхъ углесидовъ, нѣкоторые не склавъ въ кучи дрова, другіе, хотя и склали, но, не осыпавъ землею и не обложивъ дерномъ, самовольно безъ позволенія конторы, куренныхъ мастеровъ и надзирателей, по наущенію Егора Шерстенева, уѣхали домой для исправленія своихъ нуждъ».

На мѣсто происшествія былъ командированъ правящій должность заводскаго исправника чиновникъ Пузыревскій, который пришелъ къ совершенно иному выводу.

Неисправность крестьянъ произошла отъ ненастнаго и холоднаго времени, заставивъ ихъ гораздо позже обыкновеннаго обработывать поля и засѣвать яровое, чтó дѣйствительно было необходимо для поддержанія ихъ немудренаго хозяйства, и къ тому же съ 1-го мая по 17-е іюня шли непрерывные дожди, не позволявшіе имъ выполнить заводскіе уроки и поставившіе ихъ въ невозможность продолжать работу въ болотистыхъ и неровныхъ мѣстахъ, наполнившихся водой.

«Все это показываетъ,—какъ доноситъ онъ 21-го іюля главному начальнику горныхъ заводовъ,—что крестьяне ни чуть не расположены уклоняться отъ работъ, а напротивъ обнаруживаетъ «кичливый и неблагонамѣренный духъ» приказчика Утушкина, другаго Костина и по-

---

[1]) Особеннаго интереса нѣтъ приводить эти указы дословно; чтобы понять ихъ, достаточно сказать, что первый начинается такъ: „Извѣстно стало, что распространяются слухи, что казенные крестьяне будутъ освобождены отъ уплаты податей, а помѣщичьи отъ повиновенія ихъ господамъ. Но эти слухи есть ложные, поэтому всѣ крестьяне во всей точности должны исполнять всѣ обязанности, закономъ предписанныя". Во второмъ же указѣ говорилось, „что крестьяне, не повинующіеся предписаніямъ закона по сему указу, будутъ предаваться военному суду".

добныхъ имъ куренныхъ мастеровъ»; и, какъ одну изъ вѣрнѣйшихъ и цѣлесообразныхъ мѣръ для успокоенія крестьянъ, онъ предлагалъ смѣнить съ должностей этихъ двухъ приказчиковъ и еще двухъ куренныхъ мастеровъ Сигина и Любимова, «ибо они могутъ довести ненавидѣвшій ихъ народъ до послѣдней крайности». Увы! начальство не вняло голосу Пузыревскаго, оказавшагося потомъ пророческимъ.

Въ этотъ же пріѣздъ, крестьяне Миньскаго завода просили исправника дать отпускъ 25-ти человѣкамъ изъ нихъ, чтобы съѣздить въ Уфу выручить Тараканова, за котораго «они обязались круговой порукой защищать его». Съ такой же просьбой на другой день 17-го іюля явилось къ нему еще 6-ть крестьянъ Юрезань-Ивановскаго завода, также просившихъ для той же цѣли отпустить 50 человѣкъ. Конечно, Пузыревскій не уважилъ ихъ просьбы и насколько могъ старался отговорить ихъ отъ такого опаснаго предпріятія. Онъ только, соглашаясь на ихъ доводы, разрѣшилъ имъ отсрочку на выполненіе заводскихъ работъ. Но едва онъ уѣхалъ изъ завода, какъ 45 человѣкъ категорически отказались ѣхать въ курени, а 18-го числа крестьяне Шерстеневъ и Карнеевъ самовольно отправились въ Уфу съ цѣлію освободить Тараканова, для чего необходимая на ихъ проѣздъ сумма была собрана съ окрестныхъ крестьянъ по раскладкѣ: съ крючныхъ мастеровъ по 1 руб., съ подмастерьевъ—70 к., рабочихъ—40 к. и со всѣхъ прочихъ, желавшихъ помочь этому дѣлу, по 50 коп. Узнавъ такой казусъ, исправникъ снова принужденъ былъ пріѣхать въ Юрезань.

Возбужденіе крестьянъ уже дошло до высшей степени, и утро 21-го іюля разразилось открытымъ возмущеніемъ. Зачинщики—Базановъ, Карабановъ, Строевъ, Марахтинъ и Сырцовъ, явившись къ Пузыревскому, настойчиво требовали, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ списокъ крестьянамъ, въ числѣ 2.571 человѣкъ, подписавшихся подъ новой просьбой, которую они хотѣли подать губернатору на незаконныя дѣйствія бывшаго управляющаго Гаферланда и на несправедливо произведенное слѣдствіе о Таракановѣ. Но исправникъ отказался подтвердить подлинность всѣхъ подписавшихся и сталъ снова увѣщевать ихъ, «что такой своевольный поступокъ не пройдетъ даромъ, ибо помимо уѣзднаго суда дѣло будетъ представлено выше».

— Что вы намъ тольуете!—отвѣчали крестьяне,—мы сами хорошо знаемъ, что дѣлаемъ. Вы вотъ лучше освободите намъ Тараканова, а то мы безъ него никогда не будемъ спокойны.

Пузыревскій, понятно, ничего не могъ сказать имъ на это, и зачинщики ушли объявить о такой неудачѣ своимъ односельчанамъ, которые «въ значительномъ количествѣ» уже собрались за околицей. Исправникъ хотѣлъ было ѣхать туда «разогнать толпу», но его успѣли предупредить во-время, что цѣль сбора крестьянъ напасть на него съ управляю-

щимъ заводами Петровымъ, связать ихъ и потомъ начать поголовное избіеніе всѣхъ заводскихъ служащихъ.

Дѣйствительно, немного погодя, толпа въ 300 человѣкъ подошла къ дому управляющаго и такими же требованіями, съ какими являлась къ исправнику, приступила къ нему. Между тѣмъ, другая шайка, гораздо больше первой, собиралась на противоположной сторонѣ улицы, у забора, противъ квартиры Петрова.

Кое-какъ увѣщаніями и обѣщаніями управляющему удалось уговорить первую, и она отхлынула прочь. Но тутъ, подъ предводительствомъ крестьянина Базанова, приступила другая, стоявшая до того у забора.

Пузыревскій и Петровъ стояли, окруженные только пятью преданными имъ рабочими, и откуда-либо другой помощи трудно было ожидать. Нельзя было не опасаться насилія со стороны остервенѣвшихъ крестьянъ. На грѣхъ еще исправникъ взялъ подъ свое покровительство крестьянина Сурина, одного изъ посылавшихся въ Уфу ходоковъ для освобожденія Тараканова, но не исполнившаго порученія, такъ какъ на пути туда былъ перехваченъ полиціей. Крестьяне же считали, что онъ самъ добровольно передался властямъ.

— А ты здѣсь, измѣнникъ! здѣсь, продажная душа!—увидя его, заорали бунтовщики.—Бери его!

И нѣсколько человѣкъ начали взбираться на крыльцо дома. Крики и угрозы сыпались со всѣхъ сторонъ. Бѣшенство крестьянъ возрастало съ непомѣрной силой. И исправнику ничего не оставалось дѣлать, какъ только удовлетворить желаніе крестьянъ. Онъ выдалъ имъ Сурина, и толпа на нѣкоторое время успокоилась.

Сначала предводитель шайки Базановъ нѣкоторое время тихо и «пристойно» разговаривалъ съ нимъ, потомъ вдругъ схватилъ его за воротникъ кафтана и началъ наносить ему удары. Сурину однако удалось вырваться, и онъ бросился бѣжать въ домъ управляющаго. Базановъ за нимъ, преслѣдуетъ его, нагоняетъ въ коридорѣ, снова беретъ за шиворотъ, выволакиваетъ наружу, толпа нахлынула на него, и началась несчастному нещадная потасовка.

«Ни повелительный голосъ, ни просьбы, ни увѣщанія» управляющаго и исправника не повели ни къ чему.

— Уйдите вы отсюда ради Бога безъ грѣха,—отвѣчали крестьяне,—а то и вамъ то же будетъ. И какъ хотѣлось мучили, били и топтали ногами свою жертву. Они хотѣли выпороть его розгами и ужь приготовились къ этому. Только «напоминанія религіозныя» по случаю воскреснаго дня немного поколебали ихъ намѣреніе.

— Побойтесь Бога, братцы!—умолялъ Пузыревскій,—сегодня праздникъ, люди Богу молятся, а вы кровь проливаете. Ну, будетъ, побили, бросьте!

Толпа, наконецъ, оставила Сурина, хотя главные зачинщики, Базановъ и Карабановъ, все еще кричали: «Бей его до смерти! Онъ намъ измѣнникъ!»

Много еще помогло благопріятному обороту дѣла и то, что исправникъ, въ угоду крестьянамъ, поспѣшилъ приказать посадить его подъ стражу при заводской полиціи.

Удовлетворивъ такимъ образомъ свою месть и успокоенные Пузыревскимъ, что «чрезъ десять дней къ нимъ пріѣдетъ слѣдователь и всѣ ихъ жалобы разберетъ по правдѣ», крестьяне мало-по-малу стали расходиться, но при этомъ не забыли напомнить исправнику, чтобы «въ заводъ для допроса былъ вытребованъ и Таракановъ, а то они до той поры не будутъ спокойны, а ежели только участь его будетъ отягчена, они произведутъ всеобщее волненіе».

— Мы вѣдь черезъ два дня получимъ отъ него извѣстіе и тогда готовы рѣшиться на все,—говорили они въ заключеніе.—Тогда посмотримъ, что будетъ съ вами.

Дѣло все болѣе и болѣе принимало угрожающій характеръ. Отношенія крестьянъ къ заводскимъ служащимъ обострялись съ каждымъ часомъ. Опасно становилось жить и въ заводахъ, и въ деревняхъ. И въ тотъ же день Петровъ надумалъ покинуть Юрезань-Ивановскъ и уѣхать въ Уфу, но, чтобы бунтовщики не преградили ему путь, онъ попросилъ Пузыревскаго проводить его.

Едва только выѣхали они изъ завода, толпа крестьянъ во главѣ съ тѣми же зачинщиками, окружила ихъ за околицей.

— Стой! Куда ѣдешь?—крикнулъ на управляющаго Карабановъ.

Петровъ перетрусилъ дотого, что едва могъ вымолвить, что ѣдетъ въ Уфу.

— А, въ Уфу! Жаловаться!—заоралъ другой зачинщикъ, Строевъ.— А, ну-ка, братцы!

— Постой! Постой! Что орешь?—вступился за управляющаго Базановъ и потомъ, обращаясь къ послѣднему, строго сказалъ: «Ежели въ Уфу, то поѣзжай и Тараканова намъ привези, а иначе не являйся!»

Вся толпа повторила тѣ же слова, и на голову управляющаго посыпались со всѣхъ сторонъ различныя укоризны, дерзости и ругань. Пузыревскій сталъ было уговаривать ихъ, но Карабановъ и Базановъ перебили его:

— Не съ вами говорятъ, молчите и слушайте, а то и вамъ будетъ!...

Наконецъ, толпа отхлынула, и управляющій цѣлъ и невредимъ поѣхалъ своей дорогой.

IV.

Въ Уфѣ только тогда всполошилось все губернское начальство, когда прибывшій туда управляющій разсказалъ о случившемся, а до того власти пальцемъ не пошевелили на всѣ извѣстія изъ заводскихъ конторъ и отъ исправника. Тотчасъ же полетѣли во всѣ стороны курьеры. Прежде всего было сообщено въ Оренбургъ военному губернатору, генералъ-адъютанту П. К. Эссенъ. Была послана также эстафета министру финансовъ, такъ какъ заводскіе крестьяне подчинялись вѣдомству этого министерства, и въ ближайшія крѣпости разосланы отношенія съ требованіемъ вооруженныхъ командъ. А между тѣмъ, для производства слѣдствія въ Юрезанскій заводъ былъ командированъ совѣтникъ Оренбургскаго губернскаго правленія, Дударь, и уфимскій земскій исправникъ.

По полученіи такого печальнаго извѣщенія, генералъ-адъютантомъ Эссенъ было сдѣлано распоряженіе для усмиренія непокорныхъ двинуть ближайшія команды башкиръ и мещеряковъ изъ Троицкаго и Уфимскаго уѣздовъ и казаковъ Уфимской станицы и внутренней стражи, и въ свою очередь Петръ Кирилловичъ донесъ объ этомъ случаѣ въ Петербургъ.

Волненія, между тѣмъ, среди крестьянъ ни чуть не прекращались. Когда отъ совѣтника Дударя нѣкоторые изъ возмутителей узнали, что Таракановъ не будетъ освобожденъ изъ острога, снова начали собираться шайки, одна изъ которыхъ едва-едва не разнесла по бревешкамъ Юрезанскую заводскую контору, и только благодаря вмѣшательству горно-заводской команды солдатъ и Пузыревскаго, также присутствовавшаго при слѣдствіи, бунтовщикамъ не удалось сдѣлать этого. Они ходили всюду съ ножами и топорами...

Выѣхавшіе слѣдомъ за Дударемъ для точнаго изслѣдованія дѣла и. д. оренбургскаго гражданскаго губернатора, вице-губернаторъ Безобразовъ, и совѣтникъ Пермскаго горнаго правленія, Сочеляевъ, не доѣзжая нѣсколько верстъ до Юрезанскаго завода, на дорогѣ получили извѣстіе, что крестьяне въ воскресенье 28-го іюля рѣшили собраться со всѣхъ окрестныхъ деревень въ Юрезань, чтобы произвести «окончательное возмущеніе.» И дѣйствительно, по пріѣздѣ въ заводъ, вицегубернаторъ засталъ у дома крестьянина Базанова большое сборище и «замѣтилъ особенное настроеніе крестьянъ, которое, по мѣрѣ разговора съ ними, обнаружило въ ихъ закоренѣлости, но, послѣ увѣщаній, они пали на колѣни и просили войти въ ихъ тягостное положеніе.»

При вторичномъ сборѣ крестьянъ на другой день, 29-го іюля, они подали вице-губернатору прошеніе, съ именнымъ «регистромъ» 2.581 именъ, въ которомъ жаловались на Гаферланда и на неправильно произведенное слѣдствіе по дѣлу Тараканова, гдѣ, между прочимъ, говорили: «А нынѣ узнавъ, что Таракановъ заключается въ тюрьмѣ, о которомъ весьма всѣ соболѣзнуютъ, ибо ему, Тараканову, преграждены всѣ пути къ оправданію».

Безобразовъ принялъ просьбу, провѣрилъ по списку всѣхъ собравшихся, отмѣтилъ отсутствующихъ и, успокоивъ ихъ, что самъ подробно разберетъ ихъ просьбу, просилъ разойтись по домамъ, и крестьяне безпрекословно всѣ отправились на работы.

Вице-губернаторъ дѣйствовалъ осторожно, боясь вооружить противъ себя крестьянъ и тѣмъ испортить дѣло. Пока еще губернскимъ властямъ нельзя было развернуться, чтобы показать свою силу, ибо «не вѣсть что могло произойти», а надежда на заводскую полицію была плохая, такъ какъ ея было слишкомъ мало, да она и сама боялась крестьянъ и, какъ напримѣръ, во время перваго волненія 21-го іюля разбѣжалась отъ страха по окрестностямъ. Воинскія же команды еще не успѣли прибыть въ заводы, хотя имъ и было предписано идти форсированнымъ маршемъ.

Наконецъ, 1-го августа изъ Уфы прибыли 37 казаковъ, за ними еще 150 башкиръ и мещеряковъ изъ ближайшихъ кантоновъ Уфимскаго уѣзда, затѣмъ явилось 100 мещеряковъ изъ 3-го кантона, а потомъ 2-го августа прибыла пѣхотная команда въ 288 человѣкъ, такъ что численности войскъ было достаточно, чтобы при случаѣ удержать крестьянъ въ повиновеніи.

Чувствуя уже за собой опору, вице-губернаторъ сталъ дѣйствовать энергичнѣе, и 3-го августа, чрезъ исправника, приказалъ крестьянамъ снова собраться въ Юрезанскій заводъ къ раннему обѣду, но они не исполнили этого приказанія и начали собираться только вечеромъ и даже ночью, такъ что сборъ ихъ состоялся на другой день.

Едва только наступило утро четвертаго числа и собранные крестьяне, въ ожиданіи начальства, стояли спокойно на площади у заводской полиціи, переговариваясь между собой,—вдругъ трахнулъ тревогу барабанъ, и изо всѣхъ концовъ заводскихъ улицъ по этому сигналу показались вооруженные съ ногъ до головы, съ нагайками въ рукахъ, въ синихъ мундирахъ, конные казаки, за ними на невзрачныхъ своихъ лошаденкахъ, въ мохнатыхъ шапкахъ, съ шашками на-голо, башкирскіе панцырники и мещеряки, слѣдомъ за конями скорымъ шагомъ, съ заряженными ружьями, бѣжала пѣхота. Крестьяне вздрогнули, перетрусили, поднялся плачъ, стонъ, крики. Конныя ко-

манды окружили бунтовщиковъ со всѣхъ сторонъ. Пѣхота заняла мѣсто внутри каре.

Пользуясь этой минутой всеобщаго смятенія, тутъ же прибывшій въ сопровожденіи всѣхъ прочихъ властей вице-губернаторъ обратился къ народу съ рѣчью [1]):

«Просьбу вашу я разсматривалъ, и требуется много соображеній по прежнимъ дѣламъ, находящимся нынѣ на производствѣ въ Оренбургской палатѣ уголовнаго суда, и поэтому не нахожу возможнымъ сдѣлать ей теперь окончательное разрѣшеніе. Но, чтобы всѣ жалобы ваши были на виду у правительства, я препроводилъ эту просьбу предсѣдателю судебной палаты. Отъ сего присутственнаго мѣста зависитъ дать ей законное направленіе. Съ своей стороны я настою, чтобы дѣло окончилось скорѣе. Служитель Таракановъ будетъ имѣть случай лично объяснить при спросахъ все то, что вы въ просьбѣ просите.

«Теперь обращаюсь къ списку. Въ немъ показано 2.571 душа. Между тѣмъ это—неправда. По перекличкѣ оказалось совершеннаго возраста до 18 лѣтъ 1.219 душъ, малолѣтковъ отъ 18 до 1 года — 949 душъ, вдвойнѣ написанныхъ — 215 душъ, умершихъ трое, въ числѣ коихъ нашлись такіе, которые далеко прежде возникшихъ жалобъ умерли. Написано именъ такихъ, какихъ никогда не было въ имѣніи, 148 душъ и двадцать номеровъ по ошибкѣ или умышленно къ составленію числа 2.571 душа вами надбавлено. Слѣдовательно, по списку имѣютъ право просить только 1.219 душъ. Зачѣмъ же вы обманываете начальство? Правительство печется объ васъ. Всѣмъ вашимъ жалобамъ данъ ходъ, и теперь онѣ присланы горнымъ правленіемъ для законнаго производства и направленія. Что правительство печется объ васъ, видно изъ указовъ пермскаго горнаго правленія отъ 20-го мая и 11-го и 17-го іюля сего года: 1) объ уменьшеніи по заводамъ владѣлицы вашей расположенія на рабочихъ людей уроковъ; 2) предписано Юрезань-Ивановской заводской конторѣ, дабы она выдавала вамъ деньги подъ заработки, если вы нуждаетесь; 3) постановлено въ обязанность госпожѣ вашей выдавать вамъ провіантъ по истинно покупной цѣнѣ, и 4) помимо того, обращено вниманіе избавить вашихъ малолѣтнихъ дѣтей отъ работы въ рудникахъ.

«Но вы не вняли симъ для вашей просьбы распоряженіямъ и начинаете дѣлать дерзости» [2])...

---

[1]) Рѣчь эта была представлена потомъ (9 августа) ген.-ад. Эссену. Приводимъ изъ нея только то, что относится къ дѣлу, избѣгая повтореній и уже извѣстныхъ данныхъ.

[2]) Здѣсь всего страннѣе то, что упоминаемыхъ Безобразовымъ указовъ крестьяне и въ глаза не видали, и никакихъ распоряженій начальства для

Далѣе вице-губернаторъ перечислилъ всѣ незаконныя дѣйствія крестьянъ, ихъ самовольные поступки и грубое обращеніе съ управляющимъ, съ исправникомъ и проч. и въ заключеніе сказалъ:

«Вы сдѣлали сами себѣ хуже. Теперь пеняйте на себя и на своихъ вожаковъ. Главныхъ изъ нихъ я отдамъ подъ военный судъ, а съ вами будетъ особая расплата»...

Крестьяне, въ числѣ 1.076 человѣкъ (за исключеніемъ 107, ранѣе изъявившихъ повиновеніе, которые находились въ сторонѣ отъ прочихъ), стояли въ смущеніи и упорно молчали.

— Что онъ насъ стращаетъ!—вдругъ изъ толпы выскочилъ одинъ изъ возмутителей, Осипъ Базановъ.—Мы до царя дойдемъ...

Народъ заволновался, начался снова шумъ, раздались крики. Видимо сильно было вліяніе на крестьянъ этого зачинщика. Можно было ожидать, что онъ увлечетъ за собой толпу.

Видя такой оборотъ дѣла, Безобразовъ, внѣ себя, крикнулъ:

— Взять его!

Солдаты конвойной команды подскочили и вмигъ связали преступника. Въ толпѣ пошелъ ропотъ, послышались угрозы и брань по адресу властей. Крестьяне «яростно желали» удержать Базанова среди себя и хотѣли его освободить, когда солдаты повели его подъ арестъ въ заводскую полицію. Однако, «повелительный голосъ» вице-губернатора и «сила команды положили тому границы».

Исхитивъ такимъ образомъ изъ толпы главнаго зачинщика бунта и потомъ отдѣливъ еще восемь, ему подобныхъ, не оставалось уже ничего болѣе, какъ приступить «къ дѣйствительнымъ мѣрамъ полицейскаго наказанія», которое было совершено сначала надъ этими девятью преступниками, а вслѣдъ затѣмъ еще надъ другими одиннадцатью возмутителями, которые были не менѣе тѣхъ виновны въ заговорѣ и дерзостяхъ противъ исправника Пузыревскаго и управляющаго Петрова.

Крестьяне смирились, пали на колѣни и молили о пощадѣ. Послѣ увѣщанія приглашеннаго для этого случая священника и по прочтеніи имъ покаянныхъ молитвъ, они обѣщались впредь быть въ полномъ послушаніи. Только 34 человѣка, «не взирая на произведенное надъ ними дѣйствіе усмиренія», оставались упорными въ своихъ требованіяхъ, почему они и были всѣ заключены подъ стражу. На другой день четырнадцать изъ нихъ «восчувствовали свое заблужденіе и принесли рас-

---

облегченія ихъ состоянія въ теченіе этого года сдѣлано не было. Мѣстныя власти ровно нисколько не заботились о томъ, какъ тиранили крестьянъ приказчики, а не госпожа ихъ, которая ничего не знала объ этомъ и никакихъ приказаній для истязанія крестьянъ не дѣлала.

каяніе». Но 20 человѣкъ остались совершенно непреклонными, оправдывая свое упрямство присягой Тараканову.

Власти были рады такому скорому и благопріятному окончанію дѣла. Безобразовъ, оставивъ на заводахъ воинскую команду въ 338 человѣкъ башкиръ и мещеряковъ, на другой же день уѣхалъ въ Уфу, откуда 9-го августа сообщилъ военному губернатору, «что въ заводахъ Ивановскомъ и Миньскомъ съ принадлежащими къ нимъ деревнями Шубиной и Тюбелясакиной возмущеніе прекращено; крестьяне приведены въ повиновеніе; тишина, порядокъ и спокойствіе возстановлены»; при этомъ испрашивалъ разрѣшенія, какъ поступить съ остальными непокорными, изъ коихъ девять человѣкъ причислены были къ главнымъ возмутителямъ, какъ-то: Юрезанскаго завода—Осипъ Базановъ, Филиппъ Кузнецовъ, Мартынъ Костинъ, Семенъ Базановъ, Аѳанасій Строевъ, Иванъ Карабановъ и Игнатій Сырцовъ, и Миньскаго завода: Егоръ Шерстеневъ и Андрей Карнеевъ; другіе же одиннадцать значились «подобными имъ», но менѣе виновные: Юрезанскаго завода: Яковъ Шондинъ, Савелій Самойловъ, Петръ Кузнецовъ и Никита Шлемовъ, и Миньскаго завода: Тимоѳей Малостенковъ, Иванъ Владыкинъ, Филиппъ Шерстеневъ, Агаѳонъ Лысовъ, Елисей Шерстеневъ, Василій Воробьевъ и Петръ Чернецовъ.

Въ отвѣтъ на сообщеніе Безобразова, Эссенъ увѣдомилъ, что, по донесенію его о первомъ возмущеніи крестьянъ въ Петербургъ, государю императору угодно было повелѣть отдать виновныхъ подъ военный судъ.

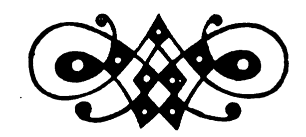
Тогда, подъ предсѣдательствомъ командира 3-го батальона 22-й пѣхотной дивизіи, въ Юрезанскомъ заводѣ, 20-го сентября, была учреждена временная военно-судная коммиссія, которая очень скоро окончила возложенное на нее порученіе, и уже 24-го октября того же 1829 года вынесла виновнымъ такую «сентенцію»: «Егора Шерстнева, Осипа Базанова, Ивана Карабанова, Аѳанасія Строева, Игнатія Сырцова, Мартына Костина, Андрея Карнеева, Семена Базанова и Филиппа Кузнецова на мѣстѣ казнить смертью, а девять человѣкъ, какъ оказавшихся, по испытаніи надъ ними умирительныхъ мѣръ, упорными и опасными для общества — Тимоѳея Малостенкова, Ивана Владыкина, Филиппа Шерстенева, Савелія Самойлова, Петра Кузнецова, Якова Шондина, Никиту Шлемова, Агаѳона Лысова и Елисея Шерстенева «арцибузировать», и Василія Воробьева лишить живота.

«Приговоръ прочесть имъ, заковавъ въ кандалы, а потомъ отправить ихъ за крѣпкимъ карауломъ въ Уфимскій тюремный замокъ, взыскавъ изъ описаннаго у нихъ имѣнія на 5.356 руб. 68 коп., причиненные по причинѣ ихъ непослушанія казенные убытки.

«Тараканова же, виновника всѣхъ разстройствъ, какъ за прежніе, такъ и за настоящіе его поступки, писанныя его рукою письма и разныя бумаги, съ симъ вмѣстѣ препроводить во 2-й департаментъ пермскаго горнаго правленія»...

Но что сталось съ этимъ преступникомъ, виновнымъ только въ строченіи жалобъ, изъ дѣла не видно. По всей вѣроятности, не помиловали и его. Очевидно, судя поэтому, въ старину сильнѣе преслѣдовалось писаніе различныхъ кляузъ доморощенными, но не признанными адвокатами.

П. Юдинъ.

НА ИНДІЮ.

(По поводу небывалаго похода атамана Платова).

Въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1893 годъ помѣщенъ довольно интересный и увлекательно написанный очеркъ г. А. В. Арсеньева, озаглавленный «Атаманъ Платовъ—завоеватель Индіи», въ которомъ описывается, какъ говоритъ и самъ авторъ, «легендарный походъ» Платова по повелѣнію императора Павла I для «уязвленія Англіи въ Индіи», по плану геніальнаго Наполеона, который, слѣдомъ за донскими казаками, «хотѣлъ провести черезъ Россію полмилліона своей побѣдоносной арміи до Волги, на судахъ спустить ее до Астрахани, а тамъ по Каспійскому морю до самаго Астрабада». Но не берусь судить, насколько въ данномъ случаѣ высоко воспарилъ геній Наполеона, не имѣвшаго ни малѣйшаго представленія о киргизскихъ степяхъ и народахъ этой страны вообще и о тактикѣ и военныхъ дѣйствіяхъ тамъ въ особенности, чтобы выдумать такой неудобовыполнимый и безразсудочный проектъ, по которому вся побѣдоносная армія его, послѣ же двухъ-трехъ переходовъ по дикимъ и безводнымъ степямъ, среди инородческаго населенія, враждебнаго всему европейскому, погибла бы неминуемо и безвозвратно, скорѣе даже, чѣмъ подъ Москвой. Для того, чтобы завладѣть въ то время Индіей, недостаточно еще было имѣть только 1.000.000 воиновъ. Надо было знать, куда и гдѣ вести, и какъ вести ихъ... Когда въ описываемое время не только предгорія Алайскаго хребта и Гималайскія горы находились въ рукахъ другихъ владѣтелей, но и большая часть степи между Аральскимъ и Каспійскимъ морями не была

еще подчинена намъ, такъ что далеко еще до Индіи большую половину «побѣдоносной» арміи пришлось бы потерять въ борьбѣ съ отчаянными туркменами и текинцами [1]), въ дикой, кровопролитной партизанской войнѣ, которую лихо ведутъ эти народы въ своихъ излюбленныхъ степяхъ, знакомыхъ имъ со дня рожденія, гдѣ извѣстны каждому изъ нихъ малѣйшая тропинка, незначительный кустикъ, овражекъ, камешекъ, колодецъ, бугорокъ, что̀ очень важно для дѣйствія въ открытомъ бою на широкомъ просторѣ почти дѣвственной пустыни. И такимъ образомъ этотъ геніальный планъ Наполеона для овладѣнія Индіей—нисколько не геніаленъ. Онъ даже не выдерживаетъ критики всякаго мало-мальски знакомаго съ киргизскими степями, съ духомъ азіатскихъ народовъ, особенно въ то время, и съ веденіемъ войны (такъ называемой «малой») въ этихъ странахъ. Да о дѣйствіяхъ большихъ отрядовъ тамъ не можетъ быть и рѣчи и нѣтъ никакого смысла... Вотъ если бы теперь, послѣ цѣлаго ряда опытовъ и послѣ завладѣнія почти всѣми азіатскими государствами, лежащими по дорогѣ въ Индію, Россія вздумала идти туда, то успѣхъ былъ бы вполнѣ обезпеченъ, даже съ арміей, въ десять разъ меньше предназначенной Наполеономъ.

Помимо вышеприведеннаго разсказа въ мартовской книжкѣ «Новаго Слова» за 1894 г., появился еще одинъ разсказъ: «Терпи казакъ!» г. Чернова, въ которомъ, хотя подъ другимъ соусомъ и въ другой окраскѣ, но также сюжетомъ избранъ походъ на Индію.

Не беря на себя трудъ оцѣнивать литературныя достоинства и цѣлость историческихъ данныхъ, какъ одного, такъ и другаго разсказа, а тѣмъ болѣе нѣкоторыя совсѣмъ даже неосновательныя выходки послѣдняго автора противъ перваго, я ограничусь только однимъ необходимымъ замѣчаніемъ, для чего и избираю совершенно нейтральное изданіе «Русскую Старину», какъ не заинтересованную ни тѣмъ, ни другимъ.

Въ обоихъ этихъ разсказахъ страннымъ кажется, что нѣтъ у нихъ конца; оба они обрѣзаны и недосказаны. Положимъ, какъ у одного, такъ и у другаго автора есть точныя указанія, когда послѣдовалъ высочайшій рескриптъ Павла I на имя донскаго атамана В. П. Орлова о приготовленіи казаковъ къ походу,—но и только. Не указано, въ какое время они собрались, когда выступили съ Дона, во сколько времени дошли до г. Оренбурга, когда выступили оттуда и, наконецъ, и самое главное—ни у одного не показано время возвращенія казаковъ, а между тѣмъ это очень важно,—поэтому безошибочно

---

[1]) Судя по разсказу А. В. Арсеньева, направленіе войскъ лежало черезъ Усть-Уртъ.

можно было бы судить о дѣйствительности совершеннаго Платовымъ на Индію похода.

Впрочемъ, у А. В. Арсеньева въ разсказѣ (на стр. 65, вын. 1), между прочимъ, сказано: «Уже въ слѣдующемъ 1801 году М. И. Платовъ былъ назначенъ вмѣсто Орлова войсковымъ атаманомъ (и пробылъ въ этой должности до смерти въ 1818 году), но до похода на Индію или послѣ?»

Вопросъ этотъ, повидимому, поставленъ потому, что А. В. самъ не увѣренъ въ томъ, былъ ли въ дѣйствительности совершенъ этотъ походъ и велъ ли Платовъ 41 полкъ и 2 роты конной артиллеріи по необозримымъ степямъ киргизскимъ, и за неимѣніемъ объ этомъ точныхъ данныхъ называетъ его «легендарнымъ,» хотя, судя по смыслу этой выноски, какъ будто пріурочиваетъ походъ къ 1800 году (?). Г-нъ же Черновъ настойчиво увѣряетъ, что походъ на Индію былъ и что «войско велъ атаманъ Вас. Петр. Орловъ. Платовъ же, въ чинѣ генералъ-маіора, командовалъ только первой колонной изъ 13 полковъ» (см. стр. 370, вын.). Но такъ ли это? былъ ли на самомъ дѣлѣ походъ подъ названіемъ «Походъ на Индію» и дѣйствительно ли уходили въ 1801 году съ Дона казаки?

Но прежде, чѣмъ подтвердить мысль эту архивными данными, не лишне, мнѣ кажется, провести параллель логическихъ доказательствъ несообразности предположеній о существованіи этого похода. Начнемъ по порядку.

Высочайшій рескриптъ на имя Орлова о сборѣ донцовъ въ походъ данъ въ Петербургѣ 12-го января 1801 года (какъ увѣряютъ оба автора), гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Отъ насъ ходу до Индіи отъ Оренбурга мѣсяца три, да отъ васъ туда мѣсяцъ, а всего мѣсяца четыре... Соберитесь вы съ онымъ (т. е. войскомъ) и выступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ или всѣми пойдите и съ артиллеріею прямо черезъ Бухарію и Хиву на р. Индусъ, и на завоеванія англичанскія, по ней лежащія; войска того края ихъ таковаго же рода, какъ ваше, а тамъ, имѣя артиллерію, вы имѣете полный авантажъ. Приготовьте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить, или осмотрѣть дороги... Соберите войска къ заднимъ станицамъ и тогда, увѣдомивъ меня, ожидайте повелѣнія идти къ Оренбургу, куда пришедъ, опять ожидайте повелѣнія идти далѣе» [1]).

Теперь прослѣдимъ, во сколько времени человѣчески возможно выполнить распоряженіе этого указа, и могли ли казаки съ Дона уже къ

---

[1]) Изъ разсказа г. Чернова (см. «Новое Слово», мартъ 1894 г. стр. 363—364) мы выбрали только тѣ выраженія, которыя необходимы для ниже идущихъ объясненій.

концу марта быть въ киргизскихъ степяхъ, какъ увѣряютъ оба автора, и пройти даже Эмбу (Арсеньевъ, стр. 67—69).

Отъ Петербурга до Дона около 1.600 верстъ. Если мы предположимъ, что курьеръ, отправленный на Донъ съ этой бумагой, былъ посланъ въ самый день выхода рескрипта и если онъ дѣлалъ по 25 верстъ въ часъ или около 500 верс. въ сутки (чего быть не можетъ), то прибылъ туда не ранѣе, какъ черезъ четверо сутокъ, т. е. 16 или 17-го марта. Пока были сдѣланы распоряженія, да пока посланы съ этимъ извѣщеніемъ по всѣмъ станціямъ гонцы, да пока-то казаки повернулись, да собрались, да выѣхали на сборный пунктъ,—времени прошло немало. Если теперь при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія въ случаѣ мобилизаціи казакамъ данъ срокъ для сбора три дня, то въ то время при трудности передачи извѣстій (вѣдь телеграфовъ тогда не было, кажется?) и при убійственныхъ дорогахъ для сбора срокъ надо по меньшей мѣрѣ утроить. И слѣдовательно войско донское могло собраться minimum въ 10 дней. На донесеніе объ этомъ и обратную оттуда посылку фельдъегера съ приказаніемъ надо также не менѣе 10 дней, такъ что казаки могли выступить съ Дона не ранѣе 5-го февраля. Если же, слѣдуя точному указанію вышеприведеннаго рескрипта, раньше выступленія войска были посланы лазутчики «приготовить и осмотрѣть дороги», то врядъ ли въ 2—3 мѣсяца эти посланные могли исполнить возложенное на ихъ порученіе, когда отъ Старочеркаска до Оренбурга было около 1.800 верстъ.

Допускаемъ, что этого не было исполнено, такъ какъ въ этомъ не требовалось особенной надобности, и предположимъ, что казаки пошли прямо безъ всякаго осмотра дорогъ. Но если бы они дѣлали maximum по 50 верс. въ день съ неизмѣнными дневками черезъ два перехода или хоть даже безъ нихъ, то только къ концу марта могли едва-едва добраться до Оренбурга, гдѣ въ эту пору уже начинается «теплынь», и поэтому не могло быть никакой рѣчи, какъ говорятъ гг. авторы, о метеляхъ, страшныхъ морозахъ и сильной смертности отъ холода и голода (?). Но гг. авторы идутъ еще далѣе и категорически утверждаютъ, что казаки прошли Оренбургъ, зашли далеко въ степь и даже за Эмбу (у г. Арсеньева). Удивительно, какіе лихіе казаки! Въ $1^1/_2$ мѣсяца отмахали чуть не 4.000 верстъ, да еще по степи безлюдной, на безкормицѣ, при сильныхъ стужахъ, голодѣ и безъ дороги, точно на крыльяхъ летѣли! Словъ нѣтъ, хотя донцы и дѣйствительно лихачи, но чтобы птицей летать,—воля ваша—врядъ-ли молодцы.... Къ этому не мѣшаетъ еще прибавить, что еслибы казаки дошли къ концу марта до Эмбы, то имъ не представлялось бы никакого труда, горя и лишеній идти дальше, когда тамъ въ это время открывается такая жара, какой въ Петербургѣ въ самое жаркое лѣто не бываетъ. Роскошная трава испускаетъ букетъ всевозможныхъ ароматовъ. Озера и рѣки блестятъ

чистой, зеркальной струей. Кругомъ стаи различныхъ пернатыхъ поютъ, свищутъ, стрекочатъ. Степь широкая только въ это время дышетъ и живетъ. Поэтому какіе же тутъ могутъ быть страшные холода и метели? Невольно вслѣдствіе этого является мысль замѣтить авторамъ двухъ показанныхъ выше сочиненій, что прежде чѣмъ писать «о меteляхъ и холодѣ», нужно было бы узнать климатическія условія Оренбургскаго края вообще и Киргизской степи въ особенности.

Такимъ образомъ только по этому одному трудно повѣрить, чтобы въ описываемое время былъ совершенъ походъ Платовымъ, да еще въ такой короткій срокъ,—два мѣсяца отъ дня изданія рескрипта (12 января 1801 г.) до вступленія на престолъ императора Александра I (12-го марта). Не былъ ли этотъ походъ въ другое время или хоть не были ли сдѣланы распоряженія подобныя для такого похода? Теперь приходится обратиться къ архивнымъ даннымъ.

Если бы на самомъ дѣлѣ походъ этотъ былъ, то въ архивахъ Оренбурга, черезъ который будто бы проходили донцы, во всякомъ случаѣ, хотя отрывочныя, но имѣлись бы свѣдѣнія объ этомъ. Не могло же быть, чтобы только одни донскіе казаки въ числѣ 27.507 человѣкъ были назначены въ походъ, когда на границѣ степей существовали ближайшія войска, болѣе опытныя для веденія степной войны и болѣе привычныя къ передвиженіямъ по степямъ, какъ напримѣръ, оренбургскіе и уральскіе казаки, полки башкиръ, тептярей и мещеряковъ и регулярныя войска по крѣпостямъ и городамъ. Почему же непремѣнно отдано было преимущество непривычнымъ къ степнымъ походамъ донцамъ и тащить ихъ еще за 2 тыс. верс. на линію, на которой стояло войскъ больше, чѣмъ было назначено донцовъ. Если уже уральскіе (бывшіе яицкіе) казаки, въ числѣ $2^1/_2$ тыс., и калмыки ходили на Хиву съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ, то въ этакомъ походѣ они обязательно должны были быть. Между тѣмъ мѣстные (оренбургскіе) архивы о ихъ назначеніи ничего не говорятъ и также спокойно умалчиваютъ вообще о индѣйскомъ походѣ. Зато есть неопровержимыя данныя объ экспедиціи на Хиву, да и то уже въ царствованіе императора Александра I.

Въ архивѣ упраздненной канцеляріи бывшаго оренбургскаго генералъ-губернаторства за 1804 годъ находятся объ этомъ свѣдѣнія, хотя далеко неполныя, по которымъ все-таки приблизительно можно составить такой разсказъ.

Эмиръ бухарскій издавна искренно желалъ завязать торговыя и дружественныя сношенія съ могущественной Россійской державой и не разъ еще при Екатеринѣ II присылалъ къ высочайшему двору нашему своихъ уполномоченныхъ сановниковъ въ качествѣ посланцевъ. Даже при часто случавшихся междоусобіяхъ въ степяхъ среди подвластныхъ и неподвластныхъ кочевниковъ, бухарское правительство обращалось за

помощію къ Россіи и возлагало на нее большія надежды для обузданія хищническихъ нападеній текинцевъ и хивинцевъ. Еще въ 1796 году ханскій намѣстникъ Максумъ Даніаловъ писалъ императрицѣ, прося, для огражденія бухарскаго государства отъ грабежныхъ шаекъ хивинскаго хана Ака-Мухамметъ, десять тысячъ русскаго войска и 50 пушекъ. Но посланныя на Оренбургъ два посольства не были приняты оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ барономъ Игельстромомъ, потому что не имѣли вѣрительныхъ грамотъ, и принуждены были ни съ чѣмъ уѣхать 14-го іюля 1797 года во-свояси. Только одинъ бухарскій мулла Пеклеванъ-Кули-Корчій, посланный моремъ на Астрахань, успѣлъ достигнуть Петербурга и представиться императору Павлу I; но обѣщано ли было ему какое содѣйствіе для отраженія бухарскихъ владѣній отъ Ака-Мухаммета,—того изъ дѣла не видно.

Когда же Наполеонъ заключилъ съ императоромъ Павломъ I союзъ противъ англичанъ, то тутъ-то, видимо, нашъ государь вспомнилъ о просьбѣ бухарцевъ, и былъ по всей вѣроятности составленъ планъ наступательныхъ дѣйствій по направленію къ Индіи черезъ «Бухарію и Хиву», съ надеждой на помощь бухарскаго государства и всѣхъ степныхъ киргизъ, тѣмъ болѣе еще, что въ концѣ 1800 года туркменскій владѣлецъ Пиръ-Гали-ханъ просилъ императора принять его съ народомъ въ подданство Россіи [1]. И вотъ поэтому-то на Донъ отъ 12-го января 1801 г. и былъ посланъ рескриптъ выступать казакамъ на «Бухарію и Хиву», хотя походъ этотъ въ то время не осуществился.

Со вступленіемъ императора Александра I-го на престолъ, о проектѣ этомъ забыли, конечно, и навѣрно никогда не вспомнили бы, какъ вдругъ, въ началѣ 1803 года, только-что принявшій ханское достоинство бухарскій владѣлецъ молодой Миръ-Гейдеръ-ханъ прислалъ къ Его Величеству своего диванъ-беги [2]) Ишъ-Мухамета Байкшіева съ поздравленіемъ по поводу вступленія императора на прародительскій престолъ и въ вѣрительной грамотѣ, между прочимъ, писалъ «о стѣсненномъ положеніи Бухаріи», окруженной со всѣхъ сторонъ хивинцами и текинцами. Въ отвѣтъ на эту грамоту «по большомъ Его Величества титулѣ» была послана бухарскому эмиру слѣдующая грамота:

«Божіею милостію мы, Александръ Первый, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и проч. и проч. и проч.

---

[1]) См. Матеріалы по исторіи Оренбург. губ. 1889, в. II стр. XXIII. Рескриптъ Павла оренбург. военн. губернатору Бахметьеву 23 ноября 1800 г. Слич. мою ст. «Адаевскій бунтъ», «Русская Старина», іюль, 1893 г., стр. 135.

[2]) Первый министръ или намѣстникъ ханскій. Не было еще ни разу, чтобы въ качествѣ посланника къ нашему двору присылалась такая «важная и высокая» у бухарцевъ особа. Видимо, ханъ хотѣлъ польстить Россіи и высказать больше уваженія императору.

«Бухарскія земли владѣтелю Миръ-Гейдеръ-хану, наше Императорскаго Величества поздравленіе.

«Листъ вашъ, отправленный къ высочайшему двору нашему съ посланникомъ вашимъ, почтеннымъ диванъ-бегіемъ, издавна вамъ усерднымъ Ишъ-Мухамедомъ Байкшіевымъ исправно намъ доставленъ, и оный посланникъ, купно съ прочими чиновниками свиты его, удостоенъ всемилостивѣйшаго предъ наше Императорское Величество представленія. Мы съ особою благодарностію принявъ изображенныя въ томъ листѣ изъявленія поздравленія вашего съ нашимъ вступленіемъ на Императорскій наслѣдственный всероссійскій престолъ и искренняго расположенія вашего болѣе и болѣе утвердить существующую между обоюдными нашими подданными прежнюю дружбу и доброе согласіе, симъ восхотѣли изъявить и вамъ такое же наше удовольствіе въ томъ, что и ваше высокостепенство по желанію всѣхъ подвластныхъ вашихъ приняли владѣніе земель, доставшихся вамъ послѣ высокостепеннаго родителя вашего, въ доказательство чего, охотно и позволили помянутому посланнику вашему ѣхать предѣлами имперіи нашей, въ высокому союзнику нашему Его Величеству султану въ Константинополь съ порученнымъ на имя его отъ васъ листомъ для доставленія. О обстоятельствахъ же, представленныхъ намъ тѣмъ посланникомъ вашимъ въ особомъ его приложеніи, на имя наше поданномъ, мы, повелѣвъ объявить ему наше высочайшее соизволеніе, которое и дано ему на письмѣ, повелѣли государственному канцлеру графу Воронцову и вамъ сообщить объ ономъ. Впрочемъ, мы, Великій Государь, наше Императорское Величество, по всемилостивѣйшемъ увольненіи его отъ двора нашего въ Константинополь и обратно къ вамъ, повелѣли дать сію нашу Императорскую грамоту въ знакъ особаго высочайшаго нашего къ вамъ благоволенія.—Дана въ столичномъ нашемъ городѣ Санктпетербургѣ марта 31-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1803 г. и царствованія нашего третіе». «Александръ».

Но что было написано графомъ Воронцовымъ бухарскому хану,—изъ архивныхъ источниковъ, къ сожалѣнію, узнать нельзя. Можно только догадываться, что дѣло касалось усмиренія кочевниковъ и предположенія похода на Хиву, по крайней мѣрѣ объ этомъ уже составлялся проектъ въ канцеляріи оренбургскаго военнаго губернатора князя Г. С. Волконскаго, который потомъ въ началѣ 1804 года былъ представленъ на благоусмотрѣніе государя, и въ отвѣтъ на это изъ Петербурга получилось такое, нелишенное интереса, письмо графа Кочубея, 1-го, отъ 23-го августа 1804 года.

«Милостивый государь мой, князь Григорій Семеновичъ!

«Съ курьеромъ, сегодня отправляемымъ, получите ваше сіятельство полное разрѣшеніе на представленія ваши, касательно устроенія ли-

ніи Оренбургской на лучшихъ основаніяхъ [1]), и экспедиціи на Хиву; а изъ рескриптовъ, ло сему случаю данныхъ, усмотрите вы, милостивый государь, какъ отличное благоволеніе, съ коимъ Его Величество принять изволилъ представленія ваши, такъ и особенную высочайшую къ вамъ довѣренность. Послѣдняя наипаче ощутительна должна быть вашему сіятельству въ томъ расширеніи, которое дается вамъ относительно времени и способовъ къ приведенію въ дѣйство вышеупомянутой экспедиціи.

«По извѣстной осмотрительности вашего сіятельства и опытности, столь долговременнымъ служеніемъ пріобрѣтенной. никакого сомнѣнія, конечно, быть не можетъ, что вы не иначе экспедицію сію предпримете, какъ по весьма зрѣломъ уваженіи пользы, которой отъ нея ожидать можно, и положительной увѣренности въ успѣхѣ ея. Не удобно было бы и малѣйшее что-либо отважить въ разсужденіи народовъ сихъ, которые, такъ какъ по свойствамъ азіатскихъ народовъ довольно вамъ извѣстно, тотчасъ и при малѣйшей неудачѣ въ состояніи возмечтать о себѣ много и могутъ наносить намъ безпокойства. Я потому и по искренней моей къ вашему сіятельству преданности не могъ не изъясниться съ вами здѣсь, особенно съ тою откровенностію, которая всегда меня въ разсужденіи васъ руководствовала, увѣренъ будучи, что, отдавая полную справедливость чувствамъ моимъ, вы въ прямомъ смыслѣ изволите принять изъясненія мои. Впрочемъ, ваше сіятельство, сообразивъ со всею подробностію планъ экспедиціи и опредѣливъ время, когда предпринять ее положите, не оставите, конечно, представить его на Высочайшее усмотрѣніе, чего Его Величество и ожидаетъ. Но затѣмъ и пока все сіе будетъ устраиваться, какія полезныя распоряженія можете вы, милостивый государь, начать по случаю усиленія поселенной линіи? Добро, которое сіе произведетъ, оставитъ по васъ всегдашнюю память. Я съ своей стороны искренно желаю, чтобъ не только вы предуспѣли образовать сіе поселенное войско [2]); но чтобъ и на другихъ границахъ нашихъ, гдѣ только можно, порядочная милиція водворена быть могла.

«Г-нъ Платовъ,снабдясь, какъ вы изъ рескрипта усмотрѣть изволите, повелѣніемъ о назначеніи трехъ полковъ, не получаетъ однакожъ ни-

---

[1]) По проекту Волконскаго была проведена новая линія крѣпостей, такъ называемая «Ново-Илецкая» линія, составленная изъ 6 форпостовъ (ниже Оренбурга по Уралу) на земляхъ Оренбургскаго и изъ 3-хъ—на земляхъ Уральскаго казачьихъ войскъ. (См. «Матеріал. по исторіи Оренбур. губ.» 1877, I, стр. 37).

[2]) По тому же проекту и въ томъ же 1810 году было сформировано четыре поселенныхъ батальона, которые потомъ въ 1842 г., подъ именемъ бѣлопахатныхъ солдатъ, перечислены въ оренбургскіе казаки. (См. тамъ же, стр. 44).

какого извѣщенія о предметѣ наряда сего. Я о семъ нужнымъ призналъ упомянуть вашему сіятельству, считая, впрочемъ, что вы такъ распорядитесь, дабы полки сіи были собраны по мѣстному соображенію вашему такъ, чтобъ имъ не оставаться долгое время праздными въ войскѣ».

Далѣе въ письмѣ идутъ сообщенія о подполковникѣ Ермолаевѣ, адъютантѣ кн. Волконскаго, но это для настоящей статьи не интересно.

Не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ (26-го сентября) князь Волконскій получилъ письмо и отъ Платова, еще разъ подтверждающее распоряженіе о «неизвѣстномъ» походѣ. Матвѣй Ивановичъ вотъ что писалъ оренбургскому военному губернатору:

Милостивый Государь,
Князь Григорій Семеновичъ!

«Имѣвъ счастіе получить по нарочной естафетѣ Всевысочайшее имянное Его Императорскаго Величества отъ 20-го числа прошлаго августа мѣсяца секретное повелѣніе о пріуготовленіи къ походу трехъ войска Донскаго казачьихъ полковъ и откомандированіи оныхъ по первому отзыву Вашего Сіятельства подъ главное ваше начальство, приказавъ имъ выступить въ то время и придти на то сборное мѣсто, какое для сего отъ васъ, въ слѣдствіе даннаго вамъ отъ Его Императорскаго Величества повелѣнія, назначено будетъ,—я въ споспѣшествованіе онаго и дабы не упустить время, 1-го числа отрядилъ состоящіе въ готовности три полка подъ командою подполковника и походнаго атамана Карасева 1-го и войсковыхъ старшинъ Малахова 1-го и Комисарова 1-го, и приказалъ имъ слѣдовать по пути къ сторонѣ Оренбурга—войска Донскаго къ Иловлинской станицѣ, ожидая о дальнѣйшемъ слѣдованіи предписанія, о чемъ донесено отъ меня и Его Императорскому Величеству. Ваше же сіятельство о семъ увѣдомляя, покорнѣйше прошу не оставить извѣстить меня, куда приказано будетъ полкамъ симъ идти отъ упомянутой станицы.

«Имѣю честь пребывать всегда съ особливѣйшимъ къ вамъ почитаніемъ и совершенною преданностію.

№ 4456.
Въ Черкаскѣ.
Сентября 7 дня
1804 года.

Милостивый Государь,
Вашего сіятельства
Покорный слуга
Матвѣй Платовъ.

Высочайшія распоряженія, какъ увидимъ ниже, были сдѣланы не только по полкамъ Оренбургской инспекціи, но и другимъ, ближайшимъ къ ней. Видимо, готовились къ этой экспедиціи не на шутку, такъ что являлось очень сомнительнымъ, чтобы конечнымъ пунктомъ похода была Хива. Изъ всѣхъ распоряженій, подъ видомъ усмиренія

кочующихъ ордынцевъ, безпокоившихъ своими воровскими набѣгами прилинейныхъ жителей, и наказанія покровительницы ихъ—вѣроломной сосѣдки нашей—Хивы,—однако, довольно рельефно выглядывало стремленіе пробраться до Индіи не для завладѣнія ею, а съ цѣлію завязать торговыя сношенія съ ней и стать твердой ногой въ Азіи, чтобы руководить мелкими туземными государствами. Но правительство съ тѣми боевыми силами, которыя имѣлись въ распоряженіи оренбургскаго военнаго губернатора и составляли отдѣльный Оренбургскій корпусъ [1]), очевидно, не рѣшалось рискнуть на такой дальній походъ. По этому же случаю было приказано вывести изъ Екатеринбурга Екатеринбургскій мушкатерный полкъ, обязанность котораго состояла лишь въ наблюденіи за ссыльно-каторжными, работавшими по заводамъ Уральскаго хребта, но министръ финансовъ воспротивился этому, объясняя необходимостію имѣть въ Екатеринбургѣ этотъ полкъ на случай усмиренія ссыльныхъ рабочихъ, такъ какъ другой воинской команды нѣтъ по близости, и государь императоръ, впредь до устройства Особой Горной команды, приказалъ полкъ этотъ оставить на прежнемъ мѣстѣ [2]).

По случаю также этого предпринимаемаго похода и могущественный графъ Аракчеевъ, начальникъ всей артиллеріи, не замедлилъ сдѣлать свое распоряженіе и прислалъ кн. Волконскому, отъ 11 октября 1804 г. собственноручное письмо [3]), въ которомъ писалъ;

Ваше сіятельство!

Милостивый Государь

Григорій Семеновичъ!

Всилу имяннаго указа, предписываю я господ. маіору Брамсу исполнить ваше повелѣніе; но какъ оные роты еще артиллеріи некомплектны, то предписалъ я въ случае надобности употребить лошадей съ конскою упряжью резервной артиллеріи у полковника Тарарыкина состоящей; артиллерійскихъ же орудіевъ состоитъ въ оныхъ ротахъ полевыхъ 12, и полковыхъ 4, а достальные 8 орудіевъ такъ же могутъ быть взяты изъ резервной артиллеріи отъ Господина Полковника Тарарыкина, уведомя обо всемъ ономъ вашего сіятельства, на-

---

[1]) Корпусъ этотъ составляли: пѣхотные полки: Рыльскій мушкатерный, Оренбургскій гарнизонный и Уфимскій мушкатерный; артиллеріи—23 орудія (полевыхъ и полковыхъ); кавалерія и конница: Оренбургскій драгунскій полкъ, Оренбургскій непремѣнный казачій, Тептярскій конный; Оренбургское казачье войско могло выставить еще 5 полковъ, Уральское—до 4 тысячъ человѣкъ конными; башкиры и мещеряки—до 12 конныхъ полковъ, а всего до 30 тысячъ человѣкъ.

[2]) Изъ сообщенія графа Кочубея князю Волконскому отъ 4 октября 1804 г. № 4295 (см. «Отношенія Министерскія» № 4801 въ Оренбургскомъ центральномъ архивѣ).

[3]) Приводится здѣсь подлинникомъ, съ сохраненіемъ орѳографіи.

деяся, что не оставитѣ мою артиллерію вашимъ пособіемъ, пребывавъ съ истиннымъ почитаніемъ и таковою же преданностію

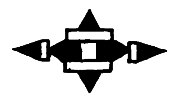
вашего сіятельства
Милостиваго Государя
Покорный слуга
Графъ Аракчеевъ.

Въ письмѣ же отъ 11 октября 1804 года, С. К. Вязьмитиновъ увѣдомлялъ князя Волконскаго, что по высочайшему повелѣнію изъ Омска выступили на Оренбургъ роты 9-го артиллерійскаго полка.

Но, несмотря на то, что войска стягивались къ Оренбургу со всѣхъ сторонъ и въ Оренбургѣ усиленно готовились къ хивинскому походу, экспедиція эта не состоялась, чему была помѣхой только-что открывшаяся война съ Турціей, и тѣ казачьи части, которыя были предназначены въ степной походъ, пошли въ обратную сторону, къ турецкой границѣ. Оставшіеся же въ Оренбургскомъ краѣ пѣхотные полки по высочайшему повелѣнію, подъ наблюденіемъ шефа Рыльскаго мушкатерскаго полка генералъ-маіора Окулова, были заняты приготовленіемъ 1.300 воловыхъ фуръ «для подвижныхъ провіантскихъ магазиновъ», которыя были сдѣланы только къ 1-му іюля слѣдующаго 1805 года и отправлены въ европейскую армію.

Такимъ образомъ «геніальный» планъ похода на Хиву и Индію, выдуманный, кстати сказать, не «великимъ» Наполеономъ, а простымъ смертнымъ, русскимъ генераломъ-отъ-инфантеріи княземъ Волконскимъ, воякой уже испытаннымъ и вполнѣ ознакомившимся съ климатическими условіями и духомъ народовъ Зауральскаго края,—не приведенъ былъ въ исполненіе по счастливой случайности, хотя эта случайность произошла отъ интригъ того же Наполеона, настроившаго враждебно Турцію противъ Россіи. Другаго же похода, можно поручиться вполнѣ, не было на Индію, по крайней мѣрѣ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Я перерылъ всѣ почти мѣстные архивы: оренбургскій центральный (весь), Тургайскій областной (до 1831 г.), самарскій губернскій и часть уфимскаго, но нигдѣ ничего даже подходящаго о индѣйскомъ походѣ временъ Павла не находилъ. Впрочемъ, настойчиво утверждать не могу. Можетъ быть, въ архивѣ бывшей военной коллегіи (теперь военнаго министерства) найдутся и болѣе положительныя свѣдѣнія.

П. Юдинъ.

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческія или историко-литературные статьи и матеріалы въ 1893—94 гг. [1]

Д. Г. Анучинъ,—А. В. Арсеньевъ.

Н. И. Барсовъ,—С. Бердяевъ,—В. А. Бильбасовъ,—Н. Богдановскій,—А. Вороновъ,—В. Ѳ. Боцяновскій,—М. Брадке, рожд. Коандеръ.

П. А. Валуевъ, графъ,—Н. В. Веригинъ,—Ф. А. Витбергъ,—К. А. Военскій,—Г. Воробьевъ,—А. Вышеславцевъ.

А. Голомбіовскій,—Д. Гофштеттеръ.

Баронъ Н. В. Дризенъ,—Н. Ѳ. Дубровинъ,—Ф. Духовниковъ.

Ѳ. П. Еленевъ.

Жмакинъ, В., свящ.,—Э. А. Жуковскій.

Н. Ѳ. Здекауэръ,—С. П. Зыковъ.

Н. С. Иванина,—Ильинскій, А. И., докторъ,—Ильинскій, Пав. свящ.,—князь Н. К. Имеретинскій,—В. А. Инсарскій.

М. Л. Каземъ-Бекъ,—Какушкинъ, А. А.,—Ѳ. П. Кеппенъ,—М. А. Константскій,—А. М. Княжевичъ,—В. П. Кулинъ.

К. Н. Ламздорфъ,—Н. П. Лебедевъ,—П. С. Лебедевъ,—Н. Леоновъ,—А. М. Ловягинъ,—М. Лопатина.

Л. Н. Майковъ,—Н. Михайловскій,—П. О. Морозовъ,—В. Мустафинъ.

В. Назарьевъ,—Неизвѣстный.

Н. Н. Оглоблинъ,—С. Ѳ. Огородниковъ,—А. П. Озеровъ,—М. Я. Ольшевскій.

Л. П. Павлищевъ.—Вал. Алексан. Панаевъ,—М. Л. Песковскій,—П. Пирлингъ,—М. М. Поповъ.

Л. М. Савеловъ,—А. И. Савельевъ,—І. Д. С.,—И. С.,—В. С—ъ,—Н. М. С—ъ,—А. Ѳ. Селивановъ,—В. Д. Смирновъ,—Н. Н. Соколовъ,—В. Изм. Срезневскій,—А. В. Стабровскій,—В. В. Стасовъ,—Г. И. Студенкинъ,—Г. Ѳ. Сюннербергъ.

В. В. Тимощукъ,—И. Н. Толстой,—А. Н. Труворовъ,—Н. А. Тучкова-Огарева.

Н. Финдейзенъ.

А. А. Харитоновъ,—В. Храневичъ.

Цвѣтаевъ, профессоръ,—П. Н. Цуриковъ.

Е. А. Чебаевскій,—И. А. Чистовичъ.

А. Ш.,—К. Шварсалонъ,—В. И. Шенрокъ,—Н. К. Шильдеръ,—Н. Л. Ширяевъ,—И. А. Шляпкинъ.

Л. П. Юдинъ,—В. М. Юзефовичъ.

Редакторъ „Русской Старины"

С. Зыковъ.

---

[1]) Подробный списокъ лицъ, сообщившихъ редакціи свои статьи съ основанія журнала (1870—1892 г.), былъ помѣщенъ въ декабрьской книгѣ 1892 года.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1894 г.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

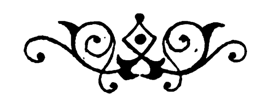
Исторія русской литературы.

Обозрѣніе историческихъ журналовъ и статей.

Библіографическія замѣтки.

стран.

3. К. А. Ивановъ. Средневѣковый замокъ и его обитатели въ эпоху процвѣтанія рыцарства. Съ рисунками. Изданіе „Учебнаго магазина". Спб. 1894 г. 80 стр. Цѣна 50 к. (тамъ же).
4. Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ VII. Судебныя рѣчи (1883—1892). Спб. 1894 г. 320 стр. Цѣна 2 руб. (на оберткѣ августовской книги „Русской Старины").
5. Французы и русскіе въ Крыму. Письма французскаго офицера къ своей семьѣ во время восточной войны 1853—1856 гг. генерала Эрбе, бывшаго полковаго адъютанта 95-го пѣхотнаго полка. Перевелъ съ французскаго. С. Л. Халютинъ. Минскъ 1894 г. 328 стр. (тамъ же).
6. Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ. Посмертный трудъ Николая Андреевича Челищева. Спб. 340+XX (на оберткѣ сентябрьской книги „Русской Старины").
7. Григорій де-Волланъ. По бѣлу свѣту. Путевыя замѣтки. Часть первая. Испанія.—Египетъ.—Цейлонъ и Индія. Спб. 1894 г. (тамъ же).
8. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. VII. А. В. Кольцовъ, его жизнь и литературная дѣятельность Біографическій очеркъ В. В. Огаркова. Съ портретомъ Кольцова и алфавитнымъ указателемъ его стихотвореній, положенныхъ на музыку (на оберткѣ октябрьской книги „Русской Старины").
9. Григорій де-Волланъ. По бѣлу свѣту. Путевыя замѣтки. Часть вторая. Бирма.—Ява.—Китай и Тонкинъ.—Кохинхина.—Камбоджа.—Сіамъ. Спб. 1895. (тамъ же).
10. Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка. Часть II. Исторія военнаго искусства въ новые вѣка до вѣка Людовика XIV и Петра Великаго включительно. Книжка 1-я. Военное искусство въ Западной Европѣ. Съ 29 чертежами, планами и картами. Составилъ экстраординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба полковникъ Гейсманъ. Спб. 1894 г. (на оберткѣ ноябрьской книги „Русской Старины").
11. С. Соважъ. Россійская Императорская армія. 16 наглядныхъ таблицъ формъ обмундированія. Спб. 1894 г. Цѣна 2 р. 50 коп. (тамъ же).
12. Николай Васильевичъ Гоголь и его „Переписка съ друзьями". Историко-литературный очеркъ П. А. Матвѣева. Спб. 1894 г. XXIII+152. Цѣна 1 р. 50 (на оберткѣ декабрьской книги „Русской Старины").
13. Забытый путь изъ Европы въ Сибирь. Енисейская экспедиція 1893 года. Составилъ В. И. Семеновъ. Спб. 1894 г. Цѣна 75 коп. (тамъ же).

XVII годъ. ◆◆ О ПОДПИСКѢ ◆◆ годъ XVII.

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карикатуръ

ШУТЪ

НА 1895 ГОДЪ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ЖУРНАЛЪ «ШУТЪ» ПОМѢЩАЕТЪ:

Болѣе трехсотъ раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографія). Болѣе тысячи карикатуръ — перомъ и карандашемъ. Не менѣе семисотъ столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста. Тысячи стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п. Карикатуры-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ. Карикатуры на художественныя выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п. Портреты выдающихся героевъ дня. Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будетъ печататься:

«ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНЫХЪ ЛИЧНОСТЕЙ».

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ для годовыхъ подписчиковъ:
РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ:

☛ ДОМОСТРОЙ ☚

НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

въ 25 главахъ съ изящными рисунками.

Текстъ Алёши Чудиловича.

I. Какъ дѣти учити и страхомъ спасати. II. Какъ дочь воспитати. III. Какъ невѣсту взяти. IV. Какъ дѣтямъ отца и мать любити. V. Наказъ мужу и женѣ, и людямъ. VI. Похвала женамъ. VII. Женамъ наказъ о пьянствѣ. VIII. Какъ мужу жену любити. IX. Какъ друга дома приниматн. X. О праведномъ житіи. XI. О неправедномъ житіи. XII. Какъ всяческое платье кроити и обрѣзки беречь. XIII. Какъ платье женѣ носить. XIV. Какъ кормить приходящихъ въ дому. XV. Какъ въ люди ходить и къ себѣ принимать. XVI. Какъ жить человѣку, смѣта животъ. XVII. Какъ дачу снимать и за нее не платить. XVIII. О торговыхъ людяхъ и о лавочныхъ. XIX. Какъ болѣзни лѣчить. XX. Какъ отъ всякихъ скорбей врачевати. XXI. Какъ съ начальными и подчиненными быти. XXII. Какъ слугъ наимати. XXIII. Какъ всякому человѣку рукодѣльничати. XXIV. Какъ капиталъ умножати и чистоту соблюдати. XXV. Какъ должникамъ платити.

За пересылку преміи приплаты не полагается.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ перес. и дост.		УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ безъ перес. и дост.	
На годъ	7 руб.	На годъ	6 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ	4 »	На 6 мѣсяцевъ	3 » 50 »
Заграницу	10 »		

Разсрочка по соглашенію съ конторою. Адресъ редакціи: Спб. Спасская, 17.

За редактора—издатель Р. ГОЛИКЕ.

3—1

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 81 и 82 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1894 года.

А.

Б.

*

Е.

И.

І.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

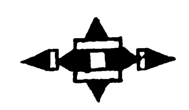
*

Ю.

Я.

Ѳ.

Составила Указатель Вѣра Васильевна **Тимощукъ**.

чинъ предсмертнаго уничтоженія руко-
и Мертвыхъ Душъ и въ заключе-
предлагаетъ наиболѣе вѣроятное объя-
іе причины сожженія Гоголемъ рукописи
торая часть „Мертвыхъ Душъ“ служила
аженіемъ того же настроенія духа и
ъ же мыслей, и душа умирающаго пи-
ля, жаждавшая мира и успокоенія, со-
гнулась при мысли о новой брани и воз-
деніи литературныхъ и партійныхъ стра-
й, которыя ожидали его послѣднее про-
деніе. Это и рѣшило судьбу рукописи.
ое объясненіе дѣла едва-ли не проще
е ближе къ истинѣ, чѣмъ мною выше
оженныя“).

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе
рико-литературнаго очерка П. А. Мат-
ва, который былъ первоначально напе-
нъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ трехъ
лѣднихъ книгахъ 1893-го и въ первой
4-го годовъ. К. Н.

Забытый путь изъ Европы въ Сибирь.
исейская экспедиція 1893 года. Со-
вилъ В. И. Семеновъ. Спб. 1894. Цѣна.
коп.

Книга г. Семенова содержитъ въ себѣ
саніе плаванія въ 1893 году экспедиціи,
тоявшей изъ двухвинтоваго буксирнаго
охода „Лейтенантъ Овцынъ“ (скорость
ше 10 узловъ), колеснаго буксирнаго
охода „Лейтенантъ Малыгинъ“ (скорость
ше 9 узловъ) и баржи „Лейтенантъ Ску-
овъ“. Экипажъ этихъ судовъ составляли
офицеровъ, 48 нижнихъ чиновъ, докторъ
фельдшеръ. Этой экспедиціи предстояло
слѣдовать путь къ устью Енисея, провѣ-
ь карты этого пути, изданныя гидрогра-
ескимъ департаментомъ, а также и карту,
ставленную Норденшильдомъ. Кстати упо-
немъ, что карты эти въ большинствѣ слу-
евъ оказались устарѣлыми и неточными.
редъ отважныхъ русскихъ моряковъ вы-
ъ изъ Думбартона (въ Шотландіи) 6-го
8-го) іюля и, послѣ многихъ лишеній, среди
вѣдомаго океана съ его полярными льдами,
стигъ Енисейска 5-го октября. Заслужи-
етъ вниманія, между прочимъ, то обстоя-
льство, что наше общество отнеслось къ
спедиціи почти равнодушно, тогда какъ въ
глін слѣдили за нею съ величайшимъ
тересомъ.

Трудъ г. Семенова состоитъ изъ четы-
хъ главъ и былъ сначала напечатанъ въ
Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1894 г. Въ первой
авѣ говорится о прибытіи главной силы
исейской экспедиціи изъ Петербурга въ
глію, о составѣ этой экспедиціи, о шот-
ндскихъ шхерахъ; затѣмъ описываются:
реходъ Нѣмецкимъ моремъ, Бергенъ и
рвежскія шхеры отъ Бергена до Вардэ.
о второй главѣ авторъ говоритъ о встрѣчѣ
съ Виггинсомъ, опытнымъ полярнымъ море-
плавателемъ, не разъ ходившимъ на Енисей;
о Вардэ—послѣднемъ европейскомъ портѣ,
затѣмъ о переходѣ до Югорскаго Шара и
плаваніи въ Карскомъ морѣ. „Мы пересѣкли
Карское море. Впереди предстояло считаться
только съ невѣрными картами и бурными
погодами. Могучій врагъ—ледъ, для борьбы
съ которымъ мы не имѣли (ни) силъ, ни
средствъ, остался далеко позади. Наступилъ
мертвый штиль“. Въ третьей главѣ описы-
вается отдѣльное плаваніе „Лейтенанта Ма-
лыгина“ и соединеніе съ эскадрой въ Голь-
чихѣ; далѣе говорится о плаваніи главнаго
отряда. „30-го августа въ Гольчихѣ первый
разъ за время ея существованія торжественно
праздновался день тезоименитства Государя
Императора“. Далѣе въ этой главѣ говорится
о гибели баржъ и аваріяхъ судовъ экспе-
диціи, а также о результатахъ экспедиціи.
„Результаты не блестящіе, но мы—можетъ
быть немного эгоистично—радовались хотя
тому, что часть предпріятія, порученная
непосредственно военному флоту, удалась
вполнѣ“. Послѣдняя, четвертая глава содер-
житъ въ себѣ описаніе отплытія изъ Голь-
чихи и послѣднихъ штормовъ, затѣмъ гово-
рится о слѣдованіи вверхъ по Енисею (Ко-
реповское, Яковлева, о-ва Бреховскіе, мысъ
Муксунинскій, Луковая протока). Отъ Оси-
новскаго порога, черезъ который нача-
ли переходить утромъ 27-го сентября, до
Енисейска 450 верстъ. „Первое октября.
Вотъ онъ—Покровъ—крайній срокъ нави-
гаціи по Енисею. Однако мы идемъ, хотя и
не Богъ вѣсть какъ хорошо“. „4-го октября
рѣка замѣтно оживилась. Чаще и чаще по-
падаются деревни большія, съ хорошими
церквами“. „Торжественный день 5-го окти-
бря 1893 года начался отвратительной по-
годою. Съ утра мела „залѣпиха“, та самая,
про которую разсказывалъ дѣдъ“. „Въ концѣ
одиннадцатаго часа недалеко впереди смутно
обрисовались очертанія барокъ и пароходо-
довъ. Вслѣдъ затѣмъ снѣгъ началъ быстро
рѣдѣть, метель внезапно прекратилась, и
передъ нами открылся Енисейскъ“. „На слѣ-
дующій день состоялось торжественное мо-
лебствіе въ соборѣ, парадный обѣдъ, вече-
ромъ иллюминація. Со всѣхъ концовъ Россіи
и даже изъ-за границы, гдѣ только были
наши прежніе командиры и товарищи-моряки,
сыпались поздравительныя телеграммы“.

Трудъ В. И. Семенова посвященъ Его
Императорскому Высочеству, генералъ-адми-
ралу, великому князю Алексѣю Александро-
вичу, написанъ прекраснымъ литературнымъ
языкомъ и представляетъ собою интересное
и поучительное чтеніе. Книга снабжена кар-
тою пути экспедиціи отъ Югорскаго Шара
до с. Дудинки, на Енисеѣ, и по внѣшности
издана вполнѣ удовлетворительно.

И. К-ш-ъ.

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

